

Нордическая мифология

Бенджамин Торп

Бенджамин Торп

НОРДИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Москва
"Вече"

Торп Б.
Т59 Нордическая мифология / Бенджамин Торп ; Пер. с англ. Е.С. Лазарева, А.А. Помогайбо, Ю.Р. Соколова. — М. : Вече, 2008. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-1938-6

Поистине волшебны и исполнены вечной тайны предания Севера — о феях и великанах, гномах и гоблинах, о сокрытых кладах: то ли самоцветах и золотых слитках, то ли о сокровищах мудрости...

Уникальный, энциклопедически глубокий труд принадлежит перу знаменитого английского мифолога середины XIX века Бенджамина Торпа, сподвижника братьев Гримм и немецких романтиков. Он не устарел и поныне и станет прекрасным пособием для преподавателей и студентов, да и просто драгоценным подарком каждому ценителю колдовского обаяния древней Европы.

ББК 82.3(41)

Thorpe, Benjamin. Northern Mythology.

ISBN 978-5-9533-1938-6

- © Кондратьев А.В., вступительная статья, 2008
- © Лазарев Е.С., Помогайбо А.А., Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2008
- © ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Андрей Кондратьев

НОРДИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И НАУЧНЫЕ МИФЫ

«БУДЕТ ВИРТ»

Издав год назад первый том серии «*Argiana Mystica*»¹, мы получили по адресу, указанному в конце книги, большое количество писем, из которых следовало, что русские люди (подавляющее большинство корреспондентов были именно русские) имеют к таким темам, как атлантология, лабиринтология, рунология, индоевропеистика и тевтонический мистицизм не то чтобы «сильнейший интерес», — это было бы явным преувеличением, — но какую-то подсознательную и пока ещё даже нечётко формулируемую тягу. Общая тональность писем была такова, что помимо желания увидеть на русском языке как можно большее число исследований по ариософии, за ней угадывалось и другое, намного более отрадное желание, а именно, желание вернуться к своим собственным, многотысячелетним и глубинным корням, используя немецкую и австрийскую ариософию лишь как средство для этого возвращения.

Отсюда проистекало и желание корреспондентов выделять в русском языке и культуре нордический, арийский субстрат (это делалось в стиле Н.Р. Гусевой и С.В. Жарниковой, с отсылками к томам Б. Рыбакова и М. Фасмера), и попытка сопоставления «Влесовой Книги» с «Хроникой Ура Линда», как «одинаково истинных и одинаково фальсифицированных источников» (сама по себе удивительно русская, «нелинейная» формулировка!). И свои предложения по переводу названий германских рун на язык «рун славянских»...

Отписывая очередному корреспонденту дежурное уверение «будет Вирт», нам вдруг на момент показалось, что явление «Вирт» во многом предопределено самим настроением, и если его долго ждут, если о нём долго думают и тоскуют, значит, действительно «будет Вирт» — Вирт как явление, сопоставимое с возрождением традиции Севера и во многом предчувствованное в тенденциях немецкого романтизма.

¹ *Вирт, Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем. Кондратьев А.В. — М.: Вече, 2007.*

ПРАРЕЛИГИЯ — ТАЙНА РОМАНТИЗМА

Но не только немецкого!

Подобно тому, как ариософия пришла из Австрии, утвердившись затем в Германии и даже в Румынии², точно так же и романтизм возникал и утверждался не в одной лишь Германии, но попутно и в Англии, и в ряде других стран. Вопреки убеждениям односторонних германофилов, «есть единый романтизм, французский ли это будет романтизм или немецкий, хотя единство это далеко не всегда сразу же для нас доступно»³. Француза Артура де Гобино, немца Пауля де Лагарда и англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена — что их объединяет?

На самом деле, не так уж и много. И, тем не менее, Герман Вирт называет их своими предшественниками, добавляя в «генеалогию» англоязычного индуса Бала Гангадхара Тилака, открывшего миру тайну полярной Прародины... Все они, безусловно, имеют отношение к некоему «корневому мифу», по сравнению с древностью которого древность «арийцев и евреев», «белых и чёрных» или «франков и галлов» (Гобино) имеет значение второстепенное.

В лингвистике этому «корневому мифу» сегодня соответствует понятие «ностратика», в этнологии — понятие «автохтонов», в религиоведении — факт «Прарелигии». Это — тот самый уровень древности, исходя из которого, становятся понятными все последующие различия, локальные языки, предания и этносы.

Именно по этой причине работу великого английского романтика и специалиста по северным сагам Бенджамина Торпа (1782—1870) мы решили представить небольшим экскурсом в теорию Прарелигии, а также рассказом о том, как те же самые нордические мифы, о которых говорит Торп, будут усвоены и обоснованы в ариософии — этом естественном продолжении всего европейского романтизма.

БИОГРАФИЯ ТОРПА

Прежде чем перейти непосредственно к Прарелигии, необходимо рассказать о Бенджамине Торпе, авторе трёхтомной «Нордической мифологии», помещённой в нашем издании под одну обложку.

Родившись в 1782 году, Бенджамин Торп получил фундаментальное образование в Копенгагенском университете. Его наставником в изучении древних текстов был датский филолог Расмус Кристиан Рэск (Rasmus Christian Rask), благодарностью к которому проникнуты многие, даже поздние, сочинения Торпа. После окончания четырёхлетнего курса в датском университете Торп возвращается в 1830 году в свою родную Англию, где уже через два года выходит его первый научный труд — английская версия Кэдмоновского метрического парафраза отдельных пассажей Священного Писания. Поэзия, мифология, библеистика... Одним словом, как выражались в тогдaшнее время — «науки о духе» или, ещё короче, — «филология».

Ещё через два года наш филолог радуется мир новым своим детищем под названием «*Analecta Anglo-Saxonica*». Эти англосаксонские хроники на долгие годы станут

² Именно это, сама того не до конца понимая, пытается показать французская журналистка, разоблачая «трёх великих румынов». *Ленель-Лавастин, Александра*. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. — М.: Прогресс-Традиция, 2007.

³ *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. — СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 110.

главным подспорьем всех английских медиевистов. А из-за идеального литературного стиля по ним будут изучать английский язык те же немецкие романтики. Одновременно внимание Торпа переключается на правовую документацию, которая в интересующий нас период (Средние века и чуть позднее) была сплошь прошпигована сакрально-традиционными элементами, изучение которых без добротного знания первоисточников было бы невозможным. А потому Торп с присущей ему усидчивостью начинает переводить один первоисточник следом за другим, благо хорошее образование, наличие в запасе свободного времени и желание приоткрыть миру тайны английского духа это ему позволяют.

Так появляется на свет том «Древних законов и установлений Англии» (Ancient Laws and Institutes of England, 1840), бывший, по сути, английским переводом законов англо-саксонских королей, а также серии «Англосаксонских хроник» (1861) и «Diplomatarium Anglicum aevi saxonicum» (1865) — собрание раннеанглийской правовой документации.

ЭДДА И БЕОВУЛЬФ

И все же не в этом, совсем не в этом лежала главная идея Торпа. Его взгляд устремляется в сторону народных преданий. Именно там, в этих мифах, легендах и сказках, находит Торп главное обоснование своего многолетнего труда. За прожитые им 88 лет Бенджамин Торп сделал для сравнительной мифологии Европейского Севера намного больше, чем нередко за целое столетие делает какой-нибудь «институт этнологии». Начнём с того, что именно он первым издал англосаксонскую поэму «Беовульф» (1855), именно он, Бенджамин Торп, первым перевёл на английский язык «Священные Евангелия англосаксов» (1842), а также — и в этом его основная заслуга перед «нордической мифологией», как её начинали понимать на Альбионе — именно Торп перевёл на английский язык исландскую «Старшую Эдду», и произошло это в 1866 году.

Этим, пожалуй, можно было бы ограничиться. Но Торп был не таков. Он вошёл в «переводческий раж» (есть такое понятие у профессиональных переводчиков — чувство, чем-то родственное берсеркистскому «Wut»⁴, хотя и от него отличное), и перевёл на английский язык также книгу доктора Лаппенбурга под названием «History of England under the Anglo-Saxon Kings» (1845).

Самое же известное произведение Торпа вы держите в руках. Три увесистых тома, из которых каждый готов по глубине и обширности посоревноваться с «Немецкой мифологией» Якоба Гримма (1835), из которой, кстати, отдельные ключевые сюжеты Торповской энциклопедии были творчески позаимствованы. Не забудем и о других величайших немецких германистах, работы которых так или иначе преломились или «были предвосхищены» (что с учётом нашего тезиса о единстве романтизма, по существу, роли не играет) в сочинении Торпа. О них следует рассказать в связи с теорией Изначальной Религии, столь многое позволяющей объяснить в пространной энциклопедии Бенджамина Торпа. Речь пойдёт о смысле язычества.

⁴ Ярость, неистовство (нем.). Подробно описано в работах немецкого германиста Отто Хёфлера.

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ СНОВИДЕНИЕ

Смысл германского язычества на сегодня можно считать утраченным, и не в последнюю очередь благодарить за это следует тех, кто его изучал. Если не вспоминать об архитектуре (которая у германцев была, но была в основном деревянной), то первейшими нашими источниками оказываются древнеримские этнографы вроде Тацита¹, видевшие в германцах в лучшем случае образчики «благородного дикарства».

Достойные уважения за своё благородство, германцы были презираемы за свою «дикость», вернее, за то, что могло показаться диким при определённом ракурсе — при просмотре сверху вниз. Тысячу лет, или чуть меньше, германцы пребывали внизу. Вплоть до начала XX века их репутация варваров, созданная римскими историками и подкрепляемая незнанием культовой символики и археологии, оставалась вполне актуальной. «Нас называют варварами, — жаловался, к примеру, Вернер Зомбарт в своей книге о немецком социализме. — Хорошо, мы превращаем это бранное название в почётное: мы — варвары и гордимся тем, что являемся ими и стремимся ими остаться. Мы ещё молоды, готовы ко всему новому. Мы знаем, что сможем выполнить наше призвание только в далёком будущем»⁶.

Сегодня, когда книги по «Возрождению Языческих Традиций» становятся частью моды, терапевтически полезным было бы взглянуть на предысторию того, что основатель «Аненэрбе» проф. Герман Вирт называл «нордическим пробуждением» (*das nordische Erwachen*)⁷ — посмотреть сквозь историю религии без желания кого-либо осудить или реабилитировать.

Для начала представим себе ситуацию: мы видим очень красивое сновидение. Там много фактов, все они переплетены, имеют какую-то сложную сюжетную канву, в русле которой мы испытываем внутреннее восхищение, ни на минуту не сомневаясь в реальности происходящего. Затем мы просыпаемся, и долгое время всё собираем воедино, вытаскивая из памяти мельчайшие подробности. Разумеется, наше ощущение от того, что происходило во сне, будет уже другим. Мы перестали быть героями — мы превратились в историков. В какие-то считанные минуты реальные события жизни превратились сначала в белый лист, затем всё это стало эскизом, а эскиз перерос в картину. Стоп. Чем более мы в неё вглядываемся, тем яснее мы понимаем, что это — уже не сон, а если не «сказка, сделанная былью», то, по крайней мере, какая-то сказочная мутация того, что во сне было для нас единственной былью и единственно представимой реальностью. Получается, что момент нашего пробуждения был скорее моментом утраты, но при этом — и вот в чём хитрость — если бы мы не пробудились, нам не удалось бы создать картину, становящуюся по прошествии времени единственным доказательством нашего сновидения.

ДВА ТОПОРА ТУИСТО

Отслеживая в истории эпохи «нордического пробуждения» — сначала в религии Эона ИАО и в Явлении Спасителя и Сына Божия в эпоху мегалитических гробниц, затем — в «нордической Реформации» Мартина Лютера, наконец — в зародышах символично-

¹ Тацит, Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит. Сочинения в 2-х томах. Т. I. Анналы. Малые произведения. — Л., Наука, 1969.

⁶ Sombart, Werner. Deutscher Sozialismus. Berlin, 1934, S. 160.

⁷ Wirth, Herman. Was heißt deutsch? Ein urgeistesgeschichtlicher Rückblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939.

исторического метода палеорелигиозной реконструкции⁸, Герман Вирт постоянно напоминал о подвижности мифов относительно более надёжной реальности священных символов, значение которых может оставаться неизменным на протяжении многих тысячелетий. Вот лишь один пример: Тацит рассказывает о том, что германцы высоко чтили некоего «порождённого землёй Бога Туистона» (*Germania*, сар. 2). Из того, что от этого Туистона-Тевта, по пересказанной Тацитом легенде, происходят все германцы, многие заключили, что Туистон был двуполым, что, как правило, мотивировали его же этимологией (Туи-Тиу-Диу-Дуо и т.д.). По Вирту, это абсурд — сделать из главного Бога германцев «ближневосточного андрогина» (так у Вирта⁹) только на том основании, что этот Бог именуется «двойным». Обращаясь к древнейшим нордическим символам, Вирт показывает, что Туисто «двойной» оттого, что он приходит в наш мир в точке раскола — рогатый, на двух кораблях, с одной рукой, опущенной вниз и другой — воздетой вверх.

Иногда в наскальных рисунках Севера (около 25 000 лет до Р.Х.) та же религиозная идея передаётся в форме двух топоров. «Год — это Крест, — говорит Вирт, — а Крест — это два Топора, Крюка. Когда Крест из Крюков замыкается, то Год, годовой путь¹⁰ Солнца закончен. Колесо Кельтского Креста стоит на месте. Это — Поворот Света и Жизни. Но когда Год, годовой путь Солнца, начинается снова, тогда начинается новый годовой путь и новая жизнь, и тогда Крест открывается, Колесо из Креста превращается в Два Топора, лезвиями смотрящие в разные стороны и делящие Год надвое, дающие ему новый годовой путь и новую Жизнь»¹¹.

В реконструированной Виртом календарной теологии народов Севера мы встречаем не одного, а сразу трёх Спасителей. Учёный говорит, что в древнейшей культовой символике атланта-нордической расы было как минимум три архетипа, три классические формы, отображавшие образ Сотера — и формы эти зарождались от Календаря, бывшего центром всех ритуалов. В том числе, ритуалов Двойного Топора, Лабарума-Лабриса.

Первый Спаситель являлся в Полночь. Это — Спаситель Зимний, образ Юла. Он изображается с поднятыми руками в виде руны Мадр. Это — «Гусиная Лапка», Человек Зимнего Солнцестояния. Затем, в Летнее Солнцестояние, являлся другой Спаситель — Небесный Царь с вытянутыми в разные стороны руками (+), идентичный расколотому надвое Году (образ Туата — Двойного).

Но затем являлся и Третий. «Младший вовсе был дурак» — это не про Него, хотя отчасти и про него. Дело в том, что именно Он и есть Нисходящий в Кенозисе (то есть, в Кеному, кто понимает) Спаситель Страдающий, Умиравший, Человек с опущенными руками. У германцев, (чтобы не наговорить ересей) этого Третьего Посланника звали Тюрор или Ульором. Он же — Тиу, Циу, Дьяус, Деус и т.д. Руки Его, опущенные вниз, были руками смирения — для смиренных, но также и образом знаменитого Копья Судьбы¹².

⁸ *Wirth, Herman*, Prof., Dr. Europäische Urreligion und die Externsteine. Wien. Volkstum-Verlag Wilhelm Landig, 1980, S. 18 ff., *Wirth, Herman*. Was heißt deutsch? Ein urgeistesgeschichtlicher Rückblick zur Selbstbesinnung und Selbstbestimmung. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939. S. 21.

⁹ *Wirth, Herman*. Was heißt deutsch? S. 20.

¹⁰ От немецкого «Jahrgang» (годовой путь) происходит, возможно, севернорусское название свастики — Ярга. — *Прим. А.К.*

¹¹ *Wirth, Herman*, Prof., Dr. Europäische Urreligion und die Externsteine, S. 34.

¹² *Lothar, Helmut*. Neugermanische Religion und Christentum. Gütersloh, 1934, S. 22. *Höfler, Otto*.

В одном случае мы имеем здесь какое-то странное дохристианское Откровение о Троичности Бога, бывшее, по Вирту, источником не только христианского богословия, но также и более поздней религии вотанизма. В другом — это только случайное совпадение, но тогда возникает вопрос — почему подобных совпадений так много? Почему все они так или иначе говорят о предвосхищении христианства в древнегерманской языческой религии?

ДРЕВНЕГЕРМАНСКАЯ ТРОИЦА

На одном из петроглифов Швеции эта Прагерманская Троица выглядит следующим образом: некие два Бога — один, очевидно, однорукий, другой, по всей видимости, двурукий, крутят большое кельтское колесо. Поясняя это изображение, Готтфрид Шпанут («Древнегерманская религия и христианство») выстраивает целую таблицу касательно того, какими именами этих Богов следует называть и какие функции в ритуале им, вероятно, соответствуют¹³.

С помощью этой таблицы Г. Шпанут (не путать с Юргеном Шпанутом, жившим несколько позже, хотя и писавшим на те же темы) объясняет предельно много. Даже «Солнечный Храм Стоунхенджа» оказывается у него пятью трилитами, каждый из которых есть пустой Божий Трон, место присутствия Трёх Богов, правивших пятью планетами в пространстве и пятью днями недели — во времени.

Эта языческая Троица, знаменующая Солнце Непобедимое в трёх Его аспектах («Солнце Побеждающее», «Солнце Умирающее» и «Божество Земли») была отнесена автором к эпохе неолита (около 2000 лет до Р.Х.) и разобрана в соответствии с данными историков. В одном случае (данные археолога Густава Коссины), это были «Бог Молота», «Бог Копья» и «Бог Однорукий», то есть, Донар, Вотан и Тиу. В другом (информация Цезаря) — Сол, Вукан и Луна (Нертус или Тиу). В третьем (сообщение Тацита) — Геркулес, Меркурий и Марс, соответствующие Фрейру, Вотану и Тиу в их римской интерпретации. «Кроме того, эти боги до конца язычества имели в Швеции, в Упсале, общий храм; его посетили германские путешественники, и его, так же как и некоторые из происходивших там церемоний, по их впечатлениям, описал Адам Бременский»¹⁴. По версии Дюмезиля, эти три верховных германских Бога олицетворяют собой три индоевропейских сословия, а именно: жречество, воинство и крестьянство. Имеющиеся у нас сообщения историков, например, что от каждого из Богов происходило своё германское племя (ингевоны — от Донара, истевоны — от Вотана и ирмионы — от Тиу), вряд ли способны подтвердить гипотезу Дюмезиля. Речь шла, по видимости, о чём-то другом...

ПРАРЕЛИГИЯ «ВИХИНАЙ»

Если вернуться к метафоре сновидения, то религия древних германцев — это своего рода сон на тему ушедшего ритуала. Нам уже не понятно, с какой целью Однорукий с

Das Germanische Kontinuitätsproblem. Hamburg, 1937; *Равенскрофт, Тревор*. Копьё Судьбы. — СПб.: Амфора, 2006.

¹³ *Spanuth, Gottfried*. Die altgermanische Religion und das Christentum. Mit 14 Abb., Göttingen, 1934, S. 23 ff.

¹⁴ *Дюмезиль, Жорж*. Верховные Боги индоевропейцев. — М.: Наука, 1986. С. 138.

Двуруким вращали своё Колесо. Миф о руке, откушенной у Однорукого Волком Фенриром — это всего-навсего метафора. В какую сторону Колесо вращалось — это нам тоже не совсем понятно. Древний прагерманский ритуал куда-то ушёл, каменные гробницы были оставлены, а Боги наскальных рисунков крепко заснули, чтобы проснуться в виде Богов германских.

Это совсем не смерть, так как смерть у Богов отсутствует. То, что ошибочно принимают за «Гибель Богов» — это лишь сумерки, сон, в который время от времени впадают целые пантеоны. Этот процесс далеко не трагичен, так как не является необратимым, и не морален, так как вполне естествен. Он — далеко не «последствие греха»¹⁵, наоборот, с нордической точки зрения «грехом» было бы отступление от Судьбы и желание Богов избежать неизбежного¹⁶.

Если развивать далее идею «Божественных засыпаний» (по образцу «Дня и Ночи Брахмы» и легенды о спящем Императоре), то можно прийти к выводу, что нордическая религиозность, при всём своём внутреннем единстве, засыпала к новому пробуждению как минимум несколько раз. Этот момент подробно описан у австрийского мистика и религиоведа Гвидо фон Листа (1848—1919) в его исследовании «Религия ариогерманцев в её эзотерике и экзотерике». Там изложена необычайно интересная концепция, проясняющая все повстречавшиеся нам затруднительные моменты: наличие у германцев идеи Спасителя и Троичности Бога, наличие в Стоунхендже пяти трилитов и их связь с календарными ритуалами и Праязыком. Кроме того, у Листа мы также находим детально продуманную теорию трёх сословий, задолго до Дюмезиля отвечающую на многие поставленные им вопросы.

В общих чертах теория Листа выглядит следующим образом. Изначально существовала древняя Wihinei («Вихинай»). Так называлась общая для всех индоевропейцев единая Прарелигия, бывшая непосредственным Откровением Единого Бога-Андрогина, Общего Истока всего сущего. Если говорить об эпохе листовской Прарелигии языком последующего религиоведения, то можно сказать, что это была эпоха изначального монотеизма, память о которой можно обнаружить в самых разных мировых и этнических религиях. Достаточно вспомнить одного только священника, Вильгельма Шмидта (1868—1954), жившего в той же Вене, что и Лист и написавшего на тему изначального монотеизма целых 12 толстых томов («Происхождение идеи Бога») ¹⁷. Это была по-своему отчаянная попытка реконструкции первобытной веры в Единое Верховное Существо, исходя из одних лишь этнологических описаний сохранившихся древних культов. Верования австралийских, североамериканских и прочих аборигенов представляли у Шмидта в виде своего рода «дохристианского христианства», подтверждающего истинность матери католической церкви, верным сыном которой о. Шмидт и являлся.

У Листа всё обстояло совсем по-другому. Никаких религий кроме древнейшей ариогерманской «Вихинай» он вообще не признавал, проводя различие между Вихинай как ре-

¹⁵ Момент, хорошо обоснованный Андреасом Хойслером: *Heusler, Andreas. Die Herrenethik in der isländischen Saga, und Altgermanische Sittenlehre // Germanentum. Berlin, 1921.*

¹⁶ *Гюнтер, Ганс. Религиозность нордического типа. (5-е изд., 1943) // Гюнтер, Ганс. Избранные работы по расологии. — М.: Белые альвы, 2002. С. 272; Гюнтер, Ганс Ф.К. Индоевропейская религиозность. — Тамбов: Полус, 2006. С. 38.*

¹⁷ *Wanderfels, Hans. Wilhelm Schmidt (1868—1954) // Klassiker der Religionswissenschaft von Friedrich Schleiermacher bis Mircea Eliade. Hg. von Axel Michaels. München, 1997. Schmidt, Wilhelm. Der Ursprung der Gottesidee. 12 Bde, 1912—55; Элиаде Мирча. Ностальгия по истокам. — М.: ИОИ, 2006. С. 45—53.*

лигией и так называемыми «религиозными системами» (Religions-Systeme), которые создаются современниками — для современников и соплеменниками — для соплеменников (von Zeitgenossen für Zeitgenossen, von Artgenossen für Artgenossen) и соответствуют лишь потребностям времени и племени, так никогда и не достигая возвышенной цели — стать Религией для всего мира — такой религией, какой в своё время была древняя «Вихинай»¹⁸.

Древнегерманский корень *wih*, от которого происходит понятие «*Wihinei*», ясен не до конца. В обстоятельной книге «Священное у германцев», написанной одним из крупнейших германистов XX века Вальтером Бэтке, этот корень толкуется как «кольцо». Что за кольцо? — на этот вопрос Бэтке в растерянности приводит множество авторитетных версий, демонстрирующих наличие серьёзной проблемы, но в корне ничего не объясняющих. Кольцо *wih* — это либо «священный предмет», о культовой роли которого остаётся только гадать, либо «храмовое сокровище готов» (а заодно, быть может, и Нибелунгов?), либо «отличительный знак царей и жрецов», либо (совсем несерьёзно, но любопытно) «дверное кольцо храма». Кстати, во многих храмах Скандинавии действительно имелись дверные кольца, смотреть же об этом можно в «Хаймскрингле» (I: 370). Намного интереснее гипотеза с клятвой, при принесении которой выдавалось особое «инициатическое кольцо»¹⁹.

ЗАКОН ТРЁХ СТАДИЙ

По версии Листа, «Вихинай» с незапамятных времён передавалась в кругу посвящённых, и различные версии нордических мифологий, содержащие предания о множестве Богов — это лишь гулкий отзвук некогда единой Религии, бывшей строго монотеистической и претерпевшей на пути «вотанической деградации» три основных изменения. Эти три изменения стали основой трёх религиозных эпох, каждой из которых соответствовала своя культовая система.

Первая эпоха, с которой начинается деградация Вихинай, — это эпоха трансформации предечного Бога-Андрогина (Суртура или Великого Духа) в муже-женского гермафродита и Автогена, то есть Бога, породившего самого себя. Отголоски этого превращения имеются во множестве древних культов, и мы не будем на этом вопросе останавливаться.

Затем наступает вторая стадия. Это эпоха Солнечной Девы, девственной Рожаницы, Женского Божества, непорочно рождающего Бога-Сына. Речь шла у Листа о времени весьма отдалённом, память о котором сохранили одни лишь резные фигурки граветтйской культуры (так называемые «неолитические Венеры»), а также отдельные мотивы эддических песен²⁰ или славянской народной вышивки²¹.

Третья стадия: эпоха вотанического политеизма, начало которого было положено в превращении различных аспектов Единого во множество отдельных Богов и Богинь. Так образовывался пантеон вотанизма — нордической религии эпохи патриархата. Любопытно, что понятию «вотанизм» Лист постоянно противопоставляет другое по-

¹⁸ List Guido von. Der Übergang vom Wuotanismus zum Christentum. Leipzig und Zürich. 1911, S. 12—13.

¹⁹ Bätke, Walter. Das Heilige im Germanischem. Tübingen, 1942, S. 89. Ганина Н.А. Готская языческая лексика. — М.: МГУ, 2001. С. 64—80.

²⁰ Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. — М.: Индрик, 2005.

²¹ Жарникова С.В. Архаические корни традиционной культуры Русского Севера. — Вологда: МДК, 2003. С. 2—48.

нятие — «арманизм». Если вотанизм — это, собственно, «нордическая мифология», то есть остатки религии и обычаев простых северогерманских крестьян, то арманизм — это религия духовной элиты, которая даже в самое тёмное время забвения древней Вихиной²² оставалась верна Единой Религии. С эпохой раскола и расслоения Вихиной арманизм сохранил её эзотерику, вотанизм же явился экзотерической стороной той же самой древнейшей Религии. Это были как бы две руки единой Прарелигии, «высшая» и «низшая» мифология, говоря языком Вильгельма Шварца²³.

На третьем этапе деградации Вихиной произошла очередная фундаментальная подмена, состоявшая в том, что «арманические обозначения качеств превратились в вотанизме в собственные имена Богов»²⁴. Так появился политеизм. Затем, в довершение всех бед и в угоду грубейшей чувственности, эти Боги стали изображаться по образу и подобию человеческому — так, как они никогда не изображались. В этом и состояла главная особенность периода вотанизма — предельная очеловеченность (антропоморфность) божественных образов — то, чего не было в эпоху Предвечного Андрогина и что постепенно намечалось лишь на второй стадии, в эпоху Солнечной Девы²⁵.

ПЕРЕХОД ОТ ВОТАНИЗМА

Единственными хранителями Истины в эпоху торжества вотанизма оставались нордические арманы (средневековые герольды, рыцари Храма и люди из союза «Фемы»), на протяжении многих столетий оказывавших противодействие вторжениям иррелигиозности, а также низменно-шаманского и романского духа, бывшего для германцев тлетворным и разлагающим. Никаким «вотанистом» Лист, разумеется, не был, так что все упреки по этому поводу, исходившие от Германа Вирта²⁶, Ганса Гюнтера²⁷ и других авторов, можно считать бесосновательными. Наоборот, Листа объединяет с Виртом искреннее желание восстановить облик изначального монотеизма (почитание Бога как Всеотца), с Гюнтером — систематизация общеиндогерманских универсалий, проявивших себя в истории и религии.

Главная мысль арманизма, без усвоения которой всё дальнейшее будет бессмысленно, — это идея Троичности как всеобщего Закона, лежащего в основе всего мироздания.

²² У Листа встречается различие между двумя разными «Вихиной», а именно, «Древней Вихиной», в качестве Прарелигии, и просто «Вихиной» — в смысле обычного колдовства. Первая существовала задолго до религии Вотана, вторая же появилась из вотанизма как его магическое продолжение. Первая, предвотаническая Вихиная, есть Религия до и по ту сторону эзотерики и экзотерики, вторая же — это выродившийся «финский» шаманизм, чисто экзотерическая колдовская система, набор действенных практик и заклинаний. (*List Guido von. Das Geheimnis der Runen. 5. Aufl., Wien, 1938, S. 53*). Понятие «Викка», восходящее к тому же самому корню, соотносится именно с последним значением «Вихиной».

²³ *Schwartz, Wilhelm. Der heutige Volksglaube und das alte Heidentum. Berlin, 1849, Schwartz, Wilhelm. Indogermanischer Volksglaube. Berlin, 1885.*

²⁴ *List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik. Leipzig und Zürich. 1910, S. 15.*

²⁵ Про эти три стадии деградации древней Вихиной Лист говорит, как кажется, только в одной своей книге: *List Guido von. Die Religion der Ario-Germanen in ihrer Esoterik und Exoterik. Leipzig und Zürich. 1910, S. 7—10.*

²⁶ *Вирт, Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем. Кондратьев А.В. — М.: Вече, 2007, с. 326, 367, 389, 515.*

²⁷ *Гюнтер, Ганс Ф.К. Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. — М.: Белые альвы, 2005, с. 96.*

Эта Троичность есть всеильный принцип *Рождения — Бытия — Умирания ради Возрождения*, символически представленный в мифообразе германской Троицы (Один — Вили — Ве; Урд — Верданди — Скульд; Вотан — Тиу — Донар, и т.д.) и являющийся ключом к «виртовской» идее Троичности Спасителя.

Кроме того, этот закон «Entstehen—Sein—Vergehen zum Neuerstehen» был, по Листу, также основой германского общества, разделённого на три сословия, ошибочно принимаемые за три племени²⁸. Это были мудрецы (Lehrstand), сословие тех, кто учит, хранит ритуалы (Рита), — духовный цвет народа — его ирмионы или арманы (семаны). Затем, сословие воинов (Wehrstand), тех, кто защищает, — истевоны. И также сословие крестьян-фермеров (Nährstand) — ингевоны. Первые представляли на Земле идею Рождения, вторые — идею Бытия-Пребывания, третьи — идею Распада и Умирания. Все три сословия отражали различные «лики» Бога — того самого Триединого Спасителя, веру в Которого постарался обосновать на материале петроглифов Герман Вирт.

В конце XIX века один необычайно талантливый филолог по имени Софус Бугге (1833—1907) на материале Эддических текстов старался доказывать, что вся вера германцев и «нордическая мифология» есть явление необычайно позднее, постхристианское, и во многом обязанное своим происхождением, с одной стороны, — греко-римской античности, а с другой — теологии христианства и иудаизма. От греков, из «Сивиллиных оракулов», появились «Прорицания Вёльвы», от иудеев периода Второго Храма — апокалиптический настрой и образы Рагнарёка, от христиан — вера в умирающего и воскресающего Бальдра, в распятого на Мировом Древе Одина и т.д.²⁹ Эта идея Бугге была воспринята в науке и доведена до абсурда сначала немецким исследователем Элардом Гуго Майером (1837—1908), а затем — финским специалистом по фольклору Каарле Кроном (1863—1933). Разумеется, у приверженцев германского мифа эта попытка его «разобрать» и «деконструировать» вызывала лишь отторжение.

Чтобы «бороться с врагом его же оружием», северные почитатели Одина брали найденные филологами совпадения и старались обосновать то же самое заимствование, только в другую сторону. Так, например, поступили Ф.Р. Шрёдер — в «Германстве и эллинизме»³⁰ и Фридрих Дёллингер (он же — Герман Виланд, он же Йенс Юргенс, он же Ганс Лиенхардт, он же Карл Вайнлендер) — в книге «Бальдр и Библия»³¹. Эти авторы просто показали, что не Бальдр пришёл с Востока, а как раз наоборот, именно германское почитание Бальдра — единственного идеального персонажа на всю нордическую мифологию — стало истоком различных ориентальных и эллинистических представлений об умирающем и воскресающем Боге.

У других авторов, как, например, у норвежского неоязычника Варга Викернеса, та же самая идея заимствования (как в ту, так и в другую сторону) отвергается в принципе: «Много раз я обнаруживал теорию о том, что история о том, как Один повесился на Иггдрасиле — только копия мифа о том, как Иисус был распят (или посажен на кол, как

²⁸ List Guido von. Die Armanenschaft der Ario-Germanen. Leipzig, o. J., S. 4.

²⁹ Изложение его концепции содержится в работе: Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 73 ff.

³⁰ Schröder F.-R. Germanentum und Hellenismus. Heidelberg, 1924.

³¹ Döllinger, Friedrich. Baldur und Bibel. Weltbewegende neue Enthüllungen über die Bibel. Germanische Kultur im Biblischen Kanaan und Germanischem Christentum vor Christus, kürzere Volksausgabe, Nürnberg, 1920.

говорили позже). Это не так. Один повесился сам — Иисус был повешен; Один пронзил себя копьем — Иисуса пронзил римский солдат; Один висел на верёвке — Иисус был крепко прикован; и наконец, Один висел на дереве один, в то время как Иисус висел со многими другими. И результат повешения различен: Один вошёл в состояние между жизнью и смертью, в то время как Иисус умер для того, чтобы позже восстать из мертвых и опять умереть (если он вообще умер на кресте). Один же жил дальше. Он научился рунам с их другой стороны, со стороны смерти <...>. В то время как Один висел девять дней и девять ночей, Иисус висел только один день (и ночь?)»³² и т.д.

Позиция Листа и других авторов арманического круга (Рудольфа Йона Горслебена, Филипа Штауффа, Вернера фон Бюлова и т.д.) была намного оригинальнее. С одной стороны, все они, так или иначе, вышли из недр католической традиции и пытались по отношению к христианству сильнейшую симпатию. В нём они видели продолжение арманизма — в этом отношении особенно интересна идея фон Листа, что христианство как «религиозная система» (Religions-System) имеет в своей основе «запакованную» Вихинай — это эзотерическое ядро различимо наиболее чётко в писаниях тевтонских мистиков (Бёме, Экхарт, Таулер), а также в символике христианских храмов, несущей в себе колоссальный и совершенно неисследованный арманический потенциал.

Помимо основополагающей для Вихинай идеи Троичности, в христианстве присутствуют также все три выше описанные стадии перехода от Вихинай к религии Вотана: учение о Безначальном Отце («Протобог Андрогин» вотанизма, ставший позднее Альфатером), учение о Единородном Сыне и Непорочной Деве, «неискусомужно» Его родившей, а также трансформированные варианты различных Божеств, надёжно укрывшихся под именами святых и небесных «чинов».

РИТУАЛЬНЫЕ МАСКИ ВОТАНА

В то время как церковные проповедники создавали свою официальную версию германской древности (почитание бесов под именем Богов, повальная одержимость нечистой силой и т.д.³³), в так называемом «народном христианстве» вся латинская казуистика значила крайне мало. Вместо этого продолжали совершаться ежегодные ритуалы («Рита арио-германцев» — по выражению Листа), говорящие нам о том, что древние Боги всего лишь «заснули», замаскировавшись под святых христианской церкви.

Наиболее характерный пример подобного псевдоморфоза — это культ святого Николая Мирликийского, день памяти которого в точности совпадал с днём празднования Великого Юла — зимнего солнцестояния. В дохристианскую эпоху это был день Одина, почитавшегося, в том числе, в качестве духа приливов. Отсюда происходит одно из наименований (кеннингов) Одина, звучащее как «Никарр» или «Хникарр» и упоминаемое в третьей главе *Gylfaginning* из Младшей Эдды³⁴. Как показал верховный жрец «Общины германской веры» Геза фон Неменьи³⁵, из индоевропейского корня «neigu», связанного с

³² Вукернес, Вагн. Речи Вагна (Vargsmal). — Б.м., 2002. С. 175—176.

³³ Achterberg, Herbert. Interpretatio christiana. Verkleidete Glaubensgestalten der Germanen auf deutschem Boden. Leipzig, 1930.

³⁴ На это же совпадение указывал Якоб Гримм (Bd. I, S. 457) и доктор Вонбун (Vonbun, F.J. Beiträge zur deutschen Mythologie. Chur, 1862, S. 18).

³⁵ Neményi, Géza von. Nikolaus — ein heidnischer Gott // www.Domhain.de/ggg/artikel/index.php.

«омовением», происходит не только эпитет Вотана, но также и различные имена водяных (старонемецкое «*nischus*», шведское «*näck*» или немецкое «*Nöck*»). Имя святителя Николая было наложено на уже имевшийся комплекс языческих представлений, и потому в его житии мы читаем о всевозможных чудесах, связанных именно с водной стихией — миром Вотана-Водина³⁶.

В своей замечательной книге «Германские Боги и герои в христианскую эпоху» Эрих Юнг приводит страницу из средневековой книги с изображением таблицы предков англосаксонских королей. И хотя эти короли, — позволяет себе иронию Юнг, — были примерными христианами, они, тем не менее, повелели изобразить себя в виде прямых потомков Бога Вотана³⁷.

Подобное обожествление собственных правителей, возведение их генеалогий к Богам и Героям, было характерно для всех традиционных обществ. В Древнем Египте фараон почитался как воплощение Маат (Божественной Истины-Справедливости), что по сути идентично иранским представлениям о царях как носителях Хварно. Фараоном был Первый Бог Атум-Ра, и от него происходили все последующие фараоны, после смерти своей возносящиеся обратно на Предвечные Небеса³⁸. В кокка синто («государственном синтоизме») Японии Император до 1945 года почитался как воплощённое на Земле Божество из солнечного рода Аматерасу, и только в 1946 году, в лице правителя Хирохито, он отрёкся от своего небесного происхождения³⁹.

Точно также и Нортумберийские короли, согласно опубликованному Бенджамином Торпом переводу древних англосаксонских королевских хроник, происходили напрямую от Бога Вотана. «Ида был сыном Эоппы, Эоппа — Эсы, Эса был сыном Ингви, Ингви — Ангевита, Ангевит — Алока, Алок — Бенока, Бенок — Бранда, Бранд — Бэлдэга, Бэлдэг — Вотана, а Вотан — Фреотелафа»⁴⁰.

В своей книге «История Англии во времена англосаксонских королей» (1845) Торп попытался проанализировать этот загадочный материал, а чуть позже стали появляться переведённые на современный английский язык первоисточники: сначала изданные Торпом «Англосаксонские хроники» (1861), а затем и подготовленные У.-Ф. Скини «Хроники пиктов и скоттов» (1867). Однако у англосаксов не доставало метафизической глубины, чтобы постигнуть эту проблему так, как постигли её немцы. Принцип построения исследований того же Торпа больше напоминает складывание фактов в интеллектуальную копилку, нежели попытку найти им духовное осмысление. В этом от-

³⁶ В народном православии, где Никола нередко выступал в качестве четвёртой Ипостаси Св. Троицы, он являлся заменой Велеса, связанного с земными водами. См. подробнее: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). — М.: МГУ, 1982. С. 7, 80—84.

³⁷ *Jung, Erich. Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit. Urkunden und Betrachtungen zur deutschen Glaubensgeschichte, Rechtsgeschichte, Kunstgeschichte und allgemeinen Geistesgeschichte. 2. Aufl., München-Berlin, 1939, S. 17.*

³⁸ *Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий.* — М.: Критерион, 2002. С. 87—93; *Кеес, Герман. Заупокойные верования древних египтян. От истоков до исхода из Среднего Царства.* — СПб.: Летний Сад, 2005. С. 107—152.

³⁹ *Религиоведение / Энциклопедический словарь.* — М.: Академический Проект, 2006. С. 985—987.

⁴⁰ *The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several original authorities. Ed., transl. by Benjamin Thorpe. Vol. II, London: Longman, 1861, p. 15, 21.*

ношении абсолютно прав был Вернер Зомбарт, говоривший, что английская наука есть порождение духа «торгашества», в то время как потребность в метафизическом осмыслении — это прерогатива немцев⁴¹. Сопоставляя различные памятники средневековой архитектуры, Эрих Юнг приходит к выводу, что христианского в этой архитектуре вообще крайне мало — повсюду мы видим того же Вотана, и даже «молитва мекленбургских крестьян, записанная около 1870 г., начиналась со слова “Wode”»⁴² и т.д.

РЁМЛИНГИ И ТЕВТОНЫ

Вышедшая первым изданием в Веймарской республике, книга Юнга была в ту эпоху совершенно неуместна. Многие из приводившихся им памятников архитектуры по старинке описывались историками как «христианские» или «римские», их тевтонско-языческую подоплёку, вопреки самой очевидности, старались просто не замечать. Наука делала вид, что язычества в Средние века уже не существовало, и, чтобы выдерживать заданную коррекцию, стыдливо закрывала глаза и притворялась, что ничего такого «быть не может, потому как не может быть никогда». В этом отношении среди германистов рубежа веков особенно показательна фигура марбургского профессора Карла Хельма. По его мнению, никакой германской религии вообще не существовало, а были лишь разные «религиозные формы», каждый раз разные и свои особые — у восточных, западных и северных германцев. Эта попытка быть «историчным» заводила исследователей в тупик, заставляла придумывать натужные конструкции, отвергая существование очевидного. Так, например, Вотана-Альфатора для Хельма почти не существовало. Он считал Вотана «молодым Божеством, появившимся в Рейнской области». Если бы не пантеон скандинавов, оказавшийся к Вотану более чем гостеприимным, про него было бы мало известно. Так говорил Хельм⁴³.

Хельму вторили многочисленные этнологи, научившиеся у английского позитивиста Тайлора модным в Англии идеям «эволюции форм сознания», в том числе и религиозных. Проходя различные стадии, — учил Тайлор, — религия начинается с анимизма (то есть, идеи всеобщей одушевлённости) и приходит к «развитому монотеизму», то есть, к вере в единого Бога. Опосредующих звеньев здесь было много, но они нас сейчас не интересуют. Важно то, что для Тайлора и его эпигонов в Германии изначально представлялось почитание демонов, а древние германцы казались такими же дикарями, как народы Австралии и Океании⁴⁴. В силу этой причины очень многие языческие памятники либо и вовсе приписывались христианам (могут ли дикари сделать что-то подобное?), либо, если языческое происхождение было чересчур очевидным, эти находки приписывали римлянам, которые казались народом более рассудительным и благопристойным.

Это заблуждение было тогда повсеместным. Его допустил даже такой большой почитатель античности, как профессор классической филологии из Гейдельберга Фридрих Кройцер, автор монументального четырёхтомника «Символика и мифология древних на-

⁴¹ Зомбарт, Вернер. Торгаши и герои // Зомбарт Вернер. Собрание сочинений в 3 т. Том II. — СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 12—75.

⁴² Jung, Erich. Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit, S. 28.

⁴³ Helm, Karl. Altgermanische Religionsgeschichte. Heidelberg, 1913.

⁴⁴ Герман, Вилле приводит показательную характеристику германца из «Древнейшей истории немцев» (1806) Й.-Х. Аделунга: «Германец — это хищное животное, которое спит, когда не охотится и не жрёт» (Wille, Hermann. Germanische Gotteshäuser. Leipzig, 1933, S. 17).

родов, в особенности греков»⁴⁵. Почему греков? А именно потому, что они суть законодатели всей европейской культуры, основа порядка и прогресса... Именно поэтому, когда на Верхнем Рейне в самом начале 1830-х стали копать курганы и извлекать из них типично германские копья, фибулы и горшки, удивительные по своей красоте и древности священные вещи, Кройцер провозгласил, что к германцам они никакого отношения не имеют...

К счастью, тут же нашёлся один баденский пастор по имени Карл Вильгельми, знавший толк в археологии и затеявший с Кройцером жаркий спор на тему атрибуции новых находок. Так сформировались две партии, уничижительно именовавшие друг друга «рёмлингами» и «тевтономанами». Первые были сторонниками «классической древности», вторые — так называемой «неклассической»... Кто был из них более прав — сказать сложно, тем более что вклад филологов-классиков в нарождающуюся науку о германцах и нордической мифологии был поистине колоссальным. Достаточно вспомнить первый зарифмованный перевод «Эдды» Эттмюллера (1837), трёхтомную «Немецкую мифологию» Якоба Гримма⁴⁶ или «Историю нордического язычества» (1822) гейдельбергского религиоведа Франца Йозефа Моне⁴⁷ — книгу, содержащую не только подробное изложение текстов «Эдды», но также и вполне оригинальную авторскую теорию⁴⁸.

ПЛАНЕТАРНОЕ УЧЕНИЕ О БОГАХ

Согласно Моне, всё германское мировоззрение — это «планетарное учение о Богах». Каждое из Божеств отображает определённую функцию планетного мира, находящую строгое соответствие в «микрокосме» человеческой жизни: Фрейя — в виде Рождения, Ньорд — в виде Кормления, Тор — в виде Силы, Фрейр — в виде Любви и т.д. Владыка Асгарда Один оказывался у Моне покровителем Зарождения, или, «что в тевтонской вере всегда значит одно и то же» — Смерти, тогда как Бальдр — образом воскресшей Души... На этой системе отождествлений (не слишком произвольных, но не в меру и обоснованных) строил Моне всё своё толкование песен «Эдды»⁴⁹.

Кройцер, Моне и другие филологи-классики немецкого романтизма составляли так называемую «символическую школу» — каждый миф был для них символом какого-либо понятия, а нордический пантеон предстал своего рода декорацией воображаемого спектакля. Но уже в середине XIX века появляется другая школа, именующая себя «природно-мифологической» и сводящая всю мифическую реальность к отголоскам реальных космических событий. В одном случае (Макс Мюллер) это были события жиз-

⁴⁵ *Creuzer, Friedrich. Symbolik und Mythologie der alten Völker. Leipzig, 1810.*

⁴⁶ На русский язык до сих пор переведён только жалкий обрывок из предисловия: *Гримм, Якоб. Немецкая мифология // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. — М.: МГУ, 1987. С. 54—71.*

⁴⁷ *Mone, Franz Joseph. Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa. Leipzig und Darmstadt, 1822.*

⁴⁸ В своих воспоминаниях Рихард Вагнер рассказывает о начальном периоде своего знакомства с нордической мифологией: «Особенно увлекли меня необыкновенно богатые «Исследования» Моне, хотя строгие специалисты с некоторой подозрительностью относятся к смелым выводам их автора». (*Вагнер, Рихард. Моя жизнь: В 2 т. Том II. — М.: АСТ-Астрель, 2003. С. 10.*)

⁴⁹ Пересказ его взглядов приводится по: *Bätke, Walter. Die Götterlieder der Edda und ihre Deutungen // Bätke, Walter. Kleine Schriften. Geschichte, Recht und Religion in germanischem Schrifttum. Weimar, 1973, S. 195—205.*

ни Солнца, и центральная роль отводилась солярным мифам, в другом случае («Лунный Бог» Эриха Церена) — мифам о Луне и её четырёх фазах, в третьем, но далеко не последнем случае (Вильгельм Шварц и Адальберт Кун) главными оказывались переживания непогоды... Sonnenreligion, Mondreligion, Gewitter... Всё это были разные версии одной и той же «Naturmythologie», выводившей истоки любой религиозной традиции к суеверным страхам и астрономическим наблюдениям...

«Теперь понятно, какая ужасная нелепость получается, когда современные ученые говорят о народной фантазии. Народной фантазии не существует, и кто поистине знает народ, не будет говорить так. Можно найти удивительное сравнение: подобно ребенку, который, ушибясь о стол, толкает его потому, что он одушевляет этот стол (так говорят ученые), так же мог нечто вложить во все прачеловек. Это сравнение повторялось до изнеможения. Конечно, здесь есть — фантазия, но это фантазия ученых, а не народа. Те, которые первоначально одушевляли все, те не грезили, — они лишь передавали то, что воспринимали сами.

Этим восприятием обладали древние народы, как остатком, как воспоминанием. Ребенок не одушевляет стол, он в самом себе не чувствует души, он смотрит на себя самого, как на кусок дерева, и поэтому ставит себя на одну ступень со столом. Причина как раз обратная тому, что говорится в книгах: Пойдем ли мы в Индию, в Египет или в какое-либо другое место, всюду мы найдем вышеописанные представления. И в эти представления вливалось то, что было дано древними посвященными»⁵⁰.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОГНЯ И «ВЫСШАЯ МИФОЛОГИЯ»

Теория «непогоды» здесь наиболее показательна. Появилась она так. Вместе со своим шурином Адальбертом Куном Вильгельм Шварц (1812—1881) в 1840-е путешествовал по северу Германии, собирая и обрабатывая народные сказания и легенды. Сначала их сильно удивляло лишь то, что повсюду они наталкивались на примерно одни и те же рассказы о коболях, мудрых девах, блуждающих огоньках, о диком охотнике, гигантах, гномах и т.д. Но потом два фольклориста стали «вытаскивать» из материала общую структуру, и в результате перед ними предстала довольно тесная группа мифических элементов, среди которых чётко выделялось то, что Шварц назвал «низшей мифологией» и то, что он же определил как «мифологию высшую»...

В отличие от авторов символического направления, Шварц был чистым этнографом, и какие-либо этимологические толкования в его книгах отсутствовали. Но зато Кун в этом плане нашёл немало совершенно чётких параллелей (Саранью — Эринии, Гандхарвы — Кентавры, Минос — Маннус — Ману и т.д.), позволяющих говорить о единстве индоевропейской традиции, о едином мифопоэтическом сознании и единой языческой вере самых разных арийских народов. В «Происхождении Огня и Божественного Напитка (докладе по сравнительной мифологии индогерманцев)» Кун рассмотрел миф об Амрите как напитке бессмертия и различные легенды о Небесном Огне, обращаясь к сравнению обрядов, мифов и этимологий.

Эта техническая сторона являлась для Куна чем-то вроде инструмента по реконструкции золотого века — реального исторического периода, именуемого в науке «эпо-

⁵⁰ Штайнер, Рудольф. Египетские мифы и мистерии и их отношение к действительным духовным силам настоящего. Лекция 3.

хой индогерманского единства». Тогда не было ни эллинов, ни германцев, ни славян, ни индийцев — но все во всём проявляли себя как арьи, были ариями в самом чистом смысле этого слова. Но затем это единство трагически распалось. «Проистекает ли это отпадение иранцев, славян и германцев от прочих племён <...> из рано случившегося религиозного раскола, и долго ли после этого раскола славяне и германцы пребывали в единстве с иранцами и всеми остальными — это не составляет предмета нашего исследования. Нам достаточно лишь доказать, что все индогерманцы, подробным изложением мифов которых мы располагаем, имели для обозначения Божества одно общее понятие»⁵¹. По реконструкции Куна, это понятие (индийское Дэва, эллинское Теос, германское Тюр, латинское Дэус и т.д.) использовалось преимущественно во множественном числе. Отсюда следует, что оно обозначало не Единое Божество, а многих Богов, или, как выражается Кун, «Божественных Существ».

В этом наметилось принципиальное расхождение с традицией «символистов», бывших в подавляющем своём большинстве (Шеллинг, Кройцер и др.) убеждёнными сторонниками идеи изначального монотеизма. Кун порывал с этой школой, так как шёл от записанного им в поездках эмпирического (фольклорного) материала, и стремился найти в нём логическую структуру, выделив в ней часть повторяющиеся сюжетные блоки.

Затем оставалось лишь «перевести» эти блоки древнейших сказаний на язык природы — окружавшей крестьян Северной Германии и, бесспорно, нашедшей какое-то отражение в мифах. Исходная предпосылка Шварца состояла в том, что природа и её сезонные перемены есть единственный важный источник любого мифа; каждый миф — это, как бы отпечаток погодных условий, а все описанные в мифах «небесные» события суть «рефлекс природы и земных отношений», подвергнутых от недостатка научных знаний скоропалительной мифологизации...

Прозвучавшее слово «рефлекс» (в смысле «отражение», «слепок») здесь особенно характерно. Миф не был важен для Шварца сам по себе — он представлял интерес лишь как попытка осмыслить природу — точно также, как для сторонников «теории рефлексов» в психологии не было разницы между «душой» и «совокупностью реакций на внешний мир»... В «Происхождении мифологии, изложенном на примере греческих и немецких сказаний» Фридрих Шварц прочитывал древние сказания о гигантах и карликах, о Богах, героях и чудесных событиях с целью найти в них ответы на «реальные события», каковыми оказывались как всегда изменения погоды. Эта метеорологическая гипотеза в книгах Шварца просто торжествовала: плывущая в реке волшебная щука превращалась у Шварца в молнию, гиганты — в большие облака, карлики — в маленькие, хищный вервольф (волк Фенрир) их пожирает, но такие же облака — это пояс, в который облачается стая девиц-лебедей или небесная Афродита-Фрейя, но они же — коровы, пасущиеся стадом перед входом в пещеру Циклопа... И т.д. и т.п. Особенно показательна фраза, касательно того, что «на небе расцвела также и та омела, из-за которой Бальдр погиб в борьбе с непогодой»⁵²...

Подобного рода планетарные обобщения, добросовестно воспроизведённые в «Поэтических воззрениях...» А.Н. Афанасьева, вызывали, тем не менее, серьёзнейшие дискуссии. Во время своих путешествий по Германии Кун со Шварцем поняли очень важную вещь, а именно, что любая, пусть даже самая фрагментарная обрядовая под-

⁵¹ *Kuhn, Adalbert*. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen. Berlin, 1859, S. 3—4.

⁵² *Schwartz, F.-L.-W.* Ursprung der Mythologie. Berlin, 1860, S. VIII.

робность из жизни германцев, самый малозначительный, казалось бы, куплет из колыбельной песни или крохотный крестик на деревянной балке — всё это может значить намного больше, чем думают читатели журналов по филологии. Куну и Шварцу пришло в голову, что, путешествуя по Германии и общаясь с простым народом, они погрузились в мир, в общем-то не слишком удалённый от времён сложения Ригведы и Эдды — и это было огромное достижение. Но, как всегда, тут же нашлись ругательные критики, заявившие, что не только современная им народная традиция (куда там!) не отражает реалий индоевропейцев, но даже и сама «Эдда» их отражать не может, так как написана гораздо позднее, под влиянием христианства, Эллады и даже иудаизма⁵³...

«Традиция имеет тихую, но огромную власть»⁵⁴ — возражал в таких случаях Шварц.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВИХИНАЙ

«Источником германской, равно как и всякой другой мифологии, является единственно и исключительно народная традиция, нисходящая к нам с высочайших вершин жизни человечества» — подтверждал подозрения Шварца его младший современник мифолог Вильгельм Маннхардт⁵⁵. Эту отправную точку, «высочайшую вершину» и исток всех последующих религиозных и мифологических систем, Маннхардт определяет как «индогерманскую праисторию». Это — эпоха единой индогерманской общности, эпоха единой Индогерманской Прарелигии. Если у Гвидо фон Листа, Германа Вирта, Фридриха Кройцера и других авторов эта Прарелигия была монотеизмом, а у этнологов вроде Куна и Шварца — непременно политеизмом, то у Маннхардта мы встречаем на эту тему скорее осмотнительное молчание, нежели связную и логичную концепцию. Он лишь обозначает, что в истории индогерманского (а заодно, разумеется, и славянского, и грекоримского и т.д.) народа был период абсолютного согласия и взаимопонимания, когда все исповедовали единую Прарелигию, без представления о которой чтение разрозненных второстепенных мифов, собранных у Торпа, Афанасьева или Шварца, будет пустой тратой времени. И хотя Маннхардт прямо и не именует её «Вихинай», ничто не мешает нам сопоставить его схему религиозного процесса в язычестве со схемой Гвидо фон Листа и определить исходную фазу именно этим понятием.

Затем по его схеме следует раскол, образование мифологии и пресловутого «германского язычества». Это как раз то, что в системе фон Листа называется «вотанизмом» — явление спорное и неоднозначное. Даже с приходом и утверждением христианства эту языческую эпоху трудно считать завершённой. Арманизм с вотанизмом и христианством существуют бок о бок, но даже несмотря на это, Маннхардт таинственно утверждает, что вера у немцев осталась всё той же, что была три тысячи лет назад. Впрочем, похожие мысли мы встречали уже у Шварца («Народная вера и древнее язычество». Берлин, 1850) — правда, в другом, более эволюционистском контексте, без привлечения фактора «Вихинай».

Всё, конечно, уже не так. В народных обрядах и суевериях XIX века различные рудименты древнейшей веры доживали свой век на правах, как бы сказали геологи, «петре-

⁵³ *Rübs, Friedrich. Versuch einer Geschichte der Religion, Staatsverfassung und Kultur der alten Scandinavier. Göttingen, Röwer, 1801.*

⁵⁴ *Schwartz, F.-L.-W. Ursprung der Mythologie, S. 25.*

⁵⁵ *Mannhardt, Wilhelm. Germanische Mythen, Forschungen. Berlin, 1858, S. V.*

фактов», то есть окаменелостей органического происхождения. Чтобы они «заиграли» и ожили, сначала их надо было отчистить от налёта книжного знания (передаточным звеном в трансляции мифов нередко оказывались люди книжные), а затем — сопоставить с реальностью более раннего (германско-языческого или даже индогерманско-прарелигиозного) периода. Тут в дело вступали ведические риши и нордические скальды — чистейшие выразители арманической традиции...

Быть может, для многих современных читателей при работе с огромной, по-немецки основательной монографией Маннхардта «Германские мифы», а также с подобными ей исследованиями Якоба Гримма, Хелен Гербер⁵⁶ и с «Нордической мифологией» Бенджамина Торпа, изложенная выше теория Прарелигии окажется именно тем недостающим теоретическим звеном, которое вечно за обилием фактов и мельчайших подробностей куда-то выпадает. Бог весть. Для нас же в данной работе было особенно важно показать всё обилие религиозоведческих построений на тему германского мифа, не забывая о мифичности любой научной гипотезы, каждая из которых вносит свой вклад в мифичность науки как таковой, и, в особенности, науки о мифах, так называемой «мифографии»⁵⁷.

ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ

В заключение пара слов о дальнейших планах серии «Ariana Mystica». В настоящий момент мы работаем над переводом одного из крупнейших мифографов ариософского круга, а именно, Эрнста Краузе, издавшего в 1893 году под оккультным псевдонимом «Карус Штерне» поразительную по своей фактуре книгу «Троянские лабиринты». Краузе, которого многие небезосновательно считают одним из учителей Германа Вирта (многие страницы виртовского «Происхождения Человечества», где речь идёт о лабиринтах, фактически заимствованы у этого автора), предложил интереснейшую расшифровку изначальной мифологемы тех лабиринтальных построек, которые повсеместно рассеяны по территории земного шара и в большом числе сосредоточены на территории Северной Европы. Исходя из современных ему находок, Штерне доказывал, что родиной гомеровского сказания о Трое, равно как и самого лабиринтального мифа является именно Северная Европа. Именно там, а не где-то ещё, этот миф получил рождение — но тогда он ещё был не мифом, а ритуалом. О том, в чём состояла ритуальная система Троянского цикла — об этом Вы прочитаете в книге «Северный миф Лабиринта» немецкого ариософа Эрнста Краузе.

Также в нашей серии уже подготовлено обширное исследование Евгения Фомина, более известного отечественному читателю под литературным псевдонимом «Брунгильда Беренс». Новая книга этого автора носит название «Иранский Грааль» и посвящена реконструкции протограальской мифологемы в Артуровском эпосе. Также как и Краузе, Евгений Фомин исходит в своих исследованиях из абсолютно неоспоримых в науке первоисточников — из священных текстов и признанных описаний различных ритуальных практик, что делает его книгу прекрасным путеводителем по самым таинственным страницам индоевропейской древности.

⁵⁶ Гербер, Хелен. Мифы Северной Европы. — М.: Центрполиграф, 2006.

⁵⁷ Vries, Jan de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1935, S. 37.

ВВЕДЕНИЕ

Читатели, приобретавшие в 1851 году книгу Бенджамина Торпа *Нордическая мифология*, знали, что работа эта принадлежит перу видного знатока англосаксонской литературы, законодательства и истории, издателя и переводчика многих значительных текстов; главный его труд, издание *Беовульфа*, над которым Торп работал более двадцати лет, близился тогда к завершению (он вышел в свет в 1855 г.). В *Нордической мифологии* он ненадолго отвлекается от прежнего поля деятельности, чтобы познакомить английскую публику с наиболее современными находками ряда ведущих современных континентальных специалистов по мифологии и фольклору северогерманских народов — то есть жителей четырех скандинавских стран, самой Германии, Голландии и говорящей на фламандском языке части Бельгии.

Современный читатель, однако, скорее всего, будет озадачен предпочтенной Торпом подборкой и организацией материала. Дело в том, что на первых двух сотнях страниц тома I он попеременно обращается то к пересказу основных мифов северного язычества, то приводит комментарий к этимологии имен всех упомянутых в них богов и богинь, великанов, эльфов, гномов, животных, предметов и местностей. Здесь Торп, подобно всем прочим знатокам нордических мифов, черпает материал из двух важнейших средневековых источников. Первым является собрание двадцати девяти анонимных исландских поэм о богах и героях, которые Торп называет *Сэмундовой Эддой* (следуя теории, ошибочно отождествляющей личность компилятора), которую более правильно называть *Поэтической* или *Старшей Эддой*; некоторые из этих поэм были составлены еще до обращения Исландии в христианство (в 999 г. от Р.Х.), хотя сохранившаяся их рукопись была записана только в тринадцатом столетии. Вторым источником является систематический пересказ мифов и героических легенд, записанных ок. 1270 г. ученым исландцем Снорри Стурлусоном, соответственно носящий имена *Эдды Снорри*, *Прозаической* или *Младшей Эдды*. Иногда Торп пользуется и третьей работой, *Gesta Danorum*, историей Дании, написанной на латыни около 1205 г. клириком Саксоном Грамматиком, некоторые разделы которой содержат сложные и отчасти искаженные варианты мифов.

В конечном разделе тома I («Краткое изложение германской мифологии») и в томах II и III Торп обращается к весьма отличной и куда более современной форме исторического свидетельства, которую именует «народными преданиями и суевериями» — он или не знал нового для того времени английского слова «фольклор», вошедшего в употребление всего за три года до появления его книги, или предпочитал не пользо-

ваться им. Полагаясь на материалы, собранные и опубликованные учеными Скандинавии и континента, он переводит и комментирует многочисленные краткие, но яркие сельские легенды, связанные со столкновениями между людьми и разного рода сверхъестественными созданиями: лесными эльфами, фейри полей и ферм, подменышами, горными великанами, морскими людьми, Дикой Охотой, спящим под горой королем, погребенными сокровищами и их волшебными хранителями, погрузившимися на дно моря городами, драконами, оборотнями, колдунами, волшебниками, и так далее. Все это изложено в простой и очень увлекательной манере; более того, материал может показаться относительно незнакомым, поскольку в то время как ученым исследованиям нордических мифов, так и популярным пересказам (имя им легион), скандинавскому и германскому фольклору на английском языке была посвящена лишь горстка книг. По упомянутым ниже причинам народные предания этих регионов недооценивались в Британии двадцатого века: отрадно получить возможность заново ознакомиться с ними.

Тем не менее ни один из современных авторов не поставит, таким образом, в один ряд древние мифы и недавний фольклор, и вполне можно задаться вопросом, чего намеревался достичь этим Торп и что связывает воедино оба упомянутых элемента. В предисловии к оригинальному изданию он утверждает, что задумывал только том I, однако люди, чье суждение было для него ценным, уговорили его продолжить изложение до более поздних времен. Его современники вполне поняли бы те положения, которые лежат в основе решения связывать миф с фольклором путем, проторенным *Deutsche Mythologie*, в высшей степени почтенным трудом, опубликованным в 1835 г. году Якобом Гриммом (старшим и более ученым из двоих знаменитых братьев). В этой работе Гримм воспользовался современными верованиями и сказаниями сельского фольклора в качестве свидетельств, позволяющих воссоздать общую картину давно утраченных германских мифов (немецкая мифология не располагает столь подробными древними источниками, как обе исландские Эдды); он предполагал, что большинство сверхъестественных элементов народного предания представляют собой слегка христианизированные остатки язычества. Однако Гримм ограничил свою работу странами немецкого языка (и Англией), оставив Скандинавию в стороне, как область, отличающуюся по языку и культуре. Сводя воедино фольклор в рамках своей *Нордической мифологии*, Торп делает для Скандинавии то, что Гримм сделал для Германии; в то же самое время он знакомит английского читателя с выдержками из недавно появившихся собраний.

Влияние Гримма также чувствуется в обильном использовании этимологического материала в первой части книги Торпа, которое, возможно, покажется излишним современному читателю. В наши дни за дополнительной информацией по ранним верованиям принято обращаться к археологии, а не к этимологии. Однако во времена Торпа археология практически не существовала как научная дисциплина, в то время как сравнительная филология находилась на переднем крае науки; связи между различными семействами европейских языков (и санскритом) были твердо установлены Якобом Гриммом и прочими учеными, и связи эти рассматривались как критически важные для установления расового и культурного родства. Было также показано, что имя божества часто выражало его — или ее — сущность (очевидным примером является Тор, чье имя представляет собой сокращение от *thunor*, «гром»), поэтому рассмотрение имен составило важную часть настоящей работы. И в самом деле, при составлении первого тома Торп первоначально предполагал ограничиться переводом лингвистического коммен-

тария к именам мифологических персонажей, незадолго до того опубликованным датским ученым Н. М. Петерсеном, однако, поскольку указанный комментарий «нередко возбуждал интерес к самому повествованию», он решил привести полное изложение мифов. И потому нам приходится теперь отважно продираться сквозь тернистую чащу, не сомневаясь в том, что через какую-нибудь страницу или две повествование возобновится.

В отношении интерпретации Торп придерживался руководящего принципа (разделявшегося едва ли не всеми его современниками), полагавшего, что мифы выражают трепетное восхищение людей перед физическими явлениями природы; они повествуют о земле и небе, о временах года, горах, морях, штормах, огне и так далее. Однако он предупреждает о том, что принцип этот не следует использовать слишком прямолинейно: например, валькирии, переносящие убитых в Валгаллу, представляют собой поэтическое олицетворение воинской славы героя, павшего на поле брани, а не олицетворяют собой метеоры. Он усматривает некоторое ограниченное значение в теории, которой пользовались средневековые авторы, и с том числе Снорри, утверждавшей, что герои раннего этапа национальной истории могут восприниматься последующими поколениями как боги, их войны и деяния преобразуются в мифы, однако мнение это не слишком привлекает его. Скорее Торп видит в мифологии итог размышлений о природе и жизни, включая философские и этические представления, выраженный величественным и поэтичным слогом. Он старательно подчеркивает те элементы, которые соприкасаются с доктринами высших религий, например сущность Одина как «Всеотца», возобновление и умиротворение вселенной, следующие за ее разрушением; он даже видит следы верования в «высшее Невыразимое и Всемогущее Существо», которое приводит в движение процесс творения. Это вполне согласуется с некогда широко распространенной теорией, объявлявшей политеизм вторичным явлением в истории религии, которому предшествовала эра «примитивного монотеизма»; в приложении к нордической религии ему приходилось полагаться на весьма натянутую интерпретацию единственного предложения, которая более не считается приемлемой.

Викторианская напыщенность Торпа плохо послужила ему в толковании мифологических шуток, в которых он видел внесенные невеждами искажения: «тривиальный и едва ли не ребяческий материал, каким могла сделаться старинная религиозная наука, вплетенная в позднейшие народные верования». Сталкиваясь с грубыми шутками, он опускал их; так, когда Локи в порядке соперничества привязал свой пенис к бороде козла, он называет этот поступок «нелепой выходкой в отношении козла» и вовсе замалчивает многочисленные сексуальные оскорбления, нанесенные Локи прочим богам и богиням. Тот факт, что находившаяся в Упсале статуя Фрейи обладала огромным фаллосом, замолчать невозможно, однако он вполне продуманно скрывается в латинской цитате из повествования Адама Бременского, упрятанной в примечания. Сексуальный аспект, столь существенный в многочисленных современных интерпретациях язычества, едва упоминается в работе Торпа.

Приведенные во II и III томах народные легенды были выбраны из-за сверхъестественного характера содержания, в предположении о том, что они свидетельствуют о неразрывности верований, сохранившихся от языческих времен. В вводной части тома II утверждается, что фольклорные гиганты, эльфы, гномы и водяные являлись персонализациями сил природы, так же как за тысячу лет до них мифологические аналоги

самих этих сущностей, и представляли собой прямых потомков этих последних. Это вполне может оказаться истиной; общепризнано, что обращение в христианство оказало заметно меньшее воздействие на этот промежуточный разряд существ, не принадлежащих ни к богам, ни к людям, чем на культы богов. Тем не менее в народных легендах существует много такого, что отсутствует в мифологических текстах, — там нет, например, подменшей, водяных коней или блуждающих огоньков. Однако при выборе повествований Торп забрасывает свою сеть куда шире, чем требует строгий параллелизм; сопоставление с современными собраниями народных преданий различных стран свидетельствует о том, что он включил почти все типичные варианты сюжетов, связанных с встречами людей со сверхъестественным вне зависимости от того, есть ли у них явные языческие предшественники. В дополнение здесь приведены интересные разделы, посвященные народной медицине, знаниям о растениях, о погоде, рифмованным заговорам, приметам, запретам, действиям, приносящим удачу и неудачу, и так далее, а также даже некоторым связанным с временами года обычаям. Эти два тома таким образом образуют очень ценное введение к нескольким категориям германского и нордического фольклора, не столь легко доступным английскому читателю.

Изучение фольклора с самого начала часто связывалось с националистическими воззрениями; центральное положение романтизма утверждает, что крестьянство, в связи со своей близостью к природе и поэтической реакции на нее, воплощает подлинно «национальную» или «расовую» душу. И как следствие в девятнадцатом столетии часто чрезвычайно преувеличивались различия между фольклором этнических групп; такую же позицию занимали популярные авторы двадцатого века, уже невзирая на то, что сравнительные исследования выявили межнациональную общность внушительной доли преданий при минимальных региональных вариациях. Британские викторианцы прекрасно представляли, что при всей сложности раннего периода истории фольклор нашей страны восходит к различным источникам: некоторые преувеличивали вклад кельтов, другие долю германского элемента, привнесенного англосаксами и в некоторых областях подкрепленного скандинавскими поселенцами. При том, что населенные кельтами регионы, такие как Ирландия, Уэльс и Шотландское нагорье, были особенно богаты фольклором, и собиратели стремились направлять именно в них свои усилия, никто не отрицал наличия у англосаксов собственного, не заимствованного у кельтов фольклора. Однако в двадцатом столетии баланс был смещен за счет избыточного почтения к лакированной и идеализированной «кельтской традиции» при соответствующем широко распространенном пренебрежении к германскому и нордическому преданию. Тому, конечно, существует социально-политическое объяснение: после двух мировых войн, сопровождавшихся масштабным применением нацистами мифологического и героического аспектов германского фольклора, последний вызывает ряд не вполне приемлемых ассоциаций. Однако настало время пересмотреть эту тенденцию, и книга Торпа являет собой великолепную стартовую точку для рассмотрения британских преданий в континентальном контексте.

Чтение фольклора доставляет одно великое удовольствие — приятно узнавать знакомые верования и повествования, в чуть измененной форме переходящие из страны в страну. И мы в большей степени готовы к этому явлению, чем Торп в своем 1852 году. В то время большая часть британских преданий оставалась несобранной и не напечатанной, поэтому, хотя он имел возможность заметить, что «многие из преданий и суеверий

Англии и Шотландии имеют себе соответствие в Скандинавии и на севере Германии», но в качестве доказательства своей правоты мог воспользоваться лишь несколькими разбросанными параллелями, например легендой о Кузне Вейланда. Впрочем, спустя поколение-другое, фольклор в Британии сделался важной областью исследований, и хотя существенная доля энергии расходовалась на теоретические рассуждения, проводились также сбор и публикация данных. Были созданы не утратившие своего значения обзоры отдельных английских областей: *Домашние рассказы и прочие остатки традиционных преданий* С.О. Эдди (S. O. Addy, 1895), *Шропширский фольклор* Шарлотты Берн (Burne, 1883), *Фольклор Северных графств Англии и рубежа* Уильяма Гендерсона (Henderson, 1866), *Фольклор Херефордшира* Эллы Лезер (Leather, 1912) относятся к числу лучших образчиков жанра. Исследования регионов Англии продолжались и в ходе двадцатого века, добавив новую информацию к полученной ранее; следует отметить *Обычаи и фольклор Кембриджшира* Энид Портер (Enid Porter, 1969), *Фольклор Сассекса* Жаклин Симпсон (1973), *Устные народные предания Уэссекса* Кингсли Палмера (1973) и *Фольклор Лестера и Ратленда* Роя Палмера (1985). Очень ценный вклад внесла Катарина Бриггс, создавшая *Словарь Британских народных сказок* на английском языке (4 тома, 1970—1971), где перепечатано большое количество материала из более ранних книг; два тома Части В отведены тематически аранжированным местным легендам. Полезный комментарий содержится в меньшей по размеру книге Дженнифер Вествуд (Westwood), *Альбион: Путеводитель по легендарной Британии* (1985). Таким образом, ныне существует достаточное количество материала для сравнения с переведенными Торпом скандинавскими и германскими легендами, в то время как *Словарь суеверий* Оппи и Мойры Тейтем (Tatem, 1989) обеспечивает прочно документированную основу для сравнения суеверий и верований.

Многое из того, что сказано Торпом в томе I, при всей своей точности воспринимается ныне в свете несколько ограниченного и устаревшего средневикторианского подхода к изучению мифологии. Однако собранный в томах II и III материал до сих пор сохраняет свою научную значимость.

Жаклин Симпсон,
магистр гуманитарных наук, доктор философии
Секретарь Фольклорного Общества

АББРЕВИАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРА

Торп пользуется как *Старшей* (стихотворной) *Эддой*, так и *Младшей* (прозаической) *Эддой*, называя их соответственно *Сэмундовой Эддой* и *Эддой Снорри*. *Видение Гюльви* (*Gylfaginning*) и *Язык поэзии* (*Skáldskaparmál*) представляют собой разделы последней, а *Сага об Инглингах* (*Ynglingasaga*), еще одна работа Снорри, посвященная первым королям Норвегии, содержит некоторый мифологический материал. По собственным названиям часто цитируются входящие в состав *Старшей Эдды* поэмы, важнейшими среди которых являются *Речи Гримнира* (*Grimnismál*), где описано происхождение мира, Валгаллы, чертогов и сокровищ богов; *Перебранка Локи* (*Lokaglepsa*, теперь называемая *Lokasenna*), обмен оскорблениями между Локи и прочими богами и богинями; *Речи Вафтруднира* (*Vafþrúðismál*), состязание в мифологических познаниях между Одним и великаном; а также *Проищание Вёльвы* (*Völuspá*), повествующее о сотворении, разрушении и возрождении мира. Часто упоминаются следующие работы (иногда в сокращении):

Afzelius, A.A., *Swenska Folkets Sago-Häfder* (11 томов, первый — в 1844).

Asbjørnsen, P. Chr., *Norske Huldreeventyr og Folkesagn*, 1845—1848.

Faye, Andreas, *Norske Folke-Sagn*, Christiana, 1844.

Grimm, Jacob, *Deutsche Mythologie*, 1835 (2nd ed. 1844); обычно «Grimm D.M.».

Grimm, Jacob and Wilhelm, *Kinder- und Hausmärchen*, 1st ed. 1812—1815; обычно «Grimm K. and H. M.». Эта работа известна английскому читателю как *Сказки Братьев Гримм*.

Grimm, Jacob and Wilhelm, *Deutsche Sagen*, Berlin 1816—1818; обычно «Grimm D.S.».

Keightley, T., *The Fairy Mythology*, London 1828.

Keyser, R., *Nordmaendenes Religionsforfatning i Hedendommen*, 1847.

Kuhn and Schwartz, *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche*, Leipzig, 1848.

Magnus, Finn, *Priscae Veterum Borealiū Mythologiae Lexicon*. 1828; обычно «Lex Myth».

Müllenhof, *Sagen, Märchen, und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg*, Kiel, 1845.

Müller, W., *Geschichte und Systeme der altdeutschen Religion*, 1844.

Petersen, N. M., *Nordisk Mythologi*, Copenhagen 1849.

Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum* (1202).

Thiele, J. M., *Danske Folkesagn*, Copenhagen, 1818—1823.

Wolf, P., *Niederländische Sagen*, Leipzig, 1843.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Мифология и героические легенды

Davidson, H. R. E., *Scandinavian Mythology*, 1982.

Davidson, H. R. E., *Viking and Norse Mythology*, 1996.

Faulkes, A., *Snorri Sturluson: Edda*, London, 1987.

Finch, R. G., *The Saga of the Volsungs*, Edinburgh and London, 1965.

Page, R. I., *Norse Myths*, London, 1990.

Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, transl. Peter Fisher and H. R. E. Davidson, London, 1979.

Stallybrass, J. S., *Teutonic Mythology* (4 vols.), London, 1880—1900: репринт New York, Dover eds. 1966. Перевод четвертого издания *Deutsche Mythologie* Якоба Гримма.

Turville-Petre, E. O. G., *Myth and Religion of the North*, London, 1964.

Народные легенды

Christiansen, R. Th., *Folktales of Norway*, London, 1964.

Kvideland, R., and Sehmsdorf, H. K., *Scandinavian Folk Belief and Legend*, Minneapolis and Oxford, 1988.

Lindow, J., *Swedish Legends and Folktales*, Berkeley and London, 1978.

Simpson, J., *Icelandic Folktales and Legends*, London, 1972.

Simpson, J., *Scandinavian Folktales*, London, 1980.

Simpson, J., *The Danish Legends of E. T. Kristensen* (в печати).

Ward, D., ред. и перевод, *The German Legends of the Brothers Grimm* (2 vols.), London, 1981. Перевод *Deutsche Sagen* братьев Гримм с полным комментарием.

West. J., *Faroese Folktales and Legends*, Lerwick, 1980.

ИСТИННО ДОСТОЧТИМОМУ ФРЭНСИСУ, ГРАФУ ЭЛЛЕСМИРУ,
ВИКОНТУ БРЕКЛИ, ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северная литература и, в частности, та часть ее, которая связана с ранними временами и древностями Скандинавии и севера Германии, недавно сделали предметом растущего интереса во многих частях Европы, и мне пришло в голову, что доступная и не слишком объемистая работа, касающаяся древней мифологии и основных мифологических преданий этих стран, может показаться полезной и занимательной не только знатокам северной культуры и англичанам, путешествующим по этим интересным краям, но и английскому антиквару, — учитывая неразрывную связь между язычеством германских народов континента и наших собственных саксонских предков, явные следы которой обнаруживаются в работах наших ранних хронистов и поэтов. Указанное побуждение и заставило меня предпринять настоящую работу.

Первая, чисто мифологическая, часть первоначально должна была состоять из перевода *Asalaere* копенгагенского профессора Н. М. Петерсена, однако после сравнения нескольких мифов¹ в изложении этой работы с текстами обеих *Эдд*, кажется, что краткость, достигнутая профессором Петерсеном, которую он, вне сомнения, находил необходимой для своего предмета², достаточно часто наносила ущерб целым повествованиям, и я решил, следуя плану *Asalaere*, обратиться к самим *Эддам*, и представить несколько сказок или мифов без сокращений, во всей полноте, какими они появляются в этих авторитетных источниках.

Интерпретация этих мифов, образующая вторую часть первого тома, за малыми исключениями заимствована из труда профессора Петерсена, хотя и существенно сокращена, в особенности в своей этимологической части, которая, будучи приведенной целиком, безусловно, показалась бы нудной большинству читателей в этой стране, и тем более потому, что внушительная доля его по необходимости основана на догадках; от коего недостатка, по моим опасениям, не свободна и настоящая работа. Учитывая это, мною было отдано предпочтение толкованиям профессора Петерсена в том виде, в котором они содержатся в *Asalaere* и в его последующих ценных работах на ту же самую тему³, поскольку они, по крайней мере с моей точки зрения, ближе всего соответствуют наиболее вероятной картине, чем все прочие, с которыми я знаком; хотя и выражают, быть может, слишком точное следование мифологической теории, с которой я уже выразил свое несогласие. Полезные справки неоднократно удавалось мне почерпнуть и из небольшой, но ценной работы профессора Кейзера из Христиании⁴.

Загадочная природа многих нордических мифов является прискорбным фактом; вполне вероятно, что не менее темными были они и для самих северных язычников, чьи предки, как можно вполне разумно предположить, принесли свой не слишком объеми-

стый багаж тайного знания с гор Центральной Азии в поселения нынешней Скандинавии. Отчасти эта невразумительность может быть объяснена той формой, в которой они сохранялись; поскольку даже в *Сэмундовой Эдде*, их древнейшем источнике, они появляются в одеянии, заставляющем предполагать, что целостность мифа временами приносилась в жертву последовательности и законченности поэмы; в то время как в более поздней *Эдде Снорри* их искажение становится по крайней мере в нескольких местах очевидным, и некоторые из них приобретают облик вопиющей нелепицы⁷; причем обстоятельство это, быть может, хотя бы отчасти можно приписать ревности и сообразительности христианских миссионеров и первых среди неопитов, которые вполне разумным образом видели в осмеивании один из самых эффективных методов борьбы с язычеством, еще владевшим народными массами.

Однако мифам Одиновой веры было суждено подвергнуться еще большему ниспровержению — их следующему и окончательному падению в разряд средневековых рассказов и детских сказок, сделавшему их едва узнаваемыми в новой одежде. Несколько примеров подобной метаморфозы можно обнаружить и в настоящей работе, еще большее количество их присутствует в народных сказках Скандинавии, Германии, Нидерландов и Италии⁶.

Однако, кроме упомянутых преданий и суеверий, обладая равной, если не большей древностью, существуют многие, которые не могут быть связаны с тем, что нам известно об Одиической вере. И их вполне разумным образом можно соотнести с остатками мифологии финнов и других примитивных обитателей Скандинавии, загнанных на Крайний Север или в горы Одиом и его последователями, в ком и в потомках их мы видим великанов (*jotnar, jaetter, jutuler* и др.), а также гномов и эльфов, которыми суеверия более поздних времен населили леса, холмы, реки и горные пещеры Севера.

До сих пор я говорил только о мифологии и ранних преданиях трех северных королевств, которыми первоначально и намеревался ограничиться, однако по предложению весьма уважаемого мной человека мне пришлось продолжить свой труд, добавив к нему подборку основных более поздних преданий и суеверий Скандинавии, Северной Германии и Нидерландов, таким образом представив читателю обзор германской мифологии и народных верований от севера Норвегии до Бельгии и от самых ранних времен до настоящего времени. Для многих — если моя книга, в отличие от предшествовавших ей, попадет во многие руки, — эта часть, быть может, делается наиболее интересной, поскольку она предоставляет материал для сравнения с народными суевериями и традициями нашей родной страны, среди которых будет обнаружено существенное количество близких параллелей. Тема эта не оставит равнодушным этнографа, и даже средний читатель ощутит удивление, осознав существенное сходство, а часто и полную идентичность преданий и суеверий столь удаленных друг от друга стран, казалось бы, лишенных тесной связи между собой. То, что многие предания и суеверия Англии и Шотландии имеют свои соответствия в Скандинавии и на севере Германии, можно без особого труда связать с постоянным взаимодействием нескольких стран в качестве друзей или врагов; однако, когда предание обнаруживается на Крайнем Севере континента и аналогичное ему присутствует не только на юге Германии, но и на юге Франции, и отмечено даже в Неаполе, какая теория миграций народов может объяснить этот феномен? Тем не менее с определенной уверенностью можно сделать только один вывод — о великой древности многих из этих легенд, причем некоторые из них восходят к еврейским и индийским источникам⁷.

В порядке введения к материалам, содержащимся в третьем томе, я дал в находящемся в конце этого тома Приложении краткий очерк старинной германской мифологии, воспользовавшись в основном работой Вильяма Мюллера⁸ по старой германской мифологии, с учетом ее отличия от скандинавской.

Из огромного числа преданий, упоминаемых в отмеченных мною работах, я выбрал в основном те, которые проистекают из старой северной мифологии или по меньшей мере из старинной мифологии как таковой, поскольку многие из сверхъестественных созданий, о которых мы читаем в преданиях трех северных королевств, не присутствуют в Единической системе и по всей видимости никогда не были связаны с ней; однако, как мы уже говорили, представляли собой божества тех ранних народов, которые, как нетрудно предположить, путем браков со своими готскими завоевателями и постепенным возвращением в свой древний дом оказали не меньшее воздействие на народные массы. Этим и объясняется последующее признание этих фигур поздним населением как объектов поклонения или суеверного ужаса.

Чтобы по возможности облегчить среднему читателю восприятие *Нордической мифологии*, тексты из Эдд и саг обыкновенно приводятся далее в буквальном английском переводе. Поэтические отрывки приводятся в аллитерации, смиренно пытающейся симитировать оригиналы.

По отношению к орфографии, принятой в *Мифологии*, можно отметить, что в наиболее часто встречающихся именах присущее старонорвежскому окончание *r* (*n*) именительного падежа мужского (иногда женского) рода в соответствии с принятым обычаем опускается; а старые *id* (*th*, *dh*) обыкновенно заменяются *d*: так вместо *Freyr* пишется *Frey*, вместо *Odinn* — *Odin*, вместо *Brynbildr* — *Brynbild*. Шведское (а в древности также датское) *a* и его датский эквивалент *aa* произносятся как *a* в слове *warm*, или *oa* в слове *broad*. Произношение достаточно напоминает германское, *j* произносится как английское *y*, а *g* перед *i* и *e* всегда твердое, как в *give*, *get* и других английских словах англо-саксонского происхождения.

Бенджамин Торп

Том I

СЕВЕРНАЯ МИФОЛОГИЯ С ПОЯСНЕНИЯМИ

ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кто оглядывается на свою прошлую жизнь, видит ее скорее через приукрашивающее стекло фантазии, чем в верном зеркале памяти; и такое положение тем вернее, чем дальше в прошлое отодвигается ретроспектива, чем больше растворяется она в расплывчатых, не имеющих четкого контура образах, чем ближе придвигается она к самым ранним детским воспоминаниям, — в общем, чем более стремимся мы придать новую жизнь старым и наполовину забытым воспоминаниям. И тогда один-единственный случай, который на самом деле мог иметь совершенно ординарный характер, вдруг превращается в удивительное событие, сердце бьется, и возникшая из душевного мира память об утраченном счастье создает мечту, состояние, которое вне зависимости от человека как бы не существует, но все-таки глубоко гнездится в его душе. То же самое чувство присуще и народам в целом; они также рисуют радужными красками собственное младенчество; чем меньше у народа сохранилось преданий, тем больше люди приукрашивают их; чем менее правдоподобны эти предания, тем более расцвечены они одолженным фантазией блеском, тем более будут чтить их в своем тщеславии люди, облагораживать и передавать из поколения в поколения в последующие века. Честолюбие человека двояко: он не только хочет остаться в памяти потомков; ему хочется обитать и в веках давно прошедших; он смотрит не только внутрь себя, но и назад, и ни один народ на земле не остается безразличным к надуманной чести иметь возможность возвести свое происхождение к богам, объявить себя подданным древней расы.

И тот, кто берется обрисовывать состояние народа в древние времена, берет на себя трудное дело. Он разделяет со всеми своими предшественниками общее чувство, в соответствии с которым ушедшее привлекает к себе тем, что его нет, сама тьма слепит его своей чернотой, те, кто мог бы повести его, оказываются слепцами... те же, кто скитался в этой земле до него, чаще всего, вне сомнения, проходили другими путями.

Любое изучение внутреннего состояния народа непременно должно обратиться к трем пунктам: земельному, национальному и государственному устройству, но все три эти фактора столь разным образом переплетаются между собой, что исследование их должно разделиться на несколько подчиненных отраслей: начинается оно с религии

как фактора, определяющего все остальные и определяемого ими. Поэтому свое исследование мы начинаем с самого сложного вопроса — общей мифологии Севера, которую мы рассмотрим в трех разделах, посвященных: 1) изложению мифов; 2) способам их интерпретации; 3) попыткам истолкования, следующим из самого мифологического материала и основанным на оригинальных источниках.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Обзор Нордической мифологии начинается от сотворения мира. В начале времен на Севере существовал мир, носящий название Нифльхейм (*Niflheimr*), посреди которого располагался источник Хвергельмир, из которого текли двенадцать рек⁹. В южной части располагался другой мир, Муспельхейм (*Muspellzheimr*)¹⁰, светлый и жаркий, пылающий и лучистый, границы которого охраняет Сурт (*Surtr*), вооруженный пылающим мечом. Холод и жара состязались между собой. Из Нифльхейма текли ядовитые холодные потоки, носившие название Эливагар¹¹, становившиеся льдом, слой за слоем сваливавшимся в Гиннунгагап¹², обращенную к северу пропасть пропастей; однако с юга, из Муспельхейма, доносилось тепло, сверкали искры, и в южной части Гиннунгагапа было светло. Тепло соприкасалось со льдом, который таял и сочился водой; капли, силой посылавшего жар, обретали жизнь, так обрел человеческий облик Имир¹³, предок инеистых великанов (*Hrimthursar*), которого инеистые великаны звали Аургельмиром, то есть древней грудой или хаосом. Он не был богом, но был злым, как все его племя. Тогда не существовало еще ни песка, и ни моря, ни его холодных волн, не было земли, травы и свода небесного, и существовала только Мировая Бездна Гиннунгагап. Имир питался четырьмя потоками молока, исходившими из вымени коровы Аудумлы, существа, обретшего бытие силой Сурта. Имир породил отпрысков: когда он вспотел во сне, под левой рукой его выросли мужчина и женщина, а одна из его ног вместе с другою родила сына. В то время, прежде чем начали быть небо и земля, Всеотец (*Al-födr*) пребывал среди гримтурсаров, или инеистых великанов.

Корова Аудумла лизала покрытые инеем соленые камни, и в первый день, к вечеру, из них появились волосы, на второй день голова, а на третий день человек. Его звали Бури (родитель); он был пригож, высок и могуч. Его сын Бор (рожденный) был женат на Бестле (или Белсте), дочери великана Бёльторна, и у них было трое сыновей: Один (Одинн), Вили и Ве. Три брата были богами и сотворили небо и землю.

Сыны Бора убили великана Имира, и из его ран натекло столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны, за исключением Бергельмира (отцом которого был Трудгельмир (*Þrúðgelmir*), а дедом Аургельмир), спасшегося со своей женой на ящике или ковчеге (*lúdr*) и продолжившего племя инеистых великанов. Сыновья Бора поместили тело Имира в середину Гиннунгагап и образовали из него землю, из его крови моря и потоки, из костей горы, из передних и коренных зубов и осколков костей камни и скалы; кровь из ран Имира стала окружившим землю великим и непреодолимым океаном, в который они поместили ее; из черепа великана они сделали небеса и поставили их над землей на четырех углах, в каждом из которых поместили по карлику, имена которым Аустри (Восточный), Вестри (Западный), Нортри (Северный) и Сутри (Южный); из мозга сделали тяжелые тучи, из волос всякую растительность, а из бровей

стену, ограждавшую от великанов Мидгард (*Midgardr*), срединную часть земли, обиталище сынов человеческих. А потом они взяли искры и тлеющие угольки, сыпавшиеся из Муспельхейма, и поместили их в небе, внизу и вверх, чтобы освещать небо и землю. Они назначили свое место в небе молнии и огненным метеорам, а другим дали волю под небом и назначили пути и тем и другим. Отсюда, «как говорят старые философы», взялось разделение по годам и дням. Затем сыны Бора подняли небесные диски, и солнце осветило холодные камни, и земля покрылась зеленью. Солнце с юга последовала¹⁴ за луной, правой своей рукой удерживая дверь небесных коней (восток); но она не знала, где жить ей, луна также не знала своей власти, звездам не было ведомо свое место. Тогда святые боги, посовещавшись, назначили каждому свету его место, дали новой луне имя Нью (*Nyi*) и луне убывающей — Нити (*Nitbi*), назвали утро и полдень, время предполуденное (*undern*) и вечер, чтобы дети человеческие, дети времени, могли потом считать годы.

Ночь (*Nótt*) и День (*Dagr*) принадлежали к различным племенам. Нотт из племени великанов была темна, как ее отец, великан Норви (или Нарви). Сперва она была замужем за Нагльфари и имела от него сына по имени Ауд (*Audr*); потом мужем ее был Анар (или Онар); дочь их звалась Землей (*Iörd*); наконец мужем ее стал Деллинг из племени Асов, их сыном стал День, светлый, ясный и красивый, ликом в отца. Всеотец призвал к себе Ночь и День, дал им двух коней и две колесницы и поместил на небо, чтобы они следом друг за другом за сутки объезжали землю. Ночь едет первой, конь ее зовется Гримфакси (Инеистая Грива), и пена с его удил каждое утро орошает землю росой. Он также зовется Фиорсвартнир (*Fiörsvartnir*)¹⁵. Конь, принадлежащий Дню носит имя Скинфакси (Ясная Грива), и светлая грива его освещает своими лучами небо и землю. Он также носит имена Глад (*Gladr*) и Драсул. Луна и солнце — брат и сестра друг другу; они дети Мундильфари, который за красоту назвал своего сына Мани, а дочь Соль; боги прогневались на них за такую гордыню, в гнев своем переместили брата и сестру на небо и повелели Соль править лошадьми, влекущими колесницу солнца, которое боги сделали из сыпавшихся из Муспельхейма искр, чтобы оно освещало мир. Соль была замужем за человеком по имени Глен (*Glenur, Glanur*), и в колесницу ее были впряжены кони Арвакур (внимательный) и Алсвит (проворный), на плечи которых по воле богов веет прохладный ветер, чтобы им не было жарко. Свалин (прохлада) — вот имя, которое носит щит, стоящий перед солнцем, которое иначе сжигало бы волны и горы. Мани направляет путь луны и следит за сменой Нью и Нити. Некогда он взял вверх с земли двух детей, Билля и Хьюки (Хвики), когда те шли от колодца Бюргир, с ведром Сэг на коромысле Симуль. Отец их носил имя Видфинн; они следуют за Мани, что можно видеть с земли. Следует также упомянуть двух волков, один из которых, носящий имя Сколь, следует за солнцем, грозя проглотить ее; другой волк, по имени Хад, сын Хродвитнира, бежит впереди солнца и хочет схватить месяц¹⁶, как и случится в конце концов. Матерью этих волков является великанша, живущая на востоке от Мидгарда, в лесу, носящем имя Ярнвид (*Jarnvid, Jarnvidr*), в котором обитают демоницы (*tröllkonur*), зовущиеся Ярнвидами (*Jarnvids, Jarnvidjur*). Она родила многих сыновей-великанов, и все они имели обличье волков. Говорят, что наибольшим могуществом из этого племени обладает некий Манагарм; он насытится жизнями всех умирающих; он поглотит луну и обрызжет небо и воздух кровью. Тогда солнце померкнет, и ветры с яростным воем разнесутся во все стороны, как сказано:

Сидела старуха
в железном лесу
и породила там
Фенрира род.
Из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.
Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся...

(Здесь и далее *Прорицание Вёльвы*
цитируется по изданию *Младшей Эдды*,
пер. О.Ф. Смирницкой. Л., 1970.)

Отец Зимы (*Vetur*) носил имя Виндсваль, Лета (*Sumar*) — Свасуд (*Svasudr*). Оба они должны править год за годом до смерти богов. В конце небес восседает великан Хресвельг в орлином облачении (*arna ham*)¹⁷. Движения крыльев его рождает пролетающий над людьми ветер.

Итак, первым были сотворены Имир и его племя, род великанов; следующими были боги, создавшие небо и землю; и только после этого, когда для них были уже готовы места обитания, были сотворены гномы и люди¹⁸.

Могучие боги Асы¹⁹ собрались на поле Ида (*Idavöllr*) в середине своего города Асгард. Там они возвели себе чертог (*hof*), в котором были седалища для всех двенадцати и самое высокое место для Всеотца; и величественный град или чертог (*baurgr*) для богинь, звавшийся Вингольф. Они построили кузницу, сделали молоты, клещи, наковальни, в общем все необходимое. Они работали по металлу, камню и дереву, однако предпочитали золото, и вся их домашняя утварь была сделана из него, отчего и век получил название Золотого. Но порядок этот в конце концов испортили женщины, пришедшие из Йотунхейма, мира великанов:

Селились асы
на Идавёлль-поле,
дома и храмы
высоко рубили,
ремесла спознали,
горны раздули,
снасти ковали,
казну и утварь,
играли в тавлеи
весело жили,

злата имели
всегда в достатке,
доколе три девы,
три великанши
к ним не явились
из Йотунхейма...

(Профицание Вёльвы, пер. В. Тихомирова)

Тогда боги принялись держать совет, сидя на своих высоких престолах. Они обдумывали, как вдохнуть жизнь в гномов, зародившихся в земной плоти, подобно червям в мертвом теле²⁰: ибо гномы сперва были сотворены²¹ и получили жизнь в трупe Имира, но теперь по воле богов получили людской разум и человеческие тела, хотя живут они в земле и камнях²². Первым из них был Модсогнир (*Módsognir*), вторым Дурин, как сказано в *Вёлусне*: «Святые боги решили, кому создавать племя гномов из крови Имира и синих костей». Гномы племени Лофара перешли из Скального Чертога (*Salar-Steinn*) по земле (*Aurvángur*) на равнины Йоры (*Jörvellir*)²³. Некоторые их имена связаны с подчиненными им силами природы в минеральном и растительном царствах и выражают действующую силу, которая проникает в почву, скальные жилы, в сок растений; ими производятся также холод и жара, свет и краски.

Люди обрели существование, когда трое могущественных и благих богов — Один, Хёнир и Лодур²⁴, — оставили божественное собрание ради прогулки. На земле они нашли Ясень и Вяз (Аск и Эмблу), не имевших ни сил, ни судьбы: у них не было души, чувств и крови, способности двигаться и прекрасного цвета. Один дал им душу (дыхание), Хёнир разумение, Лодур кровь и прекрасный цвет. В *Эдде Сноффи* рассказывается менее обстоятельно, но наглядно, что сыны Бора (Один, Вили и Ве), прогуливаясь по морскому берегу, нашли два дерева и сделали из них людей. Первый из богов дал им душу и жизнь; второй разумение и способность двигаться; третий — облик, речь, слух и зрение. Мужчину назвали Ясением, женщину Ивой. От этой пары произошел весь человеческий род, которому было определено жить в Мидгарде.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Круглую и плоскую землю окружает глубокий океан. Крайний предел суши, вдоль берега океана, представляет собой обиталище великанов, Йотунхейм или Утгард, от нападений которых боги изнутри отгородили Мидгард стеной из бровей Имира. В середине мира, на высочайшей его точке в Асгарде, обитают Асы, которых Всеотец Один назначил правителями, что вместе с ним правят в божьем граде и над судьбами людей. Самая большая и величественная из обителей носит имя Гладсхейм (*Gladsheimr*); другой чертог, покрытый серебряной кровлей Валаскьялв, Один хитроумно соорудил в начале времен; со своего престола Хлидскьялв он следит за всеми мирами, ему ведомы деяния всех существ. «На южном краю мира расположен самый прекрасный сверкающий ярче солнца чертог, который носит название Гимли. Он будет стоять и тогда, когда сгинут небо и земля, добрые и праведные люди будут населять его всю вечность. Более того, говорят, что на юге, над этим, есть другое небо, носящее название Андланг, а над ним расположено третье, зовущееся Видблайн (*Vidbláinn*), на котором, как считают, расположен этот чертог; но мы верим, что сейчас в тех местах обитают лишь светлые

эльфы». Другой чертог, который люди зовут Вингольв, как мы уже видели, служит местом обитания богинь. Между великанами и богами протекает река Ифинг, никогда не покрываемая льдом. Из Мидгарда в Асгард ведет мост Биврёст (колеблющееся пространство), который смертные называют радугой: она состоит из трех цветов. Самое священное место или седалище богов находится возле ясеня Иггразиль, где они ежедневно вершат суд. Иггразиль самое большое и лучшее из деревьев; ветви его простираются надо всем миром, а верхушка поднимается выше небес. У него три корня, уходящих далеко и глубоко. Под одним из них обитает Хель, владычица мертвецов; под другим живут инеистые великаны; под третьим люди. С другой стороны, в соответствии с прозаической *Эддой*, первый корень тянется к Асам; второй к инеистым великанам, туда, где прежде была Мировая Бездна Гиннунгап, третий же стоит над Нифльхеймом, под которым находится Хвергельмир. Этот корень постоянно грызет змей Нидхёгг (*Nidhögg*). Под вторым корнем находится источник Мимира, в котором скрываются мудрость и таланты. Хозяин колодца Мимир полон мудрости, поскольку он каждое утро пьет из источника, черпая рогом Гьяллахорн. Однажды к нему пришел Всеотец и стал просить глоток воды из источника, который получил, отдав за него в залог глаз; поэтому говорят, что Мимир каждое утро пьет мед с залога Всеотца. Под корнем, тянувшимся к обиталищу Асов, находится священный источник Урд (*Urdr*), возле которого боги вершат суд. Каждый день Асы едут туда по мосту Биврёст, который поэтому зовется мостом Асов (*Asbru*). Кони Асов носят следующие имена: лучший из них Слейпнир, он принадлежит Одину и имеет восемь ног, Глад (*Gladr*), Гиллир, Глер, Скейдбримир, Силфринтоп (*Silfrintoppr*), Синир, Гилс, Фалхофнир, Гуллотп (*Gulltoppr*), Леттфети. Коня Бальдра сожгли вместе с ним, а Тор приходит на место пешком, пересекая вброд реки Кормт и Ормт и два Керлауга, тогда мост Асов пламенеет, а священная вода кипит. У источника Урд, под ясенем, стоит прекрасный чертог, из которого выходят три девы, Урд, Верданди и Скульда²⁵ (прошлое, настоящее и будущее время). Их зовут Норнами (*Nornir*); они вырезают на дощечке, определяют ход жизни и назначают судьбу людям. Однако кроме этих Норн есть и другие, которые присутствуют при рождении каждого ребенка, определяя его судьбу. Одни Норны принадлежат к племени богов, другие к племени эльфов, другие принадлежат к роду гномов и являются дочерьми Двалина. Норны, добрые и благие по рождению, раздают добрую судьбу, и когда людям выпадают неудачи, они объясняются действием злых Норн. Упоминаются псы Норн.

На ветвях древа Иггразиль сидит орел, которому известно многое. Между глаз его устроился ястреб Ведурфёльнир. Вниз и вверх по древу снует белка Рататоск (Грызозуб), переносящая бранчливые слова, которыми обмениваются орел и змей Нидхёгг. Четыре оленя бегают между ветвей и обгрызают почки; имена их Даин, Двалин, Дуннейр и Дуратрор. В Хвергельмире под Иггразилем помимо Нидхёгга водится столько змей, что назвать их не хватит никакого языка, сказано же так:

Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггразиль:
корни ест Нидхёгг,
макушку олень,
ствол гибнет от гнили.

Глупцу не понять,
Сколько ползает змей
под ясенем Иггдразиль.

Норны, которые живут возле источника Урд, каждый день черпают воду из источника вместе с покрывающей берега грязью и поливают ею ясень, чтобы ветви его не гнили и не портились. Вода эта настолько священна, что все попадающее в нее становится белым, как пленка под скорлупой яйца, как сказано в *Вёлуспе*:

Ясень я знаю
по имени Иггдразиль,
ветвистый, орошенный
чистой водой.
Росы от него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Роса, падающая с его ветвей на землю, зовется у людей медовой росой, и ею кормятся пчелы. Двух птиц кормят в источнике Урд: их называют лебедями, от них и пошла эта порода птиц.

ВОЙНА

«Первая война в мире случилась, когда они (люди) пронзили Гульвейг копьем и сожгли ее в жилище Высокого (Одина). Трижды сжигали ее, трижды возрождалась она снова и снова, но живет она до сих пор. Когда приходит она в дом, ее называют Хейди (свет, привет) и видят в ней благосклонную «валу» или пророчицу. Она умеет укрощать волков, знает колдовство (*seidr*) и веселит злых женщин. После этого боги принялись обсуждать, следует ли им покарать это злодеяние или же принять выкуп за кровь; тогда Один метнул копье между людей (человечества), и в мире началась война и смертоубийство. Стены града Асов оказались разрушенными. Ваны предвидели войну и поспешили выйти на поле. Издали явились Валькирии (избирательницы тех, кому суждено пасть в бою), готовые скакать к божьему народу: Скульд со щитом, Скёгуль, Гунн, Хильд, Гёндуль и Гейр-Скёгуль. Девы Одина, Валькирии, готовы по воле его мчаться в любой край земли и на каждом поле брани выбрать тех, кому суждено пасть, и определить победителя. В ореоле молний, окровавленных кольчугах, со сверкающими копьями мчатся они в воздухе над сушей и морем. Когда кони трясут гривами, в глубоких долинах выпадает роса, а в высоких лесах проходит град».

Асы и Ваны примирились и обменялись заложниками. Ваны отдали Асам в заложники Ньёрда Богатого, которого мудрые силы сотворили в Ванахейме вместе с детьми Фрейром и Фреей. Асы со своей стороны отдали Хёнира, а вместе с ним послали Мимира, за которого в ответ получили Квасира, самого благоразумного среди Ванов. Хёнир был возведен Ванам в вожди; однако на всех собраниях, на которых требовался добрый совет, Мимиру приходилось нашептывать Хёниру все, что тому следовало сказать; и в отсутствие своего советника Хёнир постоянно отвечал: «Да, а теперь обратись

к другим». Посему Ваны сочли себя обманутыми, убили Мимира и отослали его голову Асам, однако Один травами и чарами добился того, что она говорила с ним и открывала много тайн.

БОГИ

Основных Асов двенадцать, если не считать Всеотца (*Al-födr*) или Одина, правящего на своем престоле. Один — высочайший из богов²⁶. Его зовут Всеотцом, потому что он отец всем — и богам, и людям; он также отец валькирий (*Valfater*), потому что все павшие в битве свободные люди принадлежат ему. Им, зовущимся эйнхериями, открыты Валгалла и Вингольф. Но в старом Асгарде у Одина было двенадцать имен, кроме того, у него есть и другие имена²⁷, поскольку каждый человек дает ему собственное имя²⁸. Иными словами, власть Одина на земле настолько велика и многолика, что ее можно выразить только в многообразии имен: в качестве примеров можно назвать Альда-гаутр (*Alda-gautr*)²⁹ и Альда-фёдр (*Alda-födr*), создатель и отец людей; Вера-тюр (*Vera-tyr*, бог людей); Вал-федр, *Val-födr*, отец убитых, поскольку к нему приходят все сраженные в бою; Сиг-фёдр (*Sig-födr*) или Сейер-фёдр (*Seier-födr*), отец победы; Хериан, опустошитель; Сид-хат (*Sid-bat*, *Sid-bötrr*), широкая шляпа; Сид-скегг (*Sid-skeggr*), Широкая Борода; Хангагуд, Ханга-тюр (*Hängagud*, *Hänga-tyr*), бог или господин повешенных, так как считалось, что повешенные принадлежат ему³⁰. Кроме того, Один носил следующие имена: 1. Ганград (*Gangradr*, *Gagnradr*), под которым он посетил великана Вафтруднира; беседа их описана в эддической поэме *Vafdrudnismál* (*Речи Вафтруднира*), имеющей следующее содержание. Один сообщает своей жене Фригг о том, что им овладело сильное желание посетить всемудрого великана Вафтруднира, чтобы посоревноваться с ним в знании премудрости древних времен. Фригг пытается отговорить мужа от путешествия, полагая, что соперничать с Вафтрудниром не дано никому. Тогда Один напоминает ей о своих многочисленных скитаниях и перенесенных испытаниях и настаивает на своем намерении посетить жилье великана; Фригг желает ему приятного путешествия и благополучного возвращения и просит, чтобы мудрости его хватило на словесное прение. После чего Один отправляется в путь и появляется в чертоге великана в обличье путешественника, назвавшись именем Ганград (Победный). Он приветствует великана и открывает ему цель своего прихода. Вафтруднир отвечает раздраженным тоном и дает понять, что если незванный гость уступит ему в мудрости, то живым чертог не оставит. Один тогда сообщает своему противнику, что после долгого пути его мучает жажда (мудрости?) и что он нуждается в хорошем приеме, после чего великан предлагает ему сесть, и состязание начинается. Далее великан предлагает, чтобы проигравший заплатил жизнью, и каждый из соперников гладко отвечает до того момента, когда Гангард спрашивает, что Один шепнул на ухо Бальдру, прежде чем того положили на костер. Удивленный великан ответил: «Никто не знает того, что ты шепнул в начале времен своему сыну. На свою смерть толковал я древнюю мудрость и участь богов; с Одним соревновался я, мудрым в речи: во всем ты мудрейший!» Вопросы имеют исключительно космогоническую или мифологическую природу, о чем свидетельствуют многочисленные цитаты из Речей Вафтруднира в настоящей работе.

2. Гримнир. Причина, заставившая Одина воспользоваться этим именем, становится ясной из следующего рассказа, представляющего собой прозаическое введение к эддической поэме *Grimnismál* (*Речи Гримнира*). «У конунга Хродунга (*Hrödungur*) было

два сына: одного звали Агнар, другого — Гейррёд (*Geirrödr*). Агнару было десять лет, Гейррёду восемь зим. Вышли они на лодке вдвоем порыбачить — у них были свои переметы с крючками. Ветром отнесло их в море. В ночной темноте их лодка разбилась о морской берег, и они выбрались на берег, где встретили невысокого ростом селянина, у которого провели зиму. Жена селянина ходила за Агнаром, а сам он приглядывал за Гейррёдом и наделял его полезными советами. Весной старик дал им лодку, вместе с женой проводил их до берега, где долго разговаривал с Гейррёдом с глазу на глаз. Попутный ветер скоро привез их к жилищу отца. Гейррёд, сидевший на носу лодки, выскочил на берег и оттолкнул лодку в море со словами: “Плыви отсюда во власть злых духов”. Сам он вернулся в родительский дом, где его радостно встретили, и поскольку отец уже умер, сделали конунгом, после чего он сумел завоевать некоторую известность. Один и Фригг сидели на престоле Хлидскъялф, оглядывая целый мир, и тут Один сказал: “Или не видишь ты своего приемыша Агнара, который проводит время в объятиях пещерной великанши, тогда как мой приемный сын Гейррёд стал конунгом и правит над землями?” Фригг ответила: “Он настолько негостеприимен, что пытается своих гостей, если ему кажется, что их слишком много”. Один сказал, что считает ее слова огромной ложью. После сего они побились о заклад, и Один отправился в гости к Гейррёду. Фригг в то же время послала свою наперсницу Фуллу к Гейррёду — посоветовать тому быть повнимательнее с появившимся в его стране волшебником, способным погубить молодого конунга, сказав, что узнать пришельца можно по тому, что ни один пес не посмеет наброситься на него. Разговоры о негостеприимности конунга Гейррёда были всего лишь праздными толками; тем не менее он приказал схватить человека, на которого не посмеют напасть псы. Путник этот был одет в одежду из серого меха и называл себя Гримниром, однако, невзирая на все расспросы, ничего не рассказывал о себе. Чтобы вырвать признание, конунг приказал подвергнуть его пытке, поместив между двумя кострами, где пришелец просидел восемь дней. У Гейррёда был десятилетний сын, как и дядя, названный Агнаром. Мальчик этот подошел к Гримниру и подал тому полный рог питья, сказав, что отец его поступил несправедливо, приказав мучить невинного человека. К этому времени огонь успел подобраться так близко, что опалил мех на одежде Гримнира». После этого незнакомец запел мифо-космогоническую песнь, получившую название *Grimnismál*, в которой перечисляются и описываются обиталища двенадцати главных Асов, речь о которых пойдет далее. Остальная часть поэмы посвящена мифологическим темам, которые будут освещаться позже. Заканчивается повествование следующим образом: «Конунг Гейррёд сидел, положив на колени выдвинутый из ножен меч, когда услышал, что пришелец оказался Одним, и поднялся, чтобы вывести его из огня, но меч выпал из его руки, и, попытавшись перехватить оружие, он споткнулся и был пронзен клинком. Один тогда исчез, и Агнар стал править вместо отца».

3. Веттам (неутомленный путник). Пользуясь этим именем, Один отправляется за советом относительно участи Бальдра к духу пророчицы-«валы», погребенной возле ворот царства Хель. Содержание этой поэмы приведено в настоящей работе³¹.

4. Хар, Явнхар, Тритхи (Высокий, Высший, Третий). Под этими именами Один фигурирует в *Эдде Сноффи*, образуя некую северную троицу. В *Grimnismál* он прилагает все эти имена к самому себе. Одина также звали Хравна-гуд (*Hrafn-gud*, бог воронов), потому что его сопровождали два ворона, Хугин и Мунин, которых он посылал на разведку по всему свету: возвращаясь из полета, они садятся к нему на плечи и рассказыва-

ют обо всем, что видели и слышали. Однако он тревожится за Хугина, опасаясь, что тот не вернется, и еще более за Мунина. Как создатель небес и земли Один правит всем: он посылает победу и богатство, красноречие и разумение, скальдическое или поэтическое искусство, мужество и попутный ветер. Как мы уже говорили, обитель Одина носит название Гладсхейм (*Gladsheimr*), чертог которой носит название Валгалла (*Valhall, Valhöll*) и сверкает золотом; в этом чертоге он ежедневно принимает павших в бою воинов. Пол чертога сделан из копий, кровля из щитов, скамьи покрыты кольчугами; перед западной дверью повешен волк, над которым парит орел. Чертог окружен ревущей рекой по имени Тунд (*Thund*)³², а перед ним находится частокол или плетень, носящий имя Валгринд. В частоколе устроено пять сотен и сорок ворот, через каждые из которых могут выйти плечом к плечу восемь сотен воинов. За воротами Валгаллы находится лес Гласир, где растут деревья с листьями из чистого золота. Пришедших к Одину с битвенных полей павших ратников называют эйнхериями, или избранными героями; они развлекают себя в чертоге бога следующим образом: вооружаются, выходят во двор, сражаются там и убивают друг друга, однако ко времени завтрака целыми и невредимыми возвращаются домой в Валгаллу, пьют пиво в компании асов и заедают его мясом вопреки Сэхримнир; этого кабана каждый день варит в своем котле Элдхримнире повар Андхримнир, однако к вечеру он уже снова цел. Мед, который пьют в Валгалле, истекает из вымени козы Хейдрун (*Heitbrún*), кормящейся листьями дерева Лерад (*Leradr*), поднимающегося над чертогом Одина. Этим медом наполняется столь емкий сосуд, что все эйнхерии могут утолить свою жажду. Героев обслуживают валькирии, разносящие мед и все, что нужно для трапезы. Ветви дерева Лерад обедает также олень Эйктхирнир, капли с рогов которого падают в Хвергельмир, из которого истекают многие реки, частью протекающие по обители богов, частью по миру людей и оттуда ниспадающие в Хель. Один не ест ничего, и все, что перед ним ставят, отдает своим волкам Гери и Фреки; он только пьет вино. Прислуживает ему его сын Хермод (*Hermódr*), которого он посылает с разными поручениями.

Тор или Аса-Тор, сын Одина и земли (*Fiörgvin*, животворящей; *Hlódyn*, согревающей)³³, является сильнейшим среди богов³⁴. Он правит в стране Трудванг (*Thrudvángur*) или Трудхейм (*Thrudheimr*), дом его носит имя Билскирнир (*Bilskirnir*), и у него пять сотен и сорок дверей. Это самый большой известный людям дом. Тора также называют Хлорриди (Огненный возница или ездок), Винг Тор, и т.д., иногда также Ауку-Тор, Оку-Тор (Возок-Тор), поскольку он ездит в колеснице, запряженной двумя козлами Таннгниостом и Таннгрисниром. Он всегда является врагом великанов и троллей. Ему принадлежат три сокровища: 1) молот Мьёльнир, прекрасно известный по горькому опыту инеистым и горным великанам; 2) пояс власти Мегингьярдар (*Megingjardar*), удваивающий силы препоясанного им Тора; 3) железные рукавицы, в которых он берется за рукоять Мьёлнира. Если павшие в битве ярлы (знатные люди, откуда английское слово *earl*, граф) принадлежат Одину, трэлы подобным образом находятся во власти Тора. Сыновей Тора зовут Магни и Моди. Жена Сив родила ему дочь по имени Труд (*Thrudr*). Кроме того, он усыновил Вингнира (*Vingnir*) и Хлору (*Hlora*). В путешествиях Тору сопутствуют Тьялви и Рёсква³⁵.

Бальдр является вторым сыном Одина (от Фригг); он лучший, и все хвалят его. Он так прекрасен и ясен, что от него исходит свет, и самое белое из растений сравнивают

с челом Бальдра³⁶, давая таким образом представление о белизне его волос и лица. Он самый мудрый, красноречивый и дружелюбный среди Асов, и настолько одарен от природы, что никто не может исказить его суждения. Он обитает на небе, в месте, носящем название Брейдаблик, куда не может вступить ничто нечистое.

Короткое стихотворение на древневерхненемецком языке, датированное девятым или десятым веком, было открыто в Мерзебурге доктором Вайтцем и опубликовано доктором Я. Гриммом; стихотворение посвящено коню Фолью (*Phol*), которого Гримм с большой степенью вероятности отождествляет с Бальдром. Упоминаемый в нем эпизод отсутствует в обоих *Эддах*, хотя самое предание, как можно увидеть, присутствовало, и возможно, еще не забыто не только на Севере и в Нидерландах, но и на нашем острове, и я без всяких колебаний привожу стихотворение вместе с его современным пересказом.

Phol endi Wōdan
vuorun zi holza:
du wart demo Balderes volon
sīn vuoz birenkit;
thu biguoleil Sinthgunt,
Sunnā era suister;
thu biguolen Frūā,
Vollā era suister
thu biguolen Wōdan,
so he wola conda,
sōse bēnrenki,
sōse bluotrenki,
sōse lidirenki;

ben zi bēna,
bluot zi bluoda,
lid zi geliden,
sōse gelimida sīn.

Фоль и Воден
отправились в лес;
тогда случилось, что Бальдров конь
вывихнул ногу;
тогда Синтгунт заорожила ее,
и Сунна ее сестра;
тогда Фруа заорожила ее,
И Волла ее сестра;
тогда Воден заорожил ее,
как мог сделать,
как вывих,
как кровавую рану,
как растяжение;

кость к кости,
кровь к крови,
сустав к суставу,
как если они были склеены вместе.

В приведенной ниже христианизированной форме тот же эпизод присутствует в Норвегии:

Jesus reed sig til Heede,
der reed han syndt (sōnder) sit Folebeen.

Jesus stigede af og laegte det;
Jesus lagde Marv i Marv,

Ben i Ben, Kjöd i Kjöd;
Jesus lagde derpaa et Blad,
At det skulde blive i samme stad.

Иисус ехал на пустошь,
Там нога коня его переломилась
пополам.

Иисус спешился и исцелил ее;
Иисус положил костный мозг к костному
мозгу,

Кость к кости, плоть к плоти;
Иисус положил на нее лист,
Чтобы оставалась на месте.

В книге P. Chr. Asbjornsen, *Norske Huldreeventyr og Folkesagn*, 1845—1888, i, p. 45, старая норвежка лечит растянутую лодыжку молодого человека, словно ногу коня, бормоча следующий заговор над чаркой бренди:

Jeg red mig engang igjennem et Led,
Saa fik min sorte Fole Vred;
Saa satte jeg Kjød mod Kjød og
Blod mod Blod,
Saa blev min sorte Fole god.

Однажды я ехал через ворота,
Когда мой вороной конь растянул ногу;
Тогда я приставил плоть к плоти и кровь
к крови,
И мой вороной выздоровел.

Из Норвегии этот метод ветеринарного лечения, вероятно, перекочевал на Шетландские острова, где в случае какого-либо растяжения принято обращаться к ворожее, умеющей налагать «выворотную нить». Нитка эта прядется из черной шерсти, на ней завязывается девять узлов, она обматывается вокруг поврежденной руки или ноги. Обматывая нитку вокруг поврежденной конечности, знахарь, так чтобы не было слышно ни окружающим, ни самому пациенту, шепчет:

Ехал Господь,
И конь поскользнулся;
Он спешился.
И он вылечил;

Поставил сустав к суставу,
Кость к кости,
И жилу к жиле.
Исцелись во имя Святого Духа!

В Швеции против конского заболевания «флог» пользуются следующим заговором:

Oden står på borget,
han spørger efter sin fole,
floget har han fått.
Spotta i din hand och i hans mun,
han skall få bot i samma stund.

Один стоит на горе,
Он спрашивает о своем коне,
У того «флог».
Плюнь на ладонь и помажь его рот,
Он исцелится в тот же час.

См. Якоб Гримм, *Ueber zwei entdeckte Gedichte aus der Zeit des Deutschen Heidenthums*, Berlin, 1842, 4to и Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1181; также Robert Chambers, *Popular Rhymes, &c. of Scotland*, p. 37, Edinburgh, 1842. Аналогичной формулой пользовались в Нидерландах, однако Гримм не сумел привести ее. Попытка редактора настоящего издания найти ее в Бельгии также окончилась неудачей.

Третьим среди асов является Ньёрд (*Njördr*). Он живет в Ноатуне. Ньёрд правит ветром, успокаивает разбушевавшийся океан и гасит огонь. Его призывают мореходы и рыбаки, он — покровитель храмов и алтарей. Он настолько богат, что может в изобилии наделить богатством тех, кто поклоняется ему. Ньёрд, как мы уже говорили, родился и вырос в Ванахейме³⁷.

Фрейр (*Freyr*), сын Ньёрда и его сестры³⁸, также родился в Ванахейме. Его любят все, он — один из самых знаменитых асов. Он правит дождем, солнечным светом и плодами земли. У него следует просить добрых времен года и мира. Он также вла-

дычествует над людским богатством. Фрейр является богом года и подателем скота, он ослабляет узы пленников. В начале времен боги отдали ему «на зубок» Альвхейм (Эльфхейм), страну эльфов. Он правит Светлыми Эльфами (*Liósálfar*), более прекрасными, чем солнце, а Черные или Темные Эльфы (*Dökkálfar*), которые с виду черней смолы, обитают в недрах земли.

Альвы или эльфы нового времени представляют собой нечто среднее между светлыми и темными эльфами. Они прекрасны и полны жизни, однако злы и проказливы. В некоторых местах Норвегии крестьяне описывают их как крохотных голеньких мальчишек с колпачками на головах. Оставленные их ногами во время танцев следы иногда можно видеть на мокрой траве, и в особенности на берегах рек. Дыхание их вредоносно, зовется *alfgust* или *elfblaest*, и вызывает отеки, нарывы, которые можно легко заработать, слишком приблизившись к тем местам, на которых остались их плевки и др. Они склонны предпочитать определенные места, особенно высокие деревья, которые в таком случае людям лучше не трогать, а считать священными, отчего зависят процветание или разорение дома. Распространение некоторых болезней домашних животных приписывается воздействию эльфов, и такие болезни поэтому зовутся *alf-ild* (эльфов огонь) или *alfskud* (эльфов прострел). Темных эльфов (*Dökk-álfar*) часто путают с гномами, с которыми они действительно крайне похожи, хотя в песне Ворона Одина те и другие различаются. Норвежцы различают гномов и эльфов по следующему признаку: первые, по их мнению, живут спокойно и солидно, в то время как последние любят музыку и танцы. (Faе, op. cit., p. 48.)

Фейри (эльфы) Шотландии практически неотличимы от упомянутых выше. Их называют племенем капризных и проказливых крохотных существ смешанного или сомнительного происхождения. Они обитают в зеленых холмах, чаще имеющих коническую форму и по-гэльски называющихся *Sighan*, на которых танцуют при лунном свете, оставляя на поверхности круговые отметины, иногда желтые и вытоптанные, а иногда ярко-зеленые, в которых опасно уснуть или даже оказаться после рассвета. Внезапно заболевший судорогами или другой болезнью скот, как говорят в народе, получает эльфов прострел». (Скотт, *Minstrelsy of the Scottish Border*, 1821, ii, p. 162.)

О шведских эльфах Арндт пишет следующим образом: «О великанах и гномах, об альвах, о драконах, стерегущих сокровища, они рассказывают обычные повести, не забыты и благие эльфы. Как часто мой почтальон, замечая круги на росистой траве, восклицал: «Смотри! Здесь танцевали эльфы!» О плясках эльфов много говорят за пряжей. Тот, кто в полночь оказался внутри такого круга, может увидеть эльфов, и может тогда учинять над ними всякие шутки; хотя в основном они представляют собой невысокие ростом, веселые и безвредные создания обоих полов, мужского и женского. Они часто сидят в небольших, выложенных кругами камнях, зовущихся *älfquarnar* (эльфовы ручные мельницы или мелевые камни). Голоса их тихи, как дуновение воздуха. Если в лесу слышен громкий крик, это голос *Скогсра* (*Skogsrå*) (см. том. ii), или духа леса, при сем нужно ответить ему «Хе!», после чего он не причинит тебе вреда». (*Reise durch Schweden*, iii, p. 16.)

Как сказано в англосаксонском заклинании, эльфов прострел был известен в нашей стране в незапамятные времена (см. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1192 и в приложении к Кембловым *Саксам в Англии* (i, p. 530 sq.): «Gif hit wære esagescot, odde hit wære ylfa gescot, Если был это асов или эльфов прострел». По этому поводу Гримм говорит: «Очень старое верование утверждает, что эльфы мечут опасные стрелы из воз-

духа... Молния также зовется эльфовой стрелой, а в Шотландии твердый и острый клиновидный камень носит названия эльфовой стрелы, эльфо́ва кремня, эльфовой стрелки, тем самым предполагая, что он был послан духами». (Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 429.) В старой датской балладе «Elveskud» дочь короля эльфов поражает сэра Олафа между лопаток, вызывая тем самым его смерть. (*Danske Viser*, i, p. 237; или английский перевод в *Балладах* Джеймсона, i, p. 219.)

Жены эльфов носят имя «elliser». Их можно увидеть только в ясную погоду и притом в «эльфьих болотах», в особенности там, где кто-нибудь расстался с жизнью в результате несчастного случая. Там они иногда разбрасывают сено, иногда танцуют. Лицом они кажутся прекрасными женщинами, однако сзади искалечены и уродливы или же, как говорят, «полны словно квашня». (Thiele, op. cit., i, pp. 22, 167; ii, p. 213.)

Яму в лесу, в которой был кпот, в Шотландии называют эльфовой дырой. Аналогичное верование бытует в Дании и Норвегии.

Авзелиус сообщает нам, что алтари эльфов до сих пор существуют в Швеции, и на них делают приношения за больных. Эльфы изящны и стройны, особенно хороши молодые эльфийки. Если летним вечером путник приляжет отдохнуть на эльфовом холме (älfwehög), он может услышать звуки их арф и их веселые песни. Если эльфийка хочет выйти замуж за человека, она вместе с солнечным лучом пролетает сквозь какое-нибудь отверстие, например дыру в деревянной обшивке стен, и др. (Afzelius, op. cit., ii, pp. 150, 155.)

Фрейр — враг и убийца Бели; владелец корабля Скидбладнир, он ездит в колеснице, влекомой свиньей Гуллинбурсти (Золотая Щетинка) или Слидругтанни³⁹. Помощника Фрейра зовут Скирнир; кроме того, ему прислуживают также Бейггвир и его жена Бейла. Шведы почитали Фрейра особенным образом⁴⁰.

Следует также отметить, что у Форниота (*Forniot*) (старый ютландский) есть три сына, а именно Эгир или Хлер⁴¹ (*Hlér*), бог океана; Логи⁴² (пламя или огонь) и Кари (ветер). Жену Эгира зовут Ран; у них девять дочерей, имена которых обозначают волны. Служат ему Фимафенг (*Fimafeng*) (*dextre, celeriter acquirens* — лат. ловко, быстро добывающий), убитый Локой (*Lokia*), и Элдир. Ран забирает к себе тех, кто погиб на море. Божества эти, похоже, принадлежали к более старой мифологии, вероятнее всего финской⁴³.

Тю или Тюр является самым отважным и крепким среди Асов. Он посылает победу в войне, и его надлежит призывать воинам. Пословица сравнивает с Тю превосходящего всех прочих воинской доблестью человека. Бог этот был также настолько мудр, что мудрецов часто сравнивали с Тю. Однако его не считают склонным к улаживанию ссор между людьми. Один является его отцом⁴⁴, но по матери он принадлежит к племени великанов⁴⁵.

Браги также относится к числу Асов. Он знаменит мудростью и красноречием, обладает глубочайшим поэтическим искусством, по его имени получившим название *bragr*, и те, кто превзошел прочих в красноречии, получают наименование брагра или брагры. Локи поносит его за недостаточные воинственность и отвагу в бою. Браги носит длинную бороду, он — сын Одина.

Хеймдалль, хотя его и считают ваном, тем не менее зовется сыном Одина. Его также зовут Белым или Светлым Богом, он велик и свят. Хеймдалль родился в начале времен, на краю земли, сразу от девятирех сестер-великанш, и был выкормлен силой земли и

холодного моря. Вот имена этих девятирех дев: Гьялп, Грейп, Элгия, Ангея, Ульфрун, Аургьяфа, Синдур, Атла и Ярнсакса. Хеймдалль пьет мед в своем светлом чертоге Химиньбьёрг, находящемся возле моста Биврёст, у самой его оконечности (*brúarspödr*), там, где радуга касается небес. В качестве дозорного богов он находится на самом краю небес и охраняет мост от горных великанов, причем его часто мочит дождь, или, как выразился Локи, ему приходится ходить с мокрой спиной. Спит он меньше чем птичка и ночью и днем слышит, как растут трава на земле и шерсть на овцах на сотню миль вокруг. Рог его Гьёлл (Гьяллахорн) спрятан под священным древом Иггдразиль, но когда Хеймдалль дует в него, звук разносится по всем мирам. Конь Хеймдалля носит имя Гуллтоп (Золотая Грива). Его самого также называют Халлинскейди (Нисходящим) и Гуллинтанни (Золотозубым), потому что зубы его из чистого золота. Голова носит имя Хеймдаллева Меча, поскольку когда-то его пронзили головой человека⁴⁶. Он соперничал с Локи в борьбе за Брисингамен, ожерелье Фрейи.

Касам также принадлежит Хёд (Хёдур), как рассказывают, являющийся сыном Одина. Он слеп, но чрезвычайно силен. Богам не угодно даже слышать его имя, поскольку совершенное им деяние долго не изгладится из памяти богов и людей⁴⁷.

Видара зовут молчаливым богом. Он — сын Одина и великанши Грид (*Gridr*). Его обувь очень толста, потому что от начала времен к ней прикладываются все тонкие обрезки, которые остаются при изготовлении башмаков: поэтому всякий, кто хочет помочь асам, должен выбрасывать такие обрезки⁴⁸. В других местах его башмаки называются *железными*, и Скальды зовут его *eiganda iarnskoss* (владелец железных башмаков): среди богов он самый сильный после Тора и помогает им в различных трудностях. Обитель его Ландвиди (Ландвити) густо заросла кустарником и высокой травой.

Имя Вали носит сын Одина и Ринд. Упорный в битве, он является превосходным стрелком.

Уль (Ullr) является сыном Сив и приемным сыном Тора. Он — отменный стрелок и так быстро бежит на лыжах, что его никто не может догнать. Он пригож и воинственен. Его хорошо призывать на помощь в поединке. Обитель его называется Идаль (Идалир).

Форсети, сын Бальдра и Нанны⁴⁹, дочери Нева (Непа), обитает в небесном чертоге, зовущемся Глитнир, стены его из золота, а крыша из серебра. Он улаживает все раздоры, и ни боги, ни люди не знают лучшего судьи, чем Форсети.

Локи (Аса-Локи или Лопт) относится к числу асов и считается поносителем богов, позором для них и людей. Отец его — великан Фарбаути; мать — Лаувейя (лесистый остров), или Нъль (игла), братья его носят имена Бюлейст и Хельблинди⁵⁰. Он пригож, но зол и очень капризен. Среди прочих он выделялся коварством и хитроумием, и часто вовлекал асов в опасные ситуации, из которых выручал их своей изворотливостью. Жена его зовется Сигюн, а сыновья носят имена Нари или Нарви, и Вали или Али. Однако у Локи были другие дети от Ангурбоды, великанши из Йотунхейма: волк Фенрир, Ёрмундганд или Змей Мидгарда, и Хель, богиня мертвых. В начале времен Один и Локи были побратимами; они смешали свою кровь, и поэтому Один никогда не пировал, если при этом не присутствовал Локи. Однако потом Локи был низвержен на землю, где про-

вел восемь лет в облике коровы и женщины и рождал при этом детей. Иссохнув нутром (умом), Локи нашел полуобожженное сердце женщины; после этого он стал лживым и злым, отсюда и пошли все несчастья на земле.

Нам встречаются также имена Мейли, сына Одина и брата Тора; Непа или Нева (*Nepr, Nefir*), сына Одина, и отца Нанны; а также Хильдольфа, сына Одина.

БОГИНИ

Верховной богиней является Фригг, жена Одина³¹. Племя асов происходит от них обоих. Обитель ее именуется Фенсалир. Ей известны судьбы людей, хотя она помалкивает о будущем. Во время отсутствия Одина она выходила замуж за его братьев Вили и Ве³². Её называют дочерью Фьёргюн, мачехой Нанны, и соперницей Земли, Ринд, Гунлод и Герд. У нее есть одежда из перьев или соколиное оперение. Она является богиней брака.

Равным почитанием окружена Фрейя, дочь Ньёрда и сестра Фрейра. По происхождению ее зовут Вана-дис или богиней ванов. Она обитает в Фолкванге, палаты ее носят имя Сессримнир (просторно седалищные), и когда она едет на битву, одна половина усопших достается ей, а другая Одину; отсюда ее прозвание Валфрейя. Она обожает любовные песни, ей молятся об успехе в любовных делах. Повозку ее увлекают две кошки. Ей принадлежит ожерелье, носящее название Брисинг или Брисинга-мен.

В *Saga Olafs Tryggvasonar* (том ii, гл. 17), изданной Skalholt и перепечатанной в произведенном Раском издании *Старшей Эдды*, р. 354), в несколько неловкой манере изложена история о том, как Фрейя получила это ожерелье. Фрейя, как утверждают, была любовницей Одина. Неподалеку от дворца обитали четыре гнома, которых звали Альфриг, Двалин, Берлинг и Грер: они были искусными кузнецами. Заглянув однажды в их каменное жилище, Фрейя увидела, как они трудятся над прекрасным золотым ожерельем или оплечьем, которое она захотела купить, однако гномы не захотели с ним расстаться, кроме как ценой ее неверности Одину, на что она тем не менее согласилась. Таким образом украшение перешло к ней. По какой-то причине сведения об этом обмене попали к Локи, который поведал обо всем Одину. Тот приказал Локи добыть ожерелье. Задание оказалось нелегким, поскольку войти в жилище Фрейи без ее согласия было невозможно. Локи с причитаниями отправился прочь, однако многие были рады видеть его в подобном унижении. Потом он явился к запертым палатам и, не сумев найти вход, стал дрожать, поскольку погода была холодной. После этого он превратил себя в муху и попытался проникнуть во все попадавшиеся отверстия, но безуспешно; нигде не было достаточно воздуха, чтобы он мог пробраться внутрь (Локи необходим воздух). Наконец он обнаружил крохотную, с булавочный укол, дырочку в крыше и проскользнул сквозь нее. Попад внутрь, он огляделся, пытаясь заметить бодрствовавших, однако все спали. Оказавшись возле постели Фрейи, он увидел, что украшение находится у нее на шее, однако замок прикрыт телом, поскольку та спала на боку. Тогда Локи превратился в блоху, прыгнул на щеку Фрейи и укусил ее; та проснулась, повернулась на другой бок и вновь погрузилась в сон. После этого Локи вернул себе свой облик, осторожно снял украшение, отпер дверь и отнес свою добычу Одину. Утром, проснувшись, Фрейя увидела, что дверь открыта, хотя и не взломана, и что ожерелье ее исчезло, и немедленно поняла, в чем дело. Одевшись, она отправилась в чертог Одина, обвинила его в краже и, наконец, добилась возвращения украшения.

Повествование это, возможно, основывавшееся на каком-то забытом предании, относится уже к поре распространения христианства и не имеет большой научной ценности. Принадлежащее Фрейе ожерелье Брисингамен можно сопоставить с ὄρμος и κέστος Венеры. В Беовульфе упоминается принадлежавший Германрику «Бросингамен», однако легенда утверждает, что он более не существует. (См. издание Кембла, Vol. II. Appendix.)

Подобно Фригг, она обладает соколиным оперением, как и у Фрейра, у нее есть свинья Гуллинбурсти или Хильдсвини (свинья войны), которую сделали для нее гномы Даин и Набби, чьи золотые щетинки ярко освещают самый глухой лес. По ее имени состоятельные женщины зовутся *ффу* (датское *Frue*, германское *Frau*). Фрейя была замужем за Одом (*Odr*), и у них была дочь по имени Хнос, в честь которой все драгоценные вещи называются словом *hnosir*. Од бросил ее и удалился в дальние края: она плачет в тоске по мужу и роняет слезы червонного золота. В поисках мужа богиня скиталась среди людей³³. Фрейя имеет много имен, поскольку во время скитаний в каждом посещенном ею доме она называлась другим именем: так, ее называют Мардёлл, Хёрн, Гефн и Сир.

О Нанне, жене Бальдра, будет сказано особо.

Идун (Итхунн, Итхудр), жена Браги и дочь Ивальда, держит в своей корзинке яблоки, которые должны есть боги, когда они начинают ощущать приближение старости: тогда они снова делаются молодыми; процесс этот продлится до самой гибели богов или Рагнарёка. Обитель ее — в Бруннакре.

Сив, жена Тора и мать Улла и Труд, обладает дивными волосами³⁴. Лукавый Локи утверждал, что из богов лишь он один добился незаконной благосклонности Сив.

Сага живет в Сёкквабекке, за которым бормочут холодные волны. Там она вместе с Одином ежедневно наслаждается питьем из золотых чаш.

Девственнице Гевьон³⁵ служат умершие девы. Ей известны решения судьбы — так же как и самому Одину. Локи попрекает ее увлечением прекрасным юношей, подарившим ей ожерелье, и тем, что она уступила его домогательствам.

Эйр — лучшая среди лекарей. Волосы девы Фуллы растрепаны, на голове ее золотая повязка³⁶. Она носит ларец Фригг, хранит ее обувь, и ведает все ее тайные помыслы. Выполняя поручения Фригг, Гна ездит по воздуху и над морями на коне Ховварпнир. Однажды ее в воздухе увидели ваны, один из которых сказал:

Что там летит?
Что там скользит?
В выси словно парит?

Она отвечает:

Я не лечу,
Хоть я и скольжу,
На Ховварпнире,

Зачатом Хамскрепиром
От Гардровы.

Младшая Эдда, пер. О.А. Смирницкой

Хлин охраняет тех, кого Фригг стремится спасти. Съёвн склоняет лиц обоего пола к любви: по ее имени любовник называется словом *siafni*. Ловн добра и милостива к тем, кто обращается к ней: Всеотец и Фригг разрешили ей соединять любящих друг друга, какие бы трудности и препятствия ни вставали у них на пути. От ее имени происходит слово *lof* (хвала, позволение), поскольку люди превозносят ее. Вёр слышит клятвы и обеты влюбленных и наказывает тех, кто нарушает их. Она мудра и слышит обо всем: ничто не может остаться сокрытым от нее. Сюн охраняет двери чертога, закрывая их перед теми, кто не должен войти. Ее призывают как защитницу в суде, если кто-то пытается ложью добиться решения в свою пользу. Снотра мудра, и манеры ее изящны. По ее имени мудрого человека, мужчина то или женщина, называют словом *snotr*. Соль и Биль также считаются богинями, к которым также принадлежат Ёрд (Земля), мать Тора, и Ринд, мать Вали.

О СЛЕЙПНИРЕ, КОНЕ ОДИНА

У Одина был конь по имени Слейпнир, лучший среди коней. О происхождении его рассказывают следующую историю. В начале времен, когда боги основали Мидгард и Валгаллу, из Йотунхейма явился зодчий, пообещавший им за три полугодия воздвигнуть такую надежную твердыню, что ни горные, ни инеистые великаны не сумеют овладеть ею в том случае, если сумеют пробиться в Мидгард, но взамен потребовал Фрейю вместе с солнцем и луной. Боги согласились на его требования, при условии, что зодчий закончит работу за одну зиму, и что если в первый день лета останется что-нибудь недоделанное или если он прибегнет к чьей-нибудь помощи, сделка будет расторгнута. После этого строитель попросил разрешения пользоваться своим конем Свадильвари (Сватхильвари), на что асы по совету Локи согласились. Зодчий приступил к работе в первый день зимы, и всю ночь конь его возил камни. Асы были изумлены колоссальным размером камней, которые перевозил конь, выполнявший работы в полтора раза больше, чем сам зодчий; однако сделка была заключена при свидетелях, было принесено много клятв, без которых великан не мог считать себя в безопасности среди Асов, в особенности после возвращения Тора, пребывавшего тогда в восточных краях — в походе против троллей (демонов). Когда зима стала приближаться к окончанию, крепость оказалась почти законченной, она была столь высока и прочна, что выдержала бы любой натиск. Когда до наступления лета оставалось только три дня, оставалось построить только ворота. Тогда боги собрались на совет, призадумались и спросили — кто посоветовал выдать Фрейю замуж в Йотунхейм, а также испортить небеса и воздушное пространство, отдав солнце и луну великану. Все сошлись на том, что такой совет мог дать только Локи, сын Лауви, знаменитый своими выходками, которому они пригрозили позорной смертью, если тот не придумает какой-либо способ разорвать сделку. Локи пришел в ужас и поклялся, что строитель не получит никакой платы. Вечером, когда строитель отправился со своим конем за камнями, из леса к ним подбежала кобыла и призывно заржала: конь взволновался, вырвался из упряжи и поскакал следом за кобылой в лес; великан бросился в погоню за конем, так они и пробегали всю ночь. Когда строитель понял, что не сумеет закончить постройку вовремя, он впал в истинно великанскую ярость; однако, поняв, что они имеют

дело с горным великаном, Асы вопреки всем клятвам вызвали на помощь Тора, который вместо солнца и луны наделил зодчего ударом молота Мьёлнира, не отпустив его назад в Йотунхейм: Тор первым же ударом разбил череп великана, низвергнув его в Нифльхейм. Принявший облик кобылы Локи понес от Свадильфари и по прошествии должного времени родил серого жеребенка с восемью ногами⁵⁷: это и был Слейпнир, конь Одина, на котором он скачет над сушей и морем.

О КОРАБЛЕ СКИДБЛАДНИР⁵⁸ (СКИТБЛАТНИР)

Корабль этот был сооружен в начале времен гномами, сынами Ивалди⁵⁹, подарившими судно Фрейру. Корабль этот лучший и самый совершенный среди всех кораблей, хотя самым большим является принадлежащий Муспеллю Нагльфар. Однако об этом знаменитом корабле рассказывают другую повесть. Некогда Локи из шалости срезал с головы Сив все волосы. Когда Тор проведал об этом, он поклялся перебить в теле Локи все кости до единой, если тот не сумеет заставить черных эльфов сделать ей волосы из чистого золота, которые будут расти, словно настоящие. Посему Локи отправился к сыновьям Ивалди, сделавшим для него такие волосы и корабль Скидбладнир, а также для Одина копье Гунгнир.

После этого Локи поспорил на собственную голову с гномом Брокком о том, что брат того Синдри (Эйтри) не сумеет сделать три таких же драгоценных вещи. Они отправились в кузню. Синдри положил в огонь свиную шкуру и попросил Брокка раздувать огонь, пока он не вынет шкуру. Но когда он вышел из кузницы и Брокк раздувал меха, прилетел овод⁶⁰, который уселся на руку гнома и ужалил его. Брокк тем не менее не прекратил дела, но поддерживал пламя до тех пор, пока не вернулся его брат и не вынул получившуюся вещь из огня. Ею оказался боров с золотыми щетинками. После этого кузнец положил в огонь золото, и, велев брату поддувать без перерыва до его возвращения, ушел. Тогда овод прилетел вновь, уселся на шею гнома и ужалил его в два раза больше, чем до того; однако Брокк продолжал дуть до тех пор, пока вернувшийся кузнец не извлек из огня золотое кольцо по имени Драупнир. В третий раз Синдри положил в огонь железо и самым настоятельным образом уговорил брата дуть без перерыва, иначе все будет потеряно. Теперь овод расположился на глазу Брокка и ужалил того в бровь, да так, что у того потекла кровь; она мешала гному видеть, и он торопливым движением руки протер глаз, отгоняя овода, причем при этом мехи на мгновение остановились. В этот самый миг вернулся кузнец, сказавший, что находившаяся в огне вещь едва не пропала. Когда ее достали из горна, она оказалась молотом. Синдри доверил все три вещи своему брату, сказав, что теперь они могут отправляться в Асгард, чтобы там могли решить, кто победил. Когда Синдри и Локи появились там со своими сокровищами, асы заняли свои места на судилище, и было решено, что поступят согласно решению, которое примут Один, Тор и Фрейр.

Локи подарил Одину копье Гунгнир, Тору — волосы для Сив, Фрейру — корабль Скидбладнир, объяснив при этом достоинства своих даров: копье никогда не промахивалось мимо цели; волосы начали расти сразу же, как их приложили к голове Сив; а Скидбладнир всегда имел в своих парусах попутный ветер и был настолько вместителен, что в нем помещались все боги вместе с оружием и доспехами, однако при этом он был сооружен настолько искусно и из стольких деталей, что его можно было свернуть словно кусок ткани и поместить в карман.

После этого вперед шагнул Брокк со своими удивительными изделиями. Кольцо он подарил Одину, сказав, что каждую девятую ночь с него будут капать восемь столь же драгоценных колец. Свинью он подарил Фрейру, пояснив, что та может бегать по воздуху и морю быстрее, чем любой конь, и что даже в самую темную ночь щетина ее будет давать достаточно света. Тору он отдал молот, сказав, что им можно разить со всей силой и без вреда для себя все, что окажется перед ним, и что, забросив молот в любую даль, он никогда не потеряет его, поскольку оружие самостоятельно вернется в его руку, а когда он захочет, молот сделается таким маленьким, что его можно будет убрать в карман. Единственным недостатком молота оказалась слишком короткая рукоятка⁶¹.

Судьи посчитали самым лучшим изделием молот, поскольку тот был могучим оружием против инеистых великанов; гном поэтому выиграл заклад. Локи предложил ему выкуп за собственную голову, однако гном отказался. «Что ж, возьми ее», — сказал Локи; но прежде чем гном успел прикоснуться к нему, Локи уже был далеко, потому что он надел башмаки, в которых мог бежать по воздуху и воде. Тогда гном попросил Тора поймать Локи, и тот исполнил его желание; однако когда гном попытался снять с него голову, Локи остановил его, сказав, что проиграл он голову, но не шею. Тогда гном взял ремешок и нож, намереваясь проткнуть губы Локи и зашнуровать его рот, однако нож не захотел резать. «Все было бы хорошо, — сказал гном, — если бы у меня было сейчас шило моего брата». Шило появилось тотчас, как он назвал его. Оно сделало свое дело, и гном зашнуровал губы Локи ремешком, носящим имя Вартари.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКАЛЬДИЧЕСКОГО ИЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Замирившись, асы и ваны смешали свою слюну в сосуде в знак дружбы. Из содержимого этого сосуда боги сотворили человека по имени Квасир. Он был настолько мудр, что никто не мог задать ему такой вопрос, на который он не сумел бы ответить; кроме того, он много путешествовал, чтобы поделиться своим знанием с людьми. Квасира пригласили на пир гномы Фьялар и Галар и, якобы желая сообщить ему некую тайну, отвели в сторону и убили. Кровью его они наполнили два сосуда, нареченные Сон и Бодн, и котел Одрхрёрир. С кровью этой они смешали мед и таким образом получили напиток, который преобразует каждого, кто отведал его, в скальда или мудреца. Асам же они сказали, что Квасир утонул в собственной мудрости.

Те же самые гномы после этого пригласили к себе великана по имени Гиллинг вместе с женой и повезли его кататься в море, но, отдалившись от земли, направили лодку на камень и перевернули ее; не умевший плавать Гиллинг утонул. Выправив лодку, гномы вернулись домой. Когда они рассказали жене Гиллинга о его кончине, та принялась безутешно рыдать. Тогда Фьялар спросил ее, не облегчится ли ее горе, если она увидит то самое место в море, где погиб ее муж. Та ответила согласием, и Фьялар, распорядившись, чтобы брат его Галар стал над дверью и, когда великанша выйдет, сбросил ей на голову мельничный жернов, поскольку ему досаждали ее причитания. Брат исполнил его желание. Узнав о случившемся, сын Гиллинга Суттунг отправился к гномам, схватил их, отвез в море и оставил на скале, которая в прилив уходила под воду. Они принялись молить о том, чтобы Суттунг помиловал их, и предложили ему в качестве выкупа за кровь свой драгоценный мед, который он принял. Суттунг отвез мед к себе домой, спрятал его в горе Хнитбьёрг, под охрану своей дочери Гуннлёд. С тех пор поэзию называют кровью Квасира, напитком гномов, соком Одрхрёрира, Сон или Бодн, платой гномов (поскольку ей они купили свои жизни), медом Суттунга или водой Хнитбьёрга.

Один весьма стремился получить этот мёд и потому оставил свой дом и явился к месту, где девять трэлов косили сено. Он предложил им поточить их косы. Трэлы поблагодарили его за предложение, и Один, сняв с пояса точильный камень, превосходно наточил их, тогда они захотели купить у него камень. Один подбросил его в воздух, и, пытаясь схватить его, все девятéro зарубили друг друга косами. Один остановился на ночь у великана Бауги, брата Суттунга, горько сожалевшего о своей потере, потому что девятéro его трэлов перебили друг друга, и теперь он не знал, где найти новых работников. Один, назвавшийся Бёльверком, предложил сделать всю работу за девятёрых, при условии, что в качестве награды ему позволят отпить меда Суттунга. Бауги поведал ему, что не вправе распоряжаться медом, и добавил, что Суттунг хочет сохранить его для себя; но он отправится вместе с Бёльверком и постарается помочь ему. Все лето Один трудился за девятёрых на Бауги, и когда настала зима, потребовал свою награду. После сего оба они отправились к Суттунгу, которому Бауги рассказал о своем соглашении, однако Суттунг не пожелал расстаться даже с каплей меда. Тогда Бёльверк предложил попробовать какую-нибудь уловку, если они не сумеют добыть мед как-нибудь иначе, и Бауги согласился на это. Тогда Бёльверк достал бурав по имени Рати и предложил Бауги, если бурав окажется достаточно острым, пробурить ход в горе. Так Бауги и поступил и наконец сказал, что ход проделан, но когда Бёльверк дунул в дыру, пыль полетела ему в лицо; обнаружив обман, он предложил Бауги продолжить работу. Наконец работа была завершена, и когда Бёльверк дунул снова, пыль полетела внутрь. Теперь Бёльверк, приняв облик червя, прополз внутрь. Бауги попытался раздавить его буравом, но промахнулся. Потом Бёльверк направился к Гуннлёд, провел с ней три ночи и получил разрешение трижды вкушать меда. С первого глотка Один осушил Одррёир; со второго Бодн; с третьего Сон, выпив таким образом весь мед. Затем Один превратился в орла, и со всей возможной скоростью полетел прочь. Однако Суттунг, заметивший орла, также накинул на себя орлиное оперение и полетел в погоню. Когда асы увидели подлетающего Одина, они выставили во дворе сосуды, и оказавшись в Асгарде, он немедленно выплюнул мёд в сосуды. Однако Суттунг преследовал его по пятам, и часть меда полетела из тела Одина с противоположной стороны; однако она осталась незамеченной, и с тех пор ею пользуется всяк, кто сумеет это сделать. Долю эту зовут долей рифмоплетов и графоманов. Один передал мед Суттунга Асам и тем, кто умеет слагать хорошие стихи, посему скальдическое искусство называют трофеем Одина, находкой Одина, его питьем, его даром и напитком Асов.

О ПОХИЩЕНИИ И ВОЗВРАЩЕНИИ ИДУН

Об этом существует два рассказа, один в *Сэмундовой Эдде* (*Hrafnagaldur Odins*, или *Песнь Одинова Ворона*), дальнейшие упоминания о котором в данной книге опущены, по причине ее невнятности и отсутствия интереса к нему у основной массы читателей; второй приведен в *Эдде Сноффи*.

Асы Один, Локи и Хёнир однажды оставили свой дом и направились по горам и пустошам, где их мучила нехватка еды, но спустившись в долину, они заметили стадо быков, одного из которых убили, чтобы сварить. Решив, что мясо готово, они попробовали его, однако мясо не проварилось. Через некоторое время асы вновь попробовали мясо, которое опять оказалось неготовым. И когда они обсуждали случившееся и гадали о том, что могло послужить тому причиной, до них сверху донесся голос. Поглядев, они заметили у

себя над головами изрядной величины орла, который сказал им: «Если вы досыта накормите меня мясом быка, он скоро сварится». Асы обещали накормить его; после чего орел слетел с дерева, уселся на варящуюся тушу и вырвал свою часть из окороков и обоих плеч. Увидев это, Локи воспылил гневом и, схватив огромный шест, изо всей силы ткнул им орла, тем не менее сумевшего взлететь, хотя один конец жерди прилип к его телу, а другой крепко держала рука Локи. Когда орел взлетел, ноги Локи поволоклись по скалам, пригоркам и деревьям, и он подумал, что рука его оторвется от плеча. Он громко закричал и попросил пощады, однако орел ответил, что не отпустит своего пленника, пока тот не поклянется доставить ему из Асгарда Идун вместе с ее яблоками. Дав такую клятву, Локи получил свободу и со спутниками возвратился в Асгард.

Там, выбрав подходящее время, он сказал Идун, что в лесу возле Асгарда видел прекрасные яблоки, и тем самым выманил ее за стены, попросив взять с собой ее собственные яблоки, чтобы сравнить и те и другие. Тут явился великан Тиацци в орлином оперенье (ибо он-то и был орлом), схватил Идун и полетел с ней к себе домой. Асы же в отсутствие Идун быстро состарились и поседели. Посему они собрались на совет и принялись расспрашивать друг друга о том, кто видел ее последним, тогда обнаружилось, что она вышла из Асгарда с Локи. Того схватили, привели на совет и стали угрожать пытками и смертью, если он не сумеет вернуть Идун из Йотунхейма. Устрашенный угрозами, он обещал вернуть похищенную, если Фрейя одолжит ему свое соколиное оперенье; получив его, Локи полетел на север, к Йотунхейму, и добрался до жилья великана, где застал Идун в одиночестве, потому что Тиацци отправился в море. Локи превратил ее в орех, взял его в свои когти и быстро полетел прочь.

Вернувшись домой, Тиацци обнаружил пропажу, надел орлиные перья, полетел за Локи и едва не настиг его; однако, завидев сокола с орехом в когтях и преследующего его орла, асы вышли к стене с охалками щепы, которую запалили, едва сокол влетел в город и опустился на землю; орел же, не сумев быстро отреагировать, опалил крылья и лишился сил, после чего его убили Асы. О Тиацци, кроме того, говорят, что отца его звали Эльвальди, и у него было много золота. Сыновья его, Тиацци, Иди и Ганг, делили наследство, отмеряя свою долю по очереди своими ртами.

О НЬЁРДЕ (NIÖRTHR) И СКАДИ (SKATHI)

Скади, дочь Тиацци, взяла шлем и кольчугу и с полным вооружением отправилась в Асгард, чтобы отомстить за смерть отца. Асы предложили ей мир и выкуп, а также разрешили выбрать себе мужа из их числа, — при условии, что она будет видеть лишь ноги тех, из кого выбирает. Обойдя всех, она увидела понравившиеся ей ноги и сказала: «Выбираю его; у Бальдра нет недостатков». Тем не менее она сделала ошибку, ибо ноги принадлежали Ньёрду из Ноатуна. Другим условием мира было положено, чтобы асы рассмешили ее, что сумел сделать Локи, устроивший нелепую выходку с козой. Рассказывают еще, что Один (или Тор) взял глаза Тиацци и забросил их на небо, превратив в две звезды. Ньёрд женился на Скади, однако скоро между ними возник спор, ибо Скади хотела жить среди гор, в жилище своего отца, носившем название Трюмхейм, в то время как Ньёрд предпочитал пребывать возле моря. Наконец они сошлись на том, что будут проводить поочередно девять дней в Трюмхейме и три в Ноатуне⁶². Вернувшись с гор в свой Ноатун, Ньёрд промолвил:

Не любы мне горы,
хоть я и был там
девять лишь дней.
Я не сменяю
Клик лебединый на вой волков.

Тогда Скади сказала так:

Спать не дают мне
птичьи крики
на ложе моря,
всякое утро
будит меня
морская чайка⁶³.

Пер. О.А. Смирницкой

После этого она вернулась в свои горы и с тех пор обитает в Трюмхейме, где бегают на лыжах и стреляет диких зверей из лука; посему ее называют Ондургуд или Ондурдис (богиней-лыжницей). «Из ее жилища и с ее полей всегда исходят холодные (пагубные) пожелания Локи, из-за которого погиб ее отец».

О ФРЕЙРЕ И ГЕРД (GERTHR)

Фрейр однажды сидел на престоле Хлидскъялв, оглядывая миры, и обратившийся к Йотунхейму взор его пал на Герд, прекрасную деву, дочь Гюмира и Аурбоды, родственников Тиацци, шедшую из чертога своего отца в свое девичье жилище. Когда она подняла руки, чтобы отворить дверь, и небо и земля озарились таким светом, словно воссиял весь мир. Фрейр спустился с Хлидскъялва с сердцем, полным любовного пыла, и отправился домой, где не пил, не спал и молчал и не позволял никому обращаться к нему со словами. Такое наказание Фрейр возложил на себя за то, что позволил себе усестись на священном престоле Одина. Увидев сына таким, отец его Ньёрд послал за Скирниром, слугой Фрейра, и приказал ему отправиться к своему господину и спросить о том, что же так смутило его. Поступивший как было приказано Скирнир спросил у Фрейра, почему тот сидит день за днем в великом чертоге. «Как описать тебе поразившую меня страсть, — ответил Фрейр. — Светило альвов (солнце) светит каждый день, но не радует меня». «Открой мне свои печали, — сказал Скирнир, — с начала времен, от юности нашей жили мы вместе и должны доверяться друг другу». И Фрейр поведал ему о том, что увидел в доме Гюмира светлорукую деву; и что возлюбил ее с большим пылом, чем может возлюбить юноша на заре своих дней, и что ни Асы, ни альвы не позволят им сойтись. «Дай же мне твоего быстрого скакуна, — сказал Скирнир, — который может пронести меня сквозь сильное пламя, и твой меч, который сам собой рубит великанье племя, если крепок тот, кто держит его». Тогда отправился Скирнир в путь и сказал коню: «Темень снаружи, пора нам перевалить через туманные горы, к великаньему племени; или же мы оба вернемся, или же этот могучий великан погубит нас обоих». И Скирнир приехал в Йотунхейм, к дому Гюмира, в ограде которого около ворот сидели на цепи свирепые псы. Скирнир подъехал к сидевшему на пригорке пастуху и спросил у того, как можно проехать мимо псов

Гюмира и поговорить с юной девой. «Обречен ли ты на смерть или вижу я перед собой бесплотного духа? Не суждено тебе услышать голос доброй дочери Гюмира». На такие слова пастуха Скирнир ответил: «Есть лучшее дело, чем плакать о том, кто доброю волей идет на смерть; жизнь была дана мне только на один день, и число дней моих определено судьбой». Но Герд услышала голос незнакомца и спросила: «Что за шум шумов раздается в нашем чертоге? Земля трясется от него, и все дворы Гюмира сотрясаются». Служанка ее ответила: «Муж, прибывший извне, спустился со своего коня и пустил его пастись». «Предложи ему, — сказала Герд, — войти в наш чертог и испить светлого мёда, хотя боюсь я, что это убийца моего брата стоит снаружи». Когда Скирнир вошел, Герд спросила: «Которого из альвов или асов или мудрых ванов вижу я? Зачем пересек ты бушующее пламя⁶⁴, чтобы попасть в наш чертог?» Далее Скирнир изъясняет цель своего приезда. Дева долгое время не уступала его просьбам поселиться с Фрейром. В награду за любовь он обещал ей одиннадцать золотых яблок, однако Герд не согласилась. Тогда он пообещал ей кольцо Драупнир, положенное на погребальный костер младшего сына Одина Бальдра, но она опять отказалась, сказав, что в чертогах отца не знала недостатка в золоте. Тогда Скирнир пригрозил отсечь ей голову светлым мечом, который держал в руке, удара которого не выдержал бы старый великан, отец ее; ударить ее жезлом укрощения; отправить ее туда, где сыны человеческие более не увидят ее; посулил ей жизнь на орлиной горе, отдаленной от мира и приближенной к царству Хель, где пища будет ей столь же отвратительна, как змей Мидгарда сыновьям человеческим⁶⁵; и что когда она выйдет оттуда, то будет осмеяна Гримниром и всеми на свете, потому что станет чудовищем, достойным лишь издевки и презрения. «Садись, — сказал он, — ибо я изолью на тебя поток горестей и удвоенного несчастья. Ужас не будет расставаться с тобой во все дни пребывания в чертоге великана; день за днем ты будешь бродить по нему, не зная счастья; плач, а не приятное времяпровождение будет твоим уделом, и слезами ты будешь омыwać твою боль. Жизнь твою ты будешь влачить с трехголовым великаном или же умрешь девицей; с утра до утра будет твой ум пребывать в тревоге, и уподобишься ты чертополоху, сохнущему на крыше дома». А затем, взмахнув своим волшебным жезлом, произнес проклятие: «В гневе на тебя Один! В гневе на тебя князь Асов! Фрейр будет избегать тебя, о, злая дева, когда поразит тебя месть богов! Услышьте об этом великаны! Услышьте, инеистые великаны и сыновья Суттунга⁶⁶, и вы, о друзья асов⁶⁷! услышьте, как я запрещаю и изгоняю тебя из общества людей! Призываю великана Хримгримнира, который будет владеть тобой в бесплодной обители мертвецов, где рабы горя будут поить тебя только козьиной мочой. Вырезаю на тебя руну Турс⁶⁸ и три другие руны: слабости, безумия и нетерпения. Но я срежу их⁶⁹ так же, как вырезал: выбирай». «Приветствую тебя, юноша! — сказала Герд, — и в знак приветствия прими чару ледяного старого меда; хотя никогда не обнаруживала расположения к мужам из племени Ванов». Она пообещала встретиться с сыном Ньёрда через девять дней в теплом лесу Барри. Скирнир вернулся домой, где объявил о счастливом исходе своей поездки; однако полный желания Фрейр воскликнул: «Длинна ночь, длинны две ночи; как вытерпеть три? Часто месяц казался мне дольше, чем половина ночи, исполненной такого желания».

Таким образом, Фрейр расстался со своим мечом, и безоружным сражался с Бели⁷⁰, которого сразил оленьим рогом, хотя мог бы сразить ударом кулака: однако настанет время, когда утрата меча обойдется ему куда дороже: когда сыновья Муспелля выедут на битву.

ОБ ОТПРЫСКАХ ЛОКИ

От Ангурбоды (*Angrboda*), великанши из Йотунхейма, у Локи было трое детей, а именно волк Фенрир, змей Мидгарда, или Ёрмунганд, и Хель, богиня смерти. Когда Асы обнаружили, что все трое воспитываются в Йотунхейме, и вспомнили предсказания о том, что все трое причинят им много бед, являясь источником зла как по материнской, так и — в еще большей степени — по отцовской линии, Всеотец послал богов за детьми Локи. Когда они пришли, Один бросил змея в глубокий океан, окружающий все земли; но, оказавшись там, змей рос и рос, пока не окружил свои телом весь мир, впившись зубами в собственный хвост. С тех пор он питает ненависть к небу, сотрясает сушу, заставляет трепетать воздух, посылает на землю снег, штормовые ветры и проливные дожди. Хель Один низверг в Нифльхейм, отдав под ее власть девять миров, чтобы она находила там место для тех, кто попадает к ней, то есть всем усопшим от болезней и старости. Просторный двор ее окружен стеной с большими воротами. Чертог ее носит имя Элиуднир (*nimbos sive procellas late accipiens* — «грозы или бури обильно приемлющий»); тарелка ее зовется Хунгр (голод); нож ее Сулк (истощение); при ней состоят прислужник Ганглоти (неторопливый) и служанка Ганглот (неторопливая); имя порогу ее *Fallanda forat* (опасный обрыв); постель ее Кор (одр болезни); занавеси ее — Блики-анда бол (Злая напасть). Тело ее наполовину черное, наполовину цвета мяса, и потому ее легко узнать, она свирепа и угрюма. Волка воспитали Асы, и лишь Тюр хватало отваги кормить его. Когда асы заметили, сколько прибавляет за каждый день в росте Фенрир, которому определено было стать их погибелью, они решили сковать для него очень прочную цепь по имени Лединг (*Laethingr*), которую принесли к волку, чтобы он доказал свою силу. Цепь не показалась волку прочной, и он не стал противиться асам; однако она разорвалась в тот момент, когда Фенрир потянулся, и он снова оказался на свободе. Тогда асы сделали еще одну цепь, вдвое крепче прежней, и назвали ее Дроми. Ее также предложили разорвать волку, сказав, что он прославится своей силой, если сумеет избавиться и от нее. Волк заметил, что цепь чрезвычайно прочна, но в то же время он знал, что сделался значительно более сильным с той поры, когда разорвал путы Лединга. Кроме того, он подумал, что если хочет прославиться, то должен рискнуть. Поэтому он позволил асам сковать его. Когда асы закончили свое дело, волк рванулся, брыкнулся и сбросил ее на землю, так что куски разлетелись во все стороны. Так он освободился и от Дроми. С тех пор говорят: «высвободился из Лединга» или «вырвался из Дроми», когда делают что-то с большим трудом.

Испугавшись, что они так и не сумеют связать волка, Асы послали Скирнира, вестника Фрейра, к неким черным альвам в Сварт-Альвхейм, чтобы те сделали для них цепь Глейпнир, на которую ушло семь материалов: звук кошачьих шагов, женские бороды, корни гор, медвежьи жилы, рыбе дыхание и птичья слюна. Цепь вышла мягкая и гибкая, как шелковый шнурок, но чрезвычайно прочная. Получив ее, боги вместе с Фенриром отправились на остров Лингви, что на озере Амсвартнир. Там они показали ему путы, спросив, сумеет ли он разорвать их, поскольку цепь оказалась куда прочнее, чем можно было подумать по ее внешнему виду. Пытаясь разорвать ее, они передавали цепь друг другу, но без успеха. «Но волк, — сказали они, — без труда разорвет ее». Волк ответил: «Мне не кажется великой честью разорвать столь тонкую нить, но поскольку она кажется столь тонкой, здесь может быть какая-то хитрость или обман, и я не позволю надеть ее на мои ноги». Асы сказали, что он без труда разорвет шелковый шнурок, раз

уже разрывал прочные железные оковы, прибавив: «Даже если ты не сумеешь разорвать ее, бояться нечего, ведь мы немедленно освободим тебя». Волк ответил: «Если вам удастся связать меня так надежно, что я не смогу освободиться, не сомневаюсь, что мне долго придется дожидаться милости с вашей стороны. И потому я не имею ни малейшего желания позволять, чтобы меня обвязывали этой веревкой. Но чтобы вы не обвиняли меня в недостатке отваги, пусть один из вас положит мне руку в пасть, в качестве залога доброй воли с вашей стороны». Боги переглянулись, поскольку ни один из них не желал рисковать рукой. Наконец, Тюр протянул руку и вложил ее в пасть волка. Фенрир напрягся, и чем больше пытался он высвободиться, тем туже охватывала его цепь. Тут все принялись смеяться, кроме Тюра, поплатившегося рукой за опрометчивость. Увидев, что волк надежно связан, Асы взяли конец прикрепленной к путам цепи Гелгья, продали ее сквозь огромную скалу, зовущуюся Гьёлль, которую закопали глубоко в землю и забили еще глубже с помощью камня Твити. В открытую пасть волка они вставили меч, рукоятка которого упирается в нижнюю челюсть, а острие воткнулось в верхнюю челюсть. Жутко воет волк, и пена, бегущая из его пасти, сливается в реку, называющуюся Вон; место, где находится он, также зовется Ванарганд (*Vanarganndr*). Там будет лежать он до самого Рагнарёка.

О Торе и его странствиях рассказывают многие истории, из которых до нас дошли следующие.

ТОР В ДОМЕ ГЕЙРРЁДА (*GEIRRÖTHR*)⁷¹

Однажды Локи, желая развлечься, отправился на прогулку в соколином оперении Фригг, прилетел к дому Гейррёда, и, заметив просторный чертог, побуждаемый любопытством, сел и заглянул в окно. Заметивший его Гейррёд приказал одному из своих слуг поймать птицу и принести ему; однако получивший поручение человек неловко карабкался вверх по высокой стене, и Локи, посмеивавшийся над увальнем, решил, что сумеет улететь раньше. И когда, наконец, слуга протянул к нему руку, Локи взмахнул крыльями, чтобы улететь; но ноги его запутались в чем-то; так его поймали и принесли к великану, который, заглянув в его глаза, понял, что имеет дело не с простой птицей, и приказал ему говорить; однако Локи молчал. Тогда великан запер его в сундук, где Локи пришлось три месяца голодать. Наконец великан вынул его и снова приказал говорить. Локи был вынужден признаться в том, кто он; и чтобы сохранить свою жизнь ему пришлось клятвенно пообещать, что он приведет сюда Тора, причем без молота и пояса силы. Локи уговорил Тора предпринять такое странствие. По пути они остановились у великанши Грид (*Griðr*), матери Видара Молчаливого, посоветовавшей Тору опасаться Гейррёда, искусного мошенника, общение с которым не сулило ничего хорошего. Она одолжила ему свой пояс силы, железные рукавицы и посох по имени Гридарволл. Путешествуя, они пришли к величайшей из рек, называемой Вимур, чтобы пересечь которую Тор опоясался поясом и удерживал себя в потоке, опираясь на посох Грид, а Локи крепко держался за пояс. Достигнув середины потока, они обнаружили, что вода переливается через плечи Тора; поглядев вверх, на часть реки, стиснутую двумя крутыми скалами, он заметил Гьялп, одну из дочерей Гейррёда, стоявшую, опираясь ногами в оба берега; оказалось, что это она и заставила воду в реке подняться; посему, схватив тяжелый камень, Тор бросил его в великаншу со словами: «Реку следует преградить в ее истоке». Подойдя поближе к берегу, он ухватился за рябиновый куст и выбрался на сушу. Оттого говорят:

«Рябина — спасительница Тора». Когда он пришел в жилище Гейррёда, его поместили в палате, где стояло только одно кресло; сев на него, он обнаружил, что кресло поднялось к самой крыше, посему, упершись посохом Грид в балку, он налег на него всей мощью, тогда послышался громкий хруст, сопровождаемый жутким криком. Оказалось, что под креслом устроились дочери Гейррёда, Гьялп и Грейп, и Тор переломил им спины. После этого Гейррёд пригласил Тора в свой чертог — развлечься игрой. С одной стороны чертога располагался огромный очаг, из которого, когда Тор оказался напротив Гейррёда, последний выхватил щипцами раскаленный докрасна железный клин и швырнул его в Тора, который поймал предмет железной рукавицей и отбросил назад. Гейррёд укрывся за железным столбом, но Тор метнул клин с такой силой, что тот пронзил столп, пронзил Гейррёда, стену и глубоко вошел в землю снаружи⁷².

Похищение молота. Проснувшись, Винг-Тор обнаружил, что молот его отсутствует; борода его тряслась, а голова раскачивалась от ярости. Он дал знать о своей потере Локи, и они отправились в прекрасное жилище Фрейи, чтобы занять ее соколиное оперение. Надев его, Локи полетел в Йотунхейм и застал вождя великанов Трюма сидящим на возвышенности около своего жилья; гигант плел золотой ошейник для своего пса и поглаживал гривы своих коней. «Как идут дела у асов, — спросил он, — и как обстоят дела у альвов? Зачем пришел ты в одиночестве в землю великанов?» «Плохи дела у асов, плохи дела у альвов. Это ты спрятал молот Хлорриди?» — спросил Локи. «Да, — ответил Трюм. — Я спрятал его в девяти милях отсюда под землей, и никто не достанет его, если только он не приведет мне в жены Фрейю». Тогда Локи, шелестя перьями, полетел назад с известием и сообщил Тору о том, где находится молот, и о том условии, на котором он может быть возвращен. После оба они отправились к прекрасной Фрейе, которой изложили суть дела, и Локи сказал: «Убери себя, как положено невесте, и мы вместе отправимся в Йотунхейм». Однако Фрейя гневно фыркнула, так что задрожал весь чертог и рассыпалось ее ожерелье Брисингамен, и сказала: «Я отправилась бы с тобой в Йотунхейм, только если бы была совершенно лишена мужского общества». Все Асы сошлись на собрание, на которое пришли и все богини, чтобы обсудить, каким образом можно будет вернуть молот. Тогда сказал Хеймдалль Мудрый, будучи ваном, провидевший будущее: «Давайте возложим на Тора покрывало невесты и украсим его ожерельем Брисингамен; пусть на боку его звякает связка ключей, женское платье прикрывает колени, драгоценные камни покрывают грудь, а голову покрывает красивый головной убор». Но Тор, могучий бог, ответил: «Асы осмеют меня, если я позволю одеть себя в женское платье». Но Локи тогда напомнил всем, что если Тор не вернет назад свой молот, то в Асгарде поселятся великаны. Посему они возложили на Тора покрывало невесты, украсили его знаменитым ожерельем Брисингамен, прицепили к поясу ключи, женское платье прикрыло его колени, драгоценные камни покрыли грудь и красивый убор голову. Локи отправился с ним в качестве служанки. Козлы бежали, горы тряслись, земля полыхала, когда сын Одина катил в Йотунхейм. Тогда сказал вождь великанов: «Вставайте, великаны! Положите подушки на скамьи и приведите ко мне мою невесту Фрейю. Пусть приведут к моей обители златорогих коров и черных, как уголь, быков. Довольно у меня украшений, довольно сокровищ⁷³; одной только Фрейи не хватало мне для счастья».

В самом начале вечера собрались великаны, и начался праздник. Тор в одиночку съел целого быка, восемь лососей и все приготовленные для женщин сладости, к которым, чтобы

утолить жажду, добавил три огромных сосуда меда. Потрясенный Трюм воскликнул: «Никогда не видел я настолько прожорливой невесты или чтобы женщина пила столько меда». Однако рассудительная служанка заметила: «Восемь дней и ночей Фрейя ничего не ела, с таким пылом стремилась она в Йотунхейм». Тогда великан приподнял покрывало, чтобы поцеловать невесту, в ужасе отшатнулся и бросился прочь из чертога, восклицая: «Почему у Фрейи столь пронзительный взор? Глаза ее жгут огнем». Но лукавая служанка ответила: «Восемь дней и ночей Фрейя не спала, с таким пылом стремилась она в Йотунхейм».

Тут явилась несчастная сестра великана, чтобы спросить брачный дар, и сказала: «Дай мне своей рукой колец красного золота, если хочешь добиться моей любви и благосклонности». Трюм сказал тогда: «Внесите теперь молот, чтобы освятить им невесту; положите Мьёлнир на колени девы и соедините нас именем Вёр». Но сердце Хлорриды, крепкого бога, возликовало в его груди, когда молот оказался в его руке. Первым он убил Трюма, затем все великанское племя; а сестра великана получила раны вместо скиллингов и удары молотом вместо красных колец. Так сын Одина вернул свой молот.

О ТОРЕ И УТГАРДА-ЛОКИ⁷⁴

Некогда Тор выехал в своей запряженной козлами колеснице вместе с Аса-Локи, и вечером подъехали они к дому селянина. Козлов убили и сварили, и Тор пригласил селянина, его жену, их сына Тьялви и дочь Рёскву принять участие в трапезе, сказав, что кости следует бросать в козлиные шкуры, которые он оставил у очага. Однако Тьялви расколол бедренную кость, чтобы извлечь из нее костный мозг. Тор провел в этом доме всю ночь, поднялся с рассветом, высоко поднял Мьёлнир, благословил им козлиные шкуры, и козлы вскочили живыми, однако один хромал на заднюю ногу. Он позвал селянина, готового пасть на колени при виде гневного чела и побелевших пальцев, стискивавших рукоять Мьёлнира. Все семейство бросилось просить прощения и предложили отдать все, что у них есть, чтобы компенсировать такую беду. Увидев их ужас, Тор умерил гнев и ограничился тем, что взял Тьялви и Рёскву себе в слуги. Оставив позади козлов, он продолжил свой путь на восток, в Йотунхейм, в направлении моря в компании Локи, Тьялви и Рёсквы. Недолго пройдя, они приблизились к огромному лесу, по которому шли до темноты; Тьялви, быстрейший из всех людей, нес суму Тора, хотя провизию для него удавалось отыскать с трудом. Оглядевшись по сторонам, они принялись искать подходящее место для ночлега и заметили очень вместительный дом с дверью во всю боковую стену. Они вошли и отдались отдыху; однако в полночь земля под ними затряслась, вздрогнул и дом. Поднявшись Тор, позвал своих спутников. На ощупь они нашли справа каморку, в которой спрятались, а сам Тор встал в дверях с молотом в руках. Услышав снаружи великий шум и грохот, спутники Тора пришли в ужас. На рассвете Тор вышел наружу и увидел человека гигантского роста, лежавшего неподалеку в лесу: он спал и громко храпел. Тор, понявший теперь, кто произвел ночной шум, застегнул свой пояс силы, увеличивавший его божественную мощь. В этот миг человек проснулся и встал. Говорят, что Тор не посмел ударить его молотом, но только спросил имя. Того звали Скримир или Скримнир. «Мне незачем, — проговорил он, — спрашивать твое имя, ибо я знаю, что ты есть Аса-Тор; но что ты сделал с моей рукавицей?» Он тут же нагнулся и подобрал ее. Лишь тут Тор увидел, что дом, в котором они провели ночь, оказался на самом деле рукавицей, а каморка была в ней большим пальцем. Скримир тогда спросил, может ли он составить им компанию в пути; Тор ответил согласием. Тогда Скримир развязал свою суму и при-

ступил к завтраку, а Тор и его спутники поступили подобным образом, но в своем месте. Тут Скримир предложил им соединить провизию, на что Тор также согласился. Скримир сложил весь провиант в один мешок, взвалил его на спину и широко зашагал вперед. Уже поздно вечером он отыскал для них место для отдыха под огромным дубом, сказав, что он ляжет и уснет. «А вы, — добавил он, — возьмите суму и приготовьте себе ужин». Скримир немедленно погрузился в сон и смачно захрапел. Тор взял суму, чтобы открыть ее, и — сколь это ни невероятно — не мог развязать даже одного узла, не мог ослабить даже один ремешок. Увидев, что все старания его бесполезны, Тор осерчал и, схватив Мьёлнир обеими руками, сделал один шаг и ударил лежавшего Скримира по голове. Тут Скримир проснулся и спросил, не лист ли свалился с дерева ему на лоб, поужинали ли они и готовы ли уснуть. Тор ответил, что они как раз собирались отойти ко сну. Все они устроились под другим дубом. В полночь Тор услышал, как Скримир захрапел так, словно по лесу раскатился гром. Тор поднялся и приблизился к великану, размахнулся молотом во всю свою силу и ударил лежащего по макушке так, что молот ушел в череп. Тут Скримир пробудился и сказал: «Что это? Неужели желудь упал мне на голову? А с тобой ничего не случилось, Тор?» Но Тор торопливо отступил, сказав, что как раз проснулся; и что раз время идет только к полуночи, они могут поспать подольше. Он думал теперь только о том, что если не сумеет удачно нанести третий удар, то никогда более не увидит света; и лег, дожидаясь, пока Скримир снова уснет. Ближе к рассвету, когда великан опять глубоко уснул, Тор взял Мьёлнир и ударил Скримира изо всех сил в висок, так что молот по рукоятку ушел в голову. Однако Скримир поднялся и, поглаживая подбородок, проговорил: «Не сидит ли надо мной птица на этом дереве? Показалось мне спросонья, что перышко упало с ветвей на мою голову. Спишь ли ты, Тор? Пора вам вставать и одеваться, ибо мы находимся недалеко от города, носящего название Утгард (*Utgarthr*). Слышал я, как вы переговаривались между собою и говорили, что я — человек немалого роста; только когда мы придем в Утгард, вы увидите и людей повыше меня. Дам вам добрый совет: не хвалитесь собой, ибо люди Утгарда-Локи не любят хвастовства от таких человечков. Если вы готовы послушать другой совет, поворачивайте назад, поелику так будет много лучше для вас; но если вы предпочтете продолжать путь, идите далее на восток. Мой же путь пролегает теперь к тем горам». Тут, закинув суму за плечи, Скримир оставил их, углубившись в лес по тропе; и никто никогда не сказывал, что асам хотелось еще раз познакомиться с ним.

Тор и его спутники шли вперед до полудня, а потом узрели перед собой на просторной равнине город, да такой высокий, что им пришлось запрокинуть назад головы, чтобы увидеть крыши домов. Дорогу им преграждали запертые ворота. Тор попытался открыть их, но не сумел этого сделать; тем не менее они хотели войти и потому пробрались сквозь прутья решетки. Перед ними оказался просторный чертог с открытой дверью, в которую они и вошли, а там, внутри, на двух скамьях сидели люди самого гигантского роста. Тогда они отправились к королю, назвавшемуся именем Утгарда-Локи, и приветствовали его; однако тот едва поглядел на них и произнес с пренебрежительной усмешкой: «Не хочется расспрашивать путников о подробностях долгого путешествия, но, если я не ошибаюсь, этот вот малыш и есть Эку-Тор? Впрочем, ты, похоже, выше, чем кажешься. Какие же деяния по силе тебе и твоим спутникам? Ибо здесь не терпят никого, кто мастерством или талантом в чем-либо не превосходит остальных». Тут молвил Локи, вошедший последним: «Одно деяние могу я совершить и готов показать

его перед вами: ибо я умею пожирать пищу столь же проворно, как и любой из вас». Утгарда-Локи ответил: «Конечно, доброе это дело, если только сумеешь ты совершить то, о чем говоришь, и мы проверим тебя». Тут он позвал сидевшего на скамье человека по имени Логи (огонь) и приказал ему помериться силами с Локи. На пол поставили полное мяса корыто, у одного конца которого уселся Локи, а у другого Логи. Каждый ел, как только мог, и они сошлись на середине корыта. Однако Локи съел только мясо с костей, а Логи поглотил и мясо, и кости, и корыто вдобавок. Поэтому все единодушно сошлись на том, что проигравшим оказался Локи. Тогда Утгарда-Локи спросил, в какую игру умеет играть юноша, пришедший с гостями. Тьялви ответил, что готов бежать наперегонки с любым, кого изберет Утгарда-Локи. Тот сказал, что искусство это любезно ему, но добавил, что гостю придется бежать очень быстро, если он надеется победить в этой игре. Потом поднялся и вышел. Рядом, на равнине, была устроена удобная для бега дорожка. Утгарда-Локи вызвал молодца по имени Хуги (мысль), приказав ему состязаться с Тьялви. В первом забеге Хуги настолько далеко опередил Тьялви, что, достигнув черты, повернулся и побежал назад, навстречу гостю. «Быстрее шевели ногами, — сказал Утгарда-Локи, — если хочешь победить; хотя я и должен признать, что не было у меня здесь более быстрого гостя». Бегуны попробовали еще раз. Когда Хуги был возле меты и повернул назад, Тьялви оставалось бежать целый длинный полет стрелы. «Бесспорно ты отменный бегун, — заметил Утгарда-Локи. — Но, по-моему, тебе не победить, хотя это мы увидим, когда вы пробежите в третий раз». Тогда они пробежали третий раз, и когда Хуги достиг меты, Тьялви еще не добежал даже до середины дистанции. Все дружно сошлись на том, что этих испытаний достаточно.

Теперь Утгарда-Локи спросил у Тора, какими деяниями может он похвалиться перед ними, чтобы подтвердить слухи о своей великой доблести. Тор ответил, что готов состязаться в питье с любым из его людей. Утгарда-Локи удовлетворился этим предложением и, возвратившись в чертог, приказал своему чашнику принести рог искупления или наказания, из которого положено было пить его людям, и сказал: «Если кто осушит этот рог с одного глотка, мы говорим, он умеет пить; некоторые справляются с ним в два глотка, но уж в три с ним справится каждый». Тор посмотрел на рог, не показавшийся ему особенно вместительным, хотя и был он достаточно длинным. Ощущая великую жажду, он приложил рог ко рту и сделал большой глоток, полагая, что повторять его не придется; однако, опустив рог, чтобы посмотреть, сколько жидкости убыло, он обнаружил, что ее осталось столько же, сколько было прежде. «Ты отпил, но немного, — сказал Утгарда-Локи. — Я не поверил бы, если бы мне сказали, что Аса-Тор не в силах отпить больше. Я склоняюсь к тому, что ты выпьешь его со второго глотка». Вместо ответа Тор приложил рог к губам, ощущая решимость сделать больший глоток, чем прежде, однако не сумел поднять конец рога так высоко, как ему хотелось бы, и когда опустил он рог, показалось Тору, что выпил он меньше, чем в первый раз, хотя рог сделался чуть легче — так, что его можно было держать, не расплескивая. Тут Утгарда-Локи сказал: «Неужели, Тор, осталось в роге больше, чем можешь ты выпить с одного глотка? Кажется мне, что если ты сумеешь осушить рог с третьего глотка, тебе придется выпить большую часть. Но среди нас ты все равно не будешь считаться таким великим, как посреди Асов, если только не отличишься в других играх более, чем в этой». Речь эта весьма рассердила Тора, который поднес рог к губам и изо всех сил потянул в третий раз — причем так долго, как только мог; заглянув в рог, он обнаружил, что убавилась только часть содержимого. Он отложил

рог, не желая более продолжать. «Теперь вполне ясно, — заметил Утгарда-Локи, — что ты не настолько могуч, как мы считали. Готов ли ты принять участие в других испытаниях, ибо не преуспел в этом?» Тор ответил: «Готов попробовать другое, хотя не думаю, чтобы среди Асов такие глотки называли маленькими. Но какое испытание можешь ты еще предложить?» Утгарда-Локи ответил: «Такое, какое здесь по плечу и юнцам; надо просто поднять с земли мою кошку. Я не стал бы предлагать такое деяние Аса-Тору, если бы увидел, что ты не настолько могуч, как я полагал». Тут вперед вышла огромная серая кошка. Приблизившись к ней, Тор обхватил ее под животом и потянул вверх; но кошка изогнула спину, и, когда Тор поднял ее так высоко, как только мог, лишь одна нога ее оторвалась от земли; более Тор ничего не сумел сделать. «Все вышло так, как я и предполагаю, — сказал Утгарда-Локи, — кошка весьма велика, а Тор низок ростом в сравнении с присутствующими». «Хотя я и мал, — ответил Тор, — бросаю вызов любому, кто выйдет и попытается побороть меня, когда я в таком гневе». «Здесь не найдется такого, — сказал Утгарда-Локи, — кто не сочтет борьбу с тобой детской игрой; пусть кликнут старуху Элли (старость), мою приемную мать. Много мужей уложила она на сырую землю, которые были не слабее Аса-Тора». Старуха вошла и началась борьба; и чем сильнее стискивал свою противницу руками Аса-Тор, тем тверже стояла она. Наконец она перешла к наступлению; Тор скоро начал пошатываться и началась суровая схватка. Впрочем, долго она не продлилась, скоро Тор припал на одно колено. Приблизившийся к ним Утгарда-Локи велел прекратить поединок, добавив, что Тору незачем бросать вызов еще кому-нибудь из его людей и что близка уже ночь. Тут он предложил Тору и его спутникам сесть, и вечер они провели как желанные гости.

На следующее утро они поднялись с рассветом и, одевшись, приготовились к отбытию. Явившийся Утгарда-Локи приказал приготовить стол. Гостеприимство его не знало недостатка, будь то мясо или питье. Закончив трапезу, гости отправились в путь. Утгарда-Локи вывел их из города и при расставании спросил Тора, что он думает о своей гостьбе и не встречал ли он кого сильнее себя? Тор ответил, что общение их закончилось к его вящему позору; «И я знаю, — добавил он, — что ты считаешь меня ничтожным, что чрезвычайно раздражает меня».

Утгарда-Локи ответил: «Теперь, когда ты вышел из города, я скажу тебе всю правду: пока жив я и имею власть, тебе никогда больше не войти в него, да и не следовало входить и на этот раз, знай я заранее, насколько велика твоя сила, ибо ты едва не поставил нас на грань гибели. Одними лишь чарами я обманул тебя. Когда мы в первый раз встретились в лесу и ты не сумел развязать суму, я перехватил ее заговоренной железной проволокой, которой ты не сумел развязать. Трижды потом ты ударял меня своим молотом. Первый из ударов был самым слабым, но и он убил бы меня, если бы действительно пришелся по мне. Ты видел в моем чертоге камень с четырьмя квадратными вмятинами в нем, одна из которых глубже прочих: их оставил твой молот. Я подsunул тебе вместо себя этот камень, и ты этого не заметил. Обманом были и состязания с твоими людьми. В первом из них Локи доказал свое умение, ибо он был очень голоден и ел ненасытно, однако тот, кто прозывался Логи, истинно был огнем, потребившим и мясо, и корыто. Хуги, с которым состязался Тьялви, был моей мыслью, за которой ему не угнаться. Когда ты пил из рога, казалось без всякого успеха, на деле ты совершил чудо, какого я еще не видел. Другой конец рога соединялся с океаном, чего ты не заметил. Когда ты придешь к морю, то заметишь, как отступило оно от берегов благодаря твоим глоткам,

которые вызвали то, что отныне будет зваться отливом». И еще он сказал: «Не меньший подвиг ты совершил, когда поднял кошку, и, сказать по правде, все были в ужасе, когда заметили, что одна из ее лап оторвалась от пола. Дело в том, что это была не кошка, как тебе показалось; на самом деле это был обнимающий весь мир Змей Мидгарда. Ему едва хватает длины, чтобы соприкасались голова с хвостом, а ты поднял его едва не до самого неба. Великим чудом была и твоя борьба с Элли, ибо не было и не будет такого, кто, встретившись со старостью, не будет повержен ею на землю. Теперь мы должны расстаться, и будет лучше для нас обоих, если мы более не встретимся. Я могу защитить свой город другими чарами, и ты никогда не сумеешь ничего поделать со мной».

Услышав такие слова, Тор поднял молот, но когда он готов был бросить его, Утгарда-Локи уже нигде не было видно, а повернувшись к городу, чтобы разрушить его, Тор увидел прекрасную и просторную равнину, на которой ничего не было.

О ТОРЕ И ЗМЕЕ МИДГАРДА

Вскоре после путешествия в Йотунхейм Тор в облике юноши оставил Мидгард и однажды вечером явился к великану по имени Хюмир, у которого провел ночь. На рассвете великан поднялся, оделся и приготовился на веслах выходить в море и рыбачить. Тор также встал, торопливо оделся и попросил Хюмира разрешить сопровождать его. Однако Хюмир ответил, что от него не будет никакого толка, так он молод и мал. «Кроме того, — добавил он, — ты умрешь от холода, если я заплыву в море так далеко, как задумал, и останусь там столько времени, сколько намереваюсь». Тор заверил его в том, что является хорошим гребцом, и еще не известно, кто из них двоих вновь вернется на сушу. Он так разгневался на великана, что уже готов был угостить того молотом, однако подавил свой гнев, решив доказать собственную силу другим путем. Потом он спросил Хюмира о том, что послужит им наживкой, и получил ответ, что о таковой для себя ему придется заботиться самостоятельно; тогда, увидев принадлежащее Хюмиру стадо коров, свернул голову самому крупному из быков, носившему имя Химинбриот, и взял ее с собой в море. Хюмир уже столкнул лодку на воду. Тор вступил на борт, уселся на корме и стал грести так, что Хюмиру пришлось признать, что они продвигаются чрезвычайно быстро. Сам он греб на носу и уже скоро сказал, что они приплыли к тому месту, где он всегда ловит палтуса и камбалу. Однако Тор хотел отплыть подальше, и они гребли еще некоторое время. Затем Хюмир сказал, что заплыли они теперь столь далеко, что оставаться здесь опасно из-за Змея Мидгарда, но Тор ответил, что погребет еще, что и сделал. Затем, отложив весла, он привязал самый прочный крючок к не менее прочной лесе, нацепил на него в качестве наживки бычью голову и забросил в воду. Следует признать, что тут Тор одурачил Змея Мидгарда ничуть не хуже, чем Утгарда-Локи его самого, когда он пытался своими руками поднять кошку. Змей Мидгарда взял наживку, и крючок вцепился в его челюсть, что он тут же ощутил и принялся дергаться так, что руки Тора ударились о борт лодки. Разгневавшись, Тор вернул себе свою божественную силу и уперся ногами так, что они продавили днище лодки, и сам стал на дне моря. Наконец он подтащил змея к борту лодки. Жуткая была картина, когда Тор метал огненные взоры на змея, и как взирав на него змей, извергая яд. Увидев змея и то, что лодка наполняется водой, Хюмир побледнел от ужаса; и когда Тор замахнулся молотом, содрогавшийся великан достал нож, перерезал лесу, и змей ушел на дно океана. Тор бросил вслед ему молот, и, как говорят, оружие снесло змею голову; но тем не

менее он остался в живых. Тогда Тор ударил великана кулаком, так что тот кувырнулся за борт. Тор же вброд вышел на сушу.

В более старой повести этот миф соединяется с другим, излагаемым далее. Боги посетили великана Эгира, бога моря, однако у него не было котла, чтобы сварить в нем для них пива, и никто из богов не знал, как раздобыть котел, и наконец Тюр сказал Тору, что отец его Хюмир, обитавший к востоку от Эливагара, в конце небес, располагает вполне подходящим и весьма емким котлом глубиной в целую милю. Посему Тор и Тюр отправились к жилищу Хюмира, где они сразу же встретили бабушку Тюра, жуткую великаншу, наделенную девятью сотнями голов: но следом за ней вышла светлая челом женщина, сверкавшая золотом. Это была мать Тюра, предложившая им питье и предложившая спрятать их под котлами в чертоге, поскольку Хюмир часто не бывал рад гостям и был склонен к гневу. Хюмир поздно вернулся с охоты и вошел в чертог: айсберги дрожали от его шагов, а на лице вместо щетины стоял замерзший лес. Женщина объявила ему, что прибыл их сын, которого они так долго ждали, но в компании их отъявленного врага, и что они спрятались за столбом чертога. От одного взгляда великана столп разлетелся вдребезги, и балка переломилась пополам, так что вниз упали восемь котлов, среди которых только один оказался таким прочным, что остался целым. Тогда оба гостя вышли вперед, и Хюмир ощупал Тора подозрительным взглядом; он не ожидал ничего хорошего, увидев врага великанов в своем доме. Тем временем приготовили трех быков, из которых Тор съел двух. Чрезмерная прожорливость Тора естественным образом встревожила Хюмира, и он откровенно объяснил своим гостям, что на следующий вечер всем троим придется удовольствоваться тем, что они поймают своими руками, и на следующий день они отправились ловить рыбу, и Тор разжился наживкой, как было сказано в предыдущем повествовании. Они доплыли до того места, где Хюмир обычно ловил китов, однако Тор поплыл дальше. Однажды, закинув невод, Хюмир поймал двух китов, но на крючок Тора попал Змей Мидгарда. Подтянув ядовитое чудовище к борту лодки, Тор ударил по высокой, как гора, голове своим молотом; отчего задрожали скалы, гром прокатился по пещерам, содрогнулась старая мать-земля, даже рыбы попрятались на дне океана; а змей опустился в море. Приуныв и примолкнув, Хюмир возвратился домой, а Тор отнес к чертогу лодку с налившейся в нее водой, ведром и веслами на своем плече. Однако великан оставался в угрюмом расположении духа и сказал Тору, что хоть тот и умеет грести, однако ему не хватит сил разбить его чашу. Тор взял чашу в руку и метнул ее в стоячий камень, но на куски разлетелся камень, а не чаша; тогда он ударил ею о столп чертога, но чаша целой вернулась к Хюмира. Тогда красавица шепнула на ухо Тору: «Брось ее в лоб Хюмира, который тверже любой чаши». Тогда Тор привстал, вернул себе свою божественную силу и метнул сосуд в лоб великана. С тем ничего не случилось, но чаша для вина разлетелась в осколки. «Отлично сделано, — воскликнул Хюмир, — а теперь попробуй вынести пивной котел из моего чертога». Тюр попытался сделать это, однако котел не шелохнулся. Тогда Тор взялся за кромку котла; топая по полу чертога, он поместил котел на голову, а кольца его звенели у ног бога. Не останавливаясь, Тор пошел далее, и они успели пройти довольно много, прежде чем, оглянувшись, увидели целую рать многоголовых великанов, изливающуюся из пещер во главе с Хюмиром. Тогда, сняв котел с головы, Тор размахнулся Мьёлниром и сокрушил всех горных великанов. Так поступил могучий Тор, чтобы принести в собрание богов котел Хюмира; и теперь они могли отпраздновать с Эгиром праздник урожая⁷⁵.

Кроме того, Эгир задал богам пир, на котором Локи осмеивал и поносил всех основных богов и которому посвящена самостоятельная эддическая поэма. По случаю пира чертог Эгира был освещен сверкающим золотом.

О ТОРЕ И ВЕЛИКАНЕ ХРУНГНИРЕ

Однажды Один отправился верхом на своем коне Слейпнире в Йотунхейм, к великану Хрунгниру. Хрунгнир спросил, кто же это прибыл к нему в золотом шлеме, умеющий ездить по воздуху и воде? «Конь твой, — добавил он, — могуч и великолепен». Один ответил, что готов поставить в заклад собственную голову в том, что в Йотунхейме не найдется коня, равного Слейпниру. Хрунгнир, однако, полагал, что его собственный конь Гулльфакси (Золотая Грива) куда лучше; в гневе вскочив на него, он поскакал за Одином, намереваясь расплатиться с ним за надменные речи. Один скакал во всю силу коня, но Хрунгнир следовал за ним с такой великанской запальчивостью, что, не заметив того, оказался на плацу за оградой Асгарда. Когда он оказался у двери их чертога, асы пригласили его выпить с ними и поставили перед ним чаши, из которых пивал Тор. Хрунгнир осушил все чаши, охмелел и стал грозить унести Валгаллу в Йотунхейм, взять приступом Асгард и убить всех богов, кроме Фрейи и Сив, которых отведет к себе домой. Лишь Фрейя осмеливалась подливать ему, и казалось, что он намеревается выпить у асов все пиво. Асы, не желавшие более слушать пустое бахвальство, кликнули Тора, который, явившись, поднял свой молот и спросил, кто впустил этого надменного великана в Валгаллу, и почему Фрейя наливает ему, как на пиру у асов? Хрунгнир, глядевший на Тора не слишком благосклонно, ответил, что прибыл по приглашению Одина и находится под его покровительством. Тор ответил тогда, что о приглашении этом великан еще успеет как следует пожалеть. На это Хрунгнир ответил, что Тор стяжает немного славы, если убьет его здесь, безоружным; он проявит большую доблесть, если они сойдутся в поединке на рубеже земель, в Гриотуна-гарде. «Безумен я был, — признал он, — явившись сюда без щита и каменной дубинки. Будь мое оружие при мне, мы немедленно вступили бы в бой, но поскольку дело обстоит иначе, объявляю тебя трусом, если ты сразишь меня без оружия». Тор, которому прежде никогда и никто не бросал вызова, ни в малейшей степени не был намерен отказываться от поединка. Когда Хрунгнир возвратился в Йотунхейм, великаны, для которых было жизненно важно, кто из двоих одержит победу, сделали из глины человека ростом в девять миль и шириной в три мили; однако они не смогли найти для него подходящего сердца, пока не взяли кобылье, которое, однако, не сохранило спокойствия, завидев Тора. Сердце же Хрунгнира было каменным и треугольным, как руна, зовущаяся сердцем Хрунгнира. Голова его также была каменной, каменным был и щит, который он держал перед собой, стоя у Гриотуна-гарда, ожидая Тора и положив на плечо свое оружие, внушительную каменную дубинку или точило. Возле него стоял человек из глины, получивший имя Мёккуркальви, чрезвычайно испугавшийся при виде Тора. Того же сопровождал на битву Тьялви, который, прибежав к месту, где стоял Хрунгнир, воскликнул: «Ты очень беспечен, великан! Ты держишь щит перед собой, однако Тор уже заметил тебя и потому опустится в землю, чтобы напасть на тебя снизу». Узнав об этом, Хрунгнир опустил щит на землю и встал на него, взяв дубинку обеими руками. Тогда он увидел молнию и услышал громкий раскат грома, ощутив божественную мощь Тора, подступавшего во всей своей силе и издали метнувшего свой молот. Подняв дубинку обеими руками, Хрунгнир

метнул ее навстречу молоту: оружие столкнулось в воздухе, и дубинка разлетелась на куски. Осколки ее разлетелись по всей земле, откуда пошли все горы из точильного камня; один же из них ударил Тора в голову, отчего тот повалился на землю. Однако Мьёлнир ударил Хрунгнира в лоб, разбив ему череп: он упал на Тора, и нога его легла на шею Тора. Тьялви тем временем сражался с Мёккуркальви, павшим, не заслужив славы. Тогда Тьялви подошел к Тору и попытался стащить с его шеи ногу Хрунгнира, но не сумел даже пошевелить ее. Услышав о том, что пал сам Тор, собрались все асы, однако они оказались столь же беспомощными. Наконец пришел Магни, сын Тора и Ярнсаксы, который, несмотря на то, что ему было только три дня⁷⁶, сбросил ногу Хрунгнира с шеи отца, за что получил от Тора в награду коня Гульляфакси, что Один счел неправильным, сказав, что такой отличный конь должен достаться не сыну великанши, а ему самому. Тор отправился домой в Трудванг, однако осколок остался у него во лбу. Туда пришла вала (вёльва) или пророчица по имени Гроа, жена Аурвандиля (Аурвальда), певшая над ним заклинания (*galldrar*), так что камень стал шататься. За это Тор порадовал ее вестью о том, что шел с севера из-за Эливагара и в железной корзинке нес Аурвандиля из Йотунхейма; в подтверждение сказал, что один из пальцев того торчал из корзинки и отморозился, и что он (Тор) отломил его и забросил на небо, где палец сделался звездой, носящей имя Палец Аурвандиля. Когда Тор сказал ей, что Аурвандиль скоро вернется домой, она пришла в такую радость, что позабыла все заклинания, отчего камень перестал шататься, а до сих пор остается во лбу Тора⁷⁷. Посему нельзя бросать точило поперек пола, ибо тогда шевелится камень в голове Тора.

О смерти Бальдра и наказании Локи. Некогда доброго Бальдра начали беспокоить скорбные и тревожные сны, говорившие, что жизнь его находится в опасности. Боги были чрезвычайно расстроены и, собравшись на совет, решили оградить Бальдра от всех возможных опасностей; мать его Фригг взяла с огня, воды, железа и всех металлов, с камня, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц и ядовитых змей клятву в том, что они не повредят ее сыну. Сделав это, боги решили, что цель достигнута, и, развлечения ради, поставили Бальдра перед всем собранием, а сами принялись стрелять в него из лука, бить разными предметами и бросать в него камни, поскольку ничто не могло причинить ему вреда. Это сочли великой честью, оказанной Бальдру. Однако, невзирая на предосторожности, Один, похоже, предчувствовал, что произойдет нечто скверное и что норны счастья втайне отлетели от асов. Чтобы положить конец собственной тревоге, он решил предпринять путешествие в адские обитатели. Поднявшись, он оседлал Слейпнира и отправился вниз в Нифльхель (Нифльхейм), чтобы поднять из могилы и расспросить мертвую валу, могила которой находилась у восточных ворот обители Хель. На пути его встретил свирепый пес Хель, с окровавленной грудью и пастью, жутко лаявший и завывавший; однако Один ехал вперед, пока не оказался возле могилы валы. Обратив свое лицо к северу, он пропел некромантические заклинания, имеющие власть пробуждать мертвецов, и, наконец, вала без особой охоты поднялась из могилы и потребовала, чтобы человек, посмеявшийся нарушать ее отдых, назвал свое имя. Один ответил, что зовут его Вегтам, сын Валтама, и спросил у нее, зачем приготовлены здесь скамьи и позолоченные лежа, которые он успел заметить. Она ответила ему, что приготовлено все это в честь Бальдра, и сказала, чтобы он более ни о чем не расспрашивал ее. Однако в ответ на упрямые расспросы она открыла Одину все события, закончившиеся смертью Бальдра, и те, что последуют за нею, как повествуется далее, снова воспретив дальнейшие расспросы. Однако Один продолжил рас-

спросы и спросил ее, кто те девы, которые не плачут здесь по Бальдру, но расхаживают, выставив к небесам высокие головные уборы⁷⁸? Тут вала воскликнула: «Не Веттам ты, как думала я; а Один, вождь людей». На это Один ответил: «Не вала и не мудрая женщина ты, мать троих великанов». На этот оскорбительный выпад вала ответила: «Езжай домой и хвастай там своим подвигом. Никогда более смертному не удастся посетить меня, — до тех пор, пока Локи не разорвет свои цепи, и не настанет Рагнарёк».

Когда Локи, сын Лауви, увидел упомянутое выше развлечение, он стал недоволен тем, что Бальдр остается целым, и в облике женщины отправился к Фригг в Фенсалир. Фригг спросила у этой женщины, известно ли ей, чем заняты асы в своем собрании. Та ответила, что все они стреляют в Бальдра, но не могут причинить ему вреда. Фригг тогда сказала: «Ни оружие, ни дерево не способны причинить Бальдру вред: я взяла у всех них такую клятву». Услышав это, женщина спросила: «Все ли вещи поклялись щадить Бальдра?» Фригг ответила ей, что только с омелы, малого и незначительного растения, растущего к западу от Валгаллы, не взяла она клятвы, потому что растеньице это показалось ей слишком юным. Локи тогда оставил Фригг, отыскал эту омелу, вырвал ее и принес в собрание богов, где все по-прежнему были заняты стрельбой в Бальдра. За пределами всего кружка стоял Хёд. Повернувшись к нему, Локи спросил, почему он не пускает стрел? Хёд объяснил, что он слеп и безоружен. «Однако, — сказал Локи, — тебе тем не менее следовало бы оказать Бальдру такую же почесть, как и все остальные. Возьми эту палочку, а я покажу тебе, где он стоит». Хёд взял омелу и метнул ее в Бальдра: она пронзила того насквозь, и он пал мертвым на землю. Так произошло самое прискорбное событие из случавшихся когда-либо с богами и людьми.

Когда пал Бальдр, асы лишились дара речи и утратили всякий разум. Они смотрели друг на друга, дыша местью творцу этого деяния; однако никто не смел осуществить свою месть в священном месте, где должен был царить мир. Когда дар речи вернулся к ним, у всех хлынули слезы, так что они не могли поделиться своей скорбью. Однако Один скорбел более всех прочих, ибо он понимал, как много потеряют асы со смертью Бальдра.

Когда все кое-как пришли в себя, Фригг спросила, кто из асов захочет заслужить ее любовь и уважение, съездив к Хель, чтобы отыскать Бальдра и предложить ей выкуп, если она согласится отпустить его в Асгард. Хермод, сын и спутник Одина, взялся осуществить путешествие; вывели Слейпнира, Хермод сел на него и ускакал.

Асы отнесли труп Бальдра на морской берег; однако не сумели спустить на воду его корабль по имени Хрингхорни (бывший самым вместительным среди кораблей), на котором они собирались сжечь тело; посему послали в Йотунхейм за великаншей Хюррокин, которая приехала верхом на волке, и гадюка была ей поводом. Спустившись со своего скакуна, которого четверо присланных Одином крепких берсерков сумели удержать, лишь повалив на землю, она подошла к корме и с такой силой послала корабль вперед, что огонь вспыхнул под подложенными под него катками, и вся земля задрожала. Такой поступок разгневал Тора, который схватил свой молот, чтобы раскроить ей голову; однако все прочие боги вступились за великаншу. Труп Бальдра перенесли на корабль. Жена его Нанна, дочь Непа, горевала так сильно, что сердце ее разорвалось, и тело ее положили на погребальный костер рядом с возлюбленным Бальдром. Запалили костер, Тор освятил его своим молотом, и пнул подвернувшегося под ноги гнома Литура, отбросив его в огонь. На похороны собралось много народа: Один с Фригг, воронами и валькириями, Фрейр в своей колеснице, запряженной свиньей Гуллинбор-

сти или Слидругтанни, Хеймдалль на коне Гулльтоппе, Фрейя с ее кошками и великое множество инеистых и горных великанов. Один положил на погребальный костер свое кольцо Драупнир, с которого после того, каждую девятую ночь, капает восемь колец равного веса. Коня Бальдра также поместили на костер со всей сбруей.

Рассказывают, что Хермод девять дней и ночей скакал по темным и глубоким долинам, пока не добрался до реки Гьёлль, которую пересек по мосту, вымощенному сверкающим золотом. Охраняющая его дева Модгуд (*Móthguthr*) спросила Хермода, какого он рода-племени, и сказала, что в предыдущий день пять ратей мертвецов проехали по мосту, однако он не звенел под ними так громко, как под ним одним. «Цветом кожи, — добавила она, — ты также не похож на мертвеца. Зачем же тогда скачешь ты в сторону Хель?» Хермод ответил: «Я еду в Хель, чтобы отыскать Бальдра: не видела ли ты его на дороге?» Модгуд ответила, что Бальдр проехал по мосту, и показала Хермоду путь, который вел его вниз и на север, к царству Хель. Хермод скакал вперед, пока не приехал к решетчатой ограде, окружающей обитель Хель. Здесь он спешился, подтянул подпругу и, снова сев на коня, ударил его шпорами и перепрыгнул ограду. Потом он подъехал к чертогу и увидел там своего брата Бальдра сидящим на почетном месте. Хермод остался там на всю ночь. На следующее утро он попросил Хель отпустить Бальдра с ним домой и описал ей все горе, которое испытывали асы по поводу этой утраты. Хель ответила, что следует проверить, так ли это на самом деле, если все в мире, живое и неживое, действительно будет оплакивать Бальдра, он должен возвратиться к асам; если же нет, он останется с ней. Хермод поднялся, Бальдр проводил его до выхода из чертога, взял кольцо Драупнир и послал его в качестве памятки о себе Одину, а Нанна отослала свое покрывало вместе с другими подарками Фригг, а Фуле — свое кольцо. Хермод возвратился в Асгард и поведал там все, что видел и слышал.

После сего асы разослали вести по всему миру, умоляя всех оплакивать Бальдра и тем самым вывести его из Хель. И все поступило так: люди и звери, земля и камни, дерево и все металлы. Но когда вестники возвращались, они обнаружили в пещере великаншу по имени Тёкт, которая на их просьбы оплакивать Бальдра ответила:

*Сухими слезами
Тёкт оплачет
кончину Бальдра;
ни живой, ни мертвый
он мне не нужен:
пусть хранит его Хель.*

Пер. О.А. Смирницкой

За смерть Бальдра отомстил сын Одина Вали, одного дня от роду; неумытый и непричесанный, он убил Хёда.

Полагают, что это Локи прикинулся Тёктом и не только подстроил смерть Бальдра, но и помешал освободить его из царства Хель. Чтобы избежать мести богов, он спрятался в горе, где построил себе дом с четырьмя дверями, чтобы глядеть во все стороны. Однако днем он часто превращался в лосося и прятался в водопаде, звавшемся Франангур. Однажды Локи сидел дома и крутил лен да кудель, сплетая некое подобие сети, а перед ним горел очаг, когда он заметил, что асы неподалеку; ибо Один узрел его убежище с престола Хлидс-

кьялв. Увидев асов, Локи бросил свое плетение в огонь и нырнул в реку. Квасир, мудрейший из асов, вошел в его дом первым и, увидев пепел плетения в огне, догадался, что оно могло послужить для ловли рыбы. Он рассказал об этом асам, и они взяли пеньку и сделали сеть по подобию той, пепел которой видели в очаге, и забросили в водопад; Тор держал ее за один конец, а все прочие асы за другой. Однако Локи отплыл в сторонку и забился в щель между двух камней, так что сеть прошла над ним; тем не менее асы ощутили, что она коснулась чего-то живого. Тогда они забросили сеть во второй раз, привязав к ней груз, так чтобы ничто не могло проскочить под нею; однако Локи отплыл еще дальше и, рассчитав, что он находится неподалеку от моря, перепрыгнул через сеть в водопад. Асы, убедившись теперь, где он находится, возвратились к водопаду и разделились на две партии, Тор же шел посреди реки к морю. Локи теперь оставалось или, рискуя жизнью, пытаться выплыть в море, или снова перепрыгнуть через сеть. С величайшей стремительностью попытался он воспользоваться второй возможностью, когда Тор схватил его, но едва сумел удержать в руке скользкую чешую; только за хвост удержал его Тор. Вот потому-то у лосося такой острый хвост. Схватив таким образом Локи, они привели его в пещеру, взяли три камня и пробуравили в них отверстия. Потом они взяли сыновей Локи Вали (*Ali*) и Нарви (*Nari*). Вали они превратили в волка, и он разорвал своего брата Нарви на куски. Кишками его они привязали Локи к трем камням, поставив один под плечами, другой под поясицей, а третий под бедрами, и путы эти превратились в железо. Потом Скади повесила над его головой ядовитую змею, так чтобы яд мог капать на его лицо; но жена Локи Сигюн стоит над ним и держит чашу, в которую капает яд. Когда чаша наполняется, она опорожняет ее; а Локи дергается от падающих на лицо капель так, что трясется вся земля. Тогда бывают землетрясения. Связанным он будет лежать до самого Рагнарёка.

О РАГНАРЁКЕ, СУМЕРКАХ БОГОВ ИЛИ ГИБЕЛИ БОГОВ И ВСЕГО МИРА

Локи лежит скованным под рощей у горячего источника. В железном лесу к востоку от Мидгарда старая великанша воспитала детей Фенрира (глубины), один из которых по имени Скёлл будет гнать солнце до окружающего мир океана; другой, Хад, сын Хродвитнир, зовущийся Манегарм, побежит впереди солнца и поглотит луну. Он будет насыщаться жизнями умирающих. На высоте сидит великаншин страж, бесстрашный Эгдир (орел), бряцающий на своей арфе; над ним, в Птичьем Лесу, будет петь светло-красный петух Фьялар. Над асами будет кукарекать петушок с золотым гребнем, который будит героев в чертоге Одина. Но черно-красный петух будет петь под землей в обиталище Хель. Громко взвывает пс Гарм в пещере Гнипа; порвутся путы, выбежит волк; братья вступят в борьбу и будут убивать друг друга, родичи восстанут на родичей. Жестокое настанет время. Великая мерзость настанет: потоп топоров, прилив мечей; щиты разобьются; ветра потоп, волчий потоп, пока не сгинет мир: человек не пощадит тогда человека. Дерево познания⁷⁹ (*Míótvidr, Míötudr*) сгорит, сыны Мимира запляшут под звуки рога Гьяллар; Хеймдалль трубит, рог поднимает, Один совет держит с головой Мимира; Иггдразиль-яшень, древнее дерево, стоит, но трепещет; с востока Хрюм идет, потом море вздуется; Йормунганд (Змей Мидгарда) в великом гневе взбивает глубины; радостно всклекочет орел, бледный клюв его будет раздирать мертвечину; Нагльфар-корабль плывет с востока, сыны Муспелля по океану грядут; Локи кормщик у них; за волком все племя чудовищ ведет их брат Бюлейста (Локи). Что-то будет с богами? Что будет с альвами? Гудит Йотунхейм; асы на совет собрались; гномы стенают перед ка-

менными дверями. С юга идет Сурт с пылающим пламенем; меч его как солнце для небесных богов; рушатся каменные горы, оступаются великанши, люди уходят к Хель, небо расколото. Тут настает второе горе Хлин⁸⁰: когда Один выходит на битву с волком, а светлый убийца Бели идет против Сурта. Тогда падет самый дорогой для Фригг бог. И выйдет сын великого Отца Побед, Видар, сразиться со смертоносным чудовищем; рука его меч погрузит в самое сердце сына великана. Тогда славный сын Хлодюн, сын Одина (Тор), выйдет на битву против чудовища (змея Мидгарда), отважно сразит его защитник Мидгарда. Тогда оставят люди свое жилище (мир). На девять шагов отступит сын Фьёргюн (Земли) от змея, склонился тот, кто зла не страшился. Солнце померкнет, земля в океан погрузится, сверкающие звезды исчезнут с неба, дымные облака окутают всепитающий ясень (Иггдразиль), высокое пламя поднимется до самого неба.

О РАГНАРЁКЕ В СООТВЕТСТВИИ С ЭДДОЙ СНОРРИ

Настанет зима, зовущаяся именем Фимбуль, снег будет валиться со всех сторон, ударят морозы и свирепые ветры; солнце утратит силу. Три таких зимы последуют друг за другом без лета. Но прежде них настанут другие три зимы, когда кровь будет литься по всему свету. Братья из алчности будут убивать друг друга, и не будет пощады ни родителям от детей, ни детям от родителей. Потом произойдут великие события. Один из волков поглотит солнце к великому ущербу для человеков; другой волк потребит месяц, произведя тем самым не меньшее зло. Звезды исчезнут с неба. А потом случится так, что вся земля задрожит и горы, деревья сами собой вырвутся из земли, горы повалятся, и все узы и связи будут расторгнуты и разорваны. Волк Фенрир вырвется на свободу, море хлынет на сушу, ибо Змей Мидгарда извивается в великанском гневе и упорно лезет на берег. А потом поплывет и корабль Нагльфар, сделанный из ногтей мертвецов. Поэтому следует помнить, что если кто умирает с неостриженными ногтями, то дает материал для постройки Нагльфара, которую и боги и люди изо всех сил стремятся задержать⁸¹. Посреди бушующих хлябей поплывет Нагльфар: Хрюм-великан будет править им. Волк Фенрир разверзнет пасть: верхняя челюсть его коснется неба, а нижняя земли; если бы мог он, то шире распахнул бы пасть; огонь пылает в глазах его и ноздрах. Змей Мидгарда извергнет яд, который отравит воздух и воды. Страшен он и будет рядом с волком. От их буйства расколется небо, и выедут сыны Муспелля: Сурт будет скакать первым, а впереди него и за ним будет жгучий огонь. Блеск его доброго меча станет ярче солнца, но когда выедут они на мост Биврёст, обрушится он. Сыны же Муспелля выедут на равнину, зовомую Вигрид (*Vigrithr*); туда прибудут также и волк Фенрир и Змей Мидгарда; туда приедут Локи и Хрюм, и вместе с ними все инеистые великаны. Все друзья Хель последуют за Локи, но сыновья Муспелля выстроятся на битву собственным сияющим строем. Равнина Вигрид раскинулась на сотню миль во все стороны.

Но когда произойдет все это, поднимется Хеймдалль, со всей своей силой дунет в рог Гьяллар, и на совет соберутся все боги. Один тогда поедет к источнику Мимира узнавать о судьбе — своей и друзей. Тут затрепещет ясень Иггдразиль, и ничто на земле и небе не будет избавлено от страха. Все асы и эйнхерии вооружатся и отправятся на равнину. Один будет ехать первым в своем золотом шлеме и сияющей кольчуге и с копьем Гунгнир: он будет сражаться с волком Фенриром. Тор будет с ним рядом, но не поможет отцу, потому что будет бороться со Змеем Мидгарда. Фрейр сразится с Суртом и после упорной схватки падет. А причиной гибели станет отсутствие его доброго меча, который он отдал Скирниру. Тогда спустят на волю пса Гарма, который доселе был привязан перед

пещерой Гнипы; он произведет величайшее несчастье: вступит в бой с Тюрором, и они убьют друг друга. Тор прославится от [убийства] Змея Мидгарда; но сделает всего девять шагов и падет, сраженный ядом, выплюнутым на него змеем. Волк поглотит Одина, тем самым погубив его; но сразу же после того Видар наступит на нижнюю челюсть чудовища ногой в своем внушительном башмаке⁸². Рукой же своей он упрется в верхнюю челюсть волка и разорвет его пасть. Так придет смерть волку. Локи схватится с Хеймдаллем, и они убьют друг друга. После этого Сурт бросит огонь на землю и сожжет весь мир.

После того как сгорят небо, земля и вся вселенная, останется много обитателей, хороших и плохих, хотя лучше всего будет в Гимли, на небе: те же, кто любит доброе питье, найдет его в чертоге по имени Бримир, также находящемся на небе [в Окольной]. Добрый чертог стоит также на Нидафелльсе, сделан он из червонного золота и зовется Синдри. В этих чертогах обитают добрые и праведные люди. Настронд — большое и жуткое место, дверь его обращена на север. Дом этот построен из змеиных хребтов, как из жердей, только головы змей обращены внутрь дома и извергают яд в залы, в которых бродят клятвопреступники и убийцы, ибо сказано:

*Видела дом
далекий от солнца
на Береге Мертвых;
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник;
из змей живых сплетен этот дом;
там она видела
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые,*

*и те, кто чужих жен
Обманом завлекает.*

Но хуже всех Хвергельмир:

*Нидхёгг там гложет
Трупы умерших,
Волк рвет их.*

Пер. О.А. Смирницкой

Река же Слип (*Slitbr*) нисходит с востока по отравленным долинам, полным мечей и грязи.

О НОВОМ МИРЕ

Тогда снова поднимется земля из океана во всей процветшей красе, польются водопады, полетит орел, ловящий рыбу в горных ручьях. Асы снова сойдутся на Идавелль-поле и вспомнят о могучем змее, охватывавшем некогда землю. Вспомнят великие дея-

ния старины и древнюю науку славных богов. Они найдут в траве чудесные золотые тавлеи, которыми в начале времен владел князь богов и племя Фьёлнира. Тогда незасеянные поля принесут плод, прекратится все зло. Вернется Бальдр; он и Хёд поселятся в благородном чертоге Одина, обители небесного бога. Хёнир будет принимать там приношения, и сыновья двух братьев заселят просторный Виндхейм. В Гимли поставят сияющий чертог, который будет сверкать ярче солнца; там будут обитать добродетельные люди, вечно наслаждающиеся счастьем. А затем явится Могущественный на совет богов, сильный низойдет свыше, тот, кто правит всем: он изречет суд, уладит споры, установит мир, который будет длиться вечно. Но снизу, из Нидафеллы, прилетит темный и пятнистый змей Нидхёгг, несущий мертвые тела на своих крыльях.

В *Эдде Сноффи* возобновление мира описывается следующим образом. Новая земля поднимется из моря, цветущая и прекрасная; незасеянные поля принесут плод. Видар и Вали останутся в живых, ибо ни море, ни пламя Сурта не повредят им; они будут обитать на Идавелль-поле, где прежде стоял Асгард. Туда же придут и сыновья Тора, Моды и Магни, которые принесут с собой Мьёлнир. Потом из Хель возвратятся Бальдр и Хёд. Они сядут и погрузятся в беседу, вспомнят тайные советы и о событиях, последовавших после гибели Змея Мидгарда и волка Фенрира. Потом они найдут в траве прежде принадлежавшие асам золотые тавлеи, ибо сказано: «Видар и Вали будут жить в жилище богов, когда погаснет пламя Сурта». Моды и Магни будут владеть Мьёлниром и постараются положить конец всякой вражде. А укрывшиеся в роще Ходдмимир двое людей, Лив и Ливтрасир, переживут пожарище Сурта, питаясь утренней росой. От них пойдет большое потомство, которое заселит всю землю. Солнце же чудесным образом породит дочь, не менее прекрасную, чем она сама. Дочь эта заменит свою мать, ибо сказано: «дочь породит солнце, прежде чем Фенрир погубит ее. Дева последует по пути матери, когда боги умрут».

САГА О ВЁЛУНДЕ⁸³

Вёлунд и его братья, Слагвин (*Slagfidr*) и Эгиль, были сыновьями конунга финнов. Бегая по заснеженному лесу на лыжах, они охотились на зверя. Охота привела их в местность, именуемую Ульфдаль, где они построили себе дом возле озера, звавшегося Ульфсъяр (Волчьи воды). Однажды утром они обнаружили на берегу озера трех дев, сидевших за прядением льняной кудели, рядом с которыми лежали лебединые оперения. Это были валькирии. Две из них, Хладгун Сванхвит и Хервёр Алвит, были дочерьми конунга Хлёдвера; третьей была Олрун, дочь Кьяра, конунга Валланда. Братья проводили дев до дома и взяли в жены, Эгилю досталась Олрун, Слагвину Сванхвит, а Вёлунду Алвит. Прожив с мужьями восемь лет, валькирии улетели искать битвы и не возвратились; посему Эгиль и Слагвин стали на лыжи, чтобы отыскать их, но Вёлунд остался дома в Ульфдале. В соответствии со старым преданием Вёлунд был самым искусным среди всех людей. Он скрашивал долгие часы одиночества, выковывая золотые кольца и украшая их драгоценными камнями: готовые изделия он нанизывал на лубяную веревку. Так ожидал он возвращения своей прекрасной супруги.

Проведав, что Вёлунд остался один в своем жилище, Нидуд (*Nitbudr*), конунг шведского Ниарера, послал туда ночью вооруженный отряд, в то время как Вёлунд был на охоте; обыскав дом, они нашли нитку с кольцами, которых было семь сотен, и одно унесли с собой. Вернувшись, Вёлунд поставил жариться медвежатину, и пока мясо было на очаге, уселся на медвежью шкуру, чтобы пересчитать кольца. Не обнаружив одного,

он решил, что вернулась Алвит и взяла его. Вёлунд с нетерпением дожидался, пока она появится в дверях, но, наконец, уснул и, пробудившись, обнаружил, что руки и ноги его связаны тяжелыми цепями, а Нидуд стоит рядом и обвиняет его в том, что золото, из которого изготовлены кольца, было украдено у него, Нидуда. Вёлунд отверг обвинения, заявив, что пока жены были дома, у них было много сокровищ. Кольцо Нидуд отдал своей дочери Бодвильди; но меч, с превосходным мастерством изготовленный и закаленный Вёлундом, Нидуд оставил себе самому.

Опасаясь мести Вёлунда за понесенный ущерб, Нидуд по совету своей жены велел подрезать ему поджилки⁸⁴ и отправил на островок, называемый Сэварстод (*Saevarstöð*). Там он изготовлял разные драгоценности для конунга, не позволявшего никому, кроме самого себя, посещать пленника. Тем не менее однажды два молодых сына Нидуда, не считаясь с запретом, явились к жилищу Вёлунда и немедленно направились к сундуку, в котором он держал ценности, потребовав при этом ключи. Глаза их немедленно принялись пожирать открывшиеся взгляду драгоценные золотые украшения, и выторговали у Вёлунда обещание, что если они вернутся на следующий день, он сделает им подарок из этого золота, сохраняя в тайне их первый визит. Молодые люди явились на следующий день, и пока они, нагнувшись над сундуком, разглядывали его содержимое, Вёлунд отрубил им головы и спрятал тела в ближайшей куче навоза. Оправив верхние части черепов в серебро, он поднес их в качестве чаш для вина Нидуду; из глаз юношей он сделал драгоценные камни (жемчужины), которые отдал жене Нидуда; из зубов сделал нагрудные украшения, которые отослал Бодвильди.

Бодвильди тем временем сломала кольцо работы Вёлунда, подаренное ей отцом, и, опасаясь его гнева, втайне отнесла его мастеру, чтобы тот починил его. «Я сделаю его таким, — пообещал Вёлунд, — чтобы ты показалась более красивой твоему отцу и еще более красивой твоей матери и себе самой». После этого он напоил Бодвильди пивом, от которого она опьянела и уснула и в таком состоянии пала жертвой страсти Вёлунда. «Теперь, — воскликнул он, — отмщены все страдания, которые я претерпел в лесу. Хотелось бы только воспользоваться собственными сухожилиями, которых меня лишили люди Нидуда». Тут он со смехом поднялся в воздух, Бодвильди же в слезах оставила островок. Опустившись на стену дворца конунга, Вёлунд громко позвал Нидуда, который спросил его о том, что стало с его сыновьями, и получил такой ответ: «Сперва принеси мне клятвы бортом корабля, краем щита, плечом коня и лезвием меча в том, что не причинишь вреда жене Вёлунда и не убьешь ее вне зависимости от того, знакома она тебе или нет, и будет ли у нас потомство или нет. Ступай в кузню, которую ты построил, там увидишь окровавленные тела своих сыновей. Я отрубил им головы и бросил трупы в грязь возле моей тюрьмы; черепа я оправил в серебро и отправил их Нидуду; из глаз их я сделал драгоценные камни и послал их коварной жене Нидуда; из зубов их я сделал жемчужное ожерелье, которое послал Бодвильди, твоей единственной дочери, и она сейчас в тягости». Ответив смехом на угрозы и проклятия Нидуда, Вёлунд вновь взмыл в высоту. Тогда Нидуд призвал к себе свою дочь Бодвильди, рассказавшую отцу все, что произошло с ней на островке.

Приведенная выше сага из *Сэмундовой Эдды* заметно отличается в деталях от повести о «Велинте», приведенной в *Vilkina Saga*, содержание которой было следующим образом изложено высокоученым доктором Петером Эразмусом Мюллером, епископом Зеландии⁸⁵.

Когда конунг Вилкинус после возвращения из похода на Балтику находился вместе со своим флотом возле берега России, однажды днем он отправился в лес, где встре-

тился с прекрасной женщиной, оказавшейся морской девой⁸⁶. На следующий год она принесла ему сына, получившего имя Вади⁸⁷ и выросшего гигантом. Отец, не питавший к сыну большой привязанности, тем не менее дал ему двенадцать домов в Зеландии. У Вади был сын по имени Велинт, которого отец на девятом году отдал в учение в Хуналанд, к кузнецу Мимиру, где мальчику пришлось натерпеться от другого подмастерья, Сигурда Свенда. Узнав об этом по прошествии трех лет, отец забрал сына от Мимира и отдал его в ученье двум искусным гномам, обитавшим в горе Каллова (вариант *Kullen*). Через два года отец отправился за сыном, но погиб в горном обвале. Велинт убил гномов, которые, позавидовав его высочайшему мастерству, покусились на его жизнь. После этого он залез в выдолбленное дерево, в котором впереди устроил стеклянное окно, и отдался на волю волн, принесших его к побережью Ютландии, где его принял Нидунг, в то время правивший в Ти (*Thy*). Здесь Велинт вступил в состязание с собственным кузнецом короля Эмилиасом и превзошел его.

Далее случилось, что король с тридцатью тысячами лошадей отправился на войну и пять дней ехал во главе войска, когда обнаружил, что забыл дома свой талисман (*sigursteinn*), который приносил ему победы. Чтобы исправить дело, он пообещал свою дочь и полкоролевства тому, кто сумеет доставить ему талисман к закату следующего дня. Это сумел сделать Велинт, однако убивший в порядке самозащиты одного из людей короля, что дает тому основание объявить его преступником. Чтобы отомстить, Велинт переодевается поваром и подкладывает волшебные травы в еду принцессы, которая обнаруживает измену. Велинта хватают, подрезают ему сухожилия и осуждают делать украшения для своих врагов — придворных короля.

В это время по просьбе Велинта на суд Нидунга приезжает его младший брат Эгиль, знаменитый стрелок. Зная о его славе, король приказывает ему одной стрелой сбить яблоко с головы его трехлетнего сына. После этого король, заметив, что Эгиль достал из колчана две стрелы, спросил у того, кому предназначалась вторая. Эгиль ответил: «Тебе, если бы я попал в ребенка». Смелый ответ не остался незамеченным королем.

Тем временем Велинт обдумывал свою месть. Однажды королевская дочь пришла к нему, чтобы починить сломавшееся кольцо; воспользовавшись возможностью, Велинт изнасиловал ее. За этим преступлением скоро последовало убийство двух младших сыновей короля, которых Велинт заманил к себе в кузню. Кости их он вправил в дорогие золотые сосуды, предназначавшиеся для стола короля. Потом Велинт сделал себе оперение из перьев, собранных его братом Эгилем, с помощью которого взлетел на самую высокую башню дворца, откуда прокричал обо всем, что сделал. Услышав это, Нидунг приказал Эгилю под страхом застрелить своего брата, и тот действительно послал стрелу под правую руку его, где по уговору находился пузырь, наполненный кровью, которую Нидунг принял за кровь Велинта; сам же мастер перелетел в жилище своего отца, в Зеландию. Вскоре после всего этого Нидунг умер, и Велинт помирился с его сыном Отвином и взял в жены его сестру, уже родившую ему сына, названного именем Видга⁸⁸.

О ТОРГЕРД ХЁРГАБРУД (*THORGERDR HÖRGABRÚDR* ИЛИ *HÖLGABRÚDR*) И ИРПЕ

В Гельголанде, Норвегия, поклонялись Торгерд Хёргабруд и ее сестре Ирпе. Кем они были, становится ясным из следующего отрывка.

У гельголандцев были местные божества, лишь изредка почитавшиеся прочими скандинавами. Одним из них был Халог (высокое пламя) или Хельги (святой), по име-

ни которого получила название вся область *Haloga-land* или *Holga-land*. Вероятно, он был идентичен Логи и Локи (огонь, пламя), прежде почитавшемуся финнами. У него были дочери Торгерд Хёргабруд, или Хёльгабруд, и Ирпе, особо почитавшиеся ярлом Хаконем, которым, насколько нам известно, он принес в жертву своего семилетнего сына, чтобы добиться благоприятного для себя исхода битвы с пиратами Йомсборга. Торгерд немедленно явилась в грозовой с градом туче, и пираты якобы увидели обеих сестер на корабле ярла; с каждого из пальцев Торгерд слетала стрела, приносящая смерть тому, в кого она попадала. В Гудбрандсдале Торгерд и Ирпе вместе с Тором почитали в храме, принадлежавшем совместно ярлу Хакону и вождю Гудбранду. В Западной Норвегии ей также был посвящен храм самого причудливого облика, в котором упомянутый ярл Хакон оказывал ей глубочайшее поклонение. Торгерд почитали даже в Исландии, в расположенном в Олвесване храме, и вождь Гримкелль и его семья считали ее духом-покровителем. Известно, что на руках ее статуи были золотые кольца.

САГА О ВЁЛСУНГАХ И ГЬЮКИНГАХ ИЛИ НИБЕЛУНГАХ

Учитывая непосредственную связь с мифологией асов, следует обратиться к изложению происхождения знаменитого Клада или Сокровища Нибелунгов, связанные с которым бедствия стали предметом столь многих сочинений как в Скандинавии, так и в Германии. В сжатом виде эта повесть была изложена покойным высокоученым епископом Петером Эразмусом Мюллером⁸⁹.

Был некий человек по имени Сиги; он был потомком богов, и его называли сыном Одина. Был другой человек, которого звали Скади, владевший отважным и энергичным трэлом по имени Бреди. Сиги отправился на охоту вместе с Бреди, но в припадке зависти к удаче трэла убил его. Так Сиги сделался преступником и, ведомый Одином, отправился в дальние края, где завладел несколькими боевыми кораблями, с помощью которых в итоге сделался королем Хуналанда. Когда он состарился, его убили родственники жены, но сын Сиги Рерир отомстил за него всем им.

Рерир сделался великим воителем, однако детей у него не было. Вместе с женой он пылко молил богов о наследнике. Молитва была услышана. Один прислал к королю с яблоком свою деву (*ðskmey*)⁹⁰, дочь великана (йотуна) Гримнира. Приняв обличье вороны (*krageham*), она полетела к кургану, на котором сидел Рерир, и уронила яблоко ему за пазуху. Король вкусил от яблока, после чего королева его забеременела, но никак не могла разродиться. Так прошло шесть лет, и наконец из ее чрева вырезали удивительно большого ребенка. Он получил имя Вёльсунг, и поцеловал свою мать, прежде чем она умерла.

Вёльсунг женился на дочери Гримнира, от которой у него было десять сыновей и дочь Сигни. Старшие из детей, Сигмунд и Сигни, были близнецами. Сигни вышла замуж за короля Готланда Сиггейра. На их брачный пир пришел высокий одноглазый старик, босой, в плаще и широкополой шляпе, появившийся в чертоге, посреди которого стоял дуб⁹¹, корни которого проходили под полом, а ветви покрывали крышу. Старик воткнул по рукоять меч в ствол дерева, в качестве дара тому, кто сумеет вырвать его. Меч вырвал Сигмунд — к досаде Сиггейра, который при расставании пригласил Вёльсунга погостить к себе в Готланд; однако по прибытии его туда Сиггейр нападает на гостей превосходящими силами, убивает Вёльсунга и заключает в узилище его сыновей.

Сигни умоляла, чтобы ее братьев не предавали немедленной смерти. Их оставили в лесу, ноги забили в колоду, и каждую ночь приходил волк и пожирал одного из них,

пока не остался один только Сигмунд. Сигни намазала его лицо медом, положила ему меда в рот, так что явившийся в очередной раз волк принялся лизать мед и попытался засунуть язык в рот Сигмунда, который схватил его зубами. Волк дернулся с такой силой, что колода разлетелась вдребезги. Потеряв язык, волк умер. А Сигмунд укрылся в лесной пещере. Сигни послала к нему для компании своих двоих сыновей; однако, не найдя в них достаточно силы и мужества, он убил их по совету Сигни, обменявшейся обличем с троллихой. Сигни провела в пещере вместе с братом три дня, а потом родила ему сына, которого называли Синфьотли. Когда ему исполнилось десять лет, Сигни послала сына в пещеру Сигмунда, и тот без смущения замесил тесто, не обращая внимания на копошившихся в квашне змей. Сигмунд и его сын сделались разбойниками. Однажды они встретились с сыновьями некоего конунга, которые девять дней из десяти проводили в волчьем обличе³². Надев на себя их волчьи шкуры, Сигмунд и его сын сделались волками, но когда пришло время снимать с себя волчье платье, они сожгли его, чтобы таковое не могло более причинить вреда. Потом они отправились в замок Сиггейра, где не стали называть своих имен, однако двое младших детей Сигни узнали их. По наущению Сигни Синфьотли убил их, но вместе с Сигмундом он попал в руки людей Сиггейра, который бросил их в яму — умирать голодной смертью. Перед тем как яму закрыли, Сигни подошла к ней и бросила в нее полный свинины шлем и меч Сигмунда, с помощью которого они смогли выбраться из могилы. После этого они подожгли палаты конунга. Узнав об этом, Сигни вышла из огня, расцеловала их обоих, а затем вошла снова в пожар, чтобы по своей воле умереть с тем, с кем жила против воли.

Сигмунд же возвратился в страну своего отца Хуналанд, женился там на Боргхильд, от которой у него был сын по имени Хельги, которому норны предсказали, что он станет могущественным князем. Хельги отправился на войну вместе с Синфьотли и убил конунга Хундинга, что принесло ему имя Хундингсбани, Губителя Хундинга, а потом убил нескольких его сыновей. В лесу он встретился с Сигрун, дочерью конунга Хогни, попросившей освободить ее от Ходброда, сына Гранмара, с которым отец обручил ее. Убив Ходброда в сражении, Хельги женился на Сигрун и стал могущественным конунгом.

В другом походе Синфьотли убил брата Боргхильд, которая в отместку приготовила ядовитое питье, вызвавшее его смерть. Сигмунд отнес тело на руках к узкому проливу, около берега которого его ждал мужчина в небольшой лодке, предложивший переправить его на другую сторону, но едва Сигмунд положил труп в лодку, человек тот оттолкнулся от берега и исчез. После этого Сигмунд расстался с Боргхильд и женился на Хьордис, дочери конунга Эйлими, однако подвергся нападению конунга Линги, собравшего вместе с братьями многочисленную рать. Сигмунд мужественно сражался на поле брани, пока не встретил одноглазого человека в широкополой шляпе и синем плаще, подставившего свое копьё под меч конунга, разлетевшийся на части. Сигмунд пал вместе почти со всей своей дружиной. Ночью Хьордис пришла на поле брани и спросила Сигмунда, можно ли исцелить его, но он отклонил ее ласковую просьбу, ибо удача оставила его после того, как Один преломил его меч, обломки которого Хьордис по его просьбе собрала, чтобы отдать их сыну, которого носила под сердцем и который должен был стать величайшим из Вэльсунгов.

Хьордис увез с собой Алф, сын Хьялпрека, датского конунга, высадившегося у поля битвы с отрядом викингов. Она поменялась одеждой со служанкой, выдавшей себя за королеву. Однако мать Алфа, заподозрив обман, научила своего сына спросить, каким образом в конце ночи, когда нельзя посмотреть на небо, они определяли время. Слу-

жанка ответила, что в юности она привыкла ранним утром пить мед и потому всегда просыпалась в одно время. Хьордис же на такой же вопрос ответила, что отец подарил ей золотое колечко, становившееся ночью прохладным. «Теперь я знаю, кто из вас го-спожа», — сказал конунг и выразил желание жениться на ней, как только она родит ребенка. Дав жизнь Сигурду (*Sigurthr*), Хьордис стала женой Хьялпрека.

Сигурд вырос при дворе Хьялпрека под присмотром Регина, научившего мальчика всем известным в то время наукам, шахматам, рунам и многим языкам. Он также посоветовал Сигурду попросить у Хьялпрека сокровище своего отца. Сигурд попросил коня у конунга, позволившего ему выбрать животное; Один, принявший облик длиннородого старика, помог ему выбрать Грани, происходившего от Слейпнира. Регин хотел, чтобы Сигурд отыскал золото Фафнира, о котором рассказал следующее.

«У Хрейдмара было три сына — Фафнир (*Fofnir*), Оттур и Регин. Оттур умел превращаться в выдру (*otter*), и в таком виде имел привычку ловить рыбу в водопаде Андвари, получившем прозвание от носившего это имя гнома. Однажды он сидел и с закрытыми глазами поедал лосося, когда мимо проходили Один, Хёнир и Локи. Увидев выдру, Локи бросил камень и убил ее. Потом Асы освежевали зверька и, довольные своей добычей, отправились в дом Хрейдмара. Там их схватили и потребовали выкуп — столько золота, чтобы наполнить им шкуру выдры и покрыть ее сверху. Чтобы добыть золото, Локи одолжил у Ран сеть, забросил ее в водопад и поймал гнома Андвари, имевшего обыкновение ловить там рыбу в облике щуки. Гному пришлось отдать за свободу все свое золото; однако, когда Локи отбирал у него последнее кольцо, Андвари предсказал, что оно станет причиной гибели всех его обладателей. Золотом асы покрыли шкуру выдры, но когда Хрейдмар заметил непокрытый волосок усов, Один закрыл его кольцом Андвари. Фафнир впоследствии убил своего отца, забрал все золото, превратился в одного из самых ужасных драконов и теперь караулит свое сокровище».

После этого Сигурд потребовал, чтобы Регин сковал ему меч. Тот выковал два, но клинки их не выдержали испытания. После этого Сигурд принес ему обломки меча Сигмунда, из которых Регин выковал такой меч, что он мог перерубить и наковальню, и плавающую на воде шерсть. Вооруженный этим клинком, Сигурд выступил в путь — сперва к своему дяде по матери Грипу, который предсказал ему его судьбу. Потом он отправился с избранной дружиной мстить за смерть отца сыновьям Хундинга. В бурю их окликнул с мыса некий старик, которого они взяли на борт. Старик поведал им, что зовут его Хникаром⁹³, и рассказал много другого. Буря улеглась, и старик исчез, едва ступив на берег. Сыновья Хундинга вышли против Сигурда с большим войском, но были перебиты, и Сигурд возвратился с великой честью.

Теперь Сигурд горел желанием убить змея, чье логово указал ему Регин. Долгобородый старик посоветовал Сигурду опасаться крови чудовища. Сигурд пронзил дракона насквозь, но Фафнир тем не менее после этого долго разговаривал со своим убийцей, отвечая на его вопросы относительно норн и асов и тщетно пытаясь упротить его не забирать золото⁹⁴.

После смерти Фафнира прятавшийся до этого мгновения Регин вышел из укрытия, испил крови Фафнира, вырезал его сердце мечом, носившим имя Ридил, и потребовал, чтобы Сигурд зажарил для него этот кусок плоти. Когда Сигурд коснулся сердца, капля крови случайно попала ему на язык, и он немедленно стал понимать язык птиц. Он услышал, как орел⁹⁵ рассказывает своему спутнику о том, что Сигурд проявит мудрость, если сам съест сердце дракона. Другой орел сказал, что Регин обманет его. Третий, что

ему нужно убить Регина. Четвертый, что ему необходимо взять золото змея и ехать к мудрой Брюнхильд на Хиндарфьялл. Исполнив все предложенные деяния, Сигурд отъезжает, погрузив сокровище⁹⁶ на спину своего коня Грани.

Далее Сигурд направил свой путь к Франкской земле⁹⁷ и ехал долгое время, пока не приехал в Хиндарфьялл, где увидел перед собой поднимающийся к самому небу свет и стену из щитов, за которой он обнаружил спящую вооруженную деву, кольчуга которой как бы приросла к ее телу. Когда Сигурд вспорол кольчугу мечом, дева пробудилась ото сна и сказала, что она валькирия и зовут ее Брюнхильд⁹⁸, и что Один погрузил ее в сон, уколов сонным шипом⁹⁹, потому что вопреки его воле она помогла в битве конунгу Агнару (или Аудброду), убив конунга Хьялмгуннара.

Сигурд попросил ее дать ему наставления, и валькирия научила его рунам и правилам поведения в жизни. Они принесли брачный обет, и Сигурд отбыл восвояси. На щите его пылало червонное золото, — на нем был изображен дракон, темный сверху и ярко-красный внизу, в память о сраженном им чудовище, которого варяги называют Фафнир. Каштановые волосы Сигурда ниспадали на плечи длинными прядями, борода его была густой и короткой; немногие могли выдержать пронзительный взгляд его глаз. Он был настолько высок, что когда препоясанный своим мечом Грамом длиной в семь пядей шел по полю созревшей ржи, рукоятка меча возвышалась над колосьями. Когда вспоминают знаменитых вождей и могучих воинов, имя его звучит первым, и знают его на всех языках.

Сигурд приехал к просторному дому, богатого владельца звали Хеймиром. Он был женат на сестре Брюнхильд, носившей имя Бекхильд (*Baenkbild*). Сигурда приняли там с великолепием и почестями, и он прожил в этом доме долгое время. Брюнхильд тоже посетила родственников, и она вышила золотом подвиги Сигурда — убийство дракона и увоз золота.

Случилось однажды, что сокол Сигурда улетел и сел на окно высокой башни. Явившись туда за ним, Сигурд обнаружил занятую работой Брюнхильд. Тут он впал в задумчивость и спросил у Алсвита, сына Хеймира, что за красавица вышивает его подвиги. Алсвит ответил ему, что это Брюнхильд, дочь Будли; на это Сигурд заметил, что всего несколько дней назад понял, что она — самая прекрасная женщина в мире, и выразил решительное желание посетить ее, хотя Алсвит сообщил ему, что она не выйдет замуж, ибо все мысли ее поглощены войной¹⁰⁰.

Брюнхильд приняла Сигурда с великой пышностью и дружелюбием. Когда она подала ему золотую чашу с вином, он схватил ее за руку, поставил рядом с собой, обнял за щею и поцеловал, сказав: «Я не знаю женщины прекраснее, чем ты». Та ответила: «Неразумно отдавать свое счастье в руки женщины: они слишком часто нарушают собственные обеты». «Придет счастливый день, — пообещал Сигурд, — и мы насладимся друг другом». Брюнхильд ответила, что судьба сулит им иное, ибо она богатырка. Сигурд ответил: «Лучше нам жить вместе. Боль, которую я испытываю ныне, острее острого оружия». Брюнхильд сказала: «Я отправляюсь на поле брани, а ты женишься на Гудрун, дочери конунга Гьюки». «Никакая княжеская дочка, — ответил Сигурд, — не соблазнит меня, и сердце мое не изменчиво. Клянусь богами, что моей женой будешь ты, а не другая дева». Брюнхильд согласилась и обещала ему то же самое. Сигурд распрощался с ней, подарил ей кольцо Андвари, повторил клятву и отправился к своим людям.

Жил некий конунг по имени Гьюки к югу от Рейна. У него было три сына — Гуннар, Хёгни и Гутторм. Дочь его Гудрун была самой прекрасной среди дев. Матерью ее была

известная колдунья по имени Гримхильд. Гудрун приснилось, что на руку ее слетел прекрасный сокол; она призадумалась, и ей сказали, что сон обещает сватовство сына конунга. Гудрун отправилась к мудрой Брюнхильд, сестре злого конунга Атли, чтобы услышать ее толкование. Гудрун, однако, осталась молчаливой и только спросила имена могущественнейших королей и их подвиги. Брюнхильд назвала Хаки и Хагбарда, однако Гудрун сказала, что они не сумели отомстить за собственную сестру, увезенную Сигаром. Потом Гудрун назвала своих братьев, но Брюнхильд ответила, что они еще не проявили себя; но истинным цветом среди героев является Сигурд Погубитель Фафнира. Тогда Гудрун рассказала ей, что видела во сне прекрасного оленя, за которым охотились многие, но поймала только она, и что Брюнхильд убила его около ее ног. Тогда Брюнхильд рассказала Гудрун всю ее будущую судьбу, и Гудрун возвратилась в палаты Гьюки.

Вскоре после того приехал Сигурд верхом на Грани вместе со своим сокровищем. Гримхильд ощутила такую привязанность к нему, что пожелала выдать за него свою дочь; и потому напоила его зачарованным зельем, заставившим Сигурда забыть Брюнхильд, побрататься с Гуннаром и Хёгни и жениться на Гудрун¹⁰¹.

Когда Сигурд и сыновья Гьюки отъехали в далекие края и сотворили множество великих подвигов, Гримхильд уговорила своего сына Гуннара посвататься к Брюнхильд, дочери Будли, которая по-прежнему жила вместе с Хеймиром в Хлиндале. Ее девичьи покои окружало кольцо огня, и она дала обет выйти замуж только за того, кто проедет сквозь пламя. Князья приехали к нему, однако Гуннар не сумел заставить своего коня проехать сквозь огонь. Они с Сигурдом обменялись обличьями, и последний на Грани перескочил огонь и объяснился в любви к Брюнхильд за Гуннара, сына Гьюки. Брюнхильд против своей воли вынуждена была вступить с ним в брак. Три ночи они спали в одной постели, но Сигурд положил между ними свой меч Грам¹⁰². Он снял кольцо Андвари с ее руки, дав взамен одно из находившихся в сокровище Фафнира. После этого Сигурд вернулся к своим товарищам и вновь принял свой подлинный облик.

Брюнхильд поведала своему опекуну Хеймиру о том, как Гуннар проехал сквозь огонь и вступил с ней в брак, и насколько уверена она в том, что один лишь Сигурд, которому она поклялась в вечной верности, способен был осуществить такое деяние. Поручив тогда Аслауг, ее дочь от Сигурда, попечению Хеймира, она возвратилась к своему отцу Будли, и свадьба ее с Гуннаром растянулась на много дней. Лишь тогда вспомнил Сигурд клятвы, принесенные им Брюнхильд, но не стал подавать вида.

Случилось однажды, что Брюнхильд и Гудрун отправились к Рейну купаться. Когда Брюнхильд зашла глубже нее в воду, Гудрун спросила причину. Та ответила: «Ни здесь, ни в другом месте не встану я рядом с тобой. Мой отец был могущественнее твоего, мой муж выполнил более великие подвиги, чем твой, и проехал сквозь пылающий огонь. А твой муж был трэлом у конунга Хьялпрекка». Тогда Гудрун сказала Брюнхильд, что это ее муж проехал через огонь, провел с ней три ночи, снял с ее руки кольцо Андвари, которое было теперь на ее руке. Узнав об этом, Брюнхильд смертельно побледнела, но не произнесла ни слова. На следующий день, когда обе королевы опять заспорили о том, кто из их мужей важнее, Гудрун заявила, что песни, которые поют о победе Сигурда над драконом, стоят всего королевства Гуннара. На этот раз Брюнхильд слегла как мертвая. Когда Гуннар пришел к ней, она обвинила его и его мать в обмане и попыталась убить его. Хёгни хотел связать ее, однако Гуннар приказал развязать ей руки. Брюнхильд не могла ничем заняться и наполнила дворец громкими причитаниями. Гудрун послала к ней

Сигурда, которому Брюнхильд излила все свое горе, и сказала, что ненавидит Гуннара и хочет смерти Сигурда. Когда последний сказал, что скорбно для него то, что не она стала его женой и он готов жениться на ней, Брюнхильд ответила, что скорее умрет, чем будет неверна Гуннару. Она поклялась выйти замуж только за того, кто проедет сквозь кольцо огня: и либо сохранит свою клятву, либо умрет. Сигурд же ответил: «Чтобы ты не умерла, я оставлю Гудрун». Грудь его вздымалась так тяжело, что разорвалась даже кольчуга. «Не хочу ни тебя, ни кого другого», — сказала Брюнхильд, и Сигурд отбыл.

Брюнхильд пригрозила, что убьет Гуннара, если тот не расправится с Сигурдом и его ребенком. Гуннар был в смятении. Хёгни уговаривал его не соглашаться на желание Брюнхильд. Наконец Гуннар решил, что другого выхода у него нет, поскольку Сигурд обесчестил Брюнхильд¹⁰³. Поэтому они решили заручиться помощью в этом деле своего брата Гутторма (который не братался с Сигурдом). Чтобы он сумел сделать это, его накормили мясом волка и змеи, после чего, следуя подстрекательству Брюнхильд, Гутторм заколол Сигурда во сне¹⁰⁴, однако был разрублен пополам мечом Грам, который раненый Сигурд бросил ему вослед. Гудрун оплакала своего убитого супруга, однако Брюнхильд смеялась над ее горем. Гуннар и Хёгни укорили ее за злобу, однако она напомнила им о том предательстве, которое они совершили в отношении Сигурда, и обмане в отношении ее самой; не стала она и отвечать на ласки Гуннара, но, отдав свое золото, закололась. Она снова предрекла судьбу Гудрун и распорядилась, чтобы ее тело сожгли на одном костре с Сигурдом, под занавесами и щитами, и меч Грам лежал между ними¹⁰⁵, вместе с телами трехлетнего сына Сигурда, которого собственноручно убила Брюнхильд, и Гутторма; с ее стороны лежали ее служанки, две в голове и две в ногах, и два ястреба. После этого она взошла на костер.

Гудрун оплакала смерть Сигурда; конь его Грани в печали повесил голову до самой земли. Гудрун убежала в лес и пришла, наконец, к датскому конунгу Хьялпреку, где вместе с Торой, дочерью Закона, вышла повесть о подвигах героев¹⁰⁶. После смерти Сигурда Гуннар и Хёгни забрали себе все сокровище, которое назвали наследием Фафнира. Между Гьюкингами и Атли, обвинявшим их в смерти своей сестры Брюнхильд, возникла вражда. В качестве мирного дара было решено, что Гудрун будет отдана в жены Атли. Обнаружив ее убежище, Гримхильд отправилась за Гудрун в обществе сыновей и многочисленной свитой из лангобардов, франков и саксов. Когда Гудрун не захотела слушать послов, Гримхильд дала ей напиток забвения¹⁰⁷ и тем самым добилась согласия Гудрун на брак с Атли, предвещавший ей плохую участь. Четыре дня ехали они верхом, но женщин везли в повозках; потом четыре дня провели на корабле и еще четыре дня снова ехали по суше, прежде чем попали в резиденцию Атли, где бракосочетание справили с великой торжественностью и великолепием, но Гудрун ни разу не улыбнулась Атли.

Однажды ночью Атли приснился дурной сон, однако Гудрун истолковала его в благоприятном смысле. Потом он вспомнил, что Гьюкингам досталось все золото Сигурда, и поэтому он послал Винги пригласить их на пир; однако Гудрун обратила внимание на то, как давались наставления посланцу, заподозрила неладное, вырезала руны и послала их братьям вместе с золотым кольцом, обмотанным волчьим волосом. Винги исправил руны еще до того, как ступил на берег. Он завлекал Гьюкингов к королю Атли великими посулами. Гуннар не имел никакого желания путешествовать, и Хёгни тоже возражал против поездки; однако умягчившись вином на продолжительном пиру в честь Винги, Гуннар склонился в пользу путешествия.

Тем временем жена Хёгни Костбера прочла посланные Гудрун руны и обнаружила, что они были подделаны. Она попыталась отговорить мужа от путешествия, пересказывая ему свои зловещие сны, которые он истолковывал в противоположном смысле. Глаумвёр, жене Гуннара, также снились предвещающие предательство сны, но Гуннар сказал, что никому не под силу изменить свою судьбу. Невзирая на все уговоры, они тем не менее поднялись вместе с Винги на борт его корабля, в обществе горстки своих людей. Гребцы гребли с таким рвением, что киль корабля лопнул наполовину, а весла переломились. Потом они какое-то время ехали сквозь мрачный лес, в котором заметили могучее войско, но тем не менее въехали в ворота твердыни. Винги сразу же дал Гьюкингам понять, что они обмануты, после чего они забили его булавами.

Конунг Атли приказал своим людям схватить братьев в чертоге. Услышав звон оружия, Гудрун отбросила плащ, вошла в чертог и, обняв братьев, попыталась сыграть роль посредницы, но без успеха. Тогда она надела кольчугу, взяла меч и вступила в сражение как могучий воин. Битва затянулась надолго, и Атли потерял многих своих воинов. Наконец, из всех прибывших в живых остались только оба брата: их одолели и связали. Атли приказал вырезать сердце Хёгни, хотя советники предпочли бы воспользоваться сердцем трэла Хьялли; однако, когда на того наложили руки, Хёгни сказал, что чем слушать вопли его, проще самому сыграть в эту игру, и трэл ненадолго избежал опасности. Гуннара и Хёгни заковали в цепи. Атли предложил Гуннару сохранить жизнь, открыв, где спрятано золото; но тот ответил: «Скорее я увижу окровавленное сердце моего брата Хёгни». Тогда вновь схватили того трэла, вырезали его сердце и положили перед Гуннаром. «Это, — сказал он, — сердце труса, не похожее на сердце отважного Хёгни, ибо оно трепещет даже сейчас, хотя и дважды слабее, чем дрожало в груди своего владельца». Тогда вырезали сердце Хёгни, смеявшегося при этом. Увидев, что сердце это не дрожит, Гуннар признал в нем сердце Хёгни, и сказал, что теперь он один знает, где спрятано золото, и что оно скорее достанется Рейну, чем будет сверкать на пальцах врагов. Тогда Гуннара со связанными руками бросили в полный змей дворик. Гудрун прислала ему арфу, на которой он играл ногами так, что убаюкал всех змей, кроме одной гадюки, впившейся ему прямо в сердце¹⁰⁸.

Возбужденный своей победой, Атли посмеялся было над Гудрун, однако, заметив ее волнение, попробовал умягчить ее. Она прогнала его сомнения и подозрения, прикинувшись ласковой, и была устроена великолепная тризна¹⁰⁹ в память павших. Гудрун взяла своих маленьких сыновей, занятых игрой, и перерезала им обоим горло. Когда Атли позвал своих детей, она ответила, что их черепа были превращены в пиршественные чаши, оправленные в золото и серебро, и что в вине он пил их кровь, а в пище ел их сердца. Сын Хёгни, которого звали Нифлунг, горел желанием отомстить за отца и обратился за помощью к Гудрун, и когда Атли после трапезы лег отдохнуть, они убили его¹¹⁰. После этого Гудрун со всех сторон подожгла палаты, и все люди Атли погибли в огне.

После этого Гудрун бросилась в море, но волны вынесли ее на берег, и она пришла к городу великого конунга Йонакура, который женился на ней и имел от нее троих сыновей: Хамдира (*Hamthir*), Сорли и Эрпа (*Erpr*). Там же воспитали и Сванхильд, дочь Гудрун от Сигурда. Услышав о красоте Сванхильд, могущественный конунг Йормунрек послал своего сына Рандве вместе с советником Бики просватать ее за себя. Девушку выдали за конунга против воли Гудрун. Когда они плыли домой, Бики подучил Рандве с нежностью подойти к Сванхильд, сказав, что обладать столь прекрасной девой скорее подобает молодому человеку, чем старому конунгу. После прибытия домой Бики сообщил старому

конунгу о том, что Сванхильд стала любовницей Рандве, в результате чего тот приказал повесить Рандве. По пути на виселицу тот вырвал у ястреба несколько перьев и послал их отцу, который понял, что послание это означает, что он лишился чести, и приказал вынуть сына из петли, однако Бики устроил так, что тот был уже мертв. По наущению Бики Сванхильд также осудили на позорную смерть. Ее бросили перед городскими воротами, чтобы ее затоптали кони. Но когда девушка посмотрела на них, животные не стали наступать на нее; тогда Бики набросил мешок на ее голову, тем самым оборвав ее жизнь¹¹¹.

Гудрун послала своих сыновей Сорли и Хамдира мстить за сестру, изливая громкие жалобы на свою несчастную судьбу. Сыновья отправились в поход в доспехах, которые не могла пробить сталь, однако мать велела им опасаться камня. на пути они встретили своего брата Эрпа, которого спросили о том, какую помощь может он им предоставить. Тот ответил, что поможет им как рука помогает руке, а нога ноге. Это им не понравилось, и они убили его. Вскоре после этого Хамдир споткнулся и опершись рукой промолвил: «Правду сказал Эрп; я упал бы, если бы не поддержал себя рукой». Он последовали далее но через несколько шагов споткнулся Сорли; «Я упал бы», сказал он, «если бы не оперся на вторую ногу». Придя к Йормунреку, они немедленно напали на него. Хамдир отсек ему руки, а Сорли ноги. Хамдир тогда промолвил: «Отрубили бы и голову, будь с нами Эрп». Они мужественно сопротивлялись появившимся людям Йормунрека, тем более, что панцири их были непроницаемы для стали, пока не появился одноглазый старик и посоветовал забить их камнями, таким образом послужив их гибели¹¹².

О РАГНАРЕ И ТОРЕ¹³

На всем севере широкое распространение имела повесть о юной дочери готландского ярла Херауда (*Heraud*) Торе, чаще известной под прозвищем Домашняя Лань (*Borgar-bjort*), данном ей, потому что, в отличие от отважных амазонок того времени, она скорее напоминала нежную и пугливую лань; учитывая исключительную красоту и доброту девушки, отец поместил ее в укрепленный замок, а не в девичьи покои. Некоторые рассказывают, что замок охранял воин по имени Орм, однако в соответствии с *Сагой*: «Однажды Херауд подарил дочери дракона в маленькой шкатулке, в которой тот размещался, свернувшись клубком на золоте. Змей рос, вместе с ним умножалось и золото, наконец, стало необходимо удалить дракона из замка. Наконец он превратился в истинное чудовище, охватившее кольцом весь замок, так что в него никто не мог войти, кроме приносящих ему пищу». Посему ярл собрал совет, и было решено, что тот, кто убьет чудовище, получит его дочь в жены. Узнав об этом, Рагнар Лодброк, сын шведского конунга Сигурда, победившего в знаменитой битве при Бравалле, приказал сделать пять шерстяных плащей и рейтузов и проварить их в смоле¹¹⁴. После этого он вступил в бой с драконом, или, как иногда рассказывают, с медведем, охранявшим жилище прекрасной Домашней Лани, которого победил после многих трудов и опасностей. Лодброк оставил наконечник копья в спине дракона, а с древком явился к прекрасной Торе, к которой обратился со следующими словами:

*Своей юной жизнью рискнул я;
Лет мне пятнадцать;
Ненавистного червя убил я
Ради тебя, о, прекрасная дева.*

Далее он отправился к ярлу и потребовал выполнения обещания, доказав то, что именно он является освободителем его дочери с помощью древка и наконечника, оставшегося в теле дракона. Наконец, выяснилось и то, что молодой человек является конунгом, сыном Сигурда. Брак был совершен со всей подобающей рангу торжественностью. От жены Торы у Рагнара было двое сыновей, Эрик и Агнар; однако счастье их продлилось недолго: Тора умерла, и Рагнар оставил свой край под управлением сыновей и мудрых советников, вновь стал вести жизнь морского скитальца, чтобы в обществе викингов утопить или хотя бы смягчить боль утраты.

О РАГНАРЕ И АСЛАУГ

Когда Хеймир из Хлиндаля получил известие о смерти Сигурда и Брюнхильд и о том, что их дочь и его воспитанницу собираются погубить, он приказал сделать огромную арфу, в которой укрыл ребенка вместе со множеством драгоценных камней, и отправился на север. Он дал ей отведать лука, который способен значительное время поддерживать в теле жизнь. Хеймир описывается как гигантская и величественная фигура; хотя одежда попрошайки и нищего мало соответствовали внешности, манеры и мелодичное пение арфы свидетельствовали совсем о другом. Оказываясь в уединенном месте, в лесу или на поле, он выпускал девочку погулять, однако, если она начинала плакать, находясь внутри арфы, когда он находился среди людей или в чьем-нибудь доме, он играл и пел до тех пор, пока ребенок не успокаивался и не замолкал.

Наконец, поздним вечером Хеймир явился к одному маленькому и уединенному жилищу в Норвегии, носящему имя Спангархеде¹¹⁵, в котором жили старик по имени Айд и его жена Грима. Старуха сидела одна, и Хеймир едва уговорил ее развести огонь в очаге, чтобы он мог согреться. Она не отводила глаз от арфы, из которой торчал краешек дорогого платья; однако ее подозрения вспыхнули с еще большей силой, когда под рукавами одеяния бродячего арфиста, когда он протянул руки к огню, блеснул яркий золотой браслет. Она провела Хеймира в комнатушку, где, утомленный путешествием, он скоро крепко заснул. Ночью возвратился крестьянин. Утомленный дневными трудами, он был недоволен тем, что ужин еще не готов, и принялся горестно жаловаться на участь бедняка. Тогда старуха сказала мужу, что он может поправить свое состояние до конца дней своих, если убьет незнакомца, у которого, как она видела, в арфе спрятано много золота и драгоценностей. Сперва старик не хотел совершать столь низменный поступок, однако жена в итоге все-таки заставила его убить спящего Хеймира. Когда старики открыли арфу и из нее вышла маленькая Аслауг, оба они пришли в ужас и вне сомнения убили бы и ее, если бы трогательное личико не пробудило в них совесть. Чтобы избавиться от подозрений, они переодели ее как собственного ребенка в грубую одежду и называли Кракой. Шли годы, Крака выросла и прославилась своим разумением и красотой. В основном время свое она проводила в лесу, где пасла скот своего приемного отца. Она прекрасно знала о своем происхождении, о котором помнила по многократным рассказам Хеймира; но со своими приемными родителями держалась, словно немая, и не произносила ни слова.

Однажды вечером корабль Рагнара вошел в гавань возле Спангархеде, и он послал часть своих людей на берег — печь хлеб. Когда они вернулись, оказалось, что весь хлеб пригорел и испортился. В качестве извинения они сказали конунгу, что их смутила своей красотой сельская девушка по имени Крака, настолько прекрасная, что они не могли отвести от нее глаз; они даже решили, что она столь же прекрасна, как и Тора. Они много

рассказали Рагнару о ее уме и остром языке. Рагнару захотелось проверить их рассказ, и он приказал, чтобы Крака явилась к его кораблю, не одна, но и не в чьем-либо обществе; не одетой, но и не без одежды; не голодной, но и не сытой. Она выполнила все условия, но только после того как конунг гарантировал ей право невозбранно прийти и уйти. Она пришла закутанной в сети, распустив как плащ густые гладкие волосы; сопровождала ее только собака, и она надкусила луковицу, но ничего не ела. Конунг был не менее удивлен ее разумом, чем красотой. Он обратился с молитвой к Одину, чтобы тот вдохнул в девушку такую любовь к нему, чтобы она немедленно уступила его желанию. Однако Крака слишком ценила собственную честь и отвергла его ухаживания. Рагнар попытался купить ее подарком — вышитым платьем, принадлежавшим его покойной княгине, со словами:

«Умеешь ли ты так вышивать? Примешь ли серебром шитое платье? Будет тебе к лицу платье, принадлежавшее некогда прекрасной Домашней Лани? Своими лилейными руками выткала она эту чудную ткань. Мне, вождю героев, верной была она до смерти».

Крака ответила:

«Не могу принять я серебром шитое платье, прежде принадлежавшее Домашней Лани. Зовусь я Кракой, одетой в черную как уголь вадмель¹¹⁶; ибо я должна ходить по камням и пасти коз на морском берегу».

Удивленный всем, что он увидел и услышал, конунг готов был, пообещав ей жениться, уговорить девушку провести с ним ночь; однако она осталась непреклонной, а честь не позволяла ему нарушить данное обещание. Наконец, Крака согласилась на то, что, если конунг вернется, сохранив желание сделать ее своей княгиней, она будет готова последовать за ним. Спустя некоторое время конунг вернулся, и Крака, распрощавшись со своими приемными родителями, отправилась в его замок, где и был совершен их брак со всей подобающей пышностью.

Однажды случилось, что Рагнар посетил своего друга конунга Ёстена, правившего в Упсале. Вечером юная дочь Ёстена принялась обходить чертог, угощая вином и медом Рагнара и его людей. Конунг был потрясен красотой юной княжны, и спутники его решили, что конунгу их скорее подобает иметь своей княгиней прекрасную дочь царственного друга, чем крестьянскую дочь Краку. Тогда оба конунга договорились на том, что Рагнар вернется домой, отпустит Краку, возвратится обратно и женится на дочери Ёстена. Когда Краке стало это известно, она открыла конунгу свое настоящее имя Аслауг и что она дочь конунга Сигурда и Брюнхильд, последняя из знаменитого рода Вёлсунгов; и что Хеймир после гибели ее родителей бежал с ней от врагов, спрятав ее в арфе, и был убит Аки в Спангархеде, после чего она получила имя Крака. Рассказ этот пробудил Рагнара от его увлечения, и, тронутый привязанностью жены, Рагнар более не возвращался в Упсалу. Дружбе его с конунгом Ёстеном пришел теперь конец, и с той поры Аслауг сделалась свирепой и мстительной, как и вся ее родня.

ФЮЛГИИ: ВАРДЁГЛ, ХАМ, ХАМИНГИЯ, ДИС, ВАЕТТ И ДРАУГ

Фюлгии представляли собой ангелов-хранителей или духов помощников конкретной личности или же целого народа. Фюлгию мог увидеть находящийся на грани смерти. «Нужно быть обреченным (умирающим), чтобы увидеть свою Фюлгию», — сказал Исландец имевшему видение¹¹⁷. Фюлгии иногда являлись и другим людям. Мы читаем, что Хедин, возвращаясь домой в канун Рождества, встретил в лесу ехавшую верхом на волке, взнузданном змеями, троллиху, предложившую разделить его общество. Когда он поведал

о случившемся своему брату Хельги, тот понял, что эта встреча предвещает его смерть, поскольку это его собственная фюлгия приставала к его брату под видом женщины, ехавшей верхом на волке. Когда человек умирает или приближается к смерти, его фюлгия стремится последовать за его ближайшим родственником или за членом его семьи. Если человек видит свою фюлгию окровавленной, это предвещает насильственную смерть.

ХАМ И ХАМИНГИИ

Очевидно, идентичны фюлгиям хам (*Hamr, induviae*) и хамингии. В *Atlamal* Костберн снится, что она видит как хам или гений Атли вошел в дом в обличье орла и окропил всех кровью. В *Речах Вафтруднира* и *Vegtams-quitba* хамингии идентичны норнам.

С изложенным выше связано английское суеверие в отношении так называемой рубашки, в которой может родиться ребенок. В Германии такие дети считаются счастливыми¹¹⁸, а саму «рубашку» старательно сохраняют или зашивают в пояс, который носит ребенок. Среди исландцев такая рубашка носит название «фюлгия»; они верят, что в ней обитает ангел-хранитель или часть души ребенка; посему повитухи стараются не повредить ее, но закапывают под порогом, через который должна переступить мать. Тот, кто выбрасывает ее или сжигает, лишает ребенка ангела-хранителя. Такой хранитель также именуется фюлгией, поскольку предполагается, что он будет следовать за человеком; он также носит имя форинии, так как рассматривается и как предшественник¹¹⁹.

Предания и верования в существа, сопровождающие каждого человека, распространены в значительной части Норвегии, хотя название их и само представление в различных местах варьируются. В некоторых местах их называют *Folgie* или фюлгиями; в других вардёлг, вардигр, вардивил или вардойель, а иногда хам или хау.

В некоторых краях вардёлг считается добрым духом, всегда сопровождающим человека и ограждающим его от всех опасностей и несчастий, почему принято провожать человека или глядеть ему вслед или сразу же закрывать за вышедшим дверь, чтобы вардёлг обязательно последовал за ним, иначе, в отсутствие хозяина, он может сделаться шаловливым и проказливым, или даже попасть в лапы злого духа тусбет, также следующего за каждым смертным.

В других местностях в фолги или вардёлг видят предупреждающего советника, который, постучав в окно или дверь, постучав по стене, погремев задвижкой и др. предупреждает о приходе знакомого или о том, что кто-то хочет прийти, или о том, что близка смерть или другое несчастье¹²⁰. Фолги показывается людям в основном в виде животного, напоминающего конкретного человека. Поэтому бесстрашным фолги является в виде смелого зверя — волка, медведя, орла и т.п.; хитрецам в виде лисы или кота; робким в облике зайца и т.д. Вардёлг иногда является и в виде человека, похожего на его господина, но немедленно исчезает; тогда бывает, что одного и того же человека одновременно видят в двух местах. Одним из них тогда является фолги, иногда являющийся и самому человеку, который в таких случаях, как говорят, видит собственного двойника¹²¹. Еще более удивительный случай приключился с мальчишкой, споткнувшимся о собственную фюлгию. В *Forntanna Sögur* (3, 113) рассказывается, что Торстен Оксефод в возрасте семи лет вбежал в комнату и растянулся на полу под смехок старого мудрого Гейтера. Когда мальчик спросил о том, что в этом смешного, старик ответил: «Я видел то, чего не видел ты. Когда ты вбежал в комнату, за тобой последовал белый медвежонок, который обогнал тебя и, увидев меня, замер на месте, отчего ты и споткнулся». Это была собственная фюлгия Торстена.

Если человек хочет узнать, вид какого животного принимает его вардёлг, ему достаточно с некоторыми церемониями просто обернуть нож салфеткой и поднять его вверх, называя при этом известных ему животных. Когда он назовет собственную фюлгию, нож сам собой выпадет из салфетки.

В старину наши священники также считали, что у каждого человека есть свой хранитель или помощник. В *Jernpostil* (edit. 1513, p. 142) сказано: «В тот момент, когда любой человек появляется на свет, Господь наш посылает ангела, охранять его душу от дьявола и всякого прочего зла»; утверждение это подтверждается свидетельствами Св. Иеронима и Св. Бернара».

Дисами (мн. ч. *Disir*) называются все мифические существа женского пола, хотя слово это обыкновенно прилагается к духу-помощнику человека или фолги. Некоторые из них дружелюбны к человеку, другие враждебны ему. Дружественные или охраняющие дисы зовутся *Spâdisir*, то есть пророческими дисами: шотландское *spae*, как в *spae-wife*, означает пророчицу или предсказательницу. В Норвегии к дисам относились с большим уважением. В сагах часто упоминаются *Disa blot*, или жертвы дисам. Часть храмов носила там наименование *Disa-sal* (*Disarsalr*)¹²².

Ваэтт (*Vaettr*, мн. ч. *Vaettir*) в своем оригинальном толковании представляет собой не больше и не меньше чем *вещь, существо, человек*, хотя в Скандинавии (особенно Норвегии и Исландии) словом этим пользуются для обозначения гения — покровителя края женского пола, который зовется тогда *Land-vaett*. В законе Гулатинга (*Gulathing*) сказано, что «*omni diligentia perquirant rex et episcopus ne exerceantur errores et superstitio ethnica, uti sunt incantationes et artes magicae... si in Landvaettas (genios locorum) credunt quod tumultos aut cataractas inhabitent*», и т.д.¹²³ Ландваэтт принимает самые разные обличья. Халлагер описывает ваэтт как тролля или ниссу (*Nisse*), обитающую в курганах, которые по этой причине зовутся *Vaette-bouer*. Ваэтт напоминает мальчика в серой одежде и черной шляпе¹²⁴. Само слово тем не менее относится к женскому роду. В законе Ульфлиота сказано, чтобы, завидев землю, снимали главу каждого корабля, дабы разверстой пастью или клювом не испугала она ландваэтта.

Драуг (*Draugr*), призрак. Один зовется Драуга Дрот (повелитель призраков), поскольку он может поднять мертвецов из могил (как в *Vegtams Kvida*). Явление человеку его драуга предвещает смерть. В *Херварар Саге* о драугах говорят как о лежащих вместе с мертвецами в курганах. Драуг следует за обреченным, куда бы тот ни пошел, часто в обличье насекомого, пищущего по вечерам. Иногда он предстает в одежде рыбака. Появление самого драуга или его слюны (разновидности пены, иногда обнаруживающейся в лодках) являются знаками приближения смерти.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Предшествующая часть содержала самые основные моменты содержания *Эдд*. Обратившись к поздним толкованиям этих темных и древних рун, мы встречаем столь много противоречащих друг другу интерпретаций, что их едва ли возможно соединить

непротиворечивым образом. Темный язык, которым изложена мифология Севера, образы, наполняющие ее, сумерки, в которые погружено начало умственного развития всякого народа, и трудности, связанные с выяснением взаимосвязи между религиозными идеями, — все это обуславливает попытки истолкования ее то в одном, то в другом направлении, причем каждое из них подразделяется на несколько обходных путей и множество ложных.

Учитывая значимость и ценность нордической мифологии, мы сталкиваемся с двумя весьма различными мнениями. Некоторые предполагали, что старые эддические песни и предания являются простыми подделками, составленными в Средние века развлечения ради невежественными монахами, в то время как другие не только объявили их древними, но и сочли настолько возвышенными, что обнаружили в них даже отражение идей христианства, что Христос, например, иносказательно изображен в виде Тора, сокрушающего голову змия; таким образом, превращая эддическое знание в некое подобие откровения, явленного до Откровения. Первое из этих мнений, хотя и вспыхнувшее на короткое время, теперь можно считать полностью и навсегда погашенным, поскольку всякий, кто читал обе *Эдды*, немедленно подметит согласование, существующее между рядом их частей, невзирая на то, что они представляют собой всего лишь фрагменты, величие и поэтическую красоту, отпечаток которой в столь многих случаях они несут, а тот древний язык, на котором составлены песни, просто не мог быть сочинен невежественными монахами.

Второе мнение могло возникнуть только благодаря слепой предрасположенности к античности; ибо если вычленишь общий для всех религий элемент и описания гибели мира, распространенные по всему земному шару, мы не найдем в нордической мифологии ни одного следа важных для христианства элементов, а случайное сходство исчезает при каждом внимательном рассмотрении. Древняя вера обитателей Севера на деле является не собранием абсурдных выдумок и пресной лжи, как и источником возвышенной мудрости, а являет собой представления нецивилизованного народа с учетом связи между божественным и мирским, выраженным в образах, доступных разумению младенца. Настоящее время не смеет надеяться найти в ней ни откровения новых идей, ни указания на ведущую к счастью дорогу; даже современный поэт не сумеет найти в ней источник вдохновения, кроме разве что подобающего облачения для собственных поэтических выдумок. По сути дела, эддическая наука важна тем, что проливает свет на исследования древности, на развитие человеческого ума в общем и применительно к нашим праотцам в частности.

С точки зрения самой интерпретации толкователей *Эдд* можно разделить на две секты: первая несет нам иллюстрацию того, что сами предки думали об этих мифах, другая показывает то, что можно думать о них. Первая позволяет установить смысл конкретной поэмы, вторая пытается обнаружить то, что можно домыслить, полагаясь на нее. Последнюю мы немедленно отринем; ибо как бы прекрасны и возвышенны ни были ее построения и какое бы поэтическое применение ни могли они найти, тем не менее они не приведут нас к древности, а напротив, удалят нас от нее, вопреки тому, что мы стремимся, насколько это возможно, познакомиться с ней во всей ее чистоте. Когда этим мифам, например, придается не только связь с историей Севера, но и универсальное историческое значение; когда мы поэтому находим в нордической мифологии образное свидетельство великих эпох в истории мира, а в нескольких мифах разных

народов особые проявления их судеб по мере течения времени, очевидно, что это не правда, а выдумка. Хотя подобные идеи в эддической науке могут иметь собственное поэтическое значение, хотя они способны в приемлемой манере оживить воображение и предоставить ему запас новых образов, тем не менее нельзя безнаказанно пренебрегать правильным пониманием. Если такие идеи принимают облик серьезных интерпретаций, они распадаются в ничто, не имея под собой прочного основания. Беллетристика имеет право на свободу выдумки, но у исследования есть свои ограничения.

Сколь широко ни отличались бы друг от друга мнения толкователей Эдд и сколь обманчивыми они ни бывали бы даже по отношению к себе самим, их можно, в общем, отнести к трем классам — историческому, физическому и этическому: к историческому, поскольку мифологии всех народов и начальные этапы их истории неизменно вступают в контакт, переплетаются на своих границах и вторгаются на территорию друг друга; к физическому, поскольку вся мифология имеет собственную природу и проявления; к этическому, поскольку законы поведения всего рода людского представляют собой конечную цель всех религий.

Наиболее определенным среди этих классов является историческое толкование. Поскольку мифология охватывает не только жизнь с физической и этической стороны, но также и создание и разрушение мира, начало и конец времен или вечность, мы обретаем ее во многих элементах, не принадлежащих истории как таковой, и все попытки внести мифологию за ограду истории естественным образом оказываются неудачными. Такой способ толкования может быть поэтому отнесен в лучшем случае к области естественных существ — богов. Он подразделяется на два направления. Можно предположить, что богами считались или подлинно существовавшие люди, или что на земле действовали сверхчеловеческие по возможностям существа. Первое из этих направлений также внутренне подразделяется: обоженных личности можно считать или лжецами и обманщиками, или благодетелями человечества.

Боги, Один и его друзья, были обманщиками, волшебниками и чародеями (*trollmen*); они отводили глаза людям своим искусством и потому заставляли верить тому, что считали выгодным для себя; религия возникла среди людей не как необходимость, но как лживая выдумка жрецов — таким было мнение средневекового христианства о древней мифологии. Все язычество считалось плодом усилий дьявола, который через своих служителей, языческих жрецов, увеличивал царство лжи на земле; первые среди людей были великанами, обладающими сверхчеловеческими размерами и силой, после них явились другие, меньшие ростом, но более мудрые, превзошедшие своих предшественников волшебством и заслужившие потому репутацию богов; что потомки их стали смесью тех и других, не достигая ни роста великанов, ни мудрости богов, хотя ослепленные люди поклонялись им в таком качестве, — так считали во времена Саксона Грамматика, выдвинувшего упомянутую точку зрения и видевшего в Одине существо, добившееся божественных почестей во всей Европе; после того как Один учредил свою резиденцию в Упсале, его вместе со спутниками стали считать божественными созданиями¹²⁵. К первому классу существ естественно принадлежал Имир и его отпрыски, инеистые великаны; ко второму Один вместе с его родней; к третьему жрецы богов, путем обмана распространявшие доктрины своих предшественников и возвысившие их в сан богов.

Нетрудно понять, что подобные мнения находили своих сторонников в Средние века, однако чрезвычайно удивительно то, что у них находятся защитники и в наше

время, уверяющие, что объявленная жрецом мнимая воля богов, отождествленная с божественными существами, способна удовлетворить любого человека, что одни лишь жреческое искусство и обман сформировали весь круг религиозных представлений, необходимых каждому народу и являющихся одним из самых ранних проявлений размышлений человека о себе и о мире.

Более вероятным является представление о том, что мифы порождены не обманом, а реальными историческими событиями; что почитание Одина и его родственников и товарищей на Севере имело причиной иммиграцию жреческой касты; что авторитет жреца устанавливался самим народом на основе авторитета божества, которому служил жрец; что его цивилизаторские старания и усилия, свидетельства высших познаний и проницательности, после смерти этого человека обрели мифическое одеяние; и что таким образом была сформирована последовательность мифов, созданная отчасти благодаря учению, отчасти благодаря событиям, элементы которой ныне с трудом поддаются разделению. Таково было мнение Снорри и других древних авторов, считавших богов кастой жрецов, пришедшей из Азии, даже из Трои; Один и его сыновья были земными царями и священниками; Один скончался в Швеции, наследником его стал Ньёрд; а после смерти его сына Фрейра, жертвоприношениями руководила Фрейя, единственная из богов, еще остававшаяся в живых. Подобное обожествление человеческих личностей имеет свои примеры в истории; в Греции мы находим много исторических персонажей, которых возвели в сверхчеловеческое достоинство восхищение их блестящими качествами и порожденные ими же вымыслы. С этой точкой зрения сопряжен историко-географический способ толкования, в соответствии с которым идеи, связанные с мифическими существами, переносятся на реальные, происходившие на Севере события, и мифические сказания о войне между богами и великанами, о скитаниях богов по земле представляются как воспоминания о подлинной войне между людьми и о распространении религии Асов из ее средоточия в Швеции на соседние страны. Таким представлением о древнем учении пользовались старинные авторы и столь видный историк, как Снорри, и теперь его можно считать достоянием истории. Однако мы не сомневаемся в том, что читатель уже успел понять, что такая точка зрения является частной, что она не исчерпывает содержания всех мифов и в лучшем случае охватывает лишь немногие, и то лишь косвенно; ибо, вообще, не предоставляет нам первоначального смысла мифов, но лишь доносит до нас свидетельства их позднейшего употребления. Проиллюстрируем это примером. Обитателям Севера был известен истинный расположенный в Норвегии Альфхейм, и они распространяли свои представления об альвах, существах чистых и возвышенных, на население этого региона, отличавшееся от соседей более высоким уровнем цивилизации, но тем не менее в данном случае не отказывались от своей веры в альвов как в сверхъестественные существа, стоявшие на высшей ступени по отношению к прочим живым созданиям.

Все существа Нордической мифологии, утверждает Моне, можно рассматривать как персонифицированные идеи, или, иными словами, эта мифология содержит философические воззрения на природу и жизнь. В данном случае физическое и этическое толкования соединяют свои предметы; ибо природа и жизнь находятся в состоянии постоянного взаимного обмена, восприятие которого не могло остаться незамеченным даже самыми ранними наблюдателями. Физический способ интерпретации имеет тогда своим предметом указание на эти силы природы и естественные феномены, которые персонифицированы в мифах, и на соответствие между мифологическими представлениями и действи-

ем естественных сил. Подобному образу толкования следовали многие развивавшие его интерпретаторы, и в целом ни одна из предлагавшихся систем в некоторых своих частях не получила такого развития. Более того, он является столь естественным для Нордической мифологии, что применение его кажется почти неизбежным; поскольку не только сами древние авторы подчас открыто заявляли, что конкретный миф служит объяснением естественного феномена, такого, например, как радуга, землетрясение и прочее, но что сами мифы такие, как посвященный волку Фенриру, Змею Мидгарда и другим созданиям, содержат столь очевидное описание природной силы, что в значении их сложно ошибиться. Посему в случае каждого неясного мифа можно посоветовать в первую очередь удостовериться, относится ли он к природным, и только потом предпринимать попытки истолковать его каким-либо другим образом. Однако поскольку такой способ объяснения является самым простым и естественным и в наибольшей степени согласуется с представлениями древности, отсюда далеко не следует, что его можно применять во всех случаях, или что он всегда дает правильные результаты. Суть толкования может быть схвачена верно при ошибках в некоторых частностях. Правильная идея может быть применена неверно. Однако ошибочной может оказаться и сама идея, если не обнаруживается реального соответствия между мифом и природным явлением, к которому он прилагается, если сходство, буде таковое найдется, навязано толкованием, а не возникает из него самого. Сему можно привести пару примеров, к которым читатель легко добавит другие. Интерпретация оказывается ошибочной, если основывается лишь на поэтическом строе мышления. Например, Один посылает валькирий забирать павших в сражениях героев: они прячутся над сражающимися ратями, они ходят по полю брани, забирают павших в свои объятия и уносят на небесных конях в Валгаллу. Здесь мы видим всего лишь прекрасное поэтическое выражение идеи о том, что Всеотец Один решает исход сражения, что его воля определяет, кому суждено погибнуть в бою, и что подобный образ смерти, когда герой попадает в его обитель, является благословением, в то время как толкуя валькирий как яркие воздушные явления, огненные шары и тому подобное, что, кстати, не может объяснить их присутствия на каждом поле сражения, мы нарушаем всю поэтическую красоту, относя к физическому то, что имеет чисто воображаемую природу. Когда путешествие Скирнира толкуется следующим образом: Фрейр представляет собой солнце, Герд — северное сияние, ее отец Гюмир — замерзший океан, и что от любви Фрейра и Герд рождается весна или лето, объяснение это изобилует многочисленными поэтическими ассоциациями, впрочем, вполне случайными, ибо отсутствует основной момент сходства, так как Герд в качестве северного сияния не может согреть землю, что ей всегда суждено оставаться бесплодной и жить синеистым великаном, и плодотворящие объятия Фрейра — которые не могут не принести плода, кем бы ни был Фрейр, поскольку все происходит в процветшем весеннем лесу, — не производят никакого воздействия на олицетворяющее северное сияние создание, остающееся бесплодным. Посему толкование следует перенести на плодоносную способность земли, освещенной летним солнцем, отвергнув избранное сперва направление. Здесь идея, на самом деле образующая основу поэмы, должна толковаться как земля, оплодотворяемая Фрейром; однако, отодвинутая в сторону прочими моментами сходства, она почти теряется за другой идеей — красотой северного сияния.

Если вместе с некоторыми комментаторами мы истолкуем бога Видара как безмолвное окончание года и соответственно также зимы; время, когда Тор отправляется к Гейррёд, за осень или начало зимы, а Грид, мать Видара, обитающую на пути к Гейр-

рѣд, за осень или конец лета, в противоположность ее собственному сыну; и когда мы обнаружим, что она должна оказаться великаншей, с учетом того, что сын ее завершает зиму; если мы примем все это, получается последовательность идей, не имеющая природной связи с мифами. Да, Видар молчалив, но что представляет собой безмолвное завершение года? На севере его отмечают достаточно шумно. И потом, каким образом безмолвное завершение года может погубить Фенрира и пережить прочих богов, как нам рассказывают о Видаре? Как мать может представлять противоположность своему сыну? И каким образом сын может определять ее природу? Если Грид представляет собой конец лета, она способна, быть может, приносить зиму, но не ее окончание; к тому же, откуда следует, что мать Видара должна быть великаншей, поскольку сын ее завершает зиму; напротив, если мать его — великанша, он сам должен быть персонификацией зимы и великаном. Такая интерпретация громоздит противоречие на противоречие.

Среди экстраординарных направлений, которые успел принять метод естественного толкования, следует выделить то, которое можно назвать химическим. Оно устанавливает соответствия между мифологией и возникшей впоследствии химией. В частности, оно видит в трех равновеликих божествах три природные субстанции — серу, ртуть и соль; в Одине, Вили и Ве — воплощение трех законов природы: тяготения, движения и притяжения. Оно трактует истекающие из Хвергельмира реки как обозначения разрушительных газов, обретающихся в недрах Земли; коней богов, переносящих их через Биврёст, как вибрации воздуха; Слейпнира среди них — как вибрацию света; Всеотца Одина — как избирательное сродство в химической реакции. В соответствии с этой системой Тор олицетворяет не грозу, а ее глубинную причину, электричество. Имя Ауку-Тор (происходящее от *auka*, *eke*, прибавлять) воспринимается как обозначение накопления электричества; пояс его в таком случае оказывается некоторым образом схож с электрическим конденсатором; железные рукавицы оказываются проводниками. Миф о путешествии Тора в Гриотунагард являет собой описание процесса распространения земного магнетизма в растительном царстве, и если Хрунгнир символизирует окаменение, Фрейя и Сив представляют собой углерод и кислород, сын Тора Магни являет собой магнит, а Мёскуркальви — намагниченную иглу. В повести о происхождении поэзии Квасир оказывается сладкой субстанцией; убившие его Фьялар и Галар олицетворяют ее разложение и брожение; Одрхерир есть напряжение, Сон — вибрация, Бодн — эхо, Гиллинг — осадок; его раздавленная жерновом жена — винный камень, Суттунг — алкогольный напиток и Гуннлед — углекислый газ. В качестве иллюстраций подобного толкования можно было бы использовать еще много примеров, однако оно, безусловно, является неправильным, поскольку оно наделяет древность таким знанием природы, которого она не имела, да и иметь не могла.

Данному толкованию родственно то, которое следует назвать астрономическим, поскольку целью своей оно имеет показать, что те знания, которые предки имели о Солнце, звездах и временах года, использовались мифологическим образом, составляя часть жреческих знаний. Следы подобного толкования присутствуют почти во всех мифологиях, поскольку наблюдения за небесными светилами неизбежно находили свое применение в жизни при определении времен года, выделении особых дней, сопоставлении быстротекущего со временем в памяти. Сему могла способствовать и древняя арифметика, и толкование, таким образом, одновременно оказывается математическим. Тем не менее оба этих метода толкования имеют в Нордической мифологии ограниченное при-

менение, и оказываются полностью неправомерными в случае мифов, имеющих другое происхождение и предмет. Как уже неоднократно отмечалось, пращуры наши обладали весьма ограниченными познаниями в том, что относится к Солнцу, Луне и звездам. Соль, девица, погоняющая коней солнца, действительно именуется богиней, однако появляется лишь случайно и не производит мифологических действий. Само солнце не считалось богом, а представляло собой огненный диск, исходящий из Муспельхейма, области вечного огня, влекомый двумя конями, которыми правит дева Соль, в самой своей возвышенной ипостаси фигурирующая всего только как глаз Одина; однако о каком либо поклонении солнцу во всей нордической мифологии нет и следа. Бил также именуется богиней, однако она олицетворяет лишь одно из пятен на лице луны, а не само светило: свидетельств поклонения ей также не существует. Звезды искрами высыпались из Муспельхейма, после чего были прикреплены к небу и под ним; подобное детское представление просто не могло прийти в голову тому, кто мог бы захотеть обожествить эти угольки. Дважды на их изготовление пошел земной материал: речь идет о глазах Тиацци и пальце ноги Орвандиля (скорее всего две основных звезды в голове Тельца, и полярная звезда или одна из звезд Большой Медведицы); однако происхождение от плоти великанов должно было пресечь всякую возможность поклонения им. За этими исключениями звезды не упоминаются ни в одном из мифов. И если столь мало внимания уделялось небесным телам и их перемещениям, нельзя даже предположить о существовании представления о солнечном годе, состоявшем из двенадцати месяцев; не предоставляют материала для такого предположения и два отрывка из *Эдд*, где явным образом говорится об измерении времени, поскольку в них упоминаются лишь части дня и ночи, в соответствии с которыми рассчитывается год, однако без каких-либо точных данных, связывающих его с Солнцем или Луной. О Луне были известны только две основных ее перемены: Нью и Нити (*Nyi* и *Nithi*), что свидетельствует о наблюдениях за ее движением. О Солнце, напротив, мы не обнаруживаем ничего, кроме того, что оно связано с днем. Это приводит нас к предположению о том, что древнейшим годом у обитателей Севера, как и у других народов, был лунный, что подтверждается и *Речами Вафтруднира*, где после упоминания дня и ночи в той же самой строфе добавлено, что боги сотворили Нью и Нити для счисления лет; отсутствует и какая-либо историческая информация о противоположном. С другой стороны, самое раннее упоминание о регулярном подсчете солнечных лет продолжительностью в 364 дня, или 12 месяцев, относится к 950—970 годам, то есть в лучшем случае всего на пятьдесят лет предшествует введению христианства. Поэтому исландцы, в то же самое время принявшие подобный счет, не могли принести с собой столь точное знание после эмиграции из Норвегии, где он едва ли находился в употреблении во время Гаральда Прекрасноволосого¹²⁶ (*Hárald Harfagr*), а тем более в предшествующие времена. Это заставляет усомниться в том, что двенадцать палат асов связаны с годом, определяемым движением Солнца. Однако поскольку эта точка зрения принята рядом достойных комментаторов, здесь приводится краткая схема системы, предложенной покойным профессором Магнусеном¹²⁷ как наиболее согласующаяся с *Речами Гримнира*.

	ПАЛАТА	БОЖЕСТВО	МЕСЯЦ
I	Идаль	Уль	ноябрь
II	Альфхейм	Фрейр	декабрь

III	Валаскьялв	Вали	январь
IV	Сёкквабекк	Сага	февраль
V	Гладсхейм	Хропт	март
VI	Трюмхейм	Скади	апрель
VII	Брейдаблик	Бальдр	май
VIII	Химинбьорг	Хеймдалль	июнь
IX	Фолькванг	Фрейя	июль
X	Глитнир	Форсети	август
XI	Ноатун	Ньёрд	сентябрь
XII	Ландвиди	Видар	октябрь

Технически здесь многое согласовано: зима предваряет лето и начинается с Улля как раз в то время, когда в старину начинали отсчитывать зимнюю пору. Улл вполне может оказаться жителем влажных долин (*Ydalir*) в ноябре; Фрейр, в декабре мог получить Альфхейм «на зубок»; обновляющий год Вали правит январем; в феврале Один вместе с Сагой может повторить песни о былых подвигах, и так далее. Невзирая на все это, на мой взгляд, против всех этих систем свидетельствует тот факт, что о постоянном расположении палат богов относительно друг друга свидетельствует лишь упоминание их в таком порядке в *Речах Гримнира*; так как в указанной поэме перечисляются также кони асов, имена Одина и так далее, и потому ее, возможно, следует считать некоей разновидностью перечня или каталога мифологических объектов. Нет никаких оснований и пренебрегать Тором, включая Хеймдалля, бога радуги, поскольку оба они связаны с воздушными явлениями и не имеют никакого отношения к ежегодному перемещению Солнца или временам года, с которыми также, насколько я представляю, не связаны ни Видар, ни Ньёрд, бог ветра и океана, ни Фрейр и Фрейя, божества плодородия, ни муза истории Сага, представленные в таком качестве в *Эддах*.

Обращаясь к арифметике скандинавов, мы встречаем здесь, как и среди всех древних народов, частое употребление некоторых священных чисел: 3, 7, 9, 4, 8¹²⁸; но в целом арифметика их кажется нам весьма ограниченной; и если обнаруживается какой-нибудь более сложный пример, как, например, в случае 540 ворот Валгаллы, из которых плечом к плечу могли выезжать по 800 зйнхериев, его следует в лучшем случае рассматривать как остаток более древнего предания, оригинальный смысл которого утрачен. Умножая 540 на 2300, мы получаем продолжительность индийской юги; однако не является ли это совпадение чисто случайным? Трудно понять, какая связь может существовать между длительностью юги с одной стороны и числом дверей Валгаллы и зйнхериев с другой.

Каждая из религий древности объединяет не только строго религиозные элементы, такие, как вера в сверхъестественное и влияние этой веры на поступки людей, то есть все те знания, которые ныне носят название науки. Жрецы впитывали все знания. И сведения о природе, о языке, обо всей интеллектуальной сущности человека и его культуре, об истории происхождения государства и основных народах облекалось в поэтическое, нередко мифологическое облачение, распространяясь в виде песни и устных преданий, а в более поздний период письмом — среди наиболее культурной части общества, конкретных семей. Они в свою очередь распространяли среди основных народных масс то, что казалось им наиболее уместным для данного времени и места. Таков материал, дошедший до нас в виде *Эдд*, в том виде, как сейчас они лежат перед нами, пройдя все Средние века. И поэтому поздние интерпретаторы, вне сомнения, правы в том, что разыскивают в этих

остатках не только предания о возникновении и разрушении мира, об отношении человека к Божеству, но и контуры естественных и историчных знаний, присущих Античности. В предшествующем наброске мы, конечно же, опустили все, что могло иметь историческое значение, изложив то, что может рассматриваться как чистый миф.

Эта мифологическая информация содержится в двух древних памятниках, *Старшей* и *Младшей Эддах*, называемых по предполагаемым составителям *Сэмундовой Эддой* и *Эддой Сноффи*. Первая из них содержит песни более древние, чем северное христианство, которые, передаваясь первоначально в устном виде, были в итоге записаны в Средние века. По большей части они дошли до нас в виде фрагментов, и некоторые пробелы в более позднее время с большим или меньшим талантом заполнены прозаическими вставками и введениями. Другая *Эдда* состоит из сказаний основанных на стихах *Старшей* и часто заполненной ими, однако записанными и сохраненными по прошествии языческой поры отдельными учеными того времени, то тут, то там добавлявшими толкования некоторых вопросов.

Возьмем, например, вступление, содержащееся в части Прозаической *Эдды* или *Эдды Сноффи*, носящей название *Gylfaginning*, или *Видение Гюльви*:

Конунг Гюльви был муж мудрый и сведущий в разных чарах. Диву давался он, сколь могущественны асы, что все в мире им покоряется. И задумался он, своей ли силой они это делают или с помощью божественных сил, которым поклоняются. Тогда пустился он в путь к Астарду, и поехал тайно, приняв обличье старика, чтобы остаться неузнанным. Но асы дознались о том из прорицаний и предвидели его приход прежде, чем был завершен его путь. И они наслали ему видение. И вот, вступив в город, он увидел чертог такой высокий, что едва мог окинуть его взором. А крыша чертога была вся устлана позолоченными щитами.

У дверей того чертога Гюльви увидел человека, игравшего ножами, да так ловко, что в воздухе все время было по семи ножей. Этот человек первым спросил, как его звать. Он назвался Ганглери и сказал, что сбился с пути, и попросил ночлега. И еще спросил он, кто владетель того чертога. Человек ответил, что чертог тот принадлежит их конунгу. «И могу я отвести тебя к нему, и уж ты сам спроси, как его звать». И тотчас пошел человек в чертог, а Ганглери следом. И сразу же дверь за ним затворилась. Ганглери увидал там много палат и великое множество народу: иные играли, иные пировали, иные бились оружием. Он осмотрелся, и многое показалось ему диковинным. Тогда он молвил:

*Прежде чем в дом войдешь,
все входы ты осмотри,
ты огляди, —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.*

Он увидел три престола, один другого выше. И сидят на них три мужа. Тогда он спросил, как зовут этих знатных мужей. И приведший его отвечает, что на самом низком из престолов сидит конунг, а имя ему — Высокий. На среднем троне сидит Равно-высокий, а на самом высоком — Третий. Тогда спрашивает Высокий, есть ли у него еще

какое к ним дело, а еда, мол, и питье готовы для него, как и для прочих, в Палате Высокого. Ганглери сказал, что сперва он хочет спросить, не сыщется ли в доме мудрого человека. Высокий на это отвечает, что не уйти ему живым, если не окажется он мудрее.

*И стой, покуда
ты вопрошаешь.
Пусть сидит отвечающий.*

Пер О.А. Смирницкой

И вот Ганглери начал спрашивать...

Следующие далее вопросы и ответы составляют то, что носит название *Эдды Прозаической*, *Эдды Сноффи*, или *Младшей Эдды*. К ним прилагаются отрывки различных, предназначающихся для скальдов, мифологических познаний, используемых в качестве иллюстрации и руководства для применения поэтических выражений. Отсюда ясно, что наиболее важным является более старое собрание, хотя для понимания его аранжировки и полноты содержания приходится постоянно обращаться к младшему сборнику. Если мифы *Старшей Эдды* полны и подробны, исполнены поэзии и духа, часто темны и неясны, *Младшая Эдда* лишена этого недостатка, ибо мы нередко сталкиваемся там с тривиальным, едва ли не детским изложением; таким, на наш взгляд, может сделаться старинное религиозное знание, отлившееся в форму позднейших народных верований. Отсюда поэтому следует, что несколько мифов кажутся ныне скудными и безвкусными выдумками, хотя в оригинальном своем виде они предположительно могли блистать формой и содержанием. Язык обеих *Эдд* нередко неясен, а текст лишен прозрачности; более того, похоже, что несколько мифов утрачены¹²⁹, так что полное собрание Нордических мифов нам недоступно.

Эдды могут послужить основой для толкования Нордической мифологии, и самым достоверным из толкований станет, конечно, то, которое объясняет эти мифы в их взаимосвязи. Конечно, можно задать вопрос, являлся ли Север родным домом этих преданий, или они выросли на чужой почве? Ибо мифы могли возникнуть среди самих северных народов, и постепенно, с течением времени укорениться в среде их потомков в качестве продукта интеллектуальной или политической жизни народа; однако они могли и прийти со стороны, могли быть навязаны народам Севера при завоевании их стран, подавившим собственные идеи; или, наконец, они могли стать смесью туземных и заимствованных мотивов. Вопрос этот был исследован со всей полнотой и строгостью. О вере древней финской народности по все видимости повествует миф о трех сыновьях Форниота — Хлере (море), Логи (огне), Кари (ветре); мнение это подтверждается мифами о Торе как божестве грозы и сравнением с верованиями, до сих пор бытующими в среде лапландцев. Все это, однако, представляет собой весьма несущественную часть мифологии асов и не могло сыграть существенной роли в ее развитии. С другой стороны, все указывает на то, что мифология эта родилась на юге и на востоке; туда указывают предания, сходство с мифологиями германских и даже более южных народов, а также язык. Исследование мнения, помещающего эту родину на берегах Ганга, может быть проведено двумя способами: либо путем обнаружения сходства между несколькими ее мифами и преданиями других народов, или путем сравнения общего духа обеих мифологий. Сопоставление нескольких мифов, с великой ученостью произведенное Финном Магнусеном, говорит, что между Нордической мифологией, с одной стороны, и

индийской, персидской и прочими родственными системами преданий — с другой, существует много удивительных соответствий, особенно там, где речь идет о сотворении мира, переселении душ, возобновлении и так далее, в то время как с точки зрения духа они существенно различаются между собой. Восточные мифологии созерцательны, Нордическая же представляет собой чистое действие; в соответствии с первой богов можно умиловать искуплением, в соответствии со второй — битвой. Первое является естественным следствием восточного тепла, второе — северного холода. Поэтому кажется вероятным, что самые ранние элементы Нордической мифологии были перенесены из Азии при посредстве других народов на Север, где они обрели развитие и приняли определенную форму. Дикая, гористая и величественная природа страны предоставила величественные и могучие образы, срисованные с гор и айсбергов; а активный образ жизни, который вели здесь мужчины, преобразовал ленивых и полусонных, погруженных в созерцание богов Востока в существа, мчащиеся на крыльях бури и посреди свирепой битвы собирающие к себе мужей, дабы вознаградить их в ином мире сражениями и смертью, от которой они восстают к жизни, а также излюбленными яствами жителей Севера, укрепляющими их для новых сражений. Любое более или менее пристальное рассмотрение жизни Севера, постоянной войны его жителей с природой и врагами, помогают понять, что Один, сколь бы буддийским ни был его первоначальный облик, под норвежским небом должен непременно превратиться во Всеотца; что северный человек, для которого смерть была повседневным делом, непременно должен был получить свою Валгаллу, и что само представление о счастье без битвы, о покое без бури не принадлежит нордическому миру. В конце концов, для толкования Эдд не обязательно обращаться к другим мифологиям, хотя сравнение с ними всегда окажется ценным и мифологически интересным, когда оно обнаруживает аналогии между ними и преданиями Севера.

Чтобы удовлетворительным образом истолковать Нордические мифы необходимо обратиться к значениям имен мифологических персонажей. Словесная иллюстрация должна предшествовать всякой другой; если она неудачна, ошибочной окажется и любая другая. Имена богов, как указывает Гримм, многозначительны сами по себе, они несут указания на природу бога¹³⁰. Однако подобного рода исследования иногда сопровождаются собственными трудностями, поскольку языковой фон здесь обыкновенно составляют древнейшие из слов, и вся этимология существенным образом зависит от прихоти автора. Толкование мифов понесет также серьезный ущерб, если мы поддадимся слепым догадкам среди форм схожих звучаний. Поэтому каждая словесная иллюстрация должна соответствовать законам перехода между норвежским и родственными ему языками; хотя правило это куда проще сформулировать, чем выполнить.

Истолковать миф означает показать, что стало основой для главного его образа, и выразить несимволическим языком мысль, послужившую для него основой. На этом объяснение обыкновенно может остановиться; ибо нет нужды следовать метафорической картинке во всех ее подробностях, а процесс этот обыкновенно свойственен поэтическому уму; предметом же объяснения является не возбуждение фантазии, но доведение ее до того места, откуда она может начать свой полет. В основе мифа о любви Фрейра и Герда лежит мысль о том, что бог плодородия стремится распространить свое благословение на бесплодную землю и пробудить семенем ее дремотный покой. Показать это и значит истолковать миф. Но мысль эта выражается через картину желаний и страданий любви, о благословении плодоношения, о воздействии любви на юное серд-

це, превращая миф в прекрасную поэму. Раскрытие сих поэтических красот не является предметом толкования; однако оно не укроется от поэтически настроенного человека. Исследовать же все возможные аспекты сходства плодоношения земли и воздействия любви на людское сердце будет неинтересно и бестактно.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

В каждом толковании Эдд присутствует нечто индивидуальное; оно зависит от того представления, которое сложилось у нас о древности. И то, которое я попытаюсь здесь предложить, не имеет своей целью ни развенчать какое-либо из них, ни преувеличить его достоинства. Пользуясь трудами своих предшественников, я попытаюсь представить основные Нордические мифы в их наиболее естественной взаимосвязи и тем самым предоставить моим читателям перспективу северной мифологии, способную облегчить восприятие умственной культуры и жизни народа.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Прежде чем возникли земля и небо, люди и боги, существовали холод и жара, туман и пламя, представленные двумя мирами, Нифльхеймом и Муспелльхеймом. Имена правителей царств тумана и огня остаются неназванными, Сурт является только хранителем последнего. Между мирами не существует ничего, кроме Гинунгагап, бездонной пропасти, пустоты; однако при соприкосновении льда и тепла силой Всмогущего было положено основание первому, неограниченному фундаменту неба и земли-материи. Она получила имя Имир и представляется в виде огромного великана. Под его мышкой зародились отпрыски, и ноги его родили потомство; неорганизованная масса росла за счет жизни не внутрь, а вовне. Питался Имир каплями, сочившимися с тающего льда, изображенными в образе коровы, символа питания и сохранения; или, иными словами, материя постоянно росла в себе и распространилась в чудовищное неорганическое племя, инеистых великанов, или огромные группы снеговых гор и и айсбергов.

Толкование. До того как возник мир, в самом начале, уже существовала его основа: творение из ничего не предстало возможным. Существовали как объекты холод и жара, лед и свет. На севере находился Нифльхейм, на юге Муспелльхейм. Нифльхейм (от *nifl*, туман, герм. *nebel*, лат. *nebula*, греч. *νοφέλη*) означает дом или мир тумана. Там находился Хвергельмир (от *bver*, большой котел, источник, и *gelmir*, от *gialla*, *stridere*, шипеть, ср. Ohg. *galm*, *stridor*, *sonitus*, *шипение*, *шум*¹³¹, кипящий, бурлящий котел источника, из которого истекают ледяные потоки. Они носили имя Эливагар (от *el*, шторм, дождь, мокрый снег, и *vagr* (*vogr*), волна, поток. Слово *eitr*, прилагаемое к этим и подобным им ледяным потокам, означает яд, однако первоначально им назывался самый сильный холод. Шведы по сю пору говорят *etter-kallt*, что эквивалентно нашему *жуткий мороз*. Первые двенадцать рек, которые проистекали из Хвергельмира, причем некоторые из них фигурируют как реки текущие из Валгаллы, из рога Эйктхюрнир, обозначают туманные испарения, существовавшие до сотворения мира, подобно нынешним облакам. Можно предположить, что Муспелльхейм означал (в противоположность Нифльхейму) мир света, тепла, огня; однако происхождение этого слова остается

неизвестным. Миром этим правил Сурт (*swart*, что связано с *svart, niger*¹³² — черный), бог, проявляющийся в пылающем огне, чей меч — пламя. Значение имени — черный, потемневший от огня — напоминает нам о Кришне (черный, фиолетовый), одном из аватар индийского божества Вишну. Солнце нельзя считать злым; конечно, в конце мира оно выходит на первый план и сжигает весь мир, однако сжигает оно мир прогнивший, павший, после чего начинается блаженство. Бог этот не черен цветом: напротив, он и его свита, сыны Муспелля, представляют собой светлую, сияющую рать. Сурт, на мой взгляд, не тождественен тому, чьей силой он изливает жар, ибо тогда было бы использовано имя Сурта, а не его перифраза. Не он заставляет жаркий и холодный миры вступать в соприкосновение, рождая тем самым основания мира: это дело высшего существа, Неопикуемого, Всемогушего, без произволения которого миры тумана и света навсегда оставались бы заключенными в собственных границах. Однако Он возжелал, сила Его проявила себя, и началось творение. Оба мира разделяет Гинунгагап (бездна бездн), имя которой образовано от слова *ginn*, означающего нечто великое, чрезвычайно просторное, образующее форму *ginnungr*, широкий простор, использованную здесь в родительном падеже множественного числа. Подобное определение, как и Эливагар, прилагалось географами к Ледовитому океану, являя тем самым одно из доказательств того, что мифологические названия имели историческое применение.

Имир (от *ómr, ymr*, при *ymja*) означает шумящий, свистящий, буйный; это — первобытный хаос. В другом имени его, Аургельмир (*Örgelmir*), *aur* обозначает материю, древнейшую материальную субстанцию, а также грязь, глину. Он вырос и стал плотным, крепким, твердым; иными словами, породил Трудгельмира, увеличивавшегося в размере до тех пор, пока не сделался совершенной горой Бергельмир¹³³. Имя Аудумла (происходит от *audr*, пустыня, герм. *öde*, и *hum*, тьма, сумрак, с производным окончанием *la*) свидетельствует о том, что материя прирастала за счет ручьев, протекавших в пустынной тьме. Корова присутствует почти во всех космогониях. Гримтурсары, инеистые великаны (от *brim*, иней, изморозь, и *thurs, thuss*, великан) явно представляют собой айсберги и их бессмысленное существование.

Всеотец (*Alfödr*) пребывал среди инеистых великанов. То есть созидательная сила начала действовать в неорганической, элементарной массе. Корова, или питательная сила, лизала соленые камни, производя тем самым внутреннее движение, породившее жизнь. Она началась с волоска, первого живого растения; потом появилась голова, обиталище мысли; и, наконец, все человеческое существо. Возникли растительная, интеллектуальная и животная жизнь, началось так называемое сотворение мира, появилось первое разумное существо. Оно обладало силой благодаря внутренней добродетели и увеличивалось само из себя: Бури, *родитель*, произвел Бора, *рожденного*. Бор женился на Бесле или Белсте, дочери великане Бёльторна; высшая духовная сила начала действовать в лучшей части ничтожного материала, который был, таким образом, облаго-рожен, и на свет появились созидательные силы — Асы. В качестве добрых богов они противостояли чудовищам, злым великанам. Асы представляются в виде трех братьев, то есть трех проявлений одной и той же сущности; Один, Вили и Ве суть Разум, Воля и Святость. Эти сыновья Бора сразили Имира, или Хаос, сформировав из него небо и землю. Однако часть материи ускользнула от их живительной власти, подъем вод не затронул высочайшие горные вершины; море постепенно опустилось и вернулось в свои берега, а вокруг населенной земли образовались высокие айсберги, потомки Бергель-

мира. Из мира света пришли светящиеся небесные тела, однако они скитались, не имея цели. Боги привели их в порядок и установили им путь: ночь и день, зима и лето начали сменять друг друга; стало возможным отсчитывать дни и годы. Срединная часть земли, или Мидгард, была отведена для будущего человеческого племени; Асы устроили себе обиталище в Асгарде, высочайшей части мира. Таков был первый этап творения, после которого они предались отдыху.

Толкование. Слово «соль», англ. *salt*, лат. *sal*, *salum*, греч. *σᾱλος*, *ᾱλς*, связывается с санскритским *zal*, приходит в движение (лат. *salire*). Это выражение используется для обозначения движущей, оживляющей, созидающей силы. Имя Бури означает рождение, произведение, источник: оно связывается с санскр. *b'ū* быть, также размышлять, думать, со многими производными. Борр, Бурр или Борс означает произведенный, рожденный, санскр. *b'aras*, готск. *bours*, лат. *por*, *puer*, ребенок. От него образуется прилагательное *bor-inn*, *born*, рожденный, от *bera*, носить, плодоносить, от прошедшего времени которого образовано слово *barn*, дитя, англо-сакс. *bearn*, шотл. *bairn*: слово *burr* (англо-сакс. *byre*) также используется скальдами для обозначения сына. Бёльторн (боль, беда, зло, и *thorn*, шип) подразумевает низшее качество материи по отношению к богам. Происхождение слова *Bestla* или *Belsta* не ясно, как и смысл самого мифа. Именам Одина, Вили и Ве внимание будет уделено далее. Общее обозначение богов Ас (*As*), мн. ч. *aesir*; готск. *ans*, англо-сакс. *ós*, мн. ч. *és* (аналогично герм. *Gans*, *гусь*, англо-сакс. *gós*, *gés*, *goose*, *geese*). Иордан называет их Ансами. Корнем является санскр. *as*, быть, существовать, он совпадает с латинским окончанием *ens*¹³⁴. Лодка, в которой спасся Бергельмир, носит название *lúdr*, обозначающее лютню, барабан и разновидность мешка или ящика, которым пользовались в древних мастерских; в смысле этого слова, однако, не может быть никаких сомнений, поскольку оно явным образом соответствует Ноеву ковчегу: общее значение его может определяться полой формой.

Бытие этого мира начинается с сотворения богов. Ему предшествует некоторое состояние; оно состояние будет и следовать за его концом. До сотворения существовали грубые элементы, однако жизнь была примитивной и бесформенной: в теле великана отсутствовал разум. С появлением Одина и Асов духовная жизнь начала воздействовать на сырые массы, и возник мир в своем нынешнем состоянии.

День и ночь противостояли друг другу; свет исходил сверху, тьма снизу. Ночь предшествовала дню, зима лету, свет существовал прежде солнца. Солнце следовало за луной.

Толкование. Существует несколько определений, несущественных по своему значению и также крайне сомнительных. Предположительно трое мужей Ночи связаны с тремя ее делениями (*eyktir*). Удивительно совпадение имени ее первого мужа Нагльфари с названием Нагльфара, корабля, сооруженного из ногтей мертвецов, которому предстоит объявиться при Рагнарёке, хотя, возможно, оно является чисто случайным. Имя их сына Ауда означает пустоту, пустыню. Имя ее второго мужа Анара просто означает второй, следующий. Имя Онара, как его также называли, сравнивалось с греч. *ovap*, сон. Имя ее третьего мужа Деллинга (Дёглинга) может быть уменьшительным от *dagr*, *день*, и означать рассвет.

Имя коня ночи Хримфакси означает *инеистая* или *морозная гриба*. Другое наименование его Фьорсвартнир можно толковать как затмитель жизни. Имя лошади дня Скин-

факси означает *сверкающая грива*; другое имя его — Глад, *блеск*. Имя Мундильфари образовано из старонорв. *möndull*, ось; и такое толкование его, если на него можно положиться, как будто бы свидетельствует о знакомстве с вращением неба вокруг земли. Упоминаемые здесь пятна на диске луны требуют небольшого пояснения. Они толкуются как дети, несущие воду в ведерке, каковое верование до сих пор сохраняется среди шведов¹³⁵. Другие народы видят на лунном диске человека с собакой, мужчину со связкой хвороста, за кражу которого в воскресный день он был приговорен пребывать на луне¹³⁶, и др.

Имя Глена, мужа солнца, представляет собой кимврское слово, обозначающее это светило. Кони солнца носят имена Арвакр, бдительный, и Алсвит, всежигающий, всебыстрый. Солнце воспринимается в женском роде, а месяц в мужском, поскольку день кроток и дружелюбен, а ночь груба и сурова; в то же время на юге день обжигает, и самым приятным временем является ночь. Имя отца зимы Виндсваля означает ветренный, холодный. Отец Лета зовется Свасуд, или тихий, мягкий. Имя северного ветра Хресвельг, представлявшегося в виде орла, означает *пожиратель трупов*¹³⁷.

ГНОМЫ И ЛЮДИ

Боги собрались на поле Ида и т.д. Пришедшие из Йотунхейма девы, вне сомнения, представляли собой дев судьбы или рока, желавших создания существ, подчиненных им. Далее следует творение гномов и людей. Подчиненные силы природы были порождены землей; людей создали из деревьев. Таково постепенное развитие органической жизни. Природа трех богов, активно участвовавших в сотворении человека, определяется теми дарами, которые каждый из них принес деревьям, то есть неодушевленной природе, тем самым выделяя ее из растительного состояния.

Толкование. Идавель-поле, или Поле Ида (это название производится от *id*, действие, или от имени гнома Иди, золото, и означает или поле действия, или золотое поле), является небесной светлой обителью. Занятия Асов копируют людские занятия. Ковка металлов считалась одним из наиболее почтенных занятий для свободного человека — как и игра в тавлеи. Играть в тавлеи мог человек, ведущий счастливую и веселую жизнь. Поэтому, с другой стороны, сын говорит своей матери Гроа: «Гнусную игровую доску поставила передо мной ты, обнимавшая моего отца»; что означает: «ты приготовила для меня несчастливую жизнь». В отношении трех пришедших из Йотунхейма дев мнения разделились. С моей точки зрения, наиболее естественно видеть в них трех Норн, богинь судьбы. Когда они пришли, внимание богов переключилось на то, чему еще надлежало быть, и их прежде бесполезная энергия потребовала определенного объекта. Норны, воспитанные среди великанов, также должны были существовать до создания живых существ, подчиненных им во время своей жизни. Более того, говорят, что человечество лежало подобно бессмысленным деревьям, не имевшим участи и судьбы (*örlögslausir*), однако теперь они обрели судьбу (*örlög*). *Аскр* — ясень; какое дерево имеется в виду под названием *эмбла*, не вполне понятно.

В Нордической мифологии, подобно почти всем остальным, действуют трое обладающих равным могуществом богов. В *Видении Гюльви* они носят имена Хар, Высокий; Явнхар; Равновысокий; и Триди, Третий. Первое и последнее из этих имен принадлежат Одину; впрочем, может показаться, что поскольку они беседуют с конунгом Гюльви и действие происходит в Швеции, здесь имеются в виду три почитавшихся в Упсале вер-

ховных бога: Один, Тор и Фрейр. При сотворении мира активную роль исполняли трое божеств-братьев: Один, Вили и Ве; при сотворении человека присутствовали Один, Хёнир и Лодур, братьями не являющиеся. Имена эти обозначают, однако, несколько разновидностей божественных сил, не совпадающих друг с другом. Имя Одина будет рассмотрено впоследствии; здесь мы просто отметим то, что оно связано с разумом или мыслью и дыханием в своей животворящей, созидательной силе. Имя Вили или Вилир представляет собой старонорв. обозначение воли, которое, если сопоставить его с санскр. *vel* или *vell*, греч. *εἰλέω*, лат. *volo, velle (volvo)*, будет обозначать силу, приводящую материю в движение. Имя Вили также отмечено среди гномов. Слово Ве по старонорв. обозначает место сбора, наделенное святостью и миром, и является корнем слова *vigja*, посвящать (готск., *veihbs*, древ.верх.нем. *wih*, священный; готск. *vaihts*, тварь, сотворенное, посвященное; старонорв. *vaettr*, тварь, в противоположность *óvaettr*, чудовище). Поэтому оно выражает посвящение, то есть отделение от зла, болезненное и тревожное. Поэтому при сотворении мира Ве действует, пока божественная сила противостоит упрямой и злой материи, не желающей поддаваться Мысли и Воле. В таком объяснении Один, Вили и Ве в точности соответствуют индийской троице Тримурти и трем главным индусским богам Брахме, Вишну и Шиве, силам творящей, сохраняющей и судящей, или всемогуществу, доброте и справедливости. Как говорят, что Фриг замужем за Одином, Вили и Ве, так и древняя мать индийцев Парашакти называется женой трех первосотворенных богов. В соответствии с Финном Магнусеном, Вили — это свет, а Ве — огонь, отчего получается одновременно, что Вили это Хёнир, а Ве — Лодур. При сотворении человека Один дал ему *önd*, Хёнир *ódr*, Лодур *lá* и *litu godu*. *Önd* означает дух или дыхание, интеллектуальную или физическую жизнь; *ódr* обозначает разум, ум; *önd* и *ódr* относятся друг к другу как *anima* и *mens* (*ódr* происходит от *vada, vadere*; *mens* от *meare*); в таком случае *ódr* это внешнее и внутреннее чувство или восприятие. *Lá* — это вода, жидкость; *littr* — цвет, отчего можно вспомнить об обращении крови и производимой этим жизненной теплоте. Здесь воспроизведены три действия животной жизни: дышать, воспринимать, двигаться изнутри. Объяснение имени Хёнира не существует. Его называют другом, товарищем и спутником Одина, учитывая при этом тесную связь между восприятием и рассудком. Кроме того его называют быстрым асом и Длинноногим, намекая этим на далекое распространение восприятия в пространстве; иными словами, Хёнир действует в пространстве так, как Один во времени. Еще его называют *Aur-koníngur*¹³⁸, королем материи. Имя *Lodr* (*Lödr*), вне сомнения, связано с *lá*, кровь, *littr*, цвет, англосакс. белый, и выражает движение крови со всеми его последствиями, жизненным теплом и цветом.

Кроме людей, существуют еще — помимо старейших среди всех великанов и Асов, создавших небо и землю и хранящих все вокруг, — эльфы и ваны (*Alfar* и *Vanir*). Эльфы представляют собой подчиненные силы природы; некоторые из них, светлые эльфы (*Liósálfar*) представляют собой воздушные, светлые существа, парящие в воздухе и как бы защищающие землю: иными словами, они олицетворяют силы, правящие всем, что обитает в воздухе, в растениях, в реках и на поверхности земли. Другие эльфы, Темные (*Döckálfar, Svartálfar*), населяют недра земли и находятся в близком родстве с гномами (если не идентичны им), или силам, действующим в камнях, земле, металле: они искусные мастера обработки металла. Весь переход от твердого и темного камня через блестящий металл к действующим в земле силам всхожести, проявляющим себя в идее прекрасных, ярких, плодоносящих форм — растений, — происходит как бы в постепенном перемещении от гномов (камни), Сварт-

эльфов (металлы), Темных эльфов (земля и тлен), к Светлым эльфам (растения). Между Асами и эльфами располагаются Ваны. О создании их нигде не сказано; они представляют собой силы моря и воздуха, проявляющиеся в активной форме только в отношении к асам и эльфам, то есть к небу и земле. Ваны воевали с асами и заключили с ними мир; один из них, Фрейр, добился власти над светлыми эльфами. Ваны правят в море и воздухе, окружая землю высшей и более удаленной сферой. Светлые эльфы правят реками и воздухом, окружая населенную землю нижней, более компактной сферой.

Толкование. Помимо упомянутого выше наименования *thurs* (гот. *thaurusus*, сухой; *thaurusjan*, жажда), великанов также называют *jötnum*, мн. ч. *jötnar* (англосакс. *eoten*, лат. *edo, edonis*), от *eta, to eat*, есть, что таким образом дает прожорливый, жадный¹³⁹. Существа эти пользуются в качестве оружия камнями разной величины, а внутри гор используют железные прутья. Среди простого народа до сих пор сохраняются верования в то, что горы, холмы и пр. поднялись благодаря их скитаниям, о том, как они бросали огромные камни и скалы и как бежали от землепашцев. Великаны обитают в огромных пещерах, в горах и скалах, они разумны и мудры, ибо вся природа порождена ими; они прожорливы, велики, могучи, горды и надменны¹⁴⁰; если бы не Тор, власть досталась бы им, однако он преграждает им путь на небо и поражает, если они оказываются слишком близко. Подобно природе, пребывающей либо в покое, либо в волнении, отдыхающий великан туп и добродушен; однако взволнованный становится диким и лживым. Последнее состояние именуется ётун-модр (*jötn-módr*, великаньим настроением) в противоположность ас-модр (настронию аса). Великанш иногда называют огромными, уродливыми и бесформенными — как и великанов; иногда они бывают чрезвычайными красавицами, вызывающими вожделение у богов, соединяющихся с ними в браке. Такой была Герд. Среди великанов существует разновидность гигр, *gygr* (мн. ч. *gygjur*), описываемая как населяющая горные пещеры и охраняющая спуск сквозь них в потусторонний мир. Так, рассказывают, что Брюнхильд после смерти на пути в Хель встретила великаншу, которая обратилась к ней так: «Ты не пройдеши через мои палаты, воздвигнутые в камне¹⁴¹». Такой великаншей была и упомянутая Саксоном Хартгрепа (старонорв. *Hardgreip*). Тор также посетил великаншу Грид, мать Видара, на своем пути к Гейррёду, или Железному королю. Видар, как мы еще увидим, правил в расположенном над землей лесу, великанша обитала у входа в пещеру, Гейррёд в ее глубинах. Теперь станет понятным, что имелось в виду под разновидностью великанш, называвшихся ярнвидюр (*Járnvidjur*, ед. ч. *Járnvidja*). Они обитали в Ярнвидр (Железном лесу), где воспитывались отпрыски Фенрира, волки, которые поглотят солнце и луну и натворят в небе столько бед, сколько сам Фенрир в недрах. К числу их принадлежала Ярнсакса, одна из матерей Хеймдалля. Господином этого непроходимого леса был Видар. Во всем этом, похоже, отражена мертвая инертная природа, но теперь она в то же время подчинена высшей власти богов, которые, обретя существование, начали управлять ею и до сих пор продолжают это делать. В общем, следует отметить, что великаны это не просто обитатели Утгарда, или существа, живущие на краю земли, но вся подчиненная богами природа.

ВАНЫ

Их имя прослеживается в прилагательном *vanr*, пустой, *vanus*; хотя они правят и в воде. Во всех готских и славянских языках прослеживается связь между наименованиями ветра, воды и погоды. То, что ваны правили в море, следует непосредственно

из области власти Ньёрда; власть их в воздухе следует из того, что они заметили Гну, едущую по воздуху.

ЭЛЬФЫ И ГНОМЫ

Эльфов и гномов не просто отличить друг от друга. Светлые эльфы близки вана, Темные или Сварт-эльфы близки гномам. В соответствии с народными верованиями эльфы (*elle-folk*) обитают у рек, в болотах и на холмах; это спокойный и миролюбивый народ. Этимон слова *dvergr* (*durgr*), *dwarf*, гном, неизвестен, однако обитание в камнях, земных глубинах и любовь к кузнечному делу устраняют все сомнения в их природе. Они были созданы из земли или тела Имира. Имя первого среди них, Модсогнира, значит высасывающий силы или соки; второго, Дурина, — спящий, от *dur*, сон. От Ловара, изящного, пригожего (?) происходит род Двалина (Оцепенелый). Племя это перебралось из своих каменных палат, где они лежали в забытии (*i dvala*), по глиняному полю на равнины Йора (*Jóra*). Если толковать здесь слово *Jóra* в его обычном значении конфликта, тогда йору-веллир (*jöru-vellir*) будет означать *поля испытания, поселения человека*; однако, во всяком случае, здесь испытание подразумевает, что имеется в виду развитие природы от безжизненного камня через плодородную землю к растениям и деревьям, так что существа эти, похоже, руководили переходом от неорганической природы к органической. Интерпретацию эту особым образом подкрепляют сами имена гномов, насколько мы можем истолковать их: Моинн, живущий в земле, Драупнир, образующий капли, Глои, раскаленный, сверкающий, придающий цвет; Хлёдальвр, эльф звука. Гномы работают для богов, изделия их являются символами различных природных факторов. Особенно известны сыновья Ивальди, сковавшие искусственные волосы для Сив, корабль Скидбладнир для Фрейра, копье Гунгнир для Одина; Синдри и Брокк сделали для Фрейра свинью с золотыми щетинками, кольцо Драупнир и молот Мьёлнир. Таким образом, искусство их распространялось как на растительное царство, так и на металлы. Рассказывают, что Один вырезал или выгравировал руны для асов, Двалин для эльфов, Даин для гномов. То, что эльфы и гномы сливаются вместе, следует не только из этого отрывка, где гном Двалин именуется учителем эльфов, но и из списка имен в *Профицании Вёльвы*. Вне земных недр мы встречаем гномов Нордри, Судри, Аустри и Вестри, олицетворяющих четыре стороны света; а также Нью и Ниди, прибывающую и убывающую луну, чистые идеи, отнесенные к гномам в качестве подчиненных сил¹⁴².

Существуют девять миров, названия которых соответствуют обитающим в них существам: асам, вана, людям, эльфам, гномам, ётунам, халирам или обитателям области Хель:

1. Муспельхейм, самый южный из миров, населенный Суртом и сынами Муспелля; это высшее из небес, наполненное светом, теплом и огнем, оно старше всех остальных или земли;
2. Асгард или Годхейм, мир асов или богов, небо;
3. Ванахейм, или обитель ванов;
4. Мидгард или Манхейм, мир людей, самая сердцевина земли, ее населенная часть;
5. Альфхейм или Лиос-альфхейм, населенный эльфами;
6. Сварт-альфхейм, населенный черными эльфами и гномами;
7. Йотунхейм или Утгард, населенный ётунами или великанами, внешний предел земли;

8. Хельхейм, населенный теми из мертвецов, кто отправляется в Хель, мир призраков;
9. Нифльхейм, мир тумана, самый северный из миров; ненаселенная преисподняя, более старая, чем небо и земля.

Толкование. Девять миров, упоминаемых в *Alvismal*, не следует путать с теми девятью мирами, власть над которыми боги передали Хель, где скитаются халиры, ее подданные; миры Хель расположены под Нифльхеймом. Она властвует над частью Нифльхейма, и девять подчиненных ей миров просто означают, что царство ее беспредельно. Некоторые определяют девять миров следующим образом:

1. Муспельхейм, обитель сынов Муспелля;
2. Альвхейм, обитель светлых эльфов;
3. Годхейм, обитель асов;
4. Ванахейм, обитель ванов;
5. Виндхейм, обитель душ;
6. Манхейм, обитель людей;
7. Йотунхейм, обитель великанов;
8. Миркхейм, обитель гномов;
9. Нифльхейм, обитель призраков.

Однако Виндхейм тождественен Ванахейму, и он не населен душами, которые отправляются либо в Валгаллу, либо в Хель. Другие помещают Альвхейм или Лиосальвхейм после Муспельхейма или даже над ним. Подобное расположение основывается на *Видении Гюльви*, 17, где речь идет о небесных обителях, и после упоминания Гимли сказано, что над Гимли существует небо Андланг, а над ним еще одно Видблайн (широкое синее); «и мы верим, что теперь одни только Светлые эльфы теперь населяют эти места». Однако в текст Снорри в разное время несколько раз вносились дополнения; и описываемое там положение явно соответствует времени после Рагнарёка; поскольку лишь после него добрые люди поселятся в Гимли, а эльфы в Андланге и Видблайне. Лишь после Рагнарёка люди, эльфы и великаны, существа, до того населявшие землю, будут допущены в небесные обители. Это лишь подтверждается тем, что небеса Андланг и Видблайн упоминаются после окончания упомянутой главы *Видения Гюльви*, но до того обитель эльфов называется Альвхеймом.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Представление о них основано на следующей схеме. Снаружи находится океан, с которым граничит Утгард. В середине земли находится Мидгард. Над всем царит Асгард, сперва располагавшийся на земле, но впоследствии, очевидно, перемещенный на небо. Такая схема дает исчерпывающее изображение тинга, или народного собрания вокруг высокого престола конунга. Его окружали жрецы и помощники — как Одина Асы. Тех в свою очередь окружал народ или свободные люди, снаружи располагалось кольцо трэлов. Аналогичным образом священное дерево жертвоприношения с его тремя ветвями и священным источником, возле которого делались прорицания, было перенесено на небо. У одного из корней Иггдразиля находятся источник и обитель Норн, замещавших земных жриц или пророчиц-вал. Там узнавали волю судеб, которым покорны даже сами боги; под одним из других его корней находится источник Мимира, полный глубинной мудро-

сти; под третьим корнем находятся змеи, тем самым напоминая земное дерево, возле которого змей кормили. Между великанами и богами протекает никогда не замерзающая река Ивинг, то есть атмосфера, однако из обители людей через нее поднимается мост, опять-таки напоминающий земные храмы, построенный, вероятно, на острове. Хранителем моста считался Хеймдалль, поднимавший от реки Гьолл, горизонта, свой рог Гьяллар, хранящийся под деревом Иггдразиль. Спуск в преисподнюю охраняет другой хранитель, Мимир, обитающий на севере при соединении земли и неба, как обители ночи и той области, которую ее обитатели считают окруженной водой. Источник Норн питает сверхчеловеческой мудростью, источник Мимира — мудростью мира подлунного. Один должен обладать ими обоими, своим единственным глазом, солнцем, он прозревал все происходившее на небе и на земле; однако тайны глубин он может узнать, лишь погрузившись, подобно солнцу, в море или завладев головой Мимира как источника подземной мудрости.

Толкование. Ивинг — название этой реки, похоже, производится от глагола *ifa*, который ныне означает сомневаться, хотя первоначально он скорее понимался, как ковылять, перемещаться с места на место; в таком случае Ивинг будет означать то, что подобно воздуху находится в постоянном движении и никогда не замерзает. Биврёст — это радуга, от слова *bifa*, дрожать, колебаться, и *röst*, мера длины, миля. Имя Иггдразиль пока еще не получило удовлетворительного объяснения¹⁴³. Однако в любом случае священное дерево Севера, вне сомнения, идентично *robur Jovis* (лат. «дуб Юпитера»), или священному дубу Гейсмара, уничтоженному Бонифацием¹⁴⁴, и Ирминсулю саксов¹⁴⁵, *Columna universalis* (лат. «Вселенский столп»), земному дереву жертвоприношения, символу всего мира, пока оно находится под божественным покровительством. Оно не затемняет великанские силы и детей смерти. Но боги, как и смертные, должны иметь свое дерево жертвоприношения, естественно существенно большее по размеру. Обитающие на древе животные, безусловно, соответствуют реальной символике земного дерева, однако, к несчастью до нас не дошло ничего такого, что можно было бы счесть описанием этого дерева. На древе находилось также нечто вроде флюгера, каковую роль по-видимому исполнял ястреб Ведурвельнир. Как от ясеня Иггдразиля распространялись три корня в трех направлениях, так и от Ирминсуля расходилось три или четыре больших дороги. В соответствии со старинной схолией на Адама Бременского, такое дерево — остававшееся зеленым и зимой и летом — стояло возле древнего храма в Упсале; возле него располагался священный источник, куда погружались жертвоприношения. Происхождение имени Рататоск крайне сомнительно. Финн Магнусен производил его от *rata*, *vagari* (лат. «небольшое животное, бродить») и *tauta*, *susurrare* (лат. «что-то бормотать»), определяя таким образом снующее вверх и вниз животное, нашептывающее неприятные речи орлу и змею. Имена четырех оленей соответствуют именам гномов: Даин, обморочный; Двалин, оцепенелый, Дунейр, шумный (?), Дуратрор, взламывающий двери (?). Нидхёгг (этимон крайне сомнителен) — это змей глодающий. Хотя значительно все дерево и связанные с ним существа, аллегорическое описание их невозможно. Миф имеет индуистские и ламаистские аналогии. Это дерево жизни, собирающее вокруг себя все высшие существа в едином поклонении, так же как земное дерево жертвоприношения собирало под своими тенистыми ветвями всех, кто исповедовал одну веру.

Богини судьбы носят имя Норн. Слово *Norn* отсутствует во всех родственных диалектах. Норны решают участь героя, скручивая или выпрядая нити судьбы, растягивая

их от одной области земли до другой, они определяют область его бытия; этим он похож на прядильщиц Мойр или Парк, хотя нордический образ кажется более наглядным. Их назначения указывать и определять; они показывают или дают понять то, что было предопределено с самого начала, и решают, что произойдет потом. О Фюлгиях и Хамингах, разновидностях ангелов-хранителей, сопровождающих каждого смертного от колыбели и до могилы, мы уже говорили. Совместно с Норнами действуют почти идентичные им валькирии. Их также называют валмейяр (девами битвы), ськялдмейяр (девами щита), хьялммейяр (девами шлема) и оскмейяр, поскольку они служат Одину, одним из имен которого является Оски. Валькирии тоже ткут и прядут подобно норнам. В *Саге о Ньялле* мы читаем, что Даррад (*Dörrudr*), заглянув в скальную расщелину, увидел там поющих и ткущих женщин, грузами у них служили человеческие головы, внутренности исполняли роль основы и утка, мечи использовались в качестве катушек, стрелы служили гребнями. В своей жуткой песне они назвались валькириями, объявили, что плетут сеть на подглядывающего, то есть Даррада. Наконец, они разодрали свою работу на клочки, сели на коней, и шестеро из них отправились на юг, а шестеро на север¹⁴⁶.

Происхождение имени Мимир неизвестно, и миф о нем изложен по-разному в нескольких источниках. В соответствии с *Сагой об Инглингах* он был убит ванами, однако в обеих *Эддах* о его судьбе не говорится ничего. Существовало дерево, определенно связанное с Мимиром и называвшееся Мьётвидр (*Míotvidr*), что обыкновенно понимается как Срединное Дерево и считается тождественным Иггдразилью; однако Мимир обитал под корнем Иггдразиля. В *Прорицании Вёльвы* контекст указывает на то, что речь идет об ином мире; здесь Мьётвидр непосредственно означает дерево познания. В трудном для толкования *Fiölsvinnsmal* упоминается Мимамейдр (*Mímameidr*, дерево Мимира), простирающееся над всеми землями, ему не страшны ни огонь, ни железо, однако никто не знает, какие корни питают его; в таком случае это не Иггдразиль, чьи корни известны. Из последующих строф становится ясно, что они глубоко уходят в потусторонние недра земли. Здесь упоминается также Трюмгёлл (*Thrymgiöll*), ворота или решетка, сооруженная тремя сыновьями Сольблинди (Ночи). Из всего этого как будто следует, что, кроме небесного древа, ясеня Иггдразиля, под землей располагалось другое дерево, корни которого терялись в бездне, а вершина его поднималась на горизонте над всеми землями на границе верхнего и потустороннего миров; и девять дней Один висел на этом древе, о корнях которого никто не знал. Реки Гьёлл и Лейпт текут ближе к людям и далее в Хель. Гьёлл (герм. *Gall* = *Schall*) означает звук; вероятно, эта река соответствует горизонту, и название ее связано с фигурирующим в народных преданиях звуком, который издает солнце, заходя¹⁴⁷ за горизонт или на рассвете. Лейпт — название другой реки — означает молнию, вспышку. Оба слова вполне могут служить описанием мерцающей полосы горизонта. Мимир также зовется Хёддмимиром¹⁴⁸, что толкуется как Круг-Мимир или Сфера-Мимир, подразумевая отношение к окружности горизонта. Дождаясь возобновления человечества, будущие предки людей укроются в роще или лесу Хёддмимира. Такое объяснение подтверждается *Sólarljöd*, где сказано: «полными рогами пили они чистый мед из круглого источника бога». В соответствии с популярным в Германии, Дании и Англии верованием там, где радуга как бы упирается в горизонт, спрятана золотая чаша или другое сокровище. Оно кажется рудиментом верования в существование источника Мимира, в котором было укрыто золотое сокровище мудрости¹⁴⁹.

Война разразилась в мире, когда люди пронзили своими копьями Гульвейг (золото) и сожгли ее в чертоге высокого. То есть когда они стали ковать молотами золото и при-дали ему ценность, когда появилось представление о собственности, различение *своего* и *чужого*, и Хейди (*Heithi*, от *heidr*, честь, достоинство) или богатство стало желанным.

Один является Всеотцом, универсальным и всеобщим правителем, посему природа его многолика. Он творец мира, отец времени, властелин богов, людей и всей природы, бог неба, царь года, бог войны и податель победы. Он правит небом и землей, и в то же время связан с великанами и силами глубин в качестве духа, который правит материаль-ным миром. От всех этих взаимосвязей берут начало его сыновья, являющиеся частью его существа. Один — это небо; его глаз, солнце, обзирает всю землю, а ночью со-зерцает происходящее в глубинах. Он находится в браке с Землей, став, таким образом, отцом громовика Тора. Своими связями с великаным племенем он оплодотворяет всю природу, став родителем не знающего гибели Видара. В качестве бога времени и царя года он в союзе с Фригг порождает Бальдра, ясное лето. Детями его также являются Хёд, темная зимняя ночь, убийца Бальдра, и Вали, наступающий новый год, отмщающий за него. В качестве повелителя интеллектуального мира Один является отцом Браги, бога красноречия и поэзии.

В качестве бога войны или отца ратей (*Heriafödr*) он порождает Хермода, духа, ис-полняющего его поручения; он посылает Тюра, бога доблести и чести, в самое пекло битвы, где девы-валькирии избирают героев, которые станут гостями Одина в Валгалле, чертоге избранных. Восседа в кругу эйнхериев, асов, вместе со скальдом и высшим судьей Форсети, он являет собой подобие земных королей. Как правитель неба он оби-тает в чертоге Валаскьялв и восседает на престоле Хлидскьялв. Как князь эйнхериев он обитает в Гладсхейме и собирает павших в бою возле себя в Валгалле. Как царь разума он ежедневно посещает Сагу, богиню истории, в ее обиталище Сёкквабекк; о власти его разума свидетельствуют также сопутствующие ему вороны Хугин и Мунин (мысль и па-мять). Одина описывают как высокого и долгобородого одноглазого старика, в широ-кополой шляпе, широком синем или пестром грубом плаще с копьем (Гунгнир) и коль-цом Драупнир на руке. На плечах его восседают два ворона, два волка лежат у его ног, а созвездие Большой Медведицы вращается над его головой. Он восседает на высоком престоле (как был изображен в Упсале), откуда обзирает весь мир.

Особенно интересно описание его явления королю Олаву Трюггвасону.

«В первый вечер праздника Пасхи, который король Олав проводил в Ёгвальдснесе, явился туда старик, весьма проницательный с виду, одноглазый, угрюмый видом и в широкополой шляпе. Он вступил в разговор с королем, который обрел великое удо-вольствие в беседе с гостем, поскольку тот умел рассказать обо всех странах, древних и нынешних. Король спросил его об Ёгвальде, в честь которого был назван мыс и двор, и старик рассказал ему о том Ёгвальде и о корове, которой тот поклонялся, приправляя свое повествование старинными поговорками. За беседой засиделись допоздна, и епи-скоп напомнил королю о том, что пора отдыхать. Но когда Олава раздели и уложили почивать, старик явился снова, сел на скамеечку для ног и вновь завел долгую беседу; и чем больше он говорил, тем более желал Олав слушать его. Тогда епископ вновь напо-мнил королю о том, что пришло время сна. Король против желания опустил голову на подушку, потому что ему очень не хотелось прекращать такой разговор, и гость вышел. Едва пробудившись, король велел позвать его, однако того нигде не нашли. Теперь ста-

ло известно, что, пока шли приготовления к пиру, к повару явился незнакомый старик и сказал, что готовит он скверное мясо, какому не место за королевским столом на таком великом празднике; и дал ему два толстых и жирных бычьих бока, которые он приготовил вместе с прочим мясом. Король приказал ему сжечь все приготовленное мясо, выбросить пепел в море и приготовить другую пищу; поскольку теперь ему стало ясно, что гостем его был лживый Один, которого так долго почитали язычники, чьи проделки стали теперь ему явны¹⁵⁰ ».

Толкование. Имя Один (*Odinn*, древневерхненем. *Wuotan*) объяснено удовлетворительным образом. Оно происходит от *vada*, идти, лат. *vadere*, прош. вр. *ōd*, или строго, *vōd*; откуда двойное причастие *ōdinn* и *ōdr*, повелевающий нрав или ум. Следовательно, имя это означает вездесущее духовное божественное начало. Этой интерпретации соответствуют слова Адама Бременского: «*Wodan, id est fortior*» (*furor?*) — (лат.) «Водан, то есть сильнейший» (неистовство?). В словаре Грисонса (*In the Grisons*) слово *Wut* имеет значение *идол*. *Wüthendes Heer* (Дикая Охота) германцев приписывается Одину. Такое имя вполне уместно и для бога войны, поскольку *vada uppa* означает *атаковать в бою*. Один пронизывает собой не только живущих, но и мертвых. Он узнал от отца Бестлы Бельторна Девять песней власти (*fimbul-liód*); завладел головой Мимира и возлег с Гуннлёд; он также и повелитель мертвых (*drauga drottinn*). Также рассказывают, что с помощью неких заклинаний, пропетых гномом Тиодрейриром, асы получили силу или власть (*afl*), эльфы славу, успех, процветание (*frami*), а Хроптатр или Один мысль, думу (*byggja*). Древнейшим местом пребывания Одина был Валаскьялв, который он соорудил для себя в начале времен. Смысл этого слова крайне загадочен. Гримм склонен видеть в первой его части слог *Val* из Валгалла, Валькирия и собственного имени Одина Валфадир; в слове *skialf* (означающем трепет) он усматривает колыхание воздуха, как и в первом слове имени моста Биврёст¹⁵¹. Другое объяснение возводит это слово к глаголу *vaela*, искусно строить, от которого происходит причастие *valr*, искусно построенный, округлый, сводчатый. Более того, эту интерпретацию подкрепляет отрывок из *Речей Гримнира*¹⁵². *Skiálf* можно также истолковать как *скамья, сидение, полка*. Престол Одина в чертоге Валаскьялв носил название Хлидскьялв (от *lid*, дверь, окно, крышка) и см. толкование *skiálf*. В качестве бога войны Один обитал в Гладсхейме (доме счастья и великолепия). Там расположен его чертог Валгалла (от *valr*, павшие в битве), первый слог которого имеет общее происхождение с первым слогом в слове *Valkyria*; избирательница павших. Там мы встречаем козу Хейдрун (от *heidr*, чистый, ясный, и *renna*, бежать, течь), то есть чистый небесный воздух, сочащийся медом, словно медовая роса с верхушки Иггдразиля. Коза как таковая, возможно, символизирует собой белизну и изобилие питания. Дерево Лаэрад (производящее *lae* или покой) символизирует собой высшие области атмосферы, где бушуют ветры. Дуборогий олень Эйктюрнир (от *eik*, дуб, и *thorn*, шип, рог), символизирует ветви древа, уподобленные рогами оленя. С рогов этих стекает множество рек, перечисленных в Речах Гримнира, некоторые из которых текут возле богов, другие возле людей, а оттуда ниспадают в Хель. Из тех рек, что протекают возле жилища богов, некоторые называются глубокими, широкими, бурными, громкозвучными и т.д. Текущие в области людей именуются дружелюбными, знающими путь, захватывающими людей, полезными, плодоносными, стремительными, вздувающими-ся, ревушими и так далее. Все эти имена, как и сам контекст, начинающийся с верхних

слоев воздуха и кончающийся упомянутыми выше Гьёллом и Лейптом, свидетельствует о том, что под реками здесь подразумеваются высокие и низкие облака. Через некоторые из них должен пройти бог Грома на своем пути к месту собрания под древом Иггдразиль, поскольку он не может преодолеть радугу так, чтобы она не зажглась. Эти реки носят имена Кермт, Эрмт и два Керлаугара, не имеющие пока объяснения. Изложенное выше может служить примером присущего древности загадочного и иносказательного способа объяснения самых простых вещей, и, по моему мнению, более глубоких толкований искать не следует. Избранных героев называют эйнхериями (от *einn*, один, избранный, единственный, и *heri*, владыка, герой), и оскаснирами (*Óskasynir*) Одина. Один как бог войны носит имя Оски, исполнителя желаний¹⁵³. Валькирий иногда бывает три, иногда девять, тринадцать и двадцать семь, иногда число их неизвестно. Одной из валькирий была младшая из норн Скулльд. Они жаждут войны и тоскуют без нее. Валькирии, белые девы, скачут по воздуху на конях, с грив которых падает роса на долины и сыплется град на высокие леса. Имена их иногда связаны с войной, иногда с облаками, дождем и ветром: Хильд и Гунн, *война*; Свава, нависающая, неотвратная; Капа, ветер; Гёлл, то же слово, что и в имени реки Гьолл; Сигурдрива и Сигрун, от *sigr*, победа, и *drifa*, гнать. Кроме того, их именуют словом Оскмейяр (*Óskmeyiar*). Символом воинственной мощи Одина является его копье Гунгнир (от *gǫngna*, потрясать, размахивать). Его конь Слейпнир (от *sleipr*, гладкий, скользкий) именуется восьминогим, что просто выражает его великую скорость, так как в остальных местах он выступает как четвероногий. Подобно щиту Одина конь его белой масти, указывающей тем самым на чистоту небес. В мифе о рождении Слейпнира Свадильфари представляет собой зимние холода (во всяком случае, следуя Финну Магнуссену), от *svad*, тающего сугроба, и потому означает то, что приносит слякоть и метели; простейшее толкование этого мифа выглядит следующим образом. Локи (огонь, жар), возможно желая немного передохнуть, уговорил асов позволить странствующему зодчему (Зиме) возвести ледяную крепость, которую тот начал строить с помощью своего помощника, коня Свадильфари, то есть сильного мороза. Однако по мере строительства боги начали понимать, что они утратят красоту жизни, Фрейю, а солнце и луна укроются от них в напущенном злым великаном вечном тумане. Посему они обязали Локи вступить в связь со Свадильфари, причем от союза этого родился серый жеребенок Слейпнир (ветер), уничтоживший ледяной дом и скоро настолько прибавивший в росте, что бог года (Один) смог воссесть на своего коня, прохладный летний ветер¹⁵⁴. То, что здесь имеется в виду ветер, становится ясным из популярного в Мекленбурге верования о том, что в среду (день Водена) не пропаляют лен, чтобы конь Водена не потоптал семян; не может лен оставаться на прялке и во время двенадцати дней Рождества, чтобы проскакавший конь Водена на спутал его, и то, что в Скании и Блекинге после уборки урожая в поле оставляли подарок для коня Одина¹⁵⁵. На этом же самом коне Один переправил Хатлинга через море, закутав его в гриву, так чтобы он ничего не увидел¹⁵⁶. На этом же самом коне он возглавляет Дикую Охоту¹⁵⁷. В поздних сагах (как, например, о Хрольве Жердинке (*Kraki*), мы уже видим сформировавшееся верование в то, что Один представляет собой существо вредоносное и вероломное, вмешивающееся в ход битвы и вызывающее гибель воинов. В Средние века это верование набрало еще большую силу. Тем же способом, согласно которому в соответствии с Саксоном можно «*praesentem cognoscere Martem*¹⁵⁸», аналогичное предание существует даже в сердце самой Германии. Рассказывают, что однажды, прогули-

ваясь по Оденбергу, некие люди слышали бой барабанов, но ничего не увидели; после чего мудрый человек посоветовал им по очереди заглянуть в кольцо, образованное его телом и упертой в бок рукой. Сделав так, они немедленно увидели занятую воинскими упражнениями многочисленную рать; воины входили в Оденберг и выходили оттуда¹⁵⁹. Многие из авторов отождествляли северного Одина с индийским Буддой; в их первоначальной сущности можно не сомневаться, однако связанные с ними обоими мифы естественным путем направились по абсолютно различным направлениям. Все возражения против этого мнения, которые мне до сих пор приходилось слышать, заставляют меня, если не подтверждать, то, во всяком случае, отдавать ему предпочтение. Шлегель отвергает его на том основании, что слово «Будда» значит Мудрый и является отглагольным прилагательным от *bud*, думать, однако *Odinn* представляет собой аналогичную форму от *vada*, поэтому словесное сходство едва ли может оказаться большим; форма *ódr, ingenium, anima sensitiva* (лат. «природный ум, чувствующая душа»), совпадает с *óðinn* и показывает, что значение обоих слов одинаково.

Другие боги-князья тоже имели собственных коней, хотя в источниках не сказано подробно, какой конь кому принадлежал, и имена их похожи друг на друга. Их можно истолковать как *Сверкающий, Золотой, Драгоценный камень, Освещающие путь лучи, Золотая Грива, Серебряная Грива*¹⁶⁰, *Крепкий Жилами, Луч, Бледная голова и Легконогий*. Конь Золотая Грива принадлежал Хеймдаллю, напоминая своим названием о сверкании радуги.

Война была слишком весомым занятием, чтобы не получить поэтому кроме универсального правителя Одина свое особое божество. Им стал Тюр, одновременно являвшийся богом отваги и чести. Он является сыном Одина, но светлоликая и украшенная золотом мать его принадлежала к племени великанов. Никто не способен поравняться с ним в храбрости; посреди яростной битвы он бесстрашно простирает вперед свою руку, прикрытую бранной рукавицей. Тюр — Марс северных народов.

Толкование. Тюр считается видным богом, и в особенности богом военной доблести и чести (от *tyr, tīr*, честь). Имя его присутствует в старонорвежском *Tigsdagr*, датском *Tirsdag*, англосаксонском *Tiwesdaeg*, *Dies Martis*, *Tuesday*, вторник; а также в *Tigbraustr*, доблестный как Тю. Крепость пива также описывается как *blandinn megin-tiri, medicata magna virtute* — *одаренная великой силой*. Локи дразнит Тюра неспособностью взять в руку щит или пользоваться двумя руками, и еще говорит, что жена бога войны родила сына от него (Локи), и тем, что Тюр не получит ни гроша, ни тряпки в порядке возмещения за ущерб.

То, что отцом его является Один, а матерью прекрасная великанша, возможно, означает, что она представляет собой обогородившуюся великанскую душу, через Одина вступившую в связь с племенем асов¹⁶¹.

Женой Одина была Фригг (земля). Она не часто подпадает под общее определение земли и скорее принадлежит другим категориям богов, учитывая те точки зрения, под которыми она рассматривается. Фригг является главной среди всех богинь, плодородной летней землей, более всех прочих оплакивающей смерть своего благородного сына Бальдра (лето). Прислуживают ей Фулла (изобилие), приятный символ роскоши цветущего поля; Хлин (ласковое тепло); и Гна, которая как теплый ветерок скачет на своем быстром скакуне, разнося по всей земле изобилие¹⁶². В другой ипостаси земля фигури-

рует как Ринд, промерзшая зимняя земля, которая рождает Одину Вали, ясный зимний день с крепким морозцем. Соперницами Фригг являются Герд и Гуннлёд: первую можно считать покрытой всходами весенней землей, которую согревает Фрейр; вторая представляет собой землю осеннюю, обнятую Одним и отдающую ему мед Суттунга в то время, когда летние и военные труды закончены, когда в поле звучат песни жнецов, а в чертоге веселятся воины. Однако ни та ни другая в строгом смысле слова не являются божествами земли. В качестве матери громовержца Тора земля зовется Фьергюн (*Fjörgvin*) (готск. *Fairguni*¹⁶³, гора), а Хлодюн, гора, поросшая травой, представлена в облике жены Тора, Сив.

Толкование. Общим именем земли является *iörd*. Фригг или *Frygg* связана с лат. *Fruges* (лат. «плоды»), корень которого присутствует в причастии *fructus* (лат. букв. «приносящий пользу»), герм. *Frucht*, датск. *Frugt* и поэтому обозначает плодородную землю. Обитель ее зовется Фенсалир, это нижние, влажные области земли; поэтому в качестве божества плодородной земли она не правит высокими и бесплодными горами. Фулла, полная, изобильная, роскошное зерновое поле, противопоставляется Сив, поросшей травой горе. *Hlin* или *Hlyn* (от *bly*, при *blúa*, *blyna*, *calescere*, *согреваться*), дающая силы теплота. Она защищает от опасности замерзнуть. То, что имя ее означает свойство земли, следует из того обстоятельства, что сама Фригг носит имя Хлин. Под именем Гна и производным от него *gnaefa* (парить в высоте) выражается идея движения в высоте, в воздухе, что также следует из имени ее коня Хофварпнира (Вздвигающего копыта), его отца Хамскерпнира (Сушащего кожу) или Хаттстрикира (Сбрасывающего шляпы) и его матери Гардровы (Ломающей дома или заборы). Словом *rindr* в Исландии до сих пор обозначают пустоши. Оно эквивалентно английскому *rind*, которое обозначает твердую корку на поверхности обледелой земли. В *Эддах* не приводится подробного описания обстоятельств рождения ее сына Вали: там просто сказано, что она дала ему жизнь *i vestur sölum* (в палатах запада), причем как вариант это выражение читается также *i vetur solum* (в палатах зимы), что превосходно согласуется с именем Ринд. У Саксона¹⁶⁴ мы находим основные черты мифа, приобретшего там почти историческую окраску, но тем не менее принадлежащего к нашей категории. Это описание любви Одина к Ринд представляет собой дубликат мифов об Одине и Гуннлёд, Фрейре и Герд. «Ростиофус»¹⁶⁵ Финский предсказал Одину, что у него будет сын от Ринды, дочери короля рутенов¹⁶⁶, который отомстит за смерть Бальдра; скрыв свое лицо под шляпой, Один поступает на службу этому королю, становится его полководцем, добивается великой победы; а после того собственноручно обращает в бегство все войско врага после колоссального смертоубийства. Представив в качестве аргумента свои подвиги, он вымогает у Ринды поцелуй, вместо которого получает удар, который тем не менее не отвращает его от намеченной цели. Облачившись в чужеземный наряд, на следующий год под именем Ростера Кузнеца он вновь приходит к королю и получает от того внушительное количество золота, чтобы сделать из него женские украшения. Помимо прочего он изготавливает из него браслет и несколько изумительно красивых колец, которые дарит Ринде, чтобы заслужить ее любовь, однако получает еще более презрительный отказ. После этого он является в облике молодого воина и получает пощечину за требование поцелуя. После этого он прикасается к ней куском коры, на котором написаны некоторые заклинания, в результате чего она теряет рассудок. Затем он является уже в

облике старухи, назвавшись именем Веча, и попадает в служанки Ринды. Воспользовавшись ее болезненным состоянием, он предписывает ей зелье, которое, однако, нельзя дать больной в связи с припадками буйства, не связав перед этим. Обманутый женским обликом псевдослужанки, король приказывает связать свою дочь, и воспользовавшийся ее беспомощностью Один зачинает с ней ребенка, зовут которого, однако, не Вали, а Бо (*Bous*), который тем не менее идентичен Вали, так как отмщает за Бальдра. Толкование этого мифа достаточно очевидно, особенно если сравнить его с сопутствующими ему. Ринда — это замерзшая ледяная земля, противящаяся Одину; украшения, которые он предлагает ей, это дары весны и лета; в качестве воина он представляет собой войну как наиболее важное из дел лета. Однако четыре его явления не подразумевают, как полагают некоторые, четыре времени года, они просто означают переход от зимней стужи к весне. Фьёргюнн (*Fiorgynn*) однажды фигурирует в мужском роде, выступая в качестве отца Фригг¹⁶⁷, однако во всех других местах является в женском роде (*Fiörgyn*) как мать Тора. Имя Хлódюн, также обозначающей землю в качестве матери Тор, справедливо связывается с *blód*, очаг, производимым от *blada*, наваливать, грузить¹⁶⁸, прош. вр. *blód*. Однако Хлódюн не является божеством очага, каковое ни в коем случае не могло бы стать матерью Тора; тем не менее, если перейти к укрупненному представлению, становится ясным, что слово это означает гору, нагромождение скал. Аналогичным образом мы можем ныне понять, что другое название горы, *Hrugnir* (Хрунгнир), происходит от *brúga*, громоздить, накладывать слой за слоем. В таком случае Фьёргун и Хлódюн, по сути дела, обозначают одно и то же, а именно гору в различных аспектах этой идеи: в виде как компактной массы, так и нагромождения отдельных слоев.

ТОР

Тор, бог грома, обитает в Трудхейме, густой и мрачной туче¹⁶⁹, время от времени посылая из своего чертога Бильскирнира сверкающие молнии. Прочие его имена и атрибуты, как и характеристики его сподвижников, связаны с быстрым течением грозы, жуткими звуками, губительными молниями, а также сопровождающими грозы яростными ветрами и проливными дождями. Его сокрушительный молот представляет собой молнию; вооруженный ею, он обходит утесы и моря, и ничто не может противостоять его мощи. Сила его особо подчеркивается поясом, грохот грома толкуется как производимый его колесницей. Часто в свите его присутствует Локи (огонь), иногда даже в качестве служанки, ибо небесный огонь сродни земному, но последний связан скорее с мастерством, а первый с силой. Тор обзаводится рабами, отчасти, возможно, потому, что его особенно почитали финны до распространения на севере религии асов, отчасти потому что рабы не могли последовать за своими хозяевами в Валгаллу, но должны были занять более низкое место. В соответствии со старинным финским обычаем жениха и невесту освящали огнем, который отец высекал кремнем и сталью; финны клали вместе с мертвыми в могилу кремень с кресалом. Тор почитался ими как верховный бог, и отчасти особое почитание его перешло в религию асов.

Поскольку Тор являет собой грозу, странствия его представляют собой ее различные проявления. В качестве бога облаков он редко находится дома вместе со всеми асами, и посещает великанов — скалы и горы, — но как только боги зовут его, немедленно возвращается обратно. Иногда он воюет со Змеем Мидгарда, которого или загоняет на дно океана или поднимает в воздух; он гонит рычащие волны на выступающие из глубин

утесы, образует водовороты в скалистых котловинах; иногда он состязается с грозящим небу великаном (горой) Хрунгниром, вершина которого пронзает облака. Тор раскалывает его зубчатую вершину, в то время как его быстрый спутник Тьялви¹⁷⁰ побеждает слабую глиняную горку у подножия великана. Он также посещает короля металлов Гейррёда, проходит горными ручьями в ущелья, раскалывает там камни и руды. Тщетно будет великан Трюм пытаться имитировать Громовержца; напрасны его надежды завоевать богиню изобилия; он не получит ни ее, ни мощи Громовика, презревшего наглую и беспочвенную попытку бессильной материи. Молния возвращается назад, в десницу Громовержца. Лишь зимой Тор утрачивает часть своей несокрушимой мощи: молот его не знает усталости, однако на обледеневших камнях сила его ослаблена Скримиром.

Толкование. Торр, по мнению Гримма является сокращением от слова *Thonar*, откуда происходит современное герм. *Donner*, гром. Сюда же относятся лат. «гром, греметь» — *tonus, tonare, tonitru*. Название его обители Трудхейм или Трудванг производится от слова *thrúdr*, сильно, строго, стиснутый вместе. Бильскирнир происходит от *bil*, промежуток (времени или пространства), и *skir*, ясный, яркий; *skirnir*, то, что светит, сверкает в воздухе. Облачные массы, слоями лежащие друг на друге, представлены несколькими этажами его жилища. Гром создается колесницей Тора — *reid* (лат. *rheda*); отсюда раскат его носит название *reidar-thrúma* (грохот повозки). Имена козлов Таннгнёста и Таннгриснира (*Tanngniost* и *Tanngrisnir*) также связаны со звуками; первое из них производится от *gnist*, скрежет. В повозку Тора впряжены козлы, быть может, потому, что эти животные обитают на вершинах гор; не ясно, были ли они посвящены Тору. Обитающие на Кавказе полухристиане осетины в том случае, если кто-то был убит молнией, приносят в жертву Илии черного козла и вешают его шкуру на шест¹⁷¹. Скорость и теплота воплощены в виде Винг-Тора, или Крылатого Тора, и его приемных детей Вингнира и Хлоры, сына и дочери; имя последней сродни *blaer, blyr*, тепло, тепловато, и *blóa*, рдеть. От *blóa* или *blóra* происходит имя Тора Хлориди или Хлорриди, вторая часть которого производится от *reid*, колесница, так же как Халлинскейди производится от *skeid*. Имя Ауку-Тор или Оку-Тор древними авторами производилось от *aka*, ехать, хотя, вероятно, оно представляет собой просто финское имя Тора — Укко-Таран. Молния обозначается, как молот Мьёлнир, сокрушитель, дробитель, от *mala (mölva, melia)*, давить. Он также называется *thrudhamar*, что в соответствии с мнением Финна Магнусена, означает *malleus compactus* (лат. букв. «плотный молот»). Мегингьярдар (*Megingiärdar*), от *egin*, сила, в буквальном смысле означает препоясание или пояс силы. Тор также носит имя Веор (*Vör*) или Мидгарда Веор, значение которого остается весьма непонятным. Спутники Тора Тьялви и Рёсква являются сестрой и братом, обозначая, таким образом, родственные идеи. Слово Рёсква толкуется как быстрая, активная, брат ее, способный состязаться в беге с Хуги (мыслью), также хороший бегун. Вполне возможно, что Тьялви символизирует собой проливной дождь, что, безусловно, может объяснить его легкую победу в поединке с глиняным великаном Мёскуральви; поскольку он представляет собой или уносящий противника ветер, или смывающий его дождь. В *Эдде Сноффи* отцом Тьялви и Рёсквы именуется крестьянин, однако в *Сэмундовой Эдде* его называют *braunbui*¹⁷² (морским жителем), каковое имя находится в соответствии с характером сына.

Повествования о странствиях Тора в основном находятся в *Эдде Сноффи*, хотя намеки на них присутствуют и у Сэмунда. Их мифологический подтекст очевиден. Вели-

кан Хюмир (от *hym* или *hymr*, море, греч. *κῆμα*)¹⁷³ явным образом, что следует как из имени, так и из контекста сказания, является морским великаном; он символизирует утесы, встающие перед неизмеримыми морскими глубинами, в которых залег змей Мидгарда. Разбитая об его лоб чаша для питья обозначает надежные вершины утесов. Котел символизирует собой водоворот между скал. Хрунгнир, или Хругнир (от *brúga*, громоздить) представляет собой гору, образованную наложением слоев, проникающую вершиной за облака и сосящающуюся с небом. Следующее далее народное предание из Верхнего Теллемарка интересно само по себе и может послужить иллюстрацией к повести о Торе и Хрунгнире. В верхнем конце длинного озера Тотак, расположенного в Верхнем Теллемарке находится удивительное и внушительное собрание скал, которые, если рассматривать их с воды напоминают город с остроконечными крышами-башнями; о происхождении его крестьяне рассказывают следующим образом:

«На покрытой ныне камнями равнине некогда стояли два жилья, и, как говорят некоторые, церковь, почему самый крупный из камней, поднимающийся среди остальных словно церковная крыша по сей день называется церковным камнем. Однажды в обоих жилищах справляли две свадьбы, на которых согласно старому норвежскому обычаю рог, полный пенного пива, неустанно ходил между гостями. Случилось так, что богу Тору пришло в голову спуститься вниз и посетить своих старых друзей из Теллемарка. Начал он с одной из свадеб, получил приглашение войти, и его угостили крепким пивом, сам жених, взяв бочонок, отпил в честь Тора, а потом передал сей сосуд гостю. Бог был удовлетворен и самим напитком и дружеской манерой, в которой ему предложили угощение, и удовлетворенный отправился на другую свадьбу отведать тамошнего пива. Там его приветствовали почти так же, однако, не предложили присоединиться к круговой чаше. Бог, быть может, в результате обильного возлияния на предыдущей свадьбе, пришел в ярость, разбил чашу об пол и отправился прочь, размахивая топором. После он вывел новобрачных, на свадьбе которых его почтили бочонком, вместе с гостями на пригорок, чтобы они стали свидетелями его отмщения, и уцелели, тем, кто оскорбил своей скупостью самого могущественного бога Асгарда. Своим «*tungum-bamri*»¹⁷⁴ он ударил по горе с такой силой, что она обрушилась и погребла под собой вторую пару новобрачных вместе с их жилищем. Однако гневный бог выпустил молот из рук, и он затерялся между камней»¹⁷⁵.

Поэтому Тору пришлось спуститься и заняться поисками своего оружия; разбрасывая и переворачивая камни, он в конце концов отыскал свой молот. Так получилось, что среди каменной груды пролегла умеренно удобная тропа, по сей день носящая имя Тора¹⁷⁶ ».

Горная природа Хрунгнира также отлично выражается в начале повествования: из всех существ его интересуют только сама богиня красоты Фрейя — которой постоянно домогались великаны, — и Сив, способная одеть травой нагие склоны гор. Жилище его носит имя Гриотунагард (от *gríót*, камень, и *tún*, эквивалент английского слова *town*, город). Оно расположено на границе между землей и небом. Описание самого великана явным образом напоминает гору с ее вершинами; можно не вспоминать о том, что Тор раскалывает своей молнией его череп и скалу, которой он прикрывается вместо щита.

Подобно своему отцу Одину, Тор также являлся королем Олаву Трюггвасону. Когда тот однажды плыл возле берега, с высокого утеса его окликнул некий мужчина, после чего король приказал подвести корабль к берегу и принять незнакомца на борт. Он оказался высоким, молодым, пригожим и рыжебородым. Едва оказавшись на корабле, он принялся шутить, показывать всякие фокусы, немало увеселив тем экипаж, который

поддразнивал, называя жалкими спутниками столь знаменитого короля и недостойными моряками столь прекрасного судна. Потом его спросили, не может ли он поведать какую-нибудь бывальщину, старую или новую? На это он сказал, что немного найдется вопросов, на которые он не мог бы дать ответ. Тогда незнакомца повели к королю, превознося его огромные познания, и тот также выразил желание выслушать старую или новую повесть. «Тогда начну с того, — сказал гость, — что некогда земля, мимо которой мы ныне плывем, была населена великанами, и такая ужасная гибель выпала на долю народа сего, что все они сгинули, кроме двух женщин. Тогда сюда начали переселяться люди с востока, но эти великанши так досаждали им, что решили они позвать на помощь меня, Рыжебородого; тогда я немедленно схватил свой молот и убил этих двух женщин; и с тех пор народ той страны продолжал звать меня на помощь, пока ты, король, не истребил всех моих старых друзей, за что заслуживаешь мести. Тут, заметив горькую улыбку на лице короля, он с быстротой молнии выпрыгнул за борт». В этом чудесном отрывке рассказывается сразу о враждебности Тора к великанам и о том, что он истребил их; иными словами речь идет о том, как он распространяет культуру земледелия среди человечества¹⁷⁷.

У Тора была дочь по имени Труд (*þrúdr*), и Хрунгнира зовут похитителем или соблазнителем Труд (*þrúdar þiöfr*); также напоминая этим о горе, вершина которой укрыта облаками; Труд в соответствии со сказанным можно считать густой грозовой тучей. Мёккуралви (от *mökkr*, скопления густого тумана или облаков, и *kálfr*, выражения, обозначающего малого отпрыска чего-то большого, как, например, теленка коровы, обыкновенно употребляемого в отношении маленького острова, расположенного рядом с большим) представляет собой великана глиняного, а не каменного, как Хрунгнир, и потому обозначает невысокий земляной холм. Сын Тора Моди означает отвагу; другого его сына, Магни, сильного, можно сопоставить с сыном Одина Вали, имя которого имеет тот же самый смысл. Оба они выполняют доблестные деяния сразу после рождения; что может, по мнению профессора Финна Магнусена, предполагать, что Магни исполняет роль бога весны. Аналогичный намек нетрудно усмотреть в имени Гроа, обозначающем то, что вызывает или допускает рост. Звездой Палец Орвандиля, возможно, называлась небольшая и едва заметная звездочка, расположенная над средней звездой Большой Медведицы. Отмороженный палец ноги, вне сомнения, был большим; он тождественен *Dümeke* или Гансу Думкену (*thumbkin*) северных германцев, которого считают возницей колесницы (в каком-то качестве они воспринимают Большую Медведицу)¹⁷⁸. Остаток мифа кажется необъяснимым. Гейррёд, который в Речах Гримнира фигурирует в качестве великана¹⁷⁹, является владыкой руд, находящихся в недрах земли. Его имя, как и имя Грид (*Gridr*), великанши, находящейся у входа в гору, Ярнсаксы и им подобных имеют отношение к металлам, и впоследствии стали использоваться как обозначения видов оружия, например *grid*, топор¹⁸⁰, *geir* (англосакс. *gar*), дрот. Гриадавёллр, посох Грид, также является металлическим стержнем. Трюм (барabanщик, громовик) от *tbruma*, грохотать, производить громоподобный шум, вполне подходящее имя для великана, который готов был вступить в соперничество с громовержцем Тором и покуситься на богиню красоты и изобилия. Скримир или Скрюмир (от *skrum*, показывать, хвастать, притворяться) обозначает лживого и хитрого великана, своими чарами обманывающего Тора. Предполагается, что он символизирует собой зиму, знаком которой является его шерстяная варежка¹⁸¹. Миф об Утгарда-Локи, вероятно, является

поздним дополнением, предназначенным, чтобы продемонстрировать слабость асов в сравнении с финским божеством¹⁸².

Женой Тора является Сив. Локи (огонь) уничтожил ее очаровательные локоны, однако работающие в земле гномы, сыновья Ивальди, сделали ей новую шевелюру, растущую ярко-зеленую траву. Ее сыном (не от Тора) является Уль (зима), спускающийся с гор во влажные долины. Он брат Бальдра (лета), божество коньков или лыж, охоты, лука и щита (который зовется его кораблем) и выбегает на своих лыжах на океанский простор.

Толкование. Если Фригг связана с возделанной землей, то жена Тора Сив обозначает окружающие ее невозделанные горы. Соответствующая ей богиня славян и вендов Сива, напротив, обладает великолепными волосами и увенчана венком из цветов, в одной руке держит золотое яблоко, а в другой гроздь винограда и зеленый лист¹⁸³. Тут она представляет плодородную землю со всеми ее дарами, сохранив на севере, где ей позволено быть лишь богиней травы, только свои золотые волосы, в то время как земным плодородием ведают Фригг и Фрейр. Это также следует из того, что Уль является ее сыном. Слова *хаддр Сивьяр* (волосы Сив) являются поэтическим обозначением золота. У Саксона можно найти фрагмент мифа об Оллере (*Uller*), преподнесенный в данном случае в историческом толковании. Оллер, угнетавший подданных Одина, изгоняет его из Византии (Асгарда); Один возвращается, дарами покупает прежнюю власть и вынуждает Оллера бежать в Швецию, где тот попытался укорениться, однако был убит данами. Повесть эту справедливо толкуют как миф о благом подателе света, которого изгоняет зима, однако он возвращается в свою страну. В своем произведении Саксон упоминает о кости, на которой Оллер мог пересекать моря, и которую Магнусен¹⁸⁴ удовлетворительным образом истолковал как коньки, изготовлявшиеся в самое раннее время из костей лошадей или быков¹⁸⁵.

Локи это огонь. В начале времен он, как и Лодур, представлял собой мягкое благодетельное тепло, соединенное со Все-Отцом; однако впоследствии, подобно павшему на землю ангелу, сделался злым и лукавым, подобным всепожирающему пламени губителем. Он родился в земле, и ветер был его отцом. Братья его — опустошение и разрушение. Иногда он как птица, трепеща крыльями, взлетает вдоль стены и заглядывает в окно, однако тяжелые ноги привязывают его к земле; иногда, подгоняемый штормовым ветром он летит над землей, паря меж землей и небом; однако подобно Лопт пересекая вольное небо, он тем не менее позволяет запереть себя и томить голодом; уста его можно стянуть сочной травой, но сердце его не сгорает. Так получилось, что он зачинал детей в недрах земли с великаншами и ярнвидур, то есть с металлами и горючими частями земли. Там он зачал с Ангурбодой (провещательницей скорбей) волка Фенрира, змея Мидгарда и Хель. Прожорливый волк (подземный огонь) уничтожил бы мир, если бы могучие боги не связали его цепью и не оставили в горной пещере; но даже там из его открытых челюстей исходит пена в виде густого тумана и несущего искры дыма. Злого губителя Локи боги бросили в недра земли, в ее пещеры; когда он шевелится, дрожит вся земля, и люди замечают это. Путь пока удерживают его, однако когда они ослабнут, боги утратят власть над миром. Тогда и явится Локи вместе со своим сыном Фенриром, чья нижняя челюсть будет касаться земли, а верхняя достанет до неба, и наполнит воздух огнем. Заключенный в недрах земли огонь сотрясет и море; тогда великий змей

шевелинется в глубинах и поднимется, грозя земле и небу. Яростное пламя вызовет повсюду смерть и разрушения и т.д.

Толкование. Корень слова Локи присутствует во многих языках — санскр. *lóc*, сиять; лат. *lucere, lux (lucis)* (светить, свет); кимвр. *llug*, огонь; ст.-норв. *logi*, пламя, и т.п. Он представляет собой существо, в котором добро перемешано со злом, однако как земной огонь более близок к последнему. Он является причиной всякого зла, отчего некоторые связывают его имя с греч. *λοχάω*, ст.-норв. *lokka*, соблазнять¹⁸⁶. Другое имя его, Лоптр, от *lopt*, воздух, герм. *Luft*, означает воздушные сферы. В *Профицании Вёльвы* волк Фенрир зовется сыном Хведрунга; Хель аналогичным образом именуется дочерью Хведрунга, причем значение этого имени остается непонятным. Отцом его в качестве земного пламени является Фарбаути, имя которого образовано от *far*, корабль, и *bauta*, бить, что соединяется в *кораблебойца*, вполне уместное имя для ветра. Мать его зовется Лауви (Лиственный остров) или Наль, *изолка, хвоинка, листочек ели*; братья его Бюлейст, от *bi*, поселение, и *lesta*, опустошать; или от *bylr*, шторм, и *aestr*, яриться; и Хельблинди, каковым именем именуется также и Один. Однако Локи совершает и некоторые добрые дела: это он почти всегда добывает нечто необходимое; по его приказу сыновья Ивальди, мастера как по дереву, так и по металлам, изготавливают для богов утварь и украшения. Огонь приводит в движение все на свете. Локи посещает властелина металлов Гейррёда, отправившего бога в заточение и едва не заморившего его голодом, оба образа достаточно ясны для понимания. Тиацци летит с Локи, крепко держащимся за шест: здесь мы явно видим огонь, который переносит по воздуху буря. Имя Тиацци (*Thiassi*) толковали как совпадающее с *Thiarsi*, от *thiarr*, неистовый, пылкий. Его ветровая природа проявляется, в частности, в том, что он является отцом Скади, и в том, что подобно Храесвелгу является в виде орла. Это буря, вырывающаяся из горной расселины, неся вместе с собой горящие стволы деревьев. В *Эдде Сноффи* называются два брата Тиацци: Иди (*Itbi*, блеск, великолепие) и Ганг (*Gánggr*, золото, рассыпанное по жилам внутри горы). В повести о коваче Синдри и раздувающим пламя Брокке, впоследствии зашивающем уста Локи, Синдри означает кузнец, от *sindr*, раскаленных докрасна искр, вылетающих из-под молота. Имя Брокка можно было бы истолковать в том случае, если бы мы знали, каким именно образом питали и раздували пламя в древних мастерских. Его пытались истолковать как сухую осоку с болотистых местностей, однако неясно, пользовались ли ею на самом деле. Зашивание рта Локи означает попросту гашение огня. В имени шнурка Вартари явным образом обыгрывается слово *ǿr*, губа; вторая часть, *tari*, не поддается толкованию. Из всего контекста, однако, как будто бы следует, что речь идет о поддержании огня, об умалении его, когда огонь обретает излишнюю силу, и потом гашении, когдаковка закончена. Попав в бездну, Локи сделался особенно злым (*kyndugr*). Слово это (образованное от *kynda*, зажигать, лат. *candeo, cendo*, санскр. *cand (tsjand)*, и *bugr*, разум) представляет собой превосходный пример переноса физических представлений на область морали. Он представляется в виде коровы и женщины, существ, способных родить; и он рождает своих страшных детей. Богам в итоге приходится связать его. В качестве лосося он обитает у водопада Франангурфорс (от *fránn*, блестящий). Это можно сравнить с финским мифом, в соответствии с которым произведенный богами огонь маленькими шариками падал в море, был проглочен лососем и впоследствии был найден в пойманной рыбине¹⁸⁷. Блестящая

чешуя лосося, его красная плоть и быстрота вполне могли навести наших далеких предков на мысль о том, что в рыбе этой таится огонь. Локи принял этот облик для того, чтобы максимально возможным образом спрятаться от богов, явившись в наиболее невинном облике огня; однако асы были слишком хорошо знакомы с его уловками. Сын его Вали или Али (сильный) был превращен богами в волка, после чего разорвал своего брата Нари или Нарви (связующего); Локи был связан его кишками. Скади подвесила змея над его головой. Эйтр, как мы уже знаем, означает предельный холод; змей соответственно представляет собой холодный поток, стекающий с гор в глубины. Имя жены Локи Сигюн явным образом восходит к слову *siga* (англосакс. *sgian*), тонуть, падать, опускаться, то есть, в конечном счете, означает водяной поток. Рассказывают, что Локи лежит под Хвера-лунд (лес или куща горячих ключей), и что жена его Сигюн «без радости» сидит возле него. Сигюн персонифицирует теплые подземные источники, в которые вливается исходящий от Скади холодный поток; но когда разбухший от горных холодных вод теплый поток проливается на сильный огонь, тогда содрогается вся земля. Следы этого мифа присутствуют у Саксона, хотя в соответствии с его работой связанным в пещере лежит Утгарда-Локи. Имя Ангурбоды, матери детей Локи, означает «провозвестница скорби» (от *ángur*, печаль). Фенрир (обитатель недр или бездны), или Фенрисульф (воющий волк глубин), представляет собой другую разновидность подземного огня — вулканическую. Названия пут, которыми его связывают (Лединг, Дроми, Глейпнир), напоминают о прочности и гибкости. Островок Лингви, заросший вереском и окруженный черным озером Амсвартнир, представляет собой огнедышащую гору. Река Ван или Вон символизирует восходящий дым. В цитируемой Финном Магнусеном¹⁸⁸ скальдической поэме среди прочих относящихся к этому месту имен присутствуют реки Виль и Вон, истекающие из пасти волка (символизируя тем самым вой, жалобу и испарения), губы которого носят имена Гьолнар (от *giöla*, порыв ветра) и соответствуют кратерам вулкана. Две реки, Вид и Ван, упомянуты в *Речах Гримнира*, явным образом подразумеваемая испарения и облака. Мировой змей (Мидгардсормр), или Земная Змея, или Волк (Ёрмундгандр) представляет собой морские глубины. Понятно, что если его тревожит земной огонь, Змей становится опасным; однако действительно интересно, что древние люди сделали огонь (Локи) отцом Хель или Смерти, с которой связан только холод. Тем не менее она не могла бы получить власти над холодом, если бы боги не послали ее в Нифльхейм. На пути к ее обители лежит пес Гарм, лающий перед Гнипаллеллиром¹⁸⁹, то есть существо именем и его значением (от *gerr*, прожорливый) соответствующее Церберу. Пес этот как будто бы охранял спуск к Хель в недра земли; так как те, кто проходил возле Гьяллар-бру встречались с девой Модгуд¹⁹⁰, о которой более подробно говорится в сказании о Бальдре.

Добрый светлобровый бог Бальдр; на чем сходятся почти все специалисты, представляет собой теплое лето, время активных занятий, счастья и света. От его жизни зависят благоденствие и счастье богов; смерть его является горем для всех: богов, людей и природы. Только единственное злое существо, подземный огонь Локи, ничего не теряет со смертью Бальдра, и потому изображен как ее причина; он же задержал и освобождение его из царства Хель. Бальдр, свет, сражен тьмой Хёдом; траурные факелы пылают на его похоронах; он отправляется в Хель, и нет надежды на его возвращение. Скорбит его мать, плодоносящая земля; проливает слезы все живое; словно осенью рыдает вся природа. Тьма сгущается как над днем, так и над ночью; но замерзает земля, Ринд

рождает сына, могучего Вали, и чистые светлые дни разгоняют мрак. Жена Бальдра Нанна определенно представляет собой занятое делами лето, его труды¹⁹¹, Форсети (пред-сидящий, председательствующий в ассамблее), властвует над весенними, летними и осенними собраниями (*guilds*) как хранитель справедливости. Война, самое важное из летних дел, была оставлена за самим Одним как верховным богом.

Толкование. Имя Бальдра толкуется через литовское *baltas*, белый; славянское *bel* или *biel*; *bielbog*, белый или светлый бог. С именем его связаны столь фундаментальные понятия, как красота и добро. Палаты Бальдра носят название Брейдаблик (широкий вид). Чистота белого света присуща и посвященному Бальдру растению *brá*. Имя Нанны, жены Бальдра, подвергалось различным истолкованиям, среди которых самым вероятным, на наш взгляд, является произведение его от слова *nenna*, намереваться, склоняться; и *nenna*, и прилагательное *nenninn* означают усердного и неутомимого работника; таким образом Нанна обозначает активную летнюю жизнь. Способствует такому толкованию и то, что Идун также называется именем Нённа, и что ревностные служительницы Одина валькирии называются *nönnur berjans* (девами Одина). Отец Нанны носит имя Нев или Неп, однако у Саксона он называется Гевар (*Gefr*); или то или другое должно оказаться ошибкой. Имя Нев интерпретации не поддается, однако Гевр это просто *giver*, податель; отец дает, дочь действует. Саксон рассказывает о том, как Гевара однажды ночью (*nocturno igni*, лат. букв. «в ночном огне») предательским образом сжег живым его же собственный ярл (*satrapa*) Гунно, но Хотерус (Хёд) устроил так, что Гунно бросили в погребальный костер; вероятно, напоминая тем самым о кострах, зажигавшихся на Иванов день в середине лета или в его конце, также указывая на миф о том, как летние занятия прерывает война (*Gunno, gynni* значит воин), прекращающаяся в свою очередь темной зимой. Хёд (*Hodr*, род. *Nadar*) во многих составных словах обозначает (подобно англосакс. *beatbo*) войну или битву¹⁹²; откуда можно заключить, что идея войны доминирует над, казалось бы, естественной для данного бога идеей темноты или слепоты. Сомнительна также идентификация имени Вали; оно может представлять собой производную форму мужского рода от *völva* (*vala*), пророчица, шотл. *sprae-wife*, или же может означать сильный; однако во всех случаях Вали представляет собой новый год, начинающийся более светлыми днями. В старом шведском руническом календаре Рождество изображается запеленутым младенцем в сверкающей короне, а 25 января у современных норвежцев считается днем Павла стрелка или Павла с луком (м. б. Вали?). В датском руническом календаре тот же день помечен мечом, в норвежском луком, а в шведском — и мечом и луком, напоминая тем самым об оружии Вали¹⁹³. Хотя христианские представления, возможно, и повлияли на первый из упомянутых здесь иероглифов, однако же миф о языческом боге Вали тем не менее воспринимался как первостепенный, поскольку именно этот бог сразил Хёда, будучи всего лишь одного дня отроду и имея в качестве атрибута лук. Древние скандинавы признавали существование только двух времен года — лета и зимы. Весна и осень воспринимались не как самостоятельные понятия, но в качестве переходных процессов; поэтому в Вали можно видеть переход года на весну. Омела дает побеги в конце июня, расцветает в мае и остается зеленой всю зиму. Римляне были знакомы с ней, а верховный друид галлов в определенный весенний день взбирался на дуб, на котором она росла, и срезал растение золотым ножом¹⁹⁴, чтобы оно не могло повредить Бальдру и чтобы лето наступило

без промедления, что является свидетельством широкого почитания Бальдра и служит подтверждением правильного толкования мифа. Суть великанши Тёкт, чей облик принял Локи, превосходно иллюстрируется приведенной Финном Магнусеном до сих пор остающейся в употреблении исландской поговоркой: «*Все будет рыдать, чтобы вывести Бальдра из Хель, кроме угля*»¹⁹⁵. Имя великанши он толкует из *tecta*, *operta*; в таком случае его можно объяснять из *thekja*, лат. *tego*, настилать, покрывать, откуда следует прилагательное *thaktr*, ж. р. *thökt*, лат. *tego*, и означает покрытая (огнем). Уголь не знает других слез, кроме сухих искр; он не испытывает никаких неудобств из-за кончины лета и не радуется ему. Слово Хюррокин (*Hyrrokin*), клубящийся дымящийся огонь (от *hyrr*, огонь, и *roka*, вихрь), возможно, связано с тем способом, которым в старину облегчали передвижение кораблей по суше, подкладывая под них катки. Цвет Литура (*Litr*), которого Тор толкает в огонь, соответствует цвету огня, блекнувшего с рассветом. Вполне понятно присутствие всей живой природы возле погребального костра лета, которое в той или иной степени приносит удовольствие каждому; не остается при этом в бездействии и Тор (гром). Похороны производятся по княжескому обычаю Севера. Смысл имени сторожащего у Гьяллар-бру Модгуда означает придиричивый, вздорный. Судя по тексту, Гьяллар-бру противопоставлен радуге, и соответственно Модгуд вместо Мимира противостоит Хеймдаллю. Слово «Форсети», как уже отмечалось, обозначает президент; обитает он в Глитнире (от *glita*, сверкать, блестеть), сияющем, блестящем, и означает торжественность, святость и чистоту правосудия.

БРАГИ И ИДУН (IDUNN, ITHUDR)¹⁹⁶

Браги — сын Одина и муж Идун, изобретатель поэзии и красноречия, самый утонченный скальд; на языке его написаны руны хуг (руны ума); он прославлен своей мягкостью, и еще более красноречием и мудрыми словами. По его имени поэзия зовется *bragr*; в честь него прославленных мудрыми речами мужчин и женщин называют брагами. Его называют обладателем пышной бороды, и обладателей пышной бороды называют *Skeggbragi* (от *skegg*, борода). Его жена Идун хранит в своей корзинке яблоки, от которых вкушают боги, ощутив признаки старости; после этого они вновь становятся молодыми; так будет продолжаться до Рагнарёка. Услышав об этом от Хара, Гангле-ри заметил: «Весьма серьезное дело поручили боги попечению Идун»; однако Хар со смехом сказал: «Поручение это едва не навлекло великое несчастье». (Однако, нигде не говорится, в чем именно состояло это поручение.) Рассказ о похищении Тиацци см. ранее. В *Локка-гленте* Браги предлагает Локи коня и меч, если только тот воздержится от раздувания вражды, тот же в свою очередь попрекает Браги тем, что среди всех асов и альвов он наиболее робок в битве и с наибольшим тщанием уклоняется от ударов. Идун просит мужа не ссориться с Локи и заявляет, что не будет говорить ему презрительных слов, но успокоит мужа, несколько разгоряченного выпитым. Однако Локи, невзирая на проявленный по отношению к нему такт, называет Идун самой распутной среди женщин, поскольку та своими белыми руками обнимала убийцу своего брата.

На собраниях пили чашу Браги или *Bragarfull*. Троллиха сказала Хедину, что тот должен заплатить за пренебрежение, которое проявил к ней при распитии чаши Браги. На поминках по конунгам и ярлам было принято, чтобы их наследник сидел на малом сиденье перед высоким престолом, пока не вносили чашу Браги, после чего он поднимался, давал обет и выпивал из чаши. После этого его возводили на престол отца. На пиру-

приношении (offering-guild) председательствующий за столом знаменовал знаком молота Тора и чашу, и мясо. Первой пили чашу Одина — за победу и силу конунга; потом чаши Ньёрда и Фрейра, за добрый год и мир; после чего по обычаю многих пили Брагарфулл¹⁹⁷. Особенность этой чаши было то, что пили ее, давая обет выполнить какое-либо великое и сложное деяние, которое могло бы послужить темой для песни скальда.

На основании изложенного сущность Браги кажется нам достаточно проявленной, в то время как Идун остается загадкой для нас. С одним из касающихся нее мифов мы уже познакомились ранее, второй же содержится в *Песне Одинова Ворона*, где ее изображают как нисшедшую от ясеня Иггдразиля в нижний мир. Тогда Один послал ей волчье обличье и Хеймдалля вместе с Браги и Лопта, чтобы те узнали у Идун все, что та сумела узнать о длительности существования и разрушении иного мира и небес; но вместо ответа она разражается слезами, и т.д. Содержание окутано плотным мраком, и понятно лишь то, что она «является богиней свежей молодой зелени, и посему может быть сопоставлена с Прозерпиной, цветущей дочерью Цереры. Идун обитает на хорошо увлажненных полях (*Brunnaker*) и хранит в корзинке яблоки, сохраняющие богам вечную молодость. Когда зеленая растительность исчезает с лица земли, Идун при участии Локи попадает, как сказано в мифе, во власть Тиацци, однако Локи снова освобождает ее весной. Или же она спускается от Иггдразиля и немая и рыдающая обретается в потустороннем мире¹⁹⁸».

САГА

Сага является богиней истории и повествования. Имя ее производится от *saga, segja*, повествовать, имя ее палат Сёкквабек (от *sökk, sokkvi*, бездна, пучина; *sökkva*, тонуть, глотать), напоминая тем самым о захватывающем потоке повествования. Дословно Сёкквабекк означает погружение, ручей.

Как царь разума Один добыл для человечества напиток поэзии. Рассказ об этом дошел до нас не в самой древней форме. В обыкновенной для античности иносказательной манере описывается приготовление этого вдохновляющего напитка, зелья, меда или пива, который, находясь у гномов и великанов, остается земным, и только Один претворяет его в вдохновение. В качестве бога войны он действует летом и тогда же ищет своей награды; однако дар поэзии добыть нелегко: Гунмёд долго уклоняется от его объятий; однако, испив напитка, он взлетает на орлиных крыльях вдохновения.

Толкование. Сложности этого мифа содержатся в самом начале; хотя вполне очевидно, что оно связано с приготовлением напитка¹⁹⁹. Квасира создают из слюны асов и ванов. Духи воздуха и воды ваны предоставили водянистую компоненту, в то время как асы дали вдохновение. Это также следует из повествования о Гейрхильд, которой Один во время приготовления напитка дал своей слюны в качестве закваски; в итоге получилось великолепное пиво. Итак, Квасир оказывается плодом, а кровь его — суслом. Он умер пропитанный собственной пресной мудростью. Убившие Квасира и выжавшие его кровь гномы в таком случае оказываются теми, кто стоял при давяльном прессе. Подслащенный медом напиток Фьялара оказывается тогда поэтическим питьем, суслом. Однако миф на этом не кончается; он описывает приготовление пива, откуда следует, что для этого также использовалось сусло. Имя Гиллинг можно толковать как *gilja*, разделять, а на норвежском языке словом *gil* называется сосуд, в котором созревает пиво²⁰⁰. Он входит в лодку или сосуд, который переворачивается посреди великого океана или бродильного чана; здесь

подразумевается закваска; а раздавленная жерновом женщина, собиравшаяся посмотреть на то место в море, где утонул ее муж, является солодом, или чем-то аналогичным, мелющим жерновами. Все это было бы, наверное, очевидно, если бы мы только знали, как в старину приготавливали мунгат²⁰¹, было ли такое пиво смешано с суслом и медом. Суттунг (возможно, от Суптунг) кажется родственным английскому *sip*, глоток, напоминая тем самым о склонности великаньего племени к питью; в то время как его дочь Гуннлёд представляет сам напиток. Имя ее составлено из *gunnr* (англосаксон. *guth*), война, и *lada*, приглашать; то есть то, что приглашает к войне или битве; или жидкость, приглашающая скальда превзойти все препятствия в своем мастерстве. Сосуд Одохрерир (то, что двигает разум) описывает воздействие зелья. То же самое можно сказать о двух других сосудах — Бодн (приглашение) и Сон (раскаianie или искупление). Теперь Один выступает как Бёльверк (от *böl*, несчастье, трудность, горе, и *virka*, работать), тот, кто совершает трудные дела. Заставляя жнецов перебить друг друга косами, он являет свою сущность как бога войны; поступая на службу к Бауги, он становится похожим на жнеца, которого по окончании трудового лета награждают песней. Великан Бауги значит склонившийся, но почему Бёльверк нанимается к нему работником, объяснить невозможно. Имя бурава или сверла Рати восходит к *rata*, находить путь. Хнитбьорг обозначает группу близких, неприступных гор. Этот миф, не лишенный полностью красоты, в той форме, в которой он присутствует в *Прозаической Эдде*, столь же пресен, как и большинство высокопарных перифраз старой норвежской поэзии. В более поздние времена он неоднократно представлял тему для юмористической литературы.

ВИДАР²⁰²

Видар является сыном Одина и великанши Грид, обитающей в горной пещере и охраняющей спуск к обиталищу вождя великанов, расположенному в недрах горы. Название его жилища Ландвиди (широкая, беспредельная земля), свидетельствует, что он является владыкой густых, непроходимых лесов, властью Одина поднимающихся к вершинам неприступных гор, где никогда не звучал топор, где не ступала нога человека, не раздавались звуки его голоса. Итак, он вполне справедливо носит прозвание Молчаливого. В Видаре воплощена неуничтожимость природы, ее не знающая тлена сила. Тот, кто когда-либо путешествовал по таким лесам или просто воображал себя прошедшим многие мили по этим не знающим предела просторам, не имея тропы, не имея цели, среди чудовищных теней, не мог не исполниться в этом священном сумраке глубоким почтением к возвышенному величию превосходящей человеческий масштаб природы, не мог не ощутить величия идеи, составляющей основу сущности Видара. Это величие природы было знакомо античности, обитавшей, можно сказать, на лоне ее; и мы должны ощущать почтение к древним, не пожелавшим облагораживать идею о бесконечной созидательной силе природы, не сопоставляя ее с человеком. Цветущие поля они обожествляли в лице Фуллы, всю возделанную землю в облике Фригг, поросшие травой горы в виде Сив; беспредельные леса также должны были иметь собственное божество. Вокруг людских жилищ властвует Фрейр и его эльфы. Он кроток и благодетелен, он любит землю и набухающее в ней семя; но Видар молчалив и тих; после Тора он сильнейший среди богов; он не ходит среди людей, имя его редко звучит среди богов, однако он переживет разрушение мира, гибель богов и людей. С Землей Один породил Тора; с Фригг Бальдра; с Ринд Вали; однако рожденный великаншей Видар являет собой связь

между вечной созидательной силой материи и духа. Эти боги и эти люди прейдут, однако ни созидательная сила природы, Видар, ни созидательная сила человека, Хенир, не будут иметь конца.

Толкование. Имя Видара образовано от *vidr*, лес, пуща. Обитель его, Ландвиди, описывается следующими словами:

*Заросло ветвями
и высокой травой
жилище Видара.*

О его кожаном или железном башмаке речь была выше, а саги видят в коже защиту от огня. Посему он без доли опасения предлагал Локи рог с вином на пиру у Эгира; не сможет причинить ему вреда и волк Фенрир, Видар сам разорвет ему пасть. Отсюда он оказывается владыкой железного леса.

В соответствии с произведенной Финном Магнусеном интерпретацией этого мифа Видар представляет собой не что иное, как тайфун или водоворот. То, что подобное толкование не было встречено общим одобрением, не вызовет особого удивления. Гейджер считает это превосходным примером *lucus a non lucendo* (лат. «роща называется так потому, что в ней не светит»: классический пример ложной этимологии, основанной на сходстве слов *lucus*, роща и *lucere*, светить)²⁰³, в то время как Раск одобряет его, как лучший из известных ему вариантов. Однако Видар не одноног подобно водяному столбу, не просто представить его и в виде обитателя Ландвиди, что “заросло ветвями и высокой травой”. В общем, как в данном случае, я просто попытался представить настолько четко, насколько это возможно, то, что по собственному мнению отыскал в *Эддах*, не имея никакого желания придать больший вес собственному мнению, чем мнениям прочих, или более, чем они того заслуживали.

Когда асы вступили в союз с ванами²⁰⁴, или богами воздуха, и приняли их в свое общество, плодородие и изобилие властвовали на земле. Отец Ньёрд являет собой универсальную питательную силу земли и воды; он правит над ветром и морем, во всяком случае над той его частью, что ближе всего к земле и окружает ее, а, следовательно, и над навигацией и рыбной ловлей. В качестве бога океана и ветра он явным образом выступает в своем браке со Скади, жившей в горах Трюмхейма. Этот миф не требует сложного объяснения, поскольку несложно понять, что он объясняет чередования легких морских бризов и штормовых ветров с гор.

Толкование. Происхождение имени *Niördr* остается непонятным; за основу принимался глагол *naera* (питать). Предполагается, что он идентичен германской богине Нертус²⁰⁵, готская форма имени которой (*Nairthus*) одинакова для мужского и женского рода²⁰⁶. Ньёрд обитает в Ноатуне, корабельном месте, то есть на море, от *nor*, *nos* (*vaūs*, *navis*) корабль, и *tún*, огороженное место, дом и земля. Скади означает пагубная. Имя ее обители Трюмхейма производится от *thrymr*, шум, возмущение, напоминая тем самым о штормовых ветрах.

Куда большие сомнения, чем Ньёрд, пробуждают его дети, Фрейр и Фрейя, распространяющие плодоносящую силу воздуха по всей земле, принося изобилие и в жилища

людей. Фрейр дает плодородие земле, Фрейя — людям. Фрейр правит светлыми эльфами, и их соединенное влияние дает долгую жизнь и процветание. В наиболее возвышенной эддической поэме *Поездка Скирнира* описывается стремление Фрейра передать свое благословение земле. Земля, принявшая семя, как и Герд, уклоняется от его объятий. Вестник бога Скирнир тщетно обещает деве золотой плод урожая и сулящее изобилие кольцо. Великанская природа, не оплодотворенная еще божественным духом, мешает деве понять блага, которые сулит ей любовь Фрейра; Скирниру приходится производить впечатление на ее разум угрозами: отказав Фрейру, она на всю вечность останется невестой инеистого великана Хримнира и никогда не познает радости плодоношения. Она покоряется Фрейру, и они соединяются в пору, когда в лесах лопаются почки.

Фрейя обитает в Фолькванге; жилище ее между домами людей, которые она наполняет изобилием. Палаты ее носят название Сессрюмнир, просторно-седалищные. Однако влияние ее может оказаться и пагубным; ибо лихорадочная сила любви сражает не меньшее количество жертв, чем меч бога войны. Колесницу Фрейи везут кошки, символизирующие нежность и страсть. Она постоянно тоскует по Оду, опьяняющему удовольствию любви, и имеет от него дочь Хнос, высшее наслаждение. Фрейя плачет золотыми слезами и носит золотые украшения, ибо она прекрасна и обворожительна даже в горе. Фрейя много путешествует по миру, среди детей человеческих она известна во многих обликах и под разными именами. Разнообразно и ее воздействие на умы: один находит в ней священную радость брака, плодом которого являются многочисленные отпрыски; другой же усматривает только лишенное чистоты чувственное удовольствие.

Если ограничиться повествованиями Эдд и не прибегать к представлениям других народов, природа Фрейра и Фрейи оказывается вполне понятной. В качестве бога года Фрейр властвует над солнечным светом и дождями, без которых не произрастет ни одно семя. На скандинавских и родственных им языках Фрейр и Фрейя означают господин и госпожа. Фрейр, в частности, является повелителем мужчин; и Снорри отмечает, что по имени Фрейи знатные женщины зовутся *freyior (frúr)*, датск. *Fruer*, герм. *Frauen*. Слово *freyr* (женский род *freya*) имеет значение плодоносящий или кроткий, радостный, герм. *froh*. Обе интерпретации восходят к общему корню, присутствующему во многих языках и относящемуся к земному плодородию, веселью, радости и др.; ср. лат. *fruo*, *frumentum*.

Фрейр получил власть над светлыми эльфами в начале времен, то есть в начале года (*i ardögum*). Скирнир (от *skirr*, чистый, ясный) является очистителем, приносящим свежий, чистый воздух. Имя Герд (*Gerdr*) образовано от *gera*, делать, создавать, как в слове *akrgerd*, сельское хозяйство. Поскольку она обитает в палатах Гюмира, это указывает тем самым на слово *gard*, ограда, двор, огороженный участок. В том случае, когда она оказывается соперницей Фригг, это, быть может, указывает на вспаханную плугом землю; однако, когда в *Поездке Скирнира* Герд описывается как прекрасная девушка с ослепительно белыми руками, образ этот, вне сомнения, восходит к семени, ярко-желтому зерну, столь благодетельному для человека. Она принадлежит к великанскому племени, к земле, пока еще мертвой, но прекрасной и плодоносной. Ее сходство с Церерой очевидно: *Geres, quod gerit fruges*²⁰⁷ — лат. «Герера, ибо приносит (gerit) плоды»; старонорв. *gera*, *gerdi*; лат. *gero*, *gessi*, «несу, принес». *Barri* или *Barey* представляет собой лес или остров зародышей или почек, от *bar*, почка, глазок на ветке, крылатое семя. Когда семя обнимает бог плодоношения, оно дает росток; и происходит это с помощью Скирнира. Отец Герд Гюмир символизирует того, кто хранит, копит. Имя ее матери Аурбода указывает

на материал, еще не развившееся земное вещество. Фрейр расстался со своим мечом. Это как будто бы указывает на то, что он утратил свою плодотворящую силу: он передал меч Скирниру, однако в мифе не сказано, сохранил ли тот это оружие, и что с ним в итоге стало. Однако в поединке с Бели оружие ему не нужно. Миф в отношении Бели не полон и потому далек от ясности. Можно, однако, отметить, что интерпретаторы считают его братом Герда, о котором она говорит, что боится, чтобы Скирнир не погубил ее брата. Можно также отметить, что в *Перебранке Локи* Фрейру приписываются двое слуг, Бюггвир и его жена Бейла. Бюггвира Локи называет мелким, наглым созданием, всегда нашептывающим на ухо Фрейру или ноющим у жернова; еще он говорит, что Бюггвир не способен поделить мясо между мужами и что он прячется в соломе, когда бьются мужчины. О Бейле Локи говорит, что она полна зла, что большей уродки и более грязной потаскухи среди асов не было. Профессор Петерсен считает очевидным, что под Бюггвиром подразумевается мельничный остаток, то есть мякина, а Бейла представляет собой навоз, удобряющий землю и способствующий произрастанию помещенного в нее семени. Профессор Ф. Магнусен видит в Бюггвире и его жене два небольших ложных солнца, прислуживающих Фрейру, солнечному божеству. Корабль Фрейра Скидбладнир, по мнению некоторых, принадлежал Одину или в общем всем богам. Фрейр получил его в древние дни (*i ardögum*), то есть в начале года, когда начинается навигация. Его свинья Гуллинбурсти, Золотая Щетинка, вероятно, символизирует собой плодородие земли. С кораблем Фрейра, вне сомнения, связан обычай, прежде бытовавший в некоторых частях Германии, в соответствии с которым в начале весны носили плуг и корабль²⁰⁸, равным образом являющиеся атрибутами Фрейра как бога сельского хозяйства и процветания. Фрейя возглавляет валькирий и подобно им избирает убитых.

ЭГИР И РАН

Подобно тому как Ньерд является ласковым прибрежным морем, Эгир представляет собой бурный, ярящийся, далекий от берегов океан, тем не менее ладящий с асами; это определяет двойную природу Эгира; являясь великаном, он дружелюбно настроен к асам. Итак, в лицах Мимира, Эгира и Ньерда воплощен весь океан, от его начала до края, где он как благодетельное божество соприкасается с асами, то есть с людьми. Эгира и Хлера обыкновенно считают одним божеством. Эгир посещает асов в Асгарде, где Браги открывает ему те из повествований *Эдды Сноффи*, которые носят название *Bragaraedur* или *Речений Браги* (*Язык Поэзии* в пер. О.А. Смирницкой. — *Прим. пер.*). Асы нанесли ему ответный визит, обнаружив, что пивной котел его недостаточно велик, и Тор вместе с Тюрором, как мы уже видели, доставляет более объемистый от великана Хюмира. После смерти Бальдра асы наносят Эгиру новый визит, в ходе которого является Локи и изливает на них свою досаду. Здесь мы узнаем, что у Эгира двое слуг, Фимавенг (*вариант — Фунавенг*) и Элдир; что в палатах его вместо огня сверкает яркое золото, и что сам Эгир обносил гостей пивом. Огнем Эгира или Ран или их дочерей скалды иносказательно называли золото.

Толкование. Весь миф достаточно прост и понятен. Эгир — это разбушевавшийся океан, от *óga*, ужасать, вселять трепет. Имя жены его Ран означает грабеж. На севере принято говорить, что океан кипит и бурлит, что заставляет нас вспоминать котлы Эгира; пенистый напиток носится повсюду, причем в изобилии. Столь же обыкновенно представление об океанских волнах, при самых высоких валах становящихся фосфорес-

цирующими. Мореходы могут многое рассказать о свечении моря, которое приписывается действию насекомых. То есть слуги Эгира являются хорошими истопниками. Имя Элдир производится от *ellda*, воспламенить, а Фимавентг означает быстрый, проворный (*Funafengr*, вероятно, производится от *funi*, огонь). Имена дочерей Эгира, как мы уже отмечали, обозначают волны. С Эгиром связано представление об ужасе; отсюда и принадлежавший Фафниру Эгисхьялмр (*Oegisbiálmr*), вселявший ужас во все живое.

Атрибуты Хеймдалля, если они не связаны с образом бдительного стражника, производятся от радуги. Он относится к ванам, поскольку радуга присутствует в небе. Он одновременно и сын Одина, и сверхчеловек. Его матери, девять великанш, представляют собой жидкое, земляное, и с учетом блеска, металлические начала, образовывавшие по тогдашним представлениям радугу. Здесь существенное значение имеет не количество цветов радуги, которое предполагается равным трем, но их облик. Его зовут золотозубым, в связи с красотой радуги, и Нисходящим (*Hallinskeidi*), благодаря изогнутой форме.

Толкование. Слово *Heimthallr* образовано от *heimr*, мир в смысле земля, и *thallr* или *dallr*, дерево, покрытое побегами и ветвями. Слово это совпадает с *thollr*, длинный шест; имя *Heimthallr* будет поэтому обозначать ось или стержень мира. Неполная радуга, которую северные народы до сих пор называют *Veirstolpe* (*Veirstötte*), буквально *weather-post*; и славянское слово для радуги *duga*, означают, строго говоря, клепку бочонка²⁰⁹. Итак, древние редко видели радугу идеальной формы; однако, иногда она являлась им во всей своей полной красе, подобной широкому мосту, что позволяет понять, почему они называли его Биврёстом, шатким, зыбким путем с земли на небо²¹⁰. Изогнутые очертания позволяли также видеть в радуге рог, один конец которого опирается о Гьёлл (горизонт), а другой о Химинбьёрг (то есть небесные горы), где Хеймдалль поднимал свой Гьяллар-хорн, ибо сказано,

*Рано вверх по Биврёсту
взбежал сын Ульвфун,
могучий горнист Химинбьёрга.*

Число матерей Хеймдалля (9) обозначает не что иное, как его святость. Число дочерей Эгира также было равно девяти. Хеймдалль нисшел к людям под именем Рига²¹¹, и потому все людское племя именуется детьми Хеймдалля. В основе тяжбы между Хеймдаллем и Локи за Брисингамен как будто бы лежит представление о том, что пламя и радуга состязаются между собой в красоте цвета.

Из произведенной нами попытки истолковать мифологию народов Скандинавии следует, что боги их являлись всего лишь образными выражениями стихий природы и свойств человеческой натуры. Все здесь наделено смыслом, и тем не менее нет ничего такого, что лежало бы за пределами опыта наших предков или было бы несовместимо с той манерой, в которой реальность была доступна их восприятию. Небо и земля представляют собой две ведущих идеи, из которых следуют остальные; между ними обеими лежат море и воздух. Гром и радуга представляют собой два наиболее заметных природных явления, привлекавших внимание человечества в первую очередь. Древнего скандинава окружали нагие покрытые снегами горы, перед которыми вставали высокие холмы и беспредельные леса, но жилище его находилось посреди плодородных земель.

Домашнее изобилие и довольство и кровавая война вне дома — такими были его земные желания. Зачем же удивляться тому, что он воображал себя окруженным божественными существами, наделявшими его всей необходимой мудростью? Однако его восприятие мира все же связывалось с его интеллектуальной и нравственной природой. Связь эта являлась настолько тесной, что она кажется нераздельной даже в самом языке, и мы повсюду встречаемся с доказательствами того, что Древность достигала истинных высот духа. Один является владыкой не только всего физического мира, он как король правит и в мире интеллектуальном. Хеймдалль не только воплощает в себе радугу, но в то же время является благодетельным подателем божественной заботы. Тор не просто изображение грома, но и образец силы и отваги. Видар не просто владыка безграничного леса, он также и выражает саму неподкупность. Бальдр не только бог лета, кроме того, он еще и благо, и благочестие. Тюр не просто бог войны, он — бог чести и славы. Фрейр и Фрейя не просто дарователи плодов, они в то же время олицетворяют оплодотворяющую, цветущую и освящающую, беспредельную любовь в груди человека. Даже Локи не только бог огня, он также и исток всего зла и отец лжи. Отсюда возникает и множество имен и эпитетов (всегда имеющих смысл, хотя мы нередко не состоянии понять его), прилагающихся к богам; они описывают их природу и характеры с различных точек зрения. Локи, например, деятельный, острый на язык, хитрый, изобретательный, пронизательный, мошенник, злой; Бальдр — белый (светлый), добрый; Хеймдалль — святой, белый; Тор — большой, сильный, не блистающий острым умом, но добродушный при всей своей силе, и т.д. и т.п. В соответствии с описанием Один старый, почтенный, длиннородый, одноглазый, всемогущий, мудрый, добрый, суровый и свирепый; старонорвежский язык рассказывал обо всех его деяниях и проявлениях на небе и земле куда больше, чем можно теперь извлечь из всех рассказней, написанных на наследовавших ему языках.

ГИБЕЛЬ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ МИРА

Люди, чья мысль возносилась к существам более высоким, чем небо и земля, вполне естественным образом верили в прекращение существования этих небес и неба. Прежде чем появились боги, существовали высшие силы, давшие жизнь своим дыханием всему творению. И силы эти способны уничтожить собственное творение, хотя самая благородная его часть не должна прейти, оставаясь столь же неуничтожимой, как и они сами. К таковой идее приводит само раздумье над сутью природы. Кругообращение в меньшем масштабе повторяется в масштабе крупном; смена светлого дня темной ночью повторяется в смене лета зимой, и оба эти процесса предвещают гибель и возобновление всей природы. Настоящее время или век похоже на все прочие, и потому, как все прочие, должно погибнуть; но как возобновляется год, так придет и новое время. В мифе о гибели Бальдра, завершающемся рождением Вали, идея Рагнарёка настолько очевидна, что оба этих события невозможно представить вне связи друг с другом. Смерть лета предвещает собой гибель богов, начинающуюся с великой и суровой зимы (*fimbul-vetr*). Вся природа возмутится тогда от осенних бурь, начнутся снегопады, ударит мороз, подземный огонь заворочается в своих узах, землю наполнят сражения. Силы тьмы соединятся с наднебесными духами, огонь и вода опустошат весь мир. Сотворенные прежде солнце и луна будут поглощены преследователями-волками. Но возникнет новая земля, появится новое людское племя, новое солнце загорится в небе. О луне в будущем веке

ничего не говорится, потому что ночи больше не будет. Благороднейшие из богов вернутся в своей безукоризненной чистоте и радости. Существовавшая дотоле природа истребится вместе с Одином, однако Видар и Вали останутся в живых, не знающая гибели природа существует и цветет, как и вечно обновляющийся год. Бальдр и Хёд будут жить в мире, прекратится борьба между летом и зимой, светом и тьмой. Тор более не громыхает в небе, однако сила и отвага его осталась в мире вместе с Модри и Магни. Исчезла Фрейя со своими чувственными удовольствиями, но Хенир, вечное восприимчивое начало, продолжает действовать в новом племени людей. Прежде населявшие землю создания теперь обитают на небе. И как прежде, земля вновь и вновь порождает героев, чтобы избранные из них собрались в Валгалле, чтобы продолжить, пока длится век этой земли, лучшие из земных занятий; однако и в здешней жизни есть нечто более высокое, чем сменяющие друг друга мир и война; посему война прекратится после разразившейся в природе великой битвы, и все боги соберутся в Гимли, обители мира и невинности. Над чертогом этим распростерто будет новое небо, с которого благие хранители эльфы будут приглядывать за человечеством, как было и в прежние времена. Даже гномы и великаны перестанут нарушать мир. И Могуущественный снизойдет свыше и сядет на престоле суда; настанет вечное разделение между добрыми и злыми, прежде смешанными друг с другом. Вечная награда будет ждать тогда добрых, вечное мучение выпадет на долю злых. Далее же не презревает ничей взор.

Толкование. Рагнарёк, тьма или сумерки богов (от *regin*, род. п. мн. ч. *ragna*, *лат. deus, potestas*, бог, власть и *röckr*, сумерки, тьма). Волки, которые погонятся за солнцем и луной, конечно же, иносказательно обозначают солнечные затмения. Солнечный волк также толковался как ложное солнце²¹². Орел Эдгир, петух Фьялар и два других петуха не являются персонажами только Рагнарёка, они соответствуют предшествующему состоянию мира. Истолковать их смысл невозможно. Неясно и какие два брата поселятся в Виндхейме: некоторые считают, что это будут Тор и Бальдр. Гимли — это ясное, чистое небо; Видблайн и Андланг означают безграничный эфир; Окольнир — теплоту (дословно нехолод). Доселе холод был участью великанов, но теперь они получают свою долю тепла; на это указывает и имя Бримир (от *brimi*, огонь). Настронд образован от слова *ná*, труп, и потому означает — берег трупов. Слidr (*Slidr*) переводится как медлительный или пагубный; Нидхёгг — змей тьмы или зависти. Представление о том, что вся природа ожидает избавления от существующего положения и возобновления или возвышения ее увядших сил, глубоко впечатано в людской разум; оно известно также Востоку и в различных, но, в сущности, одинаковых формах проявляет себя среди нескольких народов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНЬ О ГРОТТИ

К изложенному необходимо добавить рассказ о также относящейся к области Нордической мифологии прославленной *Песне о Гротти* или *Мельничной Песне*, присутствующей во всех манускриптах *Сэмундовой Эдды* за исключением пергамента, хранящегося в Королевской Библиотеке Копенгагена.

Конунг Фроди (*Fróthi*) посетил шведского конунга Фьолнира и купил там двух рослых и сильных рабынь — Фенью и Менью. В это время в Дании нашли два жернова, настолько больших, что никто не мог сдвинуть их с места. Жернова оказались такими, что могли смолоть все, что только пожелает мелющий. Мельницу эту звали Гротти. Отдал мельницу Фроди некий Хенгикьяптр (отвисшая челюсть). Конунг приставил рабынь к жерновам и приказал им молоть золото, мир и процветание для него, давая им времени для отдыха или сна не дольше, чем между двумя криками кукушки или между началом и концом ее песни. Рассказывают, что тогда они спели песнь, зовущуюся Гроттасавнгр, и прежде, чем их увели от жерновов, намолоти выступившее против Фроди войско; ибо в ту же ночь явился морской конунг по имени Мисинг, убивший Фроди и взявший огромную добычу. Мисинг забрал с собой и мельницу Гротти вместе с Феньей и Меньей и приказал им молоть соль. В полночь они спросили, хватит ли ему соли? Он приказал им продолжать. Едва девы смолоти еще немного, корабль утонул. На месте его остался водоворот в океане, где вода проливается в глазок жернова, а море от намолотой соли сделалось соленым.

Профессор Петерсен²¹³ полагает, что миф повествует о мирном возделывании земли и даруемом им благосостоянии, однако процветание рождает вождение и войну. Эпизод с солью является позднейшей вставкой, ибо в конце песни сказано, что один из жерновов раскололся, пока мололи для Фроди.

ТРИ ВАЖНЫХ ЯЗЫЧЕСКИХ ПРАЗДНИКА²¹⁴

В языческое время ежегодно отмечались три великих праздника, во время которых производились жертвоприношения богам. Первый отмечался в новогодие, что можно заключить из существования «материнской ночи», получившей свое название оттого, что в ней рождался новый год. Месяц, начинавшийся тогда в первое новолуние, носил название Юл (*jule-tungel*), а по совершавшемуся тогда жертвоприношению назывался Тораблот (*Torablot*)²¹⁵. Даже в наше время пора эта носит название Торсманад. Не только в Швеции, но и в Норвегии и Дании конунги и ярлы собирались в торсманад на священные собрания. Богатые землевладельцы готовили к Юлу пиво для друзей и родственников; а бедняки, не имевшие богатых родственников, устраивали в складчину пиры, на которых пили хоп-оль (общее пиво). По сему поводу приносились жертвы богам ради процветания в наступающем году: Одину для успеха в войне и Фрейру ради хорошего урожая. Забивали самых разных животных, однако основной жертвой служила свинья, особым образом посвященная Фрейру, так как считалось, что это животное научило людей вспахивать землю. Раскормленную свинью украшали; существовал обычай давать над священной свиньей обет о свершении великого деяния до следующего праздника Юла (*Yula-môt*). Последующий месяц был посвящен пиршествам, телесным упражнениям и играм, отчего и получил название *skämte-måad* (веселый месяц).

Вторым великим праздником считался праздник середины зимы, отмечавшийся в первое новолуние после месяца Юла в честь Гёа или Гоа (*Göa* или *Goa*). Богиня эта ведала плодородием земли и считалась дочерью Тора. Поэтому во многих местах, услышав гром, люди говорят: Гоа проходит. В ее честь месяц февраль носил название Гойеманад (*Göje-månad*). В более позднее время жертвоприношение это получило название Диса-блот, когда поклонение знаменитой королеве Дисе, память о которой до сих пор сохранилась в преданиях шведов, едва не вытеснило почитание Фригг и Гоа на этом празднике. О королеве Дисе обыкновенно рассказывают следующее.

Когда в далекие языческие времена на Севере правил король Фрейр, а по другим источникам король Сигтруд, после долгого мира население настолько умножилось, что однажды в начале зимы оказалось, что собранный к осени урожай уже съеден. Тогда король созвал весь народ на собрание, чтобы найти средство от беды, и было решено, что всех старых, больных, искалеченных и ленивых надо убить и принести в жертву Одину. Когда один из советников короля, которого звали Сюстин, возвратился к себе домой в Уппланд, дочь его Диса спросила его о том, что произошло; и поскольку была она во всем мудра и справедлива, он обо всем рассказал ей. Услышав это, она сказала, что может дать лучший совет, и удивилась тому, что среди стольких людей нашлось столь немного мудрости. Слова ее в итоге дошли до короля, который был разгневан такой самоуверенностью и заявил, что сумеет положить конец подобному остроумию. Он пообещал вызвать ее на свой совет, но при условии, что она не придет к нему пешком и не приедет на конской спине, ни в телеге, ни под парусом, ни одетой и ни раздетой, ни в году и ни в месяце, ни ночью, ни днем, ни на растущей луне, ни на ущербной. Затруднившаяся с выполнением этого приказа Диса обратилась за советом к богине Фригг и отправилась к королю следующим образом. Она запрягла в сани двоих молодых людей, возле саней приказала вести козу; одной ногой она стояла на сани, а другой на козе, сама же оделась в сеть. Таким образом, она явилась к королю не пешком и не верхом, не на телеге и не под парусом, не одетой и не раздетой. Прибыла она не в текущем году и не в месяце, но за три дня до Юла, в один из дней солнцестояния, которые не считались принадлежащими к году, но были к нему как бы дополнением, а потому не принадлежали ни к одному месяцу. Явилась она не на растущей и не на убывающей луне, но в полнолуние; не днем и не ночью, а в сумерках. Подивившись подобной мудрости, король приказал, чтобы девушку привели к нему, и был настолько восхищен ее беседой, красотой и умом, что сделал своей королевой. Следуя совету Дисы, он разделил народ на две части, одну из которых по жребию снабдил оружием, охотничьими снастями, зерном на один посев и отправил в необитаемые северные края — поселиться там и возделывать землю. Королева эта дала много других мудрых советов, послуживших благу страны; король и народ любили ее и почитали, и столь ценили люди ее мудрость, что на зимнем жертвоприношении много трудных дел выносилось на ее суждение, почему и сам праздник получил имя Диса-блот или Диса-тинг, о чем напоминает теперь великая зимняя ярмарка в Упсале.

Приведенную выше сагу толковали по-разному. В соответствии с мнением некоторых Диса представила королю значение и необходимость сельского хозяйства; сама она, не одетая и не раздетая, символизирует землю ранней весной, когда трава повсюду только начинает пробиваться, но еще не покрывает землю зеленым ковром; ветви еще только покрываются зеленым облачком, лишь предвещающим пышное летнее одеяние. Путешествовать ни в сани, ни в повозке не слишком удобно; но земледельцу надо следить за временами года, за изменениями и влиянием солнца и луны, за погодой, за известными исстари знаками и признаками, ведение которых унаследовано им от предков. Третий великий праздник ежегодно отмечался в начале весны ради процветания и побед на суше и на море, а более всего ради успеха в морских набегах или *vikingafärder*, в которых был теперь готов принять участие почти каждый рожденный свободным мужчиной. На празднике этом в основном призывали Одина.

РЯБИНА, ИЛИ ГОРНЫЙ КЛЕН²¹⁶.

В соответствии с суеверием, восходящим к языческим временам, рябина, или горный клен²¹⁷, обладает великими оккультными достоинствами. Считалось, что сделанный из нее посох предохраняет от чар. В древние времена люди изготавливали из рябины отдельные детали своих кораблей, полагая, что это может защитить их от насланных богиней Ран бурь. Источником суеверия стала услуга, оказанная этим деревом Тору²¹⁸.

О МЕСТАХ ПОКЛОНЕНИЯ²¹⁹

В честь богов во многих местах Скандинавских стран были воздвигнуты просторные и великолепные храмы, возле которых находились группы камней или алтари, использовавшиеся для жертвоприношений. Такой языческий алтарь носил название *borg*, а обслуживавшие его жрецы именовались *borgabrudar*. Возле каждого хорга или храма находилась священная роща или отдельное дерево, на которое вешались жертвоприношения. Считалось, что подобные деревья способны оказывать великую помощь при исцелении болезней. Даже в наше время к некоторым деревьям относятся с суеверным почтением, особенно к липе и тем из деревьев, в которых обнаруживаются «эльфовы отверстия», образованные двумя сросшимися ветвями. Их иногда срубают для использования в продиктованных суеверием целях. Часто сквозь эти отверстия протаскивали рожениц, испытывавших затруднения в родах, отчего иные из них расставались с жизнью; суеверные родственники уносили больных детей в лес, чтобы протащить их сквозь подобное отверстие.

Возле каждой священной рощи располагался ключ или источник, в котором омывали жертвоприношения.

О ВЕДОВСТВЕ И ЧАРОДЕЙСТВЕ²²⁰

Кроме обыкновенных жрецов, скандинавские народы прибегали к помощи мудрых мужчин и женщин или прорицателей. Основными формами колдовства являлись сейд (*seidr*) и галдр (*galdr*); хотя, возможно, существовала и третья разновидность, поскольку пророчицы (*völur*), пророки (*vitkar*) и сейдотворцы (*seid-berendr*) различаются между собой и восходят к различным источникам. Слово «галдр» является производным от *gala*, петь²²¹, и умение это заключалось в произведении сверхъестественного эффекта с помощью особых песен или путем вырезания некоторых рун. Занятие это, возможно, не являлось преступным, поскольку существовала и такая разновидность колдунов, как мейнгалдр (от *mein*, вред и т.п.), прибегавших к услугам злых сил. Гроа пела над камнем, попавшим в лоб Тора, Оддрун — над Боргни, когда последняя никак не могла родить. Особенную разновидность галдров представляли валгалдеры, пробуждавшие мертвецов и заставлявшие их говорить, чтобы узнать из их уст волю судьбы. Такая способность приписывается Одину, который сидел под повешенным и уговорил его заговорить, или спускался в потусторонний мир, разбудил усопшую валу и заставил ее пророчествовать. Нам известно также, что Хардгрепе (*Hardgrepe*) вырезал песни на древе и приказывал положить их под язык трупа, чтобы тот поднялся и заговорил²²². Хильд своей песней пробудила павших воинов Хёгни и Хедина, чтобы те смогли вернуться к битве²²³. В качестве примера таких песен можно вспомнить ту, которой Хервор пробудил Ангантюра, и так называемую молитву Буслы и стих Серпы²²⁴.

Сейд в соответствии с мнением некоторых состоял в разновидности кипячения (от *sioda*, кипятить), хотя в оригинальных источниках нет непосредственного указания на

этот процесс²²⁵. Асы научились этому способу колдовства от Фрейи; он считался недостойным мужчины и практиковался только женщинами: однако мы тем не менее имеем дело с мужчинами-сейдами. Сейд и галдр практиковал и сам Один. Женщина-сейд восседала на высоком престоле с четырьмя столпами. Любые перемены в природе, например гашение огня, умиротворение моря, укрощение ветра, пробуждение усопших, похоже, считались прерогативой галдра, в то время как сейд позволял определить участь человека и проконтролировать будущее; с помощью сейда можно было причинить другим несчастья и болезни, забрать у кого-то силу и разум и передать другому, устроить бурю и т.д. Поскольку сейд считался злым делом, мужчины считали его недостойным себя, и мужчин-сейдов преследовали и сжигали. Женщина-сейд за деньги делала мужчин стойкими к железу.

Наиболее замечательной разновидностью женщин-сейдов были так называемые валы или вэльвы. Мы находим их присутствующими при рождении детей, где они, похоже, замещают норн. Свое знание они получали с помощью сейда, ночью, когда все в доме спят, а утром изрекали свои оракулы; они также получали внезапное озарение из пения определенных песен, без которых колдовство не могло совершиться. Подобные женщины встречаются по всему Северу. Их приглашал глава семьи, и они являлись — одетыми в особого рода облачения, иногда со значительной свитой, например в обществе пятнадцати юношей и пятнадцати девушек. За свои пророчества они получали деньги, золотые кольца и прочие драгоценности. Иногда их приходилось принуждать к пророчеству. Приведенное ниже старинное описание такой валы, переходившей от собрания к собранию, предсказывая судьбу, способно дать наилучшее представление о таких женщинах и их делах.

Торбьерг зимой посещала собрания по приглашению тех, кто желал определить свою судьбу или характер будущего года. К приему ее готовились самым тщательным образом. Поставили высокое сиденье с набитой пером подушкой. Навстречу ей послали человека. Она прибыла вечером, одетая в перевязанное ремешками синее платье, до края подола усеянное камнями; на шее ее было ожерелье из стеклянных бусин, на голове капюшон из шкуры черного ягненка, отороченный белой кошачьей шкуркой; в руке ее был посох, набалдашник которого был сделан из меди и украшен камнями; тело ее охватывал пояс из сухого дерева (*knöske*), с которого свисала сумка с ее колдовским прибором; ноги ее покрывали грубые башмаки из телячьей кожи с длинными шнурками и оловянными пуговицами; на руках ее были перчатки из кошачьей шкурки, сшитые внутри мягким белым мехом. Все почтительно приветствовали ее; сам хозяин подвел ее за руку к сиденью. В первый день она не изрекла никакого пророчества, только провела ночь под кровом. Вечером следующего дня она поднялась на высокое сиденье, приказала женщинам разместиться возле нее и спеть известные песни, что и сделали они чистыми и сильными голосами. Потом она пророчествовала о наступающем годе, после чего все приблизились и стали задавать ей подобающие случаю вопросы, на которые получали ясные ответы²²⁶.

Кроме галдра и сейда, вне сомнения, существовали и другие виды колдовства. В частности, считалось, что финны умеют вызывать бурю и отводить глаза своим врагам, так что камни, которые они бросали на пути, превращались в высокие горы, а снежки разливались реками. Возможно, искусства эти следует считать более древними, чем знание асов. Начальствовавший над датскими кораблями Одде умел без корабля пересечь океан,

заклинаниями навлечь бурю на врагов и так отвести их взгляд, что мечи данов казались им испускающими лучи и сверкающими как огонь. Гудрун настолько зачаровала зрение воинов Ярмерика, что они повернули мечи друг на друга. Прочие, подобно Гунхольм и Хильдигер, умели волшебными песнями притупить края мечей. Колдуны и ведьмы могли подобно Харттреббе принимать различные обличья, делаться большими и маленькими, уродливыми или симпатичными; а также придавать себе вид кита или другого животного, как колдун, которого Харальд Блатанд послал в Исландию, и ведьма, которая, чтобы убить конунга Фроди, превратилась в моржиху, а своих сыновей превратила в моржат. С помощью приготовленных из змей яств любого человека можно было наделить силой, мудростью и успехом на поле брани. Приворотные зелья и зелья забвения использовались, чтобы забыть прежнюю любовь и добиться новой. Тот напиток, который Гримхильда дала Гудрун, состоял из спиртного, ледяной воды и крови; к питью этому были подмешаны различные могущественные (злотворные) компоненты, такие, как сок различных деревьев, желуды, сажа, внутренности убитых и отварная печень свиньи, способствующая уменьшению ненависти. На рог с этим зельем были нанесены руны.

Считалось, что колдуны умеют пользоваться помощью различных животных: так обретение способности понимать птичьи голоса понималось как источник великих открытий. Существенное значение в этом отношении имела ворона, так же обстояло дело и с вороном, о чем свидетельствуют птицы Одина Хугин и Мунин. Кошка также упоминается как особая любимица колдунов. Рассказывают, что у искусного исландского мага Торольфа Скетге было никак не меньше двадцати крупных черных котов, которые при необходимости дружно выступали на защиту своего хозяина и отважно защищали его, доставив немало хлопот восемнадцати мужчинам.

Пример *bamblaup*, или способности принимать различные обличья, нам дает сам Один, который мог изменять свою внешность (*bamr*), и в виде птицы, рыбы или другого животного переноситься в далекие края; о том же свидетельствуют и соколиные оперенья богинь (*valshamr*, *fiatbrhamr*), которые они могли на время предоставлять другим богам, и конечно же лебединые перья валькирий. Аналогичным образом считалось, что люди могут магическими средствами приобретать волчий облик, который можно было оставить только в определенное время. Некоторые верили в то, что надев на голову волшебную шляпу или капюшон (*dularkufl*, *bulidshjalmr*), они могут сделать себя невидимыми или неузнаваемыми для других²²⁷, или с помощью определенных искусств изменить облик окружающей страны. Обо всем этом неоднократно упоминается в сагах. Ведьма Льот собиралась изменить облик страны в чужих глазах, подняв ногу над головой, сделав несколько шагов назад и поглядев между ногами, однако потерпела в этом неудачу, поскольку враждебная сторона заметила ее первой. Сван, желая скрыть другого, окутывала его голову козьей шкурой и говорила: «Да будут туман и страсть и великие чудеса тем, кто будет искать тебя». Человек приобретал *freskr*, то есть способность видеть спрятавшегося колдуна, поглядев в кольцо, образованное упертой в левый бок рукой другого человека. Чрезвычайное воздействие приписывалось даже взгляду, иногда благое, как было со Сванхильдой, когда лошади могли затоптать ее, или с Сигурдом, удерживавшим своим острым взглядом на расстоянии самых свирепых псов; иногда злотворное. Нейтрализовать и то и другое можно было, набросив на голову мешок, благодаря чему колдун терял свою силу. Об одном из них рассказывают, что в мешке оказалась дырка, и колдун своим взглядом погубил целое поле. Отсюда

пошло верование в сглаз. Колдуньи и злые демоны (*uvaettir*), как Хюррокин, ездили на волках, пользуясь в качестве поводов змеями. Подобного рода поездки происходили обыкновенно по ночам, и герои преследовали и убивали порождения мрака. В старинном повествовании о подобного рода погоне сказано, что тролль ехал на посохе; однако о собраниях ведьм и колдунов на горах, — Блакулле в Швеции, Тромсе в Норвегии, Гекле в Исландии, Блоксберге на севере Германии, о которых так много рассказывается в средневековых легендах в наших источниках, мы не найдем никаких сведений: суеверие это возникло с введением христианства или после него.

Особый род колдовства носил название «высиживания» (*útiseti*, от *sitja úti*); при исполнении его сидели ночью и посредством неизвестных ныне магических процедур, чаще всего связанных с «галдером», вызывали троллей или усопших, чтобы расспросить их.

В более сказочных сагах содержатся упоминания о разнообразных суевериях, например о деревянной фигуре, оживленной с помощью «галдера» и посланной в Исландию, чтобы убить Торлейва Ярласкьялда; о вызывании волшебной непогоды с помощью потрясания особым мешком (*vedrbelgr*), из которого вырывалась буря; о веровании в то, что некоторые мужчины каждую девятую ночь становятся женщинами; и что мужчина, положив особую траву под голову женщины, может добиться ее любви; что человека можно заклинаниями приморозить к месту, так что он не сможет с него сдвинуться; что существуют выпряденные эльфами плащи, с помощью которых можно проверить верность женщин и чистоту девиц, и т.п. и т.д. Некоторые из таких верований могли действительно существовать на Севере, хотя многие из них, вне сомнения, являются поздними выдумками.

Чары можно было также наложить и на одежду, — чтобы сделать ее обладателя неуязвимым или чтобы причинить ему раны и смерть. О вожде Торице Собаке рассказывают, что финны сшили для него несколько кафтанов из оленьей шкуры, наложив на нее заклятия, благодаря которым ни одно оружие не могло пробить или прорезать их; в битве при Стикластаде один из этих кафтанов защитил Торира от меча св. Олава, когда король нанес удар в плечо своему врагу. Рассказывают, что Харальд Хаконсон, ярл Оркнеев, погиб, надев зачарованный наряд, изготовленный его собственной матерью и сестрой, которые намеревались использовать этот костюм против сводного брата Харальда, Пал Ярла. Иногда заколдовывали и мечи, чтобы их обладателям была дарована победа в бою, и чтобы нанесенные ими раны исцелялись только после того, как их проглаживали «камнем жизни» (*lifsteinn*). Чтобы такие мечи не теряли своего воздействия, принимались особые меры: например, знаменитый меч Скёвнунг, извлеченный из могильного кургана Хрольва Краки, нельзя было обнажать в присутствии женщин, солнце не должно было освещать его рукоять, чтобы он не утратил некоторой доли своей силы.

Наиболее эффективный и возвышенный способ желания зла другому носил название *nid* (вражда) и заключался в постановке шеста-нит (*nith*) от *reisa nid*. Процесс этот описывался Саксоном, рассказывающим, как шест вражды был воздвигнут против Эйрика Красноречивого: «Голову коня, принесенного в жертву богам, насадили на шест, раскрыв челюсти деревянными палками. Это подтверждают и саги. Когда Эгиль Скаллаgrimссон собрался объявить ниду норвежскому королю Эйрику Кровавая Секира и королеве Гуннхильде в Норвегии, он взял посох из орехового дерева, поднялся на горную вершину, с которой были видны внутренние области страны, и, насадив конскую голову на шест, изрек следующее проклятие: “Здесь воздвигаю я шест вражды, и обращаю свой “нит” про-

тив короля Эйрика и королевы Гуннхильды, поворачивая при этом голову в сторону стражи. Я обращаю свой "нит" также против ландветтиров, обитающих в этой земле, чтобы они скитались, не зная дома или пристанища, пока не изгонят короля Эйрика и королеву Гуннхильду из страны"». После этого он вонзил шест в щель между камнями и вырезал на нем руны с тем же проклятием²²⁸. Точно соответствуют этому законы Ульвлиота²²⁹, согласно которым нельзя было подплывать к берегу, обращая к нему раскрывшее пасть изображение на носу корабля, чтобы не испугать этим ландветтиров, божеств-хранителей земли. Их других повествований нам известно, что на грудь убитого коня ставили вырезанную из дерева человеческую голову. Другую разновидность «нита» совершали с помощью рун, которые должны были каким-либо образом подействовать на врага или его имущество: для этого чародей вырезал руны на дереве, мазал их кровью, произносил над ними галдр, обходил их противосолонь и бросал в море, пожелав, чтобы волны вынесли дощечку туда, где находится предмет его проклятия.

Но как заклятия могли принести другим несчастья и неприятности, так можно было добрыми пожеланиями принести другим удачу и счастье; считалось, что удача отца может распространиться и на жизнь сына, удача щедрых и добрых предков на последующие поколения, а конунг или предводитель способен передать свою удачу другим. Так, об Одине рассказывают, что он благословлял своих людей на битву, возлагая на них руки; об Олаве Трюггвасоне говорят, что он передал свое счастье Хальвреду и прочим; об исландце Хёскульде Далаколссене рассказывают, что перед смертью он передал своему сыну кольцо вместе с удачей своей и родни; а Свенд Твескьяег (*Tveskiaeg*), образовавший торговое общество с Ван-хелдс-Роу, передал своему сыну часть своего благополучия.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ²³⁰ МИФОЛОГИИ

Германцы не получили от предков своей *Эдды*, и ни один из писателей старины не потрудился собрать остатки германского язычества. Ранние немецкие авторы, принадлежавшие к римской школе и оторванные ото всех воспоминаний об отечестве, напротив, старались не сохранить языческие предания, но изгладить сам след своей древней веры²³¹. Поэтому существенная доля древних германских мифов оказалась безвозвратно утраченной, и я обращаюсь к уцелевшим источникам, отчасти представляемым письменными документами, отчасти — никогда не останавливающимся потоком живых преданий и обычаев. Литературные памятники, сколь далеко ни заходили бы они в прошлое, оказываются фрагментарными и неполными, в то время как существующие обряды висят на нити, связывающей их с древностью²³².

Итак, основными источниками сведений о германской мифологии являются:

I. Народные повествования (былины);

II. Суеверия и древние обряды, в которых присутствуют следы языческих мифов, религиозных идей и способов поклонения богам.

Народные повествования подразделяются на три группы:

I. Героические предания (*Heldensagen*);

II. Народные предания (*Volkssagen*);

III. Народные сказки (*Märchen*).

Присущие им общие элементы — прослеживающиеся только в христианские времена, — сохраняют существенную долю языческих воззрений, что подтверждается тем, что многие из персонажей этих преданий, вне сомнения, относятся к области языче-

ства, то есть гномы, водяные и так далее, в которых нет недостатка в любой вере, которая, подобно германской, обладает представлением о личностных богах²³³.

Основными источниками германских героических преданий являются несколько поэм, передававшихся, начиная с восьмого, десятого, но в основном с двенадцатого по пятнадцатое столетие. Поэмы эти основаны, как было достаточно убедительно доказано, на народных песнях, собранных, отредактированных и составленных в единое целое в основном профессиональными певцами. Герои, основные действующие лица повествования, должно быть, некогда были богами или героями, и ушедшие глубокими корнями в народную почву сказания о них дошли до нас сквозь христианские времена в измененной и искаженной форме. Подобное предположение более чем справедливо в отношении великого германского героического предания — повести о Зигфриде и Нибелунгах, поскольку песнь о нем даже в языческие времена была широко известна на Севере²³⁴.

Если в героических преданиях мифологический материал, в частности тот, который составляет основу повествования, часто оказывается замаскированным, в народных преданиях (*Volkssagen*) он нередко проступает более очевидным образом. Последним термином мы называем те повествования, которые в огромном количестве и удивительном согласии между собой распространены по всей Германии и рассказывающие о скалах, горах, озерах и других объектах. Собираательство этих еще хранимых простым людом преданий после произведенного братьями Гримм издания *Deutsche Sagen* достигло значительного прогресса. Конечно, среди подобных повествований многие не затрагивают избранную нами тему; некоторые из них представляют собой неясные исторические воспоминания, другие обязаны своим происхождением этимологическим интерпретациям, даже изваяниям и резьбе, которые народ пытался объяснить на собственный лад; в то время как другие явным образом возникли в христианские времена или являются плодом литературного вымысла. Тем не менее, среди них присутствует значительное количество таких, которые были созданы в древние времена, и германская мифология до сих пор надеется получить некий доход с народных преданий, поскольку те из них, с которыми мы уже знакомы, предлагают изобилие мифологического материала, без которого наши познания в области германского язычества претерпели бы существенный ущерб²³⁵.

Народные сказки (*Volksmärchen*), обыкновенно не знающие ни имен персонажей, ни времени и места действия, содержат, касательно предмета нашего исследования, в основном мифы, вырванные из первоначальной взаимосвязи и представленные в видоизмененной причудливой форме. Живое воображение, соединение первоначально не связанных друг с другом повествований, адаптация к тому времени, в котором они пересказываются и к меняющимся вкусам слушающей молодежи, передача от одного человека к другому настолько маскируют и искажают мифические элементы народных сказок, что истинная сущность их, в отношении, во всяком случае, к мифологии, становится почти неразличимой²³⁶.

Однако народные предания и народные сказки в конце концов в большей своей части являются зависимыми источниками, способными приобрести любую заметную ценность только в сочетании с более достоверными повествованиями. Еще более несамостоятельный источник представляют собой суеверия, до сих пор бытующие среди сельского населения, значительная часть которых, по моему мнению, не имеет никакой связи с

германской мифологией; хотя в последнее время проявилась тенденция считать каждое собрание народных суеверий, представлений и словоупотреблений вкладом в нее²³⁷.

Среди суеверий следует учитывать заговоры или заклинания и произносимые клятвы, часто произносимые при соблюдении особых обрядов и словесных формул для исцеления от болезней или их предотвращения, отчасти сохраняющиеся среди простого народа, отчасти обнаруживаемые в документах²³⁸. По большей части они рифмованы и ритмичны и обыкновенно заканчиваются призыванием Бога Отца, Христа и святых. В начальной части их нередко звучат эпические нотки, а средняя часть отведена словам, способным подействовать на предмет заклинания. То, что многие из таких форм восходят к языческим временам, следует из того обстоятельства, что ими призывают бесспорно языческие по своему характеру сущности²³⁹.

Другим открытым для нас источником являются немецкие манеры и обряды. Поскольку всякий народ стремится соблюдать прежние обычаи даже в том случае, когда предмет их перестает являться понятным, сохранились — или только недавно впали в забвение — многие обычаи, возникновение которых восходит к языческим временам, хотя связь с ними может оказаться либо забытой, либо настолько смешанной с понятиями христианства, что становится едва узнаваемой. Такое наблюдение особенно применимо по отношению к народным развлечениям и шествиям, происходящим в определенное время в различных частях страны. Мероприятия эти, часто совпадающие с христианскими праздниками, не обязательно находятся в связи с ними; по каковой причине многие из них можно считать пережитками языческих обычаев и празднеств. То, что дело действительно обстоит подобным образом, следует из того, что многие из этих праздников, например зажигания огня, во время обращения в христианство находились под запретом как языческие, и также обретаются среди языческого наследия других народов. Однако мы не знаем, с какими из божеств были связаны эти обычаи и в чью честь были учреждены эти праздники. Для некоторых первоначальный предмет удастся установить с некоторой степенью достоверности; однако по большей части он так и остается неизвестным. Следует также отметить, что к германским обрядам примешивались славянские и кельтские²⁴⁰.

По этому поводу Гримм²⁴¹ пишет:

«Иудейская и христианская доктрина начала проникать в языческие верования, языческие фантазии и суеверия, которым приходилось занимать всякое место, не занятое новой верой. Иногда христианские воззрения являются облаченными в языческие одежды, и язычество принимает облик христианства. (Примером этому может служить старинное тюрингское языческое заклинание, приведенное в данной книге выше, в статье о Бальдре. — *Примеч. Б. Торпа.*)

Как богиня Остара (Eastre) преобразовалась в идею времени, так Хеллия (Hel) сделалась воплощением времени. Древние эльфы и великаны преобразились в ангелов и бесов, но старые предания сохранились. Воден, Тор, Тюр сделались злокозненными, дьявольскими созданиями, и традиционные торжественные ежегодные шествия преобразились в сходки буйных фанатиков, от которых люди в ужасе отворачивались, хотя прежде они стремились поучаствовать в них.

Еще более удивительно то, что на Деву Марию были перенесены некоторые благие предания, касающиеся Хольда и Фрувы, норн и валькирий. Насколько восхитительны эти рассказы о Марии, какая другая поэзия способна сравниться с ними! С благими

качествами язычества соединено для нас ощущение высшей святости, окружающей эту женщину. Имя Марии носят цветы и растения, изображения Марии носят в процессиях и помещают на лесных деревьях, в точности так, как это делали язычники; Богородица Мария, прядильница, как добрая дева помогает всякому, кто призывает ее. Однако Мария не одна. И в греческих и в латинских церквях ее окружают сонмы святых, занимающих место богов второго и третьего класса, героев и мудрых жен языческой поры и наполняющих сердце, поскольку они становятся посредниками между человеком и высшим проявлением суровейшего Божества. Среди святых мужского и женского пола также существуют многочисленные деления, и те случаи, в которых они могут помочь, распределены между ними словно обязанности и должности... Героя, победившего дракона, сменили Архангел Михаил и Святой Георгий, языческая гора Сигберг была передана Михаилу; так во Франции из Mons Martis (горы Марса) получилась Mons martium (Гора мучеников или Монмартр). Стоит отметить, что у осетин Марсов день сделался днем Св. Георгия, а день Венеры стал днем Марии. Вместо Одина и Фрейи теперь пьют за св. Иоанна и св. Гертруду.

В то время, когда религию скандинавов даже в том виде, в котором она дошла до нас, можно рассматривать как взаимосвязанное целое, в изолированных фрагментах германской мифологии можно усмотреть всего лишь руины некогда существовавшего здания, для восстановления которого не хватает всего лишь общего плана. Однако таковой план нам в существенной мере может предоставить Нордическая мифология, поскольку многие из германских руин превосходно согласуются с ней. Посему мы можем с уверенностью заключить, что религия германцев, если бы она дошла до нас в той же сохранности, что и скандинавская, в целом подчинялась бы той же самой схеме, и потому нам вполне позволительно воспользоваться последней в качестве единственного способа размещения известных нам изолированных фрагментов²⁴².

Хотя сходство языков и обычаев свидетельствует в пользу тесного родства между германской и скандинавской мифологиями, предположение о совершенной идентичности обеих религий все-таки следует считать абсолютно недопустимым; тем более что единственный оригинальный источник по германскому язычеству, Мерзебургское стихотворение²⁴³, при всем небольшом количестве заключенной в нем информации обнаруживает ряд заметных отличий от северной религиозной системы²⁴⁴.

Естественным образом возникает вопрос о том, каким образом почитание Одина могло распространиться на значительную часть Германии и Нидерландов? Павел Диякон (Paulus Diaconus) (*De Gestis Langobard.* i, 8) сообщает нам о том, что Водана почитали за бога все германские племена. Иона (Jonas) из Боббио ("*Vita St. Columbani*", в *Act. Bened.*, sec. 2, p. 26) упоминает о наполненном пивом сосуде, использовавшемся в качестве жертвоприношения Водану у свевов (аламаннов) на Констанцском озере (Lake of Constance)²⁴⁵. Отсюда можно с достаточной степенью обоснованности заключить, что почитание этого бога было распространено среди племен, которые согласно собственным преданиям и другим историческим заметкам перемещались с севера на юг²⁴⁶. Неясно, считали ли Водана верховным божеством все германские божества, поскольку следов его почитания не сохранилось среди баварцев; к тому же название четвертого дня недели в честь этого бога характерно в основном на севере Германии и отсутствует в верхненемецком диалекте²⁴⁷.

Вот что говорит Снорри о путешествии Одина от Танаиса к месту последнего поселения в Швеции: «Страна к востоку от Танаиса (Танаксвиля) в Азии зовется Асахейм; и главный город (борг) в этой стране звался Асгард. В этой стране жил вождь по имени Один (Водан), и существовало великое место жертвоприношений (*offersted*), и др.²⁴⁸ В то время римские полководцы триумфально шествовали по всему миру, покоряя народ за народом; однако Один, будучи провидцем и обладая магической силой, знал, что его потомство займет северную половину мира. Оставив править в Асгарде своих братьев Вили и Ве, сам он вместе с *diar*²⁴⁹ и большим количеством людей направился на запад в Гардарики²⁵⁰, после чего повернул на юг в Саксленд²⁵¹. У него было много сыновей, и, подчинив себе внушительное по размерам королевство в Саксленде, Один оставил сыновей оборонять страну. После этого он отправился на север и поселился на острове, носящем название Оденсе на Фьоне²⁵². Однако когда Один узнал, что есть хорошие земли к востоку от королевства Гюльви, он отправился туда, и Гюльви заключил с ним договор... Один поселился у озера Малар, в месте, теперь носящем название Сигтуна. Там он построил большой храм.

Почитание Тунаэра или Донара, северного Тора, среди германцев может быть установлено лишь по нижнегерманской формуле отречения²⁵³ и названию пятого дня недели²⁵⁴.

Прямых упоминаний о боге Зио, идентичном скандинавскому Тю (Тюру), нигде не сохранилось, однако его право на присутствие в общем списке богов установлено в соответствии с тем, что ему был посвящен третий день недели²⁵⁵. Имя его, похоже, сохраняется в ряде топонимов на юге Германии.

Бальдр фигурирует в Мерзебургском заклинании под именем Фол (Phol).

Фризский бог Фосити (*Fosite*) по всей видимости соответствует скандинавскому Форсети. О нем сообщается, что в честь его был воздвигнут храм на Гельголанде, прежде называвшемся Фоситесланд. На острове находился источник, из которого можно было набирать воду, лишь пребывая в полном молчании. Никто не мог коснуться также посвященных богу животных, которых разводили на острове, да и ко всему прочему тоже. Св. Вилиброрд однажды весной крестил троих фризов и убил трех животных в пищу себе и своим спутникам, едва не заплатив жизнью за осквернение святыни, за каковое деяние, по мнению язычников, преступника настигала быстрая смерть или безумие²⁵⁶. Как сообщает Адам Бременский, в позднее время пираты считали остров священным²⁵⁷.

Кроме упомянутых выше пяти богов, упоминаются и три богини: Фригг, жена Водана, которую Павел Диакон (i. 8) называет именем *Frea* (Frea)²⁵⁸. В Мерзебургском стихотворении ее зовут Фруа или Фрийя (Frua или Friia), она считается там сестрой Воллы, то есть скандинавской Фуллы. Шестой день недели назван или в ее честь, или по имени скандинавской богини Фрейи²⁵⁹, которую германцы, вероятно, называли Фроува. Третьей является богиня Хлудана, которую Торлациус (*Torlacius*) отождествляет с Хлодун²⁶⁰.

О боге Саксноте нам не известно ничего, кроме имени, упомянутого в недавно процитированной формуле отречения. В генеалогии королей Эссекса Сеакснет (*Seaxneât*) выступает в качестве сына Водена²⁶¹.

Полагаясь на свидетельство древних поэтов, Тацит называет общим предком германских народов возникшего от земли героя или бога Туиско²⁶², у сына которого Манна было трое сыновей, давших свои имена трем племенам: ингевонам, обитавшим ближе всего к океану; герминонам, жившим посредине; и истевонам²⁶³.

Вообще говоря, большей частью наших знаний о германском язычестве мы обязаны нескольким запретам, содержащимся в решениях соборов или объявленных судами. Из

подобных источников наибольшую важность представляет *Indiculus Superstitionum et Paganarium*, находящийся в конце *Капитулярия Карломана* (743РХ), содержащемся в ватиканском манускрипте № 577, где приведен перечень языческих обрядов, запрещенных Лестинским (*Lestines, Liptinae*) собором в диоцезе Камбрай. В манускрипте этому перечислению предшествует уже приведенная формула отречения.

Хотя *Indiculus* часто публиковался, мы помещаем его в своей работе, учитывая всю важность этого источника для германской мифологии.

INDICULUS SUPERSTITIONUM ET PAGANIARUM

i De Sacrilegio ad Sepulchra Mortuorum. ii De Sacrilegio super Defunctos, id est Dadsisas. iii De Spurcalibus in Februario. iv De Casulis, id est Fanis. v De Sacrilegiis per Ecclesias. vi De Sacris Silvarum, quae Nimidas vocant. vii De his quae faciunt super petras. viii De Sacris Mercurii vel Jovis (Wodan or Thor). ix De Sacrificio quod fit alicui Sanctorum, x De Phylacteriis et Ligaturis. xi De Fontibus Sacrificiorum. xii De Incantationibus. xiii De Auguriis vel avium vel equorum, vel bovm stercore, vel sternutatione. xiv De Divinis vel Sortilegis. xv De Igne fricato de ligno, id est nod fyr. xvi De Cerebro Animalium. xvii De Observatione pagana in foco vel in inchoatione rei alicuius. xviii De Incertis Locis, quae colunt pro Sacris. xix De Petendo quod boni vocant Sanctae Mariae. xx De Feriis, quae faciunt Jovi vel Mercurio. xxi De Lunae defectione, quod dicunt Vinceluna. xxii De Tempestatibus et Cornibus et Cocleis. xxiii De Sulcis circa Villas, xxiv De Pagano Cursu, quem Frias (Vrias, Grim) nominant, scissis pannis vel calceis. xxv De eo quod sibi sanctos fingunt quoslibet mortuos. xxvi De Simulacro de conspersa farina, xxvii De Simulacris de pannis factis. xxviii De Simulacro quod per campos portant. xxix De Ligneis Pedibus vel Manibus pagano ritu. xxx De eo quod credunt, quia Feminae lunam commendent, quod possint corda hominum tollere juxta paganos.

МАЛЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СУЕВЕРИЙ И ЯЗЫЧЕСКИХ ПЕРЕЖИТКОВ

1. О святотатстве по отношению к захоронениям мертвых. 2. О святотатстве над усопшими, именуемом Dadsisas. 3. О февральских осквернениях. 4. О кущах, то есть священных местах. 5. О святотатстве в церкви. 6. О священных рощах, которые называют Nimidas. 7. О тех, кто совершает обряды над камнями. 8. О святилищах Меркурия или Юпитера (Водана или Тора). 9. О жертвоприношении кому-либо из святых. 10. Об амулетах и лигатурах. 11. О жертвоприношениях у источников. 12. О заклинаниях. 13. О предсказаниях либо по птицам, либо по лошадям, либо по бычьему навозу, либо по чиханию. 14. О прорицаниях или пророчествах. 15. Об огне, добытом трением из дерева, то есть о том, что именуют pod fyr. 16. О мозгах животных. 17. О языческом почитании очага либо при начинании какого-нибудь дела. 18. О местах, которые неверно почитают за святыню. 19. О прощении того, что относят к милости Святой Марии. 20. О праздниках, которые посвящают Юпитеру либо Меркурию. 21. Об убывании Луны, которое называют Vinceluna. 22. О погоде, о воронах и об улитках. 23. О бороздах, проводимых около поместий. 24. О языческом шествии, именуемом Frias (Vrias у Гримма. — *Примеч. автора*), в рваных лохмотьях или башмаках. 25. О том, как представляют святыми каких-нибудь умерших. 26. Об изображении из окропленной муки. 27. Об изображении, сделанных из лохмотьев. 28. Об изображении, которое возят по полям. 29. О языческом ритуале деревянных ног или рук. 30. О том, что верят, будто женщины препоручены Луне, и это может увлечь сердца людей, как полагают язычники²⁶⁴.

Из германских народных преданий и сказок можно получить достаточно отчетливое представление о природе великанов и гномов, населяющих мир тевтонской фантазии. Как в скандинавских верованиях великаны обитают в горах, так и германская традиция называет местом их жительства горы и пещеры. Целые невысокие горы, песчаные дюны или острова образовались из земли, просыпанной девами-великаншами из фартуков при сооружении плотины или насыпи. Каменные россыпи и разбросанные по стране огромные камни, присутствие которых люди не могли объяснить иначе, также являются остатками их древних построек, или же песчинками, вытряхнутыми из башмаков. На таких камнях нередко обнаруживаются отпечатки их пальцев или же других частей тела. Другие предания рассказывают нам о превращенных в камень великанах, некоторые скалы получили прозвание великаньих дубинок²⁶⁵. Пролившаяся на землю кровь великанов, например Имира, часто служит причиной образования болот и топей.

В Германии также существуют следы представления бурных явлений природы в качестве великанов. Сохранилось предание, в котором Фасолта призывают для предотвращения бури²⁶⁶; в другой призывают властителя бури Мермеута. Великан Фасолт часто фигурирует в средневековой германской поэзии²⁶⁷; он являлся братом Экке, божества потоков и волн²⁶⁸. О Мермеуте нам ничего, кроме самого имени, не известно.

В германских народных сказках дьявол часто заступает место великанов. Подобно им он обитает в скалах²⁶⁹, бросает огромные камни, на которых часто остаются отпечатки его пальцев или других частей тела²⁷⁰, вызывает образование болот и топей или живет на них²⁷¹, вызывает вихри²⁷². В соответствии с общим преданием с дьяволом часто заключаются сделки, согласно которым он должен за короткое время построить церковь, дом, амбар, насыпь, мост и тому подобное; однако завершению сооружения препятствует спасение души, служащей предметом сделки посредством какой-нибудь уловки. Например, заставляют петуха пропеть, потому что, подобно боящимся дневного света великанам и гномам, дьявол также теряет свою силу с рассветом. Перехитренный и обманутый дьявол являет удивительное сходство с великанами, также обладавшими колоссальной силой, но не знавшими, каким образом можно извлечь из нее выгоду, и потому всегда оказывавшимися побежденными в конфликте с богами и героями²⁷³.

В то время как предания и сказки Германии обнаруживают существенную однородность, верованиям в гномов присуще заметное разнообразие; хотя ни одна из прочих ветвей германского народного повествования не обнаруживает подобной смеси с воззрениями соседствовавших с германцами кельтов и славян. Смешение германских и чуждых элементов становится особенно удивительным при сравнении германских и кельтских рассказов об эльфах, между которыми обнаруживается сильное сходство, которое едва ли можно объяснить сходством исходного материала вне зависимости от всякого взаимного общения²⁷⁴.

В соответствии с преданием гномы Германии, как и те, что согласно *Эддам* населяют Скандинавию, обитают в глубинах земли, особенно в скальных пещерах. Там они живут как люди, добывают руды, занимаются кузнечным делом и собирают сокровища. Жизнь их носит миролюбивый и спокойный характер, их называют тихим (добрым) народом, и поскольку живут они потаенно, им приписывают обладание особой (*taġn*) чертовой шапочкой или мантией²⁷⁵ или плащом из тумана, с помощью которого они могут сделать себя невидимыми. По этой же самой причине они особенно активны по ночам²⁷⁶.

В общем, гномы являются персонификацией скрытых созидательных сил, благодаря которым происходят ежегодные перемены в природе. Идея эта естественным обра-

зом возникает при рассмотрении названных в *Эддах* имен гномов и связанных с ними мифов. Имена эти по большей части обозначают или род деятельности, или конкретные природные феномены, такие, как фазы луны, ветер и др.²⁷⁷

Деятельность гномов, которую народное предание символически понимает как кузнечное дело, следует понимать как происходящую на уровне элементов или космоса. В особенности это приложимо к собиранию ими плодов земных недр. Нередко мы обнаруживаем также, что гномы оказывают помощь людям в сельских трудах, в собирании урожая, заготовке сена и так далее, что попросту является искажением представления о том, что своей деятельностью они содействуют росту и созреванию земных плодов. Предание явно ошибочно изображает гномов в подобных случаях вороватыми, крадущими урожай с полей или собирающими для себя провеянное зерно; однако возможно, что подобные повествования означают, что людей, обижающих эти благие создания, ждут неприятности²⁷⁸.

Те же самые элементалы, которые управляют земными плодами, также оказывают свое воздействие на благосостояние живых существ. Широко известно и распространено предание о том, что гномы способны своим дыханием, прикосновением и даже взглядом наслать болезнь и даже смерть на человека и зверя. То, что они способны наводить, они же способны и исцелять. Насылающий мор Аполлон в то же время является богом-целителем. Подобным образом и гномам приписывается знание целительных свойств камней и растений. В народных сказках мы находим их исцеляющими от болезней и смерти; обладая способностью наслать порчу на скот, они часто способны и взять животных под свое покровительство. Считается, что гномы также заботятся о брошенных и лишенных защиты детях, а в героических преданиях они фигурируют в качестве наставников²⁷⁹. В то же самое время не следует отрицать, что предание куда более часто представляет их в противоположном виде, рассказывая о похищении ими детей, вместо которых они оставляют матерям подменышей: «*dickkopfs*» или «*kielkropfs*». Создания эти всегда уродливы, болезненны, невзирая на прожорливость, всегда остаются тощими, и, кроме всего прочего, склонны к проказам и проделкам. Однако подобное представление является всего лишь искажением оригинала, на что указывает то, что когда подменыша забирают, мать всегда находит свое собственное дитя целым, здоровым и улыбающимся, словно бы проснувшимся от глубокого сна. Выходит, ребенку было очень хорошо под опекой гномов, которые сами утверждают, что похищенные ими дети пользуются у них лучшим уходом, чем у собственных родителей. Избавив это верование от мифологической одежды, мы поймем, что гномы вполне обоснованно могли вести исцелением больных и слабых детей²⁸⁰.

Искажением древних верований можно считать и рассказы о том, что женщин часто приглашают быть повитухами у жен гномов; хотя существование подобных преданий может являться свидетельством близкого и дружественного отношения их к человеку. Однако если перевернуть эту историю и предположить, что гномицы присутствуют при рождении человека, мы получим дополнение к эддическому преданию: норны, появляющиеся при рождении детей, принадлежали к племени гномов. Более того, предания совершенно определенным образом объявляют, что гномы заботятся о продолжении и преуспевании человеческих родов. Дары гномов способствуют увеличению рода, за утратой их следует упадок семьи; ибо это свидетельствует об отсутствии надлежащего уважения к этим благодетельным существам, что и заставляет их убрать свою защиту. Гнев гномов, если его пробудить, заканчивается уничтожением племени обидчика²⁸¹.

Мы сделали здесь попытку выделить из многочисленных преданий о гномах те их характеристики, которые предполагают их благородную природу, полагая при этом, что христианство могло в такой же мере очернить эти создания, как и высших богов. В то же время вполне вероятно, что природа гномов даже в языческие времена могла иметь в себе нечто шаловливое и проказливое, что нередко отмечается в преданиях²⁸².

Среди злых выходок гномов особенно заслуживает внимания одна: они заманивают к себе юных девиц и оставляют у себя, тем самым напоминая великанов, которые в соответствии с обеими *Эддами* стремятся завладеть богинями. Если сослужить им службу, гномов можно просить о награде²⁸³, их можно принудить к этому; однако, покорившись, они становятся верными слугами и помогают героям в их соперничестве с великанами, природными врагами которых они как будто являются, хотя иногда выступают с ними в союзе²⁸⁴.

Народное предание описывает гномов как язычников, хотя и наделяет их властью только над некрещеными детьми. Оно позволяет нам понять, что верование это относится к древним временам, когда сообщает, что гномы более не живут там, где жили прежде. Они ушли оттуда, отогнанные звоном церковных колоколов, ненавистным для этих язычников звуком, или же потому, что люди сделались злыми и стали досаждают им, то есть не испытывали того уважения, как в языческие времена. Однако вера в них была безвредной и вполне могла сосуществовать с христианством, что следует из преданий, в которых гномы наделены христианским мироощущением и надеждой на спасение²⁸⁵.

Многочисленные пассажи англосаксонских и древнесаксонских авторов делают более понятным скандинавское восприятие норн. В англо-саксонской поэзии Вирд явным образом занимает место Урд (*Urdr*), старшей из норн, как богини судьбы, посещающей человека, находящегося на пороге смерти; а из *Codex Exoniensis*²⁸⁶ мы узнаем, что влияние норн в определении судьбы человека символически выражается как тканье паутины, в то время когда мойры и парки считаются прядильщицами. В качестве богини смерти персонифицирует Вурт и поэт Хелианда, по словам которого она присутствует при последнем часе жизни человека²⁸⁷.

В Германии мы имеем дело не только с германскими преданиями о мудрых решительницах судеб, присутствующих при рождении ребенка, но и с кельтскими фейри, о которых говорят, что в качестве духов-хранителей они парят над смертными, являясь одновременно в количестве трех, семи или тринадцати. И те и другие приглядывают за новорожденными детьми, предсказывают их судьбу и оделяют их своими дарами, однако среди них обыкновенно оказывается одна злая. Их приглашают в качестве благодетелей, отводят за столом тщательно подготовленное почетное место. Как и норны, они являются прядильщицами²⁸⁸.

Теперь необходимо установить, сохранили ли германцы след веры в валькирий. Англосаксонское слово *waelcyrige* (*waelcyrie*) является эквивалентом *necis arbiter* (лат. «повелитель насильственной смерти»), Беллоны, Алекты, Эриннии, Тисифоны; мн. ч. *waelcyrian* служит эквивалентом слов *парки*, *veneficae* (лат. «чародейки»); англосаксонские поэты пользуются как именами существительными Хильд и Гуд, соответствующими именам двух северных валькирий, *Hildir* и *Gunnr* (ср. *bildr*, *pugna*, лат. «сражение»; *gunnr*, *proelium*, *bellum*, лат. «битва, война»). В первом Мерзебургском заклинании говорится о девицах, или *idisi*, из которых «некоторые надевали колодки, другие оставляли войско, некоторые искали бондов», то есть исполняли функции, имеющие отношение к войне²⁸⁹; а следовательно, их можно считать валькириями²⁹⁰.

Следует также отметить суеверие, в некоторых отношениях сходное с верой в валькирий, хотя в основном содержащее странную смесь бессмысленных, ничем не примечательных историй. Мы имеем в виду веру в ведьм и их ночные собрания.

Вера в магию, в злых волшебников и чародеев, способных с помощью определенных искусств наносить вред своим собратьям²⁹¹ — поднимать бури, губить семя в земле, вызывать заболевания людей и животных, — восходит к глубокой древности. Она присутствует на востоке и среди греков и римлян; она была присуща германцам и славянам во времена их язычества независимо от римлян. В ней нечего искать, кроме того, что находится на поверхности, то есть той низшей ступени религиозного чувства, которая видит в событиях, происшедших от неизвестных причин, действие сверхъестественного, произведенное, возможно, и людьми с помощью заклинаний, трав и даже злого взгляда, и способна существовать одновременно с развитием религии, а потому может сохраняться долгое время после введения христианства, а отчасти и до сего дня. Даже в языческие времена, вне сомнения, существовала вера в то, что владеющие соответствующими искусствами волшебницы в определенное время встречаются в им самим известных местах, чтобы обсудить собственное искусство и способы его применения, чтобы сделать магические отвары из трав, и для прочих злых целей. Волшебник вследствие своих оккультных познаний и превосходства над большинством человеческих существ становился как бы в стороне от них и часто питал враждебные чувства к толпе, а, следовательно, ощущал стремление к контакту с теми, кто разделял подобные познания. Следует, однако, признать, что точек соприкосновения оказывается слишком немного, чтобы оправдать стремление увидеть исток верования германцев в собрания ведьм в старинных языческих праздниках и сборищах. К тому же зачем стараться найти историческую основу для верования, в основе своей коренящегося в нечистом и путаном суеверном страхе, пытающемся отыскать сверхъестественное там, где его не существует? То, что местом таких сборищ часто являлись горы, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что они являлись местом жертвоприношений наших предков, и естественно было приписать собрания ведьм к уже известным местностям²⁹². Равным образом считалось естественным, что ведьмы попадают на место своего сборища, передвигаясь по воздуху каким-нибудь необычным способом — на метле, козле²⁹³, вилах и прочей утвари²⁹⁴.

Коротко коснувшись богов, великанов, гномов и так далее, мы должны рассмотреть теперь ряд подчиненных созданий, связанных с определенными местностями, обитающими в воде, лесах и перелесках, в полях и домах, и часто вступающих в контакт с человеком²⁹⁵.

Общим обозначением демона женского пола являлось слово *tinne*, первоначально, вне сомнения, обозначавшее женщину. Слово это используется для обозначения водяниц и лешахих²⁹⁶.

Для обозначения духов как мужского, так и женского пола использовалось слово *Holde*, чаще всего входящее в составные слова, такие, как *brunnenholden*, *wasserholden* (духи источников и вод). Как таковые *bergholden* или *waldholden* (горные или лесные хольды) отсутствуют, однако гномов величают уменьшительным словом хольдехен (*holdechen*). Исходное значение слова — добрый дух, в то время как злые духи именуются унхольдами (*unholds*)²⁹⁷.

Название Билвиц (записывается как *Bilwiz*, а также *Pilwiz*, *Pilewis*, *Bulwechs*) окутано покровом темноты. Существует также форма женского рода *Bulwechsin*. Она обо-

значает доброе и ласковое существо и может в соответствии с Гримом²⁹⁸ быть передано как *aequum sciens, aequus, bonus* (лат. «знающий благоприятное, благоприятный, добрый»); или кельтским *bilbheith, bilbhith* (от *bil*, добрый, мягкий, и *bheith* или *bhith*, существо). Каждое из толкований свидетельствует о том, что слово это первоначально являлось именем нарицательным, однако связанные с ним предания настолько неясны и различны, что едва ли могут относиться к конкретному виду духов-спрайтов. Билвиц стреляет как эльф, на голове его лохматая, спутанная шевелюра²⁹⁹.

В более позднее время народное верование утратило старинное благородное представление об этом сверхъестественном создании, как случилось в отношении Холлы и Берхты, сохранив память только о враждебной стороне его характера. Поэтому он выступает как дух-мучитель, любитель путать волосы и бороды, обламывать колосья, чаще в женском образе — злой волшебницы или ведьмы. Предание о нем особенно присуще Восточной Германии, Баварии, Франконии, Войгтланду и Силезии. В Войгтланде вера в *bilsen-* или *bilver-schnitters*, или жнецов, сохранилась до сей поры. Это злые люди, самым несправедливым образом досаждающие своим соседям: в полночь они выходят нагими на поле только что созревшего зерна, привязав серп к ноге и повторяя колдовские заклинания. Зерно с той части поля, по которой они прошли своим серпом, само прилетит к ним в амбар. Или они проходят по полям, привязав к ногам крохотные серпы, и срезают соломинки, полагая, что таким образом завладеют половиной того, что дает это поле³⁰⁰.

Следует также упомянуть шрата или *шратца* (*Schrat* or *Schratz*). Из глоссариев древневерхненемецкого языка, переводящих *scratun* как *pilosi*, лат. «волосатые», и *waltschrate* как сатир, следует, что такое имя носил дух леса.

В народных преданиях фигурирует создание, носящее имя Юдель (*Jüdel*), пристающее к детям и домашней живности. Если дети начинают смеяться во сне, ворочаться и открывать глаза, говорят, что Юдель играет с ними. Проникнув в комнату роженицы, он повредит новорожденному ребенку. Чтобы предотвратить это, соломинку из тюфяка женщины вешают над дверью, тогда ни Юдель, ни дух не могут туда войти. Если Юдель никак не оставляет детей в покое, ему необходимо дать какую-нибудь игрушку, способную занять его. Для этого лучше не торгуясь купить новый горшочек; налить в него воды из детской ванночки и поставить на печку. Через несколько дней Юдель выплещет всю воду. Люди также подвешивают на нитке выдутые яйца, содержимое которых было употреблено в пищу ребенку или матери, чтобы Юдель играл с ними, а не с ребенком. Если корова ночью мычит, значит, с ней играет Юдель³⁰¹. Но что представляют собой *Winseln*? Рассказывают, что мертвецов следует класть головой на восток, чтобы их не испугал приходящий с запада *винсельн*³⁰².

Из нескольких разновидностей местных природных духов главными являются духи воды или никсы³⁰³. Внешне они напоминают человека, но несколько меньше ростом. В соответствии с некоторыми преданиями у никса уши с прорезями, кроме того, его можно узнать по ногам, которые он не любит показывать. В соответствии с другими преданиями никс или имеет человеческое тело с рыбьим хвостом, или же полностью схожа с рыбой. Одеваются они как люди, но водяницу всегда можно узнать по мокрому подолу платья или краю фартука. Рассказывают также, что никсы бывают или нагими, или покрытыми водорослями³⁰⁴.

Подобно гномам, водяные очень любят танцевать, их иногда видят танцующими среди волн или же выходящими на сушу, чтобы поплясать в обществе людей. Кроме

того, они любят музыку и пение. Поэтому из глубин озер нередко исходят сладостные завораживающие мелодии, иногда доносится пение никс. Водяным приписывается чрезвычайная мудрость, которая позволяет им предсказывать будущее³⁰⁵. Рассказывают, что водяницы прядут. Подъем или опускание уровня воды некоторых источников и водоемов — конечно же, вызывавшиеся никсами, — позволяли окрестным жителям судить о том, будет ли лето урожайным или наоборот. За оказанием почестей водяным во время засухи следовал дождь³⁰⁶, любое вторжение в их священный домен каралось грозой и бурей³⁰⁷. Они также благотворно воздействуют на увеличение поголовья скота. У водяных есть собственные стада, которые иногда выходят на сушу и смешиваются со стадами людей, даруя им плодородие³⁰⁸.

Предание также утверждает, что влияние этих существ распространяется на жизнь и здоровье людей. Поэтому никсы приходят на помощь роженицам³⁰⁹, в то время как в случае гномов ситуация становится обратной. Присутствие никс на свадьбе дарует процветание невесте; также новорожденные, как утверждают, приходят из прудов и ручьев; хотя в то же время говорится, что никсы крадут детей и заменяют подменными. Существуют также предания о молодильных источниках (*Jungbrunnen*), возвращающих юность старикам³¹⁰.

Утверждают, что водяные скупы и кровожадны. Однако характеристики эти в большей мере относятся к водяным, чем к водяницам, которые обыкновенно держатся мягче и даже вступают во всегда оказывающиеся неудачными браки с людьми. Водяные похищают юных девиц и держат их у себя, а над женщинами стараются учинить насилие.

Водяной не потерпит, чтобы кто-нибудь из праздного интереса силой вломился в его жилище, дабы обследовать его или уменьшить его протяженность. Собранные для акведука камни он непременно разбрасает; тем, кто попытается измерить глубину озера, будет грозить; часто он терпеть не может рыбаков, а отважные пловцы нередко платят жизнями за проявленное нахальство. Если водяному оказать услугу, он заплатит за нее — но не больше, чем с него причитается, хотя иногда и отвешивает щедрой мерой; за свои собственные покупки он может долго торговаться, выжимая какой-нибудь грош, или же умеет расплатиться старой, дырявой монетой. Он жесток даже к своей родне. Девиц-водяниц, задержавшихся на танцах дольше положенного или вторгшихся в его владения, он убивает без пощады: знаком такого деяния является кровавой фонтан, вдруг брызнувший вверх из озера. Многие предания утверждают, что водяной затягивает свои жертвы на дно сетью и убивает их; что дух реки требует ежегодного жертвоприношения, и т.д.³¹¹

Процитированный выше отрывок из Григория Турского явным образом свидетельствует о поклонении водяным духам. Запреты соборов против выполнения любых языческих обрядов у источников и особенным образом запрещающие разжигать там костры, вне сомнения, связаны с водяными. В позднехристианское время отмечены некоторые следы жертвоприношений демонам вод. Даже в настоящее время в Гессене существует обычай на второй день Пасхи отправляться к пещере на Мейснере³¹² и набирать воду из расположенного там источника, оставляя в качестве приношения цветы³¹³. Возле Лувайна (*Louvain*) находятся три источника, котрые считаются целебными. На севере существует обычай бросать в водопады остатки еды³¹⁴.

Сельские духи не могли играть в религии германцев такой роли, как водяные, иначе почитание их оставило бы более заметный след в преданиях. Народное предание Осна-

брюкка рассказывает нам о Тремсемуттер, которая расхаживает по полям и пугает детей. В Брунсвике ее называют Корнвейб (Зерновой женой). Когда детей посылают за васильками, они не осмеливаются заходить глубоко в поле и рассказывают друг другу о Зерновой жене, которая крадет маленьких детей. В Альтмарке и Бранденбурге ее называют Роггенмёхме (*Roggenmöbme*)³¹⁵, и плачущих детей утихомиривают такими словами: «Тихо, ты, а то придет Роггенмёхме с длинными черными сиськами и стащит тебя!» По другим источникам: «...с длинными железными сиськами...» Ее также называют Рокенмёр, потому что, подобно Хольде и Берхте, она любит наказать ленивую девицу, к Крещению не освободившую свою прялку (Rocken) от невыпряденной кудели. Дети, которых она приложила к своей черной груди, быстро умирают. В Марке детей пугают Эрбсенмухм (Erbseumuhme)³¹⁶, чтобы они не объедались горохом на поле. В Нидерландах известна Длинная Женщина, которая ходит по полям и обрывает торчащие колоски. В языческие времена этот сельский или полевой дух, вне сомнения, являлся дружелюбным существом, которому приписывали влияние на рост и вызревание зерна³¹⁷.

В наиболее старых источниках упоминаются духи, населявшие леса, в настоящее время известные как вальдлётте (*Waldleute*, лесной народ), хольцлётте (*Holzleute*, древесный народ), моослётте (*Moosleute*, моховой народ), вильделётте (*Wilde Leute*, дикий народ)³¹⁸. Предание явно отличает лесной народ от гномов, приписывая им более высокий рост, однако могут сообщить об этих духах немного, помимо того, что те дружелюбны к человеку, часто одалживают у людей хлеб и домашнюю утварь, за что расплачиваются³¹⁹, однако теперь они настолько разочарованы порочностью мира, что удалились от него. Предания о них обнаруживают тесное сходство с преданиями о гномах, о лесных женах, кроме того, рассказывают, что они имеют привычку заманивать и красть детей³²⁰.

В Заале рассказывают о Бушгроссмуттер (*Buschgrossmutter*, кустарниковой бабке) и ее моосфройляйн (*Moosfräulein*, девицах-моховицах). Кустарниковая бабка напоминает собой языческое божество, властвующее над лесным народом, поскольку приношения делались именно ей. Лесные жены охотно являются, когда люди пекут хлеб, и просят испечь для них каравай в полжернова, который следует оставить в назначенном месте. Впоследствии они расплачиваются за хлеб или приносят пахарю буханку собственной работы, которую оставляют в борозде или кладут на плуг, и очень сердятся в том случае, если к их хлебу относятся с пренебрежением. Иногда Лесная жена является с поломанной тачкой и просит починить ее. Потом она, как Берхта, расплачивается щепками, которые падают, превращаясь в золото; а вязальщицам они дарят никогда не кончающийся клубок. Если переломить ствол деревца, так, чтобы кора лопнула, Лесная Жена умрет. Крестьянке, которая дала грудь верещащему лесному дитяти, мать младенца дала кусок коры, на котором он лежал. Женщина отломила кусочек коры и положила в свою вязанку, а придя домой, обнаружила, что он превратился в золото³²¹.

Подобно гномам, Лесные жены недовольны нынешним положением дел. Вдобавок к уже упомянутым причинам у них есть и собственные поводы для недовольства. Времена, говорят они, недобрые, поскольку люди считают клецки в горшке и буханки в печи, и потому, что они проминают пальцами хлеб³²² и кладут в него тмин. Отсюда их совет:

С дерева кору не срывай,
снов не пересказывай,

хлеб пальцами не проминай,
тмина в хлеб не клади,
и Господь поможет тебе в нужде.

Лесная жена, отведавшая свежее испеченную буханку, убежала в лес, громко крича:

Они испекли для меня тминный хлеб,
горе будет дому сему!

И процветание крестьянина скоро пошло на ущерб, в итоге он впал в крайнюю бедность³²³.

Крохотные Лесные человечки, работавшие на мельнице, испугавшись, убежали, после того как работники мельника оставили им одежду и башмаки. Похоже, что эти создания опасались того, что, приняв одежду, они нарушат отношения, существующие между ними и людьми. Однако домашние духи руководствуются другими принципами³²⁴.

Теперь перейдем к другой разновидности подчиненных существ, то есть к домашним духам или гоблинам (*Kobolde*). Поскольку относящиеся к этим созданиям предания многочисленны, существуют веские причины заключить, что вера в них в нынешней форме не существовала в языческие времена и что толчок к ее возникновению дали иные идеи. На самом деле в древней мифологии не находится места домашним духам и гоблинам. Тем не менее мы считаем, что, проанализировав народное предание, можно отыскать формы, впоследствии получившие имя кобольдов³²⁵.

Домашние духи имеют явное сходство с гномами. Их одежда и внешность описываются совершенно одинаково; они проявляют любовь к одного рода занятиям, иногда обнаруживают злую природу. Мы уже видели, что гномов интересует процветание семьи, и в этом отношении кобольдов можно отчасти воспринимать как гномов, которые, чтобы удобнее было заботиться о семье, поселились в доме. В Нидерландах гномов называют *Kaboutermannekens*, то есть кобольдами³²⁶.

Домашний дух удовлетворяется минимальной компенсацией за труды, то есть шляпой, красным плащом и пестрым сюртуком со звенящими колокольцами. Шляпу и плащ носят также и гномы³²⁷.

Возможно, существовало верование в то, что усопшие члены семьи после смерти оставались в домах в качестве хранителей и помощников, и в таком случае им оказывалось почитание, подобное тому, которое римляне испытывали к своим ларам. Уже было показано, что в языческие времена усопших чтили и почитали, и особо следует выделить верование в то, что мертвые держатся земного и сочувствуют оставшимся на земле родственникам. Посему домового духа можно сравнить с *lar familiaris* (лат. «семейный гений», лар), который участвует в судьбе семьи. Более того, предание явным образом видело в домовых души мертвых³²⁸, и Белая Дама, активная помощница, домашний дух женского рода, считается прародительницей семьи, в жилище которой она появляется.

Когда домашние духи являются в виде змей, это связано с верой в гениев или духов, сохраняющих жизни отдельных людей. За отсутствием адекватных источников тема эта не поддается удовлетворительному анализу; хотя можно не сомневаться в том, что, если в соответствии с римским представлением гений имел облик змеи³²⁹, согласно верованиям германцев существо это являлось символом души и духов. Посему в народных преданиях

нередко рассказывается о змеях, что схоже с преданиями о домашних духах. Здесь же следует упомянуть предание о том, что в каждом доме живут две змеи, самец и самка, жизнь которых связана с жизнью хозяина и хозяйки. Змеи появляются только при их смерти и умирают вместе с людьми. Другие предания рассказывают о змеях, которые живут вместе с ребенком, за которым они следят с колыбели, с которым едят и пьют. Если убить змею, ребенок скоро заболеет и умрет. В общем, змеи приносят счастье в тот дом, в котором обитают, и для них, так же как для домовых духов, выставляется молоко³³⁰.

Теперь обратимся к внешней стороне поклонения богам языческой Германии.

Основные объекты почитания в соответствии с характером германцев находились под открытым небом, на природе. К ним применимо выражение Тацита: "*lucos ac nemora consecrant*" (лат. «почитают рощи и леса с пастбищами»). Посему неоднократно упоминаются посвященные богам рощи, и языческое поклонение в них запрещается³³¹. В Нижней Саксонии рощи корчевал еще в одиннадцатом столетии епископ Унван (Unwan) Бременский, пытавшийся искоренить идолопоклонство³³². Однако еще более часто места отправления языческого культа, деревья и источники, упоминаются с запретом совершать при них языческие обряды, или же просто обличаются как места языческого поклонения.

Клавдий Клавдиан, Консульство Стилихона (*Cons. Stilich.* i, 290): *Robora numinis instar barbarici* (лат. «Дубы в качестве варварского божества»); Агафий, 28. 4. edit. Bonn., об аламанных: *δένδρα τε γάρ τινα ἱλάσκονται καὶ ρεῖθρα ποταμῶν καὶ λόφους καὶ φάραλλας, καὶ τοῦτας ὡπερ θεῶν δρώντες* (греч. «они ведь умилоствуют некие деревья, и потоки рек, и холмы, и фараллы, и поступают с ними как со святынями»). Григорий Турский (*История франков* II, 10) о франках: *sibi silvarum atque aquarum, avium, bestiarum et aliorum quoque elementorum finxere formas, ipsasque ut deum colere ejusque sacrificia delibare consueti* (лат. «они имеют обыкновение измышлять образы лесов, а также вод, птиц, животных и неких прочих начал, и поклоняться им как богу, принося ему жертвы»). Ср.: Gregor., *M. Epist.*, 7, 5: *ne idolis immolent, nec cultores arborum existant* (лат. «чтобы не жертвовали идолам и не были почитателями деревьев»). Рудольф из Фульды (Pertz, ii, 676) о саксах: *Frondosis arboribus fontibusque venerationem exhibebant* (лат. «Они воздавали почитание деревьям, покрытым зеленью, и источникам»). В *Житиях Святых* особенно часто упоминаются священные деревья. Во первых, посвященный Юпитеру дуб в Гейзмаре возле Фритцлара, который срубил св. Бонифаций: *Wilibaldi, Vita Bonifacii* (Pertz, ii, 313): *Arborem quandam mirae magnitudinis, quae prisco paganorum vocabulo appellatur robur Joves, in loco qui dicitur Gaesmere, servis Dei secum astantibus, succidere tentavit* (лат. «Он попытался срубить дерево некое удивительной величины, которое у древних язычников называется *дубом Юпитера*, в месте, именуемом Гаэсмер, и служители Божии стояли возле него»). "*Vita S. Amandi*" (A.D. 674), Mabillon, *Act. Bened.*, sec. 2, p. 714: *arbores et ligna pro deo colere* (лат. «деревья и бревна почитают за бога»); и p. 718: *ostendit ei locum, in quo praedictum idolum adorare consueverat, scilicet arborem, quae erat daemonei dedicata* (лат. «показал ему место, в котором по обыкновению почитали идола, то есть дерево, которое было посвящено демону»). *Audolmi Rotomag., Vita Eligii*, II, c. 16: *Nullus Christianus ad fana, vel ad petras, vel ad fontes, vel ad arbores, aut ad cellos, vel per trivia luminaria faciat, aut vota reddere praesumat, nec per fontes aut arbores, vel bivios diabolica phylacteria exerceantur; fontes vel arbores, quos sacros vocant, succidite* (лат. «Ни один христианин пусть не зажигает свечки возле святилищ, или у скал, или у источников, или у деревьев, или у келлий, или на перекрестках, а также пусть не наме-

реваются приносить обеты; и у источников либо у деревьев, либо на перепутьях пусть не используются диавольские талисманы; уничтожайте источники или деревья, которые называют священными»). О *кровавом древе* лангобардов, "Vita S. Barbati" (A.D. 683), Act. S.S. 19 Feb. p. 139: Quin etiam non longe a Beneventi moenibus devotissime sacrilegam colebant arborem (лат. «И даже недалеко от стен Беневента самым почтительным образом поклонялись нечестивому дереву»). Ср. в «Законах короля Лиутпранда», Leges Liutpr. vi, 30: Qui ad arborem, quam rustici sanguinum (al. sanctivam, sacrivam) vocant, atque ad fontanas adoraverit (лат. «Кто будет воздавать почитание дереву, которое селяне именуют кровавым (иначе — освященным, священным), а также источникам»). В запретах соборов и законах деревья обыкновенно соседствуют с источниками, или деревья, источники, скалы и перекрестки упоминаются совместно. Conc. Autissiod. a. 586, c. 3: ad arbores sacrivas vel ad fontes vota exsolvere (лат. «приносили обеты у священных деревьев или у источников»). Ср.: Conc. Turon. ii, a. 566, c. 22; *Indic. Superst.*, c. 11; Бурхард Вормсский, *Collect. Decret.*, x, 10 (Conc. Namnet. a. 895, c. 8): arbores daemonibus consecratae, quas vulgus colit et in tanta veneratione habet, ut nec ramum vel surculum audeat amputare (лат. «деревья, посвященные демонам, которые народ почитает и в таком поклонении содержит, что не дерзает отломить ни ветвь, ни сучок»). Ibid., xix, 5 (comp. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. xxxvi): Venisti ad aliquem locum ad orandum nisi ad ecclesiam, i.e. vel ad fontes, vel ad lapides, vel ad bivia, et ibi aut candelam aut faculam pro veneratione loci incendisti, aut panem aut aliquam oblationem illuc detulisti, aut ibi comedisti? (лат. «Не приходил ли ты для моления в какое-либо иное, помимо церкви, место, то есть к источникам, или к камням, или к распутьям и там не возжигал ли свечу или лучину в знак почитания этого места, или не припасил ли туда хлеб либо какую-нибудь облатку и не вкушал ли ее там?»). Ср.: x, 2, 9. *Capitul. de Part. Sax.*, c. 21: Si quis ad fontes, aut arbores, vel lucos votum fecerit, aut aliquid more gentilium obtulerit et ad honorem daemonum comederit (лат. «Если кто-нибудь давал обет у источников, или у деревьев, или в рощах, либо же, по обычаю язычников, что-нибудь приносил и в честь демонов съедал»); *Capit. Aquisgr.*, 1, c. 63: De arboribus, vel petris, vel fontibus, ubi aliqui stulti luminaria accendunt, vel aliquas observationes faciunt (лат. «О деревьях, или о камнях, или об источниках, где некие глупцы возжигают светочи либо совершают какие-нибудь обряды»). Ср.: *Capit. Vrancof.*, a. 794, c. 41. *Capit.*, lib. i, c. 62, vii, 316, 374, *Lex Wisigoth.*, lib. vi, 2, 4. Ecgb. Penit., iv, 19. *Law of Northern Priests*, 54; *Leges Cnuti*, Sec. 5; *Can. Eadgari*, 16. Сложно сохранять уверенность в том, что все относящиеся к Галлии пассажи применимы и к язычеству германцев, поскольку кельты также почитали деревья и источники.

В то же время мы не можем считать, что среди них существовало только некое примитивное поклонение деревьям и источникам и что их религиозным обрядам были чужды представления о божественных или полубожественных существах, которым они поклонялись; поскольку сам характер приведенных выше свидетельств в достаточной мере указывает на то, что до нас дошла только внешняя сторона языческого поклонения, глубинные мотивы которого или не были известны нашим информаторам, или же они не хотели о них знать³³³.

В качестве священных мест жертвоприношения богам чаще всего использовались деревья и источники. Деревья были посвящены богам, праздники которых отмечались под

сенью ветвей или рядом с ними; например, Юпитеру был посвящен дуб, который Бонифаций приказал повалить. Как мы еще увидим, при совершении священных трапез на таких деревьях вешали или принесенных в жертву животных, или их шкуры, откуда и получило свое имя Кровавое Древо лангобардов³³⁴. Аналогичным образом источники, возле которых совершались жертвоприношения, были посвящены тому богу, которому приносились там жертвы; известно, что некоторые источники в Германии носили имена богов и располагались возле их святилищ³³⁵. Насколько нужны были эти источники для совершения священных обрядов и каким образом они использовались, нам неизвестно³³⁶.

Однако почитание деревьев и источников могло на самом деле состоять в поклонении духам, согласно народной вере обитавшим в них. Предание сохранило много рассказов о существах, населявших леса и воды; до сих пор сохранилось много следов подобного поклонения, о чем мы поговорим позднее. Вероятно, однако, что почитание духов, находившихся в подчиненном положении по отношению к богам, не было столь явным и очевидным, чтобы вызывать такое количество запретов против них³³⁷.

Это двойное объяснение равным образом применимо и к третьей разновидности мест поклонения — камням и скалам³³⁸. Согласно народным верованиям в камнях обитали гномы; однако здесь имелись в виду в основном неровные каменные алтари, еще существующие во многих областях Германии³³⁹.

Мы не можем с уверенностью сказать, служили ли упомянутые выше места жертвоприношения также и местами погребения усопших; в пользу такого предположения служат урны с пеплом, которые часто находят в местах, предположительно служивших прежде для отправления языческого культа. Однако могилы, во всяком случае, местами жертвоприношений являлись³⁴⁰. То, что на могилах иногда совершались жертвоприношения душам тех усопших, которые после смерти почитались как высшие и благодетельные существа, можно установить из многочисленных запрещений христианской церкви, возражавшей против *жертвоприношений святым* и против того, чтобы мертвецов наделяли святостью³⁴¹; хотя не все происходившие позднее *sacrificia mortuorum* (лат. «жертвоприношения умершим») и языческие обряды, которые в позднее время производились на похоронах³⁴², могли иметь отношение к усопшим, а скорее имели своим предметом богов. Отсюда можно с уверенностью заключить, что все языческие обряды, производившиеся возле источников, камней и прочих мест, имели тройственную направленность: их объектом были боги, низшие природные духи и усопшие; однако предки наши не почитали эти природные объекты как таковые³⁴³.

Теперь следует установить, почитались ли боги только возле подобных объектов на вольном воздухе, или же в их честь воздвигались и храмы. Отвечая на этот вопрос, мы ограничимся только несколькими общими соображениями³⁴⁴.

В общем, похоже, что храмы существовали даже во время обращения в христианство, однако их было столь же мало, как и при Таците. Вполне возможно, что во внутренних областях Германии их не было вообще, поскольку в противоположном случае до нас наверняка дошло бы упоминание о храме в земле саксов³⁴⁵. Впрочем, не стоит особенно сомневаться, что у фризов храмы были; так как слова *Lex Frisionum*: «*Qui templum effregerit... imoletur diis, quorum templa violavit*» (лат. «Тот, кто разрушит храм... приносится в жертву богам, чьи храмы он осквернил»). Из «Закона фризов»³⁴⁶, исключают любое сомнение в этом. Однако в отношении упомянутых храмов на Рейне или в Галлии (где они известны в большом количестве) трудно сказать, не являются ли

они скорее кельтскими, присвоенными вторгнувшимися франками и бургундами; поскольку в языческие времена на святые места чуждых племен и народов переносилось собственное почитание. В отношении прочих мест упоминания в источниках оказываются настолько неопределенными, что невозможно с уверенностью сказать, идет ли речь о храме или о роще, так как «*fanum arboribus consilium*» (лат. «святыня, засеянная деревьями»), упомянутая у лангобардов³⁴⁷, бесспорно, может оказаться всего лишь рощей. Четвертая глава Индикула (*Indiculus*), «*De casulis, i.e. fanis*» (лат. «О кущах, то есть святынях»), может относиться к небольшим зданиям, в которых могла храниться священная утварь или священные символы³⁴⁸.

Малочисленность храмов у германцев предполагает также малочисленность идолов; ибо языческий храм не был, подобно христианской церкви, местом священнодействия, но являлся первоначально просто укрытием или домом изображения бога. Безусловно, мы не станем полностью отрицать существование подобных кумиров; поскольку известно, что готский король Атанарих (ок. 382 по Р.Х.) приказывал носить возле себя резное изображение³⁴⁹, которое, подобно Нертусу, всюду принималось с молитвами и приношениями. Не следует и одновременно признавать их существование у всех германских народов; и хотя источники неоднократно вспоминают *idola* и *simulacra* (лат. «кумиры и священные изображения») и проявляют великий пыл в обличении язычников, ожидающих помощи от изображений из золота, серебра, камня и дерева; все же слова эти представляют собой всего лишь общие формулы обличения идолопоклонничества и применимы скорее к римскому, чем к германскому язычеству³⁵⁰. На самом деле мы не имеем никакого подлинного или достоверного свидетельства, укзывающего нам на существование идолов в Германии. Ни в одном житии святого не сказано, что этот пастырь уничтожил подобный кумир. Напротив, во всех упомянутых здесь отрывках указывается либо на влияние чуждых верований, либо при близком рассмотрении получается, что в них не упоминаются идолы, или же упоминания эти имеют сомнительный характер³⁵¹.

Три почитавшиеся людьми в качестве богов медных и позолоченных изваяния, которые св. Галл обнаружил в Брегенце, на Констанцском озере, встроенными в стену посвященной Св. Аурелии церкви и уничтожил, вне сомнения были римского происхождения³⁵² — подобно тем каменным изваяниям, которые св. Колумбан (ок. 615 г. по Р.Х.) нашел в Люксеиле (*Luxeuil*), Франш Конте³⁵³. Изваяние Дианы в Треве и изображения Марса и Меркурия на юге Галлии, о которых упоминает Григорий Турский³⁵⁴, подобным образом скорее являются римскими или кельтскими, чем германскими. Даже известный и замечательный в прочих отношениях отрывок из Видукинда (ок. 615 г. по Р.Х.), в соответствии с которым саксы после своей победы над тюрингами на Унструте воздвигли алтарь, чтобы почтить бога «*nomine Martem, effigie columnarum imitantes Herculem, loco Solem, quem Graeci appellant Apollinem*» (лат. «по имени Марс, с изображением колонн в подражание Геркулесу, вместо Солнца, которое греки называют Аполлоном»), не является в наших глазах свидетельством изготовления подлинного идола. Из слов Видукинда не следует ничего большего, чем возведение столпа, аналогичного существовавшему в Эресбурге Ирменсеулю (*Irmenseule*), разрушенному Карлом Великим. В относящихся к нему текстах последний³⁵⁵ иногда называется словом *idolum*, иногда *fanum* (лат. «святыня»), иногда *lucus* (лат. «роща»); однако само слово указывает на то, что Рудольф из Фульды справедливо определил его как «*truncum ligni non parvae magnitudinis in altum erectum*» (лат. «ствол дерева немалых размеров, воз-

двигнутый в высоту»), и что наименование «*universalis columna*» (лат. «вселенская колонна») вполне подходит ему³⁵⁶.

История развития почитания изображений у греков и римлян может пролить дополнительный свет на отечественное язычество. Греческое изображение бога существовало не как его подобие, но только как символ его присутствия, так как древнее благочестие тем менее нуждалось во внешних факторах, чем более глубокой была вера³⁵⁷. Тем не менее внешний знак божества был нужен как предмет, на котором могло проявиться благочестивое поклонение. И как в Элладе и Италии античные образы богов в виде копий и пр. представляли собой просто символы, так и мы имеем право видеть в мечях квадов и золотых змеях лангобардов лишь священные знаки, говорящие о присутствии божества. Далее образы богов у греков приобрели облик грубых камней, каменных столпов и жердей или бревен, поставленных вертикально и воспринимавшихся как изображение бога. И среди германцев такие шесты и бревна, вне сомнения, были доминирующим и тем не менее символическим типом изображения. Ирменсеуль и являлся таким бревном; к такому образу, если так можно назвать простейший столп, и относится приведенная цитата из Ведукинда³⁵⁸.

О том, что молитвы нередко имели стихотворную форму, и о существовании религиозных песен и поэм, свидетельствует тот факт, что лангобарды принесли в жертву одному из своих богов голову козла, сопровождая сие действие обрядами и песнями³⁵⁹. Приведенный отрывок дает нам основание предполагать, что жертвоприношения сопровождалась определенными плясками. Так почему же в это время не могли существовать религиозные песнопения, если в более ранние времена перед сражениями германцы пели песнь в честь Геракла, если Тацит упоминает старинные мифоэпические песни, в которых были запечатлены предания германских племен? Древнейшая поэзия народа обыкновенно самым тесным образом связана с религией, и многочисленные заговоры и заклинания, которые предание донесло до нас из языческой поры, по большей части облачены в ритмические одежды. Поэтому вполне разумным образом можно предположить, что священство в первые века христианства с таким пылом осуждало народные песни, потому что они содержали много остатков язычества, а потому казались опасными для церкви. Осуждение народных песен как *carmina diabolica* (лат. «диавольские песнопения»), утверждение, что они *turpia, inepta, obscœna* (лат. «гнусные, негодные, непристойные»), придавало им дополнительную силу; и капитулярии открыто запрещали песни и пляски как остатки язычества³⁶⁰. На похоронах также пели языческие религиозные песни³⁶¹.

Жертвоприношение, составлявшее основную часть языческого обряда, было нераздельным образом связано с молитвой. Вообще говоря, молитвы совершались только на жертвоприношении. Основной жертвой являлась человеческая, и совершение таковых жертв германскими племенами полностью доказано³⁶². Похоже, что людей приносили в жертву в основном для искупления, и подобные жертвы приносились злым богам или мертвым — чтобы умиловить их³⁶³. Обычай сжигать вместе с трупом слуг и коней следует поэтому понимать как жертву, совершаемую, чтобы умиловить тень усопшего³⁶⁴.

Процитированные свидетельства относительно человеческих жертвоприношений указывают на то, что в это время предпочитали приносить в жертву военнопленных — как и во времена Тацита, — купленных рабов или преступников³⁶⁵. Принесение в жертву

преступника являлось также и наказанием за его злодеяния. Его приносили в жертву тому богу, которого он по общему верованию оскорбил, следовавшая согласно закону казнь его откладывалась до праздника этого божества. Подобное сочетание неразрывной связи между законом и религией проливает особенный свет на смертную казнь среди древних германцев. Особенно сложный характер она носила среди фризов. Этот народ казнил приносимых в жертву преступников самыми разными способами: их обезглавливали мечом, вешали на виселице, удашали или топили³⁶⁶. Более жестокое наказание ожидало тех, кто вламывался в храм бога и грабил его³⁶⁷.

Среди приносившихся в жертву животных особым образом упоминаются кони, быки и козлы. Наиболее значимой жертвой считался конь, что особенно характерно для германских народов. Головы их преимущественно жертвовались богам и развешивались на деревьях или прикреплялись к ним. Шкуры жертвенных животных также вешали на священные деревья. В Скандинавии жертвенное мясо отваривали, а кровью жертвы мазали дверные столбы храмов³⁶⁸.

Индикул (*Indiculus*) (ср. 26) позволяет предположить особенный разряд жертвоприношений. Упомянутое там *simulacrum de conspersa farina* (лат. «изображение из окропленного теста») напоминает выпеченное из теста изображение жертвенного животного, предлагавшееся богам взамен настоящего. Подобный обычай был известен среди греков и римлян, а в Швеции даже в недавние времена было принято в канун Рождества печь пироги в виде свиньи³⁶⁹.

Откат к язычеству было крайне трудно предотвратить, учитывая, что сообщества недавно обращенных требовали для сохранения в истинной вере знающих церковных наставников, каковых было весьма немного: слишком часто священники вели низменную и неблагочестивую жизнь. Во многих случаях нельзя даже утверждать, что они получили рукоположение³⁷⁰. Посему могли возникать случаи, подобные описанному в Житии Св. Галла, когда в часовне, посвященной Св. Аурелии, жертвоприношениями почитались идолы; как нам известно, франки уже после своего обращения в христианство при вторжении в Италию по-прежнему совершали человеческие жертвоприношения. Даже в тех случаях, когда миссионеры считали свое дело надежно исполненным, приближение какого-нибудь из веселых языческих праздников могло в единый момент повлечь за собой возобновление едва оставленного идолопоклонения, священники, обязанностью которых было укрепление в душах христианской веры, позволяли себе произвести жертвоприношение языческим богам, если только одновременно они могли провести таинство крещения³⁷¹. Они обнаруживали склонность к магии и пророчествам³⁷² и были настолько заражены язычеством, что воздвигали кресты на холмах и при великом одобрении народа совершали христианские службы на местах языческих жертвоприношений³⁷³.

Однако священству приходилось терпеть пережитки язычества, чтобы не полностью возмутить общественные порядки. Языческие институты политической природы не могли вызывать больших нападков, как и прочие, утвержденные весомым и благотворным обычаем. Должны были сохраниться языческие обряды, связанные с законодательством, если клирики не стремились изменить и сам закон, заменив его римским правом, которым пользовались сами. Посему судебные собрания сохранили свою связь во времени и месте с языческими жертвоприношениями и празднествами³⁷⁴, невзирая на то, что жертвы, прежде связывавшиеся с таковыми мероприятиями, были полностью прекра-

щены. Подобным образом сохранились и языческие кары, хотя и в христианском обличье. Преступников следовало наказывать, и священство смирялось с сопровождавшими наказание языческими обрядами, ибо преступник был недостойным христианином³⁷⁵. Равным образом бессильны были священники и в отношении языческих обрядов, практиковавшихся на поле сражения. Поэтому вторгшиеся в Италию христиане-франки, как мы уже знаем, совершали человеческие жертвоприношения, хотя в повседневной жизни столь бесчеловечный обряд уже давно вышел у них из употребления. Таким образом, часть язычества нашла себе путь в первые века христианства, или даже задержалась до более позднего времени, так как была освящена обычаем и законом. Там, где новообращенные в своей слепой ревности пытались вторгнуться в общественные отношения, принятие христианства встречалось с множеством трудностей. Учение св. Килиана нашло отклик в душе франкского герцога Гозберта, однако когда святой осудил этого князя за брак с родственницей, ему пришлось заплатить жизнью за собственную самонадеянность. Христианство встретило сильное противодействие среди саксов, поскольку с принятием его была связана потеря старинного народного устройства³⁷⁶.

Поскольку миссионерам приходилось соблюдать осторожность и истребить язычество одним махом они не могла, они часто вынуждены были приспособляться к языческим идеям, стараясь дать им христианский поворот. Можно привести множество примеров подобного приспособления. Например, христианские церкви воздвигались на местах, которые язычники считали священными³⁷⁷, или же там по меньшей мере ставились кресты³⁷⁸, чтобы люди могли научиться видеть в них святыни в христианском смысле этого слова. Из поваленного Бонифацием дерева сделали кафедру, а из золотой змеи лангобардов отлили алтарные сосуды. Христианские праздники умышленно назначались на священные для язычников дни; языческие праздники при отмене некоторых обрядов были превращены в христианские³⁷⁹. Если такие компромиссы, с одной стороны, открывали дорогу христианству, с другой стороны, они затрудняли скорое и полное истребление язычества и приводили к примешиванию языческих идей и обрядов к христианским³⁸⁰.

Этими обстоятельствами можно объяснить то, что язычество так и не было искоренено и что удивительная смесь язычества и христианства существовала не только в первые столетия после крещения, но и многочисленные следы языческих суеверий и обрядов дожили до сего дня среди простого народа. Даже в двенадцатом веке германское священство еще занималось искоренением пережитков язычества³⁸¹.

Миссионеры видели в языческих идолах и оказываемом им поклонении дьявольское заблуждение; они полагали, что таким образом нечистый сумел заставить людей поклоняться себе, и даже верили в то, что бесы обитают в изображениях богов и священных деревьях. То есть они не считали языческие божества несуществовавшими, но приписывали им реальное бытие и в известной мере сами опасались их. Посему старая религия представлялась язычникам как работа дьявола, и от новообращенных требовалось в первую очередь отречение от нечистого и его дел. И так в умах людей естественным образом возникло впечатление, что старые боги представляли собой всего лишь бесов; и если в первые века христианства кто-то усомнился во всемогуществе христианского Бога и возвращался к идолопоклонству, люди видели в таком отступничестве подчинение дьяволу. Этим рождены многочисленные истории о сделках с нечистым, совершая которые следовало отречься от Бога, Христа и Девы Марии, в точности так, как новообращенному христианину надлежало отречься от дьявола. То, что дьявол в таких историях часто замещал

языческого бога, очевидно из того обстоятельства, что приношения ему должны были совершаться на перекрестках дорог, издревле служивших местами жертвоприношения³⁸².

Однако само язычество содержало верования в существа, равным образом враждебные людям и богам, и в то же время обладавшие сверхъестественными силами, отчего помощь их часто оказывалась желательной. Мы еще увидим, как в народных сказках дьявол часто исполняет роль, которая в более подлинной традиции отведена племени великанов, и что он же не столь уж редко исполняет роль благих и благодетельных духов³⁸³.

Не следует удивляться тому, что в народных повествованиях и верованиях Христос и святые часто заменяют персонажи древней мифологии³⁸⁴. Во многих преданиях, где в одном месте действует великан или дьявол, в другой местности рассказывается о Христе, Деве Марии или каком-либо святом. И если прежде пили за *minne* (память, воспоминание, любовь) богов³⁸⁵, теперь чашу поднимали в память или за любовь Христа и святых — за Иоанна Крестителя, Гертруду. И как прежде в заклинаниях и закланиях призывали языческие божества, так после обращения стали призывать Христа и святых. Несколько религиозных обрядов сохранились и сделались в народной вере соединенными с праздниками или христианскими святыми, хотя первоначально прилагались к языческому божеству³⁸⁶. Подобным образом старинные языческие мифы были перенесены на христианских святых³⁸⁷, причем некоторые из них даже в позднейшей форме отдают откровенным язычеством, как, например, представление о том, что душа в первую ночь после отделения от тела является к св. Гертруде. То, что после обращения языческое почитание усопших смешивалось с христианским поклонением святым, мы уже видели из предыдущего изложения; так манера, в которой Кловис почитал св. Мартина, указывает на то, что он видел в нем скорее языческого бога, чем христианского святого. Неудивительно, что недавно обращенный король франков посылает к могиле святого как к оракулу, чтобы узнать о ходе затейливой им войны с визиготами³⁸⁸, и аналогичное превращение языческих прорицаний и метания жребия происходят повсюду³⁸⁹.

Добавим теперь два примера, один из которых продемонстрирует, каким образом одна из упомянутых в Новом Завете персон сумела настолько глубоко проникнуть в народные предания, что заняла место языческой богини, в то время как второй покажет, как языческий обряд через последовательные трансформации мог постепенно приобрести христианский характер.

Буркхард Вормсский³⁹⁰ сравнивает Иродиаду с Дианой. Женщины верили, что в ночные часы совершают с ней долгие путешествия на различных животных, повинувшись как госпоже и что в определенные ночи их призывают послужить ей. По словам епископа Вероны Ратхеруса (ум. 974 по Р.Х.), считалось, что третья часть мира была отдана в ее власть³⁹¹. Автор Рейнарда сообщает нам, что она любила Иоанна Крестителя, однако ее отец, не одобрявший подобной любви, устроил так, чтобы святого обезглавили. Несчастливая девица получила его голову, однако когда она покрывала голову слезами и поцелуями, голова поднялась в воздух и дуновением отбросила девицу, так что с тех пор она так и висит в воздухе. Только глухой ночью, пока не запоет петух, она опускается на дубы и орешины. Единственным утешением для нее является то, что под именем Фарландис ей покорна третья часть мира³⁹².

То, что языческие религиозные обряды постепенно стали основанием для христианских суеверий, станет ясно из нижеследующего. В язычестве римлян и германцев было принято обносить символ божества вокруг полей, чтобы сделать их плодородны-

ми. В более позднее время с такой же целью поля обносили изображением святого или его символом³⁹³. Так в Альбтале в соответствии с народным верованием поля обносили посохом св. Магнуса, чтобы изгнать с них полевых мышей. В области Фрайбурга тот же самый посох использовался для уничтожения гусениц³⁹⁴.

Из упомянутых ранее божеств, похоже, только один Водан уцелел на севере Германии. Из приведенного ниже описания обрядов следует, что его считали богом, в чьей власти было созревание полевых плодов.

В Мекленбурге прежде существовал обычай, заканчивая уборку ржи, оставлять в конце всякого поля узкую полоску несжатого злака; жнецы сплетали колосья вместе и обрызгивали их. Потом они обходили сноп вокруг, снимали шляпы, поднимали косы и трижды призывали Водана следующими стихами:

Wode, hale dyne rosse nu voder, nu distel unde dorn, thom andren jahr beter korn!	<i>Воде, бери зерно для твоего коня, ныне колючки и терн, а на следующий год будет лучше зерно!</i>
---	---

Итак, оставленный сноп для коня бога являлся простой жертвой подателю урожая. В имениях знатных и зажиточных было принято после уборки ржи раздавать *Водель-пибо*. По средам — в день Водана — люди не выходили работать на льяное поле и не сеяли льна, чтобы конь бога, который часто проезжает по полям, не затоптал его³⁹⁵.

С данным обычаем можно сопоставить принятый в Марке. По соседству с прежде существовавшим монастырем Диездорф, во время уборки ржи на каждом поле оставляли стоящим сноп, который назывался *Vergo-dendeel's Struus*. Когда жатва заканчивалась, люди в праздничных нарядах выходили с музыкой на поле, перевязывали этот сноп пестрой лентой, перепрыгивали через него и плясали. Наконец, главный среди жнецов срезал этот пук своей косой и бросал к прочим снопам. Таким образом, обходили все поля и возвращались в деревню, распевая: «*Nun danket alle Gott*» (нем. «Ныне славится всякий Бог»), а потом шли от фермы к ферме, около каждой повторяя жатвенные строки. Праздник урожая носит имя *Vergodendeel*, что, как утверждают, означает *отдых после тяжелой жатвы*, и его следует встречать вместе с жителями соседних деревень. Из нескольких жатвенных песен мы выбрали следующую:

Ich sage einen ärndtekrantz,
es ist aber ein Vergutentheils
krantz.
Dieser krantz ist nicht von
disteln und dornen,
sondern von reinem auserlese-
nem winterkorne,
es sind auch viele ähren darin;
so mannich ahr,
so mannich gut jahr,
so mannich korn
so mannich wispeln auf den
wirth seinen börn (boden)»³⁹⁷

*Я видел жатвенную гирлянду,
но это гирлянда Vergutentheil' я.*

*Гирлянда эта не из репья
и терна,
но из чистой отборной озимой
пшеницы,
в ней так много колосьев;
столько колосьев,
сколько добрых лет,
столько зерен,
сколько виспелей³⁹⁶
в амбаре хозяина.*

Поскольку сходство между обрядами здесь и в Мекленбурге очевидно, «*Vergo-dendeels struus*» можно без всяких колебаний истолковать как *Fro Goden deels struus*, то есть как *strauss*, клок, который *Fro* (Господь) *Воден* получает как свою долю³⁹⁸. Посему аналогичный праздник, справляемый в Нижней Саксонии, на котором поминают *Fru Gaue*, может относиться к Водану. Когда жнецы косят рожь, они оставляют стоять несколько соломин, переплетают их цветами, а после завершения трудов собираются вокруг стоящего пучка, берутся за колосья и кричат:

Fru Gaue, haltet ju fauer,
düt jar up den wagen,
dat andar jar up der kare.

Фру Гауэ, бери свое зерно
этого года на повозку,
следующего года на телегу.

Не вызовет особого удивления то, что за неопределенностью позднего народного предания это обращение³⁹⁹ впоследствии было переадресовано божеству женского рода.

Имена прочих богов изгладились из памяти людей. Быть может, слабые следы прежнего поклонения Донару (Тору) еще сохранялись в обрядах, так в Мекленбурге сельские жители считали, что в день Тора, вторник, нельзя производить ряд работ, например собирать хмель и др.⁴⁰⁰

Из богинь жена Водана, Фригг, еще в относительно недавние времена обитала в народных преданиях Нижней Саксонии под именем Фру Фрекке (*Fru Frecke*)⁴⁰¹, однако в настоящее время как будто вообще позабыта. В округе Дента, Йоркшир, селяне в соответствии с временами года, а особенно осенью устраивают шествия и исполняют старинные пляски, одна из которых называется пляской великанов. Главного великана они зовут Воденом, а его жену Фриггой. Главной особенностью зрелища являются два меча, которыми машут вокруг шеи мальчика и ударяют друг о друга, не причиняя ему вреда⁴⁰².

Однако в народных преданиях Германии еще жива память о нескольких женских божествах, отсутствующих в скандинавской системе. Богини могут дольше задерживаться в людской памяти, поскольку почитание их имело значение для узкого домашнего круга. Однако облик их в результате воздействия времени и христианства настолько деградирует, что теперь они фигурируют скорее в качестве жутких призрачных созданий, чем богинь. Нельзя установить, являются ли правильными сами их имена, или они возникли из имен вторичных или эпитетов, а также не совпадают ли некоторые из них, являющиеся сейчас под различными именами, на что намекает удивительное сходство преданий. Нам остается лишь повторить то, что говорит о них народное предание⁴⁰³.

Фрау Хольда или Холле до сих пор обитает в тюрингских и гессенских преданиях и в повествованиях Марки и Франконии. Имя этой богини толкуется или как добрая (*holde*), или как темная, тайная⁴⁰⁴. Она представлена как существо, ведающее воздушными явлениями, дарующее плодородие земле, властвующее над сельскими работами и прядением. Также выступает она и в качестве связанного с водой божества, поскольку обитает в источниках и прудах и, в частности, в расположенном в Майссене Холлентейхе, получившем свое название от ее имени. Воды ее источника даруют детей, а окунающиеся в них женщины делаются здоровыми и чадородными. Однако она забирает к себе утонувших и в таковом качестве является богиней потустороннего мира, о чем свидетельствует предание, указывающее в качестве места ее пребывания на горы⁴⁰⁵, где, как мы еще увидим, обитают души усопших. Учитывая столь многообразные и важные

функции, в языческие времена Хольда, вне сомнения, представляла собой божество весьма высокого ранга. Другие связанные с нею предания более непонятны и едва поддаются толкованию. Буркхард Вормсский (р. 194а) упоминает о народном предании, согласно которому некоторые женщины в определенную ночь ездили вместе с ней на различных животных, составляя ее свиту, в соответствии с чем она занимает место Дианы и Иродиады, и в Тюрингии до сих пор верят в то, что ведьмы ездят вместе с Холле на Хорсельберг, и что, подобно Водану, она возглавляет Дикую Рать. Рассказывают также, что волосы ее всклокочены и торчат во все стороны.

Богине этой посвящены два праздника, один из которых происходит на двенадцатую после Рождества ночь, когда богиня совершает свою поездку; другой празднуется во время Масленицы, когда она возвращается⁴⁰⁶.

Фрау Берхта особенно сродни верхнегерманским народностям, а также обитателям Австрии, Баварии, Швабии, Эльзаса, Швейцарии и некоторых областей Тюрингии и Франконии. В народном представлении она деградировала в еще большей степени, чем Хольда. Она также является в Святки в виде лохматой женщины, чтобы наказать грешников; в честь ее надлежит есть рыбу и овсяную кашу (*Brei*)⁴⁰⁷, и вся шерсть должна быть спрядена с прялок. Кроме того, она является королевой «Heimchen» (маленьких элементарных духов), которые, увлажняя поля, делают почву плодородной, сама же она вспахивает землю под ее поверхностью, таким образом проявляя свойства богини земли, подательницы плодородия⁴⁰⁸. Тем, кто починит ее колесницу, она дарит щепки, которые оказываются золотом⁴⁰⁹.

Между Берхтой и Холле существует значительное сходство, хотя идентичность их крайне сомнительна, поскольку они принадлежат различным германским народностям. Имя Берхта (*Berchta*, *Berhta*, *Perabta*, *Bettha*) означает *великоленная, сияющая*, что можно сравнить с валлийским существительным *berth*, совершенство, красота, и прилагательным *berth*, прекрасный, богатый. Поскольку богиня эта присутствует только на юге Германии, возможно, что она перешла от кельтов к германским народам. Мы не станем этого утверждать, хотя стоит заметить, что имя ее присутствует также во французской героической традиции. Берта с *большой* или *гусиной ногой* согласно преданию была дочерью Флори и Бланшфлор, женой Пипина и матерью Карла Великого. Во Франции фразой «это было, когда Берта пряла» обозначают давно прошедшее время. Было принято также клясться колесом прялки *reine pedauque*⁴¹⁰.

В германских преданиях именем Берхты зовут ту Белую Даму, которая появляется во многих домах перед смертью члена семьи и, как мы уже видели, считается прародительницей умирающего. Иногда по ночам видят, как она баюкает детей, чем напоминает кельтскую фейри. В других, более распространенных преданиях Белая Дама представляет собой замороженную или заколдованную девицу, которая каждый седьмой год появляется возле некоторой горы или замка, показывает сокровища и дожидается освобождения⁴¹¹. Иногда ее видят причесывающей свои длинные локоны или сушащей лен. Некоторые считают, что, подобно Хулдре, она изуродована хвостом. Дама эта носит белое или наполовину белое, наполовину черное платье; на ногах ее желтые или зеленые туфли. Обыкновенно в руке ее находится связка ключей, иногда цветы или золотая прялка. Это предание явным образом указывает на богиню, властвующую над жизнью и смертью и над домашним хозяйством; хотя искрящийся покров, брошенный на нее народным преданием, не позволяет нам точнее определить ее природу⁴¹².

В предании Альтмарка обитает другая богиня — **Фрау Харке**, о которой рассказывают, что двенадцать святочных ночей она объезжает страну, и если к двенадцатому дню девицы не спрядут весь лен, она царапает их или пачкает колесо прялки. О ней прежде рассказывали много больше. Гобелин Персона (*Gobelinus Persona*) сообщал, что Фрау Хера в Святки летает по воздуху и распространяет изобилие⁴¹³. Поскольку таковое повествование указывает на богиню земли, не существует сомнений в том, что Эрсе (*Erce*)⁴¹⁴, называемая матерью земли в англосаксонском заклинании, использовавшемся для удобрения земли, идентична ей⁴¹⁵.

В народных германских преданиях называются и другие женские имена, однако они окутаны куда большим мраком, чем только что названные. **Верпе**, домом которой является Войгтланд, подобно Фрау Холле, в Рождественский Сочельник инспектирует прядильщиц и, если на прялках остается лен, пачкает его. Подобно Берхте, она вспарывает тела тех, кто не ел овсянку. **Стемпе** топчет тех детей, которые плохо едят в первый день Нового года. Страггеле появляется в Люцерне в среду накануне Рождества и дразнит девиц, если те не спряли дневное задание⁴¹⁶. Ванне Текла (*Wanne Thekla*) в Нидерландах считается королевой эльфов и колдунов. Предание о ней, вероятно, имеет кельтское происхождение, как, наверно, и следующее. Домина Абундия (*Abundia*) или Дама Хабонда (*Habonde*), упоминаемая Гийомом (*Guilielmus*) Альвернусом, епископом Парижа (ум. в 1248 Р.Х.)⁴¹⁷, также фигурирующим в *Романе о Розе*⁴¹⁸, как утверждают, в некоторые ночи в сопровождении других женщин, также именуемых Доминами и одетых в белое⁴¹⁹, посещает дома и отведывает приготовленных для них блюд. Их появление в доме является знаком удачи и преуспевания. В этих облаченных в белые одежды фигурах мы немедленно узнаем кельтских фейри. Имя Хабундия (*Habundia*) никак не связано с латинским *abundantia*, от которого производил его Гийом Альвернус⁴²⁰.

Рядом с Хабундией Гийом Альвернус ставит Сатию (*Satia*), имя которой он производит от *satiety* (лат. «достаточность, изобилие»). Богиня Бенсозия (*Bensozia*), которую консеранский епископ Аугериус (*Augerius episcopus Conseranus*) обвиняет в том, что женщины ездили с ней по ночам, как и с Иродиадой, Дианой и Хольдой, может быть идентична с Сатией, и имя последней может являться сокращением от Бенсозии⁴²¹.

Таковы основные остатки представлений о языческих божествах, сохранившиеся в христианское время. Кроме них, мы находим только следы живого восприятия природы, характерного для германцев с самых отдаленных времен. Солнце и Луна всегда воспринимались как отдельные сущности, к ним обращались со словами Фрау и Херр (*Domina* и *Dominus*, лат. «госпожа и господин»)⁴²² и поклонялись с коленопреклонением⁴²³. С некоторыми животными, такими, как кошки, было связано представление о призрачном и магическом мире; другие, например кукушки, были наделены даром пророчества, третьи, змеи, влияли на счастье людей или считались священными и неприкосновенными. Деревья также, даже в самое позднее время, считались одушевленными созданиями, по каковой причине к ним обращались со словом Фрау или же считалось, что в них обитало особое создание, которому надлежало оказывать почтение⁴²⁴.

В отношении процессий и праздников, претендующих на языческое происхождение, мы можем ограничиться только кратким упоминанием.

Если в соответствии с Тацитом изваяние богини Нертус в повозке провозили в праздничной процессии по нескольким регионам, то в христианские времена, особенно весной, мы встречаемся с обрядами, основной чертой которых было шествие или

процессия. Такие праздничные процессии проходят через город, деревню или через несколько местностей, или вокруг полей общины, или около межи или границы. В подобных случаях часто носили с собой некоторый символ, либо изображение животного, имеющего отношение к какому-нибудь божеству, или какой-нибудь предмет. Здесь можно вспомнить шествие, проведенное в 1133 году полностью в языческом духе, не взирая на жесткое противостояние священства. В лесу возле Инды⁴²⁵ соорудили корабль и поставили его на колеса; впряженные в судно ткачи протащили его через Экля-Шапель, Маастрихт, Тонгре (Tongres), Луз (Looz) и другие земли, где все встречали его с великой радостью, и шествие сопровождали толпы с песнями и плясками. Празднество продлилось двенадцать дней. Тот, кто касался судна, за исключением влекущих корабль ткачей, каковое дело считалось у них позорным, должен был принести обет или искупить себя другим способом⁴²⁶. Этот обычай сохранился в Германии до существенно более позднего времени, о чем свидетельствует протокол городского совета Ульма, датированный кануном праздника Св. Николая, 1330, запрещающий шествия с плугом или кораблем. Отмеченная Тацитом связь между упомянутым обычаем и поклонением Исиде, символом которой являлся корабль, кажется в высшей степени вероятной; во всяком случае, шествие было связано с богиней, так как, следуя оригинальному повествованию, женщины принимали в нем участие с вакханальной распущенностью⁴²⁷.

Сохранились упоминания о шествии с плугом во время Масленицы в других областях Германии, а именно на Рейне, в Верхней Саксонии и Франконии, с достойным внимания дополнением, что молодых незамужних женщин или сажали на плуг, или заставляли тащить его⁴²⁸.

Другая процессия, происходившая под названием изгнание Смерти (зимы), прежде происходила около Преполовения Великого поста, обыкновенно в воскресенье четвертой, а иногда и третьей недели, во Франконии и Тюрингии, а также в Майссене, Войгтланде, Лузатии и Силезии.

Дети с песнями носили по селению сделанную из соломы или дерева фигуру или куклу, в коробке или на шесте, а потом сжигали ее или топили в воде. Вместо этой фигуры назад в селение приносили елку. Если на пути шествия попадалась домашняя скотина, ее били палками, полагая, что таким образом сделают производительной⁴²⁹.

В других местах начало прекрасного времени года представлялось как вход в землю благодетельного божества. В Тюрингии на третий день Троицыной недели молодого крестьянина, называвшегося *зеленым человеком* или *латуковым королем*, в лесу прятали в зеленые ветви, сажали на коня и посреди общего ликования провожали в деревню, где собиралось все ее население. Шульце (старшина или мэр) должен был тогда с трех раз догадаться, кто именно укрыт под ветвями. Не угадав, он должен был выставить изрядное количество пива — которое выставлял и в противоположном случае. К тому же классу относится шествие Майского Графа, (также Майского Короля или Короля Цветов), которое прежде проводилось с великим ликованием обыкновенно первого мая, не только в Нижней Германии, но и в Дании и Швеции. В сопровождении изрядной толпы украшенный венками и цветами Майский Граф торжественно проходил через несколько районов, где его встречали юные девицы, плясавшие вокруг него; одну из них он называл Майской Королевой⁴³⁰).

Мы завершим этот набросок коротким описанием некоторых других языческих обычаев.

По всей Германии принято жечь костры в некоторые дни, то есть на Пасху и Иванов день (День Середины лета), реже огни зажигают на Рождество и Михайлов день. В Нижней Германии чаще жгут костры на Пасху, обыкновенно на холмах; в то время как на юге Германии костры чаще всего зажигают на Иванов день, прежде это делали на рыночной площади или перед городскими воротами. Связанные с этими кострами обряды все более и более покрываются забвением. В прежнее время все, молодые и старые, знатные и беднота, относились к ним как к великому празднику. Предмет этих обрядов имел, вне сомнения, аграрный характер, поскольку и сейчас считается, что земля будет плодородна там, куда достигают лучи пасхального костра, и зерно уродится в изобилии. Костры эти в соответствии с прежними верованиями способствуют сохранению жизни и здоровья тех, кто вступает в контакт с пламенем. Поэтому люди плясали возле Купальских костров или прыгали через них и прогоняли своих домашних животных. Угли и пепел Пасхального костра старательно собирали и хранили в качестве лекарства для скота. Аналогичным образом было принято прогонять больных животных через особые костры, звавшиеся *потребными* (*Nothfeuer*), которые при соблюдении специальных обрядов разводили с помощью добытого трением огня⁴³¹; в связи с этим костры Иванова дня следует считать потребными кострами, зажигаемыми в определенную пору. Огонь является священным, очищающим и благотворным элементом, уносящим всякое несовершенство⁴³².

Аналогичной спасительной силой в соответствии с бытующими до сих пор народными верованиями обладает вода, особенно если ее набрали в безмолвии в определенную праздничную ночь, например купальскую или Рождественскую, из известных источников, прежде посвященных какому-нибудь божеству. Умывшийся такой водой будет здоровым и красивым весь год⁴³³.

Необходимо сказать несколько слов о смерти и бытии душ после нее. Пережитки языческих верований проступают то тут, то там даже в христианском представлении об аде. К ним можно отнести представление о том, что дьявол обитает на севере⁴³⁴; скандинавы также располагали свой потусторонний мир на севере. В соответствии с некоторыми преданиями к воротам ада ведут длинные подземные коридоры; в самой середине ада находится связанный дьявол, подобный скованному в нижнем мире Утгардалоки (*Utgarthilocus*)⁴³⁵. В соответствии с другим преданием император Карл, которого относил в ад ангел, миновал на своем пути много долин, полных огненных потоков, что соответствует скандинавскому представлению о том, что путь к Хель пролегает по глубоким долинам, посреди которых течет поток Хвергельмир. Народные сказки также рассказывают о том, как надлежит перебираться через воду, прежде чем очутиться в аду⁴³⁶. Судя по всему, согласно народным верованиям скандинавы предполагали, что души усопших обитают внутри гор. Мысль эта часто обнаруживается в Исландских сагах и, должно быть, имела прежде широкое распространение, поскольку сохранилась до сего дня даже в Германии. Некоторые горы Германии считаются обителью проклятых душ. Одной из таких гор является Хорсельберг возле Эйзенаха, где находится обитель Фрау Холле; другая — сказочная Венусберг, в которой гостит Тангейзер и перед которой сидит верный страж Экхальт⁴³⁷. Рассказывают, что герои прежних времен были унесены еще в несколько гор. Так император Фридрих Барбаросса сидит в Кифгайзере за каменным столом; борода его охватывает стол двумя кольцами; пробудится⁴³⁸ он, когда колец станет три. Император Карл сидит в Оденберге или Унтерберге⁴³⁹, безымянный

6 – 8534 Торп

император находится и в горе Гуккенберг, что возле Франкишегемиунден⁴⁴⁰. Почти все описания посмертного отдыха душ сходятся в том, что потусторонний мир мыслится расположенным в недрах земли, то есть внутри гор или на дне вод, и что представляет он собой обширное место, в котором усопших принимает некоторое божественное по природе создание. В то же самое время существовало также верование в то, что усопшие каким-то образом продолжают жить в своих могилах, что они могут быть довольными и печальными, и слышат голоса позвавших их — к чему мы еще вернемся, — что находится в полном противоречии с прочими представлениями; однако, во-первых, язычество легко примирялось с подобными противоречиями, и во-вторых, глубина могилы связывала с потусторонним миром, расположенным в недрах земли. Таким образом, с одной стороны, считалось, что усопшие сохраняют телесный облик таким, как он был на земле, утратив, впрочем, свежесть жизни, с другой стороны, нет недостатка в отрывках, согласно которым отделившейся от тела душе приписывается особая форма⁴⁴¹.

Так же как горы, согласно языческим народным верованиям, являлись местами посмертного отдыха, подобным образом считалось, что глубины водоемов являются обителью отошедших душ. Однако верование это особым образом касалось душ утопленников, являвшихся в обитель Никсы или морской богини Ран. В то же самое время глубины вод воспринимались вообще как иной мир. По этой причине те из покойников, кого согласно народным преданиям унесли в горы, также предположительно обитают в источниках и водоемах⁴⁴²; по всей Германии рассказывают об ушедших под воду городах и замках, которые иногда можно увидеть на дне, что, вероятно, связано с этой идеей. Стоит обратить особенное внимание на то, что под водой якобы находятся прекрасные сады⁴⁴³. Еще более широко распространено предание о находящихся на дне зеленых лугах, служащих местом пребывания душ⁴⁴⁴. В старинном германском сказании говорится, что на эти луга нет входа самоубийцам⁴⁴⁵, согласно чему они обитают в особенной части потустороннего мира⁴⁴⁶.

Считалось, что душа имеет облик птицы. Даже в *Сэмундовой Эдде* сказано, что в потустороннем мире летают опаленные птицы, некогда являвшиеся душами⁴⁴⁷, то же самое представление нередко проявляется и в народных сказках. Дух убитой матери приплывает в утином обличье, или душа сидит на могиле в виде птицы; убитый младший брат скачет мелкой пичужкой, брошенная в воду девушка поднимается в воздух белой уткой⁴⁴⁸. Частые превращения в лебедей, голубей и воронов⁴⁴⁹ восходят к тому же самому представлению: души эти принадлежат убитым, каковое народная сказка смягчает, заменяя смерть превращением. С этим верованием следует связать суеверное правило, согласно которому после смерти человека следует отворить окна в доме, чтобы душа могла вылететь на свободу⁴⁵⁰.

Из народных преданий мы также узнаем, что душа имеет облик змеи. Говорят, что змея выползает из уст спящего человека и удаляется от него; то, что видит она или то, что случается с ней на пути, спящий видит во сне⁴⁵¹. Если помешать ей вернуться, человек умрет. В соответствии с другими преданиями душа могла иметь облик цветка — лилии или белой розы⁴⁵².

Представления эти можно считать пережитками верования в переселение душ, в соответствии с которым душа после отделения от тела переходит в животное или даже в неодушевленный объект. Более символичным является верование в то, что душа предстает в виде света. Отсюда идет представление о том, что *ignes fatui* (блуждающие огни), появляющиеся по ночам над болотами, являются душами усопших. Тот, кто во время жизни обманом представлял межи, должен после смерти скитаться в виде болотного огонька или пламени⁴⁵³.

В соответствии с хорошо известным народным преданием под землей существует пещера, где горит неисчислимое множество огней: эти свечи воплощают в себе жизнь смертного люда. Когда эта свеча догорает, жизнь связанного с ней человека заканчивается, и он предается в руки Смерти⁴⁵⁴.

Но как души усопших оказываются в определенном им обиталище? Германское предание утверждает, что души людей после смерти принимают гномы. В средневерхненемецких стихотворениях, а также в народных верованиях Смерть предстает в качестве существа, наделенного различными именами, в назначенный час приходящего к человеку, уводящего его за руку на ровную дорогу, пляшущего с ним⁴⁵⁵, сажающего на своего коня, забирающего в свою свиту, приглашающего в свою обитель, сковывающего цепями, или — вероятно, в соответствии с более поздним представлением, — сражающегося с ним и умерщвляющего копьем, дротиком, мечом или косой⁴⁵⁶.

В некоторых областях Германии существует обыкновение помещать монетку в рот трупа⁴⁵⁷, или для того, чтобы усопший мог купить разрешение на вход, или чтобы оплатить расходы на проезд⁴⁵⁸.

Поскольку усопшие в ином мире продолжают прежнюю жизнь⁴⁵⁹, естественным образом оказывается, что они не полностью отстранены от земной жизни. Им не дается напиток забвения, и воспоминания о земных свершениях не оставляют их. Посему они охотно видят места, часто посещавшиеся ими на земле; однако проявляют особое беспокойство, если что-то привязывает их к земле. Закопанное сокровище не даст им покоя, пока его не найдут⁴⁶⁰; незаконченная работа, невыполненное обещание не дают им покоя в верхнем мире⁴⁶¹.

Аналогичным образом усопшие сохраняют привязанность к друзьям и родным. Отсюда верование в то, что они возвращаются в их дома и принимают участие в судьбе близких⁴⁶². Так мать возвращается в верхний мир, чтобы позаботиться об оставленных детях⁴⁶³, дети также обретают помощь на могилах родителей, которые в качестве высших сил исполняют их желания⁴⁶⁴. Убитые воины также встают, чтобы помочь своим товарищам победить⁴⁶⁵. Покой мертвых возмущает также излишняя скорбь и пролитые по ним слезы. Каждая слеза попадает к ним в гроб и мучает их; в таком случае они могут подняться из гроба, чтобы попросить перестать оплакивать их⁴⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я пользуюсь термином *миф* скорее в значении легенда или сказка, чем в том, который в настоящее время чаще соединяется с этим словом, то есть предполагающим в каждом божестве персонификацию сил природы, каковая теория предполагает существование у ранних поселенцев Севера степени развития ментальной культуры, полностью несопоставимой со всем тем, что нам известно о них. Поскольку мои ранее сказанные по подобному случаю собственные слова равным образом применимы здесь, я осмелюсь повторить их: «В этих скудных преданиях, по моему твердому убеждению, существуют слабые следы личностей, некогда существовавших, и действий, некогда произведенных; однако то, что они требуют общую мифологическую интерпретацию для меня более чем сомнительно» (Лаппенберг, *Англия*, I, стр. 98). Более вероятным кажется мнение преп. А. Фейе (Faue), которого он тем не менее как будто бы не при-

держивается (см. введение к т. ii, стр. xii), противоречащее вышеупомянутой теории, а именно «что отсутствие знакомства с природой и ее силами, соединенное с природным желанием найти причину и объяснить различные природные феномены, которые ежедневно и ежечасно привлекают внимание человечества, заставило их искать причины этих явлений в силах существ, якобы создавших их:

Подобно «бедному Индийцу, чей непросвещенный разум

Зрит Бога в облаках и слышит в ветре».

«... Эти феномены были слишком многочисленны и разнообразны, чтобы их можно было приписать единственному созданию, и потому были выдуманы многочисленные сверхъестественные создания, чье опасное влияние и пагубный гнев следовало отвратить жертвоприношениями и другими способами».

² «*Asalaere*» составляет только часть его труда *Danmarks Historie i Hedenhold*, 3 тома in octavo.

³ N. M. Petersen, *Nordisk Mythologi*, Forlaesninger, Köbenhavn, 1849, octavo.

⁴ R. Keyser, *Noldmaendenes Religionsforfatning i Hedendommen*, Christiania, 1847, 12mo.

⁵ См. Эпизод о посещении Тором Утгарда-Локи и стараниях Локи рассмешить Скади.

⁶ См. Andreas Faye, *Norske Folke-Sagn*, Christianna, 1844; J. M. Thiele, *Danske Folkesagn*, Copenhagen. 1818—1823; A. A. Afzelius, *Svenska Folkets Sago-Häfder*, 1844; Jacob and Wilhelm Grimm, *Kinder- und Hausmärchen*, 1812—1815, далее упоминаемые как K. and H. M., Wolf's *Niederländische Sagen*, Leipzig, 1843; the *Pentamerone* of Basli, и т.д.

⁷ Некоторые из народных германских суеверий, возможно, восходят к греческим и римским писателям: например, *Bilsen-schnitters* присутствуют у Апулея, вероятно, то же самое можно сказать и о ряде других. Отсюда как будто бы следует, что они не относятся к природным германским суевериям и что родиной их была почва юга, откуда они были пересажены в Германию или же по крайней мере вошли в число суеверий германского населения этой страны.

⁸ Wilhelm Müller, *Geschichte und Systeme der altdutschen Religion*, Göttingen, 1844, 8vo, в которой сокращенно приводится существенная часть *Deutsche Mythologie* Гримма.

⁹ Их названия Савал, Гуннтра, Фиорм, Фимбуль, Туль, Слидх, Хридх, Силг, Илг, Видх, Лейпт, Гиолл, причем последняя ближе всего к закрытым вратам Хель.

¹⁰ Слово «Муспелль» исчезло из всех германских языков, кроме старосаксонского и древневерхненемецкого, где оно означает огонь при разрушении мира. См. в «*Heliand*», а также фрагмент о судном дне «*Muspilli*», изданные Шмеллером.

¹¹ От *el*, буря, и *vágr* (мн. *vágar*), река, волна.

¹² От *ginn*, широкий, расширенный, используется только в составных словах.

¹³ *Ym* от *ymia*, производить шум, порыв, рев. Тот, кто силой посылал жар, не является Суртом, хранителем Муспельхейма, а представляет собой высшее и невыразимое существо.

¹⁴ В германских языках солнце женского рода, а луна мужского.

¹⁵ Финн Магнусен считает имя Фиорсвартнир именем второго коня, принадлежащего ночи и соответственно Glad. Finn Magnusen, *Priscae Veterum Borealiū Mythologiae Lexicon*, 1828, *sub voce*.

¹⁶ Волки, преследующие солнце и луну, относятся к числу популярных народных суеверий. По-шведски слово *solvarg*, солнце-волк, означает ложное солнце. Petersen, *op. cit.*, p. 76.

¹⁷ В настоящее время жители Шетландских островов, как утверждает Скотт, заклинаяют ветер в облике орла.

¹⁸ И великаны, и гномы не переносят света. Застигнутые врасплох рассветом, они превращаются в камень. В *Alvismál* Вингтор развлекает гнома Алвиса различными вопросами до рассвета, после чего холодным голосом говорит ему: «Великими выдумками, признаюсь тебе, ты был обманут; ты застигнут врасплох, гном, дневным светом: солнце сияет в зале». Также в *Helga Kvitha Hadinga Skatha* (Песне о Хельге, Убийце Хундинга) Атли с насмешкой говорит великанше Хримгерд: «Вот уже день, Хримгерд! Но Атли задержал тебя на погибель твоей жизни. Смешная останется о тебе память, станешь здесь в виде камня». *Сэмундова Эдда*, стр. 51, 115.

¹⁹ Aesir, мн. ч. от As.

²⁰ Вместо тела, мертвой плоти, в некоторых рукописях значитс^я *blothi*, кровь.

²¹ В соответствии с *Эддой Снорри* гномы были сотворены после людей, в то время как в другой *Эдде* порядок обратный.

²² В германских сказках гномы описываются как крохотные и уродливые создания, плохо одетые и темные: «черный человечек», «серый человечек». Иногда они имеют рост четырехлетнего ребенка; иногда рост их составляет две пяди, или палец (отсюда Том Мизинец). В старинной датской балладе об *Элине из Вилленскоф* (Eline af Villenskov) упоминается «troll» величиной с муравья. *Danske Viser*, i, p. 176. Словом *dvergmál* (речь гномов) в старонорвежском называется горное эхо. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 421.

²³ В поздних народных верованиях гномов обыкновенно зовут подземными жителями, бурыми человечками на равнине и др. Они становятся невидимыми с помощью шляпы или капюшона. Женщины их прядут и ткут, мужчины занимаются кузнечным делом. В Норвегии горный хрусталь называют гномьим камнем (*dvaergsten*). В Дании некоторую разновидность камней называют гномьими молотами (*dvaerghamre*). Они занимают у людей вещи и спрашивают совета, просят помочь их женщинам в родах и вознаграждают за каждую услугу. Однако они напускают хромоту на скот, вороваты и охотно крадут девиц. Упоминаются случаи, когда гномицы выходили замуж за людей и рождали им детей. Petersen, op. cit., p. 109.

²⁴ Имя связано с герм. *lodern*, пылать, сверкать.

²⁵ Скульд, самая младшая из норн, также является валькирией.

²⁶ В Норвегии главным богом считали Тора. Его изображение в великом храме Упсалы занимало второе место. (Быть может, не в центре?) Среди шведов предпочтительным являлось поклонение Фрейру. Даны, жители острова Готланд и саксонцы как будто предпочитали прочим Одина (Woden). Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 146. В сагах имя Тора обыкновенно предшествует Одину. Ibid., p. 147. Связанный с Харом и Явнхаром, Один как будто бы подпадает под определение Тритхи (Thrithi, Третьего). *Эдда Снорри*, стр. 3. В *Grimnismál* (Речах Гримнира) он приписывает себе все три имени. *Эдда Сэмунда*, стр. 46.

²⁷ Другими именами Одина являются Херран или Хериан, Никар или Хникар, Никуц или Хникуд, Фьёлнир, Оски, Оми, Бифлиди или Бифлинди, Свидор, Свидрир, Видрир, Ялг или Ялкр. Еще его называют *Drauga dróttin*, господин привидений.

²⁸ Один умел изменять свой облик: тело его могло оставаться на месте, словно во сне, а сам он в виде птицы или зверя, рыбы или змея мгновенно переносился в другое место.

²⁹ От *alda* (людей) и *gauta* (создатель, литейщик), от *gjota*, *gaut*, лить (металл). Профессор Мюнх, цит. Петерсеном.

³⁰ Быть может, оно связано с мифом о том, как он девять ночей повешенным провисел на дереве.

³¹ Прекрасная парафраза содержится в произведении Грея «Нисхождение Одина».

³² Такая интерпретация, по моему мнению, рождена текстом 21-й строфы *Речей Гримнира*, которую явным образом неправильно перевели.

thyr thund,	Тунд воеет,	árstraumr thikir	сильный поток кажется
unir thiódvitnis	Тиодвитнирова рыба	ofer mikill	чрезмерным
fiskr flódi í	израет в реке	valglaumi at vada	чтобы отряд павших
			перешел его.

Тунд, *рык*, *вой* (подобно имени Одина *thundr*) я считаю именем реки, которая окружает Валгаллу. Слово *валглаумр*, как замечает Раск, означает отряд «*valg*», павших, которым приходится пересекать реку, чтобы попасть в Валгаллу. Что означает *Тиодвитнирова рыба*, остается неясным.

³³ Богиня Хлодюн, похоже, была известна также и германцам. В нижнем течении Рейна, возле Биртена, была найдена следующая надпись, ныне сохраняемая в Бонне: DEAE: HLUDANAE SACRUM C. TIBERIUS VERUS (лат. «Святилище богини Хлуданы. Гай Тиберий Вер»). Торласиус (Torlacius) с большой степенью вероятности (*Antiq. Bor. Spec.*, iii) отождествляет Хлудану с северной Хлодюн. Хлудана безусловно не являлась ни римским, ни кельтским божеством, хотя Шрейбер (Schreiber, *Die Feen in Europa*, p. 63) связывает ее имя с городом Луддингеном, расположенным неподалеку от Биртена. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 235. Müller, op. cit., p. 88.

³⁴ Иногда Тора изображают стариком, хотя обыкновенно это высокий, стройный и пригожий юноша с рыжей бородой; голова его увенчана короной из двенадцати звезд (Steph., *Notae in Sax.*, p. 139). В гневе он дует в свою рыжую бороду, и среди облаков прокатывается гром. Святой король Олаф — на которого после подавления язычества на Севере миссионерами были перенесены многие из черт Тора, вне сомнения ради умиротворения обращенных в новую веру, — во всем напоминает Тора, вплоть до цвета бороды, о чем мы узнаем из обращения к нему троллихи, после того как он расколол надвое скалу, мешавшую ему идти: «Святой Олаф с бородой такой красной, зачем идешь ты сквозь стенку моего погреба?»

³⁵ Аконит (борец, волчья смерть, монашій клобук) в Норвегии зовется Торхьялм (Thori galea, лат. «шлем Тора»), Thorhat (Thori pileus, лат. «шапка Тора»); шведск. штормовая шляпа. Не связано ли наименование волчья смерть с поединком Тора с волком? Растение это также называется Tyrihjaln (Tyrís galea, лат. «шлем Тюра»). См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1145.

³⁶ В Дании чело Бальдра сравнивают с *Anthemis cotula*; в Исландии с *Matricaria maritima inodora*; в Швеции с растением, носящим название *bvitatöja* (белый глаз) или *bvitatöja* (белая дева). В Скании *Anthemis cotula* носит название *balsensbro*. С правой стороны от дороги из Копенгагена, в Роскильде (*Roeskilde*), находится колодец, называемый Baldur's Brönd, который, как говорят, он открыл после битвы с Хёдуrom, чтобы его страдавшие от усталости и жары воины могли освежиться. Согласно

сельскому преданию источник был открыт ударом копыта коня Бальдра. См. Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, 1202, p. 120, и примечания Вр. Müller'a; также Thiele, op. cit., i, 5.

³⁷ Имя его носит водное растение (*spongia marina*): губка Niardar vöttir (Ньёрдова рукавица), также посвященная сразу Фрейе и Деве Марии. Это растение, так же как и некоторые разновидности орхидей, благодаря напоминающей человеческую ладонь форме корней носят названия Рука Марии, Рука нашей Владычицы, Божья ладонь (дат. Gudshaand). Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 198.

³⁸ Адам Бременский (*De Situ Daniae*), называющий его Фрикко (Фриккон), такими словами описывает поклонение Фрейру в Упсале: «Fricco, pacem voluptatemque largiens mortalibus; cujus etiam simulacrum fingunt ingenti priapo; si nuptiae celebrandae sunt, immolant Fricconi (...)» (лат. «Фриккон, мир и наслаждение дарящий смертным; тот, кого изображают также наподобие могучего Приапа; если собираются справлять свадьбу, то приносят жертву Фриккону...»).

³⁹ На севере Фрейру приносили в жертву свинью в качестве искупительной жертвы; а в Швеции до относительно недавних времен в Рождественский Сочельник пекли пирожки в виде свиньи. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 45. В Дании простонародье даже до сих пор обедает в этот день жареной свиной.

⁴⁰ Некоторые дополнительные соображения о почитании Фрейра см. у Кембла в *Saxons in England*, i, p. 355.

⁴¹ Эгир и Хлер, вне сомнения, в древности рассматривались как различные боги, первый правил над бурным океаном, а второй над спокойным. У Saxo, op. cit., p. 81, также фигурируют два герцога Ютландии, Эйр и Лер.

⁴² Статного и высокого Логи звали Халог (Высокий Логи). По его имени самая северная область Норвегии получила имя Халогаланд или Хельгеланд. Он был отцом Торгерда Холгабруда и Ирпы, о которых см. ниже.

⁴³ Форниот был известен англосаксам, что следует из имени, данного ими растению: *Forneotes folme* (Рука Форниота).

⁴⁴ В *Хюмисквиде* он называет себя сыном великана Хюмира. См. далее.

⁴⁵ Имя его носит *daphne mezereon* (волчегородник лавролистный) — Тивидр (*Dan Tysved*). *Viola Martis* в Шотландии носит название *Tysfiola*.

⁴⁶ Повествующий об этом событии миф утрачен.

⁴⁷ Убийство им Бальдра.

⁴⁸ Причина станет ясной впоследствии.

⁴⁹ Особенно почитали Форсети жители Гельгоlanda, который даже носил имя Форсетисленд, т.е. земля Форсети. Местные жители, моряки и пираты считали остров настолько священным, что никто не смел тронуть пасущееся на его земле животное, и даже набрать воды в колодезе, не соблюдая при этом молчания. Поэтому название его следует понимать как Священная (*Heilig*) земля. Алкуин в своем *Житии Св. Виллиброрди*, приводит интересный рассказ о поведении святого на этом острове, куда он был выброшен штормом. С полным текстом отрывка вместе с отрывком из труда Адама Бременского *De Situ Daniae* можно увидеть в книге Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 210, 211.

⁵⁰ В Ютландии растение *Polytrichum commune* носит имя овса Локи. Когда воздух как бы дрожит или трепещет, путая тем самым взгляд, крестьяне-юты говорили, что это Локи просеивает свой овес. — Blicher, *Noveller*, V, p. 77. Другое растение, *Rhinanthus crista galli*,

или желтая погремушка, называется кошельком Локи. В Средневековье на Локи было перенесено представление о дьяволе, сеющем плевелы между добрым зерном. В Норвегии, в Теллемарке, он посадил себе на плечи ребенка и, опустив его на землю, произнес: «Так и будешь сидеть, пока тебе не исполнится год». Поэтому у детей на каждой стороне бедра имеется вмятинка, и они не способны ходить, пока им не исполнится год. Когда огонь начинает выть, говорят, что Локье (Локи) бьет своих детей.—Faye, op. cit., p. 6. В Исландии сернистые болотные огоньки (*ignis fatuus*, лат. «блуждающий огонь») называют *Lokabrenna* (*Lokii incendium*, лат. «пламя Локи»). Огненные испарения по-исландски называются *Loka daun*. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 221, 868.

⁵¹ То, что шестой день недели назван в честь нее или богини Фрейи, кажется нам весьма сомнительным.

⁵² Снорри следующим образом пересказывает этот сюжет. «У Одина было два брата, одного из них звали Ве, а другого Вилир, и они управляли землей в его отсутствие. Однажды, когда Один путешествовал в дальних краях, отсутствие его затянулось настолько, что асы уже отчаялись дождаться его возвращения, и братья разделили между собой имущество Одина; однако жену его, Фригг, поделили между собой. Но Один скоро вернулся и вернул себе Фригг». *Ynglingasaga*, 3. Эта несчастная история впоследствии стала поводом для насмешек Локи: «*Thegi thú, Frigg! Thú ert Fjörgyns maer, ok hefir æ vergjörn verid; er thá Véa oc Vilja léztu tér Vitbris kvaen! bátha i bathm um-tekít*». — *Lokaglepsa*, 26. Саксон (op. cit., p. 42) рассказывает о Фригг неприглядные вещи — о том, как нарушала свою супружескую верность до тех пор, пока Один, после двойной измены, не отправился в добровольное изгнание.

⁵³ Некоторые следы мифа о Фрейе (под именем Сир) и Оде присутствуют в повести о Сирите и Отаре, приведенной у Саксона (стр. 330, sq.), почти во всех частных деталях отличающейся от процитированного нами мифа. Цветок *Freyju bår* (*supercilium Veneris*) обязан своим северным именем этой богине.

⁵⁴ Подробнее о волосах Сив см. далее на стр. 37. Растение *Polytrichum aureum* носит имя Сивьяр хаддр (волосы Сив, *Sitae peplum*, лат. «плащ Ситы»).

⁵⁵ О Гевьон и покорности к ней датчан рассказывает следующее предание. Некогда землями, ныне носящими имя Швеции, правил король по имени Гюлви (*Gylfi*). Говорят, что он подарил некой бродяжке, которая развлекала его своей песней, столько земли, сколько могут вспахать за день и ночь четыре быка. Но женщина эта принадлежала к племени асов и носила имя Гевьон. Она привела с севера, из Йотунхейма, четырех быков, ее собственных сыновей от Йотуна, и впрягла их в плуг, который впился в землю настолько глубоко, что отворотил от нее целую часть, которую быки повлекли в море на запад, наконец, они остановились в одном из проливов, где Гевьон закрепила землю на месте и дала ей имя Сэлунд (*Saelund*). На вспапанной земле образовалось озеро, по-шведски называвшееся Лаугр, а ныне носящее название Мьялар (*Mälär*). Заливы и ручьи на озере соответствуют мысам Зеландии (*Seeland*). — *Snorra Edda*, p. 1; Thiele, op. cit., i, l. Приведенный сюжет отсутствует в uppsalском манускрипте *Эдды Снорри*, старейшем среди известных.

⁵⁶ Словосочетание *Höfudband Fullu* (повязка Фуллы) служит расхожим обозначением золота.

⁵⁷ В *Inga Bardar Saga*, гл. 20, у Слейпнира только четыре ноги. На его зубах или поводах были начертаны руны.

⁵⁸ От *skid*, тонкая доска, и *blad*, лист и т.п.

⁵⁹Этого Ивалди, отца некоторых гномов, не следует путать с эльфом Ивальдом, отцом Идун.

⁶⁰То есть Локи в облике овода.

⁶¹Благодаря помехе со стороны овода.

⁶²Или в соответствии с другим манускриптом, «а следующие девять в Ноатуне».

⁶³См. у Саксона, *op. cit.*, стр. 53, песнь Хадинга и Регнильды, начало:

Хадинг говорит:

Quid moror in latebris opacis,
Collibus implicitus scruposis, и т.д.

(лат. «Что таюсь я в темных убежищах,
Затерявшись среди каменистых холмов...»)

На что Регнильда отвечает:

Me canorus angit ales immorantem littori
Et soporis indigentem garriendo concitat,
и т.д.

(лат. «Меня на взморье тревожит певчая птица
И щебетаньем своим пробуждает меня, лишенную сна...»)

Вся повесть о Хадинге и Регнильде удивительно напоминает миф о Ньёрде и Скади.

⁶⁴См. далее описание обители Брюнхильд в повести о Вёльсунгах. Подобные огненные ограды вокруг «борга» встречаются достаточно часто.

⁶⁵Об этом чудовище повествуется ниже.

⁶⁶Гномы.

⁶⁷Альвы или эльфы.

⁶⁸Один из знаков рунического алфавита.

⁶⁹«Но я срежу их», то есть, «сотру их, рассею заклятие», в случае согласия Герда.

⁷⁰Миф о Фрейре и Бели утрачен.

⁷¹Искаженную версию повествования см. у Саксона, *op. cit.*, стр. 420—428.

⁷²В соответствии с народным верованием с молнией связана черная стрела или метательный снаряд, который проникает в глубь земли на высоту самого высокого церковного шпиля, но поднимается к поверхности при каждом ударе грома, а по прошествии семи лет вновь появляется на поверхности земли. Всякий дом, в котором хранится такой камень, защищен от грозы, при приближении которой камень начинает потеть. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, *op. cit.*, стр. 163—165. Та же самая идея, по существу, выражена в мифе о том, что молот всегда возвращается в руку Тора.

⁷³Индийцы, греки и скандинавы имели своим обычаем украшать коровьи рога позолотой. Отмечалось, что даже в недавние времена этот обычай не был полностью забыт на Севере: отданный народу бык на коронации Христиана VII имел позолоченные рога. F. Magnussen, *Den Aeldre Edda*, ii, стр. 124.

⁷⁴Искаженную версию повествования см. у Саксона, *op. cit.*, стр. 429.

⁷⁵Смысл последней строки остается неясным; возможно, здесь имеется в виду то, что теперь Эгир получил котел, в котором мог приготовить для богов теплое пиво.

⁷⁶Аналогичным образом Вали в возрасте одного дня отомстил Хёду за смерть Бальдра. См. далее.

⁷⁷Здесь следует отметить, что лопари изображают Тора с кремешком во лбу.

⁷⁸Кем являются эти девы, так и остается неизвестным, хотя очевидно, что они не были видимы смертным глазам и что, заметив их, Один выдал свою божественную природу. Утраченный миф о них представляет вариант повествования о Тёкт (см. ниже), называемой единственным созданием, которое не захотело оплакать Бальдра.

⁷⁹Букв. Среднее дерево.

⁸⁰Первым была смерть Бальдра.

⁸¹Гримм предполагает, что медленный процесс постройки этого судна, называемого самым большим кораблем на свете, из обрезков ногтей мертвецов, просто должен был передать мысль о том, что до конца света должен пройти значительный промежуток времени, и подразумевал предписание остригать ногти мертвецов и сжигать их обрезки, чтобы еще более отодвинуть это время. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 775, примечание.

⁸²См. ранее.

⁸³Хотя сага о Вёлунде или Виланде (*Völundr*) не претендует на вхождение в состав Мифологии Асов, тесная связь с этими мифами, несомненная древность, так же как и широкая известность героя в Средние века, не позволяют не упомянуть ее в работе, посвященной Мифологии Севера.

⁸⁴Другое, вне сомнения, более древнее предание о Вёлунде сообщает нам скальд Деор (*Cod. Exon.*, p. 377), в соответствии с которым Нитхад, как его называют в A. S., только связал его шнурком из сухожилий:

Siththan hine Nidhád on
nede legde,
swoncre seono-bende.

Когда на него Нитхад
узы наложил
из крепкой и гибкой жилы.

Подрезание сухожилий кажется нам позднейшим добавлением к повествованию.

⁸⁵*Sagabibliothek*, Bd. ii, p. 154.

⁸⁶В германской поэме *Rabenschlacht*, 964, 969, ее называют *Frou wâchilt*.

⁸⁷В *Scôþ* или *Повести Скальда* (*Cod. Exon.*, 320, 1) это звучит так: «Wada (weold) Haelsingum (Вада правил Хельсингами)». Об этом племени напоминают Хельсингборг, Хельсингёр (Эльсинёр), Хельсингфорс, Хельсингланд, и т.п. О корабле Вады, Гуингелоте, писал Чосер.

⁸⁸Вудга упоминается в *Scôþ* или *Повести Скальда* (*Cod. Exon.*, 326), Видрик Верландсён датской *Kjuemþeviser*. Несколько отрывков, связанных с этими персонажами, по германским и северным источникам см. в W. Grimm, *Deutsche Heldensage*, passim.

⁸⁹*Sagabibliothek*, Bd. ii, p. 36.

⁹⁰Она же и валькирия, а имя свое получила от Оски, одного из имен Одина. См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., стр. 390.

⁹¹Примитивный облик описываемого сооружения решительным образом свидетельствует в пользу древности легенды.

⁹²Это является самым ранним следом веры в волкодаков, обнаруживаемый в северных преданиях. Когда Сигмунд и его сын спали, их волчьи шкуры висели рядом с ними. В *Leges Eccl. of Snut*, ххvi, вервольф упоминается как известное и реально существующее создание.

⁹³ Это был Один, звавшийся среди прочих имен также Хникаром, под которым именем он фигурирует в качестве морского божества.

⁹⁴ Получив смертельную рану, Фафнир потребовал, чтобы убийца назвал свое имя, что Сигурд сперва делать не стал, полагая (по мнению епископа Мюллера), как считалось в ту пору, что проклятие умирающего приобретает большую силу, если он знает имя своего врага.

⁹⁵ Слово *igtha* обозначает орлицу, хотя может также переводиться как *ласточка, сова, куропатка*.

⁹⁶ В котором среди прочего были знаменитый шлем Эгир-хьялм, который Фафнир надевал, охраняя сокровище, золотая кольчуга и меч Хротти.

⁹⁷ То есть во Франкенланд, страну франков, Франконию.

⁹⁸ В соответствии с *Брюнхильдаф-кvida* I, она носила имя Сигурдрива, что является, как говорят, вторым именем Брюнхильд. Из этого отрывка следует, что Один принимал смертных королевской крови в свое войско валькирий.

⁹⁹ Свевн-торн, *Spina soporifera*. Еще не изгладившееся в Дании и Исландии суеверие предполагало, что погруженный таким образом в сон человек останется спящим до тех пор, пока колючка останется в его одежде или теле.

¹⁰⁰ В соответствии с этим повествованием Сигурд впервые видит Брюнхильд, что полностью противоречит тому, что было только что написано нами об их предыдущей встрече и взаимных обетах. Или Сигурдрива не является Брюнхильд, или же рассказ о первой встрече с ней Сигурда представляет собой отрывок из утраченного варианта легенды, значительно отличающегося от присутствующего в *Эддах* и *Вэльсунга Саге*.

¹⁰¹ Сигурд дал ей съесть кусочек сердца Фафнира, что сделало ее более жестоко-сердной, чем прежде.

¹⁰² Утверждают, что пережитки этого обычая до сих пор имеют место на некоторых датских островах, в Ютландии, Голштинии и Норвегии. Такие ночи называются *Prövenaetter, Probenächte*, ночами испытания или проверки.

¹⁰³ Похоже, что Брюнхильд сочинила историю о собственном бесчестье, чтобы заставить Гьюкингов убить Сигурда, поскольку далее она говорит: «Мы спали в одной постели так, как если бы он был моим собственным братом. За восемь ночей никто из нас не посмел коснуться рукой другого». В то же самое время мы читаем, однако, что перед свадьбой с Гуннаром Брюнхильд поручает Аслауг, свою дочь от Сигурда, заботам своего опекуна Хеймира. Впоследствии Аслауг вышла замуж за Рагнара Лодброка, что делает вполне возможным, что история эта была вставлена для обоснования происхождения династии датских королей с Сигурдом и Брюнхильд. См. *Edda Saem.* pp. 203, 229.

¹⁰⁴ В соответствии с другими вариантами повествования Сигурд был убит по пути на собрание народа (тинг). По германскому преданию его убили в лесу.

¹⁰⁵ В прозаическом введении к *Helreid Brynhildar* сказано, что было два костра — труп Брюнхильд возложили на костер в повозке, завешенной шелковыми покрывалами. Асуитус, князь, упоминаемый Саксоном (op. cit., p. 244), был похоронен с псом и конем.

¹⁰⁶ А также датских лебедей, южные дворцы, благородные развлечения, королевские свиты, красные щиты, корабли Сигмунда с позолоченными фигурами на носках.

¹⁰⁷ «Питье холодное и горькое... смешанное с силой Урд, ледяной водой и кровью Сон. На роге том были вырезаны всякого рода красные цветом знаки, которых я не сумел истолковать». Чрезвычайно сомнительно, чтобы здесь упоминался рог Урд, почти

столь же сомнительно упоминание Сон, хотя, возможно, имелся в виду сосуд, содержащий скальдический или поэтический мед.

¹⁰⁸ Это была изменившая свое обличье мать Атли.

¹⁰⁹ Старонорвежское *Erfiöl*, датск. *Arve-öl*, валлийское *Aruyl*. Погребальный пир, производимый в честь покойного его наследником (ст. нор. *arfr*, герм. *Erbe*). Считалось, что усопшие присутствуют на своей тризне. В *Eyrbyggiasaga* присутствует эпизод, связанный с этим верованием, слишком длинный, чтобы приводить его здесь, но читатель может ознакомиться с ним в изложении сэра Вальтера Скотта в *Illustrations of Northern Antiquities*, р. 507, и в издании Bohn'a *Northern Antiquities* Маллета, р. 536.

¹¹⁰ Рассказ о смерти Атли и его похоронах см. у Йордана, гл. xxv. Приведенное описание в известной мере согласуется с тем, что можно обнаружить у византийских авторов, напр. Марцеллин Комес (VI в.) пишет: «*Attilam noctu mulieris manu cultroque confossum*» (лат. «...Аттилу, ночью пораженного женской рукой и ножом...»). В соответствии с другими авторами «*nimio vino et somno gravatus, et copioso sanguinis profluvio abundatus, inventus est mortuus in lecto, accubans mulieri, quae de ejus nece suspecta habita est*» (лат. «весьма отягощенный вином и сном, обильно истекший кровью, он найден был мертвым на ложе, возлежа рядом с женщиной, которую заподозрили в его смерти»). Иоанн Малала утверждает, что Аттилу убил некий оруженосец. См. *Edda Saemundar*, edit. Copenhagen, ii, стр. 954.

¹¹¹ В соответствии с Саксоном (ор. cit., р. 414) Ярмерик был королем Дании и Швеции. Его повесть отличается от рассказанной в *Эддах* и *Вёльсунга Сэге*. О Сванхильд (которую он называет Свавильдой) он говорит: «*Hunc tantae fuisse pulchritudinis fama est, ut ipsis quoque jumentis horrore foret artus eximio decore praeditos sordidis lacerare vestigiis. Quo argumento rex innocentiam conjugis declarari coniectans, accedente erroris poenitentia, falso notatam festinat absolvere. Advolat interea Bicco, qui supinam jumenta diris deturbare carminibus nec nisi pronam obteri posse firmaret. Quippe eam formae suae beneficio servatam sciebat. In hunc modum collocatum reginae corpus adactus jumentorum grex crebris alte vestigiis fodit. Hic Swavildae exitus fuit*» (лат. «Говорят, красота ее была такой, что даже кони устрашили растерзать ее члены, необычной красотой наделенные, хотя и в убогих одеждах. По этой причине король, догадавшись объявить невинность супруги, наказанной по ошибке, ложно обвиненную спешит освободить. Между тем в спешке прибывает Биккон, который грозными песнопениями удержал коней, дабы они поверженную не растоптали. Он ведь знал, что сохранилась она благодаря облику своему. И таким образом простертое тело королевы стесненный табун тесно сдвинутыми копытами глубоко втоптал. Такой была смерть Свавильды»).).

¹¹² Говорят, что в битве при Бравалле датский король Харальд Хильдетан пал от руки Одина, принявшего облик собственного полководца Харальда. См. Gräter, *Subm*, ii, стр. 284; Saxo, ор. cit., стр. 390.

¹¹³ Не имея в своем распоряжении Саги о Рагнаре Лодброке или Саги о Вёльсунгах, издатель излагает эти предания по *Sago* Афзелиуса, ор. cit. и *Sagabibliothek* Мюллера.

¹¹⁴ Одежда придавала ему свирепый облик: свое прозвище Лодброк (Лохматые Штаны), он получил по своим брюкам, сделанным из шкур диких зверей *lód* (лохматый) и *brók* (штаны).

¹¹⁵ Мыс возле Линдеснеса, где до сих пор существуют имена Кракебек и Гулдвиг, которые, как говорят люди, зовутся так по заключенной в золотую арфу королевской дочери. *Krakumál*, edit. Rafn, Forord, р. 1.

- ¹¹⁶ Грубая шерстяная ткань, которую изготавливают в Норвегии и Исландии.
- ¹¹⁷ *Saga о Ньялле*, 41.
- ¹¹⁸ См. рассказ о «Дьяволе с тремя золотыми волосками» в Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 29.
- ¹¹⁹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 828.
- ¹²⁰ Hallager, *Norsk Ordsamling*, p. 141.
- ¹²¹ Исландец Тидранди видел девять одетых в черное женщин, ехавших со стороны севера, и девять других, в светлых платьях, ехавших с юга. Это были фюлгии его родственников.
- ¹²² Keyser, op. cit., p. 74.
- ¹²³ *Lex. Myth.*, op. cit., p. 833.
- ¹²⁴ *Norsk Ordsamlings*, p. 145.
- ¹²⁵ Saxo, op. cit., pp. 42. sqq.
- ¹²⁶ При правлении которого была осуществлена колонизация Исландии (874 по Р.Х.).
- ¹²⁷ *Den Aeldre Edda*. i, pp. 148, seq.
- ¹²⁸ О склонности саксов к числу 8 см. Lappenbere, *England under the Anglo-Saxon Kings*, i, 77.
- ¹²⁹ Примерами утраченных мифов можно считать «Как Идун обняла убийцу своего брата», *Loka-gleypa*, Str. 17; «Пребывание Одина в Самсо», *ibid.*, Str. 24; «Как Локи зачал сына от жены Тюра», *ibid.*, Str. 40; мифы в отношении головы Хеймдалля и его соперничества с Локи из-за ожерелья Брисингамен, *Skaldskap.*, 8 (см. стр. 29); миф о великане Вагнхёвди, Saxo, edit. Stephani, p. 9; edit. Müller, pp. 34, 36, 45; и о Ётнахейти в *Snorra-Edda*, p. 211; о великане Тривальди, убитом Тором, и о прочих подвигах этого бога, *Skaldskap.*, 4; и *Harbardslj.*, Str. 29, 35, 37, etc.
- ¹³⁰ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 201.
- ¹³¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 530.
- ¹³² Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 769.
- ¹³³ Поэтому имя это следует писать как *Berggelmir*.
- ¹³⁴ Асы являются творцами, хранителями и управителями мира, духами мысли и жизни, наполняющей и одухотворяющей всю мертвую природу, стремящимися подчинить ее воле духа. Ежедневно они собираются на совет, определяющий судьбы мира. Им приписывается человеческий облик и манера существования, хотя и более возвышенные, зрение и слух у них намного острее человеческого, они перемещаются с места на место с невероятной скоростью. Petersen, op. cit., p. 116.
- ¹³⁵ Ling. *Eddornas Sinnebildslära*, i, 78.
- ¹³⁶ Чосер следующим образом описывает леди Синтию (Завещание Крессиды, 260-3):

Her gite was gray and ful of spottis blake,
And on her brest a chorle paintid ful even,
Bering a bushe of thomis on his bake,
Whiche for his theft might clime no ner the heven.

Был бледен ее облик и исполнен черных пятен,
И на груди ее невежа некий был ясно нарисован,
Несущий на спине терновый куст,
Для этой кражи принужденный залезть на небо.

(Сейчас считается доказанным, что ранее приписывавшаяся Чосеру поэма «Завещание Крессиды» написана его последователем Робертом Генрисоном, жившим ориентировочно в 1425—1506 гг., на так называемом шотландском английском языке. Синтия или Кинфия — одно из греческих имен богини Луны, происходящее от названия горы Кинф на острове Делос, где, согласно мифу, родились Аполлон и Артемида. — *Примеч. ред.*).

В *Старинных Песнях Ритсона* (Ritson, *Ancient Songs*. ed. 1790, p. 35) есть одна, озаглавленная «*Mon in the Mone* (Человек на Луне)».

Шекспир также упоминает лунного человека и его куст:

Steph.

I was the man in the moon, when time was.

Cal.

I have seen thee in her, and I do adore thee;
My mistress showed me thee, and thy dog and thy bush.

Tempest, ii, 2

Стефано

...Я ведь жил да поживал на Луне.

Калибан

Мне говорила о тебе хозяйка,
Она показывала мне тебя,
Твой куст, твою собаку. Ты — мой бог!

Буря 2, 2 (Перевод М. Донского)

И еще раз:

Quince

...One must come in with a bush of thorns and a lantern, and say, he comes to disfigure, or to present, the person of moonshine.

Midsummer Night's Dream, iii, 1

Пигва

...Кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет.

Сон в летнюю ночь 3, 1 (Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

О восточных и прочих преданиях, связанных с человеком на Луне, см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit. стр. 679.

¹³⁷ Гримм обращает внимание на явную связь между лат. *aquilo* (лат. «аквилон, северный ветер»), *aquila* (лат. «орел»), греч. ἄνεμος, ἄετος (греч. «дуновение; орел») от корня ἄω, ἄημι (греч. «насыщать; веять») и др.

¹³⁸ От *aur*, *argilla*, *lutum* (лат. «глина, ил»). Finn Magnusen (*Lex. Myth.*, op. cit., p. 464) читает как *ör-konúgr*, *sagittarum rex*, от *ör*, *sagitta*, *telum* (лат. «стрела, дротик»).

¹³⁹ *Ic mesan maeg · meablicor · u efan eteh · ealdum thyrrre (thyrse)*, Я могу пировать и также есть усерднее старого великана. *Cod. Exon.*, p. 425, l. 26—29.

¹⁴⁰ Их представляют имеющими много рук и голов: у Стаэркоддера было шесть рук, в *Skirnis-for* упоминается трехголовый турс. Их размер относительно человека можно представить из следующего отрывка: «На входе в Черный лес на Хюненкоппе обитала великанша (*bunin*) со своей дочерью. Последняя, застав в поле пашущего селянина, посадила его вместе с плугом в фартук и отнесла “малыша вместе с его котятками” матери, которая сердитым голосом велела ей отнести их, откуда взяла, добавив, что существа эти принадлежат к племени, способному нанести великий ущерб великанам». См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 506, где приводятся и другие примеры; см. также повесть о путешествии Тора в Йотунхейм.

¹⁴¹ Ed. Müller, *Skáldskap*. p. 210.

¹⁴² Особо интересно замечание Кейзера, отмечающего, что в *Эддах* отсутствует всякое упоминание о сотворении животных.

¹⁴³ Ясень Иггдразиль представляет собой символ всей живой природы. Имя его неясно, однако его можно толковать как Игга, то есть Одина конь, седалище или повозка, или от Игг, имени Одина, и *drasill* или *drösuill*, от *draga*, нести и т.п. Живая природа считается подвижной и управляемой божественной силой, имеющей в ней свое седалище, как душа в теле. Такое толкование этого слова идеальным образом согласуется со старинными скальдическими представлениями, и весь миф оказывается поэтической аллегорией. Образ соответствует космогонии. На вершине дерева восседает орел, символ духа или жизни; у корня его в Хвергельмире залег Нидхёгг, змей тьмы и смерти; но белка Рататоск носится вверх и вниз по стволу, передавая бранчливые слова, которыми обмениваются орел и змей; то есть жизнь определяется противоборствующими силами, и живое зло покушается своей клеветой на жизнь человека и возмущает его покой. Основной идеей здесь является представление о великом противостоянии сил, присущем мирской жизни, борьбе между духом и материей, добром и злом, жизнью и смертью. Keyser, op. cit., pp. 24, 25.

¹⁴⁴ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 62, 63, из *Vita Bonifacii* Виллибальда.

¹⁴⁵ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 106, приводит следующий отрывок из Руодольфа из Фульды: «Truncum ligni non parvae magnitudinis in altum erectum sub divo colebant, patria eum lingua *Irminsul* appellantes, quod Latine dicitur *universalis* columna, quasi sustinens omnia» — (лат.) «Обрубок дерева немалой величины, поставленный вертикально, они почитают за божество, называя его Ирминсуль на своем родном языке, — то, что по-латыни именуется вселенским столпом, который как бы поддерживает всё».

¹⁴⁶ По этому поводу Гримм (стр. 397) весьма кстати замечает: «Так по крайней мере можно понять слова “*vindum vindum vef Darradar*”, хотя история могла произойти от “*vef darradar*” (*tela jaculi*, лат. «метательные дротики»). Ср. англосакс. *darrod*, стрелка». Повествование было превосходно изложено в стихах Греем.

¹⁴⁷ «The skreik of day». *Hunter's Hallamshire Glossary*. Наш «рассвет» (?) См. заметки Грима по поводу англосакс. слова *wóma* (*daeg-wóma*, *daegréd-wóma*) в «*Andreas und Elene*», p. xxx. и Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 131, 132.

¹⁴⁸ Тождество Мимира и Хёдмимира нельзя считать установленным.

¹⁴⁹ Имя Мимир означает *имеющий знание* и кажется идентичным англосакс. *meomer*, лат. *memor* («помнящий»). Старшие асов великаны глубже заглядывали во тьму времени. Они были свидетелями творения асов и мира и предвидели их разрушение. Асы должны искать у них знания, мысль эта неоднократно находила выражение в старинных

мифологических поэмах, но ярче всего высказана в *Проицании Вёльвы*, в которой воспитанная великанами вала или пророчица поднимается из глубин, раскрывая прошлое и настоящее богов и людей. Тогда получается, что Мимир содержит в своем источнике мудрость глубин. Небесный бог Один должен достать ее, и это происходит ночью, когда солнце, небесный глаз, скрывается за краем земли в мире великанов. Тогда Один исследует тайны глубин, дав в залог собственный глаз за глоток из источника знаний. Однако в свете дня, когда солнце вновь поднимается из мира великанов, тогда хранитель источника пьет из золотого рога чистый мед, протекающий над залогом Одина. Небесный и потусторонний миры обмениваются мудростью. Благодаря буквальному восприятию вышеизложенного Один представляется одноглазым. Keyser, op. cit., pp. 25, 26.

¹⁵⁰ *Saga об Олаве Трюггв.* цит. по Petersen, op. cit., p. 161.

¹⁵¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 778, note.

¹⁵² Строфа 6. Valaskíáll heitir, Валаскьялв двор тот,
er vaelti sèr Он Асом воздвигнут
Ass i árdaga. В древнее время.

Пер. А. Корсуна

¹⁵³ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 126.

¹⁵⁴ Подобное предание существует в Курляндии, где рассказывают о великане Кинте и его белой кобыле по имени Мороз. Grimm, p. 516.

¹⁵⁵ Grimm, p. 140. В Нижней Саксонии также принято оставлять на поле снопы пшеницы для коня Водена. На острове Мен для этого коня оставляли снопы овса, чтобы ночью он не потоптал поле. Воден иногда ездит в возке. Petersen, op. cit., p. 173. Grimm, p. 138.

В Оланде, приход Хёгрум, лежат огромные камни, зовущиеся flisor Одина (*Odini lamellae*, лат. «пластинки Одина»), о которых рассказывают, что однажды Один, собираясь покормить коня, вынул кусок изо рта и положил его на огромный камень, под весом куска расколовшийся на две части, впоследствии поставленные на попа в качестве памятника. По другой версии той же истории, Один, собиравшийся схватиться с врагом, не знал, к чему привязать коня, и потому подъехал к камню, пронзил его мечом и пропустил повод сквозь дыру. Конь тем не менее вырвался, камень раскололся и откатился, на пути своем образовав болото Хёгрумстраск, настолько глубокое, что дна его нельзя было достать и с помощью нескольких связанных друг с другом жердей. Geijer. *Schw. Gesch.*, i, 110. Abr. Ahlquist, *Ölands Historia*, i, 37; ii, 212, цит. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 141.

Небольшая водяная птица (*tringa minima, inquieta, lacustris et natans*, лат. «крошечный улит, беспокойный, озерный и водоплавающий») известна датчанам и исландцам под именем Одинсхани, Одинова *fugl*. В древневерхненем. глоссарии упоминается Utinswaluwe (ласточка Одина). Ibid. p. 145.

¹⁵⁶ Саксон, op. cit., p. 40.

¹⁵⁷ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 880.

¹⁵⁸ Саксон, op. cit., p. 106. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 891. Бьяркон, не замечая того, что Один на белом коне помогает в бою шведам, говорит Руте:

Et nunc ille ubi sit, qui vulgo dicitur Othin
Armipotens, uno semper contentus ocello?
Dic mihi, Ruta, precor, usquam si conspicias illum?

Так где же он — тот, кого в народе называют Отин,
Могучий в битве, всегда смотрящий одним оком?
Скажи мне, Рута, умоляю, не видишь ли ты где-нибудь его?

На что она отвечает:

Adde oculum propius, et nostras prospice chelas.
Ante sacraturus victrici lumina signo,
Si vis praesentem tuto cognoscere Martem.

Напряги как следует глаза и через руки мои подъятые воззри,
Прежде чем почтишь свет его победным знаком,
Если желаешь безвредно познать явление Марса.

Тогда Биарко говорит:

Quantumcunque albo clypeo sit tectus et altum (I. album)
Flectat equum, Lethra nequaquam sospes abibit;
Fas est belligerum bello prosternere divum.

Если смогу узреть внушающего ужас супруга Фригг,
То, сколько бы ни прикрывался он белым щитом, на высоком
Восседае коне, никогда невредимым не покинуть ему Летру;
Предопределено быть поверженным в битве божественному
воителю.

Petersen, op. cit., приводит аналогичную цитату из *Саги об Орваре Одде* (с. 29).

¹⁵⁹ Grimm, p. 891.

¹⁶⁰ Имена *Gulltoppr*, *Silfrintoppr* носили кони, в чьи гривы (*toppr*, герм. *zopf*) были вплетены золотые или серебряные нити. Grimm, p. 623.

¹⁶¹ Помимо многочисленных упоминаний в названиях местностей, имя Тю (Тюра) присутствует также в названиях следующих растений: старо-нор. *Tysfiola*, *viola Martis*; *Tyrphialm*, *aconitum*, *монашій клобук*, датск. *Troldhat*; старо-нор. *Tyvidr*, датск. *Tyved*, *Tysved*, *daphne mezereon*, *spurge laurel*. Grimm, p. 180.

¹⁶² В Швеции, Файене и некоторых других местах простой народ называет созвездие Ориона Прялкой Фригг. Орхидея *orchis odoratissima* называется фригьяр-грас или хьона-грас (свадебной травой).

¹⁶³ Grimm, pp. 156, 610, и Pref. to 1st edit. p. xvi.

¹⁶⁴ Pages 126, sq. ed. Müller.

¹⁶⁵ Хросстиоф был одним из сыновей инеистого великана Гримнира, поэтому ясно, что речь идет о середине зимы.

¹⁶⁶ Русских.

¹⁶⁷ *Skáldskap*. 19.

¹⁶⁸ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 235.

¹⁶⁹ Keyser, op. cit. (стр. 34) производит название Трудхейм от *thrudr*, то есть *сила, стойкость*.

¹⁷⁰ От *thiðlf*, усердный труд.

¹⁷¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 159.

¹⁷² Хравн (Hrön) соответствует англосаксонскому *brón*, обозначающему океан. В этом смысле слово *brón-rád* (морская дорога) использовалось Кэдмоном (pp. 13, 19) и

в *Легенде о Св. Андрее* (v. 740), где вместо *brón-fixas* (морские рыбы) проставлено «horn-fixas». Также см. в *Беовульфе*, v. 19, *hrón-ráde* (по морской дороге).

¹⁷³ Olafsen. *Nord. Digtek.* p. 23. *Njála*, Ind., *Skáldskap.* 61.

¹⁷⁴ Тяжелым молотом.

¹⁷⁵ То есть молот не вернулся в его руку. См. ранее.

¹⁷⁶ Faye, op. cit., p. 1.

¹⁷⁷ *Сага об Олаве Трюгвассоне*, ii, стр. 182.

¹⁷⁸ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 688.

¹⁷⁹ См. Саксон. op. cit. стр. 420, рассказ об опасном и чудесном путешествии Торкилля-Адельфара к великану Геруту (Гейррёду).

¹⁸⁰ *Сага об Эгиле*, стр. 443.

¹⁸¹ Магнусен, op. cit., стр. 494, 630.

¹⁸² Возможно, в этом следует видеть пародию на старую веру, сочиненную в то время, когда среди последователей единической веры начал преобладать здравый смысл.

¹⁸³ См. ее изображение в Arnkiel, *Cimbrische Heyden-Religion*, i, p. 120; также в *Vulpii Handwörterbuch der deutschen Völker*, etc., 1826, Tab. III, fig. 1. См. также Магнусен, op. cit., стр. 681.

¹⁸⁴ Магнусен, op. cit., стр. 765.

¹⁸⁵ Как делают в Исландии до настоящего дня. Саксон описывает это следующими словами: «Fama est illum adeo praestigiarum usu calluisse, ut ad trajicienda maria osse, quod diris carminibus obsignavisset, navigii loco uteretur, nec eo segnus quam remigio praejecta aquarum obstacula superaret» — (лат.) «Говорят, он настолько преуспел в использовании призраков, что, дабы пересекать моря, вместо судна применял кости, запечатленные грозными песнопениями, и не медленнее, чем на веслах, преодолевал подлежащие водные препятствия» (стр. 100). То, что в двенадцатом веке таков был обычай в нашей собственной стране, следует из любопытного отрывка из написанного Фицстивеном *Описания Лондона*, перевод которого мы приводим: «Когда тот огромный водоем, что омывает северную стену города, замерзает, многочисленные группы молодых людей выходят попрактиковаться на льду. Они ускоряются, разбежавшись, а потом, расставив ноги, боком скользят вперед, преодолевая, таким образом, значительное пространство. Другие делают себе подобные жерновам ледяные сиденья, когда сидящего тянет за собой вперед бегущая впереди и взявшаяся за руки цепочка. Во время таких пробежек они нередко дружно падают. Другие, более искусные в развлечениях на льду привязывают к обуви кости от ног животных и, держа в руках шест с железным острием, толкают им в лед, уносясь вдаль со скоростью летящей птицы или пущенной из лука стрелы». Упомянутый здесь водоем впоследствии уступил место и имя *Болотным Полям*.

¹⁸⁶ Асалоки образует контраст со всеми остальными богами. Он представляет собой зло во всех его проявлениях. В качестве чувственности он присутствует в жилах людей; в природе он наполняет собой воздух, огонь, воду; в недрах земли он олицетворяет вулканический огонь, в глубинах океана становится свирепым змеем, в мире потустороннем бледной смертью. Отсюда следует, что сущность его не индивидуальна; подобно Одину, он пронизывает всю природу. Petersen, op. cit., p. 355.

¹⁸⁷ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 577, note.

¹⁸⁸ Magnusen, op. cit., p. 340.

¹⁸⁹ Magnusen, op. cit., p. 398.

¹⁹⁰ Magnusen, op. cit., p. 111.

¹⁹¹ По замечанию Кейзера многое противоречит подобной интерпретации мифа о Бальдре, и в особенности то, что Бальдр остается у Хель до окончания мира, но Лето возвращается ежегодно. Вся повесть о Бальдре и его светлой обители Брейдаблик, куда не входит ничто нечистое, указывает на него как на бога невинности. Имя его означает *сильный* и указывает на духовную силу в сочетании с безупречным целомудрием. Слепой Хёд персонифицирует телесную мощь с ее слепыми земными устремлениями; повинуясь подстрекательству греха — Локи — он, не осознавая того, уничтожает целомудрие, с ним умирает также желание творить добро — Нанна. За убийство мстит скоро пробудившаяся совесть — Вали убивает Хёда, однако чистота уже ушла из нашего мира и не вернется, пусть ее оплакивает вся природа. Власть вернется к ней лишь в обновленном мире. Keyser, op. cit., pp. 45, 46.

¹⁹² Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 204.

¹⁹³ Specimen Cal. Gentil. ad calcem *Lex. Mythol.*, pp. 1052, 1060.

¹⁹⁴ Plinii H. N., xvi, 95.

¹⁹⁵ Allir hlutir gráta Balldur úr Helju, nema kol. Magnusen, op. cit., p. 297.

¹⁹⁶ Связано с id, *активность*; idinn, *активный*. Keyser, op. cit., p. 39.

¹⁹⁷ Слово *full* означает чашу.

¹⁹⁸ Müller, op. cit., p. 281.

¹⁹⁹ См. Magnusen, op. cit., p. 542.

²⁰⁰ Hallager, *sub voce*.

²⁰¹ Сопт пива; «cerevisia secundaria» (лат. «вторичная брага»). Biörn Haldorsen, *sub voce*.

²⁰² Финн Магнусен отвергает рассказ о сделанном из обрезков кожи башмаке Видара как детскую сказку. По той же самой причине он, увы, мог отвергнуть очень многое. Кайзер производит имя Видара от *vinna*, побеждать, имея в виду победу в последней битве богов, и предполагая, что он может быть символом присущей земле силе возрождения. То есть Видар является сыном Одина и великанши, духа и материи; посему обителью его является Ландвиди, широкая земля; поэтому он является молчаливым и бездеятельным богом в нынешнем мире. Лишь после его разрушения он явится во всей своей силе, победителем сил мрака и разрушения, сделавшись обитателем возобновленного мира. Keyser, op. cit., pp. 39, 40.

²⁰³ *Svearikes Hufder*, i, 348.

²⁰⁴ В соответствии с мнением некоторых миф о войне между асами и ванами означает, что небесный свет прорвался сквозь первоначально окутывавшие землю густые облака, чтобы произвести плодородие, считающееся результатом соединенного действия сил неба и облачной атмосферы. Другие интерпретируют этот миф как рассказывающий о конфликте между почитателями огня и воды, закончившийся слиянием обеих религий. Keyser, op. cit., pp. 35, 36.

²⁰⁵ Идентичность имен кажется неоспоримой; однако каким образом Ньёрд, охарактеризованный как «универсальная питательная сила воды и воздуха» и как «бог океана и ветра», может соответствовать тому, что говорит о Нертус Тацит: «Nerthum, id est Terram matrem, colunt» (лат. «они почитают Нертус, то есть Землю-мать»)?

²⁰⁶ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 197.

²⁰⁷ Varro, *De Lingua Latina*, v. 64.

²⁰⁸ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 242.

²⁰⁹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 695.

²¹⁰ Считалось, что в том месте, где радуга опирается на землю, скрыто золотое блюдо, и что с радуги падают золотые монетки.

²¹¹ Что стало предметом эддической песни о Риге (*Rígsmál*). Ас Хеймдалль скитается по зеленым тропам у морского берега. Он называет себя именем Риг (*Rígr*); он силен, деятелен и достоин. В хижине он обнаруживает прадеда и прабабку (*ái* и *edda*), с которыми проводит три ночи. Девять месяцев спустя старуха рождает смуглого трэла, от которого пошло племя трэлов. Далее Риг приходит к дому, где живут дед с бабкой (*afi* и *amma*). По прошествии девяти месяцев бабка родила мальчика, ставшего предком всех крестьян. Отправившись далее, Риг является к палатам, в которых обитали отец и мать, и через девять месяцев мать родила Ярла (графа). Ярл женился на Эрне, дочери херсира (барона), и самым младшим из их сыновей стал юный Конр (*Konr úngr*, то есть *konungr*, конунг, король). Последние персонажи являются предметом особой заботы Рига; он заботится не только об их рождении, но и обучении и воспитании, тем самым являя удивительный пример аристократического духа, доминировавшего на Севере с самых ранних времен.

²¹² Magnusen, op. cit., p. 414, note.

²¹³ *Nordisk Mythologie*, op. cit., p. 221.

²¹⁴ Afzelius, op. cit., i, 15.

²¹⁵ Предположительно получивший такое название от Торри, древнего короля или божества финнов и лапландцев, из племени форниот, и *blót*, жертвоприношение. См. *Snorra-Edda*, ed. Rask, p. 358.

²¹⁶ Afzelius, op. cit., i, 21.

²¹⁷ *Sorbus aucuparia* (лат. «рябина птицеловов»), говап шотландских горцев.

²¹⁸ Когда он переходил вброд реку по пути к дому Гейррёда.

²¹⁹ Afzelius, op. cit., i, 18, 20.

²²⁰ Из Petersen, *Danmarks Historie* и Keyser, op. cit.

²²¹ Подобно нашему *обаятель*.

²²² Saxo, p. 38, edit. Müller.

²²³ Ibid. p. 242.

²²⁴ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 988.

²²⁵ Ynglingas. c. 4.

²²⁶ Сага об Эйрике Рыжем. Описанная сцена произошла в норвежской колонии на земле Гренландии.

²²⁷ Это достигалось с помощью похожего на пепел порошка, которым чародей посыпал лицо, желавшее скрыть себя.

²²⁸ Причиной вражды стало отравленное питье, поднесенное Эгилю на пиру Гуннхильдой; имея основания для подозрений, он нацарапал на роге руны ножом, уколол себя в руку и помазал руны кровью, после чего рог разлетелся на части и отравляющая пролилась.

²²⁹ Первый законодатель Исландии. Жил в десятом веке.

²³⁰ Следует заметить, что слово *германский* используется здесь в своем современном значении, то есть за исключением скандинавских народов.

²³¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., Preface, p. viii.

²³² Ibid. p. x.

²³³ Müller, op. cit., p. 12.

²³⁴ Ibid.

²³⁵ Müller, op. cit., p. 14.

²³⁶ Ibid. p. 15.

²³⁷ Müller, op. cit., p. 16.

²³⁸ Много заговоров и заклинаний можно найти в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. cxxvi—clix и в Mone, *Anzeiger*, а также в *Altdeutsche Blätter*, Bd. ii, etc.

²³⁹ Как Эрсе и Фасолт. См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. cxxx—cxxxii, Müller, op. cit., p. 21.

²⁴⁰ Müller, op. cit., p. 22.

²⁴¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., (Vorrede, p. xxxii)

²⁴² Müller, op. cit., p. 34.

²⁴³ См. главу о Бальдре.

²⁴⁴ Müller, op. cit., p. 35.

²⁴⁵ Sunt etenim inibi vicinae nationes Suevorum, quo cum moraretur et inter habitatores illius loci progredereetur, reperit eos sacrificium profallum *litare* velle, vasque magnum, quod vulgo *cupam* vocant, quod viginti et sex modios amplius minusve capiebat, *cerevisia* plenum, in medio habebant positum. Ad quod vir Dei accessit et sciscitatur quid de illo fieri vellent? Illi aiunt: deo suo Wodano, quem Mercurium vocant alii, se velle *litare*. — (лат.) «Есть ведь там по соседству племени шведов; если кто там задержится и освоится среди обитателей этого места, то узнает, что они предпочитают приносить в жертву профаллос и при этом ставят полный пива огромный сосуд, в народе именуемый бочкой, которая вмещает около двадцати шести модиев. Зачем приступает человек к Богу и выведывает, что ему предопределено? Они говорят, что хотели бы умиловить своего бога Водана, которого иные называют Меркурием».

²⁴⁶ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 49. Müller, pp. 80, 85.

²⁴⁷ Müller, op. cit., p. 86. На вестфальском диалекте среда, англ. *Wednesday*, носит название *Godenstag*, *Gaumstag*, *Gunstag*; в нижнерейнском — *Gudenstag*; на средневековом нидерландском или датском — *Woensdach*; на новонидерл. — *Woensdag*; на фламандском *Goensdag*; на старофризском — *Wernsdei*; на новофризском — *Wänsdey*; на северо-фризском *Winsdei*; на англосаксонском, *Wodenes-* и *Wodnesdaeg*; на старонорвежском — *Odinsdagr*.

²⁴⁸ *Yuglingasaga*, с 2.

²⁴⁹ Диар состоял из двенадцати верховных жрецов.

²⁵⁰ Впоследствии Великороссия и Малороссия.

²⁵¹ Строго говоря, земля саксов; однако скандинавские авторы применяют это название ко всей Германии, от Альп на юге до Рейна на западе.

²⁵² Редкая неточность, Odense (Odins или, точнее, Odins ve) является главным городом Фьоны.

²⁵³ «Ec forsacho allum dioboles uuercum ende uuordum *thunaer* ende *uuoden* ende *saxnote* ende allem them unholdum the hira genotas sint». — «Отрекаюсь от всех дел и слов дьявола, Тунаэра и Водена и Сакснота и всех нечистых духов, служащих им». Massmann, *Abschwörungsformeln*, No. 1.

²⁵⁴ Древневерхненем. *Donares tac*, Toniris tac; средневерхненем. *Donrestac*; Mnl. *Donresdach*; Nnl. *Donderdag*, старофризск. *Thunresdei*, *Tornsdei*; северофризск. *Tongersdei*; северофризск. *Türsdei*; англосакс. *Thunres daeg*; старонорв. *thorsdagre*; совр. англ. Thursday.

²⁵⁵ Древневерхненем. *Cies dac*, ранее возможно *Ziuwes tac*, позже швабск. *Ziestac* (другие формы см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 113). Современное немецкое *Dienstag* представляет собой искажение *Diestag*. Mnl. *Disendach*; Nnl. *Dingsdach*; старофризск. *Tysdei*; N. фризск. *Tyesdei*; Nor. фризск. *Tirsdei*; англосаксонск. *Tiwes daeg*; старо-норв. *Tysdagr*.

²⁵⁶ Алкуин, *Vita S. Wilibrordi* цит. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*. op. cit. p. 210.

²⁵⁷ *De Situ Daniae*, p. 132. Müller, op. cit., p. 88.

²⁵⁸ См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 276.

²⁵⁹ Названия шестого дня недели меняются: древневерхненемецк. *Fria dag*, *Frije tag*; Mhg. *Fritac*, *Vriegtag*; Mnl. *Vridach*; старофризск. *Frigendei*, *Fredei*; N. фризск. — Frêd; англосакс. *Frige daeg*; старонорв. *Friadagr*, *Frejudagr*; Sw. Dan. *Fredag*.

²⁶⁰ Müller, op. cit., p. 88.

²⁶¹ Lappenberg, *England*, Thorpe, i, p. 288, Müller, op. cit., p. 89.

²⁶² Celebrant carminibus antiquis, quod unum apud illos memoriae et annalium genus est, Tuisconem deum terra editum, etc. — (лат.) «Они возвещают древними песнопениями, что лишь один у них род воспоминаний и анналов, — славят бога Туискона, из земли изошедшего, и т.д.»

²⁶³ *Germania*, с. 2.

²⁶⁴ Русский перевод Е. Лазарева.

²⁶⁵ Находящаяся возле Бонна скала носит название Fasolt's Keule (дубинка).

²⁶⁶ Ich peut dir, Fasolt, dass du das wetter verfirst (wegführest), mir und meinen nachpauren an schaden (старонем. «Я прошу тебя, Фазольт, отвести воды, чтобы они не повредили мне и моим крестьянам»). Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. cxxxii. Müller, op. cit., p. 317, sqq.

²⁶⁷ См. относящиеся к нему пассажи в W. Grimm, *Deutsche Heldensage*.

²⁶⁸ См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 218, 602. Müller, op. cit., pp. 310, 319.

²⁶⁹ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 125.

²⁷⁰ Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 191—198, 200—205. Wolf, *Niederl. Sagen*, No. 178, etc.

²⁷¹ Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 202; Harrys, *Sagen, Märchen und Legenden Niedersachsens*, i, No. 11.

²⁷² Словом *стѣнке* или *стенке* в Нижней Саксонии обозначается дьявол и вихрь, от которого над землей расходится туман. Дьявол сидит внутри вихря и с яростным воем несется по воздуху. Märk., *Sagen*, p. 377. Вихрь также приписывается ведьмам. Если бросить в него нож, ведьма получит рану и сделается видимой. *Schreibers Taschenbuch*, 1839, p. 323. Ср. Grimm, *Abergl.*, pp. 522, 554; *Mones Anzeiger*, pp. 8, 278. См. также vol. iii, p. 23. Духов бури и града можно умиловить, если, потрясая мешком из-под муки, сказать: «Siehe da, Wind, koch ein Mus für dein Kind!» (Смотри сюда, ветер, свари кашку моему дитяти!); или для этого нужно выбросить скатерть из окна. Grimm, *Abergl.*, p. 282. Подобно Дикому Охотнику, дьявол в Великую Среду охотится на женщин (*wood-wives*). Ibid. pp. 469, 914. See p. 472, примеч. 1.

²⁷³ Müller, op. cit., p. 317.

²⁷⁴ Müller, op. cit., p. 327.

²⁷⁵ От старосаксонского *deranian*, англосаксон. *dyrnan*, *скрывать*. Для гномов солнце восходит в полночь. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 435.

²⁷⁶ Müller, op. cit., p. 335.

²⁷⁷ Müller, op. cit., p. 332.

²⁷⁸ Müller, op. cit., p. 336.

²⁷⁹ Взять, например, Регина, наставника Сигурда.

²⁸⁰ Müller, op. cit., p. 337.

²⁸¹ Müller, op. cit., p. 339.

²⁸² Müller, op. cit., p. 341.

²⁸³ Arndt's *Märche*, i, p. 152.

²⁸⁴ Müller, op. cit., p. 342.

²⁸⁵ Гномы посещают церковь. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 23, 32. Кобольды являются христианами, они поют духовные песни и надеются на спасение. *Ibid.*, i, pp. 112, 113. Müller, op. cit., p. 342.

²⁸⁶ Met haet Wyrð gewaef Что Вурд спряла для меня. *Cod. Exon.*, p. 355, 1.

Wyrð oft nered Вурд часто хранит

unfaegne eorl, необреченного,

thonne his ellen deáh. в доблести его. *Беовульф*, 1139.

Him waes Wyrð К нему была Вурд

ungemete neáh. чрезвычайно близка. *Ibid*, 4836.

Thiu uurd is at handum. Вурд рядом. *Heliand*, p. 146, 2.

Thiu uurth a nahida thuo, Вурт тогда обрела

mari maht godes. великую мощь Господа. *Ibid.*, p. 163, 16.

В словнике древневерхненемецкого языка мы находим слово *wurt*, *fatum*, судьба. Graff, i., p. 992. Англичане и шотландцы дольше всех хранили слово в виде *weird sisters*, богинь судьбы, *Макбета* и *Виргилия* Гавена Дугласа (*Virgil*); *weird elves*, роковых эльфов в *Англии Альбиона* Уорнера; *weird lady*, таинственной дамы леса в *Reliques* Перси. См.: Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 376—378.

²⁸⁷ Müller, op. cit., p. 346.

²⁸⁸ Müller, op. cit., p. 349.

²⁸⁹ Ниже приведен упомянутый в тексте стих с латинским переводом Гримма:

Eiris sâzun idisî,

sazun hera duoder,

suma hapt heptidun

suma heri lezidun,

suma clêbôdun

umbi cuniouuidi,

insprincg haptbandun,

inuar uigandun.

Olim sedebant nymphae,

sedebant huc atque illuc,

aliae vincula vinciebant,

aliae exercitum morabantur,

aliae colligebant sarta,

insultum diis complicitibus,

introitum heroibus.

Латинский текст действительно не вполне внятен, и его можно назвать лишь рабочим вариантом перевода

Некогда сидели нимфы,
Сидели тут и там;
Иные связывали узами,
Иные сдерживали воинство,
Иные скрепляли гирлянды (...)
Удар для связанных богами,
Вхождение для героев.

В современной науке 1-е Мерзебургское заклинание рассматривается как волшебный заговор на удачу в освобождении от плена. Вот его классический русский перевод, стилизованный в духе русской архаики и приближенный к оригиналу в отношении стихотворной ритмики:

Древле сели Девы
Семо и овамо.
Эти путы путали,
Те полки нятили,
Третьи перетерли
Твердые оковы.
Верви низвергни,
Вражьих пут избегни.

«Девы» здесь означают валькирий. (Перевод Б. Ярхо)

Особенно непонятны последние две строки. См. Grimm, *uber zwei entdeckte Gedichte aus der Zeit des Deutschen Heidenthums*. Berlin, 1842; также W. Wackernagels, *Altdeutsches Lesebuch*, edit. 1842. Vorrede, p. ix.; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 372.

²⁹⁰ Müller, op. cit., p. 355.

²⁹¹ Добавляем список основных подразделений волшебников и прорицателей, позволяющий понять их образ действий. Наиболее общие названия: *divini, magi, harioli, vaticinatores* (лат. «прорицатели, маги, гадатели, пророчествующие»), и др. Более конкретными наименованиями являются: *sortilegi (sortiarii, χρησόλογοι)*, гадатели по жребию; *incantatores*, чародеи; *sonniorum conjectores*, толкователи снов; *causculatores* и *coclearii*, гадатели по жертвенным чашам (ср. Дю Фресне *sub voce*, и *Indic. Superst.*, с. 22); *haruspices*, гаруспики, гадатели по внутренностям (*Capitul.*, vii, 370, *Leges. Liutprandi* vi, 30, comp. *Indic.* с. 16, и гадатели по человеческим внутренностям. *Procop. de B. G.*, 2, 25); *auspices* (Ammian. Marcel., 14. 9); *obligatores*, завязыватели узлов (для излечения болезней); *tempestarii*, или *immissores tempestatum*, вызыватели бурь.

²⁹² Наиболее известной среди ведьминых гор является расположенная в Гарце знаменитая гора Броккен (Блоксберг); упоминаются также Хуиберг возле Хальберштадта; в Тюрингии Хорсельберг возле Эйзенаха, и Инсельберг возле Шмалькальде; в Гессене Бехельсберг или Бехтельсберг возле Оттрау; в Вестфалии Котерберг возле Корвей, или Веккиништейн возле Миндена; в Швабии, в Черном Лесу, и Канделе в Брисгау, или Хеуберг возле Балингена; во Франконии Крейденберг возле Вюрцбурга, и Стаффельштейн возле Бамберга; в Эльзасе Бишенберг и Бюхельберг. В Швеции такие сборища совершались на Блакулле, дословно Черной скале (в соответствии с Ihre морской скале

между Смаландом и Оландом), и на *Насафьялле* в Норрланде. Норвежские ведьмы также летали на *Блааколле*, на *Доврефьелд*, на *Лидерхорн* возле Бергена, на *Кьярфу*, *Вярд* и *Домен* в Финмарке, на *Тромс* (т.е. Тромменфельд), гору, расположенную на острове Тромсе, в Финмарке. Неаполитанские *streghe* (*striges*) собирались под *ореховым деревом* возле Беневенто. Местами сборищ итальянских ведьм служили: *Барко* ди Феррара, *Патерно* ди Болонья, *Спинато* дела Мирандола, *Тоссале* ди Бергамо и *Ла Кроче дель Пастиссио*, о местоположении которой мне неизвестно. Во Франции особенно известна Пью де Дом, возле Клермона в Оверни, Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1004. В Ланкашире ведьмы собирались на башне Малкин возле «the mighty Pendle», предание о котором связано с превращением человека в лошадь посредством узды, как следует на стр. 360; рассказывается также, что он может оторвать руку (см. стр. 250 и 447). См в Roby. *Popular Traditions of England*, vol. ii, pp. 211—253, edit. 1841.

²⁹³ По дороге на Блоксберг Мефистофель говорит Фаусту:

Verlangst du nicht nach einem Besenstiele?	<i>Ты не скуцаешь по метле?</i>
Ich wünschte mir den allerderbsten Bock.	<i>А я бы пожелал хорошего и крепкого козла.</i>

²⁹⁴ Müller, op. cit., p. 357.

²⁹⁵ Ibid., p. 365.

²⁹⁶ Ibid., p. 366.

²⁹⁷ Ibid., p. 366.

²⁹⁸ Более подробно на эту тему см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 440, и Müller, op. cit., p. 367.

²⁹⁹ Bilwitzen (bilmitzen) означает *спутывать волосы*. Müller, op. cit., p. 367.

³⁰⁰ Müller, op. cit., p. 367.

³⁰¹ Grimm, *Abergl.*, No. 62, 389, 454, из *Chemnitzer Rockenphilosophie*.

³⁰² Ibid., No. 545.

³⁰³ Водяной носит название *nix*, водяница *nixe*. Ср. древневерхненем. *nichus*, крокодил; англосаксон. *nicor*, мн. ч. *niceras*; шведск. *neck*; датск. *nök*. Один носит имена *Hnikärr* и *Hnikudr*.

³⁰⁴ Müller, op. cit., p. 369.

³⁰⁵ В то, что водяные способны предсказывать будущее, верят многие народы. Ограничимся одним напоминанием о Нерее и Протее.

³⁰⁶ Gregor. Tur., *De Gloria Confess.*, cap. ii: «Mons erat in Gabalitano territorio (Gevaudan) cognomento Helanus, lacum habens magnum, ad quem certo tempore multitudo rusticorum, quasi libamina lacui illi exhibens, linteamenta projiciebat, ac pannos, qui ad usum vestimenti virilis praebentur: nonnulli lanae vellera, plurimi etiam formas casei ac cerae vel panis, diversasque species, unusquisque juxta vires suas, quae dinumerare perlongum puto. Veniebant autem cum plaustris potum cibumque deferentes, mactantes animalia et per triduum epulantes. Quarta autem die, cum discedere deberent, anticipabat eos tempestas cum tonitruo et coruscatione valida; et in tantum imber ingens cum lapidum violentia descendebat, ut vix se quisquam eorum putaret evadere. Sic fiebat per singulos annos, et involvebatur insipiens populus in errore» — (лат.) «Была в местности Габалитанской (Геводан) гора по имени Гелан, имевшая озеро великое, в которое в свое время многие селяне, представляя это как бы священной жертвой озеру сему, бросали холсты, а также куски ткани, используемые в мужской одежде; нередко бросали шерстяное руно, а многие — изображения из сыра, воска либо хлеба,

разнообразного вида, каждый по возможностям своим, так что все перечислять, полагаю, было бы слишком долго. Приезжали также с повозками, чтобы опустить в воду питьё и снедь, чтобы заколоть животных и через трехдневный промежуток времени съесть. На четвертый же день, когда предстояло им разойтись, ожидала их мощная буря с громом и сверканием молнии, и такой огромный ниспадал град, с неистовством камнепада, что едва ли кто-нибудь из них помышлял о спасении. Так происходило в отдельные годы, и вовлекался в заблуждение безрассудный народ». Вне всяких сомнений, считалось, что дождь наступает вследствие приношений, сделанных духам озера.

Здесь можно вспомнить кельтский источник Барентон, находившийся в Броселиандском лесу. Если вода выливалась за его край, шел дождь. Уэйс рассказывает об этом следующими словами:

Aler i solent venéor
A Berenton par grant cholor,
Et o lor cors l'ewe puisier,
Et li perron de suz moillier,

Por ço soleient pluée avoir. — (старофранц.) «Они имели обыкновение приходить в сильный зной к Берентону, и когда из него черпали воду и увлажняли ею камень, то благодаря этому обычно шел дождь».

Roman de Rou, ii, p. 143.

Даже до настоящего дня к источнику совершаются шествия, и старейшина общины ногой чертит крест по воде. Считается, что после этого дождь прольется еще до того, как шествие вернется домой. Villemarqué in *Rev. de Paris*, t. 41, pp. 47—58.

³⁰⁷Если в Муммельзее бросить камень, самое чистое небо покроется грозowymi облаками. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 59. Ворование это, вероятно, сохранилось с кельтского времени. Аналогичные вещи рассказывают и о других озерах, например озере Пилатус в Камарине, Сицилия, и т.д.

³⁰⁸Müller, op. cit., p. 371.

³⁰⁹Märk., *Sagen*, No. 83.

³¹⁰Искупавшись в таком источнике, оборванка Элзе, возлюбленная Вольфдитриха, вышла, преобразившись в прекрасную Сигеминне. Müller, op. cit., p. 373.

³¹¹Müller, p. 373.

³¹²Расположенная в электорате Гессен гряда холмов.

³¹³Существующий в Баварии обычай в Духов день бросать в воду украшенного листьями или тростником мужчину также мог иметь своим источником жертвоприношение духу воды.

³¹⁴Müller, p. 376.

³¹⁵От roggen, *рожь*, и muhme, *тетя, кузину*.

³¹⁶От Erbsen, *горох*.

³¹⁷Müller, op. cit., pp. 378, sqq. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 445. Альберт Кун, без устали собирающий германский фольклор, знакомит нас с еще одним созданием женского пола, в значительной мере сходным с Хольдой, Берхтой и прочими, и зовущимся Муррауэ. Подробнее о ней см. далее.

³¹⁸Лесные духи могут также носить имя шрат (Schrat). Гримм (Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 455) сравнивает готское *sköbsl* (δαμόνιον) с древненорв. *skögr* (forest), делая далее вывод о том, что это был лесной дух. Йорнанд повествует о *sylvestres*

homines, quos faunos ficarios vocant (лат. «лесных людей, которых называют оборотнями»). «*Agrestes feminas, quas silvaticas vocant*» — (лат.) «...Диких женщин, которых называют лесными». Burehard of Worms, p. 198d.

³¹⁹ Лесные жены (*Holzweibel*) приходят к лесорубам попросить еды и способны также самостоятельно опустошить горшки, хотя впоследствии расплачиваются за одолжение каким-нибудь другим способом, например добрым советом. Иногда они помогают в кухонных трудах или моют посуду, но всегда выражают великий ужас перед Диким Охотником, который преследует их. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 452.

³²⁰ Müller, op. cit., p. 379.

³²¹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 452.

³²² Проминать пальцами хлеб, то есть оставлять на нем отпечатки собственных пальцев, принято во многих местах. Возможно, лесные жены не могли брать такой хлеб. По такой же причине они, вне сомнения, возражали против счета. Мы не знаем, раздражали их тмин в хлебе в качестве новшества или по другой причине, однако в стихотворении говорится:

Kümmelbrot unser Tod!

Хлеб с тмином — смерть нам!

Kümmelbrot macht Angst und Noth!

От хлеба с тмином боль и хворь!

³²³ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 452.

³²⁴ Ibid.

³²⁵ Müller, op. cit., p. 381. В соответствии с народным шведским верованием домашний спрайт обыкновенно обитал в соседнем с домом дереве.

³²⁶ Müller, p. 382.

³²⁷ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 479.

³²⁸ Кобольды являются духами убитых в доме людей. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 71. В спине их торчит нож. Ibid, i, p. 224.

³²⁹ Servius in Virgil, *Aen.* v, 85. «Nullus locus sine genio est, qui per anguem plerumque ostenditur» (лат. «У каждого места есть свой гений, который проявляется по преимуществу в виде змеи»).

³³⁰ Müller, op. cit., p. 383.

³³¹ *Lucos vetusta religione truces* (лат. «Страшные рощи древней религии»). Claud., *Cons. Stilich.*, i, 289; *De sacris silvarum, quae Nimidas vocant* (лат. «О священных лесах, именуемых Nimidas»). *Indic. Superst.*, 6; *Lucorum vel fontium auguria* (лат. «Предзнаменования по рощам и источникам»). Bonifac., Ep. 44. ed. Würdtw.; *Si quis ad lucos votum fecerit* (лат. «Если кто-нибудь принесет обет рощам»). *Capit. de Part. Saxon.*, c. 21. Comp. *Capit. Francos.* a. 794, c. 41; *Sylvam Sytheri, quae fuit Thegathon sacra* (лат. «Ситеров лес, который был святилищем Тегатон»). Pertz Monum., ii, 377. Имя Thegathon см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 65.

³³² *Vita Meinwerki*, c. 22; comp. Adam. Brem., c. 86

³³³ Müller, op. cit., p. 58.

³³⁴ Если такое прочтение верно, что крайне сомнительно (см. предыдущее примечание). Слово *blood*, кровь, не связано с глаголом *blōtan*, приносить в жертву.

³³⁵ Müller, op. cit., pp. 58—61. Возле рощи фризского бога Фосите находился священный источник. Comp. *Vita S. Remacii*, c. 12: *Warchinnam rivulum accedit* (событие происходило в Арденнах), *invenit illic certa indicia loca illa quondam idololatriae fuisse mancipata. Erant illic lapides Dianae, et id genus portentosis nominibus inscripti, vel effigies*

eorum habentes; *fontes* etiam, hominum quidem usibus apti, sed gentilismi erroribus polluti, atque ob id etiamnum daemonum infestationi obnoxii. — (лат.) «Достиг он ручья под названием Вархинна и нашел там верные свидетельства того, что эти места некогда были преданы идолопоклонству. Были там камни Дианы, диковинными именами исписанные, либо диковинные изображения имеющие; были также источники, для человеческого использования пригодные, однако оскверненные заблуждениями язычества, а также, по этой причине, все еще подверженные нападкам демонов».

³³⁶ Müller, op. cit., p. 61.

³³⁷ Ibid. p. 62.

³³⁸ См. *Indic. Superst.* c. 7. Conc. Namnet. c. 20: lapides, quos in ruinosis locis et silvestribus daemonum ludificationibus decepti venerantur, ubi et vota vovent et deferunt (лат. «камни, которые в местах, покрытых руинами и лесами, по заблуждению почитаются демонскими потехами; там и обеты дают, и совершают приношения»). Eccard, *Fran. Orient.*, i, p. 415.

³³⁹ Müller, op. cit., p. 62.

³⁴⁰ Burchard 19, 5: Comedisti aliquid de idolothito, i.e. de oblationibus quae in quibusdam locis *ad sepulchra* mortuorum fiunt, sel ad fontes, aut ad arbores, aut ad lapides, aut ad bivia — (лат.) «Ты вкусил нечто от идоложертвенного, то есть от приношений, которые возлагаются в неких местах к захоронениям мертвых, или к источникам, или к деревьям, или к камням, или к перекресткам».

³⁴¹ *Indic. Superst.*, c. 9: De sacrificio quad fit alicui sanctorum (лат. «О жертвоприношении, которое совершается кому-нибудь из святых»); c. 25: De eo quod sibi sanctos fingunt quoslibet mortuos (лат. «О том, что некоторые полагают для себя святыми каких-либо умерших»). Conc. Germ., a. 742. can. 5 (comp. *Capitul.*, vii, 128): ut populus Dei paganas non faciat, sed omnes spurcicies gentilitatis abiciat et respuat, sive profana sacrificia mortuorum, sive hostias immolatitias, quas stulti homines juxta ecclesias ritu pagano faciunt, sub nomine sanctorum martyrum vel confessorum (лат. «...дабы народ Божий язычеству не предавался, но отринул и отверг все гадости язычества: либо невежественные жертвоприношения мертвым, либо умиловительные жертвы, совершаемые глупыми людьми возле церквей по языческому обряду, под именем святых мучеников или исповедников»).

³⁴² *Indic. Superst.*, cc. 1, 2. Burchard, 10, 34. Bonifac., Ep. 44: sacrificia mortuorum respuentes (лат. «отвергающие жертвоприношения мертвым»). Ep. 82: sacrilegis presbyteris, qui tauros et hircos diis paganorum immolabant, manducantes sacrificia mortuorum (лат. «нечестивым пресвитерам, которые для языческих богов закалывали быков и козлов, поедая жертвоприношения мертвым»). *Capit.*, vi, 197: Admoneantur fideles ut ad suos mortuos non agant ea quae de paganorum ritu remanserunt. Et quando eos ad sepulturam portaverint, illum ululatum excelsum non faciant ... et super eorum tumulos nec manducare nec bibere praesumant (лат. «Пусть знают верующие: нельзя над умершими совершать то, что сохранилось от языческих обрядов. И когда их принесут на кладбище, пусть не произносят причитаний... и не предвкушают, что будут есть и пить на их могилах»). В середине IX в. Римский синод во главе с папой Львом IV запретил саксам «диавольские песнопения, которые в народе обыкновенно исполняются над умершими в ночные часы» (*carmina diabolica, quae nocturnis horis super mortuos vulgus facere solet*). Сравни. Wackernagel, *Das Wessobrunner Gebet*, p. 25.

³⁴³ Müller, op. cit., p. 63.

³⁴⁴ Гримм собрал и проанализировал все источники, упоминающие наличие храмов у германских племен. См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 70—77. Müller, op. cit., p. 65.

³⁴⁵ Отрывок из *Capitulary de Part. Saxon.*, i: «ut ecclesiae Christi non minorem habeant honorem, sed majorem et excellentiorem quam fana (ap. Pertz vana) habuissent idolorum» (лат. «чтобы церкви Христовой не меньшие воздавали почести, но большие и более возвышенные, чем святилищам /fana; у Пертца «vana», нечто пустое, бесполезное/идольским»), отвергается в Schaumann, *Gesch. des Niedersächs. Volks*, p. 133. Сравн. рассказ Беды о разрушении англского храма в Годмундхэме, Йоркшир (с. AD 627), также в: Lappenberg, *England*, i, pp. 151—153.

³⁴⁶ *Lex Frisionum Addit. Sap.*, xii. В соответствии с «Vita S. Liudgeri», i, 8 фризцы хранили свои сокровища в храмах. Сравн. также «fana in morem gentilium circumquaque erecta» (лат. «святилища, по языческому обычаю повсюду воздвигнутые») в «Vita S. Willehadi» (ob. AD 789) ap. Pertz, ii, 381, и fana Фосити в «Vita S. Willebrordi» (ob. AD 739) в *Act. Bened.*, sec. 3, p. 609; Altfridi Vita S. Liudgeri ap. Pertz, ii, 410.

³⁴⁷ «Vita S. Bertulfi Bobbiensis» (ob. AD 640), в *Act. Bened.* sec 2, p. 164.

³⁴⁸ Müller, op. cit., p. 65.

³⁴⁹ *Ξόανον ἐφ' ᾧ ῥημάξῃς ἐστὼς* (греч. «деревянное изваяние на крытой повозке»), Sozomen., *Hist. Eccles.*, vi, 37.

³⁵⁰ Аналогичные языковые формулы многочисленны: напр. Gregor., *Tur. Hist. Franc.*, ii, 29. Willibald, *Vita Bonifac.*, ii, 339, ap. Pertz., *Vita Willehadi*, ibid., ii, 380. Bonifac., *Ep.* 6; *Vita Lebuini*, ibid, ii, 362. «Vita S. Kiliani» в *Act. Bened.*, sec. 2. p. 992. Языческие божества традиционно именовались идолами. Тем не менее относящиеся к фризам отрывки из «Vita Bonifacii» и «Vita Willehadi» могут показаться убедительными, так как у них также были храмы.

³⁵¹ Müller, op. cit., p. 65.

³⁵² Walafrid. Strab., «Vita S. Galli», в *Act. Bened.* sec. 2, p. 233. Comp. «Vita S. Galli» ap. Pertz, ii, 7; Ratpertus Casus S. Galli, ap. Pertz, ii, 61.

³⁵³ Jonae Bobbiensis, «Vita S. Columbani», c. 17, в *Act. Bened.*, sec. 2, pp. 12, 13.

³⁵⁴ *Hist. Franc.*, viii, 15. Mirac., 2, 5: grande delubrum, ubi in columna altissima simulacrum Martis Mercuriique colebatur (лат. «великий храм, где в виде высочайшего столпа почиталось подобие Марса и Меркурия»).

³⁵⁵ Отрывки, относящиеся к Ирминсулю, см. в Meibom. *de Irminsula Saxonica, Rer. Germ. Scriptt.*, iii, pp. 2, sq. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 105, sq. Comp. а также в: Ideler. *Einhard*, i, 156, sq.

³⁵⁶ Müller, op. cit., p. 67. Rudolf. Fuld. Transl. S. Alexandri, ap. Pertz, ii, 676.

³⁵⁷ O. Müller, *Handbuch der Archaeologie der Kunst*, § 66.

³⁵⁸ Müller, op. cit., p. 70.

³⁵⁹ Gregor., *M. Dialog.*, iii, 28: Caput caprae ei (diabolo) per circuitum currentes, carmine nefando dedicantes (лат. «С головою козы для него /диавола/ обходили круговым движением, посвящая ему нечестивое песнопение»). В жертвенной роще близ Упсалы звучали paeniae inhonestae (лат. «нечестивые заклинания»). *Ad. Brem.*, p. 144, edit. Lindenbrog.

³⁶⁰ *Capit.*, vi, c. 196: Illas vero balationes et saltationes, cantica turpia et luxuriosa, et illa lusa diabolica non faciat, nec in plateis nec in domibus neque in ullo loco, quia haec de paganorum consuetudine remanserunt — (лат.) «Пусть же не занимается он этими блея-

ниями и скаканиями, песнями безобразными и безудержными, и дьявольскими этими забавами, ни на улицах, ни в домах, ни в каком-либо ином месте, ибо все это осталось от языческого обычая». *Vita S. Eligii*, ii, 16: *Nullas saltationes, aut choraulas, aut cantica diabolica exerceat* — (лат.) «Пусть не предается ни скаканиям, ни игре на флейте, ни песням дьявольским». Запрещения древних народных песен можно прочесть в собрании выдержек: Wackernagel, *Das Wessobrunner Gebet*, pp. 25—29; Hofmann, *Geschichte des Deutschen Kirshenliedes*, pp. 8—11; Massmann, *Abschwörungsformeln*.

³⁶¹ Müller, op. cit., p. 74.

³⁶² О человеческих жертвоприношениях среди готов см. у Йорнанда, с. 5; Исидора, *Chron. Goth. aera* 446; среди герулов, Прокопий, *de Bello Goth.*, ii, 14; среди уже обращенных франков, *ibid.*, ii, 25; среди саксов, *Sidon. Apoll.*, 8, 6, *Capit. de Part. Sax.*, 9; среди фризов. *Addit. Sap.*, Tit. 12; тюрингов, *Bonifac.*, Ep. 25. Comp. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 39.

³⁶³ Например, описанное Дитмаром Мерзебургским, i, 9, великое жертвоприношение в Ретре, когда было принесено в жертву девяносто девять человек, столько же копей, собак и петухов, очевидно, было совершено с целью умиловить богов.

³⁶⁴ Müller, op. cit., p. 76. Tacitus (*Germ.*, 27) свидетельствует лишь о сожжении коня. В Скандинавии с трупом сжигали слуг и соколов. В могиле короля Хильдерика был найден человеческий череп, предположительно принадлежавший его маршалу. Жены герулов вешались на могилах мужей. Прокур., *B.G.*, ii, 14. У галлов также было принято сжигать рабов и клиентов вместе с трупом высокопоставленного человека. Caesar, *B.G.*, iv, 19.

³⁶⁵ В соответствии с «*Vita S. Wulframmi*» (ob. AD 720) в *Act. Bened.*, sec. 3, pp. 359—361 жертву иногда выбирали по жребию. Повествование в этом житии носит несколько сказочный характер, однако пренебрегать им не следует. Когда св. Виллиброрд и его спутники осквернили святилище Фосити, был брошен жребий, согласно которому был умерщвлен только один из них. Алкуин, *Vita S. Willibr.*, с. 10. Среди славян приносимые в жертву люди также определялись по жребию. *Jahrb.*, für *Slaw. Lit.* 1843, p. 392.

³⁶⁶ *Vita S. Wulframmi*, p. 360.

³⁶⁷ Müller, op. cit., p. 77. *Lex Frisionum*, *Addit. Sap.*, Tit. 12. *Qui fanum effregerit et ibi aliquid de sacris tulerit, ducitur ad mare, et in sabulo, quod accessus maris operire solet, finduntur aures ejus, et castratur, et immolatur diis, quorum templa violavit* — (лат.) «Тот, кто взламывает храм и унесет оттуда что-нибудь из священных предметов, отводится к морю, и на песке, который обычно покрывает подходы к морю, разрывают уши его, и оскверняется он, и приносится в жертву богам, чьи храмы осквернил».

³⁶⁸ Müller, op. cit., p. 79.

³⁶⁹ Müller, op. cit., p. 80. See pp. 263—264.

³⁷⁰ *Bonifac.*, Ep. 38, 46.

³⁷¹ *Bonifac.*, Ep. 25: *Qui a presbytero Jovi mactante et immolatitias carnes vescente baptizati sunt* (лат. «Те из пресвитеров, кто умиловывает Юпитера и вкушает жертвенное мясо, проходят обряд крещения»). Ср.: Ep. 82 и *Capitul. vii*, 405.

³⁷² *Statut. Bonifac.* 33, p. 142, ed. Würdtw.: *Si quis presbyter aut clericus auguria, vel divinationes, aut somnia, sive sortes, seu phylacteria, id est, scripturas, observaverit* (лат. «Если какой-нибудь пресвитер или клирик занимается толкованием примет, или предсказаниями, или снотолкованием, или метанием жребия, или филактериями, то есть отрывками из Священного Писания...»).

³⁷³ Müller, op. cit., p. 103. *Bonifac.*, Ep. 87: Pseudosacerdotes, qui sine episcopo, proprio arbitrio viventes, populares defensores habentes contra episcopos, ut sceleratos mores eorum non confringant, seorsum populum consentaneum congregant, et illud erroneum ministerium non in ecclesia catholica, sed per agrestia loca, per colles rusticorum, ubi eorum imperita stultitia celari episcopos possit, cerpetrant, nec fidem catholicam paganis praedicant, nec ipsi fidem rectam habent — (лат.) «Псевдосвященнослужители, которые живут без епископа, своим разумением, имея среди народа своих заступников перед епископами, чтобы не нарушили их скверных обычаев, собирают вместе отдельных людей, согласных с ними, и ложное это управление осуществляют хотя и не во вселенской церкви, но в глухих местностях, среди сельских холмов, где невежественная их глупость от епископов может быть сокрыта, и ни веру католическую язычникам не возвещают, ни сами правильной веры не имеют». О франкском епископе Адальберте рассказывают, что он соблазнял народ таким образом: ita ut cruces statuens in campis et oratoriola, illuc faciat populum concurrere, publicasque ecclesias relinquere (лат. «воздвигая кресты в полях и молитвенных домах, побуждал людей стекаться туда, оставляя общественные церкви»). Comp. Ep., 59, 67.

³⁷⁴ Grimm, *Deutsche Rechtsalterthümer*, pp. 793, 822.

³⁷⁵ Например, когда преступников вешали вместе с волками или псами, что в более позднее время считалось особенно позорным. Grimm, *Deutsche Rechtsalterthümer*, p. 685. Преступников хоронили на перекрестках дорог, истари являвшихся местами языческих жертвоприношений, там же ставили и виселицы. Ibid., pp. 720, 683. В общем, такие обычаи при казни, как волочение преступника на коровьей шкуре, по всей видимости считались более позорными, поскольку первоначально принадлежали к числу языческих.

³⁷⁶ Müller, op. cit., p. 104.

³⁷⁷ «Vita S. Agili Resbac», in *Act. Bened.*, sec. 2, p. 317; «Vita S. Amandi», ibid. p. 715; «Vita Luidgeri» ap. Pertz, ii, p. 410; Gregor., *M. Ep. ad Mellitum* (Beda, *H.E.*, i, 30): «Dicite ei (Августину) quid diu mecum de causa Anglorum cogitans tractavi: videlicet, quia fana idolorum destrui in eadem gente minime debeant; sed ea quae in ipsis sunt idola destruantur; aqua benedicta fiat, in eisdem fanis aspergatur, altaria construantur reliquiae ponantur; quia si fana eadem bene constructa sunt, necesse est ut a cultu daemonum in obsequium veri Dei debeant commutari, ut, dum gens ipsa eadem fana sua non videt destrui, de corde errorem deponat, et Deum verum cognoscens et adorans, ad loca quae consuevit familiariter concurrat» — (лат.) «Скажите ему (Августину) о том, что я понял, поразмышляв немало о делах англоv: ясно, что храмы идольские, которые есть у этого народа, как можно менее должны разрушаться, хотя идола, в них обретающиеся, и должны быть разрушены; пусть эти храмы окропляются благословенной водой, пусть сооружаются алтари и полагаются там реликвии, ибо, если храмы эти основательно построены, необходимо их переоборудовать для почитания истинного Бога, чтобы народ, видя храмы свои неразрушенными, исторг из сердца заблуждение и, познавая и почитая истинного Бога, приходил в те же места, ставшие для него привычными».

³⁷⁸ Mone, *Gesch. des Heidenthums*, ii, 52. Schreiber, *die Feen in Europa*, p. 18.

³⁷⁹ В процитированном Григорием письме далее сказано: «Et quia boves solent in sacrificio daemonum multos occidere, debet eis etiam in hac re aliqua sollemnitas immutari; ut die dedicationis, vel natalitiis sanctorum martyrum, quorum illic reliquiae ponuntur, tabernacula sibi circa easdem ecclesias, quae ex fanis commutatae sunt, de ramis arborum faciant, et religiosius

conviviis sollemnitatem celebrent; nec diabolo jam animalia immolent, sed ad laudem Dei in esu suo animalia occidant, et Donatori omnium de satietate sua gratias referant; ut dum eis aliqua exterius gaudia reservantur, ad interiora gaudia consentire facilius valeant. Nam duris mentibus simul omnia abscidere impossibile esse non dubium est; quia et is, qui summum locum ascendere nititur, gradibus vel passibus, non autem saltibus elevatur» — «И, поскольку сложился обычай приносить в жертву демонам множество быков, необходимо ввести видоизмененное празднество такого же рода, и пусть в тот день, когда отмечается память об освящении храма, или в дни памяти святых мучеников, чьи мощи там положены, делают себе из ветвей древесных кущи возле тех же самых церквей, которые перестроены из языческих храмов, и отмечают праздник религиозными пиршествами; уже не диаволу приносят в жертву животных, но во славу Божию в снедь себе умерщвляют их и Дарителю всяческих от изобилия своего воздают благодарность, дабы, сохраняя некую внешнюю радость, легче смогли бы сойтись в радости внутренней. Ведь нет сомнения, что грубым умам невозможно отказаться ото всего сразу; ибо тот, кто устремляется взойти на некое высочайшее место, поднимается ступенями или шагами, а не скачками».

³⁸⁰ Müller, op. cit., p. 106.

³⁸¹ Ibid, p. 108.

³⁸² Müller, op. cit., p. 109. Отсюда пошли выражения «diabolo sacrificare», «diaboli in amorem vinum bibere» (лат. «приносить в жертву диаволу», «из любви к диаволу пить вино»). Дьяволу приносили в жертву черную курицу. См. vol. iii, p. 256. Harrys, No. 55. Temme, Sagen Pommerns, No. 233.

³⁸³ Müller, op. cit., p. 110.

³⁸⁴ См. том iii.

³⁸⁵ Готск., *man* (мн. ч. *munum*, *pret. munda*), я думаю, помню, откуда древневерхне-нем. *minna* = *minia*, *amor*; *miniôn* = *miniôn*, *amare*, помнить о возлюбленной. В старонорв. существует *man*, *munum*, а также *minni*, *memoria*, *minna*, *recordari*. Подробности см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*. op. cit., p. 52.

³⁸⁶ Например, костры Иванова дня и обряды дня святого Мартина.

³⁸⁷ Удивительным примером этого может послужить второе Мерзебургское заклинание в его нескольких вариантах. (Приведем его современный русский перевод:

Пфол и Вотан
Выехали в рощу.
Тут Бальдеров жеребчик
Вывихнул бабку.
Заклинала Синтгунт
С Сунною сестрицей.
Заклинала Фрия
С Фоллою сестрицей.

Заклинал и Вотан.
Заговор он ведал
От полома кости, от потока
Крови, от вывиха членов.
Склейся кость с костью,

Викинги — королевская чета, епископ и воин. Шахматные фигуры, найденные на острове Льюис. 1100 г.

Корабль викингов из Осеберга. VII в.

Имир доит Аудумлу. Художник Н.А. Абельгард. Конец XVIII в.

Скандинавская бронзовая коробчатая фибула с космогоническими символами. X в. Остров Готланд

Битва Тора с Ёрмундгандом или Змеем Мидгарда. Художник И.Х. Фюссли. 1788 г.

Исландское издание Эдды XVII в. Изображены, в частности, Один, Мьельнир, Слейпнир, Хеймдалль, Гугин, Мунин

Валгалла. Миниатюра из исландского манускрипта XVII в.

Навершие в виде головы Одина с двумя птицами (они облетают мир, собирая сведения для Одина). Старая Ладога. VII—VIII вв.

Изображение Тора на рукоятке ведра. Из погребальной ладьи из Осеберга. IX в.

Локи и Хед убивают Бальдра.
Миниатюра из исландского
манускрипта XVIII в.

Один заставляет великана Бауги
сверлить гору, чтобы добыть
поэтический мёд. Миниатюра из
исландского манускрипта XVIII в.

Хермод в Хеле. Сожжение Бальдра и
гнома Литура. Миниатюра из
исландского манускрипта XVIII в.

Уль. Миниатюра из исландского
манускрипта XVIII в.

Волк Фенрир. Миниатюра из исландского манускрипта XVII в.

Серебряная подвеска из клада X в.,
найденного в 1868 г. в Гнездово
под Смоленском

Серебряная скандинавская подвеска.
Возможно, изображение Одина

Один на восьминогом коне Слейпнире въезжает в Валгаллу, где его встречают валькирии.
Рельеф с рунического камня на острове Готланд. VIII в.

Слейся кровь с кровью,
К суставу сустав,
Как слепленный, пристань.

Пфол — одно из имен Бальдра; Сунна — богиня Солнца; Синтгунт — ее сестра; Фрия — одно из имен Фригг; Фолла — служанка Фригг. Перевод Б. Ярхо. — *Примеч. ред.*)

³⁸⁸ Gregor., Tur., ii, 37.

³⁸⁹ Müller, op. cit., p. 110. Conc. Autissiod. a. 578, c. 3. «Non licet ad sortilegos vel ad auguria respicere; nec ad *sortes*, quas *sanctorum* vocant, vel quas de ligno aut de pane faciunt, adspicere» — (лат.) «Не следует придавать значение предсказателям или пророчествам, а также благоговеть перед предсказаниями, которые приписывают святым, или которые делают на дереве либо на хлебе». В соответствии с *Lex Frisionum*, Tit. 14, на алтарь возлагали две небольших палочки, одна из которых была помечена крестом. Священник или невинный мальчик с молитвой брали одну из них.

³⁹⁰ 10, 1. (Из Conc. Ancyran. a. 314): «Illud etiam non omittendum, quod quaedam sceleratae mulieres, retro post Satanam conversae, daemonum illusionibus et phantasmatis seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum *Diana*, paganorum dea, vel cum *Herodiade* et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias, et multa terrarum spatia intempestae noctis silentio pertransire, ejusque jussionibus velut dominae obedire, et certis noctibus ad ejus servitium evocari» — (лат.) «Не следует также упускать из виду, что некие преступные женщины, вновь обратившиеся к Сатане, совращенные демонскими иллюзиями и призраками, верят и заявляют, что они в ночные часы вместе с Дианой, богиней язычников, или с Иродиадой, и с бесчисленным количеством женщин скачут верхом на неких животных и великие пространства земель преодолевают в молчании глубокой ночи, ее повелениям, как владычицы, повинуются и в определенные ночи призываются к служению ей».

³⁹¹ *Opera*, edit. Balierini, p. 20. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 260.

³⁹² Lenit honor luctum, minuit reverentia poenam,
Pars hominum moestae tertia servit heroe.
Quercubus et corylis a noctis parte secunda
Usque nigri ad galli carmina prima sedet.
Nunc ea nomen habet Pharaildis, Herodias ante
Saltria, nec subiens nec subeunda pari.

Почести утишили скорбь, смягчило кару уважение:
Третья часть людей печальной служит героине.
На дубах и на кустах орешника от второй части ночи
Вплоть до первых песен черного петуха сидит она.
Теперь ее имя Фарахильда, — прежде Иродиада
Лесная, та, кто сопернику не подчиняется и не подчинится.

(Как отмечает Я. Гримм в «Тевтонской мифологии», гл. 13, в этом сюжете соединились античные представления о богине Диане, народные христианские предания об Иродиаде и образ Фарахильды /вар.: Фараильда, Ферельда/; последнее имя носила фламандская святая VII в., в чьем Житии нашли отражение дохристианские представ-

ления о божественной покровительнице животных; это имя, по-видимому, сближалось с легендами о Фрау Хольде и Дикой Охоте. — *Примеч. ред.*)

Reinardus, i, 1159—1164. Müller, op. cit., p. 112; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 262.

³⁹³ Eccard, *Franc. Orient.*, i, p. 437.

³⁹⁴ Müller, op. cit., p. 113. *Act. Sanct.*, ii, p. 774. «In agrum Friburg, quod est in Brisgoia circumjectum, aliquot annis adeo copiosa saeviterque grassata erant insecta, ut vix jam herbae quid excresceret, sed omnia veluti nimis solibus torrida ruberent. Motus diuturno hoc malo urbis ejus magistratus enixe petiit, ut adversus diros vermes afferretur sacra *cambatta*. Quae ubi allata est a quodam S. Magni coenobita, *eaque campi prataque illa lustrata*, eodem adhuc anno, qui seculi hujus fuit xi (1711), tellus laeto herbarum vigore convestiri; vermes pars migrare alio, pars emori. Ut tanti beneficii perennaret memoria, decreverere Friburgenses posthac natalem S. Magni habere sacrum et festum». — (лат.) «На область Фрибург, что в округе Брисгойя, некогда в изобилии напали свирепые насекомые, так что едва всходила какая-нибудь трава, как вся она краснела, будто иссушенная чрезмерным солнечным зноем. Побуждаемый затяжным этим злом, магистрат этого города настоятельно потребовал, чтобы против ужасных червей начали священную войну. Провел же ее некий монах святого Магнуса, и когда освящены были эти поля и луга, то в тот же год, от начала того века одиннадцатый (1711), земля оделась роскошной силой трав; часть червей перебралась в другие места, а часть умерла. И чтобы сохранилась память об этом благодеянии, жители Фрибурга впоследствии сделали день рождения святого Магнуса особо чтимым и праздничным». Comp. Schreiber's *Taschenbuch für Geschichte und Alterthum in Süddeutschland*, 1839, p. 329.

³⁹⁵ Müller, op. cit., p. 115.

³⁹⁶ Один виспель = 24 бушеля.

³⁹⁷ Müller, op. cit., p. 116. Kuhn, *Märk. Sagen*, p. vi, и p. 339.

³⁹⁸ Здесь следует учитывать диалектную форму *Gwodan* (*Goden*). На Эльбе Водана до сих пор именуют *Fru Wod*. Lisch, *Meklenb. Jahrb.* 2, 133.

³⁹⁹ Goth. *Frauja*, *dominus*, господин, откуда современное обращение женского рода *Frau*, *Fru*, *domina*, госпожа. Форма мужского рода более не существует.

⁴⁰⁰ Müller, op. cit., p. 116.

⁴⁰¹ Eccard, *de Orig. Germ.*, p. 398: «Celebratur in plebe Saxonica *Fru Frecke*, cui eadem munia tribuuntur, quae Superiores Saxones Holdae suae adscribunt» (лат. «Почитается в народе саксов Фру Фреке, которой воздаются те же почести, что старейшины саксов приписывают своей Хольде»).

⁴⁰² Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 280, из сообщения Kemble. Müller, op. cit., p. 121.

⁴⁰³ Müller, op. cit., p. 121.

⁴⁰⁴ Слово это связано или с *bold*, благосклонный, добрый, старонорв. *bolli*, или со старонорв. *bulda*, мрак, тьма. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 249.

⁴⁰⁵ Например, Хорсельберг возле Айзенаха.

⁴⁰⁶ Müller, op. cit., p. 122. О норвежской Хулдре или Хуле см. далее.

⁴⁰⁷ Тем, кто ел другую пищу, кроме ее праздничных блюд, она вспарывает животы, до-
стает запретные кушанья и зашивает обратно — плугом и железной цепью. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 268; *Abergl.*, No. 525.

⁴⁰⁸ Müller, op. cit., p. 124.

⁴⁰⁹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 252.

⁴¹⁰ «Au temps que la reine Berthe filait»; по-итальянски «nel tempo ove Berta filava или non e piu il tempo che Berta filava». Ср. *Altdeutsche Wälder*, 3, 47, 48. Roman de Berte as Grans Pies, edit. P. Paris, pref. pp. iii, iv. В другом месте ее называют Фрай «Precht mit der langen nas». See Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 250—260.

⁴¹¹ Ее также зовут Берхтой. См. в Harrys, i, No. 3, «Die schöne Bertha von Schweckhäuserberge».

⁴¹² Müller, op. cit., p. 126.

⁴¹³ Cosmodrom. Act. vi, Meibom. Scriptt. Rer. Germ, i, p. 235: «Inter, festum Nativitatis Christi ad festum Epiphaniae Domini, domina *Hera* volat per aëra. Dicebant vulgares praedicto tempore: *Vrowe Hera*, seu corrupto nomine *Vro Here de vlugbet*, et credebant illam sibi conferre rerum temporalium abundantiam» — (лат.) «Между праздником Рождества Христова и праздником Богоявления Господня владычица Гера летает по воздуху. В народе ее в преждедеченное время называли *Фрове Гера*, или в искаженной форме, *Фро Гере де флуget* / «летучая». — *Примеч. ред.* / и верили, что она им приносит изобилие бранных вещей».

⁴¹⁴ Thorpe, *Analecta Anglo-Saxonica*, p. 116, 2nd edit. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. exxix.

Erce, Erce, Erce,
eordan módor, etc.,

Эрце, Эрце, Эрце,
матерь земли и т.д.

⁴¹⁵ Müller, op. cit., p. 127.

⁴¹⁶ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 251, 255; Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, p. 269.

⁴¹⁷ *Opera*, Paris, 1674, i, 1036, 1066, 1068.

⁴¹⁸ Edit. Méon, vv. 18622, sqq.

⁴¹⁹ *Nymphae albae, dominae bonae, dominae nocturnae* (лат. «белые нимфы, владычицы благие, владычицы ночные»). Wolf, *Niederl. Sagen.*, No. 231.

⁴²⁰ Müller, op. cit., p. 129.

⁴²¹ Ibid., p. 130.

⁴²² В германских языках солнце женского рода, а луна — мужского.

⁴²³ *Vita Eligii*, ii, 16: Nullus dominos solem aut lunam vocet (лат. «Никто пусть не называет владыками Солнце или Луну»). *Nic. Magni de Gawe de Superstitionibus* (написано в 1415: ср.: Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. xlv): Itaque hodie inveniuntur homines . . . qui cum novilunium primo viderint, flexis genibus adorant, vel deposito capucio vel pileo inclinato capite honorant alloquen et suscipiendo. Immo etiam plures jejunant ipso die novilunii (лат. «Ведь и ныне находятся люди, ...которые, как только увидят, что наступило новолуние, молятся, склонив колени, или же, сняв капюшон либо шапку, преклонив голову, воздают почести, взывая и подхватывая обращение. Более того, некоторые соблюдают пост в этот самый день новолуния»). См. также: Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 668, и *Abergl.*, № 112: «Если, отправляясь в постель, женщина поклонится звездам небесным, ни ястреб, ни коршун не украдут у нее цыпленка».

⁴²⁴ Müller, op. cit., p. 130.

⁴²⁵ Инден расположен в земле Ялих (Jälich), впоследствии Корнелимюнстер.

⁴²⁶ Подробное описание этого обета см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit. pp. 237, sqq.

⁴²⁷ Müller, op. cit., p. 133. *Rodolfi Chron. Abbatiae S. Trudonis*, lib. ix, «Sub fugitiva adhuc luce diei imminente luna, matronarum catervae abjecto femineo pudore audientes strepitum hujus vanitatis, sparsis capillis de stratis suis exiliebant, aliae seminudae, aliae simplice tantum clamide circumdutae, chorosque ducentibus circa navim impudenter irrumpendo se admiscebant» — (лат.) «Доныне, когда уходил свет дня, при Луне, толпы матрон, отбросив женский стыд, заслышав шум этой суеты, с распущенными волосами вскакивали с постели, иные полунагие, иные просто в развевающихся одеждах, и вокруг корабля соединялись в хороводы в бесстыдном возбуждении».

⁴²⁸ Müller, op. cit., p. 134.

⁴²⁹ Müller, op. cit., p. 135.

⁴³⁰ Müller, op. cit., p. 139.

⁴³¹ *Indic. Superst.*, c. 15. De igne fricato de ligno (лат. «Об огне, добытом из дерева трением»).

⁴³² Müller, op. cit., p. 141. Связанные с этими кострами подробности см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 570—594. Стоит обратить особенное внимание на применение тележного колеса, вращением которого зажигается потребный огонь. В некоторых местах горящее колесо Пасхального костра скатывается вниз с горы. В Марке тележное колесо поджигают и пляшут вокруг него. Колесо также вешают над дверью дома ради процветания скота. *Märk. Sagen*, p. 362. Ср.: Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit. *Abergl.* No. 307: «Тот, кто повесит колесо над своей дверью, будет счастлив в своем доме». Обычай зажигать священные костры в некоторые дни распространен почти по всей Европе и был известен Античности, особенно в Италии. Кельты зажигали такие костры первого мая, посвящая их богу Белу (посему праздник с тех пор зовется Бельтан), и первого ноября — богу Сиге (Sighe). *Leo, Malb. Gl.* i, 33. Однако неясно, имеет ли потребный огонь кельтское происхождение. «Костры, которые [шотландские] горцы зажигают первого мая, согласно обычаю, унаследованному от языческих времен, называются *Бельтаново Древо*. Праздник этот отмечают с различными суеверными обрядами на севере Шотландии и в Уэльсе». *Scott's Minstrelsy*, iii, p. 324.

⁴³³ Müller, op. cit., p. 143.

⁴³⁴ Caedmon, p. 3, l. 8. 5.

⁴³⁵ Saxo, op. cit., p. 431 edit. Müller.

⁴³⁶ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 29. Müller, op. cit., p. 389.

⁴³⁷ Связь преданий о Фрау Венус и Хольде является неоспоримой. Некоторые считают Венусберг тождественной горе Хорсельберг, в которой находится двор Фрау Холле. Перед горой Венусберг — согласно предисловию к Хельденбух, — сидит верный Экхард и предупреждает людей; он также выезжает и предупреждает народ о Дикой Охоте. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 7. Предание о горе Венусберг впервые появляется в памятниках четырнадцатого века.

⁴³⁸ Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, Nos. 23, 296. Comp. Bechstein, *Thür Sagenschatz*, 49—54. See also vol. iii. pp. 101, sqq. В соответствии с другим преданием император Фридрих сидит в горной пещере возле Кайзерслаутерна.

⁴³⁹ Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, Nos. 26, 28. *Mones Anzeiger*, 4. 409. О Ведекинде также рассказывают, что он будет пребывать в Вестфалии, в горе под названием Ди

Бавилоние, пока не придет его время. Redecker, *Westf. Sagen*, No. 21. Аналогичные предания см. в Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, Nos. 106, 207, и в Mones *Anzeiger*, 5, 174.

⁴⁴⁰ Müller, op. cit., p. 396.

⁴⁴¹ Müller, op. cit., p. 401.

⁴⁴² Так про императора Карла рассказывают, что он почит в источнике возле Нюрнберга. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 22.

⁴⁴³ Так у Фрау Холлы под водой в принадлежащем ей водоеме есть сад, поставляющий к ее столу все виды плодов. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 4. Comp. 13, 291, и Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 24.

⁴⁴⁴ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 61. Wolf. *Niederl. Sagen*, No. 506.

⁴⁴⁵ Flore, 19b.

⁴⁴⁶ Müller, op. cit., p. 399.

⁴⁴⁷ Frá thvi er at segja,

hvat ek fyrst um sá,

thá ek var í kvölheima kominn:

svidnir fuglar,

er sálir váru,

flugu svá margir sem my.

Sólarljód, Str. 53.

О том следует сказать,

что я первым видел,

когда пришел в землю мучения:

опаленные птицы,

что душами были,

летали как множество комаров.

Следует, однако, напомнить, что Solarljód является христианской поэмой, хотя и составленной в то время, когда на Севере еще доминировало язычество.

⁴⁴⁸ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., Nos. 11, 13, 21, 47, 96, 135.

⁴⁴⁹ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., Nos. 9, 25, 49, 93, 193, pp. 103, 221.

⁴⁵⁰ Müller, op. cit., p. 402; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., Abergl. Nos. 191, 664; Kuhn, *Märk. Sagen*, p. 367.

⁴⁵¹ Когда вскрыли могилу Карла Мартелла, в ней оказалась большая змея; во всяком случае, так говорится в предании, которое далее рассказывает нам, что, истощив свои сокровища, он отдал на пропитание своим рыцарям десятую часть, полагавшуюся церкви. О змее рассказывает епископ Орлеана св. Эухерий. См. Wolf. *Niederl. Sagen*, No. 68. В соответствии с другими преданиями душа исходит из рта спящего в виде бабочки, ласки или мыши. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, Nos. 247, 255; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 789, 1036. Гете упоминает подобное суеверие в своем Фаусте:

Ach! mitten im Gesange sprang

Ein rothes Mäuschen ihr aus dem Munde.

Ах! Посреди песни

Рыжая мышка выскочила из ее рта.

⁴⁵² См. p. 631. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., Nos. 9, 85. Народные сказки также рассказывают нам о людях, превращенных в лилии и другие цветы. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., Nos. 56, 76. На стуле того, кто скоро умрет, появляется белая роза или лилия. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, Nos. 263, 264; Harrys, i, p. 76. Из могилы несправедливо казненного вырастают белые лилии как знак невиновности; из могилы девушки вырастают три лилии, которые может сорвать только ее возлюбленный; на могилах влюбленных вырастают цветущие кусты, переплетающиеся ветвями. В шведских балладах из могил также вырастают лилии и липы. В шотландской балладе о Прекрасной Маргарет и Милом Вильяме сказано:

Из груди ее выросла роза,
а из его — шиповник;
Они доросли до церковного верха,
и сплелись там, как подобает истинно любящим.

См. также историю Акселя и Вальдборг pp. 258—260, где речь идет о кленах.

⁴⁵³ Müller, op. cit., p. 404. См. примеры этого суеверия *passim*.

⁴⁵⁴ См. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 44. Müller, op. cit., p. 404. То же самое представление заложено в народных суевериях. В крещенский сочельник все огни в доме должны быть потушены, чтобы никто не умер. Grimm, *Abergl.*, Nos. 421, 468. В Альбтале родственники невесты в день венчания во время службы держат в руках трижды перекрученную свечу: тот, чья свеча догорит первой, первым и умрет. Schreiber. *Taschenbuch*, 1839, p. 325.

⁴⁵⁵ В соответствии с предисловием к *Хельденбух* гном забирает Дитриха Бернского со словами: «Ты должен идти со мной, твое королевство более не от мира сего». В соответствии с христианскими представлениями души усопших забирают ангелы или демоны, в частности эта обязанность приписывается Архангелу Михаилу.

⁴⁵⁶ Представление о пляске смерти, однако, не прослеживается ранее пятнадцатого века. Müller, op. cit., p. 405.

⁴⁵⁷ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., *Abergl.* No. 207. *Märk. Sagen*, Nos. 19, 30.

⁴⁵⁸ Müller, op. cit., p. 408.

⁴⁵⁹ В соответствии со многими германскими преданиями мертвые обретают прежний облик и занимаются тем же, что и прежде. В разрушенных замках рыцари в старинных костюмах устраивают турниры и веселые пиры; священники служат мессу, даже охотник и грабитель после смерти занимаются прежним делом. Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, 527, 828; *Niederl. Sagen*, Nos. 422, 424, 425; *Mones Anzeiger*, 4, 307; Harrys, i, No. 51 et alibi.

⁴⁶⁰ Grimm, *Abergl.*, No. 606, comp. 207, 588.

⁴⁶¹ Müller, op. cit., p. 410.

⁴⁶² В области Куртрай существует обычай во время доставки покойного в церковь повторять *Отче наш* на всяком перекрестке, чтобы усопший сумел при желании найти дорогу домой. *Niederl. Sagen*, No. 317. Покойники обыкновенно возвращаются на девятый день. Grimm, *Abergl.*, No. 856. В соответствии с *Eyrb. Saga*, с. 54, покойник приходит на собственные поминки.

⁴⁶³ Для умершей в родах матери в течение шести недель застилают постель, чтобы она могла лечь в нее, когда придет покормить ребенка. *Niederl. Sagen*, No. 326.

⁴⁶⁴ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 21. Ср. *Hervarar Saga* и *Udvalgte Danske Viser*, i, p. 253.

⁴⁶⁵ Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, No. 327. Ср. Wunderhorn, i, 73, 74. Мертвые так же мстят. *Niederl. Sagen*, No. 312. В соответствии со старинным верованием человек, умерщвленный в день Всех Святых, не будет иметь покоя в могиле, пока не отомстит убийце. Ibid., No. 323.

⁴⁶⁶ Müller, op. cit., p. 412. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 109. Верование это с чувством выражено в старинной датской балладе об Ааге и Эльсе:

*Hver en Gang Du glaedes,
Og i Din Hu er glad,*

Всякий раз, когда радуешься ты,
И веселишься в сердце своем,

*Da er min Grav forinden
Omhaengt med Rosens Blad.*

Тогда моя могила изнутри
Увешивается листьями роз.

*Hver Gang Du Dig graemmer,
Og i Din Hu er mod,
Da er min Kiste forinden
Som fuld med levret Blod.
Udvalgte Danske Viser, i, p. 211.*

Когда печалишься ты,
И горюешь в сердце своем,
Тогда гроб мой
Наполняется запекшейся кровью.

Том II

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И СУЕВЕРИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Пер. А. Помогайбо

ВВЕДЕНИЕ¹

Великан-ютул поставил свой дом среди высоких *фьелдов*². В твердом камне можно и сейчас видеть отпечатки его пальцев и ног. Оружием великана были куски скал и тяжелые могильные плиты. В горных хребтах, что лежат ниже, живут коварные тролли и прекрасные хулдры. В холмах и среди раскидистых деревьев роятся бесчисленные эльфы. А под землей маленькие, но умелые длиннорукие карлики занимаются своими ремеслами. В вечерних сумерках все еще бродят туссы (мн. ч. *Thusser*) и ваэтты (мн. ч. *Vaettir*), а веселые и проказливые ниссы (мн. ч. *Nisser*) прыгают и танцуют в лунном свете. В реках и озерах прячется свирепый *нок*, и через воздух летит безумная команда Аасгардстреи³, предвещающая наступление кровопролития и войн. Охранитель фюлгия, сопровождающий каждого смертного во время его земной жизни, предупреждает людей от неверных шагов. Так говорят легенды, и о том, что эти легенды передаются на Севере давно, свидетельствует Прокопий. Он пишет, что «обитатели Туле поклоняются многим богам и духам, на небесах, в воздухе, на земле, в море и, как утверждают некоторые, даже в реках и родниках. Они постоянно приносят жертвы своим богам и совершают подношения духам»⁴.

Когда читаешь эти удивительные слова, естественно, первым делом возникает вопрос: что породило эти легенды, чем они столь сильно поразили людей, что заставили передавать слова эти из рода в род, и почему эти легенды — что еще более удивительно — получили распространение у большинства народов Северной Европы?

Возможно, непонимание природы и ее сил, а также присущее людям стремление искать причины и объяснения природных явлений, над которыми им приходилось задумываться ежедневно и ежечасно, вынудили их создать в своем воображении существа, чьими силами эти явления могли вызываться. Позднее действиями таких существ стали объяснять и другие природные явления. Таких явлений было слишком много, и

они были слишком разнообразны, чтобы их можно было счесть результатом действий одного существа; потому воображение людей создало множество сверхъестественных созданий, от гнева и пагубного влияния которых можно было спастись жертвоприношениями и тому подобными средствами.

Глухие раскаты, которые временами слышались меж холмов; дым и огонь, поднимающийся от некоторых гор; внезапные разрушительные землетрясения — все это в наши времена легко объясняется действием природных сил. Но для темных крестьян, совершенно незнакомых с законами природы и ее движущими силами, все это казалось сверхъестественным, действием ютулов, великанов и подобного рода могучих злых существ. Считалось, что эти злые существа обитают в горах и что на твердых камнях остаются вмятины — следы огромных ступней и пальцев. Страхи и суеверия придавали этим воображаемым существам ужасные и разнообразные формы¹.

Людям казалось, что они видят своих врагов по всей стране, застывшими в камне.

Найденные ими горный хрусталь и другие творения природы не могли быть созданием человеческих рук. Также не могли принадлежать человеку многие звуки и голоса, которые раздавались в самое неожиданное время; в наше время мы бы объяснили это эхом или результатом естественных причин. Люди находили следы ног человека там, куда человек не в состоянии был подняться. Среди множества красивых детей порой встречался уродец, который отличался от других либо своей отвратительностью, либо своей глупостью. Все это вместе с незнанием законов природы, предрассудками и чрезмерным воображением, как предполагается, могло стать причиной появления вымышленных существ, которым приписывались различные необъяснимые явления. В зависимости от места, где их селили, они получали названия лесных троллей, хулдр, горных троллей, ваеттов, эльфов, карликов, нисс, мар и т.д.

Поверхность моря — с его невидимыми тайными глубинами, бушующими штормами и пенистыми волнами — оказывала на людей сильное и часто зачаровывающее воздействие. Тайное очарование океана, вместе с иногда попадавшими в сети необычными созданиями и ужасными морскими чудовищами, которых случалось разглядеть вдали, давали невежественным рыбакам столь богатую пищу для воображения, что остается лишь удивляться тому, что легенд о водяных, русалках и других созданиях глубин на самом деле не так уж и мало.

Чудовищный рев водопадов, бури и водовороты, которые делают наши реки и броды опасными и в которых ежегодно погибает множество людей, вместе с грохотом тающего весной льда порождали веру в то, что в глубинах вод скрываются злобные существа, требующие ежегодных человеческих жертв. Им люди дали имена — *ноки, гримы, квернкнуры*.

Если живущие среди гор люди населили землю и воду сверхъестественными существами, то нет ничего удивительного, что через какое-то время эти существа появились и выше, — среди неисчислимых звезд, в странных фигурах в облаках, в шаровых молниях, в сполохах полярных сияний, в грохоте бурь и в завывании ветра, проносающегося по узким горным долинам. Незнакомый с законами природы человек считал, что во всем этом он видит и слышит деяния богов, спонтанное проявление Дикой Охоты, танцы троллих. Во всем этом он пытался угадать предзнаменования относительно своей будущей судьбы. Как можно было еще объяснить падающую на горы молнию, чем убеждением, что могучий Тор стремится покарать демонов на земле, обитающих там, куда и ударила молния?

Большую часть этих сверхъестественных существ человек считал злыми и губительными. Именно в них человек персонифицировал опасные и непонятные силы природы. Поскольку эти существа были для него непонятны, то и время их действия по преимуществу люди относили к ночи. Именно ночью человеческий страх и разыгравшееся воображение создавали самые ужасные картины.

Но хотя эти существа возникли как персонификация сил природы, не во всех мифах они выступают именно в таком качестве. Так думать было бы легко, но это стало бы серьезной ошибкой, поскольку многое в мифах является просто поэтическим украшением — и, кроме того, часто содержит реальные события, произошедшие в данной местности когда-то в прошлом. Особенностью всех легенд является удивительное сочетание разных мифологических сюжетов. При этом боги и другие существа часто оказываются реальными людьми, истории жизни которых со временем превратились в легенды. То, что мифы имеют сказочный характер и во многом неясны, объясняется их древностью, тем, что они рассказывают о самом раннем этапе истории народа — и тем, что сказители отнюдь не задавались целью составить подробную хронологию для последующих поколений. И именно поэтому самая ранняя история дошла до нас именно в виде легенд, которые от поколения к поколению могли подвергаться самым разным изменениям.

Пробираясь сквозь мглу, которая окутывает раннюю историю Севера, исследователь истории может прийти к заключению, что легенды рассказывают о примитивных аборигенах и о более цивилизованных захватчиках. В народных легендах тролли-ютулы, эльфы и карлики кажутся представителями древних и примитивных народов, завоеванных и истребленных когда-то в далекие времена. На это особенно ясно указывают старинные песни и саги скальдов.

Однако вовсе не обязательно, чтобы первобытное население представляло собой один народ. Напротив, в сагах говорится о большой разнице между могучими ютулами, способными играть с целыми скалами, и маленькими хитрыми карликами, прятавшимися в земле и пещерах. Эти две разновидности местных жителей отличались друг от друга так сильно, насколько это возможно — хотя они и могли объединяться, чтобы оказывать противодействие вторжению готов. Похоже на то, что захватчики кое-где перемешивались с коренными жителями, селились среди них и заключали смешанные браки. «В древности, — говорит сага *Теллемарк*, — туссы были столь многочисленны, что христиане не могли жить в Норвегии и колонизовать ее, пока христиане не стали заключать смешанные браки». В древних сагах часто упоминаются исторические персонажи, которые, по отцовской или материнской линии происходили от великанов или были «наполовину троллями». В других местах, похоже, упорная борьба привела к тому, что местное население было изгнано с равнин и из долин в леса и горы, где ему пришлось поселиться в пещерах, перейти к охоте и шитью одежды из шкур. Но они остались врагами завоевателей, и, возможно, когда такая возможность выдавалась, нападали, грабили и убивали захватчиков, используя засады на дорогах. Эти внезапные нападения и исчезновения, а также остававшиеся после них следы кровавых расправ, их свирепость, непонятная одежда наряду с темнотой, под покровом которой нападавшие осуществляли свои вылазки, по всей видимости, придавали этому народу ужасающую, демоническую ауру в глазах мирных обитателей долин. Чем чаще они показывали себя, тем более удивительны были рассказываемые про них истории. Со временем эти истории обрастали ужасными и сверхъестественными подробностями, так что люди при-

ходили к мнению, что имеют дело с существами, более могущественными, чем человек. И потому с ними мог справиться разве что сам бог грозы, который нередко сокрушал страшных существ своей молнией, либо его представители на земле. В древних поэмах скальдов именно они опрокинули алтари форниотских богов, разбили горные народы, истребили горных волков, детей скал и ужасных великанов⁶.

В норвежских сагах мы читаем не только про могучих ютулов, великанов (их называли *райзерами*) и горных троллей, но также, и более часто, о туссах и карликах. Легенды о существовавшем когда-то народе карликов, возможно, являются смутным отражением первобытных времен, когда вдоль дорог Норвегии жили впоследствии изгнанные лапландцы. Если эти невысокие люди были не способны справиться с готами-захватчиками в бою, они тем не менее через свое знакомство с тайнами природы, благодаря хитрости и ловкости могли стать опасными соседями. Они могли угонять скот, подменять детей (отсюда, возможно, столько историй о подменах), красть хозяйственные инструменты и продукты, давать готам дурманящие напитки, заманивать их в свои пещеры песнями, подарками и т.д. Такое предположение может дать нам ключ к пониманию возникновения многих легенд о подземных жителях.

Подтверждение этому взгляду можно найти в истории. Живший в одиннадцатом столетии Адам Бременский записал сказанное ему датским королем Свендом Эстритсоном, что в Швеции «был народ, который имел обыкновение внезапно спускаться с гор на сани, опустошать все вокруг, если только ему энергично не сопротивлялись, и затем возвращаться обратно». В другом месте он пишет: «Говорят, что в лесах Норвегии обитают дикие мужчины и женщины, которые редко являются людям. Они одеваются в кожи диких животных, а их речь больше напоминает рычание животных, чем разговор человеческих существ, так что их соседи не в состоянии их понять».

На первый взгляд кажется удивительным, что столь много пережитков язычества сохранялось на Севере даже через восемь столетий существования христианства в этих краях. Однако при более близком рассмотрении эта загадка может быть легко разрешена. Первые проповедники христианства увидели, что старые верования слишком глубоко укоренились, чтобы их можно было быстро изжить, — кроме того, они были слишком тесно связаны с географическими особенностями отдельных регионов, а также древней историей и поэзией. И тогда христиане решили нейтрализовать местные верования, придав им христианскую окраску. Языческие праздники, некогда посвященные богам Валгаллы, превратились в праздники христианских святых, а в образе св. Олафа норвежское духовенство получило святого, столь известного своей физической силой, что смогло приписать ему деяния, которые когда-то приписывались могучему Тору и богам Валгаллы. Эти боги, которые христианская церковь объявляла то обычными людьми, то злыми духами, в конечном счете оказались почти совсем забытыми народом — в отличие от сверхъестественных существ, действиями которых объясняли силы природы и представления о которых искоренить было совсем нелегко. Поскольку великаны и другие существа этого класса никогда не были объектом поклонения и к ним всегда относились с неприязнью или ненавистью, священники не пытались изменить вековые представления о них. Они даже использовались в качестве доказательства одного из положений христианской веры, утверждавшего, что наряду с ангелами существуют и демоны, к числу которых относятся великаны и прочие сверхъестественные существа.

Лютеранская Реформация, вместо того чтобы искоренить эти предрассудки, наряду со многими прочими оставила их без внимания. Вера в дьявола и ангелов (два общих разряда сверхъестественных существ) вместе с их влиянием как на человека, так и на природу обрела второе дыхание. На повестку дня вышли преследование ведьм и розыск слуг дьявола.

В те времена считалось греховным упоминать о подземных жителях и подобных «маленьких дьяволах», но неграмотным и суеверным людям важно было располагать существами, к которым можно обратиться за помощью. И если протестантское священство упразднило почитание католических святых и реликвий, это привело к тому, что предрассудки заставили людей обратиться к своим старым языческим друзьям, ниссам и им подобным. Именно у них теперь просили милости, именно их враждебности стремились избежать с помощью подношений, оставляемых в четверг вечером и также накануне священного дня в дуплах деревьев, в лесах или под большими старыми камнями.

Лишь распространение научных знаний в конце XIX века, проявившее себя в разных областях, привело к резкому падению веры в сверхъестественных существ. Во многих частях страны легенды больше не передаются, в других они считаются деревенскими сказками и рассказываются только детям. Услышать легенды теперь можно лишь на забытых окраинах, населенных менее просвещенным и более суеверным крестьянством. Там до сих пор убеждены в существовании мифических существ, в которые столь свято верили их отцы, которые или сами, или в лице родных видели подземный народец, скот или богов этого народца, слышали прекрасную музыку, знали людей, которых забирали на высокогорья или у которых совершали подмену детей на детей подземных жителей.

Не следует удивляться тому, что вера в подземный народ все еще находит приверженцев среди невежественных крестьян, поскольку прошло всего сто лет, как ученые мужи спорили о том, был ли подземный народ создан Богом, или же он был до Адама, были ли брачные связи между этим народом и людьми и т.д. Герман Руге, священник из Слидре, в 1754 году в своих «Разумных мыслях по поводу разных удивительных вопросов» пришел к мнению, что «подземные жители составляют промежуточную стадию между зверями и человеческими существами!». Целая глава этой книги была посвящена подброшенным детям троллей. В ней говорится, что несчастная мать, у которой тролли подменили ребенка, должна в течение трех четвергов, идущих друг за другом, нещадно бить подброшенного ребенка палкой, поскольку в этом случае его подземная мать, в которой заговорит жалость, придет, чтобы вернуть взятого ребенка и забрать своего. Вера в подмены детей встречается и за границами Норвегии. Поскольку многим из читателей будет интересно знать, что о подменах детей думал великий немецкий реформатор Мартин Лютер, приведем отрывок из его «Застольных бесед»:

Сатана кладет на место похищенных настоящих детей зубастых уродцев, а настоящих может мучить. Он часто уносит с собой в воду молодых девственниц, имеет с ними любовную связь и удерживает их, пока у них не рождается ребенок; затем он подбрасывает своих детей в колыбели людям, забирая их собственных детей. Но такие подмененные дети, как говорят, живут не больше восемнадцати — двадцати лет.

В 1541 году д-р Лютер упомянул этот предмет за столом, добавив, что он говорил принцу Анхальта, что таких подмененных детей следует топить. Его спросили — почему он дает такой совет? Лютер ответил, что по его твердому убеждению эти подбро-

шенные дети представляют собой только куски плоти, *massa carnis*, поскольку в них нет души. Таких дьявол может делать очень легко, столь же легко, как он способен уничтожить человека, который имеет тело, разум и душу, когда им полностью овладевает, так что человек становится глухим, слепым и тупым. Таким образом, подменыши имеют дьявола вместо души.

Восемь лет назад подобный ребенок обнаружился в Дессау, и его я, доктор Мартин Лютер, не только видел, но и трогал. Ему было двенадцать лет, и у него имелись все органы чувств, так что люди думали, что это нормальный ребенок. Но это мало что значило, поскольку он был способен только есть, причем за четверых крестьян, а когда кто-то прикасался к его еде, то кричал. Когда что-то в доме шло плохо или в доме был какой-то ущерб, он смеялся и чувствовал себя счастливым, но если все было в порядке, он кричал. В связи с этим я сказал принцу Ангальта: «Если бы я был здесь принцем или правителем, я бы бросил подобного ребенка в воду, в реку Молдау, что течет через Дессау. Иначе есть риск, что произойдет убийство. Но электор Саксонии, который тогда находился в Дессау, и принц Ангальта не последовали моему совету. Тогда я сказал: «Они должны сказать, чтобы в церкви непрерывно читали Pater noster⁷, дабы дьявол убрался от них прочь». Это ежедневно стали делать в Дессау, и подброшенный ребенок, о котором шла речь, помер через два года. См. Dobeneck, I, p. 168.

Места, где, как предполагалось, все еще обитали подобные существа, продолжали считаться священными. Ни один суеверный крестьянин, заботящийся о своем здоровье и своей собственности, не осмеливался подняться на холм, принадлежавший ваетту, буртри или тунбеде и служивший таким образом пристанищем невидимому народу. С другой стороны, подземные жители свободно могли являться к крестьянам, и чтобы гости не разгневались и не лишили дом удачи, крестьяне ждали их в кануны религиозных праздников с пирогами, сладкой овсяной кашей и другими подношениями⁸.

Можно привести несколько примеров, показывающих, как глубоко сидит вера в подземных жителей в разных уголках страны даже в наши дни. Преподобный г. Фай писал мне: «В скандинавском крае Луро сохранилось неправдоподобное количество предрассудков, и особенно много — по части подземных жителей. Рассказывают, где они живут, как выглядят и как похищают людей. Утверждают, что у подземных жителей есть даже церковь где-то в округе, и один из моих прихожан, известный духовидец, является в ней священником. Кроме того, утверждают, что неподалеку от дома этого священника живет подземный житель, у которого есть прогулочная лодка, на которой его собратья часто отправляются в прогулки по озеру. Я несколько раз пытался убедить местных жителей в том, что это легенда, но, похоже, они соглашались со мной только на словах. Как я узнал, по их мнению, священнику выгодно искоренять веру в подземных жителей, «потому что, по их словам, у подземных жителей священник более учен — так как он читал Шестую книгу Моисея, которой нет в Библии и которая имеется только у подземных жителей»». Норвежцы из Сондерфьельда тоже верят в подземных жителей. По-видимому, это объясняется существующими традициями. Но есть и еще один момент. Чтобы объяснить его, я вернусь ко времени своей учебы в колледже.

Летом 1824 года я предпринял вместе с несколькими университетскими друзьями пешую прогулку по окрестностям Риуканфосса и Гаустафьельда. В качестве проводни-

ка на Гаустафьелд мы взяли энергичного крестьянина из Вестфьордаля — человека с необычно широкими знаниями, который, однако, был глубоко убежден в существовании подземных жителей. «Однажды я сам, — рассказал он, — видел в поле, как человек внезапно провалился в землю прямо у меня на глазах. У нас известен случай, когда один из подземных жителей, внешне похожий на обычного человека, ухаживал за девушкой. Она отвергла его, хотя он обещал ей дом, скот и столько серебряных блюд, сколько она захочет». На наше замечание, что у него просто разыгралось воображение, а ухаживание могло быть просто хвастовством девушки или выходкой какого-нибудь шутника, который выдавал себя за подземного жителя, наш гид продолжил: «Но известно про человека, который однажды отправился в лес и внезапно наткнулся на особняк со всем содержимым. Заметив этого человека, обитатели особняка немедленно его покинули. Однако он побоялся взять себе сделанное троллями жилище и сообщил о нем властям. Те объявили особняк собственностью короны. В память о происшедшем это место называется Найденной землей». Мы к этой истории отнеслись с недоверием и предположили, что люди в особняке были в чем-то виновны, и при появлении постороннего они обратились в бегство из страха, что их дела будут обнаружены. Тогда наш проводник прибег к своему последнему и самому весомому аргументу: «Но в Библии говорится, что каждое колено, которое на небе, на земле и под землей, должно кланяться Господу. А кто под землей, как не подземные жители?» Таким образом, даже Библия, когда ее понимают неправильно, может служить для подтверждения предрассудков!

Попытавшись объяснить, как возникла вера в сверхъестественные существа и показав на примерах, что в некоторых местностях народ продолжает в них верить, мы можем перейти к краткому изложению подобного рода верований и предрассудков, существующих в различных странах Севера. В этом кратком изложении мы главным образом коснемся подземных жителей, которые согласно как древней мифологии, так и современным верованиям разделяются на несколько классов — туссы, ваетты, карлики, эльфы и т.д. Карлики тоже когда-то делились на несколько видов — но сейчас их, как и прочих, просто относят к подземным жителям. В древней же мифологии карлики играли очень важную роль. Считалось, что они появились, как мы уже видели, подобно личинкам мух в гниющем трупе великана Имира и по воле богов приняли человеческий облик и человеческое сознание. Боги повелели им жить в земле и среди камней.

Можно высказать гипотезу, как появилась эта легенда. Для этого в первую очередь следует обратиться к Исландии. Как и в Норвегии, подземные жители здесь тоже обитают в горах и холмах, они опрятны и чисты, миловидны и капризны, легко вступают в разговор с христианами, от которых они в прежние времена даже имели детей. Еще некрещеных человеческих детей карлики подменяли на своих, чтобы после крещения забрать, чтобы их дети получали преимущество крещения. Крещеные дети карликов назывались *умскиптингар*, они обычно были глупы и слабы. У подземных жителей был отличный скот, который считался невидимым, как и они сами, хотя подземные жители иногда позволяют замечать себя при ярком солнечном свете. Поскольку света в их жилищах немного, они время от времени отдыхали на поверхности. В новогоднюю ночь они иногда меняли местожительство, и потому в Исландии в древности было принято оставлять в домах столы с щедрым угощением, а двери открытыми. Это делалось с целью получить благосклонность невидимых гостей. Согласно древним исландским легендам, подземные жители управлялись двумя вождями, которые менялись каждый

год. Старые вожди должны были вместе с частью своих подданных отправиться по морю в Норвегию, к королю всей человеческой расы, который имел там дворец, чтобы отчитаться о своем правлении. Если правление признавалось добрым и справедливым, вождей оставляли править на новый срок, в противном же случае их немедленно смещали; справедливость и равноправие ставились очень высоко у этих эльфов⁹.

На Фарерских островах подземные жители, как и в некоторых частях Норвегии, называются «хульдефольк» и весьма напоминают норвежских ваеттов. Этих подземных жителей описывают как рослых, облаченных в серые одежды, с черными шляпами. Их жирные многочисленные стада пасутся на поверхности, хотя для обычного человека они невидимы. Только иногда можно увидеть стада и собак ваеттов. Подземным жителям очень нравятся земные женщины, а также земные дети, которых они стараются поменять на своих собственных.

В Швеции распространены почти такие же представления о подземных жителях. Одна из легенд об их происхождении утверждает, что они являются павшими ангелами. Когда Бог сбрасывал вниз с небес сторонников Люцифера, не все из них попали в ад, некоторые очутились на земле, а другие — в море. Те, кто оказался в лесах, стали лесными троллями (*сковтроллями*, *скогснугфорами*), те же, кто попал на зеленые поля и рощи, стали *ваеттами* или *лисгуббаами*. Те, кто оказался в море или воде, стали *начерами*, те, кто упал среди домов, стали *томтегуббаами*, а кто среди деревьев — *эльварами*.

Аналогичные представления, как и в остальной Скандинавии, можно встретить и в Дании, хотя в зависимости от страны эти представления иногда изменялись. Подземные жители здесь обитают в холмах, где часто и развлекаются. Они варят пиво и крадут его у крестьян, если те забывают перекрестить бочонки. Они пекут хлеб и посылают слепоту на сплетников. Их отличает то, что они не выносят звука колоколов, грома, барабанов и падающей воды. Они ревнивы и умеют превращаться в котов, могут обменивать своих детей на крестьянских, но стальные предметы — иглы, ключи, ножницы и тому подобное, — положенные в колыбель или в перекрещенном виде над дверью, могли, как в это верили в Швеции, помешать такому обмену. Если же подобный обмен все же происходил, то, чтобы вернуть своего ребенка обратно, следовало плохо относиться к подброшенному.

Подземные жители или карлики Германии напоминают своих скандинавских братьев. Они очень придирчивы, но когда надо, терпеливы и обладают юмором. Они облачаются в легкий плащ или шапочку (*Nebelkappe*), которая делает их невидимыми. Они также стараются поменять детей, но если к подброшенному ребенку относятся плохо, мать возвращает украденного ребенка. Черные карлики Рюгена довольно сильно похожи на норвежских карликов — они внешне уродливы, но являются хорошими кузнецами, особенно по стали, необщительны, редко покидают свои холмы и горы и не любят музыку. Белые карлики, напротив, устраивают летом соревнования среди деревьев и танцуют на траве, напоминая этим датских, шведских и норвежских эльфов. Впрочем, трудно сравнивать с кем-нибудь коричневых карликов ростом в восемнадцать дюймов, которые носят стеклянные ботинки, обладают нежными руками и ногами, являются умелыми кузнецами, но плутоваты, сравнить не с кем.

Померанию в стародавние времена населяли многочисленные духи земли или карлики, которые с охотой меняли своих собственных уродливых отпрысков на красивых человеческих детей. Они также влюблялись в красивых девушек и ухаживали за ними.

Днем они прятались, принимая облик поганок и пресмыкающихся, но ночью приобретали свой собственный вид и весело танцевали при лунном свете. Люди называли их веллеркинами. Как и ниссы, они часто обитали на чердаках. Подземные жители Германии отличались от скандинавских тем, что приняли истинную веру — и тем, что любили иногда побродяжничать.

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НОРВЕГИИ

Турсы, ваетты, карлики и им подобные

В Норвегии подземные жители — к которым относились турсы (туссы), ваетты и карлики, и иногда хулдры, ниссы и эльфы — были на удивление многочисленны. Туссы, или тролли, были ростом с человека и населяли горные хребты и холмы. В стародавние времена их было столь много, что ни один христианин не мог жить в Норвегии, пока христиане не стали заключать с троллями смешанные браки. Как и люди, они имели дома, церкви, личные вещи и прекрасный скот, который пасся по ночам под присмотром женщин-сторожей или черных собак. Все туссы имели правильные формы, но были бледного или синего цвета. Когда опускалось солнце и начинались сумерки (*Thusmørk*), у них жизнь только начиналась. В местах, где они обитали, слышалась восхитительная музыка, но для людей, которые проходили мимо, задерживаться у них было опасно — особенно для молодых женщин, которых они особенно любили, — поскольку часто, особенно в прежние времена, юных девственниц они уводили с собой в горы. Также им нравились человеческие дети, и они меняли их на своих собственных, не столь красивых и энергичных. Однако было достаточно перекрестить ребенка или положить в его колыбель любое железное изделие любой формы, чтобы туссы не пытались поменять его¹⁰.

На Севере относились к этим сверхъестественным существам с почтением. Считалось, что когда наш Господь сбросил с небес падших ангелов, некоторые из них упали в ад, но те, кто был менее греховен, задержались в воздухе, в воде и под землей¹¹.

Аналогичное верование распространено в Ирландии относительно фейри¹².

Хулдра или Хулла

По всей Норвегии распространены легенды о сверхъестественном существе, носящем имя хулдра (или хулла) и живущем в лесах и горах. Это существо выглядит как прекрасная женщина и обычно облачено в синюю юбку; на голове у нее белая сетка. Но, к несчастью, у нее длинный хвост, похожий на коровий, который она всячески пытается скрыть, находясь среди людей. Она любит скот, особенно полосатый¹³, разводя который получает красивое и здоровое потомство. У этого скота нет рогов. Однажды она отправилась на помолвку, но в самый разгар веселья один молодой человек, который только-только начал с ней танцевать, случайно увидел ее хвост. Немедленно сообразив, кто является его партнершей, он нисколько не испугался. Не захотев выдавать ее, он, не изменив выражения лица, произнес: «Прекрасная служанка, вы потеряли свою подвязку». Хулдра немедленно исчезла, но впоследствии наградила

промолчавшего и внимательного юношу красивыми подарками и скотом хорошей породы¹⁴.

Хулдру в разных местах Норвегии описывают по-разному. Кое-где ее считают красивой женщиной, когда на нее смотрят спереди, но сзади она кажется пустой внутри или синей¹⁵. В других местах она известна под названием скогснерте, и ее считают синей, но облаченной в зеленую юбку. Похоже на то, что скогснерте соответствует шведской скогснүфвор¹⁶. Говорят, что в горах часто можно слышать ее песню, которая звучит глухо и печально¹⁷, отличаясь от песен прочих подземных существ, которые, как утверждают слышавшие эти песни, звучат бодро и завораживают. Но ее не везде считают одинокой лесной нимфой: иногда рассказывают, что есть особое племя хулдр, обитающее в горах и очень похожее на людей. В Хардангере племя хулдр всегда облачено в зеленое, но у его домашнего скота синие шкуры. Если взрослый человек сумеет перекинуть пояс через одно из этих животных, он может забрать его. Скот хулдр дает много молока. Народ хулдр занимает брошенные пастбища в горах; он любит приглашать людей в свои горы, где можно слышать восхитительную музыку¹⁸.

Вера в хулдру имеет большую древность. В книгах сохранилось упоминание, что в 1205 году королева Магнуса Лагабаетера, задержанная в Бергене сильным ветром, услышала, что исландец Стурли Тордсен является отличным рассказчиком. Она пожелала, чтобы он рассказал ей сагу о великанше Хулдре. Ее имя, по всей видимости, происходит от древнорвежского *hollr*, что означает «милостивая», «благожелательная»¹⁹.

Ютулы и великаны гор

Ютулы большие и сильные, они обитают на самых высоких горах, и владеют великими богатствами и сокровищами. Ютул по характеру зол, он ненавидит церкви и звук колоколов и жаден до крови христиан. Когда разыгрывается снежная буря и пурга воеет среди гор, ютул отряхивается от снега, так что слышно бречание горшков и чайников, на которых его жена Гиври (или Гиогра) готовит ему еду. Следы этого чудовищного существа можно найти по всей стране. Их часто можно видеть в горах.

Из всех сверхъестественных существ Севера ни один не несет столько признаков глубокой древности, как великаны-ютулы. Легенды всегда рисуют их чудовищами и называют местами их обитания покрытые облаками вершины гор.

Сравнивая народные легенды с древней мифологией, можно найти между ними множество соответствий. Такие же соответствия можно найти между ютулами и огромными росерами-йотунами, а также рисарами — врагами не только людей, но и богов. Могучий бог грозы Тор является их опаснейшим врагом. Йотуны в северной мифологии считаются хаотическими существами, правящими темными и холодными районами земли, избегающими дневного света. Под солнечными лучами, как мы уже видели, они превращаются в камень²⁰.

На старонорвежском великанша именовалась словом *gyfr* или *gygr*, в более поздних легендах это название приобрело форму Гиври или Гиогра.

Помимо ютулов и йотунов известны *рисеры* и *биергрисеры* (горные великаны или просто великаны). Их считают самым ранним населением Севера. В сагах их часто называют троллями, однако последнее слово часто использовалось как общее название всех вредоносных сверхъестественных существ.

Ютул на Хестмандё (Остров Всадника).

На Хесмандё в северных землях была гора, которая на расстоянии выглядела похожей на всадника, облаченного в большой плащ. Эта гора когда-то была ютулом, который обитал на этом месте. В двенадцати милях к югу, на Лекое в Нуммедале, жила в его время девица, которую он любил. Надменная девица, весьма искусная во всех видах магии, не только отвергла его, но и обратила всех его посланников в камень. Эти камни можно и по сей день видеть в северной части острова. Обозленный на такие действия, ютул натянул свой лук, чтобы немедленно отомстить. Могучая стрела пробила огромную гору, называемую Торгехат. Большое отверстие от стрелы до сих пор можно видеть в твердой скале (то, что размер отверстия был значительным, можно заключить по его высоте, которое составляет 600 футов).

«Что за соломинка стоит на моем пути!» — воскликнул ютул. Из-за того, что стрела чуть задержалась в полете, пробивая себе путь через Торгехат, она не точно достигла своего места назначения, а упала у ног девицы на северной стороне Лекое, где по сей день лежит в виде огромного длинного камня. Из-за того, что ютул и девица применили друг против друга чары, они оба превратились в камень, и в таком виде остаются на месте по сей день, обреченные глядеть друг на друга до самого Судного дня.

Даже в наше время жители Севера редко проплывают мимо без того чтобы снять шляпу перед девицей Лекое²¹.

Мост ютула

В Спириллене при отливе можно видеть нечто вроде моста, примерно в восьмую часть мили длиной. Мост появился благодаря ютулу, который обитал в Элсрудколле. Этот ютул ухаживал за хулдрой на Энгерколле, который лежит на противоположной стороне моря. Когда он навещал ее, то всегда был мокрый, что расстраивало его возлюбленную. И тогда ютул решил воздвигнуть мост. Однако как только взошедшее солнце с удивлением обнаружило его работу, этот мост разлетелся на куски²².

Девушка на Саетере²³

Один норвежский землевладелец полюбил очень хорошенькую молодую женщину. Она была дочерью крестьянина и как-то отправилась со скотом на летнее пастбище, чтобы заняться там плетением ковриков. Однако когда скоту пришло время возвращаться, она не успела закончить работу вовремя и решила остаться, пока не завершит свой труд. Но как только ее возлюбленный получил известие об ее решении, он отправился на пастбище, справедливо считая опасным оставлять девушку одну, когда кругом бродят хулдры и другие подземные существа. Он быстро добрался до места и увидел, что домашний скот окружен оседланными черными лошадьми. Заподозрив, что здесь что-то неладное, он подкрался к пастбищу и заглянул через маленькое окошко в хатку. Он увидел, что его возлюбленная сидит в свадебном платье с золотой короной на голове, а рядом с ней сидит хулдреман с красными глазами. Схватив пистолет, который предусмотрительно был заряжен серебряной пулей²⁴, землевладелец выстрелил поверх головы девушки и, пока вся нечисть не опомнилась, бросился внутрь, схватил девушку, посадил за собой на лошадь и поскакал прочь, преследуемый целой оравой троллей. Стараясь задержать землевладельца, один из троллей протянул ему наполненный доверху золотой рог. Тот схватил рог, но выплеснул его содержимое позади лошади и перевел лошадь в галоп, унося и рог,

и девушку. Через какое-то время он добрался до крутой горы неподалеку от своего дома. Там обитали подземные жители, которые враждовали с теми троллями, что преследовали землевладельца. Они закричали ему: «Скачи не по ровному, а по неровному». Он последовал их совету и поскакал через поле ржи, где тролли были не в состоянии его преследовать. В отчаянии они закричали ему: «Красный петух будет кукарекать над твоим домом»²⁵. И в самом деле, его дом уже пылал²⁶.

Гурри Куннан²⁷

В Остеррааде в прежние времена жили богатые и влиятельные люди, у которых была дочь по имени Аслауг. Это была самая красивая девушка не только в деревне, но и вообще в округе. Легко понять, что у нее было много галантных ухажеров. Но она предпочла всем прочим молодого человека, который вырос вместе с ней в доме ее отца, — даже несмотря на то, что он был низкого происхождения. Поскольку молодые люди не могли надеяться, что ее гордый отец согласится на их союз, они тайно бежали и нашли убежище в глубокой пещере, которую можно видеть и по сей день неподалеку от Остерраада. Но так случилось, что разъяренный отец следующей весной отправился искать их именно в это место. Он обнаружил влюбленных и решил наказать злодея, соблазнившего его дочь. Но как только он подошел к пещере, с небес обрушилось столь большое количество камней и мусора, что вход оказался полностью закрыт, так что извлечь беглецов из пещеры оказалось невозможным. Когда первая опасность миновала, любящая пара, хотя и не сразу, согласилась выйти из пещеры, проделав себе путь среди камней. После этого они сели в оставленную на берегу лодку и после множества превратностей в конце концов добрались до безлюдных островов, называемых Тарвен, которые в те времена населяли только тролли. Главной среди них была хулдра по имени Гурри Куннан. Она дружески встретила гостей и разрешила им остаться на жительство, при условии, что они никогда не будут делать крестного знамения, которого она не могла выносить. Однако однажды в канун Святок Гурри с бесчисленным числом троллей собралась на праздник, и пораженная этим зрелищем Аслауг забыла о своем обещании и перекрестилась, произнеся имя Иисуса. Мгновенно вся нечисть исчезла, и от всей огромной толпы остался один огромный медный чайник. Этот чайник с незапамятных пор хранился на самом большом из островов, ныне ставшем обитаемым Хунсё²⁸.

Эта Гурри была дочерью великанши, которая жила на острове Куннан неподалеку от Гельгоlanda. Поскольку она была красива, у нее было много ухажеров, которые боролись за внимание прекрасной великанши, и по всему Куннану²⁹ можно видеть множество камней, которые они кидали друг в друга. Однако всем им пришлось уступить великану Анфинду, который и женился на прекрасной Гурри и жил с ней счастливо, пока ее отец не был убит вместе с могущественным «соутом» и могучим «гоутом», пришедшими с востока. Тогда всей семье пришлось бежать с Куннана. Анфинд с женой нашел убежище у Фрёи, которая дала им для жительства Тарвен. Здесь они жили в покое, пока на остров не прибыл в бурю св. Олаф. Сделав крестное знамение и произнеся имя Иисуса, он не только утихомирил бурю, которую поднял великан, но и превратил самого великана в камень.

На вышеприведенной легенде основывается прекрасная поэма «Гурри Куннан». Ее автор, профессор Стинблок, любезно пересказал эту легенду мне в том виде, в котором он слышал ее в своей молодости. Пересказ в прозе этой поэмы дан профессором Вольфом³⁰. Эта во многих отношениях интересная история, похоже, имеет большую

древность и относится ко временам, когда вторгнувшиеся готы («гоуты» легенд) заставили отступить исконных жителей Севера, а потом, используя большую цивилизованность и превосходящее мастерство, истребили или изгнали их потомков³¹.

Свадебная корона

В Нуммедале когда-то жила молодая девушка, столь красивая, что один тусс в нее влюбился. Но, несмотря на то что он пообещал девице роскошный дом, много скота и все, что она пожелает, она не захотела выходить за него замуж и осталась верна своему прежнему возлюбленному. И когда тусс обнаружил, что уговоры его бесполезны, он просто унес девушку. И окруженный многочисленными туссами он со своей добычей уже приближался к церкви, чтобы свершить обряд венчания, когда ее возлюбленному посчастливилось обнаружить следы похитителей. Догнав похитителей, он открутил голову своему сопернику-туссу. После этого вся нечистая сила исчезла, и юноша не только вернул свою возлюбленную, но и получил великолепную серебряную корону, бывшую на голове у тусса. Эта корона существует поныне, и поскольку считается, что она приносит удачу надевавшим ее новобрачным, венец этот используют едва ли не на каждой свадьбе в высших слоях общества.

В памяти людей хранится сравнительно недавняя история молодого человека из Нуммедала, который проходил мимо заброшенной хижины и увидел веселую свадьбу хулдры. Через окно он мог наблюдать все, что происходило у горного народа; но его внимание было главным образом направлено на невесту, в очень красивом и богатом наряде и с серебряной короной на голове. Глядя на нее, молодой человек почувствовал к ней сильную страсть. Внезапно он решил лишить свадьбу ее веселья, а жениха — его прелестной невесты. Он быстро выхватил нож и немедленно метнул блестящую сталь через окно, поверх головы невесты. Вся компания исчезла в мгновение ока. Осталась только невеста, зачарованная блеском стали. Пара быстро пришла к взаимопониманию. Невеста хулдра отправилась вместе с ним в деревню, а потом и под венец, после крещения. Но ее великолепный свадебный наряд был не способен отвлечь внимание от уродливого коровьего хвоста. К счастью, постепенно этот хвост исчез. Они жили вместе долго и счастливо, а от богатого наряда невесты, о котором до сих пор ходит молва в округе, в Маерабру можно видеть только серебряную корону.

Стадо архиепископа

Как-то летом, очень давно, архиепископ Дронтхейма посылал свой скот в горы пастись. Это был лучший скот во всей Норвегии, и когда архиепископ отправлял коров, он строго наказывал тем, кто присматривал за скотом, ни при каких обстоятельствах ни на мгновение не терять коров из виду, поскольку близлежащие горы буквально кишели подземными жителями. Те не могли ничего сделать скоту, когда тот был под присмотром человека. После наставлений стадо было отправлено в горы. Однажды, когда коровы паслись на лугах, а пастухи, сидя в разных местах, внимательно за ним наблюдали, на самой высокой точке горы внезапно появился необычно большой лось. Пастухи засмотрелись на зверя и отвлеклись от стада, а когда они снова перевели взгляд на скот, тот уже превратился в множество маленьких мышей, бегающих по склону горы. Не успели пастухи подойти к мышам, как те исчезли, попрятавшись в земле. Таким образом архиепископ Дронтхейма потерял триста голов скота.

Конвей в своем «Путешествии по Норвегии» на стр. 240 рассказывает эту легенду и добавляет: «В нее верят повсеместно в горных районах». Одна женщина, которая следила за скотом в горах, оказалась более везучей. Она увидела, как ее скот внезапно исчез, но когда она начала оплакивать свою пропажу, то услышала с горы голос, который приказывал ей поспешить домой. И здесь — о, радость! — она не только обнаружила своих собственных коров, но и новых, хотя у нее не было телят, причем новые давали больше молока, чем прежние.

Повитуха

У одной семейной пары была только одна дочь. Внезапно она исчезла, и, несмотря на то что родители, горько оплакивавшие свою потерю, разыскивали повсюду, они так и не сумели найти ни единого следа. Через много лет однажды поздно вечером к их дому подошел странник и спросил женщину, которая была в доме одна, не навестит ли она свою дочь, жившую неподалеку и собиравшуюся рожать, поскольку ей была нужна помощь. Мать была рада этой просьбе, хотя она и родила в ней горькие воспоминания. Женщина немедленно собралась и двинулась в путь, разматывая за собой клубок ниток, который ей дал незнакомец. Скоро она оказалась у дочери, у которой родился живой, хорошо сложенный ребенок. Перед тем как его запеленали, человек дал женщине какую-то жидкость, чтобы она натерла ей ребенка и вместе с тем предупредил, что ей самой ни в коем случае нельзя касаться этой жидкости. Но глаз женщины начал чесаться, и она случайно потеряла его, так что немного жидкости попало ей в глаз. Поскольку больше от нее помощи не требовалось, этот человек, который был мужем ее дочери и троллем, сказал, что она может уйти. При помощи нити она двинулась обратно — и всего через несколько мгновений обнаружила, что находится дома. На следующий день, работая в поле с мужем, она внезапно увидела дочь, гуляющую вместе со своим подземным мужем. Когда она обратилась к ним, ее зять с изумлением спросил, действительно ли она может их видеть? «Да, конечно, я могу вас видеть своим правым глазом», — сказала женщина. В то же мгновение тролль коснулся ее глаза, и с этого времени она больше тролля с дочерью не видела.

Убеждение, что при помазывании глаза определенным веществом можно обрести способность видеть невидимое, имело широкое распространение среди кельтского и германского населения Западной Европы. Примеры распространения этого предрассудка в Дании мы рассмотрим в дальнейшем; здесь же мы дадим доказательства существования его в других странах, в том числе нашей собственной.

Г-жа Брей в письмах к Саути передает легенду о знахарке из Тэвистока, которую однажды вызвали помочь родим феи. Получив масло, чтобы протереть им глаза ребенка, она подумала, что то, что хорошо для ребенка, будет хорошо и для нее самой, и помазала свой глаз. Внезапно все вещи вокруг приняли свою собственную форму, а магические чары спали с ее глаз. На следующее утро она увидела, как старик, который ехал с ней, украл что-то с прилавка, и объявила об этом. «Так ты меня видишь?» — изумился он. «Вижу! Будь в этом уверен, и вижу твои делишки!» — «Молю, скажи, каким глазом ты меня видишь?» — «Правым глазом». — «Так не мешайся с тем, что тебе не принадлежит. Ты больше меня не увидишь». С этими словами он ударил ее в правый глаз, и до самого конца жизни она была на этот глаз слепа³².

Аналогичная история рассказывается о некоем домовладельце из Нетер-Уиттона и его жене.

Автор книги «Round about our Coal fire»³³ (цитируется в Brand, «Pop. Antiq.») утверждает, что тот «кто замечал или видел их (фейри), становился слеп на один глаз».

Ритсон (в книге Ritson, «Fairy Tales») рассказывает, что, побывав в обществе фейри, некая дама впоследствии увидела одного из них на рынке — он продавал масло, изготовленное феями. В результате его негодования она потеряла возможность видеть фейри и ослепла на тот глаз, которым она увидела фейри³⁴.

В одной шотландской легенде рассказывается, что одна из фейри оставила своего ребенка у кормилицы из Нитсдала и помазала ей глаза волшебной мазью, благодаря которой та обрела способность видеть подземных жителей. Немного мази женщине удалось спрятать. Встретив однажды фейри, она попыталась пожать ей руку. «Каким глазом ты видишь меня?» — прошептала та. «Обеими», — ответила женщина. Волшебница дунула в ее глаза, и мазь потеряла свое действие³⁵.

Мистер Китли передает (F.M., p. 417) рассказ одной леди из Северного Уэльса о цыганке, которая пригласила рассказчицу, мечтавшую увидеть фейри, встретиться с ней на вершине Крейг-и-Динис. Здесь она помазала ее глаза содержимым какой-то склянки, после чего она немедленно увидела тысячи фей в белых одеждах, танцующих под звуки многочисленных арф.

Живший в двенадцатом веке Гербазий из Тилбери (согласно книге Dobeneck, I, 45) рассказывает о неких водных духах, обитающих на юге Франции и называющихся дрейками. Они могут принимать человеческий облик и появляются на рынках. Утверждается, что они живут в речных пещерах и заманивают к себе купающихся женщин и детей. Дрейки принимают облик золотых колец или чаш; пытаясь их достать, люди стараются нырнуть поглубже, и тут их утягивают на дно. Такое часто случается с кормящими женщинами, которых дрейки стремятся заполучить, чтобы кормить своих некрещеных детей. Дрейки удерживают у себя женщин семь лет, после чего отпускают с наградой. Говорят, что дрейки и их жены обитают в просторных дворцах, расположенных в пещерах на берегах рек... Рассказывают, что пойманных таким образом мужчин дрейки поедают. Однажды один дрейк дал обслуживающей его женщине немного начиненного угрем пирога. Она случайно измазала палец в жире и потом приложила его к глазу, после чего внезапно получила способность ясно видеть под водой. Отслужив три года и вернувшись домой, она однажды утром встретила на рынке в Бокере дрейку, у которого жила, и спросила о своей хозяйке и питомце. «Каким глазом ты меня видишь?» — спросил дрейк. Она показала на глаз, который потеряла запяканной в жире рукой. Узнав это, дрейк ткнул женщине пальцем в глаз, после чего его больше никто не мог увидеть и узнать.

Аналогичную историю рассказывает графиня Ранзау.

Рог Ойестада

Около реки Нид в Ниденесе стоял дом, называвшийся Неерстин, в котором когда-то жил богатый и могущественный человек по имени Сиур. Помимо Неерстина, у этого человека было шесть других домов, а также большое рыбоводческое хозяйство в Ниде, где разводили лососей. Но больше всего он гордился своей дочерью, самой красивой девицей во всей округе. За ней ухаживал один человек из западных земель по имени

Ринг — но богатый Сиур не хотел видеть его зятем, хотя его дочь горячо привязалась к Рингу. Однако молодого человека это не обескуражило, и когда отец однажды в праздник святого Иоанна отправился в церковь в Оiestaд, Ринг проник в дом и нашел свою возлюбленную, несмотря на то что отец в целях предосторожности запер ее в сундук. Согласно обычаю того времени, такие сундуки ставили у кровати. Однако из сундука торчал кусочек платья девушки, который ее и выдал. Они бежали, и как только Сиур обнаружил пропажу, он немедленно оседлал коня и отправился в погоню. В дороге его остановил тролль, который вышел из холма, поздоровался и протянул в качестве подарка доверху наполненный рог. Но Сиур не стал выпивать находившееся в роге зелье и выплеснул содержимое за спину. Несколько капель, однако, упали на лошадь, и в этих местах шкура ее тут же облезла. Сиур, который с самого начала подозревал обман, ударил лошадь шпорами, и та галопом полетела вперед. Сиур продолжал держать в руке рог, тролль же бежал, воя от досады позади. Дорога раздвоилась, и Сиур задумался — какую выбрать. Из затруднения его вывел другой тролль, который враждовал с первым. Он сказал: «Иди через рожь, а не через пшеницу». Следуя этому совету, Сиур снова двинулся в путь, а его преследователь, двигаясь через высокую рожь, начал отставать. Однако угроза миновала только тогда, когда около дома, звавшегося Брингсваер, прокричал петух, и тролль исчез. Сиур теперь мог продолжать преследование, ни о чем не думая. Беглецов он догнал у холма, где они остановились, чтобы немного отдохнуть. Когда мужчины увидели друг друга, они немедленно вынули ножи, и начался поединок. В конце концов Сиур ударил Ринга в живот, после чего тот испустил дух.

Чтобы искупить это убийство, Сиура приговорили к большой компенсации. Рог, который остался у Сиура, хранился в его семье вплоть до нашего времени. О судьбе дочери легенда ничего не говорит.

Рог, который долго передавался по наследству в семье Сиура, позднее был подарен кораблестроителем Берге публичной библиотеке и музею школы Арендаля, где он сейчас и находится. Рог очень красив, на нем три покрытых серебром кольца со следующей надписью монашескими буквами (на латыни): potum servorum benedic deus alme [tuorum reliquam unus, benede le un]? casper, melchior, baltazar³⁶.

Случай, похожий на приведенный выше, произошел много лет назад около Хахаугера в Халлингдале, где однажды в сочельник одна женщина из подземных жителей предложила напиток в роге человеку по имени Гудбранд Гоелберг. Тот не стал пить и выплеснул напиток за собой, после чего поскакал прочь вместе с рогом. Следуя проклятию тролля, все потомки его до девятого колена носили пятно на теле. Этот рог долгое время хранился в Хальстеенсгаарде в Аале. Он вмещал три кварты. Рог был окован массивным кольцом из позолоченной меди в три дюйма шириной. На кольце была надпись, сделанная монашескими буквами «melchior, baltazar, caspar». Посредине его находилась небольшая пластинка из золота и меди, в которую был вделан овальный кристалл.

Свадьба хулдры

Говорят, что один энергичный молодой человек из Нордланда, положив ствол своего ружья на хулдру в лесу, получил власть над ней и решил сделать ее своей женой. Они жили счастливо, у них родился ребенок. Однажды вечером этот ребенок играл у огня, где хулдра сидела, занимаясь прядением, а ее муж занимался работой. Внезапно в хул-

дре взыграло что-то из ее жестокой природы, и она сказала, показав мужу на ребенка, что из него выйдет хорошее жаркое для ужина. Ее муж пришел в ужас. Женщина поняла, что полностью себя выдала, и начала молить, чтобы ее слова были забыты. Но муж запомнил их накрепко. Ужасные слова постоянно звучали в его ушах. Благодаря ним он понял реальную природу своей жены. После этого мир в доме пришел к концу. Прежде добрый муж стал угрюмым, начал часто попрекать свою жену за ее дьявольское предложение и проклял тот час, когда решил на ней жениться. Он начал ее бить и издеваться над ней. Так продолжалось три месяца. Женщина страдала, но терпела. Однажды она отправилась в кузницу посмотреть, как муж работает, но он встретил ее проклятиями и ударами. Тогда, используя свою волшебную силу, она схватила железный прут и обернула его вокруг своего мужа, словно этот прут был из дерева. После этого мужу пришлось уступить и пообещать, что в доме будет мир.

Ниссе или нисс

Это сверхъестественное существо напоминает нашего гоблина, шотландского брауни, немецкого кобольда и голландского кабоутерманнекина. В старые добрые времена их было намного больше, чем ныне. Ростом они не выше маленького ребенка, одеты в серое платье, а на голове носят красные остроконечные шляпы. Обитают ниссе обычно в амбарах и конюшнях, где помогают ухаживать за скотом и лошадьми, к которым они часто привязываются столь же крепко, как и к человеку. Есть много примеров того, что они вытаскивают сено из кормушек соседских лошадей, чтобы перетащить его в кормушку своей любимицы. Ниссе любят проделки; иногда они в коровнике отвязывают коров, часто досаждают молочницам — либо задувая свет, либо придерживая сено так, что бедная девушка не может ухватить даже клочок. Если девушка все же цепляется за сено, они тянут его на себя изо всех сил, а потом отпускают, так, что девица валится на пол. Это очень радует ниссе, и он издает смех, похожий на лошадиное ржание. Если ниссе привязан к хозяину дома, он делает все ему на благо. Временами он перетаскивает в его хозяйство сено от соседей; это порождает ссоры, и между ниссе двумя хозяйств могут вспыхнуть конфликты. Иногда можно стать свидетелем драки двух ниссе в виде облачка разлетающихся в разные стороны сена и соломы. Хотя ниссе помогают тем, к кому привязаны, они злобны и мстительны по отношению к тем, кто пытается им досадить. Неудивительно, что люди пытаются снискать их расположение. В канун Рождества и вечером по четвергам во многих местах для ниссе оставляют сладкую овсяную кашу, пирожки, пиво и тому подобное. Ниссе охотно поедают угощение, при условии, что оно им по вкусу, но порой бывают очень разборчивыми. Ниссе не выносят насмешек и высокомерного отношения к себе, а поскольку они сильны, несмотря на свой низкий рост, их обидчикам чаще всего приходится уступать. Один крестьянин, который однажды зимой встретил ниссе на дороге и повелительным тоном приказал ему убраться с дороги, внезапно обнаружил, что он находится на изгороди посреди снежного поля. Однажды в канун Рождества некая девушка поднесла ниссе еду с насмешливыми словами, и он сплясал с ней такой танец, от которого девицу на следующий день нашли мертвой в амбаре.

Ниссе любят лунный свет, и зимой иногда можно видеть, как они развлекаются, катаясь на санках или прыгая через изгороди. Они жизнелюбивы, но не всегда любят шум и суету, особенно в канун Рождества и в четверг вечером. Обычно люди относятся к ниссе дружелюбно, и во многих местах называют их добрыми малыши.

Из всех существ, которые живут в воображении норвежских крестьян, в ниссе верят больше всего. Хотя ниссе относятся к карликам, они отличаются от них бодростью и хорошим сложением, а также тем, что селятся в домах и амбарах; они привязываются к симпатичным им людям или животным и не желают удаляться от них. Если ниссе все же вынуждают убраться, он уносит с собой удачу. Поскольку раньше существовала разновидность карликов, именовавшихся тофтами, ниссе иногда называют тофт-ваеттами и томтеваеттами³⁷. Иногда ниссе называют также гардбо.

В *Эддах* и в сагах упоминания про ниссе отсутствуют. Несколько напоминают их ниагриусары Фарерских островов, которых считают весьма низкорослыми, носящими красные шапочки и приносящими удачу. В Швеции похожие существа называются томтегуббе.

Ниссе часто обитают в высоких деревьях, посаженных вокруг дома. За этими деревьями следует осуществлять тщательный уход, чтобы они не упали, — особенно самые старые. За пренебрежение к уходу за деревьями следует кара в виде неизлечимых болезней³⁸.

Вервольф

Так назывались люди, которые умели принимать вид волка или медведя (хусебьорн), а потом снова восстанавливать свой прежний вид. Этим свойством также обладают тролли; если такое превращение совершает человек, значит, он является троллем. В *Волсунга-Саге* встречаются самые ранние следы этого предрассудка.

Мара (Кваелдриттеринде)

Мара (английская *mare*, от слова *nightmare*, ночной кошмар) принадлежит к тому же семейству, что и вардогл, драуг и т.д. Внешне она напоминает очень красивую женщину, но ведет себя как самый вредоносный тролль. Она проходит сквозь запертые двери, нападает на спящих людей, садясь на них и подвергая пыткам. Люди, которых называют одержимыми марой, почти всегда погибают от удушья. Маре недостаточно человеческих мук, она часто скачет верхом на овцах и лошадях. В Теллемарке ее называют муро, и здесь известно несколько способов избавления от нее. В качестве одного из самым эффективных предлагается обмотать определенным образом нож какой-нибудь тканью, после чего следует три раза обвести этим ножом вокруг тела. При этом произносятся определенные заклинания.

*Как и другие сверхъестественные существа, мара может пройти сквозь совсем маленькое отверстие. Но, как и они, она должна выйти тем же путем, которым и вошла, даже в случае, если все двери и окна открыты*³⁹. Потому Мефистофель следующим образом отвечает на вопрос Фауста, спросившего, почему бес не уходит в окно:

*'s ist ein Gesetz der Teufel und Gespenster,
wo sie hereingeschüpft, da müssen sie hinaus.*

*Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на
это строгий*⁴⁰.

См. также в Holberg, «Uden Hoved og Hale», акт 1, действие 4.

Инглингасага, *схvi*., содержит легенду о короле Ванланди из Упсалы, который был насмерть затоптан марой. Когда люди взяли короля за голову, мара явилась снова и принялась топтать его ноги. Когда они взяли его за ноги, она с такой силой сжала голову короля, словно хотела убить его еще раз.

ПРИЗРАКИ

Вера в то, что души умерших находят утешение, посещая места, где они радовались, печалились или испытывали боль, встречается повсеместно и у всех народов. И в наши дни распространено убеждение, что душа убитого вольна бродить возле могилы, чтобы отомстить убийце. Согласно легендам, призраки облачены в белые одежды. Особенно много их на церковном дворе. Здесь призраки останавливают лошадей, пугают людей и мешают им самым различным образом. Иногда казненные преступники бродят при свете луны вокруг места казни, с головой под рукой. Иногда они щиплют спящих людей, после чего остаются синие и черные отметки, которые называют пятнами от призраков (*Dödningepletter*) или щипками призраков (*Dödningeknib*). Подобные призраки не могут спокойно покоиться в могиле благодаря своим или чужим преступлениям, пока кто-нибудь не спросит их о том, чего они хотят. После этого они больше не появляются. Против них бессильны пули, порох и оружие, но при виде креста и благодаря процедуре изгнания дьявола они удаляются. К призракам подобного рода можно отнести уабурреров (или удборе), которые кричат, как дети в лесу, приманивая людей. Но это они делают далеко от своего жилья, расположенного на крутых горах и в отдаленных местах около моря. Считают, что они являются душами погибших детей.

В Дании призрак зовется гьенгангер или гьенфаерд, во Франции — ревенант. Язычники Северной Европы глубоко верили в призраков, эта вера было тесно связана с их представлениями о посмертном существовании. Они считали, что душа может вернуться на место, где она отделилась от тела, пребывающего теперь в обители смерти, где правит Хель. С этим сочеталось верование в то, что отпущенная из райских обителей душа умершего могла в ночное время вернуться на землю и соединиться в могильном холме с отпущенной из Хель тенью телесной оболочки. То есть умерших могли видеть в открытых могильных холмах в том же виде, который они имели при жизни. См. «Edda Saem», *Völsungakv.*, I, стр. 37, 38.

В Эйрбиггисаге рассказывается история о выселении из дома целой группы призраков посредством юридических мер.

НОК

Норвежский нок (в восточной Норвегии — никр, в Швеции — нек) обычно обитает в реках и озерах, а иногда в фьордах. Каждый год он требует человеческих жертвоприношений; по этой причине по крайней мере один человек ежегодно исчезает в окрестностях каждой реки или ручья, где поселился Нок. Когда тонет какой-нибудь человек, часто можно было слышать глухой, неземной крик Нока: «*Saet over!*» («Перешел»). Нок способен превращаться в любую вещь. Иногда он приобретает вид половины лодки, высовывающейся из воды, иногда превращается в золото и другие ценные предметы. Если какой-нибудь человек прикасается к этим предметам, нок немедленно им овладевает. Особенно он жаден до маленьких детей. Однако опасность он представляет собой толь-

ко после заката. При приближении к воде необходимо произносить: «*Nyk! Nyk! Naal I Vatn! Jomfru Maria kastet Staal I Vatn! Du saek, aik flyt!*» («Ник! Ник! Игла в воде! Дева Мария бросает сталь в воду! Ты тонешь, я плыву!») Этот заговор требует некоторого пояснения, которое будет дано, когда мы будем говорить о шведском Неке.

Нок известен во многих местах под именем *соетрольд* (дух воды). Про него говорят, что он всегда обитает в воде и имеет много голов. Когда какой-нибудь человек терпит кораблекрушение, он должен пообещать этому духу дочь или сына. Взамен этот человек получает удачу и столько богатств, сколько пожелает. Нок часто меняет свою форму, и его называют по-разному в зависимости от места, где он обитает. Однажды в Норвегии во время шторма или когда тучи только собирались, он появился в виде большой лошади, которая била своими чудовищными ногами по воде, вызывая волны. В воде обитает еще одно существо, называемое Вигтрольд. При какой-нибудь угрозе оно начинает ужасающе вить.

Хотя нок и опасное существо, он тем не менее иногда является к своему господину. В порогах Сунда, как говорит легенда, долгое время обитал нок, который погубил много людей, проплывавших вниз или вверх по порогу. Один священник, который понимал опасность этого нока, взял в свое морское путешествие четырех сильных мужчин, которым приказал изо всех сил грести вверх по водопаду. Они дважды делали попытку подняться, но каждый раз лодка откатывалась назад. Делая третью попытку, гребцы увидели, что на вершине водопада священник, сунув руку в воду, вытащил какое-то создание черного цвета, напоминающее маленькую собаку. После этого священник приказал гребцам двигаться дальше; выловленное существо он, ничего не говоря, крепко зажал между ног. Когда лодка со священником доплыла до груды камней в Твете, священник запихнул нока между камней. С этого времени в пороге никто больше не погибал.

В Исландии, где нока зовут хникуром, он появлялся в виде красивой серой лошади, колени которой повернуты назад. Она приглашала людей садиться на нее, а когда ей удавалось соблазнить их, галопом летела в воду. Иногда попытки приручить эту лошадь оказывались успешными, и ее удавалось впрячь в работу — но только на небольшой срок.

На Фарерских островах существовала вера в никара, который обитал в пресной воде или озерах, где утягивал людей в воду и топил их.

В Шотландии нока иногда называли шелликутом. Он оброс водорослями и раковинами мидий. Еще его иногда называли келпи. Келпи — по крайней мере на высокогорьях — появлялся в виде лошади. На Оркнейских островах келпи являлись людям либо в виде маленькой лошади, либо в виде человека по имени Танги¹ ».

На Шетландских островах нока называли шупилти, и он появлялся в виде красивой маленькой лошади, предлагавшей людям взобраться на нее. Стоило это сделать, как нок уносил всадника в море. Жители островов делают нокам подношения в виде чаши с хорошим пивом².

Гримм³ выводит название «шелликут» из немецкого «Schellenrock» (платье с колокольчиками), полагая, что это название произошло от платья, которое было увешано колокольчиками. В качестве примера он приводит нака, который тридцать лет служил на кухне и в конюшне мекленбургского монастыря. Он всегда выглядел добро-

желательным и только просил «*tunicam de diversis coloribus et tintinnabulis plenam*» (лат. «тунику различных цветов и полную колокольчиков»).

Норвежские нок и шотландский келпи идентичны. Когда один из братьев Грэмов из Морфи строил в древние времена замок, он решил заручиться помощью водяного келпи (речной лошади) тем, что перебросил разновидность хомута над его головой. Наконец освободившись от своего труда, келпи повернулся к воде и произнес:

«Sair back and sair banes,
Drivin the Laird o' Morphie's stanes!
The Laird o' Morphie'll never thrive

As lang's the kelpie is alive!»

Болят спина и болят кости
От перетаскивания камней лорда Морфи!
Лорд Морфи никогда не будет
процветать,
Пока келпи жив⁴⁴.

ГРИМ ИЛИ ФОССЕГРИМ

Многим похож на нока любящий музыку грим, он же фоссегрим, из Норвегии. Это существо живет в водопадах и на мельницах. В тихие и темные вечера оно часто играет на музыкальных инструментах, пытаясь привлечь к себе людей. Грим может научить играть на скрипке и других струнных инструментах — но для этого к нему надо в четверг вечером прийти с белым козленком, которого, отвернувшись, бросают в текущий на север водопад. Если жертвоприношения недостаточно, ученика обучат только настраивать скрипку, но если его сочтут щедрым, фоссегрим возьмет его за правую руку и начнет водить ею взад и вперед по струнам, пока из пальцев играющего не потечет кровь. Такого ученика обучают по полной программе, и он обретает способность играть столь несравненно, что при его игре деревья пускаются в пляс, а вода в водопадах застывает.

РОРЕ-ТРОЛЬД

В Рореванде в Неденаесе есть озеро, которое окружают крутые горы, тем не менее здесь часты сильные ветра и разрушительные ураганы. В этом озере обитает тролль, которого называют «роре-трольд». Он появляется в разных формах — иногда как лошадь, иногда как копка сена, иногда в виде огромной змеи, а иногда как большая группа людей. Одну ночь в году, зимой, когда лед самый толстый, в нем можно заметить длинную и глубокую расщелину. Это работа роре-трольда.

БРУНМИГИ

Еще одним вредоносным троллем является брунмиги, который, как считается, обитает около ручьев, чьи воды кишат крысами. Название (образованное словами *Brunn*, бурить, и *miga*, мочиться) хорошо описывает его нрав.

КВАЕРНКНУРРЕ

Это существо, похоже, во многих отношениях аналогично фоссегриму. В Гиерестаде в прежние времена существовал обычай класть мягкий каравай хлеба, чашу с пивом — или что-то в этом духе — около мельничного жернова. Считалось, что за это кваернкнурре может увеличить количество муки в мешках. Некоторое время один кваернкнурре обитал в водопаде Сандагер, где один человек построил мельницу. Но как только он начинал молоть, мельница останавливалась. Зная, что ему мешает ква-

ернкнурре, мельник однажды, собираясь молотъ, взял с собой немного смолы в горшке и развел под этим горшком огонь. Как только он начал молотъ, мельница остановилась как обычно. Тогда он ткнул вперед шестом, в надежде выгнать кваернкнурре, но тщетно. Он открыл дверь, чтобы посмотреть, кто ему мешает, и — о ужас! — там стоял, выставив вперед челюсти, кваернкнурре такого роста, что его нижняя губа лежала на полу, а верхняя доходила до дверного перекрытия. Кваернкнурре сказал мельнику: «Ты когда-либо видел так сильно разинутый рот?» Мельник поспешно схватил свой горшок со смолой и метнул в этот рот со словами: «Ты когда-либо пробовал такое горячее варево?» Взыв, кваернкнурре исчез, и его больше не видели.

Уриск шотландского высокогорья похож на кваернкнурре. Его описывают как неотесанного, заросшего волосами эльфа, который ночью, когда нечего молотъ, заставляет мельничные жернова вертеться. Его можно прогнать с воем прочь, если застать спящим и высыпать на него сковороду горячей золы⁴⁵.

ФИННГАЛКН

Это чудовище часто упоминается, хотя и с достаточно туманным описанием, в поздних романтических сагах. Согласно им, финнгалкн имеет человеческую голову с огромными зубами, тело животного и длинный тяжелый хвост. У него ужасные клешни, и в каждой клешне по мечу⁴⁶.

ПТИЦА ГЕРТРУДЫ

В Норвегии черный дятел с красным хохолком называется птицей Гертруды. Происхождение этого слова следующее: «Когда наш Бог в обществе Св.Петра странствовал по земле, он увидел женщину, занимавшуюся выпечкой. Ее звали Гертрудой; на ее голове был красный капюшон. Усталый и голодный после своего долгого путешествия, Бог попросил пирожок.

Она взяла маленький кусочек теста и поставила в печь. Тесто поднялось так сильно, что заполнило всю сковородку. Считая, что это слишком много для милостыни, женщина взяла меньший кусочек теста и снова начала печь, но этот кусок тоже разросся до такого же размера, как и первый. Тогда она взяла кусочек еще меньше, и когда он стал столь же большим, как два предыдущих, Гертруда произнесла: «Вам придется идти без милостыни, потому что все мои хлеба слишком велики для вас». Тогда наш Господь разгневался и произнес: «Из-за того, что ты не дала мне ничего, в наказание станешь маленькой птичкой, будешь питаться тем, что найдешь между корой и древесиной сухого дерева, и пить только дождевую воду». Как только эти слова были произнесены, женщина превратилась в птицу Гертруды и вылетела через трубу камина. В наши дни на ней по-прежнему можно видеть красный капюшон над черным оперением, поскольку она запачкалась в золе. Дятел постоянно долбит кору деревьев для поддержания своего существования и свистит во время дождя, потому что постоянно мучается жаждой и хочет напиться»⁴⁷.

ААСГААРДСРЕЙЯ (ДИКАЯ ОХОТА)

Аасгаардсрейя представляет собой войско, состоящее из духов умерших, которые не сделали достаточно добра, чтобы заслужить место на небесах, но и не причинили столько зла, чтобы их отправили в ад. В него входят пьяницы, драчуны, любители непристойных

песен, умелые обманщики — и те, кто ради денег преступал клятву. В наказание их обрекли на скитания до конца света. Войско возглавляет Гуро-Риссе или Рейса-Рова с длинным хвостом, по которому ее легко отличить от остальных. За ней едет верхом множество народа обоих полов. Если смотреть на этих существ спереди, они кажутся высокими и красивыми — как всадники, так и их лошади, — но в конце этого шествия нельзя увидеть ничего, кроме длинного хвоста Гуро-Риссе. Лошади этой рати черны, как уголь; глаза их светятся в темноте как огонь. Лошадьми управляют с помощью раскаленных прутьев и железных поводьев. Крики всадников создают столь ужасный шум, что его можно слышать на большом расстоянии. Они передвигаются по водной поверхности столь же легко, как и по земле. Копыта лошадей едва касаются поверхности воды. Если они сбрасывают свое седло на крышу какого-нибудь дома, один из обитателей его должен умереть. Там, где рать Аасгаардсреи пристраивается на выступе над дверью, будет драка или убийство в пьяной потасовке. До поры до времени они ведут себя спокойно, но стоит только раздаться конскому ржанию или прозвенеть уздечке, как начинается драка и происходит убийство. Это воинство отправляется в объезд главным образом после Рождества, когда происходят крупные пьяные потасовки. Когда какой-либо человек слышит, как приближается это воинство, он должен уступить ему дорогу и пасть лицом вниз, словно спит, поскольку в противном случае его схватят и либо утащат, либо оставят где-нибудь далеко в обезумевшем состоянии. Тот человек, который примет меры предосторожности, отделается тем, что пролетающие мимо охотники наплюют на него. Когда они минуют его, он должен сплюнуть в свою очередь; в противном случае впоследствии он получит какое-нибудь физическое повреждение.

Удивительная легенда о Дикой охоте уходит корнями в языческие времена, и легенды о ней (или, по крайней мере, название) можно услышать на большей части христианского мира. Однако наиболее распространена легенда в Верхнем Теллемарке, где я ее сам и услышал. Здесь «Дикая охота» называется ааске-рей или асанерфоерд. Однако саму «Дикую охоту» никто здесь не видел своими глазами, все только слышали о ней. Участники Дикой охоты съедят приготовленные для Рождества фладброд (тонкий пирожок), масло и пр., если только припасы заранее не перекрестить. В одном районе Норвегии считают, что если какой-нибудь человек, услышав приближение «Охоты», не падет ниц, его душа будет вынуждена сопровождать шествие, в то время как его тело остается лежать. Когда душа возвращается в тело, оно оказывается очень слабым и остается таким все последующее время. В некоторых областях эта шумная компания называется ааскерейя, в других — хоскелрейя. Иногда всадники с шумом несутся сквозь воздух; иногда их можно встретить ночью на дорогах едущими на черных лошадях с горящими глазами. В канун Рождества и в три ночи после Рождества охотники буянят больше всего, и если крестьяне забудут заложить дверь конюшни засовом или перекрестить дверь, то наверняка обнаружат на следующее утро, что с лошадей капает пот, а дыхание тяжело — поскольку их использовали хоскелрейя, а они не щадят лошадей.

ВОДЯНЫЕ (МАРМЕННИЛЛ) И РУСАЛКИ (МАРГИГР)

Моряки и рыбаки, когда на море спокойно, иногда видят, как из глубины спокойных вод поднимаются водяные и русалки. Водяной имеет темный цвет и выше талии выглядит как человек, а ниже — как рыба. Русалки выше пояса очень красивы, но ниже

пояса, как и водяные, имеют рыбий хвост. Детей водяных и русалок называют мармаелерами. Иногда этих мармаелеров ловят рыбаки, которые забирают мармаелеров домой, чтобы узнать свое будущее, поскольку эти морские существа способны его предвидеть. В наши дни редко кто утверждает, что видел русалку или слышал, как она поет. Моряки не любят русалок, поскольку встреча с ними обещает шторм.

Очень опасно причинять им вред. Один моряк однажды приблизился к русалке так близко, что она положила руку на планшир его корабля. Он ее за это ударил. В ответ русалка наслала шторм, в котором рыбак чуть не погиб. Святой Олаф во время одной из своих пиратских экспедиций встретил в море русалку, которая своей сладкой песней хотела усыпить моряков, чтобы после этого утянуть их в море. Считалось, что если русалке удалось утянуть моряка и после этого он плыл к кораблю, это обещало несчастье, если же он плыл от корабля, это было хорошим знаком⁴⁸.

Вера в водяных и русалок уходит корнями в глубокую древность. Согласно Гервасию из Тилберги, в наших морях водятся русалки. Упоминание о них содержится также в Исландских сагах. См. также «Dobeneck», I, pp. 38 sqq. относительно речных эльфов. В Ирландии их называют мерроу; легенды, которые о них рассказывают, аналогичны легендам других стран.

МОРСКОЙ ЗМЕЙ

В пресных ручьях и реках, а также у берегов Норвегии, как утверждают, обитают огромные змеи. Однако разные люди по-разному говорят об их размерах и внешнем виде. Согласно общему верованию, эти змеи вырастают на земле и поначалу живут в лесах и горах камней. Позднее, когда они вырастают до большего размера, они направляются в большие озера или вдающиеся в землю заливы моря, где вырастают до огромной величины. Они редко появляются, а когда это происходит, считаются предвестником важных событий. В большинстве сколько-нибудь больших рек и озер в прежние времена водились подобные чудовища, которые появлялись из глубин только по каким-то особым поводам. В пресных водах ни одного такого чудовища не видели на памяти человечества, но иногда в тихую погоду они появляются в фьордах и узких морских заливах. Согласно легенде, после эпидемии «черной смерти»⁴⁹ две большие змеи из Фокзёе проползли мимо города к *long* (водоему). Одну, как говорят, можно найти там и в наше время, другая же через двести лет попыталась перебраться в устье реки, где погибла в водопаде. Ее тело волны принесли на берег у Дронтхейма, где оно разложилось, производя такую вонь, что никто не был в силах приблизиться к этому месту.

В Лундеванде, на Листере, была змея, которая появлялась только перед смертью короля или не менее великим событием. Кое-кто утверждал, что видел ее.

В Болларнватне, в Бахуусе⁵⁰, жила в прежние времена морская змея, чье тело было толстым, как у годовалого теленка. Ее хвост имел длину почти в шесть элей⁵¹. Она истребила всю рыбу. Змея обитала на маленьком острове под названием Сванвикзёе. Змея появлялась очень редко, в спокойную погоду. Однако из всех змей, населявших воды Севера, ни одна не прославилась так, как змеи, обитавшие и обитающие в Миёсе. В одном старинном документе⁵² рассказывается об огромной змее, которая, похоже, приближалась от этого острова и к Королевскому острову, но сразу после этого исчезла. Вообще на острове Миёс обитало множество змей; этот остров имел изрезанные берега, и на нем было много озер. После длительного промежутка времени на нем снова появилась боль-

шая змея; люди заметили ее ползущей вверх в скалы. Ее глаза казались большими, как днище бочонка, и на шее у нее была грива. Припав к скале, она остановилась, тыкаясь в камень головой. Один из слуг архиепископа, смелый парень, взял стальной лук и выпустил в глаз змее столько стрел, что вытекшая кровь окрасила воду вокруг в зеленый цвет. Шкура змеи была разноцветной и пестрой, но выглядела ужасающе. Тварь скончалась от полученных ран. От ее тела пошла такая вонь, что по распоряжению архиепископа люди соединенными усилиями немедленно сожгли ее. Оставшийся скелет много лет пролежал на берегу. Он был настолько огромен, что взрослый юноша едва мог поднять даже самый малый из позвонков. Рассказывают, что именно эта морская змея, обернувшись вокруг огромного колокола Хаммера, затонувшего во время семилетней войны в Акерсви́ге. Когда вода бывает прозрачной, этот колокол можно видеть до сих пор. Все попытки поднять его из воды до сих пор оканчивались ничем, хотя однажды удалось даже поднять его к самой поверхности. То, что змея из Миёса была смертельно опасна, видно из относящегося к 1656 году отрывка из анналов, цитируемого в Pontoppidan, *Natural History of Norway*, 2, p. 65. Подобная водяная змея совершила путешествие по земле от Миёса до Спириллена. Возможно, та же самая змея появлялась в этом озере в тяжелые и опасные времена. «Внешне она похожа на огромный столб, который при движении опрокидывает все, что стоит на его пути, даже деревья и дома. Своим громким шипением и ужасающим ревом змея приводит в страх всех людей в округе».

В спокойную погоду подобные огромные морские змеи иногда появляются на берегу Норвегии. Это трудно отрицать, поскольку появление подобных змей подтверждено достаточно надежными очевидцами¹³. К их рассказам можно добавить свидетельство Хибберта, который утверждал: «Существование морского змея, чудовища в пятьдесят пять футов длиной, без всякого сомнения, подтверждается тем, что на берег Оркнеев было выброшено морское животное, позвоночник которого можно видеть в Эдинбургском музее¹⁴».

Самое научное описание морского змея дал Эрик Понтотпидан, автор «Истории природы Норвегии». В своей книге он приводит два описания морских змей. Согласно свидетельствам моряков Бергена и Нордланда, а также других очевидцев, эти чудовища живут в глубинах океана, но в июле и августе в спокойную погоду выходят на поверхность. Как только ветер начинает морщить поверхность воды, они снова погружаются в глубину. Согласно свидетельству командора де Ферриса, записанному в 1746 году в присутствии суда, он видел морского змея в окрестностях Молды. Голова змея была похожа на лошадиную, она возвышалась над поверхностью воды примерно на метр и имела серый цвет. Передняя часть головы была очень темной, на ней чернели огромные глаза. Длинная белая грива свисала с шеи в море. Далее он заметил семь или восемь изгибов ее тела, оказавшегося очень толстым. Изгибы разделяло расстояние примерно в морскую сажень¹⁵. Священник Тухсен из Херое и нескольких других священнослужителей утверждали, что видели морских змеев толщиной в две собачьих головы, у них были большие ноздри и синие глаза, на большом расстоянии напоминавшие пару ярких оловянно-свинцовых тарелок. На шее змей была грива, издали похожая на водоросли.

ДРАКОНЫ

Легенды о драконах, которые по ночам летают по воздуху, извергая огонь, распространены повсюду. Во многих местах до сих пор показывают норы в земле и горах, откуда якобы появляются извергающие пламя драконы во времена войн и других народных бедствий.

Когда все успокаивается, драконы возвращаются в свое логово. Когда они возвращаются в свое жилище, можно слышать, как захлопывается огромная железная дверь. За ней драконы хранят сокровища, найденные в морских глубинах. Они свирепы и плюются смертоносной слюной, и бороться с ними опасно. Один из драконов собрал огромные богатства под церковью Агерса, поставленной на четырех золотых колоннах. Еще живы люди, которые утверждают, что видели перед последней войной эти богатства через отверстие в земле. Есть много мест — среди них можно назвать Нору дракона на Сторее в Аадале и Гору дракона на Расвоге — где в прежние времена обитал огненный змей. Есть такие места и в наши дни. О том, что дракона можно победить, рассказывает легенда о священнике по имени Андерс Мадсен, который, как утверждают, примерно в 1631 году застрелил дракона, сидевшего над своим серебром на так называемой Горе дракона около Твидеванда.

Драконы, огненные змеи и тому подобные существа из легенд и романов в прежние времена выполняли важную роль — убив дракона, герой мог доказать свою храбрость. Возможно, именно эта возможность породила бесчисленное число легенд об этих чудовищах. Огонь электрической лампочки, шаровая молния и подобные этому вещи помогли легенде продолжать свое существование.

ПОКАЛЕЧЕННАЯ РУКА⁵⁶

Жил-был мельник, мельница которого сгорала дотла два года подряд, причем в один и тот же день — перед Троицей. На третий год перед Троицей он пригласил портного, который сделал ему одежду для святого дня.

— Интересно, произойдет ли то же самое с мельницей и на этот раз: сгорит ли она снова, — сказал мельник.

— Не надо бояться, — ответил портной. — Дай мне ключ, и я посмотрю за мельницей.

Мельник решил, что это было бы неплохо, и согласился. Когда день стал клониться к вечеру, портной достал ключ и отправился на мельницу, которая была пуста, поскольку ее отстроили заново лишь недавно. Перейдя порог, он очертил вокруг себя мелом большой круг, а на внешней стороне круга написал молитву «Отче наш». Таким образом, он защитил себя и мог теперь не бояться даже самого главного врага рода людского. Когда совсем стемнело, задняя дверь внезапно распахнулась, и вбежало множество черных кошек. Они буквально кишели в комнате. Но не прошло много времени, как они поставили в дымовую трубу большой глиняный горшок и разожгли под ним огонь. Вскоре горшок стал шипеть и из него донеслись запахи смолы и дегтя.

— Ого, — подумал портной, — интересно, а что у вас на уме?

Не успел он это подумать, как одна из кошек сунула лапу за горшок и попыталась его опрокинуть.

— Глупая кошка, прекрати баловаться! — крикнул портной.

— Портной сказал: «Глупая кошка, прекрати баловаться», — сообщила кошка другим котам, и все побежали от печной трубы, чтобы начать прыгать и танцевать по кругу, но сама кошка осталась у кувшина и снова попыталась его опрокинуть.

— Глупая кошка, прекрати баловаться! — крикнул портной и попытался оттащить ее от печной трубы.

— Портной сказал: «Глупая кошка, прекрати баловаться», — сказала кошка другим котам, и все побежали от печной трубы, чтобы начать прыгать и танцевать снова, но кошка в третий раз попыталась опрокинуть горшок.

— Глупая кошка, прекрати баловаться! — крикнул портной выйдя из себя от ярости. Это так испугало котов, что они попадали, но потом поднялись и снова начали танцевать, как раньше.

Они выстроились в круг вокруг портного и начали танцевать со все большей быстротой, пока портному не стало казаться, что все вокруг кружится. Коты глядели на него большими свирепыми глазами, словно хотели его проглотить.

Тем временем кошка, которая пыталась опрокинуть горшок, запустила лапу внутрь круга, словно желая схватить портного. Видя ее намерение, портной вытащил нож и приготовился. Через несколько мгновений кошка снова запустила лапу внутрь круга, и портной немедленно отхватил ее ножом. Тут все коты встали на задние лапы и с воем и криком со всех ног бросились прочь. Портной остался один, и вокруг стало тихо.

Он лег внутри круга и лежал так, пока не взошло солнце. Тогда он поднялся, запер дверь мельницы и отправился в дом мельника.

Когда он вошел, мельник и его жена были еще в постели. Наступила Троица.

— Доброе утро, — сказал портной, протягивая мельнику руку.

— Добрый день, — ответил мельник. И он, и его жена были рады видеть портного живым, хотя и удивлялись этому.

— Доброе утро, матушка, — произнес портной, протягивая руку жене мельника.

— Доброе утро, — ответила она, но ее лицо было бледным и печальным, а руку она продолжала держать под одеялом. В конце концов она протянула портному левую руку. Портной понял, в чем дело, — но о том, что случилось потом, история умалчивает.

Северогерманская легенда, Katzenmühle⁵⁷, весьма напоминает вышеизложенную, но она много проще. Норвежская легенда, по всей видимости, приукрашена автором книги, из которой она взята.

О СВ. ОЛАФЕ

Святой Олаф был героем норвежского народа, и его помнят до сих пор, хотя о нем сохранилось мало легенд и у него имеется множество столь же отважных предшественников и преемников. Давайте познакомимся с этими легендами, чтобы попытаться понять причину его удивительно большой популярности.

Олаф родился в 995 году. Его отец, Харальд Гренски, принадлежал к роду Харальда Харфагера, а его мать, Аста, дочь Гудбранда, была родом из Упланда. Когда Олафу исполнилось три года, его крестили, крестным отцом был король Олаф Трюггвасон. В молодости Олаф участвовал в пиратских набегах, в которых получил большой опыт и хорошие воинские навыки. При помощи могущественных связей и друзей — а также используя собственный ум, — он стал властителем королевства своего отца. В его правление королевство было сильным и пользовалось всеобщим уважением. Усилия св. Олафа были главным образом направлены на восстановление в Норвегии христианской веры, которая после смерти Олафа Трюггвасона пришла во временный упадок. Но его насильственные методы и жестокость вызвали против Олафа такую ненависть, что он счел нужным бежать из страны в Гардарики⁵⁸, подальше от мятежных подданных, которых подстрекал к возмущению и поддерживал честолюбивый англодатский король Кнут Великий. Испытав невзгоды, Олаф стал вести праведную жизнь и отправился в Иерусалим. В пути он страдал от голода, и когда увидел во сне, что Олаф Трюггвасон

предлагает ему вернуться в Норвегию, Олаф повиновался приказу и во главе армии направился в Норвегию, где в упорной битве при Стигкладе в Ваердале был разбит и умерщвлен 29 июля 1030 года.

Вскоре после смерти Олафа слава о его набожности и якобы творимых его телом чудесах стала быстро распространяться в народе. Объяснялось это тем, что люди были очень недовольны королем, наследовавшим Олафу. Несмотря на то, что прошел целый год, тело его, захороненное на песчаной косе в Стигкладе, было извлечено из земли нетленным, волосы и ногти продолжали расти. Гримкелл, придворный епископ Олафа, причислил его к лику святых, и повсеместно утвердилось мнение, гласящее, что Олаф был истинным святым. Сын Олафа, король Магнус Добрый, поместил тело отца в богатую раку рядом с главным алтарем церкви Св. Климента в Нидаросе (Дронтхейм). Утверждают, что возле нее происходили многочисленные чудеса, как и в сменившем ее Христовом храме (ставшем впоследствии кафедральным собором). Память св. Олафа, отмечающаяся 29 июля, празднуется по всей стране. Церкви во имя святого Олафа возводились его соотечественниками не только в Норвегии, но и в Дании, Швеции, России, Англии и даже в Константинополе. Паломники целыми толпами путешествовали к мощам св. Олафа, а рассказы об излечившихся в результате паломничества калеках и еще более удивительных чудесах распространялись в большом числе.

Раку с мощами святого Олафа, изготовленную из серебра и покрытую золотом и драгоценными камнями — только один из которых обошелся архиепископу Валкендорфу в двадцать ластов⁵⁹ масла, — во время торжественных событий, таких, как ежегодный праздник св. Олафа или избрание короля, несут на руках шестьдесят человек. В эти дни священничество и собор получают большие доходы. Последний архиепископ, Олаф Энгелбретсон, взял раку с собой в свой сильно укрепленный замок Стейнвиксхольм, но после того, как архиепископ бежал, рака попала в руки датского командующего, Христофера Хвитфелда, который отправил раку св. Олафа с серебром и позолотой весом примерно в 3200 унций, вместе с еще одной серебряной ракой с одеяниями святого и прочими реликвиями, в датскую сокровищницу.

Когда шведы в 1564 году взяли Дронтхейм, они не нашли следов богатств св. Олафа, кроме его шлема, шпор и деревянного сундука, в котором находилось его тело⁶⁰. Шлем и шпоры они взяли с собой в Швецию, где они до сих пор хранятся в церкви Св. Николая в Стокгольме, но сундук оставили в церкви, вытащив из него пропущенные датчанами серебряные гвозди. После изгнания шведов тело св. Олафа и сундук были в 1567 году с большой торжественностью доставлены обратно в собор, где, как писал один из свидетелей, мощи его были погребены в кирпичной могиле, и «его кровь видна до сего дня в амбаре, и ее невозможно смыть водой или стереть руками». Впоследствии по повелению короля тело св. Олафа было покрыто землей.

О святости св. Олафа сейчас никто не вспоминает, даже место его погребения забыто — тем не менее память о нем живет, как это свидетельствуют многочисленные легенды, которые до сих пор передаются в норвежском народе. По всей стране можно найти следы деяний св. Олафа и его сверхъестественных сил. Когда он хотел пить, из земли начинали бить источники, а после того, как он пил из них, вода приобретала чудесные свойства. По его желанию вырастали скалы, а по его кивку — узкие проливы (зунды). Тролли обрели в лице Олафа врага столь же могучего, как в прежние времена в

лице Тора, чья рыжая борода словно была унаследована св. Олафом. Во многих местах до сих пор показывают камни, в которые св. Олаф превратил троллей.

Память об Олафе долго жила в народных легендах и за пределами Норвегии. В Дании и Швеции есть много мест, где до сих пор живут легенды о св. Олафе и троллях, которых он превратил в камень.

Так, в одной легенде рассказывается, как однажды св. Олаф ехал на коне мимо церкви в Далби в Вармеланде, и жена тролля обратилась к нему со словами:

«Kong Olaf med dit pipuga Skägg!⁶¹
Du seglar för när min Badstuguväg».

*«Король Олаф остробородый!
Ты едешь слишком близко
к стене моей бани».*

На что тот ответил:

«Du Troll med din Rack och Ten
Skal bli I Sten,
Och aldrig mer göra Skeppare Men».

*Ты, жена тролля, с твоим камнем
и колесом
Должна поворачивать колесо,
И никогда не делать вреда морякам.*

Из Хибберта мы узнаем, что на Шетландских островах местные жители еще в восемнадцатом веке утверждали, что у них есть древние — ныне утерянные — книги законов «от Св. Олафа». В их песнях — которые носят название «виссаки» — о св. Олафе рассказываются удивительные вещи. На Фарерских островах легенды приписывают отсутствию лесов св. Олафу. Когда св. Олаф спросил нескольких жителей островов, есть ли у них леса, те заподозрили, что вопрос задан с целью установить налог, и ответили отрицательно. «Пусть так и будет», — произнес король, и в тот же момент леса на Фарерских островах погрузились в землю.

Какими были причины этих удивительных легенд? Скорее всего, ответ следует искать в незнании природы и причин природных явлений. Кроме того, свою роль играло желание объяснить все необычное, а вера в сверхъестественные силы давала самый простой ответ. То, что язычество объясняло действием богов Валгаллы и могучего Тора, изобретательные священники католической веры с их первыми новообращенными, без сомнения, начали объяснять влиянием преемника асов, св. Олафа, чей боевой топор заменил Мьёлнир, молот Тора, и чей конь пришел в легендах на смену козлам бога грозы⁶². Но старые легенды обновились историями о набожных пилигримах и легендами о монахах, в которых св. Олаф выступает как герой, способный совершать самые невероятные вещи.

О СВ. ОЛАФЕ И ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ В НОРВЕГИИ

В Норрланде существует следующая легенда о первой построенной в Норвегии церкви⁶³.

Однажды св. Олаф бродил среди лесов и гор в глубоком раздумье о том, как, не облагая свой народ тяжелыми налогами, завершить сооружение церкви, которую он намеревался создать невиданной по размерам. Тут св. Олаф встретил великана, который спросил, о чем он думает. «Я дал клятву, — ответил король, — построить церковь, которая бы по своим размерам и великолепию не имела бы равных в мире, и думаю о том, как исполнить ее». Гигантский тролль пообещал взяться за эту работу, но только при

условии, что, когда в назначенное время работа будет завершена, св. Олаф будет обязан в награду за труд отдать ему солнце и луну — либо себя самого. Король согласился на это условие, но выдумал невероятно сложный план здания, чтобы тролль не смог завершить работу в срок. Церковь должна была быть столь просторной, чтобы семь священников могли читать в ней проповеди одновременно, не слыша друг друга и не мешая друг другу. Колонны и украшения, как внутри, так и снаружи, следовало сделать из самого твердого кремня. Помимо этого, в сделку было включено множество других очень трудных условий. Но назначенный срок еще не подошел к концу, а св. Олаф увидел законченную церковь, за исключением шпиля, который еще предстояло воздвигнуть. Увидев это, святой снова отправился бродить среди лесов и гор, раздумывая о своей несчастливой сделке и своем тяжелом положении. И тут он внезапно услышал, как в горах кричит ребенок, и великанша успокаивает его следующей песней:

«Vys! vyss! sonen min!

I morgon kommer Vind och Väder, fader din, *Тише! тише! Мой сын!*

Завтра придет Ветер и Буря,

Och bar med sig Sol och Mane,

твой отец,

Eller sjelfver Sanct Olof».

И принесет с собой солнце и луну,
Или самого святого Олафа.

Король невероятно обрадовался, поскольку тролли, как считалось, навсегда теряют свою силу, когда христианин называет их по имени. По возвращении Олаф увидел великана, стоящего на вершине башни и собирающегося поставить шпиль, и позвал его:

«Vind och Väder,

Du har satt spiran sneder!»

Ветер и Буря,

Ты должен повалить шпиль!

Троль свалился с церковной башни с ужасным грохотом и разлетелся на части, оказавшись целиком сделанным из кремня. Согласно другой версии, великана звали Слатт, и св. Олаф крикнул:

«Slätt! sätt spiran rätt!»

Слатт! Поставь шпиль прямо!

Согласно еще одной версии, великана звали Бластер, и св. Олаф крикнул ему:

«Bläster! sätt spiran väster!»

Бластер! Направь шпиль на запад!

Похожая легенда встречается и в самой Норвегии, но великана в ней называют Скалле, а воздвигнутый им великолепный собор — тем, что находится в Нидаросе (Дронтхейм)⁶⁴. Аналогичная легенда, с тем же именем тролля, была известна также в Германии⁶⁵.

СВ. ОЛАФ В ВААЛЕРЕ

Путешествуя по стране с целью распространения христианской веры, св. Олаф набрел на место на восточном берегу Гломмена, которое следующим образом приняло название Ваалер, вместе со своей церковью и всем приходом: св. Олаф созвал людей и

объявил, что Бог, которого почитает король, должен почитаться и народом, и что вера в Одина должна уступить христианской религии. После некоторых колебаний собрание с ним согласилось. Согласилось оно и на предложение короля, что в местных краях, как ранее в других местах, должна быть воздвигнута церковь, посвященная новой вере. Однако по поводу того, где конкретно следует строить церковь, возникли большие разногласия. Тогда, как говорит легенда, св. Олаф натянул свой лук и пустил стрелу, после чего объявил, что куда стрела упадет, там церковь и будет стоять. Король пустил стрелу от источника, который до сих пор носит имя св. Олафа, а стрела упала в Ваале⁶⁶, где впоследствии была построена деревянная церковь; ее, вместе с домом и приходом, стали называть Ваалер. Эта церковь, куда обращались за исцелением больные и умирающие, существовала до 1805 года, когда была построена новая церковь. В этой церкви находится искусно сделанная железная застежка, которую называют застежкой св. Олафа. Согласно легенде, ее оставил в церкви сам св. Олаф, а прежде она находилась на поводе его коня. Свою лошадь этот король часто поил у чистого родника, который никогда не пересыхал летом и не замерзал зимой. Родник тоже носит имя св. Олафа. Источнику раньше приписывали магические свойства. Больные бросали в него деньги и предметы из серебра для возвращения здоровья; любого, кто попытался бы украсть эти священные предметы, ожидала тяжелая участь судьбы. Еще несколько лет назад у местного населения был обычай соревноваться в том, кто первый прибудет к источнику в начале праздника; тот, чья лошадь первой пила из колодца св. Олафа, мог хвастать своей удачей.

СВ. ОЛАФ В РИНГЕРИГЕ

Когда св. Олаф странствовал с места на место, распространяя христианскую веру и возводя церкви на месте языческих храмов, он встретился с противодействием и помехами, причем не только от своих пылко приверженных язычеству подданных, но и со стороны многочисленных троллей, ютулов и великанш, населявших окружающие горы. Тролли ненавидели св. Олафа — отчасти оттого, что, используя знак креста, он наносил им много вреда, а отчасти потому, что он основал много церквей, колокола которых нарушали их покой. Однако, несмотря на все старания, тролли не могли помешать святому королю, который, в свою очередь, был способен обратить их в камень. Такие камни до сих пор можно видеть в разных частях страны. Когда св. Олаф совершал одно из своих путешествий, свирепая великанша внезапно спрыгнула с крутой горы, громко крича:

«St Olaf med det brede skjaeg! Sv.
Du rider saa naer min Kjeldervaeg!»

*Олаф широкобородый!
Ты едешь чересчур близко к стене моего
подвала! ».*

Св. Олаф немедленно ответил:

«Stat du der i Stok og Steen,
Til jeg kommer her tilbars igjen».

*Ты стой там как пень и камень,
Пока я позднее не приду снова.*

Окаменевшую после этого великаншу можно видеть и по сей день.

Когда св. Олаф прибыл в Стин, где жила в то время его мать, он решил построить там церковь. Это решение крайне расстроило *gyvri* (великаншу), которая жила в горах (эти горы имеют высоту в две тысячи футов и в честь нее носят название *Gyrihaug*). Хотя великанша уже знала, по приведенной выше истории, что со св. Олафом связываться опасно, она решила испытать его силу и вызвала его на поединок. «Раньше, чем ты построишь церковь, — сказала она, — я возведу каменный мост через фьорд Стеен». Олаф принял вызов, и прежде чем великанша наполовину построила мост, раздался звон колоколов с его церкви. Вне себя от ярости великанша стала бросать в церковь камни, которые приготовила для моста, из Гирихауге, расположенного прямо за фьордом. Однако ей не удалось попасть в церковь даже одним камнем. В отчаянии великанша оторвала у себя ногу и бросила ее в колокольню. Кое-кто считает, что башню удалось сбить, кое-кто говорит, что нога пролетела выше, — но все уверены в том, что нога попала в болото за церковью, и именно от этой ноги над болотом поднимается постоянное зловоние. Это болото до сих пор называется местным населением Гиограпут, а камни, которые бросала великанша в церковь, еще недавно можно было видеть на соседних холмах. Мост, начатый великаншей, в наши дни завершен, а в Стеене до сих пор можно видеть развалины церкви св. Олафа, которые заслуживают лучшей участи, чем в настоящее время. Раньше здесь ежегодно исполнялась служба в Иванов день, но сто пятьдесят лет назад в здание ударила молния, разрушившая его.

АКСЕЛЬ ТОРДСЕН И БЕЛОКУРАЯ ВАЛЬДБОРГ

В Норвегии когда-то жила девица, столь светловолосая, что все называли ее Белокурая Вальдборг. Ее отец, господин Иммер, скончался, когда она была еще младенцем, а ее мать, госпожа Джулли, также упокоилась в земле, когда ее дочка была совсем ребенком. Поскольку Вальдборг принадлежала к знатному роду, у нее были влиятельные родственники по всей стране, но она отличала Акселя Тордсена, который выбрал ее своей невестой, когда она была еще ребенком. Он обручился с ней, прежде чем отправиться в поездку по другим странам, чтобы посетить иностранные королевские дворы. Во время этой поездки император Генрих предложил ему службу при своем дворе.

Молодую невесту тем временем отправили в монастырь — учиться шитью. Там она провела одиннадцать лет, пока королева Мальфрида не призвала белокурую девицу к своему двору. Здесь к ней относились с большой почтительностью, поскольку Мальфред и госпожа Джулли были хорошими знакомыми и часто играли вместе за столом. Тем временем Аксель стал скучать по своей невесте. Пилигрим из рода Вальдборгов сообщил ему, что его невеста является самой красивой девицей во всей стране и что ее влиятельные родственники хотят, чтобы она вышла за королевского сына, Хагена. Аксель получил отпуск у императора и поспешил назад в свою родную страну. За ним последовало тридцать прислужников, но он скакал так быстро, что, когда добрался до особняка своей матери, остался один. У ворот Акселя встретила его светловолосая сестра, леди Хельфрида, которая посоветовала ему притвориться посланником. Она дала Акселю письмо к Вальдборг. Аксель увидел Вальдборг в свите королевы, когда она возвращалась с вечерни. В письме, полном любовных изъявлений, лежало пять золотых колец, на которых рельефом были изображены розы и лилии. Прочитав письмо, она снова связала себя обещанием, придерживаясь своей былой клятвы, — хотя ей объяснялись в любви одиннадцать рыцарей, не считая сына короля, Хагена, который был двенадцатым. Сын короля погрузился в от-

чаяние и совсем пал духом от того, что его чувства не тронули белокурую Вальдборг. Его мать, королева Мальфред, ответила на его жалобы такими словами: «Силой ты ее получить не сможешь». Однако в нем все же вспыхнула надежда, когда он встретил своего исповедника — чернеца Кнуда, который неожиданно утешил его тем, что Аксель не может соединиться с Вальдборг, поскольку они являются двоюродными братом и сестрой и над купелью их держала одна и та же женщина.

Тогда Хаген обратился к трем дядям Вальдборг по материнской линии, которые были ярлами высокого ранга. Он потребовал у них разрешения на брак с белокурой Вальдборг. К его радости, они согласились, но Вальдборг сказала: «Аксель является моим самым лучшим другом, и я никогда его не предаю». Тогда Хаген написал письма, чтобы созвать архиепископа и семьдесят священников и вызвать на суд двух влюбленных.

С бьющимися сердцами любящая пара предстала перед архиепископом в церкви Св. Марии. Облаченный в черное монах Кнуд выступил вперед, держа в руках родословную, и стал доказывать, что влюбленные не могут соединиться в браке, поскольку они являются двоюродными братом и сестрой со стороны матери, а кроме того, у них одна крестная мать. После этого влюбленных подвели к алтарю, на котором лежал носовой платок; платок разорвали на две части и дали обоим как символ того, что они должны расстаться навсегда. Затем с пальца Вальдборг было снято золотое кольцо, а с ее руки снят ее браслет. Все это вернули Акселю. Тот бросил кольцо и браслет на алтарь, сделав это подарком св. Олафу. Аксель поклялся, что всю оставшуюся жизнь он будет другом Вальдборг.

Эта клятва разгневала Хагена. Он выступил вперед и потребовал, чтобы на следующий день тот поклялся на мече и на Святом писании, что Вальдборг никогда не имела с ним связи. Клятву должны были принести не только влюбленные, но и одиннадцать ярлов из их рода. Златокудрые ярлы явились с позолоченными мечами, чтобы поклясться вместе с белокурой девой, с которой Хаген намеревался разделить трон, став королем. Но она сказала полному печали Акселю, что никогда его не забудет и проведет остаток своих дней в уединении.

Долгое время после этого Аксель и его возлюбленная не участвовали в каких-либо развлечениях, и никто не видел, чтобы они смеялись. Но вот внезапно началась война, и Хаген, который к этому времени стал королем, повел своих солдат на поле брани. Он сделал Акселя своим полководцем. Теперь этот храбрый рыцарь, на щите которого на фоне белого и лазурного были видны два сердца, всегда был под рукой, когда это было нужно королю или когда этого требовала честь страны. Война оказалась тяжелой. Аксель убил сыновей короля Амунда и много благородных мужей Упланда. Но пал с лошади и смертельно раненый король Хаген. В последние свои минуты он вверил Акселю свое королевство Норвегия и вручил ему свою жену, которую любили они оба. После этого Аксель снова ринулся в самую гущу боя и начал разить врага с такой силой, что сломал свой меч, после чего получил семь смертельных ран. Его последние слова были посвящены его возлюбленной. Вальдборг поделила все ценности, которыми владела, между своими родственниками и удалилась в монастырь Св. Марии, где архиепископ Ааге посвятил ее в монахини.

Приведенная выше легенда об Акселе и Вальдборг является сокращенным вариантом прекрасной древней датской баллады об Акселе Тордсене и Скьон Вальдборг. Имя автора и время сочинения баллады неизвестно. Баллада была напечатана в «Udvalgte

Danske Viser» (т. III, с. 257 и далее). Геннан перевел балладу на немецкий язык, и этот перевод напечатал В.К. Гримм в своей «Altdänische Heldenlieder» (с. 357 и далее). Эленшлегер написал пьесу на этот сюжет.

Баллада имеет некоторую историческую ценность для историков тем, что дает подробное описание норвежского костюма в Средние века и тем, что в ней, как в зеркале, можно видеть дух и манеры поведения того времени. По всей видимости, местом действия баллады является Ромсдал и близлежащий Сондмор. Относительно дома Хоуе в Сондморе существует легенда, повествующая о том, что неподалеку была битва, в которой погибли Аксель Тордсен и сын короля Хаген. На небольшом острове Гидске, рядом с церковью, есть мраморная плита, имеющая форму крышки гроба. В длину она составляет шесть футов, а в ширину несколько больше четырех. На этой крышке по дуге начертаны едва сейчас различимые рунические буквы. Это место всегда считали могилой белокурой Вальдборг. Легенда рассказывает, что по другую сторону церкви находится могила Акселя Тордсена, на которой нет могильного камня. У каждой могилы посадили ясень, оба ясеня выросли на одинаковую высоту и, поднявшись над церковью, наклонились друг к другу и переплелись ветвями. Дерево Акселя живо до сих пор, но дерево Вальдборг засохло.

СИГНЕ-КЪЯЕРРИНГ ИЛИ ВЕДЬМА

Чтобы определить, какой болезнью страдает ребенок, прежде обращались — и, возможно, обращаются до сих пор, — к сигне-къяерринг⁶⁷, которая использовала для этой цели плавление и изготовление отливок. Свинец, взятый с окон церкви после заката, расплавлялся и выливался в воду, взятую из источника, вода которого течет на север. На сосуд с водой клали ячменный пирог, штопальной иглой проделывали в нем отверстие, через которое расплавленный свинец медленно вытекал в воду. Особенно часто такое действие производилось при рахите, чтобы определить, к какому из девяти видов рахита относится данный случай. Разновидность заболевания определялась по форме, которую принимал свинец. К примеру, если фигура напоминала человека с двумя большими рогами, это был *trolldsvek* (рахит, вызванный троллем); если фигура напоминала русалку, это был *vassvek* (водяной рахит). Выливая свинец, колдун тихо произносил следующий заговор:

Я заклинаю хитрость, и заклинаю рахит;
Я заклинаю его здесь, и заклинаю и гоню прочь;
Я заклинаю его снаружи, и заклинаю внутри;
Я заклинаю в погоде, и заклинаю в ветре;
Я заклинаю на юге, и заклинаю на востоке;
Я заклинаю на севере, и заклинаю на западе;
Я заклинаю на земле, и заклинаю в воде;
Я заклинаю в горах, и заклинаю в песке;
Я заклинаю его и гоню вниз, в корни ольхи;
Я заклинаю его и гоню в ноги жеребенка;
Я заклинаю его и гоню в пламень ада;
Я заклинаю его и гоню в текущий на север поток;
Пусть ест и потребляет там,
А вред для малыша пусть прекратится⁶⁸.

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ШВЕЦИИ⁶⁹

РОЖДЕСТВО ИЛИ КАНУН РОЖДЕСТВА

Многие обычаи и праздники христиан восходят к обрядам жертвоприношений, которые в дни язычества совершались, чтобы задобрить богов. Жертвоприношения Одину, который когда-то был человеком из плоти и крови, сопровождалась играми и плясками. В некоторых местах Готланда, где находится значительная часть памятников Одину, такие игры проводятся и поныне, являя собой отзвук прежних обрядов. В этих плясках совершалось множества искусных прыжков и движений; исполняли их молодые мужчины с разрисованными золой или краской лицами и одетые так, чтобы их трудно было узнать. Один из танцующих изображал жертву. Приносилось все, что требовалось для жертвоприношения, причем сам процесс сопровождался музыкой или пением. Иногда человек, выбранный в качестве жертвы и облаченный в шкуры, сидел на табурете, держа пучок соломы во рту. Солома также торчала у него из ушей, символизируя щетину свиньи. Таким образом, он изображал жертвенного борова, приносившегося в праздник Йула богине Фрее. Во многих местах и сейчас пекут большую краюху хлеба, которую называют йульской краюхой (*Julgalt*); ее хранят до весны, а потом скормливают скоту, на котором выполняются весенние работы. Этот обряд является пережитком язычества, когда в середине зимы или в день Йула приносили жертву, чтобы новый год был добрым. Само название праздника *Yule* (на востоке Норвегии — *Jol*, а Дании и Швеции — *Jul*) связано с круговым движением солнца⁷⁰; в первую половину года до сочельника продолжительность дней убывает, во вторую, после него она возрастает; период времени, объединяющий эти две половины, называется *Jula-mot*. В древности новый год начинался с самого короткого дня в году, который назывался *Модернитт* (материнская ночь). В старину люди желали друг другу хорошего *Jula-mot*.

Приносимый богине Фрее в качестве жертвы боров (sónargöltr) на Севере закалывался с большой торжественностью. В Швеции древний обычай сохранился, но с выпеченной краюхой; празднуется он в канун Рождества. Краюха имеет форму свиньи. Верелиус в своих замечаниях к Херварарсаге (стр. 139) сообщает, что шведские крестьяне высушивают выпеченного йульского борова и хранят его до весны. Весной они толкут эту краюху в сосуде, из которого потом будут разбрасываться семена. То, что осталось от краюхи, частично отдают работникам-пахарям, частью смешивают с ячменем и скормливают лошадям, на которых будут пахать. Так поступают, чтобы обеспечить обильный урожай⁷¹.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЕГЕНДЫ ОБ ОДИНЕ

На Готланде, а особенно в Смаланде, все еще рассказывают легенды про Одина Старого. В Блекинге раньше был обычай оставлять снопы для лошадей Одина. В Кракторпсгарде, в Смаланде примерно сто лет назад был найден курган, в котором, как говорят, был погребен Один. После распространения христианства этот курган стали называть Хелветесбаке (гора Ада). На ней якобы нашли склеп, и когда его попытались открыть, из склепа вырвалось удивительное пламя, похожее на вспышку света. Одновременно с этим были найдены гроб из кремня и лампа. Рассказывают, что священник по имени Петер Дагсон, живший возле Тройенборга, посеял рожь, и когда она взошла, то с хол-

мов стал каждый вечер спускаться Один. Он был столь большого роста, что возвышался над зданиями крестьянского подворья. В руке у него было копье. Остановившись перед входом, он всю ночь всем мешал входить и выходить. И так происходило каждую ночь, пока рожь не была сжата.

Там рассказывают также о золотом корабле, который, как говорят, потонул в Рунемаде, около Никелберга. На этом корабле находились захваченные Одним в битве при Бравалле сокровища, которые он отослал в Валгаллу. Говорят, что Кеттилс-ас получил свое имя от некоего Кеттила Рунске, который украл у Одина посохи с рунами (*runekaflar*), к которым тот привязывал своих быков и собак. Похитил он и русалку, которая пришла на помощь к Одину. Большое количество подобных легенд уже записано и еще сохраняется в разных местах. Конечно, в наши дни эти легенды уже не связаны с языческой верой — однако крестьянам приятно сознавать, что, гуляя по полям, они проходят мимо горы, речки, груды камней, о которых упоминают древние легенды, и что именно с этими легендами связано появление названий их деревень и жилищ.

Стоит заметить, что одна из наших (шведских) самых красивых перелетных птиц, черная цапля (*Ardea nigra* по Линнею) в древности называлась ласточкой Одина.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЕГЕНДЫ О ТОРЕ

Тор, как и Один Старый, в далекие времена пришел на Север с переселенцами из Азии и Асгарда. На новом месте ему пришлось бороться с местным населением, обитавшим в горных пещерах и землянках. Часть местного населения имела огромный рост и отличалась свирепостью, их называли яттары (великаны). Остальные получили названия троллей и бергсбоар (обитатели гор). Они и стали позднее персонажами легенд о великанах и тому подобных персонажах. Гладкие камни в виде клина, которые иногда находят на земле, называются Торви́ггар, то есть клинья Тора — их, как утверждают, бросал Тор в троллей. Во многих местах, где горные леса переходят в луга, рассказывают, что тролли очень боятся приближения грозы. Во время грозы они, свернувшись в клубок, катятся вниз со склона, стремясь найти убежище среди косцов сена, которые отгоняют троллей своими серпами. Тогда троллям приходится с жалостными стенаниями возвращаться обратно в горы.

Обнаруживаемые во многих местах аэролиты считаются принадлежащими Тору. Они обычно малы по размерам, но тем не менее столь тяжелы, что в наши дни редкий человек сумеет поднять их. Считается, что Тор ими играет. Про аэролит в Линнериде в Смаланде говорят следующее. Когда однажды Тор вместе со своим слугой проходил мимо, он встретил великана и спросил его, куда тот направляется. «В Валгаллу, — ответил великан. — Сразиться с Тором, который своей молнией сжег мой хлев». «Не советую тебе мериться с ним силой, — ответил Тор, — поскольку едва ли ты способен положить вот тот маленький камешек на находящийся рядом с ним большой». Великан разгневался, схватил камень и напрягся изо всех сил, но не смог даже приподнять камень, поскольку Тор заговорил его. После этого к камню приступил спутник Тора, который поднял камень так легко, словно это была перчатка. Тогда великан нанес Тору сильнейший удар, от которого тот упал на колени. Однако Тор размахнулся молотом и убил великана, который лежит там, погребенный под кучей камней.

Тора почитали на Готланде больше, чем других богов, и ставили выше них. В честь него был назван Торов жук (*Scarabaeus stercorarius*). Относительно этого жука до на-

ших дней существует предание, передаваемое от отца к сыну. Считается, что если человек обнаружит на дороге неподвижно лежащего на спине Торова жука, то его нужно перевернуть на живот, за что жук отпустит семь грехов, поскольку Тор во времена язычества считался посредником между человеком и высшей силой, Всеотцом. В начале распространения христианства священники старались отвлечь людей от старых богов и объявили их злыми адскими духами. В результате бедный Торов жук был переименован в *тордьефвула* или *тордифвела* (Тор-дьявола); этим названием до сих пор пользуются в Швеции. Когда кто-нибудь в наши дни видит этого жука беспомощно лежащим на спине, никто не вспоминает про Тора, однако добросердечный человек редко проходит мимо, не поставив жука на ноги и не подумав о необходимости искупления грехов.

То, что почитание Тора и память о нем сохранялись в Норвегии и Бохуслане долгое время, следует из многих легенд. В одной из них говорится, что столетие назад моряки из Бохуслана промышляли китов на голландском судне из Амстердама у берегов Гренландии. Потеряв курс, они много ночей видели свет какого-то огня, разведенного на берегу или на островке. Несколько человек, один из которых был из Бохуслана, решили отправиться на это место, чтобы посмотреть, что за люди там живут. Они взяли лодку и начали грести к берегу. Высадившись и приблизившись к огню, они увидели греющегося у огня человека. Увидев незнакомцев, человек немедленно спросил, кто они такие. «Из Голландии», — ответил человек из Бохуслана. «А из какого именно места?» — продолжал интересоваться старик. «Из Сафве на Хисингене», — ответил моряк. «Ты знаком с Торсби?» — «Да, хорошо». — «Ты знаешь, где находится Ульфвеберг?» — «Да, я часто проходил мимо, потому что там проходит прямая дорога из Готтенбурга к Марстранду через Хисинген и Торсби». — «Стоят ли все еще огромные камни на тех местах?» — «Да, все, кроме одного, который готов упасть». — «Расскажи мне еще, — произнес старый язычник, — знаешь ли ты, где находится алтарь Глосшеда? Он все еще в порядке?» Когда моряк ответил, что это не так, старик произнес: «Если ты проследишь, чтобы люди из Торсби и Торесбраки не снесли камни и холм над Ульфвебергом и над всем прочим, чтобы алтарь в Глосшеде оставался в целостности и сохранности, я пожелаю тебе доброго попутного ветра». Моряк пообещал выполнить просьбы старика по возвращении домой. Когда он спросил у старика его имя и почему тот столь беспокоится о подобных вещах, старик ответил: «Мое имя — Торир Брак, и я живу здесь, но сейчас я беженец. В огромном холме около Ульфвесберга погребен весь мой род, а у алтаря в Глосшеде мы поклонялись богам». После этого моряки расстались со стариком и с попутным ветром двинулись домой.

О КАЧАЮЩИХСЯ И ГРОМОВЫХ КАМНЯХ

В Англии и прочих местах особо чтут качающиеся камни. Также почитаются громовые камни, которые даже в неподвижном состоянии способны издавать глухие звуки — потому что, как считается, в них обитают эльфы и тролли.

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВОРОВСТВОМ

В нашу просвещенную христианскую эпоху до сих пор существуют следующие языческие предрассудки.

Если какого-либо человека ограбят, он идет к так называемому колдуну, который должен выполнить обряд «вырезания глаза вора». Это осуществляется следую-

щим образом. Колдун вырезает человеческую фигуру на молодом деревце, произносит несколько зловещих заговоров, чтобы получить помощь дьявола, а затем тыкает каким-нибудь острым инструментом в глаз этой фигуры. Практикуется также стрельба стрелами или пулями в конечности этой фигуры. Считается, что у вора начнут болеть соответствующие части тела.

ФИНСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ

С предшествующим рассказом связано одно финское суеверие, в котором изображение какого-либо отсутствующего человека помещалось в сосуд с водой, после чего по этому сосуду открывали стрельбу. Считалось, что это дает возможность ранить или убить человека, который может находиться в сотнях миль от места ворожбы. Этот способ применялся даже для того, чтобы нанести вред соседской скотине. Потому апоплексический удар и другие внезапные болезни получили название выстрелов или выстрелов тролля.

Однажды некий молодой швед, путешествуя по Финляндии, влюбился в красивую финскую девушку, но, вернувшись домой, забыл и о любви, и о своих обещаниях вернуться к возлюбленной. Однажды пришел к нему лапландец, искусный в магии своей страны, и шведу пришлось в голову спросить, как чувствует себя его возлюбленная в Финляндии. «Это ты можешь увидеть сам», — ответил лапландец. Произнеся разнообразные заговоры, он наполнил водой ведро, а потом поманил шведа и предложил ему заглянуть в воду. Легенда говорит, что швед увидел хорошо знакомую ему местность вокруг домика его возлюбленной. Его сердце бешено заколотилось, когда он увидел, какая она бледная и что ее лицо в слезах. Она вышла из дверей, а за ней последовал отец с сердитым выражением лица и ружьем в руках. Отец девушки подошел к ведру, полному воды, и направил в воду ружье. Дочь стояла рядом, ломая руки. «Теперь, — сказал лапландец, — он тебя застрелит, если ты ему не помешаешь. Поспеш и прицелься первым». Старик направил ствол к ведру. «Стреляй немедленно, — произнес лапландец, — иначе ты покойник». Швед выстрелил, и старый финн упал на землю. Спустя некоторое время швед посетил старые места и узнал, что старый финн скончался от апоплексического удара в тот самый день, в который лапландец демонстрировал свое магическое мастерство⁷².

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ

Согласно свидетельствам, которые можно найти в нескольких сагах и даже в книгах, в Швеции в отдаленные времена обитал огромный, дикий, неотесанный народ, который назывался йотенами (йотнардами). Страна, в которой они обитали, находилась на берегу Финского залива и далее тянулась на север. Эту страну называли Йотуналанд или Яттехем.

Но когда более просвещенные люди из Азии, которые знали Бога всего сущего и почитали его под именем Всеотца, вторглись в Швецию с востока, между ними и народом йотнаров (или народом ятте) началась война, которая растянулась на много столетий. И точно так же, как Давид поразил самонадеянного великана Голиафа, так и новые азиатские поселенцы на Севере, посредством своего мастерства и более совершенных знаний, смогли одолеть предшествовавшее им примитивное население страны, которое стало постепенно отступать в дикие леса и селиться в горных пещерах и логовах. С этих

времен и идут все наши легенды о горных троллях, великанах и обитателях гор. Рассказывают, что у них имеются большие запасы золота и других ценных предметов. Их женщины считаются удивливыми.

Отдельной ветвью горных троллей являются карлики. Они умело обращаются с инструментами, изобретательны, их женщины очень красивы. Народ карликов, похоже, происходит от народа, пришедшего из восточных стран в сравнительно поздний период, поскольку карлики знакомы с рунами, которые используют для волшебства. Это волшебство сопровождается игрой на арфе, как можно прочесть в одной из баллад о сэре Тинне:

То была Ульфва, дочь малого карлы.
Так она молвила служанке своей:
«Принеси мне златую арфу;
Да господин Тинне полюбит меня.
Разложу я как надо руны...»⁷³

Искусство ворожбы и чар жители Лапландии, как считается, сохранили до наших дней. Существует достаточно убедительная гипотеза, утверждающая, что азиатский народ, который в сагах обозначается под названием карликов, является пришедшими с востока лапландцами, сохранившими свое древнее имя. Великаны же — это предки финнов и прежнее, коренное население Швеции. У этих народов не было согласия, не было общего правительства и законов, и потому их легко завоевало племя асов, возглавлявшееся *дроттами* (королями). Завоевание Севера осуществлялось двумя волнами — шведами и готами.

Это были времена, когда первым делом человек должен был заботиться о собственной защите, и победы были для него самым величайшим счастьем — и даже на само *гимли* (небо) можно было подняться только храбростью и ратным мастерством. Естественно, что хорошо закаленное оружие считалось одним из самых ценных владений. Утверждали, что мастерством изготовления хорошего оружия обладают карлики и эльфы. Хорошо закаленный, надежный и гибкий меч обычно считался работой карлика. Изделия из драгоценных металлов, особенно нарукавный браслет из золота, украшенный пестрыми самоцветами, также считались творениями эльфов⁷⁴ или карликов. Самыми умелыми кузнецами считались великаны и обитатели гор. Среди гор иногда находили небольшие глыбы, которые простые люди называли наковальнями великанов; считалось, что именно на них великаны выполняли свои работы.

СОН КОРОЛЯ ЭРИКА

Люди долго верили в то, что король Эрик был великим волшебником (*тролькарлом*), сведущим в тайных знаниях. Также думали, что он получает от Одина сведения относительно вещей, скрытых от других людей. После победы в Фирисвалле у Эрика не осталось врагов, которые могли бы ему помешать спокойно править своими владениями. Он видел, что христианство все больше распространяется по стране, и скоро понял, что остался последним языческим королем на Севере. И тогда он совершил жертвоприношение Одину, чтобы получить ответ на вопрос, сколько будет христианских королей после него на троне Швеции. Во сне ему было открыто, что для этого

он должен расколоть скалу короля Сверкера, в которой найдет таблички с ответами на все вопросы относительно его преемников. Король последовал этому указанию, но кем был Сверкер и где находилась эта скала, хроники не говорят. Когда скала была разбита, в ней оказались каменные таблички в золотых рамках, украшенных драгоценными камнями. С одной стороны находилась продолговатая прямоугольная табличка, окруженная трижды девятью коронами с именами королей, с другой стороны находилась треугольная табличка или пластинка, окруженная трижды семью коронами. Все эти короны отличались по цвету, обозначая разные роды, к которым относились эти короли. Синим цветом обозначалась Швеция, зеленым — Норвегия, красным — Дания, желтым — Германия. В летописях рассказывается, что эти таблички долго хранились среди прочих сокровищ в государственной казне, пока архиепископ Густав Тролле во время войны не перевез их в Данию и после того, как из них вынули драгоценные камни, оставил их на попечении священника в Роескильде. Этот священник взял их с собой в Сёфде в Скандии и причислил их к собственности церкви. Здесь они были найдены Нильсом Хвиде, епископом Лунда, который их похитил. Один священник из Скандии, которого называли господин Иаков, сочинил стихотворный памфлет, в котором обвинял епископа в воровстве, — однако он не мог доказать свое обвинение, и впоследствии его осудили и казнили в Копенгагене. Его последние слова на месте казни были, как говорят, впоследствии высечены на могильном камне:

«Skall nu Mäster Jacob miste sitt lif,

For hanen gal,
San er dog Bispen en tyff,
For stenen han stal».

*Сейчас расстанется с жизнью
господин Яков*

*До первого петуха,
Тем не менее епископ — вор,
Поскольку он украл этот камень.*

История о сне короля Эрика упоминается в одной книге, принадлежащей церкви Фросунда в Рослагене. Описываются в ней и таблички, найденные в скале Сверкера.

О БЬЕРНЕ ШВЕДСКОМ, ЯРЛЕ УЛЬФЕ И КНУТЕ ВЕЛИКОМ

Жил когда-то в Швеции богатый человек, у которого была молодая дочь исключительной красоты. Город окружали красивые и зеленые места, куда молодежь обоих полов отправлялась развлекаться. Случилось так, что, когда вышеупомянутая девушка отправилась играть со своими товарищами, из леса вышел медведь, которые бросился на перепуганных детей и схватил девушку передними лапами, после чего поспешил с добычей в свое логово. Однако здесь он не съел ее, а привязался, снабжая похищенную дичью и фруктами. Но, чтобы поддержать свое существование, медведь зарезал много скота, и люди собрались для общей охоты, в результате которой он был убит. Охотники нашли девушку, и через некоторое время она родила сына, который получил имя Бьерн (медведь). Он вырос, стал сильнее других мужчин и отличался редкой понятливостью. В этом, он, возможно, пошел в деда, поскольку существует пословица «У медведя одна двенадцатая человеческого ума и сила шестерых мужчин». Внуком этого Бьорна в Скандии стал Ульф-ярл, который женился на Эстрид, сестре Кнута Великого, несмотря на противодействие ее брата. Именно Ульф помог королю Кнуту, когда его флот мог попасть в руки противника во время битвы у острова Нельге. Однако, несмотря на эту

помощь, Ульф никак не мог добиться дружбы короля, и в конце жизни тот относился к нему плохо, как мы еще увидим.

Однажды король Кнут и Ульф-ярл после битвы при Хельге играли в шахматы в Рое-скильде. Кнут двинул пешку, но захотел вернуть ее назад. Это привело Ульфу в такую ярость, что он опрокинул доску и бросился из комнаты. Король в гневе крикнул ему: «Ты бежишь, трусливый Ульф?» Ульф ответил: «Ты бы сам бежал в бою при Хельге, если бы я не пришел. Ты не называл меня трусливым Ульфом, когда шведы били твоих собак, пока я не явился тебе на выручку». Неразумно было подданному короля говорить с монархом таким тоном. На рассвете король сообщил, что этот ярл нашел убежище в церкви св. Лусии и что послан человек, который убьет его перед высоким алтарем. Из-за того, что по мужской линии в доме Кнутов не оказалось наследников, Свенд, сын Ульфу-ярла и Эстрид, в 1412 г. унаследовал датский трон после прославленной королевы Маргарет.

ХРИСТИАНСКО-ЯЗЫЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ТРОЛЛЯХ И Т.Д.

Поначалу христианству не удавалось развеять мрак язычества. Народ продолжал собираться в построенных вокруг какого-либо языческого идола домиках у дорог и посреди полей. Эти домики давали возможность отдохнуть усталым путникам и крестьянам во время работы. Из этих домиков — которые называли скурды — убрали языческих идолов, однако христианские изображения для одних людей были девой Марией, св. Петром и другими святыми, а другие видели в них Тора и Фрейю. Христианские священники использовали все свое влияние, чтобы подавить веру в языческие божества, объявляя их воплощениями дьявола, стремящимися погубить людей. Языческие духи, тролли и эльфы и обитатели намогильных курганов, возведенных во времена поклонения идолам, стали для христиан чем-то страшным. Проходя мимо курганов, особенно ночью, люди трепетали от страха, поскольку считалось, что встреча со «злыми духами» — то есть троллями и эльфами, — сулит людям болезни и смерть. Когда такие бедствия случались, приходилось искать против них средства. Простые люди дорого платили, обращаясь как к монахам, так и знахаркам и бабкам-ведуньям, за суеверную тарабарщину, произносившуюся в церквях, на перекрестках и над камнями эльфов с использованием ладана и заклинаний. В таких местах нередко звучали странные молитвы, в которых неправильно произносилось имена Христа и других святых. Порой в молитвы вставлялись заклинания. Такие молитвы, нередко составленные в монастырях, иногда рифмовались. Мы могли бы представить в качестве доказательства молитвы, которые употреблялись даже в настоящее время, однако поскольку они прозвучат оскорбительно для христианского слуха, их лучше забыть.

Содержащиеся в легендах или народных верованиях суеверия относительно эльфов, троллей и подобных им существ мы здесь приведем в сжатом виде.

ОБ ЭЛЬФАХ

1

Эльфы занимают весьма заметное место как в языческом мире сверхъестественных существ, так и в христианском. То, что мы уже рассказали про эльфов, представляет собой народные легенды, которые передавались из поколения в поколение до нашего времени,

несколько изменившись под влиянием христианства. До сих пор можно найти поставленные эльфам алтари, на которых оставляют подношения ради исцеления больных. Так называемые знахарки — современные *хоргибрудар* — совершали помазывания свиным жиром, который использовался в языческих жертвоприношениях, а также читали особые заговоры. После этого они давали какой-нибудь металлический предмет — небольшую монету или даже иголку, если этого было достаточно, — и крест (как знак того, что сила Спасителя также участвует в лечении). Все это клали на «жернов эльфа» (*альв-кварн*) или «горшок эльфа» (*альв-грита*). Знахарки (*сигнерсдор*), когда их вызывали к больным, обычно начинали с того, что лили в воду расплавленный свинец. По виду, который принимал застывший металл, они обычно называли разновидность вызванной эльфами болезни. Припрятав после этого полученные денежки, они переходили к следующему трюку, который назывался «ниспровержение» или «эльфово помазание». Выполнялся он на закате следующего четверга. Некоторые селяне исполняли помазание «жернова эльфа», не прибегая к знахарке; тогда они не читали молитв, а только выдыхали: «Господи, помоги!» Среди самых старинных народных легенд об эльфах есть одна, которую можно прочесть на руническом камне в Лагно, на Аспо, в Содерманланде. На камне, окруженном рунами, вырезан сидящий эльф с вытянутыми ногами, который держит в руках головы двух змей. Руны говорят: «Гислог приказал, чтобы эти буквы были вырезаны после Торда (т.е. в память о нем); и Слоди приказал, чтобы были взяты истинные свидетельства относительно эльфов, которых он видел, — как и кое-что еще; что это было?» Похоже на то, что эти слова были вырезаны в камне как свидетельство существования эльфов и других троллей, которых Слоди видел у скалы.

В легендах эльфы делятся на три класса: земные, воздушные и водяные.

2. О горном народе

Среди эльфов, принадлежащих земле, или, если говорить более правильно, среди подземных эльфов, самое видное место занимают горные эльфы. Христиане должны были сострадать тем, кто умер во времена язычества, не получив крещения и лишившись возможности попасть в обещанное Евангелием царство небесное. Язычники после смерти отправлялись в неосвященную землю, где в своих зеленых курганах должны были, дрожа от страха, ждать великого дня всеобщего Воскресения. В курганах их мучили чувственные желания, как и когда-то в жизни; они хотели любви и общества христиан — однако когда они входили в контакт с христианами, это вредило людям, и если не спешные меры, то и несло смерть. По своему росту эльфы соответствовали большинству людей, но по сложению были более тонкими и хрупкими. Их молодые девушки, как считается, исключительно красивы, стройны как лилии, белы как снег и имеют сладкие, соблазнительные голоса. Они танцуют и играют с заката до времени, как начинают кричать петухи. Как только прокукарекает петух, им нельзя больше оставаться на земле. Если же они не успеют отправиться восвояси, когда петух прокричит трижды, то они становятся *дагстанд* — неподвижной фигурой на том месте, где их застал третий крик петуха. Утверждают, что опасно входить в контакт с таким дагстандом, считается, что они вызывают хвори и болезни. Если в летний вечер путник приляжет отдохнуть около холма, где живут эльфы, то скоро услышит звуки арфы и сладкоголосое пение. Если он пообещает эльфам искупление грехов, то услышит очень веселые мелодии, исполняемые на многочисленных струнных инструментах. Но если он скажет: «Я не могу дать

искупления грехов», то услышит крики и громкие причитания, с которыми эльфы разбивают свои арфы. После этого в холме воцаряется молчание. В зеленых деревьях и долинах, в лугах и на холмах эльфы исполняют свою еженощную *стимм* — то есть поют и танцуют, после чего на означенном месте вырастает кругами густая и более темная трава. Такие круги крестьяне называют танцами эльфов и считают, что на них нельзя наступать.

Почти все особо знатные семейства Швеции владеют украшениями или ювелирными изделиями, связанными с легендами о троллях и эльфах. Следующая история связана с супругой статского советника Гаральда Стейка. Как-то поздно вечером летом к ней пришла женщина-эльфийка, которая хотела взять напрокат свадебное платье, чтобы надеть его на бракосочетание. После некоторого размышления жена советника решила одолжить свое платье. Через несколько дней платье было возвращено, но с золотом и жемчугами у каждого шва, и с него свисало кольцо из самого чистого золота с самыми дорогими камнями. Это платье несколько столетий передавалось — вместе с самой легендой — в семье Стейков. У простых крестьян даже в наши дни существует убеждение, что эльф может позавидовать красивому наряду жениха. Чтобы этого избежать, существует обычай в день бракосочетания класть в костюм чеснок или валериану. Опасность возрастает возле ворот и на перекрестках. Если жениха спросят о причинах такой предосторожности, он должен ответить: «От врагов». И нет никого несчастнее человека, жена которого в день своей свадьбы не думает, что ей завидуют — хотя бы эльфы. Отсюда следует и изложенная ниже схема большинства связанных с эльфами легенд.

Приготовившаяся к бракосочетанию невеста сидит в своем доме, с нетерпением ожидая жениха, в окружении подружек. Облаченный в рыцарское одеяние жених садится на свою серую лошадь. На его плече гордо восседает ястреб. Жених едет из дома своей матери за невестой. Но в лесу, где он обычно охотится с ястребом и гончей, красивого юношу замечает дева из рода эльфов. У нее возникает желание немедленно прижать его к своей груди на цветочной поляне — или, по крайней мере, покружиться с ним в танце на густой траве под сладкие звуки струнных инструментов.

Когда жених проезжает мимо холма эльфов или собирается въехать в ворота замка, его уши улавливают дивную музыку, и он видит среди танцующих дев прекраснейшую девушку, дочь короля эльфов. Ее руки белы как снег.

Прекрасная дева протянула к нему белоснежную руку:

«Иди сюда и станцуй веселый танец».

Рыцарь позволяет себе поддаться очарованию и притронуться к восхитительной руке, после чего попадает в страну эльфов, в ее неописуемо прекрасные холмы и сады, равных которым ему не приходилось видеть. Он бродит по ним, под руку с дочерью короля эльфов, среди лилий и роз. Через какое-то время он вспоминает о ждущей его невесте и желает вернуться. Эльфы, которые намеренно не приносят зла человеку, приводят его обратно — но при этом оказывается, что в его доме прошло около сорока лет, хотя это время показалось ему всего часом. Никто не узнает незнакомца, на него смотрят с недоумением. И только старики вспоминают молодого рыцаря, пропавшего сорок лет назад, отправившись верхом на коне за невестой. Но что же стало с ней? Она скончалась от горя.

Согласно другой версии этой истории, рыцарь отвечает на приглашение дочери короля эльфов следующим образом:

«Я не могу танцевать с тобой — меня ждет невеста в своем доме».

После этого эльфы покидают его. Однако рыцарь возвращается к своей матери бледным и больным. Она спрашивает его:

*«Скажи мне, мой дорогой сын,
Почему на щеках твоих смертная белизна?»
«Истинно на щеках моих смертная белизна,
Ибо я видел танцующих эльфов».
«Но что же ответить мне, о, скажи,
Когда твоя красавица-невеста спросит о тебе?»
«Скажи ей, что сын твой отъехал в зеленый лес,
охотиться на оленя с соколом и гончей».
Но вернется,
Пока зелена листва.*

*Молодая невеста ждала два долгих-долгих дня,
Затем поехала верхом с подружками в дом жениха.
Ей сказали, что жених отъехал на охоту
Но вернется и т.д.*

*Ей налили мед и налили вина.
«Но где же мой жених, где дорогой твой сын?»
Ей сказали, что жених отъехал на охоту,
Но вернется и т.д.*

*«Твой жених отъехал в веселый зеленый лес,
Искать оленя с ястребом и гончей»
Но вернется и т.д.*

Однако невеста заподозрила, что он никогда не вернется, и отправилась к его постели. Откинув покрывало, она увидела своего жениха, холодного и бледного. При виде этого ее сердце разорвалось на части. И когда наступило утро, в приготовленный для свадьбы зал вынесли три трупа, потому что мать рыцаря тоже скончалась от горя.

В старинной датской балладе (Элвескуд) дама из рода эльфов, когда Олаф отказался танцевать с ней, сказала:

*«Если ты не станешь танцевать со мной,
Тебя настигнут болезни и смерть».*

Затем она с силой ударила его по спине, посадила его на лошадь и пожелала, чтобы он немедленно отправился домой к своим родственникам.

У шведов имеется похожая баллада, а у бретонцев — баллада «Господин Нанн и Корриган», удивительным образом напоминающая скандинавскую⁷⁵.

3. Сады эльфов

Во многих сельских краях распространены легенды о волшебных садах. Крестьяне всегда готовы показать подобное место и назвать имена людей, побывавших в этих садах, бродивших среди невероятно зеленых деревьев, пробовавших плоды, подобные которым нельзя найти ни в каком другом месте, и видевших цветы несравненной красоты. Однако вернувшись на то же самое место такой человек никогда не находил даже следа волшебного сада. На месте его оказывались либо заросли дикой травы, либо открытое ровное поле.

4. О бергтагнингах (взятых в горы)

В старых рукописях можно найти много историй о людях, которых эльфы «забирали в горы». Даже в настоящее время на рассмотрение магистратов и духовенства поступают дела людей, которые утверждали, что их уносили эльфы, и в горячечном бреде они якобы видели эльфов или лесных демонов. Горячка эта часто заканчивалась смертью.

Эльфы живут в пещерах, куда иногда забредают путники, чтобы отдохнуть. Но если путник впоследствии пожелает снова найти приютившее его место, он не в состоянии этого сделать. В Эсторпе на Моссеберге проживал один образованный человек, который рассказывал о происшедшем с ним случае, когда однажды прекрасным летним вечером он возвращался домой из Фахлкопинга. Ошибившись дорогой, он среди скал наткнулся на грот эльфов. Войдя в него, этот человек сел на поросшую мхом скамью и ощутил восхитительную прохладу. Отдохнув, этот человек постарался заметить место, чтобы потом снова найти его, однако впоследствии ему не удалось этого сделать.

Некие три сестры (как рассказывала пережившая двоих остальных) отправились в прекрасный летний день на луг, расположенный около дома Бода в Бохуслане. Около луга находилась гора, рядом с которой они часто играли, так что девушки хорошо знали это место. Однако, к великому изумлению, они обнаружили перед собой вход в красивейший грот. Он имел треугольную форму, в нем находились крытые мхом сиденья. В середине на полу как украшение стояла небольшая елочка. Девушки вошли в грот, отдохнули в освежающей прохладе, старательно запомнили это место, но больше найти его не смогли.

5. Летающие эльфы

Упоминания о летающих эльфах встречаются редко. Летающих эльфов описывают как очень красивых, с маленькими крыльями на белоснежных плечах. Но надеваются ли крылья или же вырастают из тела этих нежных существ, из легенд судить трудно, хотя, скорее всего, верен первый вариант, поскольку он больше соответствует сагам, утверждающим, что смертные люди могут брать в жены девушек эльфов. Рассказывают, что эльфов видели в облике лебедей, в полном оперении. Прилетевшие лебеди спускаются к воде, чтобы искупаться, однако, прикоснувшись к воде, принимают вид прекрасных девиц. Один молодой охотник однажды увидел трех таких лебедей, опустившихся на морской берег. К собственному изумлению, он обнаружил, что лебеди отложили свое оперение в сторону, и оно оказалось похожим на полотняное. На месте трех лебедей оказались три девушки с ослепительно белой кожей, которые принялись купаться в воде. Выйдя из воды они снова облачились в свои полотняные одежды — тут же превратившиеся в лебе-

диное оперение, — и улети. Одна из девушек, самая молодая и самая красивая, завладела сердцем юноши. Ни днем ни ночью он не мог забыть о ее красоте. Его мачеха скоро поняла, что ни охота, ни другие занятия, в которых он раньше находил удовольствие, не доставляют ему больше радости, и она решила узнать причину его печали. Наконец, он рассказал ей о причине. Юноша сказал, что или найдет прекрасную девушку, либо навсегда останется несчастным. Мачеха сказала ему, что знает средство от его горя: «В следующий четверг отправляйся на то место, где видел лебедей последний раз. Заметь, где избранная тобой девушка оставит свои одежды, схвати их и спрячься поблизости. Скоро ты услышишь, как две лебедки улетят, но третья в поисках своего оперения поспешит к тебе. И пусть она будет просить тебя на коленях, — не отдавай одежды, если хочешь получить эту девушку в жены». Юноша не преминул воспользоваться этим советом. Дни до следующего четверга казались ему тягостно долгими, но еще длинней показались ему часы четверга. Наконец солнце опустилось к горизонту, и в воздухе послышался шум, после чего на берег опустились три лебедя, немедленно превратившиеся в трех красивых девушек. Они положили свои полотняные одежды на траву, сошли на белый песок и погрузились в воду. Из своего убежища молодой охотник тщательно следил за своей возлюбленной, особенно за тем, где она оставит свое оперение. Наконец он прокрался вперед, взял ее наряд и спрятал среди листвы. Вскоре после этого он услышал, как две лебедки улетают прочь, шумно хлопая крыльями. Третья же, как и говорила его приемная мать, подошла к нему и упала на колени — белые как снег, — умоляя вернуть ее оперение. Но юноша отказал ей; взяв ее за руки, он укрыл хрупкую девушку своим плащом, посадил на доброго коня и повез к своему дому. Мачеха его немедленно произвела все необходимые для свадьбы приготовления, и оба они зажили вместе счастливо. Об их детях рассказывали, что они никогда не играли с человеческими детьми. По прошествии семи лет охотник как-то вечером в четверг рассказал своей жене о том, как он заполучил ее в жены. По ее просьбе он показал ей ее белые полотняные одежды. Однако взяв свое одеяние в руки, она немедленно превратилась в лебедя и стремительно, как молния, вылетела в открытое окно. Говорят, что муж ее недолго прожил после этого несчастливого дня⁷⁶.

Пышно разросшаяся и образовавшая круг трава считалась, как мы уже говорили, местом, где танцевали эльфы. Крестьяне полагали, что буйный рост травы объясняется именно этими танцами, и называли траву в честь эльфов альвэксинг (*Cynosurus caeruleus*). Крестьяне считали, что потница вызывается «эльфовой пылью» или встречами с эльфами. Средством против этой лихорадки являлся лишайник, носящий название эльфонафвер (*Lichen aphosus* или *Lichen caninus*). В старых топографических трудах упоминается множество семейств, которые по материнской линии якобы происходили от подобных существ. В Смаланде существует легенда об известной там семье; в этой легенде говорится, что род этот идет от прекрасной девушки-эльфийки, которая влетела с солнечным лучом через отверстие в стене, после чего наследник взял ее в жены. Подарив мужу семь сыновей, она исчезла тем же путем, каким и появилась.

6. Лёфьерскор

Слово «Лёфьерскор» встречается в древнем шведском катехизисе. По всей видимости, им обозначаются существа подобные «лесным девам» (*Lundjungfrur*) — разновидности эльфов, которую также называют лесным народом (*Lund-folk*). Долгое

время существовали священные рощи язычников, которые духовенство запрещало посещать, — а тем более осуществлять в них поклонение языческим богам. Во времена язычества считалось, что священные рощи охраняют невидимые божества. Если липа или какое-нибудь другое дерево — в лесу или стоящее отдельно — росло более пышным, чем другие деревья, его называли жилым деревом (*boträd*), поскольку считалось, что в нем обитает эльф (*Ra, Radande*), который, оставаясь невидимым, обитал в его тени. Того человека, который заботился о дереве, эльф награждал здоровьем и благосостоянием, тех же, кто приносил дереву вред, он наказывал.

Наши деды-язычники с особым почтением относились к раскидистым деревьям и рощам из подобных деревьев, поскольку считали, что Всемогуший создал их, чтобы украсить ими свое великое творение — а также, чтобы дать людям и скоту защиту от палящих лучей полуденного солнца. Вышеприведенная легенда, наряду со многими прочими, учила не уничтожать преднамеренно жизнь даже малого ростка, который когда-нибудь может стать полезным деревом. Легенды учили не наносить вред и рощам, в которые истинный христианин не имел права войти для отдыха в тени, не подумав о доброте Бога и не вспомнив, что Спаситель часто приходил в рощи со своими учениками, чтобы рассказать им о божественных понятиях и о бессмертии их душ. Именно в тени деревьев Он молился, именно там Ему явился ангел со словами утешения, укрепившими Его волю. Пусть каждый христианин подумает об этом. Пусть он позаботится о каждом растении, которое украшает землю и приносит ей пользу. И если, встретив на своем пути побег, он захочет его сломать, то пусть сперва подумает так: «Я не уничтожу растущую жизнь, не испорчу украшения матери-земли; ибо жизнь эта — собственность моего соседа. Нанести ему вред несправедливо, а всякая несправедливость представляет собой грех».

Святость языческих рощ и деревьев, похоже, уходит корнями в обычай развешивать в них изображения человеческих органов и прочие жертвы после того, как они на некоторое время были погружены в священный источник. Однако рациональные христиане имели и другую причину придерживаться этого предрассудка: таким образом они стремились оградить леса от людей, которые относятся к деревьям недостаточно бережно. Даже в наши дни существуют рощи, куда человеку с топором не дозволено заходить. Эти рощи часто стоят отдельно от леса. В некоторых местах существуют легенды, согласно которым человек или несколько людей, которые отрезали от «обитаемого дерева» ветку, впоследствии обязательно заболевали. В Вестманланде существовала знаменитая сосна, называвшаяся высокой клинтой. Она была очень стара и почти засохла; путникам она казалась стоящей на голой скале; эта сосна только недавно упала от старости. Русалка, которую видели в узком заливе озера Милар, как утверждали, обитала в горе под этой сосной и была ее духом. Крестьяне часто видели белую как снег скотину, переходившую от озера к ближнему лугу. Ствол и ветки сосны до сих пор лежат на скале, и их никто не трогает. В одной древней рукописи рассказывается про человека, который собирался срубить куст можжевельника в лесу и вдруг услышал доносящийся из земли голос: «Друг, не срубай меня!» Но он ударил топором, и из корня полилась кровь. Перепуганный и чувствуя себя скверно, он поспешил домой⁷⁷.

В балладах и легендах упоминаются молодые девы, волшебным образом превращающиеся в деревья и кусты, однако о лёфьерскорах сохранилось немного легенд, причем трудно понять, откуда взялось само название. В рощах языческих божеств обитали

также существа под названием хоргабрудар, к которым люди обращались за советом в случаях сомнений и трудностей. По-видимому, именно от них в более поздние времена идет обычай искать помощи у лёфьерсков (или рас, которые жили в деревьях) в случае болезней и трудностей. Позднее христиане запретили этот обычай. Интересно отметить, что мать Локи носила имя Лёфья (Лауфей). Вполне возможно, что жены троллей и лёф-девы берут свое начало от нее. Во всех странах язычники поклонялись своим идолам в рощах и под деревьями. В «Житиях святых» рассказывается о св. Мартине, который жил среди язычников и разрушил языческий храм. Он не встретил при этом противодействия, но когда попытался срубить росшее неподалеку дерево, люди бросились к нему и не позволили ему это сделать.

7. Скогсра — съёра⁷⁸

К тому же роду эльфов, о котором мы уже говорили, похоже, относились и скогсра, лесные эльфы, известные, вне сомнения, с языческих времен. Точно так же, как для моряков угрозой представляла встреча с русалкой, так для охотников считалось несчастьем встретиться со скогсра. Согласно древним охотничьим легендам, скогсра обнаруживали свое присутствие особенным, резким, сильным завихрением воздуха, которое было способно с такой силой качнуть ствол дерева, что оно могло повалиться. Если после этого охотник сплевывал и разжигал огонь, тогда он мог считать, что опасность его миновала, поскольку ветер терял силу и оставался только шум. Скогсра, как считалось в народе, были только женского пола; отсюда возник предрассудок, что если покинувший дом охотник встречает первой на дороге женщину, то ему удачи не будет. Он должен сплюнуть; считалось, что он сплевывает сопровождающие эльфов пылинки (которые называются карингмоте — пылинки колдуны). В сагах эти лесные жительницы несут несчастье и воплощают в себе зло и распутство, однако в некоторых повествованиях охотники, встречавшие подобные существа, называли их дружелюбными; при расставании они даже желали им отличной охоты. После этого охотникам удавалось набить много дичи. Когда охотники отдыхали в полночь в лесу, лесные существа тоже согревались около костров, но так, чтобы была видна только их передняя часть. Те, кто встречался с этими существами, рассказывают примерно такое: «Как только она стала перед огнем, явно гордясь своей красотой, я достал из огня горящую ветку и ударил ее со словами: “Убирайся в лес, проклятый тролль!” После этого она, хныкая, поспешила прочь; поднялся сильный ветер, закружились сорванные с мест камни. Когда она повернулась спиной, оказалось, что она пустая внутри, как пустое дерево или корыто пекаря». Если какой-либо христианин переспит с лесной женщиной, то от этого союза родится вредоносное существо, на горе и несчастье других.

Скогсра описывается еще и как лесной дух женского рода. Она появляется также в виде молодой девушки в элегантном одеянии, дружелюбной и невысокой — однако с когтями вместо ногтей! Один свидетель рассказывал, что однажды, застрелив куропатку, он разжег огонь и расположился на отдых, и тут перед ним появилась скогсра и дружелюбно с ним поздоровалась. На его приглашение погреться она ответила дружеским кивком. Затем он хотел поделиться с ней своей добычей, осторожно протянув ей кусок мяса на лезвии топора. Однако при виде когтей скогсры ему стало несколько не по себе. Но гостья отказалась от угощения, улыбнулась и исчезла. После этого он застрелил

пять шотландских куропаток. Если бы он не предложил часть своей добычи скогсре, то не сумел бы убить и маленькой птички.

Тот же самый человек в компании еще семи приятелей однажды сидел, выслеживая куропаток, когда мимо него стали пролетать скогсра. Никогда еще не приходилось ему видеть сразу столь многих птиц, но охотники не сумели попасть ни в одну из них. Две недели охоты оказались безрезультатными, однако, наконец, этому охотнику случилось увидеть еще одну «ра», которая с шуршанием спускалась с дерева. Охотник бросил над ней нож, после чего магические чары рассеялись. Скогсра доят коров и лишают лошадей силы, но если бросить через них что-нибудь стальное, их чары рассеиваются. Человек, рассказавший вышеприведенную историю⁷⁹, ограждал своих лошадей от лесных эльфов при помощи чеснока или асафетиды, которые следовало помещать где-нибудь рядом с головой.

Тот же самый человек утверждал, что когда он был с несколькими своими соседями на рыбалке, они начали шутить о съора и подобных ей существах и высмеивать их — и вдруг внезапно перед ними появилась съора, с громким всплеском исчезнувшая в воде. После этого они видели много рыбы, но не смогли поймать ни одной.

О водяных эльфах

1. Русалка

Один ученый, который занимался разными удивительными происшествиями, описал особую воду, обнаруженную в нескольких озерах и называющуюся водой призраков (*spökvatten*). У нее есть такое свойство, что под солнечными лучами над ней поднимается густой белоснежный туман, иногда принимающий облик человека, временами животного, и меняющийся под дуновением ветра. Знакомые с подобными явлениями простые люди, живущие возле таких мест, рассказывали, что бесчисленное число раз видели у воды русалку, расчесывающую длинные волосы золотым гребнем, или стоящую на одном из мелких островков, расстилающую белоснежные полотняные одежды на кустах, или гонящую перед собой белых как снег коров. Считается, что русалки лживы и любят обманывать людей. Рыбаки рассказывают о русалках примерно такие же истории, как охотники о скогсре. Едва ли не каждый моряк может рассказать что-либо о русалке. Ее появление предвещает плохой улов, шторм и бурю. Говорят, что когда моряк видит русалку, то он не должен говорить об этом своим товарищам, но ему следует взять в руки кремень и стальное кресало и разжечь огонь. Утверждают, что со времени, когда Тор разил молниями троллей, они утратили свою силу и храбрость. Поэтому когда в сельском доме появляется новорожденный, хозяева не позволяют очагу погаснуть, пока ребенка не окрестят. В противном случае какой-нибудь тролль может прийти и унести ребенка, оставив взамен одного из своих собственных. О русалках рассказывают, что они обитают на дне моря или озера, что у них есть собственные замки и дома, а также домашние животные и скот, который называется *brand-cattle*, клейменный скот, однако происхождение этого названия неизвестно⁸⁰.

В Западном Готланде, в районе Биарке, есть озеро с красивыми поросшими лесом берегами, носящими название Антен. В прежние времена на острове посреди этого озера находился замок, руины которого можно видеть до сих пор. Этот замок назывался Лохольм, и в нем проживал господин Гуннар, прославленный рыцарь, отпрыск про-

славленного семейства Лейонхуфвудов (или Левенхауптов). Однажды во время морского плавания он попал в опасное положение, и его выручила русалка, обязавшая Гуннара в определенный день встретиться с ней снова в назначенном месте. Позже она дала знать, что ожидает его в четверг вечером. Но рыцарь забыл свое обещание. Тогда она приказала водам озера подняться к Лохольму, так что сэр Гуннар был вынужден искать убежище на самых высоких этажах замка. Однако вода поднялась и туда. После этого он попытался спастись на вершине разводного моста — но и здесь волны настигли его. Наконец, он вверил свою судьбу лодке, но она затонула около большого камня, который по сей день зовется камнем Гуннара. С этого времени господин Гуннар, как говорят, неразлучен со своей женой-русалкой. Когда рыбаки этого края проплывают мимо этого камня, они приподнимают свои шляпы, приветствуя господина Гуннара. Считается, что если они не сделают этого, их подстережет неудача. С той поры никто не живет в Лохольме, а камни, взятые из его развалин, пошли на сооружение рыцарского замка Графснас, выстроенного на полуострове в том же озере, с башнями, рвами и разводными мостами. Руины этого замка можно видеть по сей день. Потомком упомянутого господина Гуннара был Эрик Абрахамссон, тесть короля Густава Первого.

2. Девы источников

Мы уже упоминали о прислужниках языческих богов, *хоргабрудар*, которые следили за священными источниками. Они омывали члены жертв, а также давали — за определенные дары — советы при болезнях и других неприятностях. После того как страна стала христианской, монахи и священники взяли источники под свой присмотр. Около источников были размещены образы святых или кресты. Людям теперь приходилось делать подношения в надежде на исцеление святым, которые, как предполагалось, могли этому способствовать. Таким образом, христианские предрассудки сменили собой языческие, и это продолжается до наших дней. Но языческие *хоргабрудар*, которые умирали некрещеными и не причащенными, до сих пор остались в памяти народа; они стали эльфами, ждущими спасения и вынужденными обитать до Судного дня под серебристыми крышами своих источников. Песни и легенды прославляют красоту дев источников; смертным удается иногда видеть прекрасные тела их, иногда — в глубине источника, иногда — в томной позе на цветущей поляне возле источника. К человеку, который чистит источник или сажает вокруг него тенистые деревья, девы источников относятся благосклонно. Однако к тем, кто оскверняет или загрязняет целебные струи, они не испытывают снисхождения; такие люди обречены на болезни и неудачи.

3. Ник и стрёмкарл

Ник иногда появляется в виде взрослого мужчины, и особенно опасен для надменных и дерзких девиц. Иногда он предстает в виде приятного на вид юноши на лошадиных ногах, иногда выглядит долгобородым стариком. Совсем редко ника видят в образе красивого юноши с распущенными по плечам золотыми локонами под красной шапочкой, сидящего летним вечером на водной глади с золотой арфой в руке. Если кто-нибудь захочет услышать, как он играет музыку, ника легче всего склонить к игре, преподнеся ему черного ягненка, а также пожелав спасения, которое водяной очень желает. Однажды два мальчика сказали нику: «Зачем тебе сидеть здесь и играть? Ты никогда не получишь вечного блаженства». После этого ник стал горько плакать⁸¹.

Если у кого-нибудь из простых людей появляется болезнь, причину которой он не может определить, он считает ее вызванной духом места, где предположительно заразился ей. Отсюда взялось часто употребляемое выражение: «Он встретил нечто плохое в воздухе, в воде, в поле». В этом случае требуется умиловать ника, что осуществляется следующим образом: в чашку наливается какой-нибудь напиток, в него соскребывается несколько крупиц металла — с обручального кольца, с серебряного, латунного или какого-либо другого металлического предмета, полученного по наследству, — но этих предметов должно быть обязательно нечетное число, чаще всего три. С этой смесью отправляются к тому месту, где, как предполагается, произошло заражение, и выливают ее через левое плечо. По дороге нельзя оборачиваться и издавать какие-либо звуки. Если в отношении места заражения существует неуверенность, смесь выливают на дверную раму или на муравейник⁸².

Ник, обитавший в Богуусе, расположенном в западной части Готланда, превратился в лошадь и отправился на берег пощипать траву. Но один хитроумный человек, которому этот конь показался подозрительным, набросил на него такую петлю, от которой нельзя было освободиться. Этот человек продержал при себе ника всю весну и мучил его тем, что заставлял таскать плуг, вспахивая свои поля. Однако в конце концов петля случайно соскочила с ника, и он молнией метнулся в воду, утянув за собой борону⁸³.

Ника, живущего под мостом или в речке, обычно называют *стрёмкарлом*. Он всегда умеет играть на скрипке. Когда какой-нибудь музыкант показывает особое мастерство и уверенность, про такого говорят, что играет он как стрёмкарл. Около Хорнборгабро, в западной части Готланда, однажды слышали, как какой-то стрёмкарл напевал приятную мелодию, три раза повторив слова «Я знаю — я знаю — я знаю: жив мой Спаситель». Моряки описывают ника в виде старика, сидящего на скале и выжимающего воду из широкой зеленой бороды. Считают, что его появление предвещает шторм и ветер. В таком виде, возможно, правильнее будет называть его водяным. Иногда ника можно увидеть на берегу в виде красивой лошади, но с повернутыми в обратную сторону копытами.

Некий священник, однажды вечером ехавший по мосту, услышал восхитительную музыку и, обернувшись, увидел обнаженного по пояс молодого человека, сидящего на поверхности воды, в красной шапочке и с распущенными по плечам золотыми локонами, каким мы уже описывали ника. Священник понял, с кем имеет дело, и обратился к нему со следующими словами: «Отчего ты с такой радостью ударяешь по струнам арфы? Скорее эта сухая трость, которую я держу в руке, зазеленеет и расцветет, чем ты получишь спасение». После этого несчастный музыкант уронил свою арфу, и горькие слезы его закапали в воду. После этого священник продолжил свой путь. Но — о, чудо! — не успел он как следует отъехать от этого места, как на старом его посохе выросли зеленые побеги и листья, среди которых появились прекрасные цветы. Священник понял, что Бог посылает ему знамение и искупление распространяется не только на людей. Вернувшись к по-прежнему горевавшему нику, священник показал ему зеленый, покрытый цветами посох, и произнес: «Смотри! Как сейчас мой старый посох прорастает зеленью и цветами, подобно молодому розовому побегу в саду, точно так и надежда может расцветать в сердцах всех божьих творений, поскольку и для них живет Спаситель!» Успокоенный этими словами, ник снова взял свою арфу, и радостные мелодии полились над берегом, чтобы не смолкать долгую, как жизнь, ночь.

Музыка стрёмкарла (*стрёмкарлслаг*) имела одиннадцать разновидностей, под десять из них можно было танцевать, одиннадцатая же игралась для ночного духа и его воинства. Если по какой-то причине играли эту одиннадцатую мелодию, то начинали танцевать даже столы и скамейки, горшки и чашки, слепые и хромые старики и старухи — и даже малютки в колыбельках⁸⁴.

Те, кто желали научиться играть эти десять мелодий стрёмкарла, должны были три четверга кряду оставлять на ночь свои скрипки под мостом возле потока. На третью ночь ник (или стрёмкарл) придет и прикоснется к струнам своего инструмента. Тогда ученик должен настроить свою скрипку и следовать его игре. Если игралась одиннадцатая мелодия, все неодушевленные предметы, такие как деревья и камни, начинали танцевать.

Столь же удивительной мелодией была «мелодия короля эльфов», которую ни один музыкант не осмеливался играть, поскольку, начав исполнять ее, он уже не мог остановиться, иначе как проиграв ноты в обратном порядке — или же если кто-то рядом с ним разрезал струны⁸⁵.

То же самое, что и о никах, можно сказать о даойне-скай шотландских горцев. Один из них поднялся из озера, чтобы спросить священника, ждет ли его спасение. Так же, как и ники, они славились своей мелодичной музыкой⁸⁶.

Иногда в тихих заливах и в реках среди пены прибоя можно заметить свободно катающиеся, белые пористые камни, напоминающие выщипанный хлеб. Эти камни называют нике-брод. Большие кучи подобных камней носят название *марлекор* (*марекор*), поскольку *мафе* (спокойная вода) делает этот камень твердым. Прекрасные белые и желтые цветы, которые растут на берегах озер и рек и часто именуются розами ника, названы так в память о никах. Ядовитый корень водного болиголова (*cicuta virosa*) в прежние времена называлась корнем ника.

В Беовульфе часто упоминается Никор (Nicor, мн. ч. — Niceras)⁸⁷. С этим именем перекликается одно из имен Одина, *Hnikarr*, под которым он выступает как морской бог⁸⁸.

Следующий отрывок может служить для характеристики как шведского ника, так и датского нока. «Хусби очень хорошо расположен, и говорят, что его церковь — самая старая в Швеции. Здесь расположен колодец Св. Зигфрида, водой из которого святой, согласно легенде, крестил короля Олафа Скотконунга⁸⁹. Этот колодец известен до сих пор, и утверждают, что ночью его часто используют крестьяне. Пятьдесят лет назад (автор путешествовал в 1803 году) многие церемонии и языческие обряды выполнялись у колодцев. Почти в каждой провинции был колодец, который посещали летом в определенную пору, чтобы бросить в него монету, железку или какой-нибудь другой металл в качестве подношения. Однако этот обычай к нашему времени почти исчез. Все же заслуживает исследования вопрос, что за силу приписывали металлу, и почему эта сила была способна противодействовать колдовству и злым духам, поскольку нет никакой другой причины для бросавших что-то металлическое в колодец, кроме как усмирить ника? С упомянутым суеверием было связано другое народное верование в то, что, купаясь в реке, человек должен опустить в воду рядом с собой стальной предмет — кресало, которым бьют по кремню, чтобы высечь огонь, нож и так далее, дабы какое-нибудь

чудовище не нанесло ему вреда. После купания этот металлический предмет можно было забрать. В прежние времена до крещения новорожденного в его колыбель обязательно клали кресало или ножницы. Даже в наши дни существует обычай проливать расплавленное серебро или иной металл на место, где, как считалось, на человека подействовали злые силы. Расплав уничтожал и болезнь».

Уничтожив — или, по крайней мере, нейтрализовав вредоносное влияние ника, — часто во время купания к нему презрительно обращались со следующими словами: «Neck, Neck, Nåleputa, du är på lann, men jag är i vann» (Ник, ник, воришка иголок, ты на земле, но я в воде»). Выйдя из воды, этот человек вновь брал свой стальной предмет, приговаривая: «Ник, ник, воришка иголок, я на земле, а ты в воде»⁹⁰.

ДИКАЯ ОХОТА

В ноябре и декабре в воздухе над Скандией нередко можно слышать голоса, которые простые люди считают принадлежащими охотникам Одина⁹¹. Гримм тоже связывал Дикую охоту (*Wütendes Heer*) с Одином (или Вотаном). Легенда о Дикой охоте известна по всей Германии. После установления христианства языческое божество постепенно превратилось в дикого охотника.

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВЕРИ

Согласно шведскому народному верованию, существуют определенные животные, которых нельзя называть своими именами, их упоминают, используя слова-заменители или намеки на их характер. Если кто-то говорит что-то кошке либо бьет ее, ее имя не следует произносить, поскольку она принадлежит к дьявольским существам и близка к горным троллям в горах, которые часто посещает. Разговаривая с кукушкой, совой и со-рокой, необходимо соблюдать большую осторожность, иначе можно попасть в ловушку, поскольку эти птицы считаются связанными с колдунами. Таких птиц, как и змей, нельзя убивать без причины, поскольку за них могут отомстить. Особый грех ложится на того, кто раздавил жабу, поскольку та могла оказаться принцессой. Не один человек, не падая и не ломая костей, становился хромым на всю жизнь в качестве наказания за подобную жестокость. Разговаривая о троллях и ведьмах, следовало помянуть огонь и воду, а также название церкви, которую посещаешь, — в этом случае можно не ждать вреда от них. Ласку нужно было называть не этим словом, а *aduline*; лису именовать «синеногой» или «той, что ходит в лесу»; медведь был «стариком» (*Gubbe, Gammeln*), «дедом» (*Storfar*) или упоминался под именем Наскус; крысы были «длиннотелыми», мыши «серенькими»; тюлень — «братцем Ларсом»; волк — «золотоногим», «сероногим» и *grey-tosse*. Ни в коем случае нельзя было называть волка словом *varg*, поскольку в прежние времена, когда, согласно легендам, звери еще умели говорить, волк объявил:

Kallar du mig Varg, så blir jag dig arg,

Men kallar du mig of Guld, så blir jag dig huld.

Назови меня «варг»,

и я прогневаюсь на тебя,

Назови меня золотом, и я буду
к тебе добр.

Даже личные вещи не всегда называли их обычными именами: к примеру, огонь в некоторых случаях нельзя было называть словами *eld* или *ell*; его следовало именовать

beta (теплотой). Вода, которую использовали для изготовления пива, должна была называться не *vatt*, а *lag* или *lou*, иначе пиво не получалось достаточно хорошим⁹².

Сорока — как и другие птицы из семейства врановых — также являлась мистической птицей, ее всегда ассоциировали с ведьмами, дьяволами и тайными силами ночи. Переносясь в Вальпургиеву ночь на Блакуллу, ведьмы превращались в сорок. Если летом птицы линяли или лысели, крестьяне говорили, что они побывали на Блакулле, где помогали бесу возить сено, и хомуты повытерли перья у них на шее.

*Упомянутые выше предрассудки относительно волка распространены широко и имеют очень древнее происхождение. Следы их можно видеть в англосаксонском и старонорвежском «gryre sceal for greggum» (страшитесь серого)*⁹³.

ТРОЛЛИ

1. Горный тролль

Удивительные истории о горных троллях, о том, что они воруют детей, передаются достаточно авторитетными людьми и даже подтверждаются рядом свидетельств. Это заставляет предполагать, что в этих историях есть какая-то реальная причина и что первобытное население Швеции — дикие обитатели гор, — не вымерли окончательно и еще в недавние времена продолжали обитать в тайных местах огромных горных лесов. Есть легенды, в которых упоминается о враждебности горных жителей к христианству. Одним из примеров такой враждебности являются горы камней или обломков скал. Их можно видеть по всей Швеции. Утверждают, что горные жители бросали такие камни в некоторые церкви. Великаны, как утверждается в легендах, не могут выносить звона колоколов, доносящегося от святых зданий, и потому бросают камни в надежде их разрушить. Однако великаны не могут рассчитать своей силы, и пущенные ими камни перелетают через церкви. Другие рассказчики, правда, считают, что камни чересчур тяжелы, а церкви слишком далеко, так что камни не долетают до цели. В некоторых из этих камней, как в одном около Энкопинга, можно видеть ложбинки, оставленные как бы пятерней великана. Около известной церкви в Варнхеме лежит «химмельсберг», в котором, как утверждается, обитал великан, пока созывавшие на молитву колокола монастыря не вынудили его убраться из этих мест. Рассказывают, что, покинув горы, великан спросил у парня, который работал по соседству, в каком направлении находится Аллеберг, поскольку туда он направлялся. Когда парень показал направление, великан немедленно двинулся по дороге, но парень с ужасом увидел, что его палец, которым он показал дорогу, последовал за великаном. В «Описании Уппланда» есть история о горе около церкви в Лагге и о том, как великан вместе со своей семьей ушли из-за церковных колоколов, «звука которых он не выносил». «Когда ты вернешься?» — спросил его стоявший неподалеку крестьянин, ставший свидетелем ухода великана. «Когда фьорд Лагга станет полем, а озеро Ёст-тюна — лугом». В наши дни этот фьорд и это озеро похожи на поле и луг — однако тролль едва ли вернется в эти края.

2. Горный тролль — Стен из Фогелькарра

В древнем «Описании Бохуслана» рассказывается следующее. Стен из Фогелькарра был отличным стрелком. Однажды на охоте в горах он встретил сидевшую на камне молодую красивую деву. Он немедленно решил взять ее в жены и для этого бросил

между девушкой и горой металлическое кресало. Тут из горы донесся громкий смех. Это смеялся отец девушки. Открыв дверь, он спросил: «Ты хочешь заполучить мою дочь?» Стен ответил: «Да», и поскольку дева была совершенно нага, завернул ее в свой плащ и привел в родную деревню, где ее скоро окрестили. Однако перед тем как он покинул гору, отец девушки потребовал: «Во время свадьбы на моей дочери ты должен отправить сюда к моей горе двенадцать бочонков пива вместе с хлебом и мясом четырех быков. И когда я получу твой свадебный подарок, я сделаю свой». Горец честно сдержал свое обещание: когда гости сидели за брачным столом и их одаривали брачными подарками, крыша внезапно поднялась, и вниз полетел большой кошелек с монетами. Тут же прозвучали и донесшиеся с гор слова: «Вот мой свадебный подарок, и когда ты захочешь получить приданое, отправляйся в горы с четырьмя лошадьми и заberi свою долю». Стен сделал это и получил медные чайники различных размеров, а также множество отличного скота. Позднее у того стада было много отличных потомков. Стен стал богатым и влиятельным человеком, у него было много красивых детей от его жены. Даже сейчас в этих местах живут люди, утверждающие, что они — потомки Стена из Фогелькарра и девушки с гор⁹⁴.

3. Горный тролль

Один крестьянин, живший в деревне, называвшейся Фирунда, подобным образом женился на дочери великана, от которого получил большое богатство. Однако жил он с женой нерадостно, бил ее и бралил, хотя она имела кроткий и послушный нрав. Когда великан узнал об этом, он забрал свои богатства у зятя, и тот стал беден. Однажды этот крестьянин собрался подковать лошадь, и за неимением другого помощника, попросил жену подержать ногу лошади. С удивлением он увидел, что она не только с легкостью подняла ногу лошади, но, когда подкова не подошла, с такой же легкостью ее разогнула, словно подкова были не из железа, а из воска. Стараясь не показать, как он испугался, этот человек сказал ей: «Если ты так сильна, то почему ты позволяла себя бить?» «Я помню, — сказала она, — что человек в черном, который соединял нас, повелел мне повиноваться тебе, и буду соблюдать свои обязательства, хотя ты часто нарушаешь свои. В противном случае я бы давно изрубила тебя, как капусту». С этого времени, благодаря здравому смыслу и сдержанности своей жены, крестьянин переменялся и до конца своих дней обнаруживал к ней только привязанность. Узнав об этой перемене, великан снова одарил их своей милостью, так что они снова стали богатыми и преуспевающими.

4. Горный тролль

В районе Наса в Вармланде есть огромный камень, в котором имеется полость размером с комнату. В ней иногда сидят и играют дети, когда не присматривают за скотом. Некоторые называют этот камень именем Стигг, другие — комнатой Хальвара. В этой полости, как говорит легенда, обитал во времена язычества великан, который очень подружился с владельцем соседнего крестьянского хозяйства. Однажды фермер и еще один человек вышли из леса и увидели, что великан сидит возле своего камня. «Можно мне совершить с тобой обмен? — спросил великан. — Шесть коз и седьмого козла предлагаю тебе за корову». Крестьянин согласился на это. На следующее утро, когда жена крестьянина появилась в коровнике, она, к собственному

удивлению, обнаружила, что коровы нет, а вместо нее стоят семь коз. Сделка оказалась удачной, поскольку козы оказались хорошими. Однажды фермер с женой сидели в поле и вдруг увидели большую брюхатую лягушку. Жене стало жаль лягушку, и она обвязала ее живот шерстяной лентой. Вечером к крестьянину явился великан, который велел жене крестьянина развязать то, что она завязала. Женщина последовала за ним к камню и обнаружила, что лягушка была женой великана, принявшей другой облик. Жена крестьянина развязала ленту и помогла лягушке родить. В награду за эту услугу ей подарили мешок, в который великан положил столько серебряных монет, сколько та сумела унести. Далее в легенде говорится, что однажды вечером, когда вся семья трудилась в поле, из обители великана вышло столько скота и коз, что людям пришлось уйти с поля. Однажды в канун Пасхи крестьянин проходил мимо камня, и великан, который сидел рядом с домом, сказал ему: «Не заглянешь ли ко мне и не поешь ли со мной овсянки с молоком?» «Нет, — ответил крестьянин. — Если у тебя каши больше, чем можешь съесть, оставь лучше до завтра». «Спасибо, — сказал великан, — если бы я знал это раньше, то был бы сейчас богатым». После этого дня великана больше никто не видел.

Когда христиане прогнали троллей и великанов, те нашли убежище в море, на необитаемых скалах и на отмелях, где, согласно ряду легенд, их впоследствии часто видели моряки. Однажды моряки из Бохуслана были выброшены на пустынный берег штормом. Они увидели великана, сидящего на камне у огня. Он был старым и слепым, но когда услышал речь жителей Севера, то обрадовался, поскольку сам был из их страны. Он попросил одного из них приблизиться и протянул ему руку. «Я хочу знать, — произнес он, — есть ли еще сила в руках северян». Старик был слеп и не видел, что ему протянули лодочный якорь, который моряки чуть нагрели в огне. Он сжал крюк, словно это был воск, покачал головой и произнес: «Вижу, что у северян сейчас мало силы по сравнению с тем, что было в прошлом».

5. Тролли празднуют Рождество

На всем Севере распространены легенды о том, как тролли празднуют канун Рождества. Считалось, что в это время христианину лучше из дома не выходить. На вересковые пустоши в это время съезжались ведьмы и тролли, — верхом на волках или на метлах или лопатах. Собравшись, ведьмы и тролли начинали танцевать и пить под своими поднятыми на столбах камнями. В это время слышно, как в горах танцуют и пьют, играет музыка и полным ходом идет веселье. Особенно опасно выходить утром в Рождество, в часы между первым криком петуха и рассветом. Однажды ночью под Рождество в 1490 г., когда фру Киссела Ульфтанг сидела в своем доме в Лиунгби, Скандия, она вдруг услышала сильный шум, который производила компания троллей, собравшихся у камня Магле. Один из самых храбрых слуг фру отправился верхом посмотреть, что там происходит. Он обнаружил, что камень поднят, и тролли с шумом водят вокруг него хороводы. К слуге направилась красивая женщина, которая протянула гостю рог с напитком и трубку и попросила выпить за здоровье короля троллей, а потом затащить из трубки. Слуга взял рог и трубку, но сразу после этого ударил лошадь шпорами и галопом направился напрямик, через ровные и неровные места, к особняку. Тролли двинулись за ним всей стаей с дикими криками, в которых слышались угрозы и мольбы, но слуга скакал быстро и скоро передал рог и трубку в руки своей хозяйки. Тролли по-

обещали богатство и процветание фру Кисселе и ее роду, если она вернет рог и трубку, однако она захотела сохранить эти вещи у себя, и они до их пор хранятся в Лиунгби в память об этом удивительном событии. Утверждают, что рог изготовлен из неизвестного по сей день сплава металлов, а его украшения сделаны из латуни. Трубка же сделана из кости лошадиной ноги. Человек, который украл у троллей эти вещи, скончался через три дня после этого случая, а лошадь — на второй день. Особняк в Лиунгби дважды сгорал, и семья Ульфтандов впоследствии пребывала в бедности. Эта легенда учит, что христианам следует вести себя честно даже по отношению к троллям.

Рассказывают также историю о священниках, которые перед рассветом в ночь на Рождество ехали мимо одной горы, где в это время праздновали тролли. Горные женщины вышли навстречу священникам и предложили им выпить из металлических чаш. Священники выплеснули эти чаши за спину, однако несколько капель попало на лошадей, оставив у тех на шкуре выжженные пятна. Чаши священники взяли с собой, и их до сих пор можно видеть в некоторых церквях, где, как утверждают, в прежние времена их использовали как потиры⁹⁵.

Считается, что этот напиток, который тролли столь охотно предлагают гостям, заставляет терять память о прошлом и о том, что происходило с человеком в горе.

6. Происхождение дворянской фамилии Тролле

На стене церкви в Воксторпе в Смаланде есть рисунок, изображающий рыцаря по имени Херве Ульф в тот момент, когда одной рукой он берет рог с напитком из рук троллихи, а другой отрубает ей голову мечом. Взяв рог, он отправился в церковь. В память об этом деянии король повелел ему называть себя фамилией Тролле, а на гербе изображать тролля без головы. Таким было происхождение дворянской фамилии Тролле. Этот удивительный рог был раскрашен в триста цветов, его поначалу хранили в соборе Вексио. Но когда датчане в 1570 г. сожгли Вексио, рог перевезли в Данию. Утверждают, что тролли очень плодовиты, но из потомства троллей многие умирают во время грозы. Отсюда идет поговорка: «Кабы не гром, тролли заполнили бы весь мир».

ДОРОГА ВЕЛИКАНА

В горе Биллинген на западе Готланда есть большая расселина, которую называют Ят-тестиг (Дорога великана). Утверждают, что здесь в прежние времена была дорога, которая вела высоко в горы. Однажды по этой дороге поднялся вверх один крестьянин, который обнаружил человека, спящего на большом камне. Как он попал туда, никто не может сказать. Известно только, что когда в церкви в Иглунде звонит колокол, он оборачивается и смотрит в сторону церкви. И так он будет делать, по видимому, до судного дня.

ТОМТЕ, ИЛИ ШВЕДСКИЙ НИССЕ

Жили в одной деревне два крестьянина. У обоих была пахотная земля, поля, леса и пастбища — только один из них богател год от года, а другой год от года беднел. У одного был дом, покрытый красной краской и хорошо просмоленный, со стенами из досок и прочной крышей из дерна, жилье же другого поросло мхом, стены прогнили, а крыша протекла. Почему такая разница? Многие говорили: «У богатого в доме томте». Томте является хозяину, а если хозяйка к нему хорошо относится, то и хозяйке. Как выглядят эти приносящие достаток существа? По большей части они ростом с две-

надцатимесячного ребенка, но у них пронизательный и мудрый взгляд. Они носят маленькие красные шапочки, серые куртки из грубой шерсти, с короткими штанишками и ботинками, как у крестьянских детей. Томте обыкновенно появляется в полдень, летом и осенью, обычно с соломиной или колоском, которые неторопливо тащит на себе, тяжело пыхтя на каждом шагу, словно от тяжелейшего бремени. Однажды один крестьянин увидел такого томте и начал над ним смеяться: «Какая разница, принесешь ты мне это или нет?» Маленький усталый человечек рассердился и стал носить колосья в дом другого крестьянина, который в то время был совсем беден. С этого дня крестьянин, который насмеялся над томте, стал беднеть, а другой, который по достоинству оценил трудолюбие маленького томте и заботился о каждом принесенном колоске и каждом клочке сена, стал богатым. В его доме стало чисто, появились порядок и изобилие.

Если конюх заботится о своих лошадях, по-доброму с ними разговаривает, кормит их в десять часов вечера, и еще раз в четыре часа утра, у него нет причин опасаться томте. Но тот, кто беспечен, плохо обращается со скотом, забывает кормить животных вечером и спит до полудня, должен остерегаться, поскольку, ступив в стойло, может получить удар в ухо от невидимого, но твердого кулака томте. Удар можно получить и в нос.

Полагают, души тех, кто в языческие времена был рабом, строил дома и работал на земле, поселяются в этих маленьких серых существах, которым приходится заниматься земледельческим трудом до самого судного дня. До сих пор множество христиан верят в томте и каждый год делают им какие-либо подношения — точнее, как это сейчас зовется, «дают им вознаграждение». Это делается в утро Рождества — то есть в день, который сделал возможным спасение всем людям, и даже томте. «Вознаграждение» представляет собой небольшие кусочки грубой и серой шерстяной одежды, немного табака и горсть земли.

Томте также называют ниссами. «Для хорошего нисса», — обыкновенно говорят крестьяне в Блекинге и других местах, когда, находясь на работах в поле, располагаются на отдых и выкладывают хлеб, сыр и т.д. под зеленый дерн. Таким образом, крестьяне стремятся заслужить благосклонность нисса.

Один крестьянин в Скании имел обычай каждый день класть на плиту пищу для томте или ниссе. Об этом узнал священник. Он обыскал весь дом, стремясь убедить крестьянина, что в доме нет ни одного ниссе. «Почему же тогда пища исчезает каждую ночь?» — спросил крестьянин. «Вот что я тебе скажу, — ответил священник. — Сатана берет все это себе, чтобы в аду сложить в котелок. В этом котелке он хочет кипятить твою душу всю вечность». С этого времени крестьянин больше не оставлял пищи для ниссе.

Говорят, что если проследить за работой строителей и плотников, то, когда рабочие отправляются на обед, можно увидеть, как томте ходят поблизости или работают маленькими топориками. Когда в лесу падает дерево, говорят: «Топор держит дровосек, но валит дерево томте». Когда за лошадьми в конюшне хорошо ухаживают и они в хорошем состоянии, говорят: «Конюх кладет сено в кормушку, но томте делают лошадь толстой».

Одна домохозяйка просеивала муку и заметила, что мешок удивительно тяжел. И хотя она часто берет из него муку, той в мешке словно прибывает. Однажды, отправившись в амбар, она случайно заглянула через замочную скважину или через щель в двери и

увидела, как маленький томте в потертой серой одежде сидит там и деловито просеивает муку из мешка. Женщина тихо ушла, а потом сшила новый наряд для трудолюбивого маленького создания и положила его на край мешка, после чего решила тайком посмотреть, что он подумает о своем новом одеянии. Когда томте вошел, он немедленно облачился в новый наряд и принялся просеивать муку с еще большим усердием. Но, увидев, что мука пачкает и портит его новый наряд, он воскликнул, отбросив решето:

*«Новый наряд очень хорош.
Но он пачкается.
Никогда больше в нем не буду просеивать».*

ВОРОНЫ-ПИСЛИНГИ И МИЛИНГИ-СКРАТЫ

Вороны каркают по ночам в лесных болотах и на диких вересковых пустошах. Считается, что они являются душами убитых людей, не погребенных по христианскому обряду, или тех, чьих убийц не сумели найти.

Рассказывают, что духи убитых детей бродят по лесам и пустошам в разрешенных им пределах столько времени, сколько должны были бы прожить, если бы их не убили. В страхе перед попирающими законы естества матерями, убивающими свое потомство, они печально кричат: «Мама! Мама!» Когда путешественники ночью проезжают мимо мест обитания этих существ, они повисают на их повозках, отчего лошади тянут с трудом, словно везут мельничные жернова. Лошади покрываются пеной, теряют силы и через какое-то время вообще не способны сделать ни шага. В подобных случаях крестьяне считают, что кони подверглись нападению призрака или пислинга. В таком случае идут по направлению к голове лошади, поднимают оголовье уздечки и смотрят сквозь него по направлению к экипажу. При этом можно либо увидеть маленькое жалкое существо, либо получить и умелый удар в ухо или заболеть. Такая болезнь называется вызванной призраком (*gastkramad*).

Милингов, точно так же как томпте и скогсра, преследуют волки. Некоторые охотники, которым случалось заночевать в лесу в какой-нибудь хижине, слышали поднявшийся глухой ночью вой волков и сильный шум. Выглянув в окно, они видели скогсру, бежавшую от стаи преследовавших ее волков. Добравшись до строения, скогсра вскакивала в открытое окно и после этого начинала насмехаться над волками, протягивая им то одну, то другую ногу и приговаривая: «Хватай-ка мою ногу! Хватай-ка другую! Хватай-ка обе, если сумеешь!» Одному охотнику сильно не понравилось ее присутствие, и он толкнул скогсру в спину так, что она упала среди волков, и произнес: «Хватайте-ка ее всю!» Волки немедленно сожрали скогсру. Похожие истории рассказывают о милингах и томте.

О милингах рассказывают также, что они могут принимать облик живых и мертвых людей, чем порою смущают поздних путников. Также считается, что они способны имитировать чужую речь, смеяться и петь, как люди. Скраты⁶ представляют собой одну из разновидностей милингов, умеющих подражать лошадиному ржанию. Скраты любят посмеяться над людьми, оказавшимися ночью в лесу или в поле. Один крестьянин с западных земель, копаясь в земле, заметил сверкнувшее золотым блеском кольцо. Едва он протянул к кольцу руку, невесть откуда взявшийся скрат со смехом забрал колечко себе. Рассказывают, что подобные случаи часто происходят с искателями сокровищ. По ночам, главным образом в зимнее время, скраты выходят на большую дорогу и повисают на

задней части санных повозок, в результате чего те внезапно становятся такими тяжелым, что лошади, сколь бы хорошими они ни были, начинают тяжело дышать, потеть и в конце концов останавливаются. Напакостив, скрат обыкновенно убегает с довольным смехом.

ВЕРВОЛЬФ

В одной деревушке среди лесов жил крестьянин по имени Лассе со своей женой. Однажды этот крестьянин отправился в лес, чтобы повалить дерево, однако забыл при этом перекреститься и произнести «Отче наш», так что им овладела какая-то троллиха или колдунья (Vargamor)⁹⁷, превратившая его в волка. Жена оплакивала мужа несколько лет, но однажды в канун Рождества к ней пришла очень бедная и оборванная нищенка. Добрая хозяйка дома приветливо встретила ее, как это принято среди христиан в такое праздничное время. Уходя, нищенка сказала хозяйке дома, что та, возможно, сможет снова увидеть своего мужа, поскольку он не мертв, а блуждает по лесам в облике волка. Ближе к вечеру хозяйка дома отправилась в кладовую, чтобы убрать туда припасы на завтра. Повернувшись к выходу, она увидела волка, положившего лапы на ступеньки кладовой и глядящего на женщину голодным и печальным взглядом. Женщина сказала: «Если бы я знала, что ты был моим милым, то дала бы тебе три кости с мясом». После этих слов волчья шкура немедленно свалилась, и пред ней оказался ее муж в той самой одежде, которая была на нем в давнее несчастливое утро.

Считается, что языческое колдовство, благодаря которому можно было превратиться в волка, по сей день практикуется некоторыми испорченными людьми. Особо плохую репутацию на сей счет имеют финны, лапландцы и русские; когда во время последней войны с Россией на Кальмар напало необычное количество волков, прошел слух, что это русские превратили шведских пленников в волков и послали домой, чтобы опустошить страну.

ДЖЕК О'ЛАНТЕРН

Когда свет пламени в очаге колышется то в одну, то в другую сторону, он похож на фонарь, который несут, кого-то разыскивая. Это пламя называют Джек О'Лантерн, Джек с фонарем. По старым легендам, Джек с фонарем при жизни занимался тем, что тайком переставлял указатели земельных владений, после чего его приговорили вечно странствовать с фонарем в руке. Согласно древнему народному верованию, всякий, кто совершал при жизни подобные преступления, обречен после смерти не покоиться в могиле, а подниматься после полуночи и с фонарем в руке отправляться на место, где стояли вехи, которые он воровским способом передвигал. Когда он доходил до нужного места, его охватывало прежнее желание, с которым он передвигал земельные отметки своих соседей, и он на ходу начинал отрывистым и хриплым голосом выкрикивать: «Вот так, вот так правильно! Вот так, вот так правильно! Вот так, вот так правильно!» Однако на обратном пути он успокаивался, подчинялся раскаянию и начинал восклицать: «Нет, неправильно! Нет, неправильно! Нет, неправильно!»

БАРАН ИЗ ГЕТАБЕРГА

Около Ингельстада, в районе Оксие в Скандии, была гора, которую называли Гетаберг. Перед разного рода несчастьями и народными бедствиями из нее появлялся ужасный на вид баран. Местные жители могли в свое время перечислить множество

предсказанных таким образом бедствий, с указанием лет и дат. Однажды вечером по горе проходил мальчик, напевая песенку про этого самого барана, и по несчастью разбудил его; баран ударил его в голову и убил бы, если бы не появилась молодая девушка, которая спасла мальчика — поскольку с ее появлением баран стал смиренным, как овца.

ДРАКОН И БЕЛЫЙ ЗМИЙ

Среди известных в прежние времена загадочных существ прежних времен следует особо выделить драконов, относительно которых сохранилось много легенд и преданий. В языческих сагах цвет дракона не упоминается; однако в писаниях более позднего времени дракона часто называют Белым Змием, которого отнюдь не стоит путать с белой «змеей томт» (томторм), считающейся в южных районах добрым домашним духом; ее охотно подкармливают обитатели дома, где она обитает под полом. Утверждают, что видеть белую змею сейчас удастся очень нечасто — некоторые утверждают, что она появляется только раз в сто лет, причем в пустынных районах. Колдуны часто разыскивают белую змею, чтобы использовать ее при варке своих магических снадобий, поскольку таким образом можно обрести более глубокие познания тайн природы. Поскольку змея спускается в самые недра земли, обитает возле оснований скал и гор, корней деревьев и растений, считается, что она обладает тайными знаниями, которые может передать избранным ею людям. Когда человек находит белую змею, она сжимает его своими кольцами, после чего начинает сбрасывать кожу. Змеиную кожу следует лизнуть. Это придает человеку новые знания, и он без всякого обучения постигает полезные свойства растений, земли и камней, умение врачевать раны и лечить все разновидности болезней. Говорят, что «так приобретают хитроумие»⁹⁸.

Бедный маленький крестьянский паренек, сбившись с пути в лесу, набрел на небольшой домик, в котором жила одна из тех знахарок, которые варят змей. Когда мальчик вошел в дом, хозяйки не было дома, но на огне стоял котелок, в котором варилась белая змея. Мальчик был голоден и, увидев хлеб на столе и густую пену в котелке, в котором, как он считал, варилось мясо, обмакнул в котелок кусок хлеба и съел его. Старая знахарка, войдя в дом, сразу поняла, что произошло. Она решила, что мальчик превзойдет теперь знаниями всех своих знакомых, но не ее саму, так что ущерба ей не будет. Поэтому знахарка решила отпустить его с миром и проводила до нужной ему дороги, по пути подробно объяснив, как следует пользоваться полученным даром.

О Свене, жившем в Брагнуме на западе Готланда, который пользовался такой известностью, что к нему приезжал сам Линней, ходила история, что он стал знахарем (*klok*) после того, как встретил белую змею, кожу которой лизнул. Считали, что он знает все полезные свойства всех ползучих тварей и растений, которые собирал около Моссеберга и на полях Боулома, после чего лечил ими больных. Следует отметить, что он заранее знал, что потеряет свои знания после женитьбы. После свадьбы он больше не принял ни одного пациента.

В шведском народе целебные свойства некоторых водных источников приписываются белым змеям. В 1809 году тысячи жителей Халланда и Западного Готланда собрались у чудодейственного озера Хелсиё (небольшое озеро около Рамнегарда). Говорят, что в этот год несколько детей, приглядывавших за скотом, часто видели молодую красивую женщину, сидящую на берегу и держащую в руке белую змею, которую

она им показала. Эта водяная нимфа с белой змеей появляется только раз в сто лет. (Bexell, «Halland», цитируется по Grimm, «Deutsche Mythologie», *op. cit.*, p. 554. См. раздел «Народные легенды Дании».) Согласно одной немецкой легенде съевший белую змею человек приобретает знания языка всех животных⁹⁹.

НЕЖДАНЫЕ СВАДЕБНЫЕ ГОСТИ

Один крестьянин из Бахууса праздновал свадьбу своей дочери, но едва стол был накрыт и блюда принесены, как вдруг все оказалось съедено, хотя гости не успели даже притронуться к еде. Когда хозяин вошел и увидел это, он произнес: «Сейчас здесь был Хюе, который съел все мясо», после чего приказал внести новые блюда, за которые немедленно принялась вся компания, но когда гости ели, то видели, что исчезает больше, чем было ими съедено. Около двери стоял старый солдат кавалерии, который знал больше других. Услышав, о чем говорят за столом, он сел на лошадь и отправился к близлежащей горе, где постучал в дверь. Когда ему открыли, солдат сказал жителю горы: «Одолжи мне свою шляпу, а тебе пока пусть послужит моя». Эта шляпа называлась *uddebat* и делала человека, который ее надевал, невидимым. Горный старик ответил ему: «Можешь взять ее, но обещай, что вернешь ее до заката». Не успел он произнести эти слова, как старый солдат схватил шляпу и поспешил обратно на свадьбу. Там он увидел, что рядом с каждым гостем сидит по паре троллей, которые хватали с блюд угощения обеими руками и ели до отвала. Сжав в руке плетъ, солдат стал хлестать троллей по пальцам с такой силой, что они тут же забыли об еде и бросились бежать из помещения. Сняв шляпу, которая до того делала его невидимым, солдат произнес: «До этого момента с вами угощались тролли, но теперь можно ставить на стол больше блюд, и я составляю вам компанию». Так и сделали, больше никто не мешал праздновать, а угощений было еще много. Когда наступил вечер, старый кавалерист снова сел на свою лошадь, и поскакал к горе, где бросил вниз взятую взаймы шляпу. После этого он во всю мочь поспешил прочь. Но едва он повернул коня, как вокруг появилось множество троллей, они побежали следом и даже уцепились за хвост лошади, когда она проезжала по мосту; но лошадь была сильной и энергичной, так что всадник смог оторваться, а троллям пришлось вернуться туда, откуда они пришли¹⁰⁰.

О СОБОРЕ В ЛУНДЕ¹⁰¹

Кафедральный собор Лунда считается чудом готической архитектуры как по своей величине, так и по красоте. Самая древняя часть собора сохранилась до наших дней без больших изменений. Согласно легенде, собор построил великан Финн. Фигура Финна с его женой и ребенком до сих пор хранится в сводчатом подвале, относительно которого также существует легенда. Святой Лаврентий (или Ларс), гуляя по горам и лесам, раздумывал о том, как бы построить просторный храм, достойный Господа. Тут он встретил огромного горного великана, который взялся выполнить желание св. Лаврентия, но при условии, что получит за это во владение солнце, луну и оба его глаза. Лаврентий согласился, но назначил такой срок, за который построить здание было просто невозможно. Однако святой человек скоро увидел, что стройка подходит к концу и скоро наступит день, когда тролль придет за своим вознаграждением. Святой Лаврентий снова отправился странствовать в горы — и вдруг услышал, как какой-то ребенок плачет в горах, и мать-великанша поет, чтобы его успокоить:

*«Спи, мой малыш, спи!
Завтра вернется домой отец Финн;
И ты будешь играть солнцем и луной,
И глазами святого Ларса».*

Так св. Лаврентий узнал имя великана и потому получил над ним власть. Узнав об этом, тролль и его жена спустились в подвал, чтобы вынуть колонны и обрушить все здание, но св. Лаврентий перекрестил их и воскликнул: «Стойте здесь в виде каменных изваяний до судного дня!» Они немедленно превратились в камень, и так их можно видеть и по сей день: великан обнимает одну колонну, а его жена, с ребенком в руке — другую»¹⁰².

ЦЕРКОВНЫЙ ПРИЗРАК И ЦЕРКОВНЫЙ АГНЕЦ

При сооружении церквей часто проявлялись языческие предрассудки. Когда закладывался фундамент для новой церкви, люди обычно прибегали к некоторым обрядам прежней веры и приносили жертвы своим старым богам, которых не могли забыть. В жертву приносили какое-нибудь животное, которое погребали живьем — либо под фундаментом, либо в стене. Считалось, что духи этих животных по ночам бродили по церковному двору. Их называли именем *Kyrkogrim* — церковными призраками.

Сохранилась также легенда о том, что под алтарями первых христианских церквей обыкновенно закапывали ягненка, полагая тем обеспечить прочность и долговечность. Эта жертва называлась церковным агнцем, поскольку она была символом Спасителя мира, священного «краеугольного камня» своей церкви и паствы. Иногда человек, вошедший в церковь не во время службы, видел маленького ягненка, который прыгал через порог и исчезал. Это был церковный агнец. Если он являлся на погосте — в особенности копателям могил, то считалось, что это предвещает смерть ребенка, который должен следующим лечь в эту землю.

КАЛЛА (КОЛОДЕЦ) ХЕЛИГЕ ТОРА

В Смаланде, в приходе Скатолеф, с языческих времен имеет дурную славу один колодец, который связан с очень прискорбным событием. На том месте, где сейчас находится колодец, как рассказывают, молодая девушка встречалась со своим возлюбленным и убила его, заподозрив в неверности. Бог Тор превратил кровь убитого в источник. Из-за изменений, которым подверглись языческие предания при распространении христианства, имя бога Тора было изменено на *Helige Thor*, Святой Тор, а праздник Вознесения нашего Спасителя получил название *Helig Thor's-dag*, святой четверг, а *Kalla*, колодец, получил название *Helige Thor's Kalle*, колодец святого Тора. Из древних рукописей видно, что в прежние времена по соседству с этим колодцем местное население в каждый святой четверг распевало песни, собиралось для игр и подношений.

О ДЕВЕ МАРИИ

Люди всегда посвящали Деве Марии все самое красивое и прекрасное. Обычай этот сохранился по сей день. Один из самых ранних и красивейших весенних цветов (*Primula veris*, в просторечье — первоцвет) называли — а во многих местах называют и поныне — связкой ключей Девы Марии. Растение *Galium verum luteum* носит название соломы для тюфяка Владычицы нашей¹⁰³. Ярко зеленая трава, чьи цветки красивей,

чем у обыкновенного льна, называется льном Владычицы нашей. В низменных и диких местностях поднимает свои розовые соцветия цветок под названием рука Владычицы нашей. Два корня его похожи на ладони, один из них белый, а другой — черный. Если корни положить в воду, черный потонет. Его называют рукой Сатаны. Другой же корень будет плавать — его называют рукой Марии. Это растение крестьяне показывают своим детям, рассказывая о Пресвятой Деве и о Ее Сыне, победившем силы зла. Прелестные маленькие семенные коробочки пастушьей сумки (*thlaspi bursa pastoris*) называется игольником Владычицы нашей. Манжетка обыкновенная (*Alchemilla vulgaris*) с пестрыми листьями носит имя мантии Пресвятой девы.

Точно так же, как жук торбаге во времена язычества посвящался Тору, так и божья коровка (*Coccinella septempunctata*) была посвящена Деве Марии, и до нашего времени именуется ключницей Владычицы нашей (*nyckelpiga*). Когда какая-нибудь молодая девушка видела весной в сельской местности божью коровку, это считалось счастливым знаком. Тогда она должна была пустить божью коровку по руке, приговаривая: «Она примеривает мне свадебные перчатки». И когда божья коровка раскрывала свои маленькие крылышки и улетала, девушка должна была заметить, в какую сторону, потому что именно оттуда должен был происходить и ее жених. Маленький жучок-посланник Девы Марии, как считалось, предсказывал крестьянам, будет ли следующий год щедрым. Если число пятен на божьей коровке оказывалось больше семи, значит, придется собирать хлебные крошки, если же их было меньше семи, будет обильный урожай и низкие цены.

СВЯТОЧНАЯ СОЛОМА

Во многих местах существует обычай выносить в поля святочную солому (*Julbalm*) в надежде на то, что это принесет обильный урожай. Солома преподносилась Сыну Божьему, через которого приходят все милости и благодати. Солому использовали в память о Деве Марии, которая положила Спасителя мира на солому и сено. И поскольку Младенец Иисус проводил Святки на постели из соломы, всем маленьким детям позволялось играть и резвиться на святочной соломе.

Считалось, что часть святочной соломы (а также кусок «святочного борова», т.е. каравая) следует сохранить и дать по весне тягловым лошадям и другому скоту. Таким образом якобы можно было предотвратить болезни скота и прочие неприятности, а также не позволить животным разбежаться, когда их придется пасти на больших пастбищах или в лесах.

В некоторых местах есть обычай изготавливать так называемую братскую кровать (*syster-säng*) и класть ее на пол. В Святки дети и домашние животные спят на братской кровати вместе. В эту ночь все ботинки должны быть поставлены рядом, для того чтобы все провели в согласии следующий год. У святочной соломы есть много достоинств. Если эту солому подложить в гнезда дичи и гусей, куница не подберется к их яйцам, а злое колдовство окажется бессильным. Если эту солому расстелить по земле, она будет способствовать росту фруктов и зерна. Если ее дать коровам перед тем, как они отправятся на летнее пастбище, они не будут норовистыми и не разбредутся.

БЬЯРААН ИЛИ БАРЕ

Это подойник из девяти разновидностей ткацких узлов. В него следует капнуть три капли крови из мизинца, после чего произнести следующее заклинание:

På jorden skal tu för mig springa,
I Blåkulla skal jag för thig brinna!

На земле должен ты передо мной вырасти,
В Блакулле буду я за тебя гореть!

Блакулла (Голубые горы) — это шведский Блоксберг, скала между Смаландом и Оландом¹⁰⁴.

КАНУН СЕРЕДИНЫ ЛЕТА

В канун праздника Св. Иоанна крестьяне собирали и связывали в букеты различные виды растений и цветов. Такие связки назывались *мидсоммарсквастар* (летний букетик). Они висели в каждом доме, особенно часто их помещали в конюшнях. Считалось, что связки не позволяют наслать порчу на скот. Среди прочих обязательным было присутствие зверобоя (*hypericum*), или Ивановой травы, который обладает исключительными целебными свойствами. В канун Иванова дня может случиться многое и многое может открыться из того будущего, что суждено человеку. Некоторые затем поднимаются на крышу, ложатся там, прикрывшись белой простыней, и наблюдают; все, что они услышат и увидят таким образом, имеет свой смысл, который может быть истолкован. Те, кто не боится нападков духов и колдунов, могут заглянуть в будущее более непосредственным образом. Для этого следует выйти на перекресток, от которого расходятся три дороги, и ждать предсказания или предупреждения о том, что может произойти. Тот, кто томим любовью, может узнать, обретет ли он счастье. Он может отправиться за травами в девственный лес или в горы. Однако лишь одинокому поверяют божества ключи от будущего. Тот, кому предсказана несчастная любовь, может попытаться изменить пророчество. Чтобы изменить судьбу, безвинный страдалец — или страдалца — должен или должна сплести в лесу венок из девяти разных цветов и положить его под свою подушку. Сколько светлых мыслей и желаний рождает этот букет! Как медленно приходит неглубокий сон! Но потом наконец человек все же засыпает и видит желанные сны — и все, что происходит в снах, сбывается.

Однако в эту радостную пору можно увидеть злые силы и попытаться бороться с ними. Например, на зерновых и цветах можно заметить «ведьино масло» или «медовую росу», — которую выделяют либо сами растения, либо производят какие-то виды насекомых. Молва утверждает, что «ведьино масло» разносят повсюду лесные духи или старые ведьмы. Если сложить костер из девяти видов деревьев и разжечь его или же если просто ударить по огню связкой прутьев девяти различных деревьев, то люди, подозреваемые в занятиях ведовством, выйдут вперед и выдадут себя¹⁰⁵.

РОЖДЕСТВО

В прежние времена существовал обычай ставить на Рождество небольшие миски святочной овсяной каши (*julgröt*) и других яств на пол амбара, вместе с курткой для *томтегуббе*, чтобы тот и в дальнейшем приносил в дом процветание¹⁰⁶.

Другой древний обычай — ныне забытый — состоял в том, что в рождественскую ночь, с наступлением рассвета, отправлялись в лес, не произнося ни слова, стараясь идти бесшумно, не оглядываясь, не утоляя голода и жажды, избегая костров и стараясь держаться подальше от каркающих ворон. Если кто-либо соблюдает все эти требования,

направляясь по тропе к церкви, то увидит погребальные процессии — ровно столько, сколько умрет людей в наступающем году. Еще он увидит, насколько плодородными будут луга и пастбища и случатся ли в наступающем году пожары¹⁰⁷.

КУКУШКА

Когда в начале лета шведы впервые слышат голос кукушки, то они часто задают ей вопрос «Сколько лет мне осталось жить на свете?» или «Когда произойдет то-то или то-то?» Из такого рода вопросов составлены следующие стихи, которые следует проносить строка за строкой после каждого крика кукушки:

<i>Cantat cucullus</i> (лат. «поет кукушка») — Göker grå,	Куку — Кукушка серая,
<i>Cantat cucullus</i> — Saeg mig då,	Куку — Скажи мне немедленно,
<i>Cantat cucullus</i> — Uppå qvist,	Куку — Сидя на суку,
<i>Cantat cucullus</i> — Sant och vist,	Куку — Правдиво и наверняка,
<i>Cantat cucullus</i> — Hur många år,	Куку — Сколько лет
<i>Cantat cucullus</i> — Jag leva får?	Куку — Мне осталось жить?
	или
— Jag ogift går?	Быть незамужней?

И сколько раз человек повторял последнюю фразу, столько лет ему оставалось жить или оставаться в одиночестве. Однако незамужним порой было трудно подсчитывать бесконечное кукование, и потому было установлено правило, что можно верить лишь десяти — не более — крикам кукушки. Если кукований раздавалось более десяти, про такую птицу говорили, что она сидит на заколдованном суку (*på galen qvist*) и ее предсказания не следует принимать во внимание.

Многое зависело и от того, с какой стороны света доносится первый крик кукушки. Если он доносился с севера, то сулил в будущем году горе, если с запада или востока, то обещал процветание. Если крик был с юга, год должен был принести хороший урожай — или, согласно другому поверью, этот год нес смерть¹⁰⁸.

ШВЕДСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ¹⁰⁹

1. Постарайся не заметить через порог, если хочешь выйти замуж в этот же год.
2. Если девица и юноша съедят кусочки одной и той же свеклы, они влюбятся друг в друга.
3. Если в Иванову ночь положить под голову девять разных цветов, юноше или девице приснится его возлюбленная или возлюбленный.
4. Юноша не должен давать девице нож или иголки, поскольку это вредит любви.
5. Девица не должна смотреть в зеркало после темноты, тем более при свече, если она не хочет потерять привлекательности для противоположного пола.
6. Невеста должна первой увидеть жениха, перед тем как он увидит ее. Тогда она будет хозяйкой в семье.
7. По той же причине она должна во время венчания стать ближе к алтарю.
8. По той же причине она должна первой опуститься на стул во время свадьбы.
9. По той же причине она должна, как бы случайно, сбросить с ноги туфельку — или уронить на пол свой платок или что-либо еще, чтобы жених из вежливости наклонился

и поднял вещь. Это сделает его послушным (дословно — «согнет его шею») на все время брака.

10. Невеста должна стоять около жениха, не позволяя никому втиснуться между ними.

11. В церкви жених и невеста должны держать за два края ленту или полотенце, чтобы они во время брака жили только друг для друга.

12. Сидя рядом с женихом, невеста должна прикоснуться столькими пальцами к своему обнаженному телу, сколько детей хочет иметь.

13. Чтобы у невесты было достаточно молока для детей, ее мать по возвращении из церкви должна встретить молодую жену со стаканом молока.

14. Чтобы у нее всегда были удачные роды, невеста должна запастись на брачном ложе пирожками и сыром.

15. Новорожденному следует положить под голову книгу, чтобы он быстрее научился читать.

16. Когда ребенка моют в первый раз, в воду надо положить несколько монет, чтобы он стал богатым. Также следует повесить ему на шею кошелек с деньгами.

17. Девочку следует укрыть чем-нибудь из отцовской одежды, а мальчика нижней юбкой матери. Это приносит удачу с в общении с противоположным полом.

18. Мать должна в дверях провожать своего младенца на крещение; а когда его после крещения приносят домой, она должна встретить его в двери с караваем, чтобы ребенок никогда в будущем не испытывал нужду в хлебе.

19. Пока ребенок не получит имени, в доме нельзя гасить огонь.

20. Никто не должен проходить между огнем и грудным младенцем.

21. Если в доме есть грудной ребенок, в дом нельзя поздно вносить воду — если только не бросить в нее горящий уголек.

22. Никто из вошедших в дом не может взять ребенка на руки, не прикоснувшись сперва к огню.

23. Когда у ребенка рано вырастают зубы, это означает, что в семье скоро появятся другие дети.

24. Пустую колыбель нельзя качать, иначе ребенок будет производить много шума и часто плакать.

25. Если родившийся с зубками первенец укусит панариций¹¹⁰, он пройдет.

26. Ребенку нельзя одновременно читать и есть — иначе у него будет плохая память.

27. Ребенок должен сначала дотронуться до собаки, а не до кота.

28. Если ребенок играет с огнем, он будет сухопарым.

29. Ребенку нельзя позволять забираться в окно; нельзя переступать через ребенка, обходить ребенка, который сидит на полу или находится в экипаже. Считается, что в таком случае он больше не вырастет.

30. Если больной получает незнакомую пищу, он выздоравливает.

31. Если поблагодарить за лечение или лекарство, оно не будет иметь эффекта.

32. Если перешагнуть через могилу с открытой язвой, она исцелится очень медленно или же никогда.

33. Тот, кто видел привидение, не должен говорить об этом до наступления утра, иначе его будут мучить¹¹¹, и он начнет плевать кровью.

34. После наступления темноты нельзя ходить за водой, чтобы не получить панариций.

35. По той же самой причине, а также для того, чтобы никто не мучил, следует трижды перекреститься, если переходишь воду после наступления тьмы.
36. Для излечения больного надо произнести молитвы в трех церквях, одна из которых должна быть offering church, если таковая имеется поблизости. После этого скоро станет ясно, умрет человек или выздоровеет.
37. Зубы большой рыбы следует сжечь, чтобы заручиться удачей в рыбной ловле.
38. Нельзя раскрывать другим, когда отправляешься на рыбалку; нельзя говорить и о том, сколько поймал — много или мало.
39. Посторонний не должен видеть, сколько поймано рыбы.
40. Отплывая от земли на рыбную ловлю, нельзя поворачивать лодку против солнца.
41. Рыба лучше всего ловится на крючок, согнутый из найденной в церкви иголки.
42. Если женщина переступит через удочку, рыба перестанет клевать.
43. Украденная рыболовная снасть приносит удачу, а лишившийся ее теряет удачу.
44. Нельзя ставить под столом светец, чтобы гости не перессорились.
45. Отправляясь по делу, нельзя возвращаться, иначе дело не сложится.
46. За булавки нельзя благодарить.
47. Нельзя прясть во вторник вечером или на Страстной неделе, иначе будешь прясть по ночам.
48. Если посторонний войдет в дом, где варят пудинг или колбасу, яство лопнет.
49. Если повернуть тапочки или ботинки носками к кровати, ночью придет мара.
50. Перед Пасхой на дверь помещения для скота следует нанести крест, чтобы ведьмы не могли причинить зла скоту.
51. Когда человек в первый раз засыпает в каком-либо доме, он должен сперва сосчитать балки; тогда то, что приснится ему, произойдет и наяву.
52. Если, отправляясь в путешествие, человек забывает что-либо дома, это обещает ему благополучное возвращение. Но когда человек оглядывается, это не к добру.
53. Когда кошка умывается или около дома стрекочет сорока, следует ждать незваных гостей. Если ленивая хозяйка или беззаботный слуга до сих пор не вымели пол, это следует сделать немедленно.
54. Человек, первым вернувшийся домой из церкви после празднования Рождества, первым и умрет.
55. Если какой-нибудь человек трижды обойдет вокруг грядки с посаженной им капустой, в ней не заведутся черви.
56. Пустой мешок нельзя нести не завязав его. Если за таким мешком пойдет беременная женщина, ее ребенку никогда не будет хватать еды.
57. Во время купания следует опустить в воду какой-нибудь стальной предмет и воскликнуть: «Ник, ник, сталь на мели, твой отец воровал сталь, твоя мать воровала иглы, так должен делать и ты после того, как услышишь этот крик». После этого всем следует крикнуть, что есть мочи: «*No bagla*»¹¹².
58. В пасхальную субботу дуют в длинный рог (*lur*): насколько далеко разнесется звук, настолько далеко хищные звери будут держаться на протяжении года.
59. Если человек, разыскивающий в лесу потерявшийся скот, увидит справа от себя синицу, то найдет потерянное животное.
60. Если свиней выпускать в день Св. Люциуса, мясо их окажется червивым.
61. Если в канун Михайлова дня скот входит в коровник без шума, он будет спокойно вести себя в коровнике весь год.

62. После завершения любой работы следует перекрестить ее.

63. Если подметая утром после праздника Нового года хозяйка найдет под столом зерно пшеницы, то в новом году будет обильный урожай.

64. Если во двор вошла подозрительная женщина, то чтобы противодействовать возможному колдовству, следует либо до крови ударить ее, либо бросить ей вслед горящий факел.

65. Вернувшись из церкви, невеста должна сама расседлать и разнуздать лошади, чтобы роды у нее были легкими.

66. Если невеста танцует с монетой в башмаке, никакое колдовство не коснется ее.

67. В Швеции, как и в Норвегии и в Финляндии, распространено суеверие, что появление большого количества волков предвещает войну. Подобное верование относится и к большому числу белок¹¹³.

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ДАНИИ — ТРОЛЛИ, НАРОД КУРГАНОВ, ИЛИ ГОРНЫЙ НАРОД, НАРОДЫ ЭЛЬФОВ И ГНОМОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРОЛЛЕЙ

У народа Ютландии есть легенда о том, что, когда наш Господь сбросил павших ангелов с небес, некоторые из них упали на холмы и курганы и стали народом курганов — или, как их иногда еще называют, горным народом, народом холмов. Те, кто упал на вересковую пустошь, стали эльфами вересковых пустошей; потом от них пошел род эльфов. Некоторые попали в жилые дома, и от них пошли домашние духи ниссы.

Когда Ева как-то купала своих детей в ручье, наш Господь неожиданно появился перед ней. Она испугалась и спрятала тех детей, которые еще не были умыты. Наш Господь спросил ее — все ли дети здесь. Она ответила «да», в страхе, что он увидит, что не все дети помыты. Тогда наш Господь сказал, что те дети, которых она скрывает от него, должны в будущем быть скрыты и от человечества. После этих слов все непомытые дети исчезли и были скрыты в горах. Из потомков этих детей и пошли все подземные народцы.

Раввинистическая легенда утверждает, что после того, как Адам вкусил от древа познания, он был проклят на сто тридцать лет. В этот срок, как утверждает рабби Иеремия бен Элиазар, его детьми были только schedim, т.е. демоны и подобные им существа.

НАРОД ЭЛЬФОВ

Народ эльфов населяет вересковые поля. Мужчины этого племени похожи на стариков в широкополой шляпе на голове, женщины-эльфы на взгляд свежи и соблазнительны, однако со спины пусты, как оболочка ореха. Молодым людям следует держаться с эльфами-женщинами настороже, поскольку их чарам трудно противостоять, кроме того, струнные музыкальные инструменты эльфиек способны растопить своими звуками любое

сердце. Эльфов-мужчин часто можно увидеть на вересковых пустошах — греющимися на солнце. Если кто-нибудь подойдет к нему слишком близко, эльф складывает губы трубочкой и дует, после чего подошедшего поражают болячки и хвори¹¹⁵. Женщин-эльфов чаще всего можно увидеть при свете луны, когда они водят хороводы в высокой траве с такой легкостью и изяществом, что редко получают отказ, когда предлагают какому-нибудь молодому человеку свою руку. Не следует пасти скот в тех местах, поскольку если какое-нибудь животное окажется там, где эльф плевал или делал чего похуже, оно заболевает. Причем болезнь животного можно вылечить, только дав ему съесть пучок зверобоя, собранного в полночь в Иванову ночь. Может случиться и так, что животные пострадают от скота эльфов, синего и очень рослого. Таких животных можно увидеть и на поле слизывающими росу с травы, поскольку именно росой они и питаются. Впрочем, крестьянин может, однако, оградить себя от вышеупомянутых неприятностей, если перед тем, как выпускать животных на волю, подойдет к эльфову кургану и произнесет: «Эй, маленький тролль! Могу я попасть свой скот на твоём холме?» Если ответа не последует, то можно поступать, как хочется. Между Терслёзе и Собиергом находится Собиерг-Банке — самый богатый курган во всей Зеландии. Практически невозможно назвать такой драгоценности, которой нельзя было бы в нем найти. На этих холмах когда-то проживала супруга тролля, ради которой была устроена длинная процессия с полей Стинлилле, когда тролль из горы Галтебьерг взял ее в жены.

Часто случается, что в ясную погоду прохожий видит очень красивую медную утварь и самые изысканные постельные принадлежности, лежащие на холме для проветривания. Если прохожий подойдет ближе, то сможет увидеть молодую женщину-эльфа, которая усердно и быстро их собирает.

В поле Иллеруп около Каллундборга есть гора, называемая Фибиерг-Бакке. В ней обитает огромное количество троллей, которые хранят здесь большое количество дорогих вещей и золота. Заметно отверстие в склоне горы, через которое они утаскивают вниз тех, кого смогут захватить. В Святки нетрудно увидеть, как они вытаскивают свое серебро и золото на солнце, и подходить в это время к горе опасно. Но в Иванову ночь вся гора поднимается на красных колоннах, и в ней идет веселье и звучат песни. В это время всякий, кто подойдет к горе, может увидеть, как тролли перетаскивают взад и вперед огромные сундуки, полные денег.

В Лаанехёй на Аерё часто можно было слышать, как тролли хлопают крышками своих гробов. Однажды крестьяне, собиравшие урожай, отдыхали на этой горе; приложив ухо к земле, они услышали, что внутри мелют зерно.

В том, что горный народ в прежние времена обитал в Галлехёй на Аэро, едва ли можно сомневаться, поскольку люди не только слышали хлопанье крышек гробов, но также кузнец из Лилле-Ризе, который во время войны был здесь караульным, каждое утро слышал, как часы в горе били пять раз.

Около Ёстреля, между Аалборгом и Тистедом, стоит гора, в которой обитал эльф-кузнец. Ночью любой мог ясно расслышать, что здесь происходят кузнечные работы. На одной стороне горы располагалась дыра, около которой можно было найти утром шлак и частицы железа.

В окрестностях Санди, на острове Морс, есть гора, в которой жил эльф-тролль. По ночам можно было слышать, как он работает. Напротив этой горы располагался песчаный холм, где иногда работал тот же кузнец, поскольку оттуда, случалось, доносились мощные удары молота. В полночь кузнец часто пролетал по воздуху от одного рабочего места к другому — на безголовой лошади и с молотом в руке. За ним следовали все его ученики и спутники.

В приходе Буур было три больших горы. В одной из них обитал тролль-кузнец, который держал в той же горе кузницу. Ночью на вершине горы часто можно было видеть огонь. Временами огонь как бы входил в гору с одной ее стороны — это эльф-кузнец поддерживал железо в раскаленном состоянии, открывая дверь за порцией угля. Если кто-то хотел, чтобы из его железа что-нибудь выковали, он клал свой кусок на гору, вместе с серебряным шиллингом, и называл предмет, который ему требуется выковать. На следующее утро шиллинг исчезал, а требуемое изделие лежало готовым и хорошо выполненным¹¹⁶.

Однажды несколько жителей Буура решили докопаться до богатств этого тролля. Для этой цели они однажды ночью собрались с лопатами и кирками. Всех предупредили о том, что нельзя произносить ни слова, даже если искушение будет очень велико. Но как только они взялись за работу, на горе появились самые разнообразные чудища. Тем не менее люди продолжали работать в полном безмолвии, пока не добралась до просторных каменных покоев. Перед ними лежали богатства — большой медный котел, полный золотых монет. Рядом с ним спала огромная черная собака. Один из мужчин снял свою куртку, осторожно положил на нее собаку и начал оттащить куртку в сторону. В этот самый момент с внешней стороны горы подкатил фургон с сеном, который тянули два петуха. Фургон трижды объехал гору. Однако ни один из крестьян не произнес ни звука, пока один из петухов не дрыгнул ногой с такой силой, что толстый шест фургона сломался. Тогда один из крестьян воскликнул: «Что за сила у петуха!» Но как только он произнес эти слова, все они оказались на значительном удалении от горы, причем прорытый в ней ход немедленно закрылся. Крестьяне позже предприняли еще одну попытку — но на сей раз увидели, что весь Остер-Буур охвачен огнем. Побросав лопаты, они побежали к своим домам — но, добравшись до них, обнаружили, что все находится в сохранности и спокойствии.

В этих волшебных кузницах нетрудно распознать потомков карликов или гномов, присутствующих в мифологии Эдд.

В Гамтофте, неподалеку от Ассенса, посреди поля стоит гора; говорят, что в ней обитает тролль. Об этом тролле рассказывают, что у него легко взять взаймы. Для этого следует только отправиться к горе и трижды постучать с северной стороны, назвав в это же время требуемую вещь — горшок, сковородку или другую домашнюю утварь. Всякий человек может немедленно получить нужную вещь, однако если он не вернет ее вовремя, то его могут найти мертвым.

На острове Мёен¹¹⁷ есть гора, называемаяся Ёстед-Хёй. Когда однажды Маргарет Скаелвигз проходила мимо по пути в замок Элмелунд, ей на пути попалась старуха,

спросившая: «Куда ты идешь, мое дитя?» Маргарет ответила, что направляется в замок Элмелунд, чтобы одолжить платье у жены Питера Мунка, чтобы венчаться в нем. Тогда старая женщина произнесла: «Если ты придешь сюда в субботу, я одолжу тебе свадебное платье». В следующую субботу Маргарет послушно пришла в Ёстед-Хёй, и старая женщина дала ей прекрасное платье с золотой вышивкой, но приказала вернуть платье через неделю. Но если, сказала женщина, она не выйдет встречать Маргарет, то она может считать платье своей собственностью. Таким образом, Маргарет Скаелвигз предстала на свадьбе в платье с золотым шитьем. В назначенное время она принесла платье к горе, но никто не встретил ее, так что она получила право забрать платье себе.

Над Тихолмом поднимается ряд больших гор, в которых, как говорят, раньше обитал горный народ. Однажды некий крестьянин проезжал мимо этих гор на рынок в Вестервиг. Поднимаясь в гору, он вслух пожаловался, что ему приходится ехать на такой кляче. На обратном пути он увидел, что точно на том самом месте, где он пожаловался на судьбу, лежат четыре подковы. Крестьянин взял подковы и подковал ими свою лошадь. С этого времени ни один соседский конь не мог тягаться с его лошадью в скорости.

В другой раз несколько крестьян, проезжая мимо горы, в качестве шутки мимоходом попросили, чтобы горный народец дал им хорошего пива. Тут же из горы вышел невысокий тролль с большим серебряным жбаном, который протянул крестьянам. Взяв посудину в руки, один из крестьян немедленно прищипил коня и понесся прочь. Но маленький человечек из горы оказался быстрее. Он догнал крестьянина и отобрал у него жбан.

Со временем этому горному народцу надоело жить в Тиланде, и все обитатели гор отправились к переправе, чтобы их перевезли на другую сторону фьорда. Когда настало время платить паромщику, они бросили в шляпу нечто такое, что прожгло ее насквозь и ушло вниз. Скорее всего, это было золото, поскольку иначе не объяснить, почему в дальнейшем паромщик зажил богато.

Однажды девушка-эльфийка пришла к некоему мужчине, жившему на острове Аэ-рор, с ухватом, ручка у которого отвалилась, и попросила прикрепить ее. Однако тот отказался помочь ей. Дело взял на себя парень, оказавшийся рядом с ними. В обед он получил награду за свою помощь — кусок вкусного хлеба с маслом. Мужчина, который хорошо знал, от кого исходит этот подарок, посоветовал парню не есть хлеба, сказав, что так можно и умереть. Но парень бесстрашно съел подарок и проснулся на следующее утро здоровым и веселым, а тот, кто ему советовал, был мертв, как камень.

В окрестностях Линге, около Сорё, есть гора под названием Бодедис. Неподалеку от нее проживал старый крестьянин, у которого был один-единственный сын. Сын часто отправлялся в длительные путешествия. Однажды после его отъезда отец долго не получал о нем никаких вестей и, решив, что сын погиб, стал оплакивать его смерть. Однажды вечером, когда он проезжал мимо Бодедис с полной ношей, гора отворилась, и оттуда вышел тролль, попросивший крестьянина последовать за ним в гору. Крестьянин смутился, но понимая, что отказ может кончиться плачевно для него, повернул лошадей и въехал в гору. Там тролль начал торговаться, предлагая за товары очень щедрую цену. Когда крестьянин выгрузил все из своего возка и собрался уезжать, тролль

сказал: «Если сумеешь помалкивать относительно того, что произошло между нами, увидишь от меня немало добра, а если придешь ко мне завтра, увидишь здесь своего сына». Поначалу крестьянин не знал, что ответить, но, решив, что тролль сдержит свое обещание, он безумно обрадовался. В назначенное время он вернулся к горе и сел на землю. Ему пришлось прождать много времени, и он внезапно заснул. Когда крестьянин проснулся, рядом с ним оказался его сын. Тот рассказал, что находился в тюрьме, где испытывал большие страдания. Но однажды ночью он увидел сон, в котором к нему подошел какой-то человек и сказал: «Ты до сих пор хочешь вернуться к отцу?» — и когда он ответил «Да», все цепи с него спали, а стены исчезли. Рассказывая, сын случайно поднял руку к шее и обнаружил, что железный обруч, охватывавший его горло, все еще остается на шее. Оба они застыли в изумлении. А потом направились в Линге, где повесили обруч с куском цепи на церковную стену, где он висит по сю пору в память об удивительном событии.

Неподалеку от Сорё расположена деревня Педерсборг. Рядом с ней расположена совсем маленькая деревушка, которую называют Линге. Между двумя деревнями находится гора Брондхой, в которой, как передают, обитал горный народ. В горе жил один старый завистливый тролль, которого остальные звали Кнурремурре, поскольку из-за него на горе часто происходили раздоры и ссоры. Однажды Кнурремурре узнал, что его молодая жена слишком близко знакома с одним молодым троллем. Старый тролль так рассердился, что молодому стало просто опасно оставаться на горе. Потому молодой тролль сделался невидимым, бежал из горы и, превратившись в желтого кота, отправился в деревню Линге. Под видом кота он прибил к дому бедного крестьянина Платта. Там он прожил долгое время, получая от крестьянина каждый день молоко и овсяную кашу, а в дневное время лежал на легком стульчике около плиты. Однажды вечером Платт пришел домой именно в то время, как его кот ел овсяную кашу и лакал молоко. «Ну, мать, — сказал крестьянин, — я сейчас расскажу, что случилось со мной по дороге сюда. Когда я проходил мимо Брондхой, из нее вышел тролль, который подошел ко мне и произнес: «Привет, Платт! Скажи своему коту, что Кнурремурре мертв!!» После этих слов кот поднялся на задние лапы, катнул горшок по полу и, направившись к двери, произнес: «Что? Кнурремурре мертв? Тогда я должен поспешить домой».

КОРОЛЬ КЛИНТ С ОСТРОВА МЁЭН

Жил когда-то король Клинт, который правил клинтами (скалами) острова Мёэн, Стевн¹¹⁸ и Рюген. У него была удивительная повозка, которую тянули четыре черные лошади. На этой повозке король ехал от одной скалы к другой — даже по морю, которое при этом начинало волноваться.

Около Стула Королевы на одной из скал острова Мёэн высоко от земли можно видеть несколько пещер. В прежние времена там обитал Йоде¹¹⁹ из Упсалы. Рассказывают, что однажды один безрассудный человек решил навестить его в его жилище. С большим трудом он спустился со скалы к пещере на веревке — и больше его никто не видел.

Иногда упомянутого Йоде из Упсалы видели на море — правящим четырьмя лошадьми. В последней войне, которую вела Швеция, он пронесся вместе со своими зелеными гончими по скалам, с целью защитить свою страну, как обещал когда-то. Говорят, что сейчас он перебрался в скалу на Стевне.

Неподалеку от Стула Королевы есть водопад, который называется Садовым. Здесь у Йоде был прекрасный сад. Этому Йоде — или великану — из Упсалы крестьяне Мёэна приносили последний сноп, чтобы он помогал вырастить новый урожай.

Говорят, что на скале Мёэна есть две пещеры, в одной из которых обитает сам «Йон Опсал», а в другой — его собака и белая лошадь.

Йоде уже дважды выезжал на «королевскую скачку», спасая страну от угрозы. Скоро он совершит ее в третий раз. Тогда он превратит все камни на пляже во всадников, и с ними одолеет врагов страны. Иногда он скачет к скале Стевн и посещает живущего там короля.

Не так давно он скакал через Буссеруп и остановился перед домом старой женщины, у которой попросил воды для себя и своей лошади. Но у старой женщины не было ведра, а нашлось только сито. «Не беда, — сказал он, — лей в него воду». И сито удержало воду, так что и всадник, и конь сумели напиться.

ПОДЗЕМНЫЙ НАРОД БОРНХОЛЬМА¹²⁰

На вересковых пустошах Борнхольма, особенно в туманную погоду, можно иногда увидеть подземных жителей, упражняющихся в боевом искусстве. У них есть командир, которого зовут Эллестингер. Точно так же как и другие предводители его армии, он скачет на трехногой лошади. Солдаты, насколько можно их различить, облачены в светло-синие или серые, как сталь, мундиры. На голове у них красные шляпы; иногда эти шляпы треугольные. Часто можно слышать бой их барабанов, а временами находят небольшие круглые камни, которые, как считается, используются в качестве пуль. Когда Борнхольму угрожает какой-нибудь враг, эти подземные жители всегда появляются на поверхности, готовые защитить страну. Увидев столь внушительное зрелище, противник часто убегает так быстро, как только может.

Именно так случилось 6 февраля 1645 года, когда два шведских военных корабля появились у берегов «Молота», намереваясь приступить к высадке десанта. Они увидели, что вся гора покрыта войсками, прибывающими со всех сторон. И хотя на острове на самом деле было всего два подразделения, противник решил, что это место сильно защищено, так что попытка высадиться окажется тщетной. После этого шведы сочли за лучшее убраться восвояси.

В приходе Ульвсборг есть высокая гора, в которой обитал тролль. Его видели многие жители, когда он ночью вытаскивал свои блестящие медные предметы домашнего обихода при свете луны. Этот тролль однажды подошел к женщине и попросил ее одолжить ему каравай хлеба. Тролль тогда сказал: «Ты не должна мне ничего давать бесплатно, с этого дня с тобой все будет хорошо. И твой род будет пользоваться благосостоянием до четвертого поколения». Так и оказалось.

ГОРНЫЙ НАРОД ОДАЛЖИВАЕТ ПИВО

В Холмби около Аархуса, когда одна женщина стояла рядом со своей дверью, к ней пришел маленький тролль с острым горбом. Тролль сказал: «Сегодня Сторе-Биерг должен жениться на Лилле-Биерг. Если вы, матушка, любезно одолжите нам на несколько дней бочонок с пивом, мы вернем вам пиво столь же крепкое и хорошее». После этого женщина проводила тролля на пивоварню и предложила ему бочонок на выбор. Но по-

скольку на всех бочонках был крест, тролль не мог взять ни один. Он только показал на один бочонок и произнес: «Сними с него крест!» Женщина поняла, что она сначала должна снять крест. Когда она сделала это, маленький тролль поднял самый большой бочонок на спину и побрел с ним прочь. На третий день он вернулся, принес с собой бочонок с пивом — столь же хорошим, как и то, которое брал в долг. С этого времени у нее в доме появился достаток.

НАРОД ЭЛЬФОВ ПОД ОЧАГОМ

В особняке Лилле-Ризе, на острове Аерё, под камнем обитал горный народ. Однажды к хозяйке дома пришла маленькая девочка-эльф с просьбой одолжить ножницы, чтобы подкоротить ими свадебное платье. Когда женщина услышала, что предстоит свадьба, она захотела на ней присутствовать и пообещала одолжить свои ножницы при условии, что увидит, что будет происходить во время свадьбы. Девушка показала женщине, как надо протиснуться сквозь щель в очаге, но предупредила, что во время свадьбы нельзя смеяться — поскольку если она засмеется, то зрелище исчезнет.

Когда наступил вечер свадьбы, женщина протиснулась в щель и увидела весь праздник. Весь народ эльфов сидел за столом в своих лучших одеждах, пил пиво и угощался. Внезапно между двумя гостями вспыхнула ссора, которая разрослась до того, что два тролля вскочили на стол, вцепились друг другу в волосы и наконец упали в супницу, из которой выбрались в довольно плачевном виде. Все собравшиеся принялись смеяться над двумя «героями» из супницы, и женщина не сумела сдержаться. В это же мгновение все собравшиеся исчезли.

Тот же самый народец эльфов однажды был столь сильно оскорблен двумя девушками, прислуживавшими в доме, что вытащили их из кроватей и отнесли в отдаленный уголок. Их нашли лишь после долгих поисков, глубоко спящими, хотя был полдень.

ФРУ МЕТТЕ¹²¹

На острове Морс в Ютландии есть особняк, называемый Овергаард, в котором некогда жила дама, которую звали фру Метте. Однажды к этой даме пришел тролль, который сказал: «Фру Метте из Овергаарда! Не одолжишь ли ты свою шелковую юбку фру Метте из Ундергаарда на ее свадьбу?» Женщина одолжила юбку. Поскольку долгое время ей ничего не возвращали, она отправилась к горе и крикнула: «Верните мне мою юбку». Тролль вышел и подал ей юбку, порядком закапанную воском, и произнес: «Раз ты требуешь юбку, бери ее. Но если бы ты подождала еще несколько дней, на месте каждой капли воска оказалось бы по бриллианту».

ПОДЗЕМНЫЙ НАРОД ОБРАЩАЕТСЯ К ПОВИТУХЕ

Однажды в канун Рождества некая женщина готовила для своей семьи мясо. К ней пришел эльф и принялся умолять ее пойти с ним, поскольку у его жены начались родовые схватки. Когда женщина согласилась помочь ему, он взял ее на спину и спустил в недра земли через источник. Здесь женщина узнала, что жена эльфа не может родить без помощи какой-нибудь христианской женщины. Она и сама была христианкой перед тем, но как ее унес эльф.

Когда ребенок благополучно родился, эльф взял его в руки и выбежал с ним. Женщина объяснила, что он собирался найти только что повенчанную пару, и если они не

успели произнести в постели молитву «Отче наш», положить между ними ребенка, поскольку в этом случае на него перейдет вся удача, которая предназначалась для новой семьи. После этого женщина сообщила своей помощнице, что она должна делать, когда эльф вернется. «Во-первых, — произнесла она, — ты не должна ничего есть, если он тебя попросит, поскольку я поела и после этого не смогла вернуться. Во-вторых, если он сделает тебе подарок и велит выбрать между тем, что похоже на серебро и тем, что похоже на черепки, выбери последнее. А когда он понесет тебя обратно, схватись за куст крыжовника и произнеси: «Теперь, именем Бога, я сама по себе!»

Через час эльф вернулся, с ребенком, весьма недовольный тем, что он не нашел того, чего искал. После этого он предложил гостю кое-какое угощение, а когда она от этого отказалась, произнес: «Ты сама так захотела». После этого он предложил разные подарки, но женщина выбрала только несколько черных черепков. Когда она снова оказалась у себя на земле, то поступила так, как ее учили. С черепками в переднике она отправилась в свое жилище, и как только вошла, бросила черепки в золу. Она не стала рассказывать своему мужу о том, где побывала. Но тут в комнату вошла служанка и сказала, что что-то блестит, как серебро, в отверстии для золы. Увидев чистое серебро, женщина рассказала мужу о том, где была. После этого Рождества у них были достаточные основания не жаловаться на судьбу.

Однажды вечером к повитухе из Бингсберга явился тролль и попросил ее пойти вместе с ним, чтобы помочь его жене. Женщина последовала за ним в отверстие в земле без каких-либо приключений. Но как только она рассказала о том, что видела там, то потеряла зрение.

Некая жена эльфа, чувствуя приближение родов, отправила послание одной повитухе с просьбой о помощи. Когда ребенок родился, эльфы дали ей масло, чтобы протереть глаза младенца. Протирая глаза, женщина случайно коснулась замасленными пальцами и своих глаз. Возвращаясь домой она поняла, что с ее глазами что-то случилось, потому что, проходя полем ржи, она заметила, что оно буквально кишит маленькими эльфами, которые обрезали колосья. «Что вы здесь делаете?» — крикнула женщина, увидев, что эльфы воруют урожай. Они ответили ей: «Раз ты нас видишь, то должна ослепнуть». Эльфы набросились на женщину и выкололи ей глаза.

ТРОЛЛИ В УГЛЕРУПЕ

В Углерупе некогда жил состоятельный человек по имени Нильс Хансен. Поговаривали, что свое богатство он получил от троллей. Однажды, когда его жена в поле сгребала сено в копну, между зубьями грабель ее застряла большая жирная жаба. Женщина осторожно освободила жабу, воскликнув: «Бедное существо! Я вижу, что тебе нужна помощь: я помогу тебе». Через какое-то время ночью к ней пришел тролль, желая, чтобы она вместе с ним пошла в гору, где он обитал. Следуя желанию тролля, она вошла в гору, где нашла лежащей в кровати жену тролля. Сверху над самой головой той с потолка свисала ужасная змея. Жена тролля сказала женщине: «Точно так же, как ты испугалась змеи, что свисает над твоей головой, так испугалась и я, когда застряла в твоих граблях. Но поскольку ты была добра со мной, дам тебе хороший совет. Когда ты покинешь это место, мой муж предложит тебе много золота — но если ты не бросишь

этот нож за спину, когда выйдешь отсюда, то, когда ты дойдешь до дома, золото превратится в уголь. А если он заставит тебя сесть на лошадь и поехать с ним, незаметно соскользни по дороге, когда вы переедете через болото — иначе ты никогда больше не увидишь своего дома».

Жена Нильса Хансена отправилась на кухню и увидела там своих служанку и слугу, которые, стоя, растирали солод. Они не узнали хозяйку, и она подошла к ним и незаметно отрезала по куску ткани от одежды каждого. Через некоторое время тролль дал ей много золота, но женщина поступила именно так, как посоветовала ей жена тролля. А когда тот повез ее домой, она соскользнула с лошади согласно полученному совету. Еще не наступило утро, как она добралась до дома со всеми своими сокровищами.

На следующий день, когда перед ней появились слуга и служанка, они оба жаловались на боль в руках, словно от тяжелой работы. Тогда женщина сказала им, что они должны повторять молитвы и креститься перед тем, как отправиться в кровать. Рассказала она и о том, что они были, не ведая об этом, в горе у тролля, где мололи для него солод. Слушая это, слуги начали смеяться, думая, что она шутит. Но когда она показала им куски ткани, они поверили, увидев, что эти куски точно соответствуют дырам на их одежде. После этого женщина рассказала, что произошло с ней ночью.

ПОВИТУХА ИЗ ФУУРА

Много лет назад на острове Фуур жила повитуха, которую однажды ночью разбудил сильный стук в дверь. Открыв дверь, она увидела небольшое существа, которое умоляло ее пойти с ним, чтобы помочь некоей эльфийке. Женщина уступила его мольбам, и после этого ее долго не видели среди людей. По прошествии какого-то времени и мужу довелось проходить ночью мимо горы эльфов. Он увидел, что гора ярко освещена, что в ней совершается большой праздник и царит веселье. Приглядевшись внимательней, он заметил среди самых веселых гуляк собственную жену. Он направился к ней, и они переговорили. Затем, несмотря на предупреждение, он позвал жену по имени, и ей пришлось последовать за ним. Но с этого времени муж более не видел от нее ничего хорошего: она постоянно сидела за столом на кухне и стала совсем немой.

СКОТТЕ

В Гудмандструпе есть гора, которая называется Хиулехёй. В деревнях, расположенных по соседству с этой горой, хорошо знают, что в ней живут тролли. Если какой-нибудь крестьянин забудет перекрестить свою кружку с пивом, немедленно вылезшие из Хиулехёй тролли украдут его пиво. Раз поздно вечером проходивший мимо горы крестьянин увидел, что гора поднялась и стоит на красных колоннах, а под ней играет музыка, танцуют и празднуют. Некоторое время он стоял, глядя на веселое представление, но внезапно музыка и танцы стихли, начались причитания, и какой-то тролль воскликнул: «Скотте упал в огонь! Идите и помогите ему!» После этого гора опустилась, и все веселье подошло к концу.

Жена крестьянина находилась в это время в доме одна, ткала лен и не заметила, что какой-то тролль прокрался в дом через окно соседней комнаты, встал у бочонка и стал наливать пиво в медный чайник. В этот момент в дом вошел крестьянин, весьма удивленный тем, что он увидел и услышал. «Слушай, мать, — произнес он. — Я расскажу тебе то, что со мной произошло». Тролль тут же превратился в слух. «Когда я проходил

мимо Хиулехёя, там шел большой праздник. Но когда веселье совсем разгулялось, в горе раздался крик, что Скотте упал в огонь». Услышав это, стоявший у бочонка с пивом тролль буквально остоленел, пиво полилось на пол, чайник выпал из его рук, а сам тролль стремительно, как только мог, выскочил из дома через окно. Из-за этого шума хозяин дома быстро обнаружил, что произошло с бочонком пива. Найденный медный чайник оставили как плату за разлитое пиво.

КОРОЛЬ ПИППЕ МЕРТВ!

Между Нордборгом и Сондерборгом, на острове Альс, есть гора под названием Стаккельхёй, которая в прежние времена была населена множеством подземных жителей, особенно известных частыми набегами на погребов крестьян. Однажды, когда один крестьянин поздно вечером переходил через Стаккельхёй, направляясь в Хагенберг, он услышал, что кто-то в горе воскликнул: «Король Пиппе умер!» Эти слова остались в его памяти. В это же время один тролль из Стаккельхёя нанес визит в дом другого крестьянина в Хагенберге, чтобы нацедить пива в серебряную кружку, которую принес с собой. Тролль как раз сидел, приложившись щекой к бочонку, когда первый крестьянин вошел в дом и сказал его хозяину, что, проходя через Стаккельхёй, он услышал, как какой-то голос в горе воскликнул: «Король Пиппе умер!» Тут тролль в страхе воскликнул: «Неужели король Пиппе скончался?» и бросился вон из дома с такой поспешностью, что забыл свою серебряную кружку.

ТРОЛЛЬ В МАЕХРЕДЕ

В Маехреде около Праестё местный кузнец однажды работал в кузнице. Внезапно он услышал за стеной громкие стоны и сильные рыдания. Выглянув из двери, он увидел тролля, который гнал перед собой беременную женщину и без перерыва кричал: «Еще немного! Еще немного!» Увидев это, кузнец шагнул вперед, не выпуская из рук раскаленного докрасна железа, и преградил им путь троллю, так что тому пришлось оставить свою жертву и бежать. Кузнец взял женщину под свою защиту, и она вскоре родила двух сыновей. После этого он отправился к ее мужу, думая, что тот оплакивает ее исчезновение. Но, войдя в свой дом, он увидел в кровати какую-то женщину, в точности похожую на роженицу. Кузнец сразу понял, как обстоят дела, схватил топор и зарубил ведьму, не дав ей подняться. Пока муж оплакивал свою мнимую утрату, кузнец привел к нему настоящую жену вместе с двумя только что родившимися детьми.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЁКСНЕБИЕРГА

В Ролфстеде есть гора, называемая Ёкснебиерг, мимо которой протекает речка. Между горой и речкой можно видеть дорожку, протоптанную среди колосьев. Согласно свидетельству трех крестьян, которым довелось провести ночь на горе, эту дорожку проложил «человек из Ёкснебиерга», который выезжает каждую ночь на пятнистой серой лошади, чтобы выкупать ее в реке.

С горы дорожка идет к колодцу, что находится в саду в Бакеструпе. Дорожка проходит через проломанную изгородь. Эта изгородь, сколько бы ее ни латали, всегда снова оказывается на следующий день проломанной. Хозяйка дома, что стоял у колодца, постоянно болела. Тогда, следуя совету, хозяин дома забросал колодец землей и вырыл новый в другом месте. С этого времени хозяйка восстановила свое здоровье, а дыру в заборе больше никто не проделывал.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

В одном доме по соседству с Ёстрелом, что находится между Аальборгом и Тистедом, хозяева дома заметили, что приготовленное на обед мясо всегда исчезает удивительно быстро, сколько бы его ни нажарили. Они посоветовались со своим слугой — который был знающим парнем, — о том, что им делать. Парень знал, что соседняя гора населена множеством маленьких троллей, и решил, что, возможно, они имеют к этому отношение. Слуга решил проверить свою догадку. На следующий день, когда обед был почти готов, он отправился к горе и, приложив к ней ухо, услышал в глубине сильную суматоху. Наконец, он услышал, как один тролль говорит другому: «Дай мне мою шляпу, обед готов». Услышав это, слуга тоже крикнул: «Дай мне мою шляпу», на что получил ответ: «Здесь нет шляп, кроме старой отцовской». «Она подойдет», — сказал слуга, и из горы немедленно вылетела шляпа. Надев ее на голову, слуга заметил, как тролли большой толпой выходят из горы и бегут к дому его хозяина. Он поспешил за ними и, когда вошел в дом, увидел, что тролли расселись за столом и начали угощаться блинами, которые поставила на стол хозяйка. Хозяин дома тоже сидел за столом и ел блины; однако они исчезли буквально за несколько секунд. Недовольный тем, что ничего больше не осталось, один из маленьких троллей залез на стол и показал пальцем на пустое блюдо. Увидев это, слуга схватил нож и нанес бесстыдному маленькому созданию удар ножом, от которого тот громко вскрикнул, и все тролли разбежались. После этого слуга снял с головы шляпу, позвал свою хозяйку и всех слуг в доме и спросил их, видели ли они кого-нибудь. Они ответили, что слышали, как хлопнула дверь, а еще крик, но ничего не видели.

Вечером, когда слуга отправлялся ко сну, он услышал, как ведро в колодце опустилось, а потом поднялось. После того он надел шляпу, отправился во двор и увидел, как тролли поят своих маленьких лошадей. Он спросил их, хотят ли они повторения того, что они получили в обед? Тролли начали умолять, чтобы он разрешил им напоить своих лошадей из колодца, поскольку на горе воды нет. Слуга позволил им это сделать, при условии, что они никогда больше не будут воровать еду.

На следующее утро слуга нашел у колодца два слитка золота. И с этого дня хозяйка больше не боялась, что ее обед съедят незваные гости.

ЭЛЛЕВИЛЬДЕ ИЛИ ОДЕРЖИМЫЕ ЭЛЬФАМИ

Неподалеку от Эбелтофта, когда один молодой пастух присматривал за скотом, к нему подошла прекрасная девица, которая спросила его, не хочет ли он поесть или попить. Однако он заметил, что дева старается не повернуться к нему спиной, и решил, что она — эльфийка, потому что эльфы позади пустые. И потому он не стал с ней разговаривать и попытался от нее избавиться. Когда она заметила это, то открыла перед ним свою грудь, чтобы пососал ее. Пастух не имел сил отказаться от такого предложения. После этого он потерял власть над собой и позволил ей уговорить себя. Парень отсутствовал три дня. Родители уже начали оплакивать свою потерю, поскольку были уверены в том, что его кто-то приманил. Но на четвертый день отец увидел, как его сын идет вдалеке, и приказал жене как можно быстрее поставить на огонь сковородку. Вскоре после этого сын вошел в дом и сел на лавку, не произнося ни звука. Ничего не стал говорить и старик, делая вид, что ничего не произошло. После этого мать поставила перед сыном мясо, и отец предложил сыну поесть. Но тот даже не притронулся к пище, сказав, что знает, где может найти угощение повкуснее. Хозяин дома рассердился, взял тяжелую

палку и снова приказал ему есть мясо. После этого парень принялся за мясо — и как только попробовал его, то тут же начал с жадностью поедать, после чего погрузился в глубокий сон. Он проспал столько дней, сколько длилось колдовство, и когда проснулся, то не помнил, что с ним произошло.

БРУДЕХЁЙ, ИЛИ ГОРА НЕВЕСТЫ

Около Борбиерга, в епархии Риббе, была гора, называвшаяся Брудехёй, или Горой невесты. Утверждают, что это название гора получила после следующего события.

Когда король Кнут Великий занимался возведением церкви в Борбиерге, в вышеупомянутой горе жил вредоносный тролль, который каждую ночь сносил то, что было построено днем, так что работа никак не могла быть завершена. В связи с этим король заключил соглашение с троллем, пообещав ему первую девушку, которая придет в церковь, в качестве невесты. После этого строительство пошло быстро и скоро было завершено. При первой возможности тролль схватил невесту и утащил ее в гору. С этого времени этого места все так боялись, что все свадебные пары по пути к церкви Борбиерг объезжали гору за милю.

В составленном Рейерсеном описании церкви Св. Бенкта в Рингстеде об этом союжении рассказывается следующее: «Есть два входа в церковь: большие ворота в северной капелле, через которые люди обычно проходят в церковь, — и маленькие, на той же стороне, у конца здания, через которые проносят мертвецов и только что окрещенных детей. Там же проходят все повенчанные в церкви пары. Они никогда не выходят через большие ворота, по причине, которую никогда не упоминают». В Скандии есть также Невестина гора, в которую однажды тролль по имени Гиллеберт утащил невесту; посему ни одна невеста не проезжает мимо этой горы.

ГАНС ПУНТЛЭДЕР

На поле возле Буббельгаарда в Фиене было три холма, которые получили название «Дандзе-хёйе» из-за следующего события. В Буббельгаарде жил молодой слуга по имени Ганс, который однажды вечером проходил через упомянутое поле. Вдруг он увидел, что один из холмов поднялся на красных колоннах¹²² и что под ним танцуют и поют. Пораженный красотой представления, он стал подходить все ближе и ближе, и наконец, самая красивая из девушек встала рядом с ним и оделила поцелуем. С этого момента Ганс утратил власть над собой и стал столь безумным, что разорвал свою одежду в клочья. Впоследствии ему сшили одежду из одной лишь кожи (*puntlaeder*), которую он был не способен разорвать. По этой причине после этого его стали звать Ганс Пунтлэдер.

ОПОЗДАВШАЯ НЕВЕСТА

Некогда во время свадьбы в Норре-Броби, около Оденсе, невеста во время танцев покинула дом и, не помня себя, направилась к холму на соседнем поле, где в это время танцевали и пели эльфы. Дойдя до холма, она увидела, что тот поднялся и стоит на красных колоннах. В это же мгновение из холма вышел эльф, который протянул ей чашу с вином. Она взяла чашу и опорожнила ее, после чего ей захотелось танцевать. Когда танец закончился, она вспомнила о молодом муже и поспешила домой. Явившись туда, она обнаружила, что все вокруг изменилось. Войдя в деревню, она не узнала ни своего

дома, ни хозяйства. Не было и никаких признаков шумной свадьбы. В конце концов она остановилась перед домом своего мужа, но когда вошла в дом, то никого не узнала — и никто не узнал ее. Лишь одна пожилая женщина, услышав причитания невесты, воскликнула: «Так это ты сто лет назад исчезла со свадьбы брата моего деда?» После этих слов опоздавшая вернуться невеста упала и тотчас скончалась.

БОНДЕВЕТТЕ

На Борнхольме некогда жил крестьянин по имени Бондеветте, который, как рассказывают, был сыном русалки. Говорили, что его отец однажды встретил на берегу моря русалку и переспал с ней. При расставании она сказала ему: «Через год ты должен вернуться, и тогда ты найдешь здесь своего сына, который выгонит троллей и горных духов». Все оказалось точно так, как она сказала, и когда этот человек вернулся на берег через год, то увидел там ребенка. Отец взял его с собой, вырастил и назвал Бондеветте, поскольку его отец был *bonde*¹²³, а его мать — *vette*¹²⁴. Когда ребенок вырос, он стал большим и сильным, мало того — он стал *synsk*, то есть видеть невидимое другим. Когда крестьянин умер, Бондеветте унаследовал его хозяйство и женился.

Неподалеку от его дома была гора под названием Коршёй. Когда он однажды проходил мимо нее, то услышал, как тролли в горе, занимаясь резьбой по дереву, говорят: «Вырезай это, Снеф! Уже совсем похоже на жену Бондеветте». Его жена в это время как раз лежала в доме. И тролли хотели подложить вместо нее деревянную фигуру, а саму украсть. Так они и сделали: когда она лежала в кровати и вокруг нее сидели женщины, тролли принесли в комнату свою деревянную фигуру, забрали женщину из кровати и положили на ее место деревяшку. После этого им нужно было передать ее через окно другим троллям, которые стояли снаружи. Однако Бондеветте, умевший видеть невидимое, забрался на окно, взял свою жену и спрятал ее в доме, оставшись незамеченным другими женщинами. После этого он посильнее разжег печь, взял из постели деревянную фигуру и сунул ее в печь, где она немедленно вспыхнула и быстро сгорела. Остававшиеся в доме женщины, которые сидели в доме, закричали от страха, решив, что Бондеветте сжег собственную жену. Но он их немедленно успокоил, показав, где она находится.

В другой раз, когда он проходил мимо Коршёя, он услышал, как тролли в холме говорили: «Завтра жена Бондеветте варит пиво, выйдем и украдем его». Вернувшись домой, Бондеветте приказал наполнить пивной котел водой и нагреть ее до кипения. После этого он сказал своим людям: «Куда я буду лить воду, там бейте дубинами». Когда тролли пришли с ведерком, подвешенном на железном пруте, чтобы взять пиво, Бондеветте пролил на них кипящую воду и ошпарил их; в то же время его люди стали бить троллей своими дубинками, хотя и не видели, куда бьют. От такого обхождения тролли бросились врассыпную, а заодно бросили ведро и железный прут. Этот прут Бондеветте передал в церковь; на нем как раз и висит церковная дверь.

Однажды, проходя мимо того же холма ночью, он увидел, как вокруг горки танцуют тролли. Увидев Бондеветте, они налили ему чашу и предложили выпить. Однако Бондеветте выплеснул содержимое через плечо, и часть жидкости попала на лошадь, опалив ее шкуру. Бондеветте поспешил прочь с чашей, которую он потом передал церкви. Впоследствии из этой чаши изготовлены потир и дискос. Рассказывают, что он продолжал досажать троллям, пока в конце концов они не устали от этого и не ушли из Коршёя.

ДОЧЬ ВЕЛИКАНА И ЗЕМЛЕПАШЕЦ

В Трёструп-Марке есть курган, в котором погребен великан. Об этом великане рассказывают, что у него была дочь гигантского роста и огромной силы. Проходя однажды по полю, она увидела человека, который пахал землю. Решив, что ей попалась забавная игрушка, она взяла пахаря с лошадьми и плугом и положила в свой фартук. Она принесла его к своему отцу и сказала: «Смотри, что я нашла в поле, когда разравнивала землю». Но ее отец ответил: «Отпусти их; со временем они нас прогонят»¹²⁵.

СВЕНД ФАЕЛЛИНГ

Свенд Фаеллинг был отважным бойцом. Родился он в Фаеллинге, в Ютландии. Долгое время он работал на ферме Аакиаер около Аархууса. В то время дороги были небезопасны из-за троллей и прочих подземных существ, которые испытывали враждебность ко всем христианам. Свенд взял на себя работу доставщика писем. Когда он однажды шел по дороге, к нему подошел тролль из Иелсхёя и попросил помощи в сражении с троллем из Борум-Эсхёя. Свенд Фаеллинг выразил свое согласие, думая, что он для этого достаточно смел и силен. Чтобы испытать его силу, тролль протянул ему толстый железный прут. Но сколь ни был силен Свенд, он оказался не в состоянии поднять его. Тогда тролль подал ему рог, предложив выпить из него. Отпив немного, Свенд смог поднять прут. Когда он отпил еще раз, прут оказался еще легче — а когда выпил весь рог, смог согнуть прут. Тролль сказал ему, что у него теперь сила двенадцати человек. После этого Свенд был готов выступить против тролля из Борум-Эсхёя. Тролль сказал, что на пути ему встретятся черный и красный бык, и что он должен напасть на черного и тянуть его изо всех сил от красного. Это Свенд и сделал, а впоследствии узнал, что черным быком был тролль из Борум-Эсхёя, а красным — тролль из Иелсхёя, от которого, в качестве награды, Свенд навсегда получил силу двенадцати человек — при условии, что никогда не будет рассказывать, как обрел такую силу. Но если Свенд все-таки проговорится, предупредил тролль, то его ждет наказание — он будет есть за двенадцать человек.

Скоро по всей стране разнеслась слава о силе Свенда Фаеллинга, тем более что он эту силу постоянно демонстрировал. О нем говорили, что, поругавшись с молочницей, он забросил ее на конек крыши дома. Когда о его подвигах сообщили владельцу Аакиаера, он приказал привести к себе Свенда Фаеллинга и потребовал от него рассказать о том, каким образом он сумел приобрести столь большую силу. Но Свенд хорошо помнил предупреждение тролля и поначалу отказывался — однако согласился, когда ему пообещали, что он будет есть и пить, сколько пожелает. С этого дня он ел и пил, сколько едят двенадцать человек. В Аакиаере до сих пор показывают горшок для варки мяса, который он ежедневно опустошал. Этот горшок называют мясным горшком Свенда Фаеллинга. В этом же месте, как утверждают, хранится большой двуручный меч в три с половиной метра длины, который когда-то ему принадлежал. Есть там также древний бук с большим кольцом, к которому он часто привязывал свою лошадь.

Согласно другим свидетельствам, Свенд Фаеллинг служил мальчиком на крестьянском дворе Сиеллевсков. Однажды он отвозил письмо в Риструп и подъезжал к дому уже вечером. Оказавшись возле горы Борум-Эсхёй, он увидел девушек-эльфиек, которые начали беспрерывно танцевать вокруг его лошади. Одна из девушек подошла к

нему, подала драгоценный рог для питья и предложила ему отпить. Свенд взял рог, но поскольку у него были сомнения в содержимом, выплеснул его за спину. Несколько капель попали лошади на спину, и на ней появились пятна от ожога. После этого Свенд торопливо спрятал рог за пазуху, ударил лошадь в бока и поскакал прочь со всей возможной скоростью. Девушки бросились за ним. Доскакав до мельницы Тригебранда, Свенд переправился через быстрый поток, чего эльфийки не могли сделать. Тогда девушки стали умолять отдать рог, обещая подарить взамен за это силу двенадцати человек. Поверив им, Свенд вернул рог и получил то, что ему обещали. Но вскоре он обнаружил большую неприятность — у него открылся аппетит двенадцати человек. Когда он вернулся домой вечером того же дня, люди только-только принялись пить рождественское пиво. Решив угоститься за его счет, они послали Свенда принести пива, сказав: «Свенд! Не сходишь ли ты и не принесешь нам пивка? Тогда нам можно будет не пить больше в это Рождество». Свенд ничего не сказал и отправился за пивом, но вернулся обратно, держа по бочонку в каждой руке и по бочонку подмышкой.

Около деревни Стеенstrup была гора под названием Хавбиерг, на которой доблестный Свенд Фаеллинг захотел сесть, чтобы вымыть руки и ноги в реке Сондерстранд, располагавшейся на расстоянии примерно восьмой части мили. В Хольмструпе крестьяне сварили для него мясо, которое принесли ему в огромных сосудах для пивоварения. Когда он умер, его похоронили в Далхёе, между Ломсом и Хольмструпом.

В древней датской балладе Svend Faelling's Kamp med Risen Свенд совершил паломничество в Рим и по возвращении посетил город под названием Хёвдингсё. Принцесса этого города сообщила ему, что земли вокруг опустошил великан, который питается только женщинами и детьми. Свенд вызвался выйти на бой с этим чудовищем, и к нему подвели несколько лошадей, чтобы он выбрал одну, способную его нести в предстоящем бою. Но лошади оказались слишком слабы или пугливы. Тогда он сказал, чтобы ему подвели ютландского коня, поскольку проходящий мельник сообщил, то у него есть ютландская лошадь, способная нести сразу пятнадцать нош зерна (skippund). Эта лошадь оказалась настолько могучей и дикой, что сбрасывала с себя любого, кто пытался на нее сесть, пока пятнадцать дев не связали для него подпругу из шелка и золота в семь эллей длиной, четверть элля толщиной и пять пядей шириной, после чего конь был укрощен. Свенд в конце концов убил великана¹²⁶.

В церкви Борберга, в епархии Риббе, хранится удивительный алтарь, украшенный фигурами из алебаstra, относящимися к истории Свенда Фаеллинга, победившего, согласно датским хроникам, гиганта, пожиравшего женщин и девиц. Среди фигурок есть датская лошадь, несшая на себе пятнадцать мешков зерна, которую мельник дал Свенду Фаеллингу. Среди фигурок изображены также отрезанная голова великана, девы, связавшие прочную подпругу, и священник, отпустивший грехи Свенду Фаеллингу перед тем, как он выехал на бой¹²⁷.

АЛТАРНЫЕ ЧАШИ

В Холбекском амте (округе), в Зеландии, между Марупом и Аагерупом когда-то стоял большой замок, развалины которого можно и сейчас видеть на берегу. Легенды считают, что в замке этом хранятся великие богатства, и спящий под землей дракон сте-

режет сокровища трех королей. Здесь нередко видели подземных жителей, и особенно часто — в праздничные дни: они часто танцевали и веселились на берегу.

Однажды в канун Рождества один человек из Аагерупа попросил своего хозяина разрешить ему сходить посмотреть на праздник троллей. Хозяин разрешил ему взять лучшую лошадь в конюшне. Доехав до нужного места, слуга, сидя на лошади, стал наблюдать за весельем — и пока он смотрел на танцы троллей, к нему подошел маленький тролль, который предложил спуститься с лошади и принять участие в празднике. Другой тролль взял лошадь под уздцы и держал их, пока слуга не спустился. Слуга танцевал всю ночь, а когда наступило утро, поблагодарил за гостеприимство и поднялся на свою лошадь. Тролли пригласили его посетить их снова на следующий год, когда будет новый праздник. После этого девы поднесли ему большую чашу с просьбой отведать из нее. Но слуга почувствовал недоброе и, сделав вид, что поднимает чашу к губам, выплеснул жидкость за плечо, так что капли попали на спину лошади, где тут же появилось пятно от ожога. Ударив лошадь в бока, он поскакал прочь с чашей в руке по пашне. За ним бросились все тролли. Но им было трудно бежать по бороздам, и они все время кричали: «Беги по ровной земле, а не по неровной!» Но он скакал по пашне, пока не добрался до деревни. Только после этого он выбрался на ровную дорогу. Однако тут же тролли начали его догонять. Чувствуя, что развязка близка, слуга обратился с молитвой к небесам и пообещал в случае спасения подарить чашу церкви. Добравшись, наконец, до церковного двора, он бросил чашу через стену, чтобы она в любом случае оказалась в безопасности. После этого его лошадь ускорила шаг и влетела в деревню. Когда тролли почти его догнали, он проскочил в ворота своего дома, и другой слуга захлопнул за ним ворота. Теперь он был в безопасности, но тролли были так разъярены, что притащили огромный камень и швырнули его в ворота с такой силой, что четыре доски отлетели. От этого дома с тех пор не осталось и следа, но камень продолжает лежать в деревне Аагеруп. Чашу отдали церкви, а слуга получил в награду лучшее крестьянское хозяйство в поместье Эриксхолм.

Следует заметить, что Уильям из Ньюбриджа, который жил в двенадцатом веке, рассказывает историю о слуге из Йоркшира, который однажды ночью вернулся домой и увидел открытый холм, в котором веселились множество фейри. Один из них предложил ему чашу, содержимое которой слуга вылил, уехав с чашей. Эта чаша была подарена Генриху I, который, в свою очередь, подарил ее Давиду, королю Шотландии. В конечном счете Вильгельм Лев подарил ее королю Генриху II. Следует вспомнить, что провинция Деири, где проходило действие легенды, было в основном населено выходцами из Северной Скандинавии¹²⁸.

В Шотландии до настоящего времени верят, что тот, кому хватит отваги, чтобы присутствовать на празднике фейри, а потом бежать от них с чашей, непременно обретет удачу в жизни, если ему удастся благополучно перенести чашу через бегущий поток. В Эденхалле, Камберданд, до сих пор бережно сохраняется кубок, который, как полагают, был унесен после праздника у эльфов человеком из древней фамилии Мусгрейв. Другие говорят, что кубок был унесен кем-то из их слуг — способом, который был описан выше. Преследующие тролли отстали, громко крича:

*«Если эта чаша разобьется или упадет,
Прощай, удача Эденхала!»¹²⁹»*

Между Северным и Южным Конгерселем есть две горы, одна из которых зовется Орнехей, а вторая — Киаерлингхей. Обе эти горы населяют тролли, которые враждуют между собой.

Однажды в канун Рождества один крестьянин из Южного Конгерслева сидел за столом, разговаривая со своим слугой. «Христиан, — спросил он, — как выглядит горный народец из Киаерлингбиерга?» «Как они выглядят? — переспросил слуга. — А почему ты хочешь это узнать?» Крестьянин сказал, что ему было бы интересно увидеть, как холм поднимается на четырех колоннах, а под ним начинается веселье. На это слуга ответил, что если ему позволят взять одноцветную лошадь, что стоит в конюшне, он отправится к троллям и узнает все, что следует — а также привезет знак, что он и в самом деле побывал у троллей. Крестьянин разрешил ему взять лошадь, и когда слуга доехал до нужного места, то увидел холм, стоящий на четырех колоннах — и большое празднество. Некоторое время он сидел тихо и только наблюдал — но когда настало время вернуться, он начал кричать: «Хоу! Вилдт! Хоу! Вилдт!», как обычно кричат заблудившиеся люди. Как только тролли заметили его, из горы вышел маленький мальчик с красной шапочкой на голове и предложил ему испить из золотой чаши. Слуга взял чашу, но выплеснул из нее жидкость и поспешил прочь во весь опор. Когда он проезжал мимо Орнебиерга, тролли его почти нагнали. Но те тролли, которые наблюдали за ним с горы Киаерлингбиерг, крикнули: «Скачи с твердой земли на пашню, и ты от них убежишь!» Слуга так и сделал — он покинул дорогу и поскакал по пашне и таким образом спасся, поскольку маленькие тролли были не в силах угнаться за ним по бороздам. Добравшись до дома крестьянина, слуга перекрестил ворота, лошадь, дверь и чашу, которую он все еще держал в своих руках.

Теперь он должен был рассказать своему хозяину все, что слышал и видел. Он рассказал, что всех троллей на Киаерлингхей зовут либо Видрик, либо Дидрик, так что во время праздника можно было слышать со всех сторон: «Твое здоровье, Видрик!», «Спасибо, Дидрик!», «Твое здоровье, жена Видрика!» «Спасибо, невеста Дидрика!» и тому подобное. В доказательство правдивости своей истории он вытащил дорогую чашу, которую взял у троллей. Эту чашу высоко ценили в доме и доставали только по особым случаям.

На следующий канун Рождества какой-то маленький человек в отрепьях пришел к дому и попросил у хозяйки разрешения переночевать. «Да, конечно, — ответила женщина, — иди в комнату и возьми что-нибудь, на чем будешь спать». После этого она приготовила ему отличный обед из белого хлеба с маслом и прочими угощениями, но нищий до всего этого даже не дотронулся. Вечером был приготовлен ужин, и хозяйка пригласила гостя к ним присоединиться, но нищий снова ничего не съел. «А что, если я предложу ему хорошего пива из красивой чаши?» — подумала про себя женщина. Она так и сделала, но как только нищий получил чашу, он тут же исчез вместе с ней, хотя дверь и была закрыта.

ТРОЛЬ ИЗ КРАСНОГО КАМНЯ

Однажды вечером один крестьянин, взяв собаку, поехал верхом мимо Красного камня — длинного утеса на острове Фуур в Лиимфиорде. В свете луны он увидел, как тролли выносят проветривать золотые и серебряные драгоценности на расположенные рядом пригорки. У крестьянина было с собой ружье, и он слышал, что если выстрелить три раза поверх вереницы троллей, они вернутся в холм, побросав свои вещи. Выстрелив три раза,

он не стал дожидаться утра, а по жадности своей поторопился побросать драгоценности троллей в мешок и поспешил отъехать. Переезжая через реку, он услышал, что что-то тяжело пыхтит за его спиной. Обернувшись, он увидел маленького человечка с длинной бородой верхом на лошади, ростом не больше кота, но без головы — и миниатюрную собачку позади всадника. Крестьянин тут же смекнул, что это был тролль из Красного камня. «Не хочешь ли ты, чтобы твоя лошадь потягалась с моей?» — спросил человечек. «Нет, помилуй Бог!», — ответил крестьянин. «А твоя собака с моей?» — «Нет, помилуй Бог» — ответил крестьянин. «А хочешь ли ты сам помериться силами с таким малышом, как я?» — «Нет, помилуй Бог!» Крестьянин ударил свою лошадь хлыстом, чтобы она скакала так быстро, как только могла. Когда он прискакал к дому и остановился в дверях, что-то зашипело и забушевало снаружи, а дом словно запылал. Поняв, что он имеет дело с колдовством, крестьянин взял мешок с сокровищами и выбросил его за дверь. Тут чары с дома спали, и какой-то голос за стеной произнес: «С тебя достаточно!» На следующее утро он нашел тяжелую серебряную чашу, которая упала за полку шкафа.

ПЕРЧАТКА ТРОЛЛЯ

Около Хвидовре, в Зеландии, стоит большая гора, в которой обитали тролли. Каждую ночь они выходили из горы и шли к реке через соседнее крестьянское хозяйство набрать воды. Их следы всегда можно было легко найти в траве. Однажды утром, когда крестьянин отправился на свое торфяное поле, он нашел на дорожке перчатку, столь большую, что в ее большой палец мог поместиться бочонок ржи. Когда он принес перчатку домой, все были удивлены этому, и было решено, что эта перчатка принадлежала троллю. На следующее утро, когда крестьянин еще спал, его разбудил сильный стук в окно, за чем последовали слова:

«Vante, Ven!
Giv mig min Vante igien;
Ellers ligge to af dine Heste,
De störsste og de bedste,
Döde imorgen paa Mosen!»

*Перчатку, друг!
Отдай мне перчатку.
В противном случае лягут твои лошади,
Самые большие и лучшие,
Умрут завтра на вересковой пустоши.*

После этого крестьянин взял перчатку, вышел из дома и положил ее снаружи на подоконник. После этого он перекрестил дверь и снова вошел. Утром перчатка исчезла, а подоконник оказался оторванным. С этого времени об эльфах в этих краях больше не слышали. Дорожка начала зарастать и заново ее никто не протапывал.

Представление о гигантской перчатке, по всей видимости, восходит к Скримиру из легенды о Торе и Удгарда-Локи.

ОБМАНУТЫЙ ТРОЛЛЬ

Крестьянин, у которого был на поле небольшой холм, решил распахать его. Тогда обитавший в горе тролль вышел и спросил — кто это, мол, смеет пахать у него на крыше. Крестьянин ответил, что он не знал, что это крыша, и объяснил, что нельзя столь большой участок земли оставлять неводеланным и что он хочет вспахать эти земли, после чего сеять и жать на них каждый год. Крестьянин предложил троллю, что в один год

он заберет себе вершки, а троллю оставит корешки, а в другой год поступит наоборот. Тролль согласился на это. Крестьянин в первый год посеял морковь, а на следующий год зерно. Так что троллю досталась в первый год ботва моркови, а во второй — корни зерновых. С этого времени между ними всегда были хорошие отношения.

РЕГИНАЛ

Один крестьянин обеднел, потому что не мог держать коров, которые в его доме постоянно погибали. У них оказывались переломанными шеи. Тогда крестьянин решил продать свой дом и уехать. Когда новый владелец как-то вечером вошел в коровник и убедился, что все выглядит нормально, он воскликнул: «Добрый вечер, Регинал!» Ему ответил голос: «Что такое? Ты знаешь меня?» — «Да, я знаю тебя много лет». «Если, — сказал тогда тролль, который обитал под коровником, — ты передвинешь свой коровник на другое место, то станешь богатым человеком. Мой дом находится под коровником, и навоз каждый день падает на мой стол, так что мне приходится ломать шеи коровам». После этого крестьянин убрал коровник, и через некоторое время сильно разбогател.

Аналогичную легенду можно услышать в Шотландии. «Шотландские фейри так же иногда живут под землей, прямо под домами людей — как принято говорить, “под порогом”. По этой причине они иногда входят в контакт с людьми, одалживая у них какие-либо вещи или давая займы, а также совершая подобного рода услуги. В таком случае их часто называют добрыми друзьями, и они тайно помогают людям во всех делах. В легенде о сэре Годффри Маккуллохе есть интересный пример такой помощи.

Когда этот джентльмен, проживавший в Галлоуэе, выехал на коне подышать воздухом, около его же собственного дома ему внезапно встретился маленький старичок в зеленой одежде, сидевший на белой лошади. После взаимных приветствий старик сообщил сэру Годффри, что живет под его домом и имеет к нему много претензий, поскольку уборная находится прямо над его спальней. Сэра Годффри удивила странная жалоба, однако, вспомнив, с кем имеет дело, он с большой любезностью уверил старика, что перенесет уборную в другое место. По возвращении он отдал соответствующее распоряжение. Несколько лет спустя сэр Годффри имел несчастье убить в драке джентльмена из соседней деревни. Его арестовали, допросили, а потом приговорили к смерти. Эшафот, на котором предстояло скатиться с плеч его голове, был поставлен на Замковом холме в Эдинбурге. Однако едва Годффри оказался на месте казни, сквозь толпу протиснулся старик на белой лошади. Следуя его приказу, сэр Годффри вскочил на лошадь, после чего “добрый сосед” ударил лошадь пятками в бока и направил ее по крутому берегу — и больше ни его, ни преступника никто не видел»¹³⁰.

Одна женщина возвращалась однажды поздно ночью с посиделок. Тут к ней подбежал хорошенький маленький мальчик и произнес: «Возьми таз с грязной водой и выплесни за порог; это погасит наш пожар»¹³¹.

ГИЛЛИКОП

Один ютландец, получив власть над маленьким троллем, не знал, как поступить с ним и решил сделать из него христианина. Замыслив это, крестьянин посадил тролля в телегу, намереваясь отвезти его в церковь и крестить. Сидя на телеге и вглядываясь

вперед, крестьянин услышал, как голос на дороге громко произнес: «Куда собрался, Гилликоп?», на что тролль с телеги ответил: «В долгий путь, Слангероп! Чтобы окунуться в небольшой водоем и стать лучшим человеком».

ТРОЛЛИ ХОТЯТ СПАСЕНИЯ

Однажды ночью ехавший из Хиорлунде в Ролскильде священник оказался возле холма, из которого доносились музыка и звуки веселья. В это мгновение несколько карликов выскочили из своей горки, остановили телегу священника и спросили: «Куда едешь?» «В Ландемодэ», — ответил священник. Тогда они спросили его мнения о том, спасутся ли они? На это священник ответил, что не может этого знать в данный момент. Тогда они назначили ему новую встречу через год. Тем временем неладно получилось с кучером священника: он проезжал мимо холма, телега перевернулась, и он погиб. Когда священник снова оказался возле холма через год, тролли задали тот же вопрос, и он ответил: «Нет! Все вы прокляты!» Не успел он произнести эти слова, как вся гора вспыхнула огнем.

Аналогичную историю рассказывают о ноке. В ирландской легенде, которая называется «Ужин священника», один рыбак по просьбе фейри спросил у остановившегося в его доме священника, спасутся они в день Страшного суда. Священник сказал рыбаку, что ответит фейри лично — но они отказались прийти, и вопрос остается без ответа¹³².

ТРОЛЛЬ БОИТСЯ КРЕСТА

Около Аархууса когда-то жил кузнец, который однажды, по дороге в церковь, увидел тролля, который пытался убрать с дороги кучу углей и кучу соломы, но безуспешно. Тролль обратился к кузнецу с просьбой ему помочь и унести солому. Но кузнец хорошо знал троллей, он перекрестил обе кучи и после этого забрал все с собой, несмотря на крики тролля. Позднее, когда он пришел домой, обнаружилось, что то, что выглядело как солома, на самом деле было богатством, над которым тролль больше был не властен.

ТРОЛЛЬ БОИТСЯ ГРОЗЫ

Подземный народец чрезвычайно боится грозы; когда тролли видят, что собирается гроза, они немедленно прячутся в свои холмы. Как следствие этого страха, они не выносят грохота барабанов, которые, по их мнению, являются разновидностью грозы. Таким образом, чтобы избавиться от них, можно каждый день бить в барабан около их холма, тогда они в конце концов соберут свои пожитки и отправятся искать более тихое место.

Один крестьянин как-то жил в хорошем соседстве с одним троллем, чей холм располагался на поле крестьянина. Когда его жена родила, крестьянин был несколько озадачен тем, что не может пригласить тролля на празднование этого случая — этим он испортил бы свою репутацию у священника и сограждан. Не зная, что предпринять, он попросил совета у своего свинопаса, который был ловким парнем и не раз помогал в трудных ситуациях. Свинопас сказал, что он уладит дело с троллем, чтобы тот не только не почувствовал себя обиженным, но и сделал подарок. Выполняя свой план, он взял мешок, пошел к холму и постучал по нему, после чего его впустили. Затем от име-

ни своего хозяина он пригласил тролля оказать ему честь присутствием на празднике в честь рождения ребенка. Тролль поблагодарил и сказал: «Тогда я должен принести подарок». Он открыл свой шкаф и попросил свинопаса подержать мешок, после чего начал наполнять мешок деньгами. «Этого достаточно?» — спросил он. «Многие дают больше, кое-кто дает и поменьше», — ответил свинопас. Тогда тролль добавил денег в мешок, а потом снова спросил: «Этого достаточно?» Свинопас приподнял мешок, пробуя, сумеет ли донести его, и ответил: «Большинство дает столько же». После этого тролль вывалил из ящика все остальные деньги и спросил: «А сейчас достаточно?» Свинопас решил, что больше он не унесет, и ответил: «Никто не давал больше, большинство дали меньше». «Хорошо, — произнес тролль, — а теперь скажи, кто еще приглашен». «Так, — сказал свинопас, — у нас важные персоны: во-первых, три священника и епископ». «Ух! — буркнул тролль. — Такие важные господа только и думают, как бы поесть и попить; они, похоже, меня и не заметят. А еще кто будет?» — «Будет Дева Мария». «Ух! Ух! Но я спрячусь где-нибудь за печкой. Так, кто будет еще?» — «Кроме того, наш Господь будет там». «Ух! Ух! Ух! Такие высокие гости приходят поздно и задерживаются недолго. А что за музыка у вас будет?» — «Барабаны», — ответил свинопас. «Барабаны, — вздрогнув, повторил тролль. — Нет, спасибо, я останусь дома. Поприветствуй от моего имени своего хозяина и поблаговари за приглашение, но я не приду, потому что однажды, когда я решил немного прогуляться, люди забили в барабаны, и когда я поспешил прочь и добрался до своих дверей, они бросили в меня барабанную палочку и сломали мне ногу. С этого времени я хромаю и ненавижу такую музыку!» С этими словами он помог слуге поднять мешок на плечи и снова попросил его поздравить своего хозяина.

Страх, который испытывает тролль перед грозой, относится ко времени язычества. Тор, бог грозы, был смертельным врагом троллей.

ТРОЛЛИ НЕНАВИДЯТ КОЛОКОЛА

В Егенс-Марке однажды появилось множество карликов. Все они были одеты в серые безрукавки, а на голове у них были красные шапочки. Кроме того, они были горбаты и обладали длинными крючковатыми носами. И повсюду, где бы ни появлялись эти карлики, они производили опустошение в кладовых. Избавиться от гостей оказалось непросто — пока один набожный и опытный человек не посоветовал повесить колокол на башне церкви Эбельтофт. Когда это было сделано, люди больше не видели троллей.

Британские корриганы также не выносят колоколов.

Некий тролль много лет привольно прожил в Дисхёе, поскольку в то время по соседству не было церквей. Но когда, наконец, церковь была построена, и ее колокол на башне прозвонил в первый раз, тролль вскочил на лошадь с золотыми подковами и поспешил к своему соседу-крестьянину. Вручив ему ключ от своих сокровищ, он сказал, что должен уезжать. На следующий день крестьянин отправился к холму, чтобы забрать сокровища. Он нашел дверь и от радости воскликнул: «Вот что у меня теперь есть!» В это же мгновение дверь исчезла вместе с ключом.

Один крестьянин увидел тролля, в глубокой грусти сидевшего на камне между Мул-лерупом и Далби. Поначалу крестьянин решил, что перед ним христианин, и спросил, куда он идет. «Я ухожу из этой страны, — ответил тролль, — поскольку теперь никто из нашего народа не может оставаться здесь из-за звона колоколов».

ТРОЛЛИ ПОКИДАЮТ ВЕНДСИССЕЛЬ

Однажды вечером незнакомец подошел к переправе Сундби и договорился со всеми перевозчиками о том, что те всю ночь будут перевозить с одного берега на другой некий груз, о котором не будут спрашивать. Незнакомец сказал, что груз находится в половине мили восточней Сундби. В назначенное время незнакомец был уже на месте. Перевозчики взялись за дело, но при погрузке стали замечать, что их лодки постепенно погружаются в воду, из чего заключили, что взяли на борт очень тяжелые вещи. Всю ночь лодки доставляли эти тяжести на другой берег, и всякий раз незнакомец оказывался на месте и отдавал свои распоряжения. Утром перевозчики получили оговоренное вознаграждение и попытались узнать, что все-таки они переправляли, — но ответа не получили. Однако среди перевозчиков был один ловкий парень, который знал побольше остальных. Спрыгнув на берег, он взял ком земли из-под своей правой ноги и положил в свою шапку. Снова надев шапку, он увидел, что все песчаные холмы к востоку от Аалборга полностью покрыты маленькими троллями, у которых на головах красные остроконечные шапочки. С этого времени в Вендсисселе больше не видели ни одного карлика.

НАРОД ЭЛЬФОВ ПОКИДАЕТ АЕРЁ

После того как мельник из Дункиаера несколько раз побеспокоил подземных жителей Эллесхёя и несколько раз перепахал их холм во всех направлениях, они решили оставить эти края и перебраться в Норвегию.

Однажды к бедному шкиперу пришел маленький человечек и спросил — раз у шкипера нет работы, то не взял бы он на себя командование кораблем? Шкипер ответил, что охотно возьмет, — но когда человечек провел его по берегу Гравендаля и показал ему старое, выброшенное на берег судно, шкипер отказался, сказав, что на такой развалине нельзя выходить в море. Человечек ответил, что дает шкиперу право нанять моряков, а сам приведет в порядок судно — и предложил встретиться на том же месте через три дня. Шкипер никак не мог набрать моряков, поскольку все лишь смеялись над ним, едва узнавали о том, что им придется плыть на развалине из Гравендаля. В конце концов он встретил нищего парня, который в надежде хотя бы поесть согласился поступить на этот корабль.

На третий день шкипер и его помощник пришли в Гравендаль, где нашли корабль стоящим на якоре; только вместо парусов у него были тряпки. Поскольку ветер был сильным, они немедленно отплыли. Во время плавания шкиперу захотелось узнать, что за груз они несут на борту. Заглянув в люк, он заметил, что в трюме полно крыс и мышей. Однако человечек снял со своей головы шляпу и надел ее на голову шкипера, который после этого обрел другое зрение и увидел множество маленьких эльфов в дорожных одеждах — а также большое количество золота и серебра, которое они взяли с собой.

По прибытии в Норвегию человечек произнес: «Отправляйся на берег, я разгрузу корабль». Шкипер так и сделал, и когда он вернулся, корабль оказался пустым. Чело-

вечек предложил шкиперу прийти через три дня, чтобы перевезти еще один груз. Когда шкипер выполнил и это поручение, старик велел ему следовать за ним и взять два мешка. «Теперь тебе следует заплатить за труд, — произнес он и стал наполнять один мешок опилками, а второй углем. «Дай своему помощнику его долю», — сказал старик и исчез. Шкипер совсем не обрадовался такой плате. «Да, — пробормотал он, — теперь мы разбогатели». Когда шкипер и его помощник подняли паруса и вышли в море, шкипер произнес: «Эй, парень, завари нам немного чая». «Да, хозяин», — ответил парень, — но у меня нет топлива. «Возьми немного опилок из мешка». — «Хозяин, там что-то блесстит!» — воскликнул парень. «Что блесстит? — спросил шкипер. — Возьми из другого мешка». «Хозяин, и там что-то блесстит!» — снова воскликнул парень. Тогда шкипер заглянул в мешки и обнаружил, что один полон золотых монет, а другой — серебра. По возвращении они разделили между собой сокровища и стали состоятельными людьми.

Легенды Северной Германии об отъезде «маленького народца» схожи с уже приведенными в основных деталях, за исключением того, что в них переправа осуществлялась через реки Эйдер, Везер и Аллер¹³³.

ТРОЛЛИ БРОСАЮТ КАМНИ В ЦЕРКВИ

Перед тем как покинуть страну из-за постоянного звона церковных колоколов, тролли пытались разрушать возводимые церкви. Существует много преданий о том, как за ночь они разрушали всю сделанную за день работу, особенно если церковь строилась поблизости от их жилища. Кроме того, по всей стране рассказывают многочисленные легенды, повествующие о том, как тролли бросали огромные камни в уже построенные церкви; этими легендами тогда объясняли наличие большого числа камней в местах, куда человек не был в состоянии их доставить.

НИССЕ ИЛИ НИСС

В одном доме в Ютландии долгое время обитал ниссе. После того как служанка отправлялась спать, ниссе брал на кухне свою овсяную кашу, которую для него всегда оставляли в маленькой деревянной миске. Но однажды вечером, когда он взял овсяную кашу, то увидел, что служанка забыла положить в миску масло. Разгневавшись на это упущение, ниссе отправился в коровник и свернул шею лучшей корове. Но, почувствовав голод, он вернулся обратно и решил все же немного поесть. Взявшись за кашу, он обнаружил, что масло в миске есть, просто оно оказалось на дне. Ниссе обуяло раскаяние за то, что он сделал, и он снова направился к коровнику, чтобы положить рядом с мертвой коровой ящик, полный денег.

Похожую историю рассказывают в Голштинии, с той лишь разницей, что вместо ящика, полного денег, ниссе приводит корову, похожую на убитую им¹³⁴.

На одном крестьянском дворе в Зеландии жил ниссе, который охотно брался за любую работу, при условии, что ему на ночь оставят масло. Никакой другой платы он не требовал. Однажды утром, когда слуги отправились пахать, он пришел к крестьянину и попросил разрешения встать за плуг. Крестьянин решил, что ниссе слишком невелик для того, чтобы идти за плугом, запряженным четырьмя лошадьми, однако тот ответил:

«Я могу сесть на ухо одной лошади¹³⁵ и править всей четверкой. Я уже делал это». Тогда крестьянин согласился и впоследствии признал, что никогда не видел, чтобы лошадьми правили столь ловко. Со стороны зрелище это оказалось забавным, поскольку прохожие не видели, кто правит лошадьми, а только слышали доносящиеся до них крики: «Хип! Хоп! Быстрее, старые клячи! Вот я вас! Ну-ка, шевелитесь! Ну-ка, живее!» Когда крестьянин умер, ниссе не стал оставаться на ферме, а перебрался в поместье, где постарался жить так, чтобы его никто не замечал. По прошествии некоторого времени владелец поместья нанял работника, чтобы тот отмолотил сжатое зерно. Придя в амбар на первый день, тот ничего не сделал, но только сидел и смотрел на груды зерна; не больше он сделал и на второй день, и уже под вечер ниссе сказал ему: «Слушай, давай я помогу тебе». Кто станет отказываться от помощи, и работник договорился с ниссе, что каждый вечер будет давать ему миску овсянки с маслом. На следующее утро, когда работник пришел в амбар, ниссе уже намолотил кучу зерна. «Тебе нужно только до полдня порезать солому», — сказал ниссе и помог ему резать солому, так что работа скоро была закончена.

Тут работник сказал: «Но как нам отделить солому от ячменя?» «Сейчас покажу, — сказал ниссе. — Выйди наружу, заберись на крышу амбара и проделай в крыше большое отверстие. После этого мы легко отделим солому». Когда работник так и сделал, ниссе открыл все двери в амбаре, поднялся к отверстию, лег на живот, сунул голову в отверстие и громко крикнул — так, что солома разлетелась по всему двору. Выбежавший из дома хозяин рассердился: «Ты спятил, приятель! — сказал он. — Зачем ты так раскидал всю солому, которая нам потребуется зимой?» «Всего-то и делов? — сказал работник. — Раз ты хочешь, чтобы солома вернулась на место, все будет исполнено». После этого ниссе помог работнику собрать солому и занести ее внутрь амбара — все было сделано за какие-то полчаса. «Теперь иди к хозяину, — сказал ниссе работнику, — и скажи ему, что зерно обмолочено, а солома собрана. И пусть придет и измерит, сколько здесь бушелей. Но скажи ему, что он должен заплатить за каждый бушель зерна и соломы. А если он откажется, мы развалим его амбар». Когда работник изложил свое требование, хозяин расхохотался: «Хорошо, померяю, но я не настолько глуп, чтобы платить за солому столько же, сколько за зерно». Услышав этот ответ, ниссе сказал: «Не хочет платить — его дело! Но он останется без амбара». Выйдя наружу, они навалились на стену и амбар пошатнулся. Увидев это, владелец поместья выбежал во двор и сказал, что согласен на все условия. Так работник получил хорошую плату за труд и не забыл отдать ниссе принадлежавшую ему долю.

От ниссе трудно избавиться. Один крестьянин жил в доме, где часто проказничал ниссе, и шутки его настолько надоели крестьянину, что он решил покинуть дом. Погрузив в последнюю телегу оставшийся скарб — в основном пустые тазы, ящики и так далее, он решил проститься с домом — и, как он надеялся, и с ниссе. Но подойдя сзади к своей телеге, он с изумлением и огорчением увидел, что в одном из тазов ниссе, готовый его сопровождать. Естественно, крестьянин был крайне рассержен тем, что его старания оказались тщетными, но ниссе сердечно рассмеялся и, высунувшись из таза, произнес: «Итак, мы сегодня переезжаем».

Во многом напоминает ниссе йоркширский богарт, проделки которого заставили честного крестьянина перебраться на другое место. Когда пожитки уже были погруже-

ны в телеги, из вещей раздавался низкий полный добродетели голос: «Эй, эй, Джорджи, значит, бежим из прихода».

Таков и ирландский клурик. Чтобы избавиться от него, некий домовладелец решил переехать в другое место и погрузил в последнюю телегу пустые бочки и подобные им вещи. Он уже тронулся с места, когда из отверстия в бочке послышался голос одного из поганцев: «Мы здесь, хозяин! Мы здесь, все до единого!» «Что такое? — возмущился хозяин. — И вы тоже здесь?» — «Да, и не сомневайся, хозяин, все до единого!»¹³⁶

В приходе Альstrup некогда жил человек, у которого была красивая белая кобыла, которая много лет переходила от отца к сыну и была причиной того, что к дому привязался ниссе, а с ним и удача. Этот ниссе был настолько привязан к кобыле, что терпеть не мог, когда ее брали на работу, и каждую ночь кормил ее досыта. Поскольку обычно он приносил из соседнего амбара много зерна — дробленого и не дробленого, — то подкреплялся и остальной скот. Однако через некоторое время хозяйство перешло к новому владельцу, который не поверил тому, что ему рассказывали о кобыле, и продал ее бедному соседу. Уже по прошествии пяти дней купивший кобылу бедный крестьянин ощутил, что дела его пошли в гору, в то время как новый владелец фермы столкнулся с трудностями, а позднее стал едва сводить концы с концами. Если бы крестьянин, купивший кобылу, знал, чем объясняется его благополучие, то оставил бы своим детям большое богатство — но, увидев большое количество появлявшегося во всякую ночь зерна, захотел увидеть самого ниссе, и для этого спрятался в конюшне. В полночь он увидел, что ниссе идет из амбара соседа и несет с собой полный зерна мешок. Но когда ниссе понял, что за ним следят, он был глубоко оскорблен и, покормив кобылу в последний раз, повернулся туда, где спрятался крестьянин, и распрощался с ним навсегда. С этого времени дела в обоих хозяйствах пошли одинаково, поскольку каждый из крестьян пользовался результатами только своей работы.

О пристрастии ниссе к лошадям в Швеции рассказывают много легенд.

Ютландия некогда буквально кишела ниссе. В Восборге к ним относились с такой большой симпатией, что они проявляли большое прилежание и заботу о владельце дома, у которого поселились. Каждый вечер они получали сладкую овсяную кашу с большим куском масла, за что ниссе благодарили с большим рвением. В одну очень суровую зиму отдаленный коровник с шестью телятами завалило снегом настолько, что на протяжении двух недель к нему никто не мог подойти. Когда снег растаял, все посчитали, что телята умерли от голода — но оказалось, что все они полны сил и бодры. В стойлах было прибрано, а кормушки полны отличным зерном. Нетрудно было понять, кто позаботился о телятах.

Однако ниссе известны еще и тем, что мстят за оскорбление. Однажды, когда один из ниссе забрался на чердак коровника, доска под ним подломилась, и одна нога ниссе застряла. Сын крестьянина, находившийся в этот момент в коровнике, увидев ногу ниссе, схватил вилы и нанес по ноге сильный удар. В обед, когда все сидели за столом, мальчик радостно засмеялся. Когда его спросили, чему он радуется, он ответил: «Я здорово подшутил над ниссе сегодня утром. Я как следует треснул его своими вилами, когда он

просунул ногу сквозь пол чердака». «Ну, нет, — воскликнул ниссе из-за окна, — ты нанес мне не один удар, а три, поскольку у вил три зубца. Но я скоро тебе отомщу». На следующую ночь, когда мальчик уснул, пришел ниссе, схватил его и перебросил через дом, но при этом перебежал на другой конец дома так быстро, что поймал мальчика, после чего снова бросил его через дом. Эта игра продолжалась, пока мальчик не перелетел через дом восемь раз. В девятый раз ниссе позволил ему упасть в большую лужу воды. После этого раздался лошадиный смех, от которого проснулись все, кто был в доме.

В доме крестьянина в Ютландии жил ниссе, который каждый вечер в надлежащее время получал свою овсяную кашу, а днем помогал хозяину дома и его служанке, а также служил интересам хозяина в самых разных отношениях. Но однажды на службу крестьянину поступил проказливый парень, который не упускал удобного случая, чтобы как-то подшутить над ниссе. Однажды вечером, когда все отправились на отдых и ниссе взял свое маленькое деревянное блюдо, чтобы насладиться своей вечерней трапезой, он обнаружил, что парень спрятал масло на самом дне, чтобы ниссе съел овсяную кашу без масла, а потом лишь увидел масло. Тогда ниссе решил парню отомстить. Отправившись на чердак, где парень и еще один работник спали в одной кровати, он стянул одеяло и, увидев невысокого парня рядом с длинным работником, произнес: «Короткий и длинный не равны». Сказав это, он потянул парня за ноги вниз, чтобы они стали вровень с ногами работника. После этого он направился к изголовью кровати и потянул парня снова, произнеся те же слова. Но этот процесс не сделал парня столь же длинным, как работник. И потому ниссе продолжал работу по вытягиванию до рассвета. Когда он почувствовал, что утомился, то спрятался в подоконник. Увидев его, все собаки во дворе — собаки хорошо чувствуют ниссе — начали лаять, на что ниссе, который был вне их досягаемости, решил позабавиться, протягивая собакам то одну ногу, то другую. Дразня их, он произносил: «Посмотри на эту маленькую ногу! Посмотри на эту маленькую ногу!» Тем временем парень проснулся и прокрался позади ниссе, который продолжал дразнить: «Посмотри на эту и ту маленькую ногу!» Парень сбросил ниссе к собакам с криком: «А сейчас посмотрите на него с макушки до большого пальца ноги!»

В Северной Германии рассказывают аналогичную историю¹³⁷.

Скандинавский нисс идентичен шотландскому брауни, которого описывают как «несколько гротесковую фигуру, карлика по внешнему виду, но наделенного огромной физической силой... У хозяек дома принято оставлять им работу... Но если предложить брауни за это деньги или даже попытаться оказать им услугу, то это вызовет у них гнев и даже может привести к тому, что брауни навсегда покинут дом. В приходе Глендевон один добросердечный крестьянин однажды вечером оставил брауни одежду, после чего услышал, как ночью брауни пел нахальную песенку:

*«Дай брауни костюм, дай брауни шляпу,
И он не станет работать!»¹³⁸*

На этот счет можно привести много других легенд.

Наш собственный Добрый Робин также весьма чувствителен по этой части. См. отрывок из «Сумасшедшие проделки и веселые шутки Доброго Робина»¹³⁹.

Хилтон Халл, в долине Уэар, в стародавние времена был местом жительства брауни или домашнего духа по имени Каулд Лад. Чтобы от него избавиться, слуги положили для него зеленые плащ и колпак возле кухонного очага, после чего спрятались, чтобы понаблюдать. Они увидели, что Каулд Лад вошел на кухню, поглядел на новые одежды, примерил их и, по всей видимости, довольный, начал прыгать и скакать по кухне. При первом крике петуха он исчез, выкрикнув:

*Раз есть плащ и есть колпак,
Работать будет только дурак!*

После этого он никогда больше не появлялся на кухне¹⁴⁰.

Аналогичную историю рассказывает миссис Брей (в «Письмах к Саути») о девонширских пикси, один из которых, получив новую одежду, восклицает:

*Пикси весел и красив,
На работу не ретив.*

Похожи на брауни финнодери, обитавшие на острове Мэн.

КИРКЕГРИМ (ЦЕРКОВНЫЙ ГРИМ)

Ниссы водятся также и в церквях. Те ниссе, которых называют киркегримами, обитают либо в колокольнях, либо в другом месте церкви, где могут найти убежище. Киркегримы поддерживают порядок в церкви и наказывают за любой учиненный в ней скандал.

В церкви Соро есть большое круглое отверстие в крыше, в котором обитает ниссе этой церкви. Об этом отверстии рассказывают также, что в прежние времена через него вылетел нечистый, когда священник произносил при крещении: «Изыди, сатана!»

КИРКЕГРИМ И БЕРЕГОВЫЕ ВАРСЕЛЫ (СТРЭНДВАРСЕЛЫ)

Во времена, когда «берега моря не были еще освящены», проходить возле воды ночами по берегу моря было очень опасно из-за прибрежных варселов, которых тогда было очень много. Варселы являлись душами мертвецов, вынесенных волнами на берег и не погребенных. Однажды ночью один крестьянин шел по берегу к Таарбеку, когда внезапно ему на спину вскочил варсел и, вцепившись, крикнул: «Неси меня к церкви!» У крестьянина не было выбора, и он отнес варсела по самой короткой дороге к Гиентофту. Около деревни, у самой церковной стены, варсел спрыгнул с плеч крестьянина. Тут же навстречу ему выскочил киркегрим, и они принялись драться. Утомившись, они сели отдохнуть. Варсел спросил у крестьянина: «Я хорошо дрался?» Крестьянин ответил: «Нет». После этого сражение началось заново, и когда оба противника снова сели отдыхать, варсел спросил у крестьянина: «А теперь я хорошо дрался?» На что получил тот же ответ: «Нет». Сражение возобновилось, и варсел в третий раз спросил: «А теперь я хорошо дрался?» Крестьянин ответил: «Да». «Хорошо для тебя, что ты ответил так, — сказал варсел, — поскольку если бы ты ответил иначе, я бы сломал тебе шею».

В Ниверёде, когда одна женщина отправилась доить своих коров, она увидела выброшенный на песок труп, на котором оказался внушительный мешок с деньгами.

Поскольку никого рядом не было видно, она поддалась искушению взять деньги, на которые имела столько же прав, как и всякий другой человек. Но на следующую ночь в деревню пришел стрэндварсел и поднял под ее окнами большой шум, желая, чтобы она вышла и последовала за ним. Решив, что выбора у нее нет, женщина простилась с детьми и отправилась следом за варселом. Когда они вышли из деревни, варсел сказал ей: «Возьми меня за ногу и тащи к церкви». Ближайшая церковь находилась в трех четвертях мили. Когда церковь стало видно, варсел сказал: «Теперь я пойду сам. Ты иди в дом около церковных ворот. Ты поможешь мне перебраться через церковную стену, после чего беги прочь и побыстрее, чтобы киркегримы не схватили тебя». Женщина так и поступила, однако едва она помогла варселу перебраться через стену, как выскочил киркегрим и схватил ее за нижнюю юбку. Старая юбка порвалась, и женщина убежала домой без всякого для себя ущерба. С этого времени с ней все было хорошо, и она в довольстве жила на деньги, которые нашла на берегу.

ХИЛЬДЕМОЕР-ЭЛЬДЕР

В бузине обитают существа, которые называются хильдемоер (бузинными матушками) или хильдеквинде (бузинные жены). Они мстят за все повреждения, нанесенные бузине. О бузине, растущей в маленьком дворе в Нибодере¹⁴¹, рассказывают, что в сумерки это дерево часто меняло свое расположение во дворе и иногда подходило к окнам детской комнаты, когда дети были одни. Из бузины нельзя ничего делать. Если из ее древесины сделана колыбель, то хильдемоер может прийти и потащить ребенка за ноги; причем успокоится она только тогда, когда вытянет ребенка из колыбели. Один крестьянин однажды ночью услышал, как плачут его дети. Выйдя узнать, в чем дело, он обнаружил, что дети его обсосаны, и тела их распухли. Причиной тому посчитали доски из бузины, которыми была обита комната.

Считается, что свое название это удивительное и целительное дерево получило от богини-знахарки по имени Хильди, которая вместе с подчиненными ей духами более мелкого ранга живет под корнями. С давних времен даны любили и почитали бузину и сажали ее у стен и изгородей.

Бузину нельзя срезать, предварительно не обратившись к ней с такими словами: «Хильдемоер, хильдемоер, позволь мне срезать твои ветви». Срубая такое деревце, крестьянин трижды сплевывал, чтобы отогнать ваеттов и прочих злых существ.

ОБОРОТЕНЬ

Человек, который с детства был оборотнем, однажды вечером возвращался со своей женой с праздника и вдруг понял, что настал тот час, когда им овладевает зло. Тогда он передал поводья жене и, сойдя с телеги, сказал ей: «Если к тебе кто-нибудь подойдет, ударь его своим передником». После этого он ушел, но на женщину, все еще сидевшую на телеге, тут же напал вервольф. Она поступила так, как говорил ей муж, и ударила его передником. Вервольф схватил зубами кусок передника и убежал с ним. Через какое-то время ее муж вернулся, держа во рту оторванный кусок передника своей жены. Увидев это, она воскликнула в ужасе: «Боже милосердный! Муж мой! Ты оказался вервольфом!» «Спасибо тебе, матушка, — ответил он, — но я теперь свободен!» И с этого времени он больше никогда не превращался в вервольфа.

Если женщина в полночь растянет на четырех колыях оболочку, в которой рождается жеребенок, и голой проползет под ней, то без боли родит четверых детей, но при этом все мальчики станут вервольфами, а все девочки — марами. Вервольфы будут выглядеть совсем как люди, но их легко будет узнать по сросшимся на переносье бровям. В определенное время ночи они превращаются в трехногих волков. И только когда кто-то говорит такому человеку, что он является вервольфом, и осуждает его за это, он может избавиться от своего недуга.

Не только вера в вервольфов, но и само название их перешло в Нормандию, где их называют вароу или варвоу.

МАРА

У одного крестьянина была невеста, которая, не осознавая этого, была марой и приходила каждую ночь к этому человеку, так что он скоро догадался, в чем дело. После этого он стал наблюдать и узнал, что она пробирается к нему через маленькое отверстие в двери. Крестьянин сделал клин, и когда мара на следующую ночь пришла к нему, закрыл отверстие, так что маре пришлось остаться у него. После этого она приняла человеческий облик, и крестьянин взял ее в жены. У них впоследствии было много детей. Много лет они прожили в полном счастье и довольстве, но однажды крестьянин заметил клин и в шутку спросил жену о том, знает ли она, как попала в дом. Она ответила, что не знает, он рассказал ей все, посмеялся над этой историей и даже вынул клин, чтобы жена могла видеть, как она вошла в дом. После этого женщина проникла в отверстие, став очень маленькой — и с тех пор ее больше никто не видел.

На полуострове Ютландия некогда жила королева, которая без памяти любила лошадей. К одной лошади она была привязана особо, и думала о ней во сне и наяву. Конюх, заходя в конюшню ночью, нередко видел лошадь усталой, из чего заключил, что на лошади ездила мара. Поэтому, взяв однажды с собой ведро с холодной водой, он окатил лошадь — и в тот же момент заметил, что на лошади сидит королева.

РУСАЛКИ И ВОДЯНЫЕ

Неподалеку от Ассенса в Фиене однажды на морском берегу появилось огромное количество русалок и водяных. Старые рыбаки рассказывали, что очень часто видели русалок, сидевших на больших камнях в воде, с детьми на руках. Когда люди пытались к ним приблизиться, русалки сажали детей к себе на спину и быстро скрывались в волнах. Кроме того, рассказывали, что в этих местах также видели морских коров и морских быков, которые выходили на берег, чтобы совокупиться с земным скотом.

В 1619 году король Христиан IV послал двух своих советников, Старого Розенспара и Христиана Холка, в Норвегию. На обратном пути они поймали водяного. Внешне водяной напоминал человека. На протяжении долгого времени он катался по палубе, но в конце концов затих, словно мертвый. Один из моряков сказал ему: «Удивительное чудо вижу я в том, что Бог поместил подобных людям существ и в воду». На это водяной произнес: «Да! Если ты говоришь это, потому что понимаешь так, как я сам, и не иначе, то знаешь, что говоришь. Но если вы немедленно не отпустите меня в воду, ни твой ко-

рабль, ни ты никогда не достигнут земли». После этого он больше не произнес ни слова. Его подтащили к борту, и он сам спрыгнул в воду.

Неподалеку от Нордстранда жила русалка, которая однажды пригнала свое стадо на берег моря в Тибирке-Марке и пасла его там целый день. Это не понравилась местным крестьянам из округи, которые были известны своей завистливостью. Они решили сделать так, чтобы она больше не приводила свой скот в их края. Они решили загнать русалку вместе с ее стадом в загон и освободить только после того, как она внесет плату за пользование их землями. Русалка стала уверять их в том, что у нее нет денег. Тогда крестьяне стали требовать опояску, которую та носила на теле. Она блестела драгоценными камнями и казалась очень дорогой. Поскольку выбора у нее не было, русалка освободила себя и стадо, отдав пояс. Но когда она гнала свой скот обратно по берегу, она приказала своему большому быку: «Поройся!» Тут бык стал рыть землю рогами и подбрасывать ее в воздух. Дул северо-западный ветер, и песок понесло по направлению к деревне Тибирке, так что даже церковь оказалась едва не засыпанной песком. А заполучившие пояс крестьяне недолго радовались прибытку, потому что, вернувшись домой и приглядевшись, увидели перед собой лишь бесполезные камышинки.

В епархии Аархуус когда-то жили бедные муж с женой, у которых была единственная дочь по имени Маргарет или Грета. Однажды когда ее послали на берег моря набрать песка в фартук, из воды перед ней поднялся водяной. Его борода была зеленее, чем соленое море, он выглядел красивым и говорил с девушкой дружелюбно. Водяной произнес: «Пойдем за мной, Грета! Я дам тебе столько серебра, сколько пожелает твое сердце». «Это будет неплохо, — ответила девушка, — поскольку серебра у нас дома не водится». Водяной взял ее за руку и отвел на дно океана, где она стала матерью его пятерых детей.

По прошествии долгого времени, когда Грета почти забыла свою христианскую веру, она сидела однажды в святой день, качая самого младшего своего ребенка на коленях, и вдруг услышала, как над ее головой звучат церковные колокола. Ее вдруг охватили глубокая печаль и желание побывать в церкви. Увидев ее грусть, водяной спросил о причине. Она честно все ему рассказала и, уверяя в своей к нему привязанности, попросила разрешения побывать в церкви. Водяной не смог устоять перед ее мольбами и доставил ее на землю, попросив как можно быстрее вернуться к детям. В середине проповеди водяной вышел к церкви и выкрикнул: «Грета! Грета!» Она хорошо его расслышала, но решила дослушать проповедь до конца. Когда проповедь кончилась, водяной снова подошел к церкви и снова крикнул: «Грета! Грета! Ты скоро придешь?» Но и на сей раз она ничего не ответила ему. Наконец, он пришел в третий раз с такими словами: «Грета! Грета! Скоро ли ты придешь? Твои дети заждались тебя». Видя, что она не выходит, водяной начал горько рыдать и снова опустился на дно моря. Однако с того времени Грета оставалась со своими родителями, предоставив водяному право самому заботиться о бедных детях. Потом она часто слышала его плач и стоны, доносившиеся из глубины.

Рассказанная история стала основой для старой датской баллады «Agnete og Havmanden» (Danske Viser, I, p.313), а также двух прекрасных поэм Баггесена и Эленшлегера.

На Фарерских островах распространено поверье, что тюлень сбрасывает свою кожу каждую девятую ночь, принимает человеческий вид, танцует и развлекается, а потом отыскивает свою шкуру и снова становится тюленем. Однажды во время таких превращений мимо проходил крестьянин. Увидев кожу, он взял ее себе. Когда тюлениха — а это была особа женского пола — не нашла свою шкуру, она была вынуждена остаться в человеческом облике. Женщина, в которую превратился тюлень, оказалась привлекательной, и крестьянин женился на ней и имел от нее несколько детей. Они счастливо прожили вместе несколько лет, но потом она случайно нашла свою спрятанную шкуру, надела ее на себя и снова превратилась в тюленя.

Согласно одной датской балладе, некая русалка предсказала смерть королевы Дагмары, супруги Вольдемара II, которого называли Величайшим или Победоносным. В «Хронике Фридриха II Датского» можно прочитать следующую историю: «В 1576 году, поздно осенью, пришел из Самсо ко двору обыкновенный пожилой крестьянин. Он рассказал, что когда жил в Каллундборге, то несколько раз видел красивую особу, которая приходила к нему на поле, расположенное у самого берега. Ее фигура, начиная от талии, напоминала очертания рыбы. Русалка строго наказала крестьянину отправиться к королю и сообщить ему, что Бог послал благословение его королеве, так что у нее скоро родится сын (впоследствии Христиан IV), которому предстоит стать одним из самых великих принцев Севера. Поскольку в королевстве много грехов, король в благодарность Богу за такое благословение должен с решительностью и усердием изжить их — иначе Бог снова посетит королевство, но на сей раз в гнев и для наказания».

Самые подробные описания русалок известны на Шетландских островах. Здесь про них говорят: «Русалки живут среди рыб, в глубинах океана, среди жемчугов и кораллов. Они способны принимать вид человека, но намного превосходят его красотой. Когда они хотят посетить верхний мир, то натягивают на себя одеяние какой-нибудь рыбы — и горе будет тем из них, кто потеряет это одеяние, поскольку после этого вернуться назад русалки не могут, и им приходится оставаться на земле навсегда. Любимым местом этих красивых детей моря являются Ve-Skeries (священные скалы). Здесь русалок не беспокоят люди, и освободившись от своих одежд, они вдыхают земной воздух в ясные лунные ночи. Поскольку океанские зеленоволосые красавицы смертны, во время своих экскурсий они часто подвергаются опасности. Нередко их ловят и даже убивают рыбаки. Случалось также, что на русалках женились обыкновенные люди, захватившие их одеяние и таким образом лишившие их волшебной силы»¹⁴². Этот отрывок несколько напоминает легенду о Вёлунде, его братьях и трех валькириях.

ПОДМЕНИШИ

Некий крестьянин и его жена горько оплакивали то, что их прекрасный ребенок, которого не успели окрестить вовремя, был похищен подземными жителями, оставившими вместо него своего подкидыша. Этот подкидыш вел себя совершенно необычно. Когда никого вокруг не было, он был беспокойным, бегал вдоль стен, сидел на чердаке, кричал и визжал. Но если кто-то находился с ним в комнате, он смирно сидел за краем стола. Обыкновенно он ел за четверых, мало обращая внимания на то, что перед ним ставят, но голоден был всегда. Крестьянин и его жена долго думали, как избавиться от

подкидыша, и хитрая жена придумала такой способ. Однажды, когда крестьянин был в поле, она зарезала свинью и сделала пудинг (колбасу), набив его не только мясом свиньи, но и всем остальным. Этот пудинг, вместе с головой свиньи и кожей, она поставила перед подкидышем. Как всегда, он с жадностью накинулся на еду, но постепенно стал задумываться и в конце концов остановился, глядя на пудинг и сидя за краем стола и с ножом в руке, а потом воскликнул: «Сосиска со шкурой, с волосами, глазами и костями. Я всего три раза видел весну над озером Тиис — но никогда еще не видел таких сосисок! Этот бес больше здесь не останется!» Сказав это, он выбежал из дома и более не возвращался.

В Христиансё жили муж с женой, которые вовремя не окрестили своего ребенка, и по причине этой небрежности подземная женщина подложила им вместо него собственное дитя, настолько жалкое и слабое, что не было в состоянии есть и пить. Подмёныш неизбежно умер бы, однако жена крестьянина каждую ночь кормила его грудью. Поскольку подкидыш доставлял ей много беспокойства, она придумала, как избавиться от него. Рассказав служанке, какие вопросы та должна спрашивать и как отвечать, она раскалила печь, служанка же громким голосом — так, чтобы слышали тролли, — произнесла: «Почему ты сделала печь такой горячей, хозяйка?» На это женщина ответила: «Я собираюсь сжечь моего ребенка». Служанка задала этот вопрос три раза, и три раза получала один и тот же ответ, после чего хозяйка положила подкидыша на лопату, словно собираясь бросить его в огонь. В этот момент в дом вбежала подземная жительница, схватила ребенка с лопаты и вернула женщине ее собственного, со словами: «Вот твой ребенок! Я обращалась с ним лучше, чем ты с моим». Так и оказалось — ребенок был цветущим и сильным.

КАК ОТЛИЧИТЬ ПОДМЁНЫША

Когда рождается ребенок, в доме должно быть светло, иначе ребенка могут подменить подземные жители. В одном месте Северной Ютландии много лет назад произошел случай, когда роженица долго не могла уснуть, потому что ей мешал свет. Поэтому муж решил погасить огни, однако взял ребенка на руки, чтобы держать его под присмотром. Но, к несчастью, он уснул и, когда проснулся от толчка, увидел у кровати высокую женщину и обнаружил, что держит в обеих руках по ребенку. Женщина немедленно исчезла, так что крестьянин не знал, в какой руке находится его собственный. Он отправился со своей проблемой к священнику, и тот посоветовал взять необъезженного жеребца и с его помощью определить природу ребенка. Крестьянин поймал жеребца, который был столь норовист, что лишь три человека были способны его удержать. Детей положили на землю, после чего дали жеребцу их обнюхать. Было видно, что каждый раз, когда жеребец обнюхивал одного ребенка, он лизал его и был спокоен — когда же он обнюхивал другого ребенка, то начинал беспокоиться и стремился ударить ребенка копытом. Это испытание дало возможность определить, какой ребенок — человеческий. Однако во время испытания внезапно появилась высокая женщина, которая схватила своего ребенка и исчезла.

Шотландцы также рассказывают легенды о подмёнышах, хотя их сказания имеют более выраженный социальный характер, чем легенды Скандинавских стран. По крайней мере, такой вывод можно сделать из легенды о веселом маленьком человечке, при-

веденной Чемберсом (Pop. Rh. p. 55). Однажды женщина по имени Тибби Диксон, отправившись по делам в город Дунсе, оставила своего ребенка (подменыша) под опекой своего соседа, Вулли Гриве, портного. «Итак, Вулли сел у огня и принялся ждать свою женщину; но как только она закрыла дверь, ребенок вскочил в кровати и обратился к Вулли: “Вулли-портной, когда мать вернется назад, не говори ей, что я играл на волынке”... Портной повернулся к нему: “Играй, малыш, я никому не скажу”. И тогда ребенок достал волынку, какую Вулли никогда не видел в своей жизни — из золота и серебра, драгоценных камней, слоновой кости... Вилли не понравилась игра, он сидел и думал про себя: “Этот малыш — не человек, мне нужно быть с ним поосторожней, не то сам Старый Вогорн может прийти к колыбели своего сына и сделать со мной что-нибудь страшное”. После этого Вулли схватил ребенка за шею и бросил в огонь, а следом бросил и волынку!» Определенно, этот малыш не заслужил такой суровой судьбы¹⁴³.

О другом подменеше передают, что однажды он увидел большой огонь, на котором кипятили яичную скорлупку, в которую при этом был вставлен длинный измерительный прут. Подменыш выбрался на руках из своей колыбели, держась за нее ногами. Растягиваясь все больше и больше, он, наконец, добрался по полу до камина и воскликнул: «Ну и ну! Семь раз я видел, как падали деревья в лесу Лессё, но до сих пор никогда не видел такую большую поварешку в таком маленьком котелке!»¹⁴⁴

Методы, используемые для того, чтобы избавиться от подменшей, при некотором разнообразии удивительно сходны по всей Европе. В ирландской легенде подкидыш, увидев яичные скорлупки, восклицает: «Пятнадцать лет я живу на свете, но никогда не видел такого раньше». Вальтер Скотт (Minstrelsy, ii. P. 173), цитируя «Трактат о крестьянском колдовстве», рассказывает о женщине, которая, чтобы определить, является ли ее ребенок подброшенным, получила совет разбить двенадцать яиц и поставить двадцать четыре половинки скорлупок перед младенцем, после чего следовало выйти за дверь и прислушаться — поскольку, если ребенок после этого начнет говорить, это значило, что он — подменыш. Она так и поступила и услышала, как он говорит: «Семь было мне, когда пришел я к этой няньке, и за четыре года, что прожил у нее с тех пор, никогда не видел я столько чашек для молока». См. также Waldron's Isle of Man, и Grimm, Deutsche Mythologie, p. 438, где приводятся и другие истории. Аналогичные истории рассказывают о подменшах во Франции и высокогорной Шотландии.

Для того чтобы вернуть украденного ребенка, в Шотландии прибегали к ужасным заклинаниям и мерам. Самым эффективным способом считалось поджаривание подменша на тлеющих угольках. Считается, что подменыш в результате этого исчезнет, а в место него появится настоящий ребенок¹⁴⁵ — в том именно месте, где находился в момент похищения.

ДЬЯВОЛ

1. Монах Руус

Рассказывают, что, видя, какую набожную и благочестивую жизнь ведут монахи в монастыре Эсром¹⁴⁶, дьявол принял человеческий облик и постучал в ворота монастыря с просьбой впустить его. Он назвался поваром по имени Руус, и аббат принял его на работу. Однажды Руус повздорил с главным поваром, за что получил наказание. Это очень разозлило Рууса, и однажды, когда вода в котле закипела, он схватил главного повара

и сунул его головой в кипяток. После этого он выбежал с криками и причитаниями, что с его хозяином произошел несчастный случай. Поскольку своим притворством нечистый заслужил хорошую репутацию, братья назначили его главным поваром. Именно этого Руусу и было нужно, чтобы прибраться к рукам братьев в монастыре. Он стал готовить блюда столь изысканные и вкусные, что монахи забыли свои молитвы и предались обжорству и излишествам. Говорят, что он даже привел в монастырь женщин, за что удостоился особой благосклонности аббата, который в конечном счете принял Рууса в число братьев, так как желал, чтобы столь ценный повар всегда был под рукой. С этого времени в монастыре начались склоки и раздоры, что сделало бы неизбежным падение обители, если бы только братья вовремя не спохватились. Однажды брат Руус, гуляя в лесу, увидел красивую толстую корову. Он ее заколол и четвертую часть доставил в монастырь, остальное же повесил на дереве. Когда владелец коровы начал ее разыскивать и обнаружил три четверти на дереве, он решил затаиться на другом дереве, чтобы поймать вора, когда тот придет за остальным мясом. Благодаря этому он увидел, как бесы занимаются в лесу своими проделками. Он уже многое слышал о «брате Руусе», которого пригласил аббат, — и что монахи своим обжорством заслужили дорогу в ад. Естественно, крестьянина все это ужаснуло. На следующий день он отправился к аббату, которому рассказал обо всем, что слышал и видел в лесу. Услышав это, аббат собрал всех монахов в церкви, и они начали читать молитвы и петь. Поскольку Руус не мог этого вынести, ему пришлось убраться восвояси. Однако аббат успел схватить нечистого за рясу и превратил в рыжего коня, предав его власти ада. Спустя многие годы после этого события посетители монастыря Эсром могли видеть железный горшок «брата Рууса» и его каминную решетку.

Перед тем, как церковь монастыря была преобразована в жилье, в ней можно было видеть изображение «брата Рууса» и посвященную ему эпитафию, наполовину на латинском, наполовину на датском. Эпитафия выглядела так:

Hic jacet John Praest,
Qui dedit suum graa Hest
Nec non de siligine tue Laest,
Semper comedebat det Baest,
Requiescit in pulvere sud west.

*Здесь лежит священник Иоанн,
Давший свою серую лошадь,
А также пшеницы два ласта¹⁴⁷
Всегда евший лучшее
Покоится в прахе на юго-западе.*

Мольбех (Molbech) в своей «Ungdomsvandring» добавляет к сказанному выше, что «аббат вынудил беса слетать в Англию и без промедления вернуться, принеся с собой по воздуху 320 000 фунтов свинца для монастырской кровли».

2. Дьявол за картами

Однажды в канун Рождества несколько простофиль-игроков сидели в Лемвиге за игрой в карты на большие деньги и богохульствуя — и по мере того, как игра становилась более крупной, проклятия делались все более весомыми. Когда наступила ночь, в дверь постучали. Вошел хорошо одетый человек, который попросил разрешения присоединиться к игре. Усевшись за стол, он взял карты и начал игру с того, что проиграл значительную сумму. Пока игроки сидели и играли, один из них уронил карты на пол. Взяв

свечу, он полез под стол и увидел, что из сапог незнакомца торчат когти. Стало ясно, что к ним явился враг рода человеческого, способный скрыть все, что угодно, кроме своих когтей. Немедленно послали за священником, который, придя, обнаружил, что незнакомец по-прежнему сидит за столом, считая свои деньги. Священник был проницательным человеком и немедленно узнал дьявола. Он приказал нечистому удалиться, но тот ответил, что это игроки своими ругательствами и проклятиями вызвали его, и он не уйдет, пока не отведаст горячей крови. Тогда священник взял бегавшую по комнате маленькую собачку и бросил ее дьяволу. Тот немедленно разорвал собачку и пожрал ее, за исключением трех волосков, которые ему пришлось оставить. Удовлетворив просьбу дьявола, священник проткнул шилом отверстие в свинцовой раме окна и приказал дьяволу стать маленьким и выйти через это отверстие — ибо если бы дьявол вышел из двери, то мог бы снова войти в нее. Это стоило священнику немало труда; но он столь усердно молился и читал экзорцизмы, что нечистому в конце концов пришлось повиноваться, хотя он при этом был так, что его слышали во всем городе.

3. Школяр продает душу дьяволу

Некогда один из школяров, учившихся в школе Херлуфсхольма¹⁴⁸, соблазнившись на посулы дьявола, предался его власти и воле. Школяр составил контракт с дьяволом на листе бумаги и расписался в нем собственной кровью, после чего вложил документ в трещину церковной стены. Однако эта грешная душа была спасена тем, что другой школяр обнаружил текст договора в щели и отнес его настоятелю. Чтобы контракт не вступил в силу, оставалось только молиться, и усердная молитва помогла преодолеть дьявольские козни. После этого случая трещину много раз пытались заделать, однако она постоянно вскрывалась. Окончательно заделать ее удалось лишь по прошествии многого времени.

4. Следы дьявола

В поле около Соннерёда находится рядок камней, на одном из которых виден след ноги. Об этом следе рассказывают, что дьявол однажды поставил ногу на этот след, когда решил увести невесту у жениха. Бесу пришлось много и долго странствовать в поисках человека, который за большие деньги снял бы с невесты ее венец, поскольку пока венец находился на её голове, он не мог получить власти над ней, ибо венец был возложен на ее голову с именем Иисуса Христа.

5. Йенс Пловгаард

В Сёндре-Ниссуме, около Рингкёбинга¹⁴⁹, жил человек по имени Йенс Пловгаард, который заключил союз с дьяволом. Он мог вызывать мертвых и совершать множество подобных чудес, на чем заработал много денег. Однако после определенного срока он должен был отдать за это душу дьяволу. Однажды, когда его не было дома, рыбак из Тхи (Ти?) пришел спросить Йенса о пропавшей свинье, однако, не застав его дома, забрался в амбар, чтобы поспать там и решить свое дело утром. Йенс вернулся домой посреди ночи. Узнав, что какой-то человек спрашивал о свинье, он решил немедленно обратиться к «Эрику»¹⁵⁰ и для этой цели отправился в амбар, чтобы разбудить его. Крестьянин еще не уснул и слышал, как Йенс вызвал дьявола. Он спросил его о пропавшей свинье, однако Эрик не произнес ни звука, так как знал, что они не одни; Йенс решил,

что молчание объясняется упрямством и начал колотить дьявола железным прутом, пока тот не сказал, что свинья лежит под оползнем, и точно описал место. Когда рыбак услышал это, он не стал далее беспокоить Йенса Провгаарда, а вернулся домой и отрыл свинью из-под земли.

Наконец наступило время, когда дьявол, согласно контракту, должен был забрать Йенса Пловгаарда. Йенсу пришлось забраться в большой бочонок, вместе с большим запасом провизии из мяса и напитков. Этот бочонок зарыли в землю, которую вспахали и засеяли. Когда дьявол пришел в означенный срок, он не имел власти над Йенсом. На протяжении трех недель он каждую ночь бегал по полю и выл так ужасно, что его можно было слышать на противоположной стороне фьорда, в церкви Ульфборга. По истечении трех недель Йенс Провгаард стал свободным и приказал себя вырыть. С этого времени ни один человек в приходе не показывал себя таким набожным, как Йенс. Однако своих удивительных способностей он лишился.

6. Как дьявол позволил себя перехитрить

В Ютландии когда-то жил священник, который умел не только читать молитвы. Однажды из одной усадьбы к нему приехал посланец, попросивший немедленно отправиться с ним, поскольку требовалась срочная помощь. Оказалось, что владелец имения продал душу дьяволу, чтобы получить большие богатства, и теперь дьявол явился за ним, поскольку время договора истекло. Священник прибыл в дом как раз в тот момент, когда дьявол собирался утащить хозяина особняка. Священник принялся просить отсрочить срок контракта на год, затем на месяц, потом на неделю или хотя бы час — но дьявол не уступал. Тогда священник показал на горящую свечу и спросил: «Ты оставишь его на земле, пока не догорит эта свеча?» На это дьявол согласился, но священник после этого тут же погасил свечку и сунул ее в карман. После этого дьявол был вынужден оставить владельца замка в покое, и тот настолько сильно изменил свою жизнь, что у дьявола больше не было причин его забрать.

Похожий прием с восковой свечей встречается в Саге о Норме Гест, причем этот прием позволяет Норме прожить многие сотни лет. Упоминание о нем можно найти в «Народных легендах и Сказаниях Польши». См. также далее «Обманутый дьявол» в разделе «Народные легенды Нидерландов».

7. Дама из Киёлбигаарда

На дороге из Аалборга¹⁵¹ в Тистед, через Острел, в левой части долины находится особняк, называемый Киёлбигаард, в котором когда-то жила очень богатая дама. И насколько она была богатой, настолько же была и злой. Кроме того, она умела колдовать. Одной из ее самых больших радостей было слышать, как играют в карты и пьянствуют в гостинице по воскресениям. Один из слуг в ее доме пользовался особой милостью хозяйки: она часто показывала ему большой сундук с серебряными деньгами. Хозяйка говорила слуге, что он может забрать из сундука столько денег, сколько пожелает, — но тот не мог взять из сундука ни единой монетки. Когда он иногда говорил, что хотел бы иметь столько же денег, поскольку они позволяют вести жизнь радостную и приятную, она со вздохом отвечала: «Да, это правда! Если бы только не ужасная смерть!»

Однажды один из ее крестьян пришел в особняк, чтобы заплатить аренду за ферму, но увидел, что дом погружен в тьму, и все спят. Некоторое время он бродил по комнатам и, наконец, увидел в одной из них свет. Посреди нее стояла мерная емкость в половину бушеля. В комнату вошла собака ужасающего вида, подошла к емкости и стала в нее лаять. При каждом звуке из ее пасти вываливалось несколько серебряных монет. Собака ушла лишь после того, как емкость заполнилась деньгами. Крестьянину захотелось взять себе немного денег. Взяв тридцать монет, он положил их в кошелек. Утром он снова пришел к хозяйке особняка, чтобы заплатить аренду. Но когда она увидела новые деньги, то заявила, что он взял их у нее. Тогда этот человек рассказал ей о том, что видел ночью. Своими словами он настолько смутил хозяйку особняка, что она подарила ему ферму, которую он арендовал, для того лишь, чтобы он молчал и никому не рассказывал об увиденном.

По прошествии столь многих лет несправедливой жизни хозяйка дома однажды вечером приказала своему кучеру запрячь лошадей, поскольку она решила прокатиться. Кучер возразил, что уже темно и он не сможет увидеть дорогу, — но она ответила, что знает, что делает. После этого экипаж отправился в путь, незнакомой дорогой, по рытвинам и камням — пока лошади не остановились перед освещенным особняком, которого кучер никогда раньше не видел. Они подъехали к особняку, дама сошла с коляски и направилась в освещенную гостиную. Кучер же остался ждать с экипажем. По прошествии некоторого времени он украдкой заглянул во окно. Он увидел, что его хозяйка раздетой сидит на полу. С одной стороны от нее горел костер, а с другой стоял человек, расчесывавший ей волосы. Вскоре после этого кучер получил приказание ехать домой, и с этого часа хозяйку особняка никто больше не видел. Кучер пришел к выводу, что в ту ночь его хозяйка прямоком отправилась в ад. Ее семья, однако, утверждала, что она вернулась домой, но сразу после этого сразу заболела и умерла; однако многие считают, что во время пышных похорон в гробу находилась только связка соломы.

8. Праздник с дьяволом

В Ёстреле когда-то жил крестьянин, который подозревал, что его жена была ведьмой. В канун Иванова дня он решил разрешить свои сомнения, понаблюдав, не отправится ли она на шабаш. Всю ночь он тщательно следил за каждым ее движением и увидел, что она достала из шкафа фиал с какой-то мазью, натерла этой мазью пекарскую лопату, села на нее и произнесла: «Ступай во имя дьявола!» После этого она немедленно вылетела из дома через трубу. Муж сделал в точности то же, что и его жена, и вылетел следом за ней на другой пекарской лопате. В конце своего путешествия он опустился в каком-то особняке, полном народа и ярко освещенном. Войдя в особняк, он увидел расхаживавшего там дьявола и сидящих за столом ведьм. Во главе стола находилась его собственная жена. После этого к крестьянину подошел дьявол и спросил, что тот тут делает, на что крестьянин ответил, что он последовал за своей женой. Тогда Старый Эрик подал ему книгу, чтобы он вписал в нее свое имя, что крестьянин и сделал, но прибавив «именем Бога». Когда враг рода человеческого увидел это, он издал вой, и весь особняк рассыпался в прах. На следующее утро крестьянин обнаружил, что лежит в яме за дальними полями, в куче человеческих костей. Но свою жену он больше не видел.

Некая девушка однажды случайно увидела, как ее хозяйка достала из шкафа горшок с мазью. Этой мазью она натерла метлу, потом села на нее верхом и вылетела в

трубу. Пораженная увиденным девушка достала из шкафа тот же самый горшок, чтобы посмотреть, что в нем находится, и помазала мазью кадку для варки пива, после чего кадка вместе с ней немедленно вылетела в дымоход и направилась в Блоксберг, где уже собралось целое скопище пожилых женщин с виолончелями и скрипками. Сам дьявол, которого они звали Старый Эрик, танцевал полонез. Закончив танец, он расплатился с музыкантами, а потом подошел к девушке с книгой, в которой попросил ее написать свое имя. Но вместо того, чтобы написать его, девица написала несколько слов, которыми всегда опробовала новое перо: «Den, som mir føder» и т.д. Дьявол после этого уже не мог забрать обратно свою книгу — и даже танцевать — хотя до этого не покидал танцевальной площадки. Утром следующего дня — а это был Иванов день, — все пожилые дамы оседлали свои метлы, а девушка забралась в бочонок, и отправились в обратный путь. На пути им встретился ручей, через который старухи на метлах перепрыгнули без всякого труда, девушка же испугалась, решив, что бочка через ручей не перескочит. Однако она сказала себе: «В любом случае я должна попытаться». И она пнула бочонок так, что он перелетел через ручей так легко, словно был метлой. Девушка, радостно рассмеявшись, воскликнула: «Черт, экий ловкий прыжок для пивного бочонка!» Но едва она произнесла имя дьявола, как бочонок замер на месте, книга выпала из ее рук, и ей пришлось пешком добираться до Тхистеда.

КНИГА КИПРИАНУСА

Киприанус был студентом. По натуре это был вежливый и аккуратный молодой человек, однако он учился в «Черной школе» в Норвегии, и дьявол подбил его поставить своею ученость и недюжинные способности на службу злу. Позднее Киприанус рассказал и обратился с молитвами к Богу. Киприанус написал целую книгу о том, как сотворить зло и как можно его исправить. Книга начиналась с объяснения сути колдовства и предупреждения против занятия им. В ней было три главы, которые носили названия «Киприанус», «Д-р Фаустус» и «Якоб Рамель». Рассказывают, что последние две главы были написаны персидским или арабским алфавитом — а также обычными буквами. Эта книга учила тому, как изгонять, вызывать и умирять духов — всему, что запрещает Пятая книга Моисея (18: 10—12). Была ли эта книга напечатана, неизвестно, однако рукописные экземпляры объявлялись у отдельных людей, которые хранили их как зеницу ока. Обладатели книги Киприануса не нуждались в деньгах, поскольку могли с ее помощью вызвать дьявола и попросить у него денег. Никто не мог причинить вреда этим людям, в том числе и сам дьявол. Но те, у кого была эта книга, не могли избавиться от нее, и даже если они продавали ее, сжигали или зарывали в землю, она все равно возвращалась назад. И если человек не мог от нее избавиться перед своей смертью, с ним случалось самое плохое. Единственной возможностью было написать кровью свое имя и положить книгу в потайном месте в церкви вместе с четырьмя шиллингами.

Ниже пересказывается немецкая легенда о Киприанусе.

В стародавние времена на одном из датских островов жил человек по имени Киприанус, который был хуже самого дьявола. После того как он умер и отправился в ад, дьявол решил снова послать его на землю. Этот Киприанус написал на старинном датском языке девять книг, содержащих магические заговоры и пособия по колдовству. Всякий, кто прочитывал все девять томов, становился собственностью дьявола. Гово-

рят, что монахи сделали с первоначальной рукописи три (или девять) копий, после чего в мире разошлось множество неточных копий с этих экземпляров. Говорят, что граф, обитавший в замке Плоен¹⁵², располагал полной копией, которую приказал приковать цепями и зарыть под замком, поскольку, прочитав восемь томов, так ужаснулся, что решил навсегда спрятать ее от мира.

Одна из этих книг до сих пор сохранилась в Фленсборге¹⁵³. Люди пожилого возраста до сих пор знают некоторые заговоры из этих девяти томов. Всякий, кто хочет ознакомиться с этими книгами, должен сначала отказаться от христианства.

В двух милях от Хорсенса¹⁵⁴ жил мельник, который был адептом черной магии и владел книгой Киприануса. Один крестьянин как-то украл у него топор — однако был вынужден доставить его обратно, поскольку его подняло в воздух и понесло прямо по вершинам деревьев леса Биерре. Этот мельник сделал очень много удивительных вещей, изумляя тем самым своих соседей. Побуждаемый любопытством слуга мельника однажды пробрался в комнату своего хозяина, где обнаружил гигантский старый том. Он начал читать книгу вслух, и вдруг перед ним появился сам сатана и спросил, какие будут распоряжения. Слуга упал на пол, лишившись дара речи. К счастью для слуги, в этот миг в комнату вошел мельник, который сразу понял, в чем дело. Взяв книгу, он немедленно стал читать другой отрывок, изгонявший сатану, — однако дело зашло слишком далеко, так что ему пришлось дать сатане какое-нибудь поручение. Взяв сито, он приказал принести ему воды из мельничного пруда. Поскольку сатана был не в силах этого сделать, он исчез, оставив после себя очень неприятный запах.

Книга Киприана известна также в Нормандии, где рассказывают аналогичную историю, которая называется Le Grimoire du Curé. Кальдерон сделал Киприана героем одной из своих драм, в которой тот выступает как уроженец Антиохии.

О ВЕДЬМАХ

В канун Иванова дня ведьмы, как это общеизвестно, встречаются со Старым Эриком — хотя редко бывает, чтобы кто-то становился свидетелем этого представления.

В Гьёрдинге около Рибес¹⁵⁵ некогда жил слуга, который в канун Иванова дня положил на голову кусок зеленого дерна, чтобы стать невидимым для ведьм. После этого он незаметно проскользнул в церковный двор. Оставаясь незамеченным для всех, он смотрел на удивительный танец, который ведьмы вели вокруг Старого Эрика, сидевшего в середине. Но случилось так, что одна из женщин оказалась слишком близко от него, и дернувшись, он сбросил дерн со своей головы. Слуга сразу стал видимым для всех ведьм, которые бросились за ним в погоню — и если бы, по счастью, в воротах не оказался священник, то едва ли сумел бы спастись.

В одном доме творились непонятные чудеса, и по этой причине жители дома послали за известной знахаркой. Явившись, она стала исследовать дом изнутри и снаружи. Наконец, она остановилась перед большим камнем, который лежал как раз перед домом. «Этот камень, — сказала она, — нужно откатить в сторону». Однако все оказалось бесполезным: ни рычагами, ни другими способами камень нельзя было сдвинуть с места. В конце концов за камень взялась сама знахарка — и как только она дотронулась до него, он сразу же откатился в сторону. Под камнем оказался шелковый кошелек,

наполненный когтями петухов и орлов, человеческими волосами и обрезками ногтей. «Бросьте его в огонь вместе с большой охапкой гороховой соломы, чтобы сразу занялось», — сказала знахарка. Но едва вспыхнул огонь, тут же начались свист и вой, задрожал и сам дом. Находившиеся в поле люди увидели, как из печной трубы вылетела ведьма на помеле. В тот же день умерла одна старуха. Люди решили, что это она была ведьмой и заколдовала дом. Больше в доме никаких странностей не происходило.

Неподалеку от Ёстрела на ферме работал слуга, не знавший, что хозяйка дома является ведьмой. Хотя она давала ему хорошую и здоровую пищу и слуга никогда не был голоден, он с каждым днем становился все более худым. Не зная, что предпринять, слуга отправился к знахарю, которому рассказал свои тревоги. От знахаря слуга узнал, что его хозяйка является ведьмой, и по ночам, когда он спит, превращает его в коня и ездит на нем в Норвегию — в церковь Тромсё, — поэтому неудивительно, что он теряет свои силы. Знахарь дал слуге мазь, чтобы тот на ночь помазал ею глаза. Когда слуга заснул, то в голове началась сильная боль; он проснулся и увидел, что стоит около церкви в Тромсё, держа в руке уздечку. На его голове была упряжь, которую он немедленно сорвал. За собой он увидел множество лошадей, связанных друг с другом хвостами. Пока он стоял так у двери церкви, вышла его хозяйка и дружески посмотрела на него. Он кивнул, чтобы она подошла ближе, и когда она подошла, набросил на ее голову упряжь. Хозяйка немедленно превратилась в красивую кобылу. Слуга сел на кобылу и поехал домой. По дороге он встретил кузнеца и попросил его подковать кобылу. Приехав домой, он сказал хозяину, что ездил на рынок купить хорошую кобылу, которая подошла бы к той, которая уже имелась в хозяйстве. Хозяин купил у него эту кобылу за довольно круглую сумму — но как только он снял упряжь, перед ним предстала его жена с подковами на руках и ногах. После этого слуга рассказал, что произошло. Впоследствии хозяйке дома так и не удалось избавиться от подков.

В Северной Германии рассказывают историю о ведьме с уздечкой, весьма похожую на вышеприведенную. Müllenhoff, op. cit., No. 310.

В Ёстреле одно время было очень много ведьм. Один охотник, который часто проходил мимо фермы Баллер, всегда видел в окрестностях Ёстреле либо зайца, либо дикую утку. Но, несмотря на то что он в них стрелял (и был уверен, что попадал), никак не мог подстрелить ни утку, ни зайца. Однажды он увидел утку, плывущую по воде совсем рядом с фермой. В эту утку он выстрелил много раз, но утке ничего не было и, казалось, она даже не заметила стрелявшего. Поскольку ни выстрел, ни камень не могли ее сразить, охотник срезал со своей одежды серебряную пуговицу, три раза прочитал над ней молитву Аве Мария и зарядил пуговицей ружье. Тут ему наконец удалось попасть в утку, которая, однако, перелетела с воды на ферму и спряталась в курятнике. Охотник зашел на ферму и рассказал о своем выстреле сидевшим за ужином людям, а потом попросил, чтобы ему отдали подраненную птицу. Хозяин отослал его на кухню, к служанке, которая должна была достать ему утку. Но когда он оказался на кухне, то увидел там старую и уродливую каргу в туфле на одной ноге; по второй ноге текла кровь. Служанка сказала, что упала и порезала ногу — однако охотник сразу понял, что подстрелил ведьму, и поспешил с этого места как можно быстрее.

В Брёндстед-Марке, в епархии Риббе, около леса есть место, где, как говорили, в прежние времена стоял замок. В этом замке жила дама, которая была ведьмой. Когда однажды все мужчины Брёндстеда выехали на охоту, она принялась их дразнить, прикинувшись зайцем, пока, наконец, один старый крестьянин, который был мудрее остальных, не взял серебряную пуговицу, чтобы зарядить свое ружье. Выстрелив ей, он попал зайцу в ногу. На следующий день прошли слухи, что дама заболела. Больше она никогда не появлялась.

Два жителя Свендstrup, что находится около Аалборга, однажды вечером отправились стрелять зайцев на церковном дворе. Для этой цели они спрятались в церковной башне, ожидая, когда появится дичь. Однако ожидание оказалось тщетным. Лишь в полночь из всех могил буквально хлынули зайцы. Оба охотника открыли стрельбу, но им не удалось поразить ни одного зайца, которых стало так много, что они буквально заполнили собой весь церковный двор. Охотников охватил ужас, и они с трудом выбрались невредимыми.

На Борнхольме рассказывают, что ведьмы делают из старых чулок некое подобие зайца, у которого вместо ног три зуба бороны. Ведьмы посылают этих зайцев, которых называют stötbarrer, красть молоко у соседских коров. Зайцы, используемые ведьмами для доения молока, известны также в Швеции.

В приходе Виссенберг, в Фиене, когда-то жила женщина, которую считали ведьмой. Оказавшись при смерти, она долго мучилась, но никак не могла умереть. Присутствовавшая при этом знахарка посоветовала подстелить солому под кресло, на котором сидела умирающая, поскольку если та является ведьмой, то должна после этого немедленно умереть. Это средство якобы никогда не подводило. Когда последовали этому совету, женщина тут же умерла.

ШКИПЕР ИЗ ААРХУУСА¹⁵⁶ И ЛАПЛАНДЕЦ

Один шкипер из Аархууса однажды работал в Дронтхейме, где познакомился с лапландцем, который часто приходил к нему на корабль. Этот лапландец, который умел творить разные чудеса, среди прочего предложил шкиперу научить его делать попутный ветер. Полезное умение, решил шкипер. На следующий день лапландец принес с собой на корабль мешок. Этот мешок он поставил рядом с каютой, сказав, что достаточно только иметь при себе мешок, чтобы получить любой ветер. Однако, поразмыслив, шкипер не согласился оставить мешок, подозревая, что тот связан с дьяволом. После этого лапландец спросил, хочет ли шкипер знать, как живут сейчас его жена и дети. Когда шкипер ответил утвердительно, лапландец немедленно упал как мертвый на палубу. Через некоторое время он поднялся и сказал: «Я был в Аархуусе. Твоя жена сидит и пьет кофе, другие тоже в добром здравии, хотя один ребенок и болеет. Поверь мне на слово — тебе ведь известна эта вещь?» — и он протянул шкиперу серебряную ложку. «Ты взял ее из моего дома в Аархуусе», — сказал шкипер и взял ложку себе.

После этого они некоторое время стояли в Дронтхейме, и однажды утром лапландец сказал: «Завтра мы поднимем парус и оба получим попутный ветер, хотя ты направишься на юг, а я — на север. Еще я скажу тебе, что ты не отправишься за грузом,

как намеревался, в фьорд Христиания; ты получишь лучший груз, чем ожидаешь». На следующее утро оба корабля были под парусами, и ветер изменился так, что двенадцать часов дул в сторону, нужную шкиперу, а двенадцать — в сторону, нужную лапландцу. У островов Ёстер-Риис попутный для шкипера ветер сменился на противоположный, так что, поборовшись с ветром всю ночь и весь день, он вынужден был искать там какую-нибудь гавань. Здесь купцы начали предлагать большую цену за фрахт, — но поскольку корабль направлялся за грузом на восток, шкипер отказался. Однако один купец предложил в конце концов груз, цена за перевозку которого была почти так же высока, как цена груза, за которым направлялся шкипер. Перед этим предложением он не мог устоять и написал владельцам своего судна, что в результате сложившихся обстоятельств не может выполнить их распоряжение. В Аархуусе после этого послания все решили, что он рехнулся. Когда шкипер прибыл домой после своего путешествия и сошел на землю, его спросили о его грузе и он ответил: «Груз находится на корабле». Все удовлетворились этим ответом. Явившись к жене, он спросил: «Ну, как дела?» «Хорошо», — ответила она. «Кто-нибудь заболел?» — «Да, самый младший». — «Ты что-нибудь потеряла?» — «Нет... да... нет». — «Подумай еще раз». — «Да, серебряную ложку». — «Вот она», — сказал шкипер и положил ложку на стол.

О ФРИТ СКУДА

Приобрести Фрит Скуда — это всегда попадать в цель. Некоторые добиваются этого, произнося определенные молитвы или тайные заговоры над патронником ружья, другие достигают этого, подставляя в четверг утром дуло ружья ветру. Так или иначе, но умелые стрелки заключают союз либо с дьяволом, либо с кем-то из «Дикой охоты». Независимо от того, стреляют ли они на запад или на восток, они всегда попадают в дичь.

В особняке в Тиеле, в Ютландии, однажды жил старый смотритель, который нередко — особенно когда бывал пьян, — направлял ружье за спину и стрелял — и он никогда не приходил домой без дичи.

ЛЕГЕНДЫ О ПРИЗРАКАХ

1. Летучий охотник

Этот страшный призрак известен всей стране. Любой, кто видел или слышал его, содрогнется при упоминании о нем. Людям нередко случалось слышали в воздухе скачку и ропот, крики и вопли, треск и гром, словно бы от охотничьей кавалькады, а также лай собак, звуки рогов и выкрики, разносящиеся по полям и лесам. Крестьяне говорят: «Это летучий охотник!»; бросаются на землю или прячутся за деревом, пока дьявольский призрак не исчезнет из виду.

2. Грён-Етте

На западной стороне Мёена есть лес, называемый Грёнваельд, в котором каждую ночь охотится Грён-Етте (Зеленый великан¹⁵⁷). Он скачет на лошади, держа свою голову под левой рукой, с пикой наперевес, окруженный множеством гончих. Во время урожая крестьяне оставляют снопы овса для его лошади, чтобы она не потоптала ночью их урожай. В честь этого великана назван Грёнсунд, точно так же, как Панефьорд назван в

честь Пане, которая помолвлена с Грён-Етте. Около Френдрупа можно видеть большой камень, который, как утверждают, был местом, где спал Грён-Етте. В приходе Ааструп на Фальстере¹⁵⁸ есть несколько холмов, в которых погребены те, которых поразила копьём Грён-Етте. Сами Грён-Етте и Пане погребены в Харболл-Марке, в приходе Стеге, где до сих пор можно видеть огромную могилу в двести метров длиной.

Однажды ночью, когда Грён-Етте охотился в Борре-Сков, он остановил свою лошадь перед дверью Хенрика Фиенбое, постучал в нее и попросил хозяина дома постеречь его собак. Когда он уехал, Хенрик Фиенбое стоял в дверях, держа собак, на протяжении двух часов. Наконец Грён-Етте вернулся с подстреленной им русалкой, которая лежала поперек лошади, — и сказал крестьянину: «Я охотился на нее семь лет, но сегодня подстерег ее у Фальстера». После этого он попросил чего-нибудь выпить. Выпив, он подал Хенрику Фиенбое золотую монету. Однако эта монета прожгла дыру в руке крестьянина и исчезла в земле. Охотник рассмеялся и произнес: «Теперь ты можешь сказать, что Грён-Етте протянул тебе руку. Но чтобы ты не мог сказать, что я пил за твой счет, возьми себе поводок, на котором ты держал собак». После этого он поскакал дальше, а Хенрик взял поводок, который долго хранил в запертом сундуке. После этого он стал богаче. Но поскольку он относился к деньгам беззаботно, то через какое-то время стал еще беднее, чем был, и в конце концов умер в нищете.

В прежние времена на Мёене существовал обычай оставлять последний сноп в поле, но в более позднее время последний сноп сжатого овса бросали в поле со следующими словами: «Это для Йоде из Унсалы; это для его лошади в канун Рождества». Крестьяне считали, что если они этого не сделают, то скот погибнет. В Норвегии этот обычай принял другую форму — сноп в канун Рождества выставляли на длинной жерди для птиц.

3. Палне-яегер или Палне-Охотник

Точно так же, как король Вальдемар охотится по ночам на Зеландии, так и Палне-Охотник¹⁵⁹ охотится в Фиене. Рассказывают, что некий крестьянин, который сто лет назад жил около Оденсе, однажды присоединился к нему. Когда вечером он отправился со своими людьми обвязывать снопы ячменя, к нему подошла высокая и пригожая женщина, которая спросила: «Ты не видел сейчас Палне-Яегера?» Тот ответил, что не видел, и она исчезла в лесу. Не прошло и часа, как появился обутый в сандалии Палне-Яегер, в шлеме с развевающимся плюмажем, с луком на левом плече и колчаном на правом. Он спросил: «Ты не видел сейчас Лангпатте?» Когда ему показали, куда направилась женщина, он поспешил за ней следом. Однако Палне-Яегер не смог поймать ее в ту ночь, поскольку на следующую ночь и женщина, и охотник снова появлялись друг за другом.

Каждую ночь под Новый год Палне-Яегер берет три подковы из той или другой кузницы в Фиене — и кузнецы не забывают выложить эти подковы на наковальню, поскольку за одну забранную он всегда оставляет три золотые подковы. Но если он является в кузницу и не находит подков, то забирает наковальню — как это однажды произошло с кузницей в Корупе, в которой Палне-Яегер взял огромную наковальню, чтобы забросить ее на колокольню церкви Седена. Потом кузнецу стоило большого труда стащить эту наковальню вниз.

4. Хорнс Яегер

Хорнс Яегер охотится по ночам в окрестностях Аархууса, желая истребить всех эльфиек. Однажды утром один человек из Лингена, который вел с пастбища свою лошадь, услышал за спиной опасный шум и увидел человека, который на лошади направлялся прямо к нему. Это был Хорнс Яегер; за ним на шелковом поводке бежали три собаки. «Подержи моих собак», — крикнул он испуганному крестьянину, после чего проскакал мимо. Вернулся он довольно скоро, с двумя эльфийками, переброшенными через шею лошади. Их волосы были связаны вместе. «Теперь отдай мне моих собак, — крикнул он крестьянину, — и давай руку, я дам тебе на выпивку». Крестьянин протянул руку, но охотник лишь прикоснулся к ней тремя пальцами — оставив одни ожоги — и поскакал дальше, под жалобные стенания женщин.

5. Йонс Яегер

В окрестностях Аалборга Йонс Яегер часто скачет по воздуху, а за ним по земле несется свора гончих. Любог, кто встретит его на дороге, должен немедленно лечь на землю, чтобы не заболеть. Иногда можно слышать ужасающий крик, которым охотник созывает собак. Если ему случается скакать мимо дома, в котором открыты противостоящие друг другу двери, его собаки проскакивают через дом. Если в это время в доме варят пиво, оно будет испорчено — как и пироги, если их пекут.

6. Охота короля Абеля

В Шлезвиге Дикую охоту возглавляет датский король Абель, братоубийца, который во время своего похода против фрисландцев (в 1252 г.) из-за большого веса своих доспехов увяз в трясине при переправе через Эйдер и был убит. Его тело было погребено в соборе, но дух не успокоился. Каноники выкопали труп и перехоронили его в трясине возле Готторпа, однако «в месте, где он был погребен и по соседству — даже на нашей памяти, — можно было слышать ужасные крики и звуки, которые ночами пугали случайных прохожих едва ли не до смерти. Многие заслуживающие доверия люди рассказывали, что слышали звуки горна. Все в этих краях убеждены, что эти звуки издаются Дикой охотой, и ночная стража в Готторпе часто слышит их. Ходят слухи, что Абель в наши времена являлся многим — с черным лицом, на маленькой лошадке, в сопровождении трех гончих, которые казались горящими огнем»¹⁶⁰.

Король Абель был погребен в церкви Св. Петра в Шлезвиге, но из-за совершенного им жестокого братоубийства не мог покоиться в могиле. По ночам он бродил по церкви и беспокоил молящихся монахов, так что в конце концов они решили вырыть его тело и утопить его в трясине около Готторпа. Чтобы он оставался в могиле, его проткнули острым колом. Это место и по сей день называют королевской могилой. Тем не менее дух короля продолжает каждую ночь разъезжать верхом на черной лошади, в сопровождении множества собак. Когда люди слышат, как хлопают ворота, заливаются лаем собаки и кричат люди, они приходят в ужас.

Однажды несколько изготовителей веревок из Сёндерборга решили его остановить, протянув веревки через улицу, но когда он проезжал мимо, ничто не смогло остановить его.

Когда в Швеции ночью слышат шум лошадей и повозок, люди говорят: «Один проезжает мимо»¹⁶¹.

7. Охота короля Вальдемара

Над Зеландией по ночам проезжает дух короля Вальдемара¹⁶². О нем рассказывают историю, относящуюся к временам Карла Великого. Король Вальдемар любил женщину с Рюгена по имени Товелилле¹⁶³, но она умерла, и он так горевал, что никак не мог оставить ее труп и возил его за собой везде, куда бы ни отправлялся. Всем, кто сопровождал короля, это было неудобно, и один из придворных задался целью выяснить — почему король так привязан к мертвому телу. Он нашел на пальце покойной прекрасное кольцо, которое ей подарила мать для того, чтобы король Вальдемар даже после смерти не переставал ее любить. Придворный снял кольцо с руки женщины, после чего в короле немедленно погасла любовь к усопшей, но вспыхнула любовь к тому, кто завладел кольцом. После этого придворные, желавшие чего-то добиться от короля, обращались к его любимому слуге. Слугу это стало тяготить, тем более что он знал, что привязанность короля объясняется чарами кольца, и потому он однажды выбросил кольцо в болото, когда ехал через лес Гурре. С этого времени король стал проводить больше времени в этом лесу, чем в остальных местах. Он приказал построить там замок и стал охотиться постоянно возле него. К этому времени и принадлежат его слова, впоследствии ставшие для него проклятием: что если бы Бог пустил его на небо, то он предпочел бы небесам охоту в Гурре.

И сейчас король каждую ночь проезжает верхом от Бурре к Гурре и известен во всей стране как летающий охотник. В некоторых местах его называют летающим Маркольфусом. Когда он приближается, в воздухе слышны громкие крики, вопли и щелканье хлыстов. От этих звуков люди поспешно сходят с дороги и прячутся за деревьями. Первыми бегут черные, как уголь, гончие короля, которые носятся в разных направлениях, обнюхивая землю. Красные языки свисают из их пасти. Затем появляется сам «Вольмар» на белом коне, иногда держащий собственную голову под левой рукой. Когда он встречает какого-то человека, то просит его подержать пару его собак и оставляет стоять несколько часов (чаще всего он обращается с этой просьбой к старикам). Иногда он стреляет, после чего собаки срываются с поводков. Когда Вольмар скачет мимо деревни, за ним хлопают ворота. Во многих местах для него делают проход через ферму, чтобы он прошел в одни ворота и вышел через другие. Не существует настолько прочных засовов и запоров, чтобы они не открылись при его появлении. Иногда он скачет даже по крышам. Неподалеку от Херлуфсхольма, как говорят, был дом, крыша которого постоянно провисала посередине, потому что он часто по ней скакал. На севере Зеландии у него был еще один Гурре, где находятся руины, которые по сей день носят название замка Вальдемара. У старых женщин есть обычай при приближении Иванова дня выходить вечером на дорогу и открывать для него ворота. Примерно в двух милях от Гурре расположена окруженная водой гора Вальдемара. Согласно легендам, здесь каждую ночь проходят шесть священников в черном, бормоча свои молитвы. Между Сёллерёдом и Наерумом Вольмар охотится с черными собаками и лошадьми, на дороге, называемой путем Вольмара.

Охотясь по всей стране, он останавливается во многих местах. Чаще всего говорят об его остановках в замке Валлэ, где у него есть спальная, в которой имеется две готовых кровати. Здесь он проводит ночь в виде черной собаки. В этой же комнате стоят два больших сундука; когда их однажды открыли, в них оказались небольшие круглые кусочки кожи, «поскольку во времена короля Вольмара лучших денег не было». Гово-

рят, что замок Валлэ связывается подземным переходом с Толлосегаардом в районе Хольбека. Утверждают, что у него и здесь имеется помещение. И в прежние времена его здесь даже ждала служанка. Иногда он останавливается в Вордингборге, в «башне Вальдемара» — или среди развалин «замка Вальдемара», где часто видят, как молодые женщины и люди в одеждах его времени ходят и стелят кровати. Один крестьянин не верил, что в замке по ночам появляется король, и осмелился однажды провести там ночь. Но в полночь к нему вошел король Вальдемар, дружески его поприветствовал и произнес: «Благодарю за заботу о моем замке» — после чего протянул золотую монету. Крестьянин взял монету, но она тут же прожгла в его руке дыру и упала угольком на землю. Из того, что случилось с монетой, можно представить, какие страдания испытал крестьянин. Часто, когда какой-нибудь старик или женщина много часов терпеливо держат собак короля Вальдемара, он бросает им нечто похожее на уголек — но при внимательном рассмотрении оказывающееся чистым золотом.

НАКАЗАНИЕ ЗА ПЕРЕДВИЖЕНИЕ МЕЖЕВЫХ СТОЛБОВ

До того как границы земель стали постоянными, во время сева участки часто перераспределялись. Порой крестьяне самовольно передвигали границы. Однако считалось, что всякий, кто передвигал межевые столбы, даже если он сумел избежать наказания при жизни, не сможет найти покоя в могиле и в качестве наказания будет каждую ночь пахать на том месте, где совершил свой грех. Говорят, что когда кто-нибудь подойдет ближе к такому пахарю, тот уговорит его взять поводья коней, чтобы освободиться от пахоты, нужно заметить, с какого места случайный путник повел борозду и, вернувшись к нему, отбросить поводья. Только тогда может он невозбранно продолжить путь.

Около Скиве находится особняк Краббесхольм. Некогда в нем жила знатная дама, которая хотела присоединить к себе соседнее поле и для этого приказала своему управляющему взять земли из сада в Краббесхольме и насыпать в деревянные туфли и так отправиться на земельный спор, чтобы иметь возможность, стоя на соседнем поле, поклясться, что стоит на земле, принадлежащей Краббесхольму. Поле присудили хозяйке, однако впоследствии этот управляющий мучился на смертном одре и никак не мог испустить дух, пока она не вернула его прежним хозяевам, но тем не менее он каждую ночь обходит поля в полных земли деревянных башмаках.

Три человека из Спандета, в Северном Шлезвиге, присвоили прекрасный луг Элькьяер, который принадлежал жителям деревни Фьерстед; вместо него жители получили плохой луг около Сепкьяера. Эти трое тоже насыпали землю в свои башмаки. После смерти этих людей их часто видели бродящими по лугу, ломающими руки и кричащими:

Med Ret og Skjel,
Det ved vi vel,
Elkjaer ligger til Fjersted By,
Sepkjaer ligger til Spandet.

*По закону и по праву,
которые мы знаем хорошо,
Элкьяер принадлежал к городу Фьерстед,
Сепкьяер принадлежит к Спандет.*

Около Эбельтофта жил крестьянин, у которого было в избытке земли и скота. Он платил налоги церкви и государству, вовремя приносил положенное, давал деньги ни-

щим и каждое воскресенье посещал церковь. Однако в округе никто ему не доверял. Когда он скончался, его похоронили — но после того, как он лег в землю, до самого урожая по ночам можно было слышать жалобные крики над полем: «Здесь межа! Здесь межа!» Только после этого люди поняли, каким путем он получил свое богатство.

ДИТЯ ВОСКРЕСЕНЬЯ

В Фиене была женщина, которая родилась в воскресенье и, как и другие люди, рожденные в воскресенье, имела способность видеть то, что скрыто от других. Но поскольку, проходя мимо церкви, она постоянно видела призраков и катафалки, этот дар стал для нее настоящим бременем. Один искушенный в этих делах человек дал ей совет — когда она видит призрак, надо сказать ему: «Иди на небо», а когда видит катафалк, «Повисни!» Но когда эта девушка увидела катафалк, она перепутала слова и крикнула: «Иди на небо!» Сразу после этого катафалк поднялся в небо и исчез. Потом она увидела призрак и сказала ему: «Повисни!» — и зайдя со спины призрак повис у нее на шее и утонул в могилу. Крики ее были слышны три дня, пока наконец призрак не положил конец ее горестной жизни.

ДУХИ В ЦЕРКВИ СВ. КНУДА В ОДЕНСЕ¹⁶⁴

Один горожанин из Оденсе однажды решил узнать, что происходит в церкви ночью. Для этого он отправился в церковь Св.Кнуда и остался в ней на ночь. В полночь он увидел, как из одной из могил выходит призрак с длинной восковой свечой в руках. Он обошел церковь и зажег все свечи. После этого из своих могил стали выходить один за другим духи и садиться на стулья, и среди этих призраков горожанин узнал много своих старинных друзей. Наконец появился дух в священническом облачении и, поднявшись на кафедру, начал служить на неизвестном языке, пока не начался рассвет.

ГАНС НАЕБ

В деревне Кваерндруп в Фиене некогда обитало страшное привидение, сеявшее страх по всему приходу. Всякий, кто видел его, очень скоро после этого умирал. Этот дух был похож на покойника, которого звали Гансом Наебом, и являлся всегда с криком: «Посмотрите на Ганса Наеба!» Погубив всех мужчин и женщин, он взялся за молодежь. Очутившись перед такой опасностью, один из молодых парней решил попробовать изгнать привидение. Для этой цели он запасся различными железками, и в полночь вышел на кладбищенскую тропку, по которой часто проходило привидение. Увидев перед собой привидение, бесстрашный юноша начал бросать ему под ноги железки, отчего дух немедленно повернул назад, чтобы никогда больше не появляться. Однако молодой человек, уверенный, что действительно видел Ганса Наеба, решил вскрыть его могилу, чтобы убедиться, есть ли там тело. Оказалось, что покойник лежал лицом вниз. Тогда стало ясно, что крик «Посмотрите на Ганса Наеба!» объяснялся тем, что умерший хотел, чтобы его перевернули на спину, поскольку в могиле может упокоиться с миром лишь тот, кто лежит на спине.

ПРОЗОРЛИВАЯ ЖЕНЩИНА

Около Лилле-Ваерлэзе, в Зеландии, когда-то жил крестьянин, который был связан с ворами и разбойниками, никогда не ходил в церковь и имел плохую репутацию за то,

что не был набожным. Когда он скончался и был похоронен, участники похорон направились к нему в дом, чтобы выпить «могильного пива». Как только процессия подошла к дому умершего, все увидели этого крестьянина сидящим на коньке крыши и глядящим на идущих к дому. Члены процессии постарались немедленно разойтись по домам. Через какое-то время пришел священник, который начал читать молитвы, чтобы изгнать дьявола. Священник прогнал этот дух на каменный берег в Калсмосе около озера Фарум — там он, должно быть, и будет пребывать до скончания дней. Чтобы он никуда не ушел с этого места, в землю вбили кол, так чтобы он пришелся в голову упыря. Тем временем рядом оказалась старуха, разбиравшаяся в подобных вещах лучше священника. Взяв штопальную иглу без ушка, она воткнула ее в кол. Тут призрак завопил из-под земли: «Ты не должна была делать этого, старая ведьма! Если бы не ты, я оказался бы дома раньше тебя!» Но после ему пришлось оставаться в земле. Лишь по ночам он вороном летает над землей до петухов.

МАСТЕР МАДС И ГЕРР АНДЕРС

Мастер Мадс, священник из Ламби, был человеком очень хитрым и проницательным. Однажды он сказал, что покойники хотят пить, и приказал ставить в церкви после похорон по бочонку пива. Впоследствии всякий раз такой бочонок оказывался выпитым. Люди рассказывали о магистре разное, — и мнения их стали разниться еще больше, после того как Мадс скончался и стал являться в виде привидения. Его преемник, герр Андерс, человек не менее хитроумный, чем Мадс, решил изгнать его дух. Для этой цели он однажды ночью отправился в поле, которое в наши дни зовется Пилеликке, взяв с собой три больших книги. Здесь он встретил Мадса, с которым вступил в тяжелый поединок, так как ему пришлось отвечать на вопросы весьма ученого духа. В конце концов герр Андерс был вынужден достать одну из своих книг, но мастер Мадс выбил эту книгу из его рук. Герр Андерс поспешно вытащил вторую — но призрак выбил и ее, со словами: «Мальчишкой ты однажды украл пшеничный каравай из Эльсинора». Но герр Андерс швырнул в него два шиллинга, сказав при этом, что этими монетами платит за каравай. После этого он вытащил третью книгу, которую начал читать так выразительно, что Мадсу пришлось опуститься в землю прямо на том месте, где он стоял. В это место вбили острый дубовый кол, чтобы он никуда не ушел оттуда. Старики говорят, что видели этот кол, — и добавляют, что он дергается взад и вперед и из-под земли часто доносится голос: «Вытащите его! Вытащите его!»

О ДРАКОНАХ

Примерно в миле с четвертью от Сорё¹⁶⁵ стоит церковь Альстеда, в которой и в наши дни можно видеть картину, изображающую бой между быком и драконом, запечатлевшую, как говорят люди, событие, происшедшее прямо на церковном дворе. Согласно легенде около церковных ворот поселился дракон, приносящий людям немало вреда, так как никто не мог войти в церковь. Наконец, один мудрый старик посоветовал кормить теленка сладким чистым молоком, пока он не станет могучим быком, способным сразиться со змеем. В конце первого года молодой бык обрел такую силу, что все решили, что он может выдержать сражение. Однако, увидев дракона, бык так испугался, что пришлось его кормить тем же способом еще год. Тогда он стал не столь трусливым — но в бой он вступил только в конце третьего года, когда набрал столько сил, что сразу убил

дракона. Тем не менее бык оказался столь опасен, что его пришлось убить и похоронить вместе с драконом.

Аналогичную легенду рассказывают о драконе, который жил на церковном дворе в Лингби — деревне, находящейся неподалеку Копенгагена.

В двух милях от Аалборга есть два холма, которые носят название Ёстбиерг-Баккер. Много лет назад здесь жил дракон, который наносил большой ущерб окрестным полям. Наконец, там появился человек, который хорошо знал повадки змей. Он взялся убить дракона и приказал собрать кучу дров и поджечь ее. После этого он сел на отважного коня и поскакал к чудовищу. Увидев дракона, он повернул назад, к куче дров. Дракон бросился следом. Всадник перескочил через огонь, и змея тоже смогла проползти через огонь. Всадник перескочил через огонь во второй раз — и змея проползла во второй раз. Таким образом, всадник семь раз перепрыгивал через огонь, и дракон семь раз проползал по огню, пока, наконец, не сгорел.

МАТЬ-ЛОШАДЬ

Однажды, когда несколько крестьянских детей из Хиршхольма¹⁶⁶ играли около Агерсо, из воды внезапно появилась большая белая «мать-лошадь» и поскакала по полям. Мальчики побежали поглядеть на нее, и один из них осмелился даже забраться ей на спину — однако лошадь сразу после этого понесла, собираясь унести паренька в озеро. По счастью, он тут же произнес такие слова:

*Крест Господень, спаси меня,
От этого огромного коня!*

После этого лошадь немедленно исчезла из-под него.

К северу от Тистеда¹⁶⁷ лежит деревня Брюнд. Когда три пьяных крестьянина направлялись из этой деревни домой и проходили по полю под названием Кроненс-Марк, один из них выразил желание, чтобы их доставила домой какая-нибудь лошадь. Внезапно они увидели перед собой огромную черную лошадь, на крупе которой они все могли бы легко поместиться. Но когда двое уже уселись на лошади, третий в изумлении произнес:

*Кресте Господа Христа,
Эта лошадь нечиста!*

В то же мгновение лошадь исчезла, а все трое оказались лежащими на земле.

Во Франции мать-лошадь известна под именем Лутин, и на Шетландских островах ее называют шупилти. И там и там она является в виде маленькой лошади, а когда кто-либо сядет на нее верхом, уносит в воду.

ХЕЛЬ-ЛОШАДЬ

В прежние времена в каждом церковном дворе перед погребением первого человека закапывали живую лошадь. Появлявшийся потом дух этой лошади называют хель-

лошадью. У нее три ноги, и встреча с ней предвещает смерть. Отсюда о пережившем опасную болезнь говорят: «Откупился от смерти горстью овса» (как подношением).

Во дворе собора в Аархуусе иногда появлялась хель-лошадь. Один человек, чьи окна выходили на двор собора, вечером, сидя в своем доме, воскликнул: «Что это за лошадь во дворе?» «Возможно, это хель-лошадь», — ответил сидящий с ним. «Тогда мне надо посмотреть на нее!» — сказал человек. Выглянув из окна, он стал белым, как мел — однако так и не рассказал о том, что увидел. Вскоре после этого он заболел и умер.

Хель отождествляется со смертью, и во времена мора она скачет на трехногой лошади, пугая людей. Потому, когда начинается мор, говорят: «Хель ходит поблизости», а когда ночью собаки лают и завывают, говорят: «Хель среди собак». Когда кто-то заболевает, говорят: «Хель пришла», а когда выздоравливает: «Хель выгнана». Хель можно прогнать из одного места в другое. Известны города и деревни, из которых изгоняли Хель, — и люди, которые это делали. Когда кто-либо находится при смерти, говорят: «Он получил свою хельсот» (смертельную болезнь); если человек поправляется, говорят: «Он уладил дела с Хель». Даже в наши дни, когда кто-то, отправляясь по поручению, никак не возвращается, о нем говорят: «Его только за Хель посылать»¹⁶⁸.

ЦЕРКОВНЫЙ АГНЕЦ

Если войти в одиночестве в церковь, когда в ней нет службы, можно увидеть церковного агнца, бегающего по церкви. Согласно поверью, церковь, построенная над ягненком, никогда не обрушится. Когда в прежние времена строили церкви, живого ягненка нередко закапывали под алтарем, чтобы здание простояло на своем месте долгие годы. Призрак такого ягненка и называется церковным агнцем. Если маленькому ребенку предстоит умереть, церковный агнец выплывает на пороге его дома.

На всем Фиене существует только одна церковь, у которой есть свой церковный ягненок, — в других же есть только церковные совы. Обычай погребать живое существо ради того, чтобы церковные стены стояли прочней, распространяется не только на ягнят, но и на других животных, среди которых чаще всего упоминаются свиньи и домашняя птица¹⁶⁹.

МОГИЛЬНАЯ СВИНЬЯ

На улицах Аерёсьобинга¹⁷⁰ часто можно видеть «могильную свинью» — или, как ее еще называют, серую свинью. Утверждают, что это призрак свиньи, которую зарыли в землю живой, и появление ее предвещает смерть или несчастье.

НОЧНОЙ ВОРОН

Каждый подвергнутый экзорцизму дух становится, согласно легенде, ночным вороном. На том месте, куда его изгоняют, в землю вбивают острый кол, оставляющий дыру в левом крыле такого ворона. Ночные вороны обретаются в самых неприветливых местностях, топях и болотах. Вороны появляются с криками «Рок! Рок!», приближаясь кричат — «Рок оп! Рок оп!» — а потом отлетают с криками «Хей! Хей! Хей! — и». Когда они взлетают вверх, то очертаниями напоминают крест; а когда прыгают по земле, по-

хожи на сорок и кричат: «Бав! Бав! Бав!» Потом они летят на восток, к святому гробу, потому что если долетят до него, то сумеют отдохнуть. Когда ночные вороны летают над головой, нельзя смотреть вверх — ибо человек, заглянувший в дыру в левом крыле, сам становится ночным вороном. В остальном же ночные вороны безвредны, они только стремятся подальше улететь на восток.

ДЖЕК О'ЛАНТЕРН ИЛИ ДЖЕК С ФОНАРЕМ

Джек О'Лантерн, или болотный огонек, является духом несправедливого человека¹⁷¹, который ложным светом стремится запутать ночного путника и заманить его в трясину и болото. В качестве лучшего средства избавиться от него рекомендуется повернуть шляпу задом наперед. Если кто-то заметит Джека с фонарем, он не должен показывать на него, поскольку в этом случае тот подойдет ближе. Говорят также, что, если кто-либо позовет его, он придет и подожжет зовущего.

Около Сковби, на острове Фальстер¹⁷², обитает множество Джеков О'Лантернов. Люди считают, что это души землемеров, которые при своей жизни несправедливым образом отмеряли землю. Теперь они в полночь бегают по берегу Сковби, измеряя землю раскаленными докрасна прутьями и выкрикивая: «Вот четкая и ясная межа! Отсюда до того места!»

ВАСИЛИСК

Когда петуху исполняется семь лет, он откладывает яйцо, из которого вылупляется уродливое чудовище, убивающее людей своим взглядом. Утверждают, что его самого можно убить лишь единственным образом — выставив перед ним зеркало, — ибо василиск настолько уродлив, что не в состоянии вынести своего собственного вида.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ БАШМАЧНИК ИЛИ ВЕЧНЫЙ ЖИД В ЮТЛАНДИИ

Когда-то очень давно в Ютландии видели человека, ничем не приметного и незначительного. Он ездил верхом на маленькой лошади, причем стремяна ее были сделаны из дерева. Когда его однажды спросили о том, откуда он пришел, он ответил: «Из Вендсисселя, к югу от Химмельсисселя». Он мог предсказывать будущее и как-то сказал о камне в Мае: «Колючки будут расти через трещину в камне, и в этих колючках сорока сошьет свое гнездо, выведет птенцов и после этого улетит с ними». Так и случилось. Потом он предсказал, что, когда начнут летать сороки, будет большое сражение около Вендсисселя, и большая часть солдат погибнет. Потому женщины должны набраться мужской отваги, чтобы одолеть врага. Но когда его спросили, что произойдет после этого, он ответил: «Пусть последует конец».

В Аалборге он предрек кое-что городскому магистрату, но особенно ему не понравились и приказали его высечь. После этого он предсказал, что точно так же, как кровь стекала по его спине, так и кровь членов магистрата потечет по улицам Аалборга. Случилось именно так, как он сказал: во время местной усабицы горожане убили членов магистрата.

В то время Насериисаа не текла через Аалборг, но он предсказал, что наступит время, когда эта река будет течь по городу — и случилось именно так. Однажды он прибыл в Болструп и согласно своему обычаю поселился в старой печи. На следующий день он отправился на публичное собрание (тинг), где местный судья спросил его: «Что прои-

зойдет со мной?», на что получил ответ: «Ты умрешь в печи». Но он сам кончил свою жизнь не лучше, поскольку обнищал и не имел никакого жилья. Однажды, когда какие-то мальчишки стали насмехаться над ним и один из них начал бросать в него клепки от бочек, он сказал, что клепки эти станут причиной его смерти. Так и случилось — мальчик упал с дерева прямо на клепку. Милостыни он брал ровно столько, сколько ему требовалось в данное время. Так, собирая милостыню, он и путешествовал с места на место.

Общезвестна история башмачника из Иерусалима. Когда Иисус проходил мимо дома башмачника, сгибаясь под весом креста, он задержался у двери, чтобы немного отдохнуть; но башмачник вышел из дома и грубо толкнул Спасителя, чтобы заручиться одобрением Его врагов. После этого башмачник, которого звали Агасфер, был проклят и вынужден был вечно скитаться, не находя отдыха до судного дня¹⁷³.

ОБ ОЗЕРАХ, БЕЗДОННЫХ ВОДОЕМАХ И Т.П.

1. Озеро Тиис

В Кундби, неподалеку от Нолбека¹⁷⁴, некий тролль обитал в высокой горе, на которой стоит церковь. Поскольку люди в округе были набожны и в церкви часто служили, тролль постоянно страдал от звона колоколов. Наконец он решил оставить свой дом, поскольку ничто так не склоняет троллей к переселению, как возрастающая набожность людей и усиливающийся звон колоколов. Он перебрался в Фиен, и некоторое время прожил там. Однажды один крестьянин, который недавно поселился в Кундби, пришел в Фиен и встретил этого тролля на дороге. «Где твой дом?» — спросил тролль. Тролль выглядел как обычный человек, и потому крестьянин откровенно ответил: «Я — из Кундби». «Из Кундби? — повторил тролль. — Я тебя не знаю, хотя думал, что знаю всех в Кундби. Не отнесешь ли ты мое письмо в Кундби?» Крестьянин согласился, и тролль положил в карман крестьянина свое письмо с просьбой не вынимать его, пока тот не доберется до церкви Кундби, где ему надо просто бросить письмо на церковный двор, после чего тот, кому оно предназначается, найдет это письмо. Они расстались, и крестьянин после этого совсем не думал про письмо — но когда он отошел достаточно далеко и сел в том месте, где сейчас находится озеро Тиис, он внезапно вспомнил про него. Достав из кармана послание тролля, крестьянин некоторое время сидел с ним в руке — и вдруг печать вспенилась, словно вода, письмо раскрылось — и крестьянин спас свою жизнь с большим трудом, поскольку тролль спрятал в письме целое озеро, намереваясь уничтожить церковь в Кундби. Но Бог отвратил зло, и вода вылилась в большую долину, где сейчас и находится озеро.

2. Потонувший особняк

По соседству с Линденборгом, около Аархууса, есть озеро, глубины которого никто не может измерить. Об этом озере рассказывают следующую историю. Много лет тому назад на месте озера стоял гордый древний замок или поместье, от которого остался единственный след — дорога, которая вела к воротам (сами ворота исчезли под водами озера). В канун одного из священных праздников, когда хозяев замка не было дома, слуги замка затеяли большое веселье, которое зашло так далеко, что пьяные слуги завернули

свинью в полотняные одежды, натянули на ее голову шапку и уложили в кровать хозяина. После этого они послали священнику сообщение о том, что хозяин находится при смерти и ему немедленно требуется священник. Священник быстро прибыл на место и, не подозревая обмана, прочитал свинье все молитвы, которые полагаются в подобных случаях. Но когда он собирался осуществить таинство, все присутствующие покатались со смеху, а свинья схватила причастие из рук священника. Он в ужасе поспешил прочь от этого места, и даже забыл взять с собой свою книгу. Как раз когда он проходил внешние ворота, часы в замке пробили двенадцать, и во всех уголках замка начались треск и грохот. Когда священник обернулся, он увидел, как замок погрузился в озеро, воды которого хлынули из земных недр. Пока он в изумлении смотрел на то, что происходит, к нему медленно подплыл табурет, на котором лежала книга, которую он забыл в особняке.

ЛЕГЕНДЫ О КОЛОДЦАХ

1. Колодец Хелен

В Тисвильд-Марке в Зееланде, рядом с берегом, есть источник, который славится своими волшебными свойствами. В Иванов день больные и калеки приходят к нему отовсюду, даже с самой южной части острова. И поныне многим людям этот источник помогает вернуть здоровье. Этот источник называется Колодцем Хелен, и относительно него существует множество легенд.

В Швеции жила святая женщина, которую звали Хелен. Она жила в лесу, далеко от людей, и вела чистую набожную жизнь. Однако на одинокую женщину напал какой-то негодяй, который убил ее и бросил тело в море. И тогда большой камень принял на себя ее тело и поплыл с ним к Зеландии, где труп был найден под крутым обрывом в приходе Тибирке. Из-за крутизны обрыва ее тело нельзя было перенести — но благодаря святости Хелен случилось чудо: обрыв обрушился, и тело легко перенесли на равнину. Обрушившийся обрыв можно видеть до сих пор. На том месте, где тело оказалось в первый раз, забил источник, до сих пор носящий имя этой святой женщины. Когда ее тело положили в гроб и понесли в церковь Тисвильде, один из несших его мужчин прибежал к недостойным выражениям, отчего гроб внезапно стал очень тяжелым, так что его нельзя было сдвинуть с места. Место, в котором он погрузился в землю, до сих пор называют могилой Хелен. Камень, на котором ее тело доплыло до Зеландии, до сих пор остается у самого берега, и на нем видны четкие отпечатки ее тела.

Скандинавская принцесса Хелен славилась своей красотой. Некий король влюбился в нее и, не добившись взаимной склонности, решил взять Хелен силой. Преследуемая королем Хелен в ужасе перебегала с места на место. Когда девушка оказалась на берегу и король мог вот-вот схватить ее, она прыгнула в воду, но не погибла. Со дна моря поднялся большой камень, принял ее на себя и поплыл к Зеландии. На том месте, где Хелен впервые ступила на берег, забил источник, который до сих пор носит ее имя. Она долго жила по соседству с ним, и ее почитали и посещали как святую.

Три благочестивых сестры вместе отправились в путешествие и погибли в пути. Волны разнесли их тела в трех разных направлениях. Первую девушку звали Хелен, ее тело

приплыло в Тисвильде, где из ее могилы забил источник. Имя второй было Карин, ее тело выбросило на берег возле Одда, где до сих пор можно видеть источник св. Карины. Тело третьей сестры также оказалось на берегу, и из ее могилы также забил источник.

На утесе в районе Одда существует источник, который называется «колодец Торе» — возможно, он назван в честь третьей сестры.

2. Колодец св. Кнуда

Около Харрестеда в Зеландии, на месте, где герцог Кнуд Лавард был предательски убит сыном короля Магнусом (в 1129 г.), забил источник, который стали посещать люди, страдающие от телесных болезней. Этот источник носит имя св. Кнуда; вокруг него земля покрыта зеленью и летом, и зимой.

3. Сногскильде (колодец змеи)

Тот, кому повезет поймать змею с короной на голове, или, как ее называют, королевскую змею, и съесть кусок ее мяса, становится фремсинетом (т.е. способным видеть тайные вещи), понимает жизнь животных и читает любую книгу.

Благодаря подобному событию получил свое имя Сногскильде на Фиене. Когда некий человек шел вниз по холму в приход Гулдбиерг, он увидел королевскую змею, высунувшую голову из земли. Крестьянин быстро схватил ее и побежал прочь, преследуемый множеством змей, бросившихся на спасение своего короля. Но крестьянин сбросил свои деревянные башмаки и благополучно добрался до своей маленькой хижины, после чего немедленно съел часть змеи, таким образом получив глубинное видение мировых тайн. В том месте, где королевская змея выползла из земли, впоследствии появился источник. Его часто посещали паломники благодаря удивительным свойствам воды, исцелявшей любые болезни. Спустя много лет источник обнесли оградой, однако в настоящее время это место заброшено.

На острове Морс¹⁷⁵, как говорят, жили белые гадюки, хотя их находили очень редко. Тот, кто съедал такую гадюку, приобретал особые знания, а также мог видеть то, что было невидимо для остальных.

ПЕСЧАНЫЕ ХОЛМЫ В НЕСТВЕДЕ

В Фладсё жил тролль, который весьма не жаловал жителей Нестведа¹⁷⁶. Однажды он взял кожаный мешок, пошел на берег и набил мешок песком, чтобы засыпать им жителей Нестведа. Однако, когда он возвращался домой с мешком на плечах, песок сыпался из дыры, образовав ряд песчаных холмов, расположенных между Фладсё и Нестведом. Только когда тролль дошел до места, где в прежние времена стоял замок Хусвольд, он понял, что растерял большую часть песка. Тролль так рассердился, что бросил оставшееся в Нествед, где этот песок можно видеть по сей день в виде одинокого песчаного холма.

О ДЕРЕВЬЯХ

В лесу Ругаард стояло дерево, у которого не было листьев. Про дерево говорили, что хоть оно и похоже на другие деревья, но на самом деле это эльф, который ночами бродит по лесу. Этому дереву нельзя было наносить вред, поскольку за это следовала месть.

ОДИНОКИЙ КОЛЮЧИЙ КУСТАРНИК

Иногда в поле можно увидеть одинокий терновый куст, который никак не растет. Такой куст всегда заколдован, и к нему не следует приближаться в ночное время, так как тогда из куста выскочит огненное колесо, которое, если человек не бросится бежать, убьет его на месте.

О ЧЕРНОЙ СМЕРТИ В ЮТЛАНДИИ

На восточной стороне церковного двора Фуур никого не хоронят, потому что, когда в стране бушевала Черная Смерть, там закопали живого ребенка, чтобы остановить эпидемию.

Существуют и другие примеры использования такого метода прекращения чумы.

ОХОТНИК ЗА КРЫСАМИ

Жителям Альхеда сильно досаждали крысы, мыши и другие грызуны, когда в этих местах появился странствующий охотник за крысами, который взялся изгнать их всех. Однако первым делом он спросил — не живет ли где-нибудь по соседству дракон, и когда ему ответили отрицательно, распорядился сложить груды дров в середине очага. Эту кучу дров он зажег, после чего уселся на стул, взял книгу и начал ее читать. Читал он долго, и все это время крысы и мыши, змеи и различные рептилии шли мимо него прямо в огонь. Однако последним оказался дракон. Увидев его, охотник за крысами заявил, что его обманули и теперь его ждет смерть. Дракон обхватил хвостом стул вместе с охотником и вошел в огонь, где они и погибли вместе.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

1. Хабор и Сигнелил

Около Рингстеда¹⁷⁷¹ лежит Сигерстед, названный так в честь короля Сигара, обитавшего здесь. Его дочь, Сигнелил, любила благородного рыцаря Хабора — и по сей день показывают место около Алстеда, где они обычно встречались. Это место до сих пор называется дорожкой Сигнелил.

Однажды Сигнелил преследовала оленя, и ее лошадь внезапно упала на брове через реку, так что Сигнелил могла утонуть. В это мгновение появился Хабор, который спрыгнул в воду и спас девушку. Их любовь стала настолько сильной, что Хабор в платье служанки тайно проник к Сигнелил. Нянька принцессы Гунваре сообщила об этом королю Сигару. После этого люди короля схватили Хабора. Тогда влюбленные решили умереть вместе. Хабора перевели в Стангхей, где его должны были повесить — но, желая убедиться в верности Сигнелил, он попросил сперва повесить его плащ, якобы для того, чтобы посмотреть со стороны, каким он будет выглядеть на виселице. В это время Сигнелил бросила все свои драгоценности в глубокую яму, которая до сих пор зовется колодцем Сигнелил. Отсюда пошла пословица, утверждающая, что в Сигерстеде больше золота и серебра, чем это известно. После этого она закрылась в своем покое, внимательно глядя на виселицу, на которой должны были повесить Хабора. Увидев плащ, она решила, что Хабор уже мертв, и зажгла свою комнату. Увидев поднимающееся пламя и дым, Хабор убедился в ее любви и предал себя в руки судьбы, после чего был погребен

в Хагехее. Злодейка-нянька не получила награды за свое предательство — ее бросили в колодец, который с тех пор называют колодцем няньки.

Таково одно из самых древних и знаменитых скандинавских преданий. У Саксона Грамматика легенда приводится в более подробном виде. См. также W. Grimm, Altdänische Heldenlieder, p. 509, а также Udvalgte Danske Viser, iii. pp. 403, sqq., где упоминаются несколько городов Дании, Швеции и Норвегии, жители которых утверждают, что данная трагедия произошла именно у них.

2. Феггеклит

В незапамятные времена в Морсе жил король по имени Фегге или Фенго. Его замок располагался на холме, который в честь него до сих пор называют Феггеклит. Именно отсюда он отправлял свои корабли в океан. Он и его брат Хорвендил попеременно по три года правили на земле и в море. При этом один вел дела в море, а второй руководил дома. Однако Фегге позавидовал удаче Хорвендила и возраставшему авторитету, убил брата и женился на его вдове. За это убийство ему впоследствии отомстил сын Хорвендила, Амлет¹⁷⁸. Он убил Фегге, чью могилу до сих пор можно видеть в Феггеклите.

3. Курганы Еллинге

Примерно в двух милях к северо-западу от Веиле, возле кладбища деревни Еллинге, по обе стороны от него находятся два кургана. В них покоятся король Горм Старый и его королева Тира. В кургане Тиры, как говорят, в прежние времена бил источник, вода которого, по мнению некоторых, шла по медным трубам под землей от холма около деревни Ругбалле; другие утверждали, что трубы были проведены от источника, находившегося на поле Финнет: третьи придерживались мнения, что муж Тиры заподозрил ее в неверности, однако через три дня после погребения Тиры из земли забил источник в знак ее невинности. Однако, когда один крестьянин осквернил источник, омыв в нем свою лошадь, чтобы избавить ее от струпа, вода перестала течь.

Около этих курганов, прямо перед дверями церкви, находятся два древних монумента — а именно два очень больших камня с руническими надписями, повествующими о короле Горме и его королеве Тире. Однако в наши дни никто не может прочесть эти надписи, если только не окончит Черную школу. Один знающий священник некогда прочитал эти надписи и узнал из них о существовании сокровища, лежащего в поле под большим камнем — однако осталось неизвестным, где следует искать этот камень.

4. Хольгер Датчанин под Кронборгом¹⁷⁹

Из-под замка Кронборг часто доносится звон оружия. Причина до сих пор остается неизвестной, так как во всей стране не нашлось отважного человека, готового спуститься в самые нижние подземелья. Одному проштрафившемуся рабу были обещаны прощение и свобода, если тот спустится вниз настолько, насколько это позволят подземные ходы, а потом сообщит обо всем, что увидел. Слуга спустился вниз и обнаружил большую железную дверь, которая, после того как он постучал, открылась сама. Он оказался в большом зале. С середины потолка свисала горящая лампа, на полу стоял огромный каменный стол, вокруг которого разместились рыцари в стальных доспехах. Головы рыцарей покоились на скрещенных руках. Сидевший во главе стола поднялся;

это был Хольгер Датчанин. Однако, когда он поднял голову, каменный стол лопнул, так как в него вросла борода Хольгера. «Протяни мне свою руку», — сказал он рабу. Тот не осмелился это сделать и протянул вместо руки железный прут. Хольгер с такой силой сжал железку, что на ней остался отпечаток. Отпустив прут, он воскликнул: «Сдается мне, что в Дании есть еще мужчины!»

5. След епископа Вильяма

Возле двери на южной стороне собора Роескильде¹⁸⁰ до сих пор можно видеть след, оставленный епископом Вильямом, в гневе выставившем ногу, не позволяя войти в церковь королю Свенду Эстритсену. Епископ отлучил короля от церкви за то, что тот осквернил священное здание несправедливым кровопролитием.

6. Смерть и похороны епископа Вильяма

Когда епископ Роескильдский Вильям узнал, что его повелитель король Свенд по прозвищу Эстритсен скончался в преклонном возрасте в Ютландии, он подготовился к тому, чтобы встретить тело короля. Перед тем как отправиться в путь, епископ посетил церковь Святой Троицы, позвал с собой могильщиков и приказал им сначала вырыть могилу для короля, а потом и для себя, поскольку чувствовал, что не намного переживет своего дорогого повелителя. После этого он сел в повозку и отправился встречать тело короля. Оказавшись в лесу Топсхоге, он заметил два особенно высоких дерева. Епископ приказал своим спутникам свалить эти деревья, чтобы сделать из них гроб. Полагая, что они делают гроб для короля, помощники выполнили его приказ и погрузили гроб на экипаж, чтобы везти с собой. Выехав из леса, епископ Вильям увидел приближавшуюся процессию с телом короля и приказал кучеру остановиться. После этого он вышел из экипажа, расстелил на земле свой плащ, опустился на колени и начал молиться Богу о мире и счастливом упокоении. Когда его помощники удивились тому, что епископ не поднимается с земли, они подняли его голову и увидели, что он мертв. После этого они положили его тело в гроб и вернулись с ним в Роескильде. Труп его понесли за телом короля и погребли рядом с ним, в месте, которое епископ себе сам выбрал.

Впоследствии, когда епископ Свенд Норбагге¹⁸¹ перестраивал церковь, используя тесаный камень, оказалось, что могила епископа Вильяма занимает слишком много места, и Свенд Норбагге решил ее перенести. Но ночью во сне регенту хора явился человек в одежде священника и приказал поклониться епископу Свенду, сказав, что тому следует удовлетвориться перестройкой церкви, но не отделять его могилу от королевской. Еще этот священник сказал, что если бы епископ Свенд не вел такой благочестивый образ жизни, то он покарал бы его, но теперь выместит свой гнев на его постройке. С этими словами он ударил в стену посохом с такой силой, что колонны разлетелись на мелкие части. Пробудившись от своего сна, регент увидел, что колонна разбита, а он лежит среди битого камня, но без единой раны на теле. Узнав о том, что случилось с регентом, епископ Свенд сказал, что не удивляется посмертному поведению епископа Вильяма, если судить по твердому и нестигаемому характеру, проявленному им при жизни.

На протяжении долгого времени могила епископа оставалась неприкосновенной, пока не скончался епископ Аскер. Было решено, что самым почетным местом для него является место рядом с епископом Вильямом. На этом мнении сошлись регент хора Херман, школьный учитель Арнфаст и провост Исаак. Они открыли могилу и, иссле-

довав ее, нашли, что останки епископа Вильяма благоухают, что явно свидетельствует об обретенной им благосклонности небес. Запах был настолько силен, что прикасавшиеся к останкам епископа три дня не могли отмыть свои пальцы. Однако потом они отодвинули кости без особого почтения, за что были строго наказаны. Регента хора Хермана поразил «антонов огонь»¹⁸², от которого он через три дня скончался. Школьный учитель вдруг ощутил слабость в конечностях и, чтобы избавиться от нее, начал пить спиртное, но допился до того, что едва не выблевал всю печень. Когда к нему явился епископ Абсалон, он объяснил свои страдания совершенным грехом. Учитель поступил в монастырь и скончался через три месяца. Провост Исаак, увидев, какое наказание за грехи получили регент хора и школьный учитель, продал все, что имел, и основал монастырь Св. Марии в Роескильде — но впоследствии скончался от изнурительной хвори.

7. Наказание за бесчеловечность

Когда погоня загнала короля Кнута Святого в церковь Св. Альбана в Оденсе, он преклонил колена перед главным алтарем, помолился Богу о прощении своих грехов и приготовился к смерти. Стоя на коленях, он сильно страдал от жажды. Один из ютландцев, заглянувший в окно, пожалел короля и побежал к ручью за водой с кувшином, однако оказавшийся поблизости другой ютландец ударил кувшин копьем, так что вся вода пролилась на церковный пол. Тогда король сказал тому, кто разбил кувшин: «Тебе жалко для меня даже воды?» Сказав это, он был сражен брошенным в него камнем (это случилось в 1086 году). Но и безжалостный ютландец получил по заслугам. Он сошел с ума и стал страдать от сильной жажды. Однажды, спускаясь к источнику, чтобы набрать немного воды, он поскользнулся и полетел вниз, но зацепился ногами и так повис, едва не доставая ртом до воды. Он умер, так и не сумев до нее дотянуться.

8. Походный сундук Свенда Грате

В Ютландии, около деревни Крагелунд, находится большая трясина под названием Граа-Мозе. В прежние времена ее называли Грате-Мозе, поскольку именно здесь Свенд Грате был убит королем Вальдемаром (1157 г. по Р.Х.). С этим местом связана следующая легенда. Когда Свенд Грате увидел, что сражение проиграно, он приказал бросить в самую топь (в то время она там существовала) свой большой походный сундук. Сокровища тщетно искали, пользуясь той приметой, что над тем местом, где находятся сокровища, по ночам парят огоньки. Поиски оказались тщетными, а школьный учитель, втыкавший колышки на тех местах, над которыми замечал огоньки, на следующее утро не смог отыскать их.

9. Две колокольни

Герр Ассер Риг решил построить в Фиеннеслёввилле церковь — но прежде, чем она оказалась достроенной, ему пришлось отправиться на войну вместе со всей родней. Перед отъездом сказал жене, в то время находившейся в тягости, что если у нее родится сын, то церковь пусть будет с колокольной, если же будет дочь, то без колокольной. Когда он вернулся домой, церковь оказалась с двумя колокольными! Жена родила ему двух сыновей, Абсалона и Эсберна Снаре.

Саксон Грамматик (см. Dahlmann, Gesch. v. Dänem., p. 279, примечание) считает это предание сомнительным, потому что тогда «quandiam (Hesbernus) nati praestet

(он, Эсберн, родился до собственного рождения)¹⁸³». Абсалон был прославленным архиепископом Лунда и еще более прославленным государственным деятелем и полководцем при Вальдемаре I, прозванном Великим. Его брат, Эсберн (Asbiörn) также был видным государственным деятелем и полководцем.

10. Смерть архиепископа Абсалона

Архиепископ Абсалон причинил зло крестьянину. Умирая, тот обратился к Богу с просьбой, чтобы Господь призвал архиепископа на свой суд. И в тот же момент, как крестьянин умер, Бог забрал к себе и Абсалона. В это время в монастыре Сорё братья, еще не получившие известия о смерти архиепископа, вечером того же дня внезапно слышали около алтаря скорбный голос, произносивший: «Sora! Sora! Pro me supplex ora!¹⁸⁴»

11. Даннеброг

Когда король Вальдемар Победоносный воевал против язычников-ливонцев, желая обратить их в христианскую веру, архиепископ Андрей Лундский, подобно Моисею, стоял на высоком холме, вознося молитвы Богу за успех датской армии. Утверждают, что, пока он стоял, подняв руки, датские солдаты были победоносны. Но как только он опустил их по причине преклонного возраста, язычники начали одолевать. Поэтому находившийся с ним рядом священник поддерживал его руки во все время сражения. Именно во время этой битвы случилось чудо: когда главный датский стяг был потерян в пылу боя, с небес упало знамя с белым крестом на красном поле, благодаря которому даны одержали победу. Драгоценное знамя после этого случая долго хранили, поскольку существовало убеждение, что, пока оно существует, победа останется за датчанами. Это знамя называли даннеброг. На том месте, где разгорелось сражение, впоследствии был построен город Вольмар, получивший свое имя в честь короля Вальдемара.

12. Корабли Даннеброга

В Гиеннер-Марке, расположенном примерно в миле от Апенраде¹⁸⁵, до сих пор можно видеть развалины древнего монумента, который называют кораблями Даннеброга. Утверждают, что поначалу этот монумент состоял из похожих на корабли двадцати камней большего и меньшего размера, поставленных на ровном месте в виде овала, в котором лежащие камни разделялись стоящими.

Об этих камнях рассказывают, что когда король Вальдемар II победил язычников-ливонцев, после чудесного явления Даннеброга, по возвращении в Данию он приказал поставить эти камни около залива Балтийского моря, расположенного к востоку от деревни Гиеннер. Камни стали памятником его победы, в честь которой получили название кораблей Даннеброга.

Со временем некоторые из этих камней были разбиты и использованы крестьянами для строительства оград; тем не менее кое-что сохранилось, и старики, которые видели камни в прежние времена, утверждают, что камни имели форму кораблей.

13. Св. Нильс (Николас), покровитель Аархууса

Когда король Кнут Шестой, направляясь с севера на юг Ютландии, оказался в Хадерслеве¹⁸⁶, где он намеревался провести ночь, к нему пришел предсказатель, который хорошо знал звезды. Он объявил, что в предстоящую ночь будет зачат ребенок, кото-

рому надлежит в свое время прославиться и пользоваться почетом у Бога и у людей. Услышав это, король немедленно захотел стать отцом столь удивительного ребенка и отдал распоряжение, чтобы к нему немедленно и тайно провели благородную молодую даму, чтобы он мог разделить с ней ложе. Его распоряжение было исполнено, и молодая дама через девять месяцев родила мальчика, скончавшись при родах. При крещении юный принц получил имя Нильс. Его отдали сестре короля, которая растила его до времени, пока его не представили ко двору, после чего принц занялся упражнениями в ратном деле и изучением дворянского этикета. Оказавшись при дворе, принц Нильс узнал о том, что появился на свет ценой жизни собственной матери. Это так подействовало на молодого человека, что он совершенно преобразился. Никто не слышал с тех пор, чтобы он смеялся. Распущенность двора стала столь ненавистна ему, что он начал искать уединения, предался молитвам и лишениям, отказался от полотняной одежды и облачился в шкуры, в пятницу питался лишь водой и хлебом и проводил ночи в истовых коленопреклоненных молитвах. В конце концов он решил оставить тяготы мира сего и отправился в Аархуус, где провел остаток своей жизни. В этом городе он основал монастырь, который впоследствии был назван его именем. Он поселился в этом монастыре, с ним жил только монах Хуго; больше принц ни с кем не общался.

Незадолго до смерти, посетившей его в 1180 году, произошло откровение. Вышеупомянутый Хуго, который спал в том же помещении, что и принц, ночью увидел процессию из молодых священников, которая входила в их келью. Священники в торжественных облачениях и красных шапках держали в руках зажженные восковые свечи. Яркий свет разбудил Хуго, встав с постели, он упал на колени перед принцем и рассказал о видении, спросив, что оно означает. Принц ответил, что это был посланный небом знак, который предвещает его смерть следующей ночью. На следующий день принц созвал к себе своих друзей из города и всех монахов монастыря, дал им добрые напутствия и попрощался. Затем он наделил милостыней нищих и на следующую ночь, как и было предсказано, скончался, предварительно распорядившись, чтобы его похоронили в церкви св. Олафа около моря. Во время его жизни эта церковь получала от него щедрые пожертвования. Когда он умер, епископу Аархууса Свенду показалось, что место, выбранное для погребения, слишком скромно для столь высокородной особы. Поэтому он распорядился перенести тело в церковь монастыря Св. Николаса. Однако случилось чудо: с неба с восточной стороны церкви Св. Олафа упала звезда. Это было воспринято как знак того, что принц вновь повторяет свою волю. Епископу пришлось подчиниться. После того как принца похоронили у церкви Св. Олафа, время от времени там начали совершаться различные чудеса. Около могилы поставили деревянный крест, который с течением времени обветшал и упал. После его разрушения люди трижды слышали такие слова: «Сделайте новый крест из дуба, взятого из леса Скейби, и поставьте на холме, где погребен св. Нильс!» Точно по этому приказу все было сделано; и ствол, который привезли из леса, оказался столь тяжелым и большим, что лишь пять упряжек волов смогли доставить его в Аархуус.

Около могилы стоит большая яблоня. Один крестьянин попытался забраться на яблоню, чтобы украсть яблоки, но у него парализовало шею и ноги, так что он не мог ни спуститься, ни даже двинуться — пока не начал молиться о прощении и поклялся, что никогда больше не попытается украсть яблоки.

Около могилы стоял открытый ящик, в который паломники опускали дары, чтобы получить излечение от слепоты, глухоты и других болезней. Однажды какой-то вор попытался украсть из этого ящика пару искусно отлитых из серебра глаз, которые положил в ящик человек, обретший зрение. Этот вор прибыл из Хорсенса. Желая быстрее вернуться домой, он бежал всю дорогу в свой город — но утром он встретил священника, от которого узнал, что до сих пор находится на дворе церкви Св. Олафа и что, несмотря на быстрый бег, так и не сумел сойти с первоначального места. Вор признался в своем грехе и без труда нашел дорогу в Хорсенс, после того как отдал серебряные глаза.

Когда умерла корова, принадлежавшая одной бедной женщине, св. Нильс вернул ее к жизни. Аналогичным образом он поступил со стадом овец в Рандлеве. И сокол, который умер на руке короля Вальдемара, аналогичным образом ожил по призыву св. Нильса.

Однажды он стоял около группы рабочих, которые рубили строевой лес в лесу Виби для будущей церкви. Услышав, что они испытывают жажду, он приказал появиться источнику, чтобы рабочие могли напиться. Этот источник до сих пор носит имя Нильса, и его посещают больные.

После того как св. Нильс произвел множество подобных чудес и его рака была богато украшена, при короле Эрике Менведе от его мощей стал исходить сильный и сладостный запах. Могила святого привела в искушение Марска Стига и его банды грабителей с острова Хиельм, расположенного неподалеку от Аархууса. Из-за страха перед этой бандой мощи св. Нильса вместе с ракой были перевезены в церковь Св. Клемента в Аархуусе. Но с этого времени новых чудес уже не случалось, приятный запах от костей Нильса исчез и больше не возвращался — даже когда его провозгласил святым сам папа.

14. Могила маленькой Кирстен (Кристины)

Сразу за северной дверью церкви в Вестерлиге¹⁸⁷ находится примечательный могильный камень с выгравированным на нем крестом и неразборчивой надписью. Под этим камнем лежит маленькая Кирстен, сестра короля Вальдемара Первого. Во время отсутствия этого короля она вступила в незаконную связь с Бурисом, принцем вендов и братом королевы, от которого стала беременной. Когда король по возвращении узнал, что произошло, он, как говорят, пригласил, маленькую Кирстен на танец и затанцевал ее до смерти. Принца Буриса он приказал ослепить и бросить в тюрьму. Через какое-то время гнев короля несколько утих и он разрешил несчастному принцу выбрать другую тюрьму. Тот выбрал монастырь Вестервиг, в башне которого провел последние дни своей жизни. Теперь на месте этой башни находится церковный двор. Рассказывают, что принц был прикован такой длинной цепью, что мог пройти от своей башни к могиле Кирстен, которую посещал каждый день. Королева, его сестра, всегда ненавидевшая маленькую Кирстен, поступила иначе — однажды она проехала по ее могиле на лошади, показывая тем самым свое презрение. Однако камень оказался мягче, чем ее сердце, — и на нем отпечатались след лошадиных подков.

15. Марск Стиг

После смерти Марска Стига в Хиельме¹⁸⁸ его сторонники ночью доставили в церковь Хинтцехольма и похоронили его, намереваясь сохранить в тайне место погребения.

ния, чтобы враги не подвергли тело Стига надругательству. Но когда они несли тело в церковь, случилось так, что служанка увидела свет в церкви и людей, несших гроб. Она сообщила об этом священнику, который вскоре после этого вскрыл могилу. Однако священник не знал, кем был погребенный, и не стал рассказывать о странном происшествии. Он лишь взял себе бархат, которым был покрыт гроб, и часть ткани отдал этой девушке. По прошествии известного времени после этого события упомянутая девица стала женой одного из сторонников Марска Стига, который однажды увидел знакомый бархат на подушке и спросил жену — откуда она его взяла? Она рассказала, что произошло. Опасаясь, что жена может выдать место погребения его господина, он убил ее, хотя и сильно любил.

16. Король Вальдемар и королева Хельвига

Однажды, садясь на коня, король Вальдемар вложил ногу в стремя и задумался, продолжая стоять таким образом, к большому удивлению всех присутствовавших. Наконец, один из его слуг спросил, почему он продолжает так стоять? На это король ответил, что слуга должен ему ответить — случится ли с ним, королем, то, о чем он думает, и если ответа не будет, слуга может не появляться королю на глаза. Услышав это, слуга в горе пошел прочь. Он долго бродил по лесу и никак не мог придумать, как ему поступить. В конце концов он увидел в лесу сидящую у огня женщину, которая спросила, почему он печалится. Когда он ей все рассказал, она рассмеялась и произнесла: «Поклонись своему господину и скажи ему, что шведы могут без помех напасть на Данию, если он заполучит королеву Хельвигу в союзники!» Королева Хельвига была в немилости, и король ее отвергал. По этой причине, услышав ответ слуги, король рассердился и сказал, что тот не угадал.

Однако случилось так, словно бы чудесным образом, что, когда король однажды охотился в лесу около замка Сёборг, где в то время находилась королева Хельвига, он увидел девушку, красотой которой он был так поражен, что приказал слугам привести ее к себе в полночь. Но когда слуги прибыли объявить королевскую волю, королева Хельвига, узнавшая обо всей истории, решила надеть на себя платье той молодой девицы и сама отправилась к своему супругу-королю. Она забеременела и родила дочь, ставшую впоследствии прославленной королевой Маргарет, объединившей Швецию с Данией и Норвегией.

*Эта и три следующие легенды относятся к королю Вальдемару IV, прозванному Амтердагом (от *atter*, снова, и *dag*, день) — как полагают, от выражения «*Morgen er atter en Dag*» (Завтра будет новый день¹⁸⁹). Его королева Хельвига была заключена в замок Сёборг до самой смерти из-за связи с Фолкером Ловмандсенем.*

Однажды, когда король Вольмар собирался сесть в седло, он поставил ногу в стремя и внезапно замер, глубоко задумавшись. В это время мимо него провели человека, который был осужден на смерть. Тот упал на колени и стал молить о пощаде. Вздвогнувшись, король произнес: «Если ты угадаешь, что за мысль посетила сейчас мою голову, и если дашь на нее ответ, получишь свободу». После этого приговоренному предоставили возможность ездить по всей стране к обладателям тайных знаний, но никто не смог ему помочь. Однажды вечером он пришел к Борбиергу — крутому утесу, далеко выдавав-

шемуся в море. Там он трижды ударил по земле белым посохом, который был у него в руке, после чего из утеса вышел обитавший в нем гном. Однако и он не сумел ничего посоветовать этому человеку. «Но, — сказал далее карлик, — мой старый и мудрый прадед живет в Дагбиерг-Даасе, попробуй обратиться к нему». Тогда приговоренный взял посох и направился в Дагбиерг, но и там не нашел ответа. Гном только посоветовал ему обратиться к его пра-прадеду, обитавшему в Родстеене (Красном камне) на Фууре, сказав, что если он не сможет помочь, то больше обратиться уже будет не к кому. Тот человек отправился тогда на остров Фуур. Когда он подошел в пещере и постучал три раза, наступила полночь. Из пещеры вышел очень древний старичок. «Да, конечно, я могу тебе помочь, но сначала ты должен сказать мне три вещи, которые являются непреложными истинами». Приговоренный некоторое время раздумывал, а потом сказал: «Я много путешествовал и бывал в дальних краях¹⁹⁰, но никогда не видел столь крепкого дома, как твой». — «Да, я могу в это поверить, поскольку моя пещера выдолблена в цельном куске камня. Что ты скажешь еще?». — «Я много путешествовал и бывал в дальних краях, но нигде не видел столько серебра и золота в одном месте». — «Да, это вполне возможно. Что скажешь еще?». — «Я много путешествовал и бывал в дальних краях, но никогда не видел столь маленького человека с такой длинной бородой». Действительно, гном едва не наступал на нее. «Хорошо, — сказал карлик. — А теперь я расскажу тебе, о чем думает король: не объединить ли ему Данию, Норвегию и Швецию. Но это может произойти только при его дочери». Приговоренный был очень обрадован. С этим ответом он прибыл к королю и согласно обещанию получил свободу.

17. Королева Хельвига и Фальк Лохман

Когда король Вальмар Аттердаг обнаружил, что королева Хельвиг ему не верна и вступила в преступную связь с Фальком Лохманом, он приказал повесить Фалька на внешней стороне ворот Странд в Ниборге¹⁹¹, причем заставил королеву смотреть на исполнение приговора. Тюрьма, в которую был брошен Фальк, находилась в замке, и на протяжении нескольких лет ее показывали всем как темницу Фалька Лохмана. Королева часто приходила на стены замка и, как говорят, иногда разговаривала с часовыми. Один из них удостоился ее расположения, и она пообещала ему, что он всегда сможет найти талер под некоторым камнем в определенном месте. Солдат какое-то время регулярно получал свой талер, но когда однажды он заболел и послал за талером своего товарища, монеты на месте не оказалось, и впоследствии деньги больше никогда не появлялись.

18. Когда королева Маргарет была ребенком

Королева Хельвиг потеряла благорасположение своего мужа-короля и несколько лет провела в заключении в замке Гурре потому, что она приказала убить в ванне любовницу короля Товелилле. Случилось так, что когда король ехал по «Медному мосту», он увидел прелестную молодую девушку в крестьянском платье, стоявшую у ворот замка. Ему очень понравился этот ребенок, и король посадил малышку на свою лошадь. «Теперь, — сказала она, — мы поедem ко двору». «Зачем?» — спросил король. «Я хочу попросить у короля прощения для моей матери, королевы Хельвиги», — ответил ребенок. Это смягчило гнев короля, и он вернул свою милость королеве. Девочку эту звали Маргарет; когда она выросла, то стала королевой трех северных королевств.

19. Предсказание перед первым восшествием на трон короля Фредерика

В 1515 году, когда король Христиан II праздновал свою свадьбу во дворце Копенгагена, а собравшиеся дворяне веселились и праздновали, в зал вошел дядя короля по отцу. Среди собравшихся находился Дитлеф Ревентлоу, который, как говорили, был сведущ в астрономии и черной магии. Увидев вошедшего герцога, он поспешно поднялся и сказал сидящим рядом с ним: «Встаньте, о, датские дворяне! И шагните вперед, чтобы поприветствовать будущего короля!» Это пророчество сбылось через восемь лет, а Дитлеф Ревентлоу после восшествия на престол Фредерика I стал его канцлером и тайным советником.

20. Дукаты с очками

В правление короля Христиана IV в Норвегии было обнаружено месторождение золота, из которого король постановил отчеканить монеты в полдуката. Однако некоторые торговцы не верили тому, что в Норвегии может найтись золото, поскольку раньше об этом никто не слышал. Прознав о сомневающихся, король вознегодовал. И когда были найдены новые россыпи, приказал отчеканить монеты в половину и четверть дуката, причем на этих монетах были изображены очки для тех, кто сомневается, чтобы те могли надеть собственные очки и все тщательно разглядеть.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖАХ, СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЯХ И Т.Д.

1. Герб семьи Билле

На дворянском гербе семьи Билле изображен карлик или какой-то маленький ди-карь, относительно которого рассказывают следующее предание.

Много столетий назад в стране была большая засуха — такая, что остановились все водяные мельницы, и у людей не стало муки. Во время этого бедствия один принадлежавший к упомянутой семье землевладелец ходил по собственному двору, погрузившись в тяжкие раздумья. Внезапно к нему подошел покрытый шерстью маленький карлик, который держал в руке вырванное с корнем деревцо. Встав перед землевладельцем, он спросил о причинах его печали. На это землевладелец ответил: «Что толку рассказывать тебе, если ты все равно не сможешь помочь?» Карлик ответил: «Ты печален потому, что не можешь смолоть свое зерно, а у тебя много детей и работников, которым нужен хлеб. Но я покажу тебе такое место на твоей собственной земле, где ты сможешь поставить семь мельниц, которым всегда будет хватать воды». Увидев это место, Билле построил там семь мельниц, которые до сих пор можно увидеть в Эллебро-Дам. Эти мельницы никогда не испытывали недостатка в воде — ни летом ни зимой.

Рассказывают, что этот же карлик дал Билле небольшой белый рог, который, пока он хранился в семье, давал семье процветание. Рассказывают, что впоследствии этот рог долго хранился в Сёхольме в Зеландии.

2. Господин Эске Брок

Господин Эске Брок, проживавший в Веммелтофте, однажды шел по полю, развлекаясь тем, что размахивал в воздухе палкой. Внезапно к его ногам упала шляпа. Брок приказал своему слуге поднять ее и надеть ему на голову. И как только он это сделал, то сразу же стал невидимым. После этого он попробовал проделать это уже со слугой — и

получил тот же результат. Кому бы на голову Брок ни надевал шляпу, тот сразу становился невидимым. Вскоре после этого к воротам пришел мальчик с непокрытой головой с просьбой поговорить с господином Эске Броком. Когда тот вышел, мальчик попросил вернуть ему шляпу, которую господин Эске Брок сшиб с его головы палкой. Мальчик предложил за шляпу сто дукатов, а потом еще, если ему вернут шляпу. Но слова мальчика остались без ответа, поскольку шляпа весьма полюбилась господину Эске. В конце концов мальчик пообещал ему сделать так, чтобы его потомство никогда не знало нужды, — и только таким способом получил назад свою шляпу. Однако, оказавшись у дверей, мальчик обернулся и произнес: «У тебя не будет сыновей, только дочери!» И так впоследствии и оказалось, поскольку жена господина Эске родила нескольких мертвых мальчиков, и на нем род прекратился.

3. Наполовину полная бутылка

Когда шведы примерно сто лет назад вторглись в Голштинию, после битвы, в которой победили датчане, оставленный на посту посреди поля солдат с большим трудом нашел бутылку пива, чтобы утолить жажду. Едва он собрался выпить ее, лишившийся обеих ног швед позвал его слабым голосом и попросил глоток воды. Солдат подошел к нему и, видя его жалкое состояние, наклонился, чтобы протянуть бутылку, — но в то же мгновение коварный враг выстрелил в него из пистолета, надеясь убить — и тем самым отомстить. Но пуля прошла мимо, поскольку Бог отвел руку смерти от сострадательного солдата. После этого датчанин выпил половину и протянул остальное обманщику, говоря: «Негодяй! Теперь тебе достанется только половина бутылки».

Когда эта история дошла до короля, он приказал привести к себе солдата и наградил его дворянским гербом, на котором была изображена наполовину полная бутылка. Этот герб по-прежнему пребывает в его семье, которая до сих пор живет в Фленсборге.

4. Господин Эрланд Лимбек

Некогда семья Лимбеков была известным в Дании родом, но к нашему времени этот род прекратился, и причина сего, как рассказывают, заключается в следующем.

Когда господин Эрланд Лимбек, живший в Гравенгаарде в Ютландии, шел однажды по собственному полю, к нему подошел гном и сказал, что с ним соперничает другой карлик, и если господин Эрланд не придет к нему на помощь в определенный день, то противник одолеет. Гном пообещал за помощь процветание и власть семье Лимбеков на все время, пока будет существовать мир. Рыцарь Эрланд пообещал помочь карлику и назначил время и место встречи. Однако после этого он не мог уснуть и долго ворочался в постели. Жена спросила его о том, почему он так взволнован. Лимбек рассказал о своем обещании гному, на что она ответила: «Бог тебя не простит, мой дорогой муж, за помощь такому демону!» После этого она уговорила его нарушить свое слово. По прошествии некоторого времени, когда в канун Рождества рыцарь Эрланд веселился со своей семьей и друзьями, дверь зала распахнулась и в него вошел гном в расшитой золотом одежде. Он сказал рыцарю: «Если бы ты сдержал свое слово, то я сдержал бы свое, но теперь твой род из года в год будет клониться к упадку, и его начнут презирать, а потом твой род прервется, и последний в твоём роду станет сумасшедшим!» На это рыцарь Эрланд рассердился и произнес: «Ты мне угрожаешь?» Он попытался ударить карлика, то тот вернулся к двери. Тогда рыцарь приказал своим слугам схватить его, но

гном увернулся, но споткнувшись в двери, потерял свой башмак, который оказался сделанным из чистого золота. С этого времени рыцарь приобрел имя господина Эрланда Гульдско.

5. Семейство Монрад

Семья Монрад, как утверждают, ведет свое происхождение от венгерского мельника, который во время войны с турками собрал отряд и уничтожил большой отряд врага. В награду за столь важную победу император сделал его генералом и возвел в ранг дворянина, даровал ему щит и шлем и повелел, чтобы на этом щите были изображены полумесяц — в память о турках, — и мельничное колесо, которое говорило о прежнем занятии; потому он и его потомство получили имя Монрад¹⁹².

6. Имя и герб Розенкрандсов

Первым из семейства Розенкрандсов был господин Эрик. Вместе со Стие Хвиде он совершил путешествие в Рим, где папа даровал ему венок (krands) из роз, который, в ознаменование этого события, Эрик поместил на своем шлеме. От этого события и пошла фамилия Розенкрандсов. Сам Эрик Розенкрандс похоронен в Хиоррингхольмс-Марке.

В 663 году молодой господин Стиге, сын короля Дании, совершил путешествие в Англию, к королю Экуину, чтобы помочь ему в войне. Благодаря своей отваге он стал всеобщим любимцем, особенно у придворных дам. Но больше остальных его любила дочь наследного принца Редувала — и Стиге в свою очередь любил ее. Он провел при дворе всю зиму, и к лету принцесса забеременела. После его отъезда из Англии она родила сына, которого положила в золотой сундук вместе с освященной свечой и с солью, поскольку он не был крещен, — и пустила сундук в море. Через какое-то время принц Редувал, проезжая по берегу, нашел мальчика и, увидев золотой сундук, понял, что ребенок имеет высокое происхождение. Принц назвал мальчика и дал ему имя Карл. После смерти короля принц Редувал вззошел на трон Англии и стал первым христианским королем этой страны. Тем временем Карл подрос и прославился своей отвагой, так что король решил женить его на своей дочери. Когда уже шли свадебные приготовления, принцесса сказала жениху, что он — ее собственный сын от принца Стиге Датского. Эта весть столь поразила короля, что он решил казнить свою дочь — но молодой Карл вступился за мать и устроил ее свадьбу с принцем Стиге, которого она не видела девятнадцать лет.

В память об этом событии принц Карл разделил свой щит на четыре части белым крестом. Крест означал, что он — христианин. Первая четверть была красной, последняя — белой, в знак того, что он является как датским, так и английским принцем. В первой четверти был помещен датский коронованный белый лев, в последней находился другой белый лев, означавший Англию. Во второй и третьей четвертях он поместил черно-белые шахматные доски, означавшие разделение, столь долго существовавшее между его отцом и матерью. Этот герб и стал гербом Розенкрандсов.

7. Герб семьи Тролле

Род Тролле являлся одним из самых известных в Дании, особенно в пятнадцатом и шестнадцатом веках. На фамильном гербе, с намеком на фамилию, изображался

троль или демон, присутствующий на всех памятниках этой семьи. Троль изображен даже в соборе Роескильде — на железной решетке, расположенной в семейной часовне. Троль всегда изображается больше человеческого роста, с длинным хвостом и когтями, в полуполете, и когда его изображение возникает перед глазами внезапно, производит сильное впечатление. В наше время семейства Тролле уже не существует. Одним из самых видных представителей этой семьи был адмирал Херлуф Тролле, основавший в Херлуфсхольме в семнадцатом столетии школу, датский Итон или Винчестер¹⁹³.

8. Генерал-майор Сванведель

Примерно двести лет тому назад в Нёрре-Восборге, в Ютландии, жил помещик по фамилии Сванведель. Он служил генерал-майором в шведской армии и, кроме того, был обучен черной магии. Однажды во время войны в Скании его окружили враги — а у него осталось совсем немного людей. Однако он смог отбиться, потому что ночью превратил густые заросли камыша в солдат, с ними напал на врага и разбил его. На утро эти солдаты снова превратились в камыш.

Когда он умер в Восборге, тело положили в часовне замка, чтобы потом перенести в церковь. Когда вечером в часовню пришла дочь генерал-майора, покойный сел в гробу и приказал ей послать за магистром Нильсом, священником Хуусби. Хотя магистр Нильс при жизни генерала постоянно враждовал с ним, тем не менее он прибыл без промедления, принес с собой острый топор. После этого он заперся в часовне наедине с трупом, но о том, что произошло между ними, никто не знает — был слышен только ужасный шум, от которого сотрясаясь весь особняк. Однако в конце концов шум утих, и смертельно бледный магистр Нильс вышел из часовни со своим топором. С этого времени генерал лежал в гробу неподвижно, а через некоторое время его с большой пышностью погребли в церкви Ульвборга.

ЛЕГЕНДЫ ГОРОДОВ И ДРУГИХ МЕСТ

1. Крепостные валы Копенгагена

Много лет назад, когда вокруг Копенгагена возводили крепостные стены, земля под ними оседала, так что стены постоянно рушились. Тогда горожане взяли молодую невинную девочку, посадили ее на стул около стола и дали ей игрушки и сладости. Пока она таким образом развлекалась, двенадцать каменщиков возводили вокруг нее арку, которую по завершении засыпали землей под звуки барабанов и труб. Когда это дело было окончено, стены перестали рушиться.

Легенды о разного рода зданиях, под которыми погребены живые существа, известны по всему миру. Для подобных жертвоприношений обычно использовались ягненок, свинья, домашняя птица. Генрих Гейне (Die romantische Schule, p. 270) говорил по этому поводу: «В Средние века преобладало мнение, что при возведении здания необходимо убить какое-нибудь живое существо и фундамент ставить уже на его крови. Благодаря этому строение будет твердым и неподвижным. И в балладах и легендах до сих пор сохранились воспоминания о том, как убивали детей или животных, чтобы укрепить кровью большие здания».

2. Образ св. Олафа

В построенной в Таасинге церкви во имя Св. Олафа хранилось его изображение. У крестьян был обычай перед севом обходить с этой иконой, чтобы урожай был обильным. Однажды один крестьянин, взявший образ, чтобы обойти с ним свое поле, вместо того чтобы вернуть его в церковь, решил отложить это на следующий день и, не найдя лучшего места, положил образ в печь. На следующее утро служанка, не зная, что там лежит образ, растопила печь, от чего тот сгорел. С тех пор, как утверждают, деревня не видела былой удачи.

3. Тайные проходы под Аалборгом

Под городом Аалборгом существует много тайных ходов, построенных еще при монахах. Самый большой из них, как говорят, идет от старого женского монастыря, используемого в настоящем отчасти в качестве школы и отчасти в качестве больницы. Предполагается, что этот туннель проходит под фьордом до Сундби, где в прежние времена был монастырь. Доступ в этот ход был надежно прегражден. Сперва ход перекрывала дверь, украшенная красивыми рельефными изображениями. За ней находятся еще четыре двери. Один боковой проход ведет от главного хода к церкви Св. Марии, где был погребен король Ханс. Пройти в эту церковь можно только через гробницу. Другой боковой проход ведет к церкви Св. Будольфа, а оттуда к «мосту Муред-Порт». Третье ответвление ведет в противоположном направлении, от церкви Св. Марии — или от монастыря, — к старинному замку Аалборгхуус.

Один испытатель однажды решил исследовать эти проходы, обвязавшись веревкой. В одной руке он держал шпагу, а в другой — факел. У входа он поставил людей, которые при определенном сигнале должны были его вытащить. За веревку потянули лишь когда два часа он не подавал никаких знаков. Конец веревки оказался пережженным. Больше об испытателе никто не слышал.

О ЦЕРКВЯХ И МОНАСТЫРЯХ

1. О церквях

Когда король Кнут Святой стал строить в стране первые церкви, он хотел сделать их столь прочными, чтобы простояли до скончания века. Для этого он помолился Богу, чтобы получить соответствующие наставления. И после этого отправился на морской берег, где лежало много пены, и приказал каменщикам собрать ее. Благодаря его святости эта пена стала твердой как камень, и церкви, чьи стены сложены из такой пены, никогда не разрушатся, пока существует мир.

В Дании есть много сельских церквей, о которых говорят, что они были построены из морской пены. Такие стены представляют собой пористую массу, которую крестьяне зовут fraa (пена). Умение делать такую массу каменщики держат в тайне. Несмотря на пористость, стены из нее очень долговечны. Судя по описанию, их строили из известкового туфа, которым нередко в старину пользовались строители, и который часто применяется и поныне в странах юга. В условиях естественного залегания этот камень настолько мягок, что его можно резать лопатой, — но на воздухе год от года становится прочнее.

2. Башня Св.Марии в Копенгагене

В 1514 году, когда на колокольне церкви Св. Марии в Копенгагене был поставлен шпиль, помощник плотника начал препираться со своим мастером и в запале сказал, что он мастер не хуже плотника. Чтобы положить конец этому спору, мастер выставил брус за край башни, взял в руки топор, прошел по брусу и вонзил топором в его торец. Сделав это, он благополучно вернулся, после чего приказал своему помощнику принести топор. Помощник без колебаний прошел по брусу, но внезапно увидел два топора и спросил: «Хозяин, а какой из них?» Мастер понял, что произошло, и произнес только: «Да будет Господь милостив к тебе!» И в то же мгновение помощник сорвался с бруса.

Похожую историю рассказывают о колокольне церкви Св. Кнута в Одессе — но в ней подмастерье, дойдя до конца бруса, посмотрел на город и в испуге крикнул: «Хозяин! Бульбрю приближается ко мне!» Бульбрю — это небольшой городок возле Одессе.

3. Звон в колокольне Св. Николаса

Во время большого пожара в Копенгагене церковь Св. Николаса оказалась в огне, а колокольня начала раскачиваться из стороны в сторону. Люди, которые слышали, как звенели колокола, утверждают, что колокола исполняли псалом «Помилуй мя, Боже, по великой милости твоей».

4. Морской тролль и Иссефьорд

В прежние времена в Иссефьорде¹⁹⁴ жил тролль, который имел обыкновение останавливать каждое входившее в фьорд судно и требовал в жертву себе одного человека. Эта напасть продолжалась долгое время, но потом стало известно, что троллю надо показать голову папы Луция, который был обезглавлен в Риме много столетий назад, и тогда сила его иссякнет. И потому нескольких монахов послали в Рим, чтобы взять эту голову. Когда их корабль вернулся и вошел в фьорд, появился тролль — но, увидев голову, он с ужасным криком превратился в скалу. В соборе Роескильде можно видеть большое количество изображений, иллюстрирующих эту легенду.

5. Собор в Роескильде

В 1084 году собор в Роескильде был освящен в честь папы Луция, принявшего в 253 году мученическую кончину, как святого покровителя этого храма, и епископ Свенд Норбагге отправил двух каноников в Рим, чтобы привезти его мощи. Однако посланцам было представлено столь большое количество мощей, что они были совершенно озадачены и никак не могли выбрать нужные. Чтобы не ошибиться в выборе, они решили помолиться. Однако во время молитвы один из каноников уснул, и во сне перед ним явился папа Луций, предложивший свою помощь. При этом он настолько точно описал собственный череп, что каноники легко нашли его среди остальных мощей. Этот череп был доставлен в Данию и, оправленный золотом, долго хранился как самое ценное достояние собора Роескильде.

6. Церковь Веиби

В церкви Веиби, в Зеландии, в прежние времена хранилась засохшая рука человека. О ней рассказывали, что она принадлежала человеку, который много лет назад был сожжен за отцеубийство, так что огонь не смог поглотить его.

7. Церковь Каллундборга

Когда Эсберн Снаре строил церковь в Каллундборге¹⁹⁵, работа поначалу шла медленно, но к нему пришел тролль и предложил свои услуги. Эсберн Снаре заключил с ним соглашение, что, когда церковь будет завершена, он либо назовет имя тролля, либо лишится сердца и глаз. После этого работа пошла быстро, и скоро были возведены каменные колонны. Но когда дело приближалось к концу и оставалось возвести только половину колонны, Эсберн Снаре встревожился, потому что никак не мог узнать имени тролля. Он отправился бродить по полям в горестных раздумьях, и однажды, в тревоге и печали, прилег на Ульсхей-банке отдохнуть. Тут он услышал, как троллиха внутри холма говорит: «Тихо, тихо, мой малыш, завтра придет твой отец Фин и даст тебе поиграть с глазами и сердцем Эсберна Снаре». Услышав эти слова, Эсберн воспрянул духом и вернулся в церковь. В это время пришел тролль и принес недостающую половину колонны. Увидев его, Эсберн поприветствовал тролля, назвав его по имени. Услышав свое имя, тролль так рассердился, что улетел по воздуху с половиной колонны, так что церковь до сих пор стоит с тремя с половиной колоннами.

У церкви в Каллундборге пять шпилей, построенных Эсберном Снаре. Самый высокий, что стоит в середине, был посвящен его матери, а четыре остальных — четырём дочерям, одна из которых была хромоножкой — и потому один шпиль меньше, чем остальные.

8. Церковь Рахлёв

К северо-востоку от Каллундборга лежит деревня Рахлёв. Ее церковь находится на значительном удалении, в открытом поле. Эта странность объясняется следующим образом. Когда строили церковь в деревне, кто-то постоянно ночью разрушал то, что было создано днем. Тогда было решено, по совету одного мудрого человека, доставить на ее место двух красных быков, чтобы изгнать злых духов. Но на следующее утро один из быков был найден зарезанным около деревни, другой же, израненный, стоял в поле на возвышении. После этого люди поняли, что злые духи не властны над этим местом, и решили возвести свою церковь именно здесь.

9. Часть алтаря в церкви Сорё

В алтаре церкви в Сорё изображена Тайная вечеря. Поначалу было решено, что для двенадцати апостолов моделями послужат двенадцать профессоров Академии Сорё, но поскольку они не смогли договориться о том, с кого будут рисовать Иуду, на их место пригласили двенадцать крестьян из деревни Хаверуп. Один из них, сапожник, предложил писать с него Иуду — однако после этого дела у него пошли плохо, и он погряз во всякого рода пороках.

10. Капли крови на стенах церкви Карисе

Один охотник в Стевнсхерре захотел стать метким стрелком. Для этого он отправился на причастие, но сохранил облатку во рту и вышел с нею из церкви. После этого он зарядил ружье, положил в него гостью и выстрелил ею в церковную стену. В месте, где он попал в стену, сохранилось кровоточащее отверстие, которое можно видеть и до сих пор.

О другом охотнике говорят, что он прикрепил облатку к церковной стене и выстрелил в нее.

11. Церковь в Фальстере

Некогда на острове Фальстер жила высокородная дама, сказочно богатая, но не имевшая детей, которым она могла бы передать наследство. Тогда она решила употребить деньги на богоугодные цели и приказала построить церковь — просторную и величественную. Когда церковь была завершена, она приказала зажечь свечи на алтаре, опустилась на колени и принялась молить Бога о том, чтобы за свой дар она получила столько лет жизни, сколько простоит церковь. Родственники умирали, однако она продолжала жить. В конце концов у нее не осталось больше друзей или знакомых, с которыми можно было бы поговорить. Вокруг нее вырастали и умирали дети, вырастали и умирали дети этих детей — но она все жила, хотя и одряхлела настолько, что утратила всякий разум. Однако временами к ней возвращался голос; и это происходило только на один час в ночь на Рождество. В одну из таких ночей она пожелала, чтобы ее положили в дубовый гроб и поставили в церкви, чтобы она могла умереть — но чтобы священник каждую рождественскую ночь приходил к ней, чтобы получить ее распоряжения. С этого времени гроб стоял в церкви, но Бог так и не разрешил ей умереть. Каждую ночь в Рождество священник навещает ее и поднимает крышку гроба, чтобы она могла подняться. Сев, она спрашивает: «Моя церковь все еще стоит?» После того, как священник отвечает «Да», она вздыхает и говорит:

«Ak! Give Gud, at min Kirke var braendt; Ax!
Thi da er først al mill Jammer fuldendt!»

*Пусть моя церковь сгорит;
Поскольку после этого
мои несчастья прекратятся.*

После этого она опускается обратно в гроб, священник опускает крышку и не приходит до следующей Рождественской ночи.

12. Церковь Марибо

В церкви Марибо, возле одной колонны, находится изваяние монаха, показывающего на другую колонну, в которой, как утверждает легенда, были спрятаны монастырские сокровища, которые монахи туда положили, когда им пришлось оставить эту церковь¹⁹⁶.

13. Собор в Аархуусе

Собор в Аархуусе был во времена католицизма освящен в честь св. Клементя, потому что привязанное к якорю тело этого святого было вынесено волнами на берег около Аархууса после одиннадцати веков, проведенных на океанских просторах. Святого похоронили в соборе и в память об этом событии поставили на алтаре его изваяние с якорем.

До Реформации в этом соборе существовал обычай: во время торжественного богослужения в канун Великой Пятницы произносить громким голосом через отверстие в своде церкви: «Да будет проклят Иуда!» При этом трубили в большой охотничий рог, который сохраняется в церкви до сего времени. После этого проклятия с верхней галереи северного транспта доносится трепещущий и слабый голос Иуды: «Согрешил я, предав кровь невинную (Мф. 27: 4)».

14. Собор Рибе

В соборе Рибе находится дверь, которую называют дверью кошачьей головы (Kathöved Dør), в память о старой легенде. Рассказывают, что в давние времена в Рибе жил бедный шкипер, попавший однажды на остров, жители которого страдали от нашествия мышей. К счастью, у него на борту оказался кот. Шкипер взял кота на берег, и тот уничтожил большую часть мышей. Этого кота шкипер продал островитянам, за что получил значительную сумму. Отплыв домой, шкипер набрал кошек и, продав их островитянам, разбогател настолько, что смог безбедно прожить остаток дней. Почувствовав приближение смерти, он решил построить в Рибе церковь в память о том, как разбогател. Говорят, что в этой церкви, есть изображение кота и четырех мышей.

Шкипера из этой легенды можно назвать датским Уиттингтоном. Существовал и итальянский Уиттингтон, которого звали Ансальдо дегли Орманни. О нем рассказывают — в письме Лоренцо Магалотти к Оттавио Фальконе (Idelers Handb. Der ital. Lit., i, p. 355), — что когда он прибыл на один из Канарских островов, его пригласил на обед король. Во время обеда гость заметил, что все слуги ходят вокруг с длинными палками, чтобы отгонять крыс, которые постоянно нападали на яства. Он поспешил на свой корабль и вернулся с двумя котами, которые за короткое время нанесли страшный урон крысиному поголовью. Ансальдо подарил этих котов королю, который в ответ преподнес ему сказочные богатства. По возвращении в свою страну Орманни рассказал, каким способом разбогател. После этого некий Джакондо де Физанти решил попытать удачи таким же образом. Продав свой дом, он нагрузил корабль жемчугами и другими драгоценностями, в полной уверенности, что король наградит его за такие дары много больше, чем за двух котов. По прибытии он преподнес свои подарки королю. Тот оценил их очень высоко, но посчитав, что у него нет ничего более ценного, чем эти два кота, подарил одного из них Джакондо, разорившегося по своей недалекости.

15. Церковь в Эрритсё

Много лет назад в Эрритсё, около Фредериции, жил очень бедный человек, который однажды сказал: «Если бы у меня было много денег, я бы построил церковь для церковного прихода». На следующую ночь ему приснилось, что если он направится к южному мосту в Вейле, то найдет там целое состояние. Когда он прибыл на место и начал поиски, его задержал офицер, который спросил, что этот человек делает на мосту. Крестьянин рассказал свой сон, на что офицер сообщил в свою очередь, что предыдущей ночью также видел сон, в котором говорилось, что в амбаре около Эрритсё зарыты сокровища; при этом офицер упомянул имя хозяина — того же самого крестьянина. Тот без промедления поспешил домой и нашел сокровища в своем амбаре. Крестьянин оказался верен своему слову и построил церковь.

Историю, похожую на приведенную выше, рассказывают о сокровищах на острове Эйлиен, в Танслете. Читатель, без сомнения, будет удивлен совпадением легенды об известном основателе замка Дундональд в Эйршире с рассказанной выше.

Дональд Дин — или Дин Дональд — поначалу был бедным человеком, но отличался тем, что видел хорошие сны. Однажды ему трижды приснился один и тот же сон — если он отправится на Лондонский мост, то разбогатеет. Оказавшись на мосту, он

увидел человека, смотревшего с него вниз на воду. Дональд познакомился с этим человеком и после недолгого разговора рассказал ему о своем сне. Незнакомец ответил, что Дональд поступил глупо, поскольку сам видел похожий сон, в котором ему предписывалось отправиться на определенное место в Эйршире в Шотландии, где он найдет большие сокровища — однако он и не подумал исполнить увиденные во сне рекомендации. Когда незнакомец начал описывать место, где спрятаны сокровища, хитрый шотландец сразу понял, что оно находится на его собственном хозяйственном дворе. Дональд немедленно направился домой, ожидая найти сокровища. И не был разочарован, поскольку, погубив изрядное количество отменных капустных кочанов и полностью выйдя из доверия у своей жены, которая решила, что он сошел с ума, нашел большой горшок, полный золотых монет, на которые приобрел себе хорошее стадо и стал основателем процветающего семейства¹⁹⁷.

16. Алтарь собора Шлезвига

Мастер Ганс Брюггеманн, родившийся в Хусуме, был умелым ремесленником и способным человеком. Именно он изготовил красивый алтарь для монастыря в Бордесхольме. Этот алтарь в 1666 году перевезли в собор Шлезвига. Утверждают, что Ганс и его люди работали над ним семь лет, причем каждая статуэтка была пропитана маслом, чтобы ее не погубили древоточцы. Когда работа была завершена, ознакомиться с ней пришли король Христиан II и его королева Елизавета; воспользовавшись случаем, Брюггеманн вырезал изваяния обоих коронованных особ из дерева, после чего поместил их на две колонны по обе стороны алтаря.

Увидев его работу, жители Любека захотели, чтобы Ганс Брюггеманн сделал и для них столь же красивый алтарь. И он не просто взялся за эту работу, но сделал новый алтарь еще более красивым. От этого монахов из Бордесхольма обуяла зависть, и они подсыпали ему снадобье, которое сделало слабыми его глаза, так что он не мог больше работать. Брюггеманн скончался в городе Эйдерштадте, около Бордесхольма.

Об алтаре церкви Норре-Броби в Фиене также рассказывают, что, когда мастер завершил работу, его спросили, может ли он создать другой такой же шедевр, и он ответил на этот вопрос утвердительно. И тогда ему выкололи глаза. См. аналогичное предание о часах в Камбре в Wolf, Niederl. Sagen, p. 444.

ЛЕГЕНДЫ О ДОМАХ

1. Херлуфсхольм

Когда фру Биргитте Гиёе скончалась, и совет королевства взял на себя управление школой в Херлуфсхольме, в ее семье узнали, что дарственный акт потерян. Из этого обстоятельства в семье решили извлечь выгоду. Ректор и священник этого места были последовательно вызваны в Копенгаген и выглядели там весьма бледно из-за своей неспособности найти документы. Однако когда раздосадованный священник улегся спать в ночь перед отъездом из Копенгагена, во сне ему явилась фру Биргитте Гиёе, не хотевшая, чтобы после ее смерти школа закрылась из-за жадности ее семьи. Священник увидел, как она идет к старому столу и несколько раз бьет по одной из ножек. Священник был очень удивлен видением — однако, исследовав стол, нашел потайной ящик, в

котором лежал потерянный документ. Вместе с ректором он доставил этот документ в Копенгаген и таким образом спас школу в Херлуфсхольме.

2. Вааргаард

Много лет назад в Вааргаарде жила дама, которую звали фру Ингеборг. Она была вдовой члена семейства Шеель. Семейство Шеель было известно теми притеснениями, которыми оно досаждало своим крестьянам. В свое время Шеель отобрал у крестьян луг под названием Агерстед Энге. Землевладелец был несправедлив и жесток с крестьянами, но вдова его намного в этом превзошла. Однажды, направляясь в церковь в годовщину смерти мужа, она сказала своему кучеру: «Я не знаю, как теперь живет моему бедному мужу». На это кучер по имени Клаус, человек лукавый, ответил: «О, любезная госпожа! Об этом трудно судить, только можно сказать, что он явно не страдает от холода, поскольку, вне сомнения, находится в теплом месте». Тут дама вскипела и обещала казнить кучера, если на третье воскресенье он не расскажет ей в точности, в каком положении находится ее муж. Клаус хорошо знал, что упомянутая дама всегда выполняет свои угрозы, и решил посоветоваться со священником из Албека, который знал священные книги не хуже любого епископа и умел как вызывать духов из могилы, так и загонять их обратно. Однако священник после раздумий решил, что задача для него слишком трудна. К счастью, у кучера был брат, который служил священником в Норвегии, — и за советом лучше всего было обратиться к нему, поскольку норвежские священники более изобретательны в подобных вопросах. Клаус совершил путешествие в Норвегию и разыскал брата, который немедленно обратился к нему со словами: «Добро пожаловать, Клаус! Должно быть, у тебя дела совсем плохи, если ты совершил столь далекое путешествие!» Из этих слов кучер понял, что его брат прекрасно знает, как обстоят дела. На следующий день Клаус спросил его совета и помощи. После некоторого раздумья тот ответил: «Да, я могу заставить вновь появиться твоего покойного хозяина — но если ты его убоишься, дело может кончиться плохо, поскольку ты сам должен будешь задать ему свой вопрос». Было решено, что на следующий вечер в двенадцать часов они отправятся на перекресток в большой лес и вызовут покойного. Оказавшись в урочный час на урочном месте, священник начал читать таким голосом, что у кучера волосы стали дыбом. Сразу после этого раздался ужасный рев, и из лесу выкатилась красная, как огонь, колесница, запряженная изрыгающими во все стороны огонь лошадьми, и остановилась перед обоими братьями. Клаус немедленно узнал своего хозяина, хотя тот был багряно красного цвета. «Кто будет говорить со мной?» — прорычал его хозяин с колесницы. Клаус снял шляпу и произнес: «Я хочу поприветствовать своего любезного хозяина от имени моей любезной хозяйки и спросить, как он поживает после своей смерти». «Скажи ей, — ответил хозяин, — что я в аду, где для нее готовится место, и осталось доделать только последнюю ступеньку. Она попадет сюда, если не вернет Агерстед Энге! В качестве доказательства того, что ты говорил со мной, я дам тебе свое обручальное кольцо, чтобы ты показал его ей». Тут священник шепотом приказал кучеру протянуть свою шляпу — и в то же мгновение упавшее в нее кольцо прожгло шляпу насквозь и упало на землю. Клаус поднял кольцо с земли. В следующее мгновение колесница и лошади унеслись прочь.

На третье воскресенье Клаус стоял у стен двора Ваар, когда мимо проезжала фру Ингеборг. Увидев его, дама спросила, что за сообщение он принес. Кучер рассказал все,

что видел и слышал, и дал ей кольцо, которое она немедленно признала. «Хорошо, — сказала она, — ты спас свою жизнь. Если мне суждено находиться с мужем после смерти, пусть так и будет, но Агерстед Энге я никогда не отдам!»

Вскоре после этого в церкви Ваар состоялся помпезный спектакль. Это были похороны хозяйки. Но вскоре ее дух стал являться ночами и при этом совершил столько вреда на дворе замка, что мельник и его работники прибежали к священнику Альбека, который прочитал над ней молитву, после чего ее вынесли с погоста, опустили гроб с телом в пруд, называвшийся Пульсен. Больше священник не мог ничего сделать. Но несмотря на это, гроб злой женщины стал с каждым годом медленно — на шаг петуха — перемещаться к Вааргаарду. Поговаривали, что, когда она доберется до места, откуда ее изгнал священник, Вааргаард разрушится. На том месте, где гроб опустили в землю, не растут ни трава ни кусты. По полосе в поле, проделанной гробом, можно судить, какое расстояние еще осталось.

ЛЕГЕНДЫ О СВЯЩЕННИКАХ И ЗНАХАРЯХ

1. Св. Андерс из Слагелсе

В 1205 году в Слагелсе жил священник церкви Св. Петра, которого называли Святым Андерсом. Об этом человеке рассказывают, что он отправился в Святую землю вместе с одиннадцатью спутниками. Однако, когда пребывание их в Святой земле завершилось, задул попутный ветер и спутники его уже были готовы пуститься в обратный путь, Андерс не согласился отъезжать до тех пор, пока не прослушает мессу в Йоппе. Когда служба завершилась и спутники его уже находились в море, Андерс оказался на берегу в затруднительном положении. Однако тут к нему подъехал всадник, предложивший Андерсу сесть перед ним на коня. Андерс так и сделал, но когда они тронулись с места, заснул на руках незнакомца. Пробудившись, он с изумлением обнаружил, что находится на холме неподалеку от Слагелсе — и что в памяти его сохранились воспоминания о посещении св. Якова Компостельского в Португалии¹⁹⁸, св. Олафа в Дронтхейме — и многих других святых мест. Прошло немало времени до того, как его спутники, с которыми он расстался в Йоппе, вернулись в Данию, — весьма удивленные тем, что он опередил их.

Андерс был столь святым человеком, что когда молился на открытом воздухе, то мог повесить шапку и перчатки на солнечные лучи¹⁹⁹. Впоследствии он приобрел исключительный авторитет и в конце концов стал святым покровителем Слагелсе. Однажды он повесил свои перчатки на солнечные лучи, и они упали. Это поразило святого Андерса, и он спросил Бога, в чем он провинился. Ему было дано понять, что один из братьев монастыря украл столб для изгороди и тем самым осквернил святое сообщество.

Холм, на котором проснулся святой Андерс после своего путешествия, получил название Хвилехей (холм отдыха), каковым называется и по сей день.

Святой Андерс заботился о живших в Слагелсе людях и писал о них прошения королю Вальдемару, после чего король пообещал прибавить Слагелсе земли столько, сколько святой Андерс сумеет объехать на однодневном жеребенке за то время, пока король будет принимать ванну. Святой Андерс поймал короля на слове и поскакал с такой скоростью, что наблюдавшим за ним придворным пришлось бежать к королю, чтобы тот быстрее выбирался из нее, иначе святой Андерс успеет объехать всю страну. Именно этому случаю Слагелсе обязан своими обширными полями.

На Хвилехее поставили крест с надписью: «In memoriam divi Andreae, quiescentis Jorprae et heic loci expergefacti» (лат. «В память о божественном Андерсе, упокоившемся в Йоппе и в сем же месте пробужденном»). Когда этот крест обрушился, начался падеж скота — но как только крест восстановили, падеж прекратился.

2. Мастер Лауридс

В Хадсхерреде, в Ютландии, некогда жил священник, которого звали Мастером Лауридсом. Он умел вызывать из могил духи усопших и посылать их обратно. Едва ли нужно говорить, что при таком умении ему не раз приходилось вступать в поединок с дьяволом — в котором он неизменно побеждал.

Однажды мастер Лауридс, возвращаясь из короткого путешествия, проезжал мимо церкви Скандруп. Вдруг его лошади остановились, не имея сил сдвинуть экипаж с места, — однако мастер Лауридс, который сразу понял, в чем дело, покачал головой и велел своему вознице снять правое заднее колесо и положить его в корзину в повозке — поскольку ему было прекрасно известно, что это дьявол уселся на колесо, чтобы не дать ему повернуться. Однако дьявол совершенно не рассчитывал на это, и в итоге ему пришлось стать под повозку и нести ее на плечах. Мастер Лауридс спокойно проезжал на нем всю ночь. Когда он наконец освободил дьявола, этот враг рода человеческого бросил колесную ось с плеч с такой силой, что та переломилась. На это мастер Лауридс сказал со спокойной улыбкой: «Смотрите-ка! Он еще способен на это!»

О том, что дьявол в подобных случаях может нести повозку вместо четвертого колеса, было известно не только в Дании, но и в других странах. Одна католическая легенда рассказывала о подобном чуде, совершенном св. Бенедиктом. Иллюстрацией к этой легенде может также служить находящаяся в Риме известная картина художника Дитлефа Линдау.

3. Священник Нёрре-Вилstrup

В конце прошлого столетия в деревне Нёрре-Вилstrup около Веиле²⁰⁰ жил священник, который умел не только читать молитвы, но и обладал сверхъестественными способностями, приобретенными в Черной школе²⁰¹. Свои знания он использовал ради счастья и благосостояния своих прихожан, за что его очень уважали и любили. Чтобы сохранить свои способности, он постоянно носил одну подтяжку, и его никто не видел в двух.

Церкви этой принадлежал небольшой, находившийся недалеко от деревни лесок, и из него часто воровали припасенный для церкви хворост и дрова. Когда однажды этот священник спросил у своих слуг, есть ли в лесу дрова, они ответили отрицательно. «Все равно берите телегу и езжайте за валежником». Слуги так и сделали — и обнаружили в лесу одного из деревенских жителей, который уже погрузил дрова на телегу и собирался уехать. Слуги священника отобрали у него валежник и отвезли дрова домой.

Провост Петрус Эгидий из Брёнса был волшебником. Один молодой человек, который хотел съездить в Рибе, попытался без спроса взять на лугу его лошадь — однако она не желала идти вперед, а парень не сумел слезть с ее крупа, даже при помощи двух мельников. Ему оставалось только поехать к священнику. «Ты уже здесь? — спросил добрый человек. — Отведи лошадь назад в поле — и не устраивай больше подобных проделок²⁰²».

4. Св. Кильд из Виборга²⁰³

Святой Кильд, человек очень набожный, совершил множество чудес, был произведен по этому поводу в епископы Виборга и после смерти был канонизирован папой.

Еще до того как стала известна святость этого человека, монахи однажды изгнали его из монастыря. Но по дороге он встретил одного из монастырских послушников, который нес воду, и попросил дать ему попить из кувшина. Он превратил воду в вино и попросил отнести его братии с просьбой выпить за его здоровье. Узнав об этом, за ним срочно послали, вернули в монастырь и встретили с большой радостью.

Однажды рано утром во время совершения мессы на алтаре внезапно погасли свечи, и стало очень темно. Однако Кильд тем не менее продолжил чтение молитв.

После смерти Кильда весть о его святости дошла до римского папы, который приказал занести его имя в список святых. Тело св. Кильда положили в дорогую раку, которую подвесили на золотых цепях под сводом капеллы. Позолоченную раку святого, называвшуюся ковчегом св. Кильда, почитали до Реформации, после чего ее опустили вниз и поставили за алтарем собора, где она и погибла во время сильнейшего пожара.

СОКРОВИЩА И ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ

1. Сокровища в Хвирвел Бакке

Рассказывают, что в холме Хвирвел Бакке некогда было много золота, и именно потому в канун Рождества холм сверкает огнем. Если кто-нибудь осмелится выстрелить по верху bakke²⁰⁴, то сможет забрать все золото — однако в наши дни никто не осмеливается так поступить.

2. Сокровища в Даугбиерг-Даус

В Даугструпе, расположенном неподалеку от Виборга, есть луг, называемый Даугбиерг-Даус. Об этом луге говорят, что он всегда окутан голубым туманом, а под ним находится большой медный котел, полный денег. Однажды ночью два крестьянина отправились откапывать эти сокровища и докопались до его ручек, и в это время начала происходить всякая чертовщина, чтобы они отказались от своего намерения. Сперва увидели большую черную собаку с огненным языком; потом появился петух, впряженный в телегу с копной, затем к ним подъехала колесница, запряженная четырьмя черными лошадьми, — но несмотря на это, крестьяне продолжали рыть, не произнося ни звука. Наконец, к ним подошел шут, остановился и воскликнул: «Смотрите-ка, Даугбиерг горит!» — и когда они посмотрели на свою деревню, то увидели, что вся она охвачена огнем²⁰⁵. В этот момент один из крестьян забыл о том, что следует хранить молчание. И едва он охнул, как сокровища ушли под землю. И хотя впоследствии крестьяне еще не раз пытались их достать, тролли всегда мешали этому своим колдовством.

При выкапывании сокровищ следует соблюдать строжайшие правила; потому Эленшлегер в своей поэме «Skattegraveren» (Искатель сокровищ) говорит:

Men hvis et Ord du taler
Forsvinder den igien.

*Но если слово ты произнесешь,
Оно исчезнет снова.*

3. Сокровища Фуура

Маленький островок Фуур в Лиимфьорде покоится на огромном камне, в середине которого обитает тролль. Когда пастухи на поле прикладывают свое ухо к земле, они иногда слышат, как тролль запирает и отпирает свои огромные сундуки с деньгами. Один крестьянин, который под Рождество три ночи подряд ходил туда в полночь, на третий раз увидел, как тролль сидит на холме, перебирая свои сокровища. Если выстрелить поверх сокровищ, человек, сделавший это, может забрать из сокровищ столько, сколько сможет. Крестьянин так и сделал. Но когда он возвращался домой и был недалеко от своего жилья, ему показалось, что его дом горит. В ужасе бросив все, что взял, он побежал домой, но когда добрался до дома, тот оказался цел, а все сокровища исчезли.

На северной стороне острова среди высоких, покрытых вереском холмов можно видеть небольшую часть этого большого камня. На этом камне написано множество фамилий людей, которые когда-либо посещали это место. На одном уровне с землей находится отверстие, через которое человек может войти в камень — но неизвестно, как далеко он может уйти, поскольку никто не отваживался отойти от входа далее чем на пять шагов.

4. Сокровища Лодала

В Саллингхерреде есть долина, называемая Лодаль, посреди которой в прежние времена каждую ночь светился огонь. Случилось так, что один голштинiec пришел в это место, потому что ему приснился сон, что на месте, где горит огонь, он найдет сокровища. Следуя своему сну, он начал копать — и нашел в земле полный золота огромный медный котел, но на золоте лежал большой черный пудель с кольцом вокруг шеи. Он осторожно поднял собаку с котла и переложил ее на свое пальто, таким образом сделавшись владельцем сокровищ, частью которых поделился с помогавшими ему крестьянами. После этого он ушел из этих мест. С этого времени свет больше не горел, но иногда можно было видеть собаку, бегавшую вокруг Лодала.

ЛЕГЕНДЫ О РАЗБОЙНИКАХ

1. Тире Болёксе и ее сыновья

Неподалеку от рукава Иссефьорда в Зеландии дорога проходит через лес Борревеиле, где до сих пор можно видеть так называемую пещеру Тире.

Эта Тире, по прозвищу Болёксе, со своими двенадцатью сыновьями была известной разбойницей, но в конце концов ее схватили и казнили в Роескильде²⁰⁶. Относительно Болёксе и её сыновей у окрестного крестьянства существует следующая легенда.

Часто случается, что когда кто-либо едет мимо пещеры Тире ночью, лошади внезапно начинают сильно потеть и почти не способны сдвинуть с места экипаж. Один крестьянин, попавший в такую ситуацию, сошел со своей повозки и посмотрел сквозь левый недоуздок. И тогда он увидел Тире Болёксе и ее двенадцать сыновей, сидящих на телеге. Тогда крестьянин прибег к единственному возможному в таком случае средству: он снял заднее колесо и положил его на повозку — поскольку, сделав так, он заставил привидения бежать под повозкой для того, чтобы поддержать ось.

2. Старк Ольгер

В обширном лесу Угилт-крат (чаще), между Хиорингом и Фладстрандом, жил разбойник, называвший себя Стаерк (Сильный) Ольгер или Оле. Он убивал и грабил всегда, когда ему предоставлялась такая возможность, но особенно мрачную славу ему принесло убийство беременных женщин. Наконец, мужчины вооружились, окружили лес и схватили разбойника. Тот признался: «Хорошо, что вы схватили меня сейчас, поскольку потом вы не смогли бы справиться со мной. Я уже съел сердца шести нерожденных детей! Жаль, что не успел съесть седьмое сердце!»

ДЕНЬ ВОЛЬДБОРГА

В день Вольдборга, предшествующий Троицыну дню, в прежние времена по всей стране творилось большое веселье в честь, как говорили тогда, приезда лета. Молодежь обоих полов готовилась к празднику и наряжалась во все самое лучшее. Во главе конной процессии молодых людей ехали два распорядителя, объявляя о ее приближении. За процессией следовало два старика; каждый держал в своей руке по шести. К этим шестам были привязаны ленты, гирлянды, шелковые платки — и всякие прочие украшения. Следом шествовал майский граф (майгреве) с двумя прислужниками. За ним следовала собственно процессия — по двое в ряд, в синих или красных кафтанах, с белыми кушаками через плечо и с лентами на шляпах. У майского графа было две гирлянды, по одной на каждом плече, в то время как у прочих была только одна. В середине процессии ехали музыканты, играющие на скрипках, барабанах и дудках. Въезжая, они вешали один венок у ворот, а когда оказывались в деревне или поместье, бросали венки встречавшим их девицам и молодым женщинам, приглашая их таким образом на праздник. При въезде в город или деревню оба распорядителя заходили в какой-нибудь дом и спрашивали разрешения на въезд. Получая таковое, они трижды объезжали вокруг двора — и, заглядывая в окна приветствовали домашних. Затем они сходили с лошадей, и запевалы начинали петь. Остальные, в конце каждого куплета, повторяли слова *med Glaede* (с радостью). На определенном куплете двое участников процессии направлялись к церкви и преклоняли перед ней колена, а все остальные заканчивали песню. После они некоторое время плясали и получали в виде награды пиво и бренди — а иногда и деньги. Участники процессии снова поднимались на лошадей, еще раз объезжали двор и следовали дальше в том же порядке.

Девушки собирались на праздник, наряженные в зеленые платья, с белыми передниками и с венками на головах и плечах. После того они отправлялись в поле и водили там хороводы. Распорядитель примеривал им свой венок — та, которой венок оказывался впору, становилась майской графиней (*Maigrevinde*). После этого процессия объезжала округу. Майская графиня возглавляла процессию, высоко держа шест с венками и гирляндами в знак своего положения. В других местах майскую графиню выбирал майский граф, надевавший свой венок на голову выбранной им девушки.

МОНАХ РУУС²⁰⁷ (продолжение главы «Монах Руус» этого же раздела)

Будучи умелым кулинару и в связи с некоторыми тайными услугами, оказанными им аббату и монахам Эсрома, Руус был, по всеобщему согласию, принят в члены

братства — и в этом качестве состоял на протяжении семи лет. Имея много свободного времени, он имел обыкновение сидеть у ворот монастыря и вырезать деревянные дубины. Когда его спросили, с какой целью он вырезает дубины, он ответил, что готовится к посещению ночных воров. Вскоре после этого среди братьев разгорелся спор по поводу одной женщины; одну сторону возглавлял аббат, другую — приор. Обе стороны обратились к Руусу за дубинками и получили их. После этого в церкви во время чтения часов началось сражение. Руус погасил свет, а потом бросил скамейку в самый центр баталии. У многих оказались сломаны конечности, другие отделались ушибами. Тогда Руус с набожным выражением на лице появился среди монахов со светом, пожурил их за недостойное поведение и призвал их к миру и согласию.

Вскоре после этого события Руус отправился развлечься и забыл приготовить для братии ужин. Когда он спешил домой, то увидел, как на лугу пасется корова. Он ее убил и взял с собой заднюю четверть туши. Из предшествующей истории о Руусе мы уже знаем, что хозяин коровы залег рядом, рассчитывая увидеть вора — но, спрятавшись в пустом стволе дуба, увидел Люцифера в компании собравшихся дьяволов. Они рассказали своему князю о своих подвигах, а присутствовавший при сем Руус обещал привести в ад всех братьев монастыря, которые перед этим должны были перебить друг друга. Когда дьяволы исчезли, крестьянин поспешил в монастырь, где рассказал аббату все, что слышал, находясь в дереве. Рассказ его привел в ужас аббата, который, собрав братьев, передал им все, что сказал ему крестьянин. После этого монахи решили отслужить мессу. Аббат приказал Руусу присутствовать на ней и никуда не отлучаться. Когда Руус сказал, что не может больше оставаться в церкви во время причастия, аббат превратил его в коня. Когда Руус пообещал не приносить больше зла, его освободили и отправили в Англию.

Там он вселился в прекрасную принцессу, и хотя отец ее послал за учеными и мудрецами в Париж и прочие места, никто из них не имел достаточного могущества, чтобы изгнать из тела девушки злого духа. Наконец, сам дьявол воскликнул: «Я — брат Руус. Никто не сумеет изгнать меня из этого прекрасного сосуда, за исключением аббата Эсрома, которому я обещал повиноваться». Указанный аббат, видимо, успел обрести высокую святость. Соответственно за ним послали, и он изгнал злого духа, приказав ему предстать перед собой в виде лошади. Затем, к большому удивлению короля и всех присутствующих, аббат связал его тяжелой цепью.

Увидев поблизости некоторое количество свинца, аббат попросил его в качестве награды, чтобы покрыть им крышу своего монастыря, — столько, сколько Руус сумеет унести на себе. Руус унес огромную тяжесть — целых триста тысяч фунтов. После этого король и аббат сели за ужин, но перед тем, как они принялись за угощение, перед ними появился Руус, который доложил, что унес свинец и ждет дальнейших приказаний. Также он спросил — следует ли ему взять дворец и поставить его рядом с монастырем. Аббат пожелал, чтобы дворец стоял на прежнем месте, и приказал Руусу просто перенести его обратно в Эсром. Простившись с королем и дав ему свое благословение, святой человек протянул руку дьяволу²⁰⁸, который доставил его обратно в целости и сохранности прямо к воротам монастыря. Затем дьявол спросил, где ему теперь надо находиться, и аббат указал ему на соседний холм, в котором дьявол будет пребывать до самого судного дня.

ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ²⁰⁹

1. Если девушка хочет знать, какой будет у нее муж, она должна в канун Нового года налить немного расплавленного свинца в стакан воды и на следующее утро посмотреть, какую форму этот свинец примет. Если свинец напоминает пару ножниц, она получит в мужа портного; если свинец примет форму молота, он будет кузнецом и т.д. Есть и другой, столь же действенный метод — надо разбить яйцо в стакан воды и сделать суждения по форме, которую примет содержимое яйца.

2. Если какая-нибудь девушка желает увидеть своего будущего мужа на Крещение, то перед тем, как отправиться в постель, она должна повторить следующие стихи:

О, три святых царя, вас молю,
Дайте мне ныне увидеть того,
Чью скатерть накрою,
Чью кровать расстелю,
Чьим именем назовусь,
Чьей невестой стану.

3. Есть еще один заговор, который, скорее всего, повторяли в годовщину праздника святой Люсии (13 декабря):

Люсия милосердная,
дай мне знать,
Чью скатерть накрою,
Чью кровать постелю,
Чьего ребенка понесу,
Чьей возлюбленной стану,
В чьих объятиях усну.

4. У девушек в Иванов день существовал обычай помещать зверобой продырявленный между балками под крышу, чтобы по виду растений составить представление о будущем. Обыкновенно одно растение сажают за себя, а другое для возлюбленного: если они растут вместе, это предвещает свадьбу. Иначе растения сажают между балками, чтобы узнать, кто из родственников будет долго жить, а кто мало. Если растение растет к крыше, это хороший знак, а если вниз, это предвещает болезнь и смерть²¹⁰.

5. Когда парни и девушки желают узнать, кому предстоит покинуть дом, а кому остаться, они бросают к двери через голову башмак. Если он падает так, что носок окажется направленным к двери, они уедут. Если носок указывает от двери, они останутся.

6. Если какой-нибудь человек слышит кукушку первый раз в году во время поста, тогда говорят: «Кукушка дурачит нас». Если этот крестьянин ищет свою корову или что-то другое, он ничего не найдет. Если кукушку слышит крестьянка, она должна быть настороже с мужчинами, поскольку они ее могут обмануть. Если кукушку слышат старики, у них есть все основания бояться болезни.

7. Если слуги первый раз в году увидят аиста летящим, это означает, что они изменят место своего жительства в течение года. Если они видят его стоящим, они останутся на прежнем месте.

8. Чтобы найти вора, особенно среди слуг, в прежние времена существовал обычай «просеивания». Для этой цели хозяин дома вешал сито на концы ножиц, а потом повторял имена всех слуг, одновременно с этим глядя на сито, которое на каком-либо имени начинало качаться. Это имя неизменно оказывалось именем вора.

9. Когда что-либо было украдено, следовало обращаться к «хитрецам», умевшим заставлять воров возвращать обратно украденную собственность.

10. От Рождества до новогогоднего праздника нельзя было ничего крутить или вертеть. Таким образом, нельзя было ни ткать, ни мотать²¹¹.

11. В Рождественскую ночь в полночь животные поднимаются в своих стойлах.

12. Если, сидя за столом в канун Рождества, вы захотите узнать, кто из ваших родителей умрет перед следующим Рождеством, тихо выйдите наружу и посмотрите через оконное стекло: человек, который покажется сидящим за столом без головы, умрет в течение этого года.

13. Плохо, если в пирушке участвуют тринадцать человек: тогда один из них обязательно умрет до окончания года.

14. Подрезать ногти следует в пятницу: это приносит удачу.

15. Срезанные волосы или ногти надо либо сжечь, либо закопать, поскольку если они попадут к злому человеку, он может напустить на их обладателя порчу²¹².

16. Если какой-нибудь человек найдет на земле сломанную иглу, то, до того как он прочтет утреннюю молитву, получит либо удары, либо услышит ругань²¹³.

17. Если глаза умершего остаются открытыми, то кто-то из семьи вскоре умрет.

18. Принадлежавшие покойному одежда и постельное белье быстро сгниют и распадутся на куски, пока труп будет разлагаться в могиле.

19. Умершего нельзя хоронить в одежде живого человека, поскольку, пока одежда будет разлагаться в земле, этот человек будет болеть.

20. Когда сало в горящей свече стекает вниз и завивается подобно опилкам, это предвещает смерть — и скорее всего человека, на которого указывает завиток²¹⁴.

21. Нельзя плакать над умирающим, и не следует ронять на него слез, поскольку тогда он не сможет успокоиться в могиле.

22. Если утром на теле появляются синие пятна, это щипки привидения — они предвещают смерть родственника или дорогого друга.

23. В прежние времена существовал обычай: когда человек умирал, то сразу звонили в колокола, пока душа поднималась на небо²¹⁵.

24. Собачий вой предвещает смерть.

25. Когда сорока садится на дом, это знак, что к дому подходит незнакомец.

26. Если ласточки или аисты строят себе гнезда на доме, их не надо тревожить — они принесут удачу²¹⁶.

27. Если вы нашли клевер с четырьмя лепестками или двойной орех, вам следует сохранить находку, потому что она принесет удачу.

28. Выходя из дома, следует обращать внимание на встречаемых. Плохой приметой является встреча со старой женщиной. Если дорогу перебежит заяц, это к несчастью²¹⁷.

29. Если какой-либо человек желает увидеть дьявола или завести с ним какие-нибудь дела, он должен трижды обойти вокруг церкви, а потом остановиться у ее двери и либо крикнуть «Выходи», либо свистнуть в замочную скважину.

30. Если кто-либо хочет узнать, имел ли покойный какие-либо дела с дьяволом, нужно посмотреть назад через упряжь лошадей, которые тащат катафалк. Если подобные случаи имели место, то будет видна черная собака, сидящая за повозкой.

31. Человек, владевший книгой Киприана, может с ее помощью творить самые разные чудеса. Однако человек, ставший хозяином этой книги, не способен от нее легко отделаться. Если он ее продаст, сожжет или зароет, она всегда к нему вернется.

32. Тот, у кого есть книга Киприана, может призвать дьявола. Но для дьявола следует приготовить работу, которая вызовет его раздражение. Плохо будет, если этот человек не будет знать, как отослать дьявола обратно.

33. Духов могут видеть только те дети, которые были рождены в воскресенье или на праздник.

34. Тот, кто боится привидений, должен рассыпать перед дверью семя льна. Тогда ни один призрак не пересечет порог. Столь же эффективным являются тапочки, поставленные задниками к кровати²¹⁸. Духов можно также изгнать, обкуривая комнату запахом сальной свечи. Свет восковой свечи притягивает духов; именно этим объясняется то, что в церкви водятся привидения. От привидений можно также защититься, прикрепив к двери какой-нибудь стальной предмет.

35. Если гвоздями прибить подкову над дверью, ни один дух не сможет войти в дом²¹⁹.

36. Замешивая тесто, крестьянка крестит его; тогда тролли не могут принести тесту вреда.

37. Если какой-нибудь человек войдет в церковь самым ранним утром, он может увидеть покойников, сидящих там на скамейках.

38. Тролли не осмеливаются произносить слово «крест», а вместо этого говорят «здесь и там».

39. На рыбалке рыбаки не должны спорить о погоде и не должны завидовать друг другу, поскольку в этом случае рыба незамедлительно исчезнет с этого места.

40. Если умирает какой-либо человек, который может вернуться призраком, в качестве предупредительной меры следом за трупом выплескивают воду.

41. Нельзя стрелять в приведение, поскольку пуля попадет в стрелявшего. Но если ружье зарядить серебряной пулей, она попадет точно в цель.

42. На третью ночь после смерти мертвецы выходят пройтись.

43. Беременная женщина не должна проходить по месту, над которым точили нож, поскольку это грозит тяжелыми родами. Но если она трижды плюнет на это место, опасность перестанет грозить ей.

44. Если ребенка взвесить сразу после рождения, это не сулит ему ничего хорошего.

45. Если ребенка вынести из одного окна и взять через другое, он никогда не вырастет.

46. Если беременная женщина умирает до родов, она родит в могиле через сорок недель. По этой причине в ее гроб следует положить иглу, нитки, ножницы и т.д., чтобы она могла сшить ребенку одежду.

47. По грудной кости гуся, подаваемого на Мартынов день, можно узнать, какой будет зима. Белая кость означает снег, коричневая сулит очень сильный холод. Передняя

часть шеи говорит о части зимы, предшествующей Рождеству, задняя — о зиме после Рождества.

48. Погода, установившаяся на Семерых спящих отроков Ефесских (27 июля), продержится семь недель.

49. Часто случается, что моряки в открытом море видят проплывающий мимо корабль, во всех отношениях напоминающий настоящий. Внезапно этот корабль пропадает из виду. Это корабль-призрак, он предвещает, что заметившее его судно скоро пойдет ко дну.

50. Каждый седьмой год петух откладывает яйцо. Когда яйцо высижено, из него вылупляется василиск, который убивает людей взглядом. Говорят, что это животное можно убить, только поставив перед ним зеркало. Оно столь уродливо, что не может вынести собственного вида.

51. Тот, кто хочет узнать свою судьбу в новом году, должен взять буханку хлеба, нож и скиллинг²⁰, в новолуние посмотреть на луну. Если после этого он откроет Псалтирь, прочтет в ней очень важные для себя вещи.

52. В канун Великого четверга на Страстной неделе крестьяне бросают топоры и железные клинья на засеянные поля и прикрепляют стальные предметы к дверям, чтобы ведьмы не причинили им вреда.

53. Звон в левом ухе означает, что кто-то говорит о вас плохо, но если звенит в правом ухе, значит о вас говорят хорошо.

54. Если кто-нибудь пойдет в церковь в Великий четверг Страстной недели и, не зная того, возьмет с собой первое снесенное наседкой яйцо, то увидит, кто из женщин являются ведьмами. На головах их окажутся сита или подойники.

55. Против зубной боли рекомендуется следующее средство. Надо взять ветку бузины, засунуть ее в рот, а затем ударить ей по стене со словами: «Выходи, о, злой дух».

56. В качестве средства от лихорадки хорошо воткнуть в землю ветку бузины — но не произнося при этом ни звука. После этого болезнь перейдет в ветку, а потом — на того человека, которому случится попасть на это место.

57. Увидеть зайца в Норвегии считается признаком несчастья, счастье приносит встреча с медведем или волком.

КОММЕНТАРИИ

¹ Из книги Faye, *Norske Folke-Sagn*, Christiania, 1844.

² Скалистые высокогорья; я сохранил исходную орфографию слова, чтобы не было путаницы с английским словом *field*, поле, область. В Северной Англии существует аналогичное норвежскому слово *fell*.

³ *Aasgaardstreia* — одно из названий так называемой Дикой Охоты скандинавских богов. — *Прим. перев.*

⁴ Geijer, *Svea Rikes Häfder*, p. 87.

⁵ В саге *Орвародд*, глава 15, описан великан: он очень смугл, только глаза и зубы у него белые. Большой и крючковатый нос прячется среди свисающих на грудь волос, грубых, как каминная решетка, а глаза подобны двум лужам воды.

⁶ Ср. *Thorsdrapa*, pp. 16—22, и поэму *Thiodolf bin Hvinerske, Höstlanga*, а также Geijer, *Svea Rikes Häfder*, p. 276.

⁷ Отче наш, лат.

⁸ «В Моланде, в Верхнем Теллемарке, — пишет пастор Бах, — поклоняются туссам, именуемым *ветур*. На высоких холмах ветирам совершаются подношения в виде лучших кусков мяса и напитков, в первую очередь пахты или пива, которое они варят. Такое подношение с напитками называется “сауп”, глоток. В местах, где нет “холмов ветиров”, выливают небольшие чашки напитка на очаг. Крестьяне считают, что следует получить благосклонность этих существ как для сохранности скота, так и для общего благополучия».

⁹ Finni Johannaei, *Hist. Eccles. Islandiae*, ii, p. 368; предисловие к *Hist. Hrolfi Krakii*; F. Magnusen; *Eddalaere*, iii, p. 308.

¹⁰ Faye, op. cit., p. 20.

¹¹ Asbjörnsen, *Norske Huldreeventyr og Folkesagn*, i, 29.

¹² Keightley, F.M., p. 363.

¹³ В оригинале *brandede*; значение этого слово неясно.

¹⁴ Faye, op. cit., p. 39.

¹⁵ Hallager, *Norsk Ordsamling*, p. 48, voce Huldre.

¹⁶ *Linnaei Gotländske Resa*, p. 312.

¹⁷ «Хулдра обитает в горах и долинах; ей принадлежат все богатства, вся пышность и красота Севера. Но ею владеет глубокая печаль; свидетели говорят, что ее музыка и ее песни вызывают скорбь и слезы». *Norske Huldreeventyr*, I, p. iv.

¹⁸ Faye, op. cit., p. 42.

¹⁹ *Sagabibl*, i, 367; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit, p. 249.

²⁰ Faye, op. cit., p. 7.

²¹ Faye, op. cit., p. 13.

²² Faye, op. cit., p. 15. См. также примеч. 3.

²³ Саетере — это заросшие травой места среди норвежских гор, куда скот отправляют пастись на летние пастбища. Обычно эти места располагаются вдали от жилья.

²⁴ В стародавние времена эффектным средством считалась серебряная пуля или серебряная пуговица, когда ею стреляли в ведьму, в колдуна или в подобное существо. См. Thoms, *Anecdotes and Traditions*, Camd. Publ., стр. 111, 112 и ссылки.

²⁵ Именованение огня «красным петухом» имеет большую древность (См. *Völuspá*, pp. 34, 35). «Я пошлю красного петуха на твою крышу» — это известная угроза в Германии, где огонь сравнивают с петухом, перелетающим с одной крыши на другую. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 568.

²⁶ Faye, op. cit., p. 25.

²⁷ В книге T. Keightley, *The Fairy Mythology*, London, 1828, стр. 130, дается более полная версия этой легенды, пересказанная д-ру Гримму устно. Эта версия была вставлена в Hauff, *Märchenalmanach* за 1827 год. Приведенная здесь версия является более простой, но более древней.

²⁸ Другие острова использовались главным образом как пастбища для скота из-за поверья, что на этих островах нельзя жить, поскольку на них обитают тролли и им подобные дьявольские создания. Обитатели острова, как меня уверяли, все еще хранят этот медный чайник.

²⁹ Мыс на северной стороне Гельголанда.

³⁰ Wolff, «*Mythologic der Feen und Elfen*», i, 234.

³¹ Faye, op. cit., p. 10. В дальнейшем, если не указано источника, легенды заимствованы по большей части из указанной книги.

³² Keightley, op. cit., p. 301.

³³ Вокруг нашего угольного очага, англ.

³⁴ Keightley, op. cit., p. 309.

³⁵ Cromeek, *Remains of Nithsdale and Galloway Song*, цитируется по книге Keightley, p. 353.

³⁶ Исследователи этой надписи (в частности, Э.С. Хартланд в 1891 г.) отмечали, что она скорее всего воспроизведена не вполне точно. Понятны ее начало и конец: «Благослови, о благой Боже, питье слуг Твоих (...) Каспар, Мельхиор, Бальтазар». Имена трех царей-волхвов, пришедших, чтобы приветствовать Младенца Христа, встречаются в надписях на талисманах средневековой Европы. — *Примеч. ред.*

³⁷ Слова *тофт* и *томт* являются синонимами. Они означают место, на котором стоит усадьба.

³⁸ Arndt, iii, 15.

³⁹ «Thiele», II, 282.

⁴⁰ *Фауст*, И. Гёте, пер. Б. Пастернака.

⁴¹ В книге Ben, *Description of Orkney*, 1599, p. 504 он описывается таким образом: «Indutus est algis marinis toto corpore, similis est pullo equino convuluto pilis, membrum habet simile equino, et testiculos magnos» (лат. «Все его тело одето морскими водорослями; он похож на жеребенка, обернутого волосами; член у него как у коня и огромные тестикулы»). Hibbert, p. 504.

⁴² См. Hibbert, pp. 5, 26.

⁴³ Deutsche Mythologie, op. cit., p. 479.

⁴⁴ Chambers, *Pop. Rb.*, p. 35.

⁴⁵ Keightley, op. cit., p. 396, из *Quarterly Review*, 1825.

⁴⁶ Keyser, *Normaendenes Religionsforfatning*, p. 163. См. *Snorra-Edda* в редакции Баска, p. 342.

⁴⁷ Asbjørnsen og Møe, No. 2; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 639.

⁴⁸ Keyser, op. cit., p. 162.

⁴⁹ В 1350 г. н.э. Считается, что «черная смерть» унесла две трети населения Норвегии. Англию она посетила двумя годами ранее.

⁵⁰ Эта легенда распространена только в Швеции, но она помещена здесь, чтобы не посвящать несколько отдельных глав морским змеям.

⁵¹ 1 английский эль равен 1,14 метра.

⁵² Beskrivelse over hammer.

⁵³ Ср. с Vestlandske Tidende, No. 22 и с Blom, Sorenskriver, а также с книгой архиепископа Нойманна Паа trovaerdige «Folks Beretninger grundede Vidnesbyrd», Budstikken 6te Aargang 159 and 578.

⁵⁴ Description of Shetland, p. 565.

⁵⁵ Pontoppidan, 2, 321.

⁵⁶ Asbjørnsen, op. cit., i, pp. 11—14.

⁵⁷ *Кошачьи причуды*. — Прим. перев.

⁵⁸ Так тогда называли Россию.

⁵⁹ Примерно сорок тонн.

⁶⁰ Это был, без сомнения, один из тех случаев, в которых его серебряная рака сохранилась. Что стало с его броней, боевым топором, копьем и знаменем, данным ему ангелом, пока он спал, на месте, где он принял мученическую смерть, мы не знаем.

⁶¹ Возможно, в этом случае, как и в Sw. Pipskäg (Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 517), имеется в виду маленькая остроконечная борода под нижней губой.

⁶² Многочисленные изображения, которые во времена господства католической церкви, без сомнения, присутствовали во многих церквях, посвященные св. Олафу, к нашим временам по большей части разрушены. Но из сохранившихся описаний можно сделать вывод, что этот герой изображался с боевым топором в руке и угрожал троллю или дракону. В церкви Ладвига хранится замечательная хоругвь для процессий, на которой изображена фигура св. Олафа, в полном облачении и угрожающего дракону. В церкви Св. Марии в Любеке я видел старую, но очень хорошую картину, на которой главной фигурой является св. Олаф, в полном облачении, с боевым топором в руке и королевской мантией на плечах. Одной ногой св. Олаф наступал на дракона, который, однако, имел человеческую голову. В Коллманне, в церкви с тем же названием, также есть старинная картина «Св. Олауса». Даже в Лондоне имеется две-три церкви, посвященных св. Олаву.

⁶³ Другие версии этой легенды можно узнать в разделах этого же тома «Датские народные легенды» и «Шведские народные легенды».

⁶⁴ Afzelius, *Swenska Folkets Sago-Hälder*, в 11 томах с 1844 г., iii. 97, 98; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 515, 516.

⁶⁵ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 55.

⁶⁶ Слово Валл (Vaal) означает множество стволов и корней деревьев, наваленных в кучу для растопки.

⁶⁷ От «signe», «изгонять», и «Kjaerring» (норв. Kjaerling), «старая карга». Без сомнения, она является наследником *Vala* языческих времен.

⁶⁸ Asbjörnsen, op. cit., ii, pp. 158, sqq.

⁶⁹ Приводятся по Afzelius, *Svenska Folkets Sago-Hälder*, если в тексте не оговорен другой источник.

⁷⁰ В Восточной Норвегии — «*bjol*», в Дании и Швеции — «*bjul*» (колесо). См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 664.

⁷¹ Ibid, pp. 45, 1188.

⁷² Чтобы узнать больше об этом удивительном предрассудке, см. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1045 и дальше, а также ссылки.

⁷³ Старая датская баллада о «Господине Тонне» или «Рунернес Магт» является только пересказом шведской баллады. Она напечатана в *Danske Viser*, i, p. 281.

⁷⁴ В *Völundarkviða* Волунд называется господином или спутником альвов.

⁷⁵ Перевод см. в Keightley, op. cit., p. 433, или оригинал в Villemarqué, *Chants Populaires*.

⁷⁶ Происхождение этой истории и аналогичных ей, без сомнения, следует искать на Востоке. Сказка «Жена-пери» (пери — мифологическая красавица на Востоке. — Прим. перев.) из книги Бахара Дануша почти полностью совпадает с вышеприведенной. См. Keightley, op. cit., p. 20.

⁷⁷ По всей видимости, эта легенда является пересказом истории из *Polydorus in the Aeneis*, iii, 21, sqq. et alibi.

- ⁷⁸ Слова состоят из *skog* — дерево, лес; *sjö* — море, озеро; *rå* — фея, гоблин.
- ⁷⁹ Он был фореитором у Арндта во время его путешествия.
- ⁸⁰ В Англии для обозначения этого скота использовали слово *brindled*.
- ⁸¹ Faye, op. cit., p. 54. *Svenske Folk-Visor*, iii, p. 127.
- ⁸² Arndt, iii, p. 15.
- ⁸³ Faye, op. cit., p. 53.
- ⁸⁴ Arndt, iv, 241.
- ⁸⁵ Thiele, *Danske Folksagen*, Copenhagen 1818—23, i, pp. 166, sq.
- ⁸⁶ Stewart, *Superstitions of the Highlands*, цит. в Keightley, op. cit., p. 385.
- ⁸⁷ Ver. 838, 1144, 2854.
- ⁸⁸ *Edda-Saem.*, pp. 46, 91, 184; *Edda-Snorra*, pp. 3, 24, 322.
- ⁸⁹ Короля Швеции Олафа III Мирного. — *Прим. перев.*
- ⁹⁰ Arndt, i, p. 259, sq.: iii, p. 17 sq.
- ⁹¹ Эти звуки Нильссон (Nilsson, *Skandiv. Fauna*, ii, p. 106) считал принадлежащими некоторым водяным птицам, путешествующим на юг.
- ⁹² Arndt, i, p. 49; iii, pp. 18, 19; Thiele, op. cit., iii, p. 122; Finn Magnusen, *Den Aeldre Edda*, ii, p. 9.
- ⁹³ *Cod. Exon.*, p. 342; *Kraka Mál*, p. 54, edit. Rafn.
- ⁹⁴ В книге Grimm, *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 435 эта история дается в нескольких вариантах, позаимствованных из (OOO)dman, Bahuslän. Скот в них отличался тем, что имел белые головы (*hielmet*), в Восточной Норвегии он назывался *hjálmótt*, «*vertice albus, alias discolor; de pecudibus dicitur*» (лат. «головую белый, в других местах разноцветный; сказано о скоте»).
- ⁹⁵ Более подробно об этом см. в разделе *Датские народные легенды*.
- ⁹⁶ See Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 447.
- ⁹⁷ Старухи, которые жили в лесу и иногда выполняли роль колдуний, назывались *Vargamor* (карга-волчица). Считалось, что волки в лесу находятся под их контролем и защитой.
- ⁹⁸ Att blifva klok.
- ⁹⁹ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 17.
- ¹⁰⁰ Faye, op. cit., p. 30. Лошадь старого солдата оказалась более удачливой, чем лошадь Магги, принадлежавшая Тэму О'Шентеру, которая
Хозяина целым промчала чрез мост,
Но только оставила серый свой хвост.
- ¹⁰¹ Лунд, расположенный в Скании (Скане), знаменитый город, в котором находится университет и прекрасный древний собор. Его называют Кентерберийским собором Севера, и перед передачей этой провинции от Дании к Швеции в 1658 г. являлся местом пребывания митрополичьего престола всего королевства. Город находится примерно напротив Копенгагена.
- ¹⁰² См. историю короля Олафа в этом же томе ранее, а в следующем далее разделе «Датские народные легенды» историю о Эсберне Снаре и церкви в Каллундборге. Источником происхождения этих легенд явно является рассказ Эдд о строителе, который взялся за укрепление Асгарда.
- ¹⁰³ Н. Пуссен нарисовал это растение под Младенцем Иисусом вместо соломы. Яркие желтые цветки покрывались золотистым отблеском от лучей, исходящих от ребенка.

- ¹⁰⁴ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 1004, 1044.
- ¹⁰⁵ Arndt, iii, pp. 73 sqq., p. 84, 86.
- ¹⁰⁶ Ibid., p. 84.
- ¹⁰⁷ Ibid., p. 86.
- ¹⁰⁸ Thiele, op. cit., iii, pp. 108 sq.; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 640 sq.
- ¹⁰⁹ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., Anhang, p. cviii.
- ¹¹⁰ Воспалительное заболевание кожи. — *Прим. перев.*
- ¹¹¹ Неясно, кто именно будет мучить его.
- ¹¹² См. в разделе «Народные легенды Швеции» главу «Ник и Стрёмкарл».
- ¹¹³ Afzelius, op. cit., i, p. 172.
- ¹¹⁴ Из сборника J.M. Thiele, *Danmark's Folkesagn*, Bk 2, Kiöbenhavn, 1843.
- ¹¹⁵ Вера в то, что дуновение эльфов опасно, широко распространено и в Шотландии.
- ¹¹⁶ Кузнец Вайланд из Кенилворта. Похожую легенду на равнинах Беркшира рассказывают о кузнице Вейланда.
- ¹¹⁷ Один из датских островов, лежащий в самой южной части Зеландии.
- ¹¹⁸ Хорошо заметный утес на восточной стороне Зеландии.
- ¹¹⁹ Йоде (Jode), то есть *jew*, еврей. Однако в данном случае это скорее искаженное *Jötn*, великан. Белая лошадь этого персонажа и его связь с Упсалою позволяют отождествить его с Одином.
- ¹²⁰ Небольшой остров на Балтике, принадлежащий Дании и находящийся к северо-востоку от Рюгена.
- ¹²¹ К женщинам из высших сословий обращаются с приставкой *фру* (нем. «фрау»), в то время как к тем, кто ниже по статусу, например, к женам торговцев и ремесленников, обращаются *мадам*.
- ¹²² В шлезвигской легенде утверждается, что колонны были золотыми. Müllenhoff, *Sagen, Märchen, und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg*, Keil, 1845, No. cdii, 2.
- ¹²³ Селянин, свободный крестьянин.
- ¹²⁴ См. «Северная мифология», раздел «Ваэтт».
- ¹²⁵ Подробнее об этом см. в Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 505, sq.
- ¹²⁶ *Danske Viser, fra Middelalderen*, i, 150.
- ¹²⁷ J. Hofman, *Fundgr.*, iv, 613.
- ¹²⁸ Keightley, op. cit., p. 283.
- ¹²⁹ Scott, *Minstrelsy*, ii, p. 130.
- ¹³⁰ Scott's *Minstrelsy*, ii, pp. 169, sq.
- ¹³¹ Cromeck, *Nithsdale and Galloway Song*, цитировано Keightley, op. cit., p. 353.
- ¹³² Keightley, op. cit., p. 365.
- ¹³³ См. Müllenhoff, op. cit., No. cdxxix; Kuhn and Schwartz, *Nordeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche*, Leipzig, 1848 No. 270; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., 428 sq. См. также «The Departure of the Fairies» in Keightley, op. cit., p. 356, из Cromeck's *Nithsdale and Galloway Song*.
- ¹³⁴ См. Mullendorff, op. cit., No. cdxxxviii.
- ¹³⁵ См. рассказ «Даумесдик» в Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 37.

¹³⁶ Keightley, op. cit., pp. 308, 369.

¹³⁷ Müllenhoff, No. cdxlvi. См. также раздел «Народные легенды Швеции», главу «Вороны-пислинги и милинги-скраты».

¹³⁸ См. также раздел «Народные легенды Швеции», главу «Томте или шведский ниссе», и Chambers, *Pop. Rh.*, p. 33.

¹³⁹ Keightley, op. cit., 277, sq.

¹⁴⁰ Keightley, op. cit., p. 296, из Richardson, *Local Historian's Table-book*.

¹⁴¹ Квартал в Копенгагене, построенный для моряков военно-морского флота.

¹⁴² Hibbert, Shetland, цитируется по Faye, pp. 60, 61; Thiele, op. cit., iii, p. 51.

¹⁴³ Относительно других легенд см. Keightley, op. cit., p. 355.

¹⁴⁴ Asbjørnsen, op. cit., ii, 165.

¹⁴⁵ Scott, *Minstrelsy*, ii, 172.

¹⁴⁶ В прежние времена прославленный монастырь на севере Зеландии, находившийся неподалеку от Фриденсборга.

¹⁴⁷ Ласт (мера, различная для разного груза: 10 кварталов зерна, 12 мешков шерсти, 12 дюжин кож, 24 бочонка пороха и т. п.; как мера веса составляет ок. 4000 англ. фунтов).

¹⁴⁸ О школе Херлуфсхольма смотри дальше.

¹⁴⁹ Небольшой городок на западном берегу Ютландии.

¹⁵⁰ То есть к дьяволу, подобно нашему «старине Гарри», что, по всей видимости, является искаженным датским термином.

¹⁵¹ Большой город в Ютландии.

¹⁵² Этим графом, без сомнения, был герцог Ганс Адольф Гольштейн-Плоенский, который считался великим волшебником и был, как полагают, унесен дьяволом через окно, когда наступил его срок. Он жил в семнадцатом столетии.

¹⁵³ Большой город в Шлезвиге.

¹⁵⁴ Большой город в Ютландии.

¹⁵⁵ Город на западной стороне Ютландии, в котором находится прекрасный старинный собор. Говорят, что это — первый собор, построенный в Дании. Считалось, что двор самых первых христианских королей находился в Рибе.

¹⁵⁶ Город на восточном берегу Ютландии, располагающий просторным старинным собором.

¹⁵⁷ Первую часть этого имени Grimm (*Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 896) считает связанным с восточно-норвежским Gron (борода), а все имя является искаженным восточнонорвежским Graniðtunn, «бородатый великан», без какого-либо намека на цвет его одежды.

¹⁵⁸ Один из небольших датских островов около Мёена.

¹⁵⁹ Палнатоки, основатель Йомсборга.

¹⁶⁰ J. Supraei, *Ann. Episcoporum Slesv.*, p. 267, цитируется по книге Thiele, op. cit., i, p. 187.

¹⁶¹ Geijer, *Sv. Rikes Häft.*, i, p. 268.

¹⁶² Вальдемар IV Датский, по прозвищу Аттердаг; он правил с 1334 по 1375 год и был последним представителем мужского пола среди потомков короля Свенда Эстритсона. Он являлся племянником Кнута Великого, рожденным его сестрой Эстрит, вышедшей замуж за Ульфа Яна.

¹⁶³ Слово *Tovelille* означает «маленькая голубка». Аналогичным образом знаменитую любовницу Христиана Второго звали Дивеке, что означало то же самое на нижне-немецком. Она была датчанкой.

¹⁶⁴ Главный город острова Фиен.

¹⁶⁵ Городок на западе от Зеландии, известный своей академией.

¹⁶⁶ Деревня примерно в восьми милях к северу от Копенгагена.

¹⁶⁷ Небольшой город в Лимфьорде на севере Ютландии.

¹⁶⁸ Müllenhoff, op. cit., p. 244.

¹⁶⁹ Даже при строительстве нового моста в Халле, который был завершен только в 1843 году, люди считали, что для надежности в фундамент надо заложить принесенного в жертву ребенка! Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1095.

¹⁷⁰ Город на северной стороне Аерё, небольшом острове на юге Фиена.

¹⁷¹ Согласно бельгийской легенде, это души некрещеных детей.

¹⁷² Находится у южного берега Зеландии.

¹⁷³ Afzelius, op. cit., iii, p. 116.

¹⁷⁴ Небольшой город на Зеландии на Иссефьорде.

¹⁷⁵ Маленький остров в Лиимфьорде, на севере Ютландии.

¹⁷⁶ Город на юге Зеландии.

¹⁷⁷ Некогда значительный, а ныне небольшой город в Зеландии. В его церкви (Св. Бента), в прежние времена принадлежавшей бенедиктинскому монастырю, находятся останки нескольких первых королей и членов королевских семей.

¹⁷⁸ Один из вариантов легенды, легшей в основу всемирно известной трагедии В. Шекспира (*Примеч. пер.*)

¹⁷⁹ Замок в Эльсиноре, охраняющий пролив Зунда.

¹⁸⁰ В прежние времена — столица Дании и резиденция датских монархов, гробницы которых находятся в старом соборе.

¹⁸¹ Об этом прелате, норвежце по рождению, Саксон Грамматик (pp. 559, sq.) передает историю, которая заслуживает, чтобы ее здесь привести. Когда Свенд стал епископом, он хорошо писал на своем языке, но был мало сведущ в латыни. Предпочтение, оказывавшееся ему королем, вызвало зависть многих людей. Чтобы высмеять его, было решено во время праздничной мессы положить перед ним книгу, в которой первые две буквы в словах *fatulum suum* (твоего ученика, лат.) были стерты, чтобы во время молитвы за короля он произнес *mulum suum* (твоего мула). Посмотрев книгу, король сразу понял умысел и приказал епископу (которого любил за его достоинства) посвятить себя изучению свободных искусств, в которых тот впоследствии добился большого совершенства.

¹⁸² Столбняк, прим. пер.

¹⁸³ Здесь, по всей видимости, имеется в виду хронологическое несоответствие.

¹⁸⁴ Сора! Сора! Крепче молись за меня (лат.) — *Примеч. пер.*

¹⁸⁵ Город на восточном берегу Шлезвига.

¹⁸⁶ Или немецкий Хадерслебен, город в Шлезвиге. Другим названием герцогства Шлезвигского была Южная Ютландия, этим именем оно называлось в четырнадцатом столетии.

¹⁸⁷ Город в Лиимфьорде, на западной стороне Ютландии.

¹⁸⁸ Стиг Андерсен был *Marsk* (т.е. маршал) королевства. Он являлся одним из убийц короля Эрика Глиппинга, который, как утверждают, обесчестил его жену. В правление

Эрика Менведа, сына убитого короля, Стик был объявлен вне закона, но укрылся на Хиелме — небольшом острове у берегов Ютландии в Каттегате. См. *Danske Viser*, ii, pp. 115—162.

¹⁸⁹ Ср. русскую поговорку: завтра, завтра, не сегодня...

¹⁹⁰ Почти что точное повторение слов Одина из эддической поэмы *Речи Высокого*.

¹⁹¹ Укрепленный город на острове Фиен, над ведущим в Зеландию проливом.

¹⁹² От немецких слов *mond*, луна, и *rad*, колесо.

¹⁹³ Kohl's *Reisen in Dänemark*, i, p. 283. См. также p. 292.

¹⁹⁴ Узкий морской залив Иссефьорд расходится от Каттегата в различных направлениях по Зеландии. Город Роескильде построен на южной стороне одного из его ответвлений, называемом фьордом Роескильде.

¹⁹⁵ Город на западном берегу Зеландии. Церковь Эсберна Снаре существует до сих пор, пять шпилей делают ее хорошо заметной на мили вокруг. В замке, руин которого не осталось, скончался Христиан II (1559) после двадцатисемилетнего заключения, причем семнадцать лет он провел в Сёндерборге и десять в Каллундборге. Король Альберт Шведский также был заключен в замке Каллундборг королевой Маргарет.

¹⁹⁶ Ученый антиквар Арндт якобы видел в библиотеке Ватикана записку, в которой утверждалось, что в одной из колонн церкви Марибо спрятаны ценные рукописи и документы.

¹⁹⁷ Chambers, *Pop. Rh.*, p. 12.

¹⁹⁸ Sic (на самом деле в Испании, прим. пер.).

¹⁹⁹ Монахи из Адеверта также вешали свои шляпы и перчатки на солнечные лучи. См. Wolf, *Niederländische Sagen*, Leipzig, 1843, p. 411.

²⁰⁰ Небольшой городок на восточной стороне Ютландии.

²⁰¹ Подробнее о Черной школе см. в разделе «Народные легенды Северной Германии».

²⁰² Rhode, *Haderslev-Amt*, цитируется по Müllenhoff, op. cit., p. 600.

²⁰³ Самый древний и знаменитый среди городов Ютландии. С самых отдаленных времен датские монархи после восшествия на престол принимали своих подданных в Виборге; здесь же проводились собрания Штатов королевства. В городе был старинный собор, погибший во время пожара 1726 года. В его склепе совершались заупокойные службы по убитому королю Эрику Глиппингу (1287 г. н.э.), продолжавшиеся долгое время после Реформации.

²⁰⁴ Вакке является небольшим холмом или возвышенной землей.

²⁰⁵ Аналогичное предание существует в Шотландии. Рассказывают, что примерно сто лет назад, когда лорд Крауфордленд и его слуги пытались достать горшок с золотом со дна озера, они услышали шум над головой, который заставил их бросить свою ношу и поглядеть вверх. Они увидели ужасную фигуру, стоявшую на вершине холма, размахивавшую руками и кричавшую:

Гора высока! Кроуфордленд совсем низко!

После этого лорд, решив, что дьявол поджег его дом, чтобы отвлечь его от поисков, покинул озеро вместе со слугами и бросился домой, чтобы спасти все, что возможно. Конечно, в доме не было никакого пожара.

Chambers, Popular Rhymes, etc., p. 13.

²⁰⁶ В 1716 году.

²⁰⁷ Из *Die Deutschen Volksbücher* von Karl Simrock, Bd. 6. Поскольку детали этой легенды о деяниях брата Рууса после того, как он стал главным поваром, могут показаться неинтересными читателю, я добавил сокращенное продолжение этой истории из ритмизированного повествования, помещенного в упомянутой работе, которой у меня не было под рукой, когда я переводил уже приведенную часть этой истории. В немецкой легенде он носит имя *Rausch*, соответствующее датскому *Ruus* и означающее «пьянство», «невоздержанность».

²⁰⁸ Согласно датской версии, Руус перенес аббата на своей спине. Thiele, op. cit., ii, p. 148.

²⁰⁹ Thiele, op. cit., iii, p. 95 sqq.

²¹⁰ Языческий праздник летнего солнцестояния или «смерти Бальдра» христианские миссионеры совместили с днем Рождества Св. Иоанна Крестителя. Вместо *Baldur's brow* (см. прим. 36 к статье о Бальдре в разделе «Боги») с христианским праздником стало связываться растение *hypericum* или *androsaemum*), которое в Англии также используется для изгнания ведьм и определения судеб юношей и девушек. В Нижней Саксонии девушки собирают веточки этого растения и прикрепляют их к стенам своих комнат. Если веточка на следующее утро не вянет, можно ожидать уха-жера, если же вянет, то девушке предстоит ранняя смерть. «В этой стране используется *Hypericum perforatum*». Walker's *Flora of Oxfordshire*, p. 217. Finn Magnusen, *Den Aeldre Edda*, i, p. 17. Название *androsaemum* (греч. ἀνδρὸς αἷμα («человеческая кровь»), возможно, является намеком на обезглавливание Крестителя; это растение выделяет красноватый сок.

²¹¹ В Ансбахе в Рождество или канун Нового года зажигают свечи на рождественском дереве. Чтобы узнать, кто умрет в предстоящий год, достаточно посмотреть на тени присутствующих. Тень того, кто умрет, будет без головы.

²¹² В Швабии повсеместно встречается поверье, что срезанные ногти надо сжигать или бросать в проточную воду, потому что если их подхватит и унесет какая-нибудь птица, у человека могут либо выпасть волосы, либо ведьмы причинят ему какой-нибудь вред. *Journal von und für Deutschl.*, 1788, p. 441.

²¹³ Holberg, *Uden Hoved og Hale*, Act 1, Sc. 2.

²¹⁴ В Англии мы тоже в аналогичном случае говорим: «Погляди! На свече закрутился завиток».

²¹⁵ У нас это «поминальный колокол», который используется до сих пор, хотя уже давно все забыли происхождение этой традиции.

²¹⁶ Олаф Трюггвасон, будучи христианином, следил за тем, на какой ноге стоит ворона, и соответственным образом определял, добрым или несчастливым является предзнаменование; за это враги прозвали его *krákabein* (воронья нога).

²¹⁷ «Горняки Северной Англии считают особенно несчастливой встречу с женщиной по дороге к угольной шахте, и многие из шахтеров-угольщиков, заметив женскую юбку, немедленно развернутся на месте и отправятся обратно в постель». *Morning Chronicle*, 20 декабря 1849 года. Суеверие это, вне сомнения, было унаследовано от скандинавских поселенцев этого региона.

²¹⁸ Holberg, *Uden Hoved og Hale*, Act 1, Sc. 2.

²¹⁹ Такое же суеверие существует и в Англии.

²²⁰ Монета. — *Примеч. пер.*

Том III

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ВЕРОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДОВ

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ШЛЕЗВИГА, ГОЛЬШТЕЙНА, ЛАУЕНБУРГА¹

СОТВОРЕНИЕ АДАМА (по древней фризской легенде)

Бог создал первого человека, то есть Адама, из восьми вещей. Кости были сотворены из камня, плоть из земли, кровь из воды, сердце из ветра, мысли из облаков, пот из росы, волосы из травы, глаза из солнца. Создав человека, Бог вдунул в него святой дух. Затем из ребра человека была создана Ева, спутница и помощница Адама.

См. Wodana, p.xix. (из Richthofen, p.211) и замечания Гримма из Haupt, «Zeitschrift». Сравните также рассказ о сотворении человека в «Dialogue between Saturn and Solomon», Analecta Anglo-Saxonica, p.110 и «Anglo-Saxon Dialogues» (Aelfric Soc. edit. by Kemble), p. 178.

ЭРЕНГАНГ — ДОРОГА СЛАВЫ

Во многих местах на севере Германии — главным образом на возвышенностях или приподнятых равнинах — находятся монументальные сооружения, состоящие из большого числа гранитных камней, уложенных в виде продолговатого прямоугольника. Четыре камня из них расположены друг возле друга, причем один всегда много больше остальных. Эти сооружения в наши дни называются словом *Ebren gang* или «дорога славы» потому что в давние времена победоносные князья и вожди устраивали возле них торжественное шествие, сопровождавшееся совершением многочисленных обрядов. Эти памятники сохранились в неповрежденном виде возле Немтена, между Борнхевдом и Штокзее, и на поле Кремсфелде около Зегеберга.

Около Раубьерга, в округе Апенраде, существует пространство, огороженное камнями. Его называют Kongens Heststald (королевское стойло). На этом месте когда-то произошла великая битва.

ЛИПОВОЕ ДЕРЕВО В НОРТОРФЕ

На юго-западной стороне церковного двора в Норторфе² растет почтенная старая липа с тремя крупными ветвями. Под ней в старину выносил приговоры суд, проходили праздники, свадьбы, заключались контракты и т.д. Все договоренности заключались в устной форме и скреплялись так называемым *dorpen' om*. Этим словом называлось нажатие большого пальца на ствол дерева.

Между Блументалем и Спренге, на юг от Килья, в прежние времена стоял священный Schwerek- или Dreieiche (тройной дуб). Неподалеку от него располагался необычайно большой камень. Часть этого камня размером 30—40 футов в длину и 20 футов в ширину можно было видеть еще в прошлом веке. Соседний с ним холм носил название Heiligenberg (священный холм). Westphal. Monum. Ined., iv, pref. 216 и изображение No.21. Schröder Topographie von Holstein, i, 60.

СВЯТАЯ ДЕВА НА ЛОШАДИ

Когда жители Делве, что находится на севере Дитмаршена, собрались строить церковь, они никак не могли решить, в каком именно месте следует воздвигнуть это сооружение. Наконец, они решили привязать образ Святой Девы к спине пестрой лошади и отпустить животное на волю. Где она окажется на следующее утро, там и будет построен храм. На следующее утро лошадь оказалась на болотистом месте, густо заросшем терном и кустарником. Расчистив обнаруженное таким образом место, жители перенесли на него свою деревню, а построенная церковь получила название *Unse leve Fru up dem Perde*, то есть Владычицы нашей на лошади.

ТАНЦОР

В обществе, собравшемся на пышной свадьбе в старом дворянском особняке Хойерсворт в Эйдерштедте³, присутствовала некая молодая девушка, которая танцевала лучше всех — и местных, и гостей. Весь вечер ее постоянно приглашали на танец. Когда мать попросила свою дочь не танцевать так много, та в запальчивости ответила: «Я не откажу даже самому дьяволу, если он пригласит меня!» И в то же самое мгновение в зал вошел какой-то незнакомец, немедленно пригласивший ее на танец. Это был сам дьявол, явившийся, чтобы получить обещанный танец. Нечистый кружил девицу по залу так долго, что через какое-то время изо рта ее хлынула кровь, и она упала замертво. Кровавое пятно на полу заметно до сих пор, и вывести его невозможно. Каждую ночь, когда часы бьют двенадцать, девушка поднимается из могилы и входит в зал. Тут же начинает играть адская музыка, и в особняке поднимается шум и гром. Она приглашает на танец всякого, кто окажется ночью в зале, однако никто до сих пор не отважился принять приглашение. Но если какой-нибудь христианский юноша согласится на это, она будет освобождена от проклятия. Некогда она так перепугала одного молодого гуляку, что тот больше никогда не ходил ни на какие праздники, поскольку звуки скрипки всякий раз напоминали ему о встрече с привидением.

Две молодые девушки отправились вместе в церковь к причастию. После совершения таинства, еще стоя возле алтаря, одна из них сказала другой: «А ты пойдешь на свадьбу сегодня вечером?» «Даже не говори об этом», — ответила ее подруга. Но первая девуш-

ка продолжала: «А я пойду и буду танцевать до упаду; я готова сегодня натанцеваться вусмерть». Вечером, когда девушка явилась на свадьбу и веселье уже было в полном разгаре, ее пригласил на танец высокий и красивый молодец, которого никто не знал. Поначалу они танцевали довольно спокойно, но постепенно их танец делался все более и более исступленным, и они не останавливались даже тогда, когда музыканты отдыхали. Собравшимся это показалось странным, и они решили остановить танцы и завели песню. Тут незнакомец вместе с девушкой, все еще кружа в танце, подошли к двери и исчезли за ней. Девушка утонула в выгребной яме — причем на виду у всех. Люди пришли к мнению, что мать девушки запродала ее дьяволу, когда та была еще ребенком.

ДЬЯВОЛ И КАРТЕЖНИКИ

В деревне Хеллевадт, что находится близ проезжей дороги от Апенраде к Люгум-кlostеру, находился постоялый двор, называвшийся Кловесес («Туз червей»). Свое название он получил благодаря следующему случаю. В этом доме, который пользовался отнюдь не лучшей репутацией, в прежние времена часто играли в карты. Однажды зимой здесь собралась группа картежников, которые во время игры постоянно бранились, богохульствовали и вели непристойные разговоры. И, конечно же, при этом они часто поминали черта. Вдруг в комнату, где расположилось собрание нечестивцев, незаметно вошел какой-то путник, по виду — ремесленник. Он присоединился к игре и скоро стал постоянно выигрывать, отчего остальные пришли в полное уныние. Тут одна карта — как раз червовый туз — упала на пол, и когда игрок наклонился за ней, то увидел, что у гостя ноги оканчиваются копытами. Не сказав более ни одного слова, картежник немедленно покинул комнату. Это привлекло внимание его партнеров, и еще один из них — уже преднамеренно — уронил карту. Наклонившись, он увидел то же самое, что и первый, и также покинул комнату. Его примеру последовали остальные, так что в конце концов дьявол остался в одиночестве. Хозяин гостиницы пришел в крайнее замешательство и послал за священником, чтобы тот изгнал дьявола. Божий человек явился с тремя книгами под мышкой, и две из них дьявол немедленно выбил из его рук, однако третью священник сумел удержать. После этого священник попросил у хозяина дома иглолку и с ее помощью проделал дыру в свинцовой оконной створке, а потом, обратившись к чтению своей книги, заставил дьявола бежать через это отверстие наружу.

Согласно другой версии этой истории, священник воспользовался не иглой, а палкой.

МАЯЧНЫЕ КОСТРЫ

День престола Св. Петра (22 февраля) в прежние времена в Северной Фрисландии отмечался как большой праздник. Праздник считался весенним, ибо после него моряки покидали берег и отправлялись в море. В канун этого дня на известных холмах зажигались огромные сигнальные костры (*biiken*), и моряки, вместе с женами и возлюбленными, плясали вокруг них. При этом каждый танцор держал в руке пучок горящей соломы, которым махал вокруг себя, выкрикивая все время: «*Wedke teare!*» или «*Vike tare!*» (Ведке, т.е. Воден, пожирай!)⁴.

Этот праздник повсеместно отмечался в Северной Фрисландии еще в прошлом веке; на второй день его происходил большой пир. Церковь долгое время боролась с праздником, но без результата. Но однажды ночью, перед днем Св. Петра, когда жители Рантума, которых пригласили на праздник, погасили костры и отправились на отдых,

проснувшись в полночь, они с изумлением обнаружили, что на Биикенберге снова горит огромный огонь. Поспешив подняться на холм, чтобы потушить костер, они встретили на склоне похожее на крупного пуделя черное чудище. Перепугавшиеся жители поняли, что теперь им придется всегда жить рядом с дьяволом или, по меньшей мере, мириться с тем, что он будет часто их посещать. И тогда они дали клятву, что никогда впредь не будут зажигать на холмах маячные костры. Тем не менее в Вестерландфёхре и Остерландсилте дети по-прежнему зажигают костры 22 февраля.

В старые времена на острове Силт 22 февраля на холме Тинга проводился Весенний или Петров тинг или суд. Летний суд, тинг Петра и Павла, проводился 29 июня, а осенний — 26 октября. В Дитмаршене в канун Вальпургиевой ночи (30 апреля) разводили огромные костры на холмах и перекрестках. Эти костры назывались словом baken (сигнальный огонь). Мальчики и юноши отовсюду сносили к кострищам солому и сухой валежник. Ночь проходила в плясках и играх вокруг костров. Некоторые юноши постарше подцепляли горящую солому на вилы и бегали вокруг костров, размахивая своей ношей до тех пор, пока она не прогорала. На острове Фемерн (населенном выходцами из Дитмаршена) 30 апреля праздновали аналогичным образом, зажигая сигнальные костры (bakenbrennen). В Вилстермарше мальчики и юноши в канун Пасхи носили вокруг полей большие пучки зажженной соломы. В Восточном Гольштейне разжигали костры на холмах и дорогах — как в канун Пасхи, так и в канун Иванова дня.

В СУББОТНИЙ ВЕЧЕР НЕЛЬЗЯ ПРЯСТЬ

Некогда существовало широко распространенное поверье о том, что в субботу вечером нельзя заниматься прядением, иначе за это последует наказание. Нечто жили две старых женщины, добрые подруги, самые неутомимые прядильщицы в своей деревне. Колеса их прялок не останавливались никогда — даже в субботу вечером. Наконец, одна из них умерла. И в следующую же субботу явилась своей подруге, трудившейся у прялки, и, показав ей свою пылающую руку, произнесла:

Sieh, was ich in der Hölle gewann,
Weil ich am Sonnabendabend spann!

*Смотри, что я в аду получила,
Из-за того, что пряла вечером в субботу!*

НЕЛЬЗЯ ПРЯСТЬ И В ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ СВЯТОК

В эти следующие за праздником Рождества Христова двенадцать дней нельзя было не только прясть, но и оставлять лен на прялке, чтобы по нему не проскакал Воде.

Одна женщина, однако, решила проверить справедливость предания. Она уселась за прялку и начала тянуть нить, однако тут же погрузилась в глубокий сон, из которого вышла только тогда, когда кто-то открыл дверь и вошел в комнату. Незванный гость потребовал, чтобы прялку дали ему, после чего начал прясть. Женщине не оставалось другого дела, как только подавать ему лен. Гость — а это был дьявол — немедленно выпрядал из него нить, после чего требовал новой порции льна. Женщина принесла ему всю кудель, что имелась в доме, а затем и всю шерсть. Но дьявол требовал еще и еще, а было четыре часа утра и до рассвета оставалось еще далеко. В отчаянии женщина побежала к соседке, мудрой старой колдунье, которая заранее поняла, что происходит в доме, поскольку встретила ее на полпути. К счастью, та знала, как избавиться от ужасного

гостя. Ведь если бы дьявол спрял нить из всего волокна, что имелось в доме и женщина не смогла бы принести ему новую порцию, это стоило бы ей жизни.

КАНУН НОВОГО ГОДА

В канун Нового года коровы и лошади могут разговаривать друг с другом. Один крестьянин, который относился скептически к этому утверждению, забрался в кормушку и стал прислушиваться. В полночь он услышал, как одна лошадь говорит другой: «В этом году мы избавимся от нашего хозяина». Это так испугало крестьянина, что тот заболел и вскоре после этого скончался. И к погосту его повезла та же самая лошадь, что сказала эти слова.

В ту же ночь — или накануне какого-либо другого праздника, — в двенадцать часов вся вода превращается в вино. Одной женщине хватило ума в полночь отправиться к колодцу. Наклонившись, чтобы зачерпнуть воды, она услышала следующие слова:

All Water is Wyn,
unn dyn beiden Ogen slint myn.

*Вся вода — вино,
и два твоих глаза — мои.*

Она тут же лишилась обоих глаз. В другой версии говорится, что сказано было так:

All Water is Wyn,
unn wat dar by is myn.

*Вся вода — вино,
и все, что там, будет мое.*

После этого женщина немедленно исчезла.

ЛИТУРГИЯ УСОПШИХ

Однажды ночью некая пожилая жительница Кили проснулась и подумала, что настало время идти на утреннюю службу, поскольку ей показалось, что она слышит звуки колокола и органа. Она немедленно поднялась, взяла фонарь и плащ — поскольку была зима, — и отправилась к церкви Св. Николая. Но она обнаружила, что звучат совершенно незнакомые ей песнопения, которых нет в ее молитвослове. Да и люди показались незнакомыми ей. Внезапно она узнала одну женщину — та была соседкой, скончавшейся несколько лет назад. Потом еще одна женщина подошла к ней — и она тоже давно уже была в могиле. Эта женщина сказала старухе, что та должна удалиться, поскольку в это время церковь не для нее. Старуха бросилась к выходу из церкви, опасаясь, что с ней может что-нибудь приключиться. Тут часы пробили двенадцать, и дверь захлопнулась за ней, прищемив плащ. Старуха сбросила его с плеч, намереваясь забрать его позже, когда утром придет на церковную службу. Но поутру она обнаружила свой плащ разорванным на мелкие клочки, потому что мертвецы, выходя, спотыкались об него.

ПРИЗРАК ИЗ ГРАММА

Графиня Анна София Шак рано стала вдовой. Оставаясь в Грамме, она вела беспутную и сластолюбивую жизнь, ни в чем не отказывая себе, и в конечном счете продала свою душу дьяволу. Согласно договору через определенное количество лет дьявол должен был явиться за ней в назначенный вечер, как только на столе догорит свеча. По

прошествии указанного времени графиня в назначенное время зажгла свечу и погрузилась в горестные раздумья. И тут она решила послать за священником и открыть ему свою тайну. Священник посоветовал ей погасить свечу, а оставшийся маленький кусочек ее спрятать в восточной стене церкви. После того как это было сделано, зло не имело больше над графиней власти. Однако вскоре после этого в церкви случился пожар. Время было раннее, и графиня находилась в постели, когда ей сообщили об этом. Она немедленно прыгнула с кровати и в легком утреннем одеянии, босиком, поспешила к церкви, которая располагалась примерно в миле с четвертью от ее жилища. Стараясь, как могла, она уговорила людей погасить пожар так, чтобы по крайней мере восточная стена уцелела. Но с этого времени графиню словно подменили — жизнерадостность и хорошее настроение исчезли, сменившись на постоянную скорбь, которая в конечном счете свела ее в могилу. Но с тех пор по ночам в замке стала появляться фигура красивой женщины в белом как снег одеянии. Ломая руки, унылая и горестная, она проходит из одной комнаты в другую и останавливается, наконец, в верхней гостиной. Там она замирает на некоторое время перед камином, разглядывая какие-то кровавые пятна, после чего исчезает.

Впоследствии Грамм посетила другая молодая графиня. Когда она села за клавесин, появился призрак, настолько ужаснувший юную особу, что она вскоре после этого умерла. После этого входившие в старый особняк люди всегда ощущали какой-то особенный страх.

ГОНГЕРЫ

В Кейтуме, на острове Силт, одна женщина умерла во время родов. После этого ее призрак несколько раз являлся слугам священника. Она никак не могла успокоиться в могиле, пока рядом с ней не положили ножницы, иглу и нить. Таков обычай в Северной Фрисландии.

В здешних местах водится много призраков, которых называют гонгерами, поскольку те, кто был несправедливо убит, переставлял отметки земельных владений или пахал чужую землю, не находят покоя после смерти. Также становятся гонгерами духи богохульников, самоубийц, а также тех, кто проклял самих себя. Таким гонгерам нельзя подавать руку, поскольку она обожжется, почернеет и отпадет.

Когда кто-либо тонет в море, он сообщает об этом своим родственникам. Хотя такие гонгеры не являются своим ближайшим родственникам, они могут встретиться со своей родней в третьем или четвертом колене. Призрак является в той самой одежде, в которой тонул — в вечерние сумерки или ночью. Он смотрит на дверь своего дома и давит на нее руками. Иногда он бродит вокруг дома, но вскоре исчезает и возвращается на следующий вечер — к тому же самому часу. Ночью — обычно в тяжелых сапогах, полных воды, — он открывает дверь в комнату, тушит свет и ложится на одеяло рядом со спящим. Утром в комнате полно морской воды, которая натекла с его одежды. Если данные знаки не убеждают родственников в том, что он действительно утонул, гонгер является еще и еще, пока они не начинают испытывать уверенности в его гибели. Гонгеры оставляют и другие свидетельства: рассказывают, что один моряк с двумя сыновьями отправился из Амрума с грузом зерна в Голландию. Младший сын не хотел плыть и стал уговаривать мать оставить его дома — но та сказала, что на то есть воля отца и что он должен отправиться в плавание. Когда по пути к гавани в Боске они проходили по

дамбе, он сказал матери и всем провожавшим их: «Вспоминайте о нас, проходя над этими камнями». В ту же ночь все трое погибли. Сестра моряка жила в его доме, и ночью она расстелила возле кровати свой белый шейный платок, а наутро нашла на нем три капли крови. Она поняла, что ее родственники погибли и явились к ней ночью.

СТАВЕН-ВЮФКЕ⁵

Этот призрак похож на охваченную горем женщину. Он появляется на старых пастбищах, на холмах и в заброшенных местах, где некогда стояли дома, пришедшие с тех пор в запустение, либо омываемые волнами моря или засыпанные прибрежным песком. Такое привидение иногда бродит по этим унылым местам, а иногда сидит и плачет на месте, где когда-то находился домашний очаг⁶.

ЗЕМЛЕМЕР

В те времена, когда производилось разделение и огораживание земель, между жителями деревень Альверсдорф и Рост в Южном Дитмаршене начались крупные ссоры по поводу границ. Договориться никак не удавалось, пока один человек из Альверсдорфа не объявил, что знает, как произвести точный раздел земель, и готов в этом поклясться. С этой целью он направился к границам земель Альверсдорфа, около брода в Тенсбюттеле, где она проходит через Гизелау, наполнил свои ботинки песком, вышел к Рёсту и там поклялся, что стоит на земле Альверсдорфа. Прodelав такой трюк, он считал, что не подвергнется наказанию за лжесвидетельство. Однако после смерти он был обречен бродить на пограничной линии в виде огненного призрака. В этих местах долго замечали пляшущее пламя высотой в человеческий рост, — пока вересковую пустошь не осушили. Когда это пламя взметалось вверх выше обычного, люди обычно громко кричали: «*Dat is de Scheelvaegt!*» (Это землемер!). И если кому-то случалось проходить ночью по месту, где этот человек насыпал песка в свои ботинки, то прохожему этому приходилось на большое расстояние нести на своей спине черта, весившего добрую сотню фунтов.

Между правителем Рёста и жителями деревни Рабенкирхен в Ангельне однажды возник спор из-за леса. Как-то утром правитель наполнил свои сапоги землей из своего сада, срезал со своих деревьев ветки и спрятал их под свою шляпу, после чего пришел в лес, по закону принадлежавший деревне Рабенкирхен, и поклялся, что стоит на своей земле, а сучья над его головой — его собственные.

ЧЕРНАЯ ШКОЛА

О Черной школе ходит много легенд как в Северной Фрисландии, так и на датских землях. Учителем в этой школе является сам дьявол, и он обучает проповедников, которые только начинают свою карьеру. Почти каждый пастор знает что-то из черной магии, а некоторые в ней весьма преуспели, на некоторых условиях продав свою душу дьяволу. Так, например, один священник должен был всю жизнь носить один и тот же шерстяной жилет под мантией, другой имел право бриться только по субботам, третий мог носить только одну подвязку. Есть такие, которым не позволяется входить в церковь или оставаться в ней больше часа или получаса. Если они неумышленно нарушат этот запрет, их души попадут в ад. Всякий, кто посещал Черную школу, имеет власть

над духами и особенно искусен в изгнании духов усопших и разного рода привидений. Произнеся нужное слово, они могут пожелать перенестись из одного места в другое и узнать, что происходит дома в их отсутствие.

Некий пастор Фабрициус из Меделби был особо искусен в черной магии. Однажды, совершая крещение в Хольте, Фабрициус произнес заклятие, заставившее некоего юнца, воровавшего яблоки в приходском саду, сидеть на дереве, пока он не вернулся домой и не освободил его. В другой раз посреди службы он ударил по лежавшей на кафедре подушке и воскликнул: «Стой!» Выходя из церкви после завершения службы, люди увидели замершего неподвижно, как статуя, человека с мешком, полным травы, которую он украл с церковного двора. У этого священника было много волшебных книг. Однажды, пока он служил в церкви, служанка, убиравшая его кабинет, интереса ради принялась читать маленькую книгу, которую нашла на столе. Внезапно комната словно ожила, ее наполнило множество ужасных духов и привидений, приближавшихся к девушке все ближе и ближе, так что она обмерла от страха. Священник, который и в церкви знал, что происходит у него в доме, внезапно произнес: «Амины!» прямо посреди молитвы и поспешил домой, чтобы утихомирить духов, которые в противном случае могли бы убить девушку.

Но дьявол всегда расставляет ловушки тем, кто заключает с ним соглашение. Если бы вышеупомянутый пастор Фабрициус надел бы больше одной подвязки, враг рода человеческого унес бы его душу. Однако дьявол не смог соперничать с пастором Фабрициусом, который всегда держался начеку, даже когда однажды утром увидел на своей кровати две подвязки. Кроме того, бес в образе блохи досаждал его служанке, вязавшей шерстяные носки своему хозяину, и заставлял ее сбиваться в счете петель. Из-за этого чулки были слишком широки и спадали с ног священника. Но того это нисколько не смущало. И в итоге дьяволу так и не удалось победить его.

Пастор Зиглер, автор Holstein Idiotikon, никогда не носил больше одной подвязки. Люди поговаривали, что он вошел в сношения с дьяволом, и когда пришел срок, нечистый явился за его душой. Но пастор сказал, что должен сперва благопристойно одеться, натянул носки наизнанку и т.п. Наконец, такая медлительность раздосадовала дьявола, который сказал, что будет ждать только до того мгновения, когда пастор наденет вторую подвязку. «В таком случае, — ответил Зиглер, — я никогда не стану ее надевать». После этого он снова отправился спать. Дьяволу ничего не осталось, как ретироваться.

КРЕПКОЧТЕНИЕ

Однажды некий человек вошел в одну из гамбургских церквей, нашел в алтаре книгу и начал ее читать. Шло время, а он все читал и читал, пока не понял, что *вчитался крепко* и не может оторваться от чтения. Это его испугало, и он попытался дать своим мыслям другое направление, но тщетно — он был обречен стоять и читать. Скоро прихожанин покрылся потом, и его руки и ноги стали дрожать. Он бы умер в конечном счете, если бы его не заметил один старик, католический священник. Он понял, что происходит с прихожанином, и посоветовал читать слова в обратном порядке, чтобы освободиться. Прихожанин так и поступил и спасся без особых дальнейших трудностей.

КРЕПКОПИСАНИЕ

Многие жители Вилстера являются мастерами так называемого крепкописания. Однажды в дом некоего богача вломились два вора и грубо потребовали у него ключи. Богач сказал им, что если они его отпустят целым, он даст им все, что они захотят; он хотел только, чтобы все произошло тихо и спокойно. Взяв его деньги, воры уселись за стол и начали их делить. Но когда они покончили с этим делом и собрались уйти, то не смогли оторвать руки от денег, а денег от стола. Тем временем в доме собралась прислуга. «Ага, — сказал хозяин дома, — теперь мы можем спокойно ложиться в постель. А они пусть уютненько посидят до утра». Он освободил грабителей лишь на следующее утро, после того как явилась полиция.

Другой человек, у которого постоянно крали капусту из сада, *закрепописал* вора в ночь с субботы на воскресенье, как раз когда тот перебирался через изгородь с мешком, полным капусты. Это заставило вора просидеть на изгороди, пока у нее не собрались люди, возвращавшиеся из церкви. Позднее он был освобожден, и ему разрешили удалиться.

ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ СИТА

Во время одной войны мясник из Амрума, набрав столько работы, что в одиночку не мог справиться с ней, взял в помощники сына соседа. Этому юноше он так доверился, что даже показал ему, где положил несколько сотен талеров. Сын рассказал об этом матери, и обоих охватило неумное желание заполучить эти деньги. На следующее утро, когда мать пришла к мяснику, чтобы купить у него пару фунтов мяса, сын быстро засунул деньги на самое дно ее сумки. Когда через несколько дней мясник обнаружил пропажу, то немедленно заподозрил своего помощника. Но тот категорически все отрицал, клянясь всеми святыми.

В это время в Морсуме на Силте жил известный колдун, который умел определять воров и заставлял их вернуть украденные деньги. Мясник послал свою жену за ним, после чего колдун немедленно предпринял свои меры. Он велел ей купить сито для муки, положил в него ключ и пару ножниц, после чего опустил сито в большой сосуд с водой. После этого он произнес несколько колдовских заклинаний, а жена мельника должна была при этом называть имена предполагаемых воров. Как только она упомянула имя своего соседа, ключ и ножницы стали дергаться. Колдун попросил женщину посмотреть в воду, и она ясно увидела помощника своего мужа в тот момент, когда он засовывал деньги в сумку своей матери. Однако колдун сообщил, что не сможет вернуть ей деньги, поскольку воры уже уплыли вместе с ними по воде.

В Дитмаршене, во время аналогичного действия с ситом, использовалась семейная Библия и семейный ключ. Ключ на несколько минут помещали в Библию, чтобы освятить его. После этого знахарь брал ключ и раскручивал на нем сито. Во время вращения произносили ряд имен; на каком имени сито падало, тот и считался вором.

В Мекленбурге этот процесс имел некоторые отличия. Унаследованное от родственников сито ставили на обод, после чего в его обод втыкали доставшиеся в наследство ножницы, так чтобы сито стояло. Далее два человека разного пола отправлялись с этим ситом в совершенно темное место, поддерживая сито средним пальцем правой руки под кольцом ножниц. Поскольку в темноте двигаться трудно, при не-

ловком движении кольцо ножниц соскакивало с пальца, и сито падало. Тем временем один из идущих спрашивал другого: «Во имя такого-то я спрашиваю тебя, скажи мне истину и не лги: кто украл то-то и то-то? Это сделал Ганс, Фриц, Петер?» Когда они перечисляли эти имена, при произнесении одного из них колечко соскальзывало, сито падало на землю, и вор считался обнаруженным.

Согласно другим описаниям, эта операция выполнялась при свете, и сито не падало, а поворачивалось. Grimm, Я. Deutsche Mythologie, *op. cit.*, p. 1062.

В Англии «язычники, во многих областях, имеют отвратительный обычай использовать сито и пару ножниц при гадании. Если у них что-либо крадут, сито и садовые ножницы помогают вернуть пропажу. Похожий метод определения воров или других подозреваемых в каком-либо преступлении широко распространен у греков». Vide Potter's Gr. Antiq., i, p. 352, Brocket, voce Riddle. Grimm, J., Deutsche Mythologie, *op. cit.*, p. 1062, также vol. ii, p. 269, No. 8 Kubn und Schwartz, Norddeutsche Sagen, p. 523.

ПРОВОЗГЛАШЕННЫЙ УБИЙЦА

В Тондерне несколько богохульников во время церковной службы отправились в пивную играть в карты. Игра становилась все более и более страстной, вспыхнул спор и один из игроков ударил другого ножом. Убийца бежал. Когда настало время хоронить убитого, гроб с телом вынесли на рынок и поставили на землю. После этого по крышке гроба ударили молотком и назвали имя убийцы. Тот уже находился в Риге и впоследствии рассказал посетившему его другу, что в тот миг ему словно нанесли удар в сердце. Как выяснилось, оба события произошли одновременно.

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛОК

Некогда в Оппендорпе жил молодой крепостной, сильный и умелый во всякой работе. В то время как раз пошли разговоры о том, что пора дать свободу крепостным. Молодые люди очень радовались подобной перспективе и не могли дождаться дня своего освобождения. И вот однажды утром, вместо того чтобы идти за плугом, он сбежал в горы вместе с теми, кому не терпелось освободиться. Его хозяин был раздосадован потерей своего лучшего работника и стал предпринимать усилия, чтобы вернуть беглеца обратно, но не смог найти никаких следов его.

По прошествии некоторого времени к нему на ферму пришел один еврей, которому люди поведали эту историю. Еврей сказал: «Мы можем легко вернуть его обратно». Его слова передали хозяину, и тот пригласил еврея к себе. При встрече он спросил — правда ли это? Еврей сказал: «Да», но потребовал за труды хорошую плату и определенные вещи, которые ему нужны были для возвращения беглеца. На плате скоро сошлись, и еврей принялся за возвращение этого человека. Для этого он потребовал любую вещь, которую беглец носил на протяжении последнего года. Хозяин распорядился, чтобы такую вещь разыскали, и скоро еврею принесли старую жилетку. После этого еврей приказал принести ему черного петуха и черного кота. Их он убил, а после этого взял еще несколько вещей, но какие именно из них использовал, сохранил в секрете. Ночью он поставил на костер большой котел, в который в полночь опустил жилетку, черного кота, черного петуха и другие вещи, после чего начал все это варить. Он варил свое варево всю ночь и весь следующий день, так что в общей сложности получилось двадцать четыре часа. Вечером во двор вбежал какой-то человек, покрытый грязью с ног до

головы и задыхающийся. Добежав до дома, он упал на землю, лишившись от усталости чувств. Это был беглый крепостной. Когда он пришел в себя, его первыми словами были: «Благословение богам, что я снова в Оппендорпе!» Он сказал, что находился в Амстердаме и проснулся ночью в таком возбуждении, какого еще не знал в жизни. Ему захотелось одеться, он сам не знал почему. После этого какая-то сила заставила его безостановочно бежать ночь и день. Он не помнил, как пересекал водные преграды на своем пути. Какая-то сила гнала его, усталого и голодного, все дальше и дальше, так что он не мог ни на мгновение остановиться.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ КОТ

У одного крестьянина жили три красивых больших кота. Сосед выпросил у него одного из котов себе. Чтобы тот обжился на новом месте, он запер кота на сеновале. Ночью кот заглянул в окошко и спросил: «Что я должен принести?» Крестьянин ответил: «Принеси мышей». Кот принялся за работу и начал бросать свою добычу на пол. На следующее утро там оказалось столько мертвых мышей, что было трудно открыть дверь, и крестьянин целый день носил корзины с мышами. Ночью кот снова заглянул в окно и спросил: «Что я должен принести сегодня?» «Принеси ржи», — ответил крестьянин. После этого кот принялся таскать рожь, и набросал ее столько, что утром невозможно было открыть дверь. Тут крестьянин сообразил, что кот не простой, и отнес его обратно соседу. И поступил он очень правильно — поскольку не смог бы избавиться от него, если бы дал коту третье задание. Однако в одном отношении он поступил неразумно: во второй раз ему следовало попросить принести золота, поскольку в таком случае кот принес бы ему столько золота, сколько ржи.

МЁНЁЛОКЕ

В прежние времена существовал некий дух, которого звали Мёнёлоке. Когда кто-то вдруг становился богатым, о нем говорили: «Мёнёлоке выглядывает из его кармана». Мёнёлоке — это кукла, сделанная во имя сатаны из белого воска для колдовских дел. Куклу одевали в юбку из синей тафты и жилет из черного вельвета. Ее руки и ноги оставались голыми. Всякий, кто обращался за помощью к Мёнёлоке, должен был беречь эту куклолку и содержать ее в чистоте.

ВЕДЬМЫ В ФРИСЛАНДИИ

Жителей Донсума, на острове Фёр, считали колдунами. Женщины особенно славились как ведьмы. Из-за этого все боялись связываться с ними, и люди из других деревень не брали их в жены. В пятницу ни одной женщины нельзя было найти дома, поскольку в этот день они собирались и танцевали на вересковых полях. Вечером они начинали скачки на лошадях, хотя у них были и крылья на плечах, благодаря чему женщины могли летать. В полете они, однако, не всякий раз могли остановиться там, где надо, и, если на пути попадался церковный шпиль, налетали на него. Падая, женщины сильно расшибались, и на следующий день лежали больными. Там, где они устраивали свои танцы, на следующий день можно было найти тряпки и рваные клочья разных размеров и расцветок, куски лент, кровь, гной и иглы, которыми они пронзали заколдованные фигурки и вылепленные из воска сердца. Они умели превращаться в котов и лошадей, лебедей и орлов. Однажды один молодой человек пришел навестить девушку, с которой

обручился. Когда он собрался войти в дом, то увидел, что в дверях дома устроилась белая лошадь. Это произошло как раз вечером в пятницу. Один человек, который ненавидел ведьм, как-то отправился на охоту и увидел птицу с удивительно красивым оперением. Когда он прицелился и выстрелил, эта птица превратилась в женщину. Когда пара молодоженов проходила мимо озера около Донсума, молодые люди заметили на воде несколько лебедей. Увидев их, невеста произнесла: «Я хочу на минутку спуститься к лебедям». Она спустилась к воде, и лебеди оказались ее сестрами. Она тоже превратилась в лебедя, и все они начали махать крыльями и плескаться ими по воде. Жениху пришлось идти домой одному. Ведьмы нередко превращаются в тюленей и следуют за военными и рыболовными судами, часто они появляются в домах в виде жаб. Детей следует прятать, чтобы на них не взглянула жаба. Если на дороге вдруг оказалась лента или небольшая веревочка с узлом, трогать ее нельзя, поскольку там притаилась ведьма. Нельзя оставлять ведьмам острые инструменты — ножницы, ножи и прежде всего иглы. Однажды у одного человека умерла корова. Тогда он положил сердце ее вместе с другими внутренностями в котел и поставил его на огонь, чтобы сварить, это заставило появиться ведьму, которая убила корову. Когда в маслобойке никак не сбивается масло, обыкновенно вокруг нее втыкают ножи. Первая женщина, которая после этого войдет в комнату, является ведьмой. Дома и конюшни можно оградить от действия ведьм, прибив подкову над дверью или зарыв живую ящерицу под порог. Для этой же цели также используется асафетида⁷.

То, что было рассказано о ведьмах, можно отнести не только к женщинам Донсума, но также и к женщинам Силта, Амрума и других островов. 1 мая они все отправляются по воздуху в Блоксберг.

ВЕДЬМЫ И КОЛДУНЫ

Те, кто решил стать ведьмами и колдунами, предают свою душу дьяволу и отрекаются от Бога следующими словами:

Hier trete ich in dieses Nest,
Und verlasse unsern Herrn Jesu Christ!

*Здесь вхожу я в это гнездо,
И покидаю нашего Господа Иисуса Христа!*

После этого они занимаются волшебством, каковому черному искусству, полученному от дьявола, обучают друг друга. В канун Иванова дня и 1 мая эти отступники собираются и танцуют. Со своих собраний они возвращаются едва ли не смертельно больными. О ведьмах рассказывают, что в канун дня Вольбера (Вальбурга) они верхом отправляются на Блоксберг. В этот вечер никто не в силах им помешать. Тому, кто перекрестит дверь, через которую им надо выходить, они впоследствии отомстят и могут даже сильно избить. Они проникают в дома через печные трубы и прочие отверстия и ездят верхом на метлах, козлах, котах, петухах, старых свиньях, ослах и пятнистых собаках, которых им посылает дьявол.

Об их веселье в Ругенберге рассказывают, что как только все ведьмы — каждая своим способом — прибывают на место, они готовят себе трапезу — либо из гусей, либо из свежей (то есть незасоленной и не копченой) говядины, приправленной горчицей. С этим мясом они едят хлеб, испеченный в железном горшке, и пьют пиво из деревян-

ных или оловянных кружек. Дьявол приносит с собой котел из Лютенброде. Затем начинаются танцы. Каждая ведьма танцует с дьяволом, а одна из старух поет под барабанный бой в два котла. На окружающих горах зажигаются костры. Всякого, кто подходит к месту шабаша, затягивает в круг, и он кружится, пока не падает бездыханным. Когда начинается день, все исчезают. На следующее утро на месте шабаша остаются следы птиц, лошадей и козлов, а в середине лежит горка золы.

Если какую-либо старуху заподозрят в том, что она является ведьмой, то согласно обычаю за ее спиной следует бросить ей вслед пригоршню соли. Если она действительно является ведьмой, то непременно обернется. Если в дом собирается войти женщина, подозреваемая в ведовстве, достаточно только поставить в дверном проеме метлу вниз ручкой. Если она действительно является ведьмой, то не сможет войти. Несколько молодых людей когда-то приняли следующий план. В канун Иванова дня они отправились на луг, где обнаженными выкатались в росе. И в наступившее воскресенье отправились в церковь и увидели, что головы всех ведьм и колдунов были покрыты подошниками⁸, причем число ведьм обоего пола было весьма велико.

Двое молодых крестьян решили однажды понаблюдать за ведьмами в канун Иванова дня. Для этой цели они впрягли лошадей в пару доставшихся по им наследству борон и повели своих лошадей вокруг деревни — один с правой стороны, другой с левой. Обойдя деревню, они встретились на противоположной стороне, оградив свое селение кругом, который ведьмы не в состоянии пересечь. В этой ограде они оставили только узкий проход, около которого и стали ожидать ведьм. Составив бороны уголком, они улеглись под ними. В полночь все ведьмы повыветались из печных труб на вилах и метлах. Им пришлось пролетать мимо затаившихся крестьян, и один из них узнал среди них свою собственную жену. «И ты тоже с ними?» — воскликнул он, чем и выдал себя. После этого ведьмы ринулись на этого человека и придавили его зубьями борон, поскольку он не догадался заранее поставить бороны остриями наружу. Крестьянин не ушел с этого места живым.

Всякий, кто хочет увидеть пляски ведьм, должен взять старую доску от гроба, из которой выпал сучок. Ведьм можно увидеть через такое отверстие.

ВЕДЬМИН ДАР

Однажды поздно ночью музыкант шел по дороге из Тодендорфа в Путтгарден, и ему повстречалось множество ведьм, которые немедленно его окружили. Они сказали: «Сыграй нам какую-нибудь мелодию». От страха музыкант не мог произнести ни слова, но в конце концов справился с собой и сказал, что у него нет скрипки. «Неважно, — ответили ведьмы, — скрипка у нас есть». Когда он начал играть, они пустились в бешеный пляс вокруг него, подпрыгивая выше дома. Наконец они устали и дали этому человеку в качестве награды целый передник крёбелей (разновидность яблочного пирога). Дойдя до дома, он положил скрипку и крёбели на полку и отправился спать. На следующее утро, посмотрев на полученные дары, он увидел, что скрипка оказалась старым котом, смычок — его хвостом, а крёбели — всего лишь конскими яблоками.

ВЯЗАНИЕ УЗЛОВ

В Сисеби на реке Слей жила женщина, которая была колдуньей и умела менять направление ветра. Часто на этом берегу высаживались промышлявшие ловлей сель-

ди рыбаки из Шлезвига. Однажды, когда они собирались вернуться в Шлезвиг, задул западный ветер, и рыбаки попросили женщину переменить его. Она согласилась, потребовав в качестве платы блюдо с рыбой, дала им лоскут ткани с тремя узлами и сказала, что они могут развязать первый и второй узлы, но не должны развязывать третий, пока не достигнут земли. Моряки поставили паруса, хотя ветер еще был западным. Но как только самый старый из них развязал первый узел, с востока подул хороший ровный ветер. Когда моряки развязали второй узел, ветер резко усилился, и судно прибыло в порт назначения быстрее, чем когда-либо раньше. Но им захотелось узнать, что случится, если развязать третий узел. Они развязали и его, и тут же с запада налетел сильный ураган, так что им пришлось попрыгать в воду, чтобы вытащить свой корабль на берег.

КРОВЬ СВ. ИОАННА

В Кластерсанде около Элмхорна в прежние времена между Пильгербергом и Купельбергом находился так называемый Гексенкуле. Здесь в определенные дни, чаще всего в Иванов день, между двенадцатью и часом, можно было встретить старух, бродивших там в поисках растения, которое росло только на Пильгерберге. У этого растения были на корнях клубеньки с пурпурно-красным соком, который старухи называли кровью св. Иоанна. Этот сок женщины собирали в оловянные коробочки и бережно хранили. Однако чудотворными свойствами обладает только тот сок, который был собран в полдень⁹. Когда часы били час дня, он терял свои волшебные свойства.

ВОСКОВАЯ ФИГУРА

Один человек из Амрума долгое время лежал больным, и ничто не приносило ему облегчения. И пока он лежал таким образом, мельник со своей мельницы заметил, что некая женщина ежедневно ходит в «Донк'ам». Однажды он пошел по ее следам, начал рыть и нашел в песке восковую фигурку человека, сердце которого было пронзено иголкой. Он вытащил иголку, взял фигурку домой и сжег ее. После этого больной выздоровел.

ВЕДЬМЫ И НАБИВКА ТЮФЯКА

Набивая тюфяк для свадебного ложа, следует соблюдать большую осторожность, поскольку ведьмы способны подложить в матрас амулеты, способствующие либо взаимному согласию, либо раздорам, что может существенным образом повлиять на жизнь брачной пары. Некие молодые парень и девушка горячо любили друг друга, однако их ненавидели несколько старух, умевших напихать в тюфяк ссоры. Итак, жених и невеста с радостью провели день своей свадьбы, но едва они отправились в постель, как у них началась ссора, перешедшая в рукоприкладство. Спавшие поблизости родители жениха услышали новобрачных, не сумели помирить их. Тогда они посоветовали молодым поменяться кроватями. После этого среди новобрачных установился мир и покой. Однако поссорились уже родители, перебравшиеся на их кровать, хотя до того они никогда не вздорили между собой. И ссора их затянулась уже до утра. Утром, вытряхнув из тюфяка перья, они обнаружили, что все они сплетены в венки и колечки, перевязанные пестрыми шелковыми нитками. Тут стало ясно, что набивавшие перину старухи были ведьмами и подложили в нее раздоры и ссоры.

В Амруме один человек слег из-за ведовских наговоров и потом умер. Когда его клали в гроб, оторвалась одна из его ног. Когда вспороли его подушку, в ней обнаружился венок из разноцветных перьев всяких птиц.

ВЕДЬМЫ КРАДУТ МАСЛО

Было такое время, когда ведьмы особенно лютовали. В ту пору каждая хозяйка должна была иметь ручку для маслобойки, сделанную из дерева рябины, — в противном случае она могла не получить масла. Однажды рано утром один человек, направляясь по дороге из Ягерапа в Хадерслебен и проходя мимо Войенсгаарда, услышал, что во дворе работает маслобойка. В это же время он заметил знакомую женщину, которая стояла рядом с ручьем и словно взбивала масло в воде. В тот же день он увидел ее еще раз — она продавала большой кусок масла в Хадерслебене. Вечером он снова проходил мимо Войенса и снова услышал, как во дворе работает маслобойка. Тогда он вошел в дом и сказал хозяевам, что они работают впустую, поскольку их масло уже продано в Хадерслебене.

ПОКАЛЕННАЯ РУКА¹⁰

В Эйдерштедте жил мельник, у которого каждый год в канун Рождества случался пожар на мельнице. Однако у мельника был отважный слуга, который решил проследить за тем, что происходит на мельнице в эту несчастную ночь. Он разжег яркий огонь и начал варить себе овсянку в широком котелке, помешивая кашу большим черпаком. Рядом с собой он положил старую саблю. Вскоре на мельницу явилась большая стая котов. Слуга услышал, как один кот говорит другому: «Мышкин! Сядь-ка рядом с Гансиком!» Красивая, белая, как молоко, кошка, беззвучно подобралась к слуге и села у него сбоку. Тот немедленно зачерпнул черпаком горячую кашу и бросил кошке в морду, после чего отрубил ей саблей лапу. Все кошки сразу же исчезли. Повнимательнее посмотрев на лапу, слуга обнаружил, что на самом деле это тонкая женская рука с золотым кольцом на пальце, причем на кольце написано имя жены хозяина мельницы. На следующее утро жена мельника лежала в кровати и не вставала. «Дай мне руку, жена!» — сказал мельник. Поначалу она отказывалась, но в конце концов вынуждена была протянуть свою изувеченную руку. Когда об этом событии узнали власти, эту женщину сожгли как ведьму.

ВЕДЬМА В ОБРАZE ЗАЙЦА

В Бёдельсдорфе жила — и, возможно, живет и сейчас — очень старая женщина, у которой слуги долго не задерживались в доме, поскольку, когда они работали в поле, особа эта всегда точно знала, что они делают, словно находилась между ними. Иногда она превращалась в утку и плавала по воде. Если мужчины и девушки бросали в нее камни, то она просто ныряла и сразу же выныривала обратно. Она умела превращаться в зайца и бегала по полю пшеницы во время жатвы и ни разу не получила никакой раны, хотя в нее даже стреляли. Но когда однажды крестьяне отправились косить, один из них взял с собой серебряную пуговицу, которую зарядил в ружье, и выстрелил ею в пробегавшего зайца. Когда он вернулся вечером домой, то у старой дамы оказалась рана в руке, причем эту рану ничем нельзя было излечить.

Доставшимся в наследство серебром любой человек может ранить даже того, кто колдовским образом получил неуязвимость. Можно заколдовать мушкеты и ружья, и

есть люди, которые заставляют пули лететь в обратном направлении. Когда ружье заколдовано, в качестве лучшего средства избавиться от чар рекомендуется зарядить в ствол живую змею и выстрелить ею. Унаследованное серебро, кроме того, может оказаться полезным во многих других случаях. Если соскрести с серебряной вещи немного серебра и дать больному, приступ утратит силу. Если носить унаследованную серьгу, она уменьшит самую сильную зубную боль.

Когда какую-нибудь ведьму ранят такой серебряной пулей или пуговицей, ей приходится вернуть себе свой естественный вид.

ОБОРОТНИ

В жаркий день во время уборки урожая несколько крестьян с серпами прилегли в поле, чтобы погрузиться в полуденный сон. Но один из них не смог уснуть и просто лежал, когда вдруг увидел, что сосед его, бесшумно поднялся и, подпоясав себя ремнем, превратился в волка.

Трижды назвав себя именем, которое ему дали при крещении, оборотень вернул себе человеческий облик.

Когда один молодой человек из Ягерупа возвращался поздно вечером из Биллунда, возле родного села на него напали три оборотня. Скорее всего, они разорвали бы его на куски, однако он спасся, нырнув в высокую рожь, где они не имели над ним власти.

ДЛИННАЯ ЛОШАДЬ

Молодые люди из Кассёе — находящейся возле Апенраде деревне — однажды воскресным вечером шли на танцы в Худевад. Подойдя к ручью, разделявшему обе деревни, они обнаружили, что не могут его перейти, поскольку из-за прошедших дождей ручей сильно разлился. Оглядевшись по сторонам, молодые люди заметили стоявшую поблизости старую лошадь; они решили взобраться на нее и верхом перебраться через ручей. Но когда двое юношей уселись на лошадь, они обнаружили, что на спине есть место и для третьего. Когда взобрался третий, они решили, что уместится и четвертый. В конечном счете все сели на спину лошади. Когда на середине ручья сидевший первым парень случайно обернулся назад, он увидел, что на лошади сидит много народу, и в изумлении воскликнул: «Иисус Христос, какая длинная кляча!» Но не успел он произнести эти слова, как лошадь-гоблин резко сжалась, все всадники попадали в воду, а лошадь исчезла с насмешливым ржанием.

«МАННИГФУАЛ» ИЛИ ГИГАНТСКИЙ КОРАБЛЬ

Моряки Северной Фризии рассказывают об огромном корабле, носящем имя «Маннигфуал». Этот корабль настолько велик, что, управляя им, капитан разъезжает по палубе верхом на лошади. Молодые матросы, полезшие вверх на реи, возвращаются седоголовыми и бородатыми мореходами. Среди такелажа у них устроено жилье, в котором можно отдохнуть.

Этот огромный корабль однажды зашел из Атлантического океана в Па-де-Кале. Однако поскольку пролив оказался тесным для этого корабля, то, чтобы проскочить узкое место между Дувром и Кале, капитана осенила счастливая идея, и он намылил борта корабля. Мысль оказалась удачной: «Маннигфуал» благополучно миновал про-

лив и вошел в Северное море. Именно с этого времени скалы Дувра сделались такими белыми и похожими на мыло. Так получилось из-за того, что скалы соскребли с корабля часть мыла, и судно взбило пену своим движением.

Однажды этот огромный корабль (легенда не говорит, каким именно образом) оказался в Балтике. Но экипаж скоро понял, что море это слишком мелководно. Чтобы корабль снова обрел плавучесть, капитан решил выбросить балласт вместе с грязью и золой за борт. Именно из этого балласта появился остров Борнхольм, а из мелкого мусора возник небольшой соседний островок Кристиансё.

ВАСИЛИСК

Когда петуху исполняется семь (согласно другим легендам — двенадцать) лет, он откладывает яйцо, из которого вылупливается василиск. Все живые существа, на которые направляет свой взгляд василиск, немедленно умирают; от этого взгляда рассыпаются даже камни. Были такие люди, которые держали василиска в темном подвале на протяжении многих лет, но ни в коем случае не позволяли свету проникнуть туда. Если поставить перед василиском зеркало и он увидит себя, то погибнет, как и всякое другое создание¹¹.

НОЧНАЯ МАРА

Если у кого-то последовательно рождаются семь мальчиков или семь девочек, это означает, что один — или одна — из них является ночной марой. Такой человек приходит к спящим, усаживается им на грудь, давит и мучает его.

Один мужчина получил такую ночную мару в качестве жены, не зная об этом. Однако он скоро заметил, что ночами она исчезает из постели. И наконец, решил не спать и проследить за ней. Он увидел, как она поднялась из постели и, поскольку дверь была прочно заперта, выскользнула наружу через отверстие для ремешка, с помощью которого поднимался засов. Через некоторое время женщина вернулась тем же путем, каким и вошла. На следующее утро этот человек заделал отверстие в двери, и после этого его жена никуда больше не отлучалась.

По прошествии достаточно долгого времени этот человек решил, что его жена забыла свою скверную привычку, и вынул из двери затычку, чтобы снова поднимать засов. Но на следующую же ночь эта женщина исчезла и никогда больше не появлялась¹², хотя каждое воскресное утро этот человек неизменно находил свое чистое белье постиранным.

От ночных мар помогает омега. Ее иногда называют марентаккен (ветки кобылы) или альфранкен (ноздри эльфа). Также средством от кошмаров являются и громовые камни.

ХЕЛЬ-ЛОШАДЬ

В Иордкирхе, в окрестностях Апенраде, это существо часто видели одиноко бредущим по дороге, называвшейся Лангфорт, под звуки поступи четырех конских копыт по каменной мостовой¹³. Утверждают, что у него нет головы. В Тондерне старая трехногая серая (или белая) слепая лошадь каждую ночь, стуча подковами, проходит по улице. Если она останавливается перед каким-нибудь домом или заглядывает в него, кому-то из его обитателей предстоит умереть. Старики часто замечали ее и потому умели пред-

сказать чью-либо смерть. Эта лошадь называется Хель. Говорят, что у нее нет хозяина, хотя кое-кто утверждает, что верхом на ней разъезжает женщина в черных одеждах.

ОГНИ В ВОДЕ

Рыбаки рассказывают, что у моста в Рендсбурге от воды часто доносится плач маленького ребенка. Иногда над водой вспыхивают маленькие огоньки, всегда предвещающие чью-то гибель. Вообще говоря, Эйдер — плохая река, каждый год она требует жертв. То же самое можно сказать о заливе Киля и озере Плоен.

О ПОДЗЕМНОМ НАРОДЕ

Когда Господь пребывал на земле, Он однажды зашел в дом женщины, у которой было пятеро красивых и пятеро уродливых детей. Увидев Господа перед своим домом, устыдившаяся хозяйка спрятала своих уродливых детей в подвал. Когда Господь захотел, чтобы к нему привели детей, хозяйка привела к нему только пятерых красивых, и Он спросил, если ли еще дети в доме. Хозяйка ответила: «У меня больше нет детей». Тогда Бог благословил пятерых красивых детей и проклял уродливых, сказав: «Что внизу, то должно оставаться внизу, а что сверху, то должно остаться сверху». Когда женщина снова спустилась в подвал, она увидела, что пятеро уродцев исчезли. От них и пошел «подземный народ»¹⁴.

Под землей, в частности в могильных курганах, обитает маленький народец. Жители Голштинии называют его *Dwarge* (карликами или гномами) или *Unnererske* (подземные жители).

Подземный народец живет в этих краях с незапамятных времен. Некогда этот народ обитал и в Хейнкенборстеле и в округе Рендсбурга. Утверждают, что они жили здесь до открытия пивоварения¹⁵.

Можно с уверенностью сказать, что подземный народ действительно существовал. Одной старой жительнице Ангельна ее дед рассказывал, что когда он однажды пахал свое поле возле горы Рисенберг, то увидел, как из горы выходит невысокая подземная женщина в белом платье. Увидев его, женщина немедленно бросилась бежать.

Возле Пиннеберга на свадьбах среди гостей всегда оказываются подземные жители, помогающие уминать угощение. На той стороне стола, на которой они сидят, яства исчезают в два раза быстрее, чем на противоположной стороне¹⁶.

Говорят, что они носят много золотых цепочек и владеют множеством золотых сосудов, которые развешивают на кустах, рядом с вывешенными для просушки простынями.

Подземный народец способен на разные шалости. У одного крестьянина из Зюдерстапеля гномы угнали лошадь и вернули ее только когда она охромела.

Если ребенок падает и начинает плакать, говорят, что он в этом не виноват — его ухватил за ногу один из подземных жителей.

Однажды один крестьянин вместе с женой проходил ночью мимо горы около Крумессе в Лауэнбурге и увидел длинную процессию подземных жителей. Все они были не выше табурета. Впереди процессии на столь же маленькой лошадке ехал гном, голову которого покрывала очень высокая конусообразная шляпа. Увидев эту процессию, крестьянин и его жена воскликнули: «Все добрые духи славят Господа Бога»¹⁷. Тут ехав-

ший впереди всадник стал расти на их глазах и, наконец, превратился в великана. После этого вся процессия повернулась и вошла в гору.

ЁННЕРБАНКИССЕНЫ В ФЁГЕДСХООГЕ

Ённербанкиссены (*önnerbänkissen* или подземные жители) в Амруме живут главным образом в Фёгедсхооге, около Низин (Dünen). Ночами их можно видеть танцующими под лунным светом, а днем они расстилают на солнце свое белье. Зимой они катаются на коньках по льду Мерума. Один озорник однажды решил разрушить их жилище. Он прокопал в горе глубокую яму внутрь горы и решил, что добрался до дома подземных жителей, но, к собственному ужасу, увидел, что его собственный дом охвачен пламенем¹⁸. Отбросив лопату и кирку, он бросился бежать к деревне. Но, прибежав к дому, понял, что стал жертвой иллюзии. Однако испытанный страх послужил ему уроком, и с этого времени никто больше не пытался беспокоить ённербанкиссенов в Фёгедсхооге.

ПОДЗЕМНЫЕ ГОРШЕЧНИКИ

На Морсумклиффе в Силте можно найти огромное количество горшечных и кузнечных изделий в виде трубок, коробок, шаров, горшков и т.д. На Силте эти изделия, считавшиеся делом рук подземных мастеров, называли словом *Önnererspottjüg* (подземные горшечные изделия), а на Амруме — *Traaldaasker* (ящики троллей).

В Голштинии считалось, что зерно, иногда обнаруживавшееся в горшках внутри древних могил, прорастает после посева лучше, чем любое другое. Постояв в таком горшке, молоко также становится жирнее и дает больше масла. Если из такого горшка пьет домашняя птица, она никогда не заболит.

ПОДЗЕМНЫЙ КУЗНЕЦ

Однажды утром один крестьянин, проезжавший по дороге между Апенраде и Йорд-кирхой мимо Драйберге, услышал, что в горе работают кузнецы. Он крикнул им, что хотел бы заказать им нож для резки соломы. Вечером, возвращаясь домой, он и в самом деле увидел лежавший на холме блестящий новый нож. Крестьянин оставил на холме столько денег, сколько стоили такие ножи, и взял нож с собой. Оказалось, что нож очень прочный и остро наточен — но нанесенную им рану нельзя было исцелить.

ОДОЛЖЕННЫЕ КОТЛЫ

Около Гелторфа, что возле границы Шлезвига, находится холм, называемый Хох-бергом. Неподалеку от него располагается еще один холм, Брехохберг. В обоих холмах обитают подземные жители. В прежние времена крестьяне жили в ладу с подземными жителями. Когда в деревне намеревались отпраздновать свадьбу и требовалось много котлов, сковородок, горшков и подобной посуды, крестьяне отправлялись к подземным жителям и стучали в дверь. «Чего вы хотите?» — обычно спрашивали подземные жители. «Мы хотим одолжить у вас котел на завтрашнюю свадьбу Ганса и Трины». — «Какого размера котел вам нужен?» И после этого крестьяне получали котел или горшок точно такого вида и размера, какого просили. Однако полученную таким образом посуду следовало вернуть на утро до восхода солнца. В знак благодарности крестьяне должны были оставлять перед холмом остатки пищи, приготовленной в одолженных сосудах.

ДРАГЕДУККЕ

Один человек, пахавший свое поле, нашел на земле поломанную кочергу и ухват. Он взял их домой, починил и снова положил на то же самое место. В благодарность за эту услугу он получил «драгедукке» — шкатулку, в которой помещается немного денег, однако взять из нее можно столько, сколько захочешь.

КРЕСТНЫЕ

Один крестьянин отправился на гору и обратился к обитающему там гному, чтобы тот послал ему сына, обещав, что за это он пригласит гнома в крестные отцы. Карлик пообещал выполнить желание крестьянина, если тот сдержит свое слово. Но когда жена крестьянина родила сына, крестьянину очень не хотелось звать гнома. Тем не менее слово есть слово, и крестьянин отправился к карлику. Тот почувствовал себя польщенным такой честью и пообещал прийти. Но когда крестьянин собирался уходить, гном обратился к нему: «А кто еще приглашен на крестины?» «Другие крестные — наш Господь, Дева Мария и Св. Петр», — ответил крестьянин. «Тогда извини, — произнес карлик, — но прийти не смогу». Однако он дал красивый подарок на крестины.

В ютландской версии этой истории (Molbech, Eventyr, p. 359) вместо Христа и т.д. называется Tordenveir (Гроза); в шведской — сам Тор.

БАРАБАННЫЙ БОЙ

На поле Меллеруп, возле проезжей дороги к Апенграде, находится вересковая пустошь. Однажды некий человек, которому предстояло на следующий день сыграть свадьбу, проезжал мимо, направляясь в город за необходимым. Из горы выскочил гном, принявшийся напрашиваться на свадьбу, обещая в качестве подарка слиток золота в человеческую голову величиной. «Тогда приходи», — ответил ему проезжий. Тут карлик спросил о том, какие инструменты будут играть на свадьбе? «Барабаны и литавры», — ответил проезжий. После этого гном отказался от своего намерения, потому что не выносит барабанного боя¹⁹.

МЕЛЬНИЧНЫЙ ЖЕРНОВ, ПОДВЕШЕННЫЙ НА ШЕЛКОВОЙ НИТИ

Однажды жарким летним днем парень с девушкой ворошили сено на поле около Стеллерберга. Они были обручены и поженились бы, если бы не были очень бедны. За работой они заметили крадущуюся за ними большую жабу. Юноша собрался было убить уродливое животное вилами, однако девушка схватила его руку и попросила сохранить жизнь несчастному существу. Молодой человек, однако, стал изображать, как он бы убил эту жабу — и дразнил ее, пока она не исчезла. Когда вечером они вернулись домой, хозяин сказал им, что на следующий день их пригласили в крестные — приглашение было сделано голосом, неизвестно кому принадлежавшим. Парень и девушка не знали, что и думать по этому поводу, но рано утром следующего дня юноша нашел рядом с собой на кровати гравий и песок. У входа и перед домом он обнаружил зерно. Проследовав по дорожке из зерна, юноша через некоторое время добрался до Стеллерберга. Здесь он услышал голос, доносившийся из одного из холмов. Этот голос приказал ему прийти на это место в полдень и привести с собой свою подругу, чтобы они стали крест-

ными. Юноша сообщил об этом своей подруге, они приготовились и в двенадцать часов пришли к холму. Оказалось, что холм раскрылся, а навстречу им направляется невысокий человечек в сером платье. Он проводил молодых людей по длинному коридору. Внутри все оказалось великолепным и дорогим: стены, пол и потолок блестели золотом и драгоценными камнями. В центре стоял роскошный стол, с золотыми и серебряными тарелками и самыми изысканными яствами. Однако помещение наполняли неприятные с виду создания, которые сновали вокруг лежащей в кровати женщины. Когда юноша и его возлюбленная вошли в комнату, к ним вынесли ребенка, которого молодой человек должен был держать перед собой, и провели к месту, где должно было состояться священное таинство. Во время исполнения его юноша случайно посмотрел вверх и увидел над своей головой мельничный жернов, который был подвешен к потолку на шелковой нити. Он захотел было шагнуть в сторону, но не сумел даже шевельнуться. Со страхом он ждал окончания обряда, после чего немедленно отскочил в сторону. Тут к нему приблизился маленький человечек, чтобы поблагодарить. А по поводу мельничного жернова сказал, что юноша теперь понимает, что вчера перенесла его жена, когда он собирался проткнуть ее вилами, — ибо именно она и была жабой. После этого маленькие люди некоторое время развлекали юношу и его спутницу, а после трапезы человечек в сером кафтане вывел их из холма. Прощаясь, он насыпал девушке в фартук много стружек. Девушка хотела было выбросить их, однако юноша уговорил ее не делать этого, так как стружки могли пригодиться для растопки. По пути обратно ее груз стал столь тяжелым, что она выбросила половину. Добравшись до дома, девушка обнаружила, что оставшееся превратилось в яркие дукаты. Тогда юноша побежал обратно, чтобы собрать выброшенные стружки, однако их уже и следа не было. Впрочем, у них осталось достаточно денег, чтобы построить себе сельский дом и пожениться, после чего они много лет прожили счастливо²⁰.

ПИНГЕЛЬ МЕРТВ!

В Ягеле около Шлезвига некогда жил крестьянин, который с негодованием замечал, что его пиво исчезает чересчур быстро, причем по неизвестной причине. Однажды, возвращаясь из города, где он пополнил свои запасы, он проезжал мимо могилы великана в Ягерберге и услышал доносящиеся оттуда стенания: «Пингель мертв! Пингель мертв!» Вернувшись домой, крестьянин рассказал жене, что слышал. Не успел он произнести эти слова, как из его подвала выскочил маленький подземный житель, бросившийся прочь с криком:

*Ach, is Pingel tot, is Pingel tot,
So hab ich hier Bier genug gebolt.*

Ах, если Пингель мертв, если Пингель мертв,
Тогда я натащил уже достаточно пива.

После того как человечек выбежал из дома, в подвале возле бочонка с пивом нашли оставленный им кувшин, — поскольку он воровал пиво для больного Пингеля.

В другой версии этой истории вместо Пингеля фигурирует Пиппе; согласно третьей версии кувшин был сделан из серебра, и гном выбежал со словами: «Король Пиппе мертв? Король Пиппе мертв?» В еще одной версии было: «Неужели Пилатье умер?»

СТРОИТЕЛЬ ЗИ

Один человек подрядился построить церковь в Эквадте к определенному дню, но скоро понял, что не в силах выполнить условия контракта. Однажды вечером, когда он бродил в окрестностях в мрачном настроении, обдумывая, что ему предпринять, ему повстречался гном, который предложил свои услуги. Сначала человек недоверчиво слушал напыщенные речи карлика, но в конце концов они сошлись на том, что гном построит церковь к назначенному сроку. Если же за время строительства человек не сумеет узнать имя карлика, то будет принадлежать ему телом и душой. Радуюсь в сердце, человек отправился домой, решив, что если гном не скажет свое имя сам, то его назовут нанятые им строители. Однако все оказалось совсем не так, как он ожидал, поскольку карлик не использовал ни мастеров, ни подмастерьев. Здание росло словно само по себе — с невиданной скоростью. Скоро человек понял, что все будет построено к оговоренному времени. Еще более печальный, чем в первый раз, он снова отправился путешествовать по полям. Проходя мимо горы, он услышал доносившийся из нее крик. Прислушавшись внимательней, он ясно различил следующие слова:

Vys! Vaer still Baen mint,
Maaen kommer Faer Zi
Mae Christen Bloi te die.

*Тише! Успокойся, дитя мое,
Завтра придет твой отец Зи
С христианской кровью для тебя.*

Человек страшно обрадовался, поскольку знал, о ком говорится в этих словах, и поспешил домой. Утром того дня, в который должна была закончиться стройка, когда карлик укладывал последние камни — поскольку он работал только ночью, — он уже издалека окрикнул карлика:

God Maaen, Zi! God Maaen, Zi!
Saetter du nu den sidste Steen i?

*Доброе утро, Зи! Доброе утро, Зи!
Ты сейчас кладешь последний камень?*

Когда гoblin услышал, что к нему обращаются по имени, он пришел в ярость и сбросил камень, который собирался положить, и удалился в свою пещеру. Отверстие, которое он, таким образом, оставил, никто так и не смог заложить, поскольку ночью все камни и доски выбрасывались из него. Взявшегося за его заделку каменщика поразила изнурительная болезнь. Позже на этом месте устроили окно, которое гoblin не стал разрушать²¹.

Церковь в Мункбфаруне, в Ангельне, была построена аналогичным образом. Строитель, для которого карлик строил здание, услышал, как под землей кричит ребенок и мать говорит ему: «Тише, тише, малыш! Вечером придет твой отец Сипп и даст тебе попить христианской крови».

ОТЕЦ ФИНН

В очень давние времена гномы вели долгие войны с людьми, а также друг с другом. Когда они находились в военных походах, их жены пели дома у колыбели особую песню. К северу от Брадерупа, на вересковой пустоши, стоит высокая гора, с которой однажды донеслись следующие слова:

Heia, hei, alt Jungen es min.
Mearen kumt din Vaader Finn
Me di Man sin Haud.

*Хей-хо, ребенок мой.
Завтра придет твой отец Финн
С человеческой головой.*

ДОМ С ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬЮ ОКНАМИ

Дом одного крестьянина в Эйдерстедте сгорел до основания. Погорелец бродил по полю, когда внезапно навстречу ему попался маленький человечек в сером кафтане и с лошадиными ногами. Человечек спросил погорельца о причине его печали. Крестьянин рассказал о своем несчастье и о том, что у него нет денег на новый дом. Человечек пообещал ему построить дом с сотней окон, который будет готов за ночь, до первых петухов, если человек пообещает ему за это свою душу. Крестьянин согласился на это условие, и ночью дьявол принялся за строительство. Дом был построен, оставалось только поставить окна. Когда дьявол взялся за последнее окно, человек начал каркать и хлопать руками, от чего дьявол рассмеялся. Но петух в стойле услышал карканье и ответил на него своим пением, как раз когда дьявол пристраивал последнее стекло. Обнаружив, что его перехитрили, архибес удалился, но перед этим свернул петуху шею. После этого никто не мог ни вставить это стекло, ни внести в дом нужной мебели — она всякий раз оказывалась снаружи. Комнаты не требовали уборки и выглядели так, как если бы их только что подмели.

ЭККЕ НЕККЕПЕНН

Гномы особенно любят человеческих женщин. Один из них как-то влюбился в молодую девушку из Рантума и даже стал ее женихом. Однако через некоторое время она изменила свое решение и решила расторгнуть помолвку. Карлик сказал ей: «Я научу тебя хранить свое слово. И освобожу тебя, только если ты узнаешь, как меня зовут». Девушка сразу же стала спрашивать во всех домах имя гнома, но никто не мог ей назвать его. Раздосадованная и печальная, бродила она по самым пустынным местам. Уже было близко время, когда карлик должен был забрать ее, но однажды она проходила мимо горы и услышала из нее голос, певший следующие слова:

Delling skell ik bruw,
Mearen skell ik baak,
Aurmearn skell ik Bröllep haa;
Ik jit Ekke Nekkepenn,
Min Brid es Inge fan Raantem;
En dit weet nemmen üs ik alliining.

*Сегодня я буду варить пиво,
Завтра я буду печь,
Послезавтра я женюсь.
Меня называют Экке Неккепенн,
Невеста моя — Инге Рантум;
И этого не знает никто, кроме одного меня.*

Когда гном на третий день пришел за девушкой и спросил: «Как меня зовут?», та ответила: «Тебя зовут Экке Неккепенн». После этого он исчез и больше не появлялся.

В истории о карлике в Швекхаузерберге (около Геттингена) карлик повторяет строчки:

Hier sitz ich, Gold schnitz ich,
Ich heisse Holzhührlein, Bonneführlein.

*Здесь я сижу, на золоте я вырезаю,
Меня называют Хольцюрлейн,
Боннефюрлейн.*

Wenn das die Mutter wüsst,
So behielt' sie ihr Magdlein.

Если мать узнает это,
Она сохранит свою дочь²².

К тому же классу историй относятся легенды о Румпелштицхен (Grimm, К. и Н.М., р. 55) и Müllenhoff, Fru Rumpentrumpen, (Müllenhoff, р. 409).

ВЫРЕЗАННЫЕ ПОДОБИЯ

Один крестьянин, который около ста лет назад жил на участке земли у подножия Бюдберга, около Фельстеда, шел на мельницу, пока жена его рожала. Подходя к мельнице, крестьянин услышал из холма голос, который произнес: «Теперь вырежи длинноносую Лизе». Крестьянин подумал: «Речь идет о моей жене. Это нехорошо». И поэтому, вернувшись домой, поставил двух женщин следить за роженицей. После этого, чувствуя сильнейшую сонливость, он отправился в кровать, хотя беспокойство так и не позволило ему уснуть. В полночь женщины, которые должны были следить за роженицей, заснули. Однако крестьянин вдруг услышал шум и увидел, как в окно лезут подземные жители. Они подняли с кровати жену и ребенка и положили на их место деревянные фигурки. Он немедленно поднялся и успел как раз вовремя, чтобы поймать жену за ногу. После этого он закричал: «Остановитесь! Оставьте мне мое и свое заберите себе!» Подземным жителям после этого пришлось ретироваться со своей деревянной Лизе, а крестьянин сохранил своих жену и ребенка.

ПОЙМАННЫЙ ПОДЗЕМНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Несколько молодых крестьян решили поймать подземного жителя. Но подземный народец никогда не появляется днем, да и ночью представителей его редко увидишь, так что они поставили себе нелегкую задачу. Дождавшись кануна Иванова дня, они залегли в засаде, чтобы кого-нибудь поймать. Но создания эти оказались очень проворными и быстро прятались в самых маленьких уголках. Все они убежали, однако самый ловкий из молодых людей схватил молодую девушку за передник. Вне себя от радости он отвел крохотную деву домой к своей жене. Та посадила ее на колени, приголубила, дала сахара и всякие другие сладости, спросила ее имя, сколько ей лет и т.д. Однако маленькое создание не плакало и не смеялось, ничего не ело и не пило. Так продолжалось день за днем. Ни угроз, ни обещаний не срывалось с ее губ. По прошествии какого-то времени к ним пришла пожилая женщина, которая посоветовала делать все неправильно, поскольку этого подземные люди не в состоянии вытерпеть, так что девочка немедленно начнет говорить. Тогда эта молодая женщина взяла малышку с собой на кухню и попросила вымыть кусок дерна для супа, в то время как она будет резать мясо, чтобы разжечь огонь. Малышка не двинулась с места. Тогда женщина взяла кусок дерна сама и вымыла его три раза. Малышка внимательно смотрела, но не двигалась. Но когда женщина начала резать мясо, изображая, что собирается с его помощью разжечь очаг, она произнесла: «Женщина, ты уверена, что не согрешишь против Бога?» «Нет, — сказала женщина, — если ты будешь говорить, я буду делать все правильно, ну а в противном случае буду поступать наоборот». С этого времени малышка стала иногда говорить, но вскоре после этого она нашла возможность бежать. Прошло некоторое время, и когда у этой женщины родилась дочь, однажды вместо нее в колыбельке очутился подменш.

Один. Художник Ф. Жерар. 1800 г.

Человеческое жертвоприношение в Упсальском храме.
Художник К. Ларссон. 1915 г.

Бог Фрейр. Бронзовая статуэтка

Богиня Фрейя. Бронзовая статуэтка

Волк Фенрир кусает Тюра.
Миниатюра из исландского манускрипта XVII в.

Амулет в форме женского божества.
VIII—X вв.

Изображение гнома на
украшении конской сбруи
с острова Готланд. IX в.

Скандинавские амулеты в форме женских божеств. VIII—X вв.

Изображение змееподобных существ на корабле из Осеберга. X в.

Брошь с изображением фантастических животных и антропоморфных существ.
Остров Готланд. X в.

Мировой змей Ёрмундганд, пойманный на бычью голову.
Миниатюра из исландского манускрипта XVII в.

Изображение Сигурда и инструментов кузнеца на руническом камне. XI в.

Изображение коня Сигурда Грани и дерева с двумя птицами на руническом камне. XI в.

Кузнец Регин кует меч для Сигурда. Рельеф портала церкви Хюлестад. XIII в.

Сигурд убивает дракона Фафнира. Рельеф портала церкви Хюлестад. XIII в.

Сигурд поджаривает сердце дракона Фафнира. Регин с мечом стоит рядом. Рельеф портала церкви Хюлестад. XIII в.

Конь Сигурда Грани с сокровищем. Рельеф портала церкви Хюлестад. XIII в.

Похороны Сигурда и Брюнхильд. Художник К. Батлер. 1909 г.

Гуннар играет на арфе в яме со змеями. Рельеф портала церкви Хюлестада. XIII в.

Сигмунд и Хьордис. Художник Ф. Лееке. Конец XIX в.

Валькирии. Художник П. Арбо. 1869 г.

Рагнарёк. Гравюра И. Геертса. Конец XIX в.

ПОДБРОШЕННЫЕ ДЕТИ

До того как повитухи начали благословлять новорожденных детей немедленно после появления их на свет, гномы постоянно подкладывали вместо человеческих детей своих собственных, причем при похищении применяли большую изобретательность. Так, во время родов они принимались таскать корову за ухо, и когда люди отправлялись выяснять причину коровьего мычания, карлик проникал в дом и подменял ребенка. Однажды случилось так, что отец увидел, как его ребенка тащат из дома. Он успел ухватить дитя и вырвал его из рук похитителя. Ему достался и подменыш, лежавший на кровати возле роженицы. Все попытки подземных жителей заполучить обратно собственное дитя оказались безуспешными. Положив на голову шапку ребенка гномов, крестьянин смог увидеть карликов, сидящих за столом среди женщин и угощающихся кофе.

Ребенок подземных жителей находился у крестьянина долго, но никогда не говорил. Однажды кто-то посоветовал его приемным родителям начать варить пиво в курином яйце, а потом перелить пиво в гусиное яйцо. Было видно, как карлика изумляют эти действия, после чего он воскликнул:

Ik bün so oelt
As de Behmer Woelt,
Unn heff in myn Läedn
So'n Bro nich seen.

*Я стар
Как пустошь Беемера,
Но в жизни не видел,
Чтобы пиво варили подобным образом.*

Подземные жители, или *вихтельманны*, украли ребенка из его колыбели и оставили вместо него своего собственного, наделенного огромной головой и пронзительным взглядом. Подменыш очень много ел и пил. В отчаянии мать обратилась к соседу, который посоветовал отнести подменыша на кухню, посадить у очага, зажечь огонь и вскипятить воду в двух яичных скорлупках. Он сказал, что это заставит подброшенного ребенка засмеяться, и как только он засмеется, то все изменится. Женщина сделала так, как посоветовал ей сосед. Когда она поставила скорлупки на огонь, подменыш воскликнул: «Ныне я стар, как Вестервальд, но до сих пор не видел, чтобы кто-то кипятил воду в скорлупках!» После этого он расхохотался. Пока он смеялся, явилось множество *вихтельманнов*, которые принесли с собой собственного ребенка женщины. Они посадили ребенка на очаг и забрали подменыша²³.

Один человек однажды увидел карлицу, которая шла через поле с украденным ребенком. Вид был необычным, поскольку карлица не могла держать ребенка достаточно высоко из-за его роста, и потому постоянно твердила ему:

Baer op dyn Gewant,
Dat du nich haekst
In den gälen Orant.

*Держись за платье,
Чтобы ты не зацепился
За горький орант.*

Орант (дорант или львиный зев, antirrhinum или marrubium) отпугивает карликов (Wichtel) и никкеров. См. Grimm, J., Deutsche Mythologie, op. cit., p. 1164.

В Эйдерштедте однажды одна женщина разожгла посреди амбара огромный костер и поставила на костер очень маленький горшок. Тогда принесенный ею *килькропф* (подменыш) в изумлении всплеснул руками и воскликнул тонким голосом: «Мне уже пятьдесят лет, но я еще не видел ничего подобного!» Женщина уже собралась бросить *килькропфа* в огонь, но его вырвали из ее рук, после чего перед ней появился ее собственный ребенок.

Подобных историй в Германии можно услышать бесчисленное число. Двух предшествующих легенд, вместе с двумя последующими, достаточно для того, чтобы увидеть схожесть немецких легенд со скандинавскими.

Перед тем как ложиться спать, следует класть в колыбель новорожденного младенца раскрытые ножницы, если он еще не крещен. Если ребенок спит рядом со своей матерью, то следует по крайней мере перекрестить его, иначе малыша могут подменить подземные жители.

В Амруме жила женщина, у которой эти создания украли младшего сына, однако ребенок, которого ей подложили вместо украденного, был настолько похож на него, что мать поначалу не заподозрила подмены. Но потом, когда ей вернули собственного сына, родители совершенно не могли определить, какой ребенок принадлежит им на самом деле. Помог разрешить эту трудность случай. Во время уборки урожая женщина отправилась на гумно, взяла лопату и стала отбрасывать провеянное зерно. При этом присутствовали оба мальчика. Один из них внезапно засмеялся, а в ответ на вопрос женщины, почему он смеется, произнес: «Мой отец только что вошел и забрал у тебя полтонны ржи, а когда выходил, то упал и сломал ногу». Тут женщина воскликнула: «Так это ты! Тогда ступай обратно туда, откуда пришел». Она схватила мальчика и выбросила в окно гумна и после этого никогда не видела его.

Здесь следует отметить, что гумно необходимо всегда подметать посолонь и никогда в противоположном направлении; в противном случае подземные жители будут воровать зерно. Естественным образом, женщина стала обязательно соблюдать это правило.

КИЛЬКРОПП

Недалеко от города Лойенбург была деревня под названием Бёкен, в которой много столетий назад находилась церковь, где хранился сделанный из дерева образ Богоматери. В прежние времена этот образ очень почитался, поскольку к нему приносили больных, и, пролежав некоторое время перед изображением Богородицы, люди выздоравливали.

Неподалеку от упомянутой деревни жил крестьянин, который, хоть и был женат много лет, детей не имел. Он горько сожалел об этом, и весь день придирался к жене, ругал ее и бушевал. Наконец, она сказала ему: «Можешь больше не бранить меня: твое желание скоро исполнится, поскольку я скоро стану матерью». Услышав это, крестьянин невероятно обрадовался и стал относиться к жене много лучше. Но то, что могло быть самой большой радостью, превратилось в самое большое горе. Когда ребенок родился, у него были нормальные руки и ноги, но голова оказалась больше, чем у взрослого человека. Таких детей в народе называли килькроппами. Считалось, что их отцом

является либо сам дьявол, либо его приближенные, и подобные дети приносят в дом только несчастье. Но, несмотря на это, крестьянину пришлось кормить этого килькроппа и растить его. За три года голова ребенка выросла еще больше и стала выглядеть как огромная корзина, хотя другие его члены остались столь же маленькими, как и были, так что килькропп не мог даже стоять. Не мог он и произнести хотя бы слово, только стонал и кричал, днем и ночью.

Однажды вечером, когда эта женщина сидела с килькроппом на коленях и оплакивала его, она обратилась к мужу: «Мне сейчас в голову пришла одна мысль. Завтра воскресенье: давай положим этого ребенка в корзину и отнесем к образу Святой Девы в Бёкен, положим корзину перед ним и оставим там на некоторое время. Возможно, это поможет». Крестьянин охотно последовал совету жены и на следующий день привел свою корзину в порядок, положил в нее свежее сено вместе с постельными принадлежностями, поместил в корзину килькроппа и отправился в путь. Проходя по мосту около Бёкена, на самой середине, он услышал за спиной чей-то голос, произнесший следующие слова: «Куда собрался, килькропп?» На это ребенок из корзины ответил: «Со мной нянчатся, так что я расту»²⁴. Услышав, что ребенок начал говорить, крестьянин пришел в изумление, но быстро овладел собой и бросил корзину вместе с килькроппом в воду, сказав: «Если ты можешь говорить, тогда ты — чудовище. Отправляйся к тем, кто тебя знает». После этого под мостом раздался громкий крик, словно вместе одновременно кричит множество людей. Но это несколько не испугало крестьянина. Он поспешил домой быстро, как только мог. Своей жене он сообщил, каким образом избавился от килькроппа.

ПОДЗЕМНЫЙ НАРОД ПЕРЕСЕЛЯЕТСЯ

Дед одного часовщика, доселе живущего в Хоне, в детстве однажды пас коров в поле соседа. Чтобы укрыться от дождя, он набросил на плечи отцовскую куртку. Встав под деревом, он внезапно увидел, что его окружают многочисленные подземные жители, которые держат друг друга за руки, создавая таким образом вокруг него кольцо. Они сказали, что собираются покинуть это поле и что мальчик должен отправиться с ними. На его вопрос о том, куда собрался подземный народец, они ответили, что не могут более терпеть звон деревенских колоколов²⁵. Но мальчик не захотел оставаться с ними и прорвался через круг, оставив куртку, которую подземные жители сорвали с его плеч. Однако на следующий день он нашел эту куртку на том же самом месте висящей на кусте.

ВОЛЬТЕРКЕНЫ — НИСС-ПУКИ — БЮЗЕМАННЫ — НИСКЕ

Вольтеркены очень походят на скандинавских ниссе. В Мелдорфе у школьников прежде был праздник, когда девочки украшали классы цветами. После полудня и до вечера они танцевали и приговаривали: «У нас Несскук» или «Мы празднуем Несскук».

Ниске всегда ищут темные, потайные места в доме или в конюшне, иногда они прячутся даже в поленнице. Когда кто-то подходит близко, они исчезают. На ночь люди должны прочищать очаг и оставлять в нем чайник с чистой водой для этих капризных созданий. Кроме того, нисс-пуки всегда требуют, чтобы для них на определенном месте оставляли сладкую овсяную кашу с маслом.

Люди из округа Стапельхолм, которые видели нисс-пука, описывают его как невысокое существо ростом с годовалого или полуторагодовалого ребенка. Другие, правда,

утверждают, что он ростом с трехлетнего ребенка. У нисс-пука большая голова и длинные руки, а также маленькие, но яркие и хитрые глаза²⁶. Он одет в красные чулки и длинную серую или зеленую тиковую куртку. На его голове красная остроконечная шапочка. Нисс-пук любит мягкие легкие тапочки, и когда получает такие, то ночью можно услышать, как он шаркает в них по полу.

Эти существа иногда являются в жутком облике к великому ужасу домашних. Видя их испуг, нисс-пук удовлетворенно смеется.

Люди пугают детей *бюземанном*, который обитает в конюшне. В Фёре боятся слепого *юга*, в Дитмаршене — *пултерклаеса*. И кто не знает грозного *ропперта* (*рунрехта*)? Этот домашний дух в прежние времена был известен под именем *химкин*.

В некоторых отношениях нисс-пук напоминает галгенмännлейна или альфауна Южной Германии. Его можно продать — если закупорить в бутылке — но всегда за меньшую сумму, чем та, которую за него было заплачено. Душа последнего владельца достается галгенмännлейну. См. рассказ «Das Galgenmännlein» в Schwäbische Volkssagen Биндера.

ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ ПОДЛИЗЫВАЮТ МОЛОКО

Примерно семьдесят лет назад в Вилстермарше можно было видеть маленьких подземных жителей. Они следовали за девушками и мужчинами, утром возвращавшимися домой после дойки, и жадно подлизывали пролитые на землю капли молока. Но когда ни капли молока не проливалось, подземные жители опрокидывали подойники и убегали. Рост этих подземных жителей составляет полтора фута, они облачены в черные одежды, а на головах у них остроконечная красная шапочка. Если они поселялись в доме, обитатели его считали это благословением.

На Фризских островах домохозяйки часто замечали, что, когда они варят пиво, появляется маленький народец в облике жаб. Эти жабы слизывали пролитое на пол пиво, а также съедали упавшие со стола крошки.

КЛАБОЙТЕРМАНН

Клабойтерманн живет под кабестаном корабля. Этот невысокий человечек ходит в желтых штанах с кавалерийскими сапогами, у него длинные, огненно-красные волосы, зеленые зубы и высокая остроконечная шляпа. Если какой-нибудь корабль обречен на гибель, можно слышать, как клабойтерманн в беспокойстве бежит вверх и вниз, производя шум в оснастке корабля. Чем скорее при этом команда покинет корабль, тем для нее лучше²⁷.

Когда такой гoblin живет на борту корабля и находится в хороших отношениях с командой, корабль не потонет, и каждое плавание будет приносить прибыль. Если же это существо внезапно покинет корабль, дела совсем плохи. Он чинит ножами все, что ломается днем, так что его порой называют *кютерманном* (плотником)²⁸. Клабойтерманн также помогает морякам и выполняет некоторые работы. Будучи в плохом настроении, он производит ужасный шум, разбрасывает дрова, рангоутное дерево и другие предметы, колотит по бортам корабля, ломает все, что попадется под руку, мешает тем, кто занят работой и, оставаясь невидимым, лупит моряков по головам. Весь устраиваемый им переполох свидетельствует о том, что это существо вполне заслуживает своего имени²⁹.

О СЕМЬЕ РАНЦАУ

Об очень древнем семействе шлезвигских герцогов Ранцау в книгах рассказывается следующая легенда. Однажды, когда одна женщина из этого герцогского рода лежала рядом с мужем, ее разбудил маленький человечек с лампой в руке. Он попросил эту женщину последовать за ним. Она так и поступила. Когда они шли по дому, двери сами распахивались перед ними. В конце концов они пришли к горе, которая оказалась полой внутри. Внутри горы лежала женщина, в муках пытавшаяся родить. Когда вышеупомянутая благородная дама фон Ранцау из искреннего сочувствия к роженице коснулась ее головы, женщина немедленно родила. Пребывавшая в великом страхе дама немедленно поспешила назад, и ее проводил домой маленький спутник. При расставании она получила от этого человека в качестве компенсации за услугу большой слиток золота, из которого она должна была сделать пятьдесят монет, обруч и два веретена для своей дочери. В то же время маленький человечек предупредил, что ее наследники должны бережно хранить эти предметы, чтобы не лишиться своего достатка и не стать бедными, поскольку как только эти предметы будут потеряны, с ними уйдет дворянское положение и известность. Помнится, человек, который рассказал мне эту историю, упомянул, что с течением времени обруч или одна из золотых монет исчезли из этих сокровищ.

Согласно известному в Тиле устному преданию (i, p. 134), этот маленький человек проводил графиню в подвал замка Брайтенбург. Она получила от него золотую прялку для своей дочери и золотую саблю для своего сына — но вместе с предупреждением, что пока эти предметы будут сохраняться в семье, она сохранит богатство и высокое положение.

Согласно другой версии, этот подарок состоял из скатерти, катушки и слитка золота, из части которого изготовили цепь, а часть перечекали на монету. Дама София Ранцау из Зеехольма слышала эту легенду, относящуюся к жене деда, Генриха Ранцау.

Легенда о фрау фон Хан, которая была уведена водяным, похожа на легенду о Ранцау — в том виде, в котором я ее слышал. Графиню провели в подвал, подарили кучу щепок, которые превратились в золото, из которого сделали большой кубок, еще недавно находившийся в Нойхаусе. Другие вещи, изготовленные из этого золота, были утрачены.

Недавно вышедшая замуж графиня из одного датского семейства спала рядом со своим мужем, когда услышала чей-то голос. Полог кровати раздвинулся, и она увидела чрезвычайно красивую маленькую женщину, не более локтя ростом³⁰. Маленькая красавица держала в руке свечу. «Не бойся, — произнесла она. — Я не причиню тебе никакого вреда, но принесу удачу, если ты окажешь мне необходимую помощь. Вставай и иди за мной, но будь внимательна и не принимай ничего, что тебе предложат. Не бери никаких подарков, за исключением тех, что подарю тебе я сама. Только тогда с тобой все будет в порядке».

Графиня последовала за этой женщиной, и та повела ее под землю. Они пришли в комнату, блиставшую золотом и драгоценными камнями и полную невысоких мужчин и женщин. Вскоре появился подземный король, который провел графиню к постели, в которой лежала королева, измученная родовыми схватками и принявшаяся молить о

помощи. Графиня сделала все, что было в ее силах, и королева благополучно разрешилась сыном. После этого собравшиеся гости пришли в необыкновенное ликование. Графиню провели к столу, уставленному самыми изысканными яствами, и стали умолять угоститься. Однако она ни к чему не притронулась. Не взяла она и драгоценных камней, которые лежали на золотых блюдах. Через некоторое время прежняя спутница привела ее обратно и уложила в кровать.

После этого маленькая женщина произнесла: «Ты оказала великую услугу нашему королевству и должна получить награду за это. Возьми три деревянных палочки и положи их под подушку, к завтрашнему утру они превратятся в золото. Пусть из первого слитка золота изготовят обруч, из второго — монеты, из третьего — веретено. Не показывай эти вещи никому, кроме своего мужа. У тебя будет трое детей, от которых пойдут три ветви рода. Первому из них достанется обруч, и он вместе со своим потомством будет очень успешным в войне. Второму, которому достанутся монеты, вместе со своими детьми поднимется в своей стране до высоких постов. Ну, а тот, которому достанется веретено, будет благословен многочисленным потомством».

После этих слов маленькая женщина удалилась, и графиня заснула. Проснувшись, она рассказала мужу о событиях ночи. Граф рассмеялся, посчитав все сном, но когда она сунула руку под подушку, там оказались три золотых слитка. Граф и графиня были изумлены, и в точности выполнили все, что было сказано графине.

Предсказание точно сбылось — те ветви рода, которые бережно хранили эти сокровища, процветают до сих пор, в то время как другие, хранившие свое наследство не столь бережно, пресекались. Рассказывают, что король Дании попросил одну монету у той ветви, которая хранила их. Но когда наследник монеты протянул ее королю, его поразила острая боль в животе.

В L'Amant oisif, Bruxelles, 1711, pp. 405—411, вышеприведенная легенда рассказывается под названием «Графиня де Фалинсперк».

Добродетельную графиню (Ранцау) из Брайтенбурга, которая часто посещала больных со своими домашними снадобьями, однажды грозовым вечером позвали в дом пожилой женщины, проживавшей на другой стороне деревни. Графиня собралась в дорогу, но муж не отпустил ее из дома. Сидя в одиночестве в сумерках, она услышала какой-то шум, и перед ней вдруг предстал домовый гoblin с травами и настойками. Домовой умолял графиню взять их и отправиться к больной, следуя голосу сердца, а не запрету мужа. Графиня исполнила просьбу гоблина, и благодаря ее уходу и лекарствам больная женщина быстро выздоровела. На следующий вечер, когда графиня вновь сидела в одиночестве в сумерках, она увидела, что домовый стоит около очага и разжигает огонь. Когда огонь разгорелся, домовый бросил в него полный фартук опилок и сказал графине: «Когда огонь прогорит, посмотри на золу и бережно сохрани то, что найдешь в ней. Сколько времени эти вещи будут в твоей семье, столько времени удача будет благоприятствовать графам Ранцау». Когда огонь погас, графиня искала в золе и нашла золотое веретено, золотой кубок и еще некую вещь, доставшуюся младшему в семье, однако наследники его утратили этот предмет и обеднели. Но веретено по-прежнему находится в Брайтенбурге, а кубок — в Расторфе.

В Брайтенбурге пятьдесят золотых пфеннигов хранятся в серебряной шкатулке, на которой изображен герб Иоганна Ранцау и придворной дамы Анны Вальсторф, его жены. Надписи на этих пфеннигах выгравированы и залиты чернью.

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ ИОСИИ РАНЦАУ

Однажды вечером Анна Вальсторф истово молилась, упоминая при этом своего отсутствовавшего мужа. Перед ней внезапно появился подземный житель, который стал униженно просить помочь его жене, которая никак не могла родить. Анна Вальсторф последовала за этим маленьким человечком через множество подземных подвалов и переходов Брайтенбургского замка, которые оказались неизвестными и ей самой. В конце концов она подошла к блестящей хрустальной скале. Как только ее спутник коснулся скалы, она расступилась, и она увидела просторный зал, полный бесчисленного числа одинаковых маленьких человечков, собравшихся вокруг возвышения. Анна Вальсторф сделала шаг вперед и увидела королеву подземных жителей, истерзанную родовыми муками и находившуюся почти при смерти. Придворная дама Анна хорошо знала искусство приготовления лекарств. Она быстро сделала нужное снадобье, и благодаря этому зелью королева скоро родила сына. Радость подземных жителей была невероятной, а благодарный муж подарил своей благодетельнице немного золота, которое выглядело как опилки. Он попросил хранить это золото как огромное сокровище, поскольку с этим золотом в доме будет удача. В последующем ей сказали сделать из этого золота три вещи, а именно немного монет, обруч и прялку. Эти вещи были розданы потомкам Анны Вальсторф.

Позднее обруч попал среди прочего наследства к Иосии Ранцау, который, полный воинственного задора, приказал сделать из него рукоятку меча. Он поступил на французскую службу и участвовал во многих сражениях, достигнув со временем звания фельдмаршала. Он был также и одним из самых отчаянных дуэлянтов, и даже когда достиг преклонного возраста и получил один из самых высших титулов, переодетым отправлялся к солдатам и затевал с ними ссоры. Однажды он вызвал на дуэль испытанного друга только за то, что тот написал его имя с ошибкой. Но пока у него был его магический меч, он был неуязвим ни для пуль, ни для сабель. Но скоро люди стали подозревать, что здесь замешано какое-то волшебство, так что дуэли не прибавили Ранцау уважения. После того, как Каспар фон Бокволд, дворянин из Гольштейна, рассказал в компании историю о подземном жителе, многие перестали считать Ранцау храбрецом, а все его победы стали относить на счет волшебного меча. Узнав об этом, Иосия пришел в ярость и в присутствии всех бросил свой меч в Рейн. После этого он не мог добиться ни одной победы, хотя страстно этого хотел. Кроме того, он потерял одну конечность и получил около шестидесяти тяжелых ран.

МЫ ПЕРЕЕЗЖАЕМ!

Известны случаи, когда в домах поселялись целые семейства *туков* или *ниссе*, после чего хозяевам дома приходилось бросать свое жилье. Некогда в Хусуме проживали два семейства подобного рода существ, одно — в пекарне, другое — в пивоварне. Ночью они переворачивали все вверх дном, производили ужасный шум, бегали вверх и вниз по ступенькам. Иногда они шалили только в подвале, иногда в комнатах. У пе-

каря они крали муку, из пивоварни таскали пиво. Они были такими маленькими, что когда за ними начиналась охота, они, подобно паукам или мышам, прятались в малейшие трещины и начинали без перерыва кричать оттуда. Пивовар и пекарь были более не в состоянии терпеть подобных соседей и решили уехать. Все движимое имущество было погружено на телеги, и последними из дома уходили служанки, с метлами на плечах. Когда одна служанка спросила другую, куда переезжает ее хозяин, сразу же раздался хор из множества тонких голосков: «Это мы переезжаем!» Девушки сначала испугались, а потом поняли, что существа забрались в их метлы. Поблизости оказался пруд, и девушки побросали в него свои метлы. Когда они прибыли в свои новые дома, на новом месте никто им более не досаждал. Однако вскоре люди заметили, что рыба в пруду стала болеть и умирать. Женщины, которые поздно вечером носили воду с пруда, божились, что часто слышали из воды тонкие голоса: «Мы переезжаем! Мы уезжаем прочь!»

В Ноймюнстере один человек обидел ниссе тем, что не положил в овсяную кашу масла. В качестве мести этот ниссе принялся за разные проделки и начал так досаждать людям, что им пришлось переезжать. Когда последний человек с метлой перешел через порог, устроившийся в метле ниссе выкрикнул: «Я тоже здесь», и отправился дальше вместе со всеми.

В Ангельне несколько человек покинули свои дома из-за ниссе. Когда последняя телега была готова к отъезду, ниссе уселся позади и со смехом произнес: «Мы сегодня переезжаем».

Читатель уже успел убедиться в том, что три приведенные выше истории почти идентичны помещенным в разделе «Датские народные легенды». Эти три предания выбраны из множества, отражающего поразительное совпадение легенд Северной Германии и Скандинавии.

ЗМЕИНЫЙ КОРОЛЬ

Работавшая в поле девушка однажды увидела клубок из четырнадцати или пятнадцати шипевших змей. На одной змее была золотая корона. Девушка развязала свой белый фартук и положила его рядом со змеями. После этого самая большая из змей — на которой была корона — подползла и положила свой головной убор на этот фартук. Корона оказалась из чистого золота, с множеством драгоценных камней зеленого цвета. Девушка немедленно прыгнула вперед и схватила корону. Увидев это, змеиный король так ужасно крикнул, что девушка оглохла от этого крика. Впоследствии она продала эту корону за значительную сумму³¹.

В развалинах древнего Дуборга, около Фленсборга, жила синяя змея, которая носила на голове маленькую корону из чистейшего золота. Она появлялась только раз в день, в полдень, а в другое время ее можно было увидеть только случайно. Тот, кто сможет поймать змею и отобрать у нее корону, станет счастливым. Король немедленно выплатит за нее двадцать тысяч талеров, поскольку тот, кто владеет этой короной, обретает бессмертие.

ГРОВОЙ КАМЕНЬ

В Силте любой, кто найдет упавший с неба в грозу громовой камень, бережно хранит его, поскольку тогда гроза никогда не причинит вреда его дому³².

ЗВЕЗДЫ

Согласно поверьям жителей Северных Фризских островов, закоренелые холостяки и старые девы после смерти занимаются довольно странным делом. Как только солнце опускается ниже горизонта, старые девы должны выкраивать из него звезды, а закоренелые холостяки всю ночь раздувают зарю на востоке, все время бегая по лестнице вверх и вниз.

ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В те времена, когда желания сбывались, в канун Рождества один человек украл капусту из огорода своего соседа. Когда он шел со своей ношей прочь, его заметили соседи, пожелавшие, чтобы он оказался на Луне. И теперь все видят его во время полнолуния с мешком капусты за плечами, и такая участь суждена ему навечно. Некоторые утверждают, что в ночь перед Рождеством этот человек поворачивается, другие рассказывают, что на самом деле он украл ивовый хворост, который теперь должен держать вечно.

В Силте говорят, что этот человек воровал овец, которых подманивал к себе связкой капусты, — до тех пор, пока в назидание прочим его не перенесли на Луну, где ему суждено постоянно держать капусту в руках.

Жители Рантума рассказывают, что этот человек — великан, который во время прилива склоняется, поднимая наверх воду, которую тут же проливает на землю; во время отлива он распрямляется и отдыхает от своей работы, чтобы через какое-то время приступить к ней снова.

ГАНС ДЮМКТ

О Карловом Возке, или, как его чаще называют, созвездии Большой Медведицы, рассказывают, что это и есть та повозка, в которой наш Господь, Илия и другие святые возносились на небо. Очень маленькую звездочку над средней звездой рукоятки ковша называют возницей Гансом Дюмктом. Он служил нашему Господу, и у него было очень хорошее место, но постепенно стал делать свою работу все небрежней и небрежней. Наш Господь часто предупреждал и укорял его, однако Ганс не обращал на это внимания. Особенно небрежно он относился к резке соломы; нарезанную им солому никак нельзя было использовать, поскольку куски оказывались слишком длинными. В конце концов Господь так рассердился, что посадил Ганса на оглоблю звездной телеги, где его можно видеть каждую ночь как предостережение всем нерадивым работникам, которые, находясь в услужении, режут солому слишком длинно.

Согласно одной легенде, Ганс Дюмкен (или Дюмкт) был возчиком у нашего Господа, который пообещал ему в награду Царствие Небесное, однако Ганс ответил, что предпочел бы заниматься своим делом от заката до рассвета. Grimm, J., Deutsche Mythologie, op. cit., p. 688.

ВЕЧНЫЙ ЖИД

На протяжении многих лет Вечный жид странствует из города в город. Он никогда не испытывает ни голода, ни жажды и никогда не стареет. Он всегда отдыхает вне дома и не может уснуть под крышей. Говорили, что много лет назад его видели в Люнебурге, где он спал на камнях прямо за границей города.

Через несколько лет после этого его видели в Зундвите, недалеко от Бойшау. Он нес корзину, из которой рос мох. Вечный жид отдыхает только в канун Рождества, если найдет брошенный в поле плуг, поскольку может сидеть только на нем.

ВОДЕ

В двенадцать дней Святки — и особенно в канун Рождества — многие люди видят мчащегося Воде. Он скачет на рослой белой лошади, а за ним следует пеший охотник и двадцать четыре свирепых собаки. Везде, где он проезжает, падают изгороди, а ворота раскрываются сами собой — но к утру все возвращается на прежнее место. Кое-кто утверждает, что его лошадь имеет только три ноги. Он всегда скачет по одним и тем же маршрутам, мимо дверей домов и с такой скоростью, что собаки не всегда способны за ним поспеть. Издалека слышно, как они тяжело дышат и воют, иногда какая-нибудь из собак остается на дороге. Одну такую собаку однажды нашли в доме в Вульфсдорфе, другая пролежала целый год на очаге в Фююленхагене, пыхтя и подывая, — до следующего Рождества, когда Воде забрал ее. В канун Рождества нельзя оставлять за пределами дома белье, поскольку собаки могут разорвать его в клочья. Нельзя также ничего печь, поскольку это может вызвать Дикую охоту. В доме должна стоять тишина. Если оставить незапертой входную дверь, Воде и его собаки ворвутся внутрь и сожрут в доме все припасы, и в первую очередь квашню, если хозяйка затеяла тесто³³.

Однажды Воде вошел в дом бедного крестьянина, и его собаки начали пожирать все в доме. Бедняк начал скорбно причитать и спросил, какую компенсацию он может получить за понесенный ущерб. Воде сказал ему, что заплатит. Вскоре после этого он пришел, волоча за собой мертвую собаку, которую велел бросить в печь. Когда крестьянин сделал это, шкура собаки лопнула, и из нее посыпались золотые монеты.

У Воде есть определенная дорога, по которой он проезжает в каждую из двенадцати ночей Святки. При его приближении все подземные жители должны убежать, поскольку Воде стремится истребить их с лица земли. Однажды некий старый крестьянин поздно вечером увидел, как мимо бегут подземные жители. Они не обнаруживали испуга и кричали: «Он не вправе ловить нас сегодня, он должен нас отпустить, потому что не умывался сегодня утром». Проследовав дальше, он встретил Воде, который спросил у него, по какому поводу весь этот гвалт. Старик ответил «Они сказали, что ты не умывался этим утром и потому не можешь их ловить». Услышав это, Воде остановил свою лошадь, спустился с нее и умылся. Затем он снова поднялся на лошадь и продолжил погоню за подземными жителями. Немного спустя этот крестьянин увидел, как Воде возвращается с подземными жителями, которых он связал за желтые волосы³⁴. Некоторое количество подземных жителей было привязано к седлу по обоим бокам его коня. Он преследовал подземных жителей до тех пор, пока не вывел всех с земли. Теперь он больше не охотится на земле, а только в воздухе. Воде известен по всему Лауенбургу, и во время Святки люди повсюду закрывают от него двери.

Одна мекленбургская легенда однозначно связывает Дикую охоту с Одином.

Когда, как это нередко случается, собаки поднимают лай на вересковых пустошах, в лесах и на перекрестках дорог, крестьяне знают, что это лают собаки *Воде*, и сочувствуют путникам, оказавшимся в это время далеко от дома.

Один пьяный крестьянин как-то ночью шел через лес по пути из города и услышал звуки Дикой охоты, лай собак и крики охотников. «Эй, посреди дороги! Посреди дороги!» — выкрикнул какой-то голос, на что крестьянин не обратил внимания. Внезапно высокий всадник на белой лошади спустился к нему из облаков. Он спросил: «Ты силен? Давай померяемся, кто сильнее. Возьми эту цепь». Крестьянин взял тяжелую цепь, и охотник взвился в воздух.

Крестьянин быстро обернул цепь вокруг дуба, и охотник не сумел притянуть цепь к себе. «Ты наверняка обернул цепь вокруг дуба», — произнес Воде, спускаясь из облаков. «Нет, — ответил крестьянин, поспешно освободивший конец цепи. — Посмотри, я держу ее в руках». «Тогда я должен взять тебя к себе на облака», — воскликнул охотник и снова взвился ввысь. Крестьянин снова поспешно обернул цепь вокруг дуба, и Воде снова остановился на месте. «Неужели ты не обернул цепь вокруг дуба?» — произнес Воде, снова спустившись вниз. — «Нет, — ответил крестьянин, — смотри, я держу цепь в руках». — «Даже если ты тяжелее, чем свинец, то все равно должен отправиться со мной в облака». Сказав это, Воде понесся вверх с быстротой молнии, но крестьянин успел повторить свою уловку. Собаки лаяли, колеса экипажей крутились, лошади ржали над головой, корни дуба трещали и грозили оторваться. Крестьянин чувствовал большой страх, но дерево все же выстояло. «Ты держишь крепко, — произнес охотник. — Многих людей забрал я с собой; ты первый, кто смог устоять против меня. Я тебя награжу». После этого шум охоты стал громче, слышались крики: «Хей, хей! Вол, вол!» Крестьянин постарался незаметно улизнуть по направлению к дому, но вдруг откуда-то с высоты к его ногам упал умирающий олень, а рядом с ним с белой лошади прыгнул Воде. «Ты должен взять себе кровь этого оленя», — сказал Воде. «Повелитель, — возразил крестьянин, — у меня нет ни тарелки, ни кувшина». «Тогда снимай сапог», — выкрикнул Воде. Крестьянин так и поступил. «А теперь отправляйся домой с кровью и задней частью оленя к жене и сыну». Олень поначалу казался относительно легким, но постепенно становился тяжелей и тяжелей, так что к концу пути крестьянин едва мог передвигать ноги. Согнувшись почти в две погибели и роняя капли пота, он наконец добрался до своего жилья и — о чудо! — сапог оказался полным золота, а задняя часть оленя превратилась в кожаный мешок, полный серебра³⁶.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ТЕНИ

Многие проповедники и ризничие в прежние времена посещали (и сейчас посещают) Черную школу, где дьявол обучает их своему искусству. Благодаря этому искусству ученики могут изгонять призраков, духов умерших и даже самого дьявола. Дьявол учит их всех, но не бесплатно. Когда курс обучения пройден, тот из учеников, посещавших школу нечистого, который выйдет за дверь ее последним, должен принадлежать дьяволу. Однако многие из выпускников, проявивших большую хитрость, чем их повелитель, смогли его обмануть. Среди них был ризничий из Брёнса, что расположен в западной части округа Хадерслебен. Он выходил из школы последним, но знал, как надо поступать, когда дьявол захочет заполучить его душу. Дверь школы выходила на юг, и так

случилось, что лекция закончилась при ярком солнечном свете точно в полдень, так что ризничий вполне справедливо сказал, что не он, а его тень покидала школу последней; и если дьяволу так угодно, то он может ее забрать. Нечистому нечего было возразить на этот довод; он отпустил этого человека, но оставил себе его тень. С этого времени ризничему приходилось обходиться без тени; многие из тех, кто видел его и был с ним знаком, могли подтвердить, что даже при ярком солнечном свете за ним не было видно никакого, хотя бы отдаленного подобия тени.

Вряд ли стоит напоминать, что «Удивительная история Петера Шлемиля» Шамиссо основана на аналогичной легенде. Согласно одной испанской легенде, в Саламанке существовала пещера, в которой дьявол всегда содержал семерых учеников при условии, что после полного курса обучения последнему из них придется рассчитаться за всех. И в тот день, когда нечистый распустил учеников и приказал последнему из них остаться, тот показал на тень и произнес: «Вот последний». Дьяволу пришлось удовлетвориться тенью, а ученик остался на всю жизнь без тени.

Рассказывая о шотландских легендах, Джемисон говорил: «Потеря тени присуща тем, кто занимается некромантией. Когда класс учеников достигает определенных успехов в изучении тайной магии, учеников обязывают пробежать через подземный зал, где дьявол в буквальном смысле этого слова ловит последнего из бегущих, если только он не способен пробежать так быстро, что дьявол ухватит только тень. В этом случае человек лишается тени, и те, кто не отбрасывал тени, считались лучшими чародеями». См. Grimm, J., Deutsche Mythologie, op. cit., p. 976. Большинство читателей могут вспомнить строки Вальтера Скотта в «Песне последнего менестреля». В них упоминается отец леди Буклей, который учился «в Падуе далекой»:

*Великой тайной превращений
Он овладел вполне,
И не отбрасывал тени
На солнечной стене!³⁷*

ДЬЯВОЛ ПРОТИВ ДЬЯВОЛА

Крест, нарисованный на входной двери дома, охраняет от ведьм. Хорошо также держать в доме облатку Святого причастия. Если скот ведет себя буйно, а коровы не дают молока, то коров, ведра и блюда следует вечером, не производя шума, обкурить дымом. После этого обычно является ведьма и просит ее впустить — но этого делать нельзя, как бы сильно она ни колотила в дверь.

В одном из домов Вильстера заболел ребенок. Знахарка сказала, что в этом случае имело место какое-то колдовство и что ребенка следует в двенадцать часов ночи обкурить дымом, закрыв все двери. После этого человек, который наслал колдовство, придет в дом. Следует взять у него кровь, полить этой кровью ткань и ткань сжечь. В назначенный час все двери были тщательно закрыты; на окна были повешены занавески — все было сделано точно так, как требовала знахарка. Но в этом доме ставни были сделаны по старой традиции, так что под каждым окном было что-то вроде приступка, на кото-

рый мог встать человек, чтобы заглянуть в окно. Так и произошло. Когда родители обкуривали своего ребенка, незадолго до двенадцати часов ведьма внезапно вскочила на приступок и заглянула в комнату. Увидев ее, хозяин дома выбежал, ударил ее по лицу и утер окровавленный нос куском ткани. Когда эту ткань сожгли, ребенок выздоровел.

По соседству с Бюзумом проживал состоятельный крестьянин с дочерью, которую он нежно любил. Но его старая теща была ведьмой. Людям было известно, что она несколько раз превращалась в кота или другое животное. Когда в каком-либо доме собиралась компания, она насылала в этот дом ворон, так что гостям приходилось расходиться. Эта женщина причиняла зло как мужчинам, так и женщинам. Если кто-то проводил в ее доме ночь и его шлепанцы стояли правильно, она, когда ее никто не видел, входила в комнату и переворачивала тапки³⁸. Это было бесспорным доказательством, что она является ведьмой, потому что именно так поступают ведьмы, чтобы спящий оказался в их власти. Ведьмы всегда должны иметь кого-то в семье, на ком они вымещают свою злобу. Старая ведьма завидовала счастливой жизни своего зятя и со временем стала вымещать свою злобу на собственной внучке. Она подарила девушке прекрасное новое платье, которое та, ни о чем не подозревая, надела в следующее воскресенье, отправляясь в церковь. Но не успела она надеть платье, как ее волосы поднялись дыбом, глаза начали дико закатываться, а в животе началось жжение.

Она бросалась в окна и двери, бушевала, подобно рассвирепевшей кошке, и никого не узнавала. Только с большим трудом ее удалось раздеть и уложить в постель. После этого приступ ярости прошел, но сменился периодом изнеможения и полного отупения. Так она лежала долгое время, постепенно угасая. Ни один врач не мог ее излечить; все признавали, что не знают, чем она заболела. Наконец, некоторые из знахарей, к которым обращался отец девушки, сказали, что старуха заколдовала ее, однако они не в силах расколдовать юную особу, и только в Гамбурге есть человек, который — возможно — способен это сделать. Но если это не удастся сделать и ему, то все попытки окажутся тщетными. Отец, решив использовать все существующие возможности, немедленно собрался в Гамбург и переговорил с этим человеком. Внимательно выслушав подробности, житель Гамбурга открыл какую-то большую книгу, написанную буквами, которые понимал только он сам. Через полчаса лекарь сказал, что девушка страдает от колдовства, но он даст горшочек с лекарством, которое, по всей видимости, приведет к ее излечению, если только отец донесет горшочек до дома целым, поскольку злые духи постараются по дороге этот горшочек разбить. На следующий день крестьянин получил от доктора горшочек и без промедления направился в Бюзум. Но тут начались странные вещи. Когда корабельному юнге приказали снести на берег корзину с горшочком и доставить ее в дом крестьянина, то, как только он ступил на твердую землю, песок вздыбился, подобно фонтану, и сшиб юнгу на землю. Корзина вылетела из его рук, и горшочек разлетелся на тысячу кусков. Таким образом, поездка оказалась тщетной. Отец девушки немедленно направился обратно к знахарю, и тот сказал, что во второй раз задача будет много трудней — однако предложил отцу снова прийти к нему через пару дней. За два дня знахарь приготовил все нужное и тщательно упаковал горшочек. На этот раз он наказал крестьянину постоянно следить за горшочком. На сей раз крестьянин вернулся домой по суше, держа горшочек под сиденьем своего экипажа. Но когда он еще только приближался к своему дому, экипаж внезапно развалился на ровной до-

роге, и хотя сам крестьянин не пострадал, горшочек разбился на куски. Крестьянин, который думал только о выздоровлении дочери, немедленно снова оседлал лошадь, хотя жена — и особенно теща — убеждали его хотя бы немного отдохнуть. Через двенадцать часов он снова был в Гамбурге. Знахарь сказал, что теперь осталось только одно средство — сварить старую ведьму в масле. Но для того, чтобы крестьянин смог это сделать, он решил показать ему того, кто заколдовал его дочь. Он направился в соседнее помещение и начал бормотать непонятные заклинания. Через полчаса знахарь вернулся с большим зеркалом под рукой. Это зеркало он поставил на стол и попросил крестьянина посмотреть в него. Крестьянин так и сделал. Он немедленно узнал свою тещу. Это причинило ему большое горе, но, вспомнив, как начались страдания дочери и, понимая, что болезнь может унести ее жизнь, он принял решение и сказал врачу, что сделает все, как тот скажет, что бы ни произошло впоследствии. Знахарь велел ему прийти в полдень следующего дня. В назначенное время крестьянин пришел к чародею, и тот отвел его в отдельную комнату, после чего ушел. Через час он позвал крестьянина на кухню, где поставил на огонь большой котел, в который налил масло и другие жидкости, произнося самые разные заклинания и совершив необходимые обряды, а затем закрыл тяжелой крышкой. Содержимое котла закипело, шум становился все громче и громче, и крестьянину показалось, что он слышит чьи-то стоны. Казалось, в котле кто-то находится и хочет поднять крышку, чтобы вдохнуть свежего воздуха. «Теперь пора», — произнес доктор, стараясь удержать крышку изо всех сил. Он попросил крестьянина ему помочь — и только с большим трудом им удалось помешать котлу опрокинуться. Когда кипение прекратилось, шум сделался ровным и со временем утих вообще. «Теперь, — сказал ему знахарь, — твоя дочь спасена, а старухи больше нет». Крестьянину стало не по себе, он подумал, что имеет дело не со знахарем, а с каким-то неземным существом. Крестьянин немедленно заплатил все, что полагалось, и поспешил обратно на постоянный двор. На следующий день рано по утру он сел на лошадь и направился домой. Войдя в свое жилище, он увидел свою дочь, довольно здоровую и приветливую. Встретив его, она сообщила, что ее старая бабка умерла вчера в ужасных муках. В полдень у нее началось внутреннее жжение, которое с каждой минутой становилось все сильнее. Она не могла больше оставаться в постели, распахнула все окна и двери, сорвала с себя одежду и начала кататься по полу, с криками и стонами, которые можно было слышать далеко вокруг. Но скоро она постепенно притихла, а через какое-то время уже не могла произнести ни звука. Когда она мучилась, все убежали, а когда вернулись, то обнаружили вместо старой женщины только небольшую кучку золы и несколько сгоревших костей. С этого часа здоровье вернулось к дочери, и она прожила еще немало лет.

ВЕДЬМЫ ЗАБИРАЮТ МАСЛО

Когда в мае утром выпадает роса, это сулит год, обильный на хорошее масло. В такое утро одна ведьма перед рассветом отправлялась в соседние поля и собирала росу льняными полотнами, выжимая ее в сосуд. Когда ведьма хотела получить масло, она брала ложку росы и заливала ее в маслобойку, произнося: «От каждого дома по полной ложке»³⁹. Таким образом, она каждый раз забирала понемногу масла у соседей, которым принадлежали эти поля. Однажды ее муж решил изготовить масло сам, но перепутал слова и произнес: «От каждого дома по полному мешку»⁴⁰. После этого он получил столько масла, что оно заполнило весь дом, и люди не знали, что с ним делать.

Имя ведьмы Даустрикер (Таустрейхер), «сбивательница росы» или «скребок», несомненно, происходит от этой легенды. Подробнее об этом см. в Grimm, Deutsche Mythologie, op. cit., p. 1026.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ТЕЛЯТА

Один фермер никак не мог вырастить ни одного теленка. Животное всегда заболело так, что его никак не удавалось выходить и приходилось убивать. Крестьянин посоветовался со знахарем, который дал ему следующий совет: когда такое случится еще раз, привезти больного теленка в свой двор и выстрелить в него. «Ты не сможешь его убить, — сказал знахарь, — но продолжай заряжать и стрелять. Тогда скоро кто-то придет, и дело будет улажено». Через какое-то время заболел еще один теленок. Крестьянин поступил с ним точно так, как ему велел знахарь. Он выстрелил в теленка несколько раз, но его не убил. После этого прибежала соседка с криками: «Прекрати стрелять; ты перебьешь всех моих быков на лугу». Каждый выстрел убивал одного быка. Крестьянин прекратил стрельбу, и с этого дня все его телята росли здоровыми.

ПРЕДВИДЕНИЕ

В Авшлагге, около Шлезвига, в прежние времена жили довольно интересные люди. Среди них был человек, который умел предсказывать судьбу и заранее сообщать о похоронах, свадьбах и т.д. Но за это ему приходилось подниматься и глядеть на всякое животное, которое проходило мимо его дома ночью. Если же это животное уже удалялось, ему приходилось бежать за ним, чтобы увидеть. Причина же сего дара заключалась в том, что он однажды наступил на хвост скулящей собаки и заглянул ей между ушей. Поначалу обретенное им умение предсказывать доставляло ему развлечение, и он точно предсказал многим людям их будущую судьбу. Однако, когда он постарел, то эта способность сделалась для него обременительной. Но он не мог избавиться от этого дара или спокойно спать, пока целый год не проносил наизнанку собственную рубашку.

ЧАША ДЛЯ ПРИЧАСТИЯ В ВИЁЛЕ

Один житель Виёла однажды ночью ехал верхом из Фленсборга. Когда он проезжал мимо могильного холма, оказалось, что подземные жители устроили там большой праздник. Внезапно он заметил, что по кругу веселившихся ходил высокий золотой кубок с напитком, напоминающим пахту. Крестьянин остановил свою лошадь и самым лукавым образом попросил разрешить глотнуть и ему. С большим почтением подземные жители протянули ему кубок — однако, получив драгоценный предмет, крестьянин выплеснул содержимое его за спину и галопом поскакал прочь. За своей спиной он слышал, как подземные жители кричат: «*Dreibein* (Трехногий), выходи!» Обернувшись, крестьянин увидел, что за ним несется чудовище, — но его лошадь оказалось быстрее, чем Драйбайн. Потом он услышал, как множество голосов дружно кричат: «*Zweibein* (Двуногий), выходи!», и увидел еще одно чудовище, еще более страшное и быстрее, чем Драйбайн. Тем не менее и это чудовище не смогло его догнать. После этого какой-то голос выкрикнул: «*Einbein* (Одноногий), выходи!» Снова обернувшись, крестьянин увидел третье чудовище, еще более ужасное и большее, чем предыдущие. Оно бы схватило крестьянина, но, на его счастье, дверь дома оказалась открытой, поскольку как только

крестьянин запер за собой дверь, Айнбайн принялся колотить в нее, но так и не сумел войти. На следующее утро крестьянин обнаружил, что предложенный ему напиток сжег половину хвоста его лошади. Высокий кубок он подарил церкви, памятуя о клятве, которую дал при виде ужасного Айнбайна⁴¹.

БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА

Около деревни Сахренсдорф, в Фемерне, в прежние времена обитала «белая женщина», которая любила воровать некрещеных детей. Чтобы защититься от нее, после рождения ребенка немедленно зажигали огонь. До крестин этот огонь должен был постоянно гореть в комнате.

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ МЕКЛЕНБУРГА, МАРКИ, САКСОНИИ, ТЮРИНГИИ, БРУНСВИКА, ГАННОВЕРА, ОЛЬДЕНБУРГА, ВЕСТФАЛИИ⁴²

ФРУ ГОДЕ

В двенадцать дней Святков фру Годе совершает поездку, и с теми, кто встречается ей на пути, происходят удивительные вещи. Как-то один крестьянин занимался лошаадьми в стойле, и в это время вошла фру Годе. Она протянула крестьянину палку и попросила заострить ее. Поначалу он отказался, но, услышав о хорошем вознаграждении, исполнил просьбу. Когда дело было закончено, фру Годе попросила его собрать упавшие стружки. Когда он это сделал, они оказались из чистого золота.

В стародавние времена о фру Годе, способной скакать по воздуху вместе со своими собаками, рассказывали многое. После того, как она однажды пролетела над двором одного крестьянина, тот случайно вышел из дома и нашел перед своей дверью маленькую собачку. Крестьянин взял животное в дом и вместе со своей женой выходил и вырастил ее. Но на следующий год, точно в это же самое время, собака внезапно исчезла, а на ее месте обнаружился большой слиток золота. Должно быть, это фру Годе наградила крестьянина, который до того был бедняком и тут вдруг разбогател.

Хотя фру Годе, судя по средневековым легендам, является женщиной средних лет, Гримм (Grimm, Deutsche Mythologie, op. cit., p. 231) считает это имя искаженным от Fro Voden (Господь Воден). Своим ежегодным путешествием и превращением опилок в золото она напоминает Берту. Фру Гауден считалась (Deutsche Mythologie, op. cit., p. 877) рассудительной и состоятельной дамой, которая так сильно любила охоту, что произнесла греховные слова: «Если бы только я всегда могла охотиться, то предпочла бы не попадать на небеса». У нее было двадцать четыре дочери, такие же ненормальные, как и она сама. Однажды, когда мать и дочери неслись во весь опор по полям и лесам, они в запале выкрикнули богохульные слова: «Охота лучше небес!» И случилось чудо! На глазах матери одежды дочерей превратились в шерсть, руки и ноги

в собачьи лапы, и охотничий экипаж матери окружили двадцать четыре собаки. Четыре из них стали на место лошадей, остальные сгрудились вокруг кареты, и вся эта безумная группа взмыла к облакам, и с тех пор мать и дочери продолжают свою охоту между небом и землей, изо дня в день, из года в год. С той поры, когда они произнесли свое греховное пожелание, прошло много времени; они устали от дикого развлечения и жалеют о своем грехе. Однако они должны нести наказание за свое преступление до тех пор, пока не наступит час, когда грех будет сочтен искупленным. Когда-нибудь час этот наступит — но когда? Сказать этого не может никто. В двенадцать дней Святков (остальное время смертные не подозревают об ее присутствии) охота фру Гауден проносится по населенным людям местам. В ночь на Рождество или в последнюю ночь года фру Гауден любит проезжать по улицам деревень и, если замечает открытую дверь, то посылает туда маленькую собачку, которая, дружелюбно виляя хвостиком, утром является к хозяину дома. Она не приносит никакого вреда, только повизгивает и скулит по ночам. Ее нельзя успокоить или выгнать прочь. Если кто-либо убьет такую собачку, днем она превратится в камень, который, если его выбросить, вернется в дом и снова станет собачкой. Собачка будет скулить и забывать весь год, приносить болезни и смерти людям и животным, а также станет причиной пожаров в доме. Только после следующих Святков, когда она вернется к своей хозяйке, в доме наступит покой. Потому все тщательно следят — утром и вечером, — чтобы дверь была надежно заперта. Иногда люди по глупости и незнанию убивали такую собаку, но с этого самого дня начинали беднеть, и наконец, дом их погибал в пожаре. Более удачливы те, кому случится оказать какую-либо услугу фру Гауден, которая в ночной тьме нередко сбивается с пути и оказывается на перекрестке, что всегда является для нее камнем преткновения. Тогда она устраивает так, что повозка ее якобы получает некое повреждение, исправить которое Фру Гауден самостоятельно не может. Однажды, оказавшись в подобной ситуации, она в наряде знатной дамы явилась к постели некоего слуги, разбудила его и попросила его о помощи. Слуга согласился, последовал за ней к перекрестку и обнаружил, что с повозки слетело колесо. Когда слуга привел повозку в порядок, фру Гауден предложила ему в качестве вознаграждения положить в карман нечто похожее на навоз. Слуга сперва вознегодовал, однако согласился, когда фру Гауден убедила его в том, что, хотя дар ее кажется оскорбительным, но это совсем не так. Выслушав ее доводы, слуга взял себе некоторое количество навоза, который — о чудо! — на рассвете начал блестеть золотым блеском и действительно оказался чистым золотом!

КЛАБАУТЕРСМАННЕКИН ИЛИ ПУКСЕ (PŪKSE)

Клабаутерсманнекины, или пуксе, обитают в домах, но чаще всего их можно встретить на мельницах и на кораблях, где они питаются молоком, которое для них оставляют. В обмен на это они выполняют самую разную работу: доят коров, ухаживают за лошадьми, работают на кухне, моют палубу, помогают поднимать якорь и делают множество других работ. Нет ничего страшнее для моряка, чем увидеть, как клабаутерсманнекин покидает корабль. Чтобы этого не случилось, моряки стараются не оставлять им костюмов и ботинок, поскольку после этого они немедленно покинут корабль. Клабаутерсманнекины носят короткие красные куртки, довольно поношенные и не всегда скрывающие их наготу, так что иногда сердце щемит от жалости при взгляде на них.

В домах они предпочитают обитать внутри деревянных конструкций. Поэтому, когда деревянный дом разбирают, то при возведении нового дома следует использовать столько старых бревен, насколько это возможно.

КОНСКАЯ МАРА

На Узедоме жил человек, у которого была сильная и ухоженная лошадь. Однако эта лошадь внезапно ослабела и стала похожей на клячу. Ее хорошо кормили, однако она никак не поправлялась. Это показалось хозяину лошади очень странным, он долго думал над тем, что могло случиться, но никак не находил ответа. Наконец, он послал за знахарем. Осмотрев лошадь, тот сказал, что вылечит ее. Он остался в доме на ночь и в полночь отправился в конюшню, закрыл отверстие для веревки, поднимающей засов, а потом пошел звать хозяина, и вдвоем они вошли внутрь. Хозяин с удивлением увидел знакомую женщину, сидевшую на его лошади и, несмотря на все старания, не способную сойти с нее. Им попалась «конская мара», которая немедленно принялась умолять освободить ее, что они и сделали, но только после того, как она пообещала никогда не повторять своих посещений⁴³.

ЖЕНЩИНА-ОБОРОТЕНЬ

В Касебурге, на острове Узедом крестьянин и его жена усердно сгребали сено. Через какое-то время жена крестьянина сказала своему мужу, что испытывает беспокойство и не может больше оставаться на месте. Она пошла прочь — но прежде предупредила мужа, что если к нему явится какой-нибудь дикий зверь, тот должен бросить в него шапку и затем побежать прочь, чтобы зверь не принес ему вреда. Женщина отсутствовала совсем немного, когда через речку Швине переправился волк и направился прямо к крестьянину. Тот бросил в волка свою шапку, которую волк немедленно изорвал в клочья. Однако тут с вилами прибежал мальчик, ударивший ими волка в спину. В то же мгновение волк исчез, и, к всеобщему изумлению, вместо волка на земле оказалась жена крестьянина, которую убил мальчик.

ХЕКЕТАЛЕР⁴⁴

В Свинемюнде много лет назад жил человек, имевший «Хекеталер». Он получил его следующим образом. В новогоднюю ночь он отправился к церковной двери с мешком, в котором сидел совершенно черный кот, не имевший ни одного белого волоска. Перевбросив мешок за спину, он обошел церковь и трижды постучал. Вышел человек, который спросил — не продаст ли он кота?

— Да.

— За сколько?

— За талер.

— Это слишком много, я дам тебе восемь грошей.

— Он стоит больше.

После этого он второй раз обошел вокруг церкви и снова постучал. Теперь за кота ему предложили шестнадцать грошей.

— Он стоит больше.

Он в третий раз обошел церковь, снова постучал, и снова к нему вышел человек. На этот раз он предложил талер. Тогда человек с мешком бросил кота на землю и побежал

к своему дому так быстро, как только мог. С этого времени он всегда имел деньги, поскольку, как только у него в кармане кончался последний грош, там появлялся новый талер.

Согласно другой, ходившей в Коттбусе версии, тот, кто хочет получить хекеталер, должен в самую длинную ночь в году посадить кота в мешок и завязать его девятью девятью узлами. После этого он должен трижды обойти церковь, и каждый раз, подходя к двери, позвать ризничего через отверстие для ключа. В третий раз ризничий (а это сам дьявол) выходит из церкви. Тогда его следует спросить, не купит ли он зайца, и потребовать талер за кота в мешке. После этого остается как можно быстрее добежать до своего дома, потому что, если дьявол успеет развязать узлы и, обнаружив обман, догонит продавца, тот погиб. Полученный хекеталер является неразменным, от него избавиться можно только положив его в соль. Эта легенда, по-видимому, объясняет происхождение поговорки про «кота в мешке».

УКРАДЕННОЕ МОЛОКО

В Казебурге однажды жил крестьянин, у которого коровы не давали молока, сколько бы он их ни кормил. В конце концов он пришел к выводу, что они заколдованы, и послал за знахарем, чтобы тот разобрался, в чем дело. Как только знахарь пришел в коровник и поглядел на животных, то сразу понял, что животные заколдованы. Далее он обошел деревню, чтобы найти ведьму, и в соседнем коровнике увидел жену соседа у стены, за которой находился собственный двор упомянутого крестьянина. Она воткнула в стену палку от метлы, подвесила на палку ведро и доила палку, которая давала молоко как настоящая корова. Так он нашел ведьму. Знахарь пригрозил женщине, что накажет, и с этого дня коровы крестьянина хорошо доились.

Несмотря на сказочный характер приведенной легенды, в Шотландии верили, что ведьмы способны снабжать себя молоком, потянув волосяную веревку так, как доярки жмут на коровьи сосцы, и используя следующую приговорку:

*Медвежье молоко и оленьё молоко,
Молоко каждого зверя
Между св. Джонстоном и Данди,
Приди ко мне, приди ко мне”.*

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ВЕДЬМЫ

В Неппермине, на Уезде, жили два крестьянина, один из которых болел три года и был не способен подняться с кровати, поскольку, поставив ноги на землю, испытывал нестерпимую боль. Слуги этих двух крестьян подозревали, что жены их хозяев являются ведьмами. Чтобы убедиться в этом, они в Вальпургиеву ночь спрятались в печь в доме той женщины, чей муж был болен. Прошло немного времени, как появились шесть ведьм, одна в облике свиньи, вторая — кота, третья — в облике трехногого зайца, остальные в других обликах; среди них были и обе крестьянских жены. Когда все ведьмы собрались, одна из них произнесла: «Я сегодня очень голодна и не знаю, чем удо-

«влетворить мой голод». Другая ответила на это: «Наш сосед напротив лежит в кровати, давайте возьмем его ребенка и убьем». Они немедленно поспешили из дома и скоро вернулись с ребенком. Но теперь им понадобился нож. Тогда жена больного произнесла: «Три последних года мой нож был в боку у моего мужа, и я вынимала этот нож только в Вальпургиеву ночь. Я заберу нож. Если он узнает, то сможет подняться». После этого она направилась в соседнюю комнату и немедленно вернулась с ножом не менее фута длиной. Только ведьма поднесла нож к груди ребенка, как один из людей в печи воскликнул: «Господи Иисусе!», после чего ведьмы разбежались во всех направлениях. Этот человек поспешил к своему хозяину и рассказал то, что услышал. Поначалу тот отнесся к словам слуги с недоверием, но, поднявшись, обнаружил, что может ходить без боли. Войдя в комнату, они увидели брошенного ведьмами ребенка и нож. Тогда крестьянин вышел на улицу и объявил, что его жена — ведьма. Эту ведьму и других приговорили к сожжению на костре.

ХЮНЕНШТАЙНЕ (ОГРОМНЫЕ КАМНИ)

По всему Укермарку раскиданы гигантские валуны, но особенно их много в соседнем Пренцлау. Поскольку первая церковь (Мариенкирхе) в стране была построена именно здесь, Хюнен⁴⁶ бросал валуны в этом направлении. Подобный валун лежит на вересковой пустоши в окрестностях Стернхагена и Буххольца и отмечен отпечатками пяти пальцев великана, который бросил его от Рейна в упомянутую церковь. Много подобного рода камней лежат на полях Вихманнсдорфа и Берххольца. Все они — осколки огромного валуна, который бросил в Пренцлау один из великанов, и он разлетелся на куски в полете.

ЛОШАДЬ ВЫХОДИТ ИЗ ВОДЫ

Однажды неподалеку от Ягова один крестьянин пахал в субботу поздно вечером. Как только солнце опустилось, из близлежащего озера выбралась лошадь с висящими удилами. Лошадь пристроилась к лошадям крестьянина и потянула вперед с такой силой, что борозда за бороздой вспахивались буквально в мгновение ока. Крестьянин изо всех сил старался не отстать, но быстро сбился с дыхания; и по его лицу заструился пот. Лошади его покрылись белой пеной. Такая пахота продолжалась с половину часа без какого-либо перерыва, пока лошадь не исчезла там же, откуда появилась. После этого крестьянин поспешил домой. Больше никогда он не пахал в субботу.

Вышеупомянутое существо было, по всей видимости, немецкой разновидностью нёка. См. «Народные легенды Норвегии», главу «Нёк».

СТАРАЯ ФРИСК

Старая Фриск, или Фуйк, является бабушкой черта. Она часто производит сильный шум в ночи. Многие ее видели, и ее легко узнать по большим собакам, которых она всегда водит с собой и у которых при лае из пасти и ноздрей вырывается огонь.

В прежние времена, когда действовали Законы помола⁴⁷, жители Наугартена были обязаны посылать свое зерно на мельницу в Бойтценбург. Однажды один крестьянин возвращался с мельницы с возком помолотого зерна, но не успел добраться до дома до

наступления темноты. По дороге он внезапно услышал ужасный шум. Сразу после этого под звуки грома перед ним появилась Старая Фриск со своими собаками. В страхе крестьянин смог найти только одну возможность спасения — высыпать муку на землю. Собаки немедленно бросились пожирать муку, и в мгновение ока была съедена последняя крупинка. Но если бы крестьянин этого не сделал, дело бы обернулось для него совсем плохо. Испуганный и опечаленный, он поспешил домой с пустыми мешками. Жене он сказал: «Мать, мне совсем плохо. Я повстречал Старую Фриск, и мне пришлось быстро, как только я мог, бросить всю муку собакам, чтобы избавиться от них». «Поскольку мешки пусты, — ответила жена, — мешки можно выбросить». Крестьянин так и сделал, но когда он пришел на то же место на следующее утро, то, к собственному удивлению, обнаружил, что мешки наполнены мукой доверху — точно так, как были они заполнены, когда он повез их из Бойтценбурга!

СКАЧКА ВЕДЬМ

У одного крестьянина была старая жена, которая была очень привязана к своему слуге Гансу. Однажды ночью, когда крестьянин отправился спать, а его жена была на кухне одна, к ней как обычно пришел Ганс. Он увидел, что женщина мазет своего серого кота и свои ноги какой-то мазью или снадобьем, и спросил: «Что ты делаешь?» «Я собираюсь на Блоксберг, — ответила она, — и если ты будешь держать язык за зубами, то можешь отправиться со мной в качестве слуги». Она приказала ему принести черного петуха, и когда оба животных были намазаны снадобьем, они мгновенно превратились в серую лошадь и черного жеребца. После этого женщина села на серую лошадь и произнесла:

«Up und davon, nigends an!»

Вперед и вверх, всю дорогу скачите быстро!

После этих слов лошадь вынесла ее через дымоход. Теперь настало время Гансу взбираться на своего коня. Он решил повторить слова своей хозяйки. Но он неточно помнил слова и произнес:

«Up und davon, alle weg an!»

Вверх и прочь, всю дорогу скачите плохо!

Он тоже вылетел через дымоход, но во время путешествия постоянно ударялся то о дерево, то о скалу, пока не покрылся ссадинами и ушибами с головы до ног. Но в конце концов он все же прибыл в Блоксберг. По прибытии женщина сошла со своей лошади и приказала Гансу держать лошадей под уздцы и стоять вместе с другими слугами, которых оказалось значительное количество. Ганс сделал так, как ему приказывали. Через некоторое время его пригласили на пир, где он ел и пил от души, но когда началась оргия, его вместе с остальными слугами попросили удалиться. Когда все завершилось, Ганс и его хозяйка снова сели на лошадей и вернулись домой.

Некоторое время спустя Ганс поссорился со своей хозяйкой и отправился служить к другому хозяину. Когда настало время снова посетить Блоксберг, он решил подшутить над старой хозяйкой и сказал своему спутнику: «Если ты хочешь посмотреть, как моя прежняя хозяйка едет на Блоксберг вместе со старым владельцем трактира, пойдем со мной». Сказав это, он повел своего спутника к перекрестку, где стояла пара борон. Они

поставили бороны шалашом друг напротив друга и сели под ними⁴⁸. Прошло немного времени, и раздался топот копыт. «Смотри, смотри, — воскликнул Ганс, — моя хозяйка едет на сером коне. А на черной лошади едет хозяин трактира». Сидя под боронами, они наблюдали, как старая женщина подъехала к перекрестку, но затем свернула, словно не смогла миновать его. На следующий день Ганс вышел в поле и внезапно увидел свою старую хозяйку. Та явно намеревалась напасть на него. Тщетно он оглядывался в надежде увидеть пути для бегства — такого пути не было. Но тут ему в голову пришла отличная мысль — он обмотал крестом вокруг своего тела прихваченную с собой веревку и крепко связал концы. Веревка легла крестом спереди и сзади его тела, так что ведьма более не могла причинить ему вреда. Подойдя поближе и убедившись в этом, она перешла на дружеский тон и сказала, что если он хочет вернуться к ней в работники, то может это сделать, и все будет забыто. Однако Ганс не выразил никакого желания возвращаться. Тогда она попросила его, чтобы он, по крайней мере, не рассказывал никому, что предыдущей ночью видел ее верхом на черной лошади, — и если он пообещает это, она даст ему двадцать талеров. На это Ганс согласился и получил деньги. Вечером, когда он сидел со своим спутником за кружкой пива, он произнес: «Слушай! Я говорил тебе вчера, что старая женщина ехала на серой лошади, но это неправда — она ехала на своем сером коте».

КОБОЛЬДЫ, ИЛИ ГОБЛИНЫ

Крампенбуде, рыбацкая хижина, находящаяся примерно в одной немецкой миле от Кёпеника на Вендиш Шпрее⁴⁹, получила название Дома кобольдов, поскольку в прежние времена здесь творил свои проделки один кобольд. Когда рыбаки ложились спать, кобольд развлекался тем, что укладывал их ровно. Для этой цели он равнял их так, чтобы головы лежали по прямой линии, но тогда ноги оказывались лежащими не по прямой, и он выравнивал лежащих по ногам, и такая игра повторялась до самого рассвета⁵⁰.

В окрестностях Кёпениска у одного человека завелся кобольд, который доставлял ему много беспокойства своими проказами. Чтобы избавиться от кобольда, крестьянин решил поменять свое жилье и расстаться таким образом со своим беспокойным гостем. Вечером перед отъездом, проходя мимо сточной канавы, он увидел кобольда, сидящего рядом с ней, и спросил — что тот делает? «Ну, — ответил кобольд, — раз мы переезжаем, я стираю свои тряпки». Видя, что ему не избавиться от кобольда, этот человек вынужден был взять его с собой.

О кобольдах рассказывают, что они живут в редко посещаемых частях зданий или в лесных домах. Довольно интересен их способ общения с хозяином дома, когда кобольды хотят выразить желание жить вместе с его семьей и служить ей. Ночью они приносят в дом опилки и кладут навоз любого скота в сосуды, наполненные молоком. Если, увидев все это, хозяин дома не выметет опилки и не вынет навоз из сосудов для молока, тогда кобольды появляются перед ним и живут в его доме. Благодарные, скромные, хорошо накормленные кобольды приносят тому, кто дает им пищу и кров, зерно, которое крадут из амбаров соседей⁵¹.

ДЛИННОНОГИЙ ДЖЕК О'ЛАНТЕРН

Когда один крестьянин из Хермсдорфа возвращался домой однажды вечером, он увидел Джека О'Лантерна. Являясь храбрецом по природе, он направился к Джеку и без лишних церемоний пристроился за его спиной, вместе с крестьянином, который шел вместе с ним. Они видели, что у Джека удивительно длинные ноги и что от макушки до кончиков пальцев он состоит из горящего огня. Но внезапно Джек исчез, а оба приятеля после этого едва могли найти дорогу в густой тьме.

ДЖЕК О'ЛАНТЕРН ПРОГОНЯЕТСЯ ПРОКЛЯТИЕМ

Однажды некий священник и его слуга ехали поздно ночью неподалеку от Сторкова, возвращаясь домой. Вдруг они увидели, что спереди к их лошадям, приплясывая на ходу, приближается Джек О'Лантерн. Сначала он был один, потом их стало несколько, и, наконец, настолько много, что лошади в страхе застыли на месте. Священнику тоже стало не по себе. Он начал громко молиться, но чем больше он молился, тем больше появлялось Джеков О'Лантернов, так что слуга в конце концов произнес: «Можете замолчать, так они никогда не уйдут. Я сам отправлю их куда надо». И после этого он прокричал: «Убирайтесь к дьяволу!» В следующее мгновение ни одного Джека О'Лантерна не было видно.

ПОЙМАННЫЙ ДЖЕК О'ЛАНТЕРН

Один пастух весь день пас скот на вересковой пустоши около Ратеноу. Возвращаясь домой в темноте, он вдруг понял, что одна корова у него пропала. Обнаружив пропажу, он немедленно отправился на поиски. Пастух искал ее по всей вересковой пустоши и в лесу, но нигде не нашел. Устав, он сел на ствол старого дерева и начал набивать табаком свою трубку. Когда он сидел таким образом, внезапно появилось целое множество Джеков О'Лантернов, которые начали вокруг него бешеный танец. Если бы он был из робкого десятка, это привело бы его в ужас. Однако пастух продолжал сидеть тихо и набивать свою трубку. Но когда он уже приготовился поднести огонь к табаку, Джеки О'Лантерны начали кружить у него над головой, грозя поджечь его волосы. Пастух схватил свою палку и начал бить Джеков О'Лантернов, но чем больше он их колотил, тем больше их прибывало. Наконец, пастух схватил одного и обнаружил, что держит в руке кость. Это, похоже, испугало всех прочих, поскольку они немедленно исчезли. Пастух положил кость в карман, зажег свою трубку и вернулся домой. На следующее утро он снова выгнал свое стадо и нашел пропавшую корову. Но когда он возвращался вечером и было уже темно, он увидел перед своим окном пару огней. Пастух решил, что это сосед пришел к нему посоветоваться насчет своей больной коровы. Он открыл окно и увидел, что вся улица полна большими Джеками О'Лантернами, которые танцевали, кружились и кричали: «Если ты не вернешь нам нашего товарища, мы подожжем твой дом!» Пастух тут же достал кость и произнес: «Не устраивайте такого глупого представления, эта кость наверняка не может быть вашим товарищем». Но они начали кричать еще громче: «Если ты не отдашь нам нашего товарища, мы подожжем твой дом!» Поняв, что дело принимает серьезный оборот, пастух взял кость, положил ее на ладонь и протянул в окно. Тут же кость превратилась в яркого, сверкающего Джека О'Лантерна, который в танце направился прочь. Все другие Джеки с радостью его окружили, после чего вся компания весело попрыгала вон из деревни.

ФРАУ ХАРКЕ

В прежние времена фрау Харке обитала в одном из самых высоких холмов Камерна, который в честь нее стали называть Фрау Харкенберг. Сюда она часто спускалась через долину Фрау Харкенгрунд (тоже названную в честь нее) к озеру Шёнфельд, чтобы набрать воды. Она была наделена огромным ростом и большой силой. Однажды она взяла в свой фартук пахаря и его быка, чтобы ими поиграть. Но когда она показала эту игрушку своему отцу, он приказал вернуть пахаря с быком обратно на место, где она их нашла. «Из-за того, — добавил он, — что если маленькие люди внизу не будут пахать, то великаны в горах не смогут ничего испечь».

Однажды она несла в фартуке землю, и фартук порвался. Оброненная земля стала горой, ее сейчас называют Колленбург, и это самая высокая гора в этих краях. На этой горе лежит огромный гранитный валун, который фрау Харке когда-то швырнула в церковь Хавельберга.

Когда с гор исчезли старые дубы, фрау Харке перебралась в Тюрингию. Она известна также в Нижней Саксонии.

НИКЕЛЬМАНН, ИЛИ НИК

Детям нельзя слишком близко подходить к воде, потому что под ее поверхностью сидит черный никельманн, который может их схватить. Сверху он похож на человека, снизу — на рыбу, и у него очень острые зубы. Обычно он питается рыбой, но порой утаскивает в воду людей. В Тале в прежние времена существовал обычай каждый год бросать черного петуха в воды Боде, поскольку если этого не делать, кто-нибудь обязательно умрет в течение года. Маленькие черные фигурки, которые выпрыгивают из деревянных шкатулок, когда их открывают, в Илзебурге называют *никельманнлейн* (*никельманнникинс*).

Когда одна повитуха из Вестерхаузена сидела как-то утром в своей комнате, кто-то постучал в ее дверь и попросил ее выйти. Когда она вышла, то увидела ника, который предложил ей пойти с ним. Они прошли к речке, где ник взял прут и ударил им по воде, отчего воды немедленно разделились надвое, так что они прошли речку посуху. После этого повитуха помогла жене ника родить. В благодарность жена ника сказала, что когда ник спросит ее об оплате, нужно просить не деньги, а немного ометок. Когда акушерка взяла ребенка и пошла с ним в баню, она услышала, как дети ника, которых у него было еще пятеро, спрашивают отца: «Пора ли ломать ей шею?»³², но тот запретил им это делать. Когда акушерка обмыла ребенка, ник спросил ее о том, какое вознаграждение она желает получить. Следуя совету жены ника, повитуха сказала, что хочет, чтобы ей дали немного ометок от порога дома. «Сам Бог посоветовал тебе сказать эти слова», — сказал ник и, дав ей то, что она просила, проводил женщину домой. Когда она, вернувшись домой, посмотрела на ометки, то увидела, что они превратились в чистое золото³³.

ПРИНЦЕССА ИЛЗЕ

На горе Илзенштайн в стародавние времена жил король, у которого была дочь необыкновенной красоты по имени Илзе. Она любила рыцаря, жившего в замке на горе Вестерберг, расположенной напротив их горы. В те времена эти две горы не были отделены

друг от друга долиной, что ныне лежит между ними. Отец принцессы Илзе не соглашался на ее союз с рыцарем. Поскольку принцесса, несмотря на запрещение, встречалась с рыцарем ежедневно, то он, будучи великаном и обладая колоссальной силой, ударил по горам в месте их схождения, так что образовалась долина. Охваченная отчаянием от разлуки с любимым, Илзе бросилась в бушующие волны. В память об этом событии река получила ее имя. С тех далеких времен она часто является в длинном белом одеянии, в широкополой черной шляпе. В наши дни ее называют Юнгфер. В прежние времена Илзе можно было видеть ежедневно, спускающейся к камню около второго моста через реку Илзе. Здесь была глубокая яма с водой — не пересыхавшая даже в самые жаркие месяцы, — где она купалась. Но сейчас этого камня нет, и Юнгфер больше не появляется в долине. Говорят, что последний раз она появлялась триста лет назад, на Вознесение, и память об этом долго праздновали в этот день. Сюда собирались люди с окрестных деревень и устраивалась большая ярмарка. Две группы музыкантов играли на Илзенштайне и на Вестерберге, в котором заключен влюбленный принц. Но со временем праздник пришел в упадок, и теперь лишь небольшая группа музыкантов играет в гостинице «Форели» (*Zi den Forellen*). Существует поверье, что принцесса скоро отправится на небо в день Вознесения. Прошло всего несколько лет с тех пор, как крестьяне еще считали, что событие это состоится буквально вот-вот. В Илзенберге день Вознесения чтили так усердно, что считали, что всякая женщина, шьющая и штопающая в этот день, будет поражена молнией.

Когда некий пастух однажды гнал свое стадо по горе Илзенштайн и остановился на отдых около родника, опершись на свой посох, гора внезапно раздвинулась — поскольку в его посохе, чего пастух не знал, был *Springlwurzel* (корень источника). Появившаяся принцесса приказала пастуху следовать за ней. Когда он вошел внутрь, она сказала, что он может взять столько золота, сколько пожелает. Пастух набил доверху свой карман и собирался уходить, когда принцесса обратилась к нему со словами: «Не забудь самое лучшее!» Думая, что она имеет в виду золото, он наполнил шляпу — однако она имела в виду его посох, который, войдя, он оставил у входа. И потому, когда он уходил, скала внезапно сошлась, раздавив пастуха.

Один служивший при конюшне мальчик потерял пару лошадей. Когда он разыскивал их, то забрался на гору Илзенштайн, сел на землю и стал плакать из-за своей пропажи. Внезапно гора открылась, и перед ним появилась принцесса, которая спросила, почему он плачет. Он рассказал о своей пропаже, и она приказала ему последовать за ней. Войдя в гору они подошли к огромному стойлу, в котором находилось множество лошадей, причем среди других были и две его собственные. Мальчик был несказанно рад им — однако принцесса сказала, что не может их отдать, зато даст столько золота, что он сможет купить сотню других коней. Сказав это, она наполнила его сумку золотом, но предупредила, что он не должен открывать сумку, пока не пройдет третий мост на реке Илзе. Но мальчик был любопытен и хотел узнать, что ему дали. Дойдя до второго моста, он больше был не в состоянии бороться с искушением, развязал мешок — и не нашел ничего, кроме конского навоза. «Зачем, — подумал он, — мне этот навоз?» И бросил навоз в Илзе, но услышал странный звук — словно упало что-то тяжелое и твердое. Он заглянул в мешок еще раз, поскольку там еще кое-что осталось, и увидел несколько великолепных монет-пистолей.

Гёте в «Фаусте» заставил одну из ведьм по пути в Блоксберг пройти по горе Илзенштайн:

Голос: Откуда ты?

*Другой голос: От Илзенштейна,
Лесной тропой чародейной.
К сове наведалься в дупло,
Та как надулась, и пошло! ³⁴*

Шпрингвурцель — это растение, которое можно вырастить следующим образом: дупло зеленого или черного дятла; только что им выдолбленное, надо закрыть деревянной затычкой. Когда дятел видит эту затычку, он улетает, чтобы отыскать это удивительное растение, которое человек найти не в состоянии. Растение дятел приносит в своем клюве и держит его напротив затычки, которая, словно от удара, тут же вылетает. Если спрятавшиеся в это время люди при приближении птицы поднимут сильный шум, это испугает дятла и он уронит растение. Кое-кто расстилает под дуплом белую или красную материю, на которую птица роняет корень после того, как его использует». Это поверье было известно еще Плинию — См. Н.Н.х. 18³⁵.

ГАНС ФОН ХАКЕЛЬНБЁРЕНД

Ганс фон Хакельнбёренд был главным егерем в Брунсвике и любил охоту больше всего на свете. Он выезжал на серой лошади — самой дикой, какую можно только найти на свете. Однажды он отправился из Гарца в Хакель и увидел во сне, что примет там смерть от дикого кабана. На следующий день, когда должна была состояться большая охота, Ганс рассказал свой сон, насмешливо добавив, что будет странно, если он погибнет от какого-то дикого кабана. Но когда охота началась, он увидел кабана, в точности такого же, как и во сне. Хакельнбёренд сразу же погнался за ним и в конце концов убил его, после чего вернулся домой. Когда кабана стали разделывать, Хакельнбёренд поднял голову его над собой, чтобы показать то, что должно было стать причиной его смерти, — но кабанья голова выскользнула из его рук, и один из клыков так поранил ногу охотника, что это стоило Хакельнбёрнду жизни. И с этого времени его дух вместе с духами его спутников часто охотится в разных местах горы Хакель, оглашая ее криком «Халло».

Согласно другой версии этой легенды, охота проходила в горах Гарца, и Хакельнбёренд, уступив уговорам своих друзей, остался дома. Получив упомянутым путем смертельную рану, Хакельнбёренд произнес: «Чем умирать от такой царапины, я предпочел бы охотиться вечно». После этого он поспешил обратно в Брунсвик, но смог добраться только до гостиницы под названием «Клипперкруг», около Вюлпероде, где слег и умер. Его стальной шлем, а также железный нашлемник его мула можно видеть там и в наши дни. Надгробие его находится в саду гостиницы, который в прежние времена был церковным двором, и на нем изображен едущий на муле рыцарь в коротком развевающемся плаще и высоком гофрированном воротнике. Рыцарь держит в руке хлыст; рядом с ним бегут две маленькие собаки. На краю длинного прямоуголь-

ного камня находится надпись, разобрать в которой можно только следующие слова: «Domini 1581 den 13 Martii». Начиная с того времени призрачный Хакельнбёрэнд охотится в сопровождении большого числа маленьких собачек по всему Гарцу. Некоторые свидетели якобы видели его вместе с двумя рослыми гончими. Рассказывают также, что любовь его к охоте была настолько велика, что Хакельнбёрэнд упросил Бога разрешить ему охотиться вечно вместо отведенной доли блаженства.

Один человек некогда снасмешничал над Хакельнбёрэндом, когда тот пролетал по воздуху мимо него с криком «Хохо!». Хакельнбёрэнд преследовал его до самой двери дома, с громким стуком ворвался в дом и пробежал даже до сеновала, где этот человек пытался укрыться. Там Хакельнбёрэнд бросил в него лошадиную ногу. На следующее утро этот человек скончался.

В следующий раз несколько конюшенных мальчишек, находясь в ночном на общественном лугу, окликнули Хакельнбёрэнда, когда тот несся мимо них со своими собаками. Разорвав лошадь на куски, он взял себе один кусок, другие бросил собакам, а третьи раздал конюшенным, произнеся:

*Hast du helfen jagen,
sollst auch helfen knagen!*

Раз помог охотиться,
Помогай и глотать!

После этого он двинулся прочь. Те конюшенные, кто съел жареную конину, остались в живых, а те, кто отказался, вскоре после этого скончались.

Несколько человек как-то лежали у костра в поле ночью, когда Хакельнбёрэнд проезжал мимо. Они попросили у него половину лошади, после чего он бросил к огню лошадиную ногу. Тогда они попросили у него еще и соли, которой у него не было, после чего лошадиная нога исчезла.

В Роклуме, неподалеку от Вольфенбюттеля, есть несколько земляных холмов на возвышенности. Об одном из них рассказывают, что Хакельнбёрэнд со своими спутниками по Дикой охоте проезжал мимо и почувствовал, что ему в сапог попал песок. Он вытряс этот песок, и так появился холм. Согласно одной легенде, Хакельнбёрэнд возвращается каждый седьмой год, чтобы начать свою скачку.

Ниже приводятся вестфальские легенды о Хакельнбёрэнде¹⁶.

Охотник Хакельбёрэнд (как его называли в Вестфалии) охотился по воскресеньям. В наказание за этот грех после смерти его обрекли на вечную охоту, причем он должен был охотиться вместе с собаками днем и ночью без перерыва. Согласно некоторым легендам, он охотится только в двенадцать суток Святки, согласно другим — всегда, когда дует сильный ветер. По этой причине его иногда называют *Joljager* (возможно, от *jolen*, завывать, либо от *Yuletide*). Во время одной своей охоты Хакельбёрэнд оставил одну из своих собак в амбаре в Изенштадте (епископство Минден). Там животное это пролежало целый год, и все попытки убрать его не принесли результата. Однако когда на следующий год Хакельбёрэнд со своими спутниками по Дикой охоте проезжал мимо, эта собака внезапно вскочила и, лая и скуля, побежала за всей кавалькадой.

Два молодых парня однажды вечером шли из Бергкирхена через лес на встречу со своими невестами. Внезапно они услышали в воздухе над своей головой дикий шум, лай собак и голос, кричащий «Хото, Хото!». После этого появился Хакельбёрэнд со своими спутниками. Один из юношей был так опрометчив, что решил насмешливо выкрикнуть: «Хото! Хото!», после чего Хакельбёрэнд и все его спутники проскакали прямо по нему. После этого не удалось найти даже следов этого юноши.

В дождь и грозу Хакельнбёрэнд носится по лесам Тюрингии, но более всего предпочитает Хакель (лес между Хальберштадтом, Гронингеном и Деренбургом). На своем смертном ложе он сказал, что ничего не хочет слышать о небесах, и на укоры священника сказал, что Господь Бог может оставить небеса себе, а ему пусть оставит охоту. На это священник воскликнул: «Ну, тогда охоться до скончания дней!» И это проклятие сбылось. О приближении Хакельбёрэнда можно судить по лаю и скулежу его собак, перед ним летит сова, которую в народе называют *tutosel*. Если кто стоит на его дороге, то должен пасть ниц, чтобы Хакельнбёрэнд проехал над ним. Тутозел, как утверждают, была монахиней, которая после смерти связалась с Хакельбёрэндом. Если он кричит «Хуху!», то она — «Уху!».

Согласно другой легенде, Хакельнбёрэнд охотился по воскресеньям и заставлял всех зависевших от него крестьян сопровождать его. Однажды два всадника прискакали к нему и приказали следовать за ними. Один из них, правый, был свирепым и яростным, изо рта и ноздрей его лошади валил огонь. Левый же всадник был спокойней и мягче на вид. Но Хакельнбёрэнд повернулся к свирепому всаднику, который и ускакал вместе с ним; в его компании, должно быть, Хакельнбёрэнд и охотится до сего дня. Есть люди, которые утверждают, что Хакельнбёрэнд жил в Сёллинге, неподалеку от Услара, и вел набожный образ жизни, но так любил охоту, что на смертном одре обратился к Богу, чтобы тот разрешил вместо небесного блаженства охотиться в Сёллинге до судебного дня. Его молитвы были услышаны, и часто в лесу ночью можно слышать лай собак и устрашающие звуки рогов. Могила Хакельнбёрэнда находится в Сёллинге; около него в земле лежат две черных собаки.

Различие в месте действия легенд явно свидетельствует о том, что Хакельбёрэнд является магическим существом, а не историческим персонажем. Вестфальскую форму его имени — Хакельберэнд я считаю самой древней. Именем Хаколберанд (Hakolberand), вне всякого сомнения, древние саксы именовали Водана, и оно постепенно обрело формы Хаккельберг, Хаккенберг, Хаккельблок и т.д. Мекленбургские легенды о Воде» (см. Том I, главу «О смерти Бальдра и наказании Локи») делают несомненным отождествление Дикого охотника с Воденом⁵⁷.

ВЕДЬМЫ В ГИТТЕЛЬДЕ

В Гиттельде в прежние времена водилось много ведьм. Дома, в которых они проживали, можно было определить по огню, который часто вырывался у них из дымохода, поскольку в это время на трубе сидел дьявол, который приносил ведьмам то, что они просили.

У одной ведьмы был в услужении человек по имени Ганс, который часто привозил ей полные телеги дров. Однако никогда никто не видел, чтобы эти дрова сжигали, хотя тем не менее в доме всегда было полно съестного. И вот однажды он решил узнать, как так

может быть. И для этого, когда все отправились в церковь, отстал ото всех, вернулся в дом через заднюю дверь и спрятался под корзиной на кухне. Не прошло много времени, как кто-то вошел и произнес: «Хей кукет, хей кукет». «Все они в церкви», — ответила хозяйка. Голос снова произнес: «Хей кукет, хей кукет, должен ли я свернуть ему шею?» «Ах, вот что ты хочешь, — сказала женщина, — говорю тебе, все в церкви». Тогда голос спросил: «Что ты будешь есть?» «Печеные груши», — ответила женщина, и немедленно после этого послышалось какое-то шипение на блюде, которое она держала в руках. После этого она попросила клецки, затем кислую капусту, и все это немедленно у нее появилось. Ганс видел все это, но хранил молчание, а потом незаметно удалился. Когда позднее все уселись за стол, он произнес: «Я так себя плохо чувствую, так плохо чувствую», — и не съел ничего. Когда остальные ели, хозяйка отвела его в сторону и спросила, почему он отказывается есть. Тогда он сказал ей о том, что все видел и что расскажет об этом всем. Но она стала упрашивать его никому и ничего не говорить, обещая дать много денег, а также научить колдовству. Ганс взял деньги и уступил ее просьбам. После этого эта женщина дала ему приказание отправиться на рынок и купить новый горшок. Он сделал это, а когда вернулся, она приказала ему сесть на горшок и произнести: «Верую в этот горшок и так далее». Но Ганс, сев на горшок, произнес: «Верую во единого Бога-Отца и так далее». После этого горшок разлетелся в куски, и посреди груды обломков обнаружилась большая лягушка. После этого Ганс направился к людям и рассказал им о ведьме. После этого жители деревни собрали огромную кучу хвороста, чтобы сжечь колдунью. Когда ее повели на костер, ведьма крикнула Гансу: «Ты ел мышей вместо печеных груш, ты ел пауков вместо клецок, ты съел червей вместо кислой капусты!» После этого ее поглотило пламя.

РУДНИЧНЫЙ МОНАХ (BERGMONCH)

В шахтах вокруг Клаустхала и Андреасберга в прежние времена можно было видеть призрака, которого называли Рудничным монахом. Он расхаживал в монашеской одежде, но имел гигантский рост и всегда нес в своей руке большую сальную свечу, которая никогда не гасла. Когда горняки утром входили в шахту, он обыкновенно стоял у входа со своим огнем, пропуская шахтеров под свечой. Его также часто встречали и в штольнях.

Рудничный монах в прежние времена был горным мастером или управителем, который так любил горное дело, что, будучи при смерти, помолился ниспослать ему не счастливый покой на небесах, а возможность до последнего дня бродить по холмам и долинам, спускаться в выработки и шахты и наблюдать за шахтными работами. Людям он является в одежде горного мастера, с серебряной шахтерской лампой в руках. Рудничный монах оказывает много услуг тем, к кому чувствует расположение. Перед ними он появляется в человеческом облике и обычного роста; остальным он является в своем истинном виде. Его глаза — размером в тележное колесо — извергают пламя, ноги напоминают паутину паука⁵⁸.

ГОРНЫЕ ДЕМОНЫ

Когда однажды один горняк работал в забое, к нему подошел маленький человечек, облаченный в белую одежду и со свечой в руках, и попросил рабочего последовать за ним. Он так и сделал, и скоро попал в просторный зал, где сидело множество людей. Все

они были одеты, как маленький человечек, и занимались тем, что ели и пили. Эти люди дружески встретили горняка и дали и ему кубок с вином. Маленький человечек подарил шахтеру золотую булавку и сказал, что если кто-либо заберет у него эту булавку, то надо только дать им знать, они свернут шею вору и вернут булавку обратно. После этого маленький человечек вывел горняка из горы и исчез. Когда горняк вернулся домой, все вокруг показалось ему странным: он не узнавал никого из встречных, не встречал знакомых. Тогда он направился к священнику. Тот просмотрел церковные книги, и по его записям оказалось, что этот горняк давным-давно исчез, и пока он находился под землей, успели смениться три поколения, хотя ему и показалось, что он отсутствовал всего несколько часов. Когда главный управитель рудника услышал рассказ шахтера, он захотел получить золотую булавку и, когда тот отказался отдать ее, велел отнять булавку силой. Тогда горняк вернулся в рудник и пожаловался маленькому белому человечку, который немедленно отправился к управителю, свернул ему шею и вернул шахтеру его булавку. Благодаря этой булавке тот стал состоятельным, и ему хватило денег на всю его жизнь.

НОЧНОЙ ВОРОН, ИЛИ ВЕЧНЫЙ ВОЗНИЦА

В ночи часто можно слышать голос ворона — «хор, хор» или «хрок, хрок». Эта птица много больше обычного ворона и почти такой же величины, как взрослая курица. Иногда эту птицу называют вечным возницей. Якобы некий человек так любил путешествовать, что, будучи при смерти, пожелал не попасть на небо, а вечно править лошаадьми. После этого он стал править без перерыва, сидя на средней лошади Небесной повозки⁵⁹. Расположенные четырехугольником четыре ярких звезды в небе — это колеса повозки, а отходящие от четырехугольника три звезды — это три лошади. Маленькая звездочка над средней звездой — это и есть вечный возница. Он направляет лошадей, а поскольку фургон всегда идет по кругу, то лошади выстроились не по прямой, а по изогнутой линии, совершая поворот. Перед полуночью повозка выезжает на небо, а после полночи отправляется домой⁶⁰.

ФРАУ ХУЛЛЕ (ХОЛЬДА, ХУЛЬДЕ)

В народных легендах Германии Хольда (Хульда, Холлее) выступает как высшее существо, дружески настроенное к людям и гневающееся только в тех случаях, когда она обнаруживает какой-либо беспорядок в хозяйстве или пренебрежение обязанностями хозяйки дома. Легенды о Хольде ходят главным образом в Гессене и Тюрингии. Считается, что она способна влиять на атмосферные явления. Когда солнце светит, говорят, что Хольда причесывает свои волосы, а когда идет снег, она стелит себе постель⁶¹. Жить она любит в озерах и источниках. В полдень ее видят как красивую светловолосую женщину, которая купается в воде, а потом исчезает. Смертные могут попасть в ее жилище через источник. Она правит колесницей. Однажды Хольда попросила одного крестьянина починить для нее колесницу. Когда она уехала, оставшиеся от починки щепки превратились в чистое золото. Ее колесницу можно увидеть в течение двенадцати дней Святков, когда, как считают, выходят бродить духи, а зверей, таких как волки, нельзя упоминать по имени⁶². Именно она приносит плодородие почвам. Подобно Водену, Хольда также перемещается по воздуху и, подобно ему, участвует в Дикой охоте. Отсюда идет поверье, что ведьмы скачут в компании Хольды. Согласно народным верова-

ниям, души некрещеных детей забираются во время Дикой охоты, после чего попадают в подчинение языческих божеств, Водена и Хольды.

Именно по этой причине, без сомнения, в легендах Хольда часто выступает не в образе богини, а в виде уродливой, длинноносой карги с длинными зубами и спутанными лохматыми волосами. «Скакал с Хольдой» говорят о человеке, волосы которого не причесаны и стоят торчком.

Хольда также считается покровительницей прядильщиц. Трудолюбивым девушкам она дает веретено, а по ночам наматывает пряжу до конца. А вот у ленивых прядильщиц она обжигает или пачкает колесо. Трудолюбивую и хорошую девушку, чье веретено попало в ее источник, она осыпала золотым дождем. Когда она под Рождество отправляется в свое путешествие, все прядильщицы должны старательно украсить свои прялки и не работать на них. К Масленице, когда она возвращается домой, все работы по прядению должны быть завершены. Обычно к этому дню кудели для прядения не остается, и наступает священное время отдыха. Если Хольда видит, что все сделано правильно, то дает свое благословение: «Сколько волос, столько хороших лет». В противном случае следует приговор: «Сколько волос, столько плохих лет».

Согласно другой немецкой традиции, в двенадцать дней Святков на женской половине не должно оставаться даже нитки льна, в противном случае явится фрау Холла. Это похоже на датское предание, согласно которому от Рождества до Новогодья нельзя ничего вращать — ни бобину, ни веретено⁶³.

Из источника Хольды появляются дети. Женщина, окунувшаяся в такой источник, становится здоровой и плодотворной. Хольда является владычицей утопленников.

Многочисленность атрибутов делает Хольду очень важным божеством. Бурхард, епископ Вормсский, упоминает народное предание, утверждающее, что в известные ночи женщины носятся по воздуху вместе с Хольдой на разных животных и становятся членами ее свиты⁶⁴.

Когда некая женщина однажды отправилась на гору Киффхойзер в Тюрингии, чтобы набрать валежника, она увидела — хотя был апрель — старуху, которая, сидя, разбирала хлопковые коробочки. Рядом с ней лежала большая куча таких коробочек. Поскольку хлопок собирают в середине лета, женщина очень удивилась и спросила, зачем старухе эти коробочки — ведь хлопок еще ни на что не годен. Старуха сказала, что может взять с собой столько хлопка, сколько пожелает, и скоро найдет ему применение. Женщина не поверила ей. Старуха дала женщине целый фартук коробочек и даже положила немного в ее корзину. Потом женщина отправилась собирать хворост, но, открыв свой фартук, нашла, что в нем лежат самородки чистого золота — точно такие же, как и в корзине. После этого она побежала обратно на место, где сидела старуха, — но и та, и груда хлопка исчезли.

Проходивший однажды поздно вечером по горе мужчина увидел фрау Хулле, которая, сидя, усердно открывала коробочки хлопка. Рядом с ней лежала большая груда хлопка. Этот человек пожелал ей доброго вечера. Женщина сердечно поблагодарила его и сказала, что он может положить несколько коробочек в карман и отнести домой. Мужчина поблагодарил ее за доброту, но сказал, что у него уже есть много, и не стал себя обременять. Но когда он отправился дальше, то почувствовал, что в башмаки его

что-то попало. Мужчина снял ботинок и нашел в нем крупные золотинки. Это были коробочки хлопка — несколько штук, упавших ему в обувь.

ЛЕГЕНДЫ КИФФХОЙЗЕРА

В Киффхойзере по сей день пребывает в заколдованном виде Фридрих Барбаросса. Он сидит в горе со своими рыцарями и вассалами за большим столом, к которому приросла его борода. Под горой все блестит великолепом и сверкает золотом и драгоценными камнями. В этой подземной пещере всегда светло, как в самый солнечный день. Здесь растут величественные деревья и кустарники, а посреди этого рая протекает ручей. Если взять с берега ручья немного грязи, она немедленно превратится в чистое золото. По пещере постоянно разъезжает какой-то всадник. Впрочем, некоторые рассказывают, что он ездит на петухе, и очень может быть, что этот всадник и есть нечистый, создавший зачарованную пещеру. Однажды в Иванов день некий крестьянин вошел в открывшуюся перед ним гору и застыл в изумлении от увиденной картины. Упомянутый всадник жестом пригласил его взять немного сена, которым кормилась его лошадь. Пастух так и сделал; позднее это сено превратилось в чистое золото.

Однажды несколько музыкантов возвращались со свадьбы и проходили мимо Киффхойзера. Внезапно один из них, самый сумасбродный, сказал: «Послушайте, друзья — раз мы столько играли, не сыграть ли нам для императора Фридриха?» Остальные музыканты поначалу отказались, сказав, что устали, но он с таким пылом их убеждал, что в конце концов они начали играть. Когда музыка смолкла, из Эрфуртских ворот вышла молодая девушка. Она передала им благодарность старого императора и дала каждому на память по лошадиной голове. Подобный дар привел музыкантов в изумление, и когда девушка исчезла, спутники безрассудного парня принялись уговаривать его не брать такую странную награду, оставив лошадиную голову на дороге. Однако парень ничуть не смутился и понес голову домой, сказав: «Если она не сойдется ни для чего другого, подшучу над моей благоверной». Вернувшись домой, весельчак положил лошадиную голову под лавку. Проснувшись утром, он сказал своей жене: «Посмотри-ка, какой чудный дар получил я от старого Рыжебородого кайзера». Женщина полезла под лавку, но не испугалась, как предполагал весельчак, а в немом изумлении вытащила из-под нее золотой слиток, настолько тяжелый, что она едва сумела его поднять.

Согласно другой легенде, музыканты встретили возле горы Киффхойзер императора Оттона, обитающего в ней. Император приказал им сыграть для него марш и дал в награду три кости, на которые они не должны были смотреть до тех пор, пока не доберутся до дома. Вернувшись домой, музыканты обнаружили, что кости превратились в чистое золото.

В Киффхойзере, в Тюрингии, спит Фридрих Барбаросса. Он сидит за круглым каменным столбом, подпирая голову рукой, и дремлет. Его борода все растет и уже окружила стол целых два раза; когда борода обернется вокруг стола в третий раз, император проснется. Выйдя из горы, он повесит свой щит на засохшее дерево — которое после этого зазеленеет — и наступят прекрасные времена. Однако кое-кто уже видел императора бодрствующим. Сыгравшего ему приятную мелодию пастуха он спросил:

«Что, ворон все еще летает вокруг этой горы?», и, когда пастух ответил утвердительно, произнес: «Тогда я должен проспать еще сотню лет». Пастуху разрешили войти в со-кровищницу и забрать подножие для умывального таза из чистого золота⁶⁵.

КУЗНЕЦ ИЗ ЮТЕРБОГКА⁶⁶

В небольшом городке Ютербогк некогда жил один кузнец, о котором млад и стар рассказывают удивительную историю. В молодые годы кузнец жил со строгим отцом, тщательно соблюдавшим Господни заповеди. Кузнец много путешествовал, испытал множество приключений и добился в своем искусстве удивительного мастерства. Он умел составлять железный состав, делавший непробиваемыми любые панцири и доспехи, упряжь и кожаную куртку, после того как их натирали им. Кузнец этот служил в армии императора Фридриха II, где отвечал за состояние императорских доспехов. Ему довелось принимать участие в походах на Милан и Апулию. Там он сумел захватить штандарт города и после смерти императора вернулся домой со значительным богатством. Однако светлые дни в жизни кузнеца сменились темными; и однажды, когда он достиг столетнего возраста и сидел в своем саду под старым грушевым деревом, к нему подъехал на осле маленький человечек в сером, который в прежние времена часто выполнял роль доброго покровителя этого кузнеца. Человечек попросил разрешения остановиться у кузнеца и попросил подковать его осла. Потом человечек сказал Петеру (именно так звали кузнеца), что тот может загадать три желания, но при этом *не должен забыть о самом лучшем*. Поскольку с его дерева часто воровали груши, кузнец пожелал, чтобы всякий, кто забрался бы на нее, не мог спуститься без его разрешения. Поскольку воры иногда забирались и в его дом, он пожелал, чтобы никто не смог войти в его дом без его разрешения, кроме как через отверстие для ключа. При каждом из этих глупых желаний человечек просил *не забыть о лучшем*. Наконец кузнец произнес третье желание, сказав: «Лучшее — это хороший глоток шнапса, и потому я хочу, чтобы моя фляжка никогда не оказывалась пустой». «Все твои желания сбудутся», — сказал старик, после чего протянул руку к железным полосам, которые лежали в кузнице, взобрался на своего осла и двинулся прочь. Потом эти полосы оказались из чистого серебра. Кузнец, который в то время успел обеднеть, снова разбогател и зажил вольготно, поскольку никогда не кончающаяся жидкость, которую он пил из фляжки, оказалась эликсиром жизни. Но однажды Смерть, которая, казалось, совсем забыла о нем, постучалась в его дверь. Кузнец сделал вид, что готов следовать за ней, но только после того, как поест на дорогу, и попросил Смерть взять с груши несколько плодов, поскольку сам он из-за возраста забраться на дерево не способен. Но когда Смерть взобралась на дерево, кузнец выкрикнул: «Там и оставайся!», поскольку ему захотелось пожить еще. После этого Смерть съела все груши на дереве, а потом от голода ей пришлось пожирать саму себя, даже кожу и волосы, пока от нее не остался один скелет. В это время в мире никто не умирал — ни животные, ни люди, благодаря чему в мире возникли немалые сложности. Но через какое-то время кузнец отправился к Смерти, которая громыхала костями на дереве, и выговорил себе новую отсрочку. После этого он освободил Смерть. Вне себя от радости Смерть полетела прочь и начала очищать мир. Но поскольку она не могла нарушить соглашение и отомстить кузнецу, то настроила против него дьявола, чтобы тот забрал хитреца. Нечистый тут же отправился в путь, но сметливый кузнец издалека ощутил запах серы, закрыл дверь и приставил к замочной скважине кожаный мешок.

Пролетевший сквозь отверстие дьявол — другого пути в кузницу не было, — оказался в мешке. Кузнец завязал мешок, положил его на наковальню и приказал бить самыми тяжелыми молотами столь беспощадно, что бедный дьявол потерял способность слышать и видеть. Присмирив, он поклялся никогда не появляться снова.

После этого кузнец долго жил, наслаждаясь покоем. Но, наконец, все его друзья и знакомые умерли, и ему стало тяжело жить на земле. После этого он отправился в путь и добрался до неба, где униженно постучал во Врата Рая. Из них выглянул св. Петр — и в нем кузнец узнал своего покровителя и хранителя, который прежде спасал его от угроз и трудностей, а потом исполнил три его желания. Но сейчас св. Петр сказал: «Живи, как знаешь: для тебя небеса закрыты: ты забыл пожелать себе *лучшего* — вечного блаженства!» После этих слов Петр отвернулся. Тогда кузнец решил отправиться в края противоположные, чтобы попытать там удачи. И немедленно очутился на хорошо утоптанной, широкой, наезженной и нахоженной дороге. Но как только дьяволу сообщили, что к нему явился кузнец из Ютербогга, он захлопнул дверь перед носом кузнеца и объявил в своем царстве осадное положение. Не найдя пристанища ни на небесах, ни в аду и не имея желания вернуться в мир, кузнец отправился в Киффхойзер, к своему прежнему хозяину, императору Фридриху. Старый кайзер обрадовался появлению своего оружейника и немедленно спросил его, продолжают ли вороны по-прежнему летать над башней разрушенного замка Киффхойзен. И когда Петер ответил утвердительно, старик Рыжебородый тяжело вздохнул. Но кузнец оставался в горе, чтобы подковывать лошадей самого императора и его придворных дам до часа, когда кайзер сможет выйти из заточения, что станет избавлением и для самого кузнеца. И это случится, как говорит легенда, когда вороны перестанут летать вокруг горы, а на Рютшфельде, около Киффхойзера, старое засохшее грушевое дерево снова пустит побеги и обзаведется листвой и цветами. Тогда император выйдет из горы вместе со своей вооруженной дружиной и начнет великую борьбу за свободу. Когда кайзер повесит свой щит на обновленное дерево, он и его спутники смогут отправиться на вечный отдых.

ВУНДЕРБЛЮМЕ (ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТОК)

В старом замке Квестенберг до сих пор хранятся бесценные сокровища, позволившие разбогатеть многим людям. В Сангерхаузене однажды жил один крестьянин, который, пересекая поле по пути в Квестенберг, увидел удивительный цветок. Крестьянин сорвал цветок и пошел своей дорогой. Оказавшись в своей деревне, он подумал: «Я часто бывал в Квестенберге, но ни разу не посетил старый замок: схожу-ка к нему сейчас». Так он и сделал, и когда дошел до замка, то увидел большую железную дверь. Как только крестьянин подошел к этой двери, она распахнулась, и он вошел в просторное подземелье, в котором лежали огромные груды золота и серебра. Набив доверху свои карманы, он наполнил и свою шляпу, и в этот же самый момент услышал голос, который произнес: «Не забудь лучшего!» Тут крестьянин направился к выходу и, когда оказался у самой двери, та захлопнулась и разбила ему ногу, так что он хромал до самого конца жизни. Это произошло из-за того, что он забыл вундерблюме (волшебный цветок) в склепе⁶⁷.

Волшебный цветок находил и еще один крестьянин, перед которым также распахнулась железная дверь. Он каждый день брал из подземелья по квадратной серебряной монете и относил в Нордхаузен, где ему давали за нее по пять талеров. Наконец, он по-

думал: «Зачем мне так часто ходить сюда?» и стал брать по две монеты, а затем и по три. Наконец, он приехал к подземелью с возком, но на сей раз не нашел его.

В другом описании говорится, что вундерблуме растет в Йоханнистхале, в Клаустхале. Человек, абсолютно чистый и случайно нашедший этот цветок, — те, кто ищет его специально, никогда не сумеют найти вундерблуме, — получает возможность становиться невидимкой и понимать речь зверей, пока этот цветок при нем.

Легенду, в основных чертах похожую на приведенную выше, рассказывают и о дворце короля Абеля в Шлезвиге. См. «Die gelbe Blume» в Müllenhoff, No. 468. См. также Grimm, J., Deutsche Mythologie, op. cit., p. 923.

ПОЯС ОБОРОТНЯ

В прежние времена жили люди, способные, надев некий пояс, превратиться в оборотней. Таким поясом располагал и один из крестьян, проживавший неподалеку от Штайна. Однажды он отправился по делам и забыл запереть пояс, как делал обычно. В отсутствие отца его маленький сын случайно нашел пояс и надел на себя. После этого он мгновенно превратился в какую-то тварь — внешне напоминавшую сноп сухой соломы, — и выкатился из дома. Люди, находившиеся в комнате, увидели это и поспешили за отцом. Тот возвратился как раз вовремя и успел расстегнуть пояс, пока ребенок не сделал ничего ужасного. Впоследствии этот мальчик говорил, что, надев пояс, ощутил такой свирепый голод, что был готов разорвать на куски и съесть всякого, кто попался бы ему на пути.

ЛЕГЕНДЫ О ГНОМАХ

В стародавние времена некие хозяева наготовили на свадьбу огромное количество самых разных угощений, но как только они ставили блюда на свадебный стол, блюда, как они тут же исчезали, так что невеста и жених смотрели друг на друга в изумлении. Подумав, они решили продолжать пиршество, пока не кончатся все припасы, чтобы никто из гостей не ушел домой голодным. Но когда гости стали подносить свои подарки, гномы — поскольку именно они помогли съесть обед, — сняли с голов шляпы и сделались видимыми, тут-то и стало ясно, почему все съестное исчезало с такой быстротой, поскольку вся комната буквально кишела этими существами⁶⁸. Однако, поучаствовав в пиршестве, они приняли участие и в дарении — так как каждый из них клал в корзину золотой самородок, так что скоро корзинка буквально переполнилась их дарами.

Один крестьянин засеял горохом прекрасное поле, но когда он отправился собирать урожай, почти все стручки оказались пустыми. Услышав какой-то шум, крестьянин решил покараулить свое поле, но никого не увидел. Тогда он вернулся на поле вместе со своим работником и захватил веревку. Держа веревку перед собой, крестьянин и его помощник прошли по полю и сорвали шапки-невидимки (*nebelkappen*) с голов гномов. Застигнутые с поличным карлики обязались ежедневно платить крестьянину за горох, но, получив обратно шапки, тут же разбежались с криком «Hui!»

К некоему крестьянину однажды пришел карлик и попросил срезать для него каждый день по колоску ячменя, сказав, что ущерба это не принесет. Крестьянин стал сре-

зять каждый день по колоску; являвшийся за колосом карлик всякий раз взваливал колос на спину и уходил, тяжело пыхтя под грузом. Тем временем скот у крестьянина день ото дня толстел и множился, хотя селянин его особо и не кормил. Однако однажды крестьянину не хватило времени, и он послал за колосом своего слугу. Увидев пыхтящего под тяжестью карлика, тот начал над ним смеяться и сказал, что гном несет всего только колос и потому не должен так тяжело дышать. Карлик обиделся и перестал приходить, после чего скотина крестьянина начал худеть, невзирая на любой корм, так что в конце концов у коров можно было сосчитать ребра.

Однажды к некой девице пришел гном и дал ей прялку, на которой было столько льна, что его могло бы хватить ей до самой смерти, если только она не станет выпрядать всю нить до конца. Девушка прядла год за годом, но запас льна не иссякал. Нить сходила с ее веретена так быстро, что она то и дело ткала новые и новые отрезы. Но однажды она решила посмотреть, что находится под куделью и узнать, почему она никак не может спрясть ее всю до конца. Она начала прядть быстрее и быстрее, и, наконец, пальцы ее ощутили конец нити. Но подо льном не оказалось ничего — и бесконечный, казалось, запас навсегда закончился.

ЛЕГЕНДЫ ХЮБИХЕНШТАЙНА⁶⁹

КОРОЛЬ ГНМОВ

Во времена совсем стародавние король гномов Гюбих обыкновенно появлялся по соседству с Хюбихенштайном, около Грунда⁷⁰, ибо карлики жили тогда в недрах Хюбихенштайна. Гюбих являлся в виде глубокого старца с медвежьими космами. Людей, вызывавших к себе его расположение, он наделял огромными богатствами; но тем, кто его обижал или каким-либо образом вызывал его гнев, он причинял немало зла. Гюбих знал все лечебные растения Гарца и благодаря этому вернул здоровье многим людям. Но он никогда и никому не позволял подняться на Хюбихенштайн⁷¹.

Гюбих был невысок, но умел показаться весьма и весьма рослым. В прежние времена он мог появляться в верхнем мире один раз каждые сто лет, но сейчас ему это запрещено.

Некоторые люди утверждают, что Хюбихенштайн приплыл на свое нынешнее место во время Потопа; другие же говорят, что его вытряхнул из своего башмака какой-то великан.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ХЮБИХЕНШТАЙН

На землях Грунда в прежние времена в лесном домике жил лесник, который рано потерял жену и остался с одним только сыном. Про этого юношу говорили, что он красив, умен, только подчас излишне любопытен — как, впрочем, и многие юноши в наши времена. Однажды парень отправился вместе с одним из своих друзей на прогулку в

лес. Когда они дошли до поворота дороги возле горы Хюбихенштайн, один из друзей сказал, что путь через гору оказался бы короче. На это сын лесника ответил, что для него подняться в гору — пустяк, и он сделает это. Друзья всячески его отговаривали, поскольку существовало поверье, что тот, кто поднимается в гору, потом не может с нее спуститься, и на следующее утро его обнаруживают мертвым у подножия горы. Но сын лесника не верил в эти рассказы и со смехом сказал, что первым пересечет гору, и не позволит себе повернуть назад. Задача его казалась весьма трудной, поскольку гора, которую сейчас называют Маленьким Хюбихенштайном, в прежние времена была много выше той горы, которую называют Большим Хюбихенштайном в наши дни, и соответственно в то время как раз и называлась Большим Хюбихенштайном.

Поднявшись на вершину, сын лесника начал осмеивать своих друзей, и кричать, что они похожи на карликов. И пока он стоял там, задул ветер, и юноша подумал, что хорошо было бы сойти, но ноги его не могли сойти с места, а остававшиеся внизу друзья были не в состоянии оказать ему ни малейшей помощи. В конце концов сын лесника стал просить друзей о последней милости — уложить его выстрелом, чтобы он хотя бы мертвым скатился вниз с вершины. Но никто не стал этого делать. Весть о случившемся, наконец, дошла до его отца, и тот отправился на место, чтобы собственными глазами увидеть сына, стоящего на вершине Большого Хюбихенштайна. Не имея возможности помочь ему, лесник рыдал и рвал на себе волосы, обезумев от горя. Когда наступил вечер, и небо заволокло облаками, ветер начал крепчать и дождь полил с такой силой, что никто не мог выдержать этот поток. Люди увели старика домой силой. Оказавшись дома, он подумал: «Ты должен сделать это для своего ребенка, и милосердный Бог простит тебя». После этого лесник взял свое лучшее ружье и снова отправился к Хюбихенштайну. Когда он вышел из Грунда, дождь внезапно прекратился, все вокруг стало ясным, на небе засияла луна. Приближаясь к Хюбихенштайну, лесник плакал и молился, и сердце его переполняли горе и мука. Внезапно перед ним появился маленький человечек с белоснежной бородой, облокотившийся на ветку ели. «Удачи тебе», — сказал маленький человечек и спросил, куда лесник идет так поздно в лесу. Леснику стало не по себе, но он не собирался кому-то рассказывать, куда он идет и для какой цели. Тогда маленький человечек спросил лесника, почему тот так часто дышит и почему он настолько печален, что из его глаз постоянно текут слезы. Человечек сказал, что если узнает причину горя, то, может быть, сумеет помочь. Тут лесник стал более разговорчивым и сообщил человечку, что он — тот самый человек, чей сын стоит на вершине Хюбихенштайна, поддавшись посланному дьяволом искушению подняться на ее вершину, и что несчастный просил кого-нибудь снять его выстрелом с горы; и поскольку никто не согласился исполнить такую просьбу, он как отец взял эту миссию на себя, поскольку считает, что Бог не накажет его за такой грех. Не может же он оставить своего сына в мучениях умирать на вершине. После этого лесник снова начал причитать, говоря, что не заслужил такого горя, что всегда относился к сыну с вниманием и заботой, всегда следил за тем, чтобы он должным образом посещал школу и церковь; и что сам он всегда был набожен и не позволял себе обидеть ни дитяти, ни даже наступить на червяка. Он бы скорее умер следом за своей горячо любимой женой, чем дожил бы до такого горя, когда вот-вот лишится наследника, и некому будет закрыть его глаза. Эти слова тронули сердце маленького человечка — и он исчез, хотя лесник еще не умолк. Тогда лесник посмотрел на вершину Хюбихенштайна и направил ружье в сторону своего сына. Тот кричал с горы,

что хочет только, чтобы отец выстрелил, и что он не боится покинуть мир. Лесник уже готов был выстрелить, как внезапно из кустов и зарослей выпрыгнуло множество маленьких человечков. Поспешив к нему, они забросали его еловыми шишками, начали кривляться и бить его по ногам колючками и репьем. Леснику пришлось защищаться, но карлики были настолько проворны, что это он делал с трудом. Посреди толпы карликов стоял маленький человечек с белоснежной бородой, командовавший остальными. В конце концов лесник, видя, что он ничего не может поделать, вернулся в свой дом.

После этого на горе Хюбихенштайн поднялся великий шум, огромное число маленьких человечков по железным лестницам со всех сторон направились вверх к вершине. У каждого из человечков в руке была яркая шахтерская лампа. Некоторые из человечков были молодыми, другие — старыми, со спутанными, как у медведя, космами. Первым взошел на гору маленький человечек с белоснежной бородой, достававшей ему до груди. Он держал в руке серебряную шахтерскую лампу, сверкавшую как яркое солнце; на его голове была золотая корона. Он отдавал команды другим гномам и был их королем; это был Гюбих.

Поднявшись на вершину, он сказал сыну лесника: «Кто надоумил тебя подниматься на мою скалу? По всей справедливости я должен бы сбросить тебя к подножию, чтобы ты кончил свою жизнь так, как и все остальные; но я питаю сочувствие к твоему отцу, поскольку он — в высшей степени достойный человек».

После этого Гюбих освободил молодого человека и приказал ему спуститься по лестнице — но у парня отказали ноги. Тогда Гюбих направил к нему одного из своих людей; тот взял юношу на плечи и с невероятной легкостью отнес вниз. Когда они спустились и карлик поставил молодца на ноги, Гюбих взял юношу за руку и провел в подземный дворец, находящийся под горой Хюбихенштайн. Они вошли в помещение, стены которого блестели галенитом⁷², в качестве потолка служила огромная пластина белого как снег тяжелого шпата, с которой свисала огромная люстра, сверкавшая хрусталем и огромными драгоценными камнями. Пол был устлан еловыми ветками, стены блистали золотом и самоцветами. В середине комнаты стоял стол из коричневого гематита⁷³, перед которым располагалось серебряное кресло. Король гномов опустился в это кресло и предложил сыну лесника сесть рядом с ним. После этого он ударил серебряным молотком по столу, который откликнулся столь сладостным и мелодичным звуком, какого никогда не слышали на земле. Тут явилась целая тысяча крохотных женщин, принесших клубнику и малину, которой Гюбих угостил сына лесника. После этого оба поговорили, а маленькие мужчины и женщины тем временем играли какую-то музыку. Когда трапеза завершилась, Гюбих вновь ударил по столу серебряным молотком, и прежде чем отголоски звона успели умолкнуть, маленькие женщины внесли сосуды из литого серебра с питьем, которое Гюбих предложил юноше. Тот отведал питья и понял, что ничего более вкусного ему еще не приходилось пить.

Когда сын лесника таким образом подкрепился, Гюбих провел его в другое помещение, в котором стоял большой медный пивной бак, полный гульденов, столь ярких, как будто их только что отчеканили.

Гюбих сообщил молодому человеку, что тот видит собранные его подданными сокровища; что он помогал многим беднякам и не является врагом людей, но те должны оставить его в покое. «Если ты ныне окажешь мне услугу, — добавил он, — то не расквешься в этом. Знай, что пока *Большой* Хюбихенштайн остается *Большим*, я буду

править на нем и ходить по земле; но когда Большой Хюбихенштайн сделается *Малым*, я утрачу корону и смогу править только под землей. Сейчас люди стреляют ястребов и канюков над склонами Хюбихенштайна. И я не могу выносить этого, потому что когда они бросают камень, от него откалывается частица. Потому ты должен проследить, чтобы никто не брал отсюда камни. Тогда ты станешь богатым человеком и сможешь взять из медного бака столько, сколько захочешь». Сын лесник пообещал исполнить желание Гюбиха и дал в этом слово. Взяв гульдены из медного бака, он наполнил ими свои карманы и шапку. После этого Гюбих провел его в другое помещение, в котором находилось покрытое мхом ложе, убранное с большой тщательностью. Гюбих сказал юноше, что разбудит его рано утром, и пожелал ему спокойной ночи. Юноша долго не мог заснуть, но, проснувшись, увидел, что уже брезжит рассвет. Оглядевшись вокруг, он увидел, что лежит у подножия Хюбихенштайна, рядом находится шляпа с золотыми монетами, а в его карманах также полно золота.

О своем приключении он доложил властям, после чего раздал часть доставшихся ему монет бедным и построил церковь в Гронде, где до этого не было ни одного храма. Власти издали распоряжение о том, что впредь никому не разрешается подниматься на Хюбихенштайн и что на его склонах запрещается охотиться на соколов, канюков или воронов. И пока Большой Хюбихенштайн оставался *Большим*, Гюбих пребывал под горой, творил добро и наказывал зло. В те времена его видели многие люди.

Однако во время Тридцатилетней войны солдаты забавы ради снесли вершину Большого Хюбихенштайна артиллерийским обстрелом — и с того времени Гюбиха больше не видели.

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛОВАЯ ШИШКА

Много-много лет тому назад в Гронде жил шахтер, который хранил у себя в шкафу еловую шишку из чистого серебра. Она казалась точно такой, как если бы выросла на дереве. Однажды его спросили о том, как такое сокровище могло достаться простому горняку? Шахтер рассказал на это следующую историю.

Его прадед был тоже шахтером. Однажды он проболел много недель и оказался едва ли не на пороге смерти. В то время шахтерам не платили по болезни — этот обычай появился позднее. У него было семеро детей, так что в доме стало не хватать хлеба — как, впрочем, и всего прочего. Однажды жена шахтера стояла перед дверью и думала о том, что она может сделать. В конце концов она решила отправиться в лес и набрать корзину еловых шишек, чтобы продать их и выручить хотя бы несколько грошей. Она отправилась в лес и задумалась о своей печальной судьбе так, что слезы покатались из ее глаз. В конце концов она села и заплакала, закрыв глаза руками. Посидев так немного, она подняла глаза и увидела стоявшего перед ней невысокого старичка с белоснежной бородой в необычном наряде. Было件нятно, что он уже довольно долго глядит на нее. Старик спросил о причине ее горя; она ответила, что он не сможет ей помочь. Однако старичок дружелюбным тоном сказал, что не стоит судить по внешности, и что она может открыть ему истинную причину своего горя. Тогда она рассказала, что муж ее уже давно болеет, что у них семь детей, а в доме не осталось уже и крошки хлеба, что они заложили или продали все, что было можно, и что владелец дома собирается выгнать их из-под своего крова — и, наконец, то, что она отправилась в лес за еловыми шишками, чтобы купить себе немного хлеба. После этого маленький человечек стал ее

утешать и сказал, что все будет хорошо и что, если ей нужны действительно хорошие еловые шишки, нужно сходить к горе Хюбихенштайн и ничего не бояться. После этого он пожелал ей доброго утра и удалился в заросли.

Женщина отправилась к Хюбихенштайну и, поставив корзинку на землю, начала искать еловые шишки. И едва она приступила к поиску, как вокруг нее посыпались шишки, словно бы какие-то мальчишки начали трясти на нее ели по наущению белобородого старика. Женщина торопливо схватила корзину и поспешила прочь, побоявшись, что шишки выбьют ей глаза. Но ее страхи оказались беспочвенными, поскольку шишки-то падали ей прямо в корзину, однако она пребывала в таком страхе, что не замечала, что происходит вокруг. Покинув Хюбихенштайн, она направилась в другое место, где набрала шишек, хотя их и так уже было довольно. Повернув к дому, она заметила, что корзина с каждым шагом становится все тяжелее и тяжелее, так что ей пришлось не один раз отдохнуть, пока она не добралась до дома. Происшедшее, однако, не вызвало у нее никаких подозрений. Дойдя до дома, женщина высыпала корзину под навес, чтобы вернуться в лес за новыми шишками. Но к ее невыразимому изумлению, из корзины посыпались шишки из чистого серебра. Женщина усомнилась в том, что получила серебро праведным путем. «Кто знает, — подумала она, — не был ли этот человек самим сатаной?» Она рассказала мужу обо всем, что с ней приключилось, описала маленького человечка и спросила, могут ли они оставить себе шишки? Муж ответил, что могут, а человек — это, вне сомнения, Гюбих, который помогал многим беднякам.

На следующее утро шахтер не позволил жене остаться дома и снова послал ее в лес, чтобы она поблагодарила Гюбиха, если ей доведется встретить его. Так и случилось: не успела женщина дойти до прежнего места, как увидела маленького белобородого человечка, который спросил — не находила ли она вчера красивых шишек? Тут она начала благодарить его, говорить, что он избавил ее от всех забот. Гюбих рассмеялся и дал ей букетик трав, сказав, чтобы она сделала из них отвар для своего мужа, выпив который он выздоровеет. После этого он снова ушел в чащу. Женщина вернулась домой, приготовила отвар, и с этого часа муж ее выздоровел, и они вместе прожили долго и счастливо. Серебро они отнесли на монетный двор, несказанно разбогатели и сделали много добра бедным людям. А одну из шишек сохранили на память — ее-то горняк и держал в своем шкафу.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ПРУД

В деревне Моринген, около Геттингена, есть сад, в котором находится пруд под названием Опфертейх. В прежние времена рядом с ним, под большим дубом, устраивались народные собрания. Поскольку у дуба совершались жертвоприношения, пруд получил название Опфертейх — «пруд жертвоприношений». Пруд был очень глубоким и в него не текло даже ручья, но питали подводные источники.

Говорят, что каждый год на Рождество с двенадцати до часа ночи из глубин его слышен звон колокола.

Рыцари Храма, в прежние времена обитавшие здесь, однажды отлили новый колокол и повесили его на существующую поныне колокольную. Однако они забыли перед этим освятить колокол и окрестить согласно древнему обычаю. В первый раз они решили ударить в колокол перед совершением мессы в Рождественский сочельник. Но не успели они зазвонить в него, как неведомая сила сорвала колокол и вынесла его через

окно колокольни в пруд. Там он лежит и по сей день, но в каждый канун Рождества поднимается к поверхности, звонит и снова уходит на дно. В воде этого пруда не заводится никакая рыба.

КОЛОКОЛ В КОЕНХАУЗЕНЕ

В церкви Кoenхаузен, в графстве Дассель, есть колокол, на котором имеется следующая надпись: «Зову живых, оплакиваю мертвых и прогоняю грозу». Местные жители с незапамятных времен очень доверяются своему колоколу, считая, что если он зазвонит в грозу, гром прекратится.

ДЕТИ ГАМЕЛЬНА

В 1284 году город Гамельн подвергся нашествию крыс. Однажды в этот город неизвестно откуда пришел необычно одетый человек. Он объявил себя ловцом крыс и предложил за определенную сумму избавить город от этих вредоносных животных. Власти города согласились на его предложение и пообещали выдать требуемое вознаграждение. После этого человек вынул дудку и начал на ней играть. Тут же к нему из всех домов, закоулков и подвалов повалили крысы, причем в таком количестве, что заполнили собой все улицы. Неизвестный направился к воротам, выходившим на дороги к Лахему и Аэрцену и, дойдя до Везера, подоткнул свою одежду и пошел в реку. Следуя за ним, крысы бросились в реку и утонули. Но едва неизвестный избавил город от напасти, городские власти объявили его чародеем и не пожелали расплатиться с ним. Неизвестный пришел в ярость и поклялся отомстить горожанам.

26 июня, в день Св. Иоанна и Св. Павла, когда всякая христианская душа находилась в церкви, этот колдун появился снова, но на сей раз в другом наряде. Он был одет как охотник, с красной, как огонь, шляпой. Он заиграл прекрасную мелодию, которая буквально завороживала в городе всех детей, и они последовали за колдуном. Тот неторопливо прошел по узким улицам, направляясь к восточным воротам, а за спиной его уже собралась толпа детей. Оказавшись за воротами, он повернул к горе, носившей имя Коппельберг, и исчез в ней вместе с детьми.

Свидетельницей этому оказалась какая-то нянька, которая рассказала, что гора отворилась и, как только в нее вошли колдун и дети (числом в сто и тридцать душ), закрылась снова. Позади осталось только двое детей: слепой, который мог рассказать лишь о том, что слышал, и немой, способный только показать пальцем в ту сторону, где все произошло. Отцы и матери детей бросились к восточным воротам, однако когда они прибежали к горе, на ней осталась лишь маленькая ложбинка в том месте, куда ушел колдун.

Улица, по которой чародей вел детей, называется Бунгенштрассе, поскольку на ней нельзя ни играть музыку, ни бить на барабанах (*Bunze*). Если по этой улице следует свадебная процессия, музыканты должны прекратить игру. Через несколько лет после этого печального события на поросшей колючим кустарником горе Коппельберг поставили два креста в память о случившейся трагедии. На стене одного дома на Бунгенгассе — так же, как и во многих других местах города, где в камне, где в дереве, — остались изображения произошедшего события, выполненные как из камня, так и из дерева. На протяжении долгого времени даты общественных документов в Гамельне проставлялись в отсчете от этого несчастья.

С этим событием связано многое. Grimm, J. & W., Deutsche Sagen, i, p. 330.

БЕЛЫЕ ПРИЗРАКИ В ЛЮНИНГЗБЕРГЕ

У горы Люнингзберг, около Аерцена, среди зеленых рощ есть много красивых, ровных, покрытых травой полян. Много лет назад «белые призраки» часто играли на них ночью в кегли. При этом они использовали золотые кегли и золотые шары. По всей видимости, это было удивительно зрелище, когда в ночной тьме поблескивающие шары быстро неслись по ровной зеленой земле, кегли падали с чистым музыкальным звоном — а луна, яркая и полная, стояла над лесом в синих небесах и освещала дубы, песчаные берега и еловые деревья, окружавшие таинственную площадку для игр. Когда кегли с мелодичным звуком падали, просыпались маленькие пестрые птицы с ярким оперением и любопытными глазками поглядывали с деревьев; зайцы, косули, лисы и барсуки подходили поближе, чтобы взглянуть — и все вели себя при этом мирно. Призраки горы Люнингзберг долго играли в свои игры — и никто им при этом не мешал. Народ в Аерцене мог бы много рассказать о золотых шарах и кеглях, но ни одна живая душа не отваживалась отправиться ночью в лес — страх был слишком велик.

Однако в городе жил странствующий ткач, который много попутешествовал по другим странам. Когда он вернулся домой, дочь мельника Анна оказалась милей его сердцу, чем все, что ему довелось повидать в мире. Однако и ткач, и дочь мельника были очень бедны и потому не могли пожениться. Генрих, так звали ткача, был отважным молодым человеком, и скоро в его голове созрел смелый план. «Я отправлюсь в Люнингзберг, — сказал он, — и когда призраки ночью будут играть в свои золотые кегли, возьму одну из них». И вот одной тихой ясной ночью он незаметно прокрался через кустарники и поля к заветному лесу. И вдруг сердце его стремительно заколотилось. Оказавшись на заросшей травой поляне, он стал свидетелем всего, что происходило на ней. Ткач увидел, как маленькие белые привидения быстрыми, как молния, движениями бросали блестящие шары по зеленой земле, как с мелодичным звоном падали золотые кегли; увидел, как лисы, барсуки, косули и зайцы мирно сидели вместе, а веселые птицы радостно прыгали между ветвей. Ткач пригнулся в кустах поближе к земле, чтобы его не обнаружили привидения, — и в то же время приближаясь все ближе и ближе к блестящим кеглям, пока наконец одна из них едва не оказалась неподалеку. И в этот миг сильный удар шара послал кеглю прямо в куст, в котором прятался ткач. Он схватил кеглю, выкрикнув «Анна! Анна!», и со своей драгоценной ношей, задышавшись, поспешил на опушку леса. Но привидения услышали его восклицание и поняли, что кегля украдена. Несколько секунд они оплакивали свою потерю, а затем, вне себя от ярости, бросились за дерзким смертным, чтобы отомстить ему. Однако Генрих достиг луга, который лежал ниже Люнингзберга, и поспешил по направлению к старому и гнилому древесному стволу, переброшенному через Хумме вместо моста. Призраки уже были совсем близко, он слышал их дыхание, по его коже бежал мороз, и он неправильно выбрал тропинку, но не пал духом и прыгнул в Хумме — на собственное счастье! «Тебе повезло! — крикнули ему вслед привидения. — В воде мы не имеем силы; а на древесном стволе схватили бы тебя и свернули шею».

Не смея вздохнуть, Генрих добрался до противоположного берега, с которого он увидел стайку похожих на сгустки тумана привидений, бежавших по берегу взад и вперед, не находя места для переправы.

Скоро Генрих и Анна сыграли веселую свадьбу. Генрих купил старый дом, снес его и построил новый на его месте. С этого времени призраки исчезли с горы Люнингзберг.

Однако то место на горе, где они играли с золотыми кеглями, показывают и по сей день. И когда мальчики и девочки из этих мест проходят мимо дома на горе Мюльбах, перед которым стоит большая сосна, они шепотом говорят друг другу: «Это дом, который был построен на золотую кеглю призраков горы Люнингзберг».

РОЗА ХИЛЬДЕСХЕЙМА

Однажды император Людовик Благочестивый⁷⁴ на охоте потерял крест с реликвиями. Обнаружив пропажу, он послал своих помощников во все стороны на поиски бесценного сокровища. Кроме того, он дал клятву построить церковь на том месте, где будет найден крест. Пройдя по следам охотников, его люди нашли в глубине леса, в снегу, крест, повисший на цветущем кусте дикой розы. Они сообщили об этом чуде императору, и тот немедленно отдал распоряжение воздвигнуть церковь и поставить алтарь точно на том месте, где был найден крест. На священном месте выросли очень красивые розы — и сейчас они, подобно виноградным побегам, покрывают своды собора до самой крыши.

КУЗНЕЦ ИЗ ХЮГГЕЛЯ

Неподалеку от Оснабрюка находится Хюггель, в прежние времена изобиловавший серебром и золотом. Жители окрестных сел рассказывают о множестве чудес, связанных с просторной пещерой, находящейся в этой горе.

Проходящая между скал дорога ведет через ущелье к деревне Хаген, где в незапамятные времена жил кузнец, не похожий на других людей, но тем не менее всегда снабжавший своих клиентов превосходными изделиями. Кузнец этот был преданным мужем, заботливым отцом, всегда думал о своих слугах, помогал другим людям, и никогда не позволял бедному страннику пройти мимо своего дома без подаяния. Но однажды в воскресенье его жену, возвращавшуюся из церкви, насмерть убила молния. После этого кузнец впал в отчаяние, стал святотатствовать, не хотел слышать слов утешения и даже не желал видеть своих детей. По прошествии года на него напала смертельная болезнь, и когда кузнец был уже на смертном одре, к нему явился незнакомец с длинной белой бородой, который провел кузнеца в пустую расселину Хюггеля, где ради спасения души и очищения от грехов ему предстоит скитаться и пребывать в качестве «короля металла» до того времени, пока весь металл в горе не будет выработан. Днем кузнец должен был отдыхать, а днем — делать добро земной братии.

В холодной шахте к кузнецу вернулись его доброжелательное настроение и деятельный характер. Он знал, что золото и серебро не могут сделать человека счастливым, и потому начал добывать из бедных неиспользованных жил более полезное железо. Говорят, что он изготовил из железа много домашних и сельскохозяйственных инструментов. Потом он ограничился изготовлением подков. Перед пещерой был поставлен столб, к которому крестьяне привязывали неподкованных лошадей, не забывая, конечно, класть обычную в таких случаях плату под большим камнем, что лежал поблизости. Но самого кузнеца никто никогда не видел, и его никто не тревожил в его пещере⁷⁵.

Однако некий шустрый молодой, подгоняемый жадностью парень однажды решил проникнуть в пещеру. Он зажег свою шахтерскую лампу, взял охапку веток под руку и прошел внутрь. Ему пришлось выбирать между двумя дорогами — направо и налево. К счастью для себя, он выбрал правую. Однако запас веток, которыми он отмечал

путь, в конце концов закончился. Тем не менее он не захотел возвращаться назад, за новыми ветками. В конце прохода он увидел железную дверь, дважды с силой ударил по ней молотком, и она распахнулась — однако ветер, что дунул при этом из двери, погасил огонь. «Войди», — выкрикнул ясный резкий голос, от которого парню стало не по себе. Как замороженный, он сделал шаг вперед. С куполообразного свода и со стен шел необычный свет. По массивным колоннам и гладким стенам взад и вперед скользили странные подрагивающие силуэты. «Король металла» сидел на большом валуне из чистого серебра посреди большого числа уродливых духов и прислужников по обе стороны от него. Перед ним лежала большая куча сверкающего золота. «Подойди, друг, — воскликнул тот же резкий голос. — Сядь со мной рядом». Рядом с королем оказалось свободное место, но это, казалось, не обрадовало гостя. — «С чего это ты стал таким скромным? Смелее, ничего с тобой не случится. Как ты вошел, так ты и выйдешь, к тому же я дам тебе хороший урок. Если ты усвоишь этот урок, сможешь что-нибудь сохранить, но если не усвоишь, то потеряешь. Встань возле этого стола». Смертельно бледный парень нетвердыми шагами двинулся к столу. «Ты не смирился с пропажей всех твоих пожитков, — продолжил «король металла», — и стал распутничать, пренебрегать своей работой и искать запретных сокровищ. Откажись от своего упрямства, и превратишь камни в золото; отбрось спесь, и в твоих сундуках в изобилии появятся золото и серебро. Ты желаешь получить неисчислимые богатства немедленно, без труда. Но подумай, насколько это может оказаться опасным и как часто кончается ничем. Лучше займись своим полем и садом, обрабатывай свой луг и свои холмы — и заработаешь себе шахты с золотом и серебром».

Когда «король металла» это говорил, было слышно карканье ворон, а также шипение и крики ночных сов. Когда он закончил свою речь, на парня обрушился ураганный ветер, которые повлек его за собой через темные, мрачные проходы. Когда парень снова очутился на открытом воздухе, он поклялся последовать совету старого Хюгельмана и никогда больше не появляться в его пещере.

Некоторые рассказывают, что скверный нрав все-таки вернулся к Хюгельману: он уже не был по-доброму расположен к крестьянам и стал часто бросать в воздух раскаленные докрасна плужные лемеха, что наводило на людей страх. Из этого они заключили, что серебряная шахта почти иссякла.

ОЛЕНИЙ ВОР

В Гарце когда-то жил неисправимый браконьер, который охотился на оленей. И всякий раз, когда, по слухам, в каком-то месте видели дичь, он сразу загорался желанием ее украсть. Однажды он узнал, что в Малом Клаустале в полночь Страстной пятницы является косуля с олененком, в которую никто не смеет выстрелить, он только рассмеялся и назвал такое поведение суеверным. И вот перед самой Пасхой в одной веселой компании, когда разговор зашел о косуле из Малого Клаустала, парень с усмешкой произнес: «Предлагаю заклад, что застрелю косулю с ее олененком и пообедаю ими в праздник Пасхи!» Приятели попытались отговорить молодца от этой затеи, но тщетно, и потому на Страстную пятницу он направился в Малый Клаусталь. Дойдя до пруда, он увидел залегший над землей густой туман, полностью скрывавший воду. Из тумана доносились звуки, напоминавшие одновременный шепот большого количества человек. Казалось, из тумана то тут, то там выплывают какие-то странные фигуры. Однако ни-

что не указывало на опасность. Парень обошел пруд и спрятался за кустом у начала долины. Едва он это сделал, появилась косуля с детенышем. Охотник убил олененка одним выстрелом. Когда тот упал, парень выпрыгнул из своего укрытия, связал ноги животного, перебросил тушу через плечо и повернул в обратный путь. Когда он дошел до пруда, на месте того оказалась ярко освещенная церковь. Изнутри доносились песнопения и звуки органа. «Весьма странно, — подумал парень. Однако придется зайти». Войдя в церковь, он обнаружил, что она полна народа, но все присутствующие выглядели так, словно бы столетия пролежали в могиле. Одеты они были по совершенно неведомой ему моде. Парень поприветствовал собравшихся, но ему никто не ответил, лишь некоторые кивали, но другие качали головами, делая знаки друг другу, и указывали на него пальцами. Свечи на алтаре и в канделябрах горели синим светом, синий огонь трепетал и над стоявшим над алтарем потиром. Перед алтарем появился священник, однако слова его были непонятны человеку земному; казалось, что ветер и гром заполнили все помещение; изо рта священника выходило голубое пламя. Внезапно в церкви раздался треск, словно земля раскололась на части. После этого священник показал на парня и воскликнул: «Проклятый нарушитель Субботы!» — и духи тут же двинулись к нему, завывая эти же слова. Парень со всех ног бросился из церкви, обеспамятев от ужаса. Дверь за ним захлопнулась, отбив его каблуки. Добравшись до дороги, он повалился на землю и так пролежал до утра. Когда он пришел в себя, пруд оказался на своем месте, но убитый олень исчез. Парень чувствовал себя смертельно больным и едва смог дотащиться до дома. Пролежав девять дней, он обрел способность рассказать о своем приключении, а потом скончался.

ФРАЙШЮТЦ (ВОЛЬНЫЙ СТРЕЛОК)

В прежние времена в Целлерфельде жил егеря, который был вольным стрелком. Во время своего ученичества он был весьма неудачен в стрельбе, что очень его печалило и обескураживало. Однажды он горестно бродил по округе и уже почти решил порвать с любимым занятием, как вдруг встретил одетого в зеленое платье человека, который спросил, почему он так печален. Когда молодой человек все ему рассказал, человек в зеленом произнес: «Если тебя печалит лишь это, все можно легко поправить, требуется только немного смелости. Я укажу тебе дорогу, товарищ. Иди к причастию, прими тело Господне, но не глотай, а когда выйдешь из церкви, возьми свое ружье, иди в лес, прибей облатку к дереву и выстрели в тело Господне три раза, говоря, что делаешь это именем дьявола. Если ты это сделаешь, то сможешь стрелять хоть в синее небо — ты всегда принесешь домой то, что пожелаешь»⁷⁶. Молодой человек дал себя уговорить, и именно это ему дало возможность стать известным вольным стрелком. Он часто охотился просто ради спорта, а иногда в долгие зимние вечера, собрав компанию, он спрашивал остальных, что они хотят отведать — жареного зайца, молодого оленя или куропатку. После этого он брал свое ружье, стрелял из окна и говорил: «Идите в сад», «Идите во двор» или «Возьмите с улицы». Дичь всегда обнаруживалась в том месте, которое он указывал. Иногда он спрашивал: «Где положить добычу?» — и каждый раз она оказывалась точно в указанном месте.

Некий человек однажды попросил егеря поделиться с ним его искусством, — но тот не мог этого сделать, поскольку поклялся никого не учить, чтобы не утратить свой дар. Егеря оставался метким стрелком на протяжении многих лет. Но наступило время,

когда ему пришлось лечь на смертный одр. Внезапно он поднялся, с ужасом посмотрел через открытое окно и выкрикнул: «Нет, дьявол! Еще нет! Ты меня еще не возьмешь!» Но какой в этом был смысл? Выкрикнув эти слова, он упал замертво. Шея его оказалась свернутой набок, а вокруг нее шла синяя полоса, напоминающая синюю ленту. Тогда-то помянутый выше человек и рассказал о том, что произошло между ним и егерем.

ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ РОГ⁷⁷

В 990 году после Рождества Христова граф Отто⁷⁸ правил землей Ольденбург. Он очень любил травлю, и 20 июля вышеупомянутого года устроил охоту, вместе со множеством своих дворян и слуг. Сперва охотники отправились в поисках дичи в лес Бернефауер. Сам граф двинулся в погоню за молодым оленем и преследовал его в одиночестве от леса Бернефауер до Озенберга, полностью потеряв из виду своих слуг и спутников. Сидя на белом коне, он въехал на вершину холма и огляделся в поисках своих гончих, но не смог увидеть ни одной. Тогда он сказал себе (поскольку погода была исключительно жаркой): «О Боже! Если бы только кто-нибудь дал мне хотя бы глоток холодной воды!» И едва граф произнес эти слова, как Озенберг открылся и из пещеры вышла красивая дева в нарядном платье и украшениях. Светлые волосы рассыпались по ее плечам, а на голове был цветочный венок. Она держала в руке тонкой и искусной работы серебряный сосуд с позолотой в виде охотничьего рога, покрытый филигранными узорами, складывавшимися во множество полузабытых ныне гербов, и странными непонятными надписями, напоминавшими древние письмена. Рог был наполнен каким-то питьем, и дева протянула рог графу, предлагая ему освежиться.

Граф принял у девушки серебряный с позолотой рог, поднял его крышку и заглянул внутрь — но питье чем-то не понравилось ему, и он вернул рог деве. Тогда она проговорила: «Мой дорогой господин, поверь мне и выпей, поскольку питье не принесет тебе никакого вреда, а пользу сделает немалую». Она стала уверять графа, что если он выпьет напиток, то будет процветать и благоденствовать, а вместе с ним и дом Ольденбургов, и вся страна. Если же граф не отведаст питья, в будущем в доме Ольденбургов начнутся раздоры. Но граф не поверил ее словам — не без причины, — и не стал пить, а выплеснул содержимое рога за спину. Небольшая часть содержимого попала на шкуру его белого коня, и на этом месте волосы на ней высохли и отпали. Увидев это, девушка пожелала получить свой рог обратно, но граф, все еще держа рог в руке, направил лошадь вниз по холму. Обернувшись, он увидел, что девушка снова вошла в пещеру. Испытывая запоздалый ужас от того, что могло с ним приключиться, граф ударил лошадь шпорами и галопом направился к своим спутникам, которым пересказал то, что с ним приключилось. Граф и его наследники — принцы Ольденбургского дома — считали столь удивительным образом полученный рог большой ценностью, и его до сих пор хранят во дворце Ольденбургов, где я собственными глазами видел его. Многие восхищаются искусной работой и его древностью. Этот случай описан даже в «Ольденбургском летописце».

В «Notes and Queries», № 61, содержится следующее сообщение сэра Вальтера С.Требельяна, касающееся этого прославленного рога:

«Ольденбургский рог» хранится среди древностей в галерее короля Дании в Копенгагене. Он изготовлен из серебра с позолотой и украшен эмалью. Считается, что

он относится к датским древностям времен Христиана I и датируется последней половиной пятнадцатого столетия. На нем гравировкой нанесены гербы и надписи, из которых видно, что рог изготовлен для короля Христиана I в честь трех королей — или трех волхвов — на празднике которых король пользовался в Кельне этим рогом.

Надпись, содержащая имена трех «королей Кельна», судя по всему, не была чем-то необычным для подобных рогов. Так называемый Ольденбургский рог в наше время хранится как самое важное сокровище среди других представляющих интерес предметов в Копенгагене, в маленьком дворце Розенборг, построенном Христианом IV по проекту Инниго Джонса.

КУКУШКА И ПЛЕЯДЫ

Согласно одной древней легенде, кукушка некогда была служанкой пекаря, и с той поры ее серовато-коричневое оперение кажется обсыпанным мукой. В голодные времена эта женщина воровала часть теста, приносившегося бедными людьми в пекарню и, вытаскивая уменьшившиеся хлебы из печи, обычно кричала: «Gukuk!» (смотри, смотри!). Наш Господь наказал ее за воровство, превратив в птицу, которая повторяет этот крик. Отсюда стих:

Kukuk, beckenknecht⁷⁹,
sag mir recht
wie viel jahr ich leben soll?

*Куку, пекарь, скажи мне точно:
Сколько лет мне осталось жить?*⁸⁰

В Дитмаршене вопрос «Сколько лет осталось жить?» задают кукушке следующим образом:

Kukuk in Häwen,
Wo lang' schal ik läwen?
Sett dy in de gröne Grastyt
Un tell myn Jaerstyt.

*Кукушка в небесах,
Сколько мне осталось жить?
Сядь на зеленую травушку,
И поведай мне число моих лет.*

В Лауенбурге:

Kukuk
Spekbuk,
Ik dir dy:
Seg my doch,
Wo väel Joe
Law' ik noch?

*Кукушка,
Толстое брюшко,
Я прошу тебя:
Скажи мне сейчас,
Сколько лет
Я буду еще жить?*⁸¹

О происхождении Плеяд рассказывают следующее. Однажды Иисус проходил мимо лавки пекаря, из которой пахло свежим хлебом, и послал одного из учеников попросить краюху. Пекарь ответил отказом, однако его жена, окруженная своими шестью дочерьми, тайно дала ученику Христа краюху хлеба. За это доброе дело они были помещены на небо в виде семи звезд. Пекарь же был превращен в кукушку, которой суждено

куковать весной со дня Св. Тибуртия (14 апреля) до дня Св. Иоанна (24 июня) — то есть все то время, пока на небе видны эти семь звезд⁸². По всей Европе ходит немало легенд о кукушках.

СЕВЕРОГЕРМАНСКИЕ ПРЕДАНИЯ И СУЕВЕРИЯ⁸³

МАСЛЕНИЦА

Неподалеку от Меллина, в Альтмарке, принято заспавшихся на Масленицу выгонять из кровати прутьями. Тот, кого подняли таким образом, должен после этого угощать пробудивших его, потому люди здесь стараются подняться как можно раньше⁸⁴.

В Ильзебурге, в Гарце, в канун Нового года и в Масленицу молодежь ходит по улице в карнавальных костюмах и старается произвести как можно больше шума. В канун Пепельной среды в этих местах также пекут пирожки треугольной формы. В некоторых частях Тюрингии, по соседству с Валлхаузенем, эти пирожки имеют квадратную форму и называются крёппелями. На Масленицу по всей Марке пекут блины. В окрестностях Альтенбурга и в некоторых местах Гарца в канун Пепельной среды не прядут, чтобы не пришла фрау Холле. Некоторые, впрочем, опасаются не прихода фрау Холле, а неприятностей со скотом. В некоторых деревнях считают, что если прясть во вторник на Масленной неделе, между двенадцатью и часом, фру Холле придет и сядет на гребень для чесания. На прялке тех, кто будет прясть, ставят маленькую куклу.

В некоторых деревнях вокруг Киффхойзера изготавливают — чаще всего молотильщики — небольшие фигурки, несущие цеп, грабли или меры измерения: бушель или восьмую часть бушеля. Их они ставят на стол и обменивают на подарки. Этот обычай вымирает, поскольку жандармы объявили его пережитком язычества.

В Стендале на Масленицу едят кислую капусту и копченые колбаски (*Knackwurst*). В Басуме, около Оснабрюка, в Масленицу устраивается бросание в петухов⁸⁵.

СРЕТЕНИЕ

Если в Сретение солнце светит на алтарь, это обещает наступление новой зимы. В Альтмарке многие считают, что в Сретение нельзя прясть.

ПАСХА⁸⁶

Почти повсюду в Северной Германии в Пасху играют в мяч. В Ленсберге, на Вате, празднуют *Osterball*, пасхальный мяч. Праздник начинается с того, что вокруг города под радостные крики присутствующих проводят нарядно обряженного осла с всадником на спине.

В Камерне, на Эльбе, принято, чтобы парни и девушки отдельно друг от друга за два воскресенья до Пасхи проходили перед домами тех, кто женился в предшествующий год, причем первые требовали *Kliese*, деревянный мяч, а последние — *Brautball*, или мяч невесты, большой и сделанный из кожи. На второй день Пасхи юноши и девушки снова появляются перед дверями, произнося определенные нескладные стихи. Игра в мяч проводится с *Kliese*, в ней каждый участник стремится отогнать мяч от своей ямки. Мяч невесты гоняют вперед и назад, пока он не разорвется на части.

В Варте, в Укермарке, в первый день Пасхи парни гуляют, стегая девушек прутьями. За это они на второй день праздника должны давать девушкам рыбу и картошку. На парнях лежит обязанность обеспечивать музыку для танцев.

Во многих местах на Пасху раздают раскрашенные яйца, особенно детям; в некоторых местностях катаются с гор, а после катаний устраивают гонки.

Во многих местностях разжигают пасхальные огни; особенно любят делать это в Северном Гарце (изредка и в Южном Гарце), в Альтмарке, Брунсвике, Ганновере и Вестфалии. Обычно костры разжигают на определенных возвышенностях и холмах, получивших поэтому название *Osterberge* — пасхальная гора. Манера празднования зависит от обстоятельств. Там, где есть покатые склоны, вниз пускают зажженные бочки со смолой. В шахтерских городах Гарца в канун Пасхи обычно устраивают большие костры, окружая дерево валежником и поджигая. В Грунде бегают с зажженными факелами.

Если в Пасху нужно набрать воды, это следует делать только из бегущего источника и против течения, причем во время между полночью и рассветом. В Свинемюнде было принято набирать воду *по потоку*, приговаривая определенные слова. В деревнях вокруг Вольдегга, в Мекленбурге, служанки приносили воду в пасхальное утро или предыдущим вечером. Утром в Пасху они расстилали полотняные одежды в саду и умывались росой — а также дождем или снегом, если они падали с неба. Считалось, что это предохраняет от болезней на весь последующий год. В Сахсенбурге, в Унштруте, верхом на лошадях въезжали в воду; после этого лошади не должны были болеть весь год. Пасхальная вода считалась полезной только если при наборе ее ветер дул точно с востока.

Если в Страстную пятницу лил дождь, считалось, что в течение года будет три засухи.

В Страстную пятницу после заката следовало плести венки и вешать их на дома; это должно было отвращать молнии. Такое поверье существовало в Нойкирхене около Хемница.

В Страстную пятницу нельзя было ходить в сад, в противном случае в саду заводились гусеницы. Это поверье бытовало в Стендале.

В Великий четверг (на Страстной неделе) следовало есть зеленую кормовую капусту.

В деревнях около Каммина сельские парни на Пасху охотились на белок. Они отправлялись в лес и, обнаружив белок, гоняли их палками и камнями по деревьям, пока зверьки не падали замертво.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

У детей повсеместно существует обычай подшучивать друг над другом первого апреля. В Берлине детей посылают в аптеку за крабьей кровью или комариным жиром. Шутки продолжаются до конца месяца.

МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК

Как только появляется первый предвестник весны, молодежь Берлина выходит из ворот города, чтобы ловить майских жуков и собирать лютики. И тех и других они обменивают на булавки. Майскому жуку потом позволяют лететь дальше, припевая при этом:

Maikäferchen fliege,
Dein Vater ist im Kriege
Deine Mutter ist in Pommerland
Pommerland ist abgebrannt!
Maikäferchen fliege.

Майский жук, лети,
Твой отец на войне,
Твоя мать в Померании.
Померания вся горит!
Майский жук, лети.

В Северном Гарце считают, что первого мая на горе Блоксберг пляшут ведьмы. В канун Вальпургиевой ночи на Блоксберге пляшет вместе с гномами великан, то есть дьявол танцует с ведьмами. Во многих местах есть поверье, что если ведьмы вернуться на двенадцатый день, будет бесснежная зима.

Если девушки до первого мая ни разу не прикоснутся к земле лопатой, им придется ставить в огороде *вальбурга*, то есть чучело, снабженное лопатой. Этот обычай существует в Укермарке и Миттельмарке.

Если какой-нибудь человек желает знать, какую жену ему суждено иметь, он должен отправиться в Вальпургиеву ночь верхом на метле в конюшню и трижды постучать, после чего ему следует перейти к свинарнику и прислушаться к тому, какая свинья хрюкает — старая или молодая. Его жена будет соответственно старой или молодой. Такой обычай существует в Хасслебене.

В Рождественскую ночь, в ночь под Новый год и в Вальпургиеву ночь не следует ложиться в постель, иначе придут ведьмы и заколдуют лежащего. Такое поверье существует в Ройене.

В канун Вальпургиевой ночи нельзя дразнить кота, нельзя и пускать кота в дом — он может оказаться ведьмой⁸⁷.

Если какая-либо женщина, надевая нижнюю юбку, опускает сначала ее заднюю часть, то ее не заколдуют ведьмы.

Если кто-либо ходит неумытым в пятницу, ведьмы могут взять над ним власть.

Тот, кто хочет увидеть ведьм, должен взять с собой яйцо, отложенное курицей в Великий четверг, и поставить его на перекрестке. Он также может отправиться в церковь на Страстную пятницу, но перед благословением быстро выйти. В Бергкирхене один человек однажды так и поступил. Он увидел трех ведьм, одна из которых была с горшком воды, другая с колесом от прялки, а третья с ситом для зерна. Все они занимались своей работой во время службы⁸⁸.

На Рождество, Новый год и Михайлов день ведьмы отправляются верхом в Блоксберг. А в два следующих воскресенья они посещают церковь, где их может увидеть всякий, кто захватит с собой рожь с трех полей. Некоторые из них будут с корытами для масла, другие — с подойниками на головах. Но он должен выйти из церкви до благословения, иначе ведьмы тем или другим способом его околдуют. Это поверье распространено в Гюссельде в Альтмарке.

В ночь на первое мая ведьмы ездят на хвостах сорок в Блоксберг; сорок не видно первого мая по той причине, что они еще не вернулись. Это поверье распространено в Гюссельде.

Тот, кто хочет увидеть ведьм, должен выйти на перекресток в ночь на первое мая, вырезать кусок дерна и положить себе на голову. Тогда ему не будет никакого вреда⁸⁹. Это поверье распространено в Шарцфельде.

Когда в кровати находят комки перьев, считается, что внутри них сидят ведьмы. Они приходят первого мая перед рассветом, и их часто видят на Селедочном рынке в

Эмдене. Когда ведьма путешествует, твердое, как кремь, тело ее остается в постели. Такое поверье распространено в Моорхаузене около Ойриха.

В Сатерланде некоторую разновидность плесени называют ведьминым маслом⁹⁰.

ТРОИЦЫНА НЕДЕЛЯ

В Саннене срезают ивовые ветви за две недели перед Пасхой, после чего производится соревнование борцов. Победитель его провозглашается королем; от людей маленького роста, которые не могут подняться на лошадь без посторонней помощи, он получает деньги на упряжь и седло.

В Штапеле Троицыну иву срезают на третий день Пасхи. В Троицыну неделю устраивают бег наперегонки. Победитель объявляется королем, оставшемуся последним приходится нести грязные тряпки, с помощью которых смолят кнуты. После этого устраиваются лошадиные скачки, победитель которых может занять почетное место. Тому, кто упал с лошади, приходится нести просмоленные тряпки.

В Блюменхагене, около Виеррадена, в канун Троицыного дня конюхи в такт шелкают кнутами. В первый день праздника происходит так называемая *Kantenreiten*⁹¹. Небольшой каравай белого хлеба (*Weck*) ставится на шест, и тот, кто достанет его, объявляется королем. Тот, кто показал себя в этом соревновании хуже всех, должен нести измазанные смолой тряпки. Щелканье кнутом в канун Троицына дня часто производится и во многих других местах. В некоторых деревнях соревнуются ради шляпы, платка и т.д.

В Сатерланде практикуют стрельбу в птицу. Тот, кто застрелит последнюю птицу, объявляется королем. Он получает украшенную шляпу, которую носит во время вечерних танцев и сохраняет до следующего года. Аналогичного рода стрельбу устраивают во многих других местах. В Ганновере и Брюнсвике стреляют в цель; лучший стрелок становится королем, изрешеченную мишень он прикрепляет к фронту своей крыши.

В деревнях Брюнсвика в неделю после Троицыного дня все украшают березовыми ветвями. Иногда там можно видеть Майскую невесту, украшенную распустившимися цветами. В некоторых местностях выбирали так называемого Майского короля, которого так укрывали ветвями, что его самого не было видно. Все собранное подаяние относили на Троицыно поле, где и съедали. Традиция избрания Майского короля была распространена во многих местах.

ПРАЗДНИК СВ. ИОАННА, ИЛИ ИВАНОВ ДЕНЬ

В Южном Гарце и в Тюрингии часто устраивали так называемые Ивановы костры. В Эдерслебене, около Зангерхаузена, поступали следующим образом: на высокий шест помещали бочку со смолой, от которой до земли протягивали цепь, потом бочку поджигали и закручивали под всеобщее ликование. По соседству с Барутом вплоть до недавнего времени разжигали костры Св. Иоанна — как и в католических областях Вестфалии.

В Гандерсхайме ставили высокую ель, очищенную от веток до самой вершины. Потом на вершину ели вешали платки и тому подобные вещи, которые можно было достать, только забравшись на ель.

В Сахсенбурге, в день Св. Иоанна, дети делали так называемый *Rosenstock*⁹². На ночь они перегораживали улицу веревкой, на которой вешали венки из роз и березо-

вых ветвей. Они также устанавливали березовые ветки перед домом и поднимали большое дерево, вокруг которого танцевали. Всякий, кто проходил по улице, должен был чего-нибудь заплатить — за березовые ветки и музыку. В областях к югу от Фюрстенвальда примерно в это же время существовала традиция соревнований за шляпу или *Rosenbaum*⁹³. Поднимался шест, на вершине которого находились ленты, венок, корона, платок или что-либо еще в этом же духе. Эти предметы получал тот, кто мог взобраться на вершину. Самому лучшему участнику соревнования давали букет на шляпу.

В селах вокруг Киффхёузера девушки развлекались бросанием в петухов.

В *Jantjenacht* (канун Иванова дня) ведьмы собирались на свои шабаши, на которых ели ягоды рябины. Такое поверье существовало в Моорхаузене и Нордмооре в Восточной Фрисландии.

В ночь на Иванов день можно было найти сокровища — тому, кто знал, как это сделать. Такое поверье существовало в Укермарке.

В Иванов день нельзя было приносить никакой зелени, чтобы не заболеть раком. Овощи следовало собирать вечером предыдущего дня. Это поверье существовало в Меллине, в Альтмарке.

В ночь на Иванов день, между двенадцатью и часом, во многих местах из земли вырастают руки, которые называли руками св. Иоанна. Тот, кто находил такую руку, считался счастливым, потому что прикосновение этой руки исцеляло всякие болезни. Такую руку нельзя было перепутать с так называемой медвежьей лапой — растением, также выращенным в Иванов день, корни которого тоже имели форму руки. Это поверье было распространено в Укермарке.

В Иванов день с лещины срезали гадательный прут (*Wünschelruthe*), после чего его следовало привязать к крещеному ребенку, который при крещении получил имя Иоанн. Такое поверье существовало в Грамцове, в Укермарке.

В Иванов день, между одиннадцатью и двенадцатью часами, открывались буковые орехи. Если в них попадал дождь, плодородие должно было упасть, если же погода оставалась хорошей, с урожаем не должно было ничего случиться. Потом орехи закрывались снова. Это поверье существовало в деревнях вокруг Гессен-Олдендорфа.

Тот, кто желал получить в свое распоряжение гоблина (кобольда), должен был в Иванов день отправиться в лес, между двенадцатью и часом дня. Там он мог найти сидящую на муравейнике птицу, которой должен был сказать несколько определенных слов. После этого птица превращалась в карлика, который прыгал в заранее припасенный мешок. Далее его следовало отнести домой, где карлик будет выполнять любую порученную ему работу с необыкновенной скоростью. Такое поверье бытует в Перлеберге.

Детей следует отнимать от груди на Иванов день, тогда им будет сопутствовать удача. Так считают в Стендале.

В Иванов день, между одиннадцатью и двенадцатью часами дня, следует вырыть корень лопуха. Под ним можно найти уголек, который можно использовать для многих дел. Это поверье распространено в Стендале.

ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С УБОРКОЙ УРОЖАЯ

В прежние времена во время урожая существовал обычай оставлять на поле копну, вокруг которой танцевали, подбрасывали шапки и кричали: «*Waul, Waul, Waul*» или «*Wol, Wol, Wol*». Этот обычай был распространен в Хагебурге и вокруг Штайнхудерзее⁹⁴.

По всему Укермарку и во многих соседних местах этот обычай соблюдали ближе к концу времени сбора урожая. Кое-где брали последние собранные в поле зерновые каждого вида и изготавливали из них куклу. Эту куклу несли домой; обычно это делала девушка, которая связывала последний сноп. Сам обычай назывался принесением старика (*den ollen brengen*), а о девушке говорили, что «она получила старика (*dei het den ollen*)». Обычаи, сходные с этим, сохранились и в некоторых других местах».

В Грошвице, около Торгау, есть поговорка на день Св. Варфоломея: «Сейчас Херке на воле, надо убрать озимые, чтобы зерно не испортилось».

В Хетеборне, если лен еще не убран ко дню Св. Варфоломея, в прежние времена поговаривали: «Фрау Херке придет».

В Халберштадте есть поверье, что в самые жаркие дни лета вороны не пьют.

Когда вся рожь оказывается в амбарах, аисты улетают и собираются на Блоксберге, где они заклеивают насмерть одного из всей стаи. Это поверье существовало в Брилле около Ауриха.

МИХАЙЛОВ ДЕНЬ

В Михайлов день в Ройене не работали на поле. В Альтмарке в этот день нельзя было пряхть.

МАРТИНОВ ДЕНЬ

Во многих местах принято готовить на день Св. Мартина жареного гуся.

КАНУН АНДРЕЕВА ДНЯ⁹⁶

В канун дня Св. Андрея девушки могут увидеть во сне своих будущих возлюбленных и мужей. С этой целью перед тем, как отправиться спать, они должны повторять следующие слова:

Andreas-Abend ist heute,
Schlafen alle Leute.
Schlafen alle Menschenkind,
Die zwischen Himmel und Erde sind,
Bis auf diesen einzigen Mann,
Der mir zur Ehe werden kann.

*Сегодня — канун Св. Андрея,
Спят все люди,
Спят все дети людей,
Все, кто между небом и землей,
Только не спит один мужчина,
Который станет моим во время свадьбы.*

Если какая-либо девушка желает узнать, в каком доме живет ее суженый, она должна бесшумно выйти между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи в сад, потрясти изгородь и произнести следующие слова:

Erbzaun ich schüttel Dich,
Ich rüttel Dich.
Wo mein fein Liebchen wohnt, da regt sichs.
Kann er sich nicht selber melden,
So lass nur ein Hündchen bellen.

*Старая изгородь, я трясу тебя,
Я толкаю тебя.
Там, где мой милый, пусть шевельнется.
Если он не может объявить о себе,
Пусть залает маленькая собачка.*

Будущий возлюбленный живет в том дворе, где после этого залает собака.

Будущего мужа можно также определить в канун дня Св. Андрея следующим образом. В полночь обнаженная девушка должна запереться в своей спальне, взять два высоких бокала и налить в один чистую воду, а в другой — вино. Все это она должна поставить на стол, который нужно накрыть белой скатертью, после чего требуется повторить следующие слова:

Dresmes

Mein lieber Sankt Andrea!

Lass doch von mir erscheinen

Den Herzallerliebsten meinen.

Soil er mir werdeu reich,

Schenkt er mir eine Kanne Wein;

Soll er mir werden arm,

So schenke win eine Kanne Wasser.

Мой дорогой святой Андрей!

Яви сейчас предо мной

Возлюбленного моего сердца.

Если он будет богатым,

Он нальет кубок с вином;

Если ему суждено быть бедным,

Пусть он нальет кубок с водой.

Или:

Bettspund, ich trete Dich,

Sankt Andres, ich bitt Dich:

Lass doch erscheinen

Den Herzallerliebsten meinen.

Soll ich mit ihm werden reich,

Kommt er mit dem grünen Zweig;

Soll ich mit ihm werden arm,

Kommt er mit dem Knaust Brod im Arm.

Остов кровати, я шагаю по тебе,

Святой Андрей, я молюсь тебе:

Позволь теперь появиться

Самому дорогому возлюбленному моего сердца.

Если я стану богатой с ним,

Он придет с зеленой ветвью;

Если я буду бедна с ним,

Он придет с коркой хлеба в руке.

После того как это сделано, некое подобие будущего мужа должно войти в дверь и отпить из одного из двух кубков. Если будущий муж будет бедным, он отопьет воду, если богатым, возьмет вино.

Рассказывают, что одна чересчур любопытная девушка однажды вызвала таким способом своего будущего мужа. Он появился точно в двенадцать с боем часов, положил на стол треугольный кинжал и исчез. Девушка положила этот кинжал в свой чемодан. Через несколько лет после этого события из дальних стран в город, где жила девушка, приехал некий мужчина, купил дом неподалеку и женился на ней. Он был очень похож на того человека, что когда-то явился ей. Через некоторое время после свадьбы муж случайно открыл сундук и нашел кинжал, при виде которого пришел в ярость. «Так ты и есть та девушка, — воскликнул он, — которая несколько лет назад заставила меня ночью прийти сюда издалека. Значит, это не было сном! Умри же!» И с этими словами он вонзил кинжал в ее сердце.

Потому если будущий муж кладет какой-либо предмет на стол, этот предмет следует уничтожить.

Если кто-либо желает знать, умрет ли он (или она) на следующий год, то надо в канун Андреева дня перед тем, как отправиться в постель, насыпать на столе остроко-нечную горку муки. Если к утру горка рассыплется, человек этот умрет.

В день Св. Андрея можно также узнать, любит ли какой-нибудь человек другого и будут ли они связаны вместе. Для этой цели на стол ставят сосуд с чистой водой, на

воду кладут маленькие чашечки из серебряной фольги с именами тех людей, чье будущее должно быть определено. Эти маленькие чашечки называются *nappelfäng* (чашки-монеты). Если чашечка какого-либо юноши приблизится к чашечке девушки, то они, по всей видимости, составят пару. Используя чашки-монеты, можно также определить, поженится ли когда-нибудь любящая пара. Тогда в гадании одна из чашечек представляет невесту, другая — жениха, а третья — священника. Если все трое сходятся так, что священник стоит перед остальными двумя, возлюбленные могут надеяться на свадьбу.

В канун дня Святого Андрея молодые девушки могут также узнать, какого цвета будут волосы у будущего мужа. Для этой цели в прежние времена — а, может, и в нынешние — чаще всего использовалось так называемое хватание волос. Если какая-нибудь девушка хотела узнать цвет волос своего будущего мужа, она должна была взяться за засов и трижды произнести: «Нежный возлюбленный, если ты любишь меня, покажись». После этого она должна быстро приоткрыть дверь и сделать хватающее движение в темноту. В результате в ее руке должен оказаться клоч мужских волос. Однако она должна находиться в доме в одиночестве и предпринять свою попытку между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера, причем о ней никто не должен знать.

РОЖДЕСТВО

По всему северу Германии у крестьян распространен обычай в канун Рождества впускать в дом человека с длинной бородой, одетого либо в меховую одежду, либо в гороховую солому. Человек спрашивает детей — умеют ли они молиться, и если они выдерживают испытание, награждает их яблоками, орехами и имбирными пряниками. Тех же, кто ничего не знает, он наказывает. В срединных областях страны этого человека именуют *De hêle Christ* (Святой Христос) или рыцарь Рупрехт. В других частях страны его называют Ганс Рупрехт, причем иногда его искаженно именуют Румпкнехтом. В Мекленбурге он известен как *Rê Clås* (*Rough Nicolas*, Лохматый Николас), в Альтмарке и в такой удаленной местности, как Восточная Фрисландия, его называют *Bêr* или *Bullerclås*. Иногда он ходит с длинным посохом и мешком с золой, а на его одежде звенят колокольчики. Своим мешком он бьет тех детей, которые не умеют молиться, по этой причине его также зовут *Aschenclås*. Иногда он разъезжает на белой лошади, причем довольно часто его сопровождает персонаж, похожий на Джека Пуддинга⁹⁷. Также с ним ходят *фейри*, как их называют — или мужчины, наряженные как старые женщины и с покрытыми золой лицами. Иногда его спутником является человек, облаченный в гороховую солому; этого человека называют медведем и водят на длинной цепи. Во многих местах «Святой Христос», который заставляет детей молиться — обычно молодая девушка в белом платье, — и всадник на белом коне, являются различными персонажами. В некоторых городах Вестфалии именно по белой лошади судят о появлении долгожданного гостя. В Оснабрюке ее называют испанской лошадию.

На острове Узедом Рупрехт в Рождество, как и повсюду, заставляет детей молиться. Однако под этим именем скрываются три разных персонажа. Один из них носит посох и мешок с золой. Второй держит *Klapperbock*, то есть шест, к которому прикреплена козья шкура; на конце его находится вырезанное из дерева подобие козьей головы. К нижней челюсти этой головы привязана веревка; она проходит к верхней челюсти и далее пропущена через горло, так что если за веревку потянуть, то голова щелкает челюстями. Палкой с козьей головой колотят тех детей, которые не умеют молиться. Реже всего

Рупрехтом называют персонажа, который появляется верхом на белой лошади. Почти повсеместно принято оставлять у дверей рождественские подарки, заключенные в почти бесконечное число оберток. Оставляя подарки, даритель кричит «*Jelklapp*».

Поблизости от Бойтценбурга в Укермарке в прежние времена в Рождество ходили соперничавшие друг с другом Лето и Зима. Обычно их изображали две старые женщины. Лето несло серп и грабли, Зима — цеп, в соответствии с главными работами каждой поры. Один крестьянин из Харденбека до сих пор сохранил в своей памяти следующие отрывки их речей:

Зима

Ich bin den Winter stolz,
Ich baue Brücken ohne Holz.

*Я — Зима гордая,
Я строю мосты без дерева.*

Лето

Ich bin der Summer fein,
Ich mähe mein Korn,
Und harke es wohl auf,
Und fahr es in die Scheun.

*Я — Лето красное,
Я кошу свое зерно,
И сгребаю его,
И несу в амбар.*

Зима

Ich dresche das Korn und fahr es zur Stadt,
Dass jeder seine Nahrung davon hat.

*Я обмолачиваю зерно и вожу его в город,
Чтобы каждый в нем мог прокормиться.*

Тот, кто хочет знать, какая погода будет в предстоящий год, должен в канун Рождества взять луковицу, разрезать ее и сделать из нее двенадцать чашечек, положить соль в каждую из них, после чего чашечки следует поставить в ряд. На следующее утро надо проверить, в какой из чашечек соль будет самой влажной, а в какой — самой сухой. Соответствующие месяцы будут влажными или сухими. Это поверье существует в Кверфурте.

Если какая-нибудь девушка желает узнать, каким ремеслом будет заниматься ее жених, она должна в рождественскую ночь прислушиваться к большому котлу, вмурованному в плиту (*Ofenblase*). Если вода кипит с ревом, он будет кузнецом. Различается несколько тонов, соответствующих конкретным разновидностям ремесел. Такое поверье распространено в Эдерсслебене около Сангеаузена.

Если в Рождество с крыши унаследованного дома снять солому, перенести ее в амбар и мелко нарезать — и если при этом будут найдены зерна, — то это обещает удачу на предстоящий год. Данное поверье распространено также в Эдерсслебене около Сангеаузена.

В Эллиехаузене, около Геттингена, на Рождество корм для скота кладут на открытом воздухе. Считается, что после этого скот хорошо растет.

В местности между Адельпсеном и Минденом считают, что в рождественскую ночь хмель становится зеленым и появляется даже из-под самого глубокого снега — но после этой ночи его увидеть невозможно. Такое же поверье существует и в других местах.

На землях Мюнстера⁸ до сих пор существует обычай «лазания в окно». На Рождество юноши влезают в окна спален к своим возлюбленным через окно и остаются с ними

на ночь. Родители не беспокоят молодежь, зная, что все закончится свадьбой. Если ночной гость не нравится девушке, она может его выгнать из окна метлой. Обычай известен в Делменхорсте.

В Берлине на Рождество юноши на *Weinachtsmarkt* (Винном рынке) продают так называемые *Waldteufel*, представляющие собой открытые с одной стороны цилиндрики из папье-маше, с другой стороны привязанные конским волосом к деревянной ручке. Если вращать ими в воздухе, раздается жужжание. Они продают также бумажные флажки и деревянные трещотки.

На Рождество принято приносить зеленую кормовую капусту из огорода соседа, живущего через три двора, капусту эту скормливают каждому домашнему животному, чтобы защитить их от колдовства. Обычай распространен в Камерне.

Если во время рождественского праздника какая-нибудь женщина сварит зеленую кормовую капусту, возьмет половник, которым она помешивала варево, и, спрятав его под фартук, явится к дверям церкви в тот самый миг, когда священник произносит «Отче наш», сможет увидеть ведьм среди находящихся в церкви, опознав их по необычному головному убору, невидимому для всех остальных. Однако заглянуть внутрь церкви можно лишь одним глазком, так как ведьмы могут начать угрожать и даже преследовать. Такое поверье существует в Камерне.

На Рождество все домашние предметы необходимо держать при себе; в это время нельзя ничего давать взаймы, поскольку такой уловкой часто пользуются те, кто хочет нанести вред хозяину вещей⁹⁹. Такое поверье встречается в Камерне.

Если кто-то, располагая небольшим запасом фуража для животных, но тем не менее желает, чтобы его лошади были здоровыми и упитанными, то он должен взять сноп сена, обойти с ним вокруг церкви три раза и после этого скормить сноп лошадям. Этот обычай также распространен в Камерне.

НОВЫЙ ГОД

Во многих местах, особенно в Гарце и в таких западных районах, как Везер, существует обычай в канун Нового года стрелять из ружей. Это называется выстреливанием Нового года¹⁰⁰.

В некоторых частях Восточной Фрисландии на Новый год пекут *Nijårskaukjes* — разновидность тонкого пирога, вдавливаемого в железную форму, на которой находят-ся изображения лошадей и других животных.

В Сатерланде часто встречается обычай, когда молодой человек приносит в дом девушки, за которой хочет ухаживать — а также своим соседям, — так называемый *Wêperlôt* (который также называют *Tênskêr*) со следующими словами:

*Hier brang wi jô êne wêperlôt;
woi ju mi wet rêke,
so moije jô nit lang bedonkje.*

Здесь мы приносим Вепелрот;
Если вы мне что-нибудь принесете,
Вы не должны раздумывать долго.

Сказавший эти слова обычно выпаливает из пистолета и бросает *Wêperlôt* в дом, после чего пускается наутек. Домашние устремляются в погоню за ним и стремятся его схватить. Если они догонят бегущего, то приводят его назад, после чего он должен

либо проскакать верхом на крюке для котла, либо выпить смешанной с сажей воды (*rôtwasser*). После этого его развлекают. *Wèperlôt* делают из ивовой палки, к вершине прикрепляется гирлянда в виде колеса. Обод гирлянды пронзают спицы, на которых наколоты яблоки. В середине колеса помещают большое украшение из золотой фольги. Из этой фольги к гирлянде идут толстые, белые, похожи на лучи пучки ивовых стружек.

В деревнях Гёрлица и в Укермарке в канун Нового года на время еды под стол укладывают полосы из соломы, на которые ставят ноги. Когда трапеза кончается, один из едоков ползет на четвереньках под стол, а другой садится на него и собирает соломенные подстилки. Их он относит в сад и обвязывает ими деревья, после чего они будут хорошо плодоносить.

В канун Нового года следует положить на прялку по возможности свежий лен, а утром Нового года — надеть ненадеванную рубашку из свежеизготовленного полотна. В канун Нового года нельзя ткать. В противном случае колесо будет безостановочно крутиться весь год. Такое поверье существует в Кирхбойтцене около Худемюхлена.

В Новый год нужно есть пшено или селедку; тогда деньги будут водиться круглый год. Также едят девять (или семь) различных блюд, но среди них должен быть *Mobnstriezel*¹⁰¹. Этот обычай распространен в Стендале.

Тот, кто увидит свою тень безголовой в канун дня Св. Сильвестра, умрет на следующий год.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ СВЯТОК

Во многих местах считают, что в двенадцать дней Святок нельзя прясть, однако можно ощипывать птицу. В Пехюле, около Лукенвальда, считают, что стерженьки выщипанных перьев следует хранить, поскольку они являются хорошим средством против моли, насекомых и прочих вредителей.

В землях, лежащих между Гамельном и Минденом, а также в других местах существует поверье, что в течение двенадцати дней Рождества или Святок нельзя носить навоз, так как в противном случае скот весь год будет болен или его задерут в стойле волки.

В некоторых областях Ольденбурга в прежние времена говорили, что в эти двенадцать дней нельзя вращать ни одно колесо. Соответственно нельзя было ни ткать, ни вывозить навоз. Эта традиция, правда в немногих домах, соблюдается и в наши дни. В таких домах нельзя было шить, однако если в этом была большая нужда, отправлялись к соседям.

В некоторых местностях на левом берегу Везера считали, что тот, кто ткет в канун двенадцати дней Рождества или в эти дни, не сумеет сделать хорошую ткань — у него все перепутается. В других местах утверждали, что тот, кто ткет в двенадцать дней Рождества, приманивает в дом жаб.

Метла, изготовленная в двенадцать дней Святок, способна защитить от колдовства. Когда скот выгоняют весной в первый раз, эту метлу следует положить на порог, через который скоту придется переступить. Тогда никакое зло не затронет скот в последующий год. Если у коровы сильно раздуется вымя, то вымя следует трижды перекрестить такой метлой, после чего метлу следует в полной тишине положить под детскую кроватку. После этого с коровами будет все нормально. Это поверье существует в Пригнитце.

Если в двенадцать дней Святок сплести нитку и пять или шесть раз обмотать ею сломанную руку или ногу, та быстро станет здоровой. Такое поверье существует в Грошвице.

В двенадцать ночей следует спрясть навыворот лоскут материи из пряжи и потом три раза пронести шумного младенца через свернутое из лоскута кольцо, дитя успокоится. С этой же целью его можно трижды пронести между ступенек лестницы или через свадебное платье матери. Такой обычай распространен на острове Узедом.

Пряжа, смотанная в двенадцать дней Рождества, не будет повреждаться молью. Так считают в Лиепе около Ратенау.

В двенадцать ночей Святок перед печью нельзя оставлять никаких пекарских принадлежностей и деревянных предметов. Так считают в Вреденхагене в Мекленбурге.

В двенадцать ночей Святок нельзя есть горох. Это поверье распространено в Укермарке, Мекленбурге и Тюрингии.

В двенадцать ночей Святок — но особенно в Рождество — следует есть зеленую кормовую капусту, свиную голову и пирог (или сосиски). Такое поверье существует в Укермарке.

В Катцове, Мекленбург, до наших дней строго соблюдается ряд запретов, действующих в двенадцать дней Рождества. Многих животных здесь в это время нельзя называть по имени; вместо слова «лиса» надо говорить «длиннохвостая», вместо «мышь» — «бегающая по полу» (*Bönlöper*) и т.д.¹⁰² Те, кто не соблюдает этих запретов, платят штраф, который впоследствии тратится на выпивку.

В Хавелланде говорят, что по двенадцати дням Святок можно предсказать погоду на целый год, так как каждому дню соответствует определенный месяц.

Тех, кто носит одежду, изготовленную из пряжи, спряденной в двенадцать дней Святок, съедят волки. Это поверье распространено на островах Узедом и Воллин.

В Арнштадте считают, что сны, приснившиеся в двенадцать дней Святок, станут реальностью в двенадцать месяцев года.

В Камерне считают, что если кормить куриц горохом в двенадцать дней Святок, они снесут много яиц.

В двенадцать дней Святок следует сторониться незнакомых животных, поскольку ведьмы иногда принимают их облик — особенно кошек, собак, трехногих зайцев и т.п., — для того, чтобы незаметно прокрасться в дом и высмотреть какую-нибудь добычу. Если человек трижды перекрестит такое животное, оно не принесет ему зла. Так считают в Камерне.

Чтобы никто не мог причинить вред скоту в двенадцать дней Святок, в кормушку нужно спрятать какой-нибудь стальной предмет — серп или что-то в этом роде. Животных надо также кормить украденной кормовой капустой. Такое поверье существует в Грабове в Мекленбурге.

В двенадцать дней Рождества нужно стрелять сорок и пережигать их тушки в мелкую золу. Такое зелье помогает от лихорадки. Так считают в Лаузитце.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА СВЯТОЧНОЙ ПОРЫ

На значительной части Германии существовало поверье — кое-где сохранившееся до наших дней, особенно у крестьян, — что в двенадцать дней Святок по земле бродят сверхъестественные существа. Этот предрассудок уходит корнями в языческие времена, однако, в отличие от языческой поры, святочные сверхъестественные существа до-

вольно безобидны и не очень сурово наказывают тех, кто занимается запрещенным в эти дни трудом — в частности прядением. В наши дни, однако, вера в такие существа считается предрассудком, а имена этих существ порой выглядят шуткой, как и наказания за «прегрешения» перед ними. К примеру, существует поговорка: «Те, кто не ткал в двенадцать дней Святки, могут этого не делать и в тринадцатый».

На Узедоме и на Воллине, пока не выпрядена вся кудель, шутливо грозят: «Смотри, Бауд скоро придет».

Считается, что в двенадцать дней Рождества совершает свое путешествие фру Годе, которая пачкает прялки тех, кто не успел закончить свою пряжу перед ее визитом. Так считают в деревнях Ной-Штрелица и Рёбеля. На землях вокруг Шверина, в Тимене и Годендорфе то же говорят о фру Вод, фру Вас или фру Васен¹⁰³.

В двенадцать дней Святки фру Гауе совершает свое путешествие во главе Дикой охоты. Поэтому люди накрепко запирают двери и опасаются ночью выходить из дома на улицу, чтобы не встретить ее¹⁰⁴. Этот предрассудок существует в Грабове в Мекленбурге.

Фру Ваген (в некоторых местах фру Годен, Гоед, Гоик, Годке, Годше) приходит ночью и пачкает кудель, если во время Святки ее оставляют на ночь на прялке. Такое суеверие характерно для Мехова, на границе Мекленбурга, и в других местах.

В некоторых местностях гостью называют Фуик, Фуи или Фрике; в других — фру Херкен.

В некоторых деревнях считают, что если во время наступления Нового года оставить что-либо на прялке, то явится «Мёрче» или «Мёрчен».

МАРТ-МАРТЕ-МАРТЕН-НАХТМАРТ (НОЧНОЙ КОШМАР)

Все вышеназванные имена относятся к призраку, который забирается на грудь спящего и лишает его сил и возможности произнести хотя бы звук. Приближение этого создания сопровождается звуком, таким же тихим, как скрежет мышиных зубов или кошачья поступь. Если надеть унаследованные перчатки, его можно поймать быстрым движением. Марте можно также поймать, если при первых столах спящего перекрыть все отверстия в той комнате, где он находится.

В качестве действенного средства против нападений этого призрака рекомендуется скрестить ноги или руки перед тем, как погрузиться в сон.

В кроне сосны часто можно заметить скрученные ветви, похожие на гнездо. После дождя следует остерегаться и не проходить под такими ветвями, поскольку если на человека попадет капля, упавшая из одного таких гнезд, ночью его будет мучить «маррау»¹⁰⁵.

О человеке со сросшимися бровями говорят, что он (или она) — маррау¹⁰⁶.

Среди маррау есть мужчины и женщины, все они являются так называемыми детьми воскресений¹⁰⁷. Если маррау начнет кого-то мучить, то нужно пообещать подарок. Маррау придет на следующий день и заберет подарок. Это поверье распространено в Браунсдорфе около Фюрстенвальда.

Маррау заползает на спящего. Его вес сначала ощущается ногами, потом животом, и в последнюю очередь грудью, когда спящий уже не в состоянии пошевелить конечностями. Если он случайно знает имя маррау, то ему следует произнести его вслух — это заставит призрак немедленно удалиться. Такое поверье существует в Тейпице.

Если страдающий от ночного призрака знает его по имени, ему достаточно назвать это имя, и призрак обретет плоть.

Против ночного призрака есть хорошее средство — отправляясь спать, ставить шлепанцы носками от кровати¹⁰⁸.

Когда в семье растут семь мальчиков или семь девочек, один из них становится ночным призраком, хотя он — или она — не знает об этом¹⁰⁹.

ДРАК — КОБОЛЬД — ОГНЕННЫЙ ДРАК

Драк (*Drek, Drake, Trech*) появляется в небе в виде огненной полосы, напоминающей жердь, которой придавливают сено на повозке. Если, увидев драка, человек не спрячется в укрытие, драк обгадит его, и зловоние будет сохраняться достаточно долго. Такое поверье бытует в Свинемюнде. Драк может что-нибудь принести тем людям, которые заключают с ним соглашение. Так считают в Барсингхаузене на Дайстере.

Огненный драк¹¹⁰ имеет размер в котел. На нем человек может перелететь на желаемое место. Так считают в Боксвиезене около Грунда.

Кобольд также появляется в виде огненной полосы с широкой головой, которой он обычно вертит из стороны в сторону. Если он влетает в дом, то слуге достаточно снять колесо с фургона, чтобы кобольд оставил дом. На земле кобольд появляется в виде черного кота. Такое поверье существует в Альтмарке.

Драк несет по воздуху сокровища. Если его видит какой-нибудь человек, он должен воскликнуть «Халб парт!» Тогда драк ему что-нибудь принесет. Однако человек этот не должен выходить из-под крыши, чтобы драк не обгадил его. Так считают в Хасслебене около Пренцлау.

Драк или кобольд передвигается в небе в виде синей полосы. Он переносит зерно. Если в него бросить нож или кресало, он взорвется и уронит на землю то, что несет. Так полагают в Пехюле около Лукенвальда.

У драка голова величиной с ведро для молока и длинный хвост. Так считают в Мюрове.

Драк как птица несет по воздуху драгоценности. У того, кто владеет «огненным селезнем», он будет лежать в бочонке с сокровищами как теленок. Но кобольд чистит лошадей, помогает тащить телегу, когда она тяжело нагружена, и вообще заботиться обо всем, что имеет отношение к конюшне и экипажам. Так считают в Западном Бухгольце.

Кобольд приносит удачу всем, кто им владеет. Драк носит своему владельцу все — сливки, масло и т.п. Однако хозяин должен расписаться за него собственной кровью. Это поверье распространено в Сахсенбурге около Ольдислебена.

Пукс, кобольд или драк представляют собой маленькое создание в красной куртке и колпачке; в воздухе его можно видеть в виде огненной полосы. Так считают в Вестлих-Укемарке.

Furdrak («огненный драк» или «огненный селезень») или *Lutche Ole* является злым существом. В Далле на Люнебург-Хеат фюрдрака именуют также *Mertche* и *Stepke*.

Чтобы вызвать огненного драка и заставить его отдать то, что он несет, двое людей должны молча положить ноги крестом или же снять четвертое колесо повозки и бежать под крышу — очень быстро, чтобы не случилось плохого.

В Сатерланде огненного селезня называют *Kobold Alrên*¹¹¹, под этим же названием он известен и в Восточной Фрисландии. Согласно рассказу одной женщины из Нордмо-

ра, он представляет собой небольшое существо ростом примерно в фут высотой, умеющее в «*spind*»¹¹²; оно питалось печеньем и молоком, отчего стало столь сильным, что могло принести в клюве целый сноп ржи своему хозяину. В Неёштадте-Гёдензе говорят, что тому, у кого «кобольд альрун» в кармане, всегда везет в игре.

Так называемый *Bier-esel* живет на чердаке. Он приносит в дом пиво, полоскает бутылки и кружки, моет столы и так далее, за что ему следует на ночь оставлять бидон с пивом. В противном случае он рассердится и все разобьет. Это поверье существует в Грошвице около Торпай.

КАРЛИКИ

Обыкновенно карликов на севере Германии называют *inner(888)rdschke* (подземные жители). В Гарце их именуют *querje, quex* (гномами). В Шарреле и в Сатерланде их именуют *olkers*; здесь считают, что гномы хоронят своих покойников в старых могильных курганах. По этой причине сосуды, находимые в курганах, называются *олькерспотт* (горшками олькера). Их также называют *bargmänkes* (горными человечками) или *erdmänkes* (земными человечками).

Если карлики украли ребенка и подбросили вместо него своего, к такому дитяти нельзя прикасаться, следует перевернуть колыбель, чтобы подменыш упал на пол, после чего его следует старой метлой вымести к двери. Тогда гномы явятся за ним и вернут украденного ребенка. Подменышу бывает не более двадцати лет¹¹³. Такое поверье существует в Гёрлице.

В Бергкирхене считается, что лошадиные гривы путаются под воздействием подземных жителей.

ДЖЕК О'ЛАНТЕРН

На юге Альтмарка Джека О'Лантерна называют *Dickepöten*. Если, увидев это создание, человек начинает молиться, оно приближается к нему ближе; если человек ругается, *дикепотен* отступает¹¹⁴. В некоторых частях страны такие привидения называют *Huckepöten* или *Tückbolde*; утверждают, что при жизни они переставляли межевые знаки¹¹⁵. В окрестностях Магдебурга их называют *Lüchtemännkens*. Чтобы вызвать его, достаточно выкрикнуть: «Нинове, Нинове».

Джек О'Лантерн обычно запутывает людей, однако иногда приносит пользу. Во многих местностях его называют землемером¹¹⁶. Его видят или в виде огненной фигуры, либо бегущим взад и вперед с раскаленной докрасна измерительной линейкой. При жизни они либо давали ложную клятву, чтобы отнять землю, либо ошибочно отмеряли ее, либо убирали межевые метки. Про Джеков О'Лантернов часто говорят, что они являются душами некрещеных детей, не находящими покоя в могиле и вынужденными обретаться между небесами и землей¹¹⁷. Их также называют бегущими или дикими огоньками.

НИКС

Никельманн, или хакельманн, сидит в воде с длинным крюком, которым стаскивает вниз детей, если те слишком близко подходят к краю воды. Это поверье распространено в Тале.

Когда в Бодде начинают сладко петь водоплавающие птицы, это означает, что кто-нибудь утонул.

Когда сети или удочки начинают будоражить спокойную поверхность воды, часто можно услышать, как никс смеется или хлопает в ладоши — поскольку кто-то скоро утонет. Такое поверье распространено в Тойпице и Горлице.

ДИКИЙ ОХОТНИК

Многие считают, что дикий охотник и его спутники являются душами умерших людей.

Ночной охотник держит свою голову под мышкой, за ним следует многочисленная свора собак, он забирает людей с собой. Если кто-либо громко попросит охотника принести ему кусок мяса, то утром обнаружит мясо у своего порога — но от этого мяса невозможно будет избавиться, иначе как попросив охотника принести соль¹¹⁸ — тогда мясо исчезнет, а охотник больше не появится. Так рассказывают в Гёрлице.

В двенадцать святочных ночей дикий охотник охотится на земле, в другие времена он проносится по воздуху. Потому все двери нужно закрывать пораньше, иначе в дом могут забежать три собаки, которые останутся до следующих Свят¹¹⁹. Так считают в Моор-Хаусмооре.

ДЬЯВОЛ

Чтобы не промахиваться при стрельбе, нужно повторять:

Komm teufel und halte mir das their,
Ich gebe dir meine seele dafür.

*Приди, дьявол, и добудь для меня дичь,
Я дам тебе в обмен свою душу.*

Для этой цели некоторые нечестивцы пользовались также хлебом причастия, зарядив им свое ружье¹²⁰. Это поверье распространено в Свинемюнде.

«Дьявол на нем горох молотил» — говорят о человеке, лицо которого покрыто оспинами.

СВАДЬБА

Когда свадебная пара отправляется в церковь, то по обычаю перед тем, как они покидают дом, на порог, через который должны пройти молодожены, бросают головню. Мать невесты сыпет укроп в ее ботинки, приговаривая:

Dille lass nicht Wille,
Salz lass nicht nach.

*Укроп не ослабнет по воле,
Соль не утратит силу.*

Невеста и жених также подсыпают соль и укроп в свою обувь, в качестве защиты от колдовства. Перед алтарем невеста и жених должны стоять как можно ближе друг к другу, чтобы между ними не было никакого просвета¹²¹. Этот обычай принят в Рауене.

В Стендале считается, что свадьба должна происходить при полной луне; считается, что потом всего будет полно. Предпочтительными для свадеб считаются вторники и пятницы.

В Марте, близ Темплина, в прежние времена существовал обычай, чтобы в полночь в день свадьбы в дом входили трое мужчин, обряженных женщинами и с вымазанными

сажей лицами, которые устраивают всякого рода проделки и в конце концов заставляют невесту танцевать с ними. Примерно такой же обычай существовал и в других местах.

В свадебную ночь следует выбрасывать старые горшки под дверь невесты; чем больше будет черепков, тем лучше. Такая традиция существует в Рауене.

В Сатерланде в прежние времена существовал обычай вкладывать половник в руку невесты сразу после того, как она войдет в дом мужа, после чего ее трижды обводили вокруг очага.

РОЖДЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ

В Меллине считается, что если в доме только что родился ребенок, нельзя ничего и никому одалживать — иначе у ребенка ничего не будет.

В некоторых городах распространен обычай давать ребенку в день его рождения пирог с «огнем жизни» на нем. Этот огонь нельзя гасить, он должен догореть сам.

В Пехюле считают, что в колыбель новорожденного ребенка следует положить орант¹²², синий майоран, черный тмин, правый рукав и левый чулок. Тогда *никкерт* не причинит ребенку зла.

В Свинемюнде считают, что если ребенок родился с родинкой, к ней следует прикоснуться рукой покойника противоположного пола. Как разлагается покойник, так отомрет и родинка. Можно также выйти на растущей луне к перекрестку, посмотреть на луну, и, поглаживая родинку рукой, произнести:

Alles was ich sehe nimmt zu,
alles was ich streiche nimmt ab.

*Все, что я вижу, возрастает,
все, что я глажу, исчезает.*

В Стендале считают, что не следует никуда ходить с некрещеным ребенком: это принесет в дом несчастье.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

В Рауене существовали следующие поверья.

Когда умирает хозяин дома, нужно отправиться в сад и потрясти деревья, приговаривая: «Хозяин мертв, хозяин мертв». В противном случае деревья завянут.

Когда кто-либо умирает, окно должно быть открыто, чтобы душа могла вылететь. Если умер мужчина, в гроб следует положить расческу, бритву и мыло.

Если человек умирает, в этот день в его доме нельзя ничего печь.

Если только что испеченный хлеб треснул, в семье кто-либо умрет.

В Свинемюнде считают, что если человек болен, то после ужина надо проследить, в какую сторону отлетит дым задутый свечи. Если по направлению к церкви, то человек скоро умрет.

Душа умершего на корабле превращается в птицу: явление такой птицы предвещает смерть другого человека.

Если нужно узнать, жив или мертв отсутствующий человек, нужно положить на стол кусок хлеба и уголек, и точно между ними держать штопальную иглу, подвешенную на нити. Если она повернется к хлебу, с человеком все в порядке, если к угольку, то он мертв. Аналогичным образом определяют, умрет больной или нет. Этот обычай существует в Рорберге, Альтмарк.

РАНЫ, БОЛЕЗНИ И Т.Д.

В Меллине считают, что если какой-то человек поранит себя, то ему следует срезать в направлении вверх ветку какого-нибудь фруктового дерева и приложить его к только что полученной ране, чтобы кровь впиталась в срез. Когда кровотечение прекратится, ветку следует положить в темной части дома.

Заговор против боли в ране из Свинемюнде:

Christus lag und schlief,
seine Wunden waren tief,
sie kellten nicht,
sie schwellten nicht,
also sollen diese Wunden auch sein.
I. N. G. d. V. u. s. w.

*Христос лежал и спал,
его раны глубоки,
но они не болели,
они не вздувались,
такими будут и эти раны.
Во имя, и т.д.*

Еще один заговор:

Heil sind die Wunden,
heil sind die Stunden,
heilig ist der Tag,
da Wunden und Wehtag schach.
I. N. G. u. s. w.

*Раны залечены,
здоровы часы,
свят день,
когда раны и болезнь уходят.
Во имя, и т.д.*

После ампутации конечности знахарь из Свинемюнде берет ветку из метлы, стягивает ею рану, оборачивает ветку окровавленным полотном и кладет ветку в сухое место, произнося:

Unserm Herrn Christus seine Wunden,
die werden nicht verbunden,
aber diese Wunden, die warden verbunden.
I. N. G. u. s. w.

*Раны нашего Господа Христа,
не перевязаны,
но эти-то раны: они перевязаны!
Во имя, и т.д.*

Серьезный порез в Свинемюнде стягивают липким пластырем, охлаждают уксусом и водой, после чего произносят следующие слова:

Du Blut des Lebens halte an,
wie Christus stand am Kreuzesstamm,
halt an du Blut die Ader dein,
weil Christus stand am Kreuzesstamm.
I. N. G. u. s. w.

*Ты, кровь жизни, остановись!
Как Христос стоял у древа креста,
остановись и ты, кровь, в твоей вене,
потому что Христос стял у древа креста.
Во имя, и т.д.*

Чтобы остановить кровь, в Свинемюнде применяли следующий заговор:

Ich ging über eine Brücke,
worunter drei Ströme liefen,

*Я прошел по мосту,
под которым пробегают три ручья,*

der erste hiess Gut,
der zweite hiess Blut,
der dritte hiess Eipipperjahn;
blut du sollst stille stain.
I. N. G. u. s. w. (dreimal).

первый назывался Гут,
второй назывался Блут (кровь),
третий назывался Айпипперьян;
кровь, остановись и стой.
Во имя, и т.д. (три раза)

Еще один заговор для этого использовался в Меллине:

Es gingen drei Jungfern en hohlen Weg,
die erste nahm das runde,
die zweite nahm das trull,
die dritte drückt es nieder,
dass es nicht komme wieder.
I. N. G. u. s. w.

По пустой дороге идут три девы,
первая взяла кружок,
вторая взяла тамбон,
третья прижала так,
чтобы он не отделился.
Во имя, и т.д.

Цитируемый братьями Гримм (стр. 1196) латинский заговор от плохого зрения очень напоминает вышеприведенный, а также некоторые из тех, которые публикуются ниже: «*Juvat subnectere incantationis formulam, qua in Marchia Brandenburgensi atque adjacentibus regionibus in opthalmia curanda uti solent anus decrepitae, insanos ritus deperientes, quam quidem factis variis gesticulationibus ac digitis ante dolentes oculos ter decussatim motis, rauco susurramine semel atque iterum emutire consuescunt, ita autem habent: «Ibant aliquando tres puellae in via virente, prima noverat remedium aliquod contra suffusionem oculorum, altera noverat aliquid contra albuginem, et tertia profecto contra inflammationem, eaeque sanabant una ratione omnia». In nomine Patris, etc.* — (лат.) «Имеет смысл добавить формулу заклинания, которое в Бранденбургской марке и соседних регионах для лечения глаз имеют обыкновение произносить дряхлые старухи, безумный обряд совершая; сделав различные жесты и пальцами крестообразно помахав перед больными глазами, они раз-другой хрипло бормочут: „Шли однажды три девы по зеленой дороге; первая знала некое лекарство от катаракты, вторая знала нечто против бельма, а третья, конечно, против воспаления, и единым разумением лечили они всё“. Во имя Отца, и т.д.»

Страдающий от лихорадки человек должен отправиться на церковный двор и взять из могилы кость. Ее он должен сжечь в тишине между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи и выпить разведенный в воде уголь. Это поможет избавиться от болезни. Так считают в Нахмице.

Если человека трясет лихорадка, в Миттельмарке считают, что он должен пойти в лес и обойти вокруг дуба со словами:

Goden abend du gode olle,
Ick bringe di dat warme un dat kolle.

Добрый вечер, добрый старец,
Я принес тебе тепло и холод.

После этого лихорадка должна исчезнуть.

Или больной отправлялся к реке, погружал в нее правую ногу и произносил:

In dies Wasser tret ich,
Christi Blut anbet ich,
dies Wasser mid Christi Blut
ist für das sieben und siebenzigsterlei
Fieber gut.

В эту воду ступил я,
перед кровью Христовой преклоняюсь я,
эта вода и кровь Христа

хороша для семидесят седьмой¹²³ болезни.

Это следует произнести три раза во имя Бога. Одновременно с этим надо взять из реки воду и выпить, тогда лихорадка немедленно уйдет. Так считают в Свинемюнде.

Лихорадку можно вывести письменным заговором. Для этого на листке бумаги следует написать такие слова:

Des Fuchs ohne Lungen,
der Storch ohne Zungen,
die Taube ohne Gall
hilft für das sieben mid siebenzigsterlei
Fieber all.

Лиса без легких,
аист без языка,
голубь без желчи

помогите при семидесяти
и седьмой лихорадке.

Если этот листок носить на шее, лихорадка исчезнет.

При Zahnrose (рожистом воспалении десен) в Рауене используют заговор:

Es kam eine Jungfer aus Engelland¹²⁴,
eine Rose trug sie in ihrer Hand,
bis die Sonne untergang,
die sieben und siebsigsterlei Zahnrose
verschwand.

Пришла дева из Энгелланда,
в руке она держала розу,
когда солнце зашло,

семьдесят семь воспалений десен исчезли.

Для лечения Hilge (нарыва) и Rose (рожистого воспаления десен) в Свинемюнде рекомендовали погладить их сверху вниз, после чего трижды подуть на крест и произнести:

Es gingen drei Jungfern auf grünen Wegen,
die eine pflückt die Blumen ab,
die zweite pflückt die Liljen ab,
die dritte tribe das Hilge unde die Rose ab.

Шли три девицы по зеленым дорожкам.
первая собрала цветы,
вторая собрала лилии,
третья прогнали нарыв и рожу.

Лечение рожи. После заката знахарь тихо входит в дом и рассматривает рожу, определяя, является ли она распространившейся, brand¹²⁵ или белой, и соответственно случаю произносит слова:

Brand (laufende, weisse) Rose

Воспалившаяся (распространившаяся,
белая) рожа,

ick böte¹²⁶ di,
Im namen Gottes verstrickst du di
I. N. G. u. s. w.

я изгоняю тебя,
именем Бога удаляю отсюда.
Во имя, и т.д.

Одновременно он три раза крестит больное место. Лечение следует повторять несколько дней подряд. Особенно хорошо это делать по пятницам. Такой обычай существует в Камерне.

Чтобы избавиться от нарыва, согласно рукописи из Свинемюнде, следует произнести:

Es gingen drei Jungfern an einen Berg,
des eine hat es schmal, der andre hat es platt.
I. N. G. u. s. w.

Три девицы отправились к холму,
одна сделала его узким, другая сделала
его плоским.
Во имя, и т.д.

Чтобы унять зубную боль, согласно рукописи из Свинемюнде, следовало произнести заговор:

Du sollst nicht weh thun,
du sollst nicht schellen,

du sollst nicht schwellen,
du sollst nicht ritten
du sollst nicht splitten,
du sollst nicht weh thun.
I. N. G. u. s. w.

Ты не будешь болеть,
ты не треснешь (отколешься,
отшелушишься),
ты не опухнешь,
ты не будешь мучить,
ты не развалишься на части,
ты не будешь ныть.
Во имя, и т.д.

Когда какой-нибудь человека страдает от зубной боли, он должен отправиться к дереву и пожаловаться ему; предпочтительнее, чтобы это была груша. Надо обхватить дерево, обойти его три раза и произнести:

Birnbaum, ich klage dir,
drei Würmer die stechen mir;
der einer ist grau,
der andre ist blaue,
der dritte ist roth,
ich wollte wünschen sie wären alle todt.
I. N. G. u. s. w.

Грушевое дерево, я жалуюсь тебе,
три червя жалят меня;
один — серый,
второй — синий,
третий — красный,
я хочу, чтобы все три умерли.
Во имя, и т.д.

От стриженного лишая или парши. В Паретце считалось, что надо отправиться к желтой иве, погладить лишай три раза одной из ее ветвей и произнести:

Die Zeter und die Weide,
die wollten beide streiten,

Лишай и ива
вступили в борьбу,

Die Weide, die gewann,
Die Zeter, die verschwand.
I. N. G. u. s. w.

*ива победила,
лишай исчез.
во имя, и т.д.*

В Свинемюнде принято было приговаривать:

Die Flechte und die Weide
gingen beid' im Streite,
die Weide, die verging,
die Flechte, die verschwindt¹²⁷

*Стригуций лишай и ива
вступили в борьбу,
ива увяла,
стригуций лишай исчез.*

Или:

Der Mond und die Flecht
die liegen beid' im Recht,
die Flechte und der Mond,
fingen beide an zu gehn
der Mond, der gewann,
die Flecht, die verschwand.

*Луна и стригуций лишай
сражались друг с другом,
стригуций лишай и луна
стали уходить,
месяц¹²⁸ победил,
стригуций лишай исчез.*

Заклинание от жафа (рукопись из Свинемюнде):

Es gingen drei Heiligen wohl über das Land,
da begegnet ihnen des hollische Feuerbrand.
Er sprach: Du sollst weichen,
und der Schaden soll schleichen.
I. N. G. u. s. w. (dreimal).

*Три святых человека шли по земле
и повстречали дьявольский огонь.
Один говорит: ты должен отойти,
И вред уйдет.
Во имя, и т.д. (трижды).*

Чтобы унять боль от ожога (рукопись из Свинемюнде):

Es gingen drei heiligen Wehtag¹²⁹
auf einen schmalen Weg,
der eine pflückt das Laub vom Baum,
der andre pflückt das Gras vom Weg,
Der dritte nahm die Wehtag weg.
I. N. G. u. s. w.

*Шли три святых человека
по узкой дороге,
один сорвал лист с дерева,
второй сорвал травинку с дороги,
третий забрал болезнь.
Во имя, и т.д.*

Для излечения ожога человек должен, согласно рукописи из Свинемюнде, три раза снизу вверх погладить обожженное место и произнести:

Wie hoch ist der Häben,
wie roth ist der Krebs,
wie kalt is die Todtenhand,
damit stille ich den Brand.
I. N. G. u. s. w.

*Как небеса высоки,
как рак красен,
как холодна мертвая рука,
так унимаю я обожженное место.
Во имя, и т.д.*

Для излечения болезни глаз (*Stöt, ячменя?*) (рукопись из Свинемюнде). В тишине надо взять камешек с поля, приложить его к глазу и потом положить обратно на то место, откуда он был взят. При этом следует трижды произнести:

Es gingen drei Jungfern auf grünen Wegen,
die eine hob die Steine aus den Wegen,
die zwitte hob das Laub vom Baum,
die dritte hob das Stot aus dem Auge.
I. N. G. u. s. w.

*Шли три девы по зеленым тропинкам,
Одна поднимала камни со своего пути,
Вторая собирала листья с дерева,
Третья удалила болезнь из глаза.
Во имя, и т.д.*

Заговор против подагры. Пациент должен полностью раздеться перед рассветом или после заката и произнести:

Die¹³⁰ reissende, laufende Gicht,
ich beschwöre dich bei dem höchsten Gericht,
ich beschwörte dich bei dem höchsten Mann,
der dir die reissende, laufende
Gicht stillen kann.

*Ты, рвучая, бегущая (летучая) подагра,
вызываю тебя перед высшим судом,
вызываю тебя перед высочайшим мужем,
который рвучую, бегущую подагру
может унять.*

Заговор от головокружения (рукопись из Свинемюнде):

Der Himmel ist hoch,
die Wolken sind hell,
so wie sich der Himmel zertheilt,
zertheilt sich der Schwindel im
augenblick und schnell.
I. N. G. u. s. w.

*Небеса высоки,
облака быстры,
как очистится небо,
так в миг исчезнет болезнь.
Во имя, и т.д.*

Чтобы остановить кровь¹³¹:

Auf unserm Herrn Gott sein Haupt,
da blühen drei Rosen,
die erste ist seine Tugend
die zweite ist seine Jugend,
die dritte ist sein Will,
Blut, steh du in des Wunde still,
dass du weder Geschwüre
noch Eitesbeulen gebest.
I. N. G. u. s. w.

*На голове нашего Господа Бога
расцветают три розы,
первая — это его добродетель,
вторая — это его молодость,
третья — это его воля.
кровь, встань в ране неподвижно,
не носи боolestи
и нарывов.
Во имя, и т.д.*

Или:

*Bloet sta still!
na uns Herr Christus syn Will,*

*Кровь, стой неподвижно!
По воле нашего Господа Христа.*

*Im namen Gottes des Vaters und Sohn:
nu steit dat Bloet schon.*

*Во имя Бога Отца и Сына:
сейчас кровь уже останавливается.*

Или:

*Ich sage dir, Blut, stehe still,
es ist Maria ihr Will, es ist Maria ihr Begehr,
steh du mir nun und immermehr.
I. N. G. u. s. w.*

*Я говорю тебе, кровь, стой неподвижно,
такова воля Марии, таково желание
Марии,
остановись ты сейчас и навсегда.
Во имя, и т.д.*

От апоплексии (Mord):

*Mord, du hest äer daelschlaen:
unse Herr Christmus segt,
du schast wedder upstaen.*

*Апоплексия, ты сразила ее:
наш Господь Христос говорит
ты снова должна подняться.*

Или:

*Uns Herr Christus un de Moert,
de güngen tosamen daer en enge Poert.
Uns Herr Christus de gewann,
de Schlag und de Moert verschwand.*

*Наш Господь Христос и апоплексия
вошли вместе в узкие ворота.
Наш Господь Христос победил,
удар¹³² и паралич исчезли.*

*От подагры. Следует взяться за дуб или за молодой побег поваленного дерева
(Ekenhessen), и произнести:*

*Ekenhessen, ik klad dy,
all de ryten Gicht de plagt my.
Ik kann dar nich faer gaen,
du kannst damit bestaen.
Den eersten Vogel, de aewer dy flügt,
den gif dat mit in de Flucht,
de næem dat mit in de Lucht.
I. N. G. u. s. w.*

*Побег дуба, к тебе обращаюсь.
Всемищительная подагра донимает меня.
Из-за нее я не могу ходить.
Ты можешь ее остановить.
Первой птице, что пролетит над деревом,
дай в полете ее,
дай подагру, чтобы унесла в воздух подагру.
Во имя, и т.д.*

От рахита:

*Engelsche Krankheit verswinn,
wie de Dau an de Sünne,
wie de Kukuk vör den Saevenstern.*

*Английская болезнь исчезает,
подобно росе на солнце,
подобно кукушке перед семью звездами¹³³.*

От лишая:

*De Hechel un de Flechel,
de gingen all beid aewer en Stechel¹³⁴.*

*Топорик и стриженный лишай
пошли через перелаз.*

De Hechel de gewunn,
un de Flechel verswunn.
I. N. G. u. s. w.

Топорик победил,
стригущий лишай исчез.
Во имя, и т.д.

При опоясывающем лишае или ожоге головы (Barmgrund) следует молча принести теплой воды, омыть ею голову, приговаривая:

So standen drei Mädchen wohl vor dem Brunn,	<i>Стоят три девицы перед колодцем,</i>
de ene de wusch, de ander de wrung'.	<i>одна стирает, другая выжимает.</i>
Darin ist verdrunken en Katt un en Hunt	<i>В колодце утопили кота и собаку,</i>
damit verdryw ik dy den Barmgrunt.	<i>Сим прогоняю тебя, ожог головы.</i>

Есть более внятный совет. Чтобы справиться со стригущим лишаем, больной должен омыть его в луже, в которой топят собак и котов, повторяя заклинание: «Этой водой, в которой много котов и собак утонуло, прогоняю я лишай или ожог¹³⁵».

Для лечения рожистого воспаления (Helldink):

Ik segg: Helldink, Helldink,
du schast ni stäken,
du schast ni braken.
Helldink, Helldink,
du schast ni kellen,
du schast ni schwellen.
Dat schast du ny doen,
dat schast du ny doen.

*Я говорю: воспаление, воспаление,
ты не должно колоть,
ты не должно ломать.
Воспаление, воспаление,
ты не должно мучить,
ты не должно опухать.
Этого ты никогда не должно делать,
этого ты никогда не должно делать.*

Или:

Peter un Paul gingen aewert Moer.

*Петр и Павел перешли через
вересковую пустошь.*

Wat begegen äer daer?
Helldink, Helldink —

*Что встретилось им там?
Рожистое воспаление, рожистое
воспаление.*

«Helldink, wo wullt du hin?»
«Na'n Dörp».
«Wat wullt du daer?»
«Kellen un schwellen un wee doen».
«Dat schast du ny doen».
Dat befäel ik dy in Gotten Namen».

*«Рожистое воспаление, куда ты идешь?»
«В деревню».
«Что ты будешь там делать?»
«Мучить, опухать и причинять боль».
«Этого ты не должно делать,
повелеваю тебе именем Бога».*

Или:

Hildink, ik ra' dy.
Ra' ik dy nich seer,
so jag' ik dy noch väel meer.
I. N. G. u. s. w.

*Воспаление, советую тебе.
Если совет мой не силен,
гоню тебя много сильнее.
Во имя, и т.д.*

Это следует сказать трижды, а после паузы еще три раза, а потом снова три раза — после второй паузы. И каждый раз надо подуть крестообразно на больное место.

Или:

Вместо того чтобы дуть крест накрест, можно высечь крест накрест огонь кремнем и кресалом, после чего произнести:

Hier schrief ik enen Rink
mit en stalern Messer.
De Rink is sunt,
dat Hildink verschwund.

*Здесь провожу я круг
стальным ножом.
Круг завершен,
рожистое воспаление исчезло.*

Или:

Rode Ros' un witte Ros',
dunkle Ros' un helle Ros', verswinn,
wie de Dau vör de Sün.

*Красная роза и белая роза,
темная роза и светлая роза, исчезайте,
подобно росе под лучами солнца.*

Для лечения bellrose:

Petrus und Paulus
gingen uet Kruet te söken;
daer wollen se de Ros' mit verteen¹³⁶,
de Kellersos', de Schwelleros',
de Stäreros', de Bräkeros', de Blätteros';
awer allens wollen se damit verteen.
I. N. G. u. s. w.

*Петр и Павел
отправились поискать цветов;
они искали розы:
розу боли, розу опухолей,
розу колючья, розу ломоты,
лиственную розу;
они возьмут с собой все розы.
Во имя, и т.д.*

Для лечения наростов. Положите палец на нарост и, не глядя на него, произнесите:

Was ich seh, das wächst,
was ich [nicht] seh, das vergeht.
I. N. G. u. s. w.

*Что я вижу, то убывает,
что я не вижу, то увядает.
Во имя, и т.д.*

От бородавок предлагается единственное средство. Бородавки следует сводить при лунном свете. Во время растущей луны необходимо отправиться на открытый воздух, посмотреть прямо на луну и погладить рукой бородавки, произнося следующие слова:

Was ich ansehe, nimmt zu,
was ich überstreiche, nimmt ab.

*То, на что я смотрю, увеличивается,
То, что я глажу, уменьшается.*

Для лечения панариция¹³⁷ следует произнести, не торопясь и только один раз следующие слова.

De Adel un de Stoel,
de gungen beid an enen Poel,
de Adel de verswunn,
de Stoel de gewunn.
I. N. G. u. s. w.

*Панаиций и побег*¹³⁸
вдвоем отправились к луже.
Панаиций исчез,
Побег победил.
Во имя, и т.д.

При боли в пальце:

Ik rad' en Bäten
mit Heisterknaken,
mit Kreienföten,
semi dy de Weedag' uten Finger staken.

Советую лечиться
костями сороки,
лапкой вороны,
пальцем, который изгонит боль
из твоего пальца.

При растяжении ноги:

Ik hol' rnyn Foet in'n Kattengang¹³⁹,
so stil ik wol den Gnirrband¹⁴⁰.

Я ставлю ногу в кошачью дверь,
и потому боль от растяжения утихает.

Если в глаз попала соринка:

Daer seten dre Jüngfern an den Weg,
de een de puest dat Sant uten Weg,
de ander de puest dat Lov vannen Boem,
tie drürr de puest dat Mael von Oeg.
I. N. G. u. s. w.

Сидели три девицы на дорожке,
одна сдувала песок с дорожки,
вторая сдувала листья с дерева,
третья сдувала соринку из глаза.
Во имя, и т.д.

При растяжении кисти. Нужно на рассвете положить руку от локтя до кончиков пальцев на порог, оставаясь при этом в доме. После этого знахарь должен взять топор и встать перед дверью, произнося: «Я рублю, я рублю, я рублю!» После этого пациент должен спросить: «Что ты рубишь?» Знахарь должен ответить: «Растяжение». После этого пациент берет топор и крестообразно гладит им свою руку с именем Бога. После этого топор следует молча вернуть на свое место, после чего болезнь должна уйти. Этот метод рекомендуют в Свинемюнде.

В Рауене, около Фюрстенвальде, считают, что когда человеку докучает сильная головная боль, то в ней виноваты вредные — или черные — эльфы. Средством против них является ткань, которую следует повязать вокруг головы на ночь. Больной должен спать в этой повязке, а на следующий день отправиться с ней к знахарю, который заколдует ткань, чтобы изгнать эльфов. Помимо черных эльфов, которые посылают самые тяжелые болезни, есть еще красные и белые эльфы, но каким бы ни был их цвет, влияние их проявляется главным образом в потере памяти.

Если ребенок докричался до грыжи, его надо отнести к молодому дубку. Расколов дерево на две половины, следует пронести между ними ребенка. После этого нужно связать обе половины, замазав их поверху глиной. Если дуб после этого будет продолжать расти и рана на нем зарастет, то грыжа также будет вылечена. Этот метод применяется в Рауене и Делменхорсте.

Этот метод излечения ребенка с грыжей был известен и в Англии. Уайт в «Истории Селборна» сообщает, что «в одном крестьянском дворе, находящемся около середины деревни, по сей день (в 1789 году) стоит ряд подстриженных ясеней с длинными трещинами вдоль стволов, которые ясно говорят, что в прежние времена эти ясени разрубали на две половины. Когда эти деревья были молодыми и гибкими, в деревьях делали надруб, после чего разделяли ствол при помощи клиньев. Это делалось для лечения детей, которых раздевали догола, переносили между частями дерева, считая, что благодаря такому лечению бедный ребенок избавиться от своего недомогания. Как только эта процедура кончалась, дерево старательно обвязывали и поверху обмазывали глиной. Если части ствола срастались, как чаще всего и бывало, это считалось признаком, сулящим выздоровление. Но если же они не срастались, лечение считалось неудачным. До сих пор живы несколько крестьян, которых в детстве, по всей видимости, подвергали подобному методу врачевания, идущему, возможно, от саксонских предков, которые практиковали этот обычай до перехода в христианство».

Лишай и бородавки исчезают, если прикоснуться к ним рукой покойника. Так считали в Стендале.

Съев яйцо, надо растолочь скорлупу, иначе можно получить лихорадку. Так считается в Марке.

Так поступали и в Англии по веской причине — скорлупу ведьмы могли использовать для плавания по воде. Такой же обычай существует и в Бельгии, но мотивы его неизвестны.

ДОМ, ПОЛЕ И Т.Д.

При входе в новое жилище первым следует внести хлеб. Тогда в доме всегда будет хлеба в достатке.

Если внести в дом букет васильков, хлеб будет плесневеть. Это поверье существует в Меллине.

То, что человек видит во сне в первую ночь пребывания в доме, сбудется.

В субботу вечером нельзя пряхть после заката. Такое поверье существует в Альтмарке и Мекленбурге.

В Вольфенбюттеле считают, что если пряхть после заката в субботу вечером, то заведутся мыши.

В Альтмарке считали, что в четверг вечером нельзя пряхть, нельзя в этот день и выносить навоз.

В Стендале считали, что, сажая деревья, следует брать саженцы двумя руками, при этом кто-нибудь должен стоять поблизости. Тогда деревья взойдут хорошо.

Первые плоды с дерева нужно собирать в большой мешок, а часть их оставить на дереве — тогда дерево будет всегда хорошо плодоносить. Такое поверье существовало в Стендале.

Там же считали, что горох следует собирать только по субботам и средам — в противном случае горох унесут птицы.

В Камерне полагали, что посеянное после заката просо не будет съедено птицами.

В Меллине считали, что когда скот первый раз выходит на пастбище, перед дверью нужно положить кусок дерна, тогда животные не переедят.

Там же полагали, что для того, чтобы ведьмы не получили власти над только что купленным животным, его нужно загнать в стойло задом. Для того чтобы животное процветало, нужно при первом выходе его на пастбище положить ему в рот землю и заставить ее проглотить.

Когда непослушное животное ведут на рынок или куда-либо еще, следует в три различных мгновения выдернуть у него по несколько ресниц и положить их в карман. После этого оно станет послушным. Такое суеверие было распространено в Камерне.

Когда животных выгоняют на пастбище в первый раз, следует насыпать песка перед дверью стойла или положить там солому, чтобы животные прошли по ней. Оставленные животными следы — если бросить песок или солому обратно в стойло, — помогут животным вернуться в стойло или на двор без всякой помощи. Тот же самый эффект производят положенные на пороге крест-накрест топор и метла; кроме того, они оградят животных от действия ведьм. Такое поверье существует в Камерне.

Когда какой-нибудь человек поступает в услужение, он должен взять в новом жилище кусок дерева, обернуть его в тряпку или лист бумаги, и сверток носить три дня под рукой; это обещает благосклонность хозяина и хозяйки на целый год. Так считают в Камерне.

Если у человека что-либо украдено, то для нахождения вора следует раскрыть семейную Псалтирь и положить на книгу ключ от дома. После этого следует сказать: «N.N. украл (далее произносится название вещи)». Другой человек (наверное, N.N.) отвечает: «Нет, он не крал этой вещи». Если это правда, ключ останется неподвижным, но если же нет, ключ шевельнется на своем месте. Такое поверье существует в Рауене.

Если у человека что-либо украдено, он должен взять доставшуюся в наследство книгу и, держа ее двумя пальцами, произнести: «Унаследованная книга (*Erwbók*), я спрашиваю тебя, украл ли А. В. мое полотно (или что-либо еще)? Сделал ли это С. D.» При чем имени книга перевернется, тот и есть вор. Такое поверье существует в Хавелланде.

ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОРА

В рукописи из Свиномюнде говорится:

Unser Heiland Christus Jesus, der ging in den Garten,
der heiligen Engel und der Jungfrau Maria zu warten;
da kamen die Diebe und wollten das Kindlein stehlen,
das konnten vier und zwanzig Legionen Engel nicht verhehlen.
'Binde, Petrus, binde, eilend und geschwinde,
dass der Dieb uns stehe stille wie ein Stock, und schreie wie ein Bock.
Binde, Petrus, binde, dass der Dieb uns stehe stille
und alle Sterne zähle, die an dem Himmel stehen.
Binde, Petrus, binde, dass der Dieb uns stehe stille,
dass meine lieblichen Augen ihn sehen,
und meine liebliche Zunge ihn spreche.
Das gebiet' ich dir Dieb im Namen des heiligen Bartus,
Der aller Kornlein Meister ist.'

*Наш Спаситель Иисус Христос отправился в сад,
ждать святого ангела и Деву Марию;
туда пришли воры и украли маленького ребенка,
от четырех и двадцати легионов ангелов не могли скрыть.
«Связывай, Петр, связывай, быстро и поспешно,
чтобы вор стоял в стаде тихо и кричал козлиным голосом.
Связывай, Петр, связывай, чтобы вор стоял неподвижно
и считал все звезды небесные.
Связывай, Петр, связывай, чтобы вор стоял неподвижно,
чтобы мои телесные очи могли видеть его,
чтобы мой телесный язык мог говорить с ним.
Чтобы я мог приказать тебе, вор, именем Св. Барта,
Хозяина каждому зерну.*

Этот заговор следует произносить после заката, обходя три раза место, откуда вышел предполагаемый вор. Тот, кто произносит заговор, не должен оглядываться, а остановиться он обязан точно на том месте, с которого начинал. После этого он должен трижды произнести: «Во имя... и т.д.» На следующее утро вора быстро находят на том же месте связанным. Его следует освободить следующими словами: «Слушай, вор, теперь я освобождаю тебя. Во имя... и т.д.» Но это следует делать перед восходом солнца, иначе вор станет черным и умрет в течение года.

ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОРА

Для определения вора в Свинемюнде используется следующий заговор:

*Unsere Mutter Gottes, die ging wohl über Land, sie nahm ihr liebes
Kind bei der Hand;
da kamen drei, drei, drei Diebe,
die wollten ihr das Kind stehlen, sie schrie:
'Sanct Peter bind', Sankt Peter bind', Sanct Peter binde.'
'Ich habe gebunden mit Gottes Hand, mit meinen eignen Händen,
mit Tögeshänden, mit eisernen Bänden,
dass Dieb und Diebin sollen stehn, und nicht von der Stelle gehn.
Sie sollen stehen wie ein Stock, und sehen wie ein Bock,
zählen alle Sterne, die am Himmel stehn,
und alle Tropfen, die in das frunde Meer gehn.'*

*Наша Богоматерь шла по земле,
Взяв своего дорогого ребенка за руку;
за ними идут три, три, три вора,
чтобы украсть у нее ребенка, и она закричала:
«Святой Петр, свяжи, Святой Петр, свяжи, Святой Петр, свяжи».
«Я вяжу Божьими руками, своими собственными руками,
руками смерти, железными оковами,
которые должны сдерживать вора и воровку, не позволяя им уйти с места.*

*Они встанут, как в стаде, будут пялиться как козлы,
будут считать все звезды, что стоят в небесах,
и все капли, которые падают в глубокое море».*

Освободить вора можно с помощью следующих слов:

Stehst du hier in Teufelsband,
so gehe hin in Gottes Hand;
ich stosse dich von mir mit meiner
linken Hand.
I. N. G. u. s. w.

*Как ты стоишь здесь в дьявольских оковах,
Так иди прочь отсюда в руки Бога;*

*Отвергаю тебя моей левой рукой.
Во имя, и т.д.*

Другой вариант¹⁴¹:

Mutter Maria reiste wohl über das Land,
sie hat ihr liebes Kind bei der Hand.
Da kamen die Diebe und wollten stehlen.
Da sprach sie zu St Peter: 'Bindel'
St Peter sprach; 'Ich habe gebunden
mit eisernen Banden, mit Gottes Händen.
Du, Dieb (und Diebin), sollst gebunden sein.
Wiederum sollst du stille stehen und nirgends hingehen.
Du sollt¹⁴² stehen als ein Stock und starr sehen als ein Bock, und
zählen all das Gras, das auf der Erde wächst.
Wiederum sollst du stille stehen und nirgends hingehen,
sollst stehen als ein Stock und starr sehen als ein Bock,
und zählen die Sterne, die am Himmel stehen.
Wiederum sollst du stille stehen und nirgends hingehen;
du sollst stehen als ein Stock und starr sehen als ein Bock,
und zählen den Sand, der liegt am Meeresgrund.
Wiederum sollst du stille stehen and nirgends hingehen;
du sollst stehen als ein Stock und starr sehen als ein Bock,
bis ich dir mit meiner Zunge Urlaub gebe.
Den Himmel gebe ich dir zu deiner Hütte,
und die Erde zu Schuhen deiner Füße.
Amen! In des Teufels Namen.

*Матерь Мария шла по земле,
Держа любимого сына за руку.
Потом пришли воры и украли.
Тогда она сказала Св. Петру: «Свяжи!»
Св. Петр сказал: «Я связал железными оковами, руками Бога.
Ты, вор (и воровка), должны быть связаны.
Опять ты должен стоять на месте и не отходить никуда.*

Ты должен стоять как в стаде, и пялиться как козел,
и считать травинки, растущие на земле.
Опять ты должен стоять на месте и не отходить никуда.
Ты должен стоять как в стаде, и пялиться как козел,
и считать звезды, стоящие на небесах.
Опять ты должен стоять на месте и не отходить никуда.
Ты должен стоять как в стаде, и пялиться как козел,
и считать песчинки, лежащие на дне морском.
Опять ты должен стоять на месте и не отходить никуда.
Ты должен стоять как в стаде, и пялиться как козел,
Пока не отпущу я тебя собственным языком.

Небеса будут жилищем твоим,
Земля обуеет ноги твои.
Аминь! Во имя дьявола ».

От пожара¹⁴³:

Brant, Brant, du giest aewer Moor un Lant.
Mit myn gesegnete Hant rade ik düssen Brant.
I. N. G. u. s. w.

Огонь, огонь, ты проходишь
через пустоши и землю.
Своей святой рукой я управляю
этим огнем.
Во имя, и т.д.

Или:

Petrus und Johannes giengen beide wandeln.
Petrus nahm den Stab in die Hand,
damit still ik dy den Brand.
тебя,

Петр и Иоанн отправились оба
странствовать.
Петр взял в руку посох,
С помощью которого я гашу
огонь.

Или:

Hoch is de Häwen,
roet is de Kräwen
koelt is de Dodehant, damit still ik düssen Brant.
I. N. G. a. s. w.

Высоко небо,
красен рак,
холодна рука мертвеца, которой
я гашу пламя.
Во имя, и т.д.

Или:

Gott und Petrus gehen übers Land,
sie sehen brennen einen Brand,
'Brand, du sollst nicht brennen,

Бог и Петр идут по земле,
они видят горящий огонь.
«Огонь, ты не должен гореть»,

Brand, du sollst nicht sengen,
 Brand, du sollst nicht hitzen,
 Brand, du sollst nicht schwitzen,
 bis die liebe Mutter Gottes
 ihren andern Sohn sollte gebären'
 I. N. G. u. s. w.

*Огонь, ты не должен опалать,
 Огонь, ты не должен греть,
 Огонь, ты не должен вызывать опухоли,
 пока милая Богоматерь
 не родит второго сына».*
 Во имя, и т.д.

Против дождя:

Rägen, Rägen, rush'! de König faert to Busch.
 Laert den Rägen aewergaen, laet tie Sünн wedderkamen.
 Lewe Sünн, kam' wedder mit dyn golden Fedder;
 mit dyn golden Stralen beschyn uns altomalen.
 (Beschyn dat ganze Engelland, da hangt de Klocken an de Wand,
 wo Maria baven sitt mit dat lütje Kind in Schoet.
 Haelt en Stutenbotterbrot¹⁴, my wat, dy wat,
 unse lütje Mueschkatt wat; denn hewt wy altomael wat.)

*Дождь, дождь, лей! Король идет в кусты.
 Пусть дождь пройдет, пусть снова выглянет солнце.
 Солнышко, высушь снова свои золотые перышки;
 своими золотыми лучами освети все вокруг.
 (Освети всю Engelland¹⁵, где колокола висят на стенах,
 где Мария сидит с Младенцем на руках.
 Возьми Stutenbotterbrot — чуточку для меня, чуточку для тебя,
 Чуточку для нашего маленького кота-мышелова; пусть всем
 достанется по кусочку.)*

ПТИЦЫ, И Т.Д.

В Меллине считают, что если девушка слышит, как трещит клювом только что вернувшийся из-за моря аист, то что-нибудь разобьет; если она увидит такого аиста в полете, то суждено ей ехать в свадебном экипаже; если она увидит аиста стоящим, про нее пойдут сплетни.

В Стендале есть поверье, что если аист кружит над группой людей, один из этой компании умрет.

В Рауене считают, что если вороны, громко каркая, летают над каким-либо домом, в нем скоро кто-нибудь умрет.

Если перед домом воет собака, это предвещает смерть или пожар в нем.

В окрестностях Кроссена есть поверье, что в сороку нельзя стрелять, это приносит несчастье.

Если *клевит* (разновидность совы) кричит в ночи, кто-нибудь скоро умрет. Так считают в Стайне, Гарц.

В Стендале к улитке обращаются со следующими словами:

Schneckhês, Peckhês, stäk du dîn v(ввв)r Hörner rêt,
süst schmît ick dî in'n Gråven, då fr(ввв)ten dî tie Råven.

*Улитка, улитка, высунь свои четыре рога,
Не то брошу тебя в канаву, где тебя ворон склюет.*

Или:

Taekeltuet, kruep net dyn Hues,
dyn Hues dat brennt, dyn Kinder de flennt¹⁴⁶,
dyn Fru de ligt in Wåken: kann'k dy nich mael språken?
Taekeltuet, u. s. w.

*Улитка, выползи из твоего дома,
твой дом в огне, твои дети кричит,
твоя жена рожает: нельзя ли мне разок поговорить с тобой?
Улитка, и т.д.*

Или:

Snaek, Snaek, komm heruet,
sunst tobråk ik dy dyn Hues.

*Улитка, улитка, выходи,
А то сломаю твой домик.*

Или:

Slingemues, kruep uet dyn Hues,
stick all dyn veer (fief) Hõern uet.
Wullt du's nech uetståken,
will ik dyn Hues tobråken.
Slingemues, u. s. w¹⁴⁷.

*Улитка, выползай из своего домика,
Покажи все свои четыре (пять) рога.
Если ты не покажешь свои рожки,
Разобью твой дом на куски.
Улитка, и т.д.*

В Англии улитки выскребывают в известняке пустоты, небольшие круглые норки, в которых живут... Ниже приведено обращенное к улиткам заклинание мальчика, уговаривающего улитку выбраться из норы или другого укрытия.

*«Улитка, улитка, выйди из норы,
Или я побью тебя, и ты станешь черной как уголь».*

В Шотландии говорят:

*«Улитка, улитка, высунь рога,
И скажи нам, будет ли сегодня хорошая погода»¹⁴⁸.*

На юге Италии к улитке обращаются со следующими словами:

*«Улитка, улитка, выстави свой рог,
Твоя мать смеется над тобой с презрением,
Поскольку у нее только что родился маленький сын»¹⁴⁹.*

К божьей коровке (из приэльбских болот):

Maikatt, flügg weg, stüff weg,
bring' my morgen goet Wedder med.

*Божья коровка, улетай, спеши прочь,
принеси мне завтра с собой хорошую погоду.*

Другой вариант (Из книги Плоена):

Marspäert (Markpäert), fleeg in Himmell!
Bring' my' a Sack voll Klingeln, my een, dy een,
alle lütten Engeln een.

Божья коровка, улетай на небо!
Принеси мне мешок, полный печенья, один для меня, другой для себя,
для всех маленьких ангелов¹⁵⁰.

БУЗИНА

Без сомнения, связанным с этим деревом реликтом древних времен является существовавший еще в недавние времена у крестьян Нижней Саксонии обычай перед тем, как срубить бузину, произнести следующую молитву:

Frau Ellhorn, gib mir was von deinem Holz:

*Фрау Бузина, дай мне немного
твоего дерева;*

dann will ich dir von meinern auch was geben,
wann es wächst im Walde.

*тогда я дам тебе немного моего,
когда оно вырастет в лесу.*

Эти слова они повторяют три раза, стоя на коленях и со сложенными руками¹⁵¹.

Пушкайт, древний прусский бог земли, как считалось, обитал под бузиной.

В Англии совершение магических обрядов с бузиной было запрещено с самым введением христианства. В «*Canones editi sub Eadgaro Rege*» постановляется «*thaet gehwilc forbeod tha gemearr, de man drifd on ellenum, and eac on odrum mislicum treowum*» — то есть «каждый священник да запретит пустые молитвы, которые производятся перед деревьями бузины, а также перед различными другими деревьями»¹⁵².

ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ И ЯВЛЕНИЯ

В Гамбурге считают, что в штиль следует поцарапать старым гвоздем по фок-мачте, чтобы поднялся ветер.

Там же считают, что если ветер долгое время дует навстречу судну, то, встретив другой корабль, надо бросить перед ним старую метлу. Тогда ветер переменится и станет попутным. А встречный ветер передастся другому кораблю.

В Бергкирхене считают, что в грозу следует разжечь очаг — тогда дом не пострадает. Когда дует ураган, в Марке поговаривают: «Петр играет в шары» или «Ангелы играют в шары».

В Лаутентале считают, что молния не поразит дом, в котором имеется громовая стрела¹⁵³, в очаге горит огонь или на котором птица свила свое гнездо.

Нередко после заката можно видеть так называемое дерево погоды (*Wetterbaum*) — облачное образование, формой напоминающее дерево. В Тилледе и Бартелфельде, Гарце, считалось, что дерево управляет погодой: в каком направлении оно указывает, в ту сторону и должен дуть ветер. Кое-где в Укемарке можно услышать: «Дерево Авраама расцвело, будет дождь». В других местах существует проговорка: «Если дерево Авраама расцветет в полдень, погода будет ясной, если после полуночи, будет дождь».

В Марке определяли, будет погода холодной или теплой по цвету грудной кости у гусей — белой или красной¹⁵⁴.

Когда идет снег, в Нордалбингии и в Гарце говорят: «Петр перетряхивает свою постель», в Укемарке — «Петр наводит порядок» или «Ангелы выщипывают перышки и бросают их». Когда осенью по утрам на кустах и крышах повисают тонкие сосульки, говорят: «прядут богини судьбы¹⁵⁵». Если летом долгое время стоит сухая погода, говорят: «Бог заготавливает сено». Если светит солнце и идет дождь: «Старая ведьма жарит блины»; «В аду праздник», «Дьявол отбеливает свою бабушку» или «Портной отправился на небеса»¹⁵⁶.

В Стендале считали, что все, что делается во время прибывающей луны, должно окончиться успехом. Полная луна приводит все вещи к полноте. А вот то, что делается при убывающей луне, потерпит неудачу. Однако все лекарства для лечения болезней нужно принимать при убывающей луне, потому что тогда болезнь тоже убудет.

В том же городе считали, что в понедельник не следует начинать никакого дела, поскольку оно окончится неудачей. Если слуга поступает в услужение в понедельник, он прослужит недолго.

Звездопад предвещает перемену погоды.

В Бродевене считалось, что каждый человек имеет свою звезду на небе, которая падает, когда он умирает, и на ее месте появляется новая, поскольку постоянно рождаются новые люди¹⁵⁷.

В Бродевене созвездия имеют особые названия. Большая Медведица называется Небесной колесницей, Орион — Посохом Св. Петра, Плеяды — Серебряные звезды¹⁵⁸.² В Бальтруме есть такие названия созвездий, как Плуг, Борова и Кривые грабли.

РАЗНЫЕ ПОВЕРЬЯ

1. В Меллине считается, что того, кто носит при себе листок клевера с четырьмя дольками, нельзя околдовать, т.к. он способен отличить реальность от иллюзии¹⁵⁹.

2. В Рауене полагают, что на день Св. Люсии (13 декабря)¹⁶⁰ никакую вещь нельзя отдавать на время из дома.

3. В Берлине считают, что белые пятна на ногтях обещают удачу.

4. В Липе существует убеждение, что пряжа, которую спрял ребенок семи лет, делает одежду пуленепробиваемой.

5. Согласно рукописи из Свинемюнде, чтобы получить от кого-либо желаемое, нужно положить себе под язык язычок ласточки, а затем поцеловать этого человека.

6. Согласно той же рукописи, чтобы добиться любви женщины, следует носить при себе сердце ласточки или кровь летучей мыши.

7. Рукопись из Свинемюнде утверждает, что можно узнать секрет какого-либо человека, подложив ему слева сердце галки, после чего он сам все расскажет.

8. В Стендале считают, что кость от кисти преступника охраняет от паразитов. Если такую косточку носит вор, то человек, которого он собирается ограбить, не проснется¹⁶¹.

9. В Берлине и других местах Германии считают, что если найденную подкову повесить над порогом остриями наружу, это принесет удачу. Но если острия будут повернуты внутрь, это приведет к несчастью.

10. В Стендале полагают, что завоевать всеобщую любовь можно, если носить с собой сердце чибиса или зеленой лягушки. Если человек носит с собой глаза чибиса, это делает его мудрым и приятным в общении. Если глаза чибиса носить на груди, то человек будет оправдан судом. Того, кто носит с собой в мешочке сердце чибиса, не могут обмануть торговцы. Если сердце чибиса высушить и истолочь в пыль, после чего положить на ночь под голову, человеку приснится сон, в котором он увидит спрятанные сокровища.

11. В Стендале считались несчастливыми следующие дни. В январе: 1, 3, 6, 17 и 18. В феврале: 8, 16 и 17. В марте: 1, 12, 13 и 15. В апреле 3, 15, 17 и 18. В мае: 8, 10, 17 и 30. В июне: 1 и 7. В июле: 1, 5 и 6. В августе: 1, 3, 18 и 20. В сентябре: 15, 18 и 30. В октябре: 15 и 17. В ноябре: 11 и 17. В декабре: 1, 7 и 11. Считалось, что ребенок, родившийся в один из этих дней, проживет недолго, а если все же достигнет зрелого возраста, то будет бедным и жалким. На эти дни нельзя назначать свадьбы, а если в один из них отправиться в путешествие, то вернешься домой больным. Самыми несчастливыми днями, в которые никто не должен путешествовать, являются 13 марта, 18 августа, 1, 3 и 30 сентября. Но есть три дня, которые являются самыми несчастливыми. Тот, кто пролил кровь в эти дни, должен умереть через семь-восемь дней. Это 1 апреля, в который был рожден предатель Иуда, 1 августа, в который дьявол был сброшен с небес, и 1 декабря — день, когда небесным огнем были уничтожены Содом и Гоморра.

12. Если ребенка из дома передали через окно, то обратно его нужно внести тоже через окно, иначе он больше не будет расти¹⁶². Такое суеверие распространено в Стендале.

13. В Стендале считают — если жировик потереть половником, он исчезнет. Он исчезнет также, если по жировику пройдет беременная женщина.

14. Если какой-нибудь человек после заката набирает воду из колодца соседа, то при этом он заберет и его процветание и удачу. Так полагают в Стендале.

15. Если заяц перебежит дорогу, это является знаком неудачи. Стендаль.

16. Нос чешется к новостям. Суеверие из Стендаля.

17. Если во сне приснился выпавший зуб, то один из членов семьи скоро умрет. Этот предрассудок распространен в Стендале.

18. Если приснилась рыба, это сулит деньги. Приснившийся пожар предвещает удачу. Падение в реку сулит болезнь.

19. Кошелек из кротовых шкурок приносит удачу. Это поверье существует в Марке.

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НИДЕРЛАНДОВ¹⁶³

КАБОУТЕРМАННЕКИНЫ

Жители деревни Херсельт рассказывают, что по случаю войны в окрестностях ее появилось огромное количество кабоутерманнекинов. Они поселились неподалеку, в середине большого леса, в котором было несколько пещер. Они часто приходили в деревню за той или другой вещью, но при этом никому не причиняли вреда. Когда женщины кабоутерманнекинов становились старыми, их заставляли спускаться в яму с молоком и караваем хлеба в руке, после чего яму старательно заваливали. Крестьяне рассказывали, что старые кабоутерманнекины по собственному желанию принимали подобную смерть и не противились ей.

В деревне Гелроде есть небольшой холм, называемый Кабоутерберг, в котором вырыто много пещер. В прежние времена там жили кабоутерманнекины. Если у местного мельника изнашивался мельничный жернов, ему было достаточно положить его перед мельницей, выставив хлеб, масло и стакан пива. На следующее утро жернов оказывался старательно заточенным. То же самое он делал и когда хотел, чтобы ему выстирали одежду.

Кабоутерманнекины, которых также называют красными клубучками или клубберами, часто усиливают дрова. Ночью, безлунной порой, они проникают в дом через печную трубу, разводят огонь в камине и тихонько усаживаются перед ним. Однако никто не видит этого огня, кроме самих красных клубучков, хотя их огонь греет более, чем обычный. Утром хозяйка дома часто находит вместо большой связки хвороста лишь несколько веток, оставшихся на подставке. Но она охотно воспользуется ими, зная, что они будут гореть столько же, сколько целая связка, и дадут вдвое больше жара. Однако если во время горения этих веток домохозяйка обругает красных клубучков или перекрестится, ветки сгорят в одно мгновение.

Бедный крестьянин, чья жена внезапно заболела, отправился ночью сбивать масло. Вечером он все уже подготовил для работы и поставил молоко в больших кувшинах рядом с огнем, чтобы работа могла двигаться быстрее. Войдя в помещение, он с величайшим изумлением обнаружил, что огонь продолжает гореть и что перед маслобойкой сидит полусонный маленький человечек. Шум от деревянных башмаков пробудил человечка, который тяжело посмотрел на крестьянина, но не произнес ни слова. Крестьянин тоже молчал, но украдкой бросил взгляд искоса на непрошенного гостя и увидел, что тот облачен в красное с ног до головы и что у него зеленое лицо и зеленые руки. Тогда, глядя прямо перед собой, крестьянин взял из угла связку дров, бросил ее у очага и тихо отправился спать. На следующее утро масло было готово, так что осталось только отнести его на рынок, однако его оказалось больше, чем могло получиться из молока, которое припас крестьянин. Жена крестьянина скоро выздоровела, красный клубочок продолжал работать на маслобойке, и крестьянин постепенно стал таким богатым, что смог завести множество коров и скопить полный чулок поблескивающих талеров. И не удивительно — ведь красный клубочок делал за него всю работу: пахал на поле, присматривал за скотом — короче говоря, трудился за троих.

Но богатство испортило крестьянина. Он стал каждый вечер посещать трактир, играть на деньги и регулярно возвращаться домой пьяным. Это не понравилось красному клубучку, и тот начал отчитывать крестьянина. Поначалу крестьянин не возражал, потом стал спорить и в конце концов зашел настолько далеко, что однажды поздно вечером вернулся домой пьяным и грубо оскорбил красного клубучка, после чего бросил в колодец связку хвороста, которую долго собирала его жена.

После этого красный клубочок исчез. На следующее утро жена крестьянина снова заболела. В чулке вместо талеров оказались угольки, коровы сдохли, дом и коровник стали рушиться, а поле заросло. После этого крестьянин пришел в чувство — но было слишком поздно. Оставалось только молиться и просить, чтобы красный клубочок вернул богатства — но тщетно. Напротив, на следующую ночь красный клубочок ходил вокруг дома крестьянина и насмехался над ним.

Вскоре после этого крестьянин умер в нищете.

В одной деревне около Турнхоута юноша глубоко полюбил девушку. Он ухаживал за ней долго, при этом родители девушки ни о чем не подозревали. В конце концов юноша пришел к отцу девушки и попросил его согласия на их брак. Однако старик был горд и много о себе мнил. Он считал, что юноша слишком беден, и сказал ему: «Не могу представить, как ты можешь и думать о руке моей дочери. Если ты не выложишь тысячу гульденов, выброси ее из головы».

Такой ответ стал тяжелым ударом для молодого человека, и он отправился домой, полный тяжких дум и не зная, что делать. Дома он также не мог найти утешения. Пересчитав свои немногие деньги, он пришел в еще большее отчаяние, поскольку у него было очень далеко до тысячи гульденов, которые он должен был как-нибудь добыть. Юноша отправился в поле, раздумывая — не покончить ли жизнь самоубийством, поскольку она более не сулила ему никаких радостей. Он и не заметил, как рядом с ним появился кабоутерманнекин. Маленький человечек спросил юношу, почему он так горюет. Со слезами на глазах юноша рассказал о случившемся. Когда он окончил свою историю, кабоутерманнекин рассмеялся и произнес: «Итак, всего только тысяча гульденов... дело не стоит того, чтобы расстраиваться из-за него». «Верно, — согласился юноша, — но что делать, если этих денег у тебя нет?» «Ну, — ответил кабоутерманнекин, — их всегда нетрудно получить. Ты всегда был отважным юношей, так что дело легко поправить. Просто отправляйся домой и пересчитай свои деньги, потом приди обратно и скажи, сколько тебе не хватает». «Сколько мне не хватает? — вздохнул юноша. — Это я могу сказать прямо сейчас: восемьсот гульденов». «Должно быть, ты неправильно сосчитал деньги, — усмехнулся кабоутерманнекин, — иди и пересчитай их снова».

Вне себя от радости юноша поспешил обратно к дому и снова пересчитал свои деньги и — о, радость! — денег оказалась тысяча золотых гульденов. Он немедленно вернулся на прежнее место, считая нужным поблагодарить своего благодетеля, но его не было видно, и сколько юноша ни кричал «Кабоутерманнекин! Кабоутерманнекин!», тот больше не появлялся. Тогда юноша снова направился домой, завернул деньги, надел свой лучший костюм и отправился к отцу девушки, которому и вручил тысячу гульденов. Не прошло и недели, как состоялась свадьба. Новобрачные после этого жили долго и счастливо.

Между Турнхоутом и Кастерле есть холм, который до наших дней называется Кабоутерманнекинберг. Когда-то в нем в весьма большом количестве обитали кабоутерманнекины. Поскольку они были злыми по характеру, то самой большой радостью для них было нанести вред кому-либо из их соседей. С наступлением ночи в округе становилось очень нехорошо. Повсюду шныряли маленькие человечки и тащили, что им вздумается — уток, гусей, быков, коров и телят, деньги, — короче все, даже предметы домашнего обихода. Так продолжалось долго, но в наши дни об этом уже не рассказывают.

Один мельник в Кемпнерланде часто находил утром свою работу на мельнице уже выполненной, если он оставлял на ночь немного хлеба и масла, которые в ту же ночь исчезали. Это весьма удивляло мельника, и однажды вечером он спрятался под мешками с мукой. Он увидел, что на мельницу пришел голый кабоутерманнекин, который съел масло и хлеб, после чего начал работать. Мельнику стало жаль, что такой маленький человечек обходится без одежды, и он отправился к портному, чтобы заказать у него штаны и куртку. Эту одежду вечером мельник положил вместе с хлебом и маслом. Когда кабоутерманнекин вошел, он затанцевал от радости, увидев это красивое одеяние. Он быстро съел хлеб с маслом, надел одежду, гордо полюбовался собой и исчез — мельник не видел как. После этого маленький человечек больше не появлялся.

Тогда мельник решил: «Подожди, я тебя еще поймаю». С этим намерением он спрятался у маленького моста через ручей, по которому кабоутерманнекины обычно переходили каждый вечер. Ему не пришлось ждать их появления долго. Когда первый маленький человечек ступил на мост, он спросил мельника: «Кто ты, человек?» — но мельник не ответил, поскольку он искал кабоутерманнекина в одежде, а те, кого он видел, были без нее. Второй кабоутерманнекин тоже спросил: «Кто ты, человек?», но тоже не получил ответа. И так продолжалось, пока не прошел последний. На нем была одежда, которую мельник оставил на мельнице. «Ха-ха, — воскликнул мельник, — вот я и поймал тебя». Он уже был готов схватить маленького человечка, как внезапно голос, похожий на голос его жены, громко попросил из реки о помощи. Мельник поспешно повернулся и прыгнул в реку, но все кабоутерманнекины разбежались.

Один старик из деревушки Ландорп, которая расположена неподалеку от Аарсхота на небольшой реке Демер, часто рассказывал следующую историю.

Некий Геер Перси, живший на противоположной стороне Демера, каждый вечер переправлялся через реку, чтобы посетить гостиницу в Ландорпе. Обычно он оставался в ней допоздна, и когда он решал вернуться домой, паромщик уже спал. Но Перси это мало заботило, поскольку он был в хороших отношениях с кабоутерманнекинами, которые, как только паромщик засыпал, спешили к берегу и громко кричали: «Геер Перси! Геер Перси! Приходи быстрее, мы тебя переправим. Приходи, геер Перси!» После этого Геер Перси шел к берегу, маннекины перевозили его через реку, и он давал им большую кружку пива за труды.

Он также обычно пользовался их услугами и на следующий день — чтобы утром сварить кофе, подоить коров, навести порядок в доме и т.д. Все это маленькие человечки выполняли в высшей степени добросовестно. Они не позволяли себе выпить хотя бы каплю кофе или молока и брали только то угощение, которое предлагал им Геер Перси. Так они вели себя потому, что он был с ними очень добр. Однако соседям маленькие

человечки приносили великое множество проблем. Они пили чужое молоко, портили масло и занимались самыми разнообразными проделками. В конце концов соседи дружно ополчились простив Геера Перси — однако они не могли ничего с ним сделать, поскольку кабуотерманнекины защищали его и приглядывали, чтобы ему не было нанесено какого-либо вреда.

КЛУДДЕ

Клудде или клеуре — так зовут злого духа, который совершал свои проделки в большей части Брабанта и Фландрии. Он мог менять свое обличье, как древнегреческий Протей; и по этой причине крестьяне так боялись его, что никакая нужда не могла заставить их отправиться в лес, в поле, на дорогу, если проходил слух, что там обитает клудде.

Этот дух часто превращался в дерево, которое поначалу выглядело довольно маленьким и хрупким, но скоро поднималось на огромную высоту, так что его вершина терялась в облаках, а все на земле приходило в смятение. В другой раз клудде мог обрядиться в шкуру большой черной собаки. Бегая на задних лапах по округе и гремя цепью на шее, эта собака внезапно запрыгивала на спину любому встречному. Когда этот человек падал на землю, собака исчезала. Но чаще всего клудде являлся в виде старой отощавшей лошади. Конюхи и пастухи рассказывали, что когда они выгоняли своих лошадей в ночное, часто оказывалось, что вместо хорошо знакомой лошади они сидят на клудде, который немедленно уносил всадника стремительным галопом к ближайшему водоему, куда сбрасывал перепуганного наездника. Пока бедный всадник пытался спастись, клудде плюхался на брюхо и раздражался ехидным дьявольским смешком до тех пор, пока его жертва, угрюмая и сердитая, не вылезала на берег.

Временами клудде принимал облик кота, лягушки, летучей мыши или какого-нибудь другого животного. О его приближении можно судить по двум маленьким синим огонькам, которые качаются и танцуют перед ним. Эти огоньки считают глазами призрака. Убежать от клудде трудно — даже если бежать изо всех сил или делать зигзаги, поскольку, подобно змее, он поворачивается в любом направлении, не теряя скорости.

Когда этот призрак бросается в погоню, он кричит «клудде, клудде!» — отсюда и его имя.

В окрестностях Остенда клудде называют водяными неками (или водяными никсами), на равнине вокруг города — вервольфами.

Однажды два молодых человека и одна девушка прогуливались за городом. Один из молодых людей, который был возлюбленным девушки, сказал своему другу: «Постой, я увидел что-то странное». «И что ты увидел?» — спросил его товарищ. «Клудде», — последовал ответ. «Смотри, сейчас он — собака... сейчас он растет высоко... сейчас он снова маленький... овца — нет, кот...» Пока он это говорил, девушка и другой юноша не могли разглядеть ничего. Наконец, его друг сказал: «Если ты снова увидишь клудде, дай мне знать, и я пойду за ним». «Тогда смотри сейчас, — ответил юноша, — поскольку клудде бежит прямо передо мной». Его друг принялся смотреть во все глаза, но так и не смог увидеть клудде.

Так продолжалось, пока они не подошли к дому того молодого человека, который видел клудде. Перед домом лежал плоский камень, под которым отец этого молодого человека обычно клал ключ от дома, чтобы его не поднимали с постели, когда его сын поздно возвращался домой. «Неужели ты не видишь его? — воскликнул юноша. — Он сидит на камне и мешает мне взять ключ». Произнеся эти слова, он взял свою подругу за руку и добавил: «Пойдем, Миекен, мы проводим тебя домой, поскольку ты боишься». Вернувшись, он снова увидел клудде, по-прежнему сидевшего на камне. Его товарищ набрался смелости и направился к камню. Тогда клудде отпрыгнул в сторону, так что юноша смог взять ключ и открыть им дверь для своего товарища, который тут же поспешил внутрь, чтобы клудде не последовал за ним, а друг его спокойно ушел прочь, так и не увидев это привидение.

ОССХАЕРТ

В стародавние времена в городе Хамме, расположенном около Дендермонде, жил злой дух по имени Оссхаерт, которого мирные жители окрестностей города считали подлинным бичом божьим, поскольку этот дух хорошо относился к добрым христианам средних лет, но был истинным бедствием для греховодников, из которых он многих заставил вернуться на праведный путь.

Он обитал на том месте, где сейчас стоит церковь Тви-Брюген, и обычно проявлял себя не уходя далеко от этого места. Бывало, что какой-нибудь глупец, который не верил в этот дух, выкрикивал — или даже просто произносил вслух следующие слова:

Grypke, grypke grauw,
Wilt gy my grypjen, Grypt my pou.

*Грипке, грипке серый,
Если хочешь схватить меня, хватай сейчас.*

После этого Оссхаерт прыгал ему на спину и вцеплялся когтями в плечи. Пыхтя и стеная, наглец был вынужден нести Оссхаерта вперед, пока, на его счастье, не выбегал на перекресток, которого злой дух не в состоянии пересечь, отчего вынужден был слезать со своей жертвы.

Похоже на то, что подобные любители подразнить появлялись часто, поскольку чем дольше Оссхаерт жил в этих местах, тем злее он становился. Со временем он стал нападать не только на пьяных и озорников, которые решили его подразнить, но и на всех, кого он встречал в неурочный ночной час. Поэтому крестьяне старались покинуть поле до наступления заката, а путешественники до наступления ночи стремились найти себе кров. Те же немногие, кто вынужден был коротать ночь у костра, дрожали от страха и произносили горячие молитвы, чтобы злой дух не напал на них.

Но особенно тяжелой оказывалась встреча Оссхаерта с теми, у кого на душе лежал тяжелый грех. На таких он наваливался невыносимой тяжестью, глубоко вонзал когти, обжигал шею своим адским огненным дыханием, отравляя адским зловонием каждый вздох грешника. Даже когда измученный греховодник падал от слабости и боли, ему не было пощады. Ему приходилось подниматься снова и продолжать путь, пока он не оказывался возле перекрестка или образа Девы Марии.

Однако набожный священник из Хамме, глубоко огорченный неприятностями, которые Оссхаерт чинил его пастве, решил его прогнать. Благодаря процедуре изгнания дьявола Оссхаерта удалось прогнать к берегу моря, где тот бродит до сих пор.

Один старик из деревни близ Доеля рассказывал о многих проделках Оссхаерта, среди которых оказалась и следующая.

Его дед, тогда еще молодой человек, как-то вечером отправился к своей любезной. По возвращении ему надо было пересечь поле, и тут внезапно перед ним выросло чудовище в виде огромной лошади. Тогда дедушка подумал: «Стоп, это Оссхаерт, мне придется уйти с дороги». Он сделал это, намереваясь пройти через церковный двор. Но едва он вернулся на главную дорогу, как увидел перед собой огромную, как лошадь, собаку. Тогда дед повернул назад, перекрестился и направился новой дорогой, также ведшей на церковный двор. Но не успел он до нее добраться, как перед ним взад и вперед начал прыгать кролик. «Оссхаерт имеет сегодня особенные планы на мой счет», — подумал дед и повернулся, чтобы обойти церковный двор — но тут увидел гигантского осла с огненными, большими, как тарелки, глазами.

Это подействовало на деда так сильно, что хотя он и не мог причислить себя к большим трусам, но перепрыгнул через стену и во весь дух помчался домой. Добежал он до своей двери уже в холодном поту.

Некогда жил-был в Кильдрыхте рыбак по имени Бломмаерт, у которого не было жены, а только небольшая лодка, сеть и лачуга. Принося вечерами домой свой улов, он обычно бросал рыбу в ведро с водой, которое стояло у окна около очага.

Проснувшись как-то утром, он заметил, что часть рыбы куда-то пропала и что кто-то рассыпал золу по всему очагу — без сомнения, чтобы поджарить рыбу на еще не остывших углях. Рыбак обследовал свою хижину, но не нашел в стене ни одной щели и решил, что это Оссхаерт играет с ним такие шутки. Рыбак забыл об этом случае, но на следующее утро кто-то снова лишил его нескольких рыбин, зажарив их на углях. «Ну, — решил рыбак, — я отучу мастера Оссхаерта от его фокусов». Он засыпал очаг лошадиным навозом, который припорошил угольками.

Оссхаерт явился как обычно за жареной рыбой. Войдя, он произнес: «*Blommeken, vischkens braeyen*», — но пойдя к очагу, испортил прекрасную форель лошадиным навозом и отправился прочь, согнувшись и отряхивая руки. Видя это, рыбак, который в это время не спал, громко рассмеялся. Он наказал Оссхаерта — но тот знал, как отомстить. На следующее утро рыбак вышел из дома и забросил сеть, но когда попытался ее вытащить, то обнаружил, что сеть стала очень тяжелой. Наконец, после долгих мучений он вытащил сеть на поверхность воды и увидел, что в ней нет рыбы — только огромная куча лошадиного навоза. Теперь уж Оссхаерт от души посмеялся, а рыбак в досаде вернулся домой¹⁶⁴.

НЕККЕРЫ

В реках и ручьях часто можно видеть духов, которые бельгийцы германского происхождения называют неккерами. Эти духи иногда распевают хором прекрасные песни, а иногда их можно видеть за женским занятием — расправив волосы, они укладывают перед водой прическу. О них известно, что они могут разговаривать с людьми, а также играют во все известные игры.

Около Гента, на реке Шельда, часто видели маленького старика. Этот неккер (никс) постоянно вздыхал и стонал. Однажды двое детей, игравшие на берегу реки, увидели,

как он направляется к ним, и убежали, отчего неkker жалобно зарыдал. Он никому не причинял зла. Если какой-либо человек спрашивал его о причине его скорби, он обычно делал глубокий вздох и исчезал.

Во всем Брананте рассказывают, что неккеры высасывают кровь из утопленников. От ручьев нередко доносятся печальные детские голоса, но на них не следует обращать внимания, поскольку чаще всего это лишь фокусы неккера.

Те из утопленников, кто носил имя Ян, остаются в воде плывущими вертикально, и никакая сила не в состоянии положить их боком на воду.

ТРИ НИКСЕНЫ ИЗ ЮПИЛЛЕ

Однажды осенним вечером, когда веселые горожане Юпилле в конце сбора винограда танцевали и веселились на зеленой траве на берегу реки Мёз, к ним внезапно подошли три девушки и присоединились к празднующим. Они были облачены в платья ослепительной белизны; а их светлые локоны покрывали венки из свежих водяных лилий. Трудно было сказать — идут они по земле или плывут над ней. Молодые парни Юпилле никогда не встречали столь хороших танцорок.

Когда танцы завершились, все сели в круг, и три девушки начали петь, да такими красивыми голосами, что глаза всех присутствующих были устремлены на них, так что никто и не заметил наступления ночи. Все очень удивились, когда часы пробили полночь. Девушки, о чем-то пошептавшись, попрощались со всей компанией и скоро исчезли.

На следующий вечер, когда поднялась луна, они вернулись. Молодые люди тут же поспешили к ним, приглашая на танец. Поскольку ночь была душной, одна из девушек сняла свои перчатки и попросила своего партнера их подержать. Когда часы пробили двенадцать, они все еще танцевали. Испугавшись звука часов, девушки вздрогнули и поспешили прочь, но одна спросила: «Где мои перчатки?» Но молодой человек их не отдал, оставив себе как залог любви, так что девушка вместе со своими спутницами ушла без них. Ее партнер бросился вдогонку, желая узнать, где проживает прекрасная девушка. Они шли дальше и дальше, но когда добрались до Мёз, девушка прыгнула в воду и исчезла.

Когда на следующее утро влюбленный юноша вернулся на прежнее место, вода в реке была красной как кровь. Девушки больше никогда не появлялись¹⁶⁵.

ФЛЕРУС

На хуторе около Остенда жил фермер, дела которого шли прекрасно, так что в короткое время он стал одним из самых состоятельных людей в округе. Это процветание было достигнуто благодаря домашнему духу по имени Флерус, который обитал на хуторе. Иногда он принимал вид человека, иногда — животного. Если лошадь была больна, звали Флеруса, и он мгновенно появлялся в виде сильной и полной жизни лошади, охотно давал себя запрячь и выполнял в три раза больше работы, чем какая-либо другая лошадь. Он никогда не избегал работы: и если служанка не могла справиться с уборкой дома, Флерус приходил ей на помощь. Обычно он притаскивал воду. Он удовлетворялся в качестве вознаграждения небольшим количеством свежего молока с сахаром.

Но однажды пара молодых и легкомысленных служанок, которых добрая натура Флеруса избаловала, решили сыграть над ним шутку. Они позвали его, и он немедленно

явился, но когда он выполнил требуемую работу, они поставили перед ним его обычное лакомство — молоко, в которое вместо сахара был положен чеснок. Флерус лишь чуть пригубил молоко и исчез, произнеся:

Melk en look!

Flerus verhuist, En't geluk ook.

Молоко и чеснок!

Флерус удирает, и с ним уходит удача.

С этого часа больше никто не слышал и не видел Флеруса в этом месте, а дела пошли плохо. От него это место стали называть Флерусхоф.

ВЕРВОЛЬФ

Однажды один крестьянин отправился с луком на соревнование по стрельбе, но, оказавшись на половине пути от места назначения, внезапно увидел, как огромный волк выскочил из кустов и бросился к девушке, которая сидела на лужайке и приглядывала за коровами. Крестьянин, не теряя ни минуты, быстро вытянул стрелу, прицелился и сделал удачный выстрел волку в правый бок. С торчащей стрелой зверь с воем бросился в лес.

На следующий день крестьянин услышал, что слуга бургомистра лежит при смерти из-за того, что предыдущим днем в него попала стрела. Это очень удивило крестьянина, и он отправился к раненому. Попросив показать стрелу, он немедленно опознал в ней свою собственную. Крестьянин попросил всех присутствующих удалиться и, оставшись с раненым наедине, стал убеждать его признаться в том, как он получил свою рану. Тот признал, что является вервольфом, и на следующий день скончался.

МАЕРЕ

В деревне Алверинген знахаря вызвали к одной женщине, которая была одержима маере, то есть марой. Знахарь взял немного сухого песка, произнес определенные слова и бросил песок на ветер, а затем обсыпал песком все вокруг — под столом, под стульями и шкафом — короче, каждый уголок. Как только он сделал это, в комнате появилась женщина, которую никто прежде не видел и прихода которой никто не заметил. Недолго раздумывая, она быстро открыла дверь и исчезла. «Это была твоя мара, — произнес знахарь. — Она не скоро вернется, поскольку она сейчас помечена». Когда присутствующие спросили — как и с помощью чего она помечена, он ответил: «Простой песчинкой; но ее власть теперь подошла к концу».

Когда крестьяне убирали урожай в поле около Вилворде, они обнаружили обнаженную женщину, которая, как им показалась, спала. Но сон был каким-то странным, поскольку крестьянам показалось, что она не дышит. Не зная, что и думать об этой женщине, они позвали пастуха, который имел репутацию знатока темных сил. Увидев женщину, он сразу произнес: «Она не спит, это мара, она разделась, чтобы кого-нибудь покатать». Крестьяне в ответ на это рассмеялись и сказали пастуху, что он их дурачит, но тот сказал: «Подождите немного, и вы увидите кое-что необычное». После этого он наклонился к женщине и прошептал ей одно-два слова на ухо. И тут крестьяне увидели маленькое животное, длиной с палец и простой формы, которое пробежало в рот женщины. После этого пастух толкнул женщину с такой силой, что она трижды переверну-

лась и проснулась. Оглядевшись по сторонам, она вскочила и побежала прочь из всей мочи. Крестьянам оставалась только удивляться и изумляться.

Два молодых парня из деревни около Вильворде любили одну и ту же девушку. Один из них, который был красивее другого, имел недостаток. Он каждую ночь страдал от мары, от которой, несмотря на все свои усилия, не мог избавиться. Он пожаловался своему приятелю, что как только он отправляется в постель, так его тут же начинают мучить, и все средства оказываются тщетными. Его приятель рассмеялся и произнес: «О, нет ничего проще. Я дам тебе три совета; если ты им последуешь, они помогут тебе в будущем от подобного рода визитов. Возьми острый нож с острым концом, и когда будешь ложиться спать, направь этот конец себе в грудь, но не засыпай. Когда мара явится, это будет ее последнее посещение».

Бедный парень, радуясь возможности избавиться от призрака так легко, забыл от радости половину совета и направил *рукоятку* к груди, так что наружу торчало острие. И ему посчастливилось, что он сделал именно так, поскольку когда мара явилась как обычно, она поранилась об острие и больше не возвращалась. В противном случае она бы вогнала нож в грудь юноши.

Некогда в Льеже было много людей, которые по своему желанию могли насладиться мару на любого человека. Чтобы этого не произошло, многие давали им деньги, за которые получали бутылку. В эту бутылку надо было наливать собственную мочу, после чего бутылка ставилась на солнце, а потом приносилась тому человеку, которому давали деньги. Он вел их к водоему, поворачивал к воде спиной и бросал через голову в воду бутылку.

Одному дворянину, жившему в своем замке по соседству с Ситтардом, каждую ночь досаждала мара. Он послал за своим врачом, а потом за священником, но никто не мог дать ему средство против этой напасти. Об этом узнал один пастух. Он пришел к дворянину и сказал, что у него есть средство от мары. Когда дворянин спросил, что это за средство, он ответил: «Если мара придет снова, то ничего не делай, но как только она исчезнет, налей воды в бутылку и тщательно ее спрячь; ты увидишь кое-что удивительное». Дворянин так и сделал. Он запер бутылку в свой шкаф и спрятал ключ в карман.

На следующий день к воротам пришла старуха и спросила, не дадут ли ей какую-нибудь бутылку на продажу. Служанка отдала ей всю разбитую посуду, но старуха не стала уходить, а попросила служанку спросить у хозяина дома, нет ли у него бутылок. Хозяин сразу понял, что за бутылку старуха имела в виду, и ответил, что бутылок у него нет. Тогда старуха захотела поговорить с хозяином дома сама. Встретившись с ним, она начала умолять его отдать бутылку, которую он спрятал в шкафу. Когда дворянин отказал, она упала на колени и горько зарыдала, обещая, что не причинит ему больше вреда. После этого дворянин взял бутылку и разбил ее¹⁶⁶, после чего пинками выгнал старуху за дверь. Таким образом, он избавился от мары, которая после этого больше не возвращалась.

У деда моей тетки мингера ван Свигенховена была лошадь, одержимая марой. Об этом узнал сосед и принес два кирпича, которые положил крест накрест, быстро обмо-

тал веревкой и повесил на лошадь. После этого лошадь немедленно перестала потеть и шархаться, а мара больше ее не мучила.

КУЗНИЦЫ ГНОМОВ

В провинциях Валлонии не найдется деревни, в окрестностях которой нет пещеры или норы гномов. В лесах часто можно найти остатки заброшенных кузниц. Эти кузницы крестьяне называют кузницами гномов. Часто находят также железные и свинцовые чушки, которые относятся ко временам, в которые в этих местах жили гоблины.

Тем, кто относится к ним по-доброму, гномы стремятся услужить. Чтобы снискать их благорасположение, достаточно на ночь оставлять для них пищу.

ЛОДДЕР

Однажды теплым летом три жнеца отправились на поле, чтобы закончить свою работу, которую из-за сильной жары им пришлось прервать. Луна еще не поднялась, вокруг было темно, и они решили разложить одежду и посидеть, пока не посветлеет. Однако едва они успели разложить одежду, как услышали отдаленный скрежет цепей. Этот скрежет приближался все ближе и ближе и, наконец, достиг места, где лежали их одежды. Один из крестьян поднялся, чтобы взглянуть на одежду. Но она лежала на прежнем месте, хоть звон цепей не прерывался.

Тем временем постепенно становилось все темнее, а вдалеке слышалось приближение грозы. Крестьяне пришли к выводу, что вернуться к работе они не смогут, и решили вернуться домой. Они натянули на себя одежду, но при этом звон цепей стал слышен совсем близко. Что-то пробежало к ногам одного из крестьян, а потом подняло его в воздух. Крестьянин воскликнул так громко, как мог: «Лоддер! Лоддер! Бейте! Бейте! Я сижу на нем». Но его товарищи только посмеялись над ним, поскольку видели, как он удаляется, но не были способны увидеть лоддера, потому что тот сделал себя невидимым. Но чем больше они смеялись, тем более испуганным становился несчастный и тем громче кричал, — уж он-то знал, на чьей спине сидит. Короче, его уносили все дальше и дальше, пока не донесли к большому пруду, в который лоддер прыгнул, оставив испуганного крестьянина лежать полуживым от страха на траве.

Когда подошли остальные, они ясно увидели, что он был прав, и с тех пор никто больше не смеялся, когда ночью с ними случалось что-либо необычное.

Один неотесанный молодой парень пришел домой поздно ночью и, вставив ключ в замок, услышал, что что-то на земле постоянно произносит «тик-так», «тик-так», «тик-так». Наклонившись вниз, он увидел серебряные часы. Недолго думая, он сунул их себе в карман. Войдя в дом, он вытащил часы, чтобы посмотреть, какой час они показывают. В этот момент церковные часы ударили двенадцать — и часы в руке парня немедленно стали холодными как лед. Парень с изумлением увидел, что держит в руке большую жирную лягушку. В страхе он бросил ее на пол, но вместо лягушки на полу оказалась огромная собака с глазами, похожими на фонари. От взгляда собаки парень в испуге забрался на кровать, собака же метнулась из окна, которое само собой распахнулось. Раздался громкий смех, который долго потом звучал в ушах парня. Потом он понял, что его посетил лоддер.

В субботу вечером сельские парни обычно отправляются к окнам своих возлюбленных и назначают им свидания на воскресенья. Молодой парень из Тисселя отправился к своей любезной, но чтобы добраться до ее дома, ему надо было пересечь ручей. Однако когда он подошел к месту, где должен был располагаться мост, его там не оказалось. На траве сидел лоддер, который спросил: «Чего ты хочешь?». «Я хочу пройти к своей возлюбленной, — ответил молодой человек, — но я не вижу моста». «Тогда я тебе помогу», — ответил лоддер. Он начал вытягиваться в длину, так что его лапы достигли противоположного берега. Набравшись смелости, юноша взобрался на спину лоддера, прошел по его шее и рукам. Очутившись на другом берегу, юноша сердечно поблагодарил лоддера. Поговорив со своей милой, юноша направился домой. Проходя через поле с зерном, он услышал жалобный крик ребенка. Пospешив вперед, парень увидел мальчика лет семи. Посадив мальчика на закорки, парень продолжил свой путь к реке, где сидел лоддер. «Что это с тобой?» — спросил лоддер. «Несчастный ребенок, — ответил молодой человек, — который пробудет со мной до завтра, пока не сыщутся его родители». «Это хорошо», — сказал лоддер. Протянув лапы, он снова стал мостом через речку. Но как только парень ступил на этот мост, ребенок начал тяжелесть, так что лоддер выкрикнул: «Ты становишься слишком тяжел для меня, я сейчас тебя сброшу». «Подожди немного, дорогой лоддер, — ответил парень, — я пройду через секунду». Но мальчик становился тяжелей и тяжелей, и когда они были еще на спине лоддера, он внезапнодохнул жаром в молодого человека и вонзил свои длинные ногти в его шею. В тот же самый момент лоддер исчез, и молодой человек упал в воду. Здесь он немедленно перекрестился, после чего мальчик его отпустил. После этого он выбрался из реки и помчался домой быстро, как только мог, слыша, как сзади него разносится «Ха-ха-ха!».

ВЕДЬМАЧЕСТВО

В деревне Оостброук, около Утрехта, жила вдова. У нее был слуга, который выполнял работы и в поле, и по дому. Слуги обычно любопытны, и этот слуга как-то заметил, что его хозяйка, когда все спят, отправляется в уголок стойла и здесь берет сено из кормушки. Это очень удивляло слугу, и он стал размышлять — зачем его хозяйка так делает, и что произойдет, если он начнет делать то же самое. И потому однажды, после того, как она побывала в стойле, он отправился туда же тщательно все осмотреть и взять сено. Но не успел он взять сено, как тут же его перенесло по воздуху в маленький городок Вик в большой подземный погреб, где он обнаружил себя среди множества мужчин и женщин. Когда его хозяйка и остальные увидели слугу, сначала они испугались и начали спрашивать, как он сюда попал. Слуга чистосердечно все рассказал. Услышав это, его хозяйка впала в дикую ярость и немедленно принялась обсуждать со своими спутниками, что они должны предпринять. Однако большинство считало, что следует принять слугу по-дружески и обязать его не болтать. Когда настал час расставаться, снова вспыхнуло обсуждение — следует ли убить незваного гостя или же оставить на свободе. Сошлись на последнем. После того, как слуга пообещал не говорить того, что видел, хозяйка взяла его на плечи, и они оба поднялись в воздух. Но когда они прибыли к озеру, хозяйка решила, что лучше будет сбросить его в воду, поскольку это положит конец всем ее тревогам. Она резко повернулась, и бедный парень полетел в воду.

Но его ангел-хранитель не позволил молодому человеку умереть. Парень остался жив, хотя и лежал в камыше, мучаясь от боли и жалобно стоная. Проходившие мимо

люди слышали его, вытащили из озера и начали расспрашивать, что с ним произошло. Тогда он рассказал им, что с ним случилось. После этого они отвели его в фургон и отвезли в Утрехт, где он рассказал свою историю бургомистру Джону Кулембургу. Весь магистрат пришел от этой истории в изумление. После этого вдову схватили и после расследования приговорили к наказанию, которое она заслужила.

ДЛИННЫЙ ВАППЕР ИЗ АНТВЕРПЕНА¹⁶⁷

Один правдивый рассказчик утверждал, что его отец, старая тетка и знакомые рассказывали ему в детстве много историй о Длинном Ваппере и о тех шутках, которые Длинный Ваппер устраивал над жителями доброго города Антверпена.

Его проделки были вызваны желанием пошалить и не всегда приносили вред, но если рассматривать их вместе, то нельзя не найти их злыми. Хорошо известно, что он унес множество людей — и только один Бог знает куда. Люди боялись говорить о нем, поскольку опасались, что в эту минуту он находится рядом. Кем или чем он был, никто не знал. В те времена, когда он обитал в городе, его имя редко произносили — и только когда исчезли все следы его присутствия, люди осмелели и стали рассказывать друг другу свои воспоминания о нем. Школьная учительница рассказчика этой истории, очень религиозная дама, часто говорила о нем и утверждала, что он является потусторонним духом. Однако сам рассказчик пришел к выводу, что это был просто богатый горожанин, заключивший сделку с дьяволом. Позднее рассказчик услышал, что несколько дворян из высокородных семейств города были в союзе и даже породнились с ним, так что у них имелись веские основания держать всю историю в тайне.

В прежние времена река Вапперсруи не была перекрыта сверху, и мост через нее находился в месте, которое сейчас называется Вапперсбрюке. Название пошло от того, что именно здесь главным образом охотился Длинный Ваппер. Обычно он появлялся под мостом и на своих длинных ногах брел к какому-нибудь возвышению, а, взобравшись на него, немедленно съеживался, принимая облик одного из уличных мальчишек. После этого он смешивался с толпой детей, и никто не мог его распознать, поскольку он принимал вид того из мальчишек, которого в данное время не находилось в толпе. Это происходило обычно в вечерние сумерки, поскольку именно в это время мальчишки, придя из школы и пообедав, принимались за игры. Одной из их любимых игр была «пни шляпу». В этой игре один из мальчиков, на которого падал жребий, давал свою шляпу. Эту шляпу другие пинали друг к другу, пока хозяин ее не перехватит. Игра шла весело, пока жребий не падал на Большого Ваппера — горе было тому, кто первый пинал его шляпу! Его деревянные башмаки разлетались на куски, а большой палец разбивался в кровь, поскольку эта шляпа оказывалась тяжелым железным горшком. После этого можно было услышать громкое «Ха-ха-ха!» проказливого духа, которого все бросались искать, но нигде не могли найти.

Ночью, когда дух не мог больше найти мальчишек, чтобы над ними подшутить, не было ни одной улицы в городе, где жители не опасались бы его проделок. Ни почтенная пожилая женщина, ни молодая девушка не могли выйти из дома в поздний час, не подвергая себя риску стать жертвой его шуток. По соседству с мясным рынком он совершил особенно много постыдных деяний, хотя какими они точно были, рассказчик не помнит. Только два рассказа задержались в его памяти, да и то из-за того, что они приключились с его знакомой. Эта женщина возвращалась домой после работы при-

мерно в одиннадцать часов вечера, когда вдруг услышала крик маленького мальчика со стороны мясного рынка. Придя на место, знакомая нашла там на каменной скамье бедное маленькое создание, которому на вид было совсем мало лет. Дитя было облачено в аккуратные белые пеленки. Женщина взяла это маленькое существо и прижала к своему животу, думая, что держит оставленного родителями ребенка. Поскольку ребенок кричал, и его никак нельзя было успокоить, добрая женщина решила покормить его грудью, поскольку у нее в данное время был малыш. Сделав это, она пошла дальше, но с каждым шагом ее ноша становилась все тяжелей и тяжелей, так что всего в нескольких шагах от дверей своего дома она была уже не в состоянии держать ребенка. Ребенок выскользнул из ее рук — но не упал, просто соскользнул вниз, после чего раздалось «Ха-ха-ха!». Она повернулась, и какой-то голос сказал ей: «Спасибо, добрая женщина, спасибо! Я отлично утолил свою жажду». Удивившись, женщина попыталась найти говорящего, и обнаружила неподалеку от себя Длинного Ваппера; его голова поднималась много выше крыш домов.

С этого времени женщина стала очень осторожной. Когда она, возвращаясь домой, видела что-то хоть в малой степени подозрительное, она немедленно крестилась или призывала на помощь мать Божью, одного из святых или ангелов. Естественно, после этого все было хорошо. Следуя этому обыкновению, она долгое время не попадала ни в какие неприятные истории. Однако однажды, возвращаясь в полночь домой, она внезапно увидела перед собой на земле белый носовой платок или салфетку. Подумав, что это сулит удачу, она подняла платок. Но платок внезапно стал расти и вдруг выскользнул из ее рук. В конце концов платок стал таким большим, что она поняла, что это снова Длинный Ваппер. Ваппер лениво начал перешагивать через дома, громко смеясь. Подобного рода проделок можно пересказать очень много, поскольку что-нибудь случалось каждую ночь, и не только в одном месте, а во многих в одно и то же время — по всей видимости, Длинный Ваппер мог делиться на части.

Можно рассказать и о множестве форм, которые он принимал! Иногда он становился котом, иногда — собакой, иногда — священником, иногда — богато одетым человеком, который при помощи конфет уговаривал детей идти вместе с ним и уводил их Бог знает куда. Часто он стоял на большой высоте в больших окнах церкви и старался раздражить прихожан ругательствами и святотатством. В другой раз он стучал в окна второго и даже третьего этажа, чем наводил на жителей страх. Если он видел какую-нибудь кружевницу или других мастеров или мастериц, засидевшихся допоздна за работой, то обычно кричал им: «Ночь для меня, день для вас!»¹⁶⁸ В богатых домах он обычно появлялся в виде какого-либо знакомого хозяев дома и усаживался вместе со всей семьей за столом. Когда вся семья в мире устраивалась за столом, он внезапно исчезал, смеясь над хозяевами. Часто он участвовал в карточной игре, проигрывал большие деньги и отказывался платить. Если после этого возникала ссора, он обычно вызывал остальных выйти, чтобы разобраться, после чего кто-то обычно расставался с жизнью.

Умерший ныне отец рассказчика был убежден, что одной из главных целей Длинного Ваппера было уничтожение души. Доказательств этому служил следующий случай: один человек, жена которого собиралась рожать, отправился поздним вечером за акушеркой и встретил на своем пути столько трудностей, что только пересказать их является непростой задачей. Тем временем бедная женщина осталась наедине со свои-

ми страданиями, и в конце концов ребенок так бы и умер некрещеным, если бы этот человек — который был дядей рассказчика — не помолился.

Но лучшим средством против Длинного Ваппера был образ Пресвятой Девы, мимо которого он пройти не мог. С тех времен образы Девы устанавливаются на углах всех улиц — и это главная причина того, что Длинный Ваппер покинул Антверпен. Ныне он охотится на морском берегу.

В предыдущем рассказе о Длинном Ваппере мы упомянули, что никто не осмеливался говорить о нем плохо, и даже не мог шепотом высказывать о нем самые невинные предположения, поскольку не было уверенности, что говорящий не разговаривает с самим Длинным Ваппером. Те, кто говорил о нем, кончали плохо. Когда они выходили вечером на улицу, они могли встретить — в том или другом месте — его ноги, между которыми им приходилось проходить. Или Длинный Ваппер расставлял ноги от края до края улицы и высился над крышами, так что те, кто хотел взглянуть на него, ломали себе шею.

Когда он играл с детьми, то часто позволял им выигрывать, особенно при игре в стеклянные шарики; но когда дети возвращались домой и, полные радости, хотели показать свой выигрыш, стеклянные шарики превращались в вонючие конские каштаны.

Однажды он играл с ребятами в разбойников напротив церкви Братьев Проповедников, и ему выпал жребий стать палачом. За эту задачу Длинный Ваппер взялся с большим удовольствием. Когда дело дошло до повешения, он и в самом деле повесил мальчика, который изображал вора, так что несчастный ребенок умер. После этого Длинный Ваппер немедленно прыгнул в воду, оставив остальных с мертвым и смеясь над ними.

Через несколько дней после этого злодейского поступка некий бондарь в Св. Питерсвлиете принял к себе на службу одного странника, который поначалу относился к своему делу очень ответственно. Но однажды хозяин попросил слугу бросить горсть опилок в бочонок и поджечь их, как часто делают бондари. Но не успел хозяин понять, что произошло, как слуга поджег всю мастерскую и порубил все обручи на куски. Когда бондарь увидел это, он пришел в ужас — и был готов схватить злодея за волосы, чтобы отомстить ему за ущерб, — но слуга убежал, невзирая на погоню. Издав свой обычный ехидный смешок, слуга прыгнул в воду. После этого бондарь понял, с кем имел дело. Пospешив назад, он увидел свой дом в огне. Пожар удалось погасить с большим трудом, с помощью соседей.

Вскоре после этого Длинный Ваппер нанялся к пивовару. Целый день он был трудолюбив и внимателен. Вечером его попросили откатить большую бочку пива. Длинный Ваппер покатил ее так, что она попала на другого слугу, отчего бедняга скончался. Все слуги пивовара бросились за Ваппером, чтобы отомстить за своего товарища, но он прыгнул в реку Броуверсвлиет и был таков. Кое-кто из не понявших, с кем имеют дело, прыгнул за ним, чтобы его схватить, но, к сожалению, люди эти утонули.

Еще раз он появился в виде продавца мидий. Подойдя к дому, перед которым сидели четыре женщины, он настойчиво стал убеждать их купить мидии. Открыв одну из мидий, он щедро предложил одной из женщин ее отведать бесплатно. Женщина взяла мидию, но когда она положила моллюска в рот, он оказался землей. Продавец извинился и открыл вторую мидию. На этот раз все четыре женщины видели, что это была прекрасная высококачественная мидия. Теперь уже вторая женщина взяла ее в рот, но

тут же ощутила, как во рту что-то шевелится. Она выплюнула... большого черного паука. Женщины набросились на продавца, но он стал драться — да так, что избил двоих женщин до полусмерти и исчез.

Столь же отвратительной была его шутка с тремя молодыми людьми. Они сидели вместе на улице Риддер и хотели сыграть в карты, но им нужен был четвертый партнер. Длинный Ваппер проходил мимо и предложил разделить компанию, и игра началась. Начавшийся почти немедленно спор между ними скоро перерос в драку. Длинный Ваппер забил своих противников насмерть, одного за другим, а затем исчез — никто не знает как и куда. Он вообще часто затевал ссоры с игроками и убегал, а когда за ним пускались в погоню, сталкивал преследователей в воду, где они гибли. Однажды он зашел в гостиницу под знаком Рога на вывеске, и произвел такой переполох, что ночная стража решила схватить его — но он убежал от нее и прыгнул в воду. Те, кто попрыгал в воду за ним, желая его схватить, заплатились за свою неосторожность жизнями.

Иногда он появлялся в виде маленького ребенка. Однажды в Бедденстраете какие-то люди нашли новорожденного ребенка, лежащего посреди дороги на куче навоза. Они немедленно взяли маленькое создание в дом, обогрели его и накормили с помощью соски, а потом на протяжении десяти дней всячески о нем заботились. Потом ребенок вдруг стал быстро расти, перерос дом и начал смеяться над добрыми людьми, которые отнеслись к нему столь сердечно. Аналогичный случай произошел с одной прачкой, которая, возвращаясь домой, нашла на улице ребенка. Она взяла ребенка домой и стала кормить. Когда тот наелся и согрелся, то, громко рассмеявшись, внезапно произнес: «Спасибо, мама, мне было холодно, и я был голоден». С этими словами он исчез в камине. Нечто похожее однажды случилось с тремя парнями. Они отправились нарезать лозы и на эспланаде у крепости нашли ребенка, лежавшего прямо на дороге. Поразмыслив, что с ним делать, они пришли к мнению, что кому-нибудь из них придется взять ребенка с собой и отнести его к своей матери. Один из парней взял ребенка на руки и пошел домой в сопровождении остальных. Однако не успел он пройти далеко, как начал жаловаться на слабость и попросил одного из спутников понести ребенка. И в руках другого парня ребенок был так тяжел, что парень упал с ребенком на землю, после чего было решено, что ребенка должны нести двое. Некоторое время им удавалось нести, но потом стало тяжело даже двоим, так что им на помощь пришел третий. Но они прошли всего несколько шагов, и ноша стала тяжелой даже для троих, так что они положили ребенка на траву и сели с ним рядом. После этого ребенок внезапно стал увеличиваться в размерах, становиться все больше и больше, и тут троица увидела, что перед ними Длинный Ваппер.

Одного бедолагу Длинный Ваппер однажды напугал до смерти. Этот человек был так беден, что даже не имел соломы для кроватей своих детей. Когда однажды вечером он вернулся с работы, он увидел на улице большую охапку соломы. Эту охапку он с готовностью взял домой, сказав себе: «Теперь моим бедным детям будет мягко спать». Но не успел он опустить охапку на пол своего жилища, как она сама собой стала прямо. Увидев это, хозяйка дома побежала за святой водой. Едва она побрызгала сено святой водой, оно тут же вылетело через дымоход.

Но гораздо более тяжелый случай произошел с одной богатой женщиной в Антверпене. Эта дама вела весьма распутный образ жизни, и у нее было четыре любовника, которые посещали ее вечером в разные часы, так что ни один не знал о других. Однаж-

ды Длинный Ваппер принял вид этой дамы. В десять часов пришел первый любовник, и Длинный Ваппер сказал ему: «Чего ты хочешь?»! «Я хочу тебя в жены», — ответил гость. «Ты получишь меня, — произнес Длинный Ваппер, — если немедленно отправишься к церкви Богоматери и два часа просидишь на поперечине большого креста». «Хорошо, — ответил гость, — я сделаю это». Он ушел и сделал то, что от него просили.

В половине десятого пришел второй. «Что тебе нужно?» — спросил Длинный Ваппер. «Я хочу на тебе жениться», — ответил ухажер. «Я выйду за тебя, — произнес Длинный Ваппер, — если ты отправишься к церкви Божьей Матери, возьмешь гроб, подтащишь его к основанию большого креста и пролежишь в нем до полуночи». «Хорошо, — сказал ухажер, — я сделаю это немедленно». Он ушел и выполнил это требование.

Примерно в одиннадцать пришел третий. Его Длинный Ваппер отправил к гробу, который стоял у подножия креста в церковном дворе Девы Марии, чтобы он трижды постучал по крышке, а потом оставался на месте до полуночи.

В половине одиннадцатого пришел четвертый, и Ваппер спросил его, что тот желает. «Жениться на тебе», — ответил четвертый. «Так будет, — посулил ему Ваппер, — если ты возьмешь на кухне железную цепь на кухне и, увлекая ее за собой, обойдешь три раза вокруг большого креста на дворе церкви Девы Марии». «Хорошо, — сказал четвертый, — я так и сделаю».

Первый забрался на крест, но упал от страха на землю, когда увидел, как второй ставит гроб у его ног. Второй умер от страха, когда третий трижды постучал по крышке гроба. Третий упал замертво, когда пришел четвертый, гремя цепью. А четвертый не знал, что и думать, когда обнаружил своих трех соперников лежащими вокруг креста неподвижно и уже холодными. Во весь дух он побежал с церковного двора к своей любовнице, чтобы рассказать ей, что произошло и заставить ее сдержать свое слово. Но, конечно, она ничего не могла объяснить. Когда на следующий день этой женщине рассказали о жалкой смерти ее любовников, она покончила с собой.

ДИКАЯ ОХОТА

Однажды на следующую ночь после того, как умерла любовница одного священнослужителя, через лес ехал некий солдат со своими товарищами. Внезапно они услышали женский голос, звавший на помощь, и вскоре после этого они увидели бегущую к ним женщину. После этого один из солдат сошел со своей лошади, очертил вокруг себя на земле круг и вовлек в этот круг женщину. Немедленно после этого солдаты услышали шум в воздухе, словно от множества охотников и собак. Услышав этот звук, женщина задрожала от страха. Но солдат, передав поводья своей лошади одному из своих товарищей, взял женщину за косы и накрутил их на левую руку, правую же руку с саблей он выставил перед собой.

Когда Дикая охота оказалась уже совсем рядом, женщина прошептала солдату: «Скачите без меня, скачите без меня, он сюда идет». Однако солдат продолжал крепко держать ее за косы. Тогда женщина вырвалась, оставив косы в его руке, и побежала. Однако Дикий охотник догнал ее и перекинул через седло, так что голова и руки женщины свисали с одной стороны, а ноги — с другой.

На следующее утро, когда солдаты прибыли в город, они рассказали об этом происшествии и в доказательство показали волосы женщины. Горожане поначалу им не поверили, но потом все же отправились на кладбище и открыли гроб, где нашли тело без волос.

ПОДАРОК ДИКОГО ОХОТНИКА

Однажды поздно вечером два крестьянина шли через Сонинбуш. Один из крестьян был изрядно пьян, другой же, человек набожный, оставался трезвым. Внезапно они услышали где-то вдалеке щелканье кнутов, лай собак и топот лошадей. «Боже, сохрани нас, это Дикий охотник!» — сказал трезвый крестьянин. Но пьяница рассмеялся и произнес: «Я хотел бы знать, чем поживился этот бес», — после чего громким голосом выкрикнул: «Привет тебе, господин охотник, прошу, поделись со мной частью твоей добычи». Набожный крестьянин при этих словах перекрестился, и они оба продолжили путь. На следующее утро, когда жена пьяницы вышла из дома набрать воды, она открыла дверь и обнаружила за ней заднюю четверть туши быка, который умер в деревне примерно месяц назад и был брошен на общую свалку. Мясо ужасно воняло и кишело червями и личинками.

ВЕЧНЫЙ ОХОТНИК В ВИНЕНДАЕЛЕ

По соседству с замком Винендаел, который раньше был дворцом графов Фландрии, много лет назад жил старый крестьянин, у которого был сын, безумно любивший охоту. Вместо того чтобы пахать и обрабатывать поля, он почти все время скакал по лесам и рощам. Его отец часто порицал его за это увлечение, но сын продолжал вести себя по-прежнему.

Когда старый крестьянин лежал на смертном одре, он позвал к себе своего сына, чтобы дать ему последнее христианское напутствие. Но сын не пришел, свистнул своих собак и исчез в кустах. Тогда уязвленный отец в отчаянии проклял его горькими словами: «Ну, так охоться же вечно! Да-да, вечно!» После этого он повернулся лицом к стене и испустил дух.

С этого времени несчастный сын вынужден был безостановочно бродить среди лесов. Ночью часто можно слышать, как он кричит: «Джако! Джако! Джако!», и от соседних лесов доносятся звуки охоты и лай собак.

Другие утверждают, что охотник после проклятия отца превратился в хищную птицу и в таком виде летает по округе, нападая на людей и животных с криками: «Джако! Джако! Джако!»

Впоследствии старые леса вокруг Винендаела были вырублены, и охотнику пришлось перебраться в другие места.

КРЕЩЕНИЕ ДЖЕКОВ О'ЛАНТЕРНОВ

Джеки О'Лантерны, как утверждает предание, являются душами некрещеных детей. Эти души не могут достичь неба и поэтому обитают в лесах, темных и пустынных местах, где оплакивают свою печальную судьбу. Если ночью они замечают какого-нибудь человека, они бегут к нему и окружают его, чтобы этот человек показал им дорогу к воде и окрестил их. Нельзя пренебрегать их мольбами, потому что бедные создания вынуждены оставаться за воротами рая, пока кто-нибудь не сжалится над ними.

ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ МАЛЕГИ

Как-то в понедельник, после *Tuindag* (ярмарочного дня), в 1521 году три молодые девушки — Магдалена Гиселин, Люсия Лармесон и Максима Ванден Дрисше, — жившие неподалеку друг от друга на улице Реколлетс в Ипре, соблазнившись вечерней про-

хладой, решили неспешно прогуляться по городу. Внезапно на улице Темпл они с удивлением увидели небольшую лошадь, которая, похоже, бродила без хозяина. Животное оказалось настолько красивым, что все три девицы замерли, любуясь им. Кожа лошади была белой, без волос, и удивительно гладкой. И на правой и левой ляжках лошади было словно вышито по зеленому попугаю, а с крупа свисало множество цветочных гирлянд. Ноги лошади были округлыми, как колонны, грива напоминала золотую бахрому, а в хвост было вплетено множество разноцветных лент. На спине было седло из розовой парчи.

Пока три девицы любовались удивительной лошадкой, к ним подбежал человек, который, похоже, был хозяином животного. Повернувшись к девушкам, он спросил их — видели ли они когда-нибудь столь красивую верховую лошадь? «Нет», — с пылом ответили они. «В это нетрудно поверить, — галантно продолжал незнакомец, — поскольку эта лошадь прибыла из Японии. Я только сегодня приехал в Ипр. Но другие ее качества еще более удивительны, чем красота. Лошадь эта не терпит мужчин на своей спине и немедленно сбрасывает их и имеет особенную склонность к тому, чтобы нести на себе молодых девиц, что можно видеть по этому превосходному седлу. Если кто-нибудь пожелает взобраться на эту лошадь, она немедленно становится на колени, чтобы легче было взобраться в седло. И если вам угодно, благородные девицы, вы можете прокатиться на ней все втроем, надо только сказать, где вы живете или куда хотите отправиться, — она доставит вас на место со всеми удобствами, радуясь возможности услужить».

«Ну, что скажете? — спросила Магдалена, самая смелая из троих. — Я уже один раз ездила верхом, и если вы решитесь поехать, сяду спереди и буду держать поводья. Вы должны сесть сзади и крепко держаться за меня». «Мы согласны», — сказали обе ее товарки. «Тогда наберитесь храбрости и садитесь, — сказал человек, и хлопнул рукой по крупу животного: — Согни колени перед юными дамами, чтобы они могли сесть». «Только, — обратилась Магдалена Ванден Дрисше к этому человеку, — вы не должны позволять этой лошади бежать или взбрыкивать. Скажите сначала, куда вы ее поведете». «Не бойтесь, — ответил человек, — она не будет взбрыкивать, скажите лишь, куда вы хотите отправиться». «Домой, — ответили все три хором. — Мы живем рядом друг с другом на улице Реколлетс». «Так, моя кляча, ты слышала: будь умницей и отвези этих трех дам», — сказал мужчина необычному животному.

Магдалена быстро уцепилась за плетеные шелковые поводья, чтобы направлять лошадь, — и гордое животное пошло вперед так плавно, что его поступи было почти не слышно. Но понемногу шаги лошади становились быстрее и быстрее, и наконец, она понеслась по дороге, подобно стреле. Лишь когда лошадь оказалась за городскими воротами, девицы поняли, что их обманули.

Наступила ночь, и девицы не могли понять, куда отвозит их лошадь. Внезапно она остановилась перед величественным и огромным дворцом. Многочисленные окна его казались дверцами печей — так освещен был дворец. Мелодичные звуки тысяч музыкальных инструментов зачаровывали слух; казалось, что внутри дворца идет веселый бал.

Ворота распахнулись, и лошадь провезла трех девушек внутрь. За ними проследовал и хозяин лошади. За ним двери закрылись сами собой. Спустя мгновение открылась боковая дверь, и перед девушками из Ипра предстали многочисленные и богато одетые

дамы. В середине помещения стоял богато уставленный стол, во главе которого стоял внушительного вида человек, который был, похоже, хозяином особняка.

Некоторые из этих молодых дам поднялись из-за стола, подошли к трем девицам и помогли им сойти с лошади Малег, которая снова согнула колени. После этого дамы пригласили девушек войти. Но девицы, которые никак не могли оправиться от удивления, попросили прощения за свое неуместное появление во дворце и начали рассказывать, что с ними произошло. Однако их извинения не были приняты, и им пришлось принять приглашение молодых дам. Они вошли в зал и, едва скользнув взглядом по пышным нарядам дам, устремили свои взоры на хозяина особняка. Он был одет в просторную мантию из парчи, покрывавшую его с ног до головы. На голове у него находилось некое подобие тюрбана, спереди которого было пристроено небольшое зеркальце, окруженное алмазами и другими драгоценными камнями. Этот человек оказался не менее гостеприимен, чем юные дамы, и своими льстивыми речами так расположил их к себе, что девицы сели за стол и приняли участие в трапезе.

Они решили подождать с объяснениями до окончания ужина — но когда девицы заговорили о своих родителях, которых беспокоит их долгое отсутствие, хозяин дворца поднялся с места и произнес: «Дорогие друзья! Поскольку лошадь Малег доставила нам удовольствие, принесла в наш особняк этих благородных девушек, мы должны сделать все, чтобы их пребывание у нас было веселым и приятным. Давайте сейчас же приступим к игре».

Словно ожидая этих слов своего повелителя, дамы тут же образовали круг, оставив свободное место для девушек из Ипра, которых они стали убеждать присоединиться к ним. Но Магдалена Гиселин сказала: «Я не могу играть с вами, поскольку мои родители встревожатся, если я буду долго отсутствовать». «И я тоже», — сказала Лусия Лармсон. «Я обязательно должна ночью быть дома», — произнесла Максима Ванден Дрисше как самая младшая, боявшаяся наказания. После отказа глаза хозяина дома приняли такое дьявольское выражение, и на лице проявилась такая мрачная злость, что они поспешно заняли место в круге, только бы не видеть этого ужасного зрелища. Девицы подумали, что отказываться невежливо и они виноваты в изменении настроения хозяина дома. И присоединились к игре в фанты.

В этой игре им надо было повторять те слова, которые произносил владелец дворца. Это девушки делали медленно, поскольку под его взглядами совсем лишились присутствия духа. Эта медлительность приводила к их проигрышам, так что девушки быстро проиграли то, что имели. В конце концов они расстались со своими украшениями — сережками, цепочками, кольцами и браслетами — и даже со своими платьями. С бьющимися сердцами они ожидали окончания игры.

«А теперь, — произнес хозяин дворца, — перед тем, как мы приступим к выкупу фантов, давайте выпьем за здоровье лошади Малег, которая столь удивительным образом привезла этих юных дам в нашу обитель». После этих слов глаза дворцовых дам вспыхнули и даже начали выбрасывать маленькие языки пламени, которые почти ослепили трех девушек. Наконец, вперед выступил хозяин лошади. Он наполнил бокалы и начал обносить всех с подносом. Казалось, что губы хозяина дворца при этом произносят какие-то таинственные слова. Любой, кто спокойно бы пригляделся к нему, заметил бы, как его тюрбан стал увеличиваться в высоту, словно под ним что-то росло.

Присутствующие поднесли бокалы ко рту, но, сделав первый же глоток, три девицы словно очнулись ото сна и увидели, что находятся под ночным небом, среди покрытой росой травы на дне большого оврага. Волшебство подошло к концу. Три девушки сидели в глубокой яме на горе Кеммельберг, расположенной в двух часах езды от города, но совершенно не знали, где они находятся. Легко представить, с каким унынием они взирали друг на друга, оказавшись посреди ночи полураздетыми в неизвестно где расположенной яме, из которой ничего нельзя было разглядеть, кроме звезд в небе. Однако молчаливое недоумение уступило место жалобам и стенаниям по поводу своей несчастной судьбы. Наконец, найдя способ выбраться из ямы, они побрели с непокрытыми головами и босиком в обход горы, пока в конечном счете не набрали на дом крестьянина, к которому и направили свои шаги.

Они постучали в дверь; хозяин дома поднялся и спросил, что они хотят. Девушки рассказали ему о том, что с ними приключилось, и поинтересовались названием места, где они находятся. «На горе Кеммельберг, — был ответ, — и насколько я понял, вы попали на бесовский шабаш, который устраивается здесь с ужасным шумом каждую ночь. Всего час назад я встал и выглянул из окна, но не увидел ничего, кроме множества огней, хотя явственно слышал непрекращающийся шум игры, пения и танцев».

Три девицы стали умолять его дать им взаймы какую-нибудь одежду и помочь, но жена крестьянина, которая, лежа в кровати, слышала весь разговор, крикнула: «Нет, Клаес, не помогай им — люди, которые приходят полуголыми, не могут быть никем, кроме как ведьмами. Они пришли обмануть нас и околдовать нашего ребенка, и я уже слышу, как он кричит. Надо схватить и сжечь их». «Полагаю, ты права, жена, — сказал этот человек, — поскольку невозможно, чтобы эти три молодые девушки из Ипра, дочери уважаемых родителей, пришли бы на гору Кеммельберг в столь неурочный час и без одежды». Сказав это, он схватил Магдалену, которая стояла к нему ближе всех, за синюю нижнюю юбку. Люсия и Максима побежали вниз по горе, чтобы спастись. Магдалена вскрикнула и начала сопротивляться, но без всякой надежды на спасение. К счастью, крючок на ее одежде сломался, так что ей удалось убежать, оставив юбку в руках крестьянина.

Пройдя множеством незнакомых дорог, полуодетые девушки, с полными слез глазами, с красными от стыда щеками и бьющимися сердцами, наконец, набрали на приют, в двери которого они и постучали. Они не решились рассказать поднявшемуся с постели хозяину, как приобрели столь плачевный вид. Опасаясь, что их встретят так же, как и в прошлый раз, они наскоро сочинили историю, что на них напали разбойники, которые отобрали у них платья. Эта история вызвала жалость у хозяина приюта, и он нашел девушкам одежду.

«Кто вы?» — спросил хозяин. «Я, — произнесла Магдалена, — являюсь дочерью Балдина Гиселина, а это мои ближайшие соседки». «Что, дочь моего друга Гиселина с улицы Реколлетс в Ипре? — воскликнул хозяин. — Если так, то я немедленно запрягу лошадей в фургон, в котором на прошлой неделе отвозил ему дрова, и этой же ночью отвезу вас домой». «О, сделайте это, сделайте это, добрый человек, — одновременно воскликнули все три девицы. — Наши родители щедро вознаградят вас за беспокойство». Не прошло и получаса, как фургон с двумя лошадьми стоял готовый перед дверями гостиницы. Девушки, одетые в одежды жены хозяина, забрались в фургон, после чего он немедленно двинулся к городу. Когда фургон проехал около часа, хозяину по-

казалось, что он сбился с пути. «Вот удивительно, — сказал он. — Я знаю дорогу от Кеммеля до Ипра так же хорошо, как “Отче наш”, и все же поехал неверным путем». Понятно, что девушки завогнувались, поскольку они еще помнили лошадь Малегу, которая удивительным образом переносила их через ограды и канавы. «Удивительно, — снова произнес хозяин. — Я не могу править своими лошадьми. Мы в середине поля, и я не могу понять, как лошади сюда пришли». Фургон стал двигаться все быстрее и быстрее, легко проходя через овраги, заросли, вспаханную землю и через ручьи. Перед лошадьми постоянно следовал какой-то призрак. «Это призрак лошади Малегу», — в тревоге прошептали девушки. Наконец, лошади выбрались на широкую дорогу, и здесь фургон остановился. С лошадей буквально лился пот. Призрак исчез, а на горизонте начал заниматься рассвет. «Ведьмы с горы Кеммельберг вели нас по неправильной дороге, — сказал хозяин, белый, как покойник. — Но их власть пришла к концу, поскольку на востоке начинается рассвет». В этот момент он увидел, как поле пересекает какой-то крестьянин. «Друг, что это за дорога, на которой мы находимся? — спросил хозяин. «Что за дорога?» — повторил незнакомец. «Тебе это покажется смешным, однако мне приходится задавать такой вопрос, поскольку я отправился из Кеммеля в Ипрес в уверенности, что знаю дорогу, но сейчас никак не могу узнать местность вокруг». Крестьянин улыбнулся: «Верю тебе, друг, — сказал он. — Ты говоришь об Ипре, но ты в десяти часах езды от него, поскольку ты сейчас находишься на дороге из Стинвоорде в Кассель. Разве ты не видишь город далеко впереди?» «О, небеса, — воскликнули девушки со вздохом, — как могли мы проявить такую глупость, что согласились ехать на лошади Малегу?» Кто знает, где бы они могли оказаться, если бы рассвет не прогнал призрак Малегу?

В тот день они все-таки добрались до Ипра. Легко представить, что происходило в доме, когда они вернулись. Печаль и беспокойство сменились на радость и изумление относительно того, что произошло.

Через три года Магдалена Гиселин вышла замуж, и то удивительное приключение, которое произошло с ней и ее подругами, было запечатлено на стене лучшей комнаты ее дома вместе с датой. Магдалена объяснила все, что было изображено на картине, своим детям, и эту историю они позднее передали своим потомкам. Таким образом, эта история дошла до нас. До сих пор в этих местах верят, что в древности ведьмы собирались на горе Кеммельберг вокруг ямы, которая, на вечную память об этом событии, с тех пор стала называться Киндерпут, т.е. Яма детей.

СМЫЧОК

Однажды один старый скрипач шел вечером в деревеньку, располагавшуюся неподалеку от Хесдина, как внезапно его застала сильная буря. Ему пришлось пройти через лес, но в темноте он пропустил нужный поворот и долгое время блуждал, не в силах найти правильную дорогу. В сердцах он с силой ударил палкой по земле и издал такое богохульное проклятие, какое никогда не сходило раньше с его губ. В это же мгновение он заметил вдалеке яркий свет. Этот свет вдохновил его, и скрипач поспешил по направлению к свету. Подойдя ближе, он увидел, что свет исходит из окон великолепного дворца, которого он никогда прежде не видел и о котором он даже не слышал. Однако скрипач был настолько рад тому, что может найти убежище, что прошел ворота, пробежал по двору и скоро увидел перед собой открытую дверь, за которой был виден

ярко освещенный покой, полный людей обеих полов. Некоторые из этих людей сидели за длинными столами с изысканными яствами, другие были заняты игрой на маленьких столиках — но большая часть, под радостные возгласы, крутилась в веселом танце. Пока скрипач стоял, разглядывая присутствующих, к нему подошел человек, который казался хозяином дворца. Скрипач смиренно попросил у него разрешения скоротать ночь где-нибудь в уголке. Ответом ему была добросердечная улыбка и дружеский кивок. К скрипачу подошел богато одетый лакей, который освободил скрипача от его скрипки и повесил ее на золотой гвоздь. С большим удовольствием старик направился вокруг покоя, пока не дошел до места, где располагались музыканты. Здесь, к своей великой радости, он увидел скрипку невиданной красоты. Скрипачу немедленно захотелось попробовать, как она звучит. Но когда он огляделся, чтобы найти ступеньки, которые ведут на сцену — поскольку он считал себя равным в мастерстве лучшим исполнителям, — он увидел довольно знакомое лицо. Это был его учитель музыки, который скончался около тридцати лет назад. «Пресвятая Дева, кого я вижу!» — с изумлением воскликнул старик. В ту же секунду вся компания исчезла — вместе со слугами, столами, музыкантами и дворцом.

На следующее утро несколько человек из Ауффина обнаружили старого скрипача лежащим без чувств у основания виселицы. В его руке был белый смычок. Собственные скрипка и смычок старика были повешены на пальце ноги одного из повешенных преступников, плащ скрипача был бережно накинут на плечи повешенного.

Очнувшись от своего обморока, старик поспешил домой, где он внимательно осмотрел белый смычок. Смычок оказался сделанным из человеческой кости, и на нем была прикреплена серебряная пластинка с именем человека в Хесдине, пользовавшегося самой неважной репутацией среди своих соседей.

Когда скрипач принес смычок этому человеку, тот стал бледным, как мел, и предложил музыканту кошелек, который никогда не бывает пустым, но всегда содержит шесть парижских фунтов, при условии, что скрипач никому не станет рассказывать про смычок. Тот с готовностью дал такое обещание, взял кошелек и скоро стал богатым человеком.

ОБМАНУТЫЙ СКРИПАЧ

Старому скрипачу, игравшему на ярмарке в Опбракеле и возвращавшемуся домой с полными денег карманами, нужно было пройти через рощу для того, чтобы добраться до Недербраекеля. Была уже полночь, когда Картоф (так звали старика) случайно сунул руку в карман и нащупал трубку. «А, — сказал он себе, — если бы у меня была хоть искорка огня, как славно бы я сейчас затянулся табачком!» Только эти слова сорвались с его губ, как в самой середине леса, где-то в сотне шагов впереди, он увидел огонь. Направившись к огню, он обнаружил большой костер, вокруг которого, держась за руки, танцевали и веселились мужчины и женщины. «Любезные дамы и господа, желаю вам приятного вечера, — произнес Картоф. — Не окажете ли вы мне любезность и не позволите ли прикурить от костра?». «Охотно, охотно», — ответили танцоры, и все бросились к нему, чтобы дать огоньку, так что скоро вспыхнуло сразу несколько дымков. Увидев скрипку Картофа, танцоры спросили, не сыграет ли он кадрили. «Почему бы и нет?» — ответил польщенный скрипач, и его тут же провели в просторный зал большого дворца. Здесь скрипач настроил свой инструмент, и ему поднесли стакан дорогого

вина. С первыми звуками кадрили танцоры весело пустились в пляс. Чтобы поощрить исполнителя, каждый раз, когда он завершал очередной тур, ему в инструмент бросали золотую монетку, а когда пустел бокал, его немедленно снова наполняли до краев. Поскольку оба действия совершались часто, скоро и скрипка стала звучать глухо, и глаза скрипача стали косыми. В конце концов Картоф уснул, и танцы прекратились.

Когда он проснулся, солнце было уже высоко. Картоф поднял тяжелую голову, чтобы увидеть, в каком месте он так долго проспал, и собраться с мыслями. Он лежал в середине рощи около груды золы, в которой еще тлело несколько угольков. Картоф поднялся и протянул руку за скрипкой, поскольку, невзирая на количество выпитого вина, не забыл событий прошедшей ночи. Он перевернул свой инструмент, чтобы высыпать золотые монеты — но, о, ужасный обман! — на траву упали только березовые листья. Поразмыслив, Картоф пришел к выводу, что с ним сыграли шутку привидения, поскольку он никогда не видел в здешних местах никакого дворца, — за исключением того, что был на одну ночь создан духами, чтобы наутро исчезнуть.

СКРИПАЧ И ВИСЕЛЬНОЕ ПОЛЕ В АНТВЕРПЕНЕ

Около Антверпена в прежние времена было большое поле, где стояли виселицы, которое так и называлось — Висельное поле. Рядом с этим полем много лет назад жил один скрипач — веселый и жизнерадостный человек, которого всегда приглашали на каждую свадьбу и каждые крестины в городе, поскольку он всегда был желанным гостем.

Возвращаясь однажды ночью из города, где он играл на свадьбе, скрипач направился напрямик через Висельное поле. Здесь, к немалому своему удивлению, он обнаружил большое собрание танцующих и веселящихся женщин. Немного дальше была видна еще одна компания из многих сотен людей, сидевших за столами, обильно уставленными угощениями. Он потер глаза, не зная — спит ли он или бодрствует, и некоторое время стоял в недоумении. Одна из женщин направилась к нему и произнесла: «Молю тебя, добрый музыкант, сыграй нам что-нибудь». Скрипач не заставил себя упрашивать — он сел, настроил свой инструмент и начал наигрывать веселую мелодию, от которой все празднующие покинули столы, взялись за руки и начали танцевать. Когда танцы подошли к концу, она из женщин подошла к нему и подала серебряную чашу, наполненную вином, которую он с благодарностью принял, произнеся: «Теперь, мои почтенные дамы, за ваше здоровье! Пусть Бог благословит вас!» Но как только последние слова слетели с его губ, все исчезло, и он обнаружил, что с чашей и скрипкой в руках он сидит на виселице. С этой виселицы, с большими трудностями и подвергая себя угрозе разбиться, он спустился только на рассвете. Чашу он, конечно, оставил у себя и долго хранил, показывая знакомым и рассказывая о том, что с ним приключилось.

СВАДЕБНОЕ ТОРЖЕСТВО В КАРРОН-СЕНТ-МАРТИН

Жених был самым состоятельным в округе, а невеста — самой красивой из девиц. Свадебные торжества получились пышными, и все было очень весело, пока не наступило время для танцев, когда жениху сообщили, что какой-то никому не знакомый маленький человек стоит у дверей и просит его впустить. Не успел жених ответить, как неожиданный гость уже появился в зале. Жених взглянул на гостя, и тут же лицо его покрывала смертельная бледность, а на приветствие гостя он ответил еле слышным голосом. Однако того это нисколько не обескуражило. Усевшись за стол, гость немедленно опу-

стошил самую большую кружку с пивом и так быстро очистил от мяса огромную кость, что гостям стало не по себе, поскольку никто не мог и предположить, что какой-нибудь человек в мире может съесть и выпить так много.

Когда стол был очищен, незнакомец обратился к жениху, с лица которого так и не сходила смертельная бледность: «Что за веселье на свадьбе, если на ней нет ни одной скрипки». Ему кто-то ответил, что музыканты не пришли из-за плохой погоды. «О, если причина заключается только в этом, — ответил гость, — дело легко поправить: я оставил свою скрипку возле двери». Сказав так, он вышел из зала и немедленно вернулся со своим инструментом, поставил стул на стол и уселся на него, после чего заиграл самые веселые мелодии, которые только можно представить.

Все вышли танцевать, за исключением жениха, который, стоя в углу, был погружен в мрачные мысли. Незнакомец заметил это и поспешил к жениху со словами: «Что случилось, Ганс? Настал самый счастливый день в твоей жизни, а ты стоишь здесь, словно не способен сосчитать до трех». Но жених продолжал стоять, словно зачарованный. Тогда незнакомец фамильярно положил руку на его плечо — и тут же в жениха словно вселился дьявол: он начал безудержно веселиться, танцевать, прыгать, кричать, бушевать и смеяться, столь безудержно, словно сошел с ума, а не был разумным существом, способным оценивать последствия своих поступков. Остальные гости пребывали в подобном безумном веселье, и неистовое буйство продолжалось до того, как часы не пробили час ночи. После этого незнакомец положил скрипку в футляр, сошел со стола, подошел к жениху и холодным тоном произнес: «По-моему, время пришло?»

«Добавь мне одну ночь, одну только ночь», — ответил тот, дрожа, словно в лихорадке.

«Нет!» — последовал ответ.

«Тогда добавь мне еще час, один короткий час».

«Нет!» — повторил незнакомец неумолимым голосом.

«Четверть часа», — просительно сказал жених.

«Нет!» — Незнакомец явно наслаждался отчаянием жениха, но потом произнес. — Но я проявлю милость к тебе. Если твоя жена подпишет это, я дам тебе еще восемь дней».

Жених выхватил из рук незнакомца лист бумаги с золотыми буквами, пробежал написанное глазами и с ужасом уронил бумагу на землю.

«Тогда я должен покинуть эту компанию, — сказал незнакомец, — а ты проводи меня».

После этих слов незнакомец приветливо простился со всеми присутствующими, фамильярно взял жениха за шею и покинул с ним помещение, прошептав невесте: «Прощай, крошка, не сердись за то, что я увожу твоего мужа, ты скоро увидишь его снова».

Несчастливая невеста действительно увидела своего жениха снова, но только на следующий день и в виде почерневшего и наполовину обглоданного трупа. Когда труп переносили в церковь, все свечи внезапно зажглись. Могила, в которую опустили гроб, на следующее утро после похорон оказалась пустой.

ЕЗДА НА ТЕЛЯТАХ

В деревне Капелле, в трех часах езды от Антверпена, жил зажиточный фермер, чья жена была ведьмой и куда-то исчезала каждую субботу.

Однажды вечером она спросила мужа, не хочет ли он отправиться с ней. Поскольку крестьянин был весьма любопытным, он согласился. После этого женщина привела двух телят, на которых они и сели. Женщина предупредила мужа, что он не должен произносить ни полуслова, после чего сказала:

Over haeg en over heg,
Tot Keulen in den wynkelder.

*Через изгородь и через боярышник,
В Кельн в винный погреб.*

И они полетели по воздуху, пока на их пути не оказалась большая река. Здесь телята сделали прыжок и в мгновение ока оказались на другом берегу. Увидев это, крестьянин был так удивлен, что громко воскликнул: «Господи помилуй, что за прыжок для теленка!»¹⁶⁹ Но теленок исчез в то же самое мгновение, а крестьянин остался в одиночестве в незнакомом краю. На следующее утро он спросил, в каком направлении лежит деревня Капелле, но встретившийся ему человек никогда не слышал об этом месте. На вопрос же, как далеко находится Антверпен, тот ответил: «Тебе предстоит долгий путь, потому что отсюда до Антверпена нужно идти шестьдесят часов».

ЖЕНЩИНА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЛОШАДЬ

В большой деревне в Боллебеке жил слуга, который ел хорошо, однако же с каждым днем становился все худее и худее. Его друзья-слуги часто спрашивали его о причине этого — но он не отвечал, пока в конце концов его лучший друг, пастух, не выудил у него правду. Другу слуга признался, что каждую ночь к нему приходит жена хозяина и набрасывает ему на голову уздечку, после чего он немедленно превращается в коня. После этого она садится на него и ездит на нем всю ночь. «Невозможно, — сказал пастух, — но позволь мне сегодня вечером лечь вместо тебя в твою постель, я хочу сам в этом убедиться». Слуга согласился, и пастух лег в кровать.

Примерно в десять часов жена крестьянина тихо вошла и попыталась накинуть уздечку — но пастух оказался проворней. Он схватил ее за руку и набросил уздечку на саму ведьму. Через секунду она стояла перед ним в виде лошади! Всю ночь он ездил на ней по полям, а когда начало рассветать, он привел ее назад и провел к фермеру, сказав: «Хозяин, в деревне появился торговец лошадьми, который хочет продать эту кобылу и просит за нее пятьсот франков». «Охотно куплю, — сказал крестьянин, — заходи, я дам тебе деньги». «Но в цену не входит уздечка, и я заберу ее назад». Крестьянин рассмеелся и произнес: «Будь по сему, сделка состоялась». Он отсчитал нужные деньги, пастух быстро спрятал их в карман, снял уздечку, и — о чудо! — перед ними стояла жена хозяина! Проливая горькие слезы, она упала перед мужем на колени, обещая никогда не делать ничего подобного. Пастух остался при своих деньгах, но обещал никогда не говорить, что произошло, и не делал этого до своего смертного часа¹⁷⁰.

СТОКХЕМСКИЕ КОТЫ

В Стокхеме жил крестьянин, чья жена родила сына. Радуюсь тому, что роды прошли благополучно, он надел воскресную одежду и поспешил сообщить теще об этом знаменательном событии. «А, — сказала достойная женщина, — я уже знаю об этом, мне только что сообщили». Крестьянина это сильно удивило, поскольку никто в Стокхеме не мог этого знать, а теща жила в получасе ходьбы от Стокхема. Когда крестьянин не-

спешно возвращался по дороге, у края которой тек ручей, внезапно за ним метнулся кот, который проскочил у крестьянина между ног. За ним последовал, второй, третий, четвертый — и так далее, пока число котов не достигло тридцати. Они все шли рядом с крестьянином и так мешали ему, что в досаде он стал бить в середине их стаи палкой. Но его удары не оказали почти никакого действия, поскольку коты уворачивались от ударов. В отместку за столь грубое отношение коты сорвали с ботинок крестьянина серебряные пряжки и бросили его самого в воду.

Добрался до дома крестьянин мокрым и усталым и немедленно послал за священником, которому рассказал, что с ним приключилось. «Ах, — сказал священник, — могу сказать только одно: ничего не давай из дома тем, кто будет тебя о чем-то просить, если хочешь, чтобы с твоей женой и ребенком все было хорошо». Крестьянин пообещал следовать этому совету и свято его соблюдал. По крайней мере поначалу.

На следующее утро к нему в дверь постучала бедная старуха, попросившая корочку хлеба, но крестьянин ответил: «Иди своей дорогой, я ничего не дам». В полдень явились две очень ветхие старицы, одна вела за собой другую. Они получили аналогичный ответ. К крестьянину приходили калеки, седобородые старцы и старицы, дети с просьбами о подаении, но ни один из них ничего не получил, и так продолжалось более трех недель.

Тем временем жена крестьянина оправилась после родов, а ребенок с каждым днем становился все крепче и крепче. Однажды днем, когда она сидела дома с ребенком на коленях, пришла старая женщина, которая самым жалостливым тоном и со слезами на глазах попросила дать ей хлеба, говоря, что у нее не было крошки во рту два дня. Крестьянин был тверд и ответил: «Нет, уходи прочь, я тебе ничего не дам». Но его жена, у которой было мягкое сердце, так долго убеждала мужа, что в конце концов он дал старухе кусок хлеба.

Но едва его жена с ребенком вернулись в комнату, как невидимые руки вырвали у нее младенца и подбросили его к потолку. Ребенок упал на пол и не подавал признаков жизни. Саму жену крестьянина в то же время неведомая сила отбросила в угол. Она закричала. Крестьянин поспешил к священнику, умоляя как можно быстрее помочь. Добрый пастор явился немедленно, но сказал, что матери и ребенку ничем уже нельзя помочь. Так и оказалось, поскольку не прошло и недели, как они скончались.

ОБОЖЖЕННАЯ ВЕДЬМА

Замок Эрендеген был настолько полон привидений, что никто не хотел провести в нем хотя бы ночь даже за все золото мира. Однако как-то раз объявился один человек, которого называли смелым Яном, который пообещал отправиться в замок и провести там сколько угодно времени, требуя только, чтобы его снабдили всем необходимым для выпечки блинов. Получив желаемое, Ян тем же вечером проследовал в замок.

Он развел огонь в одной из лучших комнат и начал трудолюбиво печь, когда внезапно отворилась дверь и в комнату вошла черная кошка, которая села перед огнем, словно желая погреться. После этого она спросила Яна, что он делает в замке.

«Жарю блины, мой дружок», — ответил Ян, и не успел он произнести эти слова, как в комнату одновременно вошли семь котов, один из которых, похоже, был самым главным. После этого коты взяли друг друга за лапы и начали танцевать по кругу. Ян наполнил сковородку маслом, а когда масло растаяло и закипело, плеснул масло в коты, после чего все они немедленно исчезли.

На следующий день в деревне говорили, что у жены сапожника было обожжено все тело. После этого Ян сообразил, в чем дело, и сообщил, что больше в замке призраков не будет. Так и оказалось, поскольку коты уже не посмели вернуться туда¹⁷¹.

КРАСНАЯ ТКАНЬ

В прежние времена некоторые крестьянки часто привозили на рынок в Турнхоуте масло в таких количествах, что это вызывало всеобщее изумление, поскольку про этих женщин было известно, что у них в лучшем случае есть только одна корова. Все считали, что это масло производят кабоутерманнекины при помощи красной ткани.

Одна из этих женщин, которую подозревали в хранении такой красной ткани, часто приносила масло к одному определенному дому. Это масло было сладким, как орех, и желтым, как золото. Когда она приходила, ей обычно давали чашку кофе, а иногда — кусок хлеба с маслом, поскольку она была особой приятной и живой. Однако у хозяина дома она порождала подозрения, и он однажды отправился к священнику поделиться с ним своими сомнениями. Священник дал ему небольшой ящик и дал указание подвесить этот ящик под стулом, на который женщина обычно садилась.

В следующий базарный день женщина как обычно принесла свое масло, и хозяин не только дал ей деньги, но и предложил чашку кофе. Когда она села, хозяин незаметно повесил ей на стул ящичек, а затем сел напротив нее, чтобы понаблюдать, что она будет делать. Женщина выглядела безмятежной, но сидела необычно долго, беззаботно болтая до тех пор, пока часы не пробили двенадцать. Тогда хозяин произнес: «Добрая женщина, мы собираемся обедать, и ты, возможно, собираешься сделать то же самое; так что, наверно, тебе пришло время распрощаться с нами». Женщина ответила: «Да, вы правы», и хотела подняться со своего сиденья, но не смогла этого сделать, поскольку стул прилип к ней. Увидев это, хозяин в ярости воскликнул: «Встань и отцепись от кресла». Испуганная женщина произнесла, дрожа от страха: «Я бы с готовностью сделала это, но вы сначала должны убрать вещь, которую вы прицепили к стулу, поскольку она крепко меня держит». После этого хозяин убрал ящик, ударил женщину и вытолкал ее за дверь.

ИЗМУЧЕННАЯ ВЕДЬМА

Дети двух набожных горожан Амстердама были заколдованы. Соседи посоветовали родителям сварить в воде дубовые щепки, отодрав их от нижней части моста. Тогда ведьма перестанет быть невидимой, а с детьми все снова будет в порядке. Поначалу родители не послушали этого совета, но впоследствии из сострадания к детям исполнили его, но не стали рассказывать про это никому. Едва они вскипятили воду в первый раз, к ним прибежала соседка с криками: «О, дьявольская мука! О, дьявольская мука!» С этими криками она бегала вокруг дома все то время, пока горшок находился на огне; тут стало ясно, по чьей вине страдали несчастные малютки.

ПРОНЗЕННЫЙ ТУЗ ЧЕРВЕЙ

Один офицер соблазнил девушку из Антверпена и покинул ее. В горе она обратилась к колдуну, который дал ей туза червей со следующим наставлением: следующей ночью, когда часы пробьют двенадцать раз, она должна наполнить стакан белым вином, положить на него карту и пронзить ее иглой там, где изображено сердце. После этого

она будет отомщена. Девушка так и сделала, но когда она пронзила карту, в стакан упало три капли крови.

В этот вечер офицер сидел вместе со своими товарищами в таверне. В тот момент, когда часы пробили двенадцать, он поднимал свой стакан, но внезапно побледнел и упал мертвым. Его товарищи, не понимая, что произошло, вынесли его в другую комнату и положили на кровать. При тщательном исследовании оказалось, что на теле его появилась глубокая рана в области сердца.

ПОТЕРЯННАЯ ЦЕПЬ

Дочь одного горожанина в Антверпене получила от своей матери в качестве подарка золотую цепочку. Получив подарок в воскресенье, она проносила цепочку весь день, а на ночь бережно завернула в хлопчатобумажный платок и положила в свой шкаф. На следующее утро, желая порадоваться еще раз, она открыла шкаф и обнаружила, что цепь исчезла. Несчастная отправилась к гадалке, желая узнать, кто украл цепь. Гадалка ответила, что цепь уже находится в третьих руках, но если вести себя сдержанно, то цепь вернется. Гадалка принесла крест, восковую свечу, подсвечник и пакет с иголками. Крест она поставила задней стороной к девушке, свечу поместила в подсвечник, а затем стала втыкать в свечу свои иголки. «Это жестокое дело, — сказала она, — поскольку каждая из этих иглолок втыкается в вора». «Это ничего не значит, — ответила девушка. — Мне нужно только вернуть цепь обратно». Гадалка уверила ее, что цепь к ней вернется, и потому она может вернуться домой с легким сердцем.

Вечером того же дня, когда девушка сидела у огня со своей матерью, беседуя о потерянной цепи, в комнату влетел самый старший из ее братьев, бледный и запыхавшийся. Когда его спросили, что с ним произошло, он ответил только: «Собака, собака с огненными глазами бежит по лестнице, ох, ну и собака!» «Что это значит?» — спросила мать и открыла дверь. Тут же вниз по лестнице метнулась прочь какая-то собака и выбежала из дома. «Это дьявол, сохрани нас Господь!» — воскликнула женщина, но девушка воскликнула с восторгом: «Она принесла мне обратно мою цепь!» Все перекрестились и направились вверх, но сколько ни искали, ничего не сумели найти — ни в сундуках, ни в шкафах, ни даже в перерытых кроватях. В конце концов женщина произнесла: «Стойте: в каморке есть мешки яблок, которые мы вчера принесли из сада, может, цепь находится в них». «Какая глупость», — возмутилась дочь, но мать повторила: «Кто знает? Ничего мы не потеряем, если поищем в них». И женщина оказалась права, поскольку обернутая в бумагу цепь обнаружилась на дне одного из мешков.

ПЕРЕСТАВЛЕННЫЕ МЕЖЕВЫЕ ЗНАКИ

Около деревни Виерзель в прежние времена жил крестьянин, который был настолько одержим желанием увеличить свои земли, что убрал межевые знаки, которые отделяли его земли от земель соседа, и таким образом присвоил большой участок. Его сосед, человек добродетельный, ни от кого не ожидал зла и потому не заметил обмана. Благодаря этому нечестный крестьянин пользовался плодами своего воровства на протяжении всей своей жизни. Но пришел и его смертный час, да так внезапно, что он не успел исповедать свои грехи. Соседи часто видели его после смерти между двенадцатью и часом ночи, бегающим по полю с тяжелым колом на спине и беспрестанно кричащим: «Куда мне поставить его? Куда мне поставить его?»

Он долго бегал подобным образом, пока не случилось так, что некий пьяный крестьянин, проходивший по полю, не смог продолжить свой путь и уснул прямо на земле. В двенадцать часов призрак появился с межевым столбом и как обычно начал кричать: «Куда мне поставить его? Куда мне поставить его?» Пьяный проснулся от этого крика, поднял голову, посмотрел на привидение и произнес: «Эй, оборванец, поставь столб туда, откуда ты его взял... глупая голова!» «Слава Господу! Теперь я свободен!» — радостно воскликнул призрак и побежал ставить межевой столб на прежнее место. С этого времени он больше никогда не появлялся.

Точно такую же историю передают о призраке из окрестностей Тондерна в Шлезвиге. См. Müllenhoff, p. 189. Эта легенда является одной из самых распространенных.

ХРАБРЫЙ СОЛДАТ ИЗ АНТВЕРПЕНА¹⁷²

В стародавние времена на Маленьком рынке Антверпена был дом с четырьмя этажами, красивый, как королевский дворец, — но никто не жил в этом доме, поскольку там водились призраки. Ровно в двенадцать появлялось привидение, которое бегало вниз и вверх по лестницам, а с наступлением часа оно становилось за входной дверью и начинало завывать так ужасающе, что все его жалели. Однако ни у кого не хватало мужества, чтобы войти в дом, который, таким образом, оставался пустым, хотя призрак каждый вечер кричал: «Освободите мою душу! Освободите мою душу!»

Это длилось продолжительное время, пока в город после войны не вернулся старый солдат. Услышав о том, что люди говорят о доме, он сказал, что проведет в нём ночь, если ему заранее выплатят сто гульденов. Домовладельца удивила решимость солдата, но тот сказал, что не боится ни дьявола, ни привидение, ибо тот, кого защищает Господь, защищен ото всего. Домовладелец произнес: «Тогда по рукам. Скажи мне, что тебе будет нужно». «Дай мне, — ответил солдат, — много мелко поколотых дров, дюжину бутылок вина, бутылку бренди и горшок, полный теста, вместе с хорошей сковородкой, чтобы я мог печь блины». «Ты получишь то, что просишь», — ответил домовладелец, и, получив все, чего просил, солдат с наступлением вечера отправился к дому.

Первым делом он зажег свечу и занес все свои вещи в помещение на первом этаже, где оставались стол и два стула. После этого он развел большой огонь в очаге и поместил рядом с очагом тесто, чтоб оно немного поднялось. Потом он отбил горлышки у бутылок и скоро был уже не совсем трезвым, — хотя прекрасно сознавал, что делает и говорит. Утолив жажду, он решил разделаться и с голодом. Взяв сковородку, он поставил ее на огонь и бросил на шпат теста. Блин получался неплохим, пах крайне诱人 и уже поджарился с одной стороны. Солдат как раз собрался перевернуть блин, когда что-то внезапно свалилось в дымоход, и посыпавшаяся зола припорошила блин!

Вверив себя судьбе, солдат нисколько не расстроился и снова бросил тесто на сковородку. Когда блин зарумянился, солдат поглядел на упавший из дымохода предмет и обнаружил, что это была кость руки. На это отважный вояка засмеялся и произнес: «Ты хочешь испугать меня, но лошадиной кости для этого мало». После этого он схватил сковородку, чтобы встряхнуть блин, предпочитая съесть его недожаренным, чем получить второй «подарок». Но в это же мгновение он услышал дребезжание в дымоходе, и в сковородку посыпались кости. Блин свалился в золу.

«Клянусь Юпитером, — молвил солдат, — это уж слишком. Лучше сидели бы тихо, пока я голоден. Но бросить целый телячий хребет в мою сковородку!» Но он прискорбно ошибся, поскольку хребет оказался человеческим. Вне себя от ярости, солдат схватил кость и с такой силой запустил ею в стену, что кость разлетелась на куски. В мрачном настроении он снова сел перед сковородкой и сделал несколько попыток снова испечь блин, но каждый раз вниз падала еще одна человеческая кость — а в конце и череп, который солдат забросил так далеко, как только мог.

«Теперь эта игра подойдет к концу», — сказал себе он и снова принялся печь. На сей раз ему ничто не мешало, так что на столе скоро появилось много блинов. Удобно устроившись, солдат приготовился с удобством их съесть, но в это время начали бить часы. Солдат посчитал удары — их оказалось двенадцать. Когда удары стихли, он посмотрел вверх и увидел, что в том углу, куда он бросал кости, они соединились в виде скелета с белой материей на плечах. Солдат потер глаза, думая, что это сон, но, видя, что перед ним и в самом деле стоит скелет, весело его позвал: «Ха, господин Смерть. Как поживаешь? Ты что-то отощал. Иди сюда, попей, поешь, если вино и блины в тебе задержатся». Скелет не ответил, он только вытянул вперед палец. «Говори, если ты от Бога, — произнес со смехом солдат, — а если от дьявола, то убирайся». Скелет продолжал держать вытянутым палец, но ничего при этом не говорил. Солдату это надоело, и он принялся неторопливо есть, больше не обращая внимания на гостя. Когда пробило половину первого ночи, скелет вышел из угла и приблизился к столу. «А, — воскликнул солдат, — скажи, чего ты хочешь, но держись на расстоянии, иначе мы не будем больше друзьями». Скелет протянул руку, дотронулся до руки солдата и прожег в ней дыру. «Эй, дьявол! — воскликнул вояка. — Что такое?» Схватив бутылку, солдат метнул ее в скелет, но она пролетела сквозь призрак как сквозь пустоту. Решив выдворить скелет, солдат попытался его схватить, но под его пальцами был только воздух. Скелет же постоянно показывал на дверь.

Солдату, наконец, надоело это бессмысленное представление, он взял свечу и произнес: «Хорошо, я пойду за тобой, но ты иди первым».

Скелет пошел первым к лестнице и сделал знак солдату, чтобы он спустился вниз, но тот был достаточно благоразумен, чтобы этого не сделать. Он произнес: «Иди первым, пока ты будешь впереди меня, ты не сломаешь мне шею». Так они спустились в проход, в котором лежал тяжелый камень с железным кольцом на нем. Призрак дал солдату знак поднять камень, но тот рассмеялся и произнес: «Если ты хочешь поднять камень, то должен сделать это сам». Призрак сам исполнил эту работу, и солдат увидел под камнем глубокую яму, в которой стояли три чугунных горшка. «Видишь деньги?» — спросил скелет. «Ага, приятель, ты говоришь по-фламандски, — воскликнул солдат, очень этому обрадованный, — вот хорошо. Да, я вижу нечто похожее на монеты в десять гульденов».

Призрак вытащил три горшка и произнес: «Это деньги, которые я спрятал перед смертью». «Так ты тогда мертв?» — спросил солдат. Призрак, не ответив, продолжил: «Я должен был находиться в аду до тех пор, пока эти деньги не будут найдены. Ты освободил меня из ада». «Какой ты славный парень! — воскликнул солдат. — В благодарность за мою услугу ты прожег мне руку». «Я не буду никого больше прожигать, — усмехнулся скелет, — потрогай мою руку, она довольно холодная». Но его собеседник тут же отпрянул назад и воскликнул: «Премного благодарен, не надо, верю на слово».

«Теперь я приказываю тебе раздать деньги из одного горшка бедным, из другого — отдать церкви, чтобы меня помянули в церковной молитве, и...» «Вот еще, — воскликнул солдат, — я тебе не прислуга. Но что ты хотел сказать?» «Третий горшок — для тебя». — Прошептал призрак. Солдат от радости стал прыгать и пританцовывать, так что провалился в яму, уронил свечу и оказался в крошечной тьме. «Эй, привидение, — позвал он, — помоги мне отсюда выбраться!» Но призрак уже исчез, и солдату пришлось выбираться самому. Снова оказавшись в полном здравии наверху, он нащупал свою свечу и направился к лестнице. Вернувшись на место, он лег и заснул.

На следующий день солдат сделал все точно так, как сказал ему призрак. Деньги из одного горшка он раздал бедным, из второго — церкви, а в третьем нашел так много монет, что стал очень богатым человеком, ездил каждый день в экипаже и регулярно посещал таверну.

МАРИКЕН ИЗ НИМВЕГЕНА

Во времена, когда герцог Арент Гелдерландский был захвачен в плен своим сыном, герцогом Адольфом и его вассалами (это случилось в 1465 г.), примерно в трех милях от Нимвегена жил один набожный священник по имени Гисбрехт, у которого жила красивая молодая девушка по имени Марикен, дочь его умершей сестры. Эта девушка вела хозяйство священника и отличалась исключительной смелостью и предприимчивостью.

Так случилось, что священнику понадобились разные товары, которые он мог приобрести только в Нимвегене — свечи, масло, уксус и спички. И потому он дал Марикен восемь стиверсов (мелких монет) и послал ее в город с напутствием, что если она не управится за день, то должна на ночь отправиться к своей тетке. Девушка была красивая и бойкая, так что приключиться с ней могло всякое. Марикен пообещала все выполнить и отправилась в Нимвеген. Но едва она скрылась из виду, как дядя ее начал себя попрекать: «Мне следовало оставить ее дома. Слишком опасно отправлять молодую девушку или женщину одну в далекий путь, поскольку разбойников очень много». Но что ему оставалось делать, кроме как зажечь свечу, поскольку стало темно, и приготовить еду? Было слишком поздно что-либо предпринимать, поскольку Марикен находилась уже далеко.

Тетя, к которой он рекомендовал обратиться, активно занималась политикой и являлась убежденной сторонницей герцога Адольфа. Она постоянно разговаривала со своими знакомыми о нем и во время споров приходила в такую ярость, что больше напоминала черта, чем добропорядочную христианку. Поскольку девушка не успела выполнить все поручения засветло, она последовала совету дяди и, придя к тете, обратилась к ней со следующими вежливыми словами: «Дорогая тетя! Да смягчит Господь все ваши страдания и защитит от зла всех, кого вы любите». Но тетя повернула голову и обратилась со злыми словами: «Ха-ха! Ты приветствуешь дьявола, который полным ходом направляется в ад!» Хотя Марикен и была напугана ужасным выражением на лице тети, она тихо сложила свои покупки в угол и скромно попросилась на ночлег. Но тетя ее словно не услышала — ее мысли были отданы одной политике. Бедная девушка снова с мольбой обратилась к тете, но это обращение тоже не имело успеха. Тетя продолжала бушевать: «Что? Ты рождаешь во мне дьявола. Но я свяжу его, я обмотаю и обяжу его в подушке как ребенка. Я едва понимаю, на голове я стою или на ногах» — и дальше в том же духе. В досаде и печали Марикен сложила свои вещи, решив, что в дороге под

черным небом ей будет лучше, чем у тети, и сказала: «Больше я ничего не буду просить ни у кого, даже если ко мне придет настоящий дьявол». После этого она покинула дом тети и вышла из города Нимвеген, направляясь домой.

Но, оказавшись в поле, она почувствовала голод и усталость, да так сильно, что не могла больше идти. В отчаянии, со слезами на глазах, она горестно воскликнула: «О, помоги мне, помоги мне, несчастной девушке, Бог или дьявол — мне теперь все равно». Льющиеся потоком слезы она утирала фартуком. Внезапно она вздрогнула — перед ней стоял элегантно одетый человек. Дружеским тоном он обратился к ней: «Скажи мне, прекрасная девушка, почему ты так горюешь?» Марикен несколько не испугалась, услышав, что незнакомец знает ее имя, которого она не называла. Незнакомец продолжал: «Ты не должна пугаться, моя прекрасная девушка, поскольку я люблю тебя всем сердцем, и если ты согласишься, я сделаю тебя первой дамой из всех». Эти слова несколько насторожили Марикен, и она спросила: «Но скажи мне правдиво, дорогой друг, кто ты?» Незнакомец ответил: «Я — мастер во всех искусствах, и если ты меня полюбишь, то немедленно научу тебя нескольким искусствам — музыке, риторике, логике, грамматике, геометрии, арифметике и алхимии». Марикен удивилась, услышав это, ей хотелось бы овладеть всеми этими знаниями, но она все же повторила свой вопрос об имени незнакомца. «Я могу сказать тебе, — произнес он, — что меня зовут одноглазым Моненом. Но это не все, чем я знаменит. Ты не будешь испытывать нужду в золоте и драгоценностях или деньгах, если подаришь мне свою любовь». «Это правда? — в изумлении спросила Марикен. — Тогда у меня нет причин возражать. Однако есть много вещей, которыми я хотела бы обладать — к примеру, знанием черной магии. У моего дяди есть прекрасная книга об этом, и благодаря этой книге он творит разные чудеса — даже может прогнать дьявола сквозь игольное ушко. Я хочу научиться и твоему искусству».

Такое желание стало сильным ударом для незнакомца, поскольку он ни за что на свете не хотел никого учить своему искусству. И потому он сказал: «Не настаивай на этом желании, моя любовь, искусство черной магии очень опасно, многие из-за него расстались с жизнью. Подумай — ты будешь вызывать духов. Как только я представляю себе это, так теряю к тебе свое сердечное расположение. Но в качестве компенсации я научу тебя искусству понимать все языки в мире. Думаю, это лучше будет подходить для моей возлюбленной». Марикен согласилась на это предложение и попросила незнакомца начать свое обучение. Но он произнес: «Только сначала у меня, дорогая девушка, будет просьба: с этого времени ты сменишь свое имя, поскольку я не могу его выносить. Марикен! Ха!» На это девушка не согласилась, так что Монену пришлось уступить, и он ограничился тем, что попросил девушку не креститься. После этого он завел отвлеченные разговоры, но вскоре вернулся к просьбе, чтобы девушка сменила свое имя. Он пообещал, что вместо странной и неблагозвучной Марикен она станет зваться куда более звучным и красивым именем Эммекен. Марикен согласилась на это, и они сразу же направились в Буа-ле-Дю и Антверпен. Перед тем как они добрались до Буа-ле-Дю, Марикен уже получила все, что было обещано ей Моненом, причем не могла даже понять, как это произошло.

Господин Гисбрехт тем временем не знал, что и думать о своей племяннице. Прошло два, три, четыре дня, а она все еще отсутствовала. Добрый человек погружался во все большее уныние. Наконец, не в силах более ждать, он взял свой посох и от-

правился к сестре в Нимвеген, поскольку рассчитывал застать там Марикен. Однако богохульная женщина лишь осмела его волнение, и когда Гисбрехт потребовал от нее честно сказать, где находится девушка, тетка ответила: «Откуда я знаю? Она была здесь неделю назад, и я послала ее к черту, чью компанию, по всей видимости, она сейчас и разделяет».

Добрый человек встревожился не на шутку, но взял, наконец, себя в руки и начал молиться образу Пресвятой Девы Экс-ля-Шапель и Святому Серватию Маастрихтскому, а потом с нелегким чувством вернулся в свое одинокое жилище.

Грубость его сестры не осталась безнаказанной. Через несколько дней владелец замка, которому передали герцога Арента, выпустил пленника на свободу, и тот со всеобщим ликованием был встречен в Буа-ле-Дю. От этого злая сестра так разъярилась, что, не понимая, что делает, в гневе наложила на себя руки.

Обо всем этом Марикен ничего не знала. Она незаметно пребывала с Моненом в таверне «Под Деревом», на большой рыночной площади в Антверпене. В этом шумном заведении собирался всякий сброд — проститутки, воры, шулеры, торговцы крадеными и еще Бог знает кто, — галдевший и безобразничавший изо всех сил. Некоторые из этих личностей познакомились с Марикен и Моненом, причем всех привлекла красота девушки. При них Марикен спросила у своего спутника: «Скажи мне, моя любовь, это благодаря геометрии я знаю, сколько дуновений ветра влетело в тот кувшин?» Монен ответил: «Верно дитя, ты хорошо усвоила искусство, которому я вчера научил тебя». Гости были удивлены эрудицией девушки, но их удивление перешло в изумление, когда Монен сообщил, что она владеет семью искусствами и среди них риторикой — самой древней из всех наук. Гости захотели получить подтверждение, и девушка с большим удовольствием стала цитировать поэтические отрывки, отменно срифмованные и в середине, и в конце строки. Скоро вокруг нее собралось много людей, слушая девушку с открытым ртом. Тем временем Монен проскользнул к слушающим и незаметно стал толкать их, так что скоро все они передрались. Это очень позабавило Монена, который, как читатель уже догадался, был самым дьяволом. Монен решил задержаться в таверне «Под Деревом» подольше. «Если тот, кто сверху, не остановит меня, — сказал он себе, — я смогу за год заполучить в свои руки не менее тысячи душ».

Эммекен не понравился этот спектакль, она и прежде думала, что Монен — не самый лучший из ее знакомых. Раздумывая над этим, она вспомнила данное ею обещание — никогда не креститься. Но пока она раздумывала, к ней подошла пара подвыпивших друзей, и все ее добрые намерения испарились, и она принялась кокетничать с распутными парнями.

Так Эммекен — или Марикен — жила на протяжении шести лет. Монену она нравилась все больше и больше. Но вдруг в ее сердце возникло желание еще раз увидеть ее дядю Гисбрехта, а также друзей и знакомых, кому она бы охотно показала свое умение. Это ее желание Монен встретил холодно, но она сказала: «Я решила ехать», так что ему пришлось уступить, и они направились в Нимвеген. Они прибыли в город в ярмарочный день. В этот день здесь играли ежегодный спектакль. Эммекен захотелось увидеть это представление, поскольку дядя не раз хвалил его. Но Монен рассердился, услышав о ее желании, — ему было непонятно, как ученый человек может интересоваться подобной ерундой. На самом деле он боялся, что благочестивая пьеса, обыкновенно производившая на людей большее впечатление, чем молитва или учение, может вселить в голову

Марикен нежелательные мысли и она оставит его. Однако Эммекен настаивала на своем решении, и Монену пришлось сопровождать ее на представление.

Когда началось представление, актер произнес: «Я — Брехерио Масхероен, адвокат Люцифера. Я обвиняю Бога в том, что он более милосерден к людям, которые постоянно грешат, чем к дьяволу, который согрешил только раз, и после этого вынужден был вечно гореть в аду без надежды покинуть это место». Сказав это, он повернулся к Господу и попросил его ответить. На это Бог сказал: «Я объявил и обещал, что всякий, кто вовремя покается, будет прощен в вечности». На это Масхероен ответил: «Но в наше время этого не было в Ветхом Завете, и таким образом, я утверждаю, что мы страдаем несправедливо». После этого поднялся Христос и произнес: «Тогда зачем умирал я, как не ради того, чтобы все изменить и даровать прощение всем людям? Твои жалобы несправедливы, Масхероен, а мой Отец прав». «Если это так, — продолжил адвокат, — то Бог должен быть суровей к людям, чем в Ветхом Завете, а я не могу сказать этого, Господь Христос». После этого заговорил Бог-Отец: «Да, это верно, и если человечество не исправится, я поражу его острым мечом своего правосудия».

Дева Мария, также присутствовавшая на разбирательстве, приняла эти слова близко к сердцу и попросила своего сына по крайней мере посылать человечеству такие знамения, как кометы, двойные солнца, землетрясения и тому подобное. Но Иисус был неумолим и считал, что люди должны быть наказаны, поскольку чем больше он их предупреждает, тем хуже они становятся.

«Пойдем, моя дорогая Эммекен, — нетерпеливо позвал Монен, — что может тебе дать вся эта болтовня? Пойдем. Поговорим о более рациональных предметах». Но Эммекен не тронулась с места. Масхероен спросил Бога, позволит ли он ему и дальше мучить человечество, Мария в ответ на это начала трогательно умолять простить людей. Ее горькие слова очень тронули Марикен, и даже несмотря на то, что Монен предложил ей выпить вина в самой лучшей таверне города, она не покинула своего места. Монен рассердился и громко произнес: «Клянусь легкими и печенью Люцифера, иди со мной, или я перенесу тебя с чулками и ботинками в ад!» И с этими словами он стрелой взвился с Эммекен в воздух¹⁷³.

Бедная Марикен неминуемо погибла бы, если бы проклятый демон ее схватил. Но ей на подмогу пришел ее дядя, господин Гисбрехт, который прибыл в Нимвеген, чтобы посмотреть представление и, к счастью, оказался поблизости. Он немедленно узнал дочь сестры, немедленно рванулся к ней и усердной молитвой оторвал ее от свирепого Монена. Когда Эммекен пришла в себя и увидела своего дядю, она несказанно обрадовалась. Она рассказала ему о том, что делала в прошедшие семь лет, и попросила у него прощения за то, что наделала такого, чего достаточно, чтобы оказаться навеки проклятой. Однако господин Гисбрехт не мог допустить этого. Со словами поддержки он проводил Марикен в церковь, чтобы она могла принести покаяние и надеяться на вечное счастье.

Монен в это время находился неподалеку, рассчитывая все же забрать Эммекен. Но как только он попытался приблизиться к ней, Гисбрехт обнял свою племянницу и грозным голосом произнес: «Берегись, проклятый дух, поскольку если ты попытаешься применить силу, я достану требник и прочту молитву, которая прогонит тебя прочь». Видя, что все потеряно, Монен застонал и ужасающе зарычал: «О, горе мне, несчастному духу! Что станет со мной! Как меня будут терзать раскаленными красными щип-

цами, если я ее потеряю! Что со мной будет!» Из его носа, рта и ушей полыхнули языки пламени, он раскалится докрасна, так что на него было страшно смотреть. Эта картина, однако, нисколько не испугала господина Гисбрехта, который ласково взял Марикен за руку и повел ее к настоятелю, очень ученому человеку.

Когда Марикен перечислила настоятелю свои грехи, тот сказал, что не может их отпустить, поскольку они слишком велики и многочисленны. Это встревожило Гисбрехта, он проводил свою племянницу к церкви, взяв с собой Святое причастие, поскольку намеревался отправиться к епископу Кельна, но опасался, что по дороге на них нападет Монен. Запасшийся причастием благочестивый священник оказался прав, поскольку Монен постоянно двигался следом за ними, время от времени отламывая от дубов огромные ветви и бросая в них, хотя, конечно, без всякой для себя пользы, поскольку Бог охранял набожных путешественников.

Когда магистр Гисбрехт изложил свое дело епископу Кельна во всех подробностях, тот ответил: «Сын мой возлюбленный! Такие грехи я отпускать не вправе, их может отпустить только Римский Папа». Эти слова не обескуражили Гисбрехта; и полный надежды, он отправился с Марикен по холмам и долинам в дорогу. Наконец, они дошли до святого города. Когда ему изложили дело, Папа Римский был столь же изумлен, как и священники. Услышав, что к нему пришла любовница дьявола, благодаря которой более двухсот человек расстались с жизнью, он пришел в ужас и воскликнул: «О, Бог-Отец, может ли происходить такое? Велика, исключительно велика милость Бога, но столь многого я не могу от него просить». После этого он погрузился в длительные размышления. Наконец, он поднял голову и обратился к Гисбрехту со следующими словами: «Мой дорогой и преданный сын! При всей своей власти я не знаю, имею ли право прощать такие ужасные грехи. Однако сделай три железных кольца и надень их на руки и шею твоей племянницы. Если эти кольца изотрутся или сами упадут, ее грехи будут прощены».

Гисбрехт так и сделал. Он направился вместе с Марикен обратно в Нимвеген, где она поступила в монастырь. После этого дядя и племянница распрощались, и Марикен отправилась исполнять свое покаяние, надеясь на то, что Господь, вне сомнения, простит ей грехи.

В монастыре Марикен прожила много лет, пребывая в уединении и всячески утешая себя. Кольца на шее и руках ее постоянно давали о себе знать. Однако, когда она состарилась и почувствовала приближение смерти, перед ней вдруг появился ангел, который прикоснулся к кольцам, и те немедленно спали с ее тела. После этого она благочестиво почилла во Господе.

Ее могилу можно было долго видеть в церкви монастыря, а на могильном камне была написана вся ее повесть. На соседней стене повесили три кольца — как память и доказательство истинности этой истории.

ДЬЯВОЛ ИЗ НЕДЕРБРАЕКЕЛЯ

Слуга одного богатого крестьянина растратил все свои деньги и однажды вечером шел домой, пьяный до чертиков. Мрачные мысли бродили в голове слуги, который боялся гнева своего хозяина и остался без денег на жизнь. От отчаяния и затуманенный выпивкой, он решил продать свою душу дьяволу в надежде поправить свои дела. Дойдя до перекрестка, он призвал всех дьяволов и предложил им свою душу на продажу.

К нему явился дьявол, но он сообщил, что сделка не может быть совершена до тех пор, пока слуга не поднесет черную курицу князю ада. Слуга пообещал это сделать. Для совершения подношения дьявол назначил самую полночь — время, когда часы пробьют двенадцать. Когда назначенный страшный час наступил, слуга уже стоял, держа под курткой черную курицу, которую украл у своего хозяина. Бесы явились с первыми же ударами часов. Главный из них шагнул вперед и взял курицу из дрожащих рук слуги. Сделка была совершена, и чтобы скрепить ее, слугу попросили поставить свою подпись кровью в небольшой книге, которую дьявол принес с собой.

После возвращения слуги хозяин не стал бранить его, и карманы слуги отныне никогда не оставались пустыми. Всякий раз, сунув руку в карман, он вытаскивал монету в семьдесят пять центов, которой платил за выпивку в таверне. Однажды, когда слуга пас хозяйских овец, из-за его небрежности животные забежали на поле соседа и причинили урожаю серьезный ущерб. Когда крестьянин, которому принадлежало поле, увидел это, он бегом направился требовать компенсацию за нанесенный ущерб. Слуга знал, насколько силен крестьянин, и потому пришел в ужас, однако дьявол и здесь пришел на помощь своему подопечному. Не успел крестьянин добежать до слуги, как тот вместе с овцами превратился в груды навоза, оставив потерпевшего в крайнем недоумении.

Так слуга и жил; однако пять лет, по истечении которых дьявол должен был забрать его душу, быстро подошли к концу, и слуга со страхом стал ждать назначенной даты. Решив что-нибудь предпринять, он отправился к священнику в Недербраекель и признался во всем. Священник, естественно, захотел спасти заблудшую христианскую душу от адского пламени. Он посоветовал слуге первым делом совершить акт покаяния, а на следующий день прийти к нему. Слуга провел в доме священника не больше часа, когда в дымоходе послышался ужасный шум — это явились бесы. Слуга, сидевший рядом с печной трубой, пришел в неопишуемый ужас, и не без причин: они уже подняли его в воздух, и, казалось, вот-вот навсегда унесут в ад. Однако священник решил побороть дьявольские силы молитвой; он поспешно опустился на колени и стал читать Евангелие от Св. Иоанна Богослова. Слугу тем временем швыряло вверх и вниз. Наконец, он упал, вне себя от страха, весь в синяках и крови, а рядом с ним очутилась маленькая книжица. Бесы исчезли, и с этого времени они больше не появлялись.

ОДУРАЧЕННЫЙ ДЬЯВОЛ

Когда-то в Лювене жил богатый купец, у которого было много денег и всякого добра, потому что он продал душу дьяволу. Кроме богатств, этот человек обладал многими знаниями и мог помочь себе даже в случаях, когда другие не могли ни дать совет, ни оказать помощь, что и подтвердилось, когда по прошествии семи лет после сделки с дьяволом нечистый пришел забрать его душу.

Купец приветствовал беса дружеским рукопожатием и, поскольку наступил вечер, произнес: «Жена, быстренько принеси свет для этого господина». «В этом нет необходимости, — сказал дьявол, — я пришел всего лишь забрать тебя». «Да, да, я это знаю, — сказал купец, — только дай мне время, пока догорит этот огарок свечи, потому что мне нужно подписать несколько писем и надеть пальто». «Хорошо, — согласился дьявол, — но только пока не догорит этот огарок». «Ладно», — сказал купец. Отправившись в соседнюю комнату, он приказал служанке наполнить большую бочку доверху водой и

поставить ее рядом с недавно вырытой в саду очень глубокой ямой. Слуги выполнили это распоряжение; кроме того, каждый из них поставил возле ямы еще по бочке. После этого слугам было приказано взять по лопате и встать вокруг ямы. После этого купец вернулся к дьяволу, который глядел на почти догоревшую свечу. Нечистый со смехом произнес: «Готовься, скоро свеча догорит». «Я готов. Но раз ты дал слово, подожди, пока она не догорит». «Конечно, — ответил дьявол, — сдержу свое слово». «В соседней комнате темно, — продолжал купец, — но мне нужно найти большую книгу с застешками, так что дай мне свечу на одну секунду». «Конечно, — сказал дьявол, — но я пойду с тобой». Он пошел за купцом, который уже начал волноваться. В соседней комнате купец внезапно сказал: «Ах, как я мог забыть, что ключ остался в двери снаружи». И с этими словами он выбежал со свечой в сад и, пока дьявол не догнал его, бросил свечу в яму, после чего слуги и служанки залили яму водой, а затем засыпали землей. Явившись в сад, дьявол спросил: «Ну, ты нашел ключ? А где свеча? Где она?» «Свеча?» — спросил купец. «Да, свеча». «Ха-ха-ха. Она теперь не догорит, — ответил купец со смехом, — и не сгорит еще пятьдесят лет. Она лежит в сотне фатомов под землей». Услышав это, дьявол вскричал жутким голосом и исчез, оставив после себя нестерпимую вонь¹⁷⁴.

ФРЕЙШЮТЦ

Один охотник долгое время не мог подстрелить ни одной птицы, и наниматель пригрозил уволить его. Бродя в отчаянии в лесу, охотник внезапно увидел перед собой человека в изысканной одежде. Незнакомец поинтересовался, чем парень так расстроен. Охотник рассказал о своем несчастье, на что незнакомец от души посмеялся. «Почему ты смеешься надо мной? — спросил охотник. — Если ты еще раз так сделаешь, получишь пулю». На это незнакомец снова засмеялся, а потом произнес: «Пулю от тебя? Надо быть хорошим стрелком, чтобы попасть в меня хотя бы с трех шагов, а ты мазила». «Второй раз ты этого не скажешь», — воскликнул охотник, дрожа от ярости. Прицелившись, он выстрелил. Незнакомец продолжал смеяться, а потом вернул пулю: «Возьми-ка свою пулю назад, от нее нет никакой пользы». Охотника это несколько встревожило, но он успокоился, когда незнакомец продолжил: «Давай-ка теперь выстрелю я. Видишь того воробья, сидящего на церковном шпиле? Я его собью». «Валяй, если можешь», — произнес охотник со смехом, и в то же мгновение воробей упал к его ногам. «И ты сможешь так же метко стрелять, — продолжил незнакомец, — и попадать, во что пожелаешь, даже не глядя. Если твоя цель будет очень далеко, ты в нее попадешь — только прицелься. Но этот дар я дам тебе на семь лет, а потом заберу твою душу. Ставь свою подпись». «Согласен, — сказал охотник. — Я согласен, но при условии, что ты всегда будешь мне говорить, в кого я стреляю». «Хорошо», — ответил незнакомец. После этого охотник поставил свою подпись кровью, и дьявол исчез.

На протяжении семи лет охотник застрелил столько дичи, что этому все поражались. От своего хозяина он за это получил столько денег, сколько не получал ни один охотник. Но когда семь лет приблизились к концу, охотник погрузился в глубокую печаль, зная, что дьявол явится за ним уже на следующее утро. Жена заметила его беспокойство и стала допытываться о его причине. Поколебавшись, охотник рассказал ей о том, как заключил сделку с дьяволом, при условии, что дьявол будет всегда говорить, куда охотник стреляет, если дичь будет далеко. «Тогда я помогу тебе, мой дорогой, —

со смехом сказала жена, — смело выходи со своим ружьем, но все время спрашивай, во что ты стреляешь». Охотник вышел, и его жена тут же разделась догола, смазала свое тело сиропом, вспорола матрас и вывалилась в перьях, так что она больше стала напоминать птицу, а не человеческое существо. После этого она выбежала из дома и начала прыгать по полю. Вскоре после этого на поле пришли охотник с дьяволом. Увидев существо в перьях, дьявол крикнул: «Эй, стреляй!» «Но что это?» — спросил охотник. Дьявол долго глядел, но так и не смог разобраться, что это было, и с досадой произнес: «Не могу разглядеть как следует». «Ха-ха-ха! Тогда наше соглашение расторгнуто», — произнес охотник, от души рассмеявшись. После этого дьявол исчез, оставив после себя мерзкий запах. Жена охотника смеялась еще больше и с радостью обняла своего спасенного мужа.

АМБАР МОНТЕКУВЕЦА

После обильного урожая один молодой крестьянин, не позаботившийся заранее о ремонте амбара, не знал, как ему сберечь свое зерно. Однажды он в грустных раздумьях бродил по полям, глядя на прекрасные колосья. Внезапно перед ним появился хорошо одетый человек, который спросил крестьянина о дороге к замку Кателет. Крестьянин вызвался его проводить. По дороге незнакомец спросил крестьянина, почему он выглядит таким печальным, и тот рассказал о своей непредусмотрительности. Услышав это, незнакомец выразил желание помочь, если только через год крестьянин отправится к вассалу незнакомца и будет служить у него рабом. С этим предложением несчастный крестьянин согласился, но при условии, что у него будет дом и он перевезет в него жену и детей. Со зловещим смешком незнакомец согласился на это. После этого они подписали контракт, по которому амбар должен быть приведен в порядок до первого крика петухов. Поскольку чернил не было, подпись была поставлена кровью. После этого они расстались: незнакомец направился к замку и скоро исчез из виду, а крестьянин отправился в свой дом.

Чем ближе крестьянин подходил к дому, тем странней ему казался контракт, который он заключил. Еще более удивительным было то, что он увидел: рабочие, посланные незнакомцем, быстро укладывали бревно за бревном и кирпич за кирпичом — но при этом не было слышно звуков пил или молотков, топоров или рубанков; тем не менее громадные дубы срубались и распиливались на бревна, огромные кучи камня возникали из ниоткуда и укладывались ровными рядами.

Удивленный и озадаченный, крестьянин вошел в свой дом, где сидела его жена, не меньше мужа удивленная и испуганная, поскольку собаки, кошки, петухи, курицы, утки и гуси с шумом бежали вокруг нее, а взмыленные лошади в стойле били копытами.

Но более всех волновался большой петух, самый красивый во всей округе и большой любимец хозяйки. Эта птица, не найдя другого места укрыться от опасности и страха, пыталась забраться своей хозяйке на колени, но та столкнула петуха и принялась звать на помощь. Оправившись от падения, петух громко закукарекал. Тут же эхо его крика отразилось от амбара столь сильным шумом, что задрожала земля. Все рабочие мгновенно исчезли, и амбар остался недостроенным. На следующее утро жители деревни были немало удивлены, увидев полный снопов прекрасный амбар, поскольку не могли понять, откуда все это взялось. Крестьянину же хватило благоразумия, чтобы не рассказывать о своем приключении.

Однако дыру в крыше, которую не успели достроить, заделать не удалось никаким способом. Она остается открытой до сегодняшнего дня. С того времени петух на этом крестьянском дворе всегда кукарекает раньше, чем его собратья в деревне.

АМБАР ДЬЯВОЛА В ГАЛЛЕМАЕРДЕ

Несколько столетий тому назад хозяин фермы, к которой принадлежал упомянутый амбар, из-за какого-то несчастья — то ли пожара, то ли бури — потерял его. Это произошло в августе, когда как раз настало время свозить в амбар урожай. В отчаянии фермер бродил по полю, как вдруг перед ним появился незнакомец, который спросил о причине печали. Крестьянин рассказал обо всем, и незнакомец ответил: «О, и это все? Дело легко поправить. Только напиши свое имя кровью под этим соглашением, и твой амбар будет отремонтирован и готов к завтрашнему утру, к первым петухам. Но если амбар не будет готов, договор будет расторгнут». Сказав эти слова, незнакомец вынул из своего кармана кусок пергамента, проткнул палец крестьянина иглой, который и расписался на пергаменте кровью. Однако бедняга скоро пожалел о том, что так бездумно продал свою душу дьяволу. От страха он не мог уснуть. Когда его жена узнала о сделке, то тоже не смогла заснуть, поскольку испугалась не меньше мужа.

Однако женская хитрость превосходит всякую другую, говорит одна старая поговорка, которая и здесь оказалась верной. Задолго до того, как прокричали петухи, жена выскочила из кровати и выбежала из дома, перед которым увидела множество работников, возводивших амбар. Но увидев, что часть боковой стены все еще не завершена, она закричала что было мочи: «Кукареку! Кукареку!» За ней последовали все петухи в округе. В это же мгновение все рабочие исчезли, а амбар остался незавершенным.

После этого предпринималось множество попыток заделать отверстие в стене, но ночью неизменно появлялся дьявол, который сбрасывал все доски просто из досады, что его так легко провела жена крестьянина.

КАК СТАТЬ НЕВИДИМЫМ

В прежние времена в Биербеке было много людей, которые умели сделать себя невидимыми при помощи маленькой косточки, которую носили с собой. Эту кость они получали следующим образом: нужно было выйти ночью, между двенадцатью и часом, к перекрестку, держась рядом с кустами или изгородью. На изгородь следовало положить мешок с черным котом в качестве приношения дьяволу. На следующее утро мешок оказывался пустым, если не считать небольшой косточки, которая и давала способность становиться невидимым.

«СТРАНСТВУЮЩАЯ МАТУШКА»

Когда на земле бушует ветер, унося с собой все, многие люди считают это природным явлением; на самом же деле это «Странствующая матушка», совершающая свой обход.

БЕСПРИЮТНАЯ РОЖЕНИЦА

Около городов можно часто видеть внезапно возносящиеся и опускающиеся смерчи. И можно с уверенностью сказать, что в этот момент умерла без покаяния роженица, которая совершила смертный грех и не успела очистить свою душу. Поскольку ее не

пускают на небо, ей приходится спускаться вниз, в ад. Но и там ее не принимают, поскольку своими мучениями она искупила грехи; так она и путешествует вниз и вверх, пытаясь найти постоянное место.

ВАННЕ ТЕКЛА

Ванне Текла является королевой эльфов и ведьм, а также всех духов, которые летают в воздухе. Когда темно и ветрено, она принимается за работу. Ночью она спускается на землю в сопровождении долгой процессии своих спутников, танцует, прыгает и пьет на горе Поттерберг, где когда-то стояла виселица. На реке Лейдже, которая течет через город, у нее есть прекрасный корабль, в котором, после наступления ночи, она и ее спутники отправляются в плавание по команде «*Wind mit vieren*»¹⁷⁵.

ВЕЧНЫЙ ЖИД

В 1640 году два горожанина, проживавшие в Брюсселе на улице Таннерс, встретили в лесу Суанье старика, чьи изношенные до крайней степени одежды показались им весьма старомодными. Горожане предложили проводить старика в пивную, на что тот и согласился, однако не стал сидеть и пил стоя. Когда они провожали старика к воротам города, он рассказал им о многом, что происходило во времена, отстоявшие от их времени на несколько веков. Посему горожане заключили, что их спутником, по всей видимости, является Исаак Лакедем — еврей, который не позволил Иисусу передохнуть у его двери. Это наполнило их ужасом¹⁷⁶.

ЭЛЬФЫ

В воде можно нередко заметить яичную скорлупку; на ней плавают эльфы. Также говорят, что пузырьки, которые часто можно видеть в прудах, где нет рыбы, населены эльфами. Очень ими любим *эльфов лист*, или *растение чародеек*, потому его нельзя вырывать из земли.

Есть вредоносные эльфы, которые изготавливают яд из определенных растений. Опытные пастухи не пасут своих овец после заката. «Ночью подорожник, — считают они, — принадлежит эльфам, и всякий, кто ест это растение, должен умереть». Никто не осмеливается спать на лугу или на пастбище после заката, поскольку у него будут все основания для испуга.

В Брабанте есть много небольших холмов, которые в народе называются горами эльфов. В этих холмах обитают эльфы.

ФЛАББАЕРТ

Когда несколько молодых людей возвращались домой с ярмарки в Карселаере, один из них, любивший крепкие выражения брат священника, начал ужасно ругаться, и в особенности поминая Флаббаерта, рыжего духа, являвшегося в этой местности. Поначалу это сходило ему с рук, но в конце концов Флаббаерту это надоело, и он окунул сквернословия в воду, после чего вышвырнул его на берег с такой силой, что у того треснули все ребра.

Когда священник услышал об этом на следующий день, он не выразил своему брату сочувствия, сказав, что тот получил по заслугам. Однако он наказал духа тем, что проклял его так, что тот был обречен сотню лет скитаться по берегам Красного моря.

ПОЧЕМУ ЕВРЕИ НЕ ЕДЯТ СВИНИНУ

Когда наш Господь жил на земле, он однажды отправился путешествовать по Фландрии. Здесь он увидел несколько дюжин евреев, которые, увидев его издали, стали над ним насмехаться. «Подождите, — сказал один из них, — давайте испытаем его чудесную силу и посмотрим, сможет ли он правильно угадать». После этого они укрыли своего товарища под бадьей и, когда Иисус вошел, спросили, что находится под ней. «Отвечу вам сразу, — сказал Иисус, — это свинья». Тут евреи расхохотались, решив, что обманули его, и подняли бадью. С каким же изумлением они увидели, что товарищ их превратился в свинью и яростно хрюкает. Выскользнув из-под бадьи, он побежал к стаду свиней, которое как раз проходило мимо! Евреи припустились следом за ним, однако не сумели отличить бывшего приятеля от других свиней, настолько похожими они оказались. Так что евреи и по сей день не едят свинины из-за того, что они боятся убить и съесть потомков этой свиньи.

МЕССА ПРИВИДЕНИЙ¹⁷⁷

Одна женщина из Хофштаде однажды утром отправилась в город. Путь ее пролегал мимо старой церкви, закрытой последние десять лет. Однако она увидела в окнах церкви свет и, войдя, обнаружила, что церковь полна людей, причем у всех головы покрыты белыми платками. Пока она стояла, разглядывая все вокруг, три священника сошли с амвона и подошли к высокому алтарю. За ними последовали ризничие и певчие, после чего началась месса. Однако все присутствующие двигались не как обычные живые существа, они словно парили над землей, а их одежды казались существенно полинявшими. Глядя на происходящее, женщина внезапно почувствовала жуткий страх. Она решила покинуть церковь, но дверь была закрыта, и ей пришлось остаться. Когда месса завершилась, священник растаял в воздухе, огни погасли, и все белые призраки исчезли. В этот же момент часы церкви пробили один раз.

Когда утром ризничий открыл дверь, он нашел лежащую на мостовой женщину, поживую от страха¹⁷⁸.

АЛЬВИНА

Когда ветер громко завывает и свистит, в Западной Фландрии говорят: «Слушай! Альвина плачет». Альвина была красивой дочерью короля, которая после своего замужества была проклята своими родителями и обречена странствовать до скончания времен. На этой легенде основывается одна народная баллада, из которой я могу привести только несколько строк:

Ik voel dat ik moet gaen
Vliegen in de winden, zoo lang de wereld staet,
En nooit geen troost meer vinden.
Adieu Kinders, lieve vruchten!
Adieu Man, die de oorzaak zijt.
Unmoeden moet voor eeuwig zuchten!

*Я чувствую, что должна лететь с ветрами,
До тех пор, пока будет стоять мир,
И никогда не находить утешения.
Прощайте, дети, дорогие цветы!
Прощай, муж, ставший тому причиной.
Непрестанно суждено мне вздыхать!*

РООДСЕЛКЕН

В просторных льняных полях Фландрии можно встретить растение с ярко-зелеными листьями, покрытыми красными пятнами, давшими ему название — роодселкен, крас-

ные пятна. Согласно легенде, это растение стояло под крестом, и на него упали капли крови Спасителя, после чего эти капли не может ни смыть дождь, ни стереть снег.

ГОРЯЩИЙ ЗЕМЛЕМЕР

Один землемер из окрестностей Фарсума всю жизнь был нечист на руку. Когда ему поручали измерить какой-нибудь участок земли, он пытался получить взятку от одного из крестьян, чтобы отмерять ему больше земли, чем было положено. За это после его смерти он был обречен скитаться по земле — в виде пылающей фигуры с горящей мерной линейкой. Свою работу по измерению он проводит каждую ночь¹⁷⁹.

СУТАНЫ, ПОДВЕШЕННЫЕ НА СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧАХ

Во времена Вигболда, четвертого аббата Адеверта, в монастыре поддерживалась очень суровая дисциплина. Согласно рассказам, все монахи монастыря жили в такой святой простоте, что часто вешали свои шапочки и сутаны на солнечные лучи, поскольку у них не было даже шестов. Слава об их святой жизни широко распространилась по стране, и даже по миру, поскольку многие люди приводили их в пример службы Богу¹⁸⁰.

БЕЛЫЕ ДЕВЫ (WITTE JUFFERS) И БЕЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ (WITTE WIJVEN) В ФРИСЛАНДИИ

Во времена императора Лотаря в Фрисландии обитало много призраков и привидений. Они обитали на вершинах небольших холмов и в искусственных пещерах — но эти пещеры не были произведением человеческих рук. Обычно их называли белыми женщинами. Легенды не рассказывают о них особых подробностей. Ночных путешественников, пастухов, сторожей на полях, беременных женщин и детей они часто переносили в пещеры и подземелья — и оттуда часто можно было слышать крики детей и рыдания. По этой причине за беременными женщинами и маленькими детьми следили особенно тщательно, чтобы белые женщины их не унесли. Одна из них до сих пор обитает около Биерума, другие — около Голинзе, Еenuma, Фарсума и т.д.¹⁸¹

В более поздних легендах их называют *белыми девами* и наделяют более мирным характером. Считается, что белые девы помогают женщинам во время родов, подсказывают путникам дорогу и во всех отношениях проявляют доброе расположение к людям. Они обитают в местах не столь страшных и часто располагающихся в окрестностях городов и деревень. Это по большей части заросшие деревьями холмы или пещеры, как находящаяся возле Лохерна в Голландии, где обитали три белые жены. Во Фрисландии и Дренте их знает каждый ребенок. Тот, кто приблизится к таким пещерам или холмам, увидит удивительные вещи.

ТРИ СЕСТРЫ

Около Лувайна находятся три могилы, в которых погребены тела трех набожных сестер. Перед могилами текут три чистых источника, и христиане часто совершают паломничество к ним, особенно для того, чтобы получить лекарство для больных женщин. Для того чтобы узнать, выживет ли женщина или умрет от болезни, существует традиция брать ее колпак и класть на воду. Если колпак тонет, излечения не будет; если он продолжает плавать, болезнь излечима. Однако для этого нужно беспрестанно молить-

ся и делать подношения, которые по большей части состоят из иглы, ниток и горсточки зерна. Все это следует получить, прося милостыню.

ПАМЯТЬ СВ. ГЕРТРУДЫ

Святая Гертруда оставила мир, чтобы посвятить себя службе Богу. Однако некий рыцарь, прежде любивший ее, не хотел оставлять своих надежд и поселился в окрестностях монастыря, несмотря на то, что Гертруда поклялась никогда не возвращаться в мир. Увидев, что все его старания остаются тщетными, рыцарь призвал дьявола себе на помощь и продал ему душу по истечении семи лет за то, чтобы сатана помог ему достичь вожделенной цели. Впрочем, семь лет миновали, помощь дьявола ничего не дала, но дьявол тем не менее настаивал на том, что должен забрать душу рыцаря.

Тогда Гертруде во сне явился св. Иоанн и рассказал об опасности, которой подвергся рыцарь. Гертруда, которая за это время стала настоятельницей монастыря, немедленно созвала своих монахинь и провела их к воротам монастыря, мимо которых дьявол нес свою добычу. Приблизившись к рыцарю, она протянула ему кубок с вином, который попросила осушить, чтобы рыцарь попал под защиту св. Иоанна. Рыцарь так и сделал. И едва он проглотил последнюю каплю, как подписанное кровью обязательство оказалось разорванным на куски и упало к ногам рыцаря под злобный вой дьявола.

С тех пор св. Гертруду изображали держащей в одной руке крест, а в другой — чашу. Согласно преданию, после этого события идет обычай пить за *Sinte Geerteminne*.

ЛИЛИЯ

В незапамятные времена один фокусник обладал даром отрезать у людей голову и снова ее приставлять. Однажды, когда он упражнялся в своем искусстве, некий странник вошел в комнату, чтобы понаблюдать за процессом. На столе перед фокусником стоял большой стакан с дистиллированной водой, из которого каждый раз, когда фокусник срезал голову, вырастала белая лилия, которую тот называл *лилией жизни*. Когда и на сей раз фокусник отрезал голову, путешественник быстро подошел к столу и незаметно для других острым ножом разрезал стебелек лилии. Когда фокусник попытался прирастить голову к месту, это ему не удалось, после чего его схватили и сожгли как убийцу.

Все это произошло, как я часто слышал от моего отца, в 1528 году, и юридические свидетельства о происшествии сохранялись до времени Французской революции.

СЕРДЦЕ ИЗ ПЕРЬЕВ

В семействе знакомых часто рассказывали следующую легенду.

Одна молодая девушка была больна, и уже казалось, что она не поправится. Все врачи в округе пробовали ее излечить, но старания их оказались тщетными. В конце концов ее мать отправилась к старому монаху-капуцину, которому и рассказала о своем деле. Он сказал ей на это: «Сестра, твоя дочь болеет не телом. Ее нельзя вылечить потому, что она заколдована. Но разрежь тюфяк и перину, на которых она спит, и там или там ты найдешь сердце из перьев, которое немедленно следует бросить в огонь».

Женщина последовала совету монаха, и действительно, в матрасе оказалось сердце из перьев. Как только оно было сожжено, дочь стала поправляться.

ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ

Возьмите еще не освященную облатку, напишите на ней кровью, взятой из безымянного пальца, определенные слова, а затем попросите священника отслужить пять месс. Разделите облатку на две равные части, из которых одну сохраните себе, а другую отдайте человеку, чьей любви вы хотите добиться.

Некоторые люди делают человеческие подобия из земли, воска, драгоценных камней или из разного рода смесей. Над этими фигурками они совершают обряд крещения, точно так, как это обыкновенно делает священник над обыкновенными людьми, за исключением того, что при этом они вызывают дьявола и произносят неприличные или богохульные слова. После этого фигурку плавят. Считается, что эта процедура вызывает любовь в человеке, именем которого была крещена фигурка, даже если он прежде не ощущал ее.

В одном особняке в городе N в канун праздника за покрытым скатертью столом сидели три девицы. На столе находились три тарелки, а возле него были оставлены места для ожидавшихся женихов, которые должны были явиться после выполнения определенных обрядов. Но появились только два дворянина, присоединившиеся за столом к двум из трех молодых дам. Третий жених не пришел. Так что третья девица, после долгого ожидания, начала проявлять нетерпение и выглянула в окно. Прямо напротив дома она увидела гроб, в котором лежал молодой человек, очень похожий на девицу. Это сходство так поразило ее, что она слегла и скоро умерла.

Три девицы сидели совершенно обнаженные за столом, перед каждой из них стоял бокал; в одном находилась вода, в другом — пиво, а в третьем — вино. Они ждали своих женихов. Первым появился слуга, который взял стакан с водой и ушел. Затем пришел бондарь, который взял стакан с пивом и отправился своей дорогой. Следующим вошел школьный учитель, который схватил бокал с вином и унес его с собой.

Метод оказался действенным. Девица, перед которой стоял стакан с водой, вышла замуж за слугу, с которым у нее было мало хлеба и много воды. Вторая получила в мужа бондаря, с которым она не знала нужды, но ее жизнь была жалкой, поскольку ей пришлось претерпеть множество мучений. А что случилось с третьей, я не знаю, поскольку эта особа уехала в другую страну вместе со своим мужем, школьным учителем¹⁸².

Когда девушки из Бельгии желают увидеть своих возлюбленных во сне, они кладут свои подвязки скрещенными у изножья кровати и небольшие зеркала под подушку. Тогда они во сне могут увидеть своего будущего мужа.

В первую пятницу каждого месяца они также повторяют следующие слова:

Lune, lune, belle lune,
Faites me voir en mon dormant
Le mari que j'aurai en mon vivant.

*Луна, луна, прекрасная луна,
дай мне увидеть в моем сне
суженого, как живого.*

Если какая-нибудь девушка найдет целое зерно в своем хлебе, то она сможет увидеть своего будущего мужа. Для этой цели она должна засунуть зерно в щель на две-

ри, а потом наблюдать. Третий человек, который пройдет в дверь, и станет ее будущим мужем.

Другие утверждают, что будущий муж будет заниматься тем же ремеслом, как и третий человек, что пройдет мимо дома.

Если девушка желает удостовериться в том, что возлюбленный по-прежнему любит ее, она должна сложить свою подвязку три раза, каждый раз при этом произнося определенные слова. После этого она должна положить подвязку под подушку и, не произнося ни звука, отправиться в кровать. Если в полночь она увидит своего возлюбленного выглядящим здоровым и бодрым, тогда все в порядке, и она скоро выйдет замуж. Но если он выглядит как мертвец, ей следует расстаться со всеми надеждами, поскольку она никогда не сможет завоевать его любовь. В любом случае ее возлюбленный всю ночь будет мучиться.

НОГА ВОРА — РУКА ВОРА — ПАЛЕЦ ВОРА

В Западной Фландрии, неподалеку от Байоля, схватили вора, при котором нашли ногу другого, уже повешенного вора. Он пользовался ею, чтобы наводить на людей сон.

В некий городок однажды пришли два приятеля. Они притворились крайне усталыми и попросили устроить их не в спальне, а возле очага. Служанке не понравился их внешний вид, она осталась у двери и стала наблюдать за этими двумя сквозь щелочку. Один из них вытащил из кармана руку вора. Натерев эту руку маслом, он стал поджигать пальцы. Все пальцы зажглись, кроме одного. Приятели снова повторили свои действия — и снова один палец не загорелся. Это очень их удивило, и один из воров сказал: «Определенно, в доме есть кто-то бодрствующий». После этого они повесили руку с четырьмя горящими пальцами у камина и отправились звать своих сообщников. Служанка немедленно заперла за ними дверь и бросилась за хозяином дома, но, сколько она ни пыталась его разбудить, ей это не удавалось.

Тем временем воры вернулись и попытались взобраться в окно, но служанка сбросила их с лестницы. Тогда они выбрали другой способ и навалились на дверь, но тут служанке пришло в голову, что глубокий сон ее хозяина объясняется горящими пальцами. Она тут же побежала на кухню и погасила пальцы. Тогда хозяин и его слуги немедленно проснулись и скоро выгнали воров.

В деревне Алверинген в прежние времена жила колдунья, у которой был «палец вора»; над этим пальцем было отслужено девять месс. Будучи знакомой ризничего, она обернула этот палец в материю и положила его на алтарь, утверждая, что это мощи. С этим пальцем она делала удивительнейшие вещи. Когда она зажигала палец — поскольку такие пальцы горят подобно свече, — то могла усыпить любого в доме. Таким образом, она часто похищала деньги и многое другое, что ей нравилось, пока, наконец, не оказалась разоблаченной, когда украденные вещи были найдены в ее доме.

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ

Минхеер Хинке Ван Вурбен владел волшебным мечом, который он получил от монаха. Это произошло в час, когда правил Марс. Перекрестье выковали во вторник и в тот

же день закончили; в рукоятку был вделан кусок дуба, сраженного молнией. Изготовленный таким образом меч переламывал другие мечи.

Если какой-нибудь человек желает не получить ранения, он должен повязать на свою правую руку кожу змеи, покрытую дубленой шкуркой угря. Затем в час Марса следует выковать железный талисман из куска меча палача и прикрепить его к кольцу. Собираясь идти на бой, этот человек должен прижать такое кольцо к своему лбу и надеть его на безымянный палец правой руки. На кольце следует выгравировать слова «О, Кастрес, князь оружия, через Бога Авраама, Исаака и Иакова».

МАЗЬ ВЕДЬМ

Колдуны умеют убивать как крещеных, так и некрещеных детей (особенно крещеных, если на них не изготовили крестика или над ними не прочитали молитв). Они убивали детей как в колыбельках, так и когда они спали возле родителей, так что последние думали, что это сами по неосторожности заспали своего ребенка. После похорон ведьмы крали труп ребенка из гроба, клали его в котел и варили до тех пор, пока мясо не отделится от костей. Из густой части варева они делали мазь, которая помогала им в их колдовском искусстве, позволяла менять облик и т.д. Жидкую же часть его они разливали по бутылкам. Тот, кто выпивал эту жидкость, мог после совершения определенных обрядов стать колдуном и адептом черной магии.

МОЛОКО УКРАДЕННОЕ — МОЛОКО БИТОЕ

Одна старая колдунья завидовала соседу и часто крада его молоко. Для этой цели она брал нож и отправлялась к месту, где находилась корова, становилась лицом к луне и повторяла следующие слова:

Hier snyd ick een spaen
In mollekens ghewaen,
Ende een ander daer toe,
So neem ick bet melck van deser кое.

*Здесь отрезаю я щепку
от стены коровника,
И другую за ней,
Так же я беру молоко у коровы.*

Услышав это, владелец коровы брал толстую веревку и бежал к колдунье, которую немилосердно бил, приговаривая:

Hier slaen ick eenen slach,
Ende eenen andern als ick mach,
Ende den derden daer toe,
So behoud ick d'melck metter кое.

*Вот тебе удар,
Вот другой, изо всех сил,
И третий после этого,
Так оставляю я молоко при корове.*

Способ был достаточно действенным.

Если колдунья ворует молоко, лучше всего наказывать ее следующим способом. Когда такая женщина с помощью своего лживого искусства подоит корову, животное скоро снова придется доить. Надоенное молоко следует поставить на огонь и нагреть. Когда молоко станет достаточно горячим, его следует бить палкой, пока в сосуде не останется даже капли. Молоко, пролитое на землю, тоже надо бить, и чем больше, тем

лучше, поскольку каждый удар по молоку дьявол переводит на спину ведьмы. В Лаекене часто случалось, что колдуньи после такой экзекуции вынуждены были оставаться в постели неделю, а то и больше¹⁸³.

КРАЖА ЗЕРНА

Одна колдунья бродила по полю, которое было полно спелого зерна, и повторяла стих *Super aspidem* и т.д.¹⁸⁴ Вернувшись домой, она немедленно поднималась на чердак, брала трубу и повторяла те же самые слова, пока все зерно с поля не высыпалось через трубу вниз — так, что на поле не оставалось ни зернышка.

ПОЙМАННЫЙ КОЛДУН

Примерно в конце шестнадцатого века в Западной Фландрии произошло следующее событие. Один крестьянин вместе со своим сыном пил в таверне и — таким был его обычай — мелом делал линии на своих вилах, отмечая каждую выпитую кружку. Когда он собирался уходить, то позвал хозяйку и спросил, сколько кружек он выпил. Но хозяйка, в свою очередь, спросила, сколько отметок он сделал на своих вилах. Крестьянин отказался ей это сообщить, и женщина рассердилась и в ярости произнесла: «За это ты не дойдешь до дома сегодня вечером — будь уверен в этом, или я не вернусь назад». Крестьянин на это только рассмеялся, бросил на стол деньги за пиво, которое выпил, и покинул дом.

Но когда он подошел к воде и забрался в лодку, то никак не мог оттолкнуть ее от берега. Он попросил помочь трех солдат, которые в это время шли мимо: «Привет, товарищи, не поможете мне оттолкнуть мою лодку? Буду рад за это угостить вас пивком». Солдаты пришли ему на помощь, но все было тщетно, поскольку лодка так и не сдвинулась с места. «Подождите-ка, — сказал один из солдат, тяжело дыша и в поту от напряжения, — давайте выбросим из лодки вещи, что лежат в середине; тогда она, без сомнения, стронется с места». Они так и сделали, и едва выбросили последний предмет, как увидели на дне лодки огромную жабу, глаза которой казались тлеющими угольками. Один из солдат, вытащив свою саблю, пронзил тварь насквозь и сбросил ее в воду, в то время как другие нанесли чудищу множество ран в живот, поскольку оно продолжало плыть на спине.

Солдаты снова принялись сталкивать лодку, и на сей раз она пошла легко, чему крестьянин очень обрадовался и, взяв с собой солдат, снова вернулся в таверну. Заказав для них пиво, он спросил служанку, где ее хозяйка. «А, — сказала она, — моя хозяйка в кровати, при смерти». «Ха-ха, — рассмеялся крестьянин, — ты считаешь, что я пьян? Я видел ее какую-то четверть часа назад, и она была полна жизни, здорова и отлично ругалась». «Тем не менее, это так, — ответила служанка. — Если хочешь, можешь посмотреть на нее своими глазами».

Крестьянин и три солдата вошли в комнату, где лежала женщина, жалобно стоная от боли, поскольку у нее было множество ран, расположенных точно там, где солдаты нанесли раны жабе. Крестьянин спросил служанку, как это могло случиться, но она не могла объяснить, поскольку ее хозяйка выходила из дома.

После этого крестьянин поспешил в магистрат, где рассказал все дело. Стало ясно, что жабой была сама хозяйка, принявшая вид пресмыкающегося, чтобы помешать крестьянину вернуться домой.

ОБРАЩЕНИЕ КОЛДОВСТВА

Колдуны плавят свинец и выливают его в холодную воду, где металл немедленно принимает форму человека. Затем они спрашивают околдованного человека, какой части тела околдовавшей их ворожеи причинить вред. Когда околдованный человек указывает это, они режут или колют ножом названную часть свинцовой фигурки, произнося вслух, где находится ворожея, не называя при этом своего имени. После этого зло обращается на саму ворожею¹⁸⁵.

МОГИЛЬЩИК

Некий могильщик в День Всех Святых слег в лихорадке. К больному пришел кум, чтобы проведать его. «Как неудачно, — сказал могильщик, — что я должен больным идти сейчас рыть могилу в такой холод и снег». «О, я вырою ее за тебя, — сказал кум. — Меня это ничем не затруднит». Могильщик с радостью принял это предложение.

Кум взял лопату и кирку, заглянул в таверну, чтобы согреть душу, в десять часов вечера явился на церковный двор и к половине одиннадцатого уже справился со своей задачей. Но когда он собирался возвратиться домой, мимо прошла процессия монахов в белом, причем каждый из монахов нес в руке тонкую восковую свечу. Монахи сделали круг по церковному двору, и когда они проходили мимо кума, то бросили свечи к его ногам, а последний бросил большое ядро с двумя фитилями.

Кум подумал про себя: «Ха-ха, могильщик ничего не говорил про монахов. Воск пойдет мне в качестве платы за работу. За месяц или два я продам свечи, получу за них достаточно денег, причем моя жена об этом не будет знать». Он собрал все свечи, завернул в материю и спрятал под кроватью.

На следующий день был праздник Всех Святых. Кум рано отправился в кровать, но никак не мог уснуть. Когда часы пробили двенадцать, раздалось три удара в дверь. Кум немедленно выпрыгнул из постели, открыл дверь и увидел тех же белых монахов, что и в предыдущую ночь — но на сей раз без свечей. Они прошли в дом парами и выстроились вокруг кровати, на которую в ужасе повалился кум, натянув одеяло до головы. Внезапно белые мантии упали с плеч, и кум увидел, что перед ним стоят скелеты, причем у каждого из скелетов чего-нибудь не хватало — у одного руки, у другого — ноги, у третьего — позвоночника, а у последнего — головы. В то же самое время под кроватью послышалось какое-то шевеление. Кусок материи сам собой двинулся вперед и расстелился посреди комнаты, и тут кум увидел, что то, что он счел свечами, на самом деле было костями, а большое ядро — ухмыляющимся черепом. Скелеты разом воскликнули: «Отдай мне мою ногу», «Отдай мне мою руку», «Отдай мне мой позвоночник», «Отдай мне мое ребро». Куму пришлось вернуть все требуемое, вплоть до черепа, который он отдал последнему скелету. Получив назад свой череп, тот снял со стены кумову скрипку и жестом велел играть, другой рукой отбивая такт. Другие же скелеты, взявшись за руки, пустились в пляс, производя омерзительный грохот. Что касается несчастного кума, то он лишился чувств, ослеп и оглох, но не прекращал игры, поскольку как только он начинал играть тише, то немедленно получал по уху от одного из скелетов. Так продолжалось до самого утра, когда скелеты надели свои плащи и отправились восвояси.

Кум и его жена на протяжении своей жизни помалкивали об этом происшествии и рассказали о нем только на последней исповеди перед смертью своему духовному отцу.

ГРОБ

Доктор Абрахам Ван дер Меер, убежденный и ревностный сторонник Реформации, рассказал в своей книге «*Memorabilia*», что его бабушка, жившая тогда в Гааге, однажды ночью не могла уснуть и примерно в четыре часа утра подошла к окну. Она увидела, как по улице Спуй-Страат движется гроб — но никого рядом с гробом не было. Гроб остановился у одного из домов, встал на попа, а потом вполз в открытое окно. Не прошло и шести недель, как все жильцы этого дома скончались от чумы.

ЗЕВЕНБЕРГЕН

Перед прибытием в Дорт возле проезжей дороги находится большое озеро, посреди которого на острове высится одинокая церковь.

В прежние времена на этом месте находился богатый и многолюдный город Зевенберген, обитатели которого использовали серебро и золото так, как в других местах используют медь. Все замки на их дверях и ставни на окнах были из чистого золота, а гвозди и кухонные принадлежности были из серебра. Всего богатства их было не описать словами, и немудрено, что жители Зевенбергена загордились и начали относиться к другим людям надменно.

Но вот в город начала прилетать русалка, которая опускалась на вершину церкви, посвященной св. Лоббетъену, и начинала распевать:

Zevenbergen sol vergaen,
En Lobbetjens toren blyven staen.

*Зевенберген должен погибнуть,
А башня Лоббетена останется стоять.*

Слова ее мог слышать буквально всякий, однако никто из жителей не сделал выводов и не отказался от своей надменности. Наконец Богу надоели их упорство в грехе, и однажды ночью он наслал на город такой ужасный ураган с дождем, что тот погиб едва ли не в одно мгновение. От него осталась одна лишь церковь, как и предсказывала русалка. На месте города сейчас вода.

Рыбаки, часто плавающие по озеру, утверждают, что нередко замечают под водой поблескивающие золотые крыши Зевенбергена, однако никто из них не решается опуститься в его таинственные глубины.

КАК ГРАФ БАЛДУИН ИЗ ФЛАНДРИИ ЖЕНИЛСЯ НА БЕСОВКЕ

Когда граф Балдуин Девятый Фландрский неразумно отказался жениться на прекрасной принцессе Беатрикс, дочери короля Франции, император Константинополя прибыл просить руки Беатрикс и получил согласие ее отца. Эта весть сильно огорчила Балдуина. Он взял у короля Франции — самого благородного и влиятельного из всех королей — отпуск и вернулся в свой город Нуайон, где оставался три дня. На четвертый день, желая поохотиться в лесах Нуайона, он собрал своих охотников и свиту и отправился на охоту вместе со своими слугами и гончими. В лесу они увидели дикого черного вепря огромных размеров и невиданной силы. Услышав собак, кабан побежал прочь, но охотники не теряли его из виду. Вепрь убил четырех лучших гончих, участвовавших в травле. Это очень расстроило графа, и он поклялся, что не вернется домой, пока кабан не будет убит. Выбежав из нуайонского леса, вепрь ушел в лес около Мормая, стремясь достичь безопасного места. Но граф продолжал преследование, размахивая посохом

и оставив других охотников далеко позади. Спрыгнув со своей лошади и схватив по-сох обеими руками, он произнес: «Кабан, повернись ко мне, поскольку для тебя большая честь сразиться с графом Фландрии». Кабан немедленно бросился на графа, и тот ударил его с такой силой, что кабан тут же свалился на землю. Граф заколол кабана и только тут заметил, что рядом нет никого из его спутников. Посидев в раздумье, граф огляделся и увидел одинокую деву, направляющуюся прямо к нему на вороной кобыле. Граф немедленно поднялся навстречу ей и, взяв кобылу за поводья, произнес: «Рад приветствовать вас, госпожа». Та мелодичным голосом ответила на его приветствие. После этого граф спросил деву о том, почему она ездит одна. Девушка вежливо ответила: «Господин, такова воля Всевышнего. Я — дочь Восточного короля, который заставляет меня выйти замуж против моей воли, но я дала клятву Богу, что у меня никогда не будет мужа, кроме самого богатого графа во всем христианском мире. После этого я покинула свой дом в сопровождении многочисленной свиты, но теперь со мной не осталось никого, поскольку я со всеми рассталась, так как боялась, что меня вернут обратно к отцу. Я же дала клятву не возвращаться домой до тех пор, пока не встречу с графом Фландрии, о котором я слышала много похвального».

Пока девушка рассказывала свою историю, граф глядел на нее, и она нравилась ему все больше и больше, так что в конце концов он вспыхнул к ней безумной страстью и сказал: «Прекрасное дитя, я — граф Фландрии, которого ты ищешь, и я — самый богатый граф под небесами, поскольку мне подчиняется четырнадцать стран. А поскольку ты искала именно меня, я возьму тебя в жены, если ты согласишься». Дева согласилась на это, при условии, что он не обманывает ее. Граф спросил у девы ее имя, а также имя ее отца, а также название царства, которым он владеет. Дева ответила, что ее христианское имя — Гелиус. «Но, — добавила она, — имени моего отца ты никогда не узнаешь, ибо такова воля Бога, и ты не должен больше меня расспрашивать, поскольку из этого все равно ничего не выйдет». Тогда граф, одержимый злым духом, приложил рог ко рту и дунул изо всех сил, созывая к себе людей. Первым прибыл Анри, граф Валансьенский, Вальтер из Сен-Омера и многие другие. Они спросили его, была ли удачной охота, и граф ответил: «Да, я заколол самого грозного в мире кабана, и Бог также послал мне эту прекрасную даму, которую вы здесь видите — которую, с ее согласия, я хочу взять в жены». Тогда граф Валансьенский внимательно посмотрел на девушку. Та была в очень элегантном наряде и ехала на кобыле, с которой не могла сравниться ни одна лошадь. Несмотря на всю эту внешнюю привлекательность, граф Валансьенский начал осуждать графа Фландрии за его намерение сделать незнакомку своей законной женой. Он сказал: «Господин, откуда вы можете знать, кто это? Может, это просто молодая девушка, которая может стать вашей за деньги. Если она вам нравится, оставьте ее при себе на время, пока она вам интересна, а потом разрешите ехать своей дорогой. Такой великий принц, как вы, должен вести себя разумно». На это граф Фландрии ответил: «Попридержи язык, мое сердце говорит мне, что я должен жениться на этой девушке». Эти слова очень огорчили спутников графа Фландрии. После этого граф поехал прочь с этого места, взяв с собой голову вепря. Добравшись до Комбрэ в сопровождении девушки, он на ней женился, причем свадьбу справили с большой пышностью. Скоро девушка забеременела, и через девять месяцев у нее появилась дочь, которая при крещении получила имя Жанна. Позднее появилась и вторая дочь, которой дали имя Маргарет. За тринадцать лет, которые эта

женщина провела с Балдуином, она обложила народ большими налогами и причинила стране много зла, за что графа проклинали его подданные. Она ходила в церковь и слушала богослужения, и присутствовала при причастии до вознесения гостии, после чего покидала церковь, что очень удивляло людей и заставляло строить различные предположения.

В это время император Константинополя находился в очень трудном положении. Поскольку Аквилиан, султан Суры, осадил Константинополь с сотней тысяч сарацин и опустошил окружающие земли, император решил созвать всех своих друзей и собрал армию из сорока тысяч христиан. Но однажды, во время вылазки, он был убит в бою. Войско вернулось в город с телом императора. Солдаты похоронили его с почестями, а затем начали обсуждать меры по защите города, поскольку султан Аквилиан поклялся не уходить от Константинополя, пока город не падет перед ним. Тем не менее у христиан нашлось достаточно средств, чтобы защитить город.

В это время Балдуин со своей женой Гелиус находились во Фландрии. Так получилось, что на Пасху лета Господня 1188-го граф Фландрии и графиня Гелиус с их благородными спутниками находились в Винандаеле. Во дворце собрались многие графы, бароны и другие вассалы графа. В этот день двор выглядел особенно пышным, и когда наступил час обеда, граф с гостями отправился к столу. Только все принялись за угощение, как перед графом появился старый, столетний отшельник, опиравшийся на посох. Умоляя именем Бога, он стал просить графа дать ему поесть. Граф великодушно откликнулся на просьбу и попросил одного из своих слуг присмотреть за стариком. Старика отвели место напротив графа, но отдельно от остальных. Графиня чуть задержалась к столу, но вскоре пришла и села рядом с графом. Когда отшельник увидел ее, он начал дрожать от страха и непрерывно креститься. Больше он не стал ничего есть и пить. Когда дама увидела отшельника, на ее лице появилось беспокойство. Решив, что отшельник может причинить ей беспокойство, она попросила графа услатить неожиданного гостя: «Мой господин, этот нищий обладает многими познаниями, но я не могу смотреть на него. Я прошу тебя отослать его отсюда».

На это граф сказал: «Жена, следует давать милостыню тем, кто просит о ней. Тем, кто оказался в нужде, часто просто не повезло. Кроме того, мне приятно сознавать, что благодаря мне этот отшельник сохранит жизнь и восстановит свои силы». После этого граф повернулся к отшельнику, погрузившемуся в глубокие размышления и не притрагивавшемуся к пище и питью, и сказал: «Добрый человек, почему ты не ешь? Не скрывай, если ты желаешь чего-либо еще. Спроси, и ты тут же получишь то, что пожелаешь». После этого отшельник поднялся и обратился к графу и всем присутствующим вельможам, чтобы они на время прекратили есть и пить, поскольку они находятся в величайшей опасности. После этого он воззвал к Всевышнему, чтобы он изгнал дьявола, и обратился к графине: «Ты — дьявол, который пребывает в теле женщины. Изгоняю тебя именем Господа, который ради нас перетерпел мучительную смерть на кресте, а тебя изгнал из своего святого рая со всеми дьявольскими и греховными духами. Изгоняю тебя святыми таинствами, которые дал нам Бог, его великой силой, которая будет существовать вечно, чтобы ты покинула сей дом и удалилась из него, но прежде ты должна признаться перед всеми этими господами, что граф Фландрии был тобой соvrащен, чтобы все это знали. После этого ты должна отправиться в место, откуда пришла, не тронув ничего здесь своей вредоносной рукой, что бы это ни было».

Когда графиня выслушала эту обличающую ее речь, она лишилась сил и, чтобы не наносить более вреда Фландрии и графу, начала признание перед всеми: «Да, я одна из ангелов, которых Бог низверг из рая, отчего мы терпим такие унижения, которых никто не может и представить. Мы охотно направились бы той дороге, которая ведет к прощению Богом. Но никто не имеет права осуждать меня. Граф в данном случае согрешил, поскольку в нем разыгралась гордыня, и он отказался жениться на дочери короля Франции. Потому Бог разрешил мне войти в тело девушки королевских кровей Востока, которая умерла, а до того была одной из красивейших на земле. Я вошла в ее тело ночью и оживила ее, и у тела этого нет другой души, кроме моей собственной, поскольку ее собственная душа теперь находится там, где ей и надлежит быть. Граф не смог воспротивиться искушению и сделал эту девушку своей женой. Я принесла ему не слишком много радостей на протяжении прошедших тринадцати лет, принесла много вреда Фландрии. Я бы причинила ему много больше вреда, если бы он не осенял себя крестным знаменем утром, поднимаясь с кровати, и вечером, отправляясь спать. Двух дочерей я потеряла из-за того, что они были крещены. Мне нечего больше сказать и остается только вернуться на Восток, чтобы оставить это тело в его могиле». Сказав это, дьяволица исчезла, не причинив никому вреда, только унеса с собой небольшую колонну от одного из окон зала. Все присутствующие замерли в изумлении от того, что произошло. Все поднялись из-за стола, а граф склонил голову перед добрым отшельником и спросил, что он может для него сделать. Отшельник посоветовал ему отправиться к Папе Римскому и получить у него отпущение за содеянные грехи. Сказав это, отшельник удалился.

Три дня граф в своем дворце размышлял над этими словами, на четвертый он проследовал в Брюгге. Здесь он подвергся множеству насмешек и оскорблений. Люди показывали на него на улице, а дети кричали: «Идите, смотрите, вот граф, который женился на дьяволице». То же самое происходило в Генте и Аррасе. Увидев это, граф дал себе клятву отправиться в Иерусалим и назначил людей, которые должны были управлять его владениями в его отсутствие. Но первым делом он отправился в Рим, где Папа Римский встретил его с величайшими почестями и провел в свои личные апартаменты, где граф признался в своих грехах. Папа был поражен услышанным и, чтобы изгладить грех, обязал графа совершить поход в Константинополь, чтобы помочь благородной императрице, дочери короля Франции, которая была осаждена в городе войсками султана Аквилана. После этого Папа отпустил графу грехи, и Балдуин проследовал в Константинополь.

Граф Фландрии, о котором рассказывалось в приведенной легенде, был возвышен императором Восточной Римской империи и принял жалкую кончину после разгрома и пленения болгарами в битве при Адрианополе (ок. 1206 г.). После того как графу отрубили конечности, его оставили в лесу на съедение зверям. Женат он был не на дьяволице, а на Марии Шампанской, дочери сестры французского короля Филиппа Августа. Хорошо известна история его бегства из темницы, возвращения во Фландрию и казни в Лилле как самозванца. Сюжет Tieck, «Der Griechische Kaiser» основан именно на этой легенде.

БРАКОНЬЕР ИЗ ВЕТТЕРЕН-ОВЕРБЕКЕ

В Веттерен-Овербекке жил браконьер, который как-то раз не смог ничего подстрелить за целый день. Неудача сделала его упрямым, и он остался на ночь в поле в надежде

де все же встретить какую-нибудь дичь. Была полночь, когда в лунном свете он увидел зайца, прыгающего в клевере. Охотник прицелился в зайца и выстрелил, но отдача от выстрела оказалась столь сильна, что он сам упал на землю. Поднявшись и рассмотрев ружье, охотник увидел, что ствол изогнулся. Это показалось охотнику странным, поскольку заряд был не тяжелее обычного. Внезапно животное, которого он счел убитым, поднялось, но побежало не от охотника, а к нему. В следующее мгновение охотник увидел, что заяц постепенно превращается в черный мяч, медленно катящийся на него. Бедный браконьер немедленно бросился в ужасе бежать, решив, что за ним гонится сам дьявол. Шар тем временем продолжал катиться за ним, становясь все больше и больше. Наконец, обливаясь потом от бега и страха, охотник смог взобраться на высокое дерево, где надеялся найти убежище. Однако черный шар продолжал катиться на дерево, и стал так велик, что в глазах охотника потемнело. Его охватил смертельный ужас. «Это чудовище, — подумал он, — не может быть ничем другим, кроме как предупреждением с небес, поскольку я нарушал свыше установленные законы». Повалившись на колени, охотник поклялся никогда не браконьерствовать, после чего черный шар немедленно исчез.

КРОВАВАЯ ПОВОЗКА ИЗ АНТВЕРПЕНА

Это удивительно красивый экипаж, запряженный четырьмя лошадьми. В нем сидит богато одетая дама, которая везет конфеты и сласти, чтобы соблазнить ими детей, играющих на улице до поздней ночи. Детям она обещает, что разрешит им в своем замке поиграть с ее дочерью. Однако не все дети соглашались на это — и тогда дама затаскивала их в карету насильно, зажимая им рот, чтобы они не кричали. После этого она повезла несчастных крошек далеко в свой замок, где им отрезали большие пальцы на ногах и оставляли умирать от потери крови. Эта кровь использовалась для ванны великого короля, который страдал от тяжелой болезни. Король считал, что ему может помочь кровь только тех детей, которые не старше семи лет.

ПЕСЧАНЫЕ ВОРОТА В МЕХЛИНЕ

В шестнадцатом веке в Песчаных воротах в Мехлине располагалась пороховая лавка. Ночью 7 августа 1546 года над городом пронеслась ужасная гроза, и одна из молний угодила в Песчаные ворота. Всю землю вокруг сотряс страшный взрыв, и башня разлетелась в разные стороны тысячью обломков, градом упавших на город, несколько сотен домов оказались либо разрушенными, либо сильно поврежденными. Жар взрыва высушил даже городские канавы, а в них было найдено множество сварившихся и поджарившихся рыб. Более четырех сотен человек погибли на месте, многие скончались от ран впоследствии, другие были искалечены и несли на себе следы ран до конца жизни.

Вскоре после этого события в Мехлин прибыло несколько купцов, которые очень хотели посмотреть на то место, где некогда стояли Песочные ворота. Когда их провели к месту взрыва, они сообщили, что в тот самый час, когда Песочные ворота взлетели на воздух, они видели множество дьяволов, летевших к Мехлину. Один из бесов жутким голосом говорил своему спутнику: «Эй, Кромбеен (Кривая нога), возьми с собой мельницу». На это Кромбеен ответил: «Не могу я, не могу, мне надо торопиться в Мехлин; за нами следует Кортстаерт (Короткий хвост); мельницу оставим ему». И в самом деле, мельница была поражена молнией в ту же самую ночь.

Во время этой грозы, которая принесла разрушения не только в Мехлин, но и во всю окружающую город местность, прихожане деревенской церкви побежали звонить в колокола. Ризничий Путте решил сделать то же самое, однако несмотря на все усилия, так и не сумел попасть в церковь и дважды вынужден был отступить. В досаде он воскликнул: «Определенно, здесь работает не один дьявол». Сидевший на соседнем дереве бес возразил: «Нет, ты не прав. Я здесь совершенно один, все другие в Мехлине».

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ С ДЬВОЛОМ

В лесу Клэрмарэ, около Камбре, можно видеть развалины монастыря, которые носят то же самое имя. Относительно появления этих руин существует следующая легенда. На месте, где они стоят, когда-то возвышался величественный замок — но это было много-много лет тому назад, более семисот лет прошло с того времени. В этом замке жил могущественный рыцарь, у которого была красивая жена. Рыцарь был безмерно надменным и презирал всех, кто не имел в своих жилах дворянской крови. Однажды он выехал из замка и с наступлением вечера не вернулся. А в это время приехал другой рыцарь с просьбой пустить его в замок. Хозяйка дома охотно на это согласилась и позволила ему войти в свою опочивальню. Здесь рыцарь лживыми речами сумел добиться ее благосклонности и в конце сказал, что в лесу он встретил старца, который клялся, что отомстит хозяйке замка за то, что она выгнала его из ее замка. Старец также объявил, что является отцом хозяйки замка и что у нее нет дворянской крови, поскольку он обменял ее на своего умершего ребенка у другого человека, когда она была еще в колыбели. Этими и другими историями рыцарь, который называл себя Брудемер, так смутил женщину, что она поспешила к воротам замка и здесь заколола своего отца. После этого она поспешила в замок и села за игру в шахматы с незнакомцем.

Через некоторое время дверь распахнулась, и в комнату вошел, весь в ярости, лорд Клэрмарэ. Увидев его, Брудемер начал громко смеяться, тогда как благородная дама смертельно побледнела и была готова провалиться под землю. Рыцарь подошел к ней, поднял меч и воскликнул: «Пусть тебя унесет дьявол, отцеубийца». Но прежде чем он успел обрушить меч, Брудемер схватил ее за голову и сказал: «Я заберу ее», после чего исчез с жутким ударом грома.

На следующее утро рыцарь проснулся в состоянии прострации, в которую повергло его все произошедшее, и решил никогда больше не заниматься мирскими делами. Впоследствии он поступил в монастырь Св. Бертина, где и умер спокойной смертью.

Замок после этого был заброшен, никто не хотел там жить, поскольку каждую ночь в нем раздавался ужасный шум, а всякий, кто осмеливался отправиться в замок, не возвращался из него.

Как-то один набожный бенедиктинец набрался мужества и отправился вечером исследовать замок. Пройдя множество помещений, он сел отдохнуть в небольшом кабинете. Вскоре после его появления дверь распахнулась, и перед ним предстал огромный человек с доской на груди, на которой было написано имя Брудемера. В руках он держал смертельно бледную даму. За ним в помещение вошел блистательный кортеж из слуг, за которым шествовали восемь молодых парней, несших на своих плечах тяжелые сундуки. Рыцарь показал на стол, на котором стояла шахматная доска, а потом на стул рядом со столом, куда немедленно опустился монах. Рыцарь сел напротив, и оба начали играть. Монах играл очень осторожно и рассчитывал каждый ход. Скоро он почувство-

вал, что может одолеть своего противника, но дама показала на пешку, которую рыцарь немедленно двинул. Это изменило весь ход игры и поставило монаха в трудное положение. Но он знал, что на кону стоит его душа. Он также слышал, как при этом ходе вся компания громко рассмеялась. Монах стал мысленно каяться за свое неразумное поведение, но решил бороться до конца и после усердной молитвы двинул пешку против пешки своего соперника. Это, казалось, погрузило рыцаря в глубокие раздумья, поскольку партия снова переломилась в пользу монаха, и каждый последующий ход усиливал его положение, давая ему все больше возможностей. Когда оба сделали по несколько дальнейших ходов, игра определенно повернулась в пользу набожного бенедиктинца. Внезапно все вокруг сотряслось, монах слетел со стула, и все исчезло.

На следующее утро счастливый игрок нашел рядом с перевёрнутой шахматной доской женский скелет, завернутый в тряпки, а у дверей — восемь сундуков с золотом и серебром. Он предал земле высохшие кости во дворе замка, а затем превратил замок в монастырь, к которому пристроил красивую церковь. В этом монастыре он был первым настоятелем.

ФАЛЬКЕНБЕРГ

В старом замке Фалькенберг в провинции Лимбург по ночам бродил призрак, и из развалин часто можно было слышать, как он кричит: «Убийство! Убийство!» Так кричит он, обращаясь к северу, югу, востоку и западу. Перед кричащим бегут два маленьких огонька, которые сопровождают его, куда бы он ни повернулся. Голос призрака звучит уже шестьсот лет. И столько же времени путешествуют эти два огонька.

Шестьсот лет назад этот замок блистал красотой, и в нем жили два брата из благородного рода Фалькенбергов, которых звали Валерам и Регинальд. Они оба любили Аликс, дочь графа Клевского, однако сама она предпочитала Валерама. Ее мать и отец были согласны на брак, так что скоро была сыграна свадьба, с пышностью, соответствующей особам столь высокого положения.

Но Регинальд задумал жестоко отомстить своему брату и Аликс. Когда празднование завершилось и молодая пара собиралась отправиться на свадебное ложе, он поспешил войти в опочивальню перед ними и спрятался под кроватью. Погруженная в приятные мечты о любви и счастье, молодая пара не думала о вероломном брате и взошла на кровать — но тут из-под ложа выскочил Регинальд и сначала вонзил свой кинжал в грудь Валерама, а затем в грудь Аликс. Валерам хотел положить руку на кровавую рану, а второй рукой схватить убийцу, но силы его покинули, и он мертвым упал на спину. Регинальд убежал, срезав клоч волос с головы несчастной Аликс.

На следующее утро был большой плач и глубокая печаль в замке Фалькенберг, поскольку все любили Валерама за его доброту и приветливость, а Аликс за ее красоту. Никто не сомневался, что убийцей был Регинальд, и чтобы его схватить, во все стороны разослали людей, но его нигде не удалось обнаружить.

В эти времена в лесу около Фалькенберга обитал святой отшельник, который дни и ночи проводил в молениях перед алтарем маленькой церквушки, которая стояла около его жилища. В полночь кто-то постучал в дверь его часовни и во имя небес попросил пустить. Отшельник оторвался от молитвы, открыл дверь и узнал Регинальда. Проливая горькие слезы, тот немедленно пал на колени и попросил выслушать его признания. Отшельник поднял его и посадил на сиденье, после чего Регинальд рассказал все

и в качестве доказательства показал руки, забрызганные кровью, которую он никакими способами не мог отмыть. Когда божий человек услышал это, он, содрогнувшись, произнес: «Не в моих силах отпустить столь тяжкий грех, но проведи со мной ночь в молитвах — может быть, Бог даст мне знать, что ты должен сделать, чтобы получить прощение». С этими словами он опустился на колени перед алтарем, и Регинальд встал на колени рядом с ним; они оба начали молиться.

Когда начался рассвет, отшельник поднялся и произнес: «Я получил повеление с небес. Ты должен с этих пор стать набожным нищим пилигримом и пойти на север до самого края земли. Там ты увидишь знак, который скажет тебе все остальное». Регинальд ответил: «Аминь». Получив благословение святого отца, он сделал шаг к лампе на алтаре и сжег в огне клочок волос с головы Аликс. Как ему было сказано отшельником, он покинул церковь и отправился в качестве пилигрима странствовать, направляясь прямо на север. С ним шли два духа — один белый, по правую руку, другой черный, по левую. Черный дух шептал ему на ухо о молодости, рыцарстве, о радостях мира, а белый дух призывал к покаянию, продолжению путешествия и рассказывал о вечной радости тех, чья душа обрела прощение.

Так Регинальд шел на протяжении многих дней, недель и месяцев, пока однажды утром он не дошел до края земли и не увидел перед собой широкий океан. В это же мгновение к берегу подошла лодка, и сидящий в ней человек сделал ему знак, после чего произнес: «Мы тебя ожидали». Поскольку Регинальд знал, что ему будет знак, он ступил в лодку, все еще сопровождаемый двумя духами, и лодочник погреб к большому кораблю, на котором уже были установлены все паруса. Когда Регинальд поднялся на корабль, лодочник исчез, и корабль двинулся прочь. Регинальд вместе с двумя своими спутниками спустился в находившуюся в трюме каюту, где стояли стол и стулья. Каждый из двух призраков после этого устроился за столом, черный дух вытащил пару игральные кости, и духи начали играть на душу Регинальда.

Шесть веков корабль плыл без руля и рулевого, и именно столько времени духи играли на душу Регинальда. Эта игра будет длиться до последнего дня. Моряки, которые плавают в Северном море, часто встречают адский корабль.

МОНАХ ИЗ АФФЛИГХЕМА

В конце одиннадцатого столетия в аббатстве Аффлигхем произошло очень необычное событие.

Однажды аббату, набожному Фульгентию, сообщили, что в ворота постучал странствующий монах преклонного возраста. Когда его впустили, он сообщил, что прибыл из монастыря. Аббат попросил аббата привести к себе гостя и спросил — кем он является и откуда пришел? Монах ответил, что утром он пел псалмы с остальными братьями, но когда они дошли до 89 псалма, где говорится «тысяча лет для тебя как день вчерашний», он погрузился в глубокое раздумье и продолжал так сидеть, даже когда все прочие удалились. После этого перед ним появилась маленькая птичка, которая пела очень сладко. Монах был так восхищен ее пением, что последовал за ней в лес, из которого только что вернулся, но увидел монастырь столь изменившимся, что никого не узнал. Когда Фульгентий спросил монаха, как звали его аббата, а также имя короля, который правил в то время, обнаружилось, к великому изумлению обоих, что оба скончались тремя столетиями ранее.

Монах был потрясен этим и сказал: «Теперь я сам убедился, что для Бога тысяча лет — это словно вчера». После этого он попросил у аббата причастить его и, приняв святые дары, умер чистой и поучительной смертью.

Похожая легенда рассказывается об аббатстве Хейстербах, расположенном около Бонна, и о некоторых других аббатствах. На стихи на немецком языке эту легенду переложил Е. Вегенер. См. Nordischer Telegraph, No. 31.

СВ. ЮЛИАН — ПЕРЕВОЗЧИК

Много столетий тому назад в провинции Сентонж жил молодой и богатый дворянин, имя которого было Юлиан. Главным удовольствием в его жизни являлась охота, и он не находил особого удовольствия в молитвах и богослужениях.

Однажды, преследуя оленя, он заехал в самую чащу леса. Но когда Юлиан уже почти догнал оленя, животное внезапно остановилось, повернуло голову и человеческим голосом сказало ему: «Остановись, Юлиан, и прекрати меня преследовать. Подумай лучше о том, чтобы изменить свою судьбу, поскольку я должен объявить тебе, что своими собственными руками ты убьешь и своего отца, и свою мать».

Юлиан замер от ужаса, услышав это ужасное предсказание, повернул свою лошадь и поехал к дому, твердо решив бежать из своей родной страны, чтобы никогда в нее не возвращаться, чтобы избежать судьбы, которая, согласно словам оленя, его ожидала. Не сказав ни слова своим родителям, не думая над тем, на что ему предстоит жить, он дал своему коню идти, куда ему вздумается, пока от усталости он не остановится. Поскольку у него не было денег, он продал лошадь и купил лютню, с которой он продолжил свое путешествие, всегда следуя вперед, поскольку главным его желанием было уйти от родительского дома как можно дальше.

По прошествии года однажды вечером, слабый и больной, он добрался до Арденн. Хозяин замка, человек приветливый, принял его гостеприимно и поручил своей дочери, которую звали Басилиссой, взять на себя заботы о бедном мефестреле, потому что очень любил музыку и пение. Но когда прекрасная дева принесла Юлиану чашу с питьем и проявила нежную заботу о нем, в сердце рыцаря вспыхнула страсть. Однако он напомнил себе о том, что не имеет теперь настолько высокого положения, чтобы просить руки Басилиссы. От сознания этого сердце его было готово разорваться. Сперва он не знал, как быть, но в конце концов рыцарь решил расстаться с любимой и продолжить свое одинокое странствие. На третий день после своего прибытия в замок он сказал хозяину замка, что ему пора уезжать. Однако добрый рыцарь не разрешил ему сделать этого и стал всячески убеждать остаться подольше. К этой просьбе присоединилась и Басилисса, чему Юлиан не мог противиться.

Через несколько дней в замке начался большой праздник. Юлиан пел на нем такие прекрасные песни и играл столь сладкие мелодии, что все были зачарованы. На следующее утро должны были проводиться рыцарские поединки. Когда Юлиан услышал о турнире, в нем вспыхнуло желание сразиться, и он стал просить у хозяина замка разрешения принять участие в нем. Он получил такое разрешение, и Юлиан проявил такую доблесть, что приз был вручен именно ему. Такую же храбрость рыцарь показал и в поединках на мечах, и тогда хозяин замка решил дать ему в награду руку своей собственной дочери. Вскоре после этого хозяин замка скончался, и Юлиан стал владельцем замка и окружающих земель.

Однако он никак не мог забыть об ужасном предсказании. Хоть он и стремился повидать родителей, он не хотел возвращаться, опасаясь, что слова оленя станут правдой. Чтобы избавить себя от мрачных мыслей, рыцарь решил вернуться к своему любимому занятию — охоте.

Для родителей Юлиана потеря сына стала тяжелым ударом. Они очень беспокоились и решили отправиться на поиски и не возвращаться домой, пока его не найдут. Они отправились странствовать в одежде пилигримов. Они проходили провинцию за провинцией, город за городом, деревню за деревней — и везде расспрашивали о своем потерянном сыне. Однако никто не мог дать им ответа. Наконец они прибыли в Бельгию, и когда оказались в Арденнах, спросили одного сельского жителя, не может ли он подсказать, где они могут найти кров, и тот показал на замок. К замку они прибыли под утро, усталые и обессиленные. Этот замок принадлежал их сыну. Они постучали в замок, и их пропустил слуга. Юлиан был в лесу с рассвета, так что слуги разбудили Басилиссу, которая тут же вышла и оказала гостям дружеский прием. Пока они восстанавливали свои силы, они рассказали свою историю хозяйке замка — как они странствовали четыре года в поисках своего сына. Басилисса немедленно узнала по их описанию своего мужа, поскольку часто спрашивала его, почему он покинул дом. Однако она не стала родителям ничего говорить. Радуюсь, что может сообщить мужу такую хорошую новость, а также возможности удивить пожилую пару, она положила гостей на свою собственную кровать, чтобы они могли отдохнуть. Ожидая возвращения Юлиана, она отправилась в церковь, чтобы выразить благодарность за это счастливое событие.

В это время лошадь Юлиана споткнулась о камень и захромала, что заставило его вернуться. Прибыв в замок, Юлиан немедленно направился к спальне, где ожидал найти свою жену, а увидел мужчину с женщиной, одетой в наряд Басилиссы. Юлиан подумал, что жена ему неверна и, схватив меч, в слепой ярости заколол обоих спящих родителей.

Понимал ли он, что выполняет ужасное предсказание? Совершив это убийство, он тут же горько раскаялся в нем. Под стоны и крики умирающих он бросился прочь из замка, и тут ему навстречу попала возвращающаяся из церкви Басилисса. Юлиан остановился, не веря своим глазам. Она предложила ему направиться в ее спальню, чтобы он порадовался встрече со своими родителями. Но Юлиан отстранился от нее и задал вопрос: кем были те, кого он обнаружил в ее спальне? Когда Басилисса сказала это, он упал на землю, словно сраженный молнией. Дрожа от ужасной догадки, Басилисса бросилась обратно в спальню и начала трясти лежащих в кровати — но тут же убедилась, что они мертвы. С криком ужаса она упала на залитую кровью кровать.

Прошло немало времени, пока Юлиан пришел в себя. С глазами, полными слез, он во всем признался и рассказал о предсказании оленя. «А теперь, — сказал он, — прощай, возлюбленная моего сердца; молись за меня и прости, потому что я уйду искупать мой грех». Басилисса упала ему на грудь и сказала: «Нет, ты не должен этого делать, мой возлюбленный муж; но если ты настаиваешь на этом, я стану твоей спутницей, куда бы ты ни пошел». И на следующее утро она покинула замок вместе с Юлианом. Они продолжали свое путешествие, пока не пришли к небольшой реке под названием Дендер, на место, где сейчас стоит город Ат. В то время пилигримы, направляясь по дороге к образу благословенной Девы Марии в Хале, переходили реку вброд, рискуя при этом жизнью, поскольку там не было моста. По этой причине Юлиан решил построить домик

на берегу реки и купить лодку, чтобы помогать пилигримам переправиться. Этой святой работой он надеялся получить прощение за свои грехи.

На протяжении семи лет он переправлял людей с одного берега на другой, и вот, наконец, в дождливую ночь, когда усталый Юлиан находился уже в постели, он услышал доносившийся с противоположного берега жалобный голос, умоляющий переправить через реку. Юлиан немедленно поднялся, огляделся и, несмотря на ветер и непогоду, направил лодку к левому берегу реки. Басилисса вошла в лодку с Юлианом, опустилась на колени и стала молиться, поскольку по воде шли большие волны, и лодка могла потонуть в любое мгновение. Достигнув другого берега, они увидели старого пилигрима в одеянии, с которого лились капли. Пилигрим лежал на земле и жалобно стонал. Они немедленно укрыли его своими плащами и внесли в лодку, которая словно бы по собственной воле отошла от берега и быстро, но плавно поплыла к домику, хотя вокруг сердито вздымались волны и дул свирепый ветер. Когда они добрались до берега, Юлиан привязал свое суденышко, а Басилисса уложила пилигрима на их соломенную постель. Сами они легли на твердую холодную землю, но перед этим разожгли очаг и напоили путника теплым молоком.

Внезапно в хижине появился рассеянный свет, пилигрим поднялся, мокрое одеяние спало с его тела, и он встал во всем своем божественном величии. Это был сам Господь Иисус. Дрожа, Юлиан и Басилисса упали на колени, но Иисус произнес: «Ты заслужил прощение, Юлиан; твой грех теперь прощен, и я жду тебя с твоей верной женой». С этими словами он исчез.

На следующий день несколько человек, ловивших по соседству рыбу, услышали слабую небесную мелодию, доносившуюся из домика перевозчика. Подойдя к домику и открыв дверь, они обнаружили мужа и жену стоящими на коленях, однако и мертвых их осенял небесный свет. Рыбаки с почетом похоронили обоих. В последующие годы у этой могилы совершилось много чудес, а на месте, где находилась хижина, до сих пор стоит прекрасная церковь, построенная в память о святом Юлиане.

ЛОЭНГРИН И ЭЛЬЗА — ЛОЭНГРИН И БЕЛАЕ

Много столетий назад у герцога Брабанта и Лимбурга была красавица-дочь по имени Эльза. Когда этот герцог лежал на смертном одре, он поручил свою дочь одному из своих вассалов, которого звали Фредериком Телрамонде и которого все знали и почитали как отважного воина, но особенную славу он заслужил тем, что в Стокгольме победил свирепого дракона. Но Фредерик быстро загордился и стал чванливым. Он захотел, чтобы Эльза стала его женой, и даже стал уверять, что она якобы дала слово быть ему верной. Однако Эльза обвинила его в обмане и опровергла слухи. Фредерик был сильно раздосадован, но это только придало ему желания добиться ее руки. Он пожаловался императору Генриху Птицелову¹⁸⁶, после чего император издал указ, требовавший, чтобы Эльза выбрала рыцаря, который в честном поединке сразился бы с Фредериком. Этот бой призван был показать, благоприятствует ли Бог Фредерику или нет. Однако Эльза не выбрала никакого рыцаря и обратилась с молитвой к Богу, от которого лишь надеялась получить помощь и поддержку.

И тогда в Монтсальве прозвенели колокольчики на Граале, свидетельствуя о том, что кому-то требуется немедленная помощь. На защиту угнетенных послали Лознгрину, сына Парцифала. Когда рыцарь уже ставил ногу в стремя, чтобы подняться на лошадь,

в воде появился лебедь, который увлек за собой лодку. Лоэнгрин счел это знаком небес и приказал отвести лошадь обратно в конюшню, после чего вошел в лодку и последовал за лебедем. Сделав это, он предал себя на волю Бога. Полностью положившись на Всевышнего, он даже не взял с собой никакой пищи. Лебедь вез его на протяжении пяти дней, время от времени ныряя в воду и выбрасывая в лодку рыбу, которую поедал вместе с Лоэнгрином, и после этого продолжал плыть дальше.

Но вернемся к Эльзе, дочери герцога Брабанта и Лимбурга.

Эльза тем временем созвала всех своих вассалов, поскольку день проходил за днем, и никто не приходил к ней, чтобы защитить ее от домогательств Фредерика. Но когда вассалы собрались, на водах Шельды появился плывший вверх по течению лебедь с лодкой, в которой находился Лоэнгрин, спавший за своим щитом. Когда лебедь добрался до берега, Лоэнгрин проснулся и спрыгнул на берег, где его встретила Эльза с невыразимой радостью и благодарностью. Когда из лодки вынесли щит, шлем и меч Лоэнгрина, лебедь отправился назад тем же путем, которым приплыл.

Когда первые радости улеглись, Лоэнгрин спросил герцогиню, от какого зла она страдает. Эльза сообщила, что руки ее домогается Фредерик, оговоривший ее перед императором, и что сейчас дело вверено воле Бога. Лоэнгрин уверил ее в том, что сразится за нее на поединке, после чего Эльза немедленно собрала всех своих родственников и вассалов, которые прибыли в Саарбрюкен, после чего они все вместе проследовали в Менц. Туда прибыл и император, двор которого располагался тогда во Франкфурте. Был назначен день боя, и разошлась весть об этом. Оба рыцаря заявили о справедливости своего дела, и бой начался. Победил Лоэнгрин, а Фредерик Телрамонде упал с коня. После этого он признал, что ложно обвинил герцогиню Эльзу. В наказание за это, согласно традициям того времени, он был приговорен к отсечению головы. В награду за победу Лоэнгрин получил руку прекрасной Эльзы Брабантской. Их брак состоялся с подобающей этому пышностью. Но Лоэнгрин попросил свою жену никогда не спрашивать, откуда он пришел, и не пытаться узнать его истинное имя, поскольку если она узнает то или другое, он не сможет более оставаться с ней.

Лоэнгрин и Эльза долго жили в мире и счастье. Лоэнгрин мудро и справедливо правил на землях Брабанта и Лимбурга, но случилось так, что во время одного из турниров он опасно ранил герцога Клевского в руку. Герцогиня Клевская воспылала за это ненавистью к нему — и завистью к Эльзе, которой в досаде заявила: «Может, твой Лоэнгрин и доблестный герой, может, также и христианин — но никто не знает, откуда он родом и кто он такой, — так странно он здесь появился».

Эти слова сильно опечалили прекрасную Эльзу. Ночью, лежа в постели со своим мужем, она начала горько плакать. Увидев это, Лоэнгрин спросил ее: «Моя дорогая жена, почему ты плачешь?» На это Эльза ответила: «Герцогиня Клевская сделала меня несчастной». Услышав это, Лоэнгрин замолчал и больше не задавал вопросов. На следующий вечер он задал этот же вопрос и получил тот же ответ, но и на этот раз Лоэнгрин промолчал, воздержавшись от всех дальнейших расспросов. Однако на третью ночь прекрасная Эльза, не имея более сил терпеть странное поведение своего мужа, обратилась к нему со словами: «Мой возлюбленный господин и муж, прошу тебя, скажи, где ты родился и каково твое происхождение, поскольку сердце говорит мне, что ты должен принадлежать к знатному роду».

Утром Лоэнгрин поднялся и рассказал ей, где он родился и каково его происхождение — что Парцифаль был его отцом, что Бог послал его к ней из замка Грааля, и что он не может больше с ней жить. После этого он попросил привести к себе своих двух детей, с чувством их поцеловал, дал им свой рог и свой меч и взял обещание, что они хорошо их используют. Эльзе он подарил кольцо, которое в свое время дала ему мать. Когда все было сделано, снова приплыл лебедь с лодкой. Лоэнгрин ступил в эту лодку и поплыл вниз по Шельде. Эльза словно обмерла; когда она пришла в себя, то начала горько оплакивать потерю своего возлюбленного супруга и негодовать на его исчезновение.

Лоэнгрин прибыл в страну Лизабория, где женился на прекрасной Белае, которая любила его безмерно и, проявляя большую осторожность, не стала расспрашивать его о происхождении и очень тревожилась, когда его не было рядом, опасаясь измены. Однако Лоэнгрин не мог все время сидеть в замке и часто отправлялся на охоту. Прекрасная Белае никогда не спорила, но садилась и сидела так, словно жизнь оставила ее и она попала во власть злого духа.

Одна из ее прислужниц посоветовала ей, чтобы приворожить Лоэнгрин к себе сильнее, вырезать кусок тела из его бока и съесть его. Но Белае пришла в негодование от этого предложения и заявила, что она скорее даст себя сжечь заживо, чем поранит даже палец у своего мужа. Злокозненная дама после этого потеряла ее доверие и благоволение. Тогда вероломная женщина передала свое предложение подругам Белае, и те немедленно решили отрезать от Лоэнгрин кусочек его плоти, чтобы помочь Белае приворожить к себе ее мужа. Однажды, когда рыцарь вернулся с охоты усталым и забылся тяжелым сном, они приступили к своей работе. Но Лоэнгрин в это время видел сон, в котором на него были нацелены тысячи мечей. Он проснулся от своего сна и бросил на окруживших его людей такой взгляд, что те задрожали от страха. После этого он поднял меч и убил или ранил более сотни человек. Однако его противники, оправившись от испуга и помогая друг другу, сумели нанести ему неисцелимое ранение в руку. Увидев, что они сделали, его противники, пораженные его отвагой, упали на колени.

Узнав о смерти мужа, Белае умерла от горя и ужаса. Ее забальзамировали вместе с Лоэнгрином, поместили в гроб и похоронили с большими почестями. Позднее на их могиле был воздвигнут монастырь, и тела обоих до сих пор показывают пилигримам. Все это случилось через пять сотен лет после рождения возлюбленного Господа нашего¹⁸⁷. С того времени земли Лизабории стали называться Лотарингией.

РЫЦАРЬ И ЛЕБЕДЬ

Герцог Годфри Брабантский скончался, не оставив наследников по мужской линии. И потому в своем завещании оставил свои земли жене и дочери. На это, однако, его брат, могущественный герцог Саксонский, не обратил внимания и, несмотря на жалобы вдовы и сироты, захватил страну, которая согласно немецким законам не могла принадлежать женщинам.

Тогда герцогиня решила изложить свое дело королю. Когда Карл на короткое время приехал в Бельгию, чтобы посетить Нимвеген, она прибыла в этот город с дочерью и обратилась с просьбой восстановить справедливость. Герцог Саксонский также находился в этом городе и мог ответить за свои поступки.

Случилось так, что когда король стоял у окна, он увидел плывшего к нему по Рейну белого лебедя, тянувшего за собой за серебряную цепь небольшую лодку, в которой ле-

жал спящий рыцарь. Подушкой для рыцаря был его меч, а около него лежали его шлем и кольчуга. Лебедь действовал как опытный моряк и провел лодку к берегу. Увидев это, Карл и его двор были немало удивлены. Все забыли о жалобах двух принцесс и побежали вдоль реки. Тем временем рыцарь проснулся и покинул лодку. Король любезно поприветствовал его, взял его за руку и провел его к замку. Покинув лодку, молодой рыцарь произнес: «Желаю тебе благополучного возвращения, дорогой лебедь! Когда ты мне снова понадобишься, я тебя позову». Лебедь немедленно отправился в обратное путешествие, так что скоро лодка исчезла из виду. Все смотрели на странного гостя с удивлением. Карл вернулся на свое место в суде и предложил рыцарю место рядом с принцессами.

Герцогиня Брабантская в присутствии своей красавицы-дочери полностью изложила суть своих претензий, после чего в свою защиту выступил герцог Саксонский, предложивший решить спор поединком и предложивший герцогине назвать рыцаря, который бы выступил на ее стороне. От этого предложения она пришла в ужас, поскольку герцог был прославленным воином, с которым никто не осмеливался соперничать. Тщетно она обводила глазами зал — никто не хотел предлагать свою помощь. Наконец, со своего места поднялся привезенный лебедем рыцарь и предложил свои услуги. После этого обе стороны вооружились для боя. После долгого и упорного сражения победа оказалась на стороне лебединого рыцаря. Герцог Саксонский скончался, и владения герцогини снова стали свободны.

Рыцарь получил руку дочери герцогини — но при условии, что ни она, ни ее мать никогда не будут расспрашивать его о том, откуда он и какого рода. В случае нарушения этого условия рыцарь сказал, что будет вынужден их покинуть.

У герцога и молодой герцогини было два ребенка, милых и приятных, однако их мать все более тяготилась мыслью о том, что не знает, кем является их отец. В конце концов она нарушила обещание и начала расспрашивать его об этом. Рыцарь разгневался и произнес: «Ты собственными руками разрушила наше счастье и видишь меня в последний раз». Герцогиня начала каяться, но было уже поздно. Все в замке опустили на колени и начали просить рыцаря остаться. Но тот уже вооружился в дорогу, и на реке показался лебедь с маленькой лодкой. После этого рыцарь поцеловал своих детей, простился с женой и дал напутствие всем в замке, после чего вошел в лодку и пустился в путь, чтобы никогда не возвращаться. Герцогиня горько оплакивала свою потерю. Она перенесла всю свою заботу на детей и занялась их обучением. От этих детей произошли многие благородные роды — дома Гельдерландов, Клеве и графов Рейнеков ведут свое происхождение от лебединого рыцаря.

ГОДФРИД БУЛЬОНСКИЙ И ЛЕБЕДЬ

Когда отважный рыцарь Годфрид Бульонский осаждал со своим крестоносным войском святой город Иерусалим, он однажды взглянул в небеса и увидел летящего лебеда. Птица четыре раза облетела вокруг головы Годфрида, а потом направилась к Иерусалиму, к башне, где и опустилась. Именно через эту башню Годфрид, штурмуя город, и вошел.

ЛЕБЕДИНЫЙ РЫЦАРЬ

В королевстве Лиллефорт, некогда находившемся на территории Фландрии, в незапамятные времена жил молодой король, которого звали Пирионом. Женой его была

злая женщина по имени Матабруна. От этой женщины у него был сын по имени Ориант, после смерти отца получивший корону короля Лиллефорта.

Однажды король Ориант со своими рыцарями отправились на охоту. Увидев зайца, они погнались за ним, и преследование затянулось надолго. В конце концов заяц спрыгнул в реку и таким образом скрылся от преследователей. Увидев это, Ориант повернул свою лошадь и подъехал к источнику, у которого спустился с коня и сел под дерево отдохнуть. И пока он сидел, к нему подошла красивая знатная дева с четырьмя спутницами, рыцарем и двумя слугами. Обратившись к Орианту, сидевшему среди своих собак, она произнесла: «Господин, почему вы охотитесь в моем наделе и кто вам дал на это разрешение? Я видела, как заяц, которого вы преследовали, убежал от вас и прыгнул в воду. Но даже если бы вы поймали его, он не принадлежал бы вам. Я хочу, чтобы вы удалились отсюда».

Когда король Ориант услышал столь разумные речи прекрасной Беатрикс — так звали деву — он возжелал, чтобы она стала его супругой, и произнес тихим голосом: «Прекрасная дева, я не хотел бы ничем нарушать ваши права, но все вокруг находится в моем распоряжении. Здесь я охочусь по праву, поскольку я — Ориант, король Лиллефорта, и все вокруг принадлежит мне». Услышав эти слова, рыцарь, которого звали Самарием, спрыгнул с лошади, пал на колени, поприветствовал короля и произнес: «Король, простите мою даму за то, что она повела себя по отношению к вам неправильно, поскольку она вас не знала и теперь смущена своей ошибкой». «Она уже забыта, — ответил король, — но дева тем не менее должна заплатить за нее». После этого он обратился к Беатрикс и произнес: «Прекрасная дева, не согласитесь ли вы стать моей супругой, королевой Лиллефорта?» Получив такое обещание, скрепленное клятвой, Ориант повез прекрасную Беатрикс в свой дворец, где состоялась свадьба — с большой пышностью и ко всеобщей радости.

Матабруна, узнав, что Ориант собирается жениться на девушке, которую встретил во время охоты, пришла к нему, пылая от гнева. Но, увидев ее, Ориант только рассмеялся и произнес: «Радуйся, поскольку я нашел самую красивую женщину из всех живущих на земле». Разъяренная Матабруна ответила: «Мой дорогой сын, мне приносит несказанное горе то, что ты, имея возможность выбрать самую лучшую даму на земле, должен жениться на простолюдinke». Но Ориант не уступал, и его злой матери пришлось для вида уступить, хотя она и затаила злобу на Беатрикс.

Через соответствующее время после свадьбы Беатрикс забеременела. В это время в Лиллефорт вторглись враги, и король стал готовить к битве свою конницу. Перед отъездом он поручил матери заботу о своей жене. Матабруна пообещала сделать все необходимое, а потом со слезами проводила сына на войну.

Но как только король уехал, Матабруна начала приводить в действие свой злодейский план. Она позвала к себе повитуху и заставила ее поклясться, что та никогда не расскажет о том, что ей будет говорить Матабруна. Когда повитуха поклялась в этом, Матабруна произнесла: «Ты хорошо знаешь, каким бедствием для страны стала женитьба моего сына. По этой причине хочу избавить его от жены, что сейчас легко сделать, поскольку она беременна». На это женщина сказала: «Если это нужно тебе, я убью ребенка». «Этого мало, — ответила Матабруна. — У Беатрикс большой живот; по всей видимости, у нее будет двойня. Ты должна принести мне двоих детей, а Беатрикс показать двоих щенков. Потом я отдам детей тому, кто увезет их, чтобы о них

потом не было ни слуху ни духу». Акушерка согласилась на этот план и пообещала его выполнить.

Когда подошло время родов, эти две злобные женщины приготовили двух щенков. Однако Беатрикс родила не двоих, а семерых детей — шесть сыновей и дочь, и у каждого из них была на шейке серебряная цепочка, что служило доказательством благородного происхождения их матери. Что, однако, не обескуражило Матабруну: она взяла семерых щенков и приказала положить их на место детей. Сделав это, повитуха сказала Беатрикс: «О, королева, что это? Вы родили семерых щенков!» Поспешно явившаяся Матабруна изобразила великий страх и произнесла: «Избавься от этих животных и скрой их так, чтобы король сохранил свою честь и об этом деле ничего не стало известно». Беатрикс была слаба и почти ничего не чувствовала, когда же она оправилась, Матабруна пришла к ней и начал бранить ее за то, что она родила семь собак. Беатрикс пожелала видеть этих собак, и их принесли к ней. Увидев щенков, она пришла в ужас и решила, что теперь король перестанет ее любить и казнит. Повитуха принялась притворно утешать ее, говоря, что король ни о чем не узнает, — но Беатрикс эти слова не могли успокоить, она видела только в смерти избавление от своих страданий.

Матабруна тем временем вызвала слугу по имени Маркус и сказала ему: «Друг мой, ты должен сделать мне услугу, но должен хранить ее в секрете. Королева родила шестерых сыновей и дочь, и у каждого из них на шее серебряная цепочка, что указывает на то, что однажды они станут убийцами и ворами. Потому их следует уничтожить, чтобы они не принесли несчастья. Это должен сделать ты. Мы сказали Беатрикс, что она родила семь щенков». Маркус пообещал выполнить ее волю, взял семерых младенцев, закутал их в свой плащ и повез в лес. Но когда он увидел, какими прекрасными были дети, он проникся к ним жалостью и решил сохранить им жизнь. Поцеловав их и пролив множество слез над ними, он поехал обратно в Лиллефорт, где сказал Матабруне, что убил их. Она была безмерна рада это услышать и решила закончить дело, убив Беатрикс.

Когда, жалобно крича, дети лежали в лесу, их услышал старик, живший неподалеку. Увидев брошенных малюток, он не смог сдерживать слез. Завернув их в плащ, он перенес детей в свою хижину, где обогрел их, и как мог, накормил. К счастью, Бог послал старику козу, которая дала сосцы малюткам. Она вскармливала их, пока они не повзрослели и не стали бегать с козой наперегонки. После этого старик, которого звали Хелиас, сделал им одежды из листьев, чтобы прикрыть их наготу.

Тем временем король Ориант одолел своих врагов и направился прямо домой, поскольку с нетерпением хотел узнать, кого родила его жена. Но когда Матабруна услышала, что он приближается, она поспешила навстречу, и как только они встретились, начала причитать: «О, мой дорогой сын, я рада, что ты снова со мной, хотя мое сердце и опечалено тем, что случилось с твоей женой». Услышав это, король очень удивился и спросил, что произошло и жива ли Беатрикс. На это Матабруна ответила: «Нет, она жива, но то, что случилось с ней, так потрясает меня, что я не могу и слова сказать». Король начал успокаивать мать, настаивая, чтобы она все рассказала. Матабруна сообщила ему, что Беатрикс родила семерых щенков и призвала акушерку в свидетельницы. Эта новость поразила Орианта в самое сердце. Вместе со своим доверенным рыцарем он поспешил в палату и начал горько рыдать. В конце концов ему удалось справиться со своим горем, он упал на кровать и уснул. Находившаяся в соседней палате Беатрикс страдала в неменьшей степени.

На следующий день король Ориант созвал свой совет, состоявший из духовных и светских властителей, и сказал: «Я вызвал вас сюда, чтобы вы посоветовали мне, что делать с моей королевой». После этого он изложил собравшимся суть дела. После этого с места поднялся некий мудрец, который, оборотившись к королю, произнес: «Повелитель, по твоему желанию я отвечу от имени всех этих владык, и скажу, что было бы для нас благом. Ты не должен предавать королеву смерти, продолжай относиться к ней со всей честью, предоставив остальное Богу, который откроет нам правду». Этот совет успокоил короля, горячо любившего Беатрикс, и он одобрил полученное предложение, хотя один злобный рыцарь, поднявшись со своего места, высказал пожелание, чтобы королеву сожгли на костре. После этого два рыцаря проводили Беатрикс в ее апартаменты и взяли на себя заботу о ней.

Тем временем старик проявлял к детям большую заботу. Одним он особенно восхищался и назвал его в свою честь Хелиасом. Однажды случилось так, что один из охотников Матабруны, по имени Саварий, пришел в лес и нашел детей с серебряными цепочками на шее, когда они ели яблоки с хлебом. Охотнику очень они понравились, и он последовал за ними в хижину, чтобы узнать, кто он такие. Увидев охотника, старик испугался за детей, но тот развеял его опасения, и старик рассказал, как он нашел детей и как вырастил.

Эта история показалась рыцарю удивительной, и по возвращении он пересказал ее Матабруне, которая сразу заподозрила, что это дети Орианта. Она приказала убить детей и пригрозила рыцарю, что если он ее ослушается, то будет приговорен к смерти. Потрясенный рыцарь пообещал выполнить распоряжение. Успокоенная Матабруна после этого распорядилась привести к ней слугу, который унес детей в лес, после чего приказала выколоть ему глаза.

Охотник Саварий, взяв с собой семерых других охотников, отправился в путь, чтобы убить детей. По дороге они проехали через деревню, в которой собралось множество людей, чтобы сжечь женщину, убившую собственного ребенка. Это тронуло сердце Савария, и он сказал своим спутникам: «Я вижу в этом знак: эту женщину сожгли за убийство одного ребенка, а мы должны убить семерых». Они ответили ему так: «Мы не убьем их, а только снимем с них цепочки и принесем Матабруне в знак того, что дети мертвы». После этого они въехали в лес и подъехали к хижине, где нашли только шестерых детей, поскольку седьмого старик взял с собой в деревню, чтобы принести хлеб. Увидев всадников, дети начали жалобно кричать от страха, но Саварий сказал им: «Успокойтесь, дети, мы не причиним вам вреда». Они сняли цепочки с шеи, но после этого дети мгновенно превратились в белых лебедей, которые взвились в воздух и улетели с печальными криками. Саварий и его спутники были настолько поражены этим, что благоговейно упали на колени. Дрожа от страха, Саварий произнес: «Давайте немедленно покинем это место, мы слишком долго пробыли здесь. Возьмем эти шесть цепочек и отвезем их Матабруне, а про седьмую скажем, что потеряли ее».

Но когда они принесли Матабруне только шесть цепей, она разъярилась и не успокаивалась до тех пор, пока ей не пообещали заплатить за седьмую. После этого Матабруна отправила цепи к ювелиру, который сделал из них чашу. Когда ювелир положил одну из цепочек в огонь, чтобы удостовериться, что она из чистого серебра, она стала такой тяжелой, что перевесила все другие цепи вместе взятые. После этого он отдал все

остальные цепочки на сохранение своей жене, а из упомянутой изготовил два серебряных кубка, один из которых отнес Матабруне, а другой оставил у себя.

Тем временем старик с Хелиасом вернулся домой и начал искать шестерых детей. На следующий день Хелиас пошел на пруд, в котором плавали лебеди, и немало удивился, когда они подплыли к нему. Он дал им хлеб, и они съели его, после чего позволили себя погладить. Так поступал он изо дня в день и никогда не входил в лес, не отправившись первым делом на пруд.

Но Бог услышал молитвы несчастной Беатрикс и сделал так, что старик узнал, что шесть мальчиков и девочка — дети короля Орианта и что шестеро из них превратились в лебедей. Позвав Хелиаса, старик все рассказал ему, и Хелиас покинул его, попросив старика заботиться о лебедях. После этого он отправился к королю, чтобы доказать невинность своей матери, — в одежде из листьев, босой, с непокрытой головой, и дубинкой в руке.

Однако недруги несчастной Беатрикс тем временем убедили короля пересмотреть свое решение и приговорить ее к смерти. Потому однажды ее доставили из места заключения к Орианту, чтобы она могла попробовать оправдаться. Войдя в зал, Беатрикс почтительно поклонилась королю, упала на колени и начала так истово молить его о милости, что все — и прежде всего король — прониклись к ней жалостью. После этого Ориант спросил своего недоброго советчика, почему он хочет смерти Беатрикс, и он ответил, что она хотела дать ему яд, чтобы он отравил и короля, и Матабруну. После этого король поднялся и произнес: «Жена, это тяжелое обвинение, что ты на него скажешь? Скажи правду, и если ты виновна, то умрешь позорной смертью, если никто не сможет тебя защитить». Но Беатрикс снова упала на колени и произнесла: «Мой дорогой господин, я знаю, что не имею никого, кто бы меня защитил, тем не менее я клянусь пред тобой и всеми этими владыками, что у меня никогда не было подобной мысли. Это так же верно, как то, что лишь всемогущему Богу я вверяю отмщение моим врагам».

Когда все уже было готово, чтобы вынести обвинительный приговор, молодой Хелиас как раз явился к королевскому двору. Ему навстречу вышел человек, который спросил, по какому делу мальчик пришел. «Я разыскиваю лживого рыцаря Маркуса», — ответил Хелиас. «Вот я», — насмешливо ответил человек. После этого Хелиас размахнулся посохом и убил его. Тогда его попытался остановить другой рыцарь, однако Хелиас, умело защищаясь, произнес: «Прочь от меня, поскольку я не уйду до тех пор, пока не убью лживого рыцаря Маркуса, который ложно обвинил мою мать». Услышав это, один из прислужников шепнул Хелиасу, что Маркус находится в зале и что он обвинил Беатрикс во многих грехах, но никто не верит обвинению, поскольку королеву очень любят в стране. Когда Хелиас услышал об этом, он обнял рыцаря, и тот провел его в зал, где порой слышались тяжелые вздохи со стороны тех, кто жалел Беатрикс. Хелиас вошел в зал и появился перед королем, который немедленно спросил, для чего тот пришел. «Я ищу Маркуса», — сказал он. Ему показали на лживого рыцаря Маркуса, и Хелиас метнулся к нему с громким криком: «Проклятый предатель! Вызываю тебя на бой, и ты должен со мной сразиться». При этом он нанес ему такой удар кулаком, что Маркус упал на землю и непременно был бы убит, если бы другие рыцари не удержали Хелиаса. Увидев это, король сказал Хелиасу: «Почему ты ведешь себя так дерзко в моем присутствии?» Юноша ответил: «Повелитель, я пришел сюда, чтобы сказать правду о том, что произошло». «Рассказывай», — произнес король, и Хелиас продолжил:

«Моя дорогая матушка, перестань горевать и плакать; поскольку я сделаю тебя снова счастливой». Когда король услышал эти слова, он был немало изумлен. Повернувшись к нему, Хелиас сказал: «Повелитель, знайте, что ваша мать, Матабруна, причинила много зла моей матери». После этого он рассказал королю все, что было, с начала и до конца. А потом сказал, что готов остаться во дворце в качестве пленника, пока правда не будет подтверждена свидетелями. На это король еще более изумился и спросил у Беатрикс, что она знает по этому поводу. Она ответила: «Повелитель, я не знаю ничего, поскольку во время родов меня мучила боль, и я не помню того, что происходило. Но что бы ни сделала ваша мать — доброе или злое, — это должно проясниться. В руки Бога и этого подростка я вверяю защиту своей чести и молю вас сделать все возможное, чтобы скорее прояснить истину».

После этого королеву провели в апартаменты дворца, а король отправился к своей матери Матабруне, которой рассказал о происшедшем. Услышав это, та побелела, но попыталась оправдать свои коварные действия. Однако слова ее не убедили короля, и он приказал препроводить Маркуса в темницу. После этого он приказал изготовить прекрасный панцирь для Хелиаса и отправился вместе со своими спутниками по охоте в лес, к старику, чтобы услышать от него самого подтверждение тому, что рассказал ему юноша. Рассказ старика во всех подробностях совпал с тем, что он услышал от Хелиаса, и король начал горько скорбеть о том, что собственными руками принес Беатрикс столько горя.

По возвращении он немедленно освободил королеву и приказал бросить в тюрьму Матабруну. Охранять ее он назначил четырех рыцарей. После того он приказал привести Маркуса, чтобы тот мог сразиться с Хелиасом. Когда Маркус узнал об этом, он чуть не пал на землю от страха, но сумел справиться с собой и громко обратился к Хелиасу: «Что ж, глупый выродец, посмотрим, что ты можешь со мной сделать». Хелиас ответил: «О, лживый предатель, я рад возможности поквитаться с тобой, чтобы отомстить за мою мать и защитить ее честь!»

После этого они бросились в сражение, и Хелиас поверг лживого рыцаря вместе с его лошадей на землю. Тогда тот в ярости и изумлении воскликнул: «Выродок! Тебе повезло, но сейчас ты ощутишь мощь моей руки». На это Хелиас ответил: «Пробуй, я тебя не боюсь». Поскольку Хелиас опустил копье, Маркус воспользовался этим и предательски ударил Хелиаса в открытое место. Хлынула кровь. Все были поражены этой подлостью, но Бог не забыл Хелиаса. Увидев текущую кровь, тот пришел в еще больший гнев и крикнул Маркусу: «Подлый предатель, ты покусился на жизнь моей матери, а теперь решил нанести предательский удар и мне? Но с Божьей помощью я тебе отомщу!» Они снова бросились друг на друга. Хелиас сбил шлем с головы своего врага и стиснул его вместе с мечом так, что его противник не мог даже шевельнуться, а потом отсек ему правую руку. Поверженный злодей понял, что побежден, и обратился к милосердию Хелиаса: «Юноша, ты победил меня, сдаюсь на твою милость, но скажи мне, кто ты такой». Хелиас ответил: «Я — сын короля Орианта и его верной королевы Беатрикс». «Подари мне жизнь и возьми меня пленником, — сказал Маркус, — чтобы я мог во всем признаться, и пошли за ювелиром, которому я отдал цепочки». Тем временем подошли маршалы турнира, чтобы удостоверить победу Хелиаса. Тот пожелал немедленно собрать короля Орианта, его королеву и всех владык, и когда это было сделано, Маркус рассказал все, как было. Когда он закончил признание, король заключил свою возлюб-

бленную жену в объятия и со слезами на глазах стал просить у нее прощения. После этого они прошли во дворец и вознесли Богу благодарность за победу Хелиаса. Лживый рыцарь был повешен на виселице за ноги.

После всех этих событий были устроены праздники и турниры. Король приказал привести к себе ювелира Матабруны, чтобы он мог подтвердить рассказ о серебряных цепочках. Ювелир принес с собой пять цепочек и высокий кубок и рассказал королю историю шестой цепи. Когда он завершил рассказ, король произнес: «Ты говоришь как честный человек, и потому тебе все прощается». После этого король и королева взяли цепи, поцеловали их и принялись оплакивать своих детей, которые превратились в лебедей. Затем привели другого Маркуса, чьи глаза Матабруна приказала выколоть, и Ориант спросил его о том, как он ослеп. Тогда Маркус рассказал о том, что по приказу Матабруны унес детей и оставил их в лесу. Когда об этом передали Матабруне, она дала своим охранникам так много вина, что они уснули, сама же она направилась в сильно укрепленный замок, где она надеялась найти защиту. Стражники были сурово наказаны за это.

Когда Хелиасу сказали, что пять цепочек находятся в распоряжении короля, он отправился к отцу и принялся просить отдать их ему, обещая, что не успокоится, пока не найдет братьев и сестру. Но едва он произнес эти слова, как из леса появилось шесть прекрасных лебедей, опустившихся на воду крепостного рва. Увидев это, Хелиас с королем и королевой поспешили к лебедям. Когда лебеди увидели Хелиаса, они захлопали крыльями от радости, а он начал гладить их перья. Потом он повесил цепи на шею пяти из них, и лебеди немедленно обрели человеческий облик и бросились к своим дорогим родителям, чтобы они их поцеловали и обняли. Когда последний лебедь увидел, что для него не осталось цепи, он был очень огорчен и начал выщипывать из себя перья. Хелиас был так же огорчен, как и он, он стал утешать лебедя, и лебедь в знак благодарности наклонил голову. Во дворце была большая радость, король Ориант созвал всех своих рыцарей и дворян и передал свое царство сыну Хелиасу, которому предоставил право осуществить месть против Матабруны. После этого Хелиас приступом взял замок, в который она бежала, захватил ее в плен и приказал сжечь заживо.

Потом Хелиас долгое время правил королевством Лиллефорт в мире и спокойствии, но однажды утром увидел, глянув в окно, лебедя — своего брата, который тянул за собой небольшую лодку. Хелиас в этом узрел знак Бога. Он приказал, чтобы ему принесли латы и серебряный щит, простился с родителями и друзьями и вошел в лодку. Лебедь был этому так рад, что начал бить крыльями по воде, а потом начал тянуть лодку и скоро она оказалась очень далеко от Лиллефорта.

В это время император Оттон Первый¹⁸⁸ держал королевский двор в городе Нимвеген. В это время к нему обратился граф Арденнский с обвинениями против герцогини Биллоенской, чье наследство захватил, не имея на это прав, и лживо обвиняя ее в том, что она отравила своего мужа и во время его трехлетнего отсутствия родила незаконную дочь. Император сказал: «Женщина, это тяжелые обвинения. И если ты не сможешь доказать свою невиновность, ты должна умереть». После этого вперед выступил граф Арденнский, который произнес: «Ваше императорское величество, в знак доказательства своей правоты я готов бросить свою перчатку любому встречному и вступить с ним в бой». Услышав это, император приказал, чтобы герцогиня нашла рыцаря, готового сражаться в турнире на ее стороне. Несчастная женщина осмотрелась вокруг, но никто не выразил желания сразиться за ее интересы.

Внезапно над водами Рейна разнеслись чистые звуки горна, и император со всеми собравшимися поспешил к окнам. Они увидели лебедя с лодкой, в которой стоял Хелиас в полном вооружении. Император приказал привести к нему рыцаря. В это время герцогиня, почувствовав успокоение на сердце, обратилась к своей дочери: «Ночью я видела во сне, что меня обвинил граф и что я приговорена к сожжению; но в это время прибыл лебедь, который доставил воду, чтобы погасить огонь, — и из этой воды выпрыгнула рыба, при виде которой все начали дрожать. Я думаю, что во сне видела именно этого рыцаря».

Представ перед императором, Хелиас любезно его поприветствовал — и император ответил тем же, поинтересовавшись, кто Хелиас такой и откуда он прибыл. Хелиас ответил: «Я — бедный рыцарь, путешествую в поисках приключений и хотел бы поступить к вам на службу, если вы этого захотите». Император ответил: «Если ты — рыцарь и ищешь приключений, то найдешь здесь таковое, ибо можешь сразиться в защиту герцогини Биллоенской, которая обвиняется в преступлении и может лишиться наследства». Тогда Хелиас повернулся и бросил взгляд на герцогиню, которая показалась ему достойной дамой; а когда он поглядел на ее дочь, его сердце пронзила любовь. Тогда он попросил разрешения императора поговорить наедине с герцогиней, и это разрешение было с готовностью дано. Он спросил ее, виновна она или нет, и герцогиня ответила твердо: «Я невинна». Хелиас сказал ей: «Благородная дама, тогда вы нашли того, кто выступит за вас: я буду защищать вашу честь».

После этого Хелиас, снова приблизившись к императору, произнес: «Ваше императорское величество, я хочу вступить в поединок с тем, кто обвинил эту даму в смертных грехах». Когда он сказал это, граф вышел вперед и произнес: «Друг, чего ты хочешь? Ты намереваешься вязаться в дело, которое никак тебя не касается». На это Хелиас ответил: «Здесь лежит моя перчатка, которую я бросил во имя чести Бога, этих благородных дам и своей собственной. Сегодня же вы увидите, на что способен странствующий рыцарь». После этого граф взял перчатку, и император спросил, когда они будут биться, на что Хелиас ответил: «Немедленно». После этого быстро были сделаны приготовления к турниру, и Хелиас вышел в поле в доспехах и с серебряным щитом. Граф появился в не менее блистательных латах. Император, его дворяне, графиня и ее дочь, а также несчетное число простолудинов были зрителями.

Рыцари сшиблись с такой яростью, что преломили копья, и им пришлось взяться за мечи. Хелиас показал столь доблестное владение мечом, что граф едва сумел защититься, и обратился к своему противнику со следующими словами: «О, благородный рыцарь лебедя, давай заключим мир, чтобы я мог достичь своей цели. Я дам тебе руку моей дочери и плодородные земли в Арденнах». Такое предложение разъярило Хелиаса, который ответил: «Ты думаешь, что я, так же как ты, способен на подлость? Я скорее позволю себе отсечь руки и ноги. Не говори больше ничего, поскольку я клянусь, что не пощажу тебя и женюсь на дочери герцогини». На эти слова граф разъярился и ударил Хелиаса с такой силой, что у того выпал меч из рук. Но тот немедленно спрыгнул с лошади, схватил графа, сорвал с его шеи щит и вырвал у него из руки меч. Граф стал молить о пощаде, но Хелиас не стал слушать его мольбы и ударил по голове мечом.

Покончив с ним, Хелиас предстал перед императором, который принял его с почетом. Пришла также герцогиня со своей дочерью. Они поблагодарили рыцаря и произнесли: «Рыцарь, вы вернули мне мои земли; я передаю их вам, вместе со своей дочерью».

На это рыцарь выразил свою глубокую благодарность, и на следующий день с грандиозной помпой и с пышностью состоялась свадьба. Через две недели торжеств новый герцог попросил императора разрешения покинуть его, и отбыл со своей супругой в Биллоен, где по прибытии его встретили с огромной радостью. В надлежащий срок супруга Хелиаса забеременела, и когда наступило время, родила дочь, которую назвали Идой. Она выросла в добродетельности и стала матерью благородного принца Годфрея и его братьев, Болдуина и Евстасия.

Однажды, когда герцогиня отправилась на прогулку вместе со своим мужем, она спросила его, из какой страны он родом, кто его родственники и друзья. Но он ей не ответил и попросил никогда не повторять этого вопроса, если она не хочет ним расстаться. Она больше не произнесла ни слова по этому поводу, и они оба прожили в согласии еще шесть лет.

Однако герцогиня стала забывать просьбу и однажды, когда была с Хелиасом одна, сказала ему: «Мой возлюбленный муж, я хочу знать, откуда ты родом». Хелиаса очень огорчили эти слова, и он с грустью произнес: «Я говорил тебе, что ты не должна это знать и никогда не должна спрашивать. Теперь я должен тебя покинуть. Завтра я отправляюсь в Нимвеген и попрошу у императора разрешения отправиться в странствие». Герцогиня горько зарыдала и позвала свою дочь, чтобы она тоже обратилась к отцу с просьбой остаться. Но Хелиас сказал, что решения он не изменит. Собрав своих дворян, он отдал им распоряжение подчиняться матери и дочери, под правление которой отходила территория Биллоена. Он еще говорил, когда появился лебедь, производя громкий шум своими крыльями, словно призывая Хелиаса. Тот с грустью попрощался со всеми и под всеобщий плач отплыл от берега в увлекаемой лебедем лодке.

Однако герцогиня и ее дочь поспешили в Нимвеген, куда успели прибыть раньше лебедя. Они рассказали императору, что случилось, и попросили его вмешаться и помочь. Когда они говорили это, над Рейном раздался звук горна Хелиаса, и вскоре после этого он сам появился перед императором. Но сколько император ни просил простить герцогиню, убедить Хелиаса ему не удалось. Хелиас только попросил императора взять его жену и детей под свою защиту и, получив это обещание, снова вошел в лодку. Увидев это, лебедь начал бить своими крыльями и скоро доставил Хелиаса в Лиллефорт.

Король Ориант сидел за столом со своей королевой и своими пятью детьми, когда внезапно появилась лодка. Как только пронеслась весть о прибытии Хелиаса, все бросились к окнам дворца — и, увидев двух братьев, лебедя и Хелиаса, все поспешили обнять их и поцеловать. Первым вопросом их матери был: «Мой сын, где ты пробыл так долго?» На это Хелиас ответил: «Моя мать, я отвечу тебе на это в другое время». Потом она спросила, что стало с лебедем, и Хелиас сообщил, что лебедь остался в воде. На это мать произнесла: «Я видела этой ночью, что лебедь примет человеческий облик, если вместе показать ему два кубка». Это показалось всем разумным, и когда лебедь увидел два высоких кубка, которые ювелир сделал из его цепи, он немедленно превратился в человека. Этому, последнему, брату присвоили имя Эсмери. Появление последнего из братьев было встречено при дворе с огромной радостью.

Через некоторое время Хелиас собрал своих друзей и родственников и рассказал им о своих приключениях. В конце он произнес: «Теперь я хочу со всеми вами попрощаться, поскольку собираюсь покинуть этот мир, чтобы искупить свои грехи и молиться за всех вас». Услышав это, все начали рыдать, хотя никто не решился произнести хотя бы слово против этого решения. После этого Хелиас ушел, с посохом в руке, в монастырь,

который был основан его отцом. Монахи приняли его с большой радостью. После этого он приказал построить красивый и просторный замок в Арденнах, в точности повторяющий замок в Биллоене; этот замок получил то же название. Монастырю он выделил большое денежное пособие и поселил в нем тридцать монахов, которые день и ночь должны были молиться, а также жить в монастыре согласно его уставу.

Герцогиня Биллоенская и ее дочь тем временем горестно оплакивали потерю Хелиаса, поскольку все посланцы, разосланные в разные стороны на поиски, вернулись без успеха. В конце концов она отправила слугу по имени Пуциус в Иерусалим на поиски Хелиаса. Не найдя в Иерусалиме следов рыцаря, он решил отправиться в Рим. Однако во время этого путешествия он и его компаньоны сбились с пути и прибыли в Арденны, к тому самому замку, который Хелиас приказал воздвигнуть. При виде замка Пуциус произнес: «Постой, мы, похоже, оказались в своей стране, поскольку этот замок кажется мне точной копией замка в Биллоене». Они подошли к гостинице в деревне, что примыкала к замку, и спросили, где они находятся. Им подробно ответили на все вопросы и сообщили, что король Ориант и Беатрикс покинули Лиллефорт и нашли себе приют в Биллоене, чтобы они могли быть ближе к своему возлюбленному сыну Хелиасу. Когда Пуциус услышал это, он безмерно обрадовался и стал благодарить Бога.

На следующее утро он отправился в замок Биллоен, и король с королевой и с детьми вышли встретить его. Эсмери спросил его, откуда он пришел. Пуциус ответил, что он искал лебединого рыцаря, жена которого послала его на поиски. Эсмери был рад услышать эту весть. Он сообщил ее королю и королеве, после чего Пуциус рассказал им все, касающееся герцогини. Кроме того, он сказал им, что дочь герцогини, Ида, вышла замуж за графа Бонена¹⁸⁹. Пуциуса после этого препроводили в замок и постарались его развлечь. На следующее утро он проводил Эсмери к Хелиасу. Того они нашли коленапоклоненным в молитве. Узнав Пуциуса, рыцарь лебедя обнял его, после чего начал расспрашивать о герцогине и ее дочери. Пуциус рассказал ему все и получил от него венчальное кольцо, которое следовало вернуть герцогине, а также множество ценных подарков для Иды.

Пуциус немедленно направился домой, попросив разрешения у короля Орианта и Беатрикс, от которых также получил драгоценные подарки для своей госпожи. Вскоре они прибыли в Биллоен, как раз в то время, когда герцогиня со своей дочерью и зятем сидели за столом. Передав кольцо графине, вместе с другими подарками, он рассказал о своем путешествии. Его рассказ очень обрадовал графиню, и она немедленно начала вместе с дочерью готовиться к путешествию, но граф Боненский остался дома со своими тремя сыновьями Годфреем, Балдуином и Евстасием.

Когда эти две дамы прибыли в замок Биллоен, они узнали, что Хелиас лежит на смертном одре. Это их глубоко огорчило. Но Хелиас позвал их к себе, и все они возрыдали от радости, столь неожиданно увидев друг друга. Через несколько дней после этого Хелиасу стало хуже, и его болезнь со временем так усилилась, что он скончался. Это событие так подействовало на графиню, что она слегла и скоро последовала за своим мужем в могилу. После этого Ида, горюя, что она понесла такие тяжелые потери, вернулась к своему мужу, и ее отъезд люди оплакивали долгое время.

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ¹⁹⁰

1. Если невеста порвала свое свадебное платье, это не к добру; у нее в семейной жизни будет много трудностей.
2. Человек не должен дарить кольца мертвых друзей или родственников: даритель после этого наверняка умрет.
3. Если хлеб лежит перевернутым, это плохая примета.
4. Если нож лежит неправильно (*verkeerd*), это предвещает ссору.
5. Если языки пламени выскакивают из очага, можно быть уверенным в скором приезде гостей.
6. Появление божьей коровки предвещает удачу.
7. У тех, кто не любит кошек, не бывает красивых жен.
8. Спешка в понедельник редко приводит к добру.
9. Если в конюшне держать кости лошадиной ноги, лошадей нельзя будет заколдовать.
10. Чтобы вылечить от лихорадки, больной должен повязать свою подвязку вокруг виселицы.
11. Между Пасхой и Троицей все неудачники обретают любовь.
12. Яйца, крашенные в Великий четверг Страстной недели (*Witten Donderdag*), являются хорошим средством против грозы и молнии¹⁹¹.
13. Зверобой обыкновенный, собранный перед рассветом, хорошо помогает от молнии.
14. Чтобы быть удачливым в игре, необходимо носить с собой лист клевера с четырьмя лепестками.
15. Нельзя причесываться или обрезать ногти в пятницу.
16. Паук, увиденный утром, предвещает удачу, но если его увидели в полдень, то сулит неудачу.
17. Хорошим средством от лихорадки является паук, которого помещают между двумя скорлупками ореха и носят на шее¹⁹².
18. Чтобы вылечить зубную боль, нужно потереть зубы костью с церковного двора, то есть кладбища; это безотказное средство.
19. Если кровать умирающего стоит перпендикулярно стропилам, смерть его будет долгой и мучительной.
20. Две перекрещенные вилки предвещают борьбу или вражду.
21. Опрокинутая солонка приводит к ссорам.
22. Скорлупу съеденного яйца следует мелко истолочь.
23. Чтобы обезопасить себя от лихорадки, надо на Пасху съесть два яйца, снесенные в Великий четверг Страстной недели.
24. Если в день Пасхи не есть мяса, это помогает от зубной боли.
25. Если у человека чешется ладонь, он получит деньги.
26. Вой собаки предвещает смерть соседа.
27. Если в канун Рождества взять еловое полено, положить его на огонь, но дать догореть, а потом убрать под кровать, гром никогда не поразит ваш дом.
28. Три свечи, горящие в одной комнате, предвещают свадьбу¹⁹³.
29. Если дождь идет в пятницу, то он будет и в воскресенье.
30. Нельзя жениться в пятницу.

31. Когда встаешь из кровати с правой ноги, это предвещает удачу на весь день.
32. Яйца, снесенные на Троицу, следует тщательно сохранять. Если начнется огонь, одно из них следует бросить в пламя, после чего огонь погаснет.
33. Если невеста хочет иметь после свадьбы удачу и достаток, она должна, придя домой после свадьбы, пройти под двумя саблями, скрещенными над дверью.
34. Следует сохранять яйца, снесенные в двенадцать дней Святков. Когда наседка собирается садиться на яйца, следует положить это яйцо среди других. Тогда из высиживаемых ею яиц вылупятся красивые и большие цыплята.
35. В рождественскую полночь весь скот встает и некоторое время остается на ногах, а затем снова ложится.
36. Все, что посеяно в канун Рождества, не пропадет, даже если сеять в снег.
37. Если солнце светит на Сретение (2 февраля), лен будет расти хорошо.
38. То, что посеяно на Масленицу, всегда будет зеленым.
39. Столько же туманных дней, как в марте, будет как после Пасхи, так и в августе.
40. В день Св. Андрея нужно поставить на стол стакан, полный воды. Если из него вдруг потечет вода через край, следует ожидать дождливого года, но если он останется полным, жди засухи.
41. Если хорошо мыть руки по утрам, это хорошо защитит от ведьм и колдовства.
42. Если солнце светит во время дождя, это значит, что ведьмы жарят блины.
43. Омела, повешенная над кроватью, является хорошим средством против кошмаров.
44. Если женщина хочет иметь послушного мужа, она должна взять старые гвозди и попросить сковать из них кольцо в пятницу во время мессы. Если она будет носить это кольцо на пальце и ежедневно произносить «Отче наш», муж будет ее слушаться на протяжении года.
45. Если женщина хочет, чтобы муж ее любил, она должна срезать прядь своих волос и трижды положить волосы на алтарь на белой воощенной бумаге.
46. Когда по конечностям ползут холодные мурашки, люди обычно говорят: «Они ползут по моей могиле».
47. Когда во время дождя проглядывает солнце, это значит, что в аду проходит ярмарка.
48. Два ножа, положенные накрест, обещают неудачу.
49. Когда хлеб падает в огонь, прежде чем вытаскивать его оттуда, следует перевернуть буханку, если она легла наоборот. В Дендермонде и окрестностях крестят буханку ножом.
50. Кому не везет в игре, везет в женитьбе.
51. О том, кто выигрывает в игре, говорят, что у него в мешке лапка крота.
52. Когда кот сидит спиной к огню, будет дождь.
53. Если у какого-либо человека лихорадка длится долго, то чтобы избавиться от нее, он должен привязать клок соломы к дереву, когда начинается приступ,— а затем бежать, пока лихорадка не прекратится.
54. Если повернуть стул кругом, это предвещает драку.
55. Моряки не должны есть мяса на Пасху, чтобы их не застиг в море шторм.
56. Зуд в ладони предвещает побои.
57. В Фурне никто не нанимает служанку в пятницу. Служанки не поступают на службу в этот день.

58. Если нож лежит лезвием вверх, то человек, на которого во время обеда показывает кончик ножа, женится в этот год.

59. Если два человека в компании одновременно начинают сообщать одну и ту же новость, то они женятся одновременно.

60. Если вода для мытья посуды доведена до кипения, это означает, что человек, который будет мыть посуду, не женится или не выйдет замуж семь лет.

61. Нельзя садиться за стол тринадцати человекам. В таком случае тот, кто сидит под балкой, окажется предателем. Один из тринадцати должен умереть в течение года.

62. Если во время прогулки встречаются ягнята, это хорошо, если встречаются свиньи и вороны, то плохо. Увидеть ворон, летающих над крышей родителей, означает плохие новости и несчастье.

63. Одуванчик. Дети дуют на одуванчик и спрашивают: «До скольких лет я дорасту?» Сколько раз им приходится дуть, чтобы одуванчик остался совсем голым, столько лет они будут жить. Девушки в таких случаях спрашивают: «Любит он меня? Да — немного — много — нет». В зависимости от того, какое слово произносится, когда одуванчик становится совсем голым, такие чувства будет испытывать и возлюбленный. Такая же операция производится с одуванчиком, чтобы узнать, какой час.

64. Многие люди, когда их нога, кисть или рука затекла, делают над конечностью крест большим пальцем руки, чтобы конечность восстановила свою работу. Другие, когда зевают, перекрещивают рот.

65. Когда утонувшего человека касается его близкий родственник, у утопленника начинает идти кровь из носа.

66. Когда утки ныряют, следует ждать плохую погоду. Когда куры ищут укрытие, дождь скоро прекратится.

67. Колдунья не сможет подняться со своего места, если женщина тайком положит свое свадебное кольцо под ее стул¹⁹⁴.

68. Если, срезав волосы, вы бросите их в костер из зеленых веток, волосы больше никогда не отрастут.

69. Срезанные волосы не следует бросать на улице: их может взять колдунья, которая при помощи волос способна заколдовать человека, которому они принадлежат.

70. Если человек чихает и никто не скажет ему «Да благословит тебя Бог», над чихнувшим власть приобретает ведьма.

71. Если какая-нибудь женщина теряет свое обручальное кольцо, она скоро простится со своим мужем — из-за его смерти или каким-либо еще образом.

72. Нельзя давать другу ни ножа, ни ножниц: они «отрезают» любовь.

73. Нельзя брать с собой в дом кость с погоста: мертвец будет мучить, пока ему не вернут кость¹⁹⁵.

74. Если нож упал со стола и лег лезвием вверх, это означает приближение свадьбы.

75. Когда священник во время мессы поворачивается и говорит *orate fratres*, он закрывает глаза, чтобы не видеть ведьм, которые стоят спиной к алтарю.

76. Если на фитиле свечи вспыхивает небольшая искра, это означает неожиданную новость. Когда по всему пламени вспыхивает много искр, образовывая круг, тогда данный человек победит своих врагов.

77. Борьба с дьяволом проводится при свете; произнесенные во тьме слова не имеют силы.

78. Если девушка не любит собак, у нее никогда не будет хорошего мужа.

79. Если какой-либо человек болеет лихорадкой, он должен встать голым напротив восходящего солнца, несколько раз произнеся при этом «Отче наш» и обращенные к ангелам молитвы.

80. Блин св. Люпуса. Этот треугольный блин пекут в честь Святой Троицы и делают в нем пять отверстий в память о пяти ранах Христа. Блины отдаются в качестве милостыни и в честь св. Люпуса первому же нищему. Тогда можно надеяться, что стадо и домашние животные не пострадают от волков (*lupi*). Этот обычай широко распространен в окрестностях Тирлемона и Лувиана.

81. Существует обычай окунать в воду образы святых для того, чтобы вызвать дождь.

82. Если у человека лихорадка, он должен рано утром отправиться к старой иве, завязать ее ветку тремя узлами и сказать: «Доброе утро, старик, я принес тебе холод, доброе утро, старик!»¹⁹⁶ »

КОММЕНТАРИИ

¹ Из Müllenhoff, «Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg», Kiel, 1845, если не указано иначе.

² Город неподалеку от Рендсбурга.

³ Округ на западном берегу Шлезвиг.

⁴ То есть потребляй, принимай жертву, приносимую в языческом обряде.

⁵ От *Staven*, «место, на котором стоит или стоял дом» и *Wüfke*, дословно *wifekin*, нем. *Weibchen* (самка (нем.) — Прим. пер.). Ее также называют *Stadem-Wüfke*.

⁶ Kohl, *Marschen und Inseln*, ii, 289.

⁷ Ферула вонючая. — Прим. пер. См. в разделе «Народные легенды Швеции» главу «Скогсра».

⁸ См. раздел «Датские народные верования».

⁹ Эти цветы собирали в полдень. — Мур (Mooge).

¹⁰ См. раздел «Народные легенды Норвегии», главу «Покалеченная рука».

¹¹ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Василиск».

¹² См. главу «Мара» из раздела «Народные легенды Дании».

¹³ В Дании у лошади Хель всего только три ноги. См. главу «Лошадь Хель» из раздела «Народные легенды Дании».

¹⁴ См. главу «Происхождение троллей» из раздела «Народные легенды Дании».

¹⁵ Очень интересное замечание. Какое тонкое определение незапамятной древности.

¹⁶ См. главу «Непрошенные гости» в разделе «Народные легенды Дании».

¹⁷ Alle guten Geister loben Gott den Herrn.

¹⁸ См. главы «Народ эльфов» и «Тролли боятся креста» из раздела «Народные легенды Дании».

¹⁹ См. главу «Тролли боятся грозы» из раздела «Народные легенды Дании».

²⁰ Выше приведена именно эта версия, а не записанная в Свинемюнде (Kunp and Schwartz, op. cit., p. 312), поскольку та содержит подробности, характерные для добрых старых времен, но не имеет столь поучительного характера. См. также главу «Король Пиппе мертв!» в разделе «Датские народные легенды».

²¹ См. раздел «Народные легенды Норвегии», главу «О св. Олафе», раздел «Народные легенды Швеции», главу «О соборе Лунда», раздел «Народные легенды Дании», главу «Церковь Каллунборга».

²² Из Harry, op. cit., i, p. 16.

²³ Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 39. Словом *вихтель* (*вихтельманн*) называли эльфов франки.

²⁴ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Гиллкоп».

²⁵ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Тролли ненавидят колокола».

²⁶ Люди из Силта говорят, что у нисс-пука очень большие глаза, потому про любознательных людей говорят: «Уставился как пук».

²⁷ Kuhn и Schwartz, op. cit., p. 423.

²⁸ От *klüttern*, «изготавливать или чинить небольшое тонкое изделие, чаще всего из дерева».

²⁹ Возможно, от *klappen*, «производить шум, беспорядок».

³⁰ Не более 45 см. — *Прим. пер.*

³¹ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Сногскильде» (Колодец змеи).

³² См. книгу «Нордическая мифология», главу «Похищение молота».

³³ Здесь Воден прискорбным образом лишился знаков своего высокого положения. Эту историю и следующую за ней можно было бы с достаточной точностью назвать «Низложение Одина».

³⁴ У подземных жителей не было желтых волос. Должно быть, речь идет о моховом народце или о лесных женщинах, которые были ростом с трехлетних детей и дружелюбно относились к людям. См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 881, *примечание*.

³⁵ Причина этого предупреждения объясняется из подобного поверья, существовавшего на острове Узедом. Когда мимо проезжала Дикая охота, люди часто слышали крик:

Ho ho! bliv innen Middelwech,
Denn bitten di de Hunne nich.

Эй, эй! Держись посредине пути,
Тогда собаки тебя не покусаят.
Kuhn und Schwartz, op. cit. p. 427.

³⁶ Lisch, *Meklenb. Jahrb.*, цитируется по Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 876, 877.

³⁷ Пер. с английского Вс. Рождественского. — *Прим. пер.*

³⁸ См. *Sw. Pop. Belief*, p. 307, No. 50 и *Dan. Pop. Belief*, p. 424, No. 34.

³⁹ Uet elk hues Läpel vull.

⁴⁰ Uet elk hues en Schäpel vull.

⁴¹ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Бондетте».

⁴² Из Kuhn and Schwartz, *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche*, Leipsig, 1848, если не указан другой источник.

⁴³ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Мара».

⁴⁴ Неразменный талер. — *Прим. пер.* От hecken, *производить, вылупляться*.

⁴⁵ Chambers, *Pop. Rb.*, p. 34.

⁴⁶ В этой легенде *Hüne* соответствует *Riese* и датскому *Jaette*; и то и другое означает великана. Легенды о том, что великаны бросают камни в церкви, встречаются по всему Северу. См. «Народные легенды Дании», главу «Тролли бросают камни в церкви».

⁴⁷ *Thirlage* шотландских законов, согласно которым каждый арендатор должен был молотить свое зерно на мельнице своего господина.

⁴⁸ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Ведьмы».

⁴⁹ Вендской Шпрее. Венды — одно из славянских племен Германии. — *Прим. пер.*

⁵⁰ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Ниссе или нисс».

⁵¹ Dobeneck, vol. 1 pp. 125 sqq.

⁵² См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 463.

⁵³ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Подземные жители забирают по-витуху».

⁵⁴ Пер. Б. Пастернака. — *Прим. пер.*

⁵⁵ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 925.

⁵⁶ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 873, из Weddigen, *Westfäl. Mag.*, Redeker, *Westfäl. Sagen*, etc.

⁵⁷ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 875.

⁵⁸ Harrys, op. cit. ii, No. 2.

⁵⁹ Имеется в виду Большая Медведица. — *Прим. пер.*

⁶⁰ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Ганс Дюмкт».

⁶¹ Grimm, J. & W., *Kinder-und Hausmärchen*, op. cit., p. 24.

⁶² См. раздел «Народные легенды Швеции», раздел «Дикая охота».

⁶³ См. раздел «Датские народные верования», номер 10.

⁶⁴ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 245. Müller, *Gesch. der Altd. Relig.*, p. 122.

⁶⁵ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 907. Поначалу спящий человек — здесь и в Оденберге — был, без сомнения, Одним (Вуотаном), как это видно из вопроса о вороне, который вряд ли мог интересоваться императора Фридриха Барбароссy. Vorrede, p. xvi.

⁶⁶ Из Bechstein, *Deutsches Märchenbuch*, Leipzig, 1848, p. 44 и его же *Kiffhäusersagen*.

⁶⁷ См. в этом же разделе главу «Принцесса Ильзе».

⁶⁸ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Непрошенный гость»

⁶⁹ Эта и следующая легенды взяты из Harry, op. cit., *Sagen, Märchen und Legenden Niedersachsens*.

⁷⁰ Небольшой городок в западной части Гарца, известный своими подземными выработками.

⁷¹ Те, кто поднимался, был не в состоянии опуститься, поскольку, достигнув вершины, они не могли больше сделать ни шага, и на следующее утро их находили внизу — разорванными на куски.

⁷² Свинцовый блеск, сульфид свинца.

⁷³ Железный блеск, красный железняк или кровавик.

⁷⁴ Или *le Débonnaire*, как он именуется во французских летописях.

⁷⁵ Здесь английскому читателю следует опять напомнить о Кузнеце Вайланде, согласно легендам работавшем в своей кузне — мегалитической гробнице на равнинах Беркшира. См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Народ эльфов».

⁷⁶ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «О Фрите Скуде».

⁷⁷ Dobeneck's *Volks glauben*, I, p. 83, из Hamelmann's *Oldenburger Chronik*, 1599, фолиант, где дается изображение этого горна. См. также Grimm, J. & W., *Deutsche Sagen*, p. 541.

⁷⁸ В Kuhn and Schwartz, op. cit., p. 280, эта история рассказана графом Антони Гюнтером.

⁷⁹ Возможно, *Beckerknecht*.

⁸⁰ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 641.

⁸¹ Müllenhoff, op. cit., p. 509. См. также «Народные легенды Швеции», главу «Волшебные животные» и «Кукушка», раздел «Народные легенды Дании», главу «Монах Руус».

⁸² Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 691.

⁸³ Из Kuhn and Schwartz, *Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche*, Leipzig, 1848, если не указано иначе.

⁸⁴ Этот обычай распространен на большей части Дании, где у детей имеется особый вид розг с позолоченной бумагой и полосами; они называются *Fastelavnsris* (розга Масленицы).

⁸⁵ Средневековая кровавая забава, заключающаяся в том, что привязанного к шести петуха забрасывали особыми палками, пока птица не умирала. — *Прим. пер.*

⁸⁶ Пасха — *Easter* — называется так в честь богини *Eastre*, согласно утверждению Беды Достопочтенного, *De Temporum Ratione*, ch. xiii, который говорит: «Apud eos (Anglorum populos) Aprilis *Esturmonath*, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a *dea* illorum, quae Eostra vocabatur, et cui in illo festa celebratur, nomen habuit; a cujus nomine nunc paschale tempus cognominant, consueto antiquae observationis vocabulo gaudia novae solennitatis vocantes» — (лат.) «У них (народа англов) апрель свое название *эстурмонат*, которое ныне истолковывается как пасхальный месяц, некогда получил от их богини, именуемой Эостра, каковой богине в этом месяце справляли праздник; по ее имени теперь называют пасхальное время, привычным речением древнего почитания обозначая радость нового торжества».

⁸⁷ Harry, op. cit., ii, p. viii.

⁸⁸ См. раздел «Датские народные поверья», № 54.

⁸⁹ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «О ведьмах».

⁹⁰ См. раздел «Народные легенды Швеции», главу «Канун середины лета».

⁹¹ Езда к вершине (нем.). — *Прим. пер.*

⁹² Розовый куст (нем.). — *Прим. пер.*

⁹³ Рододендрон (нем.). — *Прим. пер.*

⁹⁴ См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 142, 143. *Wöl* — это, без сомнения, искаженное слово *Wod* (Воден).

⁹⁵ Относительно древних английских обычаев, посвященных урожаю, см. в Brockett's *Gloss. of N. Country Words*, статья Melldoll, и Halliwell's *Archaic Dict.*, статья Mare.

⁹⁶ Название этой устной легенды, передававшейся в Верхнем Гарце, взято из Haggys, op. cit., ii, p. 25.

⁹⁷ Английский аналог Петрушки, *прим. пер.*

⁹⁸ Также в Голштинии и Датской Фрисландии, хотя и без ограничения по времени года.

⁹⁹ Видимо, посредством колдовства.

¹⁰⁰ Этот обычай повсеместно распространен в Дании.

¹⁰¹ Блюдо, изготовленное из толченых маковых зерен, смешанное с белым хлебом и молоком.

¹⁰² См. раздел «Народные легенды Швеции», главу «Дикая охота».

¹⁰³ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Фру Года», раздел «Шведские народные верования», № 46, раздел «Датские народные верования», № 10.

¹⁰⁴ См. раздел «Народные легенды Северной Германии».

¹⁰⁵ Название этого кошмарного существа у славянского племени вендов.

¹⁰⁶ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Мара».

¹⁰⁷ См. главу «Народные легенды Дании», «Воскресные дети», раздел «Датские народные верования», № 33.

¹⁰⁸ См. раздел «Датские народные верования», № 34.

¹⁰⁹ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Василиск».

¹¹⁰ «Огненный селезень» («трах») у кельтов.

¹¹¹ См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1153.

¹¹² Мера объема в Люнебурге, равная восьмой части бушеля.

¹¹³ Это расходится с предыдущими историями. См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Подмененные дети». См. также раздел «Народные легенды Дании», главу «Подмененные дети».

¹¹⁴ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», глава «Джек О'Лантерн прогоняется ругательством».

¹¹⁵ См. раздел «Народные легенды Швеции», главу «Джек О'Лантерн».

¹¹⁶ См. раздел «Народные легенды Северной Германии». Главу «Землемер» и раздел «Народные легенды Дании», главу «Джек О'Лантерн».

¹¹⁷ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Джек О'Лантерн» и первое примечание к этой главе.

¹¹⁸ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Ганс фон Хакельнбёрнд».

¹¹⁹ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», глава «Воде».

¹²⁰ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», глава «Фрайшутц».

¹²¹ См. раздел «Шведские народные верования», номер 10.

¹²² *Antirrhinum* (львиный зев) или, согласно другим источникам, *marrubium* (шандру).

¹²³ Возможно, этот заговор применяли, когда лихорадка длилась семьдесят семь дней.

¹²⁴ Вероятно, Ангельн.

¹²⁵ Воспалительной.

¹²⁶ Диалектическое *büefsen* = *wegschaffen*, *stillen* (успокаивать (нем.). — Прим. пер.)

¹²⁷ Возможно, *verschwand*, исчез (нем.). — Прим. пер.

¹²⁸ В германских языках солнце женского рода, луна — мужского.

¹²⁹ *Wehtag* — это, без сомнения, ошибка писца или печатника.

¹³⁰ Возможно, *du*.

¹³¹ Следующие стихи взяты из Müllenhoff, op. cit., pp. 511, sqq.

¹³² Другое название паралича.

¹³³ Большая Медведица, или «Карлов возок».

¹³⁴ По англосаксонски — *stipel*.

¹³⁵ Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. cxlv.

¹³⁶ Возможно, это слово означает *verziehen* (вытягивать (нем.). — Прим. пер.).

- ¹³⁷ Гнойное воспаление мякоти фаланги пальца.
- ¹³⁸ Возможно, *Purgatio alvi*.
- ¹³⁹ Отверстие в двери, сквозь которое может пройти кошка.
- ¹⁴⁰ Правильно *Knirrband*.
- ¹⁴¹ Из Müllenhoff, op. cit., p. 517.
- ¹⁴² Так в тексте.
- ¹⁴³ Следующие стихи взяты из Müllenhoff, op. cit., pp. 516, sqq.
- ¹⁴⁴ *Stutenbrod* — это разновидность пирожков или печенья в форме ромба, часто подается в Гамбурге.
- ¹⁴⁵ Возможно, Ангельн.
- ¹⁴⁶ От *flennen* — кричать или смеяться с кривым ртом.
- ¹⁴⁷ Это и два последующих обращения к улитке взяты из Müllenhoff, op. cit., p. 509.
- ¹⁴⁸ Chambers, *Pop. Rb.*, p. 43.
- ¹⁴⁹ В переводе Тэйлора Basile, *Pentamerone*, p. 183.
- ¹⁵⁰ Это и предшествующее обращение к божьей коровке взято из Müllenhoff, op. cit., pp. 508, 509. См. также p. 104, Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 658 и Chambers, *Pop. Rb.*, p. 43.
- ¹⁵¹ Arnkiel, цитируется по Grimm, *Deutsche Mythologie*, op. cit. p. 618; Müllenhoff, op. cit., p. 510; Thiele, op. cit., i, p. 196, edn. 1820.
- ¹⁵² *Anc. Law and Inst. of England*, p. 396, folio edition.
- ¹⁵³ См. раздел «Северная мифология», главу «Тор в доме Гейррода», последнее примечание.
- ¹⁵⁴ См. раздел «Датские народные верования», номер 47.
- ¹⁵⁵ Англо-саксонское *Metten*, парка.
- ¹⁵⁶ Müllenhoff, op. cit., p. 583.
- ¹⁵⁷ См. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., № 44.
- ¹⁵⁸ См. Saxo, op. cit., p. 106; Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 690 sq.
- ¹⁵⁹ См. главу «Датские народные верования», номер 27.
- ¹⁶⁰ См. Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., pp. 250, 1212.
- ¹⁶¹ См. в разделе «Народные легенды Нидерландов» главу «Книга вора» и т.д.
- ¹⁶² См. раздел «Шведские народные легенды», номер 30.
- ¹⁶³ Из Wolf, *Niederländische Sagen*, Leipsig, 1843.
- ¹⁶⁴ Оссхаерт очень похож на йоркширского *баргуеста*. Известен баргуест, которого звали Пиктри Брак и который обычно принимал форму галвейки — небольшой, но выносливой лошади. «Некий крестьянин, еще живущий или живший совсем недавно, рассказывал, что именно в таком облике ему явился баргуест, когда он шел домой. Крестьянин говорил, что он сел на него верхом и неторопливо доехал до большого пруда, в который баргуест и сбросил своего седока, после чего *со смехом унесся прочь*». Keightley, op. cit., p. 310; Scott's *Minstrelsy*, i. p. cx.
- ¹⁶⁵ В связи с предшествующей легендой см. краткое изложение Германской мифологии.
- ¹⁶⁶ В оригинале к этому добавлено: «после чего вода и старуха немедленно исчезли, словно их не было в комнате».
- ¹⁶⁷ Рассказ частично взят из «Wodana», p. ii.
- ¹⁶⁸ Клич Дикого охотника.

- ¹⁶⁹ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Книга Киприануса».
- ¹⁷⁰ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «О ведьмах».
- ¹⁷¹ См. раздел «Народные легенды Норвегии», главу «Покалеченная рука».
- ¹⁷² См. Grimm, J. & W., *Kinder- und Hausmärchen*, op. cit., No. 4.
- ¹⁷³ Здесь, похоже, пропущены несколько строк. Повествование явно лишено последовательности.
- ¹⁷⁴ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Как дьявол позволил себя перехитрить».
- ¹⁷⁵ Дословно «Ветер с четырех». Возможно, это намек на выражение *fabren mit vieren (Pferden)*, «ехать или править четырьмя (лошадьми)», другими словами: «плыть прочь с максимальной скоростью». Здесь дорога по воде сравнивается с наземным путешествием с лошадьми.
- ¹⁷⁶ См. главу «Народные легенды Северной Германии», раздел «Вечный жид».
- ¹⁷⁷ Нелогичность повествования присуща самому первоисточнику.
- ¹⁷⁸ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», глава «Богослужение мертвых», и раздел «Народные легенды Дании» и раздел «Народные легенды Дании», главу «Призраки в церкви Св. Кнута в Оденсе».
- ¹⁷⁹ См. раздел «Народные легенды Швеции», главу «Джек О'Лантерн», раздел «Народные легенды Дании», главу «Наказание за переставленные межевые столбы», «Джек О'Лантерн», раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Землемер» и раздел «Обычаи и предрассудки Северной Германии», главу «Джек О'Лантерн».
- ¹⁸⁰ См. раздел «Народные легенды Дании», главу «Легенды о священнике и знахаре».
- ¹⁸¹ См. раздел «Народные легенды Северной Германии», главу «Белая женщина».
- ¹⁸² См. раздел «Северогерманские обычаи и предрассудки», главу «Канун Андрея-ва дня».
- ¹⁸³ См. выше, в томе I (Северная мифология с пояснениями), главу «Сага о Вольсунгах и Гьюкинггах или Нибелунгах». А также Grimm, J., *Deutsche Mythologie*, op. cit., p. 1025.
- ¹⁸⁴ Имеется в виду псалом 90:13: «*Super aspidem et basiliscum calcabis conculcabis leonem et draconem*» - «На аспиды и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона». — *Прим. пер.*
- ¹⁸⁵ См. раздел «Народные легенды Норвегии», главу «Сигне-кьяерринг или ведьма».
- ¹⁸⁶ Правил с 919 по 936 год.
- ¹⁸⁷ Явный анахронизм. См. предыдущее примечание.
- ¹⁸⁸ Правил с 936 по 973 год.
- ¹⁸⁹ Булонь.
- ¹⁹⁰ Из Wolf, *Wodana*, Gent, 1843, pp. 110—114 and pp. 221—225.
- ¹⁹¹ В Дании на этот день (*Hvid-torsdag*) крестьяне кладут в свой суп девять видов растений.
- ¹⁹² См. Ashmole, *Diary*.
- ¹⁹³ В таких случаях датчане говорят: «Ой, невеста в комнате».
- ¹⁹⁴ См. аналогичное веровние в разделе «Народные легенды Нидерландов», глава «Красная ткань».
- ¹⁹⁵ См. раздел «Народные легенды Нидерландов», главу «Могильщик».
- ¹⁹⁶ Westendorp, *N. Myth.*, p. 518. См. также p. 547.

СОДЕРЖАНИЕ

НОРДИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И НАУЧНЫЕ МИФЫ. *Андрей Кондратьев* 3

ВВЕДЕНИЕ. <i>Жаклин Симпсон</i>	21
АББРЕВИАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРА	26
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ	27
ПРЕДИСЛОВИЕ	28

ТОМ I

СЕВЕРНАЯ МИФОЛОГИЯ С ПОЯСНЕНИЯМИ

ВВЕДЕНИЕ	31
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	32
Земля и Небо	35
Война	37
Боги	38
Богини	46
О Слейпнире, коне Одина	48
О корабле Скидблатнир (Скитблатнир)	49
Происхождение скальдического или поэтического искусства	50
О похищении и возвращении Идун	51
О Ньёрде (Niörthr) и Скади (Skathi)	52
О Фрейре и Герд (Gerthr)	53
Об отпрысках Локи	55
Тор в доме Гейррёда (Geirröthr)	56
О Торе и Утгарда-Локи	58
О Торе и Змее Мидгарда	62
О Торе и Великане Хрунгнире	64
О Рагнарёке, сумерках богов или гибели богов и всего мира	68
О Рагнарёке в соответствии с Эддой Снорри	69
О Новом Мире	70
Сага о Вёлунде	71
О Торгерд Хёргабруд (<i>Thorgerdr Hörgabrúdr</i> или <i>Hölgabrúdr</i>) и Ирпе	73
Сага о Вёлсунгах и Гьюкингах или Нибелунгах	74
О Рагнаре и Торе	81
О Рагнаре и Аслауг	82

Фюлгии: Вардёл, Хам, Хамингия, Дис, Ваэтт и Драуг.....	83
Хам и хамингии.....	84
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	85
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.....	96
Сотворение мира.....	96
Гномы и люди.....	99
Ваны.....	101
Эльфы и гномы	102
Земля и небо.....	103
ТОР.....	111
Браги и Идун (Idunn, Ithudr).....	119
Сага.....	120
Вида ²⁰²	121
Эгир и Ран.....	124
Гибель и возобновление мира.....	126
ПРИЛОЖЕНИЕ	127
Песнь о Гротти	127
Три важных языческих праздника	128
Рябина, или горный клен	130
О местах поклонения	130
О ведовстве и чародействе	130
Краткое изложение германской мифологии	134
ПРИМЕЧАНИЯ.....	163

Том II

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И СУЕВЕРИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

ВВЕДЕНИЕ.....	200
НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НОРВЕГИИ	208
Призраки.....	218
Нок	218
Грим или фоссегрим.....	220
Роре-трольд	220
Брунмиги	220
Кваернкнурре	220
Финнгалкн	221
Птица Гертруды	221
Аасгаардсрейя (Дикая Охота)	221
Водяные (марменнилл) и русалки (маргигр)	222
Морской змей	223
Драконы.....	224
Покалеченная рука	225
О св. Олафе	226
О св. Олафе и первой церкви в Норвегии	228
Св. Олаф в Ваалере	229
Св. Олаф в Рингериге	230

Аксель Тордсен и Белокурая Вальдборг	231
Сигне-кьяерринг или ведьма	233
НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ШВЕЦИИ	234
Рожество или канун Рождества	234
Современные легенды об Одине	234
Современные легенды о Торе	235
О качающихся и громовых камнях	236
Суеверия, связанные с воровством	236
Финские предрассудки	237
Великаны и карлики	237
Сон короля Эрика	238
О Бьерне Шведском, Ярле Ульфе и Кнуте Великом	239
Христианско-языческие легенды о троллях и т.д.	240
Об эльфах	240
Дикая охота	252
Волшебные звери	252
Тролли	253
Дорога великана	256
Томте, или шведский ниссе	256
Вороны-пислинги и милинги-скраты	258
Вервольф	259
Джек О'Лантерн	259
Баран из Гетаберга	259
Дракон и Белый Змий	260
Нежданные свадебные гости	261
О соборе в Лунде	261
Церковный призрак и церковный агнец	262
Калла (колодец) Хелиге Тора	262
О Деве Марии	262
Святочная солома	263
Бьяраан или Баре	263
Канун середины лета	264
Рождество	264
Кукушка	265
Шведские народные верования	265
НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ДАНИИ — ТРОЛЛИ, НАРОД КУРГАНОВ,	
ИЛИ ГОРНЫЙ НАРОД, НАРОДЫ ЭЛЬФОВ И ГНОМОВ	268
Происхождение троллей	268
Народ эльфов	268
Король Клинт с острова Мёэн	272
Подземный народ Борнхольма	273
Горный народ одалживает пиво	273
Народ эльфов под очагом	274
Фру Метте	274
Подземный народ обращается к повитухе	274
Тролли в Углерупе	275

Повитуха из Фуура	276
Скотте	276
Король Пиппе мертв!	277
Троль в Маехреде	277
Человек из Ёкснебиерга	277
Непрошенные гости	278
Эллевильде или одержимые эльфами	278
Брудехёй, или Гора невесты	279
Ганс Пунтэзер	279
Опоздавшая невеста	279
Бондеветте	280
Дочь великана и землепашец	281
Свенд Фаеллинг	281
Алтарные чаши	282
Троль из Красного камня	284
Перчатка троля	285
Обманутый троль	285
Регинал	286
Гилликоп	286
Тролли хотят спасения	287
Троль боится креста	287
Троль боится грозы	287
Тролли ненавидят колокола	288
Тролли покидают Вендсиссель	289
Народ эльфов покидает Аерё	289
Тролли бросают камни в церкви	290
Ниссе или нисс	290
Киркегрим (церковный грим)	294
Киркегрим и береговые варселы (стрэндварселы)	294
Хильдемоер-Эльдер	295
Оборотень	295
Мара	296
Русалки и водяные	296
Подменыши	298
Как отличить подменыша	299
Дьявол	300
Книга Киприануса	305
О ведьмах	306
Шкипер из Аархууса и лапландец	308
О Фрит Скуда	309
Легенды о призраках	309
Наказание за передвижение межевых столбов	313
Дитя Воскресенья	314
Духи в церкви Св. Кнуда в Оденсе	314
Ганс Наеб	314
Прозорливая женщина	314

Мастер Мадс и герр Андерс	315
О драконах	315
Мать-лошадь	316
Хель-лошадь	316
Церковный агнец	317
Могильная свинья	317
Ночной ворон	317
Джек О'Лантерн или Джек с фонарем	318
Василиск	318
Иерусалимский башмачник или Вечный жид в Ютландии	318
Об озерах, бездонных водоемах и т.п.	319
Легенды о колодцах	320
Песчаные холмы в Нестведе	321
О деревьях	321
Одинокй колючий кустарник	322
О Черной смерти в Ютландии	322
Охотник за крысами	322
Исторические предания	322
Об исторических персонажах, семейных традициях и т.д.	331
Легенды городов и других мест	334
О церквях и монастырях	335
Легенды о домах	340
Легенды о священниках и знахарях	342
Сокровища и искатели сокровищ	344
Легенды о разбойниках	345
День Вольдборга	346
Монах Руус (продолжение главы «Монах Руус» этого же раздела)	346
ДАТСКИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ	348
КОММЕНТАРИИ	351

Том III

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ВЕРОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ

И НИДЕРЛАНДОВ

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ ШЛЕЗВИГА, ГОЛЬШТЕЙНА, ЛАУЕНБУРГА	361
Сотворение Адама (по древней фризской легенде)	361
Эренганг — дорога славы	361
Липовое дерево в Норторфе	362
Святая Дева на лошади	362
Танцор	362
Дьявол и картежники	363
Маячные костры	363
В субботний вечер нельзя прясть	364
Нельзя прясть и в двенадцать дней Святки	364
Канун Нового года	365
Литургия усопших	365

Призрак из Грамма	365
Гонгеры	366
Ставен-вюфке	367
Землемер	367
Черная школа	367
Крепкочтение	368
Крепкописание	369
Переворачивание сита	369
Провозглашенный убийца	370
Волшебный котелок	370
Дьявольский кот	371
Мёнёлоке	371
Ведьмы в Фрисландии	371
Ведьмы и колдуны	372
Ведьмин дар	373
Вязание узлов	373
Кровь св. Иоанна	374
Восковая фигура	374
Ведьмы и набивка тюфяка	374
Ведьмы крадут масло	375
Покалеченная рука	375
Ведьма в образе зайца	375
Оборотни	376
Длинная лошадь	376
«Маннигфуал» или гигантский корабль	376
Василиск	377
Ночная мара	377
Хель-лошадь	377
Огни в воде	378
О подземном народе	378
Ённербанкиссены в Фёгедсхоогe	379
Подземные горшечники	379
Подземный кузнец	379
Одолженные котлы	379
Драгедукке	380
Крестные	380
Барабанный бой	380
Мельничный жернов, подвешенный на шелковой нити	380
Пингель мертв!	381
Строитель Зи	382
Отец Финн	382
Дом с девяносто девятью окнами	383
Экке Неккепенн	383
Вырезанные подоби́я	384
Пойманный подземный житель	384
Подброшенные дети	385

Килькропп	386
Подземный народ переселяется	387
Вольтеркены — нисс-пуки — бюземанны — ниске	387
Подземные жители подлизывают молоко	388
Клабойтерманн	388
О семье Ранцау	389
Волшебный меч Иосии Ранцау	391
Мы переезжаем!	391
Змеиный король	392
Громовой камень	393
Звезды	393
Лунный человек	393
Ганс Дюмкт	393
Вечный жид	394
Воде	394
Человек без тени	395
Дьявол против дьявола	396
Ведьмы забирают масло	398
Заколдованные телята	399
Предвидение	399
Чаша для причастия в Виэле	399
Белая женщина	400
НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ МЕКЛЕНБУРГА, МАРКИ, САКСОНИИ, ТЮРИНГИИ,	
БРУНСВИКА, ГАННОВЕРА, ОЛЬДЕНБУРГА, ВЕСТФАЛИИ	400
Фру Года	400
Клабаутерсманнекин или пуксе (pûkse)	401
Конская мара	402
Женщина-оборотень	402
Хекеталер	402
Украденное молоко	403
Разоблаченные ведьмы	403
Хюненштайне (Огромные камни)	404
Лошадь выходит из воды	404
Старая Фриск	404
Скачка ведьм	405
Кобольды, или гоблины	406
Длинноногий Джек О'Лантерн	407
Джек О'Лантерн прогоняется проклятием	407
Пойманный Джек О'Лантерн	407
Фрау Харке	408
Никельманн, или ник	408
Принцесса Илзе	408
Ганс фон Хакельнбёренд	410
Ведьмы в Гиттельде	412
Рудничный монах (Bergmonch)	413
Горные демоны	413

Ночной ворон, или Вечный возница	414
Фрау Хулле (Хольда, Хульде)	414
Легенды Киффхойзера	416
Кузнец из Ютербогга	417
Вундерблуме (Волшебный цветок)	418
Пояс оборотня	419
Легенды о гномах	419
ЛЕГЕНДЫ ХЮБИХЕНШТАЙНА	420
Король гномов	420
Восхождение на Хюбихенштайн	420
Серебряная еловая шишка	423
Колокольный пруд	424
Колокол в Коемхаузене	425
Дети Гамельна	425
Белые призраки в Люнингзберге	426
Роза Хильдесхайма	427
Кузнец из Хюггеля	427
Олений вор	428
Фрайшютц (Вольный стрелок)	429
Ольденбургский рог	430
Кукушка и Плеяды	431
СЕВЕРОГЕРМАНСКИЕ ПРЕДАНИЯ И СУЕВЕРИЯ	432
Масленица	432
Сретение	432
Пасха	432
Первое апреля	433
Майский праздник	433
Троицына неделя	435
Праздник Св. Иоанна, или Иванов день	435
Обычаи, связанные с уборкой урожая	436
Михайлов день	437
Мартинов день	437
Канун Андреева дня	437
Рождество	439
Новый год	441
Двенадцать дней Святков	442
Сверхъестественные существа святочной поры	443
Март-Марте-Мартен-Нахтмарт (Ночной кошмар)	444
Драк — Кобольд — Огненный драк	445
Карлики	446
Джек О'Лантерн	446
Никс	446
Дикий охотник	447
Дьявол	447
Свадьба	447
Рождение и крещение	448

Смерть и похороны	448
Раны, болезни и т.д.	449
Дом, поле и т.д.	459
Для определения вора	460
Для определения вора	461
Птицы, и т.д.	464
Бузина	466
Природные стихии и явления	466
Разные поверья	467
НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НИДЕРЛАНДОВ	469
Кабоутерманнекины	469
Клудде	472
Оссхаерт	473
Неккеры	474
Три никсены из Юпилле	475
Флерус	475
Вервольф	476
Маере	476
Кузницы гномов	478
Лоддер	478
Ведьмачество	479
Длинный Ваппер из Антверпена	480
Дикая охота	484
Подарок Дикого охотника	485
Вечный охотник в Винендаеле	485
Крещение Джеков О'Лантернов	485
Верховая лошадь Малеге	485
Смычок	489
Обманутый скрипач	490
Скрипач и Висельное поле в Антверпене	491
Свадебное торжество в Каррон-Сент-Мартин	491
Езда на телятах	492
Женщина превращается в лошадь	493
Стокхемские коты	493
Обожженная ведьма	494
Красная ткань	495
Измученная ведьма	495
Пронзенный туз червей	495
Потерянная цепь	496
Переставленные межевые знаки	496
Храбрый солдат из Антверпена	497
Марикен из Нимвегена	499
Дьявол из Недербраекеля	503
Одураченный дьявол	504
Фрейшютц	505
Амбар Монтекувеца	506

Амбар дьявола в Галлемаерде.....	507
Как стать невидимым.....	507
«Странствующая матушка»	507
Бесприютная роженица	507
Ванне Текла.....	508
Вечный жид	508
Эльфы.....	508
Флаббаерт	508
Почему евреи не едят свинину.....	509
Месса привидений	509
Альвина	509
Роодселкен	509
Горящий землемер	510
Сутаны, подвешенные на солнечных лучах	510
Белые девы (witte juffers) и белые женщины (witte wijven) в Фрисландии	510
Три сестры.....	510
Память св. Гертруды.....	511
Лилия.....	511
Сердце из перьев	511
Любовная магия	512
Нога вора — рука вора — палец вора	513
Волшебный меч.....	513
Мазь ведьм	514
Молоко украденное — молоко битое.....	514
Кража зерна.....	515
Пойманный колдун.....	515
Обращение колдовства	516
Могильщик	516
Гроб	517
Зевенберген.....	517
Как граф Балдуин из Фландрии женился на бесовке.....	517
Браконьер из Веттерен-Овербеке	520
Кровавая повозка из Антверпена.....	521
Песчаные ворота в Мехлине	521
Шахматная партия с дьяволом	522
Фалькенберг.....	523
Монах из Аффлигхема.....	524
Св. Юлиан — перевозчик.....	525
Лоэнгрин и Эльза — Лоэнгрин и Белае.....	527
Рыцарь и лебедь.....	529
Годфрид Бульонский и лебедь.....	530
Лебединый рыцарь.....	530
НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ	540
КОММЕНТАРИИ	543

Научно-популярное издание

Торп Бенджамин

НОРДИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Генеральный директор *А.А. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Е.С. Лазарев*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Хренов*

Оформление и подготовка обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.07.2008. Формат 70×100 1/16.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 35. Тираж 3000 экз. Заказ № 8534.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов

в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Нордическая мифология

Поистине волшебны и исполнены вечной тайны предания Севера — о феях и великанах, гномах и гоблинах, о сокрытых кладах: то ли самоцветах и золотых слитках, то ли о сокровищах мудрости...

Уникальный, энциклопедически глубокий труд принадлежит перу знаменитого английского мифолога середины XIX века Бенджамина Торпа, сподвижника братьев Гримм и немецких романтиков. Он не устарел и поныне и станет прекрасным пособием для преподавателей и студентов, да и просто драгоценным подарком каждому ценителю колдовского обаяния древней Европы.

ISBN 978-5-9533-1938-6

9 785953 319386

